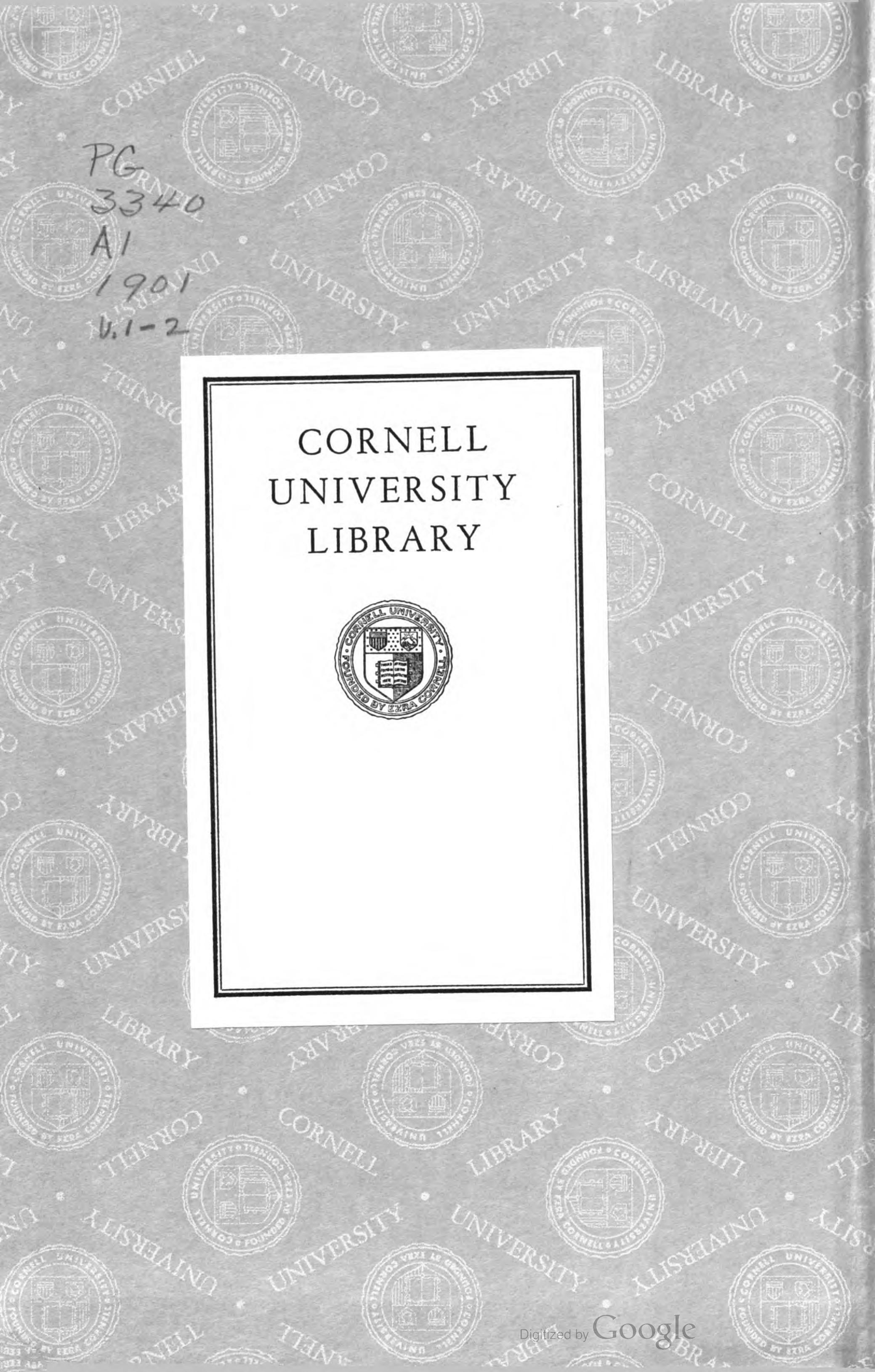
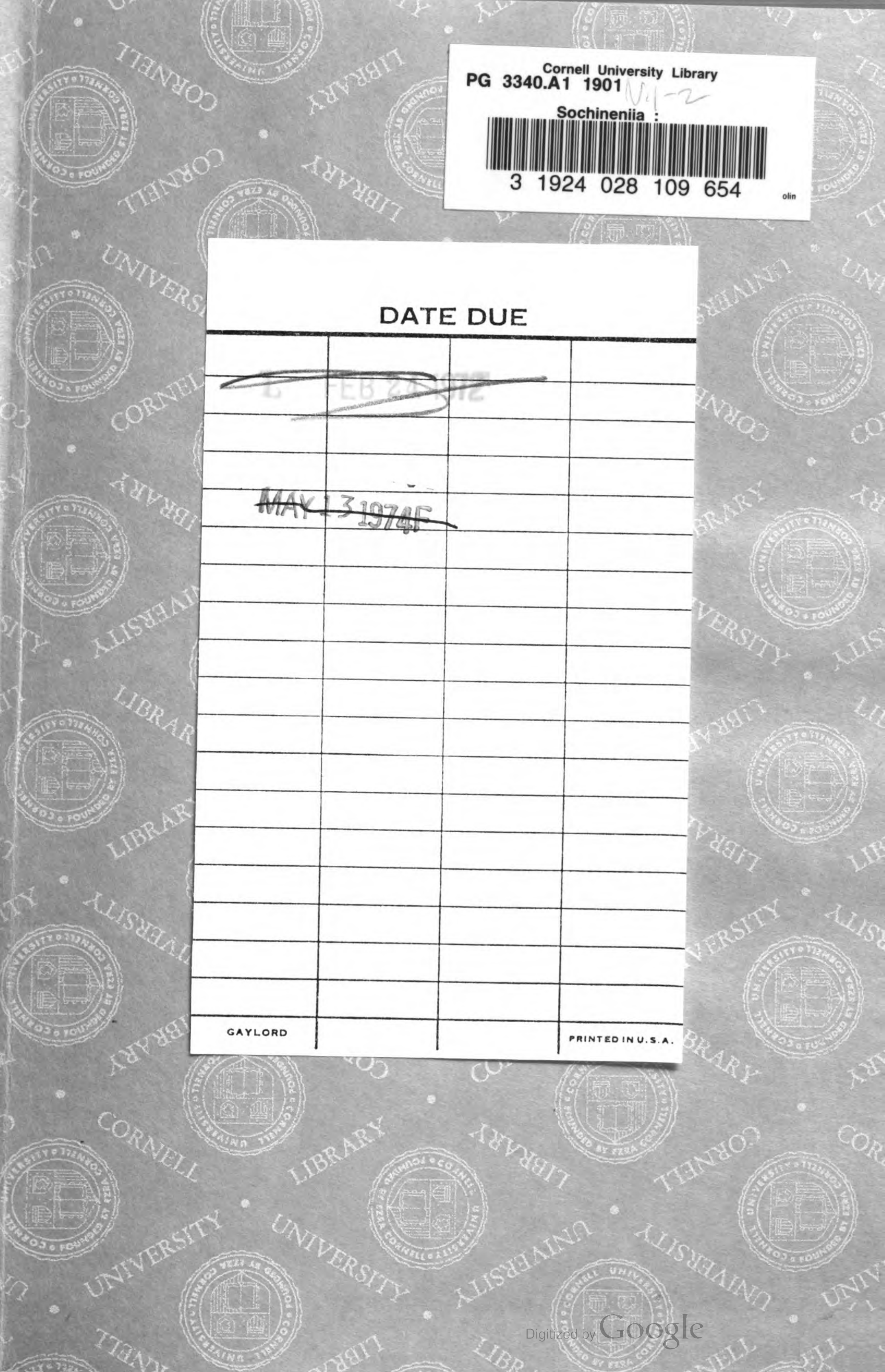




DATE DUE

~~FEB 28~~			
~~MAY 13 1974 F~~			

GAYLORD PRINTED IN U.S.A.

М. Бородин
1926 г.

СОЧИНЕНІЯ
А. С. ПУШКИНА
СЪ ОБЪЯСНЕНІЯМИ ИХЪ
и
СВОДОМЪ ОТЗЫВОВЪ КРИТИКИ.

ИЗДАНІЕ
Льва Поливанова
ДЛЯ СЕМЬИ и ШКОЛЫ.

ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіей Наукъ удостоены первой золотой медали имени Гр. Д. А. Толстого.

Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. удостоено первой преміи Петра Великаго.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Изданіе третье, исправленное и дополненное.

Съ двумя портретами Пушкина.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская улица, соб. д.
Москва—1905.

Предисловіе.

Совершившееся нынѣ пятидесятилѣтіе со дня кончины Пушкина расширитъ число его читателей; появятся многія изданія его сочиненій; внѣшняя преграда—высокая продажная цѣна произведеній Пушкина — нынѣ исчезаетъ, и они будутъ теперь въ рукахъ каждаго грамотнаго человѣка, и кончившаго и не кончившаго свое образованіе. Но достаточно ли только одного этого?

Не чувствуетъ ли каждый читатель Пушкина живой потребности при чтеніи его сочиненій узнать ближе своего поэта и въ жизни, и въ тѣ минуты творчества, когда съ перомъ въ рукахъ создавалъ онъ свои произведенія, которыя полувѣковымъ судомъ признаны геніальными? Не возникаетъ ли у него тысяча вопросовъ о самыхъ предметахъ, возбуждавшихъ геніальную мысль поэта въ каждый періодъ его жизни? Современный читатель, окруженный уже иною жизнію, во многомъ столь не похожею на ту, которая возрастила читаемаго поэта, не чувствуетъ ли потребности въ разъясненіи множества обстоятельствъ, которыя были сами собою ясны предшествующему поколѣнію читателей и не могутъ быть извѣстны поколѣнію новому? Нѣкогда живые спутники поэта, его друзья и недруги, которые входили не только во внѣшній, но и въ поэтическій кругъ его представленій; общественный строй, окружавшій поэта, когда онъ самъ составлялъ нераздѣльную часть этого общества; тѣ государственныя событія, которыя въ немъ, какъ въ чуткомъ современникѣ, находили свой выразительный откликъ, разносившій его чувство или думу

по рядамъ современниковъ, чутко къ нимъ прислушивавшихся; даже личныя его тревоги и радости, которымъ онъ умѣлъ находить изумительно-многообразное выраженіе, — все это не встаетъ ли цѣлымъ рядомъ вопросовъ передъ каждымъ читателемъ, который привыкъ не поверхностно знакомиться съ читаемымъ, но которому оно западаетъ въ душу и который слѣдовательно не одинъ разъ возвращается къ прочитанному и любитъ подумать надъ нимъ?

Что сочиненія Пушкина будутъ читаться нынѣ большимъ числомъ лицъ—это, конечно утѣшительно: но немаловажно и то, **какъ** будутъ читаться они. Кому не извѣстно, что нерѣдко читатели нашего времени, какъ юноши, такъ и не юноши, обращаются къ Пушкину съ интересомъ крайне ограниченнымъ. Иной въ жизни великаго поэта заинтересованъ лишь исторіей его сердечныхъ привязанностей и увлеченій; другой, опуская всю поучительную повѣсть его самовоспитанія и поэтическаго роста, старательно выискиваетъ тѣ случаи его литературной дѣятельности, гдѣ она встрѣчалась съ препятствіями цензурнаго вѣдомства, или ограничиваетъ весь интересъ свой къ Пушкину какъ къ лицу, не ладившему съ администраціей. Такой односторонній интересъ къ первоклассному поэту граничитъ съ полнымъ къ нему равнодушіемъ. Есть даже и такіе люди—и они также считаютъ себя почитателями Пушкина, — которые изъ всей его жизни ничѣмъ не интересуются столько, какъ исторіею его дуэли... Такъ относится къ Пушкину полуобразованная часть общества, среди которой живетъ и масса юношества, пріучаясь съ голоса старшихъ судить о первомъ поэтѣ своего народа.

Мое изданіе, не имѣя претензіи отвѣтить на всѣ указанные выше вопросы, естественно возникающіе при чтеніи Пушкина, однакоже имѣетъ въ виду тѣ изъ нихъ, которые касаются существенной стороны жизни Пушкина—его поэтическаго творчества. Эта сторона должна прежде всего остановить на себѣ вниманіе читателей. Съ нею же имѣетъ преимущественно дѣло школа.

Среди общества, гдѣ полуобразованная масса къ сожалѣнію подавляетъ своею численностію слой, называемый по праву

образованнымъ, школа обязана съ особенною силою содѣйствовать правильному взгляду на національнаго геніальнаго поэта.

Среднее образованіе не можетъ считаться полнымъ, если окончившій его не познакомится основательно съ важнѣйшими произведеніями и не вынесетъ живого образа каждаго изъ тѣхъ немногихъ лицъ, которымъ принадлежитъ первое мѣсто въ созданіи русской литературы. Жизнь такихъ писателей, ихъ характеръ, обстановка, постепенный ходъ развитія должны предстать возможно живо даже и юному читателю, и всякій образующійся долженъ мысленно прожить съ каждымъ изъ этихъ создателей русскаго просвѣщенія. Польза такого знакомства съ избранными соотечественниками незамѣнима какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи.

Но если въ числѣ этихъ избранныхъ соотечественниковъ находится поэтъ геніальный, въ теченіе многихъ лѣтъ своими произведеніями поднимавшій и мысли, и чувства двухъ поколѣній всей читающей Россіи, облагораживавшій поэтическимъ словомъ своимъ всякое человѣческое чувствованіе, всякое представленіе,—то не обязана ли школа новаго времени всѣми средствами сблизить воспитываемое ею третье поколѣніе съ этимъ геніальнымъ поэтомъ?

Если другихъ первоклассныхъ писателей нашихъ, какъ Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ, не достаточно читать въ ограниченныхъ отрывкахъ хрестоматіи, то такое чтеніе произведеній Пушкина нынѣ, когда внѣшнія препятствія къ распространенію его сочиненій устраняются, не могло бы найти никакихъ оправданій. Произведенія Пушкина должны стать настольною книгою каждаго русскаго юноши, претендующаго завершить свое среднее образованіе. Нѣтъ нужды дѣлать всѣ произведенія поэта, столь близкаго къ нашему времени, непремѣнно предметомъ занятій классныхъ—на это не стало бы и времени,— но непосредственное знакомство съ ними должно стать обычаемъ всякой порядочной школы. Читая иное въ классѣ, иное внѣ класса, учащійся долженъ знакомиться съ ними не въ отрывкахъ, а по возможности вполнѣ. Преподаватели знаютъ, какъ исполнить это: имъ недостаетъ лишь необходимыхъ для того пособій.

Теперь пособія эти не замедлятъ явиться, и чѣмъ болѣе явится ихъ, тѣмъ лучше: но желательно, чтобы издатели такихъ пособій не оставляли читателя безъ надлежащаго руководствованія.

Предлагаемое изданіе сочиненій Пушкина имѣетъ въ виду дать не только тексты его произведеній въ возможной для указанной цѣли полнотѣ *) и исправности, но при каждомъ произведеніи представить, такъ сказать, исторію его, дать необходимый для пониманія его реальный комментарій и выяснить художественную цѣну произведенія.

Для достиженія перваго мною указываются, согласно выясненнымъ донынѣ даннымъ, время и мѣсто написанія каждаго произведенія, поводъ къ его написанію и тѣ измѣненія, которымъ оно подвергалось; если произведеніе подражательное, то оно сличается съ тѣмъ образцомъ, который послужилъ Пушкину; если переводное — приводится самый текстъ подлинника; приводятся также и источники оригинальныхъ произведеній Пушкина. Отдѣльныя произведенія, такъ объясненныя, приводятся въ связь съ предшествующими; это сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы наглядно показать постепенный ходъ въ развитіи творчества поэта. Читатель увидитъ, что эти разъясненія, обыкновенно помѣщаемыя мною передъ самымъ произведеніемъ, порою получаютъ значительные размѣры; но пусть не спѣшитъ онъ упрекнуть меня въ излишней полнотѣ ихъ, ссылаясь на то, что для неспеціалиста это излишне. Я настаиваю на этой полнотѣ вступительныхъ замѣтокъ моихъ потому, что только обстоятельное разъясненіе можетъ привести къ цѣнному выводу; безъ того весь выводъ теряетъ всякую силу: онъ будетъ общимъ мѣстомъ, фразою, не болѣе. Желательно, чтобы мы перестали и сами повторять, и обременять память учащихся ходячими общими мѣстами о литературныхъ произведеніяхъ;

*) Что касается до полноты моего изданія, то въ немъ сохранено все, что представляетъ художественный интересъ и заслуживаетъ общаго вниманія; такого, что было бы неумѣстнымъ въ изданіи для семьи и школы, у Пушкина оказалось весьма немного. Вотъ почему я не счелъ возможнымъ назвать свои изданіе „*избранными* сочиненіями“.

самому учащемуся легче усвоить сужденіе объ историко-литературномъ фактѣ, если онъ ознакомится съ самимъ этимъ фактомъ. И нѣтъ ничего безплоднѣе, какъ заучивать, напримѣръ, фразы о байронизмѣ первыхъ поэмъ Пушкина, или о благотворномъ вліяніи на него Шекспира при созданіи „Бориса Годунова", и нѣтъ ничего легче, какъ понять и то и другое, ознакомившись на точныхъ указаніяхъ комментарія съ этими литературными фактами.

То, что я назвалъ выше исторіею каждаго произведенія, получаетъ особенную важность въ отдѣлѣ лирическихъ стихотвореній. Выясненіе происхожденія ихъ, въ значительномъ большинствѣ, неразрывно съ біографіей поэта. Вотъ почему комментарій всего перваго тома моего изданія есть, такъ сказать, послѣдовательная біографія Пушкина. Раздѣливъ его жизнь по внѣшнимъ ея обстоятельствамъ на 9 отдѣловъ, я предпосылаю каждому сжатый очеркъ внѣшней жизни поэта въ связи съ краткимъ обзоромъ литературной дѣятельности тѣхъ годовъ, которые къ этому отдѣлу относятся; затѣмъ во вступительныхъ замѣткахъ къ самимъ произведеніямъ читающій вводится уже въ тѣ подробности его жизни и поэтической дѣятельности, которыя служатъ къ возможно близкому знакомству съ внутреннею жизнію поэта, знакомству, составляющему существенно важное дѣло при изученіи такого писателя, какимъ былъ Пушкинъ.

Этотъ отдѣлъ комментарія захватываеттъ и тѣ явленія исторіи литературы, современной Пушкину, которыя были въ непосредственной связи съ литературною дѣятельностію самого его. Онъ является здѣсь окруженный другими писателями— Батюшковымъ, Жуковскимъ, Дельвигомъ, Языковымъ, кн. Вяземскимъ, Д. Давыдовымъ, Баратынскимъ, Плетневымъ, Погодинымъ и др. Переживая вмѣстѣ съ Пушкинымъ путь его поэтической дѣятельности, читатель знакомится, насколько нужно, и съ этими лицами его эпохи, какъ съ необходимымъ дополненіемъ его поэтической жизни. Когда нужно, мои примѣчанія знакомятъ читателя и съ явленіями въ области литературъ иностранныхъ, если они имѣютъ связь съ трудами Пушкина.

Таковы средства, избранныя мною для исполненія первой задачи, поставленной при этомъ изданіи.

Вторая задача—дать необходимый реальный комментарій—исполнена большею частію въ выноскахъ, сопровождающихъ самые тексты произведеній, если эти объясненія не даны уже вступительною замѣткою біографическаго содержанія.

Наконецъ, третья и самая важная для мыслящаго читателя часть объясненій—оцѣнка произведеній Пушкина—исполнена мною преимущественно сводомъ важнѣйшихъ критическихъ отзывовъ о каждомъ произведеніи. Эти отзывы расположены по большей части хронологически. Первое мѣсто отводится мнѣніямъ современниковъ Пушкина или его самого, если онъ высказалъ гдѣ-либо самъ оцѣнку своего произведенія. Затѣмъ уже приводятся сужденія критиковъ позднѣйшаго времени ихъ подлинными словами. Такимъ образомъ читатель знакомится не только съ постепеннымъ развитіемъ таланта, но и съ постепеннымъ ходомъ оцѣнки нашего національнаго поэта.

Эти выдержки изъ критиковъ—у меня не простыя перепечатки ихъ отзывовъ. Кому не извѣстно, какъ подчасъ далеко отклоняются наши критики отъ главнаго предмета своего разсмотрѣнія? Строго выдерживая цѣль каждаго критическаго комментарія, я сохранилъ въ немъ порядокъ, дабы не отклонять и не разсѣивать читателя посторонними дѣлу разсужденіями. При такомъ условіи выдержки изъ Бѣлинскаго получаютъ большую цѣну, потому что, несмотря на указанный выше недостатокъ, никто изъ критиковъ нашихъ не обладалъ такимъ вѣрнымъ художественнымъ чувствомъ, какъ онъ — и строго держась именно этихъ проницательныхъ его оцѣнокъ, издатель получаетъ превосходный эстетическій комментарій. Кромѣ Бѣлинскаго, читатель въ изданіи моемъ будетъ читать Пушкина подъ руководствомъ всѣхъ крупныхъ цѣнителей его, какъ современныхъ ему, такъ и позднѣйшихъ, установившихъ въ нашей литературѣ взглядъ на этого верховнаго поэта нашего.

Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что составленіе мно-

госторонняго комментарія, какимъ я счелъ нужнымъ обставить произведенія Пушкина, дабы чтеніе ихъ приводило къ надлежащему пониманію поэта, дѣло не легкое. Уже одна компилятивная работа потребовала знакомства съ обширною литературою о Пушкинѣ, которая въ послѣднее время получила значительные размѣры.

Но не мало пришлось мнѣ по необходимости взять и на себя самого, такъ какъ въ литературѣ этой, столь обильной біографическими мелочами, оказывается большой пробѣлъ въ изслѣдованіи источниковъ, которыми пользовался Пушкинъ въ своихъ произведеніяхъ, а въ особенности тѣхъ образцовъ, которымъ онъ подражалъ или которые переводилъ. Для достиженія этой цѣли мнѣ пришлось сличить подражанія Шенье, Байрону, древнимъ поэтамъ въ лирическихъ піесахъ Пушкина съ оригиналами; почти каждое и изъ крупныхъ произведеній потребовало также пересмотра писателей, которые отразились на немъ, и источниковъ, которымъ Пушкинъ пользовался: укажу на такое объясненіе „Руслана и Людмилы", „Кавказскаго Плѣнника", „Бахчисарайскаго Фонтана", „Цыганъ", „Бориса Годунова", „Евгенія Онѣгина", въ особенности „Подражаній Корану", „Полтавы" и „Пѣсенъ Западныхъ Славянъ".

Каждый отдѣлъ произведеній Пушкина — произведенія лирическія, поэмы, драмы, повѣсти и проза, — занимая особый томъ, расположенъ мною въ порядкѣ хронологическомъ. Я не принялъ одного сплошного хронологическаго порядка всѣхъ произведеній. Такой порядокъ обыкновенно затираетъ лирическія стихотворенія поэта крупными его произведеніями, среди которыхъ трудно бываетъ и отыскать нужное стихотвореніе; въ моемъ же изданіи, гдѣ объясненія лирическихъ произведеній опираются на основу біографическую, они отвлекали бы читателя отъ нити, связующей эти объясненія между собою: наконецъ, самый характеръ крупныхъ произведеній Пушкина по большей части объективный, быть можетъ, требуетъ хронологическаго ихъ расположенія среди мелкихъ стихотвореній менѣе, нежели сочиненія всякаго другого поэта; и все же время написанія и появленія въ печати каждаго произведе-

нія у меня тщательно обозначается, а во вступительныхъ замѣткахъ разъясняется отношеніе его къ предыдущимъ произведеніямъ, и читателю всегда остается яснымъ, къ какому періоду жизни Пушкина относится читаемое произведеніе. Что же касается расположенія произведеній въ каждомъ томѣ въ отдѣльности, то здѣсь хронологическій порядокъ, конечно, необходимъ. Безъ того не можетъ быть и правильнаго комментарія.

Января 6, 1887.

Портретъ Пушкина-лицеиста, акварель, принадлежалъ первоначально бывшему директору Лицея Е. А. Энгельгардту, потомъ перешелъ къ товарищу поэта Матюшкину и имъ подаренъ Е. Д. Куломзиной (урожд. Замятиной) *).

Портретъ, писанный Кипренскимъ — фототипія съ котораго приложена при этомъ томѣ, исполненъ по заказу бар. Дельвига и былъ купленъ Пушкинымъ по его смерти у вдовы его за 1000 руб. **). Нынѣ онъ составляетъ собственность старшаго сына поэта.

Второе изданіе является пополненнымъ въ комментаріи и исправленнымъ какъ въ текстахъ, такъ и въ примѣчаніяхъ, согласно новымъ даннымъ, явившимся послѣ 1887 года.

Октябрь. 1892. **Левъ Поливановъ.**

Въ третьемъ изданіи текстъ стихотвореній Пушкина лицейской поры (1812 — 1817) сличенъ съ текстомъ ихъ въ изданіи Императорской Академіи Наукъ 1900 г.; помѣщенные варіанты сопровождаются указаніемъ источника въ формѣ: (Акд. изд.).

Изд.

Декабрь. 1904.

---

*) См. „Въ память пятидесятилѣтія кончины А. С. Пушкина". Изд. И. Александровскаго Лицея. Спб. 1887. Стр. II.

**) Павлищевъ. Изъ сем. хроники, гл. XXIV. И. В. 1888, іюль.

I.

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и Ко., Москва.

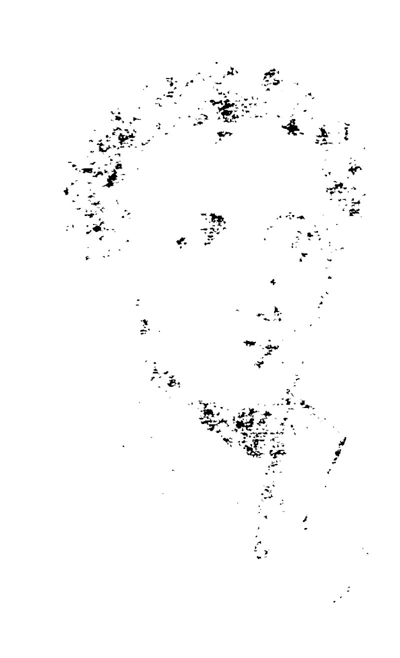
А. С. Пушкинъ.
(1817.)

Лицейскія [illegible]

[illegible]

Пора лицейскихъ стихотвореній Пуш[illegible] подражаніемъ [illegible]ской французской поэзіи и современнымъ [illegible] поэтамъ.

Домашнее воспитаніе Пушкина, [illegible] поступленію его въ [illegible]рскосельскій Лицей, представляло [illegible] для сильнаго вліянія на него французскихъ писателей: [illegible] домашняя библіотека [illegible] отца Сергѣя Львовича и большинство [illegible] его воспитывавшихъ, не [illegible]ключая отца. Пушкинъ поступилъ въ Лицей настолько овладѣвши французскимъ языкомъ и усвоивъ пріемы французскаго остроумія, за что получилъ [illegible] товарищей прозваніе „француза“. Ненормальное это воспитаніе, бывшее причиною того, что первыя дѣтскія стихотворенія будущаго рус[illegible]наго народнаго поэта были сочиняемы имъ на французскомъ языкѣ въ [illegible]ражаніе Мольеру и Вольтеру, не могло однако же лишить русскаго [illegible]чика благотворнаго вліянія русской жизни. Жизнь въ Москвѣ и въ [illegible]сковной деревнѣ, ласки бабушки и няни, бесѣды русскихъ писа[illegible] въ домѣ отца и общество товарищей юности въ Лицеѣ, въ числѣ [illegible]ыхъ было не мало дѣтей изъ средняго общественнаго слоя, наконецъ [illegible] лучшихъ русскихъ новыхъ и старыхъ писателей,—все это представило [illegible]ный противовѣсъ иноземному вліянію при развитіи чувствъ и языка [illegible]наго юноши.



I.

Лицейскія стихотворенія.

(1812—1817.)

Не весь я преданъ тлѣнью.
Съ моей, быть можетъ, тѣнью
Полуночной порой
Сынъ Феба молодой,
Мой правнукъ просвѣщенный,
Бесѣдовать придетъ,
И мною вдохновенный
На лирѣ воздохнетъ.

Городокъ (1814).

Пора лицейскихъ стихотвореній Пушкина характеризуется подражаніемъ легкой французской поэзіи и современнымъ русскимъ поэтамъ.

Домашнее воспитаніе Пушкина, предшествовавшее поступленію его въ Царскосельскій Лицей, представляло всѣ условія для сильнаго воздѣйствія на него французскихъ писателей: таковы были домашняя библіотека его отца Сергѣя Львовича и большинство лицъ, его воспитывавшихъ, не исключая отца. Пушкинъ поступилъ въ Лицей настолько овладѣвши французскимъ языкомъ и усвоивъ пріемы французскаго остроумія, за что получилъ отъ товарищей прозваніе „француза". Ненормальное это воспитаніе, бывшее причиною того, что первыя дѣтскія стихотворенія будущаго русскаго народнаго поэта были сочиняемы имъ на французскомъ языкѣ въ подражаніе Мольеру и Вольтеру, не могло однако же лишить русскаго мальчика благотворнаго вліянія русской жизни. Жизнь въ Москвѣ и въ подмосковной деревнѣ, ласки бабушки и няни, бесѣды русскихъ писателей въ домѣ отца и общество товарищей юности въ Лицеѣ, въ числѣ которыхъ было не мало дѣтей изъ средняго общественнаго слоя, наконецъ чтеніе лучшихъ русскихъ новыхъ и старыхъ писателей,—все это представило достаточный противовѣсъ иноземному вліянію при развитіи чувствъ и языка геніальнаго юноши.

Изъ французскихъ писателей отразился наиболѣе на складѣ ума юнаго поэта въ пору до-лицейскую Вольтеръ, въ лицейскую же пору — эротическіе поэты. Неумѣстное почтеніе къ „злому фернейскому крикуну“ объясняется не только небрежностію домашняго воспитанія Пушкина, но и тѣмъ обаяніемъ, которое производилъ этотъ остроумецъ на образованное русское общество времени его дѣтства. Если такіе серьезные люди, какъ шестидесятилѣтній И. И Димитріевъ, смотрѣли на Вольтера, на писателя, котораго „можетъ не хвалить одинъ только безграмотный калмыкъ“ (письмо Дмитріева 1819 къ А. И. Тургеневу [1]),—тѣмъ болѣе авторитетъ его долженъ былъ стоять высоко въ офранцуженномъ домѣ Сергѣя Львовича и въ мнѣніи его брата Василія Львовича, почерпнувшихъ свое образованіе вдали отъ источниковъ русскаго просвѣщенія.

Вліяніе французской литературы на Пушкина было непродолжительно и постепенно ослабѣвало [2]), проявляясь, даже въ лицейскихъ стихотвореніяхъ позднѣйшаго времени, лишь въ отдѣльныхъ мысляхъ и выраженіяхъ. На общее настроеніе его въ лицейскую пору болѣе другихъ французскихъ писателей вліялъ Парни [3]), воздѣйствіе котораго на Пушкина отчасти совпадало и съ вліяніемъ русскаго поэта Батюшкова, но очищалось имъ. Вліяніе Батюшкова же совпало съ воздѣйствіемъ на Пушкина другого французскаго поэта—Андре Шенье—уже въ послѣдущую эпоху его жизни [4]).

Хранителями нравственной чистоты и художественнаго вкуса юнаго Пушкина болѣе и болѣе становились русскіе поэты—Батюшковъ и Жуковскій.

При такихъ условіяхъ возникъ и возрасталъ геній Пушкина—ребенка и юноши. Плоды и этой поры его творчества достойны того, чтобы не быть „преданными тлѣнью“.

---

1. Къ сестрѣ.

(1814).

Форма этого стихотворенія—п о с л а н і е. Юный Пушкинъ въ первыхъ своихъ поэтическихъ опытахъ часто избираетъ эту форму, слѣдуя примѣру поэтовъ того круга послѣдователей Карамзина и Дмитріева, который прежде всего повліялъ на его вкусъ. Къ этому кругу принадлежалъ и дядя его Василій Львовичъ Пушкинъ, писавшій удачно стихотворенія этой формы. Сторонники стараго направленія, съ Шишковымъ во главѣ, презрительно называли посланія „моднымъ родомъ“ стихо-

[1]) Р. А. 1866, 1110.—[2]) „Пушкинъ въ Лицеѣ“ Гаевскаго, III, 177.—[3]) См. стр. 11, вын. 4.

[4]) См. ниже „Стихотворенія, написанныя на югѣ Россіи“.

творства. Этотъ родъ вошелъ у насъ въ моду изъ подраженія французскимъ писателямъ, которые охотно смѣнили посланіями скучныя оды. Въ разсужденіи объ одѣ Д'Аламбера [1]), переведенномъ въ „С.-Петербургскомъ Меркуріи" (1793, май), указана причина предпочтенія этой новой формы устарѣвшей формѣ оды: посланіе удобнѣе выражаетъ „философическія мысли", допуская болѣе свободный планъ; оно скромнѣе по внѣшней отдѣлкѣ, не имѣя притязанія на то пышное убранство, какое привыкли видѣть въ одѣ и которое такъ противорѣчило вкусу публики, пріученной философами XVIII вѣка къ простотѣ; наконецъ оно доступнѣе дарованіямъ всякаго размѣра, тогда какъ ода требуетъ сильнаго поэтическаго таланта. Вотъ почему стихотворное посланіе сдѣлалось модною формою и у русскихъ писателей, начиная съ Карамзина; они передавали въ этой свободной формѣ свои литературныя убѣжденія, взгляды на интересы общества, личныя впечатлѣнія и нравственныя понятія [2]).

Посланіе „Къ сестрѣ" писано изъ Царскосельскаго Лицея 15-лѣтнимъ Пушкинымъ къ 16-лѣтней сестрѣ его Ольгѣ въ Петербургъ на четвертый годъ пребыванія его въ Лицеѣ. Оно знакомитъ читателей съ лицейскою обстановкою Пушкина въ его № 14, который, согласно порядкамъ этого заведенія, былъ отведенъ ему для жительства, а также съ тѣми общими интересами, которые сближали въ эту пору жизни юнаго брата и сестру.

Будучи подражаніемъ стихотворенію Батюшкова „Мои Пенаты" (явившемуся въ печати въ I томѣ „Пантеона русской поэзіи" Никольскаго, 1814, который лицеисты получали, но написанному ранѣе) и заключая сравненіе самого автора съ Жуковскимъ (стихъ 17), посланіе это указываетъ на тотъ кругъ отечественныхъ поэтовъ, который наиболѣе былъ любезенъ юному Пушкину.

Характеръ стихотворенія элегическій. Оно вызвано простосердечной жалобой на лицейское затворничество, которое юный поэтъ, „уже знакомый съ суетою", изображаетъ монастырскимъ. Утѣшеніе въ своемъ одиночествѣ поэтъ находитъ въ фантазіи и помыслахъ о томъ времени, когда онъ покинетъ Лицей. Посланіе и оканчивается живымъ выраженіемъ радости предстоящаго свиданія съ сестрою по нминованіи невольнаго затворничества. Но до того времени оставалось еще три года.

Посланіе это впервые напечатано въ изд. Анненкова 1855 г., а послѣдніе 5 стиховъ въ „Библіограф. Запискахъ" 1858 г., № 10.

Ты хочешь, другъ безцѣнный,
Чтобъ я, поэтъ младой,
Бесѣдовалъ съ собой,
И съ лирою забвенной,
Мечтами окрыленной,
Оставилъ монастырь
И край уединенный,
Гдѣ непрерывный миръ
Во练 мракѣ опустился,
И въ пустыни глухой

---

[1]) Д'Аламберъ—французскій энциклопедистъ, математикъ (1717—1783), авторъ предисловія къ „Энциклопедіи". —[2]) См. Галахова: Ист. Христ. II, 173.

Безмолвно воцарился
Съ угрюмой тишиной!..
. . . . [3])
И быстрою стрѣлой
На Невскій брегъ примчуся,
Съ подругой обнимуся
Весны моей златой,
И какъ пѣвецъ Людмилы [4])
Мечты невольникъ милый,
Взошедъ подъ отчій кровъ,
Несу тебѣ не злато—
Чернецъ я не богатый [5])—
Въ подарокъ пукъ стиховъ [6]).
Тайкомъ взошедъ въ диванну,
Хоть помощью пера,
О, какъ тебя застану,
Любезная сестра!
Чѣмъ сердце занимаешь
Вечернею порой?
Жанъ-Жака [7]) ли читаешь?
Жанлисъ [8]) ли предъ тобой?)
Иль съ рѣзвымъ Гамильтономъ [9])
Смѣешься всей душой?
Иль съ Греемъ [10]) и Томсономъ [11])
Ты пренеслась мечтой
Въ поля, гдѣ отъ дубравы
Въ долъ вѣетъ вѣтерокъ,
И шепчетъ лѣсъ кудрявый,
И мчится величавый
Съ вершины горъ потокъ?
Иль моську престарѣлу,
Въ подушкахъ посѣдѣлу,
Окутавъ въ длинну шаль
И съ нѣжностью лелѣя,
Ты къ ней зовешь Морфея?
Иль смотришь въ темну даль
Задумчивой Свѣтланой
Надъ шумною Невой?
Иль звучнымъ фортепьяно,
Подъ бѣглою рукой,
Моцарта оживляешь?
Иль тоны повторяешь
Пиччини [12]) иль Рамо [13])?
Но вотъ, ужъ я съ тобою!
И въ радости нѣмой
Твой другъ расцвѣлъ душою,
Какъ ясный вешній день.
Забыты дни разлуки,
Дни горести и скуки,
Исчезла грусти тѣнь.
Но это лишь мечтанье!
Увы, въ монастырѣ,
При блѣдномъ свѣчъ сіяньѣ,
Одинъ пишу сестрѣ.
Все тихо въ мрачной кельѣ;
Защелка на дверяхъ,
Молчанье—врагъ веселья—
И скука на часахъ!
Стулъ ветхій, необитый,
И шаткая постель,
Сосудъ воды налитый,
Соломенна свирѣль [14])—

---

[3]) Точки въ текстѣ.—[4]) Жуковскій, авторъ „Людмилы“ (1808).—
[5]) Ср. въ „Моихъ Пенатахъ“:
Отечески Пенаты...
Вы златомъ не богаты,
Но любите свои
Норы и темны кельи.
[6]) Стихъ Жуковскаго въ „Посланіи къ Батюшкову“:
А милому собрату
Въ подарокъ пукъ стиховъ.
[7]) Жанъ-Жакъ Руссо (см. о немъ въ „Избр. соч. Карамзина“, т. I, въ указателѣ)—[8]) Г-жа Жанлисъ (1746—1830). Въ началѣ нынѣшняго вѣка очень читались ея нравоучительныя повѣсти.— [9]) Антуанъ Гамильтонъ (1646—1720) —франц. авторъ волшебныхъ сказокъ.— [10]) Грей—англ. поэтъ, переводомъ элегіи котораго „Сельское кладбище“ началъ Жуковскій свою публичную поэтическую дѣятельность въ 1802 г.—[11]) Джемсъ Томсонъ—шотландецъ, прославившій англійскую литературу поэмой „Времена года“ и др. Карамзинъ въ началѣ своей литературной дѣятельности ознакомилъ уже съ нею читателей „Дѣтскаго Чтенія“ (см. „Избр. соч. Кар.“ I, стр. 70 и далѣе). Изъ нея же отрывки перевелъ В. Л. Пушкинъ.—[12]) Пиччини (1728—1800)—итальянскій композиторъ.— [13]) Рамо—франц. композиторъ (1683—1764).
[11]) Ср. въ „Моихъ Пенатахъ“:
Въ сей хижинѣ убогой
Стоитъ передъ окномъ
Столъ ветхій и треногій
Съ изорваннымъ сукномъ.
Здѣсь книги выписныя,
Тамъ жесткая постель...

Вотъ все, что́ предъ собою
Я вижу пробужденъ.
Фантазія, тобою
Одной я награжденъ!
Тобою пренесенный
Къ волшебной Ипокренѣ [15])
И въ кельѣ я блаженъ!
  Что было бы со мною,
Богиня, безъ тебя?
Знакомый съ суетою [16]),
Пріятной для меня,
Увлекшись въ даль судьбою,
Я вдругъ, въ глухихъ стѣнахъ,
Какъ Леты [17]) на брегахъ,
Явился заключеннымъ,
Навѣки погребеннымъ—[а]
И скрипнули врата,
Сомкнувшися за мною [б],
И міра красота
Одѣлась черной мглою!..
Съ тѣхъ поръ гляжу на свѣтъ
Какъ узникъ изъ темницы
На яркій блескъ денницы.
Свѣтило дня взойдетъ,
Лучъ кинетъ позлащенный
Сквозь узкое окно,
Но сердце омраченно
Не радуетъ оно.
Иль позднею зарею,
Какъ ночь на небесахъ,
Покрытыхъ темнотою,
Чернѣетъ въ облакахъ—
Близъ келіи [в] встрѣчаю
Я сумрачную тѣнь...
И [г] вздохомъ провожаю
Скрывающійся день!..[д]
  Но время протечетъ,
И съ каменныхъ воротъ
Падутъ, падутъ запоры,
И въ пышный Петроградъ
Черезъ долины, горы
Ретивые помчатъ;
Спѣша на новоселье,
Оставлю темну келью,
Поля, сады свои;
Подъ столъ клобукъ съ веригой
И прилечу разстригой
Въ объятія твои!

---

2. Изъ посланія: Къ другу стихотворцу.

(1814).

Это первое явившееся въ печати стихотвореніе Пушкина есть подражаніе посланіямъ В. Л. Пушкина: „Къ В. А. Жуковскому“ и „Кн. П. А. Вяземскому“.

Въ кружкѣ литераторовъ, среди которыхъ въ домѣ отца своего впервые вслушивался Пушкинъ въ литературные толки, возникали вопросы объ истинной поэзіи въ отличіе отъ бездарнаго стихотворца. Въ литературѣ лучшимъ выразителемъ этого критическаго движенія, начатаго Карамзинымъ въ „Мо-

а Тобою похищенный, Явился заключенный; (Акд. изд.)—б Сомкнувшись надо мной (ibid.).—в Покрытыхъ чернотою, Темнѣетъ въ облакахъ—Съ уныніемъ (ibid.).—г И съ (ibid.).—д *далѣе:* Сквозь слезъ смотрю въ рѣшетки, Перебирая четки. (ibid.).

---

15) Ипокрена—источникъ поэтическаго вдохновенія на Геликонѣ, возникшій отъ удара копыта Пегасова (въ греч. миѳ.).—16) Въ отрывкахъ изъ лицейскихъ записокъ Пушкина читаемъ: „Меня везутъ въ Петербургъ. Езуиты. Тургеневъ. 1811. Философскія мысли. Мартинизмъ. 1812. Дядя Вас. Львовичъ. Свѣтская жизнь. Лицей“. — Родители Пушкина, Сергѣй Львовичъ и мать его Надежда Осиповна, вели разсѣянную свѣтскую жизнь. Дѣти часто присутствовали среди взрослыхъ, въ числѣ которыхъ, кромѣ писателей, какъ Карамзинъ, Дмитріевъ, Жуковскій, бывали и лица свѣтскія, являвшіяся для болтовни и развлеченій.—17) Лета — рѣка забвенія въ подземномъ мірѣ. Умершіе пили изъ нея воду передъ вступленіемъ въ Елисейскія поля (въ греч. миѳ.).

сковскомъ Журналѣ“ 1791—1792 г., явился И. И. Дмитріевъ, въ своей сатирѣ „Чужой толкъ“ (1795) осмѣявшій бездарныхъ стихотворцевъ, которые пишутъ

Такъ громко, высоко!.. а нѣтъ, не веселитъ,
И сердца, такъ сказать, ничуть не шевелитъ.

Съ другой стороны, дядя молодого Пушкина, В. Л. Пушкинъ, признавалъ главнымъ достоинствомъ своихъ произведеній литературный вкусъ. „... вкусъ я варварскій гоню и ненавижу“, писалъ онъ въ своемъ посланіи Жуковскому. Въ томъ же посланіи онъ вооружается противъ безсодержательности стихотвореній. Тамъ пишетъ онъ:

„Въ душѣ своей ношу къ изящному любовь;
Творенье безъ идей мою волнуетъ кровь!
Словъ много затвердить не есть еще ученье;
Намъ нужны не слова, намъ нужно просвѣщенье.“

И юный Пушкинъ, въ своемъ посланіи „Къ другу стихотворцу“, обращаясь къ неизвѣстному начинающему бездарному писателю, быть можетъ къ кому-нибудь изъ своихъ товарищей-лицеистовъ, среди которыхъ многіе писали стихи, повторяетъ предостереженія, чтобы онъ не предавался метроманіи и не заслужилъ себѣ безславія вмѣсто славы, увеличивъ собою число „стихомарателей“, какъ называлъ бездарныхъ писателей В. Л. Пушкинъ.

Въ ряду другихъ стихотвореній („Къ Батюшкову“ 1815, „Къ Жуковскому“ 1817 и др.) посланіе „Къ другу“ показываетъ, какъ рано задумывался Пушкинъ надъ долею поэта, которую избрать чувствовалъ потребность еще на школьной скамьѣ. Свои отроческіе опыты онъ писалъ уже съ чувствомъ спасительнаго страха передъ пошлостью, безвкусіемъ и пустословіемъ.

Это первое появившееся въ печати [1]) стихотвореніе Пушкина помѣщено въ „Вѣстникѣ Европы“ 1814 г., № 13, съ подписью: Александръ Н. к. ш. п.

Аристъ! и ты въ толпѣ служителей Парнаса!
Ты хочешь осѣдлать упрямаго Пегаса;
За лаврами спѣшишь опасною стезей,
И съ строгой критикой вступаешь смѣло въ бой!
Аристъ, повѣрь ты мнѣ, оставь перо, чернилы,
Забудь ручьи, лѣса, унылыя могилы,
Въ холодныхъ пѣсенкахъ любовью не пылай;
Чтобъ не слетѣть съ горы, скорѣе внизъ ступай!
Довольно безъ тебя поэтовъ есть и будетъ;
Ихъ напечатаютъ—и цѣлый свѣтъ забудетъ.
Быть можетъ, и теперь, отъ шума удалясь
И съ глупой музою навѣкъ соединясь,

---

[1]) „Вѣроятно“, замѣчаетъ Гаевскій (Пушк. въ Лицеѣ, I, 162), „что это и другія стихотворенія П. отдавались въ журналы безъ его вѣдома и согласія, судя по слѣдующимъ стихамъ его посланія къ Дельвигу:

Предатели-друзья
Невинное творенье
Украдкой въ городъ шлютъ
И плодъ уединенья
Тисненью предаютъ.

Подъ сѣнью мирною Минервиной эгиды [2])
Сокрытъ другой отецъ второй Телемахиды [3]).
Страшится участи безсмысленныхъ пѣвцовъ,
Насъ убивающихъ громадою стиховъ!
Потомковъ позднихъ дань поэтамъ справедлива:
На Пиндѣ [4]) лавры есть, но есть тамъ и крапива.
Страшись безславія! Чтó, если Аполлонъ,
Услышавъ, что и ты полѣзъ на Геликонъ [5]),
Съ презрѣньемъ покачавъ кудрявой головою,
Твой геній наградитъ—спасительной лозою?
Но что? Ты хмуришься и отвѣчать готовъ:
„Пожалуй“, скажешь мнѣ, „не трать излишнихъ словъ:
Когда на что рѣшусь, ужъ я не отступаю,
И знай, мой жребій палъ: я лиру избираю.
Пусть судитъ обо мнѣ, какъ хочетъ, цѣлый свѣтъ;
Сердись, кричи, бранись—а я-таки поэтъ“.
Аристъ, не тотъ поэтъ, кто риѳмы плесть умѣетъ
И, перьями скрипя, бумаги не жалѣетъ;
Хорошіе стихи не такъ легко писать,
Какъ Витгенштеину французовъ побѣждать.
Межъ тѣмъ какъ Дмитріевъ, Державинъ, Ломоносовъ,
Пѣвцы безсмертные, и честь и слава россовъ, [6])
Питаютъ здравый умъ и вмѣстѣ учатъ насъ,
Сколь много гибнетъ книгъ, на свѣтъ едва родясь!
Творенья громкія Риѳматова [7]), Графова [8]),
Съ тяжелымъ Бибрусомъ [9]) гніютъ у Глазунова [10]);
Никто не вспомнитъ ихъ, не станетъ вздоръ читать,
И Фебова на нихъ проклятія печать.
Положимъ, что на Пиндъ взобравшися счастливо,
Поэтомъ можешь ты назваться справедливо:
Всѣ съ удовольствіемъ тогда тебя прочтутъ,
Но мнишь ли, что къ тебѣ рѣкой уже текутъ
За то, что ты поэтъ, несмѣтныя богатства,
Что ты уже берешь на откупъ государства,
Въ желѣзныхъ сундукахъ червонцы хоронишь,

---

[2]) Эгида — выкованный Гефестомъ щитъ Зевса, а также щитъ Аѳины (Минервы). — [3]) Телемахида — поэма Третьяковскаго.—[4]) Пиндъ—горы между Ѳессаліей и Эпиромъ, посвященныя Аполлону и музамъ.—[5]) Геликонъ—горы въ зап. Беотіи, мѣстопребываніе музъ (по греч. миѳ.)—[6]) Ср. въ посланіи В. Л. Пушкина къ В. А. Жуковскому:

Горацій, Ювеналъ, Саллустій, Ѳукидидъ
Знакомы стали вамъ, и къ вѣчной славѣ россо
Во хладномъ сѣверѣ родился Ломоносовъ.

[7]) Кн. Шихматова.—[8]) Гр. Д. И. Хвостова (см. стр. 18).—[9]) С. С. Бобровымъ.—[10]) Мысль о книжной лавкѣ Глазунова, заваленной произведеніями Кн. С. Шихматова, заимствована Пушкинымъ изъ ходившей тогда въ рукописи пародіи Батюшкова на „Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ“:

Друзья! большой бокалъ отцовъ
За лавку Глазунова!
Тамъ царство вѣчное стиховъ
Шихматова лихаго!
(Совр. 1856 г. LVII. Смѣсь, стр. 10).

И, лежа на боку, покойно ѣшь и спишь?
Не такъ, любезный другъ писатели богаты;
Судьбой имъ не даны ни мраморны палаты,
Ни чистымъ золотомъ набиты сундуки:
Лачужки подъ землей, высоки чердаки —
Вотъ пышны ихъ дворцы, великолѣпны залы.
Поэтовъ хвалятъ всѣ, читаютъ лишь журналы;
Катится мимо ихъ Фортуны колесо;
Родился нагъ—и нагъ вступаетъ въ гробъ Руссо;
Камоэнсъ [11]) съ нищими постелю раздѣляетъ;
Костровъ [12]) на чердакѣ безвѣстно умираетъ,
Руками чуждыми могилѣ преданъ онъ;
Ихъ жизнь—рядъ горестей, гремяща слава—сонъ.
. . . .
Счастливъ, кто ко стихамъ не чувствуя охоты,
Проводитъ тихій вѣкъ безъ горя, безъ заботы,
Своими одами журналовъ не тягчитъ
И надъ экспромтами недѣли не сидитъ;
Не любитъ онъ гулять по высотамъ Парнаса,
Не ищетъ чистыхъ музъ, ни пылкаго Пегаса [13]);
Его съ перомъ въ рукахъ Рамаковъ [14]) не страшитъ;
Спокоенъ, веселъ онъ! Аристъ, онъ не піитъ!
Но полно разсуждать—боюсь тебѣ наскучить,
И сатирическимъ перомъ тебя замучить.
Теперь, любезный другъ, я далъ тебѣ совѣтъ.
Оставишь ли свирѣль, умолкнешь или нѣтъ?
Подумай обо всемъ и выбери любое:
Быть славнымъ хорошо, спокойнымъ—лучше вдвое [15]).

---

3. Изъ посланія: Къ Батюшкову.

(1814).

Посланіе это писано къ Батюшкову въ тотъ періодъ его жизни, когда онъ послѣ шведской войны, проживъ три года въ Москвѣ и Петербургѣ въ отставкѣ, вновь поступилъ въ 1812 г. въ военную службу и состоялъ при ген. Н. Н. Раевскомъ, участвовалъ въ битвахъ при Кульмѣ и Лейпцигѣ,

---

11) Камоэнсъ—португ. поэтъ (1524—1578).—12) Е. И. Костровъ—поэтъ XVIII в., писавшій сначала оды въ духѣ ломоносовскихъ, потомъ державинскихъ, посланія, эклоги, подражанія и переводы съ Летурнеровыхъ переводовъ Оссіана. Послѣдніе читались профессоромъ Лицея Кошанскимъ въ классѣ. Юный Пушкинъ одно время даже переложилъ въ стихи Костровскій прозаическій переводъ поэмы: „Кольна-Дона“ съ нѣкоторыми пропусками. (См. „П. въ Лицеѣ“ Гаевскаго, I, 165).

13) Пегасъ—крылатый конь, возникшій изъ крови Горго, Медузы, когда ее обезглавилъ Персей. Онъ источилъ на вершинѣ г. Геликона источникъ Гиппокрену (см. стр. 7, вып. 15): потому у новѣйшихъ поэтовъ является какъ конь музъ и поэтовъ.—14) цензоръ.—15) Ср. въ посл. В. Л. Пушкина къ кн. П. А. Вяземскому:

Пусть льются тамъ стихи нелѣпые рѣкой,
Нѣтъ нужды, мнѣ всего любезнѣе покой.

былъ въ Парижѣ, потомъ въ Англіи и Швеціи, т.-е. когда тревоги боевой и страннической жизни снова „заставили его забыть источникъ Ипокрены". Временное прекращеніе его поэтической дѣятельности вызываетъ въ началѣ посланія упрекъ юнаго Пушкина, жадно слѣдившаго за его поэтическими произведеніями, которыхъ довольно много явилось въ періодъ отставки Батюшкова (1808—1810 г.) въ „Цвѣтникѣ" и „Вѣстникѣ Европы". О его стихотвореніяхъ анакреонтическаго характера и упоминаетъ Пушкинъ въ своемъ посланіи (ст. 14), и въ первой и послѣдней частяхъ его призываетъ Батюшкова къ произведеніямъ этого рода (ст. 18—50 и 96—103). Во второй части упоминается Жуковскій, какъ авторъ „Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ" и вспоминается рана Батюшкова, полученная имъ въ прусскую компанію подъ Гейльсбергомъ въ 1807 г.

Мысль стихотворенія ясно указываетъ, что Пушкинъ всею думою примкнулъ къ поэтамъ новой школы, т.-е. того кружка, который состоялъ изъ Батюшкова, его друга Северина, А. И. Тургенева, С. С. Уварова, В. А. Жуковскаго, Д. В. Дашкова, кн. П. А. Вяземскаго, и къ которому принадлежалъ дядя Пушкина Василій Львовичъ. Всѣ они въ слѣдующемъ году соединились въ литературномъ обществѣ „Арзамасъ" [1]), членомъ котораго по выходѣ изъ Лицея сталъ и А. Пушкинъ подъ именемъ Сверчка, потому что спрятанный вдали отъ Петербурга въ стѣнахъ Лицея, прекрасными стихами уже подавалъ оттуда свой звонкій голосъ. Будучи еще въ Лицеѣ, онъ принадлежалъ ужъ къ этому нравственному братству молодыхъ литераторовъ, которые, по словамъ кн. Вяземскаго, „были уже Арзамасцами между собою, когда Арзамаса еще и не было".

Подъ вліяніемъ этой новой школы поэтовъ и юный Пушкинъ, выражая сочувствіе имъ, учится осмѣивать поэтовъ старой школы (см. ст. 66—93).

Посланіе это впервые напечатано въ „Россійскомъ Музеумѣ" 1815, № 1, а стихи 55—75 въ VII т. изданія Анненкова 1855 г.

Философъ рѣзвый и піитъ,
Парнасскій счастливый лѣнивецъ,
Харитъ [2]) изнѣженный любимецъ,
Наперсникъ милыхъ Аонидъ [3])!
Почто на арфѣ златострунной
Умолкнулъ, радости пѣвецъ?
Ужель и ты, мечтатель юный,
Разстался съ Фебомъ наконецъ?
Уже съ вѣнкомъ изъ розъ душистыхъ,
Межъ кудрей вьющихся, златыхъ,
Подъ тѣнью тополей вѣтвистыхъ,
Въ кругу красавицъ молодыхъ,
Заздравнымъ не стучишь фіаломъ,
Любовь и Вакха не поешь;
Довольный, счастливый началомъ,
Цвѣтовъ парнасскихъ вновь не рвешь;
Не слышенъ нашъ Парни [4]) россійскій.

---

1) Подробности о томъ см. въ кн. Загарина: „Жуковскій и его произведенія", изд. 2-е, стр.—194—207.—2) Х а р и т ы—(греч.), Граціи (лат.)—три дочери Зевса и Евриномы: Аглая, Евфросина и Талія—обыкновенно изображались втроемъ, сплетенныя руками въ одну группу.—3) А о н и д ы — именованіе музъ отъ древняго имени Беотіи: „Аонія". —4) П а р н и (1753—1814)—французскій эротическій поэтъ.

Пой, юноша! Пѣвецъ тіисскій
Въ тебя вліялъ свой нѣжный духъ.
. . . .
Любви нѣтъ болѣ счастья въ мірѣ;
Люби—и пой ее на лирѣ.
Когда жъ къ тебѣ въ досужный часъ
Друзья, знакомые сберутся
И вина пѣнныя польются,
Отъ плѣна съ трескомъ свободясь,—
Описывай въ стихахъ игривыхъ
Веселье, шумъ гостей болтливыхъ
Вокругъ накрытаго стола,
Стаканъ, кипящій пѣной бѣлой,
И стукъ блестящаго стекла;
И гости дружно стихъ веселый,
Бокалъ въ бокалъ ударя въ ладъ,
Нестройнымъ хоромъ повторятъ.
Поэтъ! въ твоей предметы волѣ!
Во звучны струны смѣло грянь,
Съ Жуковскимъ пой кроваву брань
И грозну смерть на ратномъ полѣ:
И ты въ строяхъ ее встрѣчалъ,
И ты, настигнутый судьбою,
Какъ россъ, питомецъ славы, палъ!
Ты палъ, и хладною косою
Едва, скошенный, не увялъ!
Иль, вдохновенный Ювеналомъ [5]),
Вооружись сатиры жаломъ;
Подчасъ прими ея свистокъ,
Рази, осмѣивай порокъ;
Шутя, показывай смѣшное,
И если можно, насъ исправь;
Но Тредьяковскаго оставь
Въ столь часто рушимомъ покоѣ.
Увы! довольно безъ него
Найдемъ безсмысленныхъ [а] поэтовъ;
Довольно въ мірѣ есть предметовъ,
Пера достойныхъ твоего!
Скажи, по милости Грифону [б],
Ползкомъ ползущу къ Геликону,
Чтобъ пересталъ совсѣмъ писать.
И бѣдныхъ насъ морить со скуки;
Скажи ему, что наши внуки
Не станутъ вздоръ его читать...*)
Все, все позволено поэту!
Скажи всему, коль хочешь свѣту,
Что Висковатовъ [6]) невпопадъ
Уродовъ выставилъ на сцену,
Визжать заставилъ Мельпомену,
Что Клитъ былъ добрый человѣкъ [7]),
Тихонько проводилъ свой вѣкъ,
Своимъ домкомъ тихонько правилъ
И жилъ безъ горя, безъ заботъ,
Покамѣстъ не печаталъ одъ,
Гдѣ здравый смыслъ вверхъ дномъ поставилъ,
Гдѣ мы навидѣлись всего,
Гдѣ „всѣ чудовища геенны —
На жертву агнцы обреченны“
Гдѣ нѣтъ лишь смысла одного.
Но что? Цѣвницею моею
Безвѣстный въ мірѣ семъ поэтъ,
Я пѣсни продолжать не смѣю.
Прости—но помни мой совѣтъ:
Доколѣ, музами любимый

а безчисленныхъ (Акд. изд.).—б Графону (ibid.). Графонъ—по всему вѣроятію, гр. Д. И. Хвостовъ (примѣч. редакт. Акд. изд.).

5) Ювеналъ — римскій сатирикъ (42—120 по Р. Х.)—6) Висковатовъ (1786—1831)—драматическій писатель и переводчикъ.—7) Ср. въ посланіи В. Л. Пушкина „къ Жуковскому“.
„Артистъ душою добръ, но авторъ онъ дурной“.

Ты Піеридъ [8]) горишь огнемъ,
Доколь, сраженъ стрѣлой незримой,
Въ подземный ты не снидешь домъ,
Мірскія забывай печали,
Играй: тебя младой Назонъ [9]),
Эротъ и Граціи вѣнчали,
А лиру строилъ Аполлонъ.

4. Изъ посланія: Городокъ.

КЪ ***).

(1814).

Пятнадцатилѣтній Пушкинъ былъ полонъ литературныхъ интересовъ. Выборъ писателей для чтенія былъ ему не только указанъ тѣмъ кругомъ, къ которому онъ принадлежалъ по рожденію, но и согласовался съ духомъ того учебнаго заведенія, въ которое вступилъ. Домъ отца его, гдѣ являлись члены литературнаго кружка карамзинистовъ, и семейная его библіотека, состоявшая преимущественно изъ писателей французскихъ, ознакомили юнаго Пушкина и съ Вольтеромъ, и съ Лафонтеномъ, съ Расиномъ, Мольеромъ и Руссо. Хорошо знакомы были ему и русскіе писатели: Державинъ, Ф. Визинъ, Княжнинъ, Богдановичъ, Озеровъ, Крыловъ, Дмитріевъ и Карамзинъ. Онъ привыкъ уважать ихъ съ дѣтства; привыкъ и къ общепринятымъ насмѣшкамъ надъ бездарнымъ стихотворцемъ гр. Д. И. Хвостовымъ (ст. 214 — 230 и 341 — 346), усвоивъ вкусъ домашняго круга. Недостатокъ должной организаціи учебнаго курса въ Лицеѣ вознаграждался въ извѣстной степени чтеніемъ воспитанниковъ: въ библіотекѣ Лицея и по рукамъ у воспитанниковъ были современные журналы („Пантеонъ", „Вѣстникъ Европы", „Русск. Вѣстникъ") и сочиненія Ломоносова, Хераскова, Державина, Дмитріева, Расина, Делиля, Вольтера. Они читали и новыя произведенія Жуковскаго, Батюшкова, Крылова, Гнѣдича. Но и Лицей, гдѣ воспитывалось юношество преимущественно столичнаго свѣта, и военная молодежь, съ которою лицеисты были въ близкихъ сношеніяхъ, поддерживали въ Пушкинѣ вкусъ къ легкой французской поэзіи новаго времени и ея подражателямъ. При незрѣлости вкуса и легкомъ взглядѣ какъ на жизнь, такъ и на поэзію, сатирическія, эротическія и вакхическія бездѣлки читались, списывались и заучивались петербургской и царскосельской учащейся и военной молодежью съ большимъ усердіемъ, нежели серьезныя произведенія лучшихъ поэтовъ. Удивительно ли, что и юный Пушкинъ значительную долю своихъ лицейскихъ досуговъ посвятилъ этимъ произведеніямъ и подражалъ имъ во многихъ изъ своихъ юношескихъ стихотвореній? Но поэтическое чувство охраняло юнаго поэта отъ односторонности какого-либо изъ этихъ вліяній. Воспѣвая „враговъ парнасскихъ узъ" и осмѣивая ихъ, онъ окружаетъ себя лучшими поэтами отечественными и иностранными (ст. 105—141).

Стихотвореніе „Городокъ", кромѣ этой литературной исповѣди, заключаетъ нѣсколько живыхъ картинокъ изъ жизни поэта; таковы: очеркъ петер-

[8]) Піериды—именованіе музъ по ихъ родинѣ, макед. обл. Піеріи.—[9]) Овидій Назонъ (43 до—17 по Р. Х.)—римскій поэтъ.

бургской жизни до поступленія въ Лицей [1]) (ст. 5—14), жизнь на дачѣ въ Царскомъ Селѣ въ лѣто передъ этимъ поступленіемъ (ст. 25—59), картина прогулки у царскосельскихъ прудовъ (ст. 343—351), бесѣда съ болтливой старушкой (ст. 352—379), а также поэтическія грезы юнаго поэта (ст. 231—251) и его первыя мечты о поэтической славѣ (ст. 252—277).

„Городокъ“ впервые напечатанъ съ пропусками въ „Русск. Музеумѣ“ 1815, № 7. Дополненія впервые явились въ „Библ. Зап.“ 1861, № 9.

Прости мнѣ, милый другъ,
Двухлѣтнее молчанье:
Писать тебѣ посланье
Мнѣ было недосугъ.
На тройкѣ принесенный
Изъ родины смиренной
Въ великой градъ Петра,
Отъ утра до утра
Два года все кружился
Безъ дѣла въ хлопотахъ,
Зѣвалъ и[a] веселился
Въ театрѣ, на пирахъ;
Не вѣдалъ я покоя,
Увы! ни на часокъ,
Какъ будто у налоя
Въ великій четвертокъ
Измученный дьячокъ.
Но, слава, слава Богу!
На ровную дорогу
Я выѣхалъ теперь,
Ужъ вытолкалъ за дверь
Заботы и печали,
Которыя играли—
Стыжусь—столь долго мной,
И въ тишинѣ святой
Философомъ лѣнивымъ,
Отъ шума вдалекѣ
Живу я въ городкѣ,
Безвѣстностью счастливомъ.
Я нанялъ свѣтлый домъ:
Съ диваномъ, камелькомъ
Три комнатки простыя—
Въ нихъ злата, бронзы нѣтъ,
И ткани выписныя
Не кроютъ ихъ паркетъ.
Окошки—въ садъ веселый,
Гдѣ липы престарѣлы
Съ черемухой цвѣтутъ;
Гдѣ мнѣ въ часы полдневны
Березокъ своды темны
Прохладну сѣнь даютъ;
Гдѣ ландышъ бѣлоснѣжный
Сплелся съ фіалкой нѣжной,
И быстрый ручеекъ,
Въ струяхъ неся цвѣтокъ,
Невидимый для взора,
Лепечетъ у забора.
Здѣсь добрый твой поэтъ
Живетъ благополучно:
Не ходитъ въ модный свѣтъ;
На улицѣ каретъ
Не слышенъ стукъ докучный;
Здѣсь грома вовсе нѣтъ;
Лишь изрѣдка телѣга
Скрипитъ по мостовой,
Иль путникъ, въ домикъ мой
Пришедъ искать ночлега,
Дорожною клюкой
Въ калитку постучится... [2])

Блаженъ, кто веселится
Въ покоѣ, безъ заботъ,
Съ кѣмъ втайнѣ Фебъ дружится
И маленькій Эротъ!
Блаженъ, кто на просторѣ
Въ укромномъ уголкѣ

---

[a] Зѣвая (Акд. изд.)

---

1) Лѣтомъ 1811 г. дядя В. Л. повезъ 12-лѣтняго Пушкина въ Спб.; съ іюня по 12 авг. (день экзамена) Пушкинъ готовился къ поступленію въ Лицей, который открылся лишь 19 окт. Въ это-то время, по всей вѣроятности, онъ и жилъ въ Ц. Селѣ на квартирѣ.

2) Ср. въ „Моихъ Пенатахъ“ Батюшкова:
Идя путемъ-дорогой
Съ смиренною клюкой,
Ты смѣло постучися,
О воинъ, у меня,
Войди и обсушися
У яркаго огня,

Не думаетъ о горѣ,
Гуляетъ въ колпакѣ,
Пьетъ, ѣстъ, когда захочетъ,
О гостѣ не хлопочетъ!
Никто, никто ему
Лѣниться одному
Въ постелѣ не мѣшаетъ;
Захочетъ—Аонидъ
Толпу къ себѣ сзываетъ;
Захочетъ—сладко спитъ,
На Риѳмова склоняясь
И тихо забываясь.
Такъ я, мой милый другъ,
Теперь расположился;
Съ толпой безстыдныхъ слугъ
Навѣки распростился.
Укрывшись въ кабинетъ,
Одинъ я не скучаю,
И часто цѣлый свѣтъ
Съ восторгомъ забываю.
Друзья мнѣ—мертвецы,
Парнасскіе жрецы.
Надъ полкою простою,
Подъ тонкою тафтою,
Со мной они живутъ.
Пѣвцы краснорѣчивы,
Прозаики шутливы—
Въ порядкѣ встали тутъ
Сынъ Мома [3]) и Минервы.
Фернейскій злой крикунъ [4]),
Поэтъ въ поэтахъ первый,
Ты здѣсь, сѣдой шалунъ!
Онъ Фебомъ былъ воспитанъ,
Издѣтства сталъ піитъ;
Всѣхъ больше перечитанъ [5]),
Всѣхъ менѣе томитъ;
Соперникъ Эврипида [6]),
Эраты [7]) нѣжный другъ,
Арьоста [8]), Тасса [9]) внукъ—
Скажу ль?.. отецъ Кандида [10])!
Онъ все: вездѣ великъ
Единственный старикъ!
На полкѣ за Вольтеромъ
Виргилій, Тассъ съ Гомеромъ,
Всѣ вмѣстѣ предстоятъ.
Въ часъ утренній досуга
Я часто другъ отъ друга
Люблю ихъ отрывать.
Питомцы юныхъ Грацій—
Съ Державинымъ потомъ
Чувствительный Горацій
Является вдвоемъ [11]).
И ты пѣвецъ любезный,
Поэзіей прелестной
Сердца привлекшій въ плѣнъ,
Ты здѣсь, лѣнтяй безпечный,
Мудрецъ простосердечный,
Ванюша Лафонтенъ [12]),
Ты здѣсь!.. И Дмитревъ нѣжный,
Твой вымыселъ любя,
Пріютъ нашелъ надежный
Съ Крыловымъ близъ тебя [13]).
Но вотъ наперсникъ милый
Психеи златокрылой [14])!
О добрый Лафонтенъ,
Съ тобой онъ смѣлъ сразиться...

---

[3]) Момъ—греч. богъ насмѣшки.—[4]) Вольтеръ (см. о немъ въ „Избр. соч. Карамз.“ I, въ указателѣ). [5]) Однакоже исключительное вліяніе Вольтера ограничивалось дѣтскимъ возрастомъ, а въ напечатанныхъ произведеніяхъ Пушкина оно едва замѣтно. Изъ подражаній и переводовъ Вольтеру извѣстно только три стих. (одно 1814: „Венерѣ отъ Лаисы“ и 2—1817 г. „Стансы“ и „Сновидѣніе“).—[6]) Вольтеръ былъ и драматическимъ писателемъ.—[7]) Эрато — муза лирической (въ особенности эротической) поэзіи—изображается съ киѳарой въ рукѣ).—[8]) Аріосто—итал. поэтъ (1474—1533), авторъ романтической поэмы „Неистовый Орландъ“.—[9]) Торквато Тассо—итал. поэтъ (1544—1595), авторъ поэмы „Освобожденный Іерусалимъ“.—[10]) „Кандидъ“—сатирическая повѣсть Вольтера.

[11]) Ср. въ „Моихъ Пенатахъ“:

Въ толпѣ и Музъ и Грацій,
То съ лирой, то съ трубой
Нашъ Пиндаръ, нашъ Горацій (Державинъ)
Сливаетъ голосъ свой...

[12]) Жанъ Лафонтенъ (1621—1655)—фр. баснописецъ.—[13]) Дмитріевъ—какъ баснописецъ, переводившій Лафонтена. Крыловъ—также.—[14]) Богдановичъ—авторъ „Душеньки“, въ которой онъ подражалъ Лафонтенову раз-

Колъ можешь ты дивиться,
Дивись: ты побѣжденъ!
Воспитанны Амуромъ
Вержье, Парни съ Грекуромъ [15])
Укрылись въ уголокъ
(Не разъ они выходятъ
И сонъ отъ глазъ отводятъ
Подъ зимній вечерокъ).
Здѣсь Озеровъ съ Расиномъ,
Руссо и Карамзинъ;
Съ Мольеромъ-исполиномъ
Фонъ-Визинъ и Княжнинъ.
За ними, хмурясь важно,
Ихъ Грозный Аристархъ [16])
Является отважно
Въ шестнадцати томахъ.
Хоть страшно стихоткачу
Лагарпа [17]) видѣть вкусъ,
Но часто, признаюсь,
Надъ нимъ я время трачу.
Кладбище обрѣли
На самой нижней полкѣ
Всѣ школьническіе толки,
Лежащіе въ пыли:
Визгова сочиненья,
Глупона псалмопѣнья,
Извѣстныя творенья,
Увы! однѣмъ мышамъ!
Миръ вѣчный и забвенье
И прозѣ и стихамъ!
Но ими огражденну
(Ты долженъ это знать)
Я спряталъ потаенну
Сафьянную тетрадь.
Сей свитокъ драгоцѣнный,
Вѣками сбереженный,
Отъ члена русскихъ силъ,
Двоюроднаго брата,
Драгунскаго солдата,
Я даромъ получилъ.
Ты кажется въ сомнѣньи...
Не трудно отгадать...
Такъ, это сочиненья,
Презрѣвшія печать.
Хвала вамъ, чада славы [18])
Враги парнасскихъ узъ!
О князь, наперсникъ музъ [19]),
Люблю твои забавы;
Люблю твой колкій стихъ
Въ посланіяхъ твоихъ,
Въ сатирѣ—знанье свѣта
И слога чистоту,
И въ рѣзвости куплета
Игриву остроту.
И ты, насмѣшникъ смѣлый [20]),
Въ ней мѣсто получилъ,
Чей въ Адѣ стихъ веселый
Поэтовъ раздражилъ,
Какъ въ юношески лѣты,
Въ волнахъ туманной Леты
Ихъ гуртомъ потопилъ;
И ты замысловатый
Буянова пѣвецъ [20]),
Въ картинахъ столь богатый
И вкуса образецъ [21]);
И ты, шутникъ, безцѣнный
Который Мельпомены

сказу: „Любовь Психеи и Купидона“, заимствованному изъ „Превращенія, или Золотого осла“ Апулея (лат. пис. II в. по Р. Х.).—[15]) Вержье († 1720)—фр. поэтъ.—Парни см. 4 вын. на 11 стр. Грекуръ (1684—1743)—фр. поэтъ.—[16]) Лагарпъ —(1739—1803)—франц. писатель и критикъ. Lycée ou Cours de littérature Лагарпа переведенъ на русскій языкъ Карабановымъ, Соколовымъ и Никольскимъ (1810—1814) подъ загл.: „Ликей, или Курсъ словесности древней и новой въ 5 ч. Онъ служилъ учебнымъ пособіемъ для старшаго возраста въ Лицеѣ („П. Въ Лицеѣ“ Гаевск., I, 167).—[17]) Стихъ Жуковскаго въ „Пѣвцѣ въ станѣ русскихъ воиновъ“ (1812).—[18]) Кн. Д. П. Горчаковъ (1768 — 1824), членъ Росс. Акад., принадлежалъ къ Шишковской „Бесѣдѣ Любителей русскаго слова“. Но Пушкинъ имѣетъ въ виду лучшія изъ его произведеній—сатиры.—[19]) Батюшковъ. Здѣсь намекъ на „Видѣніе на берегахъ Леты“, шутку, написанную имъ „истинно для круга друзей“ (Письмо Б. къ Гнѣд. 23 марта 1810).

[20]) В. Л. Пушкинъ написалъ „Опаснаго Сосѣда“, шуточное стихотвореніе, главное лицо котораго — Буяновъ.—[21]) См. стихъ В. Л. Пушкина о вкусѣ въ вступительной замѣткѣ къ №

Котурны и кинжалъ
Игривой Тальѣ далъ [22])!
Чья кисть мнѣ нарисуетъ,
Чья кисть скомпанируетъ
Такой оригиналъ?
Тутъ вижу я, съ Чернавкой [23])
Подщипа слезы льетъ;
Здѣсь князь дрожитъ подъ лавкой,
Тамъ дремлетъ весь совѣтъ;
Въ трагическомъ смятеньи,
Плѣненные цари,
Забывъ войну, сраженьи,
Играютъ въ кубари...
. . . .
О вы, въ моей пустынѣ
Любимые творцы!
Займите же отнынѣ
Безпечности часы.
Мой другъ! весь день я съ ними—
То въ думу углубленъ,
То мыслями своими
Въ Элизіи пренесенъ.
Когда же на закатѣ
Послѣдній лучъ зари
Потонетъ въ яркомъ златѣ,
И свѣтлые цари
Спускающейся [a] нощи
Плывутъ по небесамъ,
И тихо дремлютъ рощи,
И шорохъ по лѣсамъ —
Мой геній невидимкой
Летаетъ надо мной,
И я въ тиши ночной
Сливаю голосъ свой
Съ пастушьею волынкой.
Ахъ, счастливъ, счастливъ тотъ,
Кто лиру въ даръ отъ Феба
Во цвѣтѣ дней возьметъ!
Какъ смѣлый житель неба,
Онъ къ солнцу воспаритъ,
Превыше смертныхъ станетъ,
И слава громко грянетъ:
„Безсмертенъ ввѣкъ піитъ!»
Но ею мнѣ ль гордиться,
Но мнѣ ль безсмертьемъ льститься?...
До слезъ я спорить радъ.
Не бьюсь лишь объ закладъ...
Какъ знать? и мнѣ, быть можетъ,
Печать свою наложитъ
Небесный Аполлонъ;
Сіяя горнимъ свѣтомъ,
Безтрепетнымъ полетомъ
Взлечу на Геликонъ.
Не весь я преданъ тлѣнью;
Съ моей, быть можетъ, тѣнью
Полуночной порой
Сынъ Феба молодой,
Мой правнукъ просвѣщенный,
Бесѣдовать придетъ,
И мною вдохновенный
На лирѣ воздохнетъ.
Покамѣстъ, другъ безцѣнный,
Каминомъ освѣщенный
Сижу я подъ окномъ
Съ бумагой и перомъ.
Не слава предо мною,
Но дружбою одною
Я нынѣ вдохновенъ...
Мой другъ, я счастливъ ею;
Почто жъ ея сестрой,
Любовію младой,
Напрасно пламенѣю?
Иль юности златой
Вотще даны мнѣ розы,
И лить навѣки слезы
Въ юдоли, гдѣ расцвѣлъ,—
Мой горестный удѣлъ?..
Пѣвца сопутникъ милый,
Мечтанье легкокрыло!
О, будь же ты со мной?
. . . .
Но все ли, милый другъ,
Быть счастья въ упоеньѣ?

---

[a] Смеркающейся (Акд. изд.).

2-му.—[22]) Крыловъ (баснописецъ). Въ его трагедіи „Трумфъ" (шуткѣ-карикатурѣ въ стихахъ, 1802) высмѣивается герой этого имени, нѣмецкій принцъ, получившій отказъ въ рукѣ дочери царя Вакулы, Подщипы, и овладѣвшій его городомъ. — [23]) Чернавка — дѣвка Подщипы.

И въ грусти томный духъ
Находитъ наслажденье:
Люблю я въ лѣтній день
Бродить одинъ съ тоскою,
Встрѣчать вечерню тѣнь
Надъ тихою рѣкою,
И съ сладостной слезою
Въ даль сумрачну смотрѣть;
Люблю съ моимъ Мароном[24],
Подъ яснымъ небосклономъ,
Близъ озера сидѣть,
Гдѣ лебедь бѣлоснѣжный,
Оставя злакъ прибрежный,
Любви и нѣги полнъ,
Съ подругою своею,
Закинувъ гордо шею,
Плыветъ во златѣ волнъ;
Или, для развлеченья,
Оставя книгъ ученье,
Въ досужный мнѣ часокъ
У добренькой старушки
Душистый пью чаекъ;
Не подхожу я къ ручкѣ,
Не шаркаю предъ ней,
Она не присѣдаетъ,
Но тотчасъ же вѣстей
Мнѣ пропасть наболтаетъ.
Газеты собираетъ
Со всѣхъ она сторонъ,
Все свѣдаетъ, узнаетъ:
Кто умеръ, кто влюбленъ...
. . . .
Ѳома свою хозяйку
Ни за что наказалъ,
Антошка балалайку,
Играя, разломалъ—
Старушка все разскажетъ.
Межъ тѣмъ какъ юбку вяжетъ,
Болтаетъ все свое;
А я сижу смиренно,
Въ мечтаньяхъ углубленный,
Не слушая ее,
Ни риѳмы Удалова[a]...
Такъ нѣкогда Свистова[25])
Въ столицѣ я внималъ,
Когда свои творенья
Онъ съ жаромъ мнѣ читалъ.
Ахъ, видно, Богъ пыталъ
Тогда мое терпѣнье!
Иль добрый мой сосѣдъ[26]),
Семидесяти лѣтъ,
Уволенный отъ службы
Маіоромъ отставнымъ,
Зоветъ меня изъ дружбы
Хлѣбъ-соль откушать съ нимъ.
Вечернею пирушкой
Старикъ развеселясь,
За дѣдовскою кружкой,
Въ прошедшемъ углубясь,
Съ очаковской медалью
На раненной груди,
Воспомнитъ ту баталью,
Гдѣ, роты впереди,
Летѣлъ навстрѣчу славы,
Но встрѣтился съ ядромъ,
И палъ на долъ кровавый
Съ булатнымъ палашомъ.
Всегда я радъ душою
Съ нимъ время провождать...

---

[a] Не слушая ее. На риѳмы удалова (Акд. изд.).

---

[24]) Вергилій Маронъ.—[25]) Гр. Дм. Ив. Хвостовъ (1757—1835), бездарный стихотворецъ, печатавшій множество плохихъ стиховъ, самъ покупавшій ихъ въ книжныхъ лавкахъ и дарившій первому встрѣчному, былъ посмѣшищемъ своихъ современниковъ. Прозвище „Свистова" дано ему Батюшковымъ, который въ посланіи къ Жуковскому (1812 г.) говоритъ:

Свои стихотворенья
Читаетъ мнѣ Свистовъ.

[26]) Считать эту сцену тоже воспроизведеніемъ дѣйствительности — данныхъ не имѣемъ. Сверхъ того она слишкомъ напоминаетъ слѣдующіе стихи Батюшкова въ „Моихъ Пенатахъ" (вслѣдъ за призывомъ воина (см. выноску къ стиху 59):

О старецъ, убѣленный
Годами и трудомъ,
Трикраты уязвленный
На приступѣ штыкомъ!
Двуструнной балалайкой
Походы прозвени,
Про витязя съ нагайкой
Что въ жупелъ и огни
Леталъ передъ полками
Какъ вихорь на поляхъ,
И вкругъ его рядами
Враги ложились въ прахъ.

5. Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ.

(1815).

Послѣ описанія Царскаго Села и памятниковъ, воскрешающихъ славные дни Екатерины II, молодой поэтъ обращается къ современнымъ событіямъ въ дни „достойнаго ея внука“. Гибель Наполеона, взятіе Парижа и великодушный міръ, дарованный русскимъ императоромъ вмѣсто мщенія, составляютъ главное содержаніе этого стихотворенія, въ концѣ котораго Пушкинъ обращается къ „пѣвцу нашихъ дней“ Жуковскому, какъ автору „Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ“ (1812).

По замѣчанію Я. К. Грота, вся обстановка новаго училища была необыкновенно благопріятна для развитія поэтическаго таланта. Царскосельскій Лицей соединялъ въ себѣ двоякое обаяніе свѣжихъ историческихъ воспоминаній и живописныхъ красотъ мѣстности, хотя и созданныхъ болѣе чудесами искусства, нежели природой. Съ одной стороны—сады и рощи, очаровательно тихое уединеніе, величавые памятники военной славы, и посреди всего этого—невидимый, но всюду присущій, исполинскій и прекрасный образъ геніальной Екатерины.

По замѣчанію Бѣлинскаго (1844), въ этомъ стихотвореніи замѣтно вліяніе Жуковскаго. Стихи этого произведенія Бѣлинскій называетъ „сильными“, но упрекаетъ его въ декламаціи и реторичности.

Стихотвореніе это, которое заставилъ 16-лѣтняго Пушкина написать профессоръ Лицея Галичъ (временно, съ мая 1814 по іюнь 1815, замѣнявшій заболѣвшаго Кошанскаго, преподавателя русскаго и латинскаго языковъ [1]), было читано Пушкинымъ на экзаменѣ въ январѣ 1815 г. въ присутствіи Министра Народнаго Просвѣщенія кн. Голицына и посѣтителей (въ томъ числѣ—Г. Р. Державина и Филарета, въ то время архимандрита и ректора Александро-Невской Духовной Академіи). Вотъ какъ самъ Пушкинъ вспоминаетъ объ этомъ въ своихъ замѣткахъ о Державинѣ 1833 г.: Державина видѣлъ я только однажды въ жизни; но никогда того не забуду. Это было 1815 г. на публичномъ экзаменѣ въ Лицеѣ. Какъ узнали мы, что Державинъ будетъ къ намъ, всѣ мы взволновались.... Державинъ былъ очень старъ [2]). Онъ былъ въ мундирѣ и плисовыхъ сапогахъ. Экзаменъ нашъ очень его утомилъ: онъ сидѣлъ поджавши голову рукою; лицо его было безсмысленно, глаза мутны, губы отвисли... Онъ дремалъ до тѣхъ поръ, пока не начался экзаменъ русской словесности. Тутъ онъ оживился: глаза заблистали, онъ преобразился весь. Разумѣется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Онъ слушалъ съ живостію необыкновенною. Наконецъ вызвали меня. Я прочелъ мои „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“, стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина. Я не въ силахъ описать состоянія души моей, когда дошелъ я до стиха, гдѣ упоминается

---

[1]) См. Дневникъ Пушкина 1834, 17 марта (Соч. V, 432).—[2]) Державину тогда было $71^1/_2$ г.—

Державинъ (въ строфѣ 8-й); голосъ мой отроческій зазвенѣлъ, а сердце забилось съ упоительнымъ восторгомъ... Не помню, какъ я кончилъ свое чтеніе; не помню, куда убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеніи: онъ меня требовалъ, хотѣлъ меня обнять... Меня искали, но не нашли." — Лицейскій товарищъ Пушкина И. И. Пущинъ въ воспоминаніяхъ своихъ такъ выражаетъ свои ощущенія при этомъ: „Читалъ Пушкинъ съ необыкновеннымъ оживленіемъ. Пока я слушалъ знакомые стихи, морозъ по кожѣ пробѣгалъ у меня: когда же патріархъ нашихъ пѣвцовъ, въ восторгѣ, со слезами на глазахъ бросился цѣловать поэта [4]) — его уже не было; онъ убѣжалъ".

Стихотвореніе это напечатано впервые въ „Росс. Музеумѣ" 1815 г., № 4. Подъ нимъ въ первый разъ явилась въ печати полная подпись: Александръ Пушкинъ, вмѣсто заглавныхъ буквъ, цыфръ и др. обозначеній, какъ было подъ предыдущими стихотвореніями. „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ" сопровождались выноскою издателя „Росс. Музеума" (В. Измаилова): „За доставленіе сего подарка благодаримъ искренно родственниковъ молодого поэта, котораго талантъ такъ много обѣщаетъ". Конечно, родственникомъ, доставившимъ стихотвореніе Измайлову, былъ дядя юнаго поэта В. Л. Пушкинъ.

---

1 Нависъ покровъ угрюмой нощи
На сводѣ дремлющихъ небесъ;
Въ безмолвной тишинѣ почили долъ и рощи,
Въ сѣдомъ туманѣ дальній лѣсъ;
Чуть слышится ручей, бѣгущій въ сѣнь дубравы,
Чуть дышитъ вѣтерокъ, уснувшій на листахъ,
И тихая луна, какъ лебедь величавый,
Плыветъ въ сребристыхъ облакахъ.

2 Плыветъ—и блѣдными лучами
Предметы освѣтила вкругъ;
Аллеи древнихъ липъ открылись предъ очами,
Проглянули и холмъ и лугъ.
Здѣсь, вижу, съ тополемъ сплелась младая ива
И отразилася въ кристалѣ зыбкихъ водъ;
Царицей средь полей лилея горделива
Въ роскошной красотѣ цвѣтетъ.

3 Съ холмовъ кремнистыхъ водопады
Стекаютъ бисерной рѣкой;
Тамъ въ тихомъ озерѣ плескаются наяды
Его лѣнивою волной;

---

[4]) Растроганный сказавъ: „Я не умеръ" (П. въ Л. Гаевскаго, III, 170). Державинъ умеръ черезъ годъ. Дельвигъ въ своей одѣ на смерть его (написанной бѣлыми стихами) первый предсказалъ въ Пушкинѣ преемника Державину.

А тамъ, въ безмолвіи, огромные чертоги,
На своды опершись, несутся къ облакамъ.
Не здѣсь ли мирны дни вели зимные боги?
Не се ль Минервы росской храмъ[5])?

4 Не се ль Элизіумъ полнощный,
Прекрасный царскосельскій садъ,
Гдѣ, льва сразивъ, почилъ орелъ Россіи мощный
На лонѣ мира и отрадъ [6])?
Увы! промчалися тѣ времена златыя,
Когда подъ скипетромъ Великія Жены
Вѣнчалась славою счастливая Россія,
Цвѣтя подъ кровомъ тишины.

5 Здѣсь каждый шагъ въ душѣ рождаетъ
Воспоминанья прежнихъ лѣтъ;
Воззрѣвъ вокругъ себя, со вздохомъ россъ вѣщаетъ:
„Исчезло все, Великой нѣтъ“!
И въ думу углубленъ, надъ злачными брегами
Сидитъ въ безмолвіи, склоняя вѣтрамъ слухъ.
Протекшія лѣта мелькаютъ предъ очами,
И въ тихомъ восхищеньѣ духъ.

6 Онъ видитъ: окруженъ волнами,
Надъ твердой, мшистою скалой
Вознесся памятникъ. Ширяяся крылами,
Надъ нимъ сидитъ орелъ младой.
И цѣпи тяжкія и стрѣлы громовыя
Вкругъ грознаго столпа трикраты обвились,
Кругомъ подножія, шумя, валы сѣдые
Въ блестящей пѣнѣ улеглись [7]).

7 Въ тѣни густой угрюмыхъ сосенъ
Воздвигся памятникъ простой.

---

[5]) Дворецъ, гдѣ жили Императрицы Елисавета и Екатерина II. Онъ построенъ Растрелли въ 1744 г. „Несмотря на то, что время истребило яркую позолоту, коею были густо покрыты кровля, карнизы, статуи и другія украшенія, онъ все еще можетъ почесться великолѣпнѣйшимъ изъ дворцовъ въ Европѣ. Еще видны на нѣкоторыхъ статуяхъ остатки сей удивительной роскоши“. Такъ описывалъ лицеистъ Матюшкинъ дворецъ этотъ послѣ выпуска изъ Лицея. (Старина Ц. С. Лицея, Р. А. 1875). Этотъ роскошный дворецъ, какъ видно, привлекалъ вниманіе лицеистовъ. О немъ ходили среди нихъ и разсказы: какъ при первомъ его осмотрѣ Имп. Елисаветою всѣ дивились ему, и фр. министръ маркизъ де-ла-Шетарди при этомъ сказалъ, что не находитъ главной вещи: футляра на сію драгоцѣнность; какъ подрядчики предлагали 20,000 червонцевъ только за позволеніе собрать оставшееся на крышѣ золото, когда И. Екатерина II приказала ее выкрасить зеленою краскою (ib.).—[6]) Побѣдитель шведовъ (льва)—адмиралъ Грейгъ.—[7]) Изображеніе памятника гр. Алексѣю Григорьевичу Орлову.

О, сколь онъ для тебя, Кагульскій брегъ, поносенъ
И славенъ родинѣ драгой [8])!
Безсмертны вы во вѣкъ, о росски исполины,
Въ бояхъ воспитанны средь бурныхъ непогодъ,
О васъ, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдетъ молва изъ рода въ родъ.

8 О, громкій вѣкъ военныхъ споровъ,
Свидѣтель славы россіянъ!
Ты видѣлъ, какъ Орловъ, Румянцовъ и Суворовъ,
Потомки грозные славянъ,
Перуномъ Зевсовымъ побѣду похищали!
Ихъ смѣлымъ подвигамъ, страшась, дивился міръ;
Державинъ и Петровъ [9]) героямъ пѣснь бряцали
Струнами громозвучныхъ лиръ.

9 И ты промчался, незабвенный!
И вскорѣ новый вѣкъ узрѣлъ
И брани новыя, и ужасы военны:
Страдать—есть смертнаго удѣлъ.
Блеснулъ кровавый мечъ въ неукротимой длани
Коварствомъ, дерзостью вѣчаннаго царя [10]);
Возсталъ вселенной бичъ—и вскорѣ лютой брани
Зардѣлась грозная заря;

10 И быстрымъ понеслись потокомъ
Враги на русскія поля.
Предъ ними мрачна степь лежитъ во снѣ глубокомъ,
Дымится кровію земля,
И села мирныя, и грады въ мглѣ пылаютъ,
И небо заревомъ одѣлося вокругъ,
Лѣса дремучіе бѣгущихъ укрываютъ,
И праздный въ полѣ ржавитъ плугъ.

11 Идутъ. Ихъ силѣ нѣтъ препоны:
Все рушатъ, все свергаютъ въ прахъ,
И тѣни блѣдныя погибшихъ чадъ Беллоны [11]),
Въ воздушныхъ съединясь полкахъ,

---

[8]) Памятникъ въ честь побѣды на берегахъ Кагула, гдѣ Румянцовъ съ 17.000 войска разбилъ 150.000-ю турецкую армію визиря въ 1-ю турецкую войну Имп. Екатерины II.—[9]) Значеніе Петрова, какъ автора торжественныхъ одъ (изъ нихъ особенно пользовалась извѣстностію „На побѣду россійскаго флота надъ турецкимъ при Чесмѣ", 1770), придаваемое ему молодымъ Пушкинымъ на ряду съ Державинымъ, объясняется тѣмъ уваженіемъ, которое оказывали его произведеніямъ авторитеты Пушкина. Такъ И. И. Дмитріевъ въ выноскѣ къ „Чужому толку" замѣтилъ, что его насмѣшка надъ писателями одъ не можетъ относиться къ произведеніямъ Петрова, Хераскова, Державина.—[10]) Наполеона.—[11]) Беллона (Дуеллона)—римская богиня войны. Она является у поэтовъ то женою, то сестрою Марса.

Въ могилу мрачную нисходятъ непрестанно,
Иль бродятъ по лѣсамъ въ безмолвіи ночи...
Но клики раздались!... Идутъ въ дали туманной...
Звучатъ кольчуги и мечи!

12 Страшись, о рать иноплеменныхъ:
Россіи двинулись сыны!
Возсталъ и старъ, и младъ, летятъ на дерзновенныхъ;
Сердца ихъ мщеньемъ возжены.
Вострепещи, тиранъ! Ужъ близокъ часъ паденья!
Ты въ каждомъ ратникѣ узришь богатыря.
Ихъ цѣль: иль побѣдить, иль пасть въ пылу сраженья
За вѣру, за царя.

13 Ретивы кони бранью пышутъ,
Усѣянъ ратниками долъ;
За строемъ строй течетъ, всѣ местью, славой дышутъ,
Восторгъ во грудь ихъ перешелъ;
Летятъ на грозный пиръ, мечамъ добычи ищутъ,
И се—пылаетъ брань; на холмахъ громъ гремитъ,
Въ сгущенномъ воздухѣ съ мечами стрѣлы свищутъ,
И брызжетъ кровь на щитъ.

14 Сразились—русскій побѣдитель!
И вспять бѣжитъ надменный галлъ;
Но сильнаго въ бояхъ небесный Вседержитель
Лучемъ послѣднимъ увѣнчалъ:
Но здѣсь его сразилъ воитель посѣдѣлый [12]).
О, Бородинскія кровавыя поля,
Не вы неистовству и гордости предѣлы:
Увы, на башняхъ галлъ Кремля!....

15 Края Москвы, края родные,
Гдѣ на зарѣ цвѣтущихъ лѣтъ
Часы безпечности я тратилъ золотые,
Не зная горестей и бѣдъ,
И вы ихъ видѣли, враговъ моей отчизны,
И васъ багрила кровь и пламень пожиралъ!
И въ жертву не принесъ я мщенья вамъ и жизни...
Вотще лишь гнѣвомъ духъ пылалъ!

16 Гдѣ ты, краса Москвы стоглавой,
Родимой прелесть стороны?
Гдѣ прежде взору градъ являлся величавый,
Развалины теперь одни.
Москва, Сколь русскому твой зракъ унылый страшенъ!
Исчезли зданія вельможей и царей.
Все пламень истребилъ, вѣнцы затмились башенъ,
Чертоги пали богачей.

12) Кутузовъ.

17 И тамъ, гдѣ роскошь обитала,
Въ сѣнистыхъ рощахъ и садахъ,
Гдѣ миртъ благоухалъ и липа трепетала,
Тамъ нынѣ угли, пепелъ, прахъ;
Въ часы безмолвные прекрасной лѣтней нощи
Веселье шумное туда не полетитъ,
Не блещутъ ужъ въ огняхъ брега и свѣтлы рощи—
Все мертво, все молчитъ...

18 Утѣшься, мать градовъ Россіи,
Воззри на гибель пришлеца!
Отяготѣла днесь на ихъ надменный выи
Десница мстящая Творца.
Взгляни: они бѣгутъ, озрѣться не дерзаютъ,
Ихъ кровь не престаетъ въ снѣгахъ рѣками течь,
Бѣгутъ—и въ тьмѣ ночной ихъ гладъ и смерть срѣтаютъ,
А съ тыла гонитъ россовъ мечъ.

19 О вы, которыхъ трепетали
Европы сильны племена,
О, галлы хищные! и вы въ могилы пали...
О, страхъ! О, грозны времена!
Гдѣ ты, любимый сынъ и счастья, и Беллоны,
Презрѣвшій правды гласъ, и вѣру, и законъ?
Въ гордынѣ возмечтавъ мечемъ низвергнуть троны,
Исчезъ, какъ утромъ страшный сонъ!

20 Въ Парижѣ россъ! Гдѣ факелъ мщенья?
Поникни, Галлія, главой!
Но что я зрю? Герой съ улыбкой примиренья
Грядетъ съ оливою златой;
Еще военный громъ грохочетъ въ отдаленьѣ,
Москва въ уныніи, какъ степь въ полнощной мглѣ—
А онъ несетъ врагу не гибель, но спасенье,
И благотворный миръ землѣ.

21 Достойный внукъ Екатерины!
Почто небесныхъ Аонидъ,
Какъ нашихъ дней пѣвецъ, славянскій бардъ дружины [a],
Мой другъ восторгомъ не горитъ?
О, если бъ Аполлонъ піитовъ даръ чудесный
Вліялъ мнѣ нынѣ въ грудь! Тобою восхищенъ,
На лирѣ бъ возгремѣлъ гармоніей небесной
И возсіялъ во тьмѣ временъ!

22 О, скальдъ Россіи вдохновенный,
Воспѣвшій ратныхъ грозный строй,

a Какъ древнихъ лѣтъ пѣвецъ, какъ лебедь странъ Эллины (автографъ, найденный въ бумагахъ Державина).

Въ кругу друзей твоихъ, съ душой воспламененной,
Взгреми на арфѣ золотой!
Да снова стройный гласъ герою въ честь прольется,
И струны трепетны посыплютъ огнь въ сердца,
И ратникъ молодой вскипитъ и содрогнется
При звукахъ браннаго пѣвца.

---

6. Лицинію.

(1815).

Это одно изъ лучшихъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина, выбранное имъ самимъ въ изданіе стих. 1826 г. въ числѣ 4-хъ изъ 32-хъ стихотвореній этого года. Оно свидѣтельствуетъ, какъ рано уже умѣлъ Пушкинъ извлеченное изъ чтенія и уроковъ исторіи претворять въ типическіе образы, полные жизни. Въ этомъ стихотвореніи рисуются два яркихъ римскихъ типа временъ упадка: молодой временщикъ Ветулій и мудрецъ Даметъ, мрачно покидающій раболѣпную столицу. Обѣ фигуры выступаютъ въ монологѣ эпикурейца, вскормленнаго павшею республикою. Пушкинъ выдавалъ это стихотвореніе своимъ товарищамъ за переводъ съ лат. (П. въ Л. Гаевск. III, 352).

Лициній, зришь ли ты: на быстрой колесницѣ,
Вѣнчанный [а] лаврами, въ блестящей багряницѣ,
Спесиво развалясь, Ветулій молодой
Въ толпу народную летитъ по мостовой?
Смотри, какъ всѣ предъ нимъ смиренно спину клонятъ;
Смотри, какъ ликторы [б] народъ несчастный гонятъ!
Льстецовъ, сенаторовъ, прелестницъ длинный рядъ
Умильно вслѣдъ за нимъ стремитъ усердный взглядъ [в];
Ждутъ, ловятъ съ трепетомъ [г] улыбки, глазъ движенья,
Какъ будто дивнаго боговъ благословенья;
И дѣти малыя, и старцы въ сѣдинахъ [д],
Всѣ ницъ предъ идоломъ безмолвно пали въ прахъ [е]:
Для нихъ [ж] и слѣдъ колесъ, въ грязи напечатлѣнный,
Есть [з] нѣкій памятникъ почетный и священный [и].
О, Ромуловъ народъ, скажи, давно ль ты палъ [і]?
Кто васъ поработилъ и властью оковалъ [к]?
Квириты гордые подъ иго преклонились.
Кому жъ, о небеса, кому поработились?
Скажу ль: Ветулію! Отчизны стыдъ моей,
Развратный юноша возсѣлъ въ совѣтъ мужей;

а Увѣнчанъ.—б какъ ликторовъ полки.—в Съ покорностью ему умильный мещутъ взглядъ.—г Ждутъ въ тайномъ трепетѣ...—д съ сѣдиной.—е Стремятся всѣ за нимъ и взоромъ и душой.—ж И даже...—з Какъ.—и имъ, кажется, священны.—і предъ кѣмъ ты палъ во прахъ?—к Предъ кѣмъ восчувствовалъ въ душѣ столь низкій страхъ?

Любимецъ деспота сенатомъ слабымъ правитъ,
На Римъ простеръ яремъ, отечество безславитъ;
Ветулій—римлянъ царь!.. О стыдъ [л], о времена!
Или вселенная на гибель предана?
Но кто подъ портикомъ, съ поникшею главою [м],
Въ изорванномъ плащѣ, съ дорожною [н] клюкою,
Сквозь шумную толпу нахмуренный [о] идетъ?
Куда ты, нашъ мудрецъ, другъ истины, Даметъ [п]?
„Куда? не знаю самъ; давно молчу и вижу [р].
Навѣкъ оставлю Римъ: я рабство ненавижу [с]“.
Лициній, добрый другъ! Не лучше ли и намъ,
Смиренно преклонясь *) Фортунѣ и мечтамъ [т],
Сѣдого циника [у] примѣромъ научиться?
Съ развратнымъ городомъ не лучше ль намъ проститься [ф],
Гдѣ все продажное [х]: законы, правота,
И консулъ, и трибунъ [ц], и честь, и красота?
Пускай Глицерія, красавица младая,
Равно всѣмъ общая, какъ чаша круговая,
Неопытность другихъ въ наемну ловитъ сѣть [ч]:
Намъ стыдно слабости съ морщинами имѣть [ш].
Тщеславной юности оставимъ блескъ веселій:
Пускай безстыдный Клитъ, слуга вельможъ [щ] Корнелій,
Торгуютъ подлостью и съ дерзостнымъ челомъ [ъ]
Отъ знатныхъ къ богачамъ ползутъ [ы] изъ дома въ домъ!
Я сердцемъ римлянинъ; кипитъ въ груди свобода;
Во мнѣ не дремлетъ духъ великаго народа.
Лициній, поспѣшимъ далеко отъ заботъ,
Безумныхъ мудрецовъ, обманчивыхъ красотъ [ь]!
Завистливой судьбы въ душѣ презрѣвъ удары,
Въ деревню пренесемъ отеческіе лары [ѣ]!
Въ прохладѣ древнихъ рощъ [э], на берегу морскомъ,
Найти не трудно намъ укромный [ю], свѣтлый домъ,
Гдѣ, больше не страшась народнаго волненья,
Подъ старость отдохнемъ въ глуши [я] уединенья.
И тамъ расположась въ уютномъ уголкѣ,
При дубѣ пламенномъ, возженномъ въ камелькѣ,
Воспомнивъ старину за дѣдовскимъ фіаломъ,
Свой духъ воспламеню жестокимъ [ѳ] Ювеналомъ,

[л] о срамъ!—[м] съ руками за спиною.—[н] и нищенской.—[о] Поникнувъ головой, нахмурившись...—[п] Не ошибаюсь я, философъ то Даметъ. Даметъ, куда, скажи, въ одеждѣ столь убогой, Средь Рима пышнаго бредешь своей дорогой?—[р] пустыни я ищу, Среди разврата жить ужъ больше не хочу. Япетовыхъ дѣтей пороки, злобу вижу.— [с] Навѣкъ оставлю Римъ: я людства ненавижу“.—*) Поклонясь (Акд. изд.).— [т] Отдавъ поклонъ мечтѣ, Фортунѣ, суетамъ.—[у] старика.—[ф] Не лучше ли скорѣй со градомъ распроститься. — [х] На откупѣ. — [ц] И жены и мужья. — [ч] Другихъ не опытныхъ въ любовну ловятъ сѣть.—[ш] Летитъ отъ старика любовь въ толпѣ веселій.—[щ] вельможей рабъ.—[ъ] Оставя ложе сна, съ запѣвшимъ пѣтухомъ.—[ы] бѣгутъ.—[ь] Докучныхъ риторовъ, парнасскихъ Геростратовъ.—49-го стиха не было.— [ѣ] Въ деревню принесемъ отеческихъ пенатовъ.—[э] Въ тѣнистой рощицѣ.—[ю] красивый.—[я] въ тиши.—[ѳ] Петрономъ.

Въ сатирѣ праведной [v] порокъ изображу,
И нравы сихъ вѣковъ потомству обнажу.

О Римъ, о гордый край разврата, злодѣянья!
Придетъ ужасный день, день мщенья, наказанья!
Предвижу грознаго величія конецъ:
Падетъ, падетъ во прахъ вселенныя вѣнецъ.
Народы юные [аа], сыны свирѣпой брани,
Съ мечами на тебя подымутъ мощны длани [бб],
И горы, и моря оставятъ за собой,
И хлынутъ на тебя кипящею рѣкой.
Исчезнетъ Римъ; его покроетъ мракъ глубокій;
И путникъ, устремивъ на груды камней око,
Воскликнетъ, въ мрачное раздумье [вв] углубленъ:
„Свободой Римъ возросъ, а рабствомъ погубленъ“.

---

7. **Къ Батюшкову**.

(1815).

Это посланіе, будучи отвѣтомъ на предложеніе Батюшкова (см, строфу 3), есть подраженіе посланіямъ Батюшкова къ Жуковскому и Жуковскаго къ Батюшкову. Оно свидѣтельствуетъ, что анакреонтическую поэзію юный Пушкинъ считалъ своимъ поприщемъ. Оно цѣнно тѣмъ, что вмѣстѣ съ стих. № 1, № 4 (ст. 247 — 251), № 5 (строфа 21), № 8 (строфы 7, 8 и 9) и № 9, представляетъ одинъ изъ тѣхъ первоначальныхъ набросковъ, въ которыхъ онъ пытался опредѣлить свой поэтическій даръ, и которые связываются съ позднѣйшими его стихотвореніями того же содержанія, каковы „Муза“ (1821) и наконецъ „Памятникъ“ (1836).

Стих. это напечатано впервые въ „Русс. Музеумѣ“ 1815, № 6.

---

1 Въ пещерахъ Геликона
Я нѣкогда рожденъ;
Во имя Аполлона
Тибулломъ 1) окрещенъ,
И свѣтлой Ипокреной
Съ издѣтства напоенный,
Подъ кровомъ вешнихъ розъ
Поэтомъ я возросъ.
2 Веселый сынъ Эрмія
Ребенка полюбилъ,
Въ дни рѣзвости златые
Мнѣ дудку подарилъ.
Знакомясь съ нею, рано
Дудилъ я безпрестанно [а];
Нескладно хоть игралъ,
Но музамъ не скучалъ.
3 А ты, пѣвецъ забавы,
И другъ пермесскихъ дѣвъ,
Ты хочешь, чтобы славы
Стезею полетѣвъ,
Простясь съ Анакреономъ,
Спѣшилъ я за Марономъ,

---

[v] въ гремящей сатирѣ.—[аа] дикіе.—[бб] Войны ужасный мечъ пріялъ въ кровавы длани.—[вв] Речетъ задумавшись, въ мечтаньяхъ... (Вар. по первонач. тексту въ „Росс. Музеумѣ“ 1815).—[а] Непрестанно. (Акд. изд.).

1) Тибуллъ—римскій элегикъ (43 до Р. Х.—20 г. по Р. Х.).

И пѣлъ при звукахъ лиръ
Войны кровавый пиръ.

4 Дано мнѣ мало Фебомъ:
Охота—скудный даръ;
Пою подъ чуждымъ небомъ,
Вдали домашнихъ ларъ,
И съ дерзостнымъ Икаромъ [3])
Страшась летать, не даромъ
Бреду своимъ путемъ:
„Будь всякій при своемъ“ [4]),

---

8. Мечтатель.

(1815).

По замѣчанію Бѣлинскаго (1844), стихотвореніе это показываетъ сильное вліяніе Батюшкова.

По мнѣнію Анненкова (1855), оно представляетъ, среди подражательныхъ опытовъ юнаго Пушкина, первое проявленіе самостоятельнаго таланта.

Размѣръ его, употреблявшійся и Батюшковымъ,—одинъ изъ любимыхъ размѣровъ Жуковскаго.

Стихотвореніе замѣчательно граціознымъ изображеніемъ юной музы Пушкина (ср. вступительную замѣтку къ № 7-му) — строфы 7, 8 и 9—и идеализаціей жизни поэта (стр. 9 и 10), надъ которою онъ часто задумывался уже въ эту начальную пору своего поприща (ср. стих. № 1, ст. 75—80; № 2, № 4 (252—277), № 9 и № 10 (23—35 и съ 38 до конца).

Напечатано впервые въ „Росс. Муз.“ 1815, № 9.

---

1 По небу крадется луна,
На холмѣ тьма сѣдѣетъ,
На воды пала тишина,
Съ долины вѣтеръ вѣетъ;
Молчитъ пѣвица вешнихъ дней
Въ пустынѣ темной рощи,
Стада почили средь полей,
И тихъ полетъ полнощи.

2 И мирной нѣги уголокъ
Ночь сумракомъ одѣла,
Въ каминѣ гаснетъ огонекъ,
И свѣчка нагорѣла;
Стоитъ боговъ домашнихъ ликъ,
Въ кивотѣ небогатомъ,
И блѣдный теплится ночникъ
Предъ глинянымъ пенатомъ.

3 Главою на руку склоненъ,
Въ забвеніи глубокомъ,
Я въ сладки думы погруженъ
На ложѣ одинокомъ;
Съ волшебной ночи темнотой,
При мѣсячномъ сіяньѣ,
Слетаютъ рѣзвою толпой
Крылатыя мечтанья,

4 И тихій, тихій льется гласъ,
Дрожатъ златыя струны.
Въ глухой, безмолвный мрака часъ
Поетъ мечтатель юный;
Исполненъ тайною тоской,
Мечтаньемъ вдохновенный,
Летаетъ рѣзвою рукой
На лирѣ оживленной.

---

[2]) Икаръ—(въ греч. миѳологіи) сынъ Дедала, спасся съ нимъ изъ лабиринта, взлетѣвъ на восковыхъ крыльяхъ, которыя однако растаяли при приближеніи къ солнцу, и Икаръ упалъ въ море близъ о. Самоса (Икарійское море).—[4]) Стихъ Жуковскаго въ посл. Батюшкову.

5 Блаженъ, кто въ низкій свой шалашъ
Въ мольбахъ не проситъ счастья!
Ему Зевесъ надежный стражъ
Отъ грознаго ненастья;
На макахъ лѣни, въ тихій часъ
Онъ сладко засыпаетъ,
И бранныхъ трубъ ужасный гласъ
Его не пробуждаетъ.
6 Пускай, ударя въ звонкій щитъ
И съ видомъ дерзновеннымъ
Мнѣ слава издали грозитъ
Перстомъ окровавленнымъ,
И бранны вьются знамена,
И пышетъ бой кровавый —
Прелестна сердцу тишина;
Нейду, нейду за славой.
7 Нашелъ въ глуши я мирный кровъ,
И дни веду смиренно;
Дана мнѣ лира отъ боговъ,
Поэту даръ безцѣнный;
И муза вѣрная со мной:
Хвала тебѣ, богиня!
Тобою красенъ домикъ мой
И дикая пустыня.
8 На слабомъ утрѣ дней златыхъ
Пѣвца ты осѣнила,
Вѣнкомъ изъ миртовъ молодыхъ
Чело его покрыла,
И горнимъ свѣтомъ озарясь,
Влетала въ скромну келью,
И чуть дышала, преклонясь
Надъ дѣтской колыбелью.
9 О, будь мнѣ спутницей младой
До самыхъ вратъ могилы!
Летай съ мечтаньемъ надо мной,
Расправя легки крылы;
Гоните [а] мрачную печаль,
Плѣняйте [б] умъ... обманомъ,
И милой жизни свѣтлу даль
Кажите [в] за туманомъ!
10 И тихъ мой будетъ поздній часъ;
И смерти добрый геній
Шепнетъ, у двери постучась:
„Пора въ жилище тѣней“!..
Такъ въ зимній вечеръ сладкій сонъ
Приходитъ къ мирной сѣни,
Вѣнчанный макомъ, и склоненъ
На посохъ томной лѣни...

---

9. Изъ посланія кн. Александру Михайловичу Горчакову.

(1815).

Въ помѣщаемомъ здѣсь вступленіи именниннаго посланія къ лицейскому товарищу (впослѣдствіи государственному канцлеру кн. А. М. Горчакову) снова юный Пушкинъ противополагаетъ „свой складъ“ громкимъ стихамъ важныхъ поэтовъ (ср. вступ. зам. къ № 7).

Напечатано впервые въ посмертномъ изд. 1838 г.

Пускай, не знаясь съ Аполлономъ,
Поэтъ, придворный философъ,
Вельможѣ знатному съ поклономъ
Подноситъ оду въ двѣсти строфъ;
Но я, любезный Горчаковъ,
Не просыпаюсь съ пѣтухами,
И напыщенными стихами,
Наборомъ громозвучныхъ словъ
Я пѣть пустого не умѣю
Высоко, тонко и хитро,

[а] Гони ты (Акд. изд.)—[б] Плѣняй ты (ibid.).—[в] Кажи ты (ibid.).

И въ лиру превращать не смѣю
Мое гусиное перо!
Нѣтъ, нѣтъ, любезный князь, не оду
Тебѣ намѣренъ посвятить;
Что прибыли соваться въ воду,
Сначала не спросившись броду,
И вслѣдъ Державину парить?
Пишу своимъ я складомъ нынѣ
Кой-какъ стихи на именины!..

(30 августа).

---

10. Къ Дельвигу.

(1815).

Одновременное съ Дельвигомъ поступленіе въ Лицей, товарищество, болѣе же всего—поэтическій даръ обоихъ связали Пушкина тѣсною дружбою съ этимъ даровитымъ юношей.

Сынъ московскаго плацъ-маіора и русской матери (урожд. Красильниковой), Антонъ Антоновичъ Дельвигъ, родившійся 6 августа 1798 г. въ Москвѣ, получилъ первоначальное образованіе въ московскомъ частномъ пансіонѣ. 12 августа 1811 года онъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ экзаменовался для поступленія въ Лицей, куда и были оба приняты въ числѣ 30-ти воспитанниковъ изъ 38 экзаменовавшихся. При этомъ экзаменѣ было отмѣчено, что нѣмецкаго языка онъ „не знаетъ“. Отличаясь чрезмѣрною неподвижностію и лѣностію, въ Лицеѣ Дельвигъ шелъ однимъ изъ послѣднихъ учениковъ, но къ чему чувствовалъ охоту, въ томъ успѣвалъ: такъ онъ выучился латинскому и нѣмецкому языкамъ, читая съ товарищемъ Кюхельбекеромъ Клопштока, Шиллера и др. (побуждалъ и Пушкина къ тому же, но безуспѣшно [1]), любилъ страстно поэзію и зналъ наизусть все собраніе стихотвореній русскихъ поэтовъ, изданное Жуковскимъ; съ Державинымъ не разставался. Еще въ Лицеѣ онъ поражалъ и товарищей и директора живостію воображенія. Такъ однажды онъ удивилъ ихъ правдоподобнымъ разсказомъ о своемъ вымышленномъ присутствіи въ арміи во время кампаніи 1807 года. Въ первыхъ лецейскихъ опытахъ своихъ онъ подражалъ Горацію. Первымъ печатнымъ его произведеніемъ было стих. „На взятіе Парижа“ въ іюньской кн. „Вѣстника Европы“, слѣд. мѣсяцемъ ранѣе появленія перваго печатнаго стихотворенія Пушкина „Другу-стихотворцу“ (см. № 2). Будучи близорукъ, онъ еще въ Лицеѣ началъ носить очки, и вообще былъ слабаго здоровья. Краткая жизнь его прошла въ занятіи литературой. Не задолго до смерти, готовясь писать оцѣнку Гнѣдичевскаго перевода „Иліады“, онъ принялся было за изученіе греческаго языка. Издавалъ при участіи Пушкина альманахи „Сѣверные Цвѣты“ съ 1825 г. и „Подснѣжникъ“ въ 1829 и 1830 г. Съ 1830 началъ, по просьбѣ друзей, въ томъ числѣ кн. П. А. Вяземскаго и Пушкина, издавать „Литературную Газету“. Скончался 14 янв. 1831 г.

---

[1]) См. въ отрывкѣ Пушкина „Бова“ (1815 г.):

Разбиралъ я нѣмца Клопштока,
И не могъ понять премудраго;
Не хотѣлъ я воспѣвать какъ онъ;
Я хочу, меня чтобъ поняли
Всѣ отъ мала до великаго...

Пушкинъ имѣлъ предубѣжденіе противъ нѣмецкой поэзіи и не любилъ ея. Впослѣдствіи однакоже онъ ознакомился съ поэзіею Гете и высоко ставилъ его. Переводъ „Пуншевой пѣсни“ изъ Шиллера 1816 (см. № 13) есть единственный переводъ его съ нѣмецкаго. Плохое знаніе нѣмецкаго языка побуждало Пушкина читать нѣмецкихъ авторовъ въ франц. переводахъ, напр. Шиллера, Шлегеля, Канта (см. письма къ брату).

Посланіе Пушкина 1815 г., какъ видно изъ ст. 23, есть дружескій отвѣтъ на посланіе Дельвига, въ которомъ выражено признаніе поэтическаго дара Пушкина. Вмѣстѣ съ другими стихотвореніями того же періода, это посланіе имѣетъ значеніе авторской исповѣди юнаго поэта (ср. №№ 1, 2, 3, 4, 7, 8 и 9). Здѣсь, между прочимъ, ясно указано отношеніе къ нему дяди В. Л. Пушкина (ст. 8—10), котораго въ одномъ изъ посланій 1718 г. Пушкинъ называетъ своимъ „парнасскимъ отцомъ“.

Впервые напечатано, съ пропускомъ 8 слабыхъ стиховъ (28 — 35), въ посмертномъ изд. 1838 г. Текстъ возстановленъ г. Ефремовымъ по автографу (Александровскаго Лицея).

Послушай, музъ невинныхъ
Лукавый духовникъ:
Жилецъ полей пустынныхъ [а].
Поэтовъ грѣшный ликъ
Умножилъ я собою;
И я главой поникъ
Предъ милою мечтою [б].
Мой дядюшка-поэтъ
На то мнѣ далъ совѣтъ
И съ музами сосваталъ.
Сначала я шалилъ,
Шутя стихи кроилъ,
А тамъ ихъ напечаталъ—
И вотъ теперь я братъ
Тому, сему, другому,
Безтолкову, Пустому.
Да я жъ и виноватъ [в],
Да ты же мнѣ въ досаду [г]
(Что скажетъ бѣлый свѣтъ?)
Стихами до надсаду
Жужжишь Икару [1]) вслѣдъ:
„Смотрите, вотъ поэтъ“!..
Спасибо за посланье;
Но что мнѣ пользы въ немъ?
На грѣшника потомъ
Вѣдь станутъ въ посмѣянье
Указывать перстомъ.
Когда бъ подобны были
Моимъ твои стихи [2]),
То скоро бъ всѣ забыли,
Что Пушкинъ за грѣхи
Въ поэзію влюбился
И ходитъ на Парнасъ,
Покою поклонился
И пишетъ въ добрый часъ

Измѣнникъ! съ Аполлономъ
Ты видно, за одно;
И мнѣ прослыть Прадономъ [3])
Отнынѣ суждено.
Увы, мнѣ метроману!
Куда сокроюсь я?
Вездѣ бѣды застану:
Предатели друзья [д]
Невинное творенье
Украдкой въ городъ шлютъ
И плодъ уединенья
Тисненью предаютъ—
Бумагу убиваютъ!
Поэта окружаютъ

[а] Лукавый клеветникъ! Въ тиши полей пустынныхъ, Природы ученикъ, (Акд. изд.) —[б] милой суетою (ib.). —[в] Сначала я игралъ, Шутя стихи маралъ, А тамъ переписалъ, А тамъ и напечаталъ, — И что же? Радъ не радъ, Но вотъ уже я братъ Тому, сему, другому... Что дѣлать! Виноватъ! (ib.). —[г] Стихи 18—35 въ Акд. изд. не внесены.— [д]Отнынѣ суждено: Вездѣ бѣды застану. Увы мнѣ, метроману? Куда сокроюсь я? Измѣнники друзья (ib.).

---

1) Ср. въ посл. къ Батюшкову (№ 7):
И съ дерзостнымъ Икаромъ
Страшась летать, не даромъ
Бреду своимъ путемъ (строфа 4).

2) Высокое мнѣніе Пушкина о талантѣ Дельвига сохранилось, и позднѣе. „Онъ не только считалъ Дельвига талантомъ неоцѣненнымъ... но такъ близко связывалъ съ его судьбою свою литературную дѣятельность, что огорченный смертью Дельвига, не разъ говорилъ въ пріятельскомъ кружкѣ, что и его литературное поприще кончено“ („Дельвигъ“ Гаевскаго ст. IV, 14, Совр. 1854).—По свидѣтельству бар. Розена, Пушкинъ увѣрялъ, что у насъ еще черезъ 50 лѣтъ не оцѣнятъ Дельвига („Ссылка на мертвыхъ“, С. О. 1847, VI, отд. 3, 15).—3) Прадонъ (1632—1698)—плохой франц. драматич. писатель.

Съ улыбкой остряки:
„Ахъ, сударь, мнѣ сказали [а],
Вы пишете стишки?
Увидѣть ихъ нельзя ли?
Вы въ нихъ изображали,
Конечно, ручейки,
Конечно василечекъ,
Иль тихій вѣтерочекъ,
И рощи [б], и цвѣтки...“

О Дельвигъ! начертали
Мнѣ музы мой удѣлъ;
Но ты ль мои печали
Умножить захотѣлъ?
Въ объятіяхъ [в] Морфея
Безпечный духъ лелѣя,
Еще хоть годъ одинъ
Позволь мнѣ полѣниться
И нѣгой насладиться:
Я, право, нѣги сынъ!
А тамъ, хоть нѣтъ охоты,
Но придутъ ужъ заботы
Со всѣхъ ко мнѣ сторонъ:
Я буду принужденъ
Съ журналами сражаться,
Съ газетой торговаться,
Съ Графовымъ восхищаться...
Помилуй, Аполлонъ!

---

11. Роза.

(1815).

Время отъ времени Пушкинъ возращается къ тому живому размѣру двухстопнаго дактило-хорея, который своимъ быстрымъ движеніемъ напоминаетъ музыкальный тактъ новаго вальса (онъ въ то время уже начиналъ смѣнять тактъ медленный стараго нѣмецкаго вальса). То былъ одинъ изъ первыхъ мотивовъ, звучавшихъ въ поэтическомъ ухѣ Пушкина. Еще въ 1812 г. онъ написалъ „Измѣны“, стихотвореніе той же формы. Вотъ нѣсколько стиховъ изъ этой піесы 1812 г.:

Стану въ смиреньи
Черпать забвенье,
И для друзей
Рѣзвой рукою
Двигать струною
Арфы моей...

Въ стих. „Роза“ еще болѣе выступаетъ артистическая манера отрока-Пушкина, умѣвшаго и этому вихрю звуковъ порою придать гласными конечнаго хорея оттѣнокъ той нѣги, которая подъ искуснымъ смычкомъ звучитъ и въ мотивахъ вальса.

Самъ Пушкинъ любилъ граціозное стихотвореніе „Розу“, выбравъ его, въ числѣ 4-хъ изъ 33-хъ стихотвореній 1815-го года, въ изданіе 1826 года.

Впервые оно напечатано было въ „Росс. Музеумѣ“ 1815, № 12.

Гдѣ наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дитя зари.
Не говори:
Такъ вянетъ младость!
Не говори [г]
Вотъ жизни радость!
Цвѣтку [д] скажи:
Прости, жалѣю!
И на лилею
Намъ укажи.

[а] Признайтесь, намъ сказали, (Акд. изд.). — [б] Барашковъ (ib.). — [в] Межъ лѣни (ib.).— [г] Не повтори.— [д] Въ душѣ (1815).

12. Посланіе къ Юдину.

(1815).

Въ этомъ посланіи къ лицейскому товарищу Юдину (по собственноручному списку заглавій лиц. стихотвореній), которое дополняетъ автобіографическія подробности отроческой жизни Пушкина (№ 1 и 4), находимъ единственное воспоминаніе о жизни его въ подмосковномъ сельцѣ Захаровѣ до Лицея. Захарово было куплено бабушкою поэта, Марьей Алексѣевной Ганнибалъ, по продажѣ с. Кобрина (въ 60 вер. отъ Спб.), откуда родомъ была няня Пушкиныхъ, Арина Родіоновна [1]). Захарово — въ 40 верстахъ отъ Москвы по Смоленскому тракту (близъ Голицынской станціи Московско-Брестской желѣзной дороги) было куплено бабушкой поэта въ 1806, а продано въ 1810 или 1811 г.; слѣдовательно поэтъ живалъ въ немъ между 7 — 11 или 12 годами своего возраста.

Въ стихахъ этого стихотворенія находимъ первый эскизъ, въ которомъ поэтъ пытается уловить самый процессъ поэтическаго творчества, впослѣдствіи такъ оригинально воспроизведенный въ строфахъ X, XI и XII стихотворенія „Осень" (1828).

Но особенную важность представляетъ это посланіе какъ свидѣтельство того, что деревенскія впечатлѣнія долицейской жизни Пушкина наложили уже на его фантазію глубокую печать, слѣды которой остались на всю жизнь. Въ томъ постоянномъ стремленіи найти надежный покой среди сельскаго уединенія, стремленіи, которое такъ упорно выражалъ Пушкинъ въ 1827—1834 годахъ (см. объ этомъ во вступит. замѣткѣ къ стих.: „П. А. Осиповой"), нельзя не узнать симпатій, пріобрѣтенныхъ въ дни этой ранней молодости, и нашедшихъ здѣсь подъ неопытнымъ перомъ такое неумолкаемое выраженіе (ст. 11—100 и 134—147). Въ юношескомъ посланіи этомъ нельзя не видѣть предшественника тѣхъ стихотвореній лучшей поры, въ которыхъ поэтъ съ любовью останавливался на картинахъ сельской простоты. Въ томъ же словоохотливомъ посланіи (ст. 104—133) нашли мѣсто и юношескія воинственныя мечты (ср. №№ 28 и 29), и элегическія воспоминанія ранняго дѣтства, бывшаго для 16-тилѣтняго поэта уже утраченнымъ давнопрошедшимъ (ст. 148—161), и идиллическія мечты о жизни, послѣ мнимыхъ боевыхъ трудовъ, юнымъ инвалидомъ, въ любезной ему деревенской тишинѣ съ милою подругою, въ картинѣ ясной лѣтней ночи (ст. 162—195) и зимняго катанья (ст. 196—213). Заключеніе (ст. 216—227) напоминаетъ намъ привычку лицейскаго затворника замѣнять жизнь грёзами фантазіи (ср. № 1). „Посланіе къ Юдину" показываетъ, какъ много представленій для этихъ грёзъ дали прежнія захаровскія впечатлѣнія.

Впервые стихи 42—45 и 87—115 напечатаны въ изд. Анненкова 1855 г., прочее въ „Р. Старинѣ" 1884, II.

---

[1]) См.: „Для біогр. Пушкина", зам. А. Ю. Пушкина (Москвит. 1850, № 24).

Ты хочешь, милый другъ, узнать
Мои мечты, желанья, цѣли
И тихій гласъ простой свирѣли
Съ улыбкой дружества внимать—
Но можно ль рѣзвому поэту,
Невольнику мечты младой,
Въ картинѣ быстрой и живой
Изобразить въ порядкѣ свѣту
Все то, что́ въ юности златой
Воображеніе мнѣ кажетъ?
Теперь, когда въ покоѣ лѣнь,
Укрывъ меня въ пустынну сѣнь,
Своею цѣпью чувства вяжетъ,
И вѣкъ мой тихъ, какъ ясный день,
Пустого нѣги украшенья
Не видя въ хижинѣ моей,
Смотрю съ улыбкою сожалѣнья
На пышность бѣдныхъ богачей,
И счастливый самимъ собою,
Не жажду горы серебра,
Не знаю завтра, ни вчера,
Доволенъ скромною судьбою
И думаю: къ чему пѣвцамъ
Алмазы, яхонты, топазы,
Порфирныя, пустыя вазы,
Драгія куклы по угламъ?
Къ чему имъ сукна Альбіона
И пышные чехлы Ліона
На модныхъ креслахъ и столахъ?
Какая нужда въ зеркалахъ,
И ложе шалевое въ спальной?
Не лучше ли въ деревнѣ дальной
Или въ смиренномъ городкѣ
Вдали столицъ, заботъ и грома
Укрыться въ мирномъ уголкѣ,
Съ которымъ роскошь незнакома,
Гдѣ можно въ праздникъ отдохнуть?
О, если бы когда-нибудь
Сбылись поэта сновидѣнья!
Ужель отрадъ уединенья
Ему вкусить не суждено?
Мнѣ видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
Съ заборами — въ рѣкѣ волнистой—
Съ мостомъ и рощею тѣнистой
Зерцаломъ водъ отражено.
На холмѣ домикъ мой; съ балкона
Могу сойти въ веселый садъ,
Гдѣ вмѣстѣ Флора и Помона [2])
Цвѣты съ плодами мнѣ дарятъ,
Гдѣ старыхъ кленовъ темный рядъ
Возносится до небосклона,
И глухо тополи шумятъ.
Туда зарею поспѣшаю
Съ смиреннымъ заступомъ въ рукахъ,
Въ лугахъ тропинку извиваю,
Тюльпанъ и розу поливаю—
И счастливъ въ утреннихъ трудахъ!
Вотъ здѣсь, подъ дубомъ наклоненнымъ,
Съ Гораціемъ и Лафонтеномъ
Въ пріятныхъ погруженъ мечтахъ;
Вблизи ручей шумитъ и скачетъ,
И мчится въ влажныхъ берегахъ,
И свѣтлый токъ съ досадой прячетъ
Въ сосѣднихъ рощахъ и лугахъ.
Но вотъ ужъ полдень. Въ свѣтлой залѣ
Весельемъ круглый столъ накрытъ;
Хлѣбъ-соль на чистомъ покрывалѣ;
Дымятся щи; вино въ бокалѣ;
И щука въ скатерти лежитъ.
Сосѣди шумною толпою

2) Флора—богиня цвѣтовъ; Помона—богиня плодовъ.

Вошли, прервали тишину.
Садятся; чашъ внимаемъ звону;
Всѣ хвалятъ Вакха и Помону—
И съ ними красную весну.
Вотъ кабинетъ уединенный,
Гдѣ я, Москвою утомленный,
Вдали обманчивыхъ красотъ,
Вдали нахмуренныхъ заботъ,
И той волшебницы лукавой,
Которая весь міръ вертитъ,
Въ трубу немолчную гремитъ
И — помнится — зовется славой—
Живу съ природной простотой,
Съ философической забавой
И съ музой рѣзвой и младой...
Вотъ мой каминъ; подъ вечеръ темный,
Осенней бурною порой,
Люблю подъ сѣнію укромной
Предъ нимъ задумчиво мечтать,
Вольтера, Виланда [3]) читать,
Или въ минуту вдохновенья
Небрежно стансы намарать
И жечь потомъ свои творенья.
Вотъ здѣсь... но быстро привидѣнья,
Родясь въ волшебномъ фонарѣ,
На бѣломъ полотнѣ мелькаютъ—
Мечты находятъ, исчезаютъ,
Какъ тѣнь на утренней зарѣ...
Межъ тѣмъ, какъ въ кельѣ молчаливой
Во плѣнъ отдался я мечтамъ,
Рукой безпечной и лѣнивой
Разбросивъ риѳмы здѣсь и тамъ,
Я слышу топотъ, слышу ржанье;
Блеснувъ узорнымъ чепракомъ,
Въ блестящемъ ментика сіяньѣ,
Гусаръ промчался подъ окномъ...
И гдѣ вы, мирныя картины
Прелестной сельской простоты?
Среди воинственной долины
Ношусь на крыльяхъ я мечты:
Огни во станѣ догораютъ;
Межъ нихъ, окутанный плащомъ,
Съ сѣдымъ усатымъ казакомъ
Лежу... вдали штыки сверкаютъ;
Лихіе ржутъ, бразды кусаютъ,
Да изрѣдка грохочетъ громъ,
Летя съ высокаго раската...
Трепещетъ бранью грудь моя,
При блескѣ браннаго булата,
Огнемъ пылаетъ взоръ, и я
Лечу на гибель супостата.
Мой конь въ ряды враговъ орломъ
Несется съ грознымъ сѣдокомъ,
Съ размаха сыплются удары...
О вы, отеческіе Лары,
Спасите юношу въ бояхъ!
Тамъ свищетъ саблей онъ зубчатой,
Тамъ киверъ зыблется пернатый;
Съ черкесской буркой на плечахъ
И молча преклонясь ко гривѣ,
Онъ мчитъ стрѣлой по скользкой нивѣ
Съ цыгарой дымною въ зубахъ...
Но лаврами побѣдъ увиты,
Бойцы изъ чаши мира пьютъ;
Военной славою забытый
Спѣшу въ смиренный [а] мой пріютъ:
Нашедъ на полѣ битвъ и чести
Одни болѣзни, костыли,
Навѣкъ оставилъ [б] саблю мести...
Ужъ вижу въ сумрачной дали
Мой тѣсный домикъ, рощи темны,

[а] свой (Акд. изд.). [б] оставивъ (ib).

[3]) Виландъ — см. „Избр. Соч. Карамзина“, I, 152, 153. Пушкинъ-отрокъ читалъ его произведенія во франц. переводѣ.

Калитку, садикъ, ближній прудъ,—
И снова я, философъ скромный,
Укрылся въ милый мнѣ пріютъ,
И міръ забывъ, и имъ забвенный,
Покой души вкушаю вновь.
Скажи, о сердцу другъ безцѣнный:
Мечта ль и дружба, и любовь?
Доселѣ въ рѣзвости безпечной
Брели по розамъ дни мои,
Въ невинной ясности сердечной
Не зналъ мученій я любви.
Но быстро день за днемъ умчался,
Гдѣ жъ дѣтства ранніе слѣды?
Прелестный возрастъ миновался,
Увяли первые цвѣты!
Ужъ сердце въ радости не бьется
При миломъ видѣ мотылька,
Что въ воздухѣ кружитъ и вьется
Съ дыханьемъ тихимъ вѣтерка,—
И въ безпокойствѣ непонятномъ
Пылаю, млѣю[a], кровь горитъ,
И все языкомъ сердцу внятнымъ
О нѣжной страсти говоритъ.
Подруга возраста златаго,
Подруга красныхъ дѣтскихъ лѣтъ,
Тебя ли вижу, взоровъ свѣтъ,
Другъ сердца, милая***.[1]
Вездѣ со мною образъ твой,
Вездѣ со мною призракъ милый,
Во тьмѣ полуночи унылой,
Въ часы денницы золотой.
То на концѣ аллеи темной
Вечерней, тихою порой,
Одну, въ задумчивости томной,
Тебя я вижу предъ собой,
Твой шалью станъ непокровенный,
Твой взоръ на груди потупленный,
Въ щекахъ любви стыдливый цвѣтъ...
Все тихо, брежжетъ лунный свѣтъ,
Нахмурясь тополь шевелится,
Ужъ сумракъ тусклой пеленой
На холмы дальніе ложится.
И завѣсъ рощицы струится
Надъ тихо спящею волной,
Осеребренною луной.
Одна ты въ рощицѣ со мною,
На костыли мои склонясь,
Стоишь подъ ивою густою,
И вѣтеръ сумраковъ, рѣзвясь,
На снѣжну грудь прохладой дуетъ,
Играетъ локономъ власовъ
И ногу стройную рисуетъ
Сквозь бѣлоснѣжный твой покровъ...
То часомъ полночи глубокимъ
Предъ теремомъ твоимъ высокимъ,
Угрюмой зимнею порой,
Я жду красавицу драгую—
Готовы сани; мракъ густой;
Все спитъ, одинъ лишь я тоскую,
Зову часовъ лѣнивый бой...
И шорохъ чудится глухой,
И вотъ ужъ шопотъ слышу сладкій,
Съ крыльца прелестная сошла,
Чуть-чуть дыша идетъ украдкой,
И дѣва друга обняла.
Помчались кони, вдаль пустились,
По вѣтру гривы распустились,
Несутся въ снѣжной глубинѣ,
Прижалась робко ты ко мнѣ,

a) тлѣю (Акд. изд.).

1) ...„по всему вѣроятію, это Марія Дмитр. Мертваго... Правда, молодой Мертваго едва минуло тогда пять лѣтъ, но вѣдь и Пушкину было всего двѣнадцать (въ исходѣ лѣта 1811 г.“). (Изъ примѣч. Акад. изд.)

Чуть - чуть дыша; мы обомлѣли,
Въ восторгахъ чувства онѣмѣли...
Но что? мечтанья отлетѣли!
Увы! я счастливъ былъ — во снѣ!
Въ отрадной музамъ тишинѣ
Простыми звуками свирѣли,
Мой другъ, я для тебя воспѣлъ
Мечту, младыхъ пѣвцовъ удѣлъ.
Питомецъ музъ и вдохновенья,
Стремясь фантазіи вослѣдъ,
Находитъ въ сердцѣ наслажденья
И на пути грозящихъ бѣдъ.
Минуты счастья золотыя
Пускай мнѣ Клоѳо [1]) не совьетъ,
Въ мечтахъ всѣ радости земныя!
Судьбы всесильнѣе [a] поэтъ

13. На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 году.

(1815).

1 декабря Имп. Александръ I возвратился въ С.-Петербургъ послѣ славнаго Парижскаго мира. Пушкинъ отозвался на это событіе своимъ стихотвореніемъ, въ которомъ обращаютъ на себя вниманіе личныя чувства юнаго лицеиста во время минувшей войны. Въ то время большая Московская дорога изъ Петербурга шла черезъ Царское Село, и лицеисты постоянно видѣли проходившіе по ней полки, между которыми особенно поражалъ видъ ополченцевъ съ крестами на шапкахъ и казаковъ съ бородами. Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи на возвращеніе Государя свидѣтельствуетъ, съ какимъ чувствомъ провожалъ онъ взорами эти полки. Онъ вспоминаетъ о томъ и черезъ 21 годъ въ одной изъ своихъ лицейскихъ годовщинъ:

Вы помните, текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И въ сѣнь наукъ съ досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шелъ мимо насъ... („19 октября“ 1836, строфа 6).

Въ концѣ стиховъ „На возвращеніе“ замѣчательна юношеская мечта о вѣчномъ мирѣ (ст. 73—88).

По замѣчанію Гаевскаго, въ стихахъ и этого произведенія слышится вліяніе Жуковскаго.

Напечатано впервые въ „Трудахъ общества люб. росс. словесности при Моск. университетѣ“ 1817, № IX.

Утихла брань племенъ; въ предѣлахъ отдаленныхъ
Не слышенъ битвы шумъ и голосъ трубъ военныхъ;
Съ небесной высоты, при звукѣ стройныхъ лиръ,
На землю мрачную нисходитъ свѣтлый миръ.

[a] всемощнѣе (Акд. изд.).

[1]) Клоѳо—одна изъ трехъ Паркъ.

Свершилось!... Русскій царь, достигъ ты славной цѣли!
Вотще надменные на родину летѣли:
Вотще, впреди знаменъ безчисленныхъ дружинъ,
Въ могущей дерзости, вѣнчанный исполинъ
На гибель грозно шелъ, влекъ цѣпи за собою:
Мечъ огненный блеснулъ за дымною Москвою,
Звѣзда губителя потухла въ вѣчной мглѣ,
И пламенный вѣнецъ померкнулъ на челѣ!
Содрогся счастья сынъ, и брошенный судьбою,
Онъ землю русскую не взвидѣлъ подъ собою.
Бѣжитъ... и смерти [а] громъ слетѣлъ ему вослѣдъ;
И съ трона гордый палъ... и вновь возсталъ... и нѣтъ!
Тебѣ, нашъ храбрый царь, хвала, благодаренье!
Когда полки враговъ покрыли отдаленье,
Во броню ополчась, взложивъ пернатый шлемъ,
Колѣна преклонивъ предъ вышнимъ алтаремъ,
Ты браней мечъ извлекъ, и клятву далъ святую
Отъ ига оградить страну свою родную.
Мы вняли клятвѣ сей; и гордыя сердца
Въ восторгѣ пламенномъ летѣли вслѣдъ отца,
И смертью роковой горѣли и дрожали;
И россы предъ врагомъ твердыней грозной стали!..
Къ мечамъ!—раздался кликъ, и вихремъ понеслись;
Знамена, возшумѣвъ, по вѣтру развились,
Обнялся съ братомъ братъ, и милымъ дали руку
Младые ратники на грустную разлуку;
Сразились: воспылалъ свободы ярый бой,
И смерть хватала ихъ холодною рукой!..
А я.. вдали громовъ, въ сѣни твоей надежной,
Я тихо расцвѣталъ безпечный, безмятежный!
Увы! мнѣ не судилъ таинственный удѣлъ [б]
Сражаться за тебя подъ градомъ вражьихъ стрѣлъ,
Сыны Бородина, о Кульмскіе герои!
Я видѣлъ, какъ на брань летѣли ваши строи;
Душой восторженной за братьями спѣшилъ!
Почто жъ на бранный долъ я крови не пролилъ?
Почто, сжимая мечъ младенческой рукою,
Покрытый ранами, не палъ я предъ тобою,
И славы подъ крыломъ на утрѣ не почилъ?
Почто великихъ дѣлъ свидѣтелемъ не былъ?
О, сколь величественъ, безсмертный, ты явился,
Когда на сильнаго съ сынами устремился;
И чела приподнявъ изъ мрачности гробовъ,
Народы, падшіе подъ бременемъ оковъ,
Тяжелой цѣпію съ восторгомъ потрясали
И съ робкой радостью другъ друга вопрошали:
„Ужель свободны мы?.. Ужели грозный палъ?..

[а] мести (Акд. изд.) [б] предѣлъ (ibid).

Кто смѣлый, кто въ громахъ на сѣверѣ возсталъ?..
И ветхую главу Европа преклонила,
Царя-спасителя колѣна окружила
Освобожденною отъ рабскихъ узъ рукой,
И власть мятежная исчезла предъ тобой!
И нынѣ ты къ сынамъ, о царь нашъ, возвратился,
И край полуночи восторгомъ озарился!
Склони на свой народъ смиренья полный взлядъ:
Всѣ лица радостью, любовію блестятъ.
Внемли: повсюду вѣсть отрадная несется,
Повсюду гордый кликъ веселья раздается;
По стогнамъ шумъ, вездѣ сіяетъ торжество,
И ты среди толпы, Россіи божество!
Встрѣчать вождя побѣдъ летятъ твои дружины;
Старикъ, счастливый вѣкъ забывъ Екатерины,
Взираетъ на тебя съ безмолвною слезой.
Ты нашъ, о Русскій царь! оставь же шлемъ стальной,
И грозный мечъ войны, и щитъ—ограду нашу;
Излей предъ Янусомъ священну мира чашу
И, брани сокрушивъ могущею рукой,
Вселенну осѣни желанной тишиной!..
И придутъ времена спокойствія златыя,
Покроетъ шлемы ржа, и стрѣлы каленыя,
Въ колчанахъ скрытыя, забудутъ свой полетъ;
Счастливый селянинъ, не зная бурныхъ бѣдъ,
По нивамъ повлечетъ плугъ, миромъ изощренный;
Суда летучія, торговлей окрыленны,
Кормами разсѣкутъ свободный океанъ;
И юные сыны воинственныхъ славянъ
Спокойной праздности съ досадой предадутся,
И молча нѣкогда вкругъ старца соберутся,
Преклонятъ жадный слухъ—и ветхимъ костылемъ
И станъ, и ратный строй, и дальный боръ съ холмомъ
На прахѣ начертитъ онъ медленно предъ ними;
Словами истины, свободными, простыми,
Имъ славу, прошлыхъ лѣтъ въ разсказахъ оживитъ
И добраго царя въ слезахъ благословитъ.

---

14. Заздравный кубокъ.

(1816).

Упомянутый выше (см. вводную замѣтку къ № 11) размѣръ стиха вновь встрѣчаемъ въ двухъ застольныхъ пѣсняхъ 1816 года; одна есть передѣлка Шиллеровой „Пуншевой пѣсни“: Vier Elemente, единственное заимствованіе Пушкина изъ нѣмецкой литературы (которую Пушкинъ не любилъ); другая—оригинальная: „Заздравный кубокъ“. Послѣднее стихотвореніе, усвоенное московскими цыганами, стало одною изъ ихъ любимыхъ пѣсенъ, когда М. И. Глинка, уже въ концѣ своего музыкальнаго поприща, написалъ къ нему музыку.

По замѣчанію Бѣлинскаго (1844), эта пѣсня принадлежитъ къ числу тѣхъ лучшихъ его лицейскихъ стихотвореній, въ которыхъ сквозь подражательность проглядываетъ уже чисто-пушкинскій элементъ поэзіи.

Въ пѣснѣ Пушкинъ вновь выразилъ свое противовоинственное настроеніе. Напечатано впервые въ посмертномъ изданіи. См. Р. Ст. 1884. II. 428.

Кубокъ янтарный
Полонъ давно,
Пѣною парной
Блещетъ вино! [а]
Свѣта дороже
Сердцу оно.
Но за кого же
Выпью вино?

2 Здравіе славы
Выпью ли я?
Бранной забавы
Мы не друзья [б].
Это веселье
Не веселитъ:
Дружбы похмелье
Грома бѣжитъ.

3 Жители неба,
Феба жрецы,
Здравіе Феба
Пейте, пѣвцы!
Рѣзвой Камены [в]
Ласки—бѣда!
Токъ Ипокрены,
Други,—вода! [г]

4 Пейте за радость
Юной любви!
Скроется младость,
Дѣти мои.
Кубокъ янтарный
Полонъ давно.
Я, благодарный,
Пью—за вино!

---

15. Желаніе.

(1816).

Это посланіе писано къ дядѣ-поэту В. Л. Пушкину къ Свѣтлому празднику 9 апрѣля. Представляя обычныя сатирическія нападки на бездарныхъ стихотворцевъ (ст. 18—22) и сторонниковъ Шишковскаго „раскола" (ст. 7—13 и 23—26), и прежде входившія въ лицейскія посланія Пушкина (ср. № 2, 3 и 4), оно отличается оригинальнымъ выраженіемъ и тономъ добродушной насмѣшки своего заключенія.

Время написанія этого посланія указывается письмомъ В. Л. Пушкина къ племяннику, гдѣ онъ 17 апрѣля 1816 г. отвѣчаетъ на него: „Желанія твои сходны съ моими; я истинно желаю, чтобы *непокойные* стихотворцы оставили меня въ покоѣ. Это случиться можетъ только послѣ дождика въ четвергъ".

Впервые напечатано въ изд. Анненкова 1855 г., а дополнено въ Библ. Зап. 1858 г. № 10.

Христосъ воскресъ, питомецъ Феба!
Дай Богъ, чтобъ милостію неба
Разсудокъ на Руси воскресъ—
Онъ что-то, кажется, исчезъ...
Дай Богъ, чтобы по всей вселенной
Воскресли миръ и тишина,

[а] *Такъ первый текстъ. Въ рукописи исправлено*: Кубокъ тяжелый Полонъ давно, Пѣной бѣлой Блещетъ вино — [б] Пейте за славу... Славы, друзья! Браней забаву Любить... не я (Гаевск. II. въ Л.). Бранной забавы Любить нельзя (1838)— [в] Климены (1838). [г]) Просто вода! (Акд. изд.).

Чтобъ въ академіи [1]) почтенной
Воскресли члены ото сна;
Чтобъ въ наши грѣшны времена
Воскресла предковъ добродѣтель;
Чтобы Шихматову [2]) на зло
Воскреснулъ новый Буало —
Расколовъ, глупостей свидѣтель;
А съ нимъ побольше серебра
И золота, et cetera.
Но да не будетъ воскресенья
Усопшей прозы и стиховъ:
Да не воскреснутъ отъ забвенья
Покойный господинъ Бобровъ,
Хвалы газетчика достойный,
И Николевъ [3]), поэтъ покойный,
И непокойный графъ Хвостовъ [4]),
И всѣ, которые на свѣтѣ
Писали слишкомъ мудрено,
То-есть и хладно, и темно,
Что очень стыдно и грѣшно!

---

15. ИЗЪ ПОСЛАНІЯ
Къ кн. А. М. Горчакову.

(1816).

Это второе посланіе къ лицейскому товарищу (о первомъ см. № 8) совсѣмъ иного характера, нежели всѣ предыдущія сатирическія посланія. Это — элегія. Замѣченная всѣми критиками особенность Пушкинской элегіи лучшей поры его творчества уже выразилась и въ этой юношеской элегіи: и въ ней скорбь является поводомъ къ душевному подъему, выраженіемъ котораго такъ поэтически замыкалъ Пушкинъ лучшія элегіи свои. Заключеніе уже этой, первой, элегіи блистаетъ тѣмъ спокойнымъ пламенемъ самоотреченія, которое придаетъ глубокій нравственно-философскій смыслъ стансамъ: „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ" (1829), и стихотвореніямъ: „Я васъ любилъ" (1829), „Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу" (1832), и отрывку: „Вновь я посѣтилъ"... (извѣстному подъ именемъ „Опять на родинѣ") (1835).

По замѣчанію Бѣлинскаго (1844), это стихотвореніе носитъ слѣды вліянія Батюшкова. По замѣчанію Гаевскаго, эта элегія, напоминая содержаніемъ, размѣромъ и нѣкоторыми выраженіями посланіе Жуковскаго къ Филалету (т. е. А. И. Тургеневу), въ то же время носитъ слѣды подражанія предсмертной элегіи Жильбера [1]).

При всемъ сходствѣ съ посланіемъ Жуковскаго (см. ст. 41 — 50), характеристична противоположность обоихъ поэтовъ въ заключеніи обѣихъ элегій.

Это же посланіе служитъ свидѣтельствомъ, какъ неуязвима была эта чистая душа предъ низменными вліяніями эротической поэзіи. Вызванное горестными волненіями первой любви, неудовлетворенной взаим-

---

[1]) т. е. въ „Россійской Академіи".— [2]) См. стр. 9, вын. 10.— [3]) Ник Петр. Николевъ (1758 — 1815) — сочинитель одъ, псалмовъ, посланій и трагедій. (Изъ его пѣсенъ двѣ получили въ свое время извѣстность; „Взвейся выше"... и „Вечеркомъ румяну зорю"...

[4]) См. стр. 18, вын. 25.

[1]) Жильберъ (1751—1780)—французскій сатирическій и лирическій поэтъ.

ностью, къ сестрѣ товарища, К. П. Бакуниной (ср. №№ 20 и 21), посланіе къ кн. Горчакову разрѣшается гармоническимъ душевнымъ покоемъ возвышеннаго примиренія, исполненнаго достоинства уже не юношескаго.

Впервые напечатано въ „Современникѣ“ 1856, № 11.

Встрѣчаюсь я съ осьмнадцатой весной;
Въ послѣдній разъ быть можетъ я съ тобой,
Задумчиво внимая шумъ дубравный,
Надъ озеромъ иду рука съ рукой.
Гдѣ вы, лѣта безпечности недавной?
Съ надеждами, во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Мой милый другъ, мы входимъ въ новый свѣтъ;
Но тамъ удѣлъ назначенъ намъ неравный,
И розный намъ оставить въ мірѣ слѣдъ:
Тебѣ рукой Фортуны своенравной
Указанъ путь, и счастливый и славный—
Моя стезя печальна и темна.
И нѣжная краса тебѣ дана,
И нравиться блестящій даръ природы,
И быстрый умъ, и вѣрный, милый нравъ;
Ты сотворенъ для сладостной свободы,
Для радости, для славы, для забавъ.

. . . .

А мой удѣлъ— но пасмурнымъ туманомъ
Зачѣмъ же мнѣ грядущее скрывать?
Увы, нельзя мнѣ вѣчнымъ жить обманомъ
И счастья тѣнь, забывшись, обнимать!
Вся жизнь моя—печальный мракъ ненастья;
Двѣ, три весны младенцемъ, можетъ быть,
Я счастливъ былъ, не понимая счастья.
Онѣ прошли, но можно ль ихъ забыть?
Онѣ прошли, и скорбными глазами
Смотря на путь, оставленный навѣкъ,
На краткій путь, усыпанный цвѣтами,
Которымъ я такъ весело протекъ—
Я слезы лью, я трачу вѣкъ напрасно,
Мучительнымъ желаніемъ горя...

Твоя заря—заря весны прекрасной;
Моя жъ, мой другъ,—осенняя заря.
Я зналъ любовь, но я не зналъ надежды:
Страдалъ одинъ, въ безмолвіи любилъ...
Безумный сонъ покинулъ томны вѣжды,
Но мрачныя я грезы не забылъ [2]).

---

[2]) Ср. въ „Посл. къ Филалету“ Жуковскаго (1807):
Любовь... но я въ любви нашелъ одну мечту,
Безумца тяжкій сонъ, тоску безъ разделенья
И невозвратное надеждъ уничтоженье.

Душа полна невольной, грустной думой;
Мнѣ кажется на жизненномъ пиру
Одинъ, съ тоской, явлюсь я—гость угрюмый,
Явлюсь на часъ, и одинокъ умру.
И не придетъ другъ сердца незабвенный
Въ послѣдній мигъ мой томный взоръ сомкнуть,
И не придетъ на холмъ уединенный
Въ послѣдній разъ любовію вздохнуть [3])!
Ужель моя пройдетъ пустынно младость?
Иль мнѣ чужда счастливая любовь?
Ужель умру, не вѣдая, чтó радость?
Зачѣмъ же жизнь дана мнѣ отъ боговъ?
Чего мнѣ ждать? Въ рядахъ забытый воинъ,
Среди толпы затерянный пѣвецъ—
Какихъ наградъ я въ будущемъ достоинъ,
И счастія какой возьму вѣнецъ?

Но что! стыжусь! Нѣтъ, ропотъ—униженье;
Нѣтъ, праведно боговъ опредѣленье—
Ужель лишь мнѣ не вѣдать ясныхъ дней?
Нѣтъ, и въ слезахъ сокрыто наслажденье!
И въ жизни сей мнѣ будетъ въ утѣшенье
Мой скромный даръ и счастіе друзей.

---

17. Желаніе.

(1816).

Чувство юношеской любви, выраженное въ посланіи къ кн. Горчакову (№ 16), нашло не менѣе поэтическое выраженіе и въ этомъ стихотвореніи и въ № 19. По замѣчанію Бѣлинскаго (1844), оба послѣднія стихотворенія принадлежатъ къ числу лицейскихъ, въ которыхъ „сквозь подражательность проглядываетъ уже чисто-пушкинскій элементъ поэзіи“. По замѣчанію Анненкова, всѣ три эти стихотворенія представляютъ попытки къ освобожденію отъ французскаго анакреонтическаго направленія первой поры.

Стихотвореніе „Желаніе“ замѣчательно и по формѣ. Здѣсь съ полной ясностію выступаетъ то движеніе Пушкинскаго стиха, при которомъ логическія ударенія и паузы совпадаютъ съ діэрезою стиховъ, чтó придаетъ стиху Пушкина ту свободу и выразительность, которой не всегда достигаютъ поэты поры послѣ-пушкинской.

Впервые напечатано въ „Памятникахъ отечественныхъ музъ“ 1827.

---

[3]) Ср. у Жильбера:
Au banquet de la vie infortuné convive
J'apparus un jour et je meurs,
Et sur la tombe où lentement j'arrive
Nul ne viendra verser des pleurs...

Медлительно влекутся дни мои,
И каждый мигъ въ увядшемъ сердце множитъ
Всѣ горести несчастливой любви
И тяжкое безуміе тревожитъ.
Но я молчу; не слышенъ ропотъ мой.
Я слезы лью... мнѣ слезы утѣшенье.
Моя душа, объятая тоской,
Въ нихъ горькое находитъ наслажденье.
О, жизни сонъ! лети, не жаль тебя!
Исчезни въ тьмѣ, пустое привидѣнье!
Мнѣ дорого любви моей мученье,
Пускай умру, но пусть умру—любя [1])!

---

18. Разлука.

(1816).

Это стихотвореніе вызвано переѣздомъ семейства Бакуниныхъ изъ Царскаго Села въ Петербургъ (см. вступительную замѣтку къ № 16).

Въ стихотвореніи этомъ, по замѣчанію **Гаевскаго**, повторяются мысли и слышится настроеніе, которыя находимъ въ „Пѣснѣ“ Жуковскаго („Мой другъ хранитель, ангелъ мой“).

Намѣреваясь первоначально помѣстить это стихотвореніе въ изданіи своихъ стих. 1826 г., но потомъ исключивъ его, Пушкинъ совершенно его передѣлалъ. Сокративъ его, онъ далъ ему характеръ болѣе общій, сгладивъ автобіографическія черты (ст. 1—18, 28—30), и перемѣнилъ заглавіе на новое:

УНЫНІЕ.

Мой милый другъ, разстался я съ тобою:
Душой уснувъ, безмолвно я грущу.
Блеснетъ ли день за синею горою,
Взойдетъ ли ночь съ осеннею луною,
Я все тебя, далекій другъ, ищу:
Одну тебя вездѣ воспоминаю,
Одну тебя въ невѣрномъ вижу снѣ;
Задумаюсь—невольно призываю,
Заслушаюсь—твой голосъ слышенъ мнѣ.
И ты со мной, о лира пріуныла,
Наперсница души моей больной!
Твоей струны печаленъ звонъ глухой,
И лишь тоски ты голосъ не забыла...
О вѣрная, грусти, грусти со мной!
Пускай твои небрежные напѣвы
Изобразятъ уныніе любви,
И слушая бряцанія твои,
Пускай вздохнутъ задумчивыя дѣвы. (Изд. 1855).

---

[1]) Отзвукъ стиха Карамзина въ его стихотвореніи: „Отставка“: „Люблю, люблю, но пусть умру любя“

Когда пробилъ послѣдній счастью часъ,
Когда въ слезахъ надъ бездной я проснулся
И, трепетный, уже въ послѣдній разъ
Къ рукѣ твоей устами прикоснулся—
Да, помню все! я сердцемъ ужаснулся,
Но заглушалъ несносную печаль;
Я говорилъ: „Не вѣчная разлука
Всѣ радости уноситъ нынѣ въ даль.
Забудемся! въ мечтахъ потонетъ мука;
Уныніе, губительная скука
Пустынника пріютъ не посѣтятъ;
Мою печаль усладой муза встрѣтитъ;
Утѣшусь я, и дружбы тихій взглядъ
Души моей холодный мракъ освѣтитъ [1])“.

Какъ мало я любовь и сердце зналъ!
Часы идутъ, за ними дни проходятъ,
Но горестямъ отрады не приводятъ
И не несутъ забвенія фіалъ.
О, милая, повсюду ты со мною!
Но я унылъ и втайнѣ я грущу.
Блеснетъ ли день за синею горою,
Взойдетъ ли ночь съ осеннею луною—
Я все тебя, прелестный другъ, ищу.
Засну ли я—лишь о тебѣ мечтаю,
Одну тебя въ невѣрномъ вижу снѣ;
Задумаюсь—невольно призываю,
Заслушаюсь—твой голосъ слышенъ мнѣ.
Разсѣянный сижу между друзьями,
Невнятенъ мнѣ ихъ шумный разговоръ;
Гляжу на нихъ недвижными глазами,
Не узнаетъ ужъ ихъ мой хладный взоръ!
И ты со мной, о лира, пріуныла,
Наперсница души моей больной!
Твоей струны печаленъ звонъ глухой
И лишь любви ты голосъ не забыла...
О вѣрная, грусти, грусти со мной!
Пускай твои небрежные напѣвы
Изобразятъ уныніе мое,
И слушая бряцаніе твое,
Пускай вздохнутъ задумчивыя дѣвы.

---

[1]) Ср. ст. 67 и 68 Посланія къ кн. А. М. Горчакову (№ 16).

19. Окно.

(1816).

Стихотвореніе того же элегическаго характера. Оно отличается задушевной искренностію наивнаго чувства.

По замѣчанію Бѣлинскаго, и къ этому стихотворенію относится сказанное о №№ 16 и 17.

Здѣсь печатается по тексту изд. 1882 (Соч. I, 150), согласно автографу, принадлежащему Я. К. Гроту. Варіанты по посмертному изданію 1838 г.

---

1 Гдѣ міръ, одной мечтѣ послушный?
Міръ настоящій опустѣлъ!
На все взираю равнодушно:
Дышать уныньемъ мой удѣлъ.
Напрасно лѣтнею порою
Любовникъ рощицъ и луговъ
Колышетъ розой полевою [1]),
Летя съ тѣнистыхъ береговъ.

2 Напрасно поздняя зарница
Мерцаетъ въ темнотѣ ночной,
Иль въ зыбкихъ облакахъ денница
Разлита пламенной рѣкой,
Иль день багряный вечерѣетъ,
И тихо тьмится [а] небосводъ [б],
И клёнъ на мѣсяцѣ бѣлѣетъ,
Склонясь на берегъ синихъ водъ...

3 Вчера вечерней темнотою [в],
Когда пустынная луна
Текла туманною стезею,
Я видѣлъ: дѣва у окна,
Склонившись на руку [г], сидѣла;
Дышала въ тайномъ страхѣ грудь;
Съ волненьемъ дѣвица [д] глядѣла
На темный подъ холмами путь.

4 Я здѣсь! шепнули торопливо;
И дѣва трепетной рукой
Окно открыла боязливо.
Луна покрылась темнотой...
Счастливецъ! молвилъ я съ тоскою,
Тебя веселье ждетъ одно.
Когда жъ вечернею порою
И мнѣ откроется окно?

---

20. Друзьямъ.

(1816).

Одно изъ лучшихъ стихотвореній того же элегическаго характера. И въ немъ замѣтно указанное въ стих. № 16 свойство Пушкинской элегіи.

[а] Тускнетъ.—[б] неба сводъ (Акд. изд.). [в] Недавно темною порою.—[г] Одна задумчиво.—[д] Она съ волненіемъ.

---

1) Шиповникомъ.

Свою законченную форму стихотворенiе получило для изданiя 1826 г. Въ немъ отброшено начало первоначальнаго текста (напечатаннаго въ посмертномъ изданiи 1838 г.):

Къ чему, веселые друзья,
Мое тревожитъ васъ молчанье?
Запѣвъ послѣднее прощанье,
Ужъ муза смолкнула моя.
Напрасно лиру взялъ я въ руки
Бряцать веселье на пирахъ,
И на ослабленныхъ струнахъ
Искалъ потерянные звуки.
Богами вамъ еще даны
Златыя дни, златыя ночи,
И на любовь устремлены
Огнемъ пылающiя очи!
Играйте, пойте, о друзья!
и т. д.

По замѣчанiю Бѣлинскаго (1844), „черезъ уничтоженiе первыхъ 8-ми стиховъ и перемѣну 11-го и 12-го изъ безобразнаго куска мрамора вышла мраморная статуэтка".

Богами вамъ еще даны
Златые дни, златыя ночи,
И томныхъ дѣвъ устремлены
На васъ внимательныя очи.
Играйте, пойте, о друзья!
Утратьте вечеръ скоротечный:
И вашей радости безпечной
Сквозь слезы улыбнуся я.

---

21 Пробужденiе.

(1816).

Стихотворенiе это, вызванное тѣми же порывами юнаго сердца, отличается своею музыкальностiю. Поэтъ воспользовался тѣмъ размѣромъ, о которомъ упомянуто во вступительной замѣткѣ къ № 11, но движенiе стиха, вслѣдствiе своеобразнаго чередованiя риѳмъ (абабввггвдеддежзжзжiiiiклкл), мѣстами неожиданно спаривающихся, здѣсь сообщаетъ стиху неподражаемую свободу, гибкость и грацiю. Замѣчательно соотвѣтствiе каждаго движенiя стиха тому, что имъ выражено: при чтенiи стиховъ 5—9, напримѣръ, кажется чувствуешь, какъ стучитъ сердце проснувшагося въ тревогѣ юноши.

Впервые напечатано въ „Сѣв. Наблюдателѣ" 1817, № 1.

Мечты, мечты!
Гдѣ ваша сладость?
Гдѣ ты, гдѣ ты,
Ночная радость?
Исчезнулъ онъ,
Веселый сонъ,
И одинокiй
Во тьмѣ глубокой
Я пробужденъ.....
Кругомъ постели
Нѣмая ночь;
Вмигъ охладѣли,
Вмигъ улетѣли,
Толпою прочь
Любви мечтанья.
Еще полна
Душа желанья
И ловитъ сна
Воспоминанья.
Любовь, любовь,

Внемли моленья:
Пошли мнѣ вновь
Свой видѣнья!
И поутру,
Вновь упоенный
Пускай умру
Не пробужденный.

---

22. Изъ отрывка: Сонъ:

(1816).

По весьма правдоподобному предположенію г. Ефремова, этотъ отрывокъ составляетъ часть не сохранившагося вполнѣ посланія: „Оправданная лѣнь“, о которомъ упоминаетъ г. Гаевскій („Пушкинъ въ Лицеѣ“, стр. 147). Выборъ темы объясняется прозаической сатирой: „Похвальное слово сну“ Батюшкова, напечатанною въ „Вѣстн. Евр.“ при письмѣ къ редактору съ предисловіемъ, гдѣ разсказано объ „обществѣ Лѣнивыхъ“, учрежденномъ въ подмосковной нѣкоторыми празднолюбцами. Изъ нихъ „Любитель сна Дормидонъ Тихинъ“ произноситъ это слово, въ которомъ приводитъ нѣсколько стиховъ о снѣ (Лафонтена и Дмитріева.)

Въ этомъ отрывкѣ замѣчательны ст. 173—197, гдѣ Пушкинъ даетъ изящный образъ своей няни Арины Родіоновны въ его дѣтской, дополняя этимъ автобіографическія данныя своихъ первыхъ лѣтъ.

Впервые напечатано въ посмертномъ изд. 1838 г.

. . . .

Приди, о лѣнь, приди въ мою пустыню!
Тебя зовутъ прохлада и покой;
Въ одной тебѣ я зрю свою богиню,
Готово все для гостьи молодой.
Все тихо здѣсь, докучный шумъ укрылся
За мой порогъ; на свѣтлое окно
Прозрачное спустилось полотно,
И въ темный нишъ, гдѣ сумракъ воцарился,
Чуть крадется невѣрный свѣтъ дневной.
Вотъ мой диванъ—приди жъ въ обитель міра,
Царицей будь: я плѣнникъ нынѣ твой!
Учи меня, води моей рукой,
Все, все твое: вотъ краски, кисть и лира!
А вы, друзья моей прелестной музы,
Которыми любви забыты узы,
Которые владычеству земли
Конечно бъ сонъ спокойный предпочли—
О, мудрецы! дивиться вамъ умѣя,
Для васъ однихъ я нынѣ тронъ Морфея
Поэзіи цвѣтами обовью,
Для васъ однихъ блаженство воспою.
Внемлите же съ улыбкой снисхожденья
Моимъ стихамъ, урокамъ наслажденья.

Въ назначенный природой нѣги часъ,
Хотите ли забыться каждый разъ.
Въ ночной тиши, средь общаго молчанья
Въ объятіяхъ игриваго мечтанья?
Спѣшите же подъ сельскій мирный кровъ:
Тамъ можно жить и праздно, и безпечно,
Тамъ прямо рай; но прочь отъ городовъ,
Гдѣ крикъ и шумъ лѣнивцевъ мучитъ вѣчно.
Согласенъ я, въ нихъ можно цѣлый день
Съ прелестницей ловить веселья тѣнь;
Въ платокъ зѣвать, блистая въ модномъ свѣтѣ.
На балѣ въ ночь вертѣться на паркетѣ;
Но можно ли вкушать отраду сновъ?
Настала тѣнь, уснуть лишь я готовъ,
Обманутый призраками ночными—
И вотъ уже, при свѣтѣ фонарей,
На бѣшеной четверкѣ лошадей,
Стуча, гремя колесами златыми,
Катится спесь подъ окнами моими.
Я вновь дремлю, вновь улица дрожитъ—
На скучный балъ разсѣянье летитъ..
О, Боже мой! ужели здѣсь ложатся,
Чтобы всю ночь безсонницей терзаться?
Еще стучатъ, а тамъ уже свѣтло,
И гдѣ мой сонъ? Не лучше ли въ село?

. . . .

Случалось ли ненастной вамъ порой
Дня зимняго при позднемъ, тихомъ свѣтѣ,
Сидѣть однимъ безъ свѣчки въ кабинетѣ:
Все тихо вкругъ; березы больше нѣтъ;
Часъ отъ часу темнѣетъ оконъ свѣтъ;
На потолкѣ какой-то призракъ бродитъ;
Блѣднѣетъ ужъ—и синеватый дымъ,
Какъ легкій паръ, въ трубу віясь, уходитъ.
И вотъ жезломъ невидимымъ своимъ
Морфей на все невѣрный мракъ наводитъ.
Темнѣетъ взоръ; „Кандидъ“ [1]) изъ вашихъ рукъ,
Закрывшися, упалъ въ колѣни вдругъ;
Вздохнули вы; рука на столъ валится,
И голова съ плеча на грудь катится.
Вы дремлете, надъ вами мира кровъ:
Нежданный сонъ пріятнѣй многихъ сновъ!
Душевныхъ мукъ волшебный исцѣлитель,
Мой другъ Морфей, мой давній утѣшитель!
Тебѣ всегда я жертвовать любилъ,
И ты жреца давно благословилъ:

---

1) „Кандидъ“ — сатирическая повѣсть Вольтера.

Забуду ли то время золотое,
Забуду ли блаженный нѣги часъ,
Когда въ углу подъ вечеръ притаясь,
Я призывалъ и ждалъ тебя въ покоѣ?
Я самъ не радъ болтливости своей;
Но дѣтскихъ лѣтъ люблю воспоминанье.
Ахъ, умолчу ль о мамушкѣ моей,
О прелести таинственныхъ ночей,
Когда, въ чепцѣ, въ старинномъ одѣяньѣ,
Она, духовъ молитвой уклоня,
Съ усердіемъ перекреститъ меня,
И шопотомъ разсказывать мнѣ станетъ
О мертвецахъ, о подвигахъ Бовы!
Отъ ужаса не шелохнусь бывало;
Едва дыша, прижмусь подъ одѣяло,
Не чувствуя ни ногъ, ни головы.
Подъ образомъ простой ночникъ изъ глины
Чуть освѣщалъ глубокія морщины
Драгой антикъ, прабабушкинъ чепецъ,
И длинный ротъ, гдѣ зуба два стучало—
Все въ душу страхъ невольный поселяло;
Я трепеталъ, и тихо наконецъ
Томленье сна на очи упадало.
Тогда толпой съ лазурной высоты
На ложе розъ крылатыя мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сонъ обворожали:
Терялся я въ порывѣ сладкихъ думъ
Въ глуши лѣсной, средь Муромскихъ пустыней,
Встрѣчалъ лихихъ Полкановъ и Добрыней—
И въ вымыслахъ носился юный умъ...

Но вы прошли, о, ночи безмятежны,
И юности ужъ возрастъ наступилъ.
Подайте мнѣ Альбана [2]) кисти нѣжны,
И я мечту младой любви вкусилъ.
И гдѣ жъ она? Восторгами родилась,
И въ тотъ же мигъ восторгомъ истребилась.
Проснулся я, ищу на небѣ день,
Но все молчитъ; луна во тьмѣ сокрылась,
И вкругъ меня глубокой ночи тѣнь.
Но сонъ мой тихъ! Безпечный сынъ Парнаса,
Въ ночной тиши я съ риѳмою не бьюсь,
Не вижу ввѣкъ ни Феба, ни Пегаса,
Ни старый дворъ какихъ-то старыхъ музъ.
. . . .

---

2) **Альбани** (Франческо)—живописецъ Болонской школы (1578—1666), извѣстный своими ландшафтами и идиллическимъ изображеніемъ миѳологическихъ сюжетовъ.

23. Къ принцу Оранскому. (1816).

Это стихотвореніе, написанное по порученію Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго и Карамзина, было пропѣто за ужиномъ на устроенномъ Императрицей Маріей Ѳеодоровной въ Розовомъ Павильонѣ Павловска праздникѣ по случаю бракосочетанія принца Оранскаго Вильгельма Фридриха, раненаго при Ватерлоо (отсюда ст. 1 и 2 строфы 8-й) (впослѣдствіи короля Нидерландскаго) съ великою княжною Анной Павловною, передъ отъѣздомъ новобрачныхъ за границу, послѣдовавшимъ 10 іюня. За эти стихи Императрица Марія пожаловала поэту-лицеисту золотые часы съ цѣпочкою.

Императрица поручила написать стихотвореніе Нелединскому-Мелецкому, но устарѣвшій поэтъ, не надѣясь на свои силы, передалъ это порученіе Пушкину, давъ ему и главную мысль, и черезъ часъ или два уѣхалъ изъ Лицея уже со стихами.

Это стихотвореніе—стансы. Стихъ его, мужественный и звонкій, носитъ тотъ самобытный характеръ, которымъ отличаются произведенія того же рода лучшей поры творчества: „Въ надеждѣ славы и добра“ (1826) и „Въ часы забавъ иль праздной скуки“ (1830).

Впервые напечатано въ посмертномъ изданіи 1838 г.

---

1 Довольно битвы мчался громъ,
Тупился мечъ окравовленный,
И смерть погибельнымъ крыломъ
Шумѣла грозно надъ вселенной.

2 Свершилось... подвигомъ царей
Европы твердый миръ основанъ;
Оковы свергнувшій злодѣй
Могущей бранью снова скованъ.

3 Узрѣлъ онъ въ пламени Москву—
И былъ низверженъ ужасъ міра;
Покрыла падшаго главу
Благословеннаго порфира!

4 Повлекся, мглою окруженъ,
Притекъ, и буйной вдругъ измѣной
Ужъ воздвигалъ свой шаткій тронъ,
И палъ, отторженъ отъ вселенной.

5 Утихло все. Не мчится громъ,
Не блещетъ мечъ окровавленный,
И брань погибельнымъ крыломъ
Не мчится грозно надъ вселенной.

6 Хвала, о юноша-герой!
Съ героемъ дивнымъ Альбіона

4*

Онъ вѣрныхъ велъ въ послѣдній бой
И мстилъ за лиліи Бурбона [1])

7 Предъ нимъ мятежныхъ громъ гремѣлъ,
Текли вослѣдъ щиты кровавы;
Грозой онъ въ бранной мглѣ летѣлъ
И разливалъ блистанье славы!

8 Его текла младая кровь,
На немъ сіяетъ язва чести.
Вѣнчай, вѣнчай его, любовь:
Достойный былъ онъ воинъ мести!

---

24. Изъ стихотворенія: Къ Наташѣ.
(1816).

Тонъ этого стихотворенія, рѣзко отличающій его отъ другихъ стиховъ Пушкина, внушалъ сомнѣніе въ принадлежности его Пушкину (напр. Шевыреву, см. Москвит. 1841, № 9). Но не трудно въ этомъ стихотвореніи узнать очень искусное подражаніе сентиментальнымъ пѣсенкамъ И. И. Дмитріева (въ родѣ: „Стонетъ сизый голубочекъ") и Нелединскаго-Мелецкаго („У кого душевны силы истощилися тоской" и т. п.). Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи передразнилъ манеру такихъ пѣсенъ. Пѣсенка Пушкина обращена къ горничной (княжны Волконской), какъ бы въ знакъ того, что наступило время такія пѣсни передать въ дѣвичьи. Такъ это и стало.

Впервые напечатано въ посмертномъ изд. 1838 г. Лицейскія рукописи подтверждаютъ принадлежность этого стих. Пушкину.

---

1 Вянетъ, вянетъ лѣто красно,
Улетаютъ ясны дни!
Стелется туманъ ненастный
Ночи въ дремлющей тѣни;
Опустѣли злачны нивы,
Хладенъ ручеекъ игривый,
Лѣсъ кудрявый посѣдѣлъ;
Сводъ небесный поблѣднѣлъ.

8 Скоро, скоро холодъ зимній
Рощу, поле посѣтитъ;
Огонекъ въ лачужкѣ дымной
Скоро ярко заблеститъ;
Не увижу я прелестной,
И какъ чижикъ въ клѣткѣ тѣсной,
Долго буду горевать
И Наташу вспоминать.

---

25. Боже, царя храни.
(1816)

Гимнъ этотъ былъ написанъ къ 19-му октября, лицейскому празднику (послѣднему въ лицейской жизни Пушкина) и пропѣтъ лицеистами

---

[1]) Принцъ Оранскій сражался въ рядахъ англійскаго войска подъ командою Веллингтона.

на голосъ англійскаго народнаго гимна God sove the king, въ подражаніе которому и написано. Первая строфа, какъ извѣстно, принадлежитъ перу Жуковскаго (Она одна и была напечатана въ „Сынѣ Отеч." 1815. № 48, подъ заглавіемъ: „Молитва Русскихъ").

Весь гимнъ впервые напечатанъ въ посмертномъ изданіи 1838 г.

---

1 Боже, царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли!
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю
Все ниспошли! (Жуковскій).

2 Тамъ—громкой славою,
Сильной державою [a]
Міръ онъ покрылъ;
Здѣсь—безмятежною
Сѣнью надежною,
Благостью нѣжною
Насъ осѣнилъ.

3 Брани въ ужасный часъ
Мощно хранила насъ
Вѣрная длань;
Гласъ умиленія,
Благодаренія —
Сердца стремленія —
Вотъ наша дань!

---

26. Изъ посланія: Къ Жуковскому.

(1817).

Начало поэтическаго поприща и дальнѣйшая дѣятельность Пушкина проходитъ при неизмѣнно дружескихъ отношеніяхъ съ Жуковскимъ, начиная отъ юношескихъ опытовъ, о которыхъ постоянно освѣдомлялся Жуковскій (пріѣзжавшій для того въ Лицей и ободрявшій Пушкина въ его поэтическомъ призваніи, когда замѣчалъ въ немъ недовѣріе къ своему таланту), и первой поэмы (см. т. II, „Русл. и Людм.") — до того печальнаго дня, когда Жуковскому пришлось описывать послѣдніе часы Пушкина, а потомъ разбирать его бумаги и участвовать въ посмертномъ изваніи его сочиненій.

Въ 19—22 стихахъ посланія читаемъ о] томъ обаятельномъ дѣйствіи, которое производилъ на начинающаго поэта Жуковскій. Онъ сталъ новымъ авторитетомъ для оставляющаго Лицей Пушкина, смѣнившимъ стараго — Державина (см. вступительную замѣтку къ № 5) и его младшихъ современниковъ. Читая строфы посланія Жуковскаго къ кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину 1814 г., гдѣ тотъ горячо вступается за благородное поприще поэтовъ [1]), вопреки голосу „завистниковъ генія славы", Пушкинъ учился глубже вдумываться въ назначеніе поэта. Подобныя строки должны были приготовить

---

[a] Крѣпкою славою, Свѣтлой державою (автографъ у Я. К. Грота).

---

[1]) См. соч. Жук. I, 335—339.

въ Пушкинѣ взглядъ на поэзію уже не только какъ на богиню лѣни (см. № 24), а на себя — какъ на „сына нѣги“ (см. № 10) и ученика Анакреона („Мое завѣщаніе“, 1815 г., ст. 45): въ этомъ посланіи мы видимъ серьезное рѣшеніе (ст. 23), которое звучитъ чѣмъ-то новымъ при сравненіи съ неоднократно прежде выраженнымъ недовѣріемъ къ своимъ поэтическимъ силамъ внѣ узкой анакреонтической сферы. Прежде Пушкинъ боялся летать „съ дерзостнымъ Икаромъ“ (№ 7) или „превратить въ лиру сво гусиное перо“ (№ 9), смотрѣлъ снизу вверхъ на Дельвига, называя себя „лишь умножившимъ поэтовъ грѣшный ликъ“, „за грѣхи влюбившимся въ поэзію (№ 10), считалъ себя „виноватымъ и прозою и стихами“ (въ письмѣ къ дядѣ Василію Львовичу, дек. 1816): теперь, въ посланіи къ Жуковскому, впервые съ чувствомъ полнаго достоинства онъ восклицаетъ: „Отважной вѣрою исполнилася грудь“ (ст. 24). Эту отвагу самъ поэтъ приписываетъ здѣсь тѣмъ авторитетамъ, геній которыхъ „промчался надъ нимъ“ (ст. 28): въ числѣ ихъ и несомнѣнно самымъ симпатичнымъ для Пушкина, былъ Жуковскій.

Въ формѣ стиха этого произведенія замѣтно отраженіе стиха Жуковскаго въ посланіи Императору Александру.

Согласно серьезному чувству, вызвавшему посланіе, оно и формою своею (стихомъ и тономъ) рѣзко отличается отъ дружескихъ посланій къ Горчакову, Дельвигу и Батюшкову. Съ Жуковскимъ Пушкинъ никогда не обходился за-панибрата. Стихи посланія какъ нельзя лучше выражаютъ чувство благоговѣйнаго уваженія, которое испытывалъ юный поэтъ передъ Жуковскимъ, этимъ авторитетнымъ представителемъ новой школы поэтовъ, у которыхъ учился Пушкинъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшій теперь окончанія курса, дабы вступить въ „Арзамасъ“. Въ рукописи подъ этимъ посланіемъ Пушкинъ и подписался: „Арзамасецъ“.

Впервые напечатано въ „Сынѣ Отеч.“ 1840, ч. 2.

Благослови, поэтъ! Въ тиши парнасской сѣни,
Я съ трепетомъ склонилъ предъ музами колѣни,
Опасною тропой съ надеждой полетѣлъ,
Мнѣ жребій вынулъ Фебъ—и лира мой удѣлъ.
Страшусь, неопытный, безславнаго паренья,
Но пылкаго смирить не въ силахъ я влеченья.
Не грозный приговоръ на гибель внемлю я:
Сокрытаго въ вѣкахъ священный судія,
Стражъ вѣрный прошлыхъ лѣтъ, наперсникъ музъ любимый
И блѣдной зависти предметъ неколебимый [1]),
Привѣтливымъ меня вниманьемъ ободрилъ;
И Дмитревъ слабый даръ съ улыбкой похвалилъ,
И славный старецъ нашъ, царей пѣвецъ избранный
Крылатымъ геніемъ и граціей вѣнчанный,
Въ слезахъ обнялъ меня дрожащею рукой [2])
И счастье мнѣ предрекъ, незнаемое мной.

---

[1]) Карамзинъ.—[2]) Объ этомъ привѣтѣ Державина см. вступит. замѣтку къ № 5.

И [а] ты, природою на пѣсни обреченный,
Не ты ль мнѣ руку далъ въ завѣтъ любви священной [б]?
Могу ль забыть я часъ, когда передъ тобой
Безмолвный я стоялъ, и молнійной струей
Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла
И, тайно съединясь, въ восторгахъ пламенѣла?
Нѣтъ, нѣтъ, рѣшился я безъ страха въ трудный путь!
Отважной вѣрою исполнилася грудь.
Творцы безсмертные, питомцы вдохновенья!
Вы цѣль мнѣ кажете въ туманахъ отдаленья;
Лечу къ безвѣстному отважною мечтой,
И, мнится, геній вашъ промчался надо мной [3]).
Но что? Подъ грозною парнасскою скалою
Какое зрѣлище открылось предо мною?
Въ ужасной темнотѣ пещерной глубины,
Вражды и зависти угрюмые сыны,
Возвышенныхъ творцовъ зоилы записные,
Сидятъ безсмыслицы дружины боевыя.
Далеко дикихъ лиръ несется рѣзкій вой;
Варяжскіе стихи визжитъ варяговъ строй [4]),
Смѣхъ общій—имъ отвѣтъ надъ мрачными толпами...

. . . .

Но вижу, возвѣщать намъ истины опасно:
Ужъ Мевій на меня нахмурился ужасно,
И смертный приговоръ талантамъ возгремѣлъ.
Гоненія терпѣть ужель и мой удѣлъ?
Что нужды? Смѣло въ даль дорогою прямою:
Ученью руку давъ, поддержанный тобою,
Ихъ злобы не страшусь; мнѣ твердый Карамзинъ,
Мнѣ ты примѣръ! что̀ крикъ безумныхъ сихъ дружинъ?
Пускай бесѣдуютъ отверженные Феба:
Имъ прозы, ни стиховъ не посланъ даръ отъ неба;
Ихъ слава—имъ же стыдъ, творенья—смѣхъ уму,
И въ тьмѣ возникшіе низвергнутся во тьму.

---

27. Къ Каверину.
(1817).

Лицеисты завели знакомство въ средѣ офицеровъ лейбъ-гусарскаго полка. Пушкинъ охотно проводилъ время въ ихъ обществѣ. Здѣсь завязалъ онъ дружбу съ нѣкоторыми личностями, которая сохранилась и на всю жизнь. Въ числѣ этихъ знакомцевъ былъ, напримѣръ, П. А. Чаадаевъ, имѣвшій благотворное вліяніе на Пушкина (см. вступительную замѣтку къ стих.: „Чаадаеву“),

[а] А (Акд. изд.) [б] священный (ibid.).

---

[3] См. № 5.—[4]) Бесѣда любителей русскаго слова (см. игру словъ въ ст. 119).

Но эти полковые пріятели беззаботныхъ минутъ молодости не ушли отъ сатирическихъ уколовъ Пушкина. Такъ въ 1817 г. онъ написалъ шуточное стихотвореніе: „Молитва лейбъ-гусарскихъ офицеровъ“, въ которой подмѣтилъ слабость каждаго изъ нихъ. Тамъ, между прочимъ, читаемъ:

Избави, Господи...
Любомирскаго чванства,
Каверина пьянства,
Чаадаева гордости,
Юшкова подлости...
Завадовскаго щедрости,
Гернгросовой мерзости
и т. д.

Это былъ тотъ кругъ, вліяніе котораго, взятое въ общемъ, впослѣдствіи поэтъ уподобилъ дѣйствію „художника-варвара“, „безсмысленно зачернившаго картину генія“ своими красками, генію „чуждыми“ (см. стих.: „Возрожденіе“, 1826). Въ 1817 году воспріимчивая душа Пушкина, конечно, не могла еще освободиться отъ легкаго взгляда на жизнь этихъ старшихъ спутниковъ молодости, но умѣла силою поэзіи и этому существованію „не слишкомъ мудрыхъ усачей“ (см. № 28, ст. 60) придать смыслъ. „Посланіе къ Каверину“—цѣлая житейская философія эпикуреизма, которой слѣдовалъ въ эту пору жизни и самъ Пушкинъ, чувствовавшій однако потребность облагородить ее, примиривъ съ запросами „высокаго ума“ (какъ сказана въ 15 стихѣ помѣщенной здѣсь редакціи) или „возвышеннаго ума и сердца“ (какъ стояло въ редакціи первоначальной). Надо замѣтить, что Каверинъ одно время былъ слушателемъ Геттингенскаго университета.

Поводомъ къ написанію посланія послужило выраженное офицерами, въ томъ числѣ и Каверинымъ, неудовольствіе на упомянутую „Молитву лейбъ-гусарскихъ офицеровъ“. Она надѣлала было хлопотъ юному поэту, но Завадовскій, въ дежурство котораго она была написана и которому попалась въ руки, польщенный приписанною ему въ этихъ щедростію, принялъ ихъ на себя, и избавилъ тѣмъ Пушкина отъ непріятности.

Напечатано впервые въ „Моск. Вѣстникѣ“ 1828 г., № 17, въ этой сокращенной редакціи. Первоначальная, полная редакція съ поправками Ефремова по подлиннику, исправленному самимъ поэтомъ (принадлежащему гр. П. И. Капнисту), напечатана въ Соч. I, 492, откуда взяты приводимые нами варіанты стиховъ, сохраненныхъ 2-й редакціей.

Забудь [а], любезный мой Каверинъ,
Минутной рѣзвости нескромные стихи:
Люблю я первый, будь увѣренъ,
Твои счастливые [б] грѣхи.
Все чередой идетъ опредѣленной,
Всему пора, всему свой мигъ;
Смѣшонъ и вѣтреный старикъ,
Смѣшонъ и юноша степенный.
Пока живется намъ, живи [в];
Гуляй въ мое воспоминанье [г];

[а] Прости. — [б] гусарскіе. — [в] Теперь въ безпечности живи. — [г] Люби друзей, храни о нихъ воспоминанье.

Молись и [д] Вакху и Любви,
И черни презирай ревнивое роптанье:
Она не вѣдаетъ, что дружно можно жить
Съ Киѳерой, съ Портикомъ, и съ книгой [е], и съ бокаломъ;
Что умъ высокій можно скрыть
Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ [ж].

---

28. Посланіе къ В. Л. Пушкину.
(1817).

Увлеченіе Пушкина „рѣзвыми шалостями“ полковой жизни едва не сдѣлалось причиною поступленія его въ полкъ, и только нежеланіе отца, находившаго содержаніе сына въ гвардіи не по средствамъ, и увѣщанія дяди-поэта и А. Ѳ. Орлова (см. вступ. зам. къ стих.: Деревня, 1819) удержали его отъ этого.

Посланіе это есть отвѣтъ дядѣ на эти увѣщанія, блестящій тѣмъ остроуміемъ, за которое не даромъ товарищи въ Лицеѣ называли Пушкина „французомъ“. Оно показываетъ, между прочимъ, какъ поверхностно было стремленіе Пушкина надѣть мундиръ и стать „милымъ и страшнымъ міру“ (ст. 70), такъ остроумно осмѣянное въ этомъ посланіи.—Ср. № 12.

Небольшіе отрывки этого посланія напечатаны были въ „Полярной Звѣздѣ“ 1824; начало же и конецъ, особенно цѣнные, даны въ „Библ. Зап.“ 1858 г., № 11.

Скажи, парнасскій мой отецъ;
Неужто вѣрный музъ любовникъ
Не можетъ нѣжный быть пѣвецъ
И вмѣстѣ гвардіи полковникъ?
Ужели тотъ, кто иногда
Жжетъ ладанъ Аполлону даромъ,
За честь не можетъ безъ стыда
Жечь порохъ на войнѣ съ гусаромъ,
И, если можно, города?
Беллона, музы и Венера—
Вотъ, кажется, святая вѣра
Дней нашихъ всякаго пѣвца;
Я шлюсь на русскаго Буфлера [1])
И на Дениса-храбреца [2]),
Но не на Глинку-офицера [3]),
Довольно плоскаго пѣвца;
Не нужно мнѣ его примѣра!
Ты скажешь: * „Перестань, болтунъ,
Будь человѣкъ, а не драгунъ!
Парады, караулъ, ученье—
Все это оды не внушитъ,
А только душу изсушитъ,

д Усердствуй (Акд. изд.).—е Съ стихами, съ картами, съ Платономъ.—ж Что рѣзвыхъ шалостей подъ легкимъ покрываломъ И умъ возвышенный и сердце можно скрыть. * Кавычки въ діалогѣ (18 — 44 ст.), отсутствовавшія въ предыдущемъ изданіи, поставлены согласно съ текстомъ Академич. изд. 1900 г.

---

1) Батюшкова. Буфле (1737—1815)—франц. эротическій поэтъ.—2) Денисъ Давыдовъ (см. „Сѣтованіе“ 1821).—3) Ѳеодоръ Ник. Глинка (1788—1880), авторъ „Писемъ русскаго офицера о Польшѣ, Австрійскихъ владѣніяхъ, Пруссіи и Венгріи“, съ описаніемъ похода 1805—1806 годовъ (2 ч. М. 1808). Въ 1810 и 1811 г. свои наблюденія при путешествіи по Россіи онъ помѣстилъ въ послѣднемъ томѣ „Писемъ русскаго офицера“. Поступилъ въ 1812 г. вновь въ военную службу, пробылъ въ ней до 1814 г. Письма его о событіяхъ этого времени составили 6 томовъ. Въ 1815—1816 г. „Письма русскаго офицера“ вышли въ 8 частяхъ. Онъ писалъ и духовныя стихотворенія.

И къ Марину [4]) для награжденья.
Быть можетъ, прямо за Коцитъ
Пошлетъ читать его творенья".
Послушай, дядя милый мой,
Ступай себѣ къ слѣпой Ѳемидѣ,
Ты съ дипломатикой косой!
„Кропай, мой другъ, посланье къ Лидѣ...
Оставь военные грѣхи,
И въ сладостяхъ успокоенья
Пиши сенатскія рѣшенья
И пятистопные стихи;
И не съ гусарскаго корнета—
Возьми примѣръ съ того поэта,
Съ того, котораго рука
Нарисовала Ермака [5])
Въ снѣгахъ незнаемаго [6]) свѣта,
И плѣнъ могучаго Мегмета [7]),
И мужа модные рога [8]):
Который, милостію Бога,
Министръ [9]) и сладостный [10]) пѣвецъ,
Былъ строгой чести образецъ,
Какъ образецъ онъ будетъ слога..."
Все такъ, почтенный дядя мой,
Почтенъ, кто глупости людской
Рѣшилъ запутанные споры,
Умѣлъ кто хитрости рукой
Переплетать между собой
Дипломатическіе взоры,
И править нашею судьбой [a].
Смѣшонъ, конечно, мирный воинъ,
И эпиграммы самой злой
Въ извѣстныхъ „Святкахъ" [11]) онъ достоинъ;
Но что̀ прелестнѣй и живѣй
Войны, сраженій и пожаровъ,
Кровавыхъ и пустыхъ полей,
Бивака, рыцарскихъ ударовъ,
И что̀ завиднѣй бранныхъ дней
Не слишкомъ мудрыхъ усачей,
Но сердцемъ истинныхъ гусаровъ?
Они живутъ въ своихъ шатрахъ,
Вдали забавъ, и нѣгъ, и грацій,
Какъ жилъ безсмертный трусъ Горацій
Въ тибурскихъ сумрачныхъ лѣсахъ;
Не знаютъ свѣта принужденья,
Не вѣдаютъ, что̀ скука, страхъ,
Даютъ обѣды и сраженья,
Поютъ и рубятся въ бояхъ.
Счастливъ, кто милъ и страшенъ міру,
О комъ за пѣсни, за дѣла
Гремитъ правдивая хвала,
Кто славитъ Марса и Темиру,
И бранную повѣсилъ лиру
Межъ вѣрной сабли и сѣдла!
Но вы, враги трудовъ и славы,
Питомцы Феба и забавы,
Вы, мирной праздности друзья,
Шепну вамъ на ухо: вы правы,
И съ вами соглашаюсь я!
Богъ создалъ для себя природу,
Свой рай и счастіе—глупцамъ,

[a] ; Уменъ, кто хитрости рукой Переплетаетъ межъ собой Дипломатическіе вздоры И правитъ нашею судьбой. (Акд. изд.).

[4]) С. Н. Маринъ (1775—1813)—сторонникъ стараго направленія, бывшій сотрудникъ „Драматическаго Вѣстника" князя Шаховского, отстаивавшаго ложноклассическую драму.— [5]) И. И. Дмитріевъ написалъ поэму „Ермакъ (1794).— [6]) Намекъ на невыдержанность въ поэмѣ Дмитріева мѣстнаго колорита. — [7]) Бой Ермака съ Мегметъ-Куломъ въ той же поэмѣ (подражаніе Оссіану). — [8]) „Модная жена", сказка Дмитріева.— [9]) И. И. Дмитріевъ былъ 1810 — 1814 министромъ юстиціи. — [10]) О его сентиментальныхъ пѣсняхъ см. вступзам. къ № 24. — [11]) Сатира кн. Д. П. Горчакова (1756—1824). Большая часть его произведеній оставалась не изданною, но многіе его стихи обращались въ журналистикѣ и бесѣдахъ, подобно пословицамъ, какъ впослѣдствіи стихи Грибоѣдова. — Съ 1807 г. онъ былъ членомъ Росс. Акад., а съ 1811 г.— членомъ „Бесѣды Люб. Росс. Слова".

Злословіе, мужчинъ и моду,
Конечно, для забавы дамъ;
Заботы—знатному народу,
Дурачество — для всѣхъ; а намъ—
Уединенье и свободу.

---

29. Къ товарищамъ передъ выпускомъ.

(1817).

Наступилъ іюнь 1817 г., а вмѣстѣ съ тѣмъ и время разставанія съ Лицеемъ, гдѣ провелъ Пушкинъ 6 лѣтъ. Оно сопровождается цѣлымъ рядомъ стихотвореній. Если альбомы были необходимою принадлежностью каждаго въ образованномъ кругу начала нынѣшняго вѣка, то тѣмъ болѣе ихъ должны были имѣть лицеисты, друзья поэзіи. Въ эти альбомы своихъ товарищей и написалъ Пушкинъ свои прощальныя стихотворенія.

А. Д. Иллич евскому (болѣе другихъ послѣ Пушкина занимавшемуся поэзіей) Пушкинъ писалъ 31 мая:

.... нѣтъ сомнѣнья,
Сей плодъ небрежный вдохновенья,
Безъ подписи, въ твоихъ рукахъ,
На скромныхъ дружества листкахъ
Уйдетъ отъ общаго забвенья.
Но пусть напрасенъ будетъ трудъ,
Твоею дружбой оживленный;
Мои стихи пускай умрутъ:
Гласъ сердца, чувства неизмѣнны
Навѣрно ихъ переживутъ.

Ив. Ив. Пущину написалъ онъ:

.... съ первыми друзьями
Не рѣзвою мечтой союзъ твой заключенъ:
Предъ грознымъ временемъ, предъ грозными судьбами,
О милый, вѣченъ онъ!

Замѣчательно, что наибольшей задушевностію отличаются стихи, обращенные къ Вильгельму К. Кюхельбекеру, бывшему такъ часто мишенью насмѣшекъ со стороны Пушкина. При слабомъ знаніи русскаго языка, стихи Кюхельбекеру давались съ трудомъ, такъ что Пушкинъ, смѣявшійся надъ его безплодными усиліями, совѣтовалъ ему писать по-нѣмецки, на что тотъ наивно отвѣчалъ, что въ Германіи уже много поэтовъ, а въ Россіи ихъ такъ еще мало, что и онъ будетъ не лишнимъ (Пушк. въ Лиц. I, 147). Тѣмъ не менѣе любившій Кюхельбекера Пушкинъ передъ самымъ отъѣздомъ, наканунѣ послѣдняго лицейскаго торжества, обратился съ самымъ теплымъ стихотвореніемъ къ этому „внуку Тредьяковскаго“, которому суждено было „заморозить гексаметръ“ (эпиграмма на Кюхельбекера: „Несчастіе Клита“, 1814), который „пѣсни пишетъ зло, какъ Геркулесъ сатиры пишетъ“ (эпигр. 1816 г.),

который и впослѣдствіи подалъ поводъ къ извѣстной шуткѣ: „такъ было мнѣ, мои друзья, и кюхельбекерно и тошно“ [1]):

Разлука.

Въ послѣдній разъ, въ сѣни уединенья,
Моимъ стихамъ внимаетъ нашъ пенатъ.
Лицейской жизни милый братъ,
Дѣлю съ тобой послѣднія мгновенья.
Прошли лѣта соединенья;
Разорванъ онъ, нашъ вѣрный кругъ.
Прости! Хранимый небомъ,
Не разлучайся, другъ,
Съ свободою и Фебомъ!
Узнай любовь, невѣдомую мнѣ,
Любовь надеждъ, восторговъ, упоенья:
И дни твои полетомъ сновидѣнья
Да пролетятъ въ счастливой тишинѣ!
Прости! Гдѣ бъ ни былъ я: въ огнѣ ли смертной битвы,
При мирныхъ ли брегахъ родимаго ручья,
Святому братству вѣренъ я.
И пусть (услышитъ ли судьба мои молитвы?),
Пусть будутъ счастливы всѣ, всѣ твои друзья! (9 іюля).

Къ этому-то времени относится и стихотвореніе, обращенное ко всѣмъ товарищамъ вообще. Легко примирившись съ своею судьбою, не допустившею его „подъ киверъ спрятать умъ“, чуждый и чиновничьяго честолюбія, Пушкинъ добродушно подсмѣивается надъ обоими поприщами, предоставляя себѣ безпечную жизнь поэта (ср. № 28, ст. 76—87).

По замѣчанію Бѣлинскаго (1844), это стихотвореніе принадлежитъ къ числу тѣхъ лицейскихъ, въ которыхъ „сквозь подражательность проглядываетъ уже чисто-пушкинскій элементъ поэзіи“. Въ этой піесѣ вѣетъ духъ совершенно чуждый прежней поэзіи. И стихъ, и понятія, и способъ выраженія—все ново въ ней, все имѣетъ корнемъ своимъ простой и вѣрный взглядъ на дѣйствительность“.

Напечатано впервые въ посмертномъ изд. 1838 г.

Промчались годы заточенья:
Недолго, милые друзья,
Намъ видѣть кровъ уединенья
И царскосельскія поля.
Разлука ждетъ насъ у порогу;
Зоветъ насъ свѣта дальній шумъ,
И каждый смотритъ на дорогу
Въ волненьи юныхъ, пылкихъ думъ[a].
Иной, подъ киверъ спрятавъ умъ,
Уже въ воинственномъ нарядѣ
Гусарской саблею махнулъ;
Въ крещенской утренней прохладѣ,

[a] И всякъ избралъ свою дорогу Съ волненьемъ гордыхъ юныхъ думъ. (Акд. изд.).

[1]) и который, надо прибавить, вызвалъ еще такую шутку въ лицейскомъ стих.: „Пирующіе друзья“ (1814):

...Писатель! за твои грѣхи
Ты съ виду всѣхъ трезвѣе:
Вильгельмъ! прочти твои стихи,
Чтобъ мнѣ заснуть скорѣе!

Красиво мерзнетъ на парадѣ,
А грѣться ѣдетъ въ караулъ.
Другой рожденный быть вельможей,
Не честь, а почести любя,
У плута знатнаго въ прихожей
Покорнымъ плутомъ зритъ себя.
Лишь я, судьбѣ своей [а] попослушный,
Счастливой [б] нѣги [в] вѣрный сынъ,
Душой безпечный [г], равнодушный,
Въ постели [д] задремалъ одинъ.
Равны мнѣ писаря, уланы,
Равны мнѣ каски, [е] кивера;
Не рвусь я грудью въ капитаны
И не ползу въ ассессора.
Друзья, немного снисхожденья!
Оставьте пестрый мнѣ колпакъ,
Пока его за прегрѣшенья
Не промѣнялъ я на шишакъ;
Пока лѣнивому возможно,
Не опасаясь грозныхъ бѣдъ,
Еще рукой неосторожной
Въ іюлѣ распахнуть жилетъ

[а] во всемъ.— [б] Безпечный.— [в] лѣни. (Акд. изд.).— [г] Къ честямъ ничтожнымъ.— [д] Я тихо.— [е] Равны законы. (Акд. изд.).

Въ изд. О. д. п. н. л. и у.: *въ ст. 8*: Съ волненьемъ. — *Въ ст. 21*: Всегда безпечный.—*Въ ст. 23*: писари.—*Въ ст. 28:* мирный мнѣ колпакъ.

Стихотворенія, написанныя по выходѣ изъ Лицея въ 1817—1819 годахъ.

Послѣ торжества перваго лицейскаго выпуска, происходившаго 10 іюня, Пушкинъ отправился въ псковское имѣніе своей матери, сельцо Михайловское Опочецкаго уѣзда, гдѣ проводили лѣто его родители. И поэтъ провелъ тамъ лѣто 1817 года.

Къ 1818 году относится немного стихотвореній Пушкина (лишь 19, считая бездѣлки и наброски). Они вызваны личностями, которыя онъ встрѣчалъ въ суетѣ петербургской разсѣянной жизни этого года, или то — памфлеты и эпиграммы, не имѣющіе поэтической цѣнности. „Отъ всѣхъ листовъ начальной его тетрадки“, замѣчаетъ Анненковъ, „вѣетъ страшно-разсѣяннымъ существованіемъ“. Но помѣщаемыя здѣсь два стихотворенія этого года свидѣтельствуютъ, что и „средь людей ничтожныхъ міра“, самъ Пушкинъ не оставался постоянно ничтожнымъ. Идеалъ поэта и предносился его фантазіи и предстоялъ его глазамъ въ лицѣ Жуковскаго (см. также вступит. замѣтку къ „Руслану и Людмилѣ“).

Стихотворенія 2-й половины 1819 года отличаются отъ большинства стихотвореній предыдущаго года большимъ здравіемъ духа. Отъѣздъ изъ Петербурга дѣйствуетъ благотворно, какъ всегда и послѣ.

---

30. Изъ элегіи: Любовь одна веселье жизни хладной!

(1817).

Эта элегія и слѣдующая ниже (№ 32), по всей вѣроятности, относятся — 1-я ко времени лѣтняго пребыванія въ Михайловскомъ, а 2-я ко времени возвращенія Пушкина въ Петербургъ. Обѣ онѣ—изящное выраженіе тѣхъ сердечныхъ волненій, которыя были вызваны первою любовію въ сердцѣ поэта.

Любовь одна веселье жизни хладной!
Любовь одна мученіе сердецъ!

Она даритъ одинъ лишь мигъ отрадный,
А горестямъ не виденъ и конецъ.
Стократъ блаженъ, кто въ юности прелестной
Сей быстрый мигъ поймаетъ на лету,
Кто къ радостямъ и нѣгѣ неизвѣстной
Стыдливую преклонитъ красоту!

. . . .

Пѣвцы любви, вы вѣдали печали!
И ваши дни по терніямъ текли;
Вы свой конецъ съ волненьемъ призывали;
Пришелъ конецъ, и въ жизненной дали
Не зрѣли вы минутную забаву;
Но не нашедъ блаженства вашихъ дней,
Вы встрѣтили по крайней мѣрѣ славу—
И мукою безсмертны вы своей!
Не тотъ удѣлъ судьбою мнѣ назначенъ:
Подъ сумрачнымъ навѣсомъ облаковъ,
Въ глуши долинъ, въ печальной тьмѣ лѣсовъ,
Одинъ, одинъ брожу унылъ и мраченъ.
Въ вечерній часъ, надъ озеромъ сѣдымъ [1]),
Въ тоскѣ, слезахъ, нерѣдко я стенаю;
Но ропотъ волнъ стенаніямъ моимъ
И шумъ дубравъ въ отвѣтъ лишь я внимаю.
Прервется ли души холодный сонъ,
Поэзіи зажжется ль упоенье—
Родится жаръ, и тихо стынетъ онъ:
Безплодное проходитъ вдохновенье.
Пускай она прославится другимъ;
Одинъ люблю—онъ любитъ и любимъ!..
Люблю, люблю!.. Но къ ней ужъ не коснется
Страдальца гласъ; она не улыбнется
Его стихамъ небрежнымъ и простымъ.
Къ чему мнѣ пѣть? Подъ кленомъ полевымъ
Оставилъ я пустынному зефиру
Ужъ навсегда покинутую лиру—
И слабый даръ какъ легкій скрылся дымъ.

---

31. Прощаніе съ Тригорскимъ.

(1817).

Ближайшими сосѣдями Михайловскаго было семейство Прасковьи Александровны Осиповой (по первому мужу Вульфъ), давняго друга семейства Пушкиныхъ, внушавшей уваженіе молодому Пушкину. Много

---

[1]) Подъ скатомъ, на верху котораго стоялъ домъ въ с. Михайловскомъ, простирается озеро Лучаново на пространствѣ 150 десятинъ, а неподалеку отъ него — другое озеро Маленецъ десятинъ въ 8.

пріятныхъ часовъ провелъ онъ въ ея сельцѣ Тригорскомъ, въ 2, 3 верстахъ отъ Михайловскаго, на холмистомъ берегу рѣки Сороти, протекающей озеро и подъ Михайловскимъ. Общество просвѣщенной хозяйки Тригорскаго, любительницы литературы, лично знакомой съ ея талантливыми представителями, и общество ея дочерей отъ перваго брака, Анны и Евпраксіи, оставили пріятное воспоминаніе о быстро мелькнувшемъ лѣтѣ 1817 года. Отъѣзжая осенью въ Петербургъ, Пушкинъ выразилъ чувства свои при разлукѣ съ ними.

Впервые напечатано въ „Спб. Вѣд". 1866 г., № 170 (въ статьѣ М. И. Семевскаго).

Простите, вѣрныя [а] дубравы!
Прости, безпечный миръ полей,
И легкокрылыя забавы
Столь быстро улетѣвшихъ дней!
Прости, Тригорское, гдѣ радость
Меня встрѣчала столько разъ!
На то ль узналъ я вашу сладость,
Чтобъ навсегда покинуть васъ?
Отъ васъ беру воспоминанье,
А сердце оставляю вамъ.
Быть можетъ (сладкое мечтанье),
Я къ вашимъ возвращусь полямъ,
Приду подъ липовые своды,
На скатъ Тригорскаго холма,
Поклонникъ дружеской свободы,
Веселыхъ грацій и ума.

10 сентября.

---

32. Опять я вашъ, о юные друзья!
(1817).

Элегія эта во всей силѣ обладаетъ тѣмъ свойствомъ Пушкинскаго стиха, которое указано во вступительной замѣткѣ къ № 17. Вторая половина этой элегіи обращаетъ вниманіе выраженіемъ неудержимой горести, для которой поэтъ не находитъ предѣловъ [1]).

Опять я вашъ, о юные друзья!
Туманные [б] сокрылись дни разлуки,
И брату вновь простерлись ваши руки,
Вашъ рѣзвый кругъ увидѣлъ снова я!
Все тѣ же вы, но сердце [в] ужъ не то же:
Уже не вы ему всего дороже,
Ужъ я не тотъ... Невидимой стезей

[а] милыя (Изд. О. д. п. н. л. и у.).—[б] Печальные.—[в] время (id.)

[1]) Рукопись этой элегіи находится на 28 листѣ тетради поэта по нумераціи Рум. муз. № 2364) между „Безвѣріемъ" (читаннымъ на выпускномъ экзаменѣ) и переписаннымъ съ помѣтою „10 марта 1817 г." на листѣ 29-мъ посланіемъ 1815-го года „Моему Аристарху". Листу 28-му предшествуетъ чистая оборотная сторона листа 27-го. Поэтъ нѣкоторыя страницы оставлялъ чистыми и потомъ заносилъ на нихъ стихотворенія; этимъ можетъ быть объяснено и появленіе въ тетради элегіи „Опять я вашъ" *передъ* копіей 10 марта 1817 г. Основанія же, по которымъ элегію эту (и элегію № 30) относятъ къ 1816 г., намъ неизвѣстны. Неизвѣстны также и библіографическія данныя, относящіяся до печатнаго текста этихъ обѣихъ элегій.

Ушла пора веселости безпечной,
Ушла навѣкъ [а], и жизни скоротечной
Лучъ утренній блѣднѣетъ надо мной;
Веселіе разсталося съ душой [б].
Отверженный судьбиною ревнивой [в],
Улыбку, смѣхъ [г], и рѣзвость, и покой,
Я все забылъ: печали молчаливой
Покровъ [д] лежитъ надъ юною главой.
Напрасно вы бесѣдою шутливой
И нѣжностью души краснорѣчивой
Мой тяжкій сонъ хотите перервать!
Все кончилось—и рѣзвости счастливой
Въ душѣ моей изгладилась печать [е].
Чтобъ удалить [ж] угрюмыя страданья,
Напрасно вы несете лиру мнѣ:
Минувшихъ дней погаснули мечтанья,
И умеръ гласъ въ безчувственной струнѣ.
Все кончилось [з]: одну печаль я вижу:
Мнѣ страшенъ [и] міръ, мнѣ скученъ [і] дневный свѣтъ;
Пойду [к] въ лѣса, въ которыхъ жизни нѣтъ,
Гдѣ мертвый мракъ: я радость ненавижу;
Во мнѣ застылъ ея минутный слѣдъ.
Опали вы, листы вчерашней розы,
Не доцвѣли до мѣсячныхъ [л] лучей!
Умчались вы, дни радости моей!
Умчались вы—невольно льются слезы,
И вяну я на темномъ утрѣ дней.
О дружество, предай меня забвенью!
Въ безмолвіи, покорствуя судьбамъ,
Оставь меня сердечному мученью,
Оставь меня пустынямъ и слезамъ!

---

33. Къ ***.

(1817).

Этой граціозной элегіей, написанной уже въ Петербургѣ 27 ноября, убѣждаемся, что тотъ вихрь столичной жизни, который захватилъ Пушкина въ первое время его пребыванія въ столицѣ, не составлялъ **всей** жизни его и не изгладилъ хорошихъ чувствъ прошлаго. Въ душѣ его жила всегда потребность чистыхъ чувствованій. И это стихотвореніе есть голосъ того же здороваго душевнаго настроенія, которое незадолго передъ тѣмъ внушило ему стих. „Къ ней“, гдѣ чувство къ К. П. Бакуниной (см. вступительную замѣтку къ № 16) отозвалось слѣдующими стихами:

[а] Навѣкъ ушла.—[б] *Этого стиха, риѳмующаго съ предыдущимъ, нѣтъ вовсе.*—[в] судьбой несправедливой.—[г] И ласки музъ.—[д] Рука.—[е] *Стиховъ 16—20 нѣтъ вовсе.*—[ж] разогнать.—[з] Передъ собой.—[и] скученъ.—[і] страшенъ.—[к] Иду.—[л] завтрашнихъ (*Изд. Общ. д. п. н. л. и у.*).

Все снова расцвѣло! Я жизнью трепеталъ;
Природы вновь восторженный свидѣтель,
Живѣе чувствовалъ, свободнѣе дышалъ,
Сильнѣй плѣняла добродѣтель...
Хвала любви, хвала богамъ и т. д.

Напечатано впервые въ изд. 1826 г. Въ рукописи наверху страницы, гдѣ это стих. написано, читаемъ: „Онъ улетѣлъ, прекрасный мигъ любви. 27 ноября 1817“.

Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой
Среди забавъ я часто омраченъ,
Зачѣмъ на все подъемлю взоръ угрюмый,
Зачѣмъ не милъ мнѣ сладкой жизни сонъ;
Не спрашивай, зачѣмъ душой остылой
Я разлюбилъ веселую любовь
И никого не называю милой:
Кто разъ любилъ, ужъ не полюбитъ вновь;
Кто счастье зналъ, ужъ не узнаетъ счастья.
На краткій мигъ блаженство намъ дано:
Отъ юности, отъ нѣгъ и сладострастья
Останется уныніе одно.

---

34. Княгинѣ Евдокіи Ивановнѣ Голицыной.

(1817).

„Кн. Е. И. Голицына (1780—1849), супруга кн. Сергія Михайл. Голицына, дочь генералъ-аншефа Измайлова, была въ свое время замѣчательная и своеобразная личность въ петербургскомъ обществѣ. Она была очень красива и долго пользовалась этимъ преимуществомъ. Черные выразительные глаза, густые темные волосы, падающіе на плеча извилистыми локонами, южный матовый колоритъ лица, улыбка добродушная и граціозная: придайте къ тому голосъ, произношеніе необыкновенно-мягкіе и благозвучные — и вы составите себѣ приблизительное понятіе о внѣшности ея. Вообще красота ея отзывалась чѣмъ-то пластическимъ, напоминавшимъ древнее греческое изваяніе... Въ ней было что-то ясное, спокойное, скорѣе лѣнивое, безстрастное. Она устроила свою жизнь, не очень справляясь съ уставомъ свѣтскаго благочинія, которому подчинилъ себя нѣсколько чопорный Петербургъ, но доброе имя ея осталось безупречно-неприкосновеннымъ. Домъ ея на Большой Милліонной былъ артистически украшенъ кистью и рѣзцомъ лучшихъ изъ современныхъ русскихъ художниковъ. Тутъ не было ничего изъ роскошныхъ принадлежностей и прихотей своенравной и измѣнчивой моды. Во всемъ отражалось что-то изящное и строгое. По вечерамъ немногочисленное, но избранное общество собиралось въ этомъ салонѣ. Вся постановка ея, вообще туалетъ ея, болѣе живописный, нежели подчиненный современному образцу — все это придавало ей и кружку ея что-то не обыденное, не завсегдашнее.

Общество собиралось media nocte, въ полночь. Княгиню прозвали въ Петербургѣ La princesse Nocturne (княгиня Ночная). Впрочемъ собирались къ ней не поздно, но долго засиживались. Бесѣды длились обыкновенно до 3 и 4 часовъ утра... Событія 1812 г. живо расшевелили патріотическую струну княгини. Помнится, вскорѣ по окончаніи войны, явилась она въ Москвѣ, на обыкновенный балъ Благороднаго Собранія, въ сарафанѣ и кокошникѣ, оплетенномъ лаврами". Такъ описываетъ эту женщину кн. Вяземскій. Въ послѣдніе годы жизни княгиня занималась математикой и метафизикой. Переѣхавъ въ Парижъ, она издала тамъ на франц. языкѣ нѣсколько брошюръ по этимъ предметамъ. Но русскія струи и тутъ не были ей совершенно чужды: при ней жила дочь патріота С. Н. Глинки.

Пушкинъ былъ посѣтителемъ ея петербургскаго салона и въ стихотвореніи своемъ выразилъ свой взглядъ на эту оригинальную женщину.

Въ легкихъ стихахъ этого свѣтскаго мадригала, заключающаго выраженіе тѣхъ качествъ, какихъ искалъ въ обществѣ только что вступившій въ него Пушкинъ, дополняется нравственный идеалъ, который можемъ извлечь изъ стихотвореній юношеской эпохи поэта.

Впервые напеч. въ „Молвѣ“ 1857, № 3.

Краевъ чужихъ неопытный любитель
И своего всегдашній обвинитель,
Я говорилъ: въ отечествѣ моемъ
Гдѣ вѣрный умъ, гдѣ геній мы найдемъ?
Гдѣ гражданинъ съ душою благородной,
Возвышенной и пламенно-свободной?
Гдѣ женщина не съ мертвой красотой,
Но съ огненной, плѣнительной, живой?
Гдѣ разговоръ найду непринужденный,
Плѣнительный, веселый, просвѣщенный?
Съ кѣмъ можно быть не хладнымъ, не пустымъ?
Отечество почти я ненавидѣлъ;
Но я вчера Голицыну увидѣлъ—
И примиренъ съ отечествомъ моимъ.

30 ноября 1817.

---

35. Дельвигу.

(1817).

Это посланіе къ другу-лицеисту (см. о немъ во ступит. замѣткѣ къ № 10) заключаетъ въ себѣ одно изъ самопризнаній юнаго поэта (ср. №№ 1, 2, 3, 4, 7, 8, 9 и 10).

Напечат. впервые въ изд. 1826 г. Въ посмертномъ изд. былъ напечатанъ и первоначальный текстъ этого посланія съ выпусками, возстановленными въ „Библіогр. Запискахъ 1858 г.

Любовью, дружествомъ и лѣнью
Укрытый отъ заботъ и бѣдъ,
Живи подъ ихъ надежной сѣнью:
Въ уединеніи ты счастливъ, ты поэтъ!
Наперснику боговъ не страшны бури злыя:
Надъ нимъ ихъ промыселъ высокій и святой;
Его баюкаютъ Камены молодыя,
И съ перстомъ на устахъ хранятъ его покой.
О милый другъ, и мнѣ богини пѣснопѣнья
Еще въ младенческую грудь
Вліяли искру вдохновенья
И тайный указали путь.
Я мирныхъ звуковъ наслажденья
Младенцемъ чувствовать умѣлъ,
И лира стала мой удѣлъ.
Но гдѣ же вы, минуты упоенья,
Неизъяснимый сердца жаръ,
Одушевленный трудъ и слезы вдохновенья?
Какъ дымъ исчезъ мой легкій даръ!
Какъ рано зависти привлекъ я взоръ кровавый
И злобной клеветы невидимый кинжалъ!
Нѣтъ, нѣтъ, ни счастіемъ, ни славой,
Ни гордой жаждою похвалъ
Не буду увлеченъ! Въ бездѣйствіи счастливомъ
Забуду милыхъ музъ, мучительницъ моихъ;
Но, можетъ быть, вздохну въ восторгѣ молчаливомъ,
Внимая звуку струнъ твоихъ.

---

36. Исторія стихотворца.

(1817).

Обычныя насмѣшки надъ бездарными стихотворцами, неоднократно наполнявшія дружескія посланія Пушкина (см. вступ зап. къ № 2 и ср. № 3, ст. 70—90; № 4, 150—159 и 340—344; № 15, 7—26; № 28, 29—37 и далѣе), нашли себѣ болѣе соотвѣтствующую сжатую форму въ этой эпиграммѣ.

Напеч. впервые въ изд. 1826 г.

Внимаетъ онъ привычнымъ ухомъ
Свистъ;
Мараетъ онъ единымъ духомъ
Листъ;
Потомъ всему терзаетъ свѣту
Слухъ;
Потомъ печатаетъ, и въ Лету
Бухъ.

---

37. Охотникъ до журнальной драки.

(1817).

Эта эпиграмма на журналиста впервые также напечатана въ изд. 1826 г.

Охотникъ до журнальной драки,
Сей удивительный зоилъ
Разводитъ опіумъ чернилъ
Слюною бѣшеной собаки.

---

38. Къ портрету Жуковскаго.

(1818).

Въ сжатой формѣ „надписи“, это стихотвореніе, исправленное въ болѣе зрѣлую пору поэта, характеризуетъ какъ нельзя лучше и форму, и содержаніе поэзіи Жуковскаго, и то нравственное дѣйствіе, которое она производила на молодыхъ читателей, въ томъ числѣ — на Пушкина.

Впервые напеч. въ „Благонамѣренномъ“ 1818, ч. 3.

Его стиховъ плѣнительная сладость,
Пройдетъ вѣковъ завистливую [а] даль,
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость [б],
Утѣшится безмолвная [в] печаль,
И рѣзвая задумается радость.

---

39. Жуковскому.

(НА ИЗДАНІЕ КНИЖЕКЪ ЕГО «ДЛЯ НЕМНОГИХЪ»).

(1818).

Жуковскій, будучи съ конца 1817 г. преподавателемъ русскаго языка молодой великой княгини Александры Ѳеодоровны (супруги вел. кн. Николая Павловича), по желанію ея переводилъ, преимущественно съ нѣмецкаго, стихотворенія, которыя, вмѣстѣ съ нѣкоторыми своими прежними переводами печаталъ небольшими книжками, съ нѣмецкимъ текстомъ en regard, подъ общимъ заглавіемъ: „Für Wenige, Для немногихъ“ [1]).

[а] *Такъ въ изд. 1826 г. Первоначально:* временъ въ таинственную.—[б] воспламенится.—[в] Безмолвная утѣшится.

---

1) См. книгу Загарина: „Жуковскій и его произведенія“. Изд. 2-е При стр. 234 тамъ приложенъ снимокъ съ обложки одной изъ этихъ книжекъ и двухъ страницъ ея.

Это изданіе не поступало въ продажу и назначалось лишь Высочайшей ученицѣ Жуковскаго и лицамъ его дружескаго круга.

Посланіе Пушкина къ Жуковскому 1818 г., задуманное и сначала написанное какъ поэтическая исповѣдь того благотворнаго дѣйствія, которое испытывалъ Пушкинъ среди „безплотной суеты“ отъ двухъ друзей, представителей литературы — Жуковскаго и Карамзина — затѣмъ получило въ окончательной отдѣлкѣ значеніе болѣе общее. Часть, посвященная Карамзину, откинута, а въ оставшемся Пушкинъ не столько опредѣляетъ личное отношеніе къ Жуковскому, сколько избираетъ его для поэтической характеристики истиннаго поэта: здѣсь и изображенъ самъ поэтъ въ минуту творчества (одно изъ лучшихъ изображеній этого рода), и опредѣлены отличительныя свойства истиннаго поэта, какъ понималъ ихъ Пушкинъ и впослѣдствіи (ст. „Поэтъ и чернь“ 1828 г. и „Поэту“ 1830), и вдохновительное дѣйствіе одного поэта на другого. При этомъ, какъ часто и въ другихъ случаяхъ, авторомъ были отброшены стихи безъ нужды распространявшіе стихотвореніе (таковы первые 6 стиховъ первоначальной редакціи [1]), или вносившіе въ него двойственность: такъ были исключены 17 конечныхъ стиховъ, гдѣ изображенъ поэтъ, вдохновенный трудомъ историка [2]), несмотря на то, что и эта часть полна прекрасныхъ стиховъ. Одинъ изъ нихъ (ст. 27-й), какъ извѣстно, привелъ въ восторгъ кн. Вяземскаго, который писалъ 25 апр. 1818 г. Жуковскому: „Стихи чертенка-племянника (выше шла рѣчь о дядѣ-Пушкинѣ) чудесно хороши. *Въ дыму столѣтій!* Это выраженіе — городъ! Я все отдалъ бы за него, движимое и недвижимое... Знаешь ли, что Державинъ испугался бы *дыма столѣтій?* О прочихъ и говорить нечего“.

Впервые напечатано въ „Сынѣ отечества“ 1820, № 52; безъ измѣненія и въ изд. 1826. Сокращеніе сдѣлано къ изд. 1829-му.

Когда къ мечтательному міру
Стремясь возвышенной душой,
Ты держишь на колѣняхъ лиру
Нетерпѣливою рукой;
Когда смѣняются видѣнья
Передъ тобой въ волшебной мглѣ,
И быстрый холодъ вдохновенья
Власы подъемлетъ на челѣ:
Ты правъ, творишь ты для немногихъ,

---

1) Слѣдующіе 6 стиховъ замѣнены въ редакціи 1829 г. двумя начальными:

Когда младымъ воображеньемъ
Твой гордый геній окрыленъ
Тревожитъ лѣни праздный сонъ,
Томясь мятежнымъ упоеньемъ;
Когда возвышенной душой
Летя къ мечтательному міру и т. д.

2) Въ этомъ году появились первые 8 томовъ „Исторіи Госуд. Росс“. — Вотъ послѣдніе 17 стиховъ:

Смотри, какъ пламенный поэтъ,
Вниманьемъ сладкимъ упоенный,
На свитокъ генія склоненный,
Читаетъ повѣсть древнихъ лѣтъ!
Онъ духомъ тамъ въ дыму столѣтій:
Предъ нимъ волнуется толпой
Злодѣйства, мрачной славы дѣти,
Съ сынами доблести прямой;
Отъ сна воскресшими вѣками
Онъ бродитъ тайно окруженъ,
И благодарными слезами
Карамзину приноситъ онъ
Живой души благодаренье
За мигъ восторга золотой,
За благотворное забвенье
Безплодной суеты земной.
И въ немъ трепещетъ вдохновенье.

Не для завистливыхъ судей [a],
Не для сбирателей убогихъ
Чужихъ сужденій и вѣстей,
Но для друзей таланта строгихъ,
Священной истины друзей.
Не всякаго полюбитъ счастье,
Не всѣ родились для вѣнцовъ.
Блаженъ, кто знаетъ сладострастье
Высокихъ мыслей и стиховъ,
Кто наслажденіе прекраснымъ
Въ прекрасный получилъ удѣлъ,
И твой восторгъ уразумѣлъ
Восторгомъ пламеннымъ и яснымъ!

---

40. Изъ стихотворенія: Деревня.

(1819).

На Пушкина успокоительно подѣйствовало уже самое прощаніе съ столицей, когда въ памяти его воскресло Михайловское. Онъ выразилъ это прежде всего въ слѣдующихъ стихахъ къ Вас. Вас. Энгельгардту, одному изъ своихъ петербургскихъ пріятелей:

Отъ суеты столицы праздной,
Отъ хладныхъ прелестей Невы,
Отъ вредной сплетницы молвы,
Отъ скуки, столь разнообразной,
Я ѣду вдаль! Простите, дамы,
Актрисы, франты, доктора [1]),
Шумящи игры, вечера,
Гдѣ льются пуншъ и эпиграммы!
Меня зовутъ поля, луга,
Тѣнисты липы огорода,
Озеръ пустынныхъ берега
И деревенская свобода.
Дай руку мнѣ. Пріѣду я
Въ началѣ мрачномъ октября.

Въ стихахъ, обращенныхъ къ другому лицу — Орлову [2]) („Къ А. Ѳ. Орлову, отсовѣтовавшему мнѣ вступить въ военную службу", какъ было напечатано въ заглавіи этого стихотворенія въ „Сѣв. Звѣздѣ") въ іюлѣ онъ пишетъ:

...Сокроюсь съ тайною свободой,
Съ цѣвницей, нѣгой и природой
Подъ сѣнью дѣдовскихъ лѣсовъ,
Надъ озеромъ въ спокойной хатѣ,
Или въ травѣ густыхъ луговъ,
Или холма на злачномъ скатѣ,
Въ бухарской шапкѣ и въ халатѣ.
Я буду пѣть моихъ боговъ
И буду ждать.—Когда жъ возстанетъ
Съ одра покоя богъ мечей
И брани громкій вызовъ грянетъ,
Тогда покину миръ полей;
Питомецъ пламенной Беллоны
У трона вѣрный гражданинъ!
Орловъ, я стану подъ знамены
Твоихъ воинственныхъ дружинъ.
Въ шатрахъ, средь сѣчи, средь пожаровъ,
Съ мечомъ и съ лирой боевой
Рубиться буду предъ тобой
И славу пѣть твоихъ ударовъ.

---

[a] Не для завистливыхъ судей, Ревнивыхъ милостью своей *(Первон. ред.)*

---

[1]) Не задолго передъ тѣмъ Пушкинъ перенесъ болѣзнь. — [2]) Въ автографѣ просто „Орлову".—Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ, впослѣдствіи князь.

И взглядъ на военное поприще, помыслы о которомъ, какъ видно, у Пушкина возвратились (ср. № 29, 30), сталъ теперь серьезнѣе.

Серьезнѣе сталъ и взглядъ Пушкина на деревню. Не одна „праздность вольная, подруга размышленья" занимаетъ его въ этотъ пріѣздъ въ Михайловское; самое размышленіе побуждаетъ его вдуматься въ окружающій его міръ. Многочисленные примѣры злоупотребленія помѣщичьей властью, не сдержанною государственнымъ закономъ и слишкомъ часто позорившеюся вслѣдствіе распущенности невѣжественныхъ нравовъ, вызываетъ на сей разъ горячій упрекъ деревнѣ и мысль о несовмѣстимости крѣпостного права съ просвѣщеніемъ и объ освобожденіи крестьянъ, которое онъ желаетъ видѣть совершеннымъ „по манію царя". Есть извѣстіе, что Императоръ Александръ Павловичъ, когда это стихотвореніе было представлено ему кн. Васильчиковымъ, полученное чрезъ Чаадаева, сказалъ князю: Faites remercier Pouchkine des bons sentiments que ses vers inspirent [1]).

Это стихотвореніе какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ также, что Пушкину достаточно было только возвратиться въ цѣлительное для него уединеніе, какъ въ немъ возникали и жажда самообученія, и стремленіе къ труду и творчеству (ст. 29—34).

Сначала напечатана была первая половина этого стихотворенія (ст. 1 — 34) подъ заглавіемъ: „Уединеніе" въ изд. 1826 г.; 2-я половина—въ изд. 1870 г.

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
Пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья,
Гдѣ льется дней моихъ невидимый потокъ
    На лонѣ счастья и забвенья!
Я твой: я промѣнялъ порочный дворъ царей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шумъ дубровъ, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.
    Я твой: люблю сей темный садъ
    Съ его прохладой и цвѣтами,
Сей лугъ, уставленный душистыми скирдами,
Гдѣ свѣтлые ручьи въ кустарникахъ шумятъ.
Вездѣ передо мной подвижныя картины:
Здѣсь вижу двухъ озеръ [2]) лазурныя равнины,
Гдѣ парусъ рыбаря бѣлѣетъ иногда,
За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,
    Вдали разсыпанныя хаты,
На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
Овины дымные и мельницы крылаты;
    Вездѣ слѣды довольства и труда.
Я здѣсь, отъ суетныхъ оковъ освобожденный,
Учуся въ истинѣ блаженство находить,

---

[1]) т. -е.: „Прикажите благодарить Пушкина за добрыя чувства, которыя внушаются его стихи".—[2]) См. стр. 63, вын. 1.

Свободною душой законъ боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвѣщенной,
Участьемъ отвѣчать застѣнчивой мольбѣ,
И не завидовать судьбѣ
Злодѣя иль глупца въ величіи неправомъ.
Оракулы вѣковъ, здѣсь вопрошаю васъ!
Въ уединеньи величавомъ
Слышнѣе вашъ отрадный гласъ:
Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,
Къ трудамъ рождаетъ жаръ во мнѣ,
И ваши творческія думы
Въ душевной зрѣютъ глубинѣ.
Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:
Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ.
Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца.
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.

. . . .

Опора милая старѣющихъ отцовъ,
Младые сыновья, товарищи трудовъ,
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовые толпы измученныхъ рабовъ.
О, если бъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!
Почто въ груди моей горитъ безплодный жаръ
И не данъ мнѣ въ удѣлъ витійства грозный даръ?
Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

---

41. Домовому.
(1819).

Въ своемъ деревенскомъ уединеніи поэтъ проникся тѣми животрепещущими въ жизни русской деревни простыми интересами и чувствами, которыя становились ему близки каждый разъ, когда онъ окунался въ эту жизнь. Онъ не былъ только равнодушнымъ зрителемъ ежедневныхъ заботъ ея, подобно жильцу подгородной дачи, но какъ сынъ помѣщика былъ близокъ ко всѣмъ заботамъ сельскаго быта. Въ стихотвореніи „Домовому“ поэтъ сплетаетъ мирныя заботы этого быта съ обстановкою

своего вдохновенія, поручая то и другое, вмѣстѣ, доброму домовому. Самая форма обращенія къ „домовому“ взята изъ области сельскихъ представленій.

Нѣкоторыя черты вѣрно воспроизводятъ (такъ же, какъ и ст. 14—19 предыдущаго стихотворенія) любезный ему внѣшній видъ Михайловскаго. „Сонными водами“ онъ называетъ воды озера подъ обрывомъ, на которомъ стоялъ господскій домикъ (см. выноску 1 на стр. 63); изображенъ и скатъ холмовъ всей гряды возвышеннаго берега, съ котораго разстилается далекій видъ на озеро съ рѣкою Соротью и луга по низкимъ берегамъ ихъ.

Таковы частныя обстоятельства, вызвавшія это стихотвореніе. Общее же значеніе его состоитъ въ художественномъ воспроизведеніи той гармоніи, которая охватываетъ душу поэта среди родной ему обстановки, въ согласіи съ общенародными чувствами его окружающихъ.

Бѣлинскій (1844) относитъ это стихотвореніе къ „чисто-пушкинскимъ“ изъ числа немногихъ произведеній этого года. Въ другомъ мѣстѣ онъ относитъ его, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими того же года (№ 42 и 43), по стиху, оборотамъ мысли и по игрѣ чувства къ произведеніямъ, въ которыхъ „найдете чистую поэзію, безукоризненное искусство, чистое художество безъ малѣйшей примѣси прозы, какъ старое вино безъ малѣйшей примѣси воды“.

Напечатано впервые въ „Пол. Звѣздѣ“ 1824, а потомъ въ изд. 1826 г.

Помѣстья мирнаго незримый покровитель,
Тебя молю, мой[а] добрый домовой,
Храни селенье, лѣсъ и дикій садикъ мой
И скромную семьи моей обитель!
Да не вредятъ полямъ опасный хладъ дождей
И вѣтра позднаго осенніе набѣги;
Да въ пору благотворны снѣги
Покроютъ влажный тукъ полей!
Останься, тайный стражъ, въ наслѣдственной сѣни.
Постигни робостью полуночнаго вора,
И отъ недружескаго взора
Счастливый домикъ охрани!
Ходи вокругъ него заботливымъ дозоромъ,
Люби мой милый садъ, и берегъ сонныхъ водъ,
И сей укромный огородъ
Сь калиткой ветхою, съ обрушеннымъ заборомъ!
Люби зеленый скатъ холмовъ,
Луга измятые моей бродящей лѣнью,
Прохладу липъ и кленовъ шумный кровъ:
Они знакомы вдохновенью.

а нашъ (Пол. Зв.)

42. Недоконченная картина.

(1819).

Въ этомъ наброскѣ изображенъ геній, неизбѣжная жертва своей двойственной природы: художникъ угасаетъ отъ страданій любви предъ картиною, въ которой онъ уловилъ черты красоты небесной—романтическое выраженіе идеи, трагизмъ которой нашелъ себѣ у древнихъ выраженіе въ миѳѣ о Семелѣ, сожженной Юпитеромъ, ею призваннымъ.

И это стихотвореніе Бѣлинскимъ отнесено къ „чисто-пушкинскимъ" (см. № 41).

Напечатано впервые въ „Моск. Вѣстникѣ" № 15 (основанномъ въ 1827 Погодинымъ). Стихотвореніе Пушкина какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало по мысли своей эстетическому направленію журнала, усвоившаго идеальное пониманіе искусства нѣмецкой теоріи изящнаго (Ср. вступит. зам. къ стих. „Чернь" (1826) и „Поэту" (1830).

1 Чья мысль восторгомъ угадала,
Постигла тайну красоты?
Чья кисть, о небо, означала
Сіи небесныя черты?

2 Ты, геній!.. Но любви страданья
Его сразили. Взоръ нѣмой
Вперилъ онъ на свое созданье,
И гаснетъ пламенной душой.

---

43. Возрожденіе.

(1819).

Душевная исповѣдь поэта, недовольнаго „безсмысленными" минутами своей жизни, въ моментъ просвѣтлѣнія (см. вступит. замѣтку къ стих. 29 и къ „Сихотвореніямъ 1817—1819 г. (стр. 60). По словамъ г. Анненкова, это—драгоцѣнное достояніе русской поэзіи, доказывающее одинаково и силу генія Пушкина, и глубину его сердца" (Соч. II. 1855, т. I). Бѣлинскимъ и оно отнесено къ произведеніямъ „чисто-пушкинскимъ".

Напечатано впервые въ „Невскомъ Альманахѣ" 1828 г.

1 Художникъ-варваръ кистью сонной
Картину генія чернитъ
И свой рисунокъ беззаконный
Надъ ней безсмысленно чертитъ.
2 Но краски чуждыя, съ лѣтами,
Спадаютъ ветхой чешуей;
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.
3 Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ, чистыхъ дней.

44. Отвѣтъ

на вызовъ написать стихи въ память Государыни Императрицы Елизаветы Алексѣевны.

(1819).

Этотъ „неподкупный голосъ“ поэта, который съ дѣтства привыкъ чувствовать безжизненность и холодность похвальныхъ стиховъ, не согрѣтыхъ вдохновеніемъ, свидѣтельствуетъ о творчествѣ Пушкина, независимомъ отъ какихъ-либо доктринъ. Предметъ пѣснопѣнія указывается ему искреннимъ чувствомъ.

Напеч. впервые въ „Соревнователѣ Просвѣщенія“ 1819, № 10.

На лирѣ скромной, благородной
Земныхъ боговъ я не хвалилъ,
И силѣ, въ гордости свободной
Кадиломъ лести не кадилъ.
Свободу лишь умѣя славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожденъ царей забавить
Стыдливой музою моей.
Но, признаюсь, подъ Геликономъ,
Гдѣ касталійскій токъ шумѣлъ,
Я, вдохновенный Аполлономъ,
Елизавету втайнѣ пѣлъ.
Небеснаго земной свидѣтель,
Воспламененною душой
Я пѣлъ на тронѣ добродѣтель
Съ ея привѣтливой красой.
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимнъ простой—
И неподкупный голосъ мой
Былъ эхо русскаго народа.

---

45. Изъ посланія къ кн. А. М. Горчакову.

(1819).

Возвратившись осенью снова въ столицу, поэтъ, въ посланіи къ бывшему лицейскому товарищу (ср. № 9), сопоставляетъ два круга вновь охватившей его столичной жизни. Жаждавшій общества, онъ невольно вращался въ заколдованномъ кругу этой сферы, къ которой былъ пріуроченъ воспитаніемъ и школьными связями. Изъ двухъ ея отдѣловъ онъ предпочитаетъ „большому свѣту“ кругъ „молодыхъ повѣсъ“, общество которыхъ допускало возможность поэтической идеализаціи (ст. 11—15), хотя не исключало порою и „тоски“, и „страданія“ въ душѣ поэта, что выразилось во II отрывкѣ (ср. № 43); большой же свѣтъ внушаетъ поэту только строки сатирическія.

Напеч. впервые въ „Раутѣ“ 1855, кн. 3, соединенные въ одно стихотвореніе.

I.

Питомецъ модъ, большого свѣта другъ,
Обычаевъ блестящихъ наблюдатель,
Ты мнѣ велишь оставить мирный кругъ,
Гдѣ, красоты безпечный обожатель,

Я провожу незнаемый досугъ.
Какъ ты, мой другъ, въ неопытныя лѣта,
Опасною прельщенный суетой,
Терялъ я жизнь, и чувства, и покой;
Но угорѣлъ въ чаду большого свѣта
И отдохнуть убрался я домой.
И признаюсь, мнѣ во сто кратъ милѣе
Младыхъ повѣсъ счастливая семья.
Гдѣ умъ кипитъ, гдѣ въ мысляхъ воленъ я,
Гдѣ спорю вслухъ, гдѣ чувствую сильнѣе,
И гдѣ мы всѣ прекраснаго друзья,—
Чѣмъ вялое, бездушное собранье,
Гдѣ умъ хранитъ невольное молчанье,
Гдѣ холодомъ сердца поражены,
Гдѣ Бутурлинъ—невѣждъ законодатель,
Гдѣ Шёппингъ—царь, а скука—предсѣдатель,
Гдѣ глупостью единой всѣ равны.
Я помню сихъ дѣтей честолюбивыхъ,
Злыхъ безъ ума, безъ гордости спесивыхъ,
И разглядѣвъ тирановъ модныхъ залъ,
Чуждаюсь ихъ укоровъ и похвалъ!..
. . . .

II

Ужъ я не тотъ! мои златые годы,
Безумства жаръ, веселость, острота,
Любовь стиховъ, любовь моей свободы—
Проходитъ все, какъ легкая мечта.
Такъ иногда за чашей ликованья
Найдешь меня, объятаго тоской,
Задумчивымъ, съ поникшей головой—
И ты поймешь души моей страданья!

---

46. Изъ посланія къ Н. В. Всеволожскому.
(1819).

Никита Всеволодовичъ Всеволожскій, по собственному свидѣтельству Пушкина (въ письмѣ къ Рылѣеву 29 іюня 1824 г.), былъ „лучшимъ изъ минутныхъ друзей его минутной молодости".

Въ противоположность предыдущему желчному отвѣту на призывъ кн. Горчакова въ большой свѣтъ, Пушкинъ въ посланіи Н. В. Всеволожскому съ добродушнымъ юморомъ описываетъ тотъ же кругъ общества, куда не надолго напутствуетъ посланіемъ этого своего пріятеля.

Напеч. впервые въ изд. 1826 г. съ перемѣнами; по рукописи—въ „Р. Ст." 1880, кн. I.

Ты скачешь въ мирную Москву,
Гдѣ наслажденьямъ знаютъ цѣну,
Безпечно дремлютъ наяву
И въ жизни любятъ перемѣну.
Въ сей азіатской сторонѣ,
Насъ увѣряютъ, жизнь игрушка!
Въ почтенной кичкѣ, шушунѣ,
Москва премилая старушка.
Разнообразной и живой
Она плѣняетъ пестротой,
Старинной роскошью, пирами,
Невѣстами, колоколами,
Забавной легкой суетой,
Невинной прозой и стихами.
Ты тамъ на шумныхъ вечерахъ
Увидишь важное бездѣлье,
Жеманство въ тонкихъ кружевахъ,
И глупость въ золотыхъ очкахъ,
И тучной знатности похмелье,
И скуку съ картами въ рукахъ.
Всего минутный наблюдатель,
Ты посмѣешься подъ рукой;
Но вскорѣ, вѣрный обожатель
Забавъ и лѣни золотой,
Держася моего совѣта
И волю всей душой любя,
Оставишь кругъ большого свѣта
И жить рѣшишься для себя...
. . . .

---

41. Мнѣ бой знакомъ.

(1820).

Набросокъ этотъ написанъ въ концѣ петербургскаго пребыванія Пушкина, въ апрѣлѣ 1820 г. Здѣсь поэтически воспроизведены впечатлѣнія въ средѣ военныхъ его знакомцевъ.

Впервые напечатано въ изд. 1860 г.

Мнѣ бой знакомъ—люблю языкъ мечей;
Отъ первыхъ лѣтъ поклонникъ бранной славы,
Люблю войны кровавыя забавы,
И смерти мысль мила душѣ моей.
Во цвѣтѣ лѣтъ свободы вѣрный воинъ,
Передъ собой кто смерти не видалъ,
Тотъ полнаго веселья не вкушалъ
И милыхъ женъ лобзаній не достоинъ.

III.

Стихотворенія, написанныя на югѣ Россіи

(1820—1824).

Навлекшій своими насмѣшками, задорными стихами и поведеніемъ неудовольствіе администраціи, Пушкинъ былъ удаленъ изъ Петербурга. Вслѣдствіе заступничества Карамзина (по просьбѣ самого Пушкина и Чаадаева), Е. А Энгельгардта (бывшаго директора Царскосельскаго Лицея), Оленина (президента Академіи Художествъ) и кн. Васильчикова (по просьбѣ Гнѣдича) удаленіе это было исполнено переводомъ на службу въ Попечительный Комитетъ о колонистахъ Южной Россіи подъ начальство ген. Ивана Никитича Инзова въ Екатеринославъ, куда Пушкинъ и прибылъ 16 или 17 мая 1820 г. Онъ прожилъ тутъ недѣли двѣ. Выкупавшись неосторожно въ Днѣпрѣ, онъ заболѣлъ и былъ увезенъ на Кавказъ Раевскими: генералъ Николай Николаевичъ Раевскій ѣхалъ на Кавказскія воды вмѣстѣ съ своимъ сыномъ (Ник. Ник.), двумя дочерьми и врачемъ. Пребываніе среди этого семейства было счастливою порою въ жизни Пушкина. Въ Пятигорскѣ ихъ ожидалъ старшій сынъ Раевскаго — Александръ, отставной гвардейскій полковникъ. Проживъ на минеральныхъ водахъ около двухъ мѣсяцевъ, въ первыхъ числахъ августа всѣ поѣхали черезъ землю Черноморскихъ казаковъ въ Керчь, а отсюда моремъ на южный берегъ Крыма, въ татарскую деревню Гурзуфъ, гдѣ ихъ ожидали прочіе члены семейства Раевскаго: жена, старшія дочери и др. Здѣсь Пушкинъ прожилъ 3 недѣли, до половины сентября, когда ген. Раевскій долженъ былъ возвратиться на службу въ Кіевъ. Кавказъ и послѣдовавшее затѣмъ путешествіе на южный берегъ Крыма произвели живительное дѣйствіе на Пушкина. Первыя южныя стихотворенія и относятся къ этой первой порѣ поѣздокъ по Кавказу и Крыму.

Въ концѣ сентября Пушкинъ пріѣхалъ въ Кишиневъ, потому что ген. Инзовъ переѣхалъ туда вмѣстѣ съ Попечительнымъ Комитетомъ, замѣнивъ взявшаго съ половины іюня отпускъ намѣстника Бессарабской области А. Н.

Бахметева, а съ іюля 1822 г. Инзовъ управлялъ и всѣмъ Новороссійскимъ краемъ послѣ отъѣзда генералъ-губернатора гр. Ланжерона. Здѣсь Пушкинъ прожилъ около $2^1/_2$ лѣтъ, кратковременно отлучаясь въ Кіевъ и Каменку, имѣніе Давыдовыхъ (тамъ жила мать ген. Раевскаго, урожденная Самойлова, во второмъ бракѣ Давыдова, съ 2-мя сыновьями) Кіевской губ., Чигиринскаго повѣта, въ 35 в. отъ Смѣлы, мѣстечка верстахъ въ 25 отъ Черкаска. Въ 1821 году ѣздилъ Пушкинъ въ Одессу въ маѣ, и въ Аккерманъ и Измаилъ въ декабрѣ; снова въ Измаилъ во второй половинѣ 1822 года, вновь въ Каменку — осенью, и снова въ Одессу — въ половинѣ марта. Въ Кишиневѣ Пушкинъ жилъ сначала въ мазанкѣ русскаго переселенца Ивана Николаева, но вскорѣ Инзовъ помѣстилъ его въ одномъ домѣ съ собою (на окраинѣ стараго города). Пушкинъ здѣсь пользовался обществомъ этого почтеннаго генерала, бывшаго воспитанника Московскаго Университета Благороднаго Пансіона, человѣка оставившаго добрую о себѣ память въ краѣ; ген.-маіора Мих. Ѳед. Орлова, человѣка просвѣщеннаго, бывшаго члена Арзамаса (гдѣ онъ носилъ прозвище Рейна), основателя московской школы живописи и ваянія. Этотъ Орловъ участвовалъ въ битвѣ подъ Аустерлицемъ, въ походахъ 1812 и слѣдующихъ годовъ (между прочимъ, ему было поручено договариваться о сдачѣ Парижа). Въ маѣ 1821 г. онъ женился на старшей дочери ген. Раевскаго—Екатеринѣ Николаевнѣ. Кромѣ этихъ знакомыхъ, Пушкинъ въ Кишиневѣ посѣщалъ домъ вице-губернатора Крупянскаго и пользовался обществомъ нѣсколькихъ образованныхъ офицеровъ, какъ напр. Влад. Петр. Горчакова, Павла Серг. Пущина, Липранди, братьевъ Полторацкихъ, Алекс. Ѳом. Вельтмана. Нѣкоторое время жилъ въ Кишиневѣ также В. Г. Тепляковъ, авторъ „Воспоминаній о Болгаріи“ и „Ѳракійскихъ элегій“. Пушкинъ посѣщалъ дома туземцевъ Кишинева, смѣшанное населеніе котораго представляло общество самое разнообразное.

Въ 1821 году Кишиневъ былъ свидѣтелемъ греческаго возстанія, когда Александръ Ипсиланти съ сообщниками перешелъ Прутъ и вступилъ въ Молдавію. Къ событіямъ, имѣвшимъ для Пушкина и его современниковъ значеніе, должно отнести смерть Наполеона (23 апр. 1821), вѣсть о которой пришла въ Кишиневъ 18 іюля.

Въ свою поѣздку въ Аккерманскія степи Пушкинъ посѣтилъ устье Днѣпра Аккерманъ и противолежащій ему Овидіополь; во вторую же поѣздку въ Измаилъ, по Буджацкой степи, онъ наблюдалъ цыганское кочевье.

Указомъ 7 мая 1823 г. новороссійское генералъ-губернаторство и вмѣстѣ намѣстничество въ Бессарабіи поручены были г. Мих. Сем. Воронцову. Намѣстническая канцелярія переѣхала въ Одессу; Пушкинъ въ первыхъ числахъ іюля перечислился туда же и прожилъ тамъ 1 годъ и 3 мѣсяца. Здѣсь не нашелъ онъ того участія, какое оказывалъ ему въ Кишиневѣ ген. И. Н. Инзовъ. Гр. Воронцовъ не цѣнилъ въ Пушкинѣ поэта. Принявъ возложенное на него генералъ-губернаторомъ порученіе (въ экспедицію для изслѣдованія саранчи на мѣстахъ ея появленія) за насмѣшку въ отвѣтъ на хо-

дившія по городу эпиграммы на графа, Пушкинъ въ письмѣ къ правителю его канцеляріи написалъ отказъ отъ этого порученія. Дѣло кончилось тѣмъ, что гр. Воронцовъ сталъ хлопотать о переводѣ Пушкина изъ Одессы. Одновременно съ этимъ и въ Петербургѣ было рѣшено, уволивъ Пушкина отъ службы, назначить ему мѣстомъ жительства сельцо его матери Михайловское подъ надзоромъ отца и мѣстнаго начальства, куда Пушкинъ и отправился 30 іюля 1824 г.

Таковы внѣшнія обстоятельства жизни Пушкина на югѣ. Во все время онъ велъ непрерывную переписку съ братомъ своимъ Львомъ, въ которой то дѣлится собственными впечатлѣніями, то спрашиваетъ его о литературныхъ новостяхъ и поручаетъ ему выслать ихъ, то поручаетъ отдать которое-нибудь изъ своихъ стихотвореній въ печать или сдѣлать при этомъ необходимыя измѣненія, то спрашиваетъ о впечатлѣніи, производимомъ сочиненіями, уже появившимися въ печати, то наконецъ даетъ ему совѣты. Переписывался онъ и съ друзьями своими: кн. Вяземскимъ—преимущественно о литературныхъ новостяхъ, поручалъ ему печатаніе „Бахчисарайскаго фонтана" и „Братьевъ разбойниковъ" и просилъ его написать предисловіе къ „Бахчисар. фонтану", которому кн. Вяземскій и предпослалъ, вмѣсто предисловія, свой „Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской стороны или съ Васильевскаго острова" (1824). Въ письмахъ къ Гнѣдичу и Катенину Пушкинъ также дѣлится впечатлѣніями отъ новостей литературы и поручаетъ первому печатаніе „Руслана и Людмилы" и „Кавказскаго плѣнника". Въ письмахъ къ Дельвигу онъ побуждаетъ его къ творчеству и сообщаетъ ему о своихъ новинкахъ. Въ письмахъ къ Ал. Н. Раевскому дѣлится онъ своими взглядами на греческое возстаніе. Съ юга же заводитъ онъ письменное знакомство съ А. А. Бестужевымъ, альманахъ котораго „Полярная Звѣзда" обратилъ на себя вниманіе Пушкина литературными обозрѣніями самого издателя; Пушкинъ посылаетъ нѣсколько собственныхъ стихотвореній въ этотъ альманахъ; съ Бестужевымъ дѣлится онъ и своими взглядами на современную русскую литературу.

Внутренняя жизнь Пушкина на югѣ отличается отъ предыдущаго періода тѣмъ, что онъ усиленно заботится о самообразованіи.

Бесѣды просвѣщенныхъ и бывалыхъ людей въ родѣ ген. Н. Н. Раевскаго (см. вступ. зам. къ „Посвященію къ К. Пл.") и ген. М. Ѳ. Орлова, наблюденіе жизни разнообразнаго мѣстнаго населенія Кишинева, а потомъ Одессы—отъ важныхъ молдавскихъ бояръ до цыганскаго табора – и недавнихъ переселенцевъ-болгаръ и сербовъ, обильное чтеніе на русскомъ и иностранныхъ языкахъ занимаютъ Пушкина во время пребыванія его на югѣ. Онъ ведетъ дневникъ и пишетъ свою автобіографію (впослѣдствіи истребленную), занимается русской исторіей, новою (XVIII вѣкомъ) и древнею въ связи съ замысломъ написать трагедію „Вадимъ", а потомъ поэму, изъ которой уцѣлѣли незначительные отрывки („Два путника" и „Сонъ"); собираетъ народныя пѣсни, легенды, этнографическіе матеріалы; дѣлаетъ вы-

писки изъ прочитаннаго. По словамъ Липранди, Пушкинъ прибѣгалъ даже къ хитрости для пополненія недостававшихъ ему свѣдѣній: онъ искусственно возбуждалъ споры о предметахъ, его интересовавшихъ, съ людьми болѣе въ нихъ свѣдущими, и затѣмъ пользовался указаніями, сдѣланными въ спорѣ, для пріобрѣтенія нужныхъ книгъ. Въ то время въ каждомъ порядочномъ русскомъ домѣ была хотя небольшая библіотека, и Пушкину удавалось доставать книги въ Гурзуфѣ и Кіевѣ у Раевскихъ, въ Каменкѣ у Давыдовыхъ, въ Кишиневѣ у Инзова, Орлова, Пущина и Липранди; даже во время поѣздокъ онъ пользовался всякимъ случаемъ для чтенія: читалъ Овидія въ Аккерманѣ, а въ Тульчинѣ обратила его вниманіе библіотека корпусного командира. Эту сторону своей жизни Пушкинъ выразилъ въ посланіи къ Чаадаеву (1821).

Чтеніе поэтическихъ произведеній во время жизни Пушкина на югѣ также усиливается. Уже въ Гурзуфѣ видимъ мы его читающимъ Байрона въ оригиналѣ (англійскимъ языкомъ онъ началъ заниматься еще въ Петербургѣ) съ Н. Н. Раевскимъ; продолжаетъ въ Кишиневѣ и одинъ, и съ Тепляковымъ.

Знакомство русскаго литературнаго міра съ поэзіей Байрона начинается въ 1819 и 1820 годахъ. А. И. Тургеневъ въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву [1]) сообщаетъ ему полученное отъ Батюшкова извѣстіе объ успѣхахъ байронизма въ Италіи и о томъ, что „Жуковскій дремлетъ надъ Байрономъ, а кн. Вяземскій на Вислѣ бредитъ о Байронѣ“. Вскорѣ Байронъ овладѣлъ всеобщимъ вниманіемъ. Поэты самаго сильнаго дарованія (какъ, наприм., Мицкевичъ) не ушли отъ вліянія его. Извѣстны стихи Баратынскаго, обращенные къ этому польскому поэту:

Не подражай! Своеобразный геній
И собственнымъ величіемъ великъ.
...Съ Израилемъ пѣвцу одинъ законъ:
Да не творитъ себѣ кумира онъ.

Когда тебя, Мицкевичъ вдохновенный,
Я застаю у Байроновыхъ ногъ...
Я думаю: поклонникъ униженный,
Возстань, возстань и вспомни — самъ ты богъ!

Съ своей стороны Мицкевичъ, въ своемъ „Біографическомъ извѣстіи о Пушкинѣ“, преувеличивалъ вліяніе на него Байрона. „Онъ преждевременно возлетѣлъ въ высшія области“, писалъ Мицкевичъ о Пушкинѣ, „гдѣ не могъ держаться самъ собою, и впалъ въ сферу притяженія Байрона. Онъ кружился около этого свѣтила, какъ планета въ системѣ его и озаренная его свѣтомъ“. Такъ неумѣренно приписывалъ Пушкину байроновское вліяніе Мицкевичъ, назвавшій его въ эпоху созданія имъ поэмъ — „байроніакомъ“. Отзывъ гр. Воронцова, считавшаго Пушкина не болѣе, какъ подражателемъ Байрона, показываетъ, какъ мало понимали его нѣкоторыя лица изъ русской публики. Ближе всѣхъ къ истинѣ по вопросу о вліяніи Байрона на современныхъ поэтовъ, кн. Вяземскій, который и въ Мицкевичѣ не призна-

[1]) Р. А. 1867, 6.

валъ подражателя англійскому поэту, въ собственномъ смыслѣ этого слова. „Кажется“, писалъ онъ по поводу его сонетовъ въ 1827 г., „въ нашемъ вѣкѣ невозможно поэту не отзываться Байрономъ, какъ романисту не отзываться Вальтеръ-Скоттомъ, какъ ни будь велико и даже оригинально дарованіе, и какъ ни различествуй поприще и средства, избранныя каждымъ изъ нихъ... Такое сочувствіе, согласіе нельзя назвать подражаніемъ: оно, напротивъ, невольная, но возвышенная стачка геніевъ, которые въ нѣкоторомъ отношеніи подвластны общему духу времени и движимы въ силу какихъ-то срочныхъ законовъ... Одни посредственные люди избѣгаютъ сего наитія вѣка, которое падаетъ сначала только на вершины, и уже послѣ съ нихъ разливается по дольнимъ отлогостямъ... Байронъ не изобрѣлъ своего рода: онъ во-время избранъ былъ толмачемъ человѣка съ самимъ собою. Онъ положилъ на музыку пѣсню поколѣнія“. Кн. Вяземскій мѣтко выразилъ значеніе Байрона для своего времени въ отрывкѣ: „Байронъ“ 1827 г.:

„Съ гармоніей земли гармонію небесъ
Сливаетъ пѣснями онъ въ звучный строй чудесъ,
И стихъ его тогда, какъ пламень окрыленный,
Взрываетъ юный духъ, еще непробужденный,
Въ немъ зажигая жаръ возвышенныхъ надеждъ“.

Подчиненія Байрону въ Пушкинѣ не могло быть и не было. Это легко видѣть при сличеніи тѣхъ его произведеній, которыя навѣяны этимъ поэтомъ (см. № 49 и „Къ морю“). Первые признаки байронизма замѣтны въ „Кавк. Плѣнникѣ“, потомъ—въ „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“ и въ „Братьяхъ разбойникахъ“; но уже въ „Цыганахъ“ онъ опрокидываетъ байронизмъ, а въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ осмѣиваетъ его. Смерть британскаго поэта не возбудила уже общаго вниманія къ нему. Кн. Вяземскій побуждалъ русскихъ поэтовъ писать стихи на его кончину. Такъ писалъ онъ Жуковскому 9 сент. 1824 г., жалуясь, что „у насъ на могилѣ его провылъ одинъ Кюхельбекеръ“ [1]). „Странные вы люди!“ продолжаетъ онъ, „...Байронъ владѣлъ не только умозрительной поэзіею, но онъ осуществилъ ее практическою поэзіею Наполеонъ на скалѣ св. Елены и Байронъ въ Миссолунги (см. вступ. зам. къ стих.: „Къ морю“) — вотъ два поэтическіе фароса, которые освѣщаютъ нашу глубокую ночь. Въ ихъ смерти отзывается что-то такое смертію Эдипа“. Но Жуковскій, по свойству своего міровоззрѣнія и таланта [2]), не могъ отозваться на такой предметъ. Подобный же вызовъ сдѣлалъ кн. Вяземскій и Пушкину еще прежде того; Пушкинъ отвѣчалъ ему анализомъ Байрона: „Геній Байрона блѣднѣетъ съ его молодостью... онъ вдругъ созрѣлъ и возмужалъ—пропѣлъ и замолчалъ, и первые звуки его уже ему не возвратились: Послѣ 4-й пѣсни „Ч. Гарольда“ Байрона мы уже не слыхали“. Послѣднее

[1]) „Смерть Байрона“, стих. Кюхельбекера (съ предисловіемъ) въ III кн. „Мнемозины“ 1824, стр. 189 — 199.—

[2]) См. Загарина: Жуковскій и его произведенія, изд. 2-е, стр. 308 и слѣд.

стихотвореніе, въ которомъ Пушкинъ „невольнымъ соучастіемъ сблизилъ судьбу свою съ судьбою Байрона“ (см. стр. 88), было стих. „Къ морю“ (1824). И это временное сближеніе принесло свой плодъ. „Англійская словесность“, писалъ онъ Гнѣдичу 27 іюня 1822 г., „начинаетъ имѣть вліяніе на русскую. Думаю, что оно будетъ полезнѣе вліянія французской поэзіи, робкой и жеманной. „Я не люблю“, писалъ онъ изъ Одессы въ ноябрѣ 1823 г. кн. Вяземскому, „видѣть въ первобытномъ нашемъ языкѣ слѣды европейскаго жеманства и французской утонченности. Грубость и простота болѣе ему пристала. Проповѣдую изъ внутренняго убѣжденія, но по привычкѣ пишу иначе“. Здѣсь уже замѣченъ тотъ взглядъ на литературу и языкъ, который обратилъ его скоро къ Шекспиру. Французскому вліянію на Пушкина пришелъ конецъ. Взглядъ его на франц. литературу и на ея воздѣйствіе на литературу русскую начала нынѣшняго вѣка выразился у него такъ: „Ничтожество общее; французская обмельчавшая словесность invahit out; знаменитые писатели не имѣютъ ни одного послѣдователя въ Россіи, но бездарные писаки, грибы, выросшіе у корней дубовъ, Доратъ [3]), Флоріанъ [4]), Мармонтель [5]), Гишаръ [6]) и мадамъ Жанлисъ [7]) овладѣваютъ русскою словесностью“. Извѣстно, наконецъ, какъ любилъ Пушкинъ повторять изреченіе, что „французская словесность родилась въ передней и далѣе гостиной не доходила“.

Но одинъ французскій поэтъ не подвергся такому строгому порицанію Пушкина: это—Андре Шенье (см. „А. Шенье“ 1825). Во время пребыванія на югѣ Пушкинъ особенно занимался имъ. Интересъ къ этому поэту пробужденъ былъ интересомъ къ антологической поэзіи, вызваннымъ появившеюся въ 1820 г. книгою С. С. Уварова. „О греческой антологіи“, съ образцами переводовъ изъ нея Батюшкова. Это совпало съ выходомъ въ 1819 г. сочиненій Андре Шенье. Пушкинъ читалъ ихъ въ Крыму вмѣстѣ съ Н. Н. Раевскимъ-сыномъ, который первый и познакомилъ его съ ними [8]). „Андре Шенье“, записалъ Пушкинъ въ своихъ замѣткахъ при чтеніи книгъ (1825) — „поэтъ, напитанный древностію, коего даже недостатки проистекаютъ отъ желанія дать французскому языку формы греческаго стихосложенія“.

Интересъ къ классическому міру соединился у Пушкина съ изученіемъ Овидія, съ судьбою котораго онъ любилъ сближать свою судьбу. Онъ изучалъ его произведенія и, какъ увидимъ ниже, — въ подлинникѣ, и посвятилъ его памяти одно изъ любимыхъ своихъ стихотвореній („Къ Овидію“).

Такъ многообразна и плодотворна была жизнь Пушкина 1820 — 1824

[3]) Доратъ (1734—1780)—фр драматургъ.—[4]) Флоріанъ (1755—1794)—фр. баснописецъ и романистъ (см. о немъ въ „Избр. соч. Кар. I. 259). — [5]) Мармонтель (1723—1799)— авторъ сентиментальныхъ повѣстей. — [6]) Элеонора Гишаръ (1719—1844)—фр. писательница. — [7]) Г-жа Жанлисъ (1746—1830) — воспитательница дѣтей герц. Орлеанскаго и сочинительница нравоучительныхъ повѣстей. — [8]) См. Грота: „Первенцы лицея“ (Складчина, стр. 374).

годовъ. Здѣсь начато было и его капитальное произведеніе „Евгеній Онѣгинъ“, во 2-й главѣ котораго онъ вышелъ на вполнѣ самобытную дорогу. Здѣсь, на югѣ, созрѣлъ талантъ Пушкина, который здѣсь отъ дѣтской радости при видѣ напечатанной первой поэмы, ея виньетки и переплета, быстро возмужалъ до того чувства удовлетворенія, которое звучитъ въ заключеніи II-й главы „Онѣгина“:

И чье-нибудь онъ сердце тронетъ;
И сохраненная судьбой,
Быть можетъ, въ Летѣ не потонетъ
Строфа, слагаемая мной;
Быть можетъ—лестная надежда—
Укажетъ будущій невѣжда
На мой прославленный портретъ
И молвитъ: то-то былъ поэтъ!
Прими жъ мое благодаренье,
Поклонникъ мирныхъ Аонидъ,
О ты, чья память сохранитъ
Мои летучія творенья,
Чья благосклонная рука
Потреплетъ лавры старика.

Пушкинъ, отправляясь въ Михайловское, везъ съ собою уже начало III главы „Онѣгина“.

---

48. Эпилогъ къ „Руслану и Людмилѣ“.
(1820).

Еще въ Петербургѣ, по временамъ удаляясь въ свою маленькую комнатку на Фонтанкѣ, послѣ шумныхъ развлеченій праздной жизни, Пушкинъ писалъ свою первую поэму „Русланъ и Людмила“, задуманную еще въ Лицеѣ.

Лирическое стихотвореніе, названное „эпилогомъ“ первой поэмы и съ нею впервые напечатанное въ 1820 г., было написано 26 іюня 1820 г. на Кавказѣ, гдѣ Пушкинъ провелъ два мѣсяца.

Въ немъ поэтъ передаетъ свои чувства къ дружественнымъ лицамъ, благодаря которымъ онъ сохранилъ свою свободу, а также первое впечатлѣніе, полученное отъ кавказской природы. Оно было такъ сильно, что поэтъ могъ только „питаться нѣмыми чувствами“ передъ прелестью картинъ, для него столь новыхъ. Онъ почувствовалъ, что дикая и угрюмая природа эта даже отстраняетъ отъ него „богиню тихихъ пѣснопѣній“.

Такъ міра житель равнодушный,
На лонѣ праздной тишины,
Я славилъ лирою послушной
Преданья темной старины.
Я пѣлъ—и забывалъ обиды
Слѣпого счастья и враговъ,
Измѣны вѣтреной Дориды,
И сплетни шумныя глупцовъ.
На крыльяхъ вымысла носимый,
Ужъ улеталъ за край земной;
И между тѣмъ грозы незримой
Сбиралась туча надо мной!..
Я погибалъ... Святой хранитель
Первоначальныхъ, бурныхъ дней,
О дружба, нѣжный утѣшитель
Болѣзненной души моей!
Ты умолила непогоду;
Ты сердцу возвратила миръ;
Ты сохранила мнѣ свободу,
Кипящей младости кумиръ!

Забытый свѣтомъ и молвою,
Далече отъ бреговъ Невы,
Теперь я вижу предъ собою
Кавказа гордыя главы.
Надъ ихъ вершинами крутыми,
На скатѣ каменныхъ стремнинъ,
Питаюсь чувствами нѣмыми
И чудной прелестью картинъ
Природы дикой и угрюмой;
Душа, какъ прежде, каждый часъ
Полна томительною думой—
Но огнь поэзіи погасъ.
Ищу напрасно впечатлѣній!
Она прошла, пора стиховъ,
Пора любви, веселыхъ сновъ,
Пора сердечныхъ вдохновеній!
Восторговъ краткій день протекъ—
И скрылась отъ меня навѣкъ
Богиня тихихъ пѣснопѣній.

26 іюня, 1820. Кавказъ.

---

49. Погасло дневное свѣтило.

(1820).

Элегія эта написана ночью на военномъ бригѣ, предоставленномъ ген. Раевскому для переѣзда изъ Керчи въ Гурзуфъ, на южномъ берегу Крыма, послѣ посѣщенія Кавказскихъ минеральныхъ водъ. „Корабль плылъ", писалъ Пушкинъ 24 сент. брату Льву, „передъ горами, покрытыми тополями, виноградомъ, лаврами и кипарисами; вездѣ мелькали татарскія селенія". „Всю ночь не спалъ (вспоминаетъ Пушкинъ года черезъ три объ этомъ плаваніи въ письмѣ Дельвигу въ декабрѣ 1824); „луны не было; звѣзды блистали; передо мною въ туманѣ тянулись полуденныя горы. „Вотъ Чатырдагъ!" сказалъ мнѣ капитанъ. Я не различилъ его, да и не любопытствовалъ. Передъ свѣтомъ я заснулъ. Между тѣмъ корабль остановился въ виду Юрзуфа. Проснувшись, увидѣлъ картину плѣнительную: разноцвѣтныя горы сіяли, плоскія кровли хижинъ татарскихъ издали казались ульями, прилѣпленными къ горамъ; тополи, какъ зеленныя колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аю-дагъ... и кругомъ это синее, чистое небо, и свѣтлое море, и блескъ, и воздухъ полуденный"...

Картина моря схвачена въ тотъ моментъ, когда по заходѣ солнца, по словамъ одной изъ путницъ, Пушкинъ ходилъ на палубѣ въ задумчивости и что-то произносилъ про себя [1]). (Характерно равнодушіе поэта къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, явное и изъ вышеприведеннаго письма къ Дельвигу, въ моментъ творчества). Содержаніе элегіи—надежда и воспоминанія. Поэтъ изображаетъ приближеніе къ берегамъ полуденной страны, съ которой соединены у него упоительныя воспоминанія (часть I). Имъ противополагаются горькія воспоминанія о покинутой туманной родинѣ: поэтъ пробѣгаетъ всю прошлую жизнь, и изъ всѣхъ воспоминаній (о первыхъ порывахъ страстей, о потерянныхъ годахъ молодости, о неудовлетворившихъ поэта радостяхъ этой молодости и о спутникахъ этихъ радостей, иногда порочныхъ, и о безумной любви) одно только свѣтлое воспоминаніе озаряетъ прожитую молодость—это воспоминаніе о минутахъ поэтическаго творчества (ст. 24).

---

[1]) „П. въ южн. Росс." П. Бартенева, стр. 29.

Элегія эта навѣяна прощальной пѣснью Чайльдъ-Гарольда, отплывающаго изъ своей родины (при XIII строфѣ I пѣсня). Вотъ она:

Прости, прости, мой край родной!
Ты тонешь въ лонѣ водъ.
Реветъ подъ вѣтромъ валъ морской,
Свой крикъ мнѣ чайка шлетъ.
На западъ, солнцу по пути,
Плыву во тьмѣ ночной.
Да будетъ тихъ твой сонъ! прости,
Прости, мой край родной!

Не долго ждать: гоня туманъ,
Взойдетъ и день опять.
Увижу небо, океанъ:
Отчизны не видать.
Заглохнетъ замокъ мой родной;
Травою заростетъ
Широкій дворъ; подниметъ вой
Собака у воротъ.

Малютка, пажъ мой! ты въ слезахъ.
Скажи мнѣ, что съ тобой?
Иль на тебя наводитъ страхъ
Шумъ волнъ и вѣтра вой?
Корабль мой новъ — не плачь, мой пажъ!
Онъ будетъ невредимъ;
Въ полетѣ быстрый соколъ нашъ
Едва ль поспоритъ съ нимъ.

— „Пусть воетъ вѣтеръ, плещетъ валъ—
„Не все ли мнѣ равно?
„Не страхъ, сэръ Чайльдъ, мнѣ сердце сжалъ:
„Оно тоской полно.
„Вѣдь я отца оставилъ тамъ,
„Оставилъ мать въ слезахъ.
Одно прибѣжище мнѣ—къ вамъ
Да къ Богу въ небесахъ.

„Отецъ, какъ сталъ благословлять,
„Былъ твердъ въ прощальный часъ;
„Но долго будетъ плакать мать,
„Не осушая глазъ“.

— Плачь, плачь, малютка, милый мой!
Понятна скорбь твоя...
И будь я чистъ какъ ты душой,—
Заплакалъ бы и я!

А ты, служивый, что притихъ,
На грудь поникъ челомъ?
Боишься непогодъ морскихъ,
Иль встрѣчи со врагомъ?

—„Сэръ Чайльдъ! Ни смерть мнѣ не страшна,
„Ни штормъ, ни врагъ, ни даль;
„Но дома у меня жена:
„Ее, дѣтей мнѣ жаль!
„Хоть и въ родимой сторонѣ,
„А все жъ она одна;
„Какъ спросятъ дѣти обо мнѣ,
„Что скажетъ имъ она“?

— Довольно, другъ; ты правъ, ты правъ:
Понятная печаль!
А я?.. Суровъ мой хладный нравъ:
Смѣясь, я ѣду въ даль [1]).

Слезамъ лукавымъ женскихъ глазъ
Давно не вѣрю я:
Я знаю, ихъ другой какъ разъ
Осушитъ безъ меня!
Въ грядущемъ что мнѣ ожидать?
Въ прошедшемъ—все мертво.
Больнѣй всего, что покидать
Не жаль мнѣ ничего!

И вотъ среди пучинъ морскихъ
Одинъ остался я...
И что жалѣть мнѣ о другихъ,
Коль имъ не жаль меня?
Собака развѣ... да и та
Повоетъ день, другой—
А тамъ... была бы лишь сыта—
И я—ужъ ей чужой.

---

[1]) But J, who am of lighter mood, Will langh to flee away (но я съ легкимъ духомъ буду смѣяться, удаляясь).

Корабль мой! — пусть тяжелъ мой путь
Въ сырой и бурной мглѣ—
Неси меня куда-нибудь,
Лишь не къ родной землѣ.

Привѣтъ вамъ, темные валы!
И вамъ, въ концѣ пути,
Привѣтъ, пустыни и скалы!
Родной мой край, прости!

(См. Байронъ, изд. Гербеля, I).

Сравненіе съ этою пѣснію элегіи Пушкина показываетъ, какъ далека она отъ нея. Не говоря о томъ, что въ ней нѣтъ діалога съ пажемъ и старымъ слугою, самыя чувства у обоихъ поэтовъ выражены различныя. У Байронова героя за синевою волнъ скрывается родной берегъ— а впереди нѣтъ ничего. Въ его душѣ — полное равнодушіе. Куда бы ни занесъ его корабль — ему все равно, лишь бы не на родину, которая ему опостылѣла, и въ которой уже ничто не достойно прощальной слезы. Въ элегіи Пушкина чувства иныя. Передъ глазами его героя—не покинутые имъ туманные и печальные берега родины, но волшебный край полуденной страны, куда онъ стремится всею душою. Съ этимъ краемъ у него соединяются дорогія воспоминанія; они напоминаютъ ему любовь прежнихъ лѣтъ. Элегія не представляетъ автобіографической точности, такъ какъ она сочинена при первомъ приближеніи къ южному берегу Крыма и слѣдовательно не могла выражать какихъ-либо дѣйствительныхъ чувствъ, съ этими мѣстами связанныхъ, но она есть поэтическое представленіе всей полноты чувствъ человѣка, сохранившаго ихъ въ душѣ своей, такъ что основное содержаніе элегіи даже противоположно съ отдаленнымъ своимъ образцомъ, т.-е. пѣснью Ч. Гарольда, въ душѣ котораго не сохранено никакого чувства привязанности. Тѣмъ не менѣе ст. 18 — 37, выражающія чувства разочарованія во многомъ прошломъ, отзываются Байрономъ, и въ то же время нельзя не видѣть здѣсь пережитаго самимъ Пушкинымъ (въ Петербургѣ). Конечно, внѣшняя форма — обращеніе къ морю — заимствована у Байрона. „Въ наше время", писалъ Пушкинъ позднѣе (1836 г.), „*молодому человѣку* мудрено, садясь на корабль, не вспомнить лорда Байрона и невольнымъ соучастіемъ не сблизить судьбы своей съ судьбою Чайльдъ-Гарольда. Ежели, паче чаянія, молодой человѣкъ еще и поэтъ, и захочетъ выразить свои чувствованія, то какъ избѣжать ему подражанія? Можно ли за это укорять? Талантъ неволенъ, и его подражаніе не есть постыдное похищеніе — признакъ умственной скудости, — но благородная надежда на свои собственныя силы, надежда открыть новые міры, стремясь по слѣдамъ генія, или чувство, въ смиреніи своемъ еще болѣе возвышенное — желаніе изучить свой образецъ и дать ему вторичную жизнь". Что здѣсь писалъ Пушкинъ о „Ѳракійскихъ элегіяхъ" Теплякова — какъ нельзя болѣе приложимо къ элегіи „Погасло дневное свѣтило". Въ ней Пушкинъ, оставаясь самобытнымъ, „невольнымъ соучастіемъ сблизилъ судьбу свою съ судьбою Ч. Гарольда"

Къ словамъ этой элегіи была сочинена музыка Генииштою. „Въ Москвѣ", писалъ кн. Вяземскій, „домъ кн. Зинаиды Волконской (въ 20-хъ годахъ) былъ изящнымъ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ замѣчательныхъ и отборныхъ личностей современнаго общества. „Посреди артистовъ и воглавѣ ихъ стояла сама хозяйка дома. Слышавшимъ ее нельзя было за-

быть впечатлѣніе, которое производила она своимъ полнымъ и звучнымъ контръ-альто... Помнится и слышится еще, какъ она, въ присутствіи Пушкина и въ первый день знакомства съ нимъ, пропѣла элегію его, положенную на музыку Геништою: „Погасло дневное свѣтило". Пушкинъ былъ живо тронутъ [2]).

Впервые напечатана въ „Сынѣ Отечества" 1820, № 46 подъ заглавіемъ: „Элегія"; въ изд. 1826 г. съ обозначеніемъ (въ оглавленіи): „Подражаніе Байрону." Въ рукописи (гр. Капниста) вверху послѣ заглавія „Черное море, 1820", стоялъ эпиграфъ: good nigth my native land. (Прости, о моя родина!) Byron. Все это зачеркнуто и надписано: „Элегія VI".

Погасло дневное свѣтило;
На море синее вечерній палъ туманъ.
Шуми, шуми, послушное вѣтрило [3]),
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!
Я вижу берегъ отдаленный,
Земли полуденной волшебные края:
Съ волненьемъ и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаньемъ упоенный,
И чувствую: въ очахъ родились слезы вновь;
Душа [а] кипитъ и замираетъ;
Мечта знакомая вокругъ меня летаетъ;
Я вспомнилъ прежнихъ лѣтъ безумную любовь,
И все, чѣмъ я страдалъ, и все, что сердцу мило,
Желаній и надеждъ томительный обманъ...
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!

Лети, корабль, неси меня [б] къ предѣламъ дальнымъ
По грозной прихоти обманчивыхъ морей,
Но только не къ брегамъ печальнымъ
Туманной родины моей,
Страны, гдѣ пламенемъ страстей
Впервые чувства разгорались,
Гдѣ музы нѣжныя мнѣ тайно улыбались,
Гдѣ рано въ буряхъ отцвѣла
Моя потерянная младость,
Гдѣ легкокрылая мнѣ измѣнила радость
И сердце хладное страданью предала.
Искатель новыхъ впечатлѣній,
Я васъ бѣжалъ, отечески края,
Я васъ бѣжалъ, питомцы наслажденій,

а Смущенный духъ во мнѣ (1820). — б Неси меня, корабль, неси (1820).

---

2) Р. А. 1873, I. 1085.

3) *Вѣтрило* (ц. сл. — парусъ Ср. въ стих. Карамзина (1793), но съ удареніемъ церковно-славянскимъ;

Уже безъ вѣтрилъ, безъ кормила
По безднамъ буря насъ носила (см. Избр. Соч. Кар. I. стр. 432, ст. 77).

Минутной младости минутные друзья [4]);
И вы, наперсницы порочныхъ заблужденій,
Которымъ безъ любви я жертвовалъ собой,
Покоемъ, славою, свободой и душой,
И вы забыты мной, измѣнницы младыя,
Подруги тайныя моей весны златыя,
И вы забыты мной... Но прежнихъ сердца ранъ,
Глубокихъ ранъ любви [в], ничто не излѣчило...
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!...

Черное море. 1820. Сентябрь.

---

50. Элегія.

(1820).

Эта элегія написана въ Гурзуфѣ, гдѣ поэтъ прожилъ 3 недѣли въ семействѣ Раевскихъ.

„Счастливѣйшія минуты жизни моей провелъ я посреди семейства Раевскаго,“ писалъ Пушкинъ брату Льву изъ Кишинева 24 сент. „Свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался, счастливое полуденное море, прелестный край, природа, удовлетворяющая воображеніе, горы, сады, море... Любимая моя мечта увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевскихъ.“ Стихотвореніе вызвано личностію Елены Николаевны, второй дочери ген. Раевскаго.

По замѣчанію Анненкова (1855), въ этомъ произведеніи „глубокое чувство облечено въ такое простое, трогательное и вмѣстѣ мелодическое выраженіе, что пьеса можетъ назваться родоначальникомъ всѣхъ послѣдующихъ лирическихъ пѣсенъ его въ этомъ родѣ“ [1]).

Впервые напеч. въ изд. 1826 г.

Увы, зачѣмъ она блистаетъ
Минутной, нѣжной красотой!
Она примѣтно увядаетъ
Во цвѣтѣ юности живой...
Увянетъ! Жизнью молодою [а]
Не долго [б] наслаждаться ей,
Не долго радовать собою
Счастливый кругъ семьи своей [в],
Безпечной [г], милой остротою
Бесѣды наши оживлять [д],
И тихой, ясною душою
Страдальца [е] душу услаждать.
Спѣшу въ волненьѣ [ж] думъ тяжелыхъ,
Сокрывъ уныніе мое,
Наслушаться рѣчей веселыхъ
И наглядѣться на нее.
Смотрю на всѣ ея движенья,
Внимаю каждый звукъ рѣчей,
И мигъ единый разлученья [з]
Ужасенъ [и] для души моей.

[в] Глубокихъ сердца ранъ (рукоп.).

[а] Недолго жизнью молодою (рукоп. Имп. публ. библ.).—[б] Безпечно (id)—[в] Несчастной матери своей (id).—[г] Недолго (id).—[д] услаждать (id).—[е] Больную (id).—[ж] съ волненьемъ (id)—[з] И краткій мигъ уединенья (id).—[и] Несносенъ (id).

---

[4]) См. письмо Пушкина отъ 29 іюня 1824 г. (изъ Одессы) къ А. А. Бестужеву, въ которомъ онъ относитъ это выраженіе прямо къ личности Никиты Всеволодовича Всеволожскаго (см. № 45). Такъ же называетъ Пушкинъ Ал. Ник. Толстаго въ письмѣ къ нему изъ Кишинева отъ 25 сент. 1822.

[1]) Матеріалы 57.

51. О дѣва-роза, я въ оковахъ.

(1820).

Это антологическое стихотвореніе вызвано тою же личностью (см. 50). Въ выборѣ образа, съ которымъ сравниваетъ поэтъ себя, въ вычурномъ эпитетѣ, который придаетъ соловью (ст. 4) и въ чертахъ южной природы Пушкинъ воспользовался восточными красками: потому при напечатаніи ея въ 1826 году въ собраніи своихъ стихотвореній, онъ и воспользовался заглавіемъ: „Подражаніе турецкому“ (желая удалить всякій намекъ на личность вызвавшую это поэтическое произведеніе).

О дѣва-роза, я въ оковахъ;
Но не стыжусь твоихъ оковъ:
Такъ соловей въ кустахъ лавровыхъ,
Пернатый царь лѣсныхъ пѣвцовъ,
Близъ розы гордой и прекрасной
Въ неволѣ сладостной живетъ,
И нѣжно пѣсни ей поетъ
Во мракѣ ночи сладострастной.

---

52. Фонтану Бахчисарайскаго дворца.

(1824).

Стихотвореніе это, по черновымъ тетрадямъ относящееся къ 1824 году [1]), тѣмъ не менѣе помѣщается здѣсь въ порядкѣ воспроизводимыхъ имъ личныхъ впечатлѣній поэта. И въ этомъ стихотвореніи (въ ноябрѣ 1824), и въ письмѣ къ Дельвигу (въ декабрѣ мѣсяцѣ) Пушкинъ вспомнилъ свое посѣщеніе Бахчисарая, уже въ с. Михайловскомъ, послѣ прочтенія „Путешествія по Тавридѣ“ И. М. Муравьева-Апостола (1823).

„Къ Бахчисарайскому фонтану я пріѣхалъ больной“, вспоминаетъ о своей крымской поѣздкѣ 1820-го года Пушкинъ въ этомъ письмѣ къ Дельвигу въ дек. 1824 г.: „я прежде слыхалъ о странномъ памятникѣ влюбленнаго хана. Катерина Ник. Раевская поэтически описывала мнѣ его, называя la fontaine des larmes. Вошедъ во дворецъ, увидѣлъ я испорченный фонтанъ; изъ-за ржавой желѣзной трубки по каплямъ падала вода. Я обошелъ дворецъ съ большой досадою на небреженіе, въ которомъ онъ истлѣваетъ, и на полуевропейскія передѣлки нѣкоторыхъ комнатъ. Раевскій почти насильно повелъ меня по ветхой лѣстницѣ въ развалины гарема и на ханское кладбище. Но не тѣмъ

Въ то время сердце полно было:

лихорадка меня мучила.“

---

1) Р. С. 1884, іюль, стр. 17,

Таково прозаическое воспоминаніе Пушкина о Бахчисарайскомъ фонтанѣ и дворцѣ. Одинъ этотъ равнодушный обзоръ ихъ и не заронилъ бы, по всей вѣроятности, въ душѣ поэта сѣмени, изъ котораго развились поэтическія произведенія. Для того нужны были разсказы живого лица, и притомъ „женщины необыкновенной“, какъ Пушкинъ называлъ старшую дочь Раевскаго, Екатерину Николаевну, въ письмѣ къ брату Льву (24 сент. 1820). „Я суевѣрно перекладывалъ въ стихи разсказъ молодой женщины“ — такъ сообщаетъ о „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“ Пушкинъ 8 февр. 1824 г. А. А. Бестужеву.

Сличеніе стихотворенія „Бахчисарайскому фонтану“ съ описаніемъ прозаическимъ указываетъ въ воспроизведеніи картины всю долю фантазіи, исправившей „испорченный“ фонтанъ и сообщившей ему прелесть подъ вліяніемъ поэтическаго преданія, выслушаннаго изъ „милыхъ и наивныхъ устъ [2])“.

Самый источникъ вдохновенія, породившаго стихотвореніе „Фонтану Бахчисарайскаго дворца“, есть скорбь при сознаніи этого противорѣчія „минутныхъ видѣній“ съ дѣйствительностію.

В. Горчаковъ [3]) сообщилъ, что стихотвореніе это относится къ 1820 году, и что оно было первымъ начаткомъ поэмы „Бахчисарайскій Фонтанъ“, но сообщеніе это опровергается указаннымъ выше свидѣтельствомъ черновой тетради поэта.

„Прочитавъ мнѣ это стихотвореніе“, замѣчаетъ между прочимъ В. Горчаковъ, „Пушкинъ замѣтилъ, что, несмотря на усиліе нѣкоторыхъ замѣнить всѣ иностранныя слова русскими, онъ никакъ не хотѣлъ назвать фонтана водометомъ, какъ никогда не назоветъ бильярда шарокатомъ“.

Впервые напечатано въ изд. 1826 г.

---

1 Фонтанъ любви, фонтанъ живой!
Принесъ я въ даръ тебѣ двѣ розы.
Люблю немолчный говоръ твой
И поэтическія слезы.

2 Твоя серебряная пыль
Меня кропитъ росою хладной:
Ахъ, лейся, лейся, ключъ отрадный!
Журчи, журчи свою мнѣ быль...

3 Фонтанъ любви, фонтанъ печальный!
И я твой мраморъ вопрошалъ:
Хвалу странѣ прочелъ я дальной;
Но о Маріи ты молчалъ...

---

2) Aux douces loix des vers, je pliais mes accents
De sa bouche aimable et naïve
См. то же письмо къ Бестужеву).

3) Москвитянинъ 1850-го года, № 1, стр. 179: „Выдержки изъ дневника. Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ и другихъ современникахъ“.

4 Свѣтило блѣдное гарема!
И здѣсь уже ль забвенно ты?
Или Марія и Зарема
Однѣ счастливыя мечты?

5 Иль только сонъ воображенья
Въ пустынной мглѣ нарисовалъ
Свои минутныя видѣнья,
Души неясный идеалъ?

---

53. Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда.
(1820).

Это антологическое стихотвореніе написано въ Каменкѣ. Оно вызвано воспоминаніями о крымской жизни.

Напечат. впервые въ „Полярной Звѣздѣ“ 1824 г., а затѣмъ въ изданіи 1826 г. безъ 3-хъ послѣднихъ стиховъ [1]).

Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда.
Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
Твой лучъ осеребрилъ увядшія равнины,
И дремлющій заливъ, и черныхъ скалъ вершины.
Люблю твой слабый свѣтъ въ небесной вышинѣ:
Онъ думы разбудилъ уснувшія во мнѣ.
Я помню твой восходъ, знакомое свѣтило,
Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило,
Гдѣ стройно тополи въ долинахъ вознеслись,
Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и томный кипарисъ,
И сладостно шумятъ таврическія [a] волны.
Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь,
Когда на хижины сходила ночи тѣнь,
И дѣва юная во мглѣ тебя искала
И именемъ своимъ—подругамъ называла.

---

[a] полуденныя (1826).

---

1) „Богъ тебя проститъ“, писалъ Пушкинъ 29 іюня 1824 г. А. А. Бестужеву (издателю „Полярной Звѣзды“), но ты осрамилъ меня въ нынѣшней „Звѣздѣ“, напечатавъ три послѣдніе стиха моей элегіи. Чортъ дернулъ меня написать еще некстати о Бахчисарайскомъ фонтанѣ какія-то чувствительныя строки и припоминать тутъ же элегическую красавицу. Вообрази мое отчаяніе, когда я увидалъ ихъ напечатанными“. (Въ „Литерат. Листкахъ“ 1825 г., февр., № 4, Булгаринъ напечаталъ изъ предыдущаго письма, что авторъ „Бахч. фонтана“ писалъ къ одному изъ своихъ пріятелей въ Петербургѣ: „..Недостатокъ плана не моя вина... Я суевѣрно перекидывалъ въ стихи разсказъ молодой женщины“... и т. д.) „Журналъ можетъ попасть въ ея руки; что жъ она подумаетъ, видя, съ какой охотой бесѣдую объ ней съ „однимъ изъ петербургскихъ пріятелей“? Обязана ли она знать, что она мною не названа..? Признаюсь, одною мыслію этой женщины дорожу я болѣе, чѣмъ мнѣніями всѣхъ журналовъ на свѣтѣ и всей нашей публики“. Эти строки объясняютъ, почему въ изданіи 1826 г. Пушкинъ не только исключилъ 3 послѣдніе стиха, но и сдѣлалъ измѣненіе, указанное въ варіантахъ.

54. Виноградъ.

(1820).

Изъ двухъ комнатъ, которыя занималъ Пушкинъ въ кишиневскомъ домѣ Инзова (съ послѣднихъ чиселъ сентября 1820 г.) [1]) три окна съ рѣшетками выходили въ садъ. Подъ скатомъ въ лощинѣ — рѣчка Быкъ, образующая небольшое озеро, лѣвѣе — каменоломни, а еще лѣвѣе — новый городъ; вдали— горы съ бѣлѣющими домиками. Виноградники были передъ глазами поэта [2]). Этимъ объясняется выраженіе: *„моей* долины".

Впервые напеч. въ изд. 1826 г.

Не стану я жалѣть о розахъ,
Увядшихъ съ легкою весной;
Мнѣ милъ и виноградъ на лозахъ,
Въ кистяхъ созрѣвшій подъ горой,
Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Какъ персты дѣвы молодой.

---

55. Въ лѣсахъ Гаргаріи счастливой.

(1820).

Набросокъ этотъ принадлежитъ къ тому роду антологическихъ стихотвореній, въ которомъ впослѣдствіи Пушкинъ достигъ необыкновеннаго совершенства (см. № 60 и „Подражанія древнимъ" 1833).

Впервые напеч. въ изд. 1855 г.

Въ лѣсахъ Гаргаріи [1]) счастливой
За ланью быстрой и пугливой
Стремится дикій Актеонъ [2]).
Уже на чистый небосклонъ
Восходитъ блѣдная Діана—
И въ сумракѣ пускаетъ онъ
Стрѣлу послѣднюю колчана...

---

56. Черная шаль.

(1820).

„На другой день (числа не указано) послѣ перваго свиданія", сообщаетъ назначенный состоять при 16-й пѣх. дивизіи офицеръ Вл. П. Горчаковъ въ своихъ „Выдержкахъ изъ дневника" (Москвит. 1850, № 1), „мы встрѣтились съ Пушкинымъ у брата моего генерала (М. Ѳ. Орлова, см. стр. 79)— гвардіи полковника Ѳ. Ѳ. Орлова... Въ это утро много было говорено о

---

[1]) Видъ этого домика, испорченнаго землетрясеніемъ 1721 г., см. въ „Альбомѣ Пушкинской выставки 1880 г."— [2]) См. дневникъ Липранди (Р. А).

[1]) Гаргарія — источникъ близъ Платеи.—[2]) Актеонъ—ѳиванскій герой, охотникъ. Діана прогнѣвалась на него за то, что онъ видѣлъ ее купающеюся (въ источникѣ между Мегарой и Платеей) или за то, что онъ хвалился своею побѣдой надъ нею на охотѣ. Она обратила его въ оленя, и онъ былъ растерзанъ своими 50-ю собаками.

такъ названной Пушкинымъ молдавской пѣснѣ „Черная шаль", на-дняхъ имъ только написанной. Не зная самой пѣсни, я не могъ участвовать въ разговорѣ; Пушкинъ это замѣтилъ, и по просьбѣ моей и Орлова обѣщалъ мнѣ прочесть ее; но повторивъ въ разрывѣ нѣкоторыя строфы, вдругъ схватилъ рапиру и началъ играть ею; припрыгивалъ, становился въ позу, какъ бы вызывая противника; въ эту минуту вошелъ Другановъ. Пушкинъ, едва давъ ему поздороваться съ нами, сталъ предлагать ему биться. Другановъ отказывался, Пушкинъ настоятельно требовалъ, и, какъ рѣзвый ребенокъ, сталъ шутя затрогивать его рапирой... Я снова попросилъ Пушкина прочесть мнѣ молдавскую пѣсню (при первомъ появленіи ея Пушкинъ назвалъ это стих. „молдавской пѣснію"; начиналась она прямо разсказомъ: „Когда легковѣренъ и молодъ я былъ"...). Пушкинъ охотно согласился, бросилъ рапиру и началъ читать съ большимъ одушевленіемъ; каждая строфа занимала его, и, казалось, онъ вполнѣ былъ доволенъ своимъ новорожденнымъ твореніемъ. При этомъ я не могу не вспомнить одно мое придирчивое замѣчаніе. „Какъ же", замѣтилъ я, „вы говорите: въ глазахъ потемнѣло, я весь изнемогъ, а потомъ: вхожу въ отдаленный покой"?—„Такъ что жъ"? прервалъ Пушкинъ съ быстротой молніи, вспыхнувъ самъ, какъ зарница: „это не значитъ, что я ослѣпъ"... Сознаніе мое, что мое замѣчаніе придирчиво, что оно почти шутка, погасило мгновенный порывъ Пушкина, и мы пожали другъ другу руки. При этомъ Пушкинъ, смѣясь, началъ разсказывать, какъ одинъ изъ кишиневскихъ армянъ сердится на него за эту пѣсню. „Да за что же?" спросилъ я. — „Онъ думаетъ", отвѣчалъ Пушкинъ, прерывая смѣхомъ слова свои, „что это я написалъ на его счетъ" (Впослѣдствіи оказалось, что то былъ самый неуклюжій пожилой человѣкъ, кривобокій, съ огромнымъ носомъ; онъ прежде служилъ въ Одессѣ почтмейстеромъ, но за битву свою съ козломъ передъ балкономъ, гдѣ находилось семейство генералъ-губернатора гр. Ланжерона, переведенъ въ Кишиневъ).— Изъ того же дневника удостовѣряемся, что пѣсня эта производила восторгъ въ средѣ тогдашней молодежи. Прочитанная въ офицерскомъ кругу на почтовой станціи въ Балтѣ, пѣсня немедленно списывалась собесѣдниками Горчакова съ его словъ. Изъ нея, какъ и изъ другихъ стиховъ Пушкина, вбрасывались цитаты въ разговорѣ за карточнымъ столомъ, кстати и не кстати.—„Шутки въ сторону", сказалъ однажды и М. Ѳ. Орловъ Пушкину, „твоя баллада превосходна; въ каждыхъ двухъ стихахъ полнота неподражаемая", заключилъ онъ, и при этихъ словахъ выраженіе его лица приняло глубокомысленность знатока-мецената".

Таково было отношеніе публики къ молдавской пѣснѣ Пушкина. Люди, болѣе требовательные и среди самой публики, не считали „Черную шаль" однимъ изъ лучшихъ его произведеній. („Эта молдавская пѣсня, при всемъ достоинствѣ", замѣчаетъ тотъ же Горчаковъ, „еще не столь цѣнное созданіе, какъ другія его произведенія").

„Черная шаль", замѣчаетъ Бѣлинскій (1844), „при своемъ появленіи возбудила фуроръ въ русской читающей публикѣ; но подобно „Гусару" Батюшкова [1]), теперь какъ-то опошлилась и чрезвычайно нравится любителямъ

[1]) т.-е. „Разлукѣ", начинающейся такъ:

„Гусаръ на саблю опираясь,
Въ глубокой горести стоялъ"...

пѣсенниковъ. Теперь очень не рѣдкость услышать, какъ поетъ эту піеску какой-нибудь разгульный простолюдинъ, вмѣстѣ съ пѣснію г. Ѳ. Глинки: „Вотъ мчится тройка удалая“, или „Ты не повѣришь, какъ ты мила“...

Сличая „Черную шаль“ съ другими произведеніями Пушкина того же времени серьезнаго лиро-эпическаго рода, нельзя не замѣтить совершенно особеннаго колорита, наложеннего на нее и усиленнымъ употребленіемъ архаизмовъ (хладную, младую, злата, лобзалъ, взиралъ), и важнымъ тономъ (презрѣнный еврей, и вѣрнаго позвалъ раба моего, я мчался на быстромъ конѣ, и кроткая жалость молчала во мнѣ, булатъ загремѣлъ), разъ какъ бы срывающимся на просторѣчіе („не взвидѣлъ я свѣта“) и въ особенности мелодраматизмомъ такой степени, какой Пушкинъ не допускалъ и въ произведеніяхъ болѣе раннихъ („Гляжу какъ безумный“ [1]), „я далъ ему злата и проклялъ его“... „Безглавое тѣло *я долго топталъ*, и молча на дѣву, *блѣднѣя, взиралъ*“). Очевидно такой стиль былъ намѣренно приданъ Пушкинымъ пѣснѣ для передачи наивнаго драматизма пѣсни молдаванки-прислужницы „Зеленаго трактира“ въ Кишиневѣ — Маріонилы (или Маріулы), которая пѣла ее при Пушкинѣ (какъ сообщаетъ В. Г. Тепляковъ въ „Общезанимательномъ Вѣстникѣ“ 1857, № 1). Пушкинъ передразнилъ пѣсню, которая ведется отъ лица одной изъ тѣхъ личностей, многочисленные образчики которыхъ были часто передъ глазами его въ Кишиневѣ, и которыхъ онъ имѣлъ случай наблюдать въ разныхъ положеніяхъ. Подмѣченная имъ ихъ ходульность при сердечныхъ волненіяхъ и въ то же время наивность— нашли артистическое выраженіе въ монологѣ пѣсни (ср. вступ. зам. № 26), которая многими была принята за произведеніе серьезное. Верстовскій даже сочинилъ къ ней музыку.

Впервые напеч. въ „Сынѣ Отеч.“ 1821, № 1, съ припискою: „Молдавская пѣсня“.

---

1 Гляжу какъ безумный [1]) на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.

2 Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
Младую гречанку я страстно любилъ.

3 Прелестная дѣва ласкала меня;
Но скоро я дожилъ до чернаго дня.

4 Однажды я созвалъ веселыхъ гостей;
Ко мнѣ постучался презрѣнный еврей

---

[1]) Въ числѣ поправокъ, разсердившихъ Пушкина, которыя были сдѣланы издателемъ „Сына Отечества“ (очевидно почувствовавшимъ неловкость въ этомъ мелодраматизмѣ, но не понявшимъ его цѣли), была замѣна этого выраженія словами: Гляжу *я безмолвно*. Недовольный перемѣнами, Пушкинъ послалъ пѣсню напечатать вторично въ 5-й № „Благонамѣреннаго“ 1821 г., гдѣ въ примѣчаніи было сказано, что стихи перепечатываются ради ошибокъ, съ которыми ихъ напечатали въ „Сынѣ Отечества“. (Пушк. на югѣ, Бартенева, стр. 50, вын.).

5 Съ тобою пируютъ (шепнулъ онъ) друзья;
Тебѣ жъ измѣнила гречанка твоя.

6 Я далъ ему злата и проклялъ его,
И вѣрнаго позвалъ раба моего.

7 Мы вышли: я мчался на быстромъ конѣ,
И кроткая жалость молчала во мнѣ.

8 Едва я завидѣлъ гречанки порогъ,
Глаза потемнѣли, я весь изнемогъ...

9 Въ покой отдаленный вхожу я одинъ...
Невѣрную дѣву лобзалъ армянинъ.

10 Не взвидѣлъ я свѣта: булатъ загремѣлъ...
Прервать поцѣлуя злодѣй не успѣлъ.

11 Безглавое тѣло я долго топталъ,
И молча на дѣву, блѣднѣя, взиралъ.

12 Я помню моленья, текущую кровь...
Погибла гречанка, погибла любовь.

13 Съ главы ея мертвой снявъ черную шаль,
Отеръ я безмолвно кровавую сталь.

14 Мой рабъ, какъ настала вечерняя мгла,
Въ дунайскія волны ихъ бросилъ тѣла.

15 Съ тѣхъ поръ не цѣлую прелестныхъ очей,
Съ тѣхъ поръ я не знаю веселыхъ ночей.

16 Гляжу какъ безумный на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.

---

57. Дочери Карагеоргія.

(1820).

Карагеоргій (т. е. Георгій Черный) изъ скотопромышленниковъ сталъ вождемъ сербовъ при ихъ возстаніи противъ турокъ, вызванномъ жестокостію турецкихъ янычаровъ. Всего съ 7000 пѣхоты и 2000 конницы выступилъ онъ въ 1806 г. противъ многочисленнаго турецкаго войска. Послѣ побѣдъ надъ турками сербы образовали собственное правительство, душою котораго былъ Карагеоргій. Онъ не добивался роскоши и внѣшняго блеска; продолжалъ носить свои старые голубые штаны, короткую истасканную шубу и черную шапку. Дочери его, наравнѣ съ деревенскими дѣвушками, ходили съ ведрами по воду. Самъ Георгій работалъ въ лѣсу, спускалъ воду на мельницѣ или ловилъ рыбу въ рѣкѣ, пахалъ и косилъ, и одинъ разъ, набивая обручъ на бочку, даже сломалъ орденъ, пожалованный ему русскимъ Императоромъ. Онъ не умѣлъ писать, но въ битвѣ былъ удалымъ воиномъ. Только завидятъ

войска его сухощавую и высокую фигуру,—въ нихъ прибудетъ отваги; турки пугались одного его появленія. Онъ былъ страшенъ въ гнѣвѣ и жестокъ. Въ минуты такихъ порывовъ онъ сдѣлался убійцею своего отца и брата.

Вдова Карагеоргія пріѣзжала въ Кишиневъ на короткое время, но безъ дочери, и уѣхала мѣсяца за три до пріѣзда Пушкина; потому Пушкинъ не могъ видѣть дочери Карагеоргія (см. Дневн. Липранди, Р. А. 1866), но много слышалъ о славномъ сербѣ.

„Понятно“, замѣчаетъ Бартеневъ (1855), „что поэтическое вниманіе Пушкина остановилось на грозномъ образѣ пастуха-героя, освободителя своей родины. Черный Георгій, за три года передъ тѣмъ (1817) погибшій отъ руки убійцъ, жилъ нѣкоторое время въ Россіи, а его семейство, долго потомъ оставалось, если не ошибаюсь, въ городѣ Хотинѣ, недалеко отъ Кишинева. Подобно Стенькѣ Разину, Пугачеву, Мазепѣ, Кирджали, этотъ герой съ характеромъ разбойника поразилъ воображеніе нашего Пушкина. Въ посланіи къ его дочери мѣтко схвачена его физіономія (ст. 10 — 12). Разсказы о Карагеоргіи Пушкинъ могъ слышать отъ русскихъ офицеровъ, въ послѣднюю турецкую войну сражавшихся вмѣстѣ съ сербами и въ самой Сербіи, а особливо отъ своего кишиневскаго знакомца, бывшаго драгунскаго полковника Алексѣя Петровича Алексѣева“ (стараго служаки и георгіевскаго кавалера)... „Вообще надо замѣтить, что въ Кишиневѣ Пушкинъ встрѣчалъ болгаръ и сербовъ, обращалъ на нихъ вниманіе, и оттого, можетъ быть, съ такимъ умѣніемъ перекладывалъ впослѣдствіи пѣсни западныхъ Славянъ“ (П. на югѣ, стр. 56, 57). Стих. это помѣчено: „Кишиневъ, 5 октября“.

Напечатано впервые въ изд. 1826 г.

Гроза луны, свободы воинъ,
Покрытый кровію святой,
Чудесный твой отецъ, преступникъ и герой,
И ужаса людей, и славы былъ достоинъ.
Тебя младенца онъ ласкалъ
На пламенной груди рукой окровавленной;
Твоей игрушкой былъ кинжалъ,
Братоубійствомъ изощренный [а].
Какъ часто, возбудивъ свирѣпой мести жаръ,
Онъ молча, надъ твоей невинной колыбелью,
Убійства новаго обдумывалъ ударъ,
И лепетъ твой внималъ, и не былъ чуждъ веселью!
Таковъ былъ: сумрачный, ужасный до конца [б].
Но ты, прекрасная, ты бурный вѣкъ отца [в]
Смиренной [г] жизнію предъ небомъ искупила:
Съ могилы грозной къ небесамъ
Она, какъ сладкій ѳиміамъ,
Какъ чистая любви молитва восходила.

На гибель многихъ обреченный (1826). [б] Внезапно мечъ блеснулъ, и дни его пресѣкъ.—[в] Но ты, прекрасная, отца преступный вѣкъ.—[г] Невинной (1826).

58. Земля и море.

(идиллія Мосха).

(1821).

Пушкину, въ бытность его въ Кіевѣ [1]), удаленному отъ треволненій кишиневской жизни, вспомнилось знакомое ему чувство душевнаго мира въ надежной тишинѣ михайловскихъ луговъ, „измятыхъ его бродящей лѣнью", и онъ пишетъ идиллію, столь родственную по настроенію съ стихотвореніемъ „Домовому" (см. № 41). На этотъ разъ матеріалъ стихотворенія заимствовалъ онъ у сиракузскаго идиллика Мосха (II в. до Р. Х.), давшаго поэтической фантазіи черты природы южной, которая пришлась такъ по сердцу Пушкину въ Гурзуфѣ.

Бѣлинскій (1844) относитъ это стихотвореніе къ „чисто-пушкинскимъ піесамъ", которыя онъ выдѣляетъ изъ числа „переходныхъ піесъ", слѣдовавшихъ за лицейскими.

Въ чьемъ переводѣ ознакомился Пушкинъ съ идилліей Мосха, неизвѣстно (у А. Шенье ея нѣтъ). Потому приводимъ здѣсь греческій текстъ и близкій переводъ:

Τάν ἅλα τὰν γλαυκὰν ὅταν ὤνεμος ἀτρέμα βάλλῃ,
τὰν φρένα τάν δειλὰν ἐρεθίζομαι, οὐδ' ἔτι μοι γᾶ
ἐντὶ φίλα, ποτάγει δὲ πολὺ πλέον ἅμμε γαλάνα.
ἀλλ' ὅταν ἀχήσῃ πολιὸς βυθός, ἁ δὲ θάλασσα
κυρτὸν ἐπαφρίζῃ, τὰ δὲ κύματα μακρὰ μεμήνῃ,
ἐς χθόνα παπταίνω καὶ δένδρεα, τὰν δ' ἅλα φεύγω.
γᾶ δὲ μοι ἀσπαστά, χ' ἁ δάσκιος εὕαδεν ὕλα,
ἔνθα καί, ἢν πνεύσῃ πολὺς ὤνεμος, ἁ πίτυς ᾄδει.
ἦ κακὸν ὁ γριπεὺς ζώει βίον, ᾧ δόμος ἁ ναῦς,
καὶ πόνος ἐντὶ θάλασσα, καὶ ἰχθὺς ἁ πλάνος ἄγρα.
αὐτὰρ ἐμοὶ γλυκὺς ὕπνος ὑπὸ πλατάνῳ βαθυφύλλῳ,
καὶ παγᾶς φιλέοιμι τὸν ἐγγύθεν ἦχον ἀκούειν,
ἃ τέρπει ψοφέοισα τὸν ἄγριον, οὐχὶ ταράσσει.

Если вѣтеръ безъ шума колеблетъ свѣтлое море,
Восхищена робкая душа моя, и земля мнѣ
Ужъ не мила, а влечетъ меня къ себѣ тихое море.
Но когда застонетъ сѣдая пучина, когда поверхность моря,
Ломаясь, запѣнится, и забушуютъ высокія волны,
Тогда на землю спѣшу, къ дубравамъ, а отъ моря бѣгу.
Любо мнѣ тогда на сушѣ; нравится роща густая,
Гдѣ и сосны поютъ, лишь только сильный вѣтеръ подуетъ.
Тяжела, право, жизнь рыбака: домъ его—челнокъ,
Море—забота его, и рыба—добыча невѣрная;
А мнѣ сладокъ сонъ подъ густолиственнымъ платаномъ;
Съ отрадой слушалъ бы я подлѣ себя ручья журчанье,
Который шумомъ своимъ услаждаетъ, а не пугаетъ селянина [2]).

---

[1]) См. вступит. зам. къ „Стихотвореніямъ, написаннымъ на югѣ 1820—1824 г." (стр. 79).—[2]) Въ январѣ 1825 г. Пушкинъ, замѣтивъ, что Воейковъ, издатель „Новостей Литературы", опустилъ обозначеніе: „Идиллія Мосха", писалъ брату Льву: „Кланяйся моему *другу* Воейкову. *Надъ* или *подъ* „Моремъ и Землею" должно было поставить: Идиллія Мосха. Отъ этого я бы не удавился, а Біонъ старикъ при своемъ остался бъ". Пушкинъ, шутя, здѣсь называетъ Воейкова Біономъ (другомъ Мосха). Ссылка на греческаго поэта, возстановленная Пушкинымъ въ изд. 1826 г., стояла въ рукописи, гдѣ находилось и другое заглавіе піесы: „Морской берегъ".

Основное чувство идилліи Мосха передано у Пушкина близко. Только онъ видоизмѣнилъ самую личность, испытывающую это чувство: поселянинъ Мосха у Пушкина — онъ самъ, поэтъ; потому въ минуты покоя на морскихъ водахъ душевный покой характеризуетъ онъ новою чертою: онъ „забываетъ пѣсни музъ“. Во второй части измѣнена лишь картина моря: онъ пополняетъ изображеніе бури, и къ картинѣ морскихъ волнъ, вздымаемыхъ вѣтромъ, присоединяетъ изображеніе грозы на небѣ. Измѣненъ и стихотворный размѣръ идилліи: гексаметръ Мосха замѣненъ четырехстопнымъ ямбомъ (съ чередующимися риѳмами, мужскими и женскими), образующимъ 5 строфъ.

Впервые напечатано въ № 1 „Новостей Литературы“ 1825 г.

Когда по синевѣ морей
Зефиръ скользитъ и тихо вѣетъ
Въ вѣтрила гордыхъ кораблей
И челны на волнахъ лелѣетъ;
Заботъ и думъ слагая грузъ,
Тогда лѣнюсь я веселѣе
И забываю пѣсни музъ:
Мнѣ моря сладкій шумъ милѣе.
Когда же волны по брегамъ
Ревутъ, кипятъ и пѣной плещутъ,
И громъ гремитъ по небесамъ,
И молніи во мракѣ блещутъ,
Я удаляюсь отъ морей
Въ гостепріимныя дубровы:
Земля мнѣ кажется вѣрнѣй,
И жалокъ мнѣ рыбакъ суровый—
Живетъ на утломъ онъ челнѣ,
Игралище слѣпой пучины,
А я въ надежной тишинѣ
Внимаю шумъ ручья долины.

8 февраля. Кіевъ.

59. Желаніе.

(1821).

Жаждою того же мирнаго настроенія дышитъ и стих. „Желаніе“, вызванное свиданіемъ съ Раевскимъ и воспоминаніями о жизни въ Гурзуфѣ (см. № 50).

Въ этомъ стихотвореніи впервые послѣ лицейской поры (см. № 3, ст. 100) упоминается Овидій. На югѣ Пушкинъ читалъ Овидія. Въ стихотвореніи „Желаніе“ всего лучше видно, что привлекало Пушкина въ Овидіи, какъ поэтѣ (стр. 5). См. вступ. замѣтку и къ стих. „Къ Овидію (1821).

Форма стихотворенія нѣсколько напоминаетъ извѣстную „Пѣсню Миньоны“ Гёте.

Впервые напеч. въ изд. 1838 г. съ перемѣнами противъ рукописи, по которой текстъ возстановленъ г. Ефремовымъ.

Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы
Оживлены дубровы и луга,
Гдѣ весело синѣютъ [а], блещутъ воды
И пышные [б] ласкаютъ берега,
Гдѣ на холмы, подъ лавровые своды,
Не смѣютъ лечь угрюмые снѣга?
Скажите мнѣ: кто видѣлъ край прелестный,
Гдѣ я любилъ, изгнанникъ неизвѣстный?

[а] шумятъ и.—[б] мирные.—

2 Златой предѣлъ, любимый край Эльвины!
Туда летятъ желанія мои.
Я помню горъ высокія вершины [в],
Прозрачныхъ водъ веселыя струи,
И тѣнь, и шумъ, и красныя долины,
Гдѣ бѣдныя простыхъ татаръ семьи,
Среди заботъ и съ дружбою взаимной,
Подъ кровлею живутъ гостепріимной.

3 Все мило тамъ красою безмятежной,
Все путника плѣняетъ и манитъ,
Какъ въ ясный день дорогою прибрежной
Привычный конь по склону горъ бѣжитъ.
Повсюду трудъ веселый и прилежный
Сады татаръ и нивы богатитъ,
Холмы цвѣтутъ, и въ листьяхъ винограда
Виситъ янтарь, ночныхъ пировъ отрада.

4 Все живо тамъ: и тополей прохлада [г],
Въ тѣни оливъ уснувшія стада,
Вокругъ домовъ рѣшетки винограда,
Монастыри, селенья, города,
И моря шумъ, и говоръ водопада,
И средь валовъ бѣгущія суда,
И яркіе лучи златого Феба,
И синій сводъ полуденнаго неба.

5 Приду ли вновь, поклонникъ музъ и мира,
Забывъ молву и свѣта суеты,
На берегахъ веселаго Салгира [1])
Воспоминать души моей мечты?
Въ моихъ рукахъ Овидіева [д] лира,
Счастливая [е] пѣвица красоты,
Пѣвица нѣгъ, изгнанья [ж] и разлуки,
Найдетъ ли вновь свои живые [з] звуки?

6 И тамъ, гдѣ миртъ шумитъ надъ тихой урной,
Увижу ль вновь, сквозь темные лѣса,
И своды скалъ, и моря блескъ лазурный,
И ясныя, какъ радость, небеса?
Утихнутъ ли волненья жизни бурной?
Минувшихъ лѣтъ воскреснетъ ли краса?
Приду ли вновь подъ сладостныя тѣни
Душой заснуть на лонѣ мирной лѣни?..

[в] прибрежныя стремнины.—[г] все тамъ—очей отрада.—[д] И ты, моя задумчивая.—[е] Ты, вѣрная.—[ж] любви.—[з] утраченные (*чернов. текстъ*).

---

[1]) Салгиръ — притокъ Сиваша, вытекающій изъ пролома Ангарь-Богаза на восточной сторонѣ Чатыръ-Дага, многоводнѣйшая рѣка Крымскаго полуострова. Впрочемъ, имя этой рѣки употребляется въ Крыму, какъ нарицательное имя рѣки вообще.

60. Примѣты.

(1822) [1].

Это стихотвореніе отличается тѣмъ же чувствомъ душевнаго мира, которое нашло свое выраженіе въ первой половинѣ стихотворенія „Деревня" (№ 40) и „Домовому" (№ 41), „Земля и Море" (№ 58) и „Желаніе" (№ 59). По замѣчанію Анненкова (1855), стих. „Примѣты", поражающее „удивительно-величавой и спокойной формою, есть образецъ сельской картины, гдѣ проявилось *чувство* природы" (Матер. 83).—Бѣлинскій (1844) и это стихотвореніе относитъ къ числу „чисто-пушкинскихъ".

Природа здѣсь въ отличіе отъ стих. „Деревня" и „Домовому," изображена опять южная. Стиль стихотворенія — тотъ, которымъ Пушкинъ всегда пользовался въ произведеніяхъ, коимъ желалъ сообщить краски поэзіи античной. Поэтому „Примѣты" должны быть отнесены къ произведеніямъ антологическимъ какъ по содержанію, такъ и по формѣ (см. замѣтку къ „Подражанію древнимъ," 1833). Установляя новыя формы поэзіи и при этомъ отыскивая выраженія для передачи античныхъ представленій, русскіе поэты первой четверти нынѣшняго вѣка охотно прибѣгали къ славянизмамъ. Пушкинъ собственнымъ примѣромъ подтвердилъ это избраніе и сумѣлъ сообщить своеобразную прелесть русскому стиху античнаго пошиба. Славянизмы и многостопный размѣръ придаютъ ему характеръ „важныхъ пѣсенъ" (какъ называлъ Пушкинъ стихи Гнѣдича въ письмѣ къ нему 24 марта 1821 г.); на этотъ разъ избирая александрійскій стихъ, слѣдовательно съ парными риѳмами, Пушкинъ еще не освобождаетъ свое стихотвореніе „отъ звонкихъ узъ" (ibid.), какъ то дѣлалъ впослѣдствіи, усвоивъ гексаметръ: тѣмъ не менѣе стихъ льется не только спокойно, но и чрезвычайно свободно.

„Примѣты"—одна изъ тѣхъ оригинальныхъ піесъ, къ которымъ можно отнести сказанное Бѣлинскимъ (1844) объ антологическихъ стихотвореніяхъ Пушкина: „Обратимъ вниманіе на тѣ маленькія піесы, которыя и по содержанію и по формѣ отличаются характеромъ античности и которыя съ перваго раза должны были показать въ Пушкинѣ художника по превосходству. Простота и обаяніе ихъ красоты выше всякаго выраженія: это — музыка въ стихахъ и скульптура въ поэзіи. Пластическая рельефность выраженія, строгій классическій рисунокъ мысли, полнота и оконченность цѣлаго, нѣжность и мягкость отдѣлки въ этихъ піесахъ, обнаруживаютъ въ Пушкинѣ счастливаго ученика мастеровъ древняго искусства. А между тѣмъ онъ не зналъ по-гречески, а вообще многосторонній, глубокій художественный инстинктъ замѣнялъ ему изученіе древности, въ школѣ которой воспитываются всѣ европейскіе поэты.

1) Это стих. самимъ Пушкинымъ отнесено къ 1822 году въ черновомъ спискѣ стихотвореній этого года, въ тетради по нумераціи Рум. музея № 2365, листъ 56 на обор. Помѣщаемъ его здѣсь по однородности съ предыдущими и послѣдующими стихотвореніями, что необходимо въ виду удобства его разбора и совершенно безразлично въ біографическомъ отношеніи.

Этой поэтической натурѣ ничего не стоило въ каждой сферѣ быть какъ у себя дома; жизнь и природа, гдѣ ни встрѣчалъ онъ ихъ, свободно и охотно ложились на полотнѣ подъ его кистью".

До Пушкина у насъ неоднократно переводили древнихъ или подражали имъ. Не останавливаясь на Н. А. Львовѣ, припомнимъ Державина, который, подхвативъ первый русскій опытъ Ломоносова („Ночною темнотою"...), съ 1795 года усвоилъ русской поэзіи анакреонтическій родъ [2]) живымъ стихомъ трехстопнаго ямба или четырехстопнаго хорея, которымъ неоднократно пользовался и Пушкинъ („Гробъ Анакреона" 1815, „Фіалъ Анакреона" 1816, подражаніе ему „Кобылица молодая" 1828 оды его XLI и XVII иотрывокъ „Узнаёмъ коней ретивыхъ" 1835); переводы и передѣлки Мерзлякова не оставили слѣдовъ въ позднѣйшей поэзіи; таланты же Гнѣдича и Батюшкова внесли послѣ Державина новые античные мотивы: первый удачнѣе всего въ героическомъ родѣ, второй — въ нѣжномъ. Пушкинъ примкнулъ ближе всего къ Батюшкову. Сличая форму его антологическихъ стиховъ съ стихами Батюшкова, не трудно видѣть ту мѣру, которую онъ тотчасъ нашелъ между двумя крайностями стиховъ Батюшкова: непомѣрной уступкой старому слогу съ одной стороны и прозаичности съ другой. Примѣромъ перваго могутъ служить слѣдующіе стихи Батюшкова:

Онъ *благодатенъ* намъ, сей мирный богъ полей,
Когда на празднествахъ, въ дни майскіе *веселы*,
Съ толпою *чадъ* своихъ, *оратай* престарѣлый
Опрѣсноки ему *священны* принесетъ,
А дѣвы красныя изъ улья чистый медъ [3]).
Спасите жъ вы меня, отеческіе боги,
Отъ копій, отъ мечей! Вамъ даръ несу убогій:
Кошницу полную Церериныхъ даровъ,
А въ жертву—сей *овенъ*, краса моихъ луговъ [4])—

или:

Свидѣтели любви и горести моей,
О розы юныя, слезами *омоченны*,
Красуйте*ся* въ вѣнкахъ надъ хижиной смиренной... [5])

Примѣромъ прозаичности слога могутъ служить совершенно лишенные музыкальности стихи:

И безъ надежды умираю!
Такъ, жертву обхвативъ кругомъ,
На алтарѣ огонь блѣднѣетъ, умираетъ,
И, вспыхнувъ ярче предъ концомъ,
На пеплѣ погасаетъ [6]).

Но Пушкинъ учуялъ въ лучшихъ сочиненіяхъ Батюшкова, которыя

[2]) См. „Избр. соч. Державина" №№ XXXIV, XXXVIII, XLIV, XLV, L, LI, LII, LIII, LIV, LXII, LXIV. — [3]) Прекрасный стихъ, отъ котораго не отказался бы и Пушкинъ, но который поражаетъ противорѣчіемъ своего тона и стиля, среди прочихъ.—[4]) Вольный переводъ XI Тибулловой элегіи изъ I кн. (1816).—[5]) Эпигр. Асклепіада Самосскаго (1820)—[6]) Эпигр. Павла Силенціарія (1820).

вообще ставилъ очень высоко, и въ отдѣльныхъ стихахъ, какъ перлы разсыпанныхъ въ бо́льшей части антологическихъ произведеній Батюшкова, элементы художественной антологіи и нашелъ надлежащій для нея языкъ пользуясь и сокращенными прилагательными, но весьма осторожно, и со свойственнымъ ему вкусомъ избирая изъ церковно-славянскаго словаря такія слова, которыя не лишали бы картину античнаго колорита и не вытѣсняли бы его колоритомъ библейскимъ (таковы въ „Примѣтахъ“ слова *земледѣлъ*, *вѣтръ*, *мразъ*, *хладъ*, *лоно*, *дѣва*, *селянинъ*, *злакъ:* онъ не дозволилъ себѣ *оратая*, а тѣмъ болѣе не допустилъ бы *кошницы* или *овна* Батюшкова), и искусно сплавляя ихъ съ чисто русскими словами (какъ въ томъ же стих.: *пастухъ*, *окличутъ*, *яркое*, *ревучій*, *лѣнивую дремоту)*. Но главное, что отличаетъ стихъ Пушкина —это его благозвучіе и въ паденіи удареній (онъ перемѣнилъ бы стихъ Батюшкова: Нӑ олтарѣ блѣднѣетъ...), и въ сочетаніи гласныхъ и согласныхъ (онъ не былъ бы доволенъ «Н*а о*лтарѣ“, *ярче предъ* и „на *пеплѣ по*гасаетъ“ Батюшкова) [7]. Соединяя поэзію картины съ поэтическимъ языкомъ, Пушкинъ далъ въ антологическихъ своихъ произведеніяхъ то неуловимое нѣчто, которое внесъ въ русскую поэзію, пользуясь и стихотворными формами, уже до него введенными во всеобщее употребленіе. Сразу и не догадаешься, что размѣръ стихотворенія „Примѣты“ — давнымъ-давно истасканный бездарнымъ примѣненіемъ александрійскій стихъ (см. вын. 6, № 61).

Впервые напечатано въ изд. 1820 г. Въ рукописи оно носитъ заглавіе „Отрывокъ“.

---

1 Старайся наблюдать различныя примѣты.
Пастухъ и земледѣлъ [a] въ младенческія лѣты,
Взглянувъ на небеса, на западную тѣнь,
Умѣютъ ужъ предречь и вѣтръ, и ясный день,
И майскіе дожди, младыхъ полей отраду,
И мразовъ ранній хладъ, опасный винограду.
Такъ, если лебеди, на лонѣ тихихъ водъ
Плескаясь вечеромъ, окличутъ твой приходъ,
Иль солнце яркое зайдетъ въ печальны тучи,

[a] рыболовъ (рукоп.).

[7]) См. выше эпигр. Павла Силенціарія. До чего строгъ былъ въ этомъ отношеніи Пушкинъ, можетъ служить напр. его просьба кн. Вяземскому (1823) исправить стихъ „Бахч. фонтана“, въ которомъ обыкновенному уху незамѣтно какофоніи: „Если найдешь удачною перемѣну, то подари меня ею; если же нѣтъ, оставь такъ: *Равна грузинка красотою*, но *ника кр..!* а слово „грузинка“ тутъ необходимо..“ Ему же онъ пишетъ (1823) по поводу одного стиха „Кавк. пл.“: „Я не властенъ сказать, я не долженъ сказать, я не смѣю сказать: *ей дней* въ концѣ стиха“ (какъ было, къ огорченію Пушкина, поставлено цензоромъ). Ту же строгость къ благозвучію стиха замѣчаемъ въ сужденіяхъ Пушкина о чужихъ произведеніяхъ. Такова отмѣтка его послѣ прочтенія посланія кн. Вяземскаго къ Жуковскому въ Сынѣ Отечества 1821: „Смѣлость „сила, умъ и рѣзкость, но что за звуки! *Кому былъ Фебъ изъ Русскихъ ласковъ..!* неожиданная риѳма *Херасковъ* не примиряетъ меня съ такой какофоніей“.

Знай: завтра сонныхъ дѣвъ разбудитъ дождь ревучій,
Иль бьющій въ окна градъ, а ранній селянинъ,
Готовясь ужъ косить высокій злакъ долинъ,
Услыша бури шумъ, не выйдетъ на работу
И погрузится вновь въ лѣнивую дремоту.

---

61. Муза.

(1821).

Это стихотвореніе относится къ тому же антологическому роду (см. вступ. зам. къ № 60). Оно отличается большимъ совершенствомъ стиха, свидѣтельствуя о томъ искусствѣ, съ которымъ Пушкинъ, по замѣчанію Н. Н. Страхова, пользовался и „характерными достоинствами Батюшкова, которыя тотъ пустилъ въ дѣло, подражая въ то же время своему любимцу Шенье [1]". Впрочемъ, въ поискахъ за надлежащимъ тономъ для антологической поэзіи, Пушкинъ не много обязанъ былъ французскому поэту Андре Шенье, съ которымъ впервые его познакомилъ въ Гурзуфѣ Н. Н. Раевскій-сынъ [2]. „Пушкинъ прежде всѣхъ въ Россіи", замѣчаетъ Анненковъ [3]", заговорилъ объ А. Шенье и конечно одинъ изъ первыхъ въ Европѣ вполнѣ угадалъ прелесть его нѣжныхъ произведеній, особенно антологическихъ, гдѣ обычное щегольство его замѣнено истиннымъ изяществомъ". Но, по замѣчанію того же критика, хотя большая часть антологическихъ стихотвореній Пушкина навѣяна чтеніемъ Андре Шенье, но есть между обоими поэтами и существенная разница. „Пушкинъ сокращаетъ представленія Шенье, когда беретъ его за образецъ, и даетъ своимъ передѣлкамъ мѣру и изящество, не всегда сохраняемыя подлинникомъ. Качества эти еще сильнѣе выступаютъ въ собственныхъ его созданіяхъ, и тогда къ античеcкой граціи очертаній присоединяется у него тонкій психологическій анализъ. Таковы стих. „Нереида", „Дорида" „Доридѣ" и проч... Образы его полны жизни и чувства" [4].

Бѣлинскій (1844) замѣчаетъ, что произведенія Пушкина въ антологическомъ родѣ были „большимъ шагомъ впередъ передъ Батюшковымъ" [5]. „Посмотрите", продолжаетъ онъ „какъ эллински, или какъ артистически (это одно и то же) разсказалъ Пушкинъ о своемъ художественномъ призваніи, почувствованномъ имъ еще въ лѣта отрочества; эта піеса называется: „Муза". Выписавъ затѣмъ все стихотвореніе, Бѣлинскій замѣчаетъ: „Да, несмотря на счастливые опыты Батюшкова въ антологическомъ родѣ, такихъ стиховъ еще не бывало на Руси до Пушкина! Нельзя не дивиться въ особенности тому, что онъ умѣлъ сдѣлать изъ шестистопнаго ямба — этого несчастнаго стиха, доведеннаго до пошлости русскими эпиками и трагиками добраго стараго времени. За него уже было отчаялись, какъ за стихъ неуклюжій и монотонный [6]),

[1]) См. „Складчину", 568— [2]) См. Грота „Первенцы Лицея", тамъ же, 374. — [3]) Матеріалы, 96.—[4]) Матеріалы 97 и 69.—[5]) VIII, 371.—[6]) С. Уваровъ называлъ александрійскій стихъ „скуднымъ и сухимъ" (см, письмо Ува-

а Пушкинъ воспользовался имъ, словно дорогимъ паросскимъ мраморомъ, для чудныхъ изваяній, *видимыхъ слухомъ*... Выписавъ затѣмъ стих.: „Нереида", Бѣлинскій прибавляетъ: „Прислушайтесь къ этимъ звукамъ,— и вамъ покажется, что вы *видите* передъ собою превосходную античную статую". „Акустическое богатство, мелодія и гармонія русскаго языка", продолжаетъ Бѣлинскій, „въ первый разъ явились во всемъ блескѣ въ стихахъ Пушкина. Мы не знаемъ ничего, что могло бы въ этомъ отношеніе сравниваться съ піесою: „Доридѣ" (подражаніе Шенье, 1820)... Правда въ „Доридѣ" послѣдній стихъ:

(Все непритворно въ ней...)
Нарядовъ и рѣчей пріятная небрежность
И ласковыхъ именъ младенческая нѣжность

есть не болѣе, какъ вѣрный переводъ стиха А. Шенье — Et des noms caressants la mollesse entantine, но если гдѣ имѣетъ глубокій смыслъ выраженіе: „онъ беретъ свое, гдѣ ни увидитъ его", то конечно — въ отношеніи къ этому стиху, который Пушкинъ умѣлъ сдѣлать своимъ".

Плетневъ (1822) въ своемъ разборѣ стих. „Муза" пишетъ: „Критики, исчисляя виды прекраснаго въ произведеніяхъ искусствъ, даютъ одному виду названіе граціи, разумѣя подъ симъ именемъ безыскусственную прелесть, ознаменованную какимъ-нибудь нечаяннымъ, простымъ, но прекрасно-легкимъ движеніемъ, или положеніемъ, или словомъ. Остроуміе, глубокомысленность, сила, величіе и подобныя симъ совершенства въ произведеніи нисколько не даютъ еще понятія о граціи. Она нежданно является у Лафонтена, Богдановича — и мы во всей прелести видимъ ее въ разсматриваемомъ нами стихотвореніи. Пусть стихотворецъ красивѣе представитъ свою Музу, дастъ ей нарядъ драгоцѣннѣе, изберетъ мѣсто для свиданія съ нею роскошнѣе, нежели одна тѣнь дубовъ: тогда грація исчезнетъ, и мы, удивляясь его Музѣ, не будемъ столько плѣняться ею". Переходя затѣмъ къ самымъ образамъ и музыкальной сторонѣ стихотворенія, Плетневъ прибавляетъ: „Полнота звуковъ для взятой имъ мысли необыкновенная. Онъ въ 14-ти стихахъ все заключилъ, чего можетъ требовать воображеніе и чувство. Нѣтъ ни одного слова лишняго, ни одного стиха невыдержаннаго, ни одной картины недодѣланной. Нужно ли прибавлять, что гармонія стиховъ въ семъ сочиненіи составляетъ пріятнѣйшую музыку для слуха?.. Какая вѣрность въ выраженіяхъ и свѣжесть въ подборѣ эпитетовъ, какъ напр. въ стихахъ 4—7". „Наконецъ", заключаетъ Плетневъ разборъ свой, „это стихотвореніе въ русской антологіи останется отпечаткомъ первыхъ картинъ природы, которыя питали юное воображеніе поэта. Читая оное, каждый почувствуетъ, что стихотворецъ увидѣлъ въ первый разъ свою Музу не въ блестящей столицѣ, не въ шумномъ кругу свѣта, но въ мирномъ, сельскомъ уединеніи, гдѣ по его собственнымъ словамъ:

рова къ Гнѣдичу о греческомъ гекзаметрѣ (въ „Чт. въ Бесѣдѣ", кн. XIII (1823). Какъ смотрѣлъ самъ Пушкинъ на александрійскій стихъ, мы можемъ видѣть изъ VII, VIII, IX и X строфъ „Домика въ Коломнѣ" (1830).

Онъ пѣньемъ оглашалъ пріютъ забавъ и лѣни,
И царскосельскія хранительныя сѣни (Посл. къ Чаадаеву)".

Въ стих. „Муза" поэтъ возвращается къ воспоминаніямъ о своемъ отрочествѣ, олицетворяя свою музу, послѣ первыхъ къ тому попытокъ въ Городкѣ" (№ 4, ст. 247—250), въ стих.: „Къ Батюшкову" (№ 7, стрф. 2) и въ особенности [7]) въ стих. 1815 г.: „Мечтатель" (№ 8, въ строфахъ 7, 8, и 9, которыя и приводимъ здѣсь для сравненія:

Нашелъ въ глуши я мирный кровъ
И дни веду смиренно;
Дана мнѣ лира отъ боговъ,
Поэту даръ безцѣнный;
И муза вѣрная со мной:
Хвала тебѣ, богиня!
Тобою красенъ домикъ мой
И дикая пустыня.

На слабомъ утрѣ дней златыхъ
Пѣвца ты осѣнила,
Вѣнкомъ изъ миртовъ молодыхъ
Чело его покрыла,
И горнимъ свѣтомъ озарясь,
Влетѣла въ скромну келью,
И чуть дышала, преклонясь
Надъ дѣтской колыбелью.

О, будь мнѣ спутницей младой
До самыхъ вратъ могилы.
Летай съ мечтаньемъ надо мной,
Расправя легки крылы...

На сей разъ для олицетворенія послужилъ Пушкину отрывокъ идилліи А. Шенье:

Toujour ce souvenir m'attendrit et me touche,
Quand lui-même, appliquant la flûte sur ma bouche,
Riant et m'asseyant sur lui, prés de son coeur,
M'appelait son rival et déjà son vainqueur,
Il façonnait ma lèvre inhabile et peu sûre
A souffler une haleine harmonieuse et pure,
Et ses savantes mains prenaient mes jeunes doigts,
Les levaient, les baissaient, recommençaient vingt fois,
Leur enseignant ainsi, quoique faibles encore,
A fermer tour à tour les trous du bois sonore.

Счастливая мысль Пушкина замѣнить неизвѣстное лицо мужескаго пола, дѣйствующее во французскомъ образцѣ, образомъ самой музы послужила къ тому, что получилось нѣчто совсѣмъ новое: жанровая картинка урока на флейтѣ обратилась въ группу античнаго стиля, на которую у Шенье нѣтъ и намёка. Самый образъ музы у Пушкина не описанъ, но намѣченъ улыбкою и двумя движеніями; яснаго изображенія ея нѣтъ,

---

7) Не упоминаемъ о другомъ, чисто русскомъ образѣ вдохновительницы его фантазіи—мамушки въ стих. 1816 г. „Сонъ" (ст. 173—197):

Когда въ чепцѣ, въ старинномъ одѣяньѣ
Она, духовъ молитвой уклоня,
Съ усердіемъ перекреститъ меня,
И шепотомъ разсказывать мнѣ станетъ...
. . . .
Терялся я въ порывѣ сладкихъ думъ...
И въ вымыслахъ носился юный умъ...,

но, читая стихотвореніе, чувствуешь ея присутствіе. (Въ этомъ отношеніи можетъ сравниться съ этимъ пріемомъ лишь пріемъ самого же Пушкина въ вышеприведенныхъ стихахъ „Мечтателя“: „И чуть дышала, преклонясь надъ дѣтской колыбелью“. Вся техника музыкальнаго урока, описанная у Шенье (прикладываніе флейты къ его губамъ, самое складываніе его губъ, подниманіе и опусканіе его юныхъ пальцевъ разъ по двадцати, чтобъ научить послѣдовательно затыкать отверстія флейты)—у Пушкина исключена; его муза только по временамъ беретъ изъ его рукъ флейту, чтобы сыграть ему очаровательную пѣсню; онъ учится только тѣмъ, что внимаетъ прилежно ея пѣснямъ, а играетъ уже самъ слабыми перстами своими. Тогда муза слушаетъ его дѣтскіе опыты съ улыбкою: для него достаточно этой улыбки музы и слушанія ея игры, чтобы научиться искусству.—Слова Бѣлинскаго о „видимомъ слухомъ“ изваяніи еще болѣе примѣнимы къ „Музѣ“, нежели къ „Нереидѣ“, гдѣ пластичность изображенія уже споритъ съ скульптурою...

Дабы объяснить эту художественную мѣру, которая отличаетъ антологическія стихотворенія Пушкина, приведемъ здѣсь одно мѣсто изъ статьи самого Пушкина: „Мысли и замѣчанія“ въ „Сѣверн. Цвѣтахъ“ 1828 г., которое при напечатаніи издатель (бар. Дельвигъ) изъ скромности исключилъ, потому что оно касалось его самого: говоря о чутьѣ Дельвига къ изящному, которое онъ угадывалъ въ греческой поэзіи сквозь латинскія подражанія или нѣмецкія передѣлки, Пушкинъ такъ характеризуетъ это изящное: „эта роскошь, эта нѣга, эта прелесть болѣе отрицательная, чѣмъ положительная, которая не допускаетъ ничего напряженнаго въ чувствахъ; тонкаго, запутаннаго въ мысляхъ; лишняго, неестественнаго въ описаніяхъ“ (Соч. Плетн. II, 195).

Самъ Пушкинъ высказывалъ, что любитъ свое стихотвореніе „Муза“, и именно потому, что оно „отзывается стихами Батюшкова“. Чѣмъ былъ для него въ этомъ отношеніи Батюшковъ, см. во вступительной замѣткѣ къ № 60-му.

Впервые напеч. въ „Сынѣ Отеч.“ 1821, № 23.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиствольную [а] цѣвницу [1]) мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой, и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустого тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя [б] фригійскихъ [в] пастуховъ.
Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной;

а Она трествольную.—б легкія.—в веселыхъ.—г И дивно оживленъ.—д Тростникъ меня плѣнялъ (рукоп.).

1) Ср. въ стих. 1815 г. „Къ Батюшкову“:

Веселый сынъ Эрміи
Ребенка полюбилъ,
Въ дни рѣзвости златые
Мнѣ дудку подарилъ.
Но какая разница!

И радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милаго чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
Тростникъ былъ [г] оживленъ божественнымъ дыханьемъ
И сердце наполнялъ [д] святымъ очарованьемъ.

1821, февраля 14.

62. Я пережилъ свои желанья.

(1821).

Стихотвореніе это было написано по окончаніи поэмы „Кавказскій плѣнникъ“ (онъ окончилъ ее 20 февр., а стихотвореніе это написалъ 22 февр.) и въ рукописи при немъ находится помѣта: „Изъ поэмы Кавказъ“. Такой поэмы написано не было; очевидно Пушкинъ такъ сокращенно назвалъ „Кавказскаго плѣнника“. И дѣйствительно, эта піеса, имѣя стихотворный размѣръ „Кавказскаго плѣнника“, какъ бы служитъ варіацией и продолженіемъ того мѣста, гдѣ плѣнникъ говоритъ черкешенкѣ:

Безъ упованій, безъ желаній
Я вяну жертвою страстей.
(К. П. II, 54 и 55 ст.)

Стихотвореніе осталось отдѣльнымъ произведеніемъ лирическихъ, вполнѣ законченнымъ. Выражаетъ оно чувство разочарованности. Какъ и чувства героя поэмы, навѣянной чтеніемъ Байрона (см. вступ. зам. къ „Кавк. плѣннику“), оно не носитъ печати произведенія, прочувствованнаго глубоко, но имѣетъ несомнѣнную связь съ тѣмъ чувствомъ недовольства своею прошлою жизнью, которое Пушкинъ выражаетъ неоднократно въ своихъ стихотвореніяхъ различныхъ годовъ (см. №№ 43, 45, 46 и 49).

Бѣлинскій (1844) относитъ его къ числу піесъ „переходныхъ“. „Изъ нихъ“, пишетъ онъ,—„лучшія тѣ, въ которыхъ болѣе или менѣе проглядываетъ чувство грусти... При немъ и незначительныя піесы получаютъ значеніе. Такъ, напр., піеска „Я пережилъ мои желанья“, какъ ни слаба она, невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе читателя своимъ послѣднимъ куплетомъ“ (т.-е. 3-ю строфою).

Напеч. впервые въ „Новостяхъ Литературы“ 1823, № 48, съ заглавіемъ „Элегія“; въ изд. 1826 г. исправлена такъ, какъ печатается здѣсь.

---

1 Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты!
Остались мнѣ одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

2 Подъ бурями судьбы жестокой [а]
Увялъ цвѣтущій мой вѣнецъ [б]!
Живу печальный, одинокій [в],
И жду: придетъ ли мой конецъ?

[а] Безмолвно жребію послушный.—[б] Влачу страдальческій вѣнецъ.—[в] равнодушный (рукоп. и 1823).

Такъ позднимъ хладомъ пораженный,
Какъ бури слышенъ зимній свистъ,
Одинъ на вѣткѣ обнаженной
Трепещетъ запоздалый листъ.

Каменка. 22 февраля.

---

63. Посвященіе къ „Кавказскому плѣннику".

(НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ РАЕВСКОМУ).

(1821).

Посвященіе это обращено къ Н. Н. Раевскому, младшему сыну генерала отъ кавалеріи Н. Н. Раевскаго (1771—1829), тогда командовавшему 4-мъ корпусомъ первой арміи, главная квартира котораго была въ Кіевѣ. Сыновья его, старшій Александръ, — въ то время 25-лѣтній, отставной полковникъ, на Кавказѣ лѣчившійся отъ раны, а до того бывшій во Франціи адъютантомъ гр. Воронцова и въ 1818 г. жившій на Кавказѣ въ одной палаткѣ съ Ермоловымъ, — и младшій, Николай, 19-лѣтній ротмистръ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, находившійся въ отпуску, занимали важное мѣсто въ жизни Пушкина въ ту эпоху. „Старшій сынъ его", писалъ Пушкинъ брату Льву 24 сент. 1820 г., „будетъ болѣе, нежели извѣстенъ. Всѣ дочери — прелесть; старшая (Екатерина Ник.) — женщина необыкновенная. Суди, былъ ли я счастливъ". Мать этого образованнаго семейства — Софья Алексѣевна (урожденная Константинова) была внучка Ломоносова. Общество молодыхъ Раевскихъ способствовало усовершенствованію Пушкина въ англійскомъ языкѣ [1]), что имѣло значеніе для литературной дѣятельности поэта, на югѣ читавшаго Байрона въ оригиналѣ. Съ младшимъ братомъ, Николаемъ, Пушкинъ былъ болѣе друженъ и считалъ себя ему обязаннымъ за какую-то важную услугу; они познакомились еще въ Петербургѣ. Этотъ юноша страстно любилъ литературу, музыку, живопись, и самъ писалъ стихи. На обратномъ пути съ Кавказа онъ какъ-то повредилъ себѣ ногу, и это было поводомъ остановки путешественниковъ въ Гурзуфѣ, гдѣ тотъ же Раевскій познакомилъ Пушкина съ поэзіею А. Шенье.

Но и самъ генералъ Раевскій былъ важенъ для Пушкина, какъ просвѣщенный собесѣдникъ, хранившій множество славныхъ воспоминаній изъ своей жизни. „Свидѣтель екатерининскаго вѣка, памятникъ 12 года, чело-

[1]) Я. К. Гротъ, лично бесѣдовавшій съ Екатериною Николаевною, сообщаетъ („Первенцы Лицея", стр. 373). „Катерина Николаевна рѣшительно отвергаетъ недавно напечатанное показаніе, будто Пушкинъ учился тамъ подъ ея руководствомъ англійскому языку. Ей было въ то время 23 года, а Пушкину 21, и одинъ этотъ возрастъ, по тогдашнимъ строгимъ понятіямъ о приличіи, могъ служить достаточнымъ препятствіемъ къ такому сближенію. По ея словамъ, все дѣло могло состоять развѣ только въ томъ, что Пушкинъ *съ помощью Н. Н. Раевскаго* въ Юрзуфѣ началъ читать Байрона, и что когда они не понимали какого-нибудь слова, то, не имѣя лексикона, посылали наверхъ къ Катеринѣ Ник. за справкой".—Кромѣ того англичанка миссъ Метенъ, находившаяся при двухъ младшихъ дочеряхъ Раевскаго (Софьѣ 14 л. и малолѣтней Марьѣ) могла оказывать помощь живымъ знаніемъ родного языка.

вѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества"—такъ характеризуетъ Пушкинъ генерала Раевскаго въ томъ же письмѣ къ брату.

Внукъ кн. Потемкина Таврическаго, подъ руководствомъ котораго и началъ съ 17-лѣтняго возраста походную жизнь въ легко-конномъ гетманскомъ полку въ степяхъ съ казаками, Раевскій затѣмъ слѣдуетъ за осадою въ траншеяхъ Очакова, проходитъ службу въ Польшѣ и на Кавказѣ и наконецъ прославляется во время борьбы Россіи съ Наполеономъ въ Пруссіи подъ начальствомъ кн. Багратіона. При Фридландѣ онъ открылъ бой. Въ 1812 г. онъ выдерживаетъ сильный бой съ Даву и атакуетъ его съ тыла подъ Дашковкою, содѣйствуя соединенію двухъ нашихъ армій; спасаетъ армію подъ Смоленскомъ, затѣмъ защищаетъ центральный редутъ при Бородинѣ съ рекрутами противъ старыхъ солдатъ Нея, первый поспѣваетъ на помощъ 6-му корпусу въ Маломъ Ярославцѣ; подъ Краснымъ выдерживаетъ въ авангардѣ послѣднее отчаянное нападеніе Нея и беретъ въ плѣнъ остатки его корпуса. Выдержавъ нервную горячку, онъ является въ 1813 г. въ рядахъ Барклая-де-Толли; подъ Дрезденомъ выдерживаетъ жестокое сраженіе; появленіе его останавливаетъ непріятеля подъ Кульмомъ, и онъ атакуетъ Вандама; подъ Лейпцигомъ онъ занимаетъ часть центра нашей линіи и въ роковую минуту боя спасаетъ поколебавшійся центръ, при чемъ раненъ въ правое плечо. Когда поэтъ Батюшковъ, адъютантъ его (см. стр. 10) подскочилъ къ нему при этомъ на помощь, то, приложивъ лѣвую руку къ ранѣ и показывая ее обагренную кровью, Раевскій съ покойной улыбкою отвѣчаетъ Батюшкову стихами:

Je n'ai plus rien du sang qui m'a donné la vie;
Ce sang s'est épuisé, versé pour la patrie...

Къ счастію, пуля ударомъ пробивъ шинель на клеенкѣ, не пробила ваточной фуфайки; тѣмъ не менѣе рана была значительна, и кровь безпрестанно струилась. На другой день онъ былъ снова на конѣ. Оправившись отъ раны, Раевскій нагоняетъ армію въ Фрейбругѣ близъ Рейна; затѣмъ, командуя арміей раненаго гр. Витгенштейна, онъ начинаетъ рѣшительное движеніе на Парижъ; послѣ кровопролитной битвы подъ Арси съ арміей Наполеона, онъ входитъ въ столицу Франціи на пятахъ непріятеля и преслѣдуетъ его на Витри, потомъ атакуетъ корпуса Мармона и Мортье, и является первый въ виду Парижа. Въ послѣднемъ бою, рѣшившемъ участь Наполеона, Раевскій ведетъ атаку на Роменвиль и Бельвю, вытѣсняетъ французовъ изъ всѣхъ передовыхъ позицій, и потомъ быстрымъ натискомъ занимаетъ высоты, господствующія надъ всѣми входами въ Парижъ. Такимъ образомъ Раевскому пришлось нанести Наполеону первый ударъ при Дашковкѣ и послѣдній — подъ Парижемъ. Надгробная на могилѣ его надпись прекрасно выразила значеніе этого воина:

Онъ былъ—въ Смоленскѣ щитъ,
Въ Парижѣ—мечъ Россіи.

Легко себѣ представить, какъ увлекательны должны были быть бесѣды этой героической личности для Пушкина.

Младшій сынъ этого „героя“ (ст. 33), „младенецъ избранный“ (ст. 35) Николай еще былъ десятилѣтнимъ ребенкомъ, когда отецъ, вмѣстѣ съ 16-лѣтнимъ старшимъ сыномъ Александромъ, велъ его за руку противъ непріятельскихъ рядовъ подъ Дашковкой; принимая катившіяся ядра за мячи, онъ горько плакалъ, когда его отнесли на рукахъ подалѣе отъ опасности.

Это-то почтенное семейство извлекло больного Пушкина изъ екатеринославскаго одиночества и доставило ему столько благотворныхъ минутъ на Кавказѣ и въ Крыму. Чувство благодарности и истинной дружбы побудило поэта посвятить кавказскую поэму своему спутнику въ странѣ, гдѣ онъ „дѣлилъ съ нимъ молодыя впечатлѣнья“. Основной тонъ стихотворенія — элегическій. Противоположеніе своего прошлаго (и настоящаго) прошлому Николая Раевскаго въ концѣ „Посвященія“ разрѣшается чувствомъ бодрой надежды на лучшіе дни и утѣшеніемъ, которое находитъ поэтъ „въ счастіи друзей“, что и эту элегію сближаетъ съ указанными во вступительной замѣткѣ къ № 16-му.

Напечатано впервые при 1-мъ изд. „Кавк. плѣнника“ 1822 г. съ отмѣнами; текстъ возстановленъ г. Ефремовымъ по письму къ В. П. Горчакову, гдѣ было помѣщено это посвященіе Пушкинымъ.

Прими съ улыбкою, мой другъ,
Свободной музы приношенье:
Тебѣ я посвятилъ изгнанной [а] лиры пѣнье
И вдохновенный свой досугъ.
Когда я погибалъ безвинный, безотрадный,
И шопотъ клеветы внималъ со всѣхъ сторонъ,
Когда кинжалъ измѣны хладный,
Когда любви тяжелый сонъ
Меня терзали и мертвили [б]—
Я близъ тебя [в] еще спокойство находилъ,
Я сердцемъ отдыхалъ: другъ друга мы любили,
И бури надо мной свирѣпость утомили—
Я въ мирной пристани боговъ благословилъ...
Во дни печальные разлуки
Мои задумчивые звуки
Напоминали мнѣ Кавказъ,
Гдѣ пасмурный Бешту [1]), пустынникъ величавый,
Ауловъ [2]) и полей властитель пятиглавый,
Былъ новый для меня Парнасъ.
Забуду ли кремнистыя вершины,

[а] пустынной (1822).—[б] Стиховъ 5—8 не было вовсе, а 9-й: Когда мнѣ бѣдствія грозили.—[в] при тебѣ.

1) Бешту, или правильнѣе Бештау, кавказская гора въ 40 верстахъ отъ Георгіевска. Извѣстна въ нашей исторіи (*Прим. Пушкина*).—2) Аулъ. Такъ называются деревни кавказскихъ народовъ (*Прим. Пушкина*).

Гремучіе ключи, увядшія равнины,
Пустыни знойныя, края, гдѣ ты со мной
Дѣлилъ души младыя впечатлѣнья,
Гдѣ рыскаетъ въ горахъ воинственный разбой,
И дикій геній вдохновенья
Таится въ тишинѣ глухой!
Ты здѣсь найдешь воспоминанья,
Быть можетъ, милыхъ сердцу дней,
Противорѣчія страстей,
Мечты знакомыя, знакомыя страданья
И тайный гласъ души моей.
Мы въ жизни розно шли: въ объятіяхъ покоя
Едва-едва расцвѣлъ, и вслѣдъ отца-героя,
Въ поля кровавыя, подъ тучи вражьихъ стрѣлъ,
Младенецъ избранный, ты гордо полетѣлъ;
Отечество тебя ласкало съ умиленьемъ,
Какъ жертву милую, надежды вѣрный цвѣтъ.
Я рано скорбь узналъ, постигнутъ былъ гоненьемъ [г],
Я жертва клеветы и мстительныхъ невѣждъ [д];
Но сердце укрѣпивъ свободой и терпѣньемъ [е],
Я ждалъ безпечно лучшихъ дней,
И счастіе моихъ друзей
Мнѣ было сладкимъ утѣшеньемъ.

---

64 Панерсница волшебной старины.

(1821).

Въ этомъ стихотвореніи поэтъ снова возвращается къ своей музѣ, которую олицетворялъ еще въ лицейскихъ опытахъ (см. вступ. зам. къ № 7) и въ превосходномъ антологическомъ стихотвореніи (№ 61). На этотъ разъ муза является въ двоякомъ образѣ.

Первый изъ нихъ — дорогая его памяти бабушка Марья Алексѣевна (дочь тамбовскаго воеводы Алексѣя Ѳедоровича Пушкина, мать матери поэта, Надежды Осиповны). Эта женщина въ дѣтствѣ поэта занимала важное мѣсто. Покинутая мужемъ, получила она, по повелѣнію Имп. Екатерины, для воспитанія единственной дочери своей Надежды Осиповны, деревню Кобрино (см. стр. 36); подъ попечительствомъ Марьи Алексѣевны и воспитывалась Надежда Осиповна, была выдана ею замужъ за Сергѣя Львовича, ея внучатнаго дядю, и послѣ рожденія внучатъ (Ольги и Александра), продавъ Кобрино, купила с. Захарово, а зимою жила у дочери и зятя въ Москвѣ, нанимая для своей прислуги квартиру подлѣ дома, ими занимаемаго. Послѣ кончины Осипа Абрамовича въ 1807 г., она

[г] узналъ людей и свѣтъ. — [д] Стиха 39 не было. — [е] Но сердце укрѣпивъ терпѣньемъ.

получила въ наслѣдство с. Михайловское [1]), гдѣ скончалась въ 1818 г. и похоронена (едва ли не самимъ поэтомъ во время перваго пріѣзда послѣ Лицея) подлѣ мужа въ Святогорскомъ монастырѣ, гдѣ впослѣдствіи, за годъ до своей смерти, Пушкинъ опустилъ въ землю и свою мать подлѣ отца, и тогда же купилъ мѣсто для своей могилы, которая черезъ годъ и приняла его.

Марья Алексѣевна Ганнибалъ была первою воспитательницею поэта. У нея учился онъ читать и писать по-русски. По семейнымъ преданіямъ, малымъ ребенкомъ залѣзалъ онъ въ ея рабочую корзину, смотрѣлъ, какъ она занималась рукодѣльемъ, слушалъ ея разсказы про старину. Отъ нея, безъ сомнѣнія, осталось въ памяти Пушкина много семейныхъ преданій. Марья Алексѣевна писала отлично по-русски; русскимъ слогомъ ея писемъ восхищались многіе, между прочимъ Дельвигъ [2]). Съ нею только (да съ законоучителемъ, священникомъ А. И. Бѣликовымъ) дѣти разговаривали по-русски, что получаетъ особенную важность въ первоначальномъ воспитаніи поэта, обставленномъ гувернерами иностранцами [3]). Она въ дѣйствительности была для него „наперсницею волшебной старины“ — и онъ въ правѣ былъ олицетворить свою музу въ ея привлекательномъ образѣ, съ чего стихотвореніе и начинается (ст. 1—16).

Едва уловимый изящный переходъ отъ этого портрета бабушки къ другому, юному образу музы (19 — 26), сливаетъ оба милыя представленія, изъ которыхъ одно фантастически превращается въ другое.

Напечатано впервые въ изд. 1855 г.

Наперсница волшебной старины,
Другъ вымысловъ игривыхъ и печальныхъ —
Тебя я зналъ во дни моей весны,
Во дни утѣхъ и сновъ первоначальныхъ!
Я ждалъ тебя. Въ вечерней тишинѣ
Являлась ты веселою старушкой,
И надо мной сидѣла въ шушунѣ,
Въ большихъ очкахъ и съ рѣзвою гремушкой.
Ты, дѣтскую качая колыбель [4]),
Мой юный слухъ напѣвами плѣнила,
И межъ пеленъ оставила свирѣль,
Которую сама заворожила!
Младенчество прошло какъ легкій сонъ;
Ты отрока безпечнаго любила —
Средь важныхъ музъ тебя лишь помнилъ онъ,
И ты его тихонько посѣтила.
Но тотъ ли былъ твой образъ, твой уборъ?

---

[1]) См. „Для біогр. Пушкина“, замѣтку Александра Юрьевича Пушкина (племянника Марьи Александровны) въ Москвитянинѣ 1750г.— [2]) См. Бартенева: „Родъ и дѣтство П.“ въ О. З. 1853, № 11. — [3]) Гр. Монфоръ, Русло, Шедель...

[4]) Отзвукъ стиха Батюшкова:
Ты былъ младенцемъ и тебя
Лелѣялъ весь Парнасъ, и *Музы гимны пѣли*,
Качая колыбель усердною рукой.
(В. Л. Пушкину, 1817).

Какъ мило ты, какъ быстро измѣнилась!
Какимъ огнемъ улыбка оживилась!
Какимъ огнемъ блеснулъ привѣтный взоръ!
Покровъ, клубясь волною непослушной,
Чуть осѣнялъ твой станъ полувоздушный;
Вся въ локонахъ, обвитая вѣнкомъ,
Прелестная глава благоухала;
Грудь бѣлая подъ желтымъ жемчугомъ
Румянилась и тихо трепетала...

---

65. Сѣтованіе.

(Д. В. ДАВЫДОВУ).

(1821).

Въ 1821 году вышла книжка „Опытъ теоріи партизанскихъ дѣйствій“ Дениса Вас. Давыдова. Съ этимъ поэтомъ-партизаномъ Пушкинъ могъ лично познакомиться еще въ Царскомъ Селѣ, въ обществѣ лейбъ-гусаровъ, а потомъ встрѣчаться у его родственниковъ Давыдовыхъ въ Кіевѣ и Каменкѣ [1]); что же касается до знакомства съ его поэтическими произведеніями, то, по словамъ самого Пушкина, онъ старался въ молодости подражать Д. Давыдову „въ крученіи стиха“ [2]); и въ посланіи своемъ Пушкинъ пишетъ:

„Узналъ я рѣзкія черты
Неподражаемаго слога“.

Воспитанные, во время Наполеоновскихъ войнъ, подъ вліяніемъ героическаго разгула, представители этой эпохи, друзья юности Пушкина, щеголяли воинскимъ удальствомъ. И Пушкинъ дорожилъ всегда послѣдними поэтическими отголосками беззавѣтнаго удальства въ стихахъ Д. Давыдова (см. посланіе его къ Давыдову при посылкѣ „Исторіи Пугачевскаго бунта“ 1836) [3]).

„Сѣтованіе“ вызвано прочтеніемъ прозаическаго „Опыта“ Давыдова, названнаго здѣсь „Уставомъ наѣздника“. Эту книжку Пушкинъ прочелъ потому, что вообще цѣнилъ талантъ Давыдова, и потому, что военное дѣло не совсѣмъ было чуждо ему, проводившему время въ офицерской средѣ и прежде, и въ Кишиневѣ [4]).

Впервые напечатано въ изд. 1838 г. Опущенный стихъ 8-й не возстановленъ и сыномъ Д. Давыдова въ изданіи сочиненій отца, гдѣ помѣщено это посланіе Пушкина.

Недавно я, въ часы свободы,
Уставъ Наѣздника читалъ,
И даже ясно понималъ

---

1) См. Бартенева: „П. на югѣ“, 67.
2) См. „Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго Архива“, II, 71.—3) Ibid.—
4) „Пушк. на югѣ“, 67.

Его искусные доводы;
Узналъ я рѣзкія черты
Неподражаемаго слога,
И перевертывалъ листы
. . . .
И думалъ: вѣтреный пѣвецъ!
Перебѣсилась наконецъ
Твоя проказливая лира;
И сердцемъ охладѣвъ навѣкъ,
Ты видно сталъ въ угоду міра
Благоразумный человѣкъ!
О горе! молвилъ я сквозь слезы,
Кто далъ Давыдову совѣтъ
Оставить лавръ, оставить розы!
Какъ могъ унизиться до прозы
Вѣнчанный музою поэтъ,
Презрѣвъ и славу прежнихъ лѣтъ,
И тѣни Бурцова [5]) угрозы?

---

66. Чаадаеву.

(1821).

Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ (1793 [1]) или 1796 [2]) — 1856), внукъ по матери извѣстнаго историка М. М. Щербатова, получилъ у тетки, княжны А. М. Щербатовой, блестящее воспитаніе направленія не національнаго; слушалъ нѣсколько времени лекціи въ Московскомъ университетѣ, затѣмъ служилъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку, подпрапорщикомъ участвовалъ въ Бородинской битвѣ, подъ Кульмомъ получилъ желѣзный крестъ, вступилъ съ войсками въ Парижъ, гдѣ перешелъ въ Ахтырскій гусарскій полкъ, а впослѣдствіи — въ лейбъ-гусары и состоялъ адъютантомъ при командирѣ гвардейскаго корпуса кн. И. В.—Васильчиковѣ до 1821 года, когда внезапно вышелъ въ отставку ротмистромъ; затѣмъ путешествовалъ пять лѣтъ по Европѣ, гдѣ познакомился со многоми знаменитостями ученаго и литературнаго міра (между прочимъ съ Шелингомъ). Во время коронаціи И. Николая I въ 1826 г. Чаадаевъ возвратился въ Москву, гдѣ и прожилъ остальные годы, пользуясь уваженіемъ общества и, будучи любознательнымъ диллетантомъ, занимался теологіей, философіей и исторіей.

Стоя съ лейбъ-гусарскимъ полкомъ въ Царскомъ Селѣ, Чаадаевъ познакомился съ Пушкинымъ, тогда еще лицеистомъ. Обладая природнымъ умомъ и мѣткостію критической оцѣнки, Чаадаевъ отличался умѣніемъ внушительно дѣйствовать на образованую молодежь и даже на кругъ литераторовъ и художниковъ, въ которомъ вращался, самъ не сдѣлавши ни-

---

[5]) Намекъ на стих. Давыдова Бурцеву: Бурцевъ! ёра, Забіяка!.

[1]) По Лонгинову (Р. А. 1863, 270).—
[2]) По Жихареву (В. Е. 1871, іюль).

чего ни для литературы, ни для искусства. Вывезши, какъ и многіе изъ его современниковъ, изъ-за границы вольнолюбивыя мечты, онъ развивалъ ихъ среди молодого поколѣнія въ русскомъ обществѣ, и не столько изъ любви къ своему отечеству, сколько изъ притязанія слыть умомъ оригинальнымъ и независимымъ, вдохновительно дѣйствовалъ на другихъ и слылъ глубокимъ мыслителемъ. Его единственное въ русской литературѣ сочиненіе уже 1831-го года—первое изъ 3-хъ „Философическихъ писемъ“ (обращенныхъ къ г-жѣ Пановой, урожденной Улыбышевой), написано по-французски и помѣщено въ переводѣ Кетчера въ „Телескопѣ“ Надеждина 1836 г. № 15 (послѣ чего журналъ былъ закрытъ). Оно вызвало справедливое возраженіе Пушкина, откликнувшагося на эту статью Чаадаева, гдѣ онъ свысока отзывался объ „историческомъ ничтожествѣ“ Россіи, письмомъ къ нему 19 окт. 1836 года.

Несомнѣнно вліяніе на юнаго Пушкина этого мыслящаго человѣка, на сторонѣ котораго была и большая образованность, и болѣе зрѣлый возрастъ [1]. Пушкинъ къ нему обращается и теперь (6 апрѣля 1821 г.) съ исповѣдью о томъ душевномъ просвѣтлѣніи, которое озаряло его въ спасительномъ уединеніи, въ часы, посвящаемые самообразованію. Посланіе согрѣто искреннимъ чувствомъ благодарности къ человѣку, бывшему „цѣлителемъ его душевныхъ силъ“ въ ту пору мятежной юности, которая заставляла поэта такъ часто раскаиваться впослѣдствіи, и приписываетъ ему спасеніе въ себѣ чувствъ, оживленіе своей души совѣтами и укорами, утверждавшими ее противъ голоса недоброжелателей. Пушкину тягостна разлука съ этимъ „безстрастнымъ мудрецомъ“, а иногда мечтателемъ“.

Бѣлинскій (1844) относитъ это стихотвореніе къ числу тѣхъ, которыя въ противоположность „переходнымъ“, называетъ „чисто-пушкинскими“.

По замѣчанію г. Анненкова (1855), стихотвореніе это свидѣтельствуетъ, какъ быстро росъ поэтическій геній Пушкина; по твердости кисти, по мѣткости эпитетовъ и по простотѣ поэтическаго языка оно есть первообразъ знаменитаго посланія „Вельможѣ“ (1830).

Впервые напечатано въ „Сынѣ Отеч.“ 1821, № 35; въ изданіи 1826 года. Пушкинъ опустилъ 6 стиховъ (55—60), касавшихся личности [2].

---

[1]) Еще въ 1817 году онъ вызвалъ со стороны Пушкина „Надпись къ портрету Чаадаева“:

Всевышней волею небесъ
Окованный на службѣ царской—
Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, *въ Аѳинахъ Periклесъ*,
У насъ онъ офицеръ гусарскій.

Въ посланіи въ 1818 г. къ тому же Чаадаеву обращается Пушкинъ, между прочимъ съ такими словами:

Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души высокіе порывы...

Въ 1820 г. съ береговъ Тавриды Пушкинъ еще разъ обратился къ Чаадаеву съ посланіемъ:

Къ чему холодныя сомнѣнья?
Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ,
Гдѣ крови жаждущимъ богамъ
Дымились жертвоприношенья;
Здѣсь успокоена была
Вражда свирѣпой Эвмениды:
Здѣсь провозвѣстница Тавриды
На брата руку занесла!
На сихъ развалинахъ свершилось
Святое дружбы торжество,
И душъ великихъ божество
Своимъ созданьемъ возгордилось и т. д.

[2]) См. примѣч. къ стиху 54.

Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ,
Гдѣ прахъ Овидіевъ пустынный мой сосѣдъ,
Гдѣ слава для меня предметъ заботы малой,
Тебя недостаетъ душѣ моей усталой.
Врагу стѣснительныхъ условій и оковъ,
Не трудно было мнѣ отвыкнуть отъ пировъ,
Гдѣ праздный умъ блеститъ, тогда какъ сердце дремлетъ,
И правду пылкую приличій хладъ объемлетъ.
Оставя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ;
Вздохнувъ, оставилъ я другія заблужденья,
Враговъ моихъ предалъ проклятію забвенья,
И сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну,
Для сердца новую вкушаю тишину.
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышленій.
Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы,
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.
Богиня мира, вновь явились музы мнѣ [3])
И независимымъ досугамъ улыбнулись;
Цѣвницы брошенной уста мои коснулись;
Старинный звукъ меня обрадовалъ—и вновь
Пою мои мечты, природу и любовь,
И дружбу вѣрную, и милые предметы,
Плѣнявшіе меня въ младенческія лѣты,
Въ тѣ дни, когда еще незнаемый никѣмъ,
Не зная ни заботъ, ни цѣли, ни системъ [4]),
Я пѣньемъ оглашалъ пріютъ забавъ и лѣни
И царскосельскія хранительныя сѣни.
Но дружбы нѣтъ со мной: печальный вижу я
Лазурь чужихъ небесъ, полдневные края;
Ничто не замѣнитъ единственнаго друга:
Ни музы, ни труды, ни радости досуга.
Ты былъ цѣлителемъ моихъ душевныхъ силъ;
О, неизмѣнный другъ, тебѣ я посвятилъ
И краткій вѣкъ [5]), уже испытанный судьбою,

---

[3]) Пушкинъ конечно разумѣетъ здѣсь рядъ своихъ произведеній 1819, 1820 и 1821 годовъ послѣ 1818 года, замѣчательнаго малымъ числомъ ихъ.—[4]) Здѣсь слышенъ отголосокъ бесѣдъ съ Чаадаевымъ, въ которыхъ онъ юнымъ слушателямъ указывалъ *цѣли* жизни и развивалъ свои *системы*, увлекавшія ихъ умъ. [5]) Это мѣсто съ особенною ясностію указываетъ на то, что въ посланіи усилено значеніе Чаадаева для Пушкина. Неудержимымъ потокомъ льется здѣсь чувство благодарности другу; изъ своего далекаго уголка, гдѣ обратился поэтъ къ занятіямъ, въ которыхъ интересы его во многомъ сливались съ интерссами, занимавшими умъ Чаадаева, со всею страстію неудовлетвореннаго чувства дружбы онъ изливается своему отсутствующему „единственному другу“. По

И чувства, можетъ быть, спасенныя тобою!
Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней;
Ты видѣлъ, какъ потомъ въ волненіи страстей
Я тайно изнывалъ, страдалецъ утомленный;
Въ минуту гибели надъ бездной потаенной
Ты поддержалъ меня недремлющей рукой [6]);
Ты другу замѣнилъ надежду и покой;
Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
Ты оживлялъ ее совѣтомъ иль укоромъ;
Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь;
Терпѣнье смѣлое во мнѣ рождалось вновь;
Ужъ голосъ клеветы не могъ меня обидѣть:
Умѣлъ я презирать, умѣя ненавидѣть.
Что нужды было мнѣ въ торжественномъ судѣ
Холопа знатнаго, невѣжды при звѣздѣ [7])?

. . . .

Мнѣ ль было сѣтовать о толкахъ шалуновъ,
О лепетаньи дамъ, зоиловъ и глупцовъ,
И сплетней разбирать игривую затѣю [8]),
Когда гордиться могъ я дружбою твоею?

силѣ лирическаго возбужденія, не умѣряемаго и художественною формою, это стихотвореніе можетъ быть поставлено на ряду съ элегіей „Опять я вашъ, о юные друзья" (1816).—[6]) См. стр. 75.—[7]) Слѣдующіе 6 стиховъ касались личности гр. Ѳ. И. Толстого, извѣстнаго въ свое время въ обществѣ подъ именемъ „американца". Этотъ Толстой, съ которымъ у Пушкина произошла впослѣдствіи ссора, чуть не дошедшая до дуэли по нескромности кн. Шаховскаго (какъ объясняетъ это самъ Пушкинъ въ письмѣ къ брату (отъ 6 окт. 1822 г.), вызвалъ и со стороны Грибоѣдова подобную же Пушкинской хатактеристику въ извѣстныхъ стихахъ „Горя отъ ума" конечно, приправленныхъ складомъ Репетилова, въ уста котораго она вложена:

Но голова у насъ, какой въ Россіи нѣту...
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойникъ, дуэлистъ,
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ,
И крѣпко на руку не чистъ:
Да умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ!..
Когда жъ о честности высокой говоритъ,
Какимъ то демономъ внушаемъ:
Глаза въ крови, лицо горитъ;
Самъ плачетъ—и мы всѣ рыдаемъ...

Вотъ стихи 55—60 въ посланіи Пушкина:

Или философа, который въ прежни лѣта
Развратомъ изумилъ четыре части свѣта,
Но просвѣтивъ себя, загладилъ свой позоръ,
Отвыкнулъ отъ вина и сталъ картежный воръ?
Ораторъ Лужниковъ (Каченовскій), никѣмъ не замѣчаемъ
Мнѣ мало досаждалъ своимъ невиннымъ лаемъ.

Въ „Сынѣ Отеч." въ стихѣ 55 было напечатано „Глупца философа". Пушкинъ въ письмѣ отъ 21 сент. 1821 къ Н. И. Гречу выражаетъ недовольство этой перемѣной, сдѣланной цензоромъ: „Зачѣмъ „Глупца"? Стихи относятся къ американцу Толстому, который вовсе не глупецъ".—[8]) Стихъ этотъ по недоразумѣнію принялъ на свой счетъ П. А. Катенинъ, извѣстный переводчикъ Расина и авторъ комедіи „Сплетни" (подраженіе Грессетовой комедіи: Le méchant, Спб. 1821). Въ Петербургѣ почему-то въ нѣкоторыхъ словахъ героя этой комедіи (Зельскаго) видѣли намекъ на отсутствующаго Пушкина. Катенинъ же принялъ на свой счетъ 62 стихъ „Посланія къ Чаадаеву. „Ума не приложу", писалъ ему Пушкимъ, „какъ ты могъ взять на свой счетъ стихъ... Это

Благодарю боговъ: прошелъ я мрачный путь;
Печали раннія мою тѣснили грудь:
Къ печалямъ я привыкъ, расчелся я судьбою,
И жизнь перенесу стоической душою.
Одно желаніе: останься ты со мной!
Небесъ я не томилъ молитвою другой.
О, скоро ли, мой другъ, настанетъ срокъ разлуки?
Когда соединимъ слова любви и руки?
Когда услышу я сердечный твой привѣтъ?
Какъ обниму тебя! Увижу кабинетъ,
Гдѣ ты всегда мудрецъ, а иногда мечтатель,
И вѣтреной толпы безстрастный наблюдатель:
Приду, приду я вновь, мой милый домосѣдъ,
Съ тобою вспоминать бесѣды прежнихъ лѣтъ,
Младые вечера, пророческіе споры,
Знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры;
Посмотримъ, перечтемъ, посудимъ, побранимъ,
Вольнолюбивыя [9]) надежды оживимъ,
И счастливъ буду я; но только, ради Бога,
Гони ты Шеппинга [10]) отъ нашего порога.

---

67. Къ моей чернильницѣ.

(1821).

Стихотвореніе это, написанное 11 апрѣля, слѣдовательно почти одновременно съ посланіемъ Чаадаеву (№ 66), теплымъ воспоминаніемъ о которомъ въ ст. 86—103 (и легкимъ урокомъ которому въ ст. 100 и 101) оно и оканчивается, живо переноситъ насъ въ кишиневскій домикъ Инзова („скромную хату“) въ тѣ минуты, которыя Пушкинъ посвящалъ творчеству. Въ нихъ онъ обозрѣваетъ всю свою поэтическую дѣятельность (ст. 45—61), при чемъ особенное вниманіе обращаетъ на себя характеристика сатирическихъ стихотвореній (ст. 49—61). Стихотвореніе передаетъ намъ нѣсколько подробностей о самомъ ходѣ его творчества, какъ это онъ дѣлалъ неоднократно (ср. напр. стих. „Осень“, 1830). Стихи 68—87 заключаютъ оправданіе передъ друзьями въ долгомъ молчаніи. По замѣчанію г. Бартенева (1861), „нельзя не

простительно всякому другому. а не тебѣ. Развѣ ты не знаешь несчастныхъ сплетней, коихъ былъ я жертвою, и не твоей ли дружбѣ (по крайней мѣрѣ такъ понималъ я тебя) обязанъ я первымъ извѣстіемъ объ нихъ?.. Надѣюсь, моя радость, что все это минутная туча, и что ты любишь меня. Итакъ оставимъ сплетни и поговоримъ о другомъ...“— [9]) По замѣчанію Пушкина (въ томъ же письмѣ Гречу), „это слово хорошо выражаетъ нынѣшнее liberal; оно прямо русское, и вѣрно почтенный А. С. Шишковъ дастъ ему право гражданства въ своемъ словарѣ“. — [10]) Шеппингъ — тотъ самый, что упомянутъ въ ст. 20 посл. къ кн. А. М. Горчакову (1816). Вообще воспоминаніе петербургскаго общества въ посланіи Чаадаеву имѣетъ сходство съ сатирическимъ его очеркомъ въ этомъ посланіи къ кн. Горчакову.

обратить вниманія на чрезвычайную силу сознанія, которая проявляется у Пушкина въ самыхъ мелочахъ. Кто читалъ внимательно его письма къ близкимъ людямъ, тотъ вѣрно замѣтитъ, что въ 3-хъ стихахъ (85—87) схваченъ характеръ его дружеской переписки“ [1]).

Въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ въ послѣдній разъ возвращается къ давнишней формѣ своихъ дружескихъ посланій, усвоенной у Батюшкова (см. № 1 и 3).

Впервые напечатано въ изд. 1838 г.

Подруга думы праздной,
Чернильница моя!
Мой вѣкъ однообразный
Тобой украсилъ я.
Какъ часто другъ веселья
Съ тобою забывалъ
Условный часъ похмелья
И праздничный бокалъ!
Подъ сѣнью хаты скромной
Въ часы печали томной,
Была ты предо мной
Съ лампадой и мечтой.
Въ минуту вдохновенья
Къ тебѣ я прибѣгалъ,
И музу призывалъ
На пиръ воображенья.
Прозрачный легкій дымъ
Носился надъ тобою,
И съ трепетымъ живымъ
Въ немъ быстрой чередою
. . . . [2])
Сокровища мои
На днѣ твоемъ таятся.
Тебя я посвятилъ
Занятіямъ досуга,
И съ лѣнью примирилъ:
Она твоя подруга!
Съ тобой успѣхъ узналъ
Отшельникъ неизвѣстный...
Завѣтный твой кристаллъ
Хранитъ огонь небесный;
И подъ вечеръ, когда
Перо по книжкѣ бродитъ,
Безъ всякаго труда
Оно въ тебѣ находитъ
Концы моихъ стиховъ
И вѣрность выраженья,
То звуковъ или словъ
Нежданное стеченье,
То ѣдкой шутки соль,
То (тутъ же) слогъ суровый,
То странность риомы новой,
Неслыханной дотоль.
Любовница свободы,
Ты съ нею заодно
Прославила вино
И прелести природы,
Ты смѣху обрекла
Пустыхъ любимцевъ моды
И рѣчи и дѣла.
Съ глупцовъ сорвавъ одежду,
Я весело клеймилъ
Зоила и невѣжду
Пятномъ твоихъ чернилъ...
Но ихъ не разводилъ
Ни тайной злости пѣной,
Ни ядомъ клеветы—
И сердца простоты
Ни лестью, ни измѣной
Не замарала ты.
Безпечный сынъ природы,
Пока златые годы
Въ забвеньи трачу я,
Со мною неразлучно
Живи благополучно,
Наперсница моя!
Но здѣсь, на лонѣ лѣни
Я слышу нѣжны пѣни
Заботливыхъ друзей...
Ужели ихъ забуду,
Друзей души моей,
И имъ невѣренъ буду?

---

1) „Пушк. на югѣ“, 67—2) Точками обозначены утраченныя мѣста стихотворенія, такъ какъ въ книжкѣ Пушкина изъ рукописи этого стихотворенія вырвана страница, и лишь 4 стиха изъ нея сохранились (20—23).

Оставь, оставь порой
Привычныя затѣи,
И дактиль и хореи,
Для прозы почтовой.
Минуты хладной скуки,
Сердечной пустоты,
Унынiе разлуки,
Всегдашнія мечты,
Мои надежды, чувства
Безъ лести, безъ искусства
Бумагѣ передай...
Болтливостью небрежной
И вѣтреной и нѣжной
Ихъ сердце утѣшай...
 Когда же берегъ ада
Навѣкъ меня возьметъ,
Когда со мной заснетъ
Перо, моя отрада,
И ты, въ углу пустомъ
Осиротѣвъ, остынешь
И навсегда покинешь
Поэта тихій домъ—
Чадаевъ, другъ мой милый,
Тебя возьметъ унылый.
Послѣдній будь привѣтъ
Любимцу праздныхъ лѣтъ;
Изсохшая, пустая,
Межъ двухъ его картинъ
Останься вѣкъ нѣмая,
Укрась его каминъ.
Взыскательнаго свѣта
Очей не привлекай,
Но вѣрнаго поэта
Друзьямъ напоминай.

(Кишиневъ) 11 апр. 1821 г.

---

68. Наполеонъ.

(1821).

Пушкинъ 13 — 16-лѣтнимъ отрокомъ и юношей пережилъ эпоху борьбы Россіи и Европы съ Наполеономъ. Еще въ Лицеѣ въ 1815 году онъ избралъ его предметомъ своего стихотворенія „Наполеонъ на Эльбѣ", гдѣ изображаетъ его угрюмо взирающимъ на дальніе берега и „свирѣпо прошептавшимъ" свои надежды вновь грянуть погибельной грозой на міръ, и жалобу на измѣну счастія, и угрозу „возсѣсть царемъ на гробахъ; въ заключеніе тамъ юный поэтъ и самъ обращается къ завоевателю, бѣжавшему съ острова:

Мрачится неба сводъ, гроза во мглѣ виситъ.
Все смолкло... трепещи! Погибель надъ тобою
 И жребій твой еще сокрытъ!

Теперь, въ Кишиневѣ, когда 18 іюля 1821 г. пришла туда вѣсть о смерти Наполеона [1]), Пушкинъ отзывается на эту вѣсть голосомъ независимаго чувства, освѣщеннаго глубокою мыслію.

Наполеонъ былъ предметомъ и устныхъ и журнальныхъ толковъ и тысячи стихотвореній. Всѣ они, не исключая и большой оды Байрона (Ode to Napoleon Buonaparte), полны одного негодованія къ павшему властителю.

Пушкинъ не повторилъ чего-нибудь подобнаго, и къ врагу своего отечества относясь съ высокимъ патріотическимъ чувствомъ русскаго чело-

---

[1]) Въ черновой кишиневской тетради читаемъ: 18 jullet. Nouvelle de la mort de Napoléon. Bal chez l'archevèque Armenien. 1821.

вѣка, въ то же время поэтически озарилъ трагическую фигуру павшаго великана.

„Намъ теперь трудно", пишетъ г. Бартеневъ (1861), „составить понятіе, какъ поразительна была вѣсть о смерти Наполеона для тогдашнихъ людей. Цѣлая эпоха, цѣлый міръ событій и воспоминаній сосредоточивались и олицетворялись въ одномъ этомъ человѣкѣ, который и въ далекой ссылкѣ, съ своего острова, продолжалъ занимать современниковъ своими отзывами и мнѣніями. Люди все еще прислушивались къ голосу великаго властелина. При немъ все необыкновенное казалось возможнымъ..... никакое начинаніе не было дерзкимъ въ сравненіи съ его поприщемъ. Роковое значеніе Наполеона въ судьбахъ нашего отечества еще сильнѣе приковывало къ нему вниманіе лучшихъ русскихъ людей. Пушкинъ привыкъ съ дѣтства останавливать свои думы на немъ... Теперь, когда не стало этого „властителя его думъ", онъ соединилъ въ одномъ произведеніи все, что накопилось въ теченіе лѣтъ отъ размышленій о немъ и отъ разнообразнаго чтенія о Наполеонѣ. Стихи „Чудесный жребій совершился" по внѣшнимъ пріемамъ вышли чѣмъ-то въ родѣ оды. Что касается внутренняго содержанія, то можно смѣло утверждать, что нигдѣ въ Европѣ ни тогда, ни долго послѣ не было сказано о Наполеонѣ ничего лучшаго и благороднѣйшаго. Надо припомнить, что Пушкину въ этомъ случаѣ предстояла особенная трудность. Кто не писалъ о Наполеонѣ, кто не клялъ его памяти? Можно собрать цѣлые томы русскихъ стихотвореній о немъ, и Пушкину пришлось писать на эту, повидимому, избитую тему [1]). Надо было или вовсе не приниматься, или создать что-нибудь особенное" (Пушк. на югѣ, 77 и 78).

Послѣдніе 4 стиха оды „Наполеонъ" напоминаютъ окончаніе лицейскаго стихотворенія „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ", гдѣ низверженіе Наполеона приводитъ поэта къ мечтѣ о долгомъ, быть можетъ, вѣчномъ мирѣ. Теперь фантазія поэта распространяетъ мысль о мирномъ развитіи народовъ до мечты о всеобщей свободѣ (мысль, которую могъ онъ заимствовать и изъ вышеупомянутой оды Байрона [2]). Въ письмѣ къ А. И. Тургеневу отъ 1 дек. 1823 года Пушкинъ выражается о послѣдней строфѣ такъ: „Эта строфа нынѣ не имѣетъ смысла, но она писана въ началѣ 1821 года".

Слѣдуетъ припомнить, что уже въ Свѣтлый праздникъ того же года въ Константинополѣ были умерщвлены патріархъ Григорій и два епископа, и что русскій посолъ, не получивъ удовлетворенія на свой протестъ, выѣхалъ

---

[1]) См. „Сынъ От." 1814, № 71.
Одомаратели всѣ сдѣлались судьями,
И каждый произнесъ свой строгій приговоръ,
Какъ нынѣ водится, Наполеону.
„Сорвемъ съ него корону"!
— Повѣсимъ! — Нѣтъ, сожжемъ!
— Нѣтъ, это жестоко! въ Каенну отвеземъ!..
... Нѣтъ, сказалъ насмѣшливый Филонъ,
Вы съ бо́льшей лютостью дни изверга скончайте:
На Эльбѣ виршами до смерти зачитайте;
Ручаюсь, съ двухъ стиховъ у васъ зачахнетъ онъ".

[2]) См. строфу 10:
Fair Freedom! we may hold thee dear,
When thus thy mightiest foes their fear
In humblest guise have shown.
т.-е. „Прекрасная свобода! Мы можемъ теперь насладиться тобою, дорогая, когда могущественнѣйшіе враги твои такъ малодушно испугались".

изъ Константинополя, и Императоръ Александръ велѣлъ сосредоточивать войска на югѣ, и война казалась неизбѣжною, но Императоръ не отступалъ отъ обязательствъ, принятыхъ политикою конгрессовъ. Послѣдовало возстаніе грековъ. События предшествовавшихъ годовъ въ западной Европѣ—Вартбургскія празднества 1817 г., смерть Коцебу отъ руки Занда, въ особенности же убіеніе герцога Беррійскаго, наслѣдника франц. престола въ 1820 г., и революціонныя движенія во многихъ странахъ Европы вызвали политику Священнаго Союза, которая не обѣщала, повидимому, осуществленія мечты поэта: отсюда—вышеприведенныя строки письма его. Мысль поэта о всеобщемъ мирѣ и наступленіи повсюду царства свободы явилась противорѣчіемъ наступившей дѣйствительности.

Но она являлась таковою только съ точки зрѣнія того времени.

Послѣдняя строфа оды не могла потерять своего значенія, заключая мысль болѣе общую, и явилась поэтическимъ пророчествомъ, какъ по отношенію къ развитію національной свободы на западѣ, такъ и по отношенію къ сознанію Россіей своего внѣшняго историческаго призванія — оправданному послѣдующими событіями вѣка.

Такимъ образомъ Наполеонъ въ произведеніи Пушкина получилъ значеніе личности, искупившей грѣхъ властолюбія своимъ паденіемъ и страданіемъ и ихъ послѣдствіями для человѣчества, которое онъ такъ презиралъ (строфа 5). Поэтъ это презрѣніе поставилъ въ трагическую вину герою.

На ряду съ нимъ, въ одѣ выступаетъ и другой герой—русскій народъ, въ которомъ, согласно возвышенному патріотическому чувству, поэтъ видитъ высокій образъ самопожертвованія.

Глубокая мысль оды въ этомъ неожиданномъ соединеніи обѣихъ жертвъ—побѣжденной и самопожертвовавшей — на пользу одной цѣли — открываетъ въ историческомъ фактѣ борьбы Россіи съ Наполеономъ высокій смыслъ, чѣмъ и ставитъ это произведеніе по идеѣ въ число глубокомысленныхъ откровеній, какъ можно назвать многія произведенія Пушкина позднѣйшей эпохи его творчества. Одою было сказано слово дѣйствительно новое. Притомъ слово было сказано о событіи, столь близкомъ ко времени ея появленія, что даже люди послѣдующаго поколѣнія не вполнѣ оцѣнили всю правдивость его, и принимали за холодную декламацію. Причиною этого, конечно, было во-1-хъ несовершенство формы стихотворенія — несоразмѣрность частей его, а именно: растянутое изложеніе всѣмъ памятныхъ событій въ строфахъ 1, 3, 7, 8, 9, 10, 11 и 12, которыя и самъ Пушкинъ отнесъ къ слабымъ (см. упомянутое письмо къ А. И. Тургеневу); во-2-хъ, то, что строфы 4, 5 и 6 были исключаемы изъ печати до 1858 года, между тѣмъ какъ въ этихъ строфахъ проницательно изъясняется самый процессъ возникновенія подобной исторической личности, какъ слѣдствія разъяренныхъ страстей революціи, и дается тонкое психологическое освѣщеніе героя трагедіи, „плѣненнаго разочарованной красой самовластія“. Глубокая мысль поэта, достойная драматическаго произведенія, не улеглась въ форму оды; въ самой этой формѣ поэтъ не вполнѣ отрекся отъ общихъ мѣстъ произведеній этого рода — и она не произвела впечатлѣнія, какого заслуживала бы въ идеѣ своей. Не удивительно, что Бѣлинскій (1844), имѣвшій въ рукахъ неполный текстъ оды, назвалъ ее произведеніемъ „двойственнымъ“: „въ нѣкоторыхъ куплетахъ его“, писалъ онъ, „чувствуешь что-то переходное“: затѣмъ

выписывая стихи 6 — 8 строфы 2-й и строфы 13, 14 и 15 (въ которыхъ собственно и заключается главная идея оды), онъ прибавляетъ: „Такія мысли, высказанныя такими стихами, какъ эти, могли принадлежать только великому поэту; но все остальное въ этой піесѣ какъ-то рѣзко отзывается тономъ декламаціи и нѣсколько напряженною восторженностію, подъ которою скрывается болѣе раздраженія, чѣмъ вдохновенія“. (Затѣмъ критикъ ограничивается стилистическими указаніями на „многое оригинальное, что было до Пушкина не слыхано въ русской поэзіи: осужденный властитель, могучій баловень побѣдъ, изгнанникъ вселенной, для котораго настало потомство, обезславленная земля, своенравная воля, блистательный позоръ“ и т. д.).

Таково произведеніе великаго поэта, талантъ котораго уже начиналъ заявлять о себѣ проблесками генія, т.-е. мыслями, которыя глубоки и самобытны, и которыя, будучи почерпнуты изъ народнаго міровоззрѣнія (таково, напр. „слово примиренія“, вызванное судьбою завоевателя), возводятся на высоту истины общечеловѣческой.

Нельзя не замѣтить въ Пушкинѣ черты, характеризующей геніальнаго человѣка, еще не сознающаго своей силы, въ этихъ беззаботныхъ строкахъ письма по поводу оды: „Вы желали видѣть оду на смерть Наполеона. Она не хороша; вотъ вамъ самыя сносныя строфы...“ (далѣе слѣдуютъ самыя строфы 4, 5, 6, 13, 15).

Дабы получить наиболѣе соотвѣтствующее идеѣ піесы впечатлѣніе, совѣтуемъ прочесть ее, руководствуясь какъ этимъ указаніемъ самого поэта, такъ и необходимостію сохранить связь, — въ такомъ составѣ: строфы 1, 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 13, 15 (но, конечно, мы помѣщаемъ ее всю безъ пропусковъ).

Впервые напеч. въ изд. 1826 (безъ 4, 5, 6, 8 и 3-хъ стиховъ 10-й строфы). Въ VII т. изд. 1855 напечатаны 6 стиховъ 5-й и полныя 6 и 8; остальное явилось въ „Библ. Зап.“ 1858 г.

Въ рукописи набросана первоначальная программа оды: „Народы спрашиваютъ: тотъ ли, который... Гдѣ онъ?.. Угасъ тотъ, который то и то — и Россію... Но да не упрекнетъ его Русскій... Россія славна—бѣдная Франція въ униженіи... Онъ объ ней мыслилъ... Островъ Елены — тамъ онъ думалъ объ Россіи...“ Тамъ же стоялъ эпиграфъ: ingrata patria.

Сличеніе этой программы съ самою одою разъясняетъ причину двойственности ея, показывая, что первоначально было задумано стихотвореніе, взывающее къ состраданію, которое подобаетъ со стороны великодушнаго побѣдителя униженному французскому императору, какъ представителю своего отечества (самымъ вреднымъ остаткомъ этого замысла служитъ строфа 14, слабѣйшая во всей одѣ). На мысль, обратившую такое заурядное произведеніе въ пѣснь, которая получила силу идеи историко-философской, поэтъ могъ быть наведенъ стихотвореніемъ Жуковскаго, написаннымъ еще въ 1816 году для англійскаго посланника лорда Каткарта къ торжеству годовщины отреченія Наполеона. Въ этомъ стихотвореніи Жуковскаго Пушкинъ могъ встрѣтить такое четверостишіе:

И все, что рушилъ онъ, природа
Своей красою облекла,

И по слѣдамъ его свобода
Съ дарами жизни протекла.

Совпадая своимъ стихотворнымъ размѣромъ и расположеніемъ риомъ съ этимъ произведеніемъ Жуковскаго, Пушкинъ въ своей одѣ своеобразно воспользовался мыслію Байрона, усвоенною и Жуковскимъ, о свободѣ, ставшей возможною только послѣ паденія всемірнаго завоевателя: но у Жуковскаго свобода является лишь какъ неизбѣжное слѣдствіе разрушенія силы, подобно новымъ побѣгамъ растенія среди развалины: у Пушкина — какъ нравственный плодъ очищенія силъ, перегорѣвшихъ въ трагической борьбѣ.

---

1 Чудесный жребій совершился:
Угасъ великій человѣкъ.
Въ неволѣ мрачной закатился
Наполеона грозный вѣкъ.
Исчезъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ:
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настаетъ.

2 О ты, чьей памятью кровавой
Міръ долго, долго будетъ полнъ,
Пріосѣненъ твоею славой,
Почій среди пустынныхъ волнъ!
Великолѣпная могила...
Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почила,
И лучъ безсмертія горитъ.

3 Давно ль орлы твои летали
Надъ обезславленной землей?
Давно ли царства упадали
При громахъ силы роковой?
Послушны волѣ своенравной,
Бѣдой шумѣли знамена,
И налагалъ яремъ державный
Ты на земныя племена.

4 Когда, надеждой озаренный,
Отъ рабства пробудился міръ,
И галлъ десницей разъяренной
Низвергнулъ ветхій свой кумиръ;
Когда на площади мятежной
Во прахѣ царскій трупъ лежалъ,
И день великій, неизбѣжный
Свободы яркій день вставалъ:

5 Тогда, въ волненьи бурь народныхъ,
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ
Въ свое погибельное счастье
Ты дерзкой вѣровалъ душой:
Тебя плѣняло самовластье
Разочарованной красой.

6 И обновленнаго народа
Ты юность юную смирилъ;
Новорожденная свобода,
Вдругъ онѣмѣвъ, лишилась силъ.
Среди рабовъ до упоенья
Ты жажду власти утолилъ,
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченья,
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.

7 И Франція, добыча славы,
Плѣненный устремила взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой блистательный позоръ.
Ты велъ мечи на пиръ обильный;
Все пало съ шумомъ предъ тобой:
Европа гибла; сонъ могильный
Носился надъ ея главой.

8 Сбылось! Въ величіи постыдномъ
Ступилъ на грудь ея колоссъ!

Тильзитъ—при звукѣ семъ обидномъ
Теперь не поблѣднѣетъ Россъ—
Тильзитъ надменнаго героя
Послѣдней славою вѣнчалъ,
Но скучный миръ, но хладъ покоя
Счастливца душу волновалъ [а].

9 Надменный, кто тебя подвигнулъ?
Кто обуялъ твой дивный умъ?
Какъ сердца русскихъ не постигнулъ
Ты съ высоты отважныхъ думъ?
Великодушнаго пожара
Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ,
Что мира вновь мы ждемъ какъ дара;
Но поздно русскихъ разгадалъ...

10 Россія [б], бранная царица [в],
Воспомни [г] древнія права!
Померкни, солнце Аустерлица!
Пылай, великая Москва!
Настали времена другія:
Исчезни, краткій нашъ позоръ!
Благослови Москву, Россія [д]!
Война: по гробъ нашъ приговоръ [е].

11 Оцѣпенѣлыми руками
Схвативъ желѣзный свой вѣнецъ,
Онъ бездну видитъ предъ очами,
Онъ гибнетъ, гибнетъ наконецъ.
Бѣжатъ Европы ополченья;
Окровавленные снѣга
Провозгласили ихъ паденье,
И таетъ съ ними слѣдъ врага.

12 И все какъ буря закипѣло;
Европа свой расторгла плѣнъ;
Вослѣдъ тирану полетѣло,
Какъ громъ, проклятіе племенъ.
И длань народной Немезиды
Подъяту видитъ великанъ:
И до послѣдней сей обиды
Отплачены тебѣ, тиранъ.

13 Искуплены его стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душнаго изгнанья,
Подъ сѣнью чуждою небесъ.
И знойный островъ заточенья
Полнощный парусъ посѣтитъ,
И путникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начертитъ,

14 Гдѣ, устремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей,
И льдистый ужасъ полуночи,
И небо Франціи своей;
Гдѣ иногда, въ своей пустынѣ
Забывъ войну, потомство, тронъ,
Одинъ, одинъ, о миломъ сынѣ
Въ уныньи горькомъ думалъ онъ.

15 Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!
Хвала!.. Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки [ж] завѣщалъ.

[а] возмущалъ.—[б] На Русь! (послѣ недописаннаго стиха: „Идетъ на Русь!“).—[в] возстань племенъ царица.—[г] прежнія.—[д] Въ Москвѣ не царь, въ Москвѣ Россія.—[е] Война по гробъ! нашъ до(говоръ)!—[ж] Съ утесовъ Эльбы. (Рукоп.).

69. Гробъ юноши.

(1821).

Элегія эта вызвана смертію неизвѣстнаго юноши [1]). Могила его наводитъ поэта на мысль о томъ невозмутимомъ покоѣ, которымъ пользуется усопшій, не тревожимый даже тѣмъ равнодушіемъ, которое мало-по-малу изглаживаетъ самую память о немъ среди продолжающихъ жить... Картина этого равнодушія согрѣта изображеніемъ скорби той, которая любила юношу, и одна „зоветъ память почившихъ радостей". Но и этотъ единый слѣдъ усопшаго на землѣ поэтъ заметаетъ грустнымъ вопросомъ: „Къ чему?.." Эта безпредѣльная жажда покоя и забвенія и составляетъ сущность элегіи. Но какъ не узнать въ этой жаждѣ покоя сердечной горечи, ищущей послѣдняго прибѣжища, послѣ безполезныхъ порывовъ сердца въ тоскѣ по иныхъ чувствахъ: по дружбѣ неизмѣнной (ст. 23) и любви вѣчной (24), которыя не достались на долю „бѣдному" юношѣ [2])?

Бѣлинскій (1844) относитъ эту элегію къ тѣмъ лучшимъ „переходнымъ піесамъ", „въ которыхъ проглядываетъ чувство грусти" (ср. № 62). „Сколько этой поэтической грусти", писалъ Бѣлинскій, „этого поэтическаго раздумья въ прелестномъ стихотвореніи „Гробъ юноши!" и, выписавъ ст. 21—30, продолжаетъ: „Все окончаніе этой прекрасной піесы, заключающее въ себѣ картину гроба юноши, дышитъ такою свѣтлою, ясною и отрадною грустью, какую знала и дала знать міру только поэтическая душа поэта".

Напечатана впервые въ изд. 1826 г.

. . . . Сокрылся онъ,
Любви, забавъ питомецъ нѣжный;
Кругомъ него глубокій сонъ
И хладъ могилы безмятежной...
Любилъ онъ игры нашихъ дѣвъ,
Когда весной въ тѣни деревъ
Онѣ кружились на свободѣ;
Но нынче въ рѣзвомъ хороводѣ
Не слышенъ ужъ его припѣвъ.
Давно ли старцы любовались
Его веселостью живой,
Полупечально улыбались
И говорили межъ собой:
„И мы любили хороводы,

---

[1]) Предположеніе г. Анненкова, что это стихотвореніе было вызвано извѣстіемъ о смерти лицейскаго товарища поэта Н. А. Корсакова, скончавшагося во Франціи, принято быть не можетъ, по противорѣчію съ 4 строфой лицейской годовщины 1825 г. (см. эту элегію), гдѣ читаемъ:

Подъ миртами Италіи прекрасной
Онъ тихо спитъ...

тогда какъ обстановка могилы юноши, вызвавшаго эту элегію (см. 31—38),—чисто русская, первообразъ могилы Ленскаго (см. строфу XL гл. VI „Евг. Онѣгина").

[2]) Ср. „Три ключа" (1827).

Блистали такъ же въ насъ умы;
Но погоди, приспѣютъ годы,
И будешь то, чтб нынѣ мы;
Какъ намъ, о міра гость игривый,
Тебѣ постынетъ бѣлый свѣтъ;
Теперь играй...“ Но старцы живы,
А онъ увялъ во цвѣтѣ лѣтъ.
И безъ него друзья пируютъ,
Другихъ ужъ полюбить успѣвъ;
Ужъ рѣдко, рѣдко именуютъ
Его въ бесѣдѣ юныхъ дѣвъ.
Изъ милыхъ женъ, его любившихъ,
Одна, быть можетъ, слезы льетъ,
И память радостей почившихъ
Привычной думою зоветъ...
Къ чему?
Надъ ясными водами
Гробницы мирною семьей,
Подъ наклоненными крестами,
Таятся въ рощѣ вѣковой.
Тамъ, на краю большой дороги,
Гдѣ липа старая шумитъ,
Забывъ сердечныя тревоги,
Нашъ бѣдный юноша лежитъ.
Напрасно блещетъ лучъ денницы,
Иль ходитъ мѣсяцъ средь небесъ,
И вкругъ безчувственной гробницы
Ручей журчитъ и шепчетъ лѣсъ;
Напрасно утромъ за малиной
Къ ручью красавица съ корзиной
Идетъ и въ холодъ ключевой
Пугливо ногу опускаетъ:
Ничто его не вызываетъ
Изъ мирной сѣни гробовой...

---

70. Война.

(1821).

Вызванное слухами о возможности войны при началѣ греческаго возстанія (см. вступ. зам. къ № 68), стихотвореніе это представляетъ одно изъ поэтическихъ воспроизведеній картины войны, неоднократно и прежде производимой фантазіей поэта (см. посланіе къ Юдину. № 12, 1815 г., а также посланіе къ В. Л. Пушкину, № 28, 1817 г., ст. 55—59). Вновь воскресаетъ въ немъ юношеская мечта увидѣть бой. Предполагаемое участіе въ войнѣ представляется ему путемъ или къ двоякой славѣ („двойному вѣнку“)—поэта и воина,—или къ смерти. Нетерпѣливое ожиданіе войны является у миролю-

биваго поэта слѣдствіемъ нравственной неудовлетворенности, которую испытывалъ онъ въ это время (ст. 28—30). Написано стихотвореніе 29 ноября.

Бѣлинскій (1844) и его отнесъ къ „переходнымъ" піесамъ Пушкина.

Напеч. впервые въ „Полярной Звѣздѣ" 1823 г. съ загл.: „Мечта воина".

Война!.. Подъяты наконецъ,
Шумятъ знамена бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздникъ мести;
Засвищетъ вкругъ меня губительный свинецъ!
И сколько сильныхъ впечатлѣній
Для жаждущей души моей:
Стремленье бурныхъ ополченій,
Тревоги стана, звукъ мечей,
И въ роковомъ огнѣ сраженій
Паденье ратныхъ и вождей!
Предметы гордыхъ пѣснопѣній
Разбудятъ мой уснувшій геній.
Все ново будетъ мнѣ: простая сѣнь шатра,
Огни враговъ, ихъ чуждое взыванье,
Вечерній барабанъ, громъ пушки, визгъ ядра
И смерти грозной ожиданье.
Родишься ль ты во мнѣ, слѣпая славы страсть,
Ты, жажда гибели, свирѣпый жаръ героевъ?
Вѣнокъ ли мнѣ двойной достанется на часть;
Кончину ль темную судилъ мнѣ жребій боевъ,
И все умретъ со мной: надежды юныхъ дней,
Священный сердца жаръ, къ высокому стремленье,
Воспоминаніе и брата и друзей,
И мыслей творческихъ напрасное волненье,
И ты, и ты, любовь?.. Ужель ни бранный шумъ,
Ни ратные труды, ни ропотъ гордой славы—
Ничто не заглушитъ моихъ привычныхъ думъ?
Я таю, жертва злой отравы:
Покой бѣжитъ меня; нѣтъ власти надъ собой,
И тягостная лѣнь душою овладѣла...
Что жъ медлитъ ужасъ боевой?
Что жъ битва первая еще не закипѣла?..

---

71. Элегія.

(Къ М. А. Г—ой).

(1821).

Стихотвореніе это, помѣченное въ рукописи 23 авг. 1821 г. [1]), обращено къ Марьѣ Аркадьевнѣ Голицыной, урожденной Суворовой [2]).

---

1) См. Р. С. 1884. Апр , стр. 101. — 2) Давая порученіе брату Льву, уже изъ

Поэтическое воспроизведеніе чувства здѣсь соединено съ мыслью о смерти, что и сообщаетъ стихотворенію характеръ элегическій. Тяжелое чувство растворено мыслію о поэтическомъ дарѣ, который находилъ сочувствіе при жизни поэта, и мысль о которомъ будетъ соединяться съ памятью о поэтѣ.

Напечатано впервые въ изд. 1826 г. Варіанты по рукоп., принадл. гр. Капнисту.

Умолкну скоро я. Но если въ дни печали
Задумчивой игрой мнѣ пѣсни[а] отвѣчали;
Но если юноши, внимая молча мнѣ,
Дивились долгому любви моей мученью;
Но если ты сама[б], предавшись умиленью,
Печальные стихи твердила[в] въ тишинѣ
И сердца моего языкъ любила[г] страстный;
Но если я любимъ: позволь, о милый другъ,
Позволь одушевить прощальный[д] лиры звукъ
Завѣтнымъ именемъ любовницы прекрасной.
Когда меня навѣкъ обыметъ смертный сонъ,
Надъ урною моей промолви съ умиленьемъ:
„Онъ мною былъ любимъ; онъ мнѣ былъ одолженъ
И пѣсенъ, и любви послѣднимъ вдохновеньемъ“.

---

72. Къ Овидію.

(1821).

Стихотвореніе это написано было 26 декабря 1821 года во время поѣздки Пушкина въ Аккерманъ.

Эта старинная крѣпость расположена была на мысѣ Днѣпровскаго лимана. Противъ нея—Овидіополь. Н. И. Надеждинъ, описывая въ 1840 г. свою поѣздку въ эти мѣста, сообщаетъ, что учитель аккерманскаго уѣзднаго училища показывалъ ему прибрежную башню, на которой Пушкинъ провелъ цѣлую ночь, и что башня съ тѣхъ поръ называется Овидіевой. „Не потому ли“, прибавляетъ Надеждинъ, „что поэтъ здѣсь, можетъ быть, велъ свою вдохновенную бесѣду съ тѣнью Овидія? Въ самомъ дѣлѣ, воспоминаніе о римскомъ изгнанникѣ такъ легко и естественно могло возбудиться городомъ, украшеннымъ его именемъ, который отсюда виднѣется на краю горизонта, сливающагося съ лиманомъ, во всей своей пустынной красѣ“ [1]).

[а] струны.—[б] И дѣвы тихому.—[в] твердили.—[г] любви.—[д] завѣтный.

Михайловскаго 27 марта 1825, когда готовилъ свое изданіе стихотвореній 1826 г., Пушкинъ писалъ ему: „Тиснуть еще стихи кн. Голицыной-Суворовой; возьми ихъ отъ нея“. Стихотвореніе дѣйствительно и появилось въ этомъ изданіи.

1) Одесск. Альм. 1840, 330.

„Но мы знаемъ“, замѣчаетъ г. Бартеневъ [2]), „что Овидій уже давно занималъ Пушкина. Еще въ посланіи къ Чаадаеву (см. № 66) въ апрѣлѣ онъ уже упоминаетъ его [3]). Сочиненія Овидія вѣроятно были съ нимъ въ Аккерманѣ. Какъ внимательно читалъ онъ ихъ, видно, между прочимъ, изъ примѣчанія къ первой главѣ Онѣгина [4]) и изъ критической статьи его въ „Современникѣ“ о стихотвореніяхъ Теплякова, который также обращался къ тѣни Овидіевой. Изъ сочиненій Овидія послѣ „Превращеній“ Пушкинъ отдаетъ особенное предпочтеніе Понтійскимъ элегіямъ. „Сколько яркости въ описаніи чуждаго климата и чуждой земли! Сколько живости въ подробностяхъ! И какая грусть о Римѣ, какія трогательныя жалобы!.. Овидій добродушно признается, что онъ и съ молоду не былъ охотникомъ до войны, что тяжело ему подъ старость покрывать сѣдину свою шлемомъ и трепетной рукой хвататься за мечъ при первой вѣсти о набѣгѣ (см. Trist. Lib. IV, El. 1)“. При стихотвореніи Пушкинъ дѣлаетъ замѣтку о томъ, сколько лѣтъ Овидій прожилъ въ изгнаніи [5]). Стихотвореніе вышло плодомъ изученія [6]); оттого-то онъ такъ любилъ его и предпочиталъ даже „Наполеону“.

Это своеобразное стихотвореніе, заключающее тонкія красоты, отличается необыкновенною нѣжностію красокъ, подобно картинѣ искуснаго живописца, умѣющаго безъ эффектовъ яркаго освѣщенія располагать одними полутонами. Въ сопоставленіи самого поэта съ римскимъ изгнанникомъ, сопоставленіи, чуждомъ всякаго разсчета на эффектныя антитезы, выступаетъ твердо поставленное различіе между „роскошнымъ гражданиномъ золотой Италіи“ среди печальной картины Скиѳіи — и „суровымъ славяниномъ“, для котораго эти самыя картины кажутся плѣнительными послѣ снѣговъ угрюмаго сѣвера; въ то же время, отзывчивый поэтъ сливается съ

---

2) „Пушкинъ на югѣ“, 91.—3) Отъ 31 марта Пушкинъ писалъ къ Гнѣдичу:

„Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣнчанный
И хитрымъ Августомъ изгнанный
Овидій мрачно дни влачилъ;
Гдѣ элегическую лиру
Глухому своему кумиру
Онъ малодушно посвятилъ,—
Далече сѣверной столицы
Забылъ я вѣчный нашъ туманъ...

и т. д. („Первенцы Лицея“, Грота 369).

4) Примѣчаніе это было прежде предисловіемъ стихотворенія „къ Овидію“ (въ „Пол. Звѣздѣ“ 1823): „Мнѣніе, будто бы Овидій былъ сосланъ въ нынѣшній Акерманъ, ни на чемъ не основано. Въ своихъ элегіяхъ Ex ponto онъ ясно означаетъ мѣстомъ пребыванія городъ Томы, при самомъ устьѣ Дуная. Столько же несправедливо и мнѣніе Вольтера, полагающаго причиною его изгнанія тайную благосклонность Юліи, дочери Августа. Овидію было тогда около 50 лѣтъ, а развратная Юлія 10 лѣтъ тому прежде была сама изгнана ревнивымъ своимъ родителемъ. Прочія догадки ученыхъ, — не что иное, какъ догадки. Поэтъ сдержалъ свое слово, и тайна его съ нимъ умерла: Alterius facti culpa silenda mihi.—5) При стихѣ 45 была въ „Пол. Зв.“ выноска: „Овидій провелъ 9 лѣтъ въ своемъ изгнаніи, а не 20, какъ говоритъ Шатобріанъ“.—6) Того же мнѣнія и Я. К. Гротъ: „Стихи въ помѣщаемомъ ниже письмѣ... показываютъ между прочимъ, что Пушкинъ тогда уже, т.-е. въ мартѣ 1821 г., изучалъ Овидія, а выраженія, приведенныя имъ изъ этого автора... свидѣтельствуютъ, что нашъ поэтъ читалъ своего любимца не во французскомъ переводѣ, какъ думали нѣкоторые, а въ подлинникѣ“. Вотъ какъ начинается письмо 29 апрѣля 1822 г. изъ Кишинева къ Гнѣдичу (при посылкѣ ему „Кавк. плѣнника“):

„Parve (nec invides) sine me, liber, ibis in urbem,
Heu mihi! quo domino non licet ire tuo.

Не изъ притворной скромности прибавлю: Vade, sed incultus, qualem decet exulis esse!“ и т. д.

римскимъ изгнанникомъ въ общемъ чувствѣ своего изгнанничества, но и здѣсь выступаетъ различіе обоихъ: одинъ молитъ друзей нести мольбы его къ изгнавшему, другой—„слезъ не проливалъ“,—и все же „грубой гордостію“ назвалъ бы онъ чувство того, кто безъ умиленія прочелъ бы жалобы римскаго поэта. Далекій отъ мысли слать подобныя жалобы, суровый славянинъ однако же „понимаетъ“ эти слезы и не произноситъ ни слова упрека своему собрату.

Все стихотвореніе дышитъ такимъ спокойствіемъ духа, укрѣпленнаго чувствомъ собственнаго достоинства, что не допускаетъ мысли о притязаніи превознестись надъ предметомъ своего состраданія.

Онъ спѣшитъ утѣшить его, напоминая ему о его славѣ. Онъ отдаетъ собрату своему первенство въ поэтической славѣ, которую для себя считаетъ лишь мечтой о невѣрномъ возможномъ.

Вызвавшій состраданіе поэта собратъ является въ элегіи въ легкомъ рисункѣ: согласно тону всего произведенія, это — граціозный очеркъ тѣни, скользящей передъ очами поэта, съ робкимъ движеніемъ, по льду, сковавшему воды залива (ст. 78—84).

Этотъ образъ, черезъ два года получилъ плоть и кровь, въ эпическомъ изображеніи—въ преданіи, вложенномъ въ уста стараго цыгана (въ поэмѣ „Цыганы“). Но и тамъ дорогой собратъ поэта является подъ тѣмъ же крыломъ состраданія, только личное чувство поэта тамъ передано тѣмъ людямъ, которые призрѣли его, а

Какъ мерзла быстрая рѣка
И зимни вихри бушевали,
Пушистой кожей покрывали
Они святого старика.

Высокое чувство человѣчности, проникающее насквозь всю тонкую ткань элегіи „Къ Овидію“ и составляетъ ея главное достоинство, которое ставитъ ее, согласно оцѣнкѣ самого поэта, въ рядъ лучшихъ его произведеній. „Каковы стихи къ Овидію?“ писалъ онъ брату Льву 20 января 1823 года, когда увидѣлъ ихъ напечатанными, съ двумя звѣздочками подъ ними: „душа моя, и Русланъ, и Noël [1]), и все — дрянь въ сравненіи съ ними; ради Бога, люби двѣ звѣздочки; онѣ обѣщаютъ достойнаго со перника... знаменитымъ нашимъ поэтамъ“. Тѣмъ не менѣе элегія „къ Овидію“, какъ и другія подобныя произведенія Пушкина, не вызвала ни восторга, ни одобренія среди современниковъ, цѣнившихъ болѣе стихи, „закрученные“ по-давыдовски или по-рылеевски. Эта чисто пушкинская сердечность нашла здѣсь выраженіе въ формахъ необычайной простоты. Не только вкусъ, пріученный къ сентиментализму или эффекту романтическихъ произведеній, видѣлъ въ подобныхъ произведеніяхъ холодность и безцвѣтность, но и болѣе чуткіе цѣнители, какъ напр. Бѣлинскій, не сразу поняли эту новую форму лиризма. Бѣлинскій распозналъ всю красоту этой поэтической простоты уже среди изученія сочиненій Пушкина, когда вникнулъ въ сущность его поэзіи, и перестроилъ самую эстетическую

1) Такъ назвалъ Пушкинъ одинъ изъ своихъ памфлетовъ, имѣвшихъ въ свое время успѣхъ.

теорію свою согласно воспринятому при чтеніи пушкинскихъ стихотвореній впечатлѣнію (что особенно замѣтно, начиная съ V-й статьи его о Пушкинѣ 1844 г.). До той поры и онъ, вмѣстѣ съ другими, вдался въ обманъ и, чуя всю красоту произведеній великаго поэта, не умѣлъ оправдать ее; уже ратуя за простоту и безыскусственность, онъ понималъ ихъ еще очень наивно (напримѣръ, народныя пѣсни обвинялъ въ прозаичности) и, не распознавъ достоинствъ стихотворенія „къ Овидію", написалъ, что оно сбивается нѣсколько на старинный дидактическій (?) тонъ посланій", ограничивъ похвалы свои словами: „Но въ немъ много прекраснаго, и особенно начиная со стиха 54-го до 84-го, и лучшую сторону этого стихотворенія составляетъ его элегическій тонъ" (статья IV-я о Пушкинѣ).

Впервые напеч. въ „Полярной Звѣздѣ" 1823 г. Стихи 103 и 104 возстановлены по рукоп. въ „Библ. Зап." 1858, № 11.

---

1 Овидій, я живу близъ тихихъ береговъ,
Которымъ изгнанныхъ отеческихъ боговъ
Ты нѣкогда принесъ и пепелъ свой оставилъ.
Твой безотрадный плачъ мѣста сіи прославилъ:
И лиры нѣжный гласъ еще не онѣмѣлъ;
Еще твоей молвой наполненъ сей предѣлъ.
Ты живо впечатлѣлъ въ моемъ воображеньѣ
Пустыню мрачную, поэта заточенье,
Туманный сводъ небесъ, обычные снѣга
И краткой теплотой согрѣтые луга.
Какъ часто, увлеченъ унылыхъ струнъ игрою,
Я сердцемъ слѣдовалъ, Овидій, за тобою:
Я видѣлъ твой корабль игралищемъ валовъ,
И якорь, верженный близъ дикихъ береговъ,
Гдѣ ждетъ пѣвца любви жестокая награда.
Тамъ нивы безъ тѣней, холмы безъ винограда;
Рожденные въ снѣгахъ для ужасовъ войны,
Тамъ хладной Скиѳіи свирѣпые сыны,
За Истромъ утаясь, добычи ожидаютъ,
И селамъ каждый мигъ набѣгомъ угрожаютъ.
Преграды нѣтъ для нихъ: въ волнахъ они плывутъ,
И по льду звучному безтрепетно идутъ.
Ты самъ (дивись, Назонъ, дивись судьбѣ превратной!)
Ты, съ юныхъ лѣтъ презрѣвъ волненье жизни ратной,
Привыкнувъ розами вѣнчать свои власы
И въ нѣгѣ провождать безпечные часы,
Ты будешь принужденъ взложить и шлемъ тяжелый,
И грозный мечъ хранить близъ лиры оробѣлой.
Ни дочерь, ни жена, ни вѣрный сонмъ друзей,
Ни музы, легкія подруги прежнихъ дней,
Изгнаннаго пѣвца не усладятъ печали.
Напрасно граціи стихи твои вѣнчали,
Напрасно юноши ихъ помнятъ наизусть:

Ни слава, ни лѣта, ни жалобы, ни грусть,
Ни пѣсни робкія Октавія не тронутъ;
Дни старости твоей въ забвеніи потонутъ.
Златой Италіи роскошный гражданинъ,
Въ отчизнѣ варваровъ безвѣстенъ и одинъ,
Ты звуковъ родины вокругъ себя не слышишь;
Ты въ тяжкой горести далекой дружбѣ пишешь:
„О, возвратите мнѣ священный градъ отцовъ
И тѣни мирныя наслѣдственныхъ садовъ!
О други, Августу мольбы мои несите!
Карающую длань слезами отклоните!
Но если гнѣвный богъ досель неумолимъ,
И вѣкъ мнѣ не видать тебя, великій Римъ—
Послѣднею мольбой смягчая рокъ ужасный,
Приближьте хоть мой гробъ къ Италіи прекрасной!“
Чье сердце хладное, презрѣвшее харитъ,
Твое уныніе и слезы укоритъ?
Кто въ грубой гордости прочтетъ безъ умиленья
Сіи элегіи—послѣднія творенья,
Гдѣ ты свой тщетный стонъ потомству передалъ!

Суровый славянинъ, я слезъ не проливалъ,
Но понимаю ихъ. Изгнанникъ самовольный,
И свѣтомъ, и собой, и жизнью недовольный,
Съ душой задумчивой, я нынѣ посѣтилъ
Страну, гдѣ грустный вѣкъ ты нѣкогда влачилъ.
Здѣсь, ожививъ тобой мечты воображенья,
Я повторилъ твои, Овидій, пѣснопѣнья,
И ихъ печальныя картины повѣрялъ;
Но взоръ обманутымъ мечтаньямъ измѣнялъ.
Изгнаніе твое плѣняло втайнѣ очи,
Привыкшія къ снѣгамъ угрюмой полуночи.
Здѣсь долго свѣтится небесная лазурь;
Здѣсь кратко царствуетъ жестокость зимнихъ бурь.
На скиѳскихъ берегахъ переселенецъ новый,
Сынъ юга, виноградъ блистаетъ пурпуровый.
Ужъ пасмурный декабрь на русскіе луга
Слоями разстилалъ пушистые снѣга;
Зима дышала тамъ; а съ вешней теплотою
Здѣсь солнце ясное катилось надо мною;
Младою зеленью пестрѣлъ увядшій лугъ;
Свободныя поля взрывалъ ужъ ранній плугъ;
Чуть вѣялъ вѣтерокъ, подъ вечеръ холодѣя;
Едва прозрачный ледъ, надъ озеромъ тускнѣя,
Кристалломъ покрывалъ недвижныя струи.
Я вспомнилъ опыты несмѣлые твои,
Сей день, замѣченный крылатымъ вдохновеньемъ,
Когда ты въ первый разъ ввѣрялъ съ недоумѣньемъ
Шаги свои волнамъ, окованнымъ зимой:

И по льду новому, казалось, предо мной
Скользила тѣнь твоя, и жалобные звуки
Неслися издали, какъ томный стонъ разлуки.

Утѣшься: не увялъ Овидіевъ вѣнецъ!
Увы, среди толпы затерянный пѣвецъ,
Безвѣстенъ буду я для новыхъ поколѣній,
И, жертва темная, умретъ мой слабый геній
Съ печальной жизнію, съ минутною молвой!..
Но если обо мнѣ потомокъ поздній мой
Узнавъ придетъ искать въ странѣ сей отдаленной
Близъ праха славнаго мой слѣдъ уединенный—
Бреговъ забвенія оставя хладну сѣнь,
Къ нему слетитъ моя признательная тѣнь,
И будетъ мило мнѣ его воспоминанье.
Да сохранится же завѣтное преданье:
Какъ ты, враждующей покорствуя судьбѣ,
Не славой, участью я равенъ былъ тебѣ.
Здѣсь, лирой сѣверной пустыни оглашая,
Скитался я въ тѣ дни, какъ на брега Дуная
Великодушный грекъ свободу вызывалъ:
И ни единый другъ мнѣ въ мірѣ не внималъ;
Но не унизилъ ввѣкъ измѣной беззаконной
Ни гордой совѣсти, ни лиры непреклонной [a].

---

73. Къ портрету кн. П. А. Вяземскаго.

(1821).

Мѣткая и живая, при всей своей сжатости, характеристика поэта кн. Вяземскаго.

Кн. Петръ Андреевичъ Вяземскій (род. 1791 г.), получивъ первоначальное воспитаніе въ домѣ отца, „питомца и представителя французской образованности“, подъ руководствомъ иностранцевъ, затѣмъ воспитывался въ петербургскомъ іезуитскомъ коллегіумѣ, а по его закрытіи — въ пансіонѣ при педагогическомъ институтѣ; въ первой молодости изучалъ латинскій языкъ и римскую литературу, въ особенности Овидія и Горація. Начавъ первоначально писать французскіе, а потомъ и русскіе стихи, изъ которыхъ въ печати появилось первымъ „Посланіе къ *** (Жуковскому) въ деревню“ (въ „Вѣстн. Европы“ 1808 г.), онъ удостоился въ 1816 году одобренія Карамзина и Крылова. Не будучи поэтомъ по призванію, онъ любилъ однако же все переживаемое выражать въ стихотвореніяхъ, имѣвшихъ характеръ импровизацій, къ отдѣлкѣ которыхъ онъ никогда не воз-

---

[a] Но чуждые холмы, поля и рощи сонны И музы мирныя мнѣ были благосклонны (Полярн. Зв. 1823).

вращался, и отличавшихся русскимъ складомъ рѣчи. Изъ-подъ его пера вышло множество язвительныхъ эпиграммъ [1]) Писалъ онъ преимущественно для тѣснаго кружка избранныхъ друзей, въ числѣ которыхъ были Батюшковъ Жуковскій, А. И. Тургеневъ В. Л. Пушкинъ, гр. Блудовъ, Дашковъ и А. С. Пушкинъ. По отзыву Гоголя, стихотворенія кн. Вяземскаго „поражали мыслей; стихъ употребленъ у него какъ первое попавшееся орудіе; никакой наружной отдѣлки его, никакого также сосредоточенія его и округленія мысли затѣмъ, чтобы выставить ее читателю какъ драгоцѣнность; онъ не художникъ, и не заботится обо всемъ этомъ, его стихотворенія—импровизаціи, хотя для такихъ импровизацій нужно имѣть слишкомъ много всякихъ даровъ и слишкомъ приготовленную голову; въ немъ собралось обиліе необыкновенное всѣхъ качествъ: наглядка, наблюдательность, неожиданность выводовъ, чувство умъ, остроуміе, веселость и даже грусть; каждое стихотвореніе его—пестрый фараонъ всего вмѣстѣ... Но въ стихотвореніяхъ его слышится разладъ: слово не сочеталось со словомъ, стихъ со стихомъ; возлѣ крѣпкаго и твердаго стиха, какого нѣтъ ни у одного поэта, помѣщается другой, ничѣмъ на него не похожій; то вдругъ защемитъ онъ чѣмъ-то вырваннымъ живьемъ изъ самаго сердца, то вдругъ оттолкнетъ отъ себя звукомъ [2]), почти чуждымъ сердцу, раздавшимся совершенно не въ тактъ съ предметомъ; слышна несобранность въ себя, не полная жизнь своими силами [3])“... Жуковскій говорилъ, что кн. Вяземскій могъ съ полнымъ правомъ присвоить себѣ стихъ Буало: „И стихъ мой, такъ иль сякъ, а что-нибудь да скажетъ“. Самъ кн. Вяземскій такъ опредѣлилъ свой талантъ: „Я отыскиваю въ себѣ собственное, коренное, родовое; ничего не перенималъ я, никому раболѣпно не слѣдовалъ. Скажу съ французомъ: рюмка моя маленькая, но пью изъ своей рюмки, а что рюмка моя не порожняя, тому свидѣтель—Пушкинъ“.

Кн. Вяземскій извѣстенъ и какъ критикъ. Вмѣстѣ съ Н. Полевымъ основалъ онъ, въ 1825 г., журналъ „Московскій Телеграфъ“—и сразу поднялъ этотъ журналъ своими критическими статьями.

Его характеристики писателей, появлявшіяся еще съ 1816 года, замѣчательны своею живостію; сужденія его отличаются умомъ и ясностію. Впослѣдствіи невольное затворничество во время холеры 1831 года въ подмосковномъ селѣ Остафьевѣ послужило къ написанію капитальнѣйшаго труда его—біографія Фонъ-Визина.

По отзыву Пушкина—кн. Вяземскій былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые охотнѣе другихъ вызываютъ его на споръ. О прозѣ его Пушкинъ записалъ въ черновой тетради: „Проза кн. Вяземскаго чрезвычайно жива. Онъ обладаетъ рѣдкой способностію оригинально выражать мысли“ (Р. С. VI. 539). Въ кишиневскихъ тетрадяхъ между 15 мая и 18 іюля 1821 г. находится начало Посланія къ кн. Вяземскому:

---

[1]) Онъ первый назвалъ кн. Шаховскаго — Шутовскимъ. См. „Поэтическій вѣнокъ Шутовскому“ (1815), 8 эпиграммъ въ „Амфіонѣ“ 1815, № 5. Первая изъ нихъ:

Въ комедіяхъ, сатирахъ Шутовского,
Находимъ мы веселость словаря,
Затѣйливость мѣсяцеслова
И соль и колкость букваря.

[2]) См. вын. на стр. 104. — [3]) „Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность“ (въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“).

Язвительный поэтъ, острякъ замысловатый,
И блескомъ. . . . . [4]), и шутками богатый [5])
Счастливый Вяземскій, завидую тебѣ!
Ты право получилъ, благодаря судьбѣ,
Смѣяться весело надъ злобою ревнивой,
Невѣжество разить анаѳемой игривой...

Стих. „Къ портрету кн. Вяземскаго" впервые напеч. въ „Полярн. Звѣздѣ" 1824 г., безъ именъ автора и кн. Вяземскаго.

Судьба свои дары явить желала въ немъ,
Въ счастливомъ баловнѣ соединивъ ошибкой
Богатство, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ
И простодушіе съ язвительной улыбкой

---

74. Птичка.

(1822).

Стихотвореніе это было прислано Гнѣдичу въ припискѣ къ письму 13 мая 1822 года послѣ слѣдующихъ словъ: „Знаете ли вы трогательный обычай русскаго мужика въ Свѣтлое воскресенье выпускать на волю птичку? Вотъ вамъ стихотвореніе на это".

Напеч. впервые въ „Литер. Листкахъ" Ѳ. Булгарина 1823 г., № 2, съ примѣчаніемъ редактора, гдѣ стихотвореніе это примѣнялось къ „выкупу изъ тюрьмы невинныхъ должниковъ".

---

1 Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При свѣтломъ праздникѣ весны.
2 Я сталъ доступенъ утѣшенью;
За что на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Я могъ свободу даровать?

---

75. Узникъ.

(1822).

Въ письмахъ Пушкина 1822 года безпрестанно выражалась надежда на скорое возвращеніе въ Петербургъ. Такъ 24 января онъ пишетъ брату Льву: „Представь себѣ, что до моей пустыни не доходитъ ни одинъ дружескій голосъ,—что друзья мои, какъ нарочно, рѣшились оправдать элегическую мою

---

[4]) Слово неразборчивое. *Въ изд. О. д. п. н. л. и у.*: и умомъ— [5]) Первоначально этотъ стихъ былъ:

И смѣлой вольностью и шутками богатый...
(Р. С. 1886. IV. 95).

мизантропію—и это состояніе несносно... Постараюсь самъ быть у васъ на нѣсколько дней...“; ему же 21 іюля: „Радость моя, хочется мнѣ съ вами увидѣться... не знаю, буду ли къ вамъ, а постараюсь“; 6 октября: „Я карабкаюсь и, можетъ быть, явлюсь у васъ; но не прежде будущаго года быть мнѣ на мѣстѣ... О, други! къ Августу мольбы мои несите!“ То же читаемъ въ письмѣ къ Катенину отъ 19 іюля, гдѣ онъ, упоминая о постановкѣ Корнелева „Сида“, переведеннаго Катенинымъ, пишетъ: „Какъ бы то ни было, надѣюсь увидѣть эту трагедію зимою, по крайней мѣрѣ постараюсь“, и къ Я. Толстому 26 сентября: „можетъ быть, къ новому году мы свидимся“. По всей вѣроятности, Пушкинъ надѣялся, что ему дадутъ отпускъ. Онъ, очевидно, дѣлалъ попытки къ тому. Онъ писалъ къ завѣдывающему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ гр. Нессельроде, но отвѣта не получилъ (см. письмо къ брату 6 окт.). Жуковскій, который былъ его заступникомъ, по возвращеніи своемъ изъ-за границы, былъ теперь весь поглощенъ занятіями по своей новой обязанности наставника наслѣдника цесаревича, и также не отвѣчалъ Пушкину. „Живу между гетовъ и сарматовъ“, писалъ Пушкинъ 27 іюня Гнѣдичу: „никто не понимаетъ меня; со мною нѣтъ просвѣщеннаго Аристарха; пишу какъ-нибудь, не слыша ни оживительныхъ совѣтовъ, ни похвалъ, ни порицаній“.

Литературная дѣятельность Пушкина, принявшая теперь значительные размѣры, закрѣпила его литературныя связи съ Петербургомъ, гдѣ съ такимъ сочувствіемъ откликнулись на нее. Въ поэтѣ все чаще и чаще шевелилось чувство одиночества въ далекой окраинѣ и лишенія свободы. Нельзя не видѣть въ стих. „Узникъ“ выраженіе этого чувства.

Впервые напеч. въ изд. 1832 г.

---

1 Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой.
Вскормленный на волѣ орелъ молодой,
Мой грустный товарищъ, махая крыломъ,
Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ.

2 Клюетъ и бросаетъ, и смотритъ въ окно,
Какъ будто со мною задумалъ одно.
Зоветъ меня взглядомъ и крикомъ своимъ,
И вымолвить хочетъ: „давай улетимъ!

3 „Мы вольныя птицы; пора, братъ, пора!
Туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора,
Туда, гдѣ синѣютъ морскіе края,
Туда, гдѣ гуляемъ... лишь вѣтеръ да я!..“

---

76. Уединеніе.

(1822).

Мысли о собственномъ уединеніи внушили Пушкину это стихотвореніе, „Такъ и видится Пушкинъ“, замѣчаетъ г. Бартеневъ по поводу этого

стихотворенія, „на отдаленномъ концѣ Кишинева; онъ на время мирится съ судьбою и работаетъ, полный памятью о прежнихъ веселыхъ дняхъ и оживляемый надеждою на болѣе свѣтлое будущее“ (ст. 4). Здѣсь выражена добрая сторона уединенія.

Напечатано впервые въ изд. 1826 г.

Блаженъ, кто въ отдаленной сѣни,
Вдали взыскательныхъ невѣждъ,
Дни дѣлитъ межъ трудовъ и лѣни,
Воспоминаній и надеждъ;
Кому судьба друзей послала,
Кто скрытъ, по милости Творца,
Отъ усыпителя глупца,
Отъ пробудителя нахала.

---

77. Баратынскому изъ Бессарабіи.

(1822).

Е. А. Баратынскій (1800—1844) началъ свою поэтическую дѣятельность почти одновременно съ Пушкинымъ, и Жуковскій первый почувствовалъ талантъ въ его произведеніяхъ. Послѣ элегій Жуковскаго, Батюшкова и Пушкина, элегій, уже повидимому выразившихъ всѣ стороны элегическаго настроенія, казалось, элегическому поэту трудно было выйти изъ круга подражаній. Но будучи одаренъ точнымъ, испытующимъ и яснымъ умомъ, Баратынскій внесъ въ лирическія произведенія эти свойства его, и если муза его, по собственному его выраженію, не поражала красотою, то обращала на себя вниманіе „лица необщимъ выраженьемъ“, Пушкинъ называлъ его „Гамлетомъ“ по тѣмъ, порою безотраднымъ, выводамъ размышляющаго ума, къ которымъ приходилъ онъ въ своихъ произведеніяхъ.—Не менѣе оригинальнымъ явился онъ въ своихъ поэмахъ. Простота замысла, живость изображенія и точность языка составляютъ отличительное свойство ихъ. Связанный тѣсною дружбою съ Жуковскимъ, Пушкинымъ, бар. Дельвигомъ и кн. Вяземскимъ, онъ вызывалъ горячее сочувствіе ихъ и находилъ въ нихъ должную оцѣнку своимъ произведеніямъ. „Изъ нашихъ поэтовъ писалъ впослѣдствіи (1830) Пушкинъ, „Баратынскій всѣхъ менѣе пользуется обычной благосклонностью журналовъ, — оттого ли, что вѣрность ума, чувства, точность выраженія, вкусъ, ясность и стройность менѣе дѣйствуютъ на толпу, нежели преувеличеніе модной поэзіи... Появленіе „Эды“, произведенія столь замѣчательнаго оригинальной своей простотою, прелестью разсказа, живостью красокъ и очеркомъ характеровъ, слегка, но мастерски очерченныхъ, появленіе „Эды“ подало только поводъ къ неприличной статейкѣ въ „Сѣверной Пчелѣ“ и слабому возраженію на нее въ „Моск. Телеграфѣ“. Какъ отозвался „Моск. Вѣстникъ“ на стихотворенія нашего перваго элегическаго поэта? (Упоминаю обо всемъ этомъ для назиданія молодыхъ писателей). Между тѣмъ Баратынскій спокойно совершенствовался. Послѣднія его произведенія являются плодами зрѣлаго

таланта. Послѣдняя поэма „Балъ“ подтверждаетъ наше мнѣніе. Сіе блестящее произведеніе исполнено оригинальныхъ красотъ и прелести необыкновенной... Баратынскій принадлежитъ къ числу отличныхъ нашихъ поэтовъ. Онъ у насъ оригиналенъ — ибо мыслитъ... Гармонія его стиховъ, свѣжесть слога, живость и точность выраженія должны поразить всякаго, хотя нѣсколько одареннаго вкусомъ, чувствомъ... Первыя юношескія произведенія Баратынскаго были нѣкогда приняты съ восторгомъ; послѣднія, болѣе зрѣлыя, болѣе близкія къ совершенству, въ публикѣ имѣли малый успѣхъ. Время ему занять степень, ему принадлежащую, и стать подлѣ Жуковскаго, и не выше пѣвца Пенатовъ и Тавриды“ („Мои Пенаты“, посланіе, и „Таврида“ идиллія Батюшкова).

Напечатано впервые въ „Сѣв. Цв.“ 1826 г.).

Сія пустынная страна
Священна для души поэта:
Она Державинымъ воспѣта [1])
И славой русскою полна.
Еще донынѣ тѣнь Назона [2])
Дунайскихъ ищетъ береговъ;
Она летитъ на сладкій зовъ
Питомцевъ музъ и Аполлона,
И съ нею часто при лунѣ
Брожу вдоль берега крутого;
Но, другъ, обнять милѣе мнѣ
Въ тебѣ Овидія живого.

---

78. Къ Ѳ. Н. Глинкѣ.

(1822).

Ѳ. Н. Глинка (1788 — 1880), выпущенный изъ кадетскаго корпуса въ 1803 г., участвовалъ въ походѣ противъ французовъ 1805 — 1806 г. адъютантомъ при ген. Милорадовичѣ. События этой войны описаны имъ въ „Письмахъ русскаго офицера“. Проживши затѣмъ шесть лѣтъ въ своемъ имѣніи Смоленской губерніи, занимаясь науками и литературой, въ 1810 и 1811 годахъ предпринялъ поѣздку по Россіи, посѣтилъ Кіевъ, и замѣтки объ этой поѣздкѣ внесъ въ „Письма русскаго офицера“ 1815 — 1816 г. Въ 1812 г. онъ слѣдовалъ отъ Смоленска до Тарутина съ русской арміей и, вступивъ вновь на службу, оставался при ген. Милорадовичѣ до окончанія кампаніи, а въ 1815 г. перешелъ въ гвардейскій штабъ. Въ домѣ штаба была учреждена библіотека для офицеровъ и подъ Высочайшимъ покровительствомъ—„Общество военныхъ людей“, которое издавало въ 1817—1819 г. „Военный Журналъ“. Съ 1818 г. Глинка состоялъ при петербургскомъ генералъ-губернаторѣ Милорадовичѣ и былъ избранъ вице-президентомъ учрежденнаго въ 1816 г. „Вольнаго общества любителей россійской словесности“, издававшаго журналъ „Соревнователь просвѣщенія“ (1817 — 1825). Пребываніе въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, начиная съ 1826 г., въ Олонецкой губерніи вызвало поэму Ѳ. Н. Глинки: „Карелія, или заточеніе Мареы Іоанновны Романовой“ (1830). Въ 1839 г. издалъ онъ „Очерки Бородинскаго сраженія“. Въ послѣдній періодъ своей жизни провелъ онъ въ Твери. Послѣдними его произведеніями были духовныя стихотворенія (та-

---

[1]) Въ одѣ „На взятіе Измаила“. —

[2]) См. вступит. зам. къ № 72.

кія произведенія онъ писалъ и ранѣе: „Опытъ священной поэзіи“ вышелъ еще въ 1826 г.). Однимъ изъ послѣднихъ его произведеній была мистическая поэма: „Таинственная капля“.

Посланіе Пушкина къ Ѳ. Н. Глинкѣ есть отвѣтъ на посланіе Глинки къ нему, и относится къ тому времени, когда Глинка жилъ въ Петербургѣ, гдѣ еще передъ высылкою Пушкина на югъ онъ принялъ дѣятельное участіе въ судьбѣ его. Теперь въ поэтическомъ уголкѣ П. А. Плетнева часто и съ любовію поминался Пушкинъ и слушались его стихи отъ брата его Льва, обладавшаго сильною памятью и читавшаго наизусть цѣлыя поэмы своего брата.

Пушкинъ не признавалъ достоинствъ въ слабыхъ произведеніяхъ Глинки, которыя вызвали даже его эпиграмму въ одномъ изъ писемъ къ кн. Вяземскому, но любилъ и уважалъ Глинку за честный нравъ и незлобивое сердце.

Написанное въ 1822 г. [1]), стихотвореніе это было послано Ѳ. Н. Глинкѣ Пушкинымъ черезъ брата Льва, но письмо не дошло по своему назначенію. Потому въ январѣ 1823 г. поэтъ вторично включилъ его въ письмо къ брату и просилъ показать его Глинкѣ. „Обними его за меня“, писалъ онъ, „и скажи ему, что онъ все-таки почтеннѣйшій человѣкъ здѣшняго міра“.

Напеч. впервые—отрывокъ въ „Моск. Вѣд.“ 1855, № 145, а вполнѣ — въ „Современникѣ“ 1856 г., № 7.

Когда средь оргій жизни шумной
Меня постигнулъ остракизмъ,
Увидѣлъ я толпы безумной
Презрѣнный, робкій эгоизмъ;
Безъ слезъ оставилъ я съ досадой
Вѣнки пировъ и блескъ Аѳинъ,
Но голосъ твой мнѣ былъ отрадой,
Великодушный гражданинъ!
Пускай судьба опредѣлила
Гоненья грозныя мнѣ вновь,
Пускай мнѣ дружба измѣнила,
Какъ измѣнила мнѣ любовь,
Въ моемъ изгнаньи позабуду
Несправедливость ихъ обидъ:
Онѣ ничтожны, если буду
Тобой оправданъ, Аристидъ!

---

79. Телѣга жизни.

(1823).

Стихотвореніе это понравилось простотою избранной поэтомъ аллегоріи простонароднаго языка, которымъ оно написано вопреки обычаю старыхъ поэтовъ прибѣгать къ чуждымъ формамъ и тяжелому языку дидактической поэзіи въ произведеніяхъ, имѣющихъ содержаніе, подобное мысли этого стихотворенія. Избранная Пушкинымъ форма его какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ безстрастному взгляду, брошенному здѣсь поэтомъ на предметъ, служащій темою стихотворенія. Намѣренная грубость аллегоріи сообщаетъ стихотворенію характеръ глубокой ироніи, обнажающей жизнь

[1]) См. Р. С. 1884, IV, 104.

отъ всякой иллюзіи. Такая иронія не чужда русскому народному воззрѣнію.

Напеч. впервые въ „Моск. Телеграфѣ“ 1825, № 1. Здѣсь печатается по редакціи 1826 г.

---

¹ Хоть тяжело подъ часъ въ ней бремя,
Телѣга на ходу легка;
Ямщикъ лихой, сѣдое время,
Везетъ, не слѣзетъ съ облучка.

² Съ утра садимся мы въ телѣгу;
Мы погоняемъ съ ямщикомъ [а];
И презирая лѣнь и нѣгу,
Кричимъ: валяй по всѣмъ по тремъ [б]!

³ Но въ полдень нѣтъ ужъ той отваги—
Порастрясло насъ, намъ страшнѣй
И косогоры и овраги;
Кричимъ: полегче, дуралей!

⁴ Катитъ попрежнему телѣга.
Подъ вечеръ мы привыкли къ ней,
И дремля ѣдемъ до ночлега,
А время гонитъ лошадей.

---

80. Демонъ.

(1823).

Мрачное настроеніе Пушкина, какъ мы видѣли, нашло свое выраженіе въ стихотвореніи 1821 года: „Я пережилъ свои желанья“ (см. № 62). Въ 1822 году онъ написалъ стихотвореніе „Свободы сѣятель пустынный“ [1]), въ которомъ выразилось его разочарованіе на этотъ разъ въ мечтахъ о народной свободѣ, которыя, какъ казалось, должны были по низложеніи Наполеона осуществиться среди угнетенныхъ, подобно Греціи, народовъ (какъ онъ то выразилъ въ послѣдней строфѣ оды „Наполеонъ“, см. № 68), но въ томъ же году были разрушены ясно заявляемою политикою Священнаго Союза.

Такимъ образомъ поддержанное впечатлѣніемъ отъ „Ч. Гарольда“ разочарованіе въ счастіи личномъ, исканіемъ котораго безпечно началъ поэтъ свою жизнь, и потеря вѣры въ осуществленіе идеаловъ политическихъ, вызванная событіями послѣ паденія Наполеона, временно помутили въ душѣ его ту гармонію, выразить которую былъ призванъ его поэтическій геній. Скептицизмъ, вообще не свойственный его уму, запалъ однако въ его душу. Онъ нашелъ свое выраженіе и въ отрывкѣ, въ которомъ нельзя не видѣть начатка стихотворенія, извѣстнаго подъ именемъ „Демона“, отрывкѣ, находящемся на той же страницѣ черновыхъ тетрадей поэта, гдѣ написано и стихотвореніе „Свободы сѣятель пустынный“ [2]). Въ этомъ отрывкѣ уже дана мысль „Демона“. Духъ сомнѣнія и отрицанія получилъ уже олицетвореніе. Между прочимъ мы читаемъ здѣсь:

[а] Мы рады голову сломать. — [б] Кричимъ: пошелъ...!

[1]) Въ этомъ стихотвореніи нельзя не видѣть выраженія чувствъ, въ которыхъ отозвалась потеря надежды на освобожденіе Греціи:

Паситесь, мирные народы,
Васъ не пробудитъ чести кличъ!
Къ чему стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь...

[2]) См. Р. С. 1884, V, 337.

Мое покойное незнанье
Страстями... [3]) возмущалъ,
И я его существованье
Съ своимъ невиннымъ сочеталъ.
Онъ обѣщалъ...
Истолковать мнѣ все творенье
И разгадать добро и зло...

Непостижимое волненье
Меня къ лукавому влекло...
Я сталъ взирать его очами,
Мнѣ жизни дался бѣдный кладъ,
Съ его неясными словами
Моя душа звучала въ ладъ.

Когда впослѣдствіи явилось стихотвореніе „Мой демонъ“ въ Мнемозинѣ 1824 г. (ч. III, стр. 11 и 12), перепечатанное въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ 1825 г., и возбудило многіе толки, при чемъ молва рѣшила, что демонъ списанъ съ личности старшаго сына ген. Раевскаго (см. стр. 110) — Александра, на томъ единственно основаніи, что онъ пользовался репутаціей скептическаго ума, Пушкинъ заготовилъ для печати замѣтку (оставшуюся не напечатанною), гдѣ объяснялъ стих. „Демонъ“ какъ олицетвореніе духа отрицанія и сомнѣнія и какъ „картину печальнаго вліянія на нравственность нашего вѣка“, и выразилъ пройденный на собственномъ опытѣ путь разочарованія, который его велъ къ скептицизму. „Сердце, не охлажденное опытомъ“, пишетъ онъ въ этой замѣткѣ, „доступно для прекраснаго; оно легковѣрно и нѣжно (ср. выше: „мое спокойное незнанье“ и „невинное существованье“); мало-по-малу вѣчныя противорѣчія существенности рождаютъ въ немъ сомнѣніе: чувство мучительное“.

Но такое настроеніе противорѣчило душѣ поэта, обладавшей неисчерпаемыми силами идеализма. И потому болѣзненное чувство скептицизма скоро нашло у него свой исходъ.

Въ близкой связи съ этимъ первымъ наброскомъ „Демона“ находятся наброски къ XLV строфѣ I-й главы „Евгенія Онѣгина“.

Это та строфа, гдѣ поэтъ повѣствуетъ, что самъ лично познакомился съ Онѣгинымъ, во всемъ разочаровавшимся и, послѣ поисковъ чужого ума въ книгахъ, задернувшимъ ихъ траурною тафтою:

Мнѣ нравились его черты,
Мечтамъ невольная преданность,
Неподражаемая странность
И рѣзкій охлажденный умъ.
Я былъ озлобленъ, онъ угрюмъ.
(Е. О. I, стр. XLV).

Къ этой-то строфѣ Онѣгина читаемъ отрывокъ:

Мнѣ было грустно, тяжко, больно,
Но одолѣвъ мой умъ въ борьбѣ,
Онъ сочеталъ меня невольно
Своей таинственной судьбѣ;
Я сталъ взирать его очами,
Съ его печальными рѣчами
Мои слова звучали въ ладъ.

Потомъ опять:

Мою задумчивую младость
Онъ для восторговъ охладилъ.
Я неописанную сладость
Въ его бесѣдахъ находилъ.

Я сталъ взирать его очами;
Открылъ я жизни бѣдный кладъ,
Въ замѣну прежнихъ заблужденій,
Въ замѣну вѣры и надеждъ
Для легкомысленныхъ невѣждъ.

Послѣдній отрывокъ находится въ тетради среди набросковъ двухъ послѣднихъ строфъ II главы „Евгенія Онѣгина“, помѣченныхъ 8 дек. 1823.

[3]) Демонъ.

Слѣдовательно Пушкинъ черезъ годъ и нѣсколько мѣсяцевъ для изображенія своихъ отношеній къ герою романа прибѣгъ къ тому, что стояло въ самомъ дѣлѣ передъ нимъ, какъ искушающее начало. Итакъ, тотъ, кто смутилъ его „спокойное незнаніе" и его „невинное существованіе", оказался никѣмъ инымъ, какъ Онѣгинымъ.

Этотъ фактъ объясняетъ, какъ лично пережитое поэтомъ мучительное чувство скептицизма, олицетворившись, перешло въ созданное имъ лицо романа, въ тотъ моментъ, когда поэтъ окончательно опредѣлилъ фигуру своего героя, который по сущности тонкаго замысла не долженъ былъ явиться лицомъ комическимъ, что угрожало ему, пока писалась I-я глава, но долженъ былъ носить на своемъ внушительномъ и порою чарующемъ лицѣ только нѣкоторую черту ограниченности, чтобы впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ ходѣ созданія, получить печать ничтожества и заслужить извѣстные вопросы:

Чудакъ печальный и опасный,
Созданье ада иль небесъ,
Сей ангелъ, сей надменный бѣсъ.
Что жъ онъ? Ужели подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ.
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ?
Ужъ не пародія ли онъ?
(Е. О. Гл. VII, стр. XXIV).

Но до этихъ вопросовъ было еще далеко въ то время, когда Пушкинъ выступилъ самъ съ героемъ своимъ въ I гл. романа, то сливаясь самъ, то двоясь съ нимъ. Наступилъ наконецъ моментъ, когда Пушкину нужно было всмотрѣться въ лицо своего героя, въ его чудный взглядъ, презрительную насмѣшку, холодную неприступность, которыя дѣлали его заманчивымъ и привлекли къ нему юную Татьяну. При всѣхъ смѣшныхъ сторонахъ Онѣгина особенно много разсѣянныхъ въ I-й главѣ, увидѣлъ Пушкинъ, что не такимъ онъ былъ для людей, его окружавшихъ; наконецъ и самъ поэтъ сознается, что „смущался" сначала его охладительнымъ словомъ, его „язвительнымъ споромъ", желчными шутками, „злостью его мрачныхъ эпиграммъ", — и онъ рѣшилъ, что, дабы не нарушить правды всего изображенія, его герой не долженъ быть лицомъ комическимъ.

Тогда, подобно художнику, пишущему на особомъ холстѣ эскизы лицъ, нужныхъ для его картины, и Пушкинъ набросалъ какое-то лицо; онъ довелъ искусительныя чары этого лица со всею послѣдовательностію до крайнихъ предѣловъ, искренно холодѣя въ непонятной тоскѣ передъ этимъ порожденіемъ своего артистическаго каприза—вышелъ „Демонъ". Потомъ онъ внесъ эту фигуру въ бытовую обстановку картины своего романа, гдѣ рисовалъ русскую дѣйствительность, и когда переодѣлъ ее въ соотвѣтствующій костюмъ, то увидѣлъ, что и черты лица ея потребовали едва замѣтнаго измѣненія; измѣненіе было сдѣлано—вышелъ Онѣгинъ.

Такъ излѣчился поэтъ отъ своего чувства подчиненія демоническому началу, отложивъ его въ полукомическое созданіе своей фантазіи. „Демонъ" же во всемъ этомъ творческомъ процессѣ имѣетъ значеніе эскиза, который, будучи законченъ, остался отдѣльнымъ этюдомъ на пути созданія Онѣгина во II-й главѣ романа [1]).

---

[1]) См. объ этомъ подробнѣе въ статьѣ моей „Демонъ Пушкинъ" въ Русскомъ Вѣстникѣ" 1886 г., № 8.

Въ IV кн. Мнемозины кн. Одоевскій предпосылаетъ своей статьѣ: „Новый демонъ“ (въ которой олицетворилъ растлѣвающую духъ свѣтскую жизнь) слѣдующее вступленіе: „Съ какимъ сумрачнымъ наслажденіемъ читалъ я произведеніе, гдѣ поэтъ Россіи такъ живо олицетворилъ тѣ непонятныя чувствованія, которыя холодятъ нашу душу посреди восторговъ самыхъ пламенныхъ. Глубоко проникнулъ онъ въ сокровищницу сердца человѣческаго, изъ нея похитилъ ткани, неприкосновенныя для простолюдина — которыми облекъ онъ своего таинственнаго Демона. Но не только внутри существуетъ сей злобный геній, онъ находится и *внѣ* насъ; послѣдній не такъ опасенъ какъ первый—но не менѣе мучителенъ“.

Въ тѣ дни, когда [а] мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья [б] бытія—
И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы,
И ночью пѣнье соловья;

Когда возвышенныя чувства,
Свобода, слава и любовь,
И вдохновенныя искусства
Такъ [в] сильно волновали кровь:

Часы надеждъ и наслажденій [г]
Тоской внезапной осѣня,
Тогда какой-то злобный геній
Сталъ тайно [д] навѣщать меня.

Печальны были наши встрѣчи:
Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.

Неистощимой клеветою
Онъ провидѣнье искушалъ:
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ;

Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ;
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ [е]—
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

---

81. Изъ отрывка: „Недвижный стражъ дремалъ“.

(1823) 1).

Съ назначеніемъ (указомъ 7 мая 1823 г.) гр. М. С. Воронцова новороссійскимъ генералъ - губернаторомъ и намѣстникомъ Бессарабіи, управленіе

[а] Когда еще (*Мнемозина*).—[б] наслажденья (*Мн.*).— [в] Мнѣ (*Мн.*).— [г] Въ часы надеждъ и упоеній (*Мн.*).—[д] въ тайнѣ (*Мн.*).—[е] съ насмѣшкою смотрѣлъ (*Мн.*).

1) См. Р. С. 1884. іюнь. 568.

краемъ было сосредоточено въ Одессѣ. Бессарабская намѣстническая канцелярія переѣхала туда. Вмѣстѣ съ другими чиновниками и Пушкинъ перечисленъ въ Одессу, куда до тѣхъ поръ онъ пріѣзжалъ лишь временно.

Вниманіе Пушкина было вновь обращено европейскими событіями, судя по стихотворенію „Недвижный стражъ дремалъ", которое относится къ концу 1823 г. и написано уже въ Одессѣ.

„Этотъ превосходный отрывокъ", пишетъ г. Бартеневъ ²), „въ которомъ Наполеонъ сопоставленъ съ Императоромъ Александромъ, особенно любопытенъ для насъ тѣми строфами, въ которыхъ описана физіономія Наполеона. Они показываютъ, какъ Пушкинъ прилежно вглядывался въ его портреты, и какъ глубоко его образъ запечатлѣлся въ душѣ нашего поэта" (строфы 8 и 9).

Впервые напеч. вторая половина въ „Современникѣ" 1857, № 11: первая половина частями—въ „Русск. Рѣчи" и въ „Совр." и все стих. вполнѣ въ „Р. Арх." 1876, № 10.

---

1 Недвижный стражъ дремалъ на царственномъ порогѣ;
Владыка Сѣвера одинъ въ своемъ чертогѣ
Безмолвно бодрствовалъ—и жребіи земли
Въ увѣнчанной главѣ стѣсненные лежали,
Чредою выпадали
И міру тихую неволю въ даръ несли ¹).
. . . .

6 . . . . . и нѣкій духъ повѣялъ невидимо,
Повѣялъ и затихъ, и вновь повѣялъ мимо.
Владыку Сѣвера мгновенный хладъ объялъ.
На царственный порогъ вперилъ, смутясь, онъ очи...
Раздался бой полночи—
И се, внезапный гость въ чертогъ царя предсталъ.

7 То былъ сей чудный мужъ, посланникъ провидѣнья,
Свершитель роковой безвѣстнаго велѣнья,
Сей всадникъ, передъ кѣмъ склонялися цари
Мятежной вольницы наслѣдникъ и убійца,
Сей хладный кровопійца
Сей царь, исчезнувшій какъ сонъ, какъ тѣнь зари ²).

8 Ни тучной праздности лѣнивыя морщины,
Ни поступь тяжкая, ни раннія сѣдины,
Ни пламень гаснущій нахмуренныхъ очей—
Не обличали въ немъ изгнаннаго героя,
Мученіемъ покоя
Въ моряхъ казненнаго, по манію царей.

9 Нѣтъ, чудный взоръ его, живой, неуловимый,
То вдаль затерянный, то вдругъ неотразимый,
Какъ боевой перунъ, какъ молнія сверкалъ;

---

²) П. на югѣ. 78, 79. ¹) Время до 1812 г.—²) Наполеонъ.

Во цвѣтѣ здравія, и мужества, и мощи,
Владыкѣ Полунощи
Владыка Запада грозящій предстоялъ.

Таковъ онъ былъ, когда въ равнинахъ Австерлица
Дружины Сѣвера гнала его десница,
И русскій въ первый разъ предъ гибелью бѣжалъ;
Таковъ онъ былъ, когда съ побѣднымъ договоромъ
И съ миромъ иль позоромъ
Предъ юношей-царемъ въ Тильзитѣ предстоялъ...

---

82. Возстань, о Греція, возстань!

(1823).

Выше (на стр. 124) было упомянуто, что Пушкинъ не былъ равнодушенъ къ угнетенію Греціи. По письмамъ его можно прослѣдить, какъ относился онъ къ греческому возстанію съ самаго начала его.

Въ мартѣ или апрѣлѣ 1821 года писалъ Пушкинъ А. Н. Раевскому: „Увѣдомляю тебя о происшествіяхъ, которыя будутъ имѣть послѣдствія важныя не только для нашего края, но и для всей Европы. Греція возстала и провозгласила свою свободу. Теодоръ Владиміреско, служившій нѣкогда въ войскахъ покойнаго кн. Ипсиланти, въ началѣ февраля нынѣшняго года вышелъ изъ Букареста съ малымъ числомъ вооруженныхъ арнаутовъ, и объявилъ, что греки не въ силахъ болѣе выносить притѣсненій и грабительствъ турецкихъ начальниковъ, что рѣшились освободиться отъ незаконнаго ига.

... Въ нѣсколько дней онъ уже начальствовалъ 7000 войска. 21 февр. ген. кн. Александръ Ипсиланти, съ 2-мя изъ своихъ братьевъ и съ кн. Георгіемъ Кантакузенъ, прибылъ въ Яссы изъ Кишинева, гдѣ оставилъ онъ мать, сестеръ и двухъ братьевъ. Онъ былъ встрѣченъ 300 арнаутовъ... и тотчасъ принялъ начальство города. Тамъ издалъ онъ прокламаціи, которыя быстро разошлись повсюду: въ нихъ сказано, что фениксъ Греціи воспрянетъ изъ своего пепла, что часъ гибели для Турціи насталъ и пр., и что *великая держава одобряетъ подвигъ великодушный*. Греки стали стекаться толпами подъ его трое знаменъ, изъ которыхъ одно трехъ-цвѣтное, на другомъ развѣшивается крестъ, обвитый лаврами, съ текстомъ: „Симъ побѣдиши“, на третьемъ изображенъ возрождающійся фениксъ. Я видѣлъ письмо одного инсургента. Съ жаромъ описываетъ онъ обрядъ освященія знаменъ и меча кн. Ипсиланти, восторгъ духовенства и народа: прекрасная минута надежды и свободы!

... Старецъ Али [1]) принялъ христіанскую вѣру и окрещенъ именемъ Константина. 2000-ный отрядъ его, который шелъ на соединеніе съ суліотами, уничтоженъ турецкимъ войскомъ. Восторгъ умовъ дошелъ до высочайшей степени: всѣ мысли устремлены къ одному предмету — на независимость древняго отечества. Въ Одессѣ я уже не засталъ любопытнаго зрѣлища; въ лавкахъ, на улицахъ, въ трактирахъ — вездѣ собирались толпы грековъ; всѣ продавали за ничто свое имущество, поку-

---

1) Али-паша Янинскій.

пали сабли, ружья, пистолеты; всѣ говорили о Леонидѣ, о Ѳемистоклѣ, всѣ шли въ войско счастливца Ипсиланти. Жизнь, имѣнія грековъ въ его распоряженіи! Вначалѣ имѣлъ онъ 2 милліона, и 10.800 грековъ записались въ войско; Ипсиланти идетъ на соединеніе съ Владиміреско. Онъ называется главнокомандующимъ сѣверныхъ греческихъ войскъ... Странная картина! Два народа, давно падшихъ въ презрительное ничтожество, въ одно время возстаютъ отъ долгаго усыпленія и возобновляются, являются на политическомъ поприщѣ міра [2]). Первый шагъ Ипсиланти прекрасенъ и блистателенъ! Онъ счастливо началъ! 28 лѣтъ, оторванная рука, цѣль великодушная! отнынѣ онъ принадлежитъ исторіи... Важный вопросъ: что станетъ дѣлать Россія? Займемъ ли мы Молдавію и Валахію подъ видомъ миролюбивыхъ посредниковъ; перейдемъ ли мы за Дунай союзниками грековъ и врагами ихъ враговъ? [3]) Во всякомъ случаѣ буду увѣдомлять".

Пылкое чувство поэта, выраженное въ этомъ письмѣ, начертавшее въ его воображеніи величавую картину освобождающагося народа, вызвало слѣдующія строки при извѣстіи о неуспѣшности возставшихъ грековъ: „Константинопольскіе нищіе", писалъ онъ въ 1823 году тому же А. Н. Раевскому, „карманные воришки, бродяги безъ смѣлости, которые не могли выдержать перваго огня даже плохихъ турецкихъ стрѣлковъ—вотъ что они... Что касается до офицеровъ, то они еще хуже солдатъ. Мы видѣли этихъ новыхъ Леонидовъ на улицахъ Одессы и Кишинева, со многими изъ нихъ были лично знакомы, и свидѣтельствуемъ теперь объ ихъ полномъ ничтожествѣ; никакого понятія о чести, никакого энтузіазма... Я не варваръ и не апостолъ Корана, дѣло Греціи меня живо трогаетъ: вотъ почему я и негодую, видя, что на долю этихъ несчастныхъ выпала священная обязанность быть защитниками свободы" [4]).

Впослѣдствіи Пушкинъ и еще болѣе рѣзко отзывался о грекахъ. По всему видно, что его болѣе всего оскорбляло то противорѣчіе дѣйствительности съ громкими фразами, которыя онъ слышалъ вокругъ себя и которыми такъ легко опошливается всякій предметъ, будучи, такъ сказать, вынесенъ на улицу. „Когда что-нибудь дѣлается общимъ мнѣніемъ", писалъ онъ Раевскому уже въ іюнѣ 1824 г., „то глупость общая вредитъ ему столь же, сколько единодушіе его поддерживаетъ. Греки между европейцами имѣютъ гораздо болѣе вредныхъ поборниковъ, нежели благоразумныхъ друзей.

Поэтическимъ отзывомъ на дѣло Греціи было стихотвореніе Пушкина „Возстань, о Греція, возстань!" Изъ европейскихъ поэтовъ гораздо ранѣе уже отзывался Байронъ на печальную судьбу грековъ подъ мусульманскимъ игомъ. Во II пѣсни „Ч. Гарольда" не мало строкъ посвящаетъ онъ Греціи, которую посѣтилъ во время перваго своего путешествія по югу Европы (1890—1811). Такъ въ 38 строфѣ этой пѣсни восклицаетъ онъ при видѣ Албаніи:

---

[2]) Греки и итальянцы, у которыхъ тогда происходило карбонарское движеніе.—[3]) О послѣдствіяхъ принятія Имп. Александромъ I обязательствъ Священнаго Союза см. стр. 124. Какъ извѣстно, освобожденіе Греціи при помощи Россіи послѣдовало уже во время царствованія Имп. Николая I.—[4]) Письмо въ подлинникѣ—на фр. яз.

Суровый край! О гдѣ ты, гдѣ ты?
Не узнаю я этихъ мѣстъ:
Вкругъ поднялися минареты;
Гдѣ на церквахъ былъ прежде крестъ,
Теперь рогъ мѣсяца блистаетъ...

Въ строфѣ 73-й уже прямо выражены мысли о возстаніи Греціи, за 10 лѣтъ до того возстанія, въ которомъ онъ принялъ при концѣ жизни своей личное участіе:

О Грецiя! гробница славы!
Ты и въ паденьи велика!
Рабы!.. воспрянете когда вы?
Съ васъ иго свергнетъ чья рука?
Найдемъ ли въ васъ, больныхъ и хилыхъ,
Героевъ Греціи святой,
Погибшихъ гордо въ Ѳермопилахъ,
Отдавшихъ женъ за край родной?
Кто жъ духъ воинственной Эллады
Вновь воскреситъ въ груди рабовъ?
Они ль возстанутъ изъ гробовъ?
И рабства рушатся перегради,
И будутъ Аттики сыны
Опять свободны и сильны!

И далѣе:

Теперь не грозные тираны
Ей цѣпи тяжкія куютъ,
Но каждый ей наноситъ раны,
Надъ ней заноситъ дерзкій кнутъ,
И цѣлый край лежитъ безъ силы,
И на спинѣ своей несетъ
Безславно свой турецкій гнетъ.
(Стр. 74),

Въ строфѣ 76-й Байронъ выражаетъ мысль о томъ, чтобы Грецiя не разсчитывала на союзниковъ (Британскій поэтъ не вѣритъ ихъ безкорыстію):

Рабы, но развѣ вы забыли:
Кому свободы сладокъ даръ,
Тѣ рабству сами наносили
Въ бою рѣшительный ударъ.
Защиты ль русскаго народа
Вы ждете? Галлъ ли васъ спасетъ?..

Въ 1822 г., прибывъ въ Геную, Байронъ рѣшился принять личное участіе въ судьбѣ уже возставшей Греціи. Онъ собралъ всѣ бывшія у него деньги, 14 іюня 1823 г. отплылъ съ нѣсколькими друзьями въ Грецію и съ торжествомъ былъ принятъ въ Миссалонги 5 января 1824 г. Онъ сформировалъ на свой счетъ бригаду суліотовъ и получилъ начальство надъ войсками, назначенными для нападенія на Лепанто. Это было за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти (19 апр. 1824 г.).

Впервые напеч. въ изд. 1855.

---

1 Возстань, о Грецiя, возстань!
Не даромъ напрягаешь силы,
Не даромъ потрясаетъ брань
Олимпъ и Пиндъ, и Ѳермопилы.

2 Подъ сѣнью ветхой ихъ вершинъ
Свобода древняя возникла,
Святые мраморы Аѳинъ,

Гроба Тезея и Перикла.
Страна героевъ и боговъ.
Расторгни рабскія вериги,
При пѣньи пламенныхъ стиховъ
Тиртея [1]), Байрона и Риги [2])!

---

83. Надгробная надпись кн. А. И. Голицыну.

(1823).

Надпись эта написана для памятника младенцу, сыну кн. Николая Борисовича Голицына и княгини Елены Александровны (урожд. кн. Салтыковой), родившемуся 22 апр. 1822 г. и умершему 18 мая 1823 г. Она вырѣзана съ указанными въ варіантахъ измѣненіями на памятникѣ въ Александро-Невской Лаврѣ въ Спб., гдѣ похороненъ этотъ младенецъ.

Впервые напеч. въ „Библ. Зап.“ 1858, № 16.

Отраднымъ ангеломъ ты съ неба [а] къ намъ явился,
И радость райскую [б] принесъ съ собою къ намъ;
Но житель горнихъ мѣстъ, ты [в] міромъ не прельстился,
И снова отлетѣлъ въ отчизну къ небесамъ.

---

84. Княгинѣ М. А. Голицыной.

(1824) [3]).

Стихотвореніе это написанное въ Одессѣ, относится къ тому же лицу, которое вызвало элегію № 71 (1821).

Напеч. впервые въ „Карм. книжкѣ для любителей старины“ 1830 г.

Давно объ ней воспоминанье
Ношу въ сердечной глубинѣ;
Ея минутное вниманье
Отрадой долго было мнѣ.
Твердилъ я стихъ обвороженный,
Мой стихъ, унынья звукъ живой,
Такъ мило ею повторенный,
Замѣченный ея душой,
Вновь лирѣ слезъ и тайной муки
Она съ участіемъ вняла—
И нынѣ ей передала
Свои плѣнительные звуки...
Довольно! Въ гордости моей
Я мыслить буду съ умиленьемъ:
Я славой былъ обязанъ ей,
А можетъ быть, и вдохновеньемъ.

[а] на землю,— [б] И счастье райское.—[в] онъ.

---

1) Т и р т е й—греч. поэтъ, родомъ изъ Аттики (ок. 684 г. до Р. Х.) сочинялъ политическія военныя пѣсни, которыми воодушевилъ спартанцевъ въ побѣдѣ ихъ надъ мессенцами.—2) К о н с т а н т и н ъ Р и г а с ъ—поэтъ, казненный турками въ Бѣлградѣ въ 1798 г. за пѣсни, призывавшія грековъ къ оружію.

3) Р. С. 1884. Іюнь, 569.

85. Иностранкѣ.

(ВЪ АЛЬБОМЪ).

(1824).

Стихотвореніе написано 19 мая въ альбомъ иностранкѣ [1]) при разставаніи. Замѣчательно, что послѣ двухлѣтняго знакомства она только при написаніи этого прощальнаго стихотворенія узнала, что Пушкинъ—поэтъ. „Что это значитъ?“ спросила она Пушкина.—„Покажите это за-границей любому русскому, и онъ вамъ скажетъ“, отвѣчалъ Пушкинъ [2]).

Бѣлинскій (1844) отнесъ это стихотвореніе къ самобытнымъ произведеніямъ поэта.

Напеч. впервые въ изд. 1826 г.

На языкѣ, тебѣ не внятномъ,
Стихи прощальные пишу;
Но въ заблужденіи пріятномъ
Вниманья твоего прошу:
Мой другъ, доколѣ не увяну
Въ разлукѣ, чувство погубя,
Боготворить не перестану
Тебя, мой другъ, одну тебя!
На чуждыя черты взирая,
Вѣрь только сердцу моему,
Какъ прежде вѣрила ему,
Его страстей не понимая.

---

86. Испанскій романсъ.

(1823).

Какъ и въ Кишеневѣ, Пушкинъ въ Одессѣ не переставалъ удовлетворять своей любознательности. Большая часть его денегъ уходила на пріобрѣтеніе книгъ. Онъ сравнивалъ себя со стекольщикомъ, разоряющимся на покупку необходимыхъ ему алмазовъ. Выучившись по-англійски (см. 81 и 110), онъ познакомился и съ итальянскимъ языкомъ, и много читалъ на обоихъ языкахъ. По словамъ отца, Сергѣя Львовича, онъ вмѣстѣ съ итальянскимъ учился и испанскому. Повидимому, испанскій романсъ есть плодъ этого изученія [3]).

Бѣлинскій (1841) въ своей статьѣ „Роды и виды поэзіи“, приводитъ это стихотвореніе какъ образецъ лирической поэзіи, а именно такихъ ея произведеній, въ которыхъ почти уничтожаются границы, раздѣляющія поэзію отъ музыки“, и которыя „должны не читаться, а пѣться“. Выписавъ этотъ романсъ, Бѣлинскій спрашиваетъ: „Что это такое?—волшебная картина, фантастическое видѣніе или музыкальный аккордъ, раздавшійся съ вышины и пролетѣвшій надъ утомленной нѣгою головою испанки?.. Звуки серенады, раздавшіеся въ таинственномъ, прозрачномъ мракѣ роскошной ночи юга, звуки серенады, полной томленія и страсти, которую лѣниво слушаетъ прекрасная испанка, небрежно опершись на балконъ и жадно впивая въ себя ароматическій воздухъ упоительной ночи?.. Въ гармонической музыкѣ этихъ дивныхъ

---

[1]) Г. Анненковъ предполагаетъ г-жу Дегилье („Пушк. въ Ал. эпоху“. Ст. VI, 501), но этому противорѣчитъ соображеніе Зеленецкаго (см. ниже зам. къ стих.: „Подъ небомъ голубымъ“).—[2]) Его же „Матеріалы“, 79.—[3]) Id., 89.

стиховъ не слышно ли, какъ переливается эѳиръ, струимый движеніемъ вѣтерка, какъ плещутъ серебряныя волны бѣгущаго Гвадалквивира?.. Что это: поэзія, живопись, музыка? Или то, и другое, и третье, слившіяся въ одно, гдѣ картина горитъ звуками, звуки образуютъ картину, а слова блещутъ красками, вьются образами, звучатъ гармоніей и выражаютъ разумную рѣчь?.. Что такое первый куплетъ, повторяющійся въ срединѣ піесы и потомъ замыкающій ее? Не есть ли это рулада — голосъ безъ словъ, который сильнѣе всякихъ словъ"?

Напеч. впервые въ „Литер. Музеумѣ" 1827 г. съ нотами музыки соч. А. Н. Верстовскаго. Новая музыка Н. Дингельштедта относится уже къ 1857 году.

---

1 Ночной зефиръ
Струитъ эѳиръ.
Шумитъ,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.

2 Вотъ взошла луна златая,
Тише... чу... гитары звонъ...
Вотъ испанка молодая
Оперлася на балконъ.

3 Ночной зефиръ
Струитъ эѳиръ.
Шумитъ,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.

4 Скинь мантилью, ангелъ милый,
И явись какъ яркій день!
Сквозь чугунныя перилы
Ножку дивную продѣнь!

5 Ночной зефиръ
Струитъ эѳиръ.
Шумитъ,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.

---

87. Къ морю.

(1824).

Въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ прощается съ югомъ. Проживъ въ Одессѣ около года, онъ былъ уволенъ отъ службы, и ему назначалось мѣстомъ жительства с. Михайловское (см. стр. 62).

Въ Одессѣ Пушкинъ не нашелъ того теплаго участія, какое выпало на его долю со стороны кишиневскаго его начальника ген. Инзова. Гр. Воронцовъ не цѣнилъ въ Пушкинѣ поэта [1]). Въ тяжелыя минуты одесской жизни Пушкинъ помышлялъ то объ отпускѣ, какъ и въ Кишиневѣ, то даже о побѣгѣ. „Дважды просилъ я объ отпускѣ", писалъ онъ къ брату, „и два раза воспослѣдовалъ отказъ". Думалъ онъ и о прошеніи на Высочайшее имя. „А не то", — продолжаетъ онъ, — взять тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотрѣть на Константинополь" (см. послѣдній

1) „Онъ прожилъ здѣсь сезонъ морскихъ купаній", писалъ гр. Воронцовъ въ донесеніи своемъ гр. Нессельроде, „и имѣетъ уже множество льстецовъ, хвалящихъ его произведенія; это поддерживаетъ въ немъ вредное заблужденіе и кружитъ ему голову тѣмъ, что онъ — замѣчательный писатель, въ то время какъ онъ — только слабый подражатель писателя, въ пользу котораго можно сказать очень мало" (такъ отзвался англоманъ Воронцовъ о Байронѣ)

стихъ строфы 3-й и строфу 6-ю). Его удерживало однако чувство любви (строфа 7-я).

Стихотвореніе это, въ которомъ, по замѣчанію Бѣлинскаго (1844), Пушкинъ принесъ достойную дань памяти Байрона, а по замѣчанію г. Анненкова (1855), прощался съ „властителемъ своихъ думъ Байрономъ, посвящая ему на разставаньи послѣднюю дань удивленія, послѣднюю свою пѣснь", не есть однако же подражаніе британскому поэту.

Двѣ личности, занимавшія поэта и прежде, привлекаютъ вновь его вниманіе: Наполеонъ и Байронъ. Воспоминанію о первомъ посвящены строфы 9-я и начало 10-й, а о второмъ — 10-я, 11-я и 12-я. Онъ называетъ Байрона „пѣвцомъ моря", имѣя въ виду 178—184 строфы послѣдней пѣсни „Чайльдъ-Гарольда", гдѣ поэтъ при концѣ поэмы своей также обращается къ морю. Впрочемъ сходство обоихъ обращеній ограничивается тѣмъ, что оба поэта изображаютъ море свободнымъ (стр. 1) и неукротимымъ (стр. 12), и оба прибѣгаютъ къ мысли о немъ въ тяжелыя минуты жизни. Значительнѣе различіе обоихъ поэтовъ въ этомъ обращеніи къ стихіи. У Байрона выдвинуты однѣ грозныя стороны моря; оно привлекаетъ его какъ стихія губительная [2]), равно поглощающая и сильнаго поработителя [3]), и цѣлую армаду воиновъ [4]); оно любо ему какъ стихія вѣчная и неизмѣнная, переживающая всякія перемѣны непостоянной жизни людей [5]); оно для Байрона — зеркало Творца, кото-

---

[2]) *Строфа 179:* Теки, шуми, о море голубое!
Несмѣтный флотъ — ничто твоимъ волнамъ,
И человѣкъ, губящій все земное,
Гдѣ твой предѣлъ — уже страшится самъ:
Возстанешь ты — и горе кораблямъ,
И бичъ земли, путь дерзкій означая
Бѣдой своей, какъ капля дождевая,
Идетъ на дно, гдѣ скрытъ его и слѣдъ —
И онъ не въ саванѣ не въ гробѣ, не отпѣтъ.
(Перев. И. Козлова).

[3]) *Стр. 180:* Твои поля злодѣй не завоюетъ,
Твои стези не для его шаговъ:
Свободно ты; лишь бездна забушуетъ,
И тотъ пропалъ, кто бъ сушу былъ готовъ
Поработить. Его до облаковъ
Дрожащаго, съ презрѣньемъ ты бросаешь —
И вдругъ, рѣзвясь, въ пучину погружаешь;
И вопитъ онъ: „гдѣ пристань?" О гранитъ
Ударишь ты — и вѣкъ онъ тамъ лежитъ.
(Idem).

[4]) *Стр. 181:* Бросающій погибель и оковы,
Огонь и смертъ изъ челюсти своей,
Рушитель силъ, левіаѳанъ дубовый,
Гроза твердынь, народовъ и царей —
Игрушкою бунтующихъ зыбей
И съ тѣмъ, кто въ немъ надменно въ бой летаетъ,
Кто, бренный самъ, владѣть тобой мечтаетъ.
Подернуло ты пѣной бурныхъ водъ
Армаду гордую и Трафальгарскій флотъ. (Id).

[5]) *Стр. 182:* Вкругъ государства погибали —
Аѳины, Римъ, и Карѳагенъ!
Ихъ волны моря омывали
Во дни свободны, въ дни измѣнъ,
Во дни владычества тирана.
Ихъ царства пали навсегда,
Лишь только волны океана
Бѣгутъ, какъ въ прошлые года.
О, океанъ! ты не старѣешь,
Ты такъ же юнъ до нашихъ лѣтъ —
Съ тѣхъ дней, когда былъ созданъ свѣтъ,
Ты неизмѣнный видъ имѣешь,
Какъ вѣчность, постоянно строгъ,
Какъ вѣчность самая — глубокъ.
(Пер. Д. Минаева).

[6]) *Стр. 183:* Ты зеркаломъ Всесильному сіяешь;
Онъ зритъ въ тебѣ при буряхъ образъ Свой.

ра́го онъ знаетъ лишь въ его грозной силѣ [6]); наконецъ съ океаномъ соединяются у Байрона воспоминанія о первыхъ проявленіяхъ собственной своевольной души, игравшей съ опасными волнами [7]). — Не то у Пушкина. Ему море представляется другомъ, который призываетъ его заунывнымъ ропотомъ своимъ; шумъ его не грозенъ, но грустенъ (стр. 2): въ его воображеніи оно запечатлѣлось не столько грозными минутами, которыя — только его своенравные порывы (стр. 4), сколько своею тишиною въ вечерніе часы (стр. 4); море Пушкину является не только губителемъ человѣка, но и его хранителемъ (стр. 5); краса его торжественная (стр. 14), и общій образъ моря, при первой о немъ мысли — блестящій (стр. 1), и образъ, уносимый поэтомъ при разставаніи съ нимъ — образъ не бурнаго моря: онъ уноситъ съ собою „его блескъ, и тѣнь, и говоръ волнъ" (стр. 15). И лично для Пушкина море представлялось другомъ, которому онъ готовъ былъ съ восторгомъ ввѣрить себя въ тяжкую минуту жизни (стр. 3 и 6).

Для Пушкина, сверхъ того, съ океаномъ соединяется мысль о двухъ „властителяхъ его думъ": угасшемъ среди его пустыни Наполеонѣ и Байронѣ, „умчавшемся какъ шумъ бури".

Въ черновыхъ тетрадяхъ Пушкинъ записалъ: „1824, 19/7 avr., mort de Byron". Ему и посвящены три строфы стихотворенія (10, 11 и 12). Море является Пушкину символомъ этого поэта своею глубиною, мрачностью и неукротимостію.

Унесенные въ могилу оба современные генія въ глазахъ поэта оставили міръ опустѣвшимъ. Онъ съ недовѣріемъ бросаетъ взглядъ на этотъ міръ, покинутый обоими геніями: не отрицаетъ блага въ мірѣ, но видитъ его безсиліе (стр. 13). Здѣсь самъ Пушкинъ, настроенъ на Байроновскій, тонъ. „Подъ впечатлѣніемъ отъ произведеній Байрона", замѣчаетъ г. Стоюнинъ (1880), „артистическая фантазія Пушкина идеализировала личность англійскаго поэта, сблизивъ ее съ моремъ, въ которомъ видѣлъ онъ выраженіе безграничной, гордой свободы (стр. 12). Въ этой идеализаціи отчасти выразился самъ Пушкинъ, въ тѣ бурные годы своей жизни, когда въ немъ *по временамъ* какъ бы господствовала какая-то стихійная сила, съ которою онъ самъ не могъ справиться". Но Пушкинъ носилъ въ душѣ силы и иного рода: его поэтическое творчество справлялось съ напоромъ этихъ стихійныхъ порывовъ. Онъ имъ не подчинялся, но почерпалъ въ

Струишься ль ты, бунтуешь иль играешь,
Гдѣ твердый ледъ, и тамъ, гдѣ пылкій зной,
Ты, океанъ, чудесенъ красотой,
Таинственный, бездонный, безконечный!
Незримаго престолъ, какъ небо, вѣчный,
Временъ, пространствъ завѣтный властелинъ,
Течешь ты страшный всѣмъ, глубокій и одинъ.
(Пер. И. Козлова).

7) *Стр. 184:* Сжился я съ дѣтства съ океаномъ.

Я съ дѣтства ранняго мечталъ
Подъ раннимъ утреннимъ туманомъ
Тебѣ отдаться, бѣлый валъ!
Съ прибоемъ волнъ твоихъ порою
Любилъ шалить я, ихъ игрою,
Подчасъ опасной, не смущенъ,
Глоталъ я жадно моря стонъ.
Я былъ дитей твоимъ, казалось;
Я довѣрялъ твоимъ волнамъ;
На гриву волнъ, игравшихъ тамъ,
Я руку клалъ, и мнѣ случалось,
Какъ и теперь, то повторять
И морю жребій свой ввѣрять.
(Пер. Д. Минаева).

нихъ новыя силы. Онъ скоро и въ твореніяхъ Байрона усмотрѣлъ всю безплодность обоготворенія этихъ стихійныхъ силъ. „Тебѣ грустно по Байронѣ“, писалъ онъ 14 іюня 1824 г. кн. Вяземскому, „а я такъ радъ его смерти какъ высокому предмету для поэзіи. Геній Байрона блѣднѣетъ съ его молодостію. Въ своихъ трагедіяхъ, не выключая и „Каина“, онъ уже не тотъ пламенный демонъ [8]), который создалъ „Гяура“ и „Ч. Гарольда“; первыя двѣ пѣсни „Д. Жуана“ выше слѣдующихъ: его поэзія видимо измѣнилась. Онъ весь созданъ былъ навыворотъ. Постепенности въ немъ не было; онъ вдругъ созрѣлъ и возмужалъ — пропѣлъ и замолчалъ, и первые звуки его уже ему не возвратились. Послѣ 4-й (послѣдней) пѣсни „Ч. Гарольда“ Байрона мы не слыхали, а писалъ какой-то другой поэтъ съ высокимъ человѣческимъ талантомъ. Твоя мысль воспѣть его смерть въ V-й пѣсни его героя (кн. Вяземскій предложилъ Пушкину написать окончаніе къ „Ч. Гарольду“) — прелестна, но мнѣ не по силамъ. Греція мнѣ огадила“...

Извѣстно, что Байронъ умеръ въ ту пору своей жизни, когда, еще будучи 35 лѣтъ отъ роду, онъ отдалъ себя дѣлу освобожденія Греціи и, заболѣвъ отъ простуды въ Миссалонги (см. стр. 150), умеръ тамъ, не вступая еще въ бой, но уже ставъ въ главѣ греческихъ войскъ. Воспѣвать его смерть значило воспѣвать дѣло Греціи. Мы видѣли, какъ Пушкинъ смотрѣлъ на это дѣло (см. вступит. зам. № 82). Онъ могъ отозваться на него лирическимъ произведеніемъ, потому что сочувствовалъ ему; но въ поэмѣ нужны были бы краски, взятыя изъ дѣйствительности. Дѣйствительность же, которую Пушкину приходилось наблюдать близко собственными глазами, не представляла красокъ, приличныхъ поэмѣ. Въ томъ же письмѣ онъ пишетъ кн. Вяземскому: „О судьбѣ грековъ позволено [9]) рузсуждать, какъ о судьбѣ моей братьи-негровъ. Можно тѣмъ и другимъ желать освобожденія отъ рабства нестерпимаго, но чтобы всѣ просвѣщенные европейскіе народы бредили Греціей — это непростительное ребячество. Іезуиты натолковали намъ о Ѳемистоклѣ и Периклѣ, и мы вообразили, что пакостный народъ, состоящій изъ разбойниковъ и лавочниковъ, есть законопорожденный ихъ потомокъ и наслѣдникъ ихъ школьной славы. Ты скажешь, что я перемѣнилъ свое мнѣніе. Пріѣхалъ бы ты къ намъ въ Одессу посмотрѣть на соотечественниковъ Мильтіада, и ты бы со мною согласился. Да посмотри, что писалъ назадъ тому нѣсколько лѣтъ самъ Байронъ, въ замѣчаніяхъ къ „Ч. Гарольду“, тамъ, гдѣ онъ ссылается на мнѣніе Фовеля, франц. консула, помнится, въ Смирнѣ [10]). Обѣщаю тебѣ однакожъ вирши на смерть его превосходительства. Этою ошуткою Пушкинъ обѣщаетъ стихи

---

[8]) „Поэзія мрачная, богатырская, сильная“ — такъ характеризовалъ поэзію Байрона Пушкинъ въ письмѣ къ барону Дельвигу (23 марта 1821).—[9]) т.-е.: „позволительно“, „только и возможно“, [10]) Пушкину измѣнила память на этотъ разъ. Упоминаемое имъ примѣчаніе Байрона заключаетъ не ссылку на порицаніе грековъ французскимъ консуломъ, но опроверженіе этого порицанія. Вотъ примѣчаніе Байрона: „Г. Фовель, французскій консулъ, который провелъ 30 лѣтъ преимущественно въ Аѳинахъ... часто говорилъ при мнѣ, что греки недостойны освобожденія; онъ основывался на ихъ національной и индивидуальной развращенности, забывая, что эта развращенность можетъ быть объяснена тою причиною, которая и могла быть устранена лишь тѣмъ средствомъ, которое г. Фовель опровергаетъ“. (Примѣчаніе *d* къ II п. Ч. Гарольда).

на смерть Байрона. Три указанныя строфы элегіи „Къ морю“ можно считать исполненіемъ этого обѣщанія.

Напечатано впервые въ „Мнемозинѣ“ 1824 г., кн. 4, безъ 13 строфы. Строфа эта не являлась въ печати при жизни Пушкина, и потому неизвѣстно, какую предпочелъ бы онъ редакцію послѣдняго его стиха. Помѣщаемъ въ текстѣ редакцію рукописи [11]). Въ „Мнемозинѣ“ послѣ словъ „Міръ опустѣлъ“ — рядъ точекъ и выноска: „Въ семъ мѣстѣ авторъ поставилъ три съ половиною строки точекъ. Издателямъ сіе стихотвореніе доставлено кн. П. А. Вяземскимъ въ подлинникѣ и здѣсь отпечатано точно въ томъ видѣ, въ какомъ оно вышло изъ-подъ пера самого Пушкина. Нѣкоторые списки онаго, ходящіе по городу, искажены нелѣпыми прибавленіями. *Изд.*“.

---

1 Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.

2 Какъ друга ропотъ заунывный,
Какъ зовъ его въ прощальный часъ,
Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный
Услышалъ я въ послѣдній разъ.

3 Моей души предѣлъ желанный!
Какъ часто по брегамъ твоимъ
Бродилъ я тихій и туманный,
Завѣтнымъ умысломъ томимъ.

4 Какъ я любилъ твои отзывы,
Глухіе звуки, бездны гласъ,
И тишину въ вечерній часъ,
И своенравные порывы.

5 Смиренный парусъ рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользитъ отважно средь зыбей:
Но ты взыгралъ, неодолимый—
И тонетъ стая кораблей!

6 Не удалось навѣкъ оставить
Мнѣ скучный неподвижный брегъ,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтамъ твоимъ направить
Мой поэтическій побѣгъ [a].

7 Ты ждалъ, ты звалъ... я былъ окованъ;
Вотще рвалась душа моя:
Могущей страстью очарованъ,
У береговъ остался я.

---

11) Р. С. 1884 г. Іюль, стр. 6.
[a] набѣгъ (*Мнем.*).

8 О чемъ жалѣть? Куда бы нынѣ
Я путь безпечный устремилъ?
Одинъ предметъ въ твоей пустынѣ
Мою бы душу поразилъ.

9 Одна скала, гробница славы...
Тамъ погружались въ хладный сонъ
Воспоминанья величавы:
Тамъ угасалъ Наполеонъ.

10 Тамъ онъ почилъ среди мученій.
И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
Другой отъ насъ умчался геній,
Другой властитель нашихъ думъ [1]).

11 Исчезъ, оплаканный свободой,
Оставя міру свой вѣнецъ.
Шуми [б], взволнуйся непогодой:
Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ.

12 Твой образъ былъ на немъ означенъ;
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.

13 Міръ опустѣлъ... Теперь куда же
Меня бъ ты вынесъ, океанъ?
Судьба людей повсюду та же:
Гдѣ капля блага, тамъ на стражѣ
Иль просвѣщенье, иль тиранъ [в].

14 Прощай же, море! не забуду
Твоей торжественной красы,
И долго, долго слышать [г] буду
Твой гулъ [д] въ вечерніе часы.

15 Въ лѣса, въ пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полнъ,
Твои скалы, твои заливы,
И блескъ, и тѣнь, и говоръ волнъ.

[б] Реви (*Мнем*).— [в] Непросвѣщенье („Библ. Зап.“). 1858, № 11).—Коварство, злоба (изд. 1870).—Стоитъ неистовый (одна изъ совр. Пушкину рукоп. книгъ.)—Иль самовластье (изд. 1880 и 1882)— [г] помнить (*Мнем.*).—[д] шумъ (*Мнем.*).

[1]) Байронъ (*вын. въ Мнемозинѣ*).

IV. Стихотворенія, написанныя въ с. Михайловскомъ. (1824—1826).

Въ одномъ изъ откинутыхъ отрывковъ позднѣйшаго стихотворенія: „Вновь я посѣтилъ тотъ уголокъ земли“ (извѣстнаго подъ именемъ „Опять на родинѣ“) Пушкинъ характеризуетъ собственное душевное состояніе въ различные пріѣзды свои въ Михайловское:

Въ разны годы
Подъ вашу сѣнь, Михайловскія рощи,
Являлся я! Когда вы въ первый разъ
Увидѣли меня, тогда я былъ
Веселымъ юношей. Безпечно, жадно
Я приступалъ лишь только къ жизни [1]); годы
Промчалися—и вы во мнѣ пріяли
Усталаго пришельца! Я еще
Былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неравной истомила;
Я былъ ожесточенъ! Въ уныньи часто
Я помышлялъ о юности моей,
Утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ,
О строгости заслуженныхъ упрековъ,
О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой
За жаръ души довѣрчивой и нѣжной—
И горькія кипѣли въ сердцѣ чувства!

Такое настроеніе поэта умѣрялось и обществомъ добраго семейства г-жи Осиповой (объ отношеніяхъ къ этимъ жительницамъ Тригорскаго см. во вступ. зам. къ №№ 31, 101, 102 и 104), и наслажденіе творчества которое здѣсь еще съ большею силою овладѣло душой поэта. Лирическія стихотворенія этого двухлѣтняго періода его жизни пріобрѣтаютъ, сравнительно съ произведеніями предыдущаго періода, характеръ болѣе серьез-

---

[1]) Это относится къ первому пріѣзду Пушкина въ Михайловское (см. стр. 62).

ный, спокойный и величавый (см. №№ 90, 94, 99, 100, 101, 109, 110, 124). Личныя тревоги уступаютъ свое мѣсто въ этомъ творчествѣ болѣе объективному воспроизведенію дѣйствительности. Такое направленіе вдохновенія повлекло за собою преобладаніе эпическихъ произведеній и, наконецъ, обращеніе къ драмѣ. Вполнѣ освободившись при созданія „Цыганъ" (оконченныхъ въ Михайловскомъ) отъ той доли вліянія Байрона, которая кратковременно коснулась творчества Пушкина на югѣ, онъ почти исключительно обращается теперь къ воспроизведенію русской дѣйствительности, которая предстаетъ ему подъ угломъ зрѣнія народнымъ. Это выразилось какъ въ III — VI главахъ „Евгенія Онѣгина", здѣсь написанныхъ, такъ и въ „Борисѣ Годуновѣ": матеріаломъ для перваго ему послужила живая великорусская дѣйствительность, теперь его окружавшая, для второго — изученія русской старины при подготовительныхъ работахъ къ исторической трагедіи. Согласно новому настроенію избирается имъ и чтеніе. Тревожная муза Байрона съ ея апоѳеозой личныхъ притязаній смѣняется историческими произведеніями: Исторіей Государства Россійскаго Карамзина и историческими хрониками Шекспира (см. во II т. вступ. зам. къ „Борису Годунову"). Пушкина по временамъ вдохновляетъ теперь и религіозная поэзія (см. № 108 и 124; а также къ „Подражаніямъ Корану") и народная поэзія (см. вступ. зам. къ разсказу „Женихъ"). Въ области древнеклассической литературы также интересъ къ лирическимъ произведеніямъ Овидія смѣняется интересомъ къ историкамъ: Аврелію Виктору [1]) и Тациту.

Такъ шло рука объ руку творчество Пушкина съ самообразованіемъ, наполняя его жизнь, не развлекаемую шумнымъ и многолюднымъ обществомъ. Два года въ Михайловскомъ были проведены въ занятіяхъ, которыя онъ оставлялъ лишь для отдыха въ обществѣ няни или сосѣдей-друзей. Нѣкоторыя черты внѣшней его жизни въ деревнѣ отчасти воспроизведены имъ въ IV гл. „Евгенія Онѣгина". Подобно Онѣгину, онъ вставалъ рано, отправлялся налегкѣ къ бѣгущей подъ горою Сороти купаться, а зимою, подобно Онѣгину, садился онъ въ ванну со льдомъ передъ завтракомъ (XXXVII стр.). Если ему случалось оставаться одному дома въ минуты отдыха, онъ игралъ самъ съ собою на билліардѣ (XLIV стр.). Но этимъ и ограничивалось сходство съ героемъ романа. Утро до поздняго обѣда Пушкинъ посвящалъ вышеупомянутымъ литературно-научнымъ занятіямъ: чтенію, выпискамъ, творчеству. Осенью, бывавшею для него всегда наиболѣе производительнымъ временемъ, нерѣдко онъ до обѣда не покидалъ постели, гдѣ предавался этимъ занятіямъ. Во время прогулокъ (а ходокъ онъ былъ неутомимый) онъ не покидалъ поэтическихъ думъ, По собственнымъ словамъ его, бродя надъ озеромъ, тѣшился онъ тѣмъ,

---

1) Аврелій Викторъ, римскій историкъ IV в. по Р. Х., при Юліанѣ и Ѳеодосіи Великомъ.

что пугалъ дикихъ утокъ сладкозвучными строфами своими (XXXV стр.); въ одну изъ прогулокъ при возвращеніи верхомъ изъ Тригорскаго, была имъ обдумана вся сцена у фонтана въ „Борисѣ Годуновѣ“.

Сердечныя тревоги Пушкина также мало-по малу улеглись въ эту эпоху его жизни. Покинувъ одесскія привязанности (см. № 98 и 99), одинъ только разъ вспыхнула въ немъ страсть, выразившаяся въ одномъ изъ лучшихъ и свѣтлыхъ его стихотвореній (см. № 104).

Таковы общія черты михайловской жизни Пушкина. Но, само собою разумѣется, что и здѣсь временами его кипучая натура возмущала мужавшій духъ: давали себя знать и недостатокъ общества, и сознаніе подневольнаго деревенскаго заключенія. Вначалѣ онъ задумалъ было даже бѣгство за границу, въ чемъ взялся ему помогать пріятель его Вульфъ и братъ Левъ.

Впрочемъ, Михайловское уединеніе было пріятно нарушено пріѣздомъ къ нему нѣсколькихъ лицейскихъ его товарищей: Ив. Ив. Пущина (см. подробно объ этомъ во вступит. замѣткѣ къ № 107), кн. А. М. Горчакова, бар. Дельвига (въ апрѣлѣ 1825 г.) и новаго знакомца, поэта Языкова (лѣтомъ 1826 года. См. № 89).

Наконецъ насталъ день освобожденія михайловскаго заточника. По вступленіи на престолъ императора Николая Павловича, Жуковскій увѣдомилъ Пушкина о томъ, чтобы онъ подалъ прошеніе на Высочайшее имя. Прошеніе было написано 11-го мая 1826 г., а 4-го сентября вечеромъ Пушкинъ выѣхалъ въ сопровожденіи фельдъ-егеря въ Москву, гдѣ находился весь дворъ по случаю коронаціи, и куда поэтъ былъ вызванъ императоромъ.

---

88. Аквилонъ.

(1824).

Стихотвореніе это, напоминающее извѣстную „Тучу“ (1830), отличается отъ нея образомъ надменнаго дуба, низвергнутаго промчавшеюся грозою. И здѣсь призывается покой и радостный блескъ природы (строфа 4). Но слѣды бури здѣсь изображены болѣе сильными красками: они представлены какъ остатки гнѣва природы, который послѣ истребленія гордеца представляется поэту уже безцѣльнымъ (стр. 1).

Въ 1830 г. Пушкинъ исправилъ это стихотвореніе и далъ ему иной видъ, въ которомъ оно здѣсь и печатается.

Впервые напеч. въ „Литер. приб. къ Русск. Инвалиду“ 1837, № 1.

---

1 Зачѣмъ ты, грозный Аквилонъ,
Тростникъ болотный долу клонишь?

Зачѣмъ на дальній [а] небосклонъ
Ты облако столь гнѣвно [б] гонишь?

2 Недавно черныхъ тучъ грядой
Сводъ неба глухо облекался [в]:
Недавно дубъ надъ высотой
Въ красѣ надменной величался.

3 Но ты поднялся, ты взygралъ,
Ты прошумѣлъ грозой и славой—
И бурны тучи разогналъ,
И дубъ низвергнулъ величавый.

4 Пускай же солнце ясный ликъ
Отнынѣ радостью блистаетъ,
И облакомъ зефиръ играетъ,
И тихо зыблется тростникъ.

---

89. Къ Языкову.

(1824).

Водворенный въ Михайловское, Пушкинъ возобновилъ дружескія отношенія съ жительницами Тригорскаго (см. № 31). Онъ призывалъ къ себѣ и друзей своихъ: сына П. А. Осиповой, Алексѣя Ник. Вульфа, бывшаго тогда дерптскимъ студентомъ, который скоро и посѣтилъ Тригорское, Дельвига, Плетнева. Призывалъ и поэта Языкова (1803 — 1846), товарища Вульфа по университету. Одновременно съ призывомъ Языкова, Пушкинъ начинаетъ письмо свое 20 сентября стихами:

Здравствуй Вульфъ, пріятель мой!
Пріѣзжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мнѣ съ собой
Погулять верхомъ порой,
Пострѣлять изъ пистолета.
...Запируемъ—ужъ молчи!
Чудо—жизнь Анахорета!
Въ Троегорскомъ до ночи,
А въ Михайловскомъ до свѣта...

Звала Языкова и хозяйка Тригорскаго весною 1825 г., но онъ посѣтилъ ихъ не ранѣе лѣта 1826 г. уже послѣ посѣщенія бар. Дельвига, который пріѣзжалъ къ своему другу въ апрѣлѣ 1825 года.

Посланіе Языкову написано 20 сентября 1824 г. Не будучи до тѣхъ поръ лично знакомъ съ нимъ, Пушкинъ обращается къ нему по праву родства но вдохновенію. Онъ любитъ поэзію Языкова. „Раздѣляю твои надежды на Языкова“, писалъ онъ изъ Одессы 16 ноября 1823 г. Дельвигу.

Описавъ свое невольное изгнаніе, онъ вспоминаетъ своего прадѣда по

[а] чуждый.—[б] такъ бурно.—[в] мрачно облегался (*Первон. текстъ*).

матери Абрама Петровича Ганнибала [1]), нѣкогда доживавшаго жизнь въ Михайловскомъ.

Напеч. впервые въ „Лит. Газ.“ 1830 г., № 16 безъ конца (ст. 1—34), а вполнѣ—въ „Совр. Обозр.“ 1868 г., № 4.

---

1 Издревле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ—
Они жрецы единыхъ музъ,
Единый пламень ихъ волнуетъ;
5 Другъ другу чужды по судьбѣ,
Они родня по вдохновенью.
Клянусь Овидіевой тѣнью:
Языковъ, близокъ я тебѣ!
Давно бъ на дерптскую дорогу
10 Я вышелъ утренней порой,
И къ благосклонному порогу
Понесъ тяжелый посохъ мой [2])
И возвратился бъ оживленный
Картиной беззаботныхъ дней,
15 Бесѣдой вольно-вдохновенной
И звучной лирою твоей.
Но злобно мной играетъ счастье:
Давно безъ крова я ношусь,
Куда подуетъ самовластье;
20 Уснувъ, не знаю, гдѣ проснусь.
Всегда гонимъ, теперь въ изгнаньѣ,
Влачу закованные дни.
Услышь, поэтъ, мое призванье,
Моихъ надеждъ не обмани:
25 Въ деревнѣ, гдѣ Петра питомецъ,
Царей, царицъ любимый рабъ
И ихъ забытый однодомецъ,
Скрывался прадѣдъ мой, арапъ,
Гдѣ, позабывъ Елисаветы
30 И дворъ, и пышные обѣты,
Подъ сѣнью липовыхъ аллей
Онъ думалъ въ охлажденны лѣты
О дальней Африкѣ своей,
Я жду тебя. Тебя со мною
35 Обниметъ въ сельскомъ шалашѣ
Мой братъ по крови, по душѣ,
Шалунъ, замѣченный тобою:
И музъ возвышенный пророкъ,
Нашъ Дельвигъ все для насъ оставитъ,
40 И наша троица прославитъ
Изгнанья темный уголокъ.
Надзоръ обманемъ караульный,
Восхвалимъ вольности дары,
И нашей юности разгульной
45 Пробудимъ шумные пиры,
Вниманье дружное преклонимъ
Ко звону рюмокъ и стиховъ,
И скуку зимнихъ вечеровъ
Виномъ и пѣснями прогонимъ.

20 сентября.

---

[1]) Ибрагимъ, или Абрамъ Петровичъ **Ганнибалъ** (род. между 1688 и 1696 г. — умеръ 1781 или 1782 г.), крестникъ Петра В., негръ, сынъ одного изъ владѣтельныхъ князьковъ сѣв. Африки, привезенный изъ Константинополя ко двору Петра В., который окрестилъ его въ 1707 г. Посланный въ Парижъ для изученія инженернаго искусства, Ганнибалъ служилъ подъ французскими знаменами въ испанской войнѣ и въ 1723 г. возвратился въ Петербургъ. Служа въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку при Петрѣ В. и Екатеринѣ I, онъ обучалъ математикѣ царевича Петра. По воцареніи Петра II онъ сдѣлался жертвою всесильнаго кн. Меншикова и по служебнымъ дѣламъ былъ удаленъ въ Казань, Тобольскъ и Селенгинскъ, и только послѣ паденія Меншикова удалось ему переѣхать въ Лифляндію. Недовольный порядками Бирона, Ганнибалъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ отставкѣ; поступивъ вновь на службу, онъ былъ пожалованъ при Елисаветѣ въ генералъ-маіоры, генералъ-поручики, генералъ-инженеры и наконецъ въ генералъ-аншефы, и при Петрѣ III за старостію вышелъ въ отставку. Но послѣ того онъ прожилъ еще около 20 лѣтъ въ Псковской деревнѣ своей. Объ этихъ то годахъ его жизни Пушкинъ и поминаетъ въ посланіи своемъ.—[2]) При прогулкахъ пѣшкомъ Пушкинъ имѣлъ обыкновеніе брать съ собою тяжелую толстую палку (см. вступ. зам. къ № 104).

90. Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ.

(1824).

Этотъ „разговоръ", помѣченный 26 сентября, былъ напечатанъ при 1-мъ изданіи 1 гл. „Евг. Онѣгина" (1825) вмѣсто вступленія.

Стихотвореніе это, по замѣчанію г. Стоюнина (1880), показываетъ, какимъ жизненнымъ вопросомъ для Пушкина была поэзія, что онъ смотрѣлъ на нее, какъ на задачу своей жизни. „Онъ выходитъ изъ той мысли, которую такъ настойчиво постоянно поддерживалъ передъ друзьями и на которую еще такъ недавно указывалъ своему бывшему начальству,—будто онъ пишетъ стихи для денегъ [1]). Друзья, конечно, не хотѣли ему вѣрить, считая это за одну изъ его оригинальностей и странностей, которыми онъ любилъ отличать себя. Вдохновеніе и матеріальные расчеты и выгоды никакъ не могли соединиться въ ихъ понятіи... У Пушкина легко соединилось это, лишь только онъ посмотрѣлъ на поэзію, какъ на свободный трудъ, который можетъ сдѣлаться трудомъ всей жизни. Пушкинъ только отдѣлилъ процессъ творчества отъ готовой работы, которая уже получаетъ матеріальную цѣнность. По его взгляду, поэзія есть чистое творчество... самый процессъ творчества не въ волѣ поэта; онъ происходитъ въ душѣ его какъ бы безсознательно для него самого по извѣстнымъ психическимъ законамъ. Живой, вдохновенной рѣчью представляетъ Пушкинъ этотъ творческій процессъ „въ часы ночного вдохновенья" (ст. 32—41). Это дѣйствительно „пиръ воображенья". И можетъ ли при такомъ высокомъ настроеніи творческаго духа быть не только рѣчь, но даже какая-нибудь темная мысль о платѣ, о торговлѣ (ст. 47—52)? Итакъ, творчество есть потребность поэтической души, и слѣдовательно, цѣлью его не можетъ быть матеріальная выгода или расчетъ; ближайшее слѣдствіе его есть высшее духовное наслажденіе и желаніе продлить его, а не денежная оцѣнка; отъ нея оно вполнѣ свободно. Далѣе поэтъ освобождаетъ его и отъ другихъ цѣлей, которыя могли бы повредить его свободѣ. Обыкновенно говорили, что поэзія не безкорыстна, что поэту нужна слава и что ни одинъ поэтъ не взялся бы за перо, если бы не надѣялся имѣть читателей... Извѣдавъ славу, Пушкинъ находитъ, что не стоитъ дорожить ею, отрекается отъ нея и ставитъ выше ея блаженство души въ свободномъ творчествѣ (ст. 64 — 71). Затѣмъ поэзію часто соединяли поэты съ любовью, съ возлюбленной женщиной, которую возводили въ идеалъ, которой поклонялись и подчиняли свое творчество. Пушкинъ не хотѣлъ и за любовью признать власти надъ поэтическомъ творчествомъ. Оглядываясь назадъ на своихъ „идоловъ", нашъ поэтъ сдѣлалъ самое печальное о нихъ заключеніе

[1]) Въ отвѣтъ на выраженное правителемъ канцеляріи новороссійскаго намѣстника А. И. Казначеевымъ участіе по поводу увольненія отъ службы, Пушкинъ отвѣчалъ, между прочимъ: „Мои литературныя занятія доставятъ мнѣ гораздо болѣе денегъ, чѣмъ занятія служебныя... Я жажду одного—независимости, я надѣюсь обрѣсти ее съ помощью мужества и постоянныхъ усилій. Вотъ ужъ я успѣлъ побѣдить мое отвращеніе—писать и продавать стихи ради насущнаго хлѣба. Стихи, разъ мною написанные, ужъ кажутся мнѣ товаромъ, по стольку-то за штуку". (Одесса, 1824).

(ст. 109—124). Рядомъ съ этими представленіями онъ ставитъ и идеальный образъ, который онъ нашелъ только въ одномъ женскомъ существѣ, но

Земныхъ восторговъ изліянья,
Какъ божеству, не нужно ей (ст. 174—175).

Такимъ образомъ отказавшись отъ всѣхъ постороннихъ цѣлей, поэтъ избираетъ себѣ одну свободу (ст. 182). Сдѣлавъ такой выборъ, онъ тотчасъ же дѣлаетъ неожиданный, но и неизбѣжный поворотъ къ тому вопросу, съ котораго начатъ „Разговоръ“—о платѣ за поэтическій трудъ (ст. 184—186). Можно отречься отъ славы: она—„яркая заплата на ветхомъ рубищѣ пѣвца“; но это ветхое рубище уже гласитъ о тѣхъ житейскихъ нуждахъ, которыя, требуя удовлетворенія, ставятъ въ зависимость и свободу творчества отъ постороннихъ силъ... а независимость опирается на свободный трудъ, который имѣетъ право оцѣнивать себя и требовать оплаты. Изъ всего этого слѣдуетъ, что для свободы творчества нужно, чтобы оно считалось трудомъ жизни и, слѣдовательно, имѣло бы одинакія права со всякимъ трудомъ. Черезъ это не пострадаетъ достоинство творчества. Нашъ поэтъ рѣшаетъ вопросъ очень просто (ст. 199--200). Рукопись, какъ плодъ труда, дѣлается уже товаромъ“ [2]).

„Разговоръ съ книгопродавцемъ“, писалъ Пушкину Плетневъ 22 января 1825 г., — „верхъ ума, вкуса и вдохновенія. Я ужъ не говорю о стихахъ: меня убиваетъ твоя логика. Ни одинъ нѣмецкій профессоръ не удержитъ въ пудовой диссертаціи столько порядка, не помѣститъ столько мыслей и не докажетъ такъ ясно своего предложенія. Между тѣмъ какая свобода въ ходѣ“!

При „Разговорѣ“ въ I изд. была выноска: „Замѣтимъ для щекотливыхъ блюстителей приличій, что книгопродавецъ и поэтъ—оба лица вымышленныя. Похвалы перваго не что иное, какъ свѣтская вѣжливость, притворство, необходимое въ разговорѣ, или въ журналѣ“.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Стишки для васъ одна забава,
Немножко стоитъ вамъ присѣсть.
Ужъ разгласить успѣла слава
Вездѣ пріятнѣйшую вѣсть:
Поэма, говорятъ, готова,
Плодъ новыхъ умственныхъ затѣй.
Итакъ, рѣшите, жду я слова:
Назначьте сами цѣну ей.
Стишки любимца музъ и грацій
Мы вмигъ рублями замѣнимъ,
И въ пукъ наличныхъ ассигнацій
Листочки ваши обратимъ.
О чемъ вздохнули такъ глубоко?
Нельзя ль узнать?

ПОЭТЪ.

Я былъ далеко:
Я время то воспоминалъ,
Когда, надеждами богатый,
Поэтъ безпечный, я писалъ
Изъ вдохновенья, не изъ платы.
И видѣлъ вновь пріюты скалъ,
И темный кровъ уединенья,
Гдѣ я на пиръ воображенья,
Бывало музу призывалъ.

---

2) Стоюнинъ: „Пушкинъ“, стр. 220—226.

Тамъ слаще голосъ мой звучалъ;
Тамъ долѣ яркія видѣнья,
Съ неизъяснимою красой,
Вились, летали надо мной
Въ часы ночного вдохновенья.
Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтущій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ;
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ,
И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава;
Въ ней грезы чудныя рождались;
Въ размѣры стройные стекались
Мои послушныя слова
И звонкой риѳмой замыкались.
Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйный,
Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шопотъ рѣчки тихоструйной.
Тогда, въ безмолвіи трудовъ,
Дѣлиться не былъ я готовъ
Съ толпою пламеннымъ восторгомъ,
И музы сладостныхъ даровъ
Не унижалъ постыднымъ торгомъ;
Я былъ хранитель ихъ скупой:
Такъ точно, въ гордости нѣмой,
Отъ взоровъ черни лицемѣрной
Дары любовницы младой
Хранитъ любовникъ суевѣрный.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Но слава замѣнила вамъ
Мечтанья тайнаго отрады;
Вы разошлися по рукамъ,
Межъ тѣмъ какъ пыльныя громады
Лежалой прозы и стиховъ
Напрасно ждутъ себѣ чтецовъ
И вѣтреной ея награды.

ПОЭТЪ.

Блаженъ, кто про себя таилъ
Души высокія созданья
И отъ людей, какъ отъ могилъ,
Не ждалъ за чувство воздаянья!
Блаженъ, кто молча былъ поэтъ
И, терномъ славы не увитый,
Презрѣнной чернію забытый,
Безъ имени покинулъ свѣтъ!
Обманчивѣй и сновъ надежды,
Что̀ слава? Шопотъ ли чтеца?
Гоненье ль низкаго невѣжды?
Иль восхищеніе глупца?

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Лордъ Байронъ былъ того же мнѣнья [1]);
Жуковскій то же говорилъ [2]):
Но свѣтъ узналъ и раскупилъ
Ихъ сладкозвучныя творенья.
И впрямь, завиденъ вашъ удѣлъ:

---

1) Пусть слава юношей плѣняетъ!
Мнѣ приговоромъ не была
Людская брань иль похвала:
Она меня не достигаетъ. (Ч. Гарольдъ, III, 112).
О, слава и любви объятья!
...То и другое минетъ скоро;
Ихъ беззаботна красота;
Они исчезнутъ какъ мечта,
Какъ блескъ случайный метеора:
Ихъ тушитъ вдругъ столбомъ своимъ
Зловѣщей смерти черный дымъ (ib. IV. 124).

2) Слава—насъ учили—дымъ,
Свѣтъ—судья лукавый („Свѣтлана“).

Поэтъ казнитъ, поэтъ вѣнчаетъ,
Злодѣевъ громомъ вѣчныхъ стрѣлъ
Въ потомствѣ дальнемъ поражаетъ;
Героевъ утѣшаетъ онъ,
Съ Коринной на киѳерскій тронъ
Свою любовницу возноситъ.
Хвала—для васъ докучный звонъ;
Но сердце женщинъ славы проситъ;
Для нихъ пишите; ихъ ушамъ
Пріятна лесть Анакреона:
Въ младыя лѣта розы намъ
Дороже лавровъ Геликона.

поэтъ.

Самолюбивыя мечты,
Утѣхи юности безумной!
И я, средь бури жизни шумной,
Искалъ вниманья красоты.
Мои слова, мои напѣвы
Коварной силой иногда
Смирять умѣли въ сердцѣ дѣвы
Волненье страха и стыда;
Глаза прелестные читали
Меня съ улыбкою любви;
Уста волшебныя шептали
Мнѣ звуки сладкіе мои!
Но полно; въ жертву имъ свободы
Мечтатель ужъ не принесетъ;
Пускай ихъ юноша [a] поетъ,
Любезный баловень природы.
Что мнѣ до нихъ? Теперь въ глуши
Безмолвно жизнь моя несется;
Стонъ лиры вѣрной не коснется
Ихъ легкой, вѣтреной души;
Нечисто въ нихъ воображенье,
Не понимаетъ насъ оно,
И, признакъ Бога, вдохновенье
Для нихъ и чуждо и смѣшно.
Когда на память мнѣ невольно
Придетъ внушенный ими стихъ
Я содрогаюсь, сердцу больно
Мнѣ стыдно идоловъ моихъ.
Къ чему несчастный я стремился?
Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ?
Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить не устыдился?
Ахъ, лира, лира! что же ты
Мое безумство разгласила?
Ахъ, если бъ Лета поглотила
Мои летучія мечты!

книгопродавецъ.

Люблю вашъ гнѣвъ. Таковъ поэтъ!
Причины вашихъ огорченій
Мнѣ знать нельзя; но исключеній
Для милыхъ дамъ ужели нѣтъ?
Ужели ни одна не стоитъ
Ни вдохновенья, ни страстей,
И вашихъ пѣсенъ не присвоитъ
Всесильной красотѣ своей?
Молчите вы?

поэтъ.

Зачѣмъ поэту
Тревожить сердца тяжкій сонъ?
Безплодно память мучитъ онъ.
И что жъ, какое дѣло свѣту?
Я всѣмъ чужой. Душа моя
Хранитъ ли образъ незабвенный?
Любви блаженство зналъ ли я?
Тоскою ль долгой изнуренный,
Таилъ я слезы въ тишинѣ?
Гдѣ та была, которой очи,
Какъ небо, улыбались мнѣ?

[a] Шаликовъ (въ 1-мъ изд.).

Вся жизнь, одна ли, двѣ ли ночи?..
И что жъ? Докучный стонъ любви,
Слова покажутся мои
Безумца дикимъ лепетаньемъ.
Тамъ сердце ихъ пойметъ одно,
И то съ печальнымъ содроганьемъ.
Судьбою такъ ужъ рѣшено.
Съ кѣмъ подѣлюсь я вдохновеньемъ?
Одна была—предъ ней одной
Дышалъ я чистымъ упоеньемъ
Любви поэзіи святой.
Тамъ, тамъ, гдѣ тѣнь, гдѣ листъ чудесный,
Гдѣ льются вѣчныя струи,
Я находилъ огонь небесный,
Сгорая жаждою любви.
Ахъ, мысль о той душѣ завялой
Могла бы юность оживить,
И сны поэзіи бывалой
Толпою снова возмутить!
Она одна бы разумѣла
Стихи неясные мои;
Одна бы въ сердцѣ пламенѣла
Лампадой чистою любви.
Увы! напрасныя желанья!
Она отвергла заклинанья,
Мольбы, тоску души моей:
Земныхъ восторговъ изліянья,
Какъ божеству, не нужно ей.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Итакъ, любовью утомленный,
Наскуча лепетомъ молвы,
Заранѣ отказались вы
Отъ вашей лиры вдохновенной.
Теперь, оставя шумный свѣтъ,
И музъ, и вѣтреную моду,
Что жъ изберете вы?

ПОЭТЪ.

Свободу.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Прекрасно. Вотъ же вамъ совѣтъ:
Внемлите истинѣ полезной:
Нашъ вѣкъ торгашъ; въ сей вѣкъ желѣзный
Безъ денегъ и свободы нѣтъ.
Что слава? Яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца.
Намъ нужно злата, злата, злата;
Копите злато до конца!
Предвижу ваше возраженье;
Но васъ я знаю, господа:
Вамъ ваше дорого творенье,
Пока на пламени труда
Кипитъ, бурлитъ воображенье;
Оно застынетъ, и тогда
Постыло вамъ и сочиненье.
Позвольте просто вамъ сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.
Что жъ медлить? Ужъ ко мнѣ заходятъ
Нетерпѣливые чтецы;
Вкругъ лавки журналисты бродятъ,
За ними тощіе пѣвцы:
Кто проситъ пищи для сатиры,
Кто для души, кто для пера,
И, признаюсь, отъ вашей лиры
Предвижу много я добра.

ПОЭТЪ.

Вы совершенно правы. Вотъ вамъ моя рукопись. Условимся.

91. Изъ перваго посланія цензору.

(1824).

Русскіе писатели, какъ Карамзинъ, Жуковскій, Дашковъ и др., неоднократно жаловались на неблагоразумное исполненіе своихъ обязанностей цензорами (Тимковскимъ, Красовскимъ). Два посланія къ цензору Пушкина есть выраженіе тѣхъ требованій, которыя могъ поставить русскій писатель его времени отъ неисполнителей этого государственнаго учрежденія. Оба посланія имѣютъ характеръ сатирическій. Въ первомъ—послѣ сатирическихъ стиховъ вступленія о бездарности большинства писателей и о площадной брани журналистовъ (ст. 6—30), противопоставляется невѣжественное пониманіе своихъ обязанностей цензорами духу закона, который не воспрещаетъ появленіе въ печати и комедіи, и сатиры, и легкой поэзіи (ст. 31—51), и волѣ государя, разрѣшающаго къ печати произведенія, не оскорбляющія славу Россіи и здравый умъ (ст. 52—54). Поэтъ влагаетъ въ уста цензора оправданіе ограниченнаго человѣка, который сознается, что, не умѣя найтись при исполненіи своихъ обязанностей, дѣйствуетъ на удачу; поэтъ насмѣшливо совѣтуетъ ему найти себѣ умнаго секретаря.

Впервые напечат. не вполнѣ въ изд. 1855 г., а добавки въ „Библ. Зап.", 1858, № 11.

Угрюмый сторожъ музъ, гонитель давній мой,
Сегодня разсуждать задумалъ я съ тобой.
Не бойся, не хочу прельщенный мыслью ложной
Цензуру поносить хулой неосторожной—
Чтò нужно Лондону, то рано для Москвы.
У насъ писатели я знаю каковы;
Ихъ мыслей не тѣснитъ цензурная расправа,
И чистая душа передъ тобою права.
Во-первыхъ, искренно я признаюсь тебѣ,
Нерѣдко о твоей жалѣю я судьбѣ:
Людской безсмыслицы присяжный толкователь,
Хвостова [1]) Буниной [2]) единственный читатель,
Ты вѣчно разбирать обязанъ за грѣхи
То прозу глупую, то глупые стихи.
Россійскихъ авторовъ нелегкое встревожитъ:
Тотъ англійскій романъ съ французскаго преложитъ,
Тотъ оду сочинитъ, потѣя да крехтя,
Иной трагедію напишетъ намъ шутя—
До нихъ намъ дѣла нѣтъ, а ты читай, бѣсися,
Зѣвай, сто разъ засни, а послѣ подпишися.
Такъ! цензоръ мученикъ! Порой захочетъ онъ,
Умъ чтеньемъ освѣжить: Руссо, Вольтеръ, Бюффонъ,

---

[1]) См. стр. 18, вын. 25.—[2]) Стихотворенія Анны Буниной (1774—1829) Спб. 1819—21, отличались малосодержательностью.

Державинъ, Карамзинъ манятъ его желанье—
А долженъ посвятить безплодное вниманье
На бредни новыя какого-то враля,
Которому досугъ пѣть рощи да поля...
Да связь утратя въ нихъ, ищи ее сначала,
Или вымарывай изъ тощаго журнала
Насмѣшки грубыя и площадную брань:
Учтивыхъ остряковъ затѣйливую дань.
　Но цензоръ гражданинъ, и санъ его священный!
Онъ долженъ умъ имѣть прямой и просвѣщенный;
Онъ сердцемъ почитать привыкъ алтарь и тронъ,
Но мнѣнья не тѣснитъ и разумъ терпитъ онъ.
Блюститель тишины, приличія и нравовъ
Не преступаетъ самъ начертанныхъ уставовъ;
Закону преданный, отечество любя,
Принять отвѣтственность умѣетъ на себя;
Полезной истинѣ путей не заграждаетъ,
Живой поэзіи развиться не мѣшаетъ;
Онъ другъ писателю, предъ знатью не труслив,
Благоразуменъ, твердъ, свободенъ, справедливъ.
А ты, глупецъ и трусъ! что̀ дѣлаешь ты съ нами?
Гдѣ должно бъ умствовать, ты хлопаешь глазами,
Не понимая насъ, мараешь и дерешь;
Ты чернымъ бѣлое по прихоти зовешь,
Сатиру—пасквилемъ, поэзію—развратомъ,
Гласъ правды—мятежемъ, Куницына—Маратомъ [3]),
Рѣшилъ—а тамъ поди, хоть на тебя проси!
Скажи, не стыдно ли, что на святой Руси,
Благодаря тебя, не видимъ книгъ доселѣ?
И если говорить задумаешь о дѣлѣ,
То, славу русскую и здравый умъ любя,
Самъ государь велитъ печатать безъ тебя.
Остались намъ стихи, поэмы, тріолеты,
Баллады, басенки, элегіи, куплеты,
Досуговъ и любви невинныя мечты,
Воображенія минутные цвѣты..
. . . .
Зачѣмъ себя и насъ терзаешь безъ причины?
Скажи, читалъ ли ты „Наказъ“ Екатерины?
Прочти, пойми его, увидишь ясно въ немъ
Свой долгъ, свои права; пойдешь инымъ путемъ;
Въ глазахъ монархини сатирикъ превосходный

---

[3]) Во время министерства кн. А. Н. Голицына была запрещена въ 1820 г. книга „Естественное Право“ Куницына, котораго слушалъ Пушкинъ въ Ц.-Сельскомъ Лицеѣ.—Маратъ франц. революціонеръ, дикій демагогъ, проповѣдывавшій въ своемъ „Ami du peuple“ народовластіе“ одинъ изъ рьяныхъ зачинщиковъ сентябрьскихъ убійствъ; членъ конвента, требовавшій многочисленныхъ казней; убитъ Шарлоттою Корде въ 1793 г.

Невѣжество казнилъ въ комедіи народной,
Хоть въ узкой головѣ придворнаго глупца
Кутейкинъ и Христосъ два равныя лица.
Державинъ, бичъ вельможъ, при звукѣ грозной лиры
Ихъ горделивые разоблачалъ кумиры.
Хемницеръ [4] истину съ улыбкой говорилъ.
Наперсникъ Душеньки [5] двусмысленно шутилъ,
Киприду иногда являлъ безъ покрывала—
И никому изъ нихъ цензура не мѣшала.
Ты что же хмуришься? Признайся, въ наши дни
Съ тобой не такъ легко бъ раздѣлались они.
Ты въ этомъ виноватъ. Передъ тобой зерцало—
Дней Александровыхъ прекрасное начало:
Провѣдай, что въ тѣ дни произвела печать!
На поприщѣ ума нельзя намъ отступать...
Старинной глупости мы праведно стыдимся.
Ужели къ тѣмъ годамъ мы снова обратимся,
Когда никто не смѣлъ отечества назвать,
И въ рабствѣ ползали и люди, и печать?
Нѣтъ, нѣтъ! оно прошло губительное время,
Когда невѣжества несла Россія бремя;
Гдѣ славный Карамзинъ снискалъ себѣ вѣнецъ,
Тамъ цензоромъ уже не можетъ быть глупецъ.
Исправься жъ, будь умнѣй и примирися съ нами.
„Все правда", скажешь ты, „не стану спорить съ вами;
Но можно ль цензору по совѣсти судить?
Я долженъ то того, то этого щадить.
Конечно, вамъ смѣшно, а я нерѣдко плачу,
Читаю да крещусь—мараю наудачу...
На все есть мода, вкусъ. Бывали, напримѣръ,
У насъ въ большой чести Бентамъ [6], Руссо [7] Вольтеръ [8],
А нынче и Миллотъ [9] попался въ наши сѣти.
Я бѣдный человѣкъ; къ тому жъ жена и дѣти"...
Жена и дѣти, другъ, повѣрь—большое зло.
Отъ нихъ все скверное у насъ произошло!
Но дѣлать нечего! такъ если невозможно
Домой тебѣ скорѣй убраться осторожно,
И службою своей ты нуженъ для царя,
Хоть умнаго себѣ возьми секретаря.

---

92. Изъ второго посланія цензору.

(1824).

Во второмъ посланіи Пушкинъ выражаетъ радость по случаю назначенія А. С. Шишкова министромъ народнаго просвѣщенія, отъ котораго ожидаетъ

---

[4] Ив. Ив. Хемницеръ (1745—1785) — русскій баснописецъ. — [5] См. стр. 15, вын. 14.— [6] Бентамъ (1748—1832) — англійскій ученый юристъ.— [7] См. „Избр. соч. Карамзина", стр. 435.— [8] О Вольтерѣ см. стр. 15, вын. 4.— [9] Аббатъ Миллотъ (1726 — 1785)— франц. литераторъ и историкъ.

улучшенія въ цензурѣ. „На какомъ основаніи началъ свои дѣйствія дѣдушка Шишковъ?“ спрашивалъ Пушкинъ брата Льва въ письмѣ своемъ отъ 13 іюня 1824 г. изъ Одессы: „ожидаю добра для литературы вообще. Попытаюсь толкнуться къ вратамъ цензуры съ 1-й главой, или пѣснью „Онѣгина“. До тѣхъ поръ Пушкинъ неоднократно выражалъ въ письмахъ своихъ, что не считаетъ возможнымъ выходъ въ свѣтъ „Евг. Онѣгина“. Теперь онъ оживился надеждами [1]). Въ концѣ апрѣля слѣдующаго года (1825) онъ упрекаетъ А. А. Бестужева за то, что онъ въ „Полярной Звѣздѣ“ этого года не отдалъ справедливости Шишкову: „Ты умѣлъ въ 1822 г. жаловаться на туманы нашей словесности, а нынѣшній годъ и спасибо не сказалъ старику Шишкову. Кому же, какъ не ему, обязаны мы нашимъ оживленіемъ?“

Стихи 33 и 34 этого посланія вырѣзаны на бюстѣ Шишкова въ Академіи Наукъ.

Напеч. впервые не вполнѣ въ изд. 1855 г., а добавленія въ „Библ. Зап.“ 1858 г., № 11.

На скользкомъ поприщѣ Тимковскаго [2]) наслѣдникъ,
Позволь обнять тебя, мой прежній собесѣдникъ!
Недавно, тяжкою цензурой угнетенъ,
Послѣднихъ, жалкихъ правъ безъ милости лишенъ,
Со всею братіей гонимый совокупно,
Я, вспыхнувъ, говорилъ тебѣ немного крупно;
Потѣшилъ языка бранчивую свербежъ.
Но извини меня, мнѣ было невтерпежъ.
Теперь въ моей глуши, журналы раздирая,
И бѣдной братіи стишонки разбирая
(Теперь же мнѣ читать охота и досугъ),
Обрадовался я, по нимъ замѣтя вдругъ
Въ тебѣ и правила, и мыслей образъ новый.
Ура! ты заслужилъ вѣнокъ себѣ лавровый
И твердостью души, и смѣлостью ума.
Какъ изумилася поэзія сама,
Когда ты разрѣшилъ, по милости чудесной,
Завѣтныя слова: божественный, небесный—
И ими назвалась (для риѳмы) красота,
Не оскорбляя тѣмъ ужъ Господа-Христа.
Но что же вдругъ тебя, скажи, перемѣнило
И нрава твоего кичливость усмирило?
Свои посланія хоть очень я люблю,
Хоть знаю, что прочелъ ты жалобу мою;
Но подразнивъ тебя, я перемѣной сею,
Пріятно изумленъ, гордиться не посмѣю.

---

[1]) Желанія того круга писателей, къ которому принадлежалъ Пушкинъ, нашли впослѣдствіи доступъ въ комиссію по обсужденію неудовлетворительнаго цензурнаго устава 1826 г., изданнаго Шишковымъ. Въ этой комиссіи участвовали двое изъ бывшихъ Арзамасцевъ: С. С. Уваровъ и Дашковъ. Результатомъ ея былъ новый цензурный уставъ 1828 г.

[2]) См. выше вступ. зам. къ № 91.

Отнесся я къ тебѣ по долгу своему;
Но мнѣ ль исправить васъ? Нѣтъ, вѣдаю, кому
Сей важной новостью обязана Россія:
Обдумавъ наконецъ намѣренья благія,
Министра честнаго нашъ добрый царь избралъ;
Шишковъ уже наукъ правленье воспріялъ.
Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года [3]);
Одинъ въ толпѣ вельможъ онъ русскихъ музъ любилъ:
Ихъ, незамѣченныхъ, созвалъ, соединилъ;
Отъ хлада нашихъ дней укрылъ [a] онъ лавръ единый
Осиротѣлаго вѣнца Екатерины.
. . . .
Итакъ, я поспѣшилъ пріятелей поздравить,
А между тѣмъ совѣтъ на память имъ [4]) оставить:
Будь строгъ, но будь уменъ. Не просятъ у тебя,
Чтобъ всѣ законныя преграды истребя,
Все мыслить, говорить, печатать безопасно
Ты нашимъ господамъ позволилъ самовластно.
Права свои храни по долгу своему;
Но скромной истинѣ, но мирному уму,
И даже глупости, невинной и довольной,
Не заграждай пути заставой своевольной.
И если ты въ плодахъ досужнаго пера
Порою не найдешь великаго добра,
Когда не видишь въ нихъ безумнаго разврата,
Престоловъ, алтарей и нравовъ супостата,
То, славы автору желая отъ души,
Махни, мой другъ, рукой и смѣло подпиши.

---

93. Коварность.

(1824).

Біографическія данныя не объясняютъ повода, по которому было написано это стихотвореніе [1]), и оно остается для читателя имѣющимъ общее значеніе поэтическаго изображенія человѣка, встрѣтившаго недостатокъ искренности въ своемъ другѣ, поведеніе котораго мучительно подѣйствовало на него. Но поэтъ допускаетъ двоякое предположеніе: или другъ пересталъ считать самого этого человѣка достойнымъ дружбы, обвиняя въ неблагодарности, холодности и малодушіи (ст. 9—11)—и въ такомъ случаѣ онъ готовъ вымолить себѣ прощеніе; или же поведеніе этого друга есть коварство, преднамѣренная игра его чувствами, безъ малѣйшей любви съ своей стороны,—

[a] спасалъ (въ письмѣ къ к. Вяз., февр. 1825 г.).

[3]) Высочайшіе манифесты 1812 г., исполненные горячаго патріотизма, сочинялись Шишковымъ. — [4]) т. е.: цензорамъ.

[1]) Г. Ефремовъ высказываетъ догадку, что оно вызвано одесскими воспоминаніями.

и въ такомъ случаѣ самъ этотъ другъ достоинъ того недовѣрія, которое вызвалъ своимъ поведеніемъ.

Стихотвореніе замѣчательно характеристикой того лица, о которомъ поэтъ, какъ бы третейскій судья, ведетъ въ немъ рѣчь. Это — душа, жаждущая любви и довѣрія и сама настолько довѣрчивая, что готова обвинить прежде всего — себя. Но чувство говоритъ ему, что дѣйствительно онъ — жертва коварства того, кого считалъ преданнымъ другомъ своимъ — и читателю становится ясно, что это оскорбленное лицо — самъ поэтъ, который отповѣдью своей, исполненной глубокой скорби, спѣшитъ положить конецъ мучительной двусмысленности отношеній. Эта отповѣдь полна чувства собственнаго достоинства, сдержана въ своемъ негодованіи (ст. 28): потому получила форму рѣчи третьяго лица, и остановлена на стихѣ, это негодованіе выражающемъ. Выражена она стихомъ, въ высшей степени гармоническимъ, свободнымъ и пластическимъ (въ изображеніи презрѣнія къ коварному другу, ст. 1—6).

Бѣлинскій (1844) отнесъ это стихотвореніе къ піесамъ „чисто пушкинскимъ".

Напеч. впервые въ „Моск. Вѣстникѣ" 1828, № 6.

Когда твой другъ на гласъ твоихъ рѣчей
Отвѣтствуетъ язвительнымъ молчаньемъ;
Когда свою онъ отъ руки твоей,
Какъ отъ змѣи, отдернетъ съ содроганьемъ;
Какъ, на тебя взоръ острый пригвоздя,
Качаетъ онъ съ презрѣньемъ головою,
Не говори: „онъ боленъ, онъ дитя,
Онъ мучится безумною тоскою";
Не говори: „неблагодаренъ онъ;
Онъ слабъ и золъ, онъ дружбы недостоинъ;
Вся жизнь его какой-то тяжкій сонъ"...
Ужель ты правъ? Ужели ты спокоенъ?
Ахъ, если такъ, онъ въ прахъ готовъ упасть,
Чтобъ вымолить у друга примиренье.
Но если ты святую дружбы власть
Употреблялъ на злобное гоненье;
Но если ты затѣйливо язвилъ
Пугливое его воображенье,
И гордую забаву находилъ
Въ его тоскѣ, рыданьяхъ, униженьѣ;
Но если самъ презрѣнной клеветы
Ты про него невидимымъ былъ эхомъ;
Но если цѣпь ему накинулъ ты
И соннаго врагу предалъ со смѣхомъ,
И онъ прочелъ въ нѣмой душѣ твоей
Все тайное своимъ печальнымъ взоромъ:
Тогда ступай, не трать пустыхъ рѣчей —
Ты осужденъ послѣднимъ приговоромъ.

18 октября 1824 г.

---

94. Эпилогъ къ поэмѣ: Цыганы.

(1824).

Въ этомъ эпилогѣ поэтъ вспоминаетъ свое путешествіе по Бессарабіи. оспоминанія о государственныхъ событіяхъ — свѣтлыя: они говорятъ ему славѣ отечества. Не таковы наблюденія личнаго счастія людей. Онъ сопровождалъ цыганскій таборъ и наблюдалъ нравы этихъ „дѣтей смиренной ольности" (см. о поѣздкѣ Пушкина въ Измаилъ, стр. 80), отыскивая среди хъ того счастія, котораго даетъ жизнь людей, удаленныхъ отъ приоды. Онъ не нашелъ этого счастія и среди сыновъ ея. Причина того— трасти.

Уже Бѣлинскій (1844) указалъ на противорѣчіе главной мысли эпиога съ самой поэмою, такъ какъ, по смыслу ея, несчастіе принесено къ „бѣднымъ сынамъ природы" человѣкомъ не ихъ среды. Но мысль эпилога ложетъ быть истинна внѣ связи съ поэмою.

Поэма окончена 20 окт. Напечатана же была сначала частями (см. „Цыганы", 1824), вполнѣ же издана въ 1827 г.

Волшебной силой пѣснопѣнья
Въ туманной памяти моей
Такъ оживляются видѣнья
То свѣтлыхъ, то печальныхъ дней.
Въ странѣ, гдѣ долго, долго брани
Ужасный гулъ не умолкалъ,
Гдѣ повелительныя грани
Стамбулу русскій указалъ,
Гдѣ старый нашъ орелъ двуглавый
Еще шумитъ минувшей славой,
Встрѣчалъ я посреди степей,
Надъ рубежами древнихъ становъ,
Телѣги мирныя цыгановъ,
Смиренной вольности дѣтей.
За ихъ лѣнивыми толпами
Въ пустыняхъ, праздный, я бродилъ,
Простую пищу ихъ дѣлилъ
И засыпалъ предъ ихъ огнями;
Въ походахъ медленныхъ любилъ
Ихъ пѣсней радостные гулы,
И долго милой Маріулы
Я имя нѣжное твердилъ.
Но счастья нѣтъ и между вами,
Природы бѣдные сыны!
И подъ издранными шатрами
Живутъ мучительные сны;
И ваши сѣни кочевыя
Въ пустыняхъ не спаслись отъ бѣдъ,
И всюду страсти роковыя,
И отъ судебъ спасенья нѣтъ.

---

95. Ода.

его сіятельству гр. дм. ив. хвостову, съ примѣчаніями автора.

(1824).

Эта ода есть пародія на подобныя произведенія гр. Д. И. Хвостова (см. стр. 18, вын. 25) и другихъ сочинителей высокопарныхъ одъ

Здѣсь искусно высмѣяны грубые пріемы „стремительнаго приступа" (ст. 1 и 6), темнота многихъ выраженій, вызванныхъ потребностію риѳмы (ст. 3 и 36), которыя потому требуютъ примѣчаній, нерѣдко еще менѣе вразумительныхъ, нежели стихи, къ коимъ они прилагаются; ненужные славянизмы (ст. 5, 14, 28 и 36) и рядомъ съ ними — простодушное просторѣчіе (ст. 14 и 18); несоотвѣтствующіе опредѣляемымъ эпитеты и другія слова, помѣщенныя или для риѳмы (ст. 6, 7, 9, 10, 26 и 27) или по смѣшенію понятій (ст. 22); грубое неблагозвучіе (ст. 10, 17, 20, 38 и 40); повтореніе одного и того же слова для замѣщенія слога („днесь" въ стихѣ 14); стеченіе односложныхъ словъ (ст. 23); пропускъ необходимыхъ союзовъ вслѣдствіе неумѣнія владѣть стихомъ (ст. 25); слова или формы ихъ, вовсе неупотребительныя (такова краткая форма прил. *розный* въ ст. 29); усѣченныя прилагательныя и причастія (ст. 5, 33, 34, 35); замысловатыя описательныя выраженія, требующія для пониманія комментарія („недугъ быстропарный" — горячка, ст. 8) [1]) и новыя сложныя невразумительныя слова (ст. 2 и 8). Въ самыхъ формахъ именъ собственныхъ Пушкинъ удачно пародируетъ стариковъ своего времени (таковы: „Бейронъ", „Гебея", „Псиша" вм. „Психея", ст. 7, 21 и 39). Не менѣе удачно воспроизведены искусственность и преувеличенность фигуральныхъ выраженій (ст. 2, 14, 18, 22). Но высшей степени комизма пародія достигаетъ въ самомъ содержаніи. Уже одна мысль призвать гр. Дмитрія Ивановича занять мѣсто похищеннаго смертію Байрона, какъ защитника угнетенныхъ грековъ, при ихъ возстаніи (см. № 82) должна была вызывать неудержимый смѣхъ у современныхъ читателей. Не менѣе комично утѣшеніе метромана-сенатора тѣмъ, что и тамъ онъ будетъ „сенаторомъ" и „почетнымъ литераторомъ" (ст. 15 и 16). Въ слѣдующемъ затѣмъ сравненіи гр. Хвостова съ Байрономъ искусно пародируются праздныя и натянутыя уподобленія и антитезы подобныхъ одъ: въ особенности эффектно сравненіе обоихъ по ихъ семейнымъ отношеніямъ (ст. 25 — 27). Послѣдняя строфа завершаетъ пародію переходомъ отъ скудныхъ мыслей къ совершенной безсмыслицѣ, теряющейся въ цѣломъ рядѣ миѳологическихъ именъ, что повлекло за собою обширный комментарій. Комментарій этотъ въ свою очередь есть искусная пародія на подобныя примѣчанія при старыхъ одахъ: сначала объясненіемъ этимъ удается раскрыть смыслъ въ комментируемомъ; но чѣмъ далѣе, тѣмъ это становится труднѣе; попадаются несообразности (о Зевсѣ, Псишѣ), наконецъ комментаторъ уже совсѣмъ не находится объяснить цѣлый рядъ случайно набранныхъ миѳологическихъ фигуръ и предоставляетъ имъ „веселою толпою слѣдовать за суднομъ нашего піиты".

Пушкинъ довелъ свой слогъ до высшей степени простоты и ясности. Еще въ лицеѣ, отказавшись читать Клопштока за его „премудрости", Пушкинъ заявилъ:

---

[1]) Пушкинъ неоднократно насмѣхался надъ подобными выраженіями, имѣющими претензію на красоту или оригинальность. Такъ, поручая брату купить ему штопоръ онъ пишетъ: „Пришли мнѣ бумаги почтовой и простой... не забудь и (говоря по-Делилевски) витую сталь, пронзающую засмоленную главу бутылки, т.-е. штопоръ". (Письмо въ декабрѣ 1824).

Не хотѣлъ я воспѣвать, какъ онъ—
Я хочу, меня чтобъ поняли
Всѣ отъ мала до велика („Бова“ 1815).

Онъ постоянно осуждалъ промахи въ этомъ отношеніи даже въ проізведеніяхъ, заслуживавшихъ его похвалы. Такъ, разбирая „Ѳракійскія легіи“ Теплякова, онъ замѣчаетъ: „Тишина гробницы, громкая какъ альній шумъ колесницы“, „стонъ, звучащій какъ плачъ души“, „слова, которыя святѣе золота волнъ“—все это не точно, фальшиво, или просто ичего не значитъ“ (Совр. 1836, кн. 3). Каково же было Пушкину итать стихи гр. Хвостова, у котораго, по замѣчанію кн. Вяземскаго, дѣ-то сказано: „Зимой весну являетъ лѣто“? Въ своихъ замѣткахъ 827 г. Пушкинъ различаетъ два рода безсмылицы: „одна происходитъ тъ недостатка чувствъ и мыслей, замѣняемаго словами: другая — отъ олноты чувствъ и мыслей и недостатка словъ для ихъ выраженія“... Іерваго рода безсмыслица и осмѣяна имъ въ Одѣ гр. Д. И. Хвостову.

Напеч. впервые въ VII т. изд. Анненкова (1857). Текстъ исправленъ . Ефремовымъ по автографу.

Султанъ ярится *). Кровь Эллады
И рѣзвоскачетъ **), и кипитъ.
Открылись грекамъ древни клады ***),
Трепещетъ въ Стиксѣ лютый Питтъ ****).
И се—летитъ продерзко судно
И мещетъ громы обоюдно:
Се Бейронъ, Феба образецъ,
Притекъ—но недугъ быстропарный *),
Строптивый и неблагодарный,
Взнесъ смерти на него рѣзецъ.

Пѣвецъ безсмертный и маститый!
Тебя Эллада днесь зоветъ
На мѣсто тѣни знаменитой,
Предъ коей Церберъ днесь реветъ!
Какъ здѣсь ты будешь тамъ сенаторъ,
Какъ здѣсь—почтенный литераторъ;
Но новый лавръ тебя ждетъ тамъ,
Гдѣ отъ крови земля промокла:
Перикла лавръ, лавръ Ѳемистокла!

---

*) Подражаніе г. Петрову, знаменитому нашему лирику (*Прим. Пушкина*).— **) Слово, употребленное весьма счастливо Вильгельмомъ Карловичемъ Кюхельбекеромъ въ стихотворномъ письмѣ къ Грибоѣдову. (*Прим. Пушкина.*). ***) Подъ словомъ клады должно разумѣть правдивую ненависть нынѣшнихъ Леонидовъ, Ахиллесовъ и Мильтіадовъ къ жестокимъ чалмоносцамъ (*Прим. Пушкина*).—****) Г. Питтъ, знаменитый англійскій министръ и извѣстный противникъ Свободы. (*Прим. Пушкина.*)—*) Горячка (*Прим. Пушкина.*).

---

1) Пушкинъ въ письмѣ къ брату въ началѣ апрѣля 1825 г., между прочимъ, высказываетъ опасеніе, что Кюхельбекеръ (см. стр. 59) разсердится на него за то, что ему „не по-нутру рѣзвоскачущая кровь Грибоѣдова.

Лети туда, Хвостовъ нашъ, самъ!

Вамъ съ Бейрономъ шипѣла злоба,
Гремѣла и правдива лесть.
Онъ лордъ—графъ ты! поэты оба!
Се, мнится, явно сходство есть—
Никакъ! Ты съ вѣрною супругой **)
Подъ бременемъ судьбы упругой
Живешь въ любви—и наконецъ
Глубокъ онъ, но единообразенъ!
А ты глубокъ, игривъ и разенъ—
И въ шалостяхъ ты впрямь пѣвецъ.

А я—невѣдомый піита—
Въ восторгѣ новомъ воспою
Во слѣдъ піита знаменита
Правдиву похвалу свою,
Моляся кораблю бѣгущу,
Да Бейрона онъ узритъ кущу ***)
И да блюдутъ твой мирный сонъ ****)
Нептунъ, Плутонъ, Зевсъ, Цитерея,
Гебея, Псиша, Кронъ, Астрея,
Фебъ, Игры, Смѣхи, Вакхъ, Харонъ.

---

96. Подражаніе А. Шенье.

(1824).

Пушкинъ ознакомился съ произведеніями А. Шенье еще на югѣ (см. вступ. зам. къ „Стихотвореніямъ, написаннымъ на югѣ“). Шенье при-

---

) Графиня... Хвостова, урожденная княжна Горчакова, достойная супруга маститаго нашего пѣвца. Во многочисленныхъ своихъ стихотвореніяхъ вездѣ называетъ онъ ее Темирою (см. послѣднее замѣч. къ одѣ: Заздравный кубокъ) (*Прим. Пушкина*). — *) Подражаніе Его Высокопревосходительству Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Ивану Ивановичу Дмитріеву, знаменитому другу графа Хвостова:

Къ тебѣ я руки простиралъ,
Уже изъ отческія кущи,
Взирая на суда бѣгущи. (*Прим. Пушк.*).

****) Здѣсь поэтъ, увлекаясь воображеніемъ, видитъ уже великаго нашего лирика, погруженнаго въ сладкій сонъ и приближающагося къ берегамъ благословенной Эллады. Нептунъ усмиряетъ предъ нимъ предерзкія волны; Плутонъ исходитъ изъ преисподней бездны, дабы узрѣть того, кто ниспошлетъ ему въ непродолжительномъ времени богатую жатву тѣней поклонниковъ лжепророка; Зевсъ улыбается ему съ небесъ; Цитерея (Венера) осыпаетъ цвѣтами своего любимаго пѣвца; Геба подъемлетъ кубокъ за здравіе его; Псиша въ образѣ Ипполита Богдановича [2]) ему завидуетъ; Кронъ удерживаетъ косу, готовую разить; Астрея [3]) предчувствуетъ возвратъ своего царствованія; Фебъ ликуетъ: Игры, Смѣхи, Вакхъ и Харонъ веселою толпою слѣдуютъ за судномъ нашего безсмертнаго піиты. (*Прим. Пушкина*).

---

[2]) См. стр. 15, вын. 14.—[3]) Астрея, дочь Зевса и Ѳемиды, богиня правосудія, послѣдняя изъ всѣхъ богинь покинула землю съ наступленіемъ мѣднаго вѣка—и съ той поры блистаетъ звѣздою въ небѣ.

влекъ Пушкина своими антологическими произведеніями, изъ которыхъ, одному отрывку Пушкинъ подражалъ въ своей „Музѣ" (см. № 61). Черновыя тетради Пушкина свидѣтельствуютъ, что онъ неоднократно возвращался къ этому поэту. Такъ въ 1823 г. въ черновомъ письмѣ отъ 4 ноября онъ писалъ кн. Вяземскому по поводу новѣйшей поэзіи, которую называетъ романтической, противополагая прежней, которая слыла у нихъ подъ именемъ „классической": „Перечитывая твои письма, беретъ мемя охота спорить. Говоря о романтизмѣ, ты гдѣ-то пишешь, что даже стихи со времени революціи имѣютъ новый образъ, и упоминаешь о А. Шенье. Никто болѣе меня не уважаетъ и не любитъ болѣе этого поэта, но онъ истинный грекъ, изъ классиковъ классикъ: c'est un imitateur (это подражатель)... Отъ него такъ и пахнетъ Θеокритомъ и Анѳологіей. Онъ освобожденъ отъ италіанскихъ concetti и отъ французскихъ antithèses, но романтизма въ немъ нѣтъ еще ни капли... Покамѣстъ во Франціи поэтовъ менѣе, чѣмъ у насъ..." [1]). Пушкинъ занятъ А. Шенье и въ 1825 г., когда писалъ свое стихотвореніе „Андрей Шенье". Свѣдѣнія о его жизни (см. ниже во вступ. замѣткѣ къ этому стихотворенію (№ 97).

„Подражаніе А. Шенье" есть весьма близкая передача одной изъ элегій этого поэта. Вотъ текстъ ея:

Jeune fille, ton coeur avec nous vent se taire.
Tu fuis, tu ne ris plus: rien ne saurait te plaire.
La soie à tes travaux offre en vain des couleurs;
L'aiguille sous tes doigts n'anime plus des fleurs.
Tu n'aimes qu'à rêver, muette, seule, errante,
Et la rose pâlit sur ta bouche mourante.
Ah! mon oeil est savant et depuis plus d'un jour,
Et ce n'est pas à moi qu'on peut cacher l'amour.
Les belles font aimer; elles aiment. Les belles
Nous charment tous. Heureux qui peut être aimé d'elles!
Sois tendre, même faible; on doit l'être un moment;
Fidèle, si tu peux. Mais conte-moi comment,
Quel jeune homme aux yéux bleus, empressé, sant audace;
Aux cheveux noirs, au front plein de charme et de grâce...
Tu rougis? On dirait que je t'ai dit son nom.
Je le connais pourtant. Autour de ta maison
C'est lui qui va, qui vient; et, laissant ton ouvrage,
Tu cours, sans te montrer, épier son passage.
Il fuit vite; et ton oeil, sur sa trace accouru,
Le suit encor longtemps quand il a disparu.
Nul, en ce bois voisin où trois brillantes
Font voler au printemps nos nymphes triomphantes,
Nul n'a sa noble aisance et son habile main
A soumettre un coursier aux volontés du frein.

Нельзя не обратить вниманія на сжатость языка Пушкина, при ко-

[1]) Р. С. 184. Іюнь, 564.

торой слово становится выразительнѣе подлинника. Нельзя не замѣтить также, какъ художественное чувство Пушкина при этомъ переводѣ устранило все манерное (ст. 11-й и первая половина 12-го стиха фр. текста).

Бѣлинскій (1844) отнесъ и это стихотвореніе къ „чисто-пушкинскимъ піесамъ".

Напеч. впервые въ изд. 1826 г.

Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снѣдаетъ;
На дѣвственныхъ устахъ улыбка замираетъ.
Давно твоей иглой узоры и цвѣты
Не оживлялися. Безмолвно любишь ты
Грустить. О, я знатокъ въ дѣвической печали;
Давно глаза мои въ душѣ твоей читали.
Любви не утаишь: мы любимъ, и какъ насъ,
Дѣвицы нѣжныя, любовь волнуетъ васъ.
Счастливы юноши! Но кто, скажи, межъ ними,
Красавецъ молодой съ очами голубыми,
Съ кудрями черными?... Краснѣешь? Я молчу,
Но знаю все; и если захочу,
То назову его. Не онъ ли вѣчно бродитъ
Вкругъ дома твоего и взоръ къ окну возводитъ?
Ты втайнѣ ждешь его. Идетъ, и ты бѣжишь,
И долго вслѣдъ за нимъ незримая глядишь.
Никто на праздникѣ блистательнаго мая,
Межъ колесницами роскошными летая,
Никто изъ юношей свободнѣй и смѣлѣй
Не властвуетъ конемъ по прихотѣ своей.

---

97. Изъ стихотворенія: Андрей Шенье.

(посвящено Н. Н. Раевскому).

(1825).

Андре Шенье родился въ Константинополѣ, гдѣ отецъ его былъ французскимъ консуломъ, 20 октября 1762 г. Его мать была гречанка. Она славилась умомъ и красотою. Въ самомъ раннемъ дѣтствѣ Андре былъ отвезенъ во Францію, гдѣ воспитывался до 9 лѣтъ у тетки въ Лангедокѣ. Возвратившись въ Парижъ въ 1773 году, отецъ помѣстилъ его въ Наваррскую коллегію. Рано стала развиваться въ юномъ Шенье любовь къ поэзіи. Уже 16-ти лѣтъ, овладѣвъ греческимъ языкомъ, онъ перевелъ еще въ коллегіи оду Сафо. Двадцати лѣтъ поступилъ онъ въ военную службу, въ Страсбургскій гарнизонъ, но праздная и пустая жизнь офицеровъ не удовлетворяла его, и черезъ полгода онъ возвратился въ Парижъ, гдѣ и отдался умственнымъ занятіямъ, не имѣя при этомъ никакого руководителя. Здѣсь сошелся онъ съ Лавуазье [1]), Палиссо [2]), Да-

---

[1]) Лавуазье (1743—1794)—знаменитый фр. химикъ, погибшій на гильотинѣ по волѣ Робеспьера.—[2]) Палиссо де-Мантенуа (1730—1814)—фр. литераторъ и критикъ.

видомъ [3]) и Ле-Брёнемъ [4]), который и угадалъ въ немъ развивающійся талантъ. Онъ предался занятіямъ съ такимъ рвеніемъ, что наконецъ заболѣлъ опасно. Друзья его дѣтства выходили его и увезли въ Швейцарію. Ему было тогда 22 года. Отсюда увезъ его съ собою въ Лондонъ французскій посолъ въ Англіи гр. Люцернскій. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ тревожной жизни въ постоянныхъ разъѣздахъ, воротился онъ 28 лѣтъ въ Парижъ. Это было въ 1790 г. Здѣсь предался онъ литературнымъ занятіямъ. Обвороженный греческой поэзіей, онъ образовалъ свой стиль по ея образцамъ, но не подчиняясь узкимъ рамкамъ ложно-классической школы, онъ искалъ новыхъ путей въ поэзіи. Эти стремленія высказаны имъ въ поэмѣ „Изобрѣтеніе" (L'Invention). Любовь къ природѣ и простой, безыскусственной жизни обратила его къ идилліи. Но онъ замышлялъ и обширныя поэмы: подобно Лукрецію, хотѣлъ онъ объяснить природу вещей, приложивъ новѣйшія знанія, въ поэмѣ „Гермесъ"; хотѣлъ воспѣть Америку, взявъ подъ защиту угнетенную непорочность: написать поэму о любви, и въ „Сусаннѣ" старался овладѣть первобытными красками библейской поэзіи. Свои поэтическіе замыслы повѣрялъ онъ лишь небольшому кругу друзей. Талантъ его зрѣлъ въ тишинѣ; онъ не гнался за незаслуженной славою.

Среди этихъ занятій засталъ его 1789 годъ. Онъ оставилъ поэзію для службы отечеству и писалъ горячія статьи противъ анархіи и притязательности аристократовъ въ Journal de Paris, основанномъ его друзьями. Этимъ подготовилъ онъ свою гибель. Когда „друзья новой конституціи" основали свой клубъ подъ этимъ именемъ, А. Шенье первый сталъ мужественно писать противъ ихъ кровавой власти. Младшій братъ его, Мари-Жозефъ [5]), принадлежавшій къ этому клубу, сначала отрекся отъ воззрѣній своего брата, но вскорѣ и самъ покинулъ это общество, которое впослѣдствіи стало извѣстно подъ именемъ „якобинцевъ". Заблужденіе Мари-Жозефа было непродолжительно и прекратилось еще до начала преступныхъ дѣйствій его сотоварищей по клубу; но мнѣніе объ обоихъ братьяхъ уже было составлено. Находя различіе ихъ убѣжденій въ одномъ, порѣшили, что они расходятся во всемъ — и А. Шенье былъ объявленъ защитникомъ привилегій и беззаконія. Въ то же время и противная партія не считала его своимъ. Обладая гражданскимъ мужествомъ, А. Шенье принадлежалъ къ тому малому числу людей, которые не подчиняются ни честолюбію, ни страху, ни личнымъ выгодамъ. Онъ одинаково не желалъ ни неистовствъ демократіи, ни феедальныхъ беззаконій, не желалъ тиранніи ни „друзей отечества", ни Бастиліи — и тѣмъ возбудилъ ненависть мятежниковъ: онъ превознесъ Шарлоту Корде и нападалъ на Робеспьера, а процессъ Людовика XVI возбудилъ мщеніе его могущественныхъ враговъ. Изливъ въ журналѣ все, что только въ силахъ былъ высказать разумъ великодушнаго человѣка за измѣненіе хода этого процесса, онъ предложилъ Мальзербу [6]) разрѣшить съ

[3]) Давидъ (1748—1825)—извѣстный фр. живописецъ.—[4]) Ле-Брёнъ Понсъ Дени Экушаръ (1729—1807), прозванный „Пиндаромъ", одинъ изъ важнѣйшихъ лириковъ классической школы.—[5]) Мари-Жозефъ Шенье (1764—1811) продолжалъ дѣло Вольтера въ тенденціозной драмѣ.—[6]) Мальзербъ (1721—1794)—фр. министръ, погибшій на гильотинѣ.

нимъ всѣ опасности въ пользу короля. Извѣстно, что король послѣ произнесенія смертнаго приговора послалъ въ собраніе письмо, исполненное достоинства и спокойствія, въ которомъ требовалъ передачи рѣшенія его осудившаго, на судъ народа. Это письмо, помѣченное ночью съ 17 на 18 февраля, написано Андре Шенье. Мѣстами исправленное по совѣту Мальзерба, оно тотчасъ было напечатано. Эта доблесть погубила А. Шенье. Его убѣдили покинуть Парижъ. Сначала онъ отправился въ Руанъ, а потомъ въ Версаль, гдѣ братъ его, пользуясь своимъ положеніемъ депутата, дѣйствовалъ въ его пользу и выбралъ ему домъ для убѣжища. Но неожиданный случай отдалъ А. Шенье въ руки его враговъ. Узнавъ объ арестѣ одного изъ друзей своихъ въ Пасси, онъ поспѣшилъ туда, чтобы утѣшить семейство друга, и былъ арестованъ самъ. Въ эти дни террора единственнымъ спасеніемъ было заставить забыть о себѣ; многіе сохранили жизнь, благодаря тому, что о нихъ забыли. Заступничество Мари-Жозефа, бывшаго предметомъ особенной ненависти Робеспьера, который страшился его убѣжденій и завидовалъ его таланту,—могло бы погубить Андре, и потому тотъ молчалъ. Но отецъ Шенье, внѣ себя отъ горя, не переставалъ докучать безполезными жалобами могущественнымъ людямъ этой кровавой эпохи — и окончательно испортилъ все дѣло.

Между тѣмъ въ темницѣ Шенье возвратился къ поэзіи [7]).

Шенье предсталъ предъ трибуналомъ безъ права защиты. Объявленный „врагомъ народа", обвиненный въ томъ, что писалъ „противъ свободы" „въ защиту тиранніи" и наконецъ въ намѣреніи бѣжать, онъ былъ приговоренъ къ казни, которая и совершилась 7 термидора, т. е. за два дня до паденія Робеспьера. Шенье взошелъ на колесницу въ 8 часовъ утра. Изъ 38 жертвъ, которыя вмѣстѣ съ нимъ были отправлены на казнь, онъ увидалъ друга своего Руше. На привѣтствіе его Шенье отвѣчалъ: „Я не сдѣлалъ ничего для потомства"; потомъ, ударя себя въ

---

7) Написанное имъ тамъ не могло быть однако же издано послѣ его смерти его братомъ, потому что эти рукописи разошлись по разнымъ рукамъ. „Какъ мнѣ выразить то, что почувствовалъ я", пишетъ де-ла-Тужъ, „когда эти произведенія, наконецъ собранныя, всѣ писанныя его собственною рукою, были черезъ 26 лѣтъ въ рукахъ моихъ!.. О, какія печальныя мысли внушались этими строками, украдкой тѣсно уписанными на узкихъ листкахъ, чтобъ избѣжать руки тюремщика"! За нѣсколько дней до ареста А. Шенье собралъ всѣ свои прежнія рукописи и разложилъ ихъ въ три портфеля, которые самъ перенумеровалъ. Портфель № 1 заключалъ тѣ произведенія, которыя самъ авторъ считалъ оконченными: только ихъ и предполагалъ онъ впослѣдствіи напечатать; портфель № 2 заключалъ произведенія, почти готовыя, но которыя однакоже казались автору недостаточно отдѣланными; наконецъ въ портфелѣ № 3 были собраны неоконченные наброски и планы задуманныхъ произведеній — и только этотъ-то портфель сохранился и сталъ извѣстенъ публикѣ; оба первые пропали. Рукописи, полученныя де-ла-Тушемъ въ 1819 году, были въ крайнемъ безпорядкѣ, Книгопродавецъ, только что издавшій 3 тома драматическихъ произведеній Мари-Жосефа Шенье, получилъ предложеніе издать и томъ стихотвореній его неизвѣстнаго брата. Добывъ у двухъ старшихъ братьевъ (Андре былъ третьимъ братомъ) еще двѣ связки бумагъ покойнаго поэта, де-ла-Тушъ сталъ приготовлять къ изданію оказавшіяся въ нихъ элегію „Молодая больная" и идиллію „Два пастуха" и отрывки. Онъ не рѣшился напечатать всѣ отрывки сразу, и опасаясь придирчивости критики, сдѣлалъ выборъ изъ нихъ. Изданіе вышло въ 1819 году.

лобъ прибавилъ: „А все-таки у меня было здѣсь кое-что“! На послѣднемъ пути своемъ А. Шенье и Руше вели бесѣду о поэзіи; предметомъ ея былъ Расинъ. Они произносили стихи 1-й сцены „Андромахи“, чтобы хоть сколько-нибудь заглушить крики толпы, ихъ сопровождавшей. Казнь совершилась— и, по выраженію де-ла-Туша, „умеръ молодой лебедь, задушенный кровавою рукою революціи“.

Пушкина привлекла личность несчастнаго поэта, какъ привлекла его поэзія, и онъ избралъ послѣднія минуты его въ темницѣ для своего стихотворенія „Андрей Шенье“, которое посвятилъ Н. П. Раевскому-сыну, впервые познакомившему его съ поэзіей Шенье.

Послѣ вступленія (ст. 1—12) Пушкинъ представляетъ А. Шенье въ темницѣ, наканунѣ казни, и влагаетъ въ его уста рѣчь. Въ этой рѣчи Шенье изображаетъ, какъ обмануты были мечтатели, провозгласившіе владычество равенства, когда власть топора смѣнила королевскую власть (ст. 41—78). Но онъ вѣритъ въ возможность свободы и только сожалѣетъ, что ему не суждено увидѣть ее (ст. 64). Онъ обращается къ друзьямъ и проситъ ихъ оплакать его въ тишинѣ, не подвергая себя опасности въ жестокіе дни, въ которые живутъ они (ст. 75—79). Затѣмъ онъ завѣщаетъ друзьямъ сохранить его поэтическія созданія, чтобы въ лучшіе дни, когда гроза утихнетъ, они вспоминали о немъ, перечитывая ихъ (ст. 80 — 101). Слѣдующая часть — горестная жалоба на судьбу свою, которая завлекла его, рожденнаго для жизни поэта, въ водоворотъ дикихъ политическихъ страстей, въ среду буйныхъ, злобныхъ и корыстныхъ невѣждъ (ст. 109—139). Вспоминая затѣмъ безславные поступки правителей, похитившихъ власть, и вызванное ими отмщеніе (ст. 140—153) и свое мужественное поведеніе въ отношеніи „святого старика“ короля, онъ изрекаетъ пророческое слово о скоромъ паденіи тирана (т. е. Робеспьера) и, приготовляясь итти на плаху, зоветъ съ собою и его (ст. 154 — 170).—Въ заключеніе Пушкинъ вспоминаетъ о той несчастной поспѣшности, съ которою бала произведена казнь Шенье за два дня до паденія самого Робеспьера (ст. 177 — 180), его послѣднія минуты на колесницѣ съ другомъ (ст. 182) и казнь (ст. 183).

Мѣняя размѣръ, въ стихотвореніи этомъ Пушкинъ возвращается къ александрійскому стиху въ мѣстахъ элегическихъ. Эти мѣста (завѣщаніе друзьямъ ст. 15—101, и въ особенности воспоминанія о золотыхъ дняхъ прошлаго и сожалѣніе о судьбѣ своей (ст. 109—138) трудно отличить отъ элегій Пушкина, въ которыхъ онъ воспроизводилъ пережитыя имъ волненія юности.

Написанное въ началѣ апрѣля 1825 г., стихотвореніе это было впервые напечатано въ изд. 1826 г., дополненія—въ „Библ. Зап.“ 1858 г. При нѣкоторыхъ мѣстахъ стихотворенія Пушкинымъ сдѣланы были выноски на франц. языкѣ. Это выдержки изъ статьи де-ла-Туша: „Объ А. Шенье, его жизни и сочиненіяхъ“, изъ которой выше сдѣлано извлеченіе.

Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
S'éveillait...

1 Межъ тѣмъ какъ изумленный міръ
На урну Байрона взираетъ,

И хору европейскихъ лиръ
Близъ Данте тѣнь его внимаетъ,

Зоветъ меня другая тѣнь,
Давно безъ пѣсенъ, безъ рыданій,
Съ кровавой плахи въ дни страданій
Сошедшая въ могильну сѣнь.

Пѣвцу любви, дубравъ и мира,
Пѣвцу возвышенной мечты
Звучитъ незнаемая лира.
Пою. Мнѣ внемлетъ онъ и ты [8]).

Подъялась вновь усталая сѣкира
И жертву новую зоветъ.
Пѣвецъ готовъ; задумчивая лира
Въ послѣдній разъ ему поетъ *).

Заутра казнь—привычный пиръ народу;
Но лира юнаго пѣвца
О чемъ поетъ? Поетъ она свободу—
Не измѣнилась до конца!

„Привѣтствую тебя, мое свѣтило!
Я славилъ твой небесный ликъ,
Когда онъ искрою возникъ,
Когда ты въ бурѣ восходило...

. . . .

Оковы падали. Законъ,
На вольность опершись, провозгласилъ равенство,
И мы воскликнули: „блаженство"!...
О горѣ! о безумный сонъ!
Гдѣ вольность и законъ? Надъ нами
Единый властвуетъ топоръ.
Мы свергнули царей! Убійцу съ палачами
Избрали мы въ цари! О ужасъ, о позоръ!..
Но ты, священная свобода,
Богиня чистая! нѣтъ, не виновна ты:
Въ порывахъ буйной слѣпоты,
Въ презрѣнномъ бѣшенствѣ народа—
Сокрылась ты отъ насъ. Цѣлебный твой сосудъ

---

*) Comme un dernier rayon, comme un dernier zéphyre
Anime la fin [a] d'un beau jour,
Au pied de l-échafaud j'essaie encore ma lyre.
(Послѣдніе стихи А. Шенье).

---

[a] le soir. (Пушк.).

---

[8]) т. е. Н. Н. Раевскій-сынъ, которому посвящено это стихотвореніе.

Завѣшенъ пеленой кровавой...

. . . .

Но я не узрю васъ, дни славы, дни блаженства:
Я плахѣ обреченъ. Послѣдніе часы
Влачу. Заутра казнь. Торжественной рукою
Палачъ мою главу подыметъ за власы
Надъ равнодушною толпою.
Простите, о друзья! Мой безпріютный прахъ
Не будетъ почивать въ саду, гдѣ провождали
Мы дни безпечные въ наукахъ и пирахъ,
И мѣсто нашихъ урнъ заранѣ назначали.
Но, други, если обо мнѣ
Священно вамъ воспоминанье,
Исполните мое послѣднее желанье:
Оплачьте, милые, мой жребій въ тишинѣ;
Страшитесь возбудить слезами подозрѣнье;
Въ нашъ вѣкъ, вы знаете, и слезы преступленье:
О братѣ сожалѣть не смѣетъ нынѣ братъ.
Еще жъ одна мольба: вы слушали стократъ
Стихи, летучихъ думъ небрежныя созданья,
Разнообразныя, завѣтныя преданья
Всей младости моей. Надежды и мечты,
И слезы, и любовь, друзья, сіи листы
Всю жизнь мою хранятъ. У Авеля, у Фанни **)
Молю, найдите ихъ; невинной музы дани
Сберите. Строгій свѣтъ, надменная молва
Не будутъ вѣдать ихъ. Увы, моя глава
Безвременно падетъ: мой недозрѣлый геній
Для славы не свершилъ возвышенныхъ твореній;
Я скоро весь умру. Но, тѣнь мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!
Когда гроза пройдетъ, толпою суевѣрной
Сбирайтесь иногда читать мой свитокъ вѣрный,
И долго слушая, скажите: „это онъ!
Вотъ рѣчь его“! А я, забывъ могильный сонъ,
Войду невидимо и сяду между вами,
И самъ заслушаюсь, и вашими слезами
Упьюсь... И, можетъ быть, утѣшенъ буду я
Любовью; можетъ быть, и Узница ***) моя,
Уныла и блѣдна, стихамъ любви внимая“...

Но пѣсни нѣжныя мгновенно прерывая,
Младой пѣвецъ поникъ задумчивой главой.
Пора весны его съ любовію, тоской
Промчалась передъ нимъ... Красавицъ томны очи,

) Abel doux confident de més jeunes mistères (El. I): одинъ изъ друзей А. Ш. (*Прим. Пушкина*). Къ Фанни также обращены нѣкоторыя стихотворенія Шенье.— *) La jeune captive (M-llé de Coigny) (*Прим. Пушкина*). „Молодая узница“— ода, сочиненная А. Шеньс въ темницѣ для г-жи де-Куаньи.

И пѣсни, и пиры, и пламенныя ночи,
Все вмѣстѣ ожило; и сердце понеслось
Далече... и стиховъ журчанье излилось:
„Куда, куда завлекъ меня враждебный геній?
Рожденный для любви, для мирныхъ искушеній,
Зачѣмъ я покидалъ безвѣстной жизни сѣнь,
Свободу и друзей, и сладостную лѣнь?
Судьба лелѣяла мою златую младость,
Безпечною рукой меня вѣнчала радость,
И муза чистая дѣлила мой досугъ.
На шумныхъ вечерахъ друзей любимый другъ,
Я сладко оглашалъ и смѣхомъ, и стихами,
Сѣнь, охраненную домашними богами.
Когда жъ вакхической тревогой утомясь
И новымъ пламенемъ внезапно воспалясь,
Я утромъ наконецъ являлся къ милой дѣвѣ
И находилъ ее въ смятеніи и гнѣвѣ,
Когда съ угрозами, и слезы на глазахъ,
Мой проклиная вѣкъ, утраченный въ пирахъ,
Она меня гнала, бранила и прощала,
Какъ сладко жизнь моя лилась и утекала!
Зачѣмъ отъ жизни сей, лѣнивой и простой,
Я кинулся туда, гдѣ ужасъ роковой,
Гдѣ страсти дикія, гдѣ буйные невѣжды,
И злоба, и корысть! Куда, мои надежды,
Вы завлекли меня! Что дѣлать было мнѣ,
Мнѣ, вѣрному любви, стихамъ и тишинѣ,
На низкомъ поприщѣ съ презрѣнными бойцами?
Мнѣ ль было управлять строптивыми конями
И круто направлять безсильныя бразды?
И что жъ оставлю я? Забытые слѣды
Безумной ревности, и дерзости ничтожной.
Погибни, голосъ мой, и ты, о призракъ ложный,
Ты, слово, звукъ пустой...
О нѣтъ!
Умолкни, ропотъ малодушный!
Гордись и радуйся, поэтъ:
Ты не поникъ главой послушной
Передъ позоромъ нашихъ лѣтъ;
Ты презрѣлъ мощнаго злодѣя;
Твой свѣточъ, грозно пламенѣя,
Жестокимъ блескомъ озарилъ
Совѣтъ правителей бозславныхъ;
Твой бичъ настигнулъ ихъ, казнилъ
Сихъ палачей самодержавныхъ [9]);
Твой стихъ свисталъ по ихъ главамъ;

---

[9]) т. е. Робеспьера и его сообщниковъ.

Ты звалъ на нихъ, ты славилъ Немезиду;
Ты пѣлъ Маратовымъ жрецамъ
Кинжалъ и дѣву-Эвмениду [10])!
Когда святой старикъ [11]) отъ плахи отрывалъ
Вѣнчанную главу рукой оцѣпенѣлой,
Ты смѣло имъ обоимъ руку далъ,
И передъ вами трепеталъ
Ареопагъ остервенѣлый.
Гордись, гордись, пѣвецъ! а ты, свирѣпый звѣрь,
Моей главой играй теперь:
Она въ твоихъ когтяхъ. Но слушай, знай, безбожный:
Мой крикъ, мой ярый смѣхъ преслѣдуетъ тебя!
Пей нашу кровь, живи губя:
Ты все пигмей, пигмей ничтожный.
И часъ придетъ... и онъ ужъ недалекъ:
Падешь, тиранъ! Негодованье
Воспрянетъ наконецъ. Отечества рыданье
Разбудитъ утомленный рокъ.
Теперь иду... пора... но ты ступай за мною;
Я жду тебя“!

Такъ пѣлъ восторженный поэтъ.
И все покоилось. Лампады тихій свѣтъ
Блѣднѣлъ предъ утренней зарею,
И утро вѣяло въ темницу. И поэтъ
Къ рѣшеткѣ поднялъ влажны взоры...
Вдругъ шумъ. Пришли, зовутъ. Они! Надежды нѣтъ!
Звучатъ ключи, замки, запоры.
Зовутъ... Постой, постой; день только, день одинъ—
И казней нѣтъ, и всѣмъ свобода,
И живъ великій гражданинъ
Среди великаго народа ****).
Не слышатъ. Шествіе безмолвно. Ждетъ палачъ.
Но дружба смертный путь поэта очаруетъ [12]).
Вотъ плаха. Онъ взошелъ. Онъ славу именуетъ... [13])
Плачь, муза, плачь!...

****) Онъ былъ казненъ 8 термидора, т.-е. наканунѣ низверженія Робеспьера (*Прим. Пушкина*).

---

[10]) Шарлотту Корде, убившую Марата.—[11]) Людовикъ XVI. — [12]) См. выше бесѣду съ Руше (стр. 183).—[13]) Въ прим. къ этому стиху Пушкинъ ссылается на слова Шенье, обращенныя къ Руше (см. стр. 183).

98. Сожженное письмо.

(1825).

Стиль этой элегіи тотъ сжатый, замѣчательный своею простотою и въ то же время выразительностью стиль, какимъ отличается и „Подражаніе Шенье“ (№ 96). Умѣніе пользоваться александрійскимъ стихомъ здѣсь доведено до высочайшаго совершенства (ср. № 60 и 61).

Напеч. вперые въ изд. 1826 г.

Прощай, письмо любви, прощай! Она велѣла...
Какъ долго медлилъ я, какъ долго не хотѣла
Рука предать огню всѣ радости мои!...
Но полно, часъ насталъ: гори, письмо любви!
Готовъ я; ничему душа моя не внемлетъ.
Ужъ пламя жадное листы твои пріемлетъ...
Минуту!... Вспыхнули... пылаютъ... легкій дымъ,
Віясь, теряется съ моленіемъ моимъ.
Ужъ перстня вѣрнаго утратя впечатлѣнье
Растопленный сургучъ кипитъ... О провидѣнье!
Свершилось! Темные свернулися листы;
На легкомъ пеплѣ ихъ завѣтныя черты
Бѣлѣютъ... Грудь моя стѣснилась. Пепелъ милый,
Отрада бѣдная въ судьбѣ моей унылой,
Останься вѣкъ со мной на горестной груди...

---

99. Желаніе славы.

(1825).

Стихотвореніе того же характера, какъ и предыдущія (№ 98 и № 93). Всѣ одну имѣютъ форму монологовъ. Въ основаніи этого стихотворенія, какъ и предыдущихъ, лежитъ разрывъ съ неизвѣстною особою, очевидно въ Одессѣ. Поэтическое воспроизведеніе разлуки въ стих. „Желаніе славы“ украшено во второй половинѣ высокимъ чувствомъ поэта, сознающаго въ себѣ силы для творчества, достойнаго славы. Въ этомъ сознаніи поэтъ находитъ утоленіе той сердечной боли, которую нанесла ему утрата его сердца. Въ послѣднихъ стихахъ слышенъ укоръ; слава призывается какъ благородное мщеніе за недостаточную оцѣнку чувствъ поэта со стороны той, къ кому элегія обращена. Этотъ укоръ, сопоставленный съ воспоминаніемъ о прошломъ, которое поэтъ сохраняетъ въ душѣ своей какъ святыню своего благороднаго сердца, — и составляетъ главную красоту стихотворенія, будучи голосомъ души, высоко настроенной. Очевидно, то, что поэтъ пережилъ въ душѣ своей, полу-

чило здѣсь свое выраженіе въ минуту поэтическаго вдохновенія. Поэтому чувства носятъ печать спокойствія и величавости. Ср. № 157.

Напеч. впервые въ „Соревн. Просв. и Благонамѣр.“ 1825, № 3.

Когда любовію и нѣгой упоенный,
Безмолвно предъ тобой колѣнопреклоненный,
Я на тебя глядѣлъ и думалъ: ты моя,
Ты знаешь, милая, желалъ ли славы я;
Ты знаешь: удаленъ отъ вѣтренаго свѣта,
Скучая суетнымъ прозваніемъ поэта,
Уставъ отъ долгихъ бурь, я вовсе не внималъ
Жужжанью дальнему упрековъ и похвалъ.
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонивъ ко мнѣ томительные взоры,
И руку на главу мнѣ тихо наложивъ,
Шептала ты: „скажи, ты любишь? ты счастливъ?
Другую, какъ меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой другъ, меня не позабудешь“?
А я стѣсненное молчаніе хранилъ,
Я наслажденіемъ весь полонъ былъ, я мнилъ,
Что нѣтъ грядущаго, что грозный день разлуки
Не придетъ никогда... И что же? Слезы, муки,
Измѣны, клевета—все на главу мою
Обрушилося вдругъ... Что я, гдѣ я? Стою,
Какъ путникъ, молніей постигнутый въ пустынѣ,
И все передо мной затмилося! И нынѣ
Я новымъ для меня желаніемъ томимъ:
Желаю славы я, чтобъ именемъ моимъ
Твой слухъ былъ пораженъ всечасно; чтобъ ты мною
Окружена была; чтобъ громкою молвою
Все, все вокругъ тебя звучало обо мнѣ;
Чтобъ, гласу вѣрному внимая въ тишинѣ,
Ты помнила мои послѣднія моленья
Въ саду, во тьмѣ ночной, въ минуту разлученья.
7 іюля.

---

100. Вакхическая пѣсня.

(1825).

Поэтическое воспроизведеніе чувствъ, одушевившихъ поэта во время пира. Сила чувства, тостъ, предлагаемый за дорогія ему искусство и науку, художественно соединяются здѣсь съ живымъ изображеніемъ разсвѣтающаго дня, заставшаго пирующихъ при свѣтѣ огней. Глубокая мысль, оканчивающая пѣсню, въ соединеніи съ силою одушевленія и красотою

картины—все это, выраженное гармоніей гибкаго амфибрахія, замыкаемаго звучными риѳмами, и разнообразнымъ числомъ стопъ своихъ слѣдующаго за быстротой смѣною неожиданныхъ и блестящихъ мыслей—сообщаетъ стихотворенію высочайшую красоту.

Впервые напеч. въ изд. 1826 г.

Что, смолкнулъ веселія гласъ?
Раздайтесь, вакхальны напѣвы!
Да здравствуютъ нѣжныя дѣвы
И юныя жены, любившія насъ!
Полнѣе стаканъ наливайте!
На звонкое дно,
Въ густое вино
Завѣтныя кольца бросайте!
Подымемъ стаканы, содвинемъ ихъ разомъ!
Да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ!
Ты, солнце святое, гори!
Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!

---

101. П. А. Осиповой.

(1825).

Обитательницы Тригорскаго (см. стр. 63) составляли самое близкое общество михайловскаго заточника. Прасковья Александровна Осипова—по первому мужу Вульфъ (см. № 31 и 89)—высоко ставила Пушкина и онъ имѣлъ на нее большое вліяніе. Съ своей стороны Пушкинъ отвѣчалъ ей безграничной дружбой, посвящалъ стихотворенія, даже выражалъ намѣреніе купить подлѣ Тригорскаго клочокъ земли и поселиться на немъ (Михайловское принадлежало его матери). Пр. Ал. была пріятная собесѣдница. Свободно владѣя французскимъ языкомъ какъ устно, такъ и письменно, она старалась дополнить свое образованіе; училась вмѣстѣ съ двумя старшими дочерьми своими у ихъ учителей; много читала и жадно искала содержательныхъ бесѣдъ. Черезъ Пушкина она познакомилась съ цвѣтомъ тогдашней литературы: съ Языковымъ, Дельвигомъ, Жуковскимъ, Плетневымъ, кн. Вяземскимъ [1]) Самъ Пушкинъ постоянно выражалъ ей дружбу свою. Когда у Пушкина въ Михайловскомъ возвратилась мысль о бѣгствѣ въ чужія края, то онъ открылъ эту тайну П. А. Осиповой. Она и сынъ ея приняли въ этомъ дѣлѣ участіе. Предполагалось добиться какъ нибудь возможности попасть въ Дерптъ. Пе-

---

[1]) См. Анненкова „Пушк. въ Алекс. эпоху". VII, 522.

тербургскіе друзья и мать были побуждаемы хлопотать о разрѣшеніи ѣхать туда для лѣченія мнимаго аневризма на ногѣ, но было дано разрѣшеніе лѣчиться только въ Псковѣ, чѣмъ Пушкинъ, конечно, воспользоваться не пожелалъ. Тогда онъ оставилъ свои замыслы о бѣгствѣ, на которыя намекаетъ 1-й стихъ 2-й строфы стихотворенія „П. А. Осиповой".

Когда Пушкину было разрѣшено покинуть Михайловское, онъ продолжалъ переписываться съ П. А. Осиповою, неоднократно высказывая намѣреніе посѣтить ее. Въ 1827 г., недовольный обѣими столицами, онъ писалъ ей: „Если бы мнѣ дали на выборъ, то я выбралъ бы Тригорское, почти такъ же, какъ арлекинъ, который на вопросъ: предпочитаетъ ли онъ быть колесованъ или повѣшенъ, отвѣчалъ: я предпочитаю молочный супъ". „Какъ ни устраивай судьба", пишетъ онъ ей въ мартѣ 1829 г., „кончится тѣмъ, что мы сойдемся подъ рябинами, на берегу Сороти". „Я не вѣрю въ счастіе", писалъ онъ ей въ 1830 г. изъ нижегородскаго села Болдина, куда, будучи уже женихомъ, ѣздилъ для устройства дѣлъ, „и только подлѣ моихъ добрыхъ старыхъ друзей становлюсь немного скептикомъ". Послѣ женитьбы, 29 іюня 1831 г., онъ снова писалъ Осиповой изъ Царскаго Села, освѣдомляясь, нельзя ли купить Савкино (деревню въ окрестностяхъ Михайловскаго и Тригорскаго). „Я построилъ бы здѣсь избушку, помѣстилъ бы свои книги и пріѣзжалъ бы проводить нѣсколько мѣсяцевъ въ кругу моихъ добрыхъ и старыхъ друзей... Я въ восхищеніи отъ этой мысли, и она ежеминутно приходитъ мнѣ въ голову". Что эта мысль не была только минутною, доказываетъ повтореніе ея черезъ мѣсяцъ, когда, въ отвѣтъ на письмо Осиповой, сообщившей ему что-нибудь неблагопріятное о продажѣ Савкина, онъ писалъ: „Я не особенно держусь за Савкино или за какое другое мѣсто; я желаю только быть вашимъ сосѣдомъ и обладателемъ хорошенькой мѣстности. Благоволите сообщить мнѣ о цѣнѣ той или другой усадьбы". Уже начавшій чувствовать утомленіе отъ петербургской жизни, Пушкинъ осенью 1832 г. пишетъ Осиповой: „Не сообщаю вамъ никакой, ни политической, ни литературной новости. Полагаю, что онѣ утомили васъ такъ же, какъ и всѣхъ насъ. Нѣтъ ничего разумнѣе, какъ оставаться въ своей деревнѣ и поливать капусту—старая истина, которую я ежедневно примѣняю къ себѣ, живя жизнью совершенно свѣтскою и совершенно безалаберною. Не знаю, увидимся ли этимъ лѣтомъ; это одно изъ моихъ мечтаній; если бы сбылось оно"! А весною 1833 г. Пушкинъ снова стремится туда же: „Не знаю, когда дождусь счастія явиться въ Тригорское, но охота смертная. Петербургское житье отнюдь не по мнѣ: ни мои склонности, ни мои средства не ладятъ съ нимъ. Но года на два, на три надо взять терпѣнія... Родители мои располагаютъ пріѣхать въ Михайловское въ половинѣ іюля. Какъ бы я желалъ ѣхать тоже". „Надѣюсь", писалъ онъ въ слѣдующемъ 1834 году 13 іюля, „увидѣться съ вами нынѣшнимъ лѣтомъ и, разумѣется, остановиться въ Тригорскомъ". Желаніе это исполнилось, какъ извѣстно, лишь въ 1835 году, когда поэтъ „снова посѣтилъ тотъ уголокъ земли"... Туда же обращены послѣ этого посѣщенія, въ августѣ того же года, эти зловѣщія слова: „Повѣрьте мнѣ, дорогая м-мъ Осипова [2]), жизнь при всемъ томъ, что она süsse

[2]) Всѣ эти письма писаны по-французски.

Gewohnheit (сладкая привычка), содержитъ въ себѣ горечь, отъ которой, наконецъ, становится противною, а свѣтъ—гнусное грязное болото [3]). Мнѣ милѣе Тригорское“.

Таковы были чувства Пушкина, во всю послѣдующую жизнь, къ лицамъ и мѣстамъ дорогого ему псковскаго угла. Потому стихотвореніе, написаное 25 іюня 1825 года къ А. П. Осиповой, когда, разсчитывая возвратить свободу, Пушкинъ предполагалъ уѣхать изъ Михайловскаго, заключаетъ буквально-правдивое выраженіе его чувствъ. Послѣдствія показали, что „чужой край“, откуда такъ часто обращалась его мысль въ родную сѣнь, былъ ближе, нежели онъ предполагалъ; онъ-то приготовилъ ту могилу, о которой упоминаетъ Пушкинъ въ сравненіи, оканчивающемъ стихотвореніе.

Напеч. въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ 1829 года, подъ загл.: „Въ Альбомъ П. А. О.

---

1 Быть можетъ, ужъ недолго мнѣ
Въ изгнаньи мирномъ оставаться,
Вздыхать о милой старинѣ,
И сельской музѣ въ тишинѣ
Душой безпечной предаваться.

2 Но и въ дали, въ краю чужомъ,
Я буду мыслію всегдашней
Бродить Тригорскаго кругомъ,
Въ лугахъ, у рѣчки, надъ холмомъ
Въ саду подъ сѣнью липъ домашней.

3 Когда померкнетъ ясный день,
Одна изъ глубины могильной,
Такъ иногда въ родную сѣнь
Летитъ тоскующая тѣнь
На милыхъ бросить взоръ умильный.

---

102. * * *

(ЕВПРАКСІИ НИКОЛАЕВНѢ ВУЛЬФЪ).

(1825).

„Не одна хозяйка Тригорскаго, искренно привязанная къ Пушкину, слѣдила за его жизнью“, пишетъ г. Анненковъ о времени пребыванія Пушкина въ Михайловскомъ. „Съ живописной площадки одного изъ горныхъ выступовъ, на которомъ расположено было помѣстье, много глазъ еще устремлялось на дорогу въ Михайловское, видную съ этого пункта—и много сердецъ билось трепетно, когда по ней, огибая извивы Савоти, показывался Пушкинъ или пѣшкомъ въ шляпѣ съ большими полями и съ толстой палкой въ рукѣ, или верхомъ... Двѣ старшія дочери

---

3) et c'est un vilain lac de boue que le monde.

Осиповой отъ перваго мужа, Анна и Евпраксія Николаевны Вульфъ, составляла два противоположные типа... По отношенію къ Пушкину Анна Николаевна представляла полное самоотверженіе и привязанность, которыя ни отъ чего ослабѣть не могли, между тѣмъ какъ сетра ея Евпраксія, какъ отзывался о ней самъ поэтъ, представляла совсѣмъ другой типъ... Одно время полагали, что Пушкинъ былъ неравнодушенъ къ Евпраксіи Николаевнѣ. Какъ мало горечи осталось въ воспоминаніяхъ обдѣленной сестры отъ этой эпохи, свидѣтельствуютъ ея слова въ письмѣ къ супругѣ Александра Сергѣевича уже въ 1831 г. Когда та, говоря о старыхъ знакомыхъм ужа, шутливо намекнула на бывшую привязанность поэта къ Евпраксіи Ник.—вотъ что отвѣчала ей Анна Николаевна: „Какъ вздумалось вамъ ревновать мою сестру, дорогой другъ мой. Если бы даже мужъ вашъ и дѣйствительно любилъ сестру, какъ вамъ угодно непремѣнно думать—настоящая минута не смываетъ ли все прошлое, которое теперь становится тѣнью, вызываемой однимъ воображеніемъ и оставляющей послѣ себя менѣе слѣдовъ, чѣмъ сонъ. Но вы—вы владѣете дѣйствительностью и все будущее—передъ вами“. Деликатнѣе отклонить вопросъ и выразить свое собственное чувство—кажется, трудно. Кромѣ этихъ двухъ старшихъ дочерей и двухъ малолѣтнихъ сестеръ ихъ, носившихъ уже фамилію Осипова, тутъ были еще многочисленныя кузины, напр. Анна Ивановна, которую звали Netty... наконецъ, падчерица Прасковьи Александровны—Александра Ивановна Осипова по семейному прозванію „Алина“... Пусть же теперь читатель представитъ себѣ деревянный длинный одноэтажный домъ, наполненный всей этой молодежью, весь праздный шумъ, говоръ смѣхъ, гремѣвшій въ немъ круглый день отъ утра до ночи... Пушкинъ изъ азіатскаго разврата Кишинева былъ перенесенъ прямо въ русскую помѣщичью жизнь, въ нашъ обычный тогда дворянскій сельскій бытъ, который онъ такъ превосходно изображалъ“ [1])...

Проводя утро до поздняго обѣда за своими занятіями, которыя въ Михайловскомъ были полны важнаго содержанія, Пушкинъ являлся послѣ обѣда обыкновенно въ Тригорское, „приводя тотчасъ въ движеніе весь этотъ міръ“ [2]). Анна Николаевна, умершая дѣвушкой уже въ началѣ 60-хъ годовъ, отличалась быстротою и находчивостью своихъ отвѣтовъ, что было не легко дѣло въ виду гостя изъ Михайловскаго, отличавшагося въ разговорахъ прямотой и смѣлостію. Евпраксія Николаевна (по семейному прозвищу „Зина“ или Зизи“) была душою веселаго общества. Она играла на фортепьяно аріи Россини, мастерски варила жженку и являлась первая во всѣхъ предпріятіяхъ по части удовольствій [3]). Отношенія Пушкина къ Евпраксіи Николаевнѣ носили характеръ дружески-шутливый. „Евпраксія уморительно смѣшна“ писалъ Пушкинъ брату вскорѣ по пріѣздѣ въ Михайловское въ 1824 г., „я предлагаю ей завести съ тобой философическую переписку. Она все завидуетъ сестрѣ, что та пишетъ и получаетъ письма“. Тогда же писалъ онъ ему: „На-дняхъ я мѣрился поясомъ съ Евпраксіею, и тальи наши нашлись одинаковы. Слѣдственно изъ двухъ одно: или я имѣю талію 15-ти-лѣтней дѣвушки, или она—талью 26-лѣтняго мужчины. Евпраксія дуется....“ (окт. 1822). „Какъ понравилось“, пишетъ онъ уже изъ Спб. 24 янв. 1828 г., „m-lle

1) Анненковъ, „Пушкинъ въ Ал. эпоху“, VII, 525.—2) Ibid.—3) Id. 524.

Евпраксіи ея пребываніе въ Торжкѣ, и много ли у нея тамъ побѣдъ" [4])? А въ слѣдующемъ письмѣ (мартъ, 1829 г.), посылая три послѣднія глава „Евг. Онѣгина", Пушкинъ приложилъ отдѣльный экземпляръ для m-lle Евпраксіи, причемъ благодарилъ ее „за тотъ лаконическій отвѣтъ, которымъ она удостоила его вопросъ" [5]).

Когда Пушкину было сообщено о замужествѣ Евпраксіи Николаевны, онъ поздравилъ г-жу Осипову и выразилъ Евпраксіи Николаевнѣ желаніе „всего того счастія, какое только намъ возможно на землѣ и котораго достойно существо столь благородное и кроткое" (письмо отъ 29 іюня, 1831). Она вышла въ то время за подпоручика барона Бориса Александровича Вревскаго. Осенью 1832 г. Пушкинъ поздравляетъ Прасковью Александрорну съ рожденіемъ внука. Евпраксія Николаевна много пережила Пушкина: она скончалась въ мартѣ 1883 года.

Къ этой-то „благородной и кроткой" дѣвушкѣ было обращено стихотвореніе 1825 года, въ которомъ выражено бодрое чувство, побуждающее смотрѣть впередъ съ надеждой и въ минуты печали не возмущаться духомъ.

Впервые напеч. въ „Моск. Телегр." 1825 г., № 17, подъ заглавіемъ: „Стихи въ альбомъ".

---

1 Если жизнь тебя обманетъ,
Не печалься, не сердись!
Въ день унынія смирись:
День веселья, вѣрь, настанетъ.

2 Сердце въ будущемъ живетъ;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдетъ;
Что пройдетъ, то будетъ мило.

---

103. Козлову.

(1825).

Въ началѣ 1825 года въ Петербургѣ вышла изъ печати книга: „Чернецъ, кіевская повѣсть. Сочиненіе Ивана Козлова".

„Появленіе сей небольшой, но красотами богатой поэмы",—такъ сообщалъ о ней въ „Московскомъ Телеграфѣ кн. Вяземскій, — „есть пріятное событіе въ спокойной литературѣ нашей; а появленіе творца ея въ тѣсномъ кругу первостатейныхъ поэтовъ нашихъ было, за нѣсколько лѣтъ тому неожиданнымъ и отраднымъ феноменомъ въ мірѣ нравствен-

---

[4]) Въ Торжкѣ стоялъ уланскій полкъ.—
[5]) Къ Евпраксіи же Ник. были написаны Пушкинымъ вѣроятно по поводу разорваннаго ею какого-то стихотворенія, слѣдующ. шуточные стихи, 1 іюля 1826 г.:

Вотъ, Зина, вамъ совѣтъ: играйте!
Изъ розъ веселыхъ заплетайте
Себѣ торжественный вѣнецъ—
И впредь у насъ не разрывайте
Ни мадригаловъ, ни сердецъ.

номъ и поэтическомъ... Несчастіе, часто убійственное для души обыкновенной, было для него геніемъ животворящимъ. Недуги жестокіе, страдальчество физическое развернули духовныя способности... По мѣрѣ, какъ терялъ онъ зрѣніе и ноги, прозрѣвалъ онъ и окрылялся духомъ... Сей утѣшительный примѣръ можетъ прибавить прекрасную главу къ психологической исторіи человѣка. Содержаніе „Чернеца" занимательное: главное лицо есть характеръ отмѣнно-поэтическій, оживляющій въ памяти нѣкоторыя воспоминанія о „Гяурѣ" Байрона; сцена дѣйствія, самое дѣйствіе довольно простое, но быстрое и полное, все одушевлено поэтическимъ пламенемъ... При поэмѣ находятся два посланія того же поэта, исполненныя чувства и сердечныхъ стиховъ, которые врѣжутся въ сердце читателя, а послѣднее—и оживленное воображеніемъ цвѣтущимъ. Первое заключаетъ посвященіе поэмы отъ поэта жены и служитъ предисловіемъ, достойнымъ творенія; другое (В. А. Жуковскому)—сердечную исповѣдь поэта въ чувствахъ, страданіяхъ и утѣшеніяхъ его".

„Читалъ я твое о „Чернецѣ", писалъ 23 мая Пушкинъ къ кн. Вяземскому: „ты исполнилъ долгъ своего сердца. Эта поэма конечно полна чувствъ и умнѣе „Войнаровскаго" (поэмы Рылѣева). Когда Пушкинъ получилъ отъ Козлова его поэму съ подписью, то писалъ брату Льву въ апрѣлѣ: „Подпись слѣпого поэта тронула меня несказанно. Повѣсть его прелесть—сердись онъ, не сердись—а „хотѣлъ простить—простить не могъ" достойно Байрона. Видѣніе, конецъ—прекрасны. Посланіе, можетъ быть, лучше поэмы—по крайней мѣрѣ ужасное мѣсто, гдѣ поэтъ описываетъ свое затменіе, останется вѣчнымъ образцомъ мучительной поэзіи. Хочется отвѣчать ему стихами; если успѣю, пошлю ихъ съ этимъ письмомъ".

Въ маѣ были готовы эти стихи, которые исполнены элегическаго чувства при сопоставленіи Пушкинымъ своей „темной" стези прошлаго съ слѣпотою автора „Чернеца", и радостнаго чувства при сопоставленіи той отрады, которую доставитъ поэту его посланіе [1]), съ отрадою, которую доставляетъ поэзія ему самому. Оканчивается посланіе утѣшительнымъ намекомъ слѣпцу-поэту на взаимную связь этихъ горестей съ этими радостями.

Напечатано впервые въ изд. 1826 г.

---

1 Пѣвецъ, когда передъ тобой
Во мглѣ сокрылся міръ земной,
Мгновенно твой проснулся геній,
На все минувшее воззрѣлъ,
И въ хорѣ свѣтлыхъ привидѣній
Онъ пѣсни дивныя запѣлъ.
2 О, милый братъ, какіе звуки!
Въ слезахъ восторга внемлю имъ:
Чудеснымъ пѣніемъ своимъ

---

1) Пушкинъ зналъ, какъ цѣнитъ его Козловъ. „Онъ твоимъ словомъ больше дорожитъ, нежели всѣми громкими похвалами", писалъ Плетневъ Пушкину 22 янв. 1825 г.

Онъ усыпилъ земныя муки.
Тебѣ онъ создалъ новый міръ:
Ты въ немъ и видишь, и летаешь,
И вновь живешь, и обнимаешь
Разбитый юности кумиръ.

3 А я, коль стихъ единый мой
Тебѣ мгновенье далъ отрады,
Я не хочу другой награды;
Недаромъ темною стезей
Я проходилъ пустыню міра,
О нѣтъ, недаромъ жизнь и лира
Мнѣ были ввѣрены судьбой!

---

104. Къ А. П. Кернъ.

(1825).

Въ іюнѣ 1825 г. молодое общество Тригорскаго (см. № 102) увеличилось пріѣздомъ еще одной племянницы г-жи Осиповой—Анны Петровны Кернъ (урожденной Полторацкой), бывшей въ замужествѣ за рижскимъ комендантомъ, 60-лѣтнимъ ген. Е. Ѳ. Кернъ. Въ первый разъ Пушкинъ встрѣтилъ ее въ 1819 г. въ Петербургѣ, въ домѣ Олениныхъ, и она произвела на него сильное впечатлѣніе. Въ Тригорскомъ онъ встрѣтился съ нею вновь. „Вотъ какъ это было", пишетъ она въ своихъ воспоминаніяхъ о Пушкинѣ: „Мы сидѣли за обѣдомъ и смѣялись. Какъ вдругъ вошелъ Пушкинъ съ большой толстой палкой въ рукахъ. Онъ послѣ часто къ намъ являлся во время обѣда, но не садился за столъ; онъ обѣдалъ у себя гораздо раньше, и ѣлъ очень мало. Приходилъ онъ всегда съ большими дворовыми собаками, chien loup. Тетушка, подлѣ которой я сидѣла, мнѣ его представила... Мы не скоро ознакомились и заговорили. Да и трудно было съ нимъ вдругъ сблизиться: онъ былъ неровенъ въ обращеніи: то шумно веселъ, то грустенъ, то робокъ, то дерзокъ, то нескончаемо любезенъ, то томительно скученъ—и нельзя было угадать, въ какомъ онъ будетъ расположеніи черезъ минуту. Разъ онъ самъ въ этомъ сознался сестрѣ, говоря: „Уже кажется я былъ сегодня достаточно пошлъ". Вообще же надо сказать, что онъ не умѣлъ скрывать своихъ чувствъ, выражалъ ихъ всегда искренно и былъ неописанно хорошъ, когда что-нибудь пріятное волновало его... Такъ одинъ разъ мы восхищались его тихою радостью, когда онъ получилъ отъ какого-то помѣщика при любезномъ письмѣ охотничій рогъ на бронзовой цѣпочкѣ, который ему нравился... Когда же онъ рѣшался быть любезнымъ, то ничего не могло сравниться съ блескомъ, остротою и увлекательностію его рѣчи. Въ одномъ изъ такихъ настроеній онъ, собравши насъ въ кружокъ, разсказалъ сказку про чорта, который ѣздилъ на извозчикѣ на Васильевскій островъ... Пушкинъ былъ невыразимо милъ, когда задавалъ себѣ тему угощать и занимать общество. Однажды съ этою цѣлью явился онъ въ Тригорское съ своей

большою черною книгою, на поляхъ которой были начерчены ножки и головки, и сказалъ, что онъ принесъ ее для меня. Вскорѣ мы усѣлись вокругъ него, и онъ прочиталъ намъ своихъ „Цыганъ"... Черезъ нѣсколько дней тетушка предложила намъ всѣмъ послѣ ужина прогулку въ Михайловское. Пушкинъ очень обрадовался этому, и мы поѣхали. Погода была чудесная, лунная іюньская ночь дышала прохладой и ароматомъ полей. Мы ѣхали въ двухъ экипажахъ: тетушка съ сыномъ въ одномъ; сестра (двоюродная — Анна Ник. Вульфъ, съ которою г-жа Кернъ до 12-лѣтняго возраста воспитывалась въ домѣ своего дѣда), Пушкинъ и я — въ другомъ. Ни прежде, ни послѣ я не видала его такъ добродушно веселымъ и любезнымъ. Онъ шутилъ безъ остротъ и сарказмовъ... Пріѣхавши въ Михайловское, мы не вошли въ домъ, а пошли прямо въ старый запущенный садъ, „пріютъ задумчивыхъ дріадъ", съ длинными аллеями старыхъ деревъ, корни которыхъ, сплетясь, вились по дорожкамъ, что заставляло меня спотыкаться, а моего спутника вздрагивать. Тетушка, пріѣхавши туда вслѣдъ за нами, сказала: „покажите же ей вашъ садъ". Онъ быстро подалъ мнѣ руку и побѣжалъ скоро, скоро, какъ ученикъ, неожиданно получившій позволеніе прогуляться. Подробностей разговора нашего не помню; онъ вспоминалъ нашу первую встрѣчу у Олениныхъ... На другой день я должна была уѣхать въ Ригу вмѣстѣ съ сестрою, Анною Ник. Вульфъ. Онъ пришелъ утромъ и принесъ на прощаніе экземпляръ II-й гл. Онѣгина въ неразрѣзанныхъ листахъ, между которыми я нашла вчетверо сложенный почтовый листъ бумаги со стихами: „Я помню чудное мгновенье"... Стихи эти я сообщила тогда бар. Дельвигу, который ихъ помѣстилъ въ своихъ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ". Мих. Ив. Глинка сдѣлалъ на нихъ прекрасную музыку и оставилъ ихъ у себя... Во время пребыванія моего въ Тригорскомъ я пѣла Пушкину стихи Козлова:

Ночь весенняя дышала
Свѣтлоюжною красой,
Тихо Брента протекала,
Серебримая луной и пр.

Мы пѣли этотъ романсъ Козлова на голосъ Benedetta la marde, баркароллы венеціанской. Пушкинъ съ большимъ удовольствіемъ слушалъ эту музыку" [1]). — Онъ писалъ объ этомъ Плетневу 3 августа: „Скажи отъ меня Козлову, что недавно посѣтила нашъ край одна прелесть, которая небесно поетъ его „Венеціанскую ночь" на голосъ гондольерскаго речитатива; я обѣщалъ о томъ извѣстить милаго вдохновеннаго слѣпца. Жаль, что онъ не увидитъ ея, но пусть вообразитъ себѣ красоту и задушевность: по крайней мѣрѣ, дай Богъ ему ее услышать". По всей вѣроятности, при томъ же письмѣ Пушкинъ приложилъ Плетневу и свое стих.: „Я помню чудное мгновенье", потому что въ письмѣ сдѣлана приписка (на итал. языкѣ): „Это писано въ присутствіи той дамы, какъ всякій можетъ видѣть". „Все это", писалъ Пушкинъ Осиповой, „если хотите, крѣпко похоже на любовь, но божусь вамъ, что о ней и помину нѣтъ". „Въ отношеніи къ вамъ", писалъ тогда же Пушкинъ самой А. П. Кернъ,

[1]) Библ. д. Чт. 1859, № 4.

„я велъ себя какъ 15-лѣтній мальчикъ“. Впослѣдствіи г-жа Кернъ видалась съ Пушкинымъ въ Петербургѣ, въ домѣ его родителей, куда онъ пріѣхалъ въ 1827 г. Она была свидѣтельницей, какъ Пушкинъ писалъ свою „Полтаву“. Въ 1831 г., возвратясь послѣ женитьбы снова въ Петербургъ, Пушкинъ отыскалъ г-жу Кернъ, лишившуюся тогда матери и бывшую въ очень затруднительномъ положеніи; утѣшалъ ее. По ея собственнымъ словамъ, она восхищалась имъ какъ геніемъ доброты“.

Мимолетное чувство къ г-жѣ Кернъ, охватившее Пушкина лѣтомъ 1825 г., вызвало одно изъ лучшихъ его лирическихъ стихотвореній. Это поэтическое воспроизведеніе восторговъ любви юной, чистой и оживляющей все существо человѣка.

---

1 Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

2 Въ томленьяхъ грусти безнадежной,
Въ тревогахъ шумной суеты,
Звучалъ мнѣ долго голосъ нѣжный,
И снились милыя черты.

3 Шли годы. Бурь порывъ мятежный
Разсѣялъ прежнія мечты,
И я забылъ твой голосъ нѣжный,
Твои небесныя черты.

4 Въ глуши, во мракѣ заточенья,
Тянулись тихо дни мои
Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.

5 Душѣ настало пробужденье:
И вотъ опять явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

6 И сердце бьется въ упоеньѣ,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Михайловское 1825. XIX іюля.

---

105. Послѣдніе цвѣты.

(П. А. ОСИПОВОЙ.)

(1825).

Стихотвореніе это написано Пушкинымъ въ альбомъ Осиповой, 16 октября. Пушкинъ любилъ осень: онъ находилъ своеобразную красоту въ ея явленіяхъ. Творчество его обыкновенно усиливалось въ это время года (см. стих. „Осень", 1830).

Напеч. впервые въ „Современникѣ" 1838, IX.

Цвѣты послѣдніе милѣй
Роскошныхъ первенцовъ полей.
Они унылыя мечтанья
Живѣе пробуждаютъ въ насъ:
Такъ иногда разлуки часъ
Живѣе самаго свиданья.

---

106. Н. С. Мордвинову.

(ОТРЫВОКЪ).

(1825).

Адмиралъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ (1754—1845), впослѣдствіи графъ, былъ однимъ изъ замѣчательныхъ государственныхъ людей эпохи Александра I и Николая I. Онъ былъ финансистъ и юристъ.

„Перебирая бумаги поэта", пишетъ Анненковъ (1855), „мы встрѣтили одно стихотвореніе его, принадлежащее къ отдѣлу черновыхъ отрывковъ, но уже въ немъ заключенъ образъ столь яркій и смѣлый, что, кажется, недостаетъ только самой легкой отдѣлки для превращенія его въ полную и превосходную поэтическую картину въ классическомъ родѣ. Отрывокъ этотъ, написанный, вѣроятно, въ 1825 г., кромѣ своего достоинства и интереса, связаннаго съ исторіей его происхожденія, имѣетъ еще интересъ по отношенію къ старой литературѣ нашей. Угасавшій орелъ Екатерины, поэтъ Петровъ (см. 22, вын. 9) на 60 году своей жизни написалъ извѣстную свою оду: „Его высокопревосходительству Адмиралу Николаю Семеновичу Мордвинову" 1797 г.), которая блеститъ если не изяществомъ внѣшней отдѣлки, то глубокимъ чувствомъ дружбы и расположенія. Они дѣлаютъ его трогательной, несмотря на отсутствіе поэтическихъ красокъ. Теплота и одушевленіе оды Петрова становятся тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ труднѣе уже старцу-поэту справиться съ непокорнымъ матеріаломъ, съ версификаціей строфы. Вся піеса есть образецъ истиннаго чувства, не обрѣтающаго поэтической формы для выраженія своего. Стихотвореніе Пушкина не только указываетъ на

---

[1]) Соч. Петрова, 1811, II, 182.

посланіе Петрова, но еще какъ будто особенно связано съ одной строфой его, которую здѣсь выписываемъ:

Твоя, о другъ, еще во цвѣтѣ раннемъ младость,
Обильный обѣщая плодъ,
Лила во мысли мнѣ живу, предвѣстну радость:
Ты будешь отчества оплотъ!
Совершеніе надежды,
Моими зря днесь вѣжды
И славу сбытія
Не возыграю ль я!

Пушкинъ, подхвативъ мысль поэта-старика, развиваетъ ее въ духѣ стремленія къ пластической передачѣ явленій, что составляетъ отличительное качество такъ называемой классической поэзіи. Строфа, изображающая пробужденіе стараго орла (строфа 2-я) есть какъ будто дополненіе строфы Петрова, сдѣланное спустя 30 лѣтъ поэтомъ, въ которомъ идеи предшественниковъ обнаруживаютъ только новую сторону творческой силы. Слѣдующія за нею (4-я, 5-я и 6-я строфы)—„уже опять не болѣе, какъ стихотворныя замѣтки, и характеръ этотъ обнаруживается даже въ самомъ механизмѣ ихъ“ [2]).

Напеч. впервые въ „Матеріалахъ“ Анненкова 1855 г.

---

1 Подъ хладомъ старости угрюмо угасалъ
Единый изъ сѣдыхъ орловъ Екатерины.
Въ крылахъ отяжелѣвъ, онъ небо забывалъ,
И Пинда острыя вершины [3]).

2 Въ то время ты вставалъ; твой лучъ его согрѣлъ:
Онъ поднялъ къ небесамъ и крылья и зѣницы—
И шумной радостью взыгралъ и полетѣлъ
Во срѣтенье твоей денницы.

3 Мордвиновъ! не вотще Петровъ тебя любилъ:
Тобой гордится онъ и на брегахъ Коцита.
Ты лиру оправдалъ: ты ввѣкъ не измѣнилъ
Надеждамъ вѣщаго піита!..

4 Какъ славно ты сдержалъ пророчество его!
Сіяя доблестью, и славой, и наукой,
Въ совѣтахъ, недвижимъ у мѣста своего,
Стоишь ты, новый Долгорукій!

5 Такъ, въ пѣну волнъ съ вершины горъ скатясь,
Стоитъ сѣдой утесъ. Вотще брега трепещутъ,
Вотще грохочетъ громъ, и волны вкругъ мутясь
И увиваются, и плещутъ.

---

[2]) Анненковъ, „Матеріалы“, изд. 2-е, стр. 343—347.— [3]) Поэтъ Василій Петровичъ Петровъ былъ товарищемъ Потемкина по ученію въ Моск. духовной академіи.

6 Одинъ на рамена подъявши мощный трудъ,
Ты зорко бодрствуешь надъ царскою казною;
Вдовицы бѣдный лептъ, и дань сибирскихъ рудъ
Равно священны предъ тобою...

---

107. 19 октября.

(1825).

„Прославленная Пушкинымъ годовщина 19 октября [1])“ пишетъ Я. К. Гротъ [2]), „праздновалась бывшими воспитанниками перваго курса то у одного, то у другого изъ товарищей: сперва у Тыркова, потомъ у Яковлева, въ домѣ II Отдѣленія Е. И. В. Канцеляріи, на Екатерининскомъ каналѣ, гдѣ до сихъ поръ находится типографія этого Отдѣленія, которою онъ управлялъ въ званіи ея директора. Яковлевъ, какъ самый пламенный чтитель лицейскихъ преданій, былъ и постояннымъ распорядителемъ этихъ завѣтныхъ празднествъ. Самъ онъ назывался „Лицейскимъ старостой“, а квартира его „Лицейскимъ подворьемъ“. Каждый разъ, когда въ этотъ день собирались товарищи, составлялся протоколъ сходки, разумѣется полушуточный, отчасти даже буфонскій. Нѣкоторые изъ такихъ протоколовъ сохранились и переданы мнѣ Матюшкинымъ, къ которому перешли по смерти Яковлева. Самый раннiй изъ нихъ относится къ 1825 году; здѣсь намарано Илличевскимъ нѣсколько неоконченныхъ стиховъ и подписаны имена шестерыхъ присутствовавшихъ, въ такомъ порядкѣ: бар. Корфъ, бар. Дельвигъ, Илличевскій, Саврасовъ, Комовскій, Яковлевъ. Эта годовщина потому заслуживаетъ особеннаго вниманія, что именно ее заочно праздновалъ Пушкинъ въ сельскомъ уединеніи Михайловскаго знаменитыми стихами“. „Изъ сохранившихся бумагъ 1-го курса видно, что къ поддержанію стараго обычая праздновать лицейскую годовщину болѣе всѣхъ способствовали Пушкинъ и Яковлевъ, который какъ музыкантъ и пѣвецъ, также обладалъ поэтическою душою. Стихотворенія Пушкина, посвященныя годовщинѣ, и особенно первое изъ нихъ (1825), то самое, въ которомъ высказана мысль о праздновaніи этого дня до тѣхъ поръ, пока останется въ живыхъ хотя одинъ изъ товарищей, были въ этомъ случаѣ чуть ли не главнымъ связующимъ элементомъ“.

Какъ и всѣ стихотворенія Пушкина, носящія заглавіе: „19 октября“, и первая „Лицейская годовщина“ 1825 года имѣетъ характеръ элегическій. Начинаясь описаніемъ осенней природы, окружающей поэта (строфа 1), она переходитъ къ выраженію грустнаго чувства одиночества (стр. 2), изъ котораго мысль его переносится въ другой кругъ, уже утратившій нѣсколькихъ товарищей (стр. 3). Грустному воспоминанію объ одномъ изъ этихъ товарищей посвящена слѣдующая (4-я) строфа. Здѣсь вспоминается Корсаковъ, который въ Лицеѣ принималъ самое дѣятельное участіе въ рукописныхъ журналахъ, издававшихся воспитанниками. Онъ сочинялъ

---

[1]) См. объ открытіи Лицея въ это число стр. 14, вып. 1. — [2]) „Старина Царскосельскаго Лицея“, 3.

стихотворенія и статьи отъ редакціи въ „Лицейскомъ Мудрецѣ" (объ этомъ-то журналѣ и воспоминаетъ Пушкинъ въ выпущенномъ четверостишіи при строфѣ 16-й, приведенномъ ниже въ выноскѣ). Будучи въ то же время музыкантомъ, Корсаковъ сочинялъ музыку къ куплетамъ, которые распѣвались съ гитарою лицеистами [3]). Ему не суждено было жить долго: онъ умеръ на третьемъ году по выходѣ изъ Лицея во Флоренціи. За часъ до смерти сочинилъ онъ надпись для памятника надъ собственной своей могилой, и когда ему сказали, что во Флоренціи не сумѣютъ вырѣзать русскія буквы: онъ самъ начертилъ ее крупными буквами и велѣлъ скопировать на камнѣ

Прохожій, поспѣши къ странѣ родной своей!
Ахъ, грустно умереть далеко отъ друзей!

Товарищъ кн. А. М. Горчаковъ впослѣдствіи срисовалъ могилу Корсакова и подарилъ бывшему директору Лицея Е. А. Энгельгардту [4]).

Слѣдующія двѣ строфы (5-я и 6-я) посвящены товарищу Ѳ. Ѳ. Матюшкину. Этотъ товарищъ Пушкина, скромный, застѣнчивый, отличался чистой, правдивой душою и былъ однимъ изъ любимыхъ товарищей выпуска. Хотя онъ родился и первое дѣтство провелъ въ Штутгартѣ, гдѣ отецъ его былъ совѣтникомъ посольства и переводчикомъ (и за неимѣніемъ русскаго священника окрестилъ сына въ реформатскую вѣру), но говорилъ по-русски совершенно чисто и даже не былъ силенъ въ иностранныхъ языкахъ. Отличительной чертой его съ дѣтства была страсть къ морю, и выйдя изъ Лицея, онъ считалъ верхомъ счастія отправиться въ морское путешествіе. Директоръ Лицея Энгельгардтъ содѣйствовалъ этому. Капитанъ Головнинъ, отправлявшійся на шлюпкѣ „Камчатка" въ кругосвѣтное плаваніе, взялъ съ собою Матюшкина; два года плавалъ онъ на этомъ шлюпѣ въ русскія Сѣверо-Американскія владѣнія, а оттуда кругомъ свѣта. По окончаніи экспедиціи опредѣлился онъ въ Балтійскій флотъ и подъ командою бар. Врангеля въ 1820—1824 годахъ участвовалъ въ описаніи сѣверныхъ береговъ Восточной Сибири и въ отысканіи земель въ Ледовитомъ океанѣ, причемъ совершилъ отдѣльное путешествіе къ притоку Колымы—р. Анголѣ и на востокъ отъ Колымы по тундрѣ до чукотскихъ кочевьевъ. Послѣ того совершилъ онъ еще двухлѣтнее кругосвѣтное путешествіе съ барономъ Врангелемъ [6]). Ему рѣдко удавалось бывать въ Петербургѣ, н онъ, конечно, не участвовалъ на большой части лицейскихъ годовщинъ; имя его въ протоколахъ этихъ годовщинъ встрѣчается лишь въ 1834 г. Онъ первый подалъ мысль поставить Пушкину памятникъ въ Москвѣ, гдѣ поэтъ родился и получилъ

[3]) „Пушк. въ Лицеѣ", Гаевскаго, I. 144. 159.—[4]) „Дельвигъ", Гаевскаго, I, 70.—[5]) Дальнѣйшая его жизнь такова: послѣ долголѣтней службы то въ Архипелагѣ, гдѣ крейсировалъ онъ противъ идріотскихъ мятежниковъ въ 1831 г., то въ Средиземномъ, то въ Черномъ морѣ, сражаясь противъ горцевъ въ 1838 г., то въ Балтійскомъ морѣ, участвуя въ блокадѣ Киля въ войну датчанъ противъ голштинцевъ въ 1850 г., — въ шестидесятыхъ годахъ Матюшкинъ, уже въ чинѣ контръ-адмирала, завѣдывалъ морскою частію въ Свеаборгѣ; наконецъ, исправляя различныя административныя должности по морскому министерству, гдѣ между прочимъ былъ предсѣдателемъ морского ученаго комитета, въ 1861 г. пожалованъ въ сенаторы.

первыя неизгладимыя впечатлѣнія, опредѣлившія его національное направленіе въ поэзіи, — но скончался, не доживъ до исполненія этой мысли, въ 1872 г.

Обратясь затѣмъ въ 7-й строфѣ ко всему братскому союзу лицеистовъ и предрекая ему прочность, въ 8-й строфѣ вспоминаетъ Пушкинъ свою скитальческую жизнь и сознается, что новая дружба нигдѣ не могла замѣнить ему старыхъ лицейскихъ привязанностей.

Затѣмъ поэтъ вспоминаетъ о трехъ посѣщеніяхъ его въ михайловскомъ уединеніи въ настоящемъ 1825 году: И. И. Пущина (строфа 9-я), кн. А. М. Горчакова (строфа 10-я) и барона Дельвига (строфы 11-я и 12-я).

Въ половинѣ ноября 1824-го года Михайловское опустѣло. Братъ и сестра Пушкина, а затѣмъ и родители отправились въ Петербургъ, и Пушкинъ остался въ одиночествѣ на всю осень и зиму. „Съ той минуты“, пишетъ И. И. Пущинъ въ своихъ воспоминаніяхъ, „какъ я узналъ, что Пушкинъ безвыѣздно въ деревнѣ, во мнѣ зародилась мысль непремѣнно навѣстить его. Собираясь на Рождество въ Петербургъ для свиданія съ родными, я предположилъ съѣздить и во Псковъ къ сестрѣ; мужъ ея командовалъ тогда дивизіей, которая тамъ стояла, а оттуда — рукой подать въ Михайловское. Вслѣдствіе этой программы я подалъ въ отпускъ на 28 дней въ Петербургскую и Псковскую губерніи. Проведя праздники у отца въ Петербургѣ, послѣ Крещенія я поѣхалъ во Псковъ, погостилъ у матери нѣсколько дней, а отъ нея вечеромъ пустился изъ Пскова; въ Островѣ, проѣздомъ ночью, взялъ три бутылки клико, и къ утру слѣдующаго дня уже приближался къ желанной цѣли... Свернули мы наконецъ съ дороги въ сторону, мчались среди лѣса по гористому проселку: все мнѣ казалось не довольно скоро. Спускаясь съ горы, недалеко уже отъ усадьбы, которой за частыми соснами нельзя было видѣть, сани наши въ ухабѣ такъ наклонились на бокъ, что ямщикъ слетѣлъ. Я съ Алексѣемъ, неизмѣннымъ моимъ спутникомъ отъ лицейскаго порога, кое-какъ удержался въ саняхъ. Схватили возжи. Кони несутъ среди сугробовъ, опасности нѣтъ: въ сторону не бросятся, все лѣсъ, и снѣгъ имъ по брюхо, править не нужно. Скачемъ опять въ гору извилистой тропой: вдругъ крутой поворотъ, и какъ будто неожиданно вломились съ маху въ притворенныя ворота, при громѣ колокольчика. Не было силы остановить лошадей у крыльца; протащили мимо и засѣли въ снѣгу нерасчищеннаго двора. Я оглядываюсь: вижу на крыльцѣ Пушкина босикомъ, въ одной рубашкѣ, съ поднятыми вверхъ руками. Не нужно говорить, что тогда во мнѣ происходило. Выскакиваю изъ саней, беру его въ охапку и тащу въ комнату. На дворѣ страшный холодъ, но въ иныя минуты человѣкъ не простужается. Смотримъ другъ на друга, цѣлуемся, молчимъ... Было около 8 час. утра... Прибѣжавшая старуха застала насъ въ объятіяхъ другъ у друга... Наконецъ пробила слеза (она и теперь, черезъ 33 года, мѣшаетъ писать въ очкахъ); мы очнулись. Совѣстно стало передъ этой женщиной, впрочемъ она все поняла. Не знаю, за кого она приняла меня, только, ничего не спрашивая, бросилась обнимать. Я тотчасъ догадался, что это добрая его няня, столько разъ имъ воспѣтая, и чуть не задушилъ ее въ объятіяхъ. Все это происходило въ маленькомъ пространствѣ. Комната Александра была возлѣ крыльца, съ окномъ на дворъ, въ которое онъ увидѣлъ меня,

услышавъ колокольчикъ. Въ этой небольшой комнатѣ помѣщалась кровать его съ пологомъ, письменный столъ, диванъ, шкафъ съ книгами и проч. и проч.; во всемъ поэтическій безпорядокъ, вездѣ разбросаны исписанные листы бумаги, всюду валяются искусанные, обожженные куски перьевъ (онъ всегда съ самаго Лицея, писалъ оглодками, которые едва можно было держать въ пальцахъ). Входъ къ нему прямо изъ коридора; противъ его двери — дверь въ комнату няни, гдѣ стояло множество пялецъ. Послѣ первыхъ нашихъ обниманій пришелъ и Алексѣй, который въ свою очередь кинулся цѣловать Пушкина: онъ не только близко зналъ и любилъ поэта, но и читалъ наизусть многіе изъ его стиховъ. Я между тѣмъ приглядывался, гдѣ бы умыться и хоть сколько-нибудь оправиться. Дверь во внутреннія комнаты была заперта, домъ не топленъ. Кое-какъ все это тутъ же уладили, копошась среди отрывистыхъ вопросовъ: что? какъ? гдѣ? Вопросы большею частію не ожидали отвѣтовъ, наконецъ помаленьку прибрались. Подали намъ кофе — мы усѣлись съ трубками. Бесѣда пошла правильнѣе; многое надо было хронологически разсказать, о многомъ разспросить другъ друга... Вообще Пушкинъ показался мнѣ нѣсколько серьезнѣе прежняго, сохраняя однакожъ ту же веселость. Онъ, какъ дитя, былъ радъ нашему свиданію; нѣсколько разъ повторялъ, что ему еще не вѣрится, что мы вмѣстѣ. Прежняя его живость во всемъ проявлялась, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ воспоминаніи: имъ не было конца въ неумолкаемой нашей болтовнѣ. Наружно онъ мало перемѣнился, оброс только бакенбардами я нашелъ, что онъ тогда былъ очень похожъ на портретъ, который потомъ видѣлъ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ и теперь при изданія его сочиненій П. А. Анненкова... Замѣтно было, что ему какъ будто нѣсколько наскучила прежняя шумная жизнь, въ которой онъ частенько терялся. Среди разговоровъ ex abrupto онъ спросилъ меня: что объ немъ говорятъ въ Петербургѣ и Москвѣ?.. На это я ему отвѣчалъ, что вообще читающая наша публика благодаритъ его за всякій литературный подарокъ, что стихи его пріобрѣли народность во всей Россіи, и наконецъ, что близкіе и друзья помнятъ и любятъ его, желая искренно, чтобъ скорѣе кончилось его изгнаніе. Онъ терпѣливо выслушалъ меня и сказалъ, что нѣсколько примирился въ эти 4 мѣсяца съ новымъ своимъ бытомъ, вначалѣ очень для него несчастнымъ; что тутъ, хотя невольно, но все-таки отдыхаетъ отъ прежняго шума и волненій, съ музой живетъ въ ладу и трудится охотно и усердно. Скорбѣлъ только, что съ нимъ нѣтъ сестры его, но что съ другой стороны никакъ не согласится, чтобы она по привязанности къ нему проскучала цѣлую зиму въ деревнѣ. Хвалилъ своихъ сосѣдей въ Тригорскомъ, хотѣлъ даже везти меня къ нимъ, но я отговорился. Среди всего этого много было шутокъ, анекдотовъ, хохоту, отъ полноты сердечной... Пушкинъ заставилъ меня разсказать ему о всѣхъ нашихъ первокурсныхъ Лицея; потребовалъ объясненія, какимъ образомъ изъ артиллериста я преобразился въ судьи. Это было ему по сердцу — онъ гордился мною и за меня [6])... Настало время обѣда: Алексѣй хлопнулъ пробкой— начались тосты за Русь, за Лицей, за отсутствующихъ друзей... Незамѣтно

---

[6]) И. И. Пущинъ тогда занялъ должность судьи въ московскомъ На-

полетѣла въ потолокъ и другая пробка, попотчевали искрометнымъ няню... Я привезъ Пушкину въ подарокъ „Горе отъ ума". Онъ былъ очень доволенъ этой, тогда рукописной, комедіей, до того ему вовсе почти незнакомой. Послѣ обѣда за чашкой кофе онъ началъ читать ее вслухъ; но опять жаль, что не припомню теперь мѣткихъ его замѣчаній, которыя впрочемъ частію явились въ печати. Я съ необыкновеннымъ удовольствіемъ слышалъ его выразительное и исполненное жизни чтеніе, довольный тѣмъ, что мнѣ удалось доставить ему такое высокое наслажденіе. Потомъ онъ мнѣ прочелъ кое-что свое, большею частію въ отрывкахъ, которые впослѣдствіи вошли въ составъ замѣчательныхъ его піесъ; продиктовалъ начало изъ поэмы „Цыганы"—для „Полярной Звѣзды"... Между тѣмъ время шло за полночь. Намъ подали закусить, — на прощанье хлопнула третья пробка. Мы крѣпко обнялись въ надеждѣ, можетъ быть, скоро увидѣться въ Москвѣ. — Шаткая эта надежда облегчала разставаніе послѣ такъ отрадно проведеннаго дня. Ямщикъ уже запрягъ лошадей, колокольчикъ брякалъ у крыльца, на часахъ ударило три. Мы еще чокнулись стаканами, но грустно пилось: какъ будто чувствовалось, что въ послѣдній разъ пьемъ, и пьемъ на вѣчную разлуку! Молча я набросилъ на плечи шубу и убѣжалъ въ сани. Пушкинъ еще что-то говорилъ мнѣ вслѣдъ; ничего не слыша, я глядѣлъ на него: онъ остановился на крыльцѣ со свѣчей въ рукѣ. Кони рванулись подъ гору. Послышалось: „Прощай, другъ"!.. Ворота скрипнули за мной" 7). Посѣщеніе Пущина происходило 11 января 1825 г. Въ черновыхъ набросках Пушкинъ написалъ:

Стрекотунья бѣлобока
Подъ калиткою моей
Скачетъ пестрая сорока
И пророчитъ мнѣ гостей.

Колокольчикъ небывалый
У меня звенитъ въ ушахъ...
Лучъ зари сіяетъ алый...
Серебрится снѣжный прахъ...

Вслѣдъ за Пущинымъ еще двое лицеистовъ-товарищей посѣтили Пушкина въ его деревнѣ. Сначала пріѣхалъ кн. А. М. Горчаковъ, случайно попавшій въ окрестности Михайловскаго; третьимъ гостемъ былъ бар. Дельвигъ. Давно уже Пушкинъ звалъ его къ себѣ и со дня на день ожидалъ его. Наконецъ въ апрѣлѣ 1825 г. Дельвигъ пріѣхалъ. „Какъ я былъ радъ баронову пріѣзду"! писалъ Пушкинъ брату Льву 22 апрѣля: „Онъ очень милъ. Наши барышни всѣ въ него влюбились, — а онъ равнодушенъ какъ колода, любитъ лежать на постелѣ, восхищаясь чигиринскимъ старостою" (въ поэмѣ Рылѣева „Наливайко")."

Въ обращеніи къ Дельвигу Пушкинъ проводитъ параллель между имъ и собою (строфа 12). Оглядываясь на свое прошлое, съ грустію видитъ онъ въ немъ игру страстей, и высоко ставитъ безраздѣльную преданность Дельвига дорогому искусству.

Послѣ задушевнаго обращенія къ Кюхельбекеру (ср. № 29) въ строфахъ 13 и 14 Пушкинъ высказываетъ свѣтлую надежду на свое ско-

---

дворномъ Судѣ, мѣсто, считавшееся унизительнымъ для человѣка съ образованіемъ, — желая поднять эту должность достойнымъ ея исполненіемъ.—7) Атеней, 1859, № 8.

рое возвращеніе въ братскій лицейскій союзъ (строфа 15). Предлагая въ честь него тостъ и воздавая честію всѣмъ, безъ различія, съ кѣмъ сказано воспоминаніе о Лицеѣ, „не помня зла“ (строфа 16), въ 17-й строфѣ съ грустію останавливается онъ на мысли о томъ, что рѣдѣетъ ихъ дорогой кругъ, и эта мысль приводитъ его къ трогательному вопросу: кому впослѣдствіи суждено будетъ пережить всѣхъ товарищей и провести дорогой праздникъ одному среди поколѣнія, ему уже чуждаго [8])? Горькая мысль о безпощадномъ времени растворена въ этой послѣдней (18-й) строфѣ элегіи высокою красотою глубокаго чувства, съ которымъ этотъ послѣдній изъ нихъ, одинъ, вспомнитъ о дорогомъ ихъ союзѣ.

„Какая глубокая и вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтлая скорбь“! замѣчаетъ Бѣлинскій (1844 г.). „Каждая мысль сама по себѣ такъ исполнена поэзіи, независимо отъ формы, вполнѣ художественной, легкой и прозрачной, простой и чуждой всякихъ метафоръ! Этотъ переживщій всѣхъ друзей своихъ другъ, докучный, лишній и чужой гость среди новыхъ поколѣній, дрожащею рукой закрывающій глаза при воспоминаніи о своихъ друзьяхъ, — это не просто поэтическіе стихи, это — поэтическая картина! Но не въ духѣ Пушкина остановиться на скорбномъ чувствѣ: слово торжественнымъ музыкальнымъ аккордомъ оканчивается піеса этими полными бодраго чувства стихами:

Пускай же онъ съ отрадой, хоть печальной,
Тогда сей день за чашей проведетъ,
Какъ нынѣ я, затворникъ вашъ опальный,
Его провелъ безъ горя и заботъ.

Пушкинъ не даетъ судьбѣ побѣды надъ собою; онъ вырываетъ у ней хоть часть отнятой у него отрады. Какъ истинный художникъ, онъ владѣлъ этимъ инстинктомъ истины, этимъ тактомъ дѣйствительности“.

Обращаясь затѣмъ къ цѣлому элегіи, Бѣлинскій продолжаетъ: „Она вездѣ ровна, вездѣ выдержана и какъ будто въ одну минуту, легко и свободно излилась изъ взволнованной души поэта... Особенная принадлежность поэзіи Пушкина и одно изъ главнѣйшихъ преимуществъ его передъ поэтами прежнихъ школъ, — полнота, оконченность, выдержанность и стройность созданій. Поэзія чувства, поэзія естественная, не отличается этимъ качествомъ: въ ней всегда видно усиліе высказать чувство, и оттого стройность и соразмѣрность исчезаютъ въ плодовитости. Въ поэзіи художественной — соразмѣрность, стройность, полнота и ровность бываютъ уже естественнымъ слѣдствіемъ творческой концепціи, художественной мысли, лежащей въ основаніи поэтическаго произведенія. У Пушкина никогда не бываетъ ничего лишняго, ничего недостающаго, но все въ мѣру, все на своемъ мѣстѣ, конецъ гармонируетъ съ началомъ, — прочитавъ его піесу, чувствуешь, что отъ нея нечего убавить и къ ней нечего прибавить. И въ этомъ, какъ и во всемъ другомъ, Пушкинъ является по преимуществу художникомъ“.

---

[8]) И этого послѣдняго нынѣ уже нѣтъ въ живыхъ: 28 февр. 1883 г. скончался и свѣтлѣйшій кн. А. М. Горчаковъ, переживтій всѣхъ своихъ товарищей.

Таками являются всѣ его произведенія, получившія окончательную отдѣлку. Онъ тщательно отсѣкалъ отъ первоначальныхъ набросковъ все, что сколько-нибудь нарушало тонъ произведенія и его цѣльность. Лучшимъ примѣромъ могутъ служить строфы этой элегіи, самимъ Пушкинымъ исключенныя изъ нея. Нѣкоторыя изъ нихъ приводятся здѣсь въ выноскахъ. Заключая въ себѣ не мало прекраснаго, онѣ нарушали бы художественность цѣлаго—и Пушкинъ исключилъ ихъ.

Напеч. впервые въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ 1827 г., безъ означенія именъ.

---

1 Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ;
Сребритъ морозъ увянувшее поле;
Проглянетъ день какъ будто поневолѣ,
И скроется за край окружныхъ горъ.
Пылай, каминъ, въ моей пустынной кельѣ;
А ты, вино, осенней стужи другъ,
Пролей мнѣ въ грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горкихъ мукъ [a].

---

[a]Товарищи, сегодня праздникъ нашъ!
Завѣтный срокъ! сегодня тамъ, далече,
На пиръ любви, на сладостное вѣче
Стеклися вы. При звонѣ мирныхъ чашъ
Вы собрались, мгновенно молодѣя,
Усталый духъ въ минувшемъ обновить,
Поговорить на языкѣ Лицея
И съ жизнью вновь свободно пошалить.
На пиръ любви душой стремлюся я...
Вотъ вижу васъ, вотъ милыхъ обнимаю,
И праздника порядокъ учреждаю...
Я вдохновенъ... О, слушайте друзья,
Чтобъ тридцать мѣстъ насъ ожидали снова!
Садитеся, какъ вы садились тамъ,
Когда мѣста, въ тѣни святаго крова,
Отличіе предписывало намъ [9]).
Спартанскою душой плѣняя насъ,
Воспитанный суровою Минервой,
Пускай опять Вальховскій сядетъ первый [10]),
Послѣднимъ я, иль Брогльо, иль Данзасъ;
Но многіе не явятся межъ нами...

---

9) Здѣсь Пушкинъ вспоминаетъ одно изъ распоряженій отставного полковника С. С. Фролова, до Энгельгардта въ теченіе двухъ недѣль исправлявшаго должность директора Лицея и разсадившаго воспитанниковъ за столомъ по поведенію, вслѣдствіе чего среди ихъ говорилось:

Блаженъ мужъ, иже
Сидитъ къ кашѣ ближе.

10) Вальховскій поступилъ въ Лицей изъ числа отличнѣйшихъ воспитанниковъ Московскаго Университетскаго пансіона и во все время продолжалъ заниматься съ особеннымъ прилежаніемъ и при выпускѣ получилъ первую золотую медаль. Строгій и даже суровый къ самому себѣ, онъ заслужилъ у товарищей прозвища: Суворочка и Sapientia; сокращалъ часы сна, лишалъ себя по-долгу мяса, пирожнаго, чаю; упражняя свои силы, взваливалъ къ себѣ на плечи два толстѣйшіе тома словаря Гайма; чтобы успѣвать лучше въ верховой ѣздѣ, во время приготовленія уроковъ садился верхомъ на стулъ, наблюдая правильную посадку; для усовершенствованія произношенія, подобно Демосѳену, клалъ въ ротъ камушки и отправлялся декламировать на Царскосельское озеро. По выходѣ изъ Лицея онъ служилъ въ Генеральномъ Штабѣ, въ 1820 г. командированъ былъ въ Бухару при Императорской миссіи; съ 1827 г. состоялъ при г.-адъютантѣ Паскевичѣ и участвовалъ въ персидской кампаніи. По преданію, его появленіе всегда приносило неудачу, такъ что солдаты прозвали его „чернымъ ворономъ“, тѣмъ болѣе, что у него были черные какъ смоль волосы и смуглое лицо. Послѣ польской кампаніи онъ служилъ на Кавказѣ, а потомъ въ западныхъ губерніяхъ. Выйдя въ 1839 г. въ отстав-

2 Печаленъ я [б]: со мною друга нѣтъ,
Съ кѣмъ долгую [в] запилъ бы я разлуку,
Кому бы могъ пожать отъ сердца руку
И пожелать веселыхъ много лѣтъ.
Я пью одинъ; вотще воображенье
Вокругъ меня товарищей зоветъ;
Знакомое не слышно приближенье,
И милаго душа моя не ждетъ.

3 Я пью одинъ, и на брегахъ Невы
Меня друзья сегодня именуютъ...
Но многіе ль и тамъ изъ васъ пируютъ?
Еще кого не досчитались вы?
Кто измѣнилъ плѣнительной [г] привычкѣ?
Кого отъ васъ увлекъ холодный [д] свѣтъ?
Чей гласъ умолкъ на братской перекличкѣ?
Кто не пришелъ? Кого межъ вами нѣтъ?

4 Онъ не пришелъ, кудрявый нашъ пѣвецъ,
Съ огнемъ въ очахъ [е], съ гитарой сладкогласной:
Подъ миртами [ж] Италіи прекрасной
Онъ тихо спитъ, и дружескій рѣзецъ
Не начерталъ надъ русскою могилой
Словъ нѣсколько на языкѣ родномъ,
Чтобъ нѣкогда нашелъ привѣтъ унылый
Сынъ сѣвера, бродя въ краю чужомъ.

5 Сидишь ли ты въ кругу своихъ друзей,
Чужихъ небесъ любовникъ безпокойный?
Иль снова ты проходишь тропикъ знойный
И вѣчный ледъ полуночныхъ морей?
Счастливый путь!.. Съ лицейскаго порога
Ты на корабль перешагнулъ шутя,
И съ той поры въ моряхъ твоя дорога,
О, волнъ и бурь любимое дитя!

Пускай, друзья, пустѣетъ мѣсто ихъ.
Они придутъ; конечно, надъ водами,
Иль на холмѣ, подъ сѣнью липъ густыхъ
Они твердятъ томительный урокъ,
Или романъ украдкой пожираютъ,
Или стихи влюбленные слагаютъ,
Забывъ межъ тѣмъ полуденный звонокъ [11]).
Они придутъ! за праздные приборы
Усядутся, наполнятъ свой стаканъ;
Въ нестройный хоръ сольются разговоры,
И загремитъ веселый нашъ пеанъ.

[б] Мечты, мечты!—[в] радостно.—[г] толь сладостной.—[д] жестокій.—[е] очей.[ж] лаврами.

ку, поселился въ харьковской деревнѣ, и умеръ въ 1841 году.

Объ немъ-то пѣлось въ сочиненной общими силами товарищеской пѣснѣ:

Покровительствомъ Минервы
Пусть Вальховскій будетъ первый.

Это-то двустишіе пѣсни и припомнилъ Пушкинъ въ строфѣ своей лицейской годовщины 1825 года.

[11]) Черты также выхваченыя изъ дѣйствительной лицейской жизни. Такъ въ сохранившихся лицейскихъ спискахъ читаемъ: „Воспитанникъ Корфъ, сказавшись больнымъ передъ начатіемъ класса чистописанія, остался въ аркѣ и читалъ безъ позволенія книгу: „Voyage de Platon en Italie“.

6 Ты сохранилъ въ блуждающей судьбѣ
Прекрасныхъ лѣтъ первоначальны нравы:
Лицейскій шумъ, лицейскія забавы
Средь бурныхъ волнъ мечталися тебѣ;
Ты простиралъ изъ-за моря намъ руку,
Ты насъ однихъ въ младой душѣ носилъ
И повторялъ: на долгую разлуку
Насъ тайный рокъ, быть можетъ, осудилъ [12])!

7 Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
Онъ, какъ душа, нераздѣлимъ и вѣченъ—
Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ
Сростался онъ подъ сѣнью дружныхъ музъ.
Куда бы насъ ни бросила судьбина,
И счастіе куда бъ ни повело,
Все тѣ же мы: намъ цѣлый міръ чужбина;
Отечество намъ Царское Село.

8 Изъ края въ край преслѣдуемъ грозой,
Запутанный въ сѣтяхъ судьбы суровой,
Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,
Уставъ, приникъ ласкающей главой...
Съ мольбой моей [з] печальной и мятежной,
Съ довѣрчивой надеждой первыхъ лѣтъ,
Друзьямъ инымъ душой предался нѣжной;
Но горекъ былъ небратскій ихъ привѣтъ.

9 И нынѣ здѣсь, въ забытой сей глуши,
Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада,
Мнѣ сладкая готовилась отрада:
Троихъ изъ васъ, друзей моей души,
Здѣсь обнялъ я. Поэта домъ опальный,
О Пущинъ мой, ты первый посѣтилъ;
Ты усладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его Лицея превратилъ [и]!

[з] Съ любовію

[и] Мы вспомнили бъ, какъ Вакху приносили
Безмолвную мы жертву въ первый разъ,
Какъ мы впервой всѣ трое полюбили,
Наперсники товарищи проказъ...
И все прошло: проказы заблужденья...
Ты освятилъ тобой избранный санъ,
Ему въ очахъ общественнаго мнѣнья
Завоевалъ почтеніе гражданъ [14]).

Послѣдніе 4 стиха зачеркнуты и вм. нихъ приписано внизу страницы:

Что жъ я тебя не встрѣтилъ тутъ же съ нимъ,
Ты, нашъ казакъ и пылкій и незлобный [12]),
Зачѣмъ и ты моей сѣни надгробной
Не озарилъ присуствіемъ своимъ?

---

[12]) Изъ Дельвиговой прощальной пѣсни.—[13]) Съ Малиновскимъ Пушкинъ былъ наиболѣе друженъ, наряду съ Дельвигомъ и Пущинымъ. „Казакомъ“ слылъ онъ среди товарищей за свой горячій и необузданный нравъ. Несмотря на свой задоръ, онъ былъ очень симпатичный мальчикъ. Онъ былъ сынъ перваго директора Лицея и по лѣтамъ старше всѣхъ своихъ товарищей (при поступленіи въ Лицей ему было уже 16 лѣтъ). Пославъ въ военной службѣ, онъ доживалъ свой вѣкъ въ харьковской деревнѣ. Ив. Вас. Малиновскій умеръ въ 1873 году.—[14]) См. стр. 204, вын. 6.

10 Ты, Горчаковъ, счастливецъ съ первыхъ дней,
Хвала тебѣ—Фортуны блескъ холодный
Не измѣнилъ души твоей свободной:
Все тотъ же ты для чести и друзей.
Намъ разный путь судьбой назначенъ строгой;
Ступая въ жизнь, мы быстро разошлись,
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встрѣтились и братски обнялись.

11 Когда постигъ меня судьбины гнѣвъ,
Для всѣхъ чужой, какъ сирота бездомный,
Подъ бурею главой поникъ я томной,
И ждалъ тебя, вѣщунъ пермесскихъ дѣвъ,
И ты пришелъ, сынъ лѣни вдохновенный,
О Дельвигъ мой! твой голосъ пробудилъ
Сердечный жаръ, такъ долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословилъ.

12 Съ младенчества духъ пѣсенъ въ насъ горѣлъ;
И дивное волненье мы познали;
Съ младенчества двѣ музы къ намъ летали,
И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ;
Но я любилъ уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пѣлъ для музъ и для души;
Свой даръ какъ жизнь я тратилъ безъ вниманья,
Ты геній свой воспитывалъ въ тиши.

13 Служенье музъ не терпитъ суеты:
Прекрасное должно быть величаво;
Но юность намъ совѣтуетъ лукаво,
И шумныя насъ радуютъ мечты...
Опомнимся—но поздно! и уныло
Глядимъ назадъ, слѣдовъ не видя тамъ.
Скажи, Вильгельмъ, не то ль и съ нами было,
Мой братъ родной по музѣ, по судьбамъ?

14 Пора, пора! душевныхъ нашихъ мукъ
Не стоитъ міръ; оставимъ заблужденья!
Сокроемъ жизнь подъ сѣнь уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый другъ—
Приди: огнемъ волшебнаго разсказа
Сердечныя преданья оживи;
Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа,
О Шиллерѣ, о славѣ, о любви [15]).

---

15) Ср. № 30. Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, сынъ выходца изъ Саксоніи, ученаго агронома и устроителя для великаго князя Павла Петровича его Павловска, родился въ 1797 г. Съ дѣтства проявлялъ онъ чувствительное сердце и сильную фантазію. Восьмилѣтнимъ ребенкомъ удалялся онъ въ рощи эстляндскаго имѣнія своего отца и импровизировалъ тамъ рыцарскія сказ-

15 Пора и мнѣ... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните жъ поэта предсказанье:
Промчится годъ—и съ вами снова я!
Исполнитъ онъ завѣтъ моихъ мечтаній;
Промчится годъ—и я явлюся къ вамъ!
О, сколько слезъ, и сколько восклицаній,
И сколько чашъ, поднятыхъ къ небесамъ!

16 И первую полнѣй, друзья, полнѣй!
И всю до дна! въ честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови; да здравствуетъ Лицей!
Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,

---

[1] Златые дни, уроки и забавы,
И черный столъ, и бунты вечеровъ,
И нашъ словарь, и плески мирной славы,
И критики Лицейскихъ Мудрецовъ [16])!..
О други, съ мѣстъ! вторую наливайте
Полнѣй, полнѣй—и сердцемъ возгоря...
Но за кого жъ?.. о други угадайте...
Ура нашъ Царь!—такъ выпьемъ за Царя.
Онъ человѣкъ: имъ властуетъ мгновенье;
Онъ рабъ молвы, сомнѣнья и страстей:
Но такъ и быть, простимъ ему гоненье:
Онъ взялъ Парижъ и создалъ нашъ Лицей.
Куницыну дань сердца и вина!
Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень,
Поставленъ имъ краеугольный камень,
Имъ чистая лампада возжена [17]).
Наставникамъ *и пр.*
(*Всѣ варіанты по автографу*).

ки и поэмы. Начавъ свое образованіе въ частномъ эстляндскомъ пансіонѣ въ Верро, онъ былъ черезъ три года перемѣщенъ родственникомъ матери его Барклай-де-Толли въ лицей. Товарищи часто подвергали его насмѣшкамъ; не мало шутилъ надъ нимъ и Пушкинъ (см. стр. 60), но это не исключало, какъ то часто бываетъ, любви къ нему. Кюх. любилъ страстно литературу, хотя собственныя его произведенія были неудачны. Поступивъ на службу въ Мин. Ин. Дѣлъ, онъ одно время занимался преподаваніемъ русскаго и лат. яз. въ Педагогическомъ институтѣ. Оставивъ службу, въ 1820 г. онъ отправился за границу съ А. Л. Нарышкинымъ съ обязанностію вести корреспонденцію на 3 языкахъ (Кюхельбекеръ отлично владѣлъ языками русскимъ, нѣмецкимъ, французскимъ, свободно читалъ по-латыни, а впослѣдствіи научился по-англійски и по-гречески). По возвращеніи въ 1821 г. изъ-за границы онъ получилъ мѣсто при ген. Ермоловѣ въ Тифлисѣ, но уже въ слѣдующемъ году оставилъ это мѣсто и отдохнулъ отъ своей скитальческой жизни (потому Пушкинъ и назвалъ его „братомъ по судьбамъ“) въ смоленской деревнѣ сестры своей. На Кавказѣ онъ сошелся съ Грибоѣдовымъ (вотъ почему Пушкинъ упоминаетъ въ обращеніи къ Кюхельбекеру о Кавказѣ наряду съ именемъ этого поэта). Съ 1823 г. Кюхельбекеръ занялъ мѣсто преподавателя русской словесности въ Моск. университетскомъ пансіонѣ, а въ 1825 г. возвратился въ Спб. Замѣшанный въ заговорѣ, онъ былъ заключенъ, а послѣ сосланъ въ Сибирь, гдѣ, простудившись во время бури на Байкалѣ, разстроилъ свое здоровье, ослѣпъ и умеръ отъ чахотки въ 1846 году.—[16]) См. выше вступит. замѣтку. „Словарь“ составлялся воспитанниками и заключалъ характеристику лицъ, принадлежавшихъ къ составу Лицея. — [17]) Куницынъ — проф. „нравственныхъ наукъ“ въ Лицеѣ. Курсъ ихъ по программѣ Лицея заключалъ не только философскія, но юридическія и политическія науки — всего 12 предметовъ. Этотъ профессоръ былъ однимъ изъ даровитѣйшихъ въ Лицеѣ и владѣлъ словомъ. Онъ произнесъ рѣчь при открытіи Лицея. Въ началѣ преподаванія, излагая нравственную философію, онъ оживлялъ преподаваніе разсказами, сравненіями, въ которыхъ проявлялъ живое воображеніе. Перейдя къ наукамъ юридическимъ, онъ сталъ остывать къ своему дѣлу („П. въ Лиц.“ Гаевскаго I, 135).

Всѣмъ честію, и мертвымъ и живымъ,
Къ устамъ подъявъ признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ.

17 Пируйте же, пока еще мы тутъ!
Увы, нашъ кругъ часъ отъ часу рѣдѣетъ;
Кто въ гробѣ спитъ, кто дальній сиротѣетъ;
Судьба глядитъ, мы вянемъ; дни бѣгутъ;
Невидимо склоняясь и хладѣя,
Мы ближимся къ началу своему...
Кому жъ изъ насъ подъ старость день Лицея
Торжествовать придется одному?

18 Несчастный другъ! средь новыхъ поколѣній
Докучный гость, и лишній, и чужой,
Онъ вспомнитъ насъ и дни соединеній,
Закрывъ глаза дрожащею рукой...
Пускай же онъ съ отрадой хоть печально
Тогда сей день за чашей проведетъ,
Какъ нынѣ я, затворникъ вашъ опальный,
Его провелъ безъ горя и заботъ.

---

108. Изъ подражанія Пѣсни пѣсней [1]).

Приводимъ то мѣсто IV-й главы „Пѣсни пѣсней" (ст. 12—16), подражаніе которому составляетъ это стихотвореніе Пушкина:

„12. Вертоградъ заключенъ — сестра моя невѣста, вертоградъ заключенъ, источникъ запечатлѣнъ. 13. Лѣторасли твоя — садъ шипковъ (гранатъ) съ плодомъ яблочнымъ, кvпри съ нардами. 14. Нардъ и шафранъ, трость (сахарная) и киннамонъ (корица), со всѣми древами Ливанскими. Смирна, алой со всѣми первыми мvрами (т.-е. мирръ и алой со всякими лучшими ароматами). 15. Источникъ вертограда, и кладязь воды живы и истекающія отъ Лівана. 16. Востани, сѣвере (удались, сѣверный вѣтеръ), и гряди юже (т.-е.) вѣтеръ полуденный) и повѣй въ вертоградѣ моемъ, и да потекутъ ароматы моя (да разольются благоуханія сада моего").

Первые 4 стиха стихотворенія Пушкина — слова „жениха", а остальные (5—12)—слова „невѣсты".

Бѣлинскій (1844) указываетъ на эти отрывки, какъ на примѣръ „удивительной способности Пушкина переноситься легко и свободно въ самыя противоположныя сферы жизни. „Это доказываютъ", замѣчаетъ онъ, „даже мелкія его піесы, какъ и поэмы и драматическіе

---

1) Въ черновой тетради, заключающей наброски 1821 и 1822 г., находятся слѣды работы Пушкина надъ „Пѣснію пѣсней": прозаическій переводъ и стихи другого отрывка (начало I гл., ст. 1 и 2). Тогда ли же былъ написанъ и этотъ 2-й отрывокъ, неизвѣстно. Помѣщаемъ его здѣсь, среди стих. 1825 г. тѣмъ болѣе, что не имѣя связи съ какими-либо впечатлѣніями личной жизни поэта, это стихотвореніе не требуетъ для его пониманія точнаго опредѣленія времени его написанія.

опыты". Таковы антологическія піесы: № 60, 61 и др., Черкесская пѣсня въ „Кавк. плѣнникѣ" 1821, татарская пѣсня въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ" 1822; подражанія корану 1824; шотландскія пѣсни: „Воронъ къ ворону летитъ" 1828 и „Пью за здравіе Мери" 1830; испанскій романсъ № 187 и „Я здѣсь, Инезилья" 1830; „Стамбулъ гяуры нынче славятъ" 1830; Пѣсни западныхъ славянъ 1832 — 1833; „Странникъ" изъ Буньяна 1833,— и драмы: „Скупой рыцарь 1830 г. и — въ особенности — „Каменный гость" 1830). Таковы и эти отрывки, „представляющіе", по словамъ Бѣлинскаго, „красоты восточной поэзіи высшаго рода и принадлежащія къ величайшимъ произведеніямъ пушкинскаго генія-Протея".

Напеч. впервые въ „Моск. Вѣстникѣ" 1829 г., I.

„Вертоградъ моей сестры
Вертоградъ уединенный;
Чистый ключъ у ней съ горы
Не бѣжитъ, запечатлѣнный".

— „У меня плоды блестятъ
Наливные, золотые;
У меня бѣгутъ, шумятъ
Воды чистыя, живыя.
Нардъ, алой и киннамонъ
Благовоніемъ богаты:
Лишь повѣетъ аквилонъ,
И закаплютъ ароматы".

---

109. Изъ А. Шенье.

(1825).

Это—переводъ, мѣстами близкій, отрывка А. Шенье (см. № 96 и 97). Вотъ текстъ подлинника:

Oeta, mont ennobli par cette nuit ardente,
Quand l'infidèle époux d'une épouse imprudente
Reçut de son amour un présent trop jaloux,
Victime du centaure immolé par ses coups;
Il brise tes forêts: ta cime épaisse et sombre
En un bûcher immense amoncelle sans nombre
Les sapins résineux que son bras a ployés.
Il y porte la flamme; il monte: sous ses pieds
Etend du vieux lion la depouille héroïque,
Et oeil au ciel, la main sur la massue antique,
Attend sa récompense et l'heure d'être un dieu.
Le vent souffle et mugit. Le bûcher tout en feu
Brille autour du héros, et la flamme rapide
Porte aux palais divins l'âme du grand Alcide!

Шенье въ этомъ отрывкѣ воспользовался греческимъ миѳомъ о смерти Геркулеса. Проданный Меркуріемъ по волѣ Дельфійскаго оракула (за

убійство друга) царицѣ лидійской Омфалѣ, Геркулесъ во время этого рабства вступилъ въ бракъ съ Деіанирой. Она получила отъ убитаго Геркулесомъ кентавра рубашку, какъ талисманъ, имѣющій силу удержать мужа ея отъ невѣрности. Однажды послала она эту рубашку Геркулесу, которому нужна была бѣлая одежда для жертвоприношенія богамъ въ Канеѣ. Геркулесъ надѣлъ рубашку. Какъ скоро она согрѣлась, ядъ, которымъ мстительный кентавръ пропиталъ ее, началъ проникать въ его тѣло. Геркулесъ сталъ рвать съ себя одежду, срывая съ нею и терзаемое мучительною болью тѣло. Въ такомъ состояніи привезли его на кораблѣ въ Трахинъ, гдѣ Деіанира, узнавъ ужасную истину, повѣсилась. Жестоко страдая, Геркулесъ взошелъ на гору Эту, сложилъ тамъ костеръ, взошелъ на него и зажегъ его. Когда дерево запылало, спустилось облако и при ударахъ грома вознесло его на небо.

Въ переводѣ своемъ Пушкинъ сохранилъ форму александрійскаго стиха, какъ и въ другихъ подражаніяхъ А. Шенье (ср. №№ 96 и 97), и самое движеніе, сообщенное ему у французскаго поэта разсѣченіемъ многихъ стиховъ на краткія предложенія (ст. 7 — 9 и 12). Сохранилъ онъ и быстрый переходъ отъ такого разсѣченія 12-го стиха къ плавному послѣднему двустишію (13 и 14), красиво замыкающему эту картину героическаго очистительнаго страданія. Форма обращенія къ горѣ Этѣ (Oeta, mont ennobli... il brise *tes* forêts.., *ta* cime...), не имѣющая никакого значенія въ этомъ отрывкѣ эпическаго характера, Пушкинымъ уничтожена, и конечно въ пользу піесы. Кромѣ того, первые четыре прозаическіе стиха французскаго подлинника восполнены самостоятельнымъ грандіознымъ изображеніемъ мученій сильнаго духомъ героя (ст. 4 — 6). Это — одно изъ наиболѣе обработанныхъ произведеній Пушкина: помѣченное въ рукописи 1825-мъ годомъ, оно исправлено 20 апрѣля 1835 года.

Напеч. впервые въ „Современникѣ“ 1836 г., I, безъ имени автора не безъ причины, если принять въ соображеніе обстоятельства послѣднихъ годовъ личной жизни Пушкина.

Покровъ, упитанный язвительною кровью,
Кентавра мстящій даръ, ревнивою любовью
Алкиду переданъ. Алкидъ его пріялъ.
Въ божественной крови ядъ быстрый побѣжалъ.
Се—ярый мученикъ, въ ночи скитаясь, воетъ;
Стопами тяжкими вершину Эты роетъ;
Гнетъ, ломитъ древеса; исторженные пни
Высоко громоздитъ; его рукой они
Въ костеръ навалены; онъ ихъ зажегъ; онъ всходитъ;
Недвижимъ на кострѣ онъ въ небо взоръ возводитъ.
Подъ мышцей палица, въ ногахъ немейскій левъ
Разостланъ. Дунулъ вѣтръ; поднялся свистъ и ревъ;
Треща горитъ костеръ, и вскорѣ пламя, воя,
Уноситъ къ небесамъ безсмертный духъ героя.

---

110. Зимній вечеръ.

(1825).

Поэтическое воспроизведеніе одной изъ сценъ, пережитыхъ поэтомъ въ михайловскомъ уединеніи, гдѣ проводилъ онъ многіе зимніе вечера съ своей нянею Ариной Родіоновной (см. № 15 и стих.: „Подруга дней моихъ суровыхъ“, 1827). По свидѣтельству самого поэта, у него происходилъ съ нею даже обмѣнъ поэтическихъ сокровищъ. Потому няня изображена здѣсь хранительницей народной поэзіи. Ср. разговоръ Татьяниной няни (въ XVII строфѣ III главы Онѣгина), которой поэтъ сообщилъ подобныя же черты:

Я бывало
Хранила въ памяти немало
Старинныхъ былей, небылицъ
Про злыхъ духовъ и про дѣвицъ...

То же свидѣтельствуютъ письма Пушкина. Такъ въ письмѣ къ брату въ октябрѣ 1824 г. онъ пишетъ: „Вечеромъ слушаю сказки — и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго моего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма“! Пушкинъ же, по свидѣтельству XXXV строфы IV главы Онѣгина — въ свою очередь дѣлился съ нею своими произведеніями:

Но я плоды моихъ мечтаній
И гармоническихъ затѣй
Читаю только старой нянѣ,
Подругѣ юности моей.

Къ этой-то нянѣ въ зимній бурный вечеръ дружески обращается поэтъ, предлагая кружку и съ просьбой спѣть ему одну изъ знакомыхъ ей пѣсенъ (строфа 3). Первая пѣсня хороводная:

За моремъ синичка не пышно жила,
Не пышно жила, пиво варивала;
Солоду купила, хмелю взаймы взяла.
Черный дроздъ пивоваромъ былъ,
Дай же, Боже, пиво-то сварить,
Пиво-то сварить, вина накурить.
Созовемъ къ себѣ гостей, мелкихъ пташечекъ.
Совушка-вдовушка незваная пришла.
Снигирюшка по сѣнюшкамъ похаживаетъ,
Соловушка головушку поглаживаетъ.
Стали всѣ птички межъ собой говорить:
Что же ты, Снигирюшка, не женишься?
— Радъ бы я жениться, да не кого взять!
Взялъ бы я пернатку—та матка моя;
Взялъ бы я синичку—сестричка моя;
Взялъ бы я сороку—щекотливая;

Есть за моремъ перепелочка [1]):
Та мнѣ ни матушка, ни тетушка;
Ту я люблю, ту за себя возьму.

Вторая пѣсня—извѣстная дѣвичья:

По улицѣ мостовой, по широкой столбовой,
Шла дѣвица за водой, за ней парень молодой" и т. д.

Обращеніе къ нянѣ и изображеніе ея самой, пріунывшей за своимъ веретеномъ, помѣщено среди двухъ строфъ, заключающихъ картину зимней вьюги, замѣчательную какъ изобразительностію, такъ и звуковою стороною стиха (см. переходы гласныхъ, носящихъ удареніе въ 3 и 4 стихахъ этихъ обѣихъ строфъ и звукоподражательные стихи, 5-й и 6-й, въ первой строфѣ).

Бѣлинскій (1841) отнесъ это стихотвореніе къ числу тѣхъ чисто-лирическихъ произведеній, не различимыхъ отъ „пѣсни", въ которыхъ элементъ лирики является элементомъ чисто-субъективныхъ ощущеній, гдѣ „въ безчисленное многоразличіе тѣхъ таинственныхъ, невыразимыхъ безъ творческой силы поэзіи ощущеній, которыя какъ безотчетно, такъ особенно возникаютъ въ темнотѣ нашей внутренности, освобождаются здѣсь отъ своей особенности, т.-е. отъ исключительной принадлежности *мнѣ*, — и выпархиваютъ на свѣтъ, окрыленныя фантазіей". По замѣчанію Бѣлинскаго, такія стихотворенія, вмѣстѣ съ пѣснію, составляютъ исключительно лирику нашего времени. Къ числу „лучшихъ и задушевнѣйшихъ произведеній этого рода" и причисляетъ онъ, между прочимъ,—„Зимній вечеръ".

Напеч. впервые въ „Сѣв. Цвѣтахъ" 1830 г.

---

1 Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То какъ звѣрь она завоетъ,
То заплачетъ какъ дитя,
То по кровлѣ обветшалой
Вдругъ соломой зашумитъ,
То, какъ путникъ запоздалый,
Къ намъ въ окошко застучитъ.

2 Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна.
Что же ты, моя старушка,
Пріумолкла у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, утомлена,
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?

3 Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя, гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.
Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
Тихо за моремъ жила;
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой по утру шла.

4 Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя,
То какъ звѣрь она завоетъ,
То заплачетъ какъ дитя.
Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя, гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй!

---

[1]) Не этотъ ли стихъ няниной пѣсни, намекавшій поэту на его одесскую привязанность, и побуждалъ его просить старушку пѣть эту пѣсню?

111. Буря.

(1825).

Это стихотвореніе, вызванное воспоминаніями жизни на югѣ, можетъ служить яркимъ примѣромъ того, какимъ неисчерпаемымъ богатствомъ образовъ и звуковъ обладалъ стихъ Пушкина. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить это стихотвореніе съ предыдущимъ. Въ обоихъ описаніе бури: но зимняя картина псковской природы и картина на взморьѣ Чернаго моря вызвали совсѣмъ различныя поэтическія средства, и Пушкинъ нашелъ ихъ легко въ своемъ поэтическомъ языкѣ. Пластичность 7 и 8 стиховъ этого стихотворенія не менѣе художественна при изображеніи второй картины, чѣмъ 5—8 стихи первой строфы „Зимняго вечера", въ картинѣ столь ей противоположной. Замѣчательно художественъ самый выборъ двухъ противоположныхъ фигуръ, которыми оживлены обѣ картины, и ихъ обстановка: тамъ — уныло дремлющая за веретеномъ старушка, здѣсь — дѣва, смѣло стоящая въ бурю и грозу на верху прибрежнаго утеса въ своемъ бѣломъ покрывалѣ, которымъ играетъ вѣтеръ; тамъ — печальная темная лачужка, здѣсь — безпредѣльное море и небо, теряющіяся въ бурной мглѣ, по временамъ озаряемыя алымъ блескомъ молніи. Обѣимъ картинамъ поэтъ сумѣлъ сообщить высшую степень правды и красоты.

Напеч. впервые въ „Моск. Вѣстн." 1827 г., № 2, и исправлено въ стихѣ 7—въ изд. 1829 г.

Ты видѣлъ дѣву на скалѣ
Въ одеждѣ бѣлой надъ волнами,
Когда, бушуя въ бурной мглѣ,
Играло море съ берегами,
Когда лучъ молній озарялъ
Ее всечасно блескомъ алымъ,
И вѣтеръ бился [a] и леталъ
Съ ея летучимъ покрываломъ?

Прекрасно море въ бурной мглѣ,
И небо въ блескахъ безъ лазури;
Но вѣрь мнѣ: дѣва на скалѣ
Прекраснѣй волнъ, небесъ и бури.

---

112. Съ португальскаго.

(1825).

Отрывокъ этотъ сохранился въ черновыхъ бумагахъ Пушкина. Въ концѣ его стоитъ помѣтка: Gonzago. Ср. съ шотланской пѣсней (№ 159).

---

[a] воилъ (М. В., 1827).

1 Тамъ звѣзда зари взошла,
Пышно роза процвѣла:
Это время насъ, бывало,
Другъ ко другу призывало.

2 На постелѣ пуховой
Дѣва сонною рукой
Протирала томны очи,
Удаляя грезы ночи.

3 И являлася она
У дверей иль у окна
Ранней звѣздочки свѣтлѣе,
Розы утренней свѣжѣе.

4 Лишь ее завижу я,
Мнилось, легче вкругъ меня
Воздухъ утренній струился;
Я вольнѣе становился.

5 Я красавицы моей,
Межъ овецъ деревни всей,
Зналъ любимую овечку
И водилъ ее на рѣчку,

6 На тѣнистые брега,
На зеленые луга;
Я поилъ ее, лелѣялъ
Передъ ней цвѣточки сѣялъ.

7 Дѣва издали ко мнѣ
Приближалась въ тишинѣ,
И я пѣлъ, ее встрѣчая,
Пѣлъ, гитарою бряцая.

8 Дѣвы радости моей
Нѣтъ—на свѣтѣ нѣтъ милѣй!
Кто посмѣетъ подъ луною
Спорить въ счастіи со мною?

9 Не завидую царямъ,
Не завидую богамъ,
Какъ увижу очи томны,
(Тонкій) станъ и косы темны.

10 Такъ я пѣлъ, бывало, ей,
И красавицы моей
Сердце пѣснью любовалось...
Но блаженство миновалось!

11 Гдѣ красавица моя?
Одинокій плачу я,
Замѣнили пѣсни нѣжны
Стонъ и слезы безнадежны.

Къ 1824 и 1825 годамъ относятся 9 эпиграмматическихъ стихотвореній.

---

113. Пріятелямъ.

(1825).

Этой эпиграммою начинается письмо къ кн. Вяземскому отъ 25 января. „Напечатай гдѣ-нибудь“, приписалъ подъ нею Пушкинъ. Исполняя его просьбу, кн. Вяземскій напечаталъ эпиграмму въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1825 г., № 3, прибавивъ слово въ заглавіи для ясности: „Журнальнымъ пріятелямъ“. Въ іюнѣ Пушкинъ написалъ ему: „Ты не напрасно прибавилъ: „журнальнымъ“.

---

1 Враги мои, покамѣстъ я ни слова...
И, кажется, мой быстрый гнѣвъ угасъ;
Но изъ виду не упускаю васъ,
И выберу когда-нибудь любого:

Не избѣжитъ пронзительныхъ когтей,
Какъ налечу нежданный, безпощадный—
Такъ въ облакахъ кружится ястребъ жадный
И сторожитъ индеекъ и гусей.

114. Живъ, живъ курилка!

(1825).

„Каченовскій (издатель „Вѣстника Европы“) возсталъ на меня“, писалъ Пушкинъ къ брату въ письмѣ 14 марта 1825 г. изъ Тригорскаго: „напиши мнѣ, благопристоенъ ли тонъ его критикъ; если нѣтъ— пришлю эпиграмму“. Эти строки были вызваны критикою на „Бахчисарайскій Фонтанъ“ Мих. Дмитріева, помѣщенною Каченовскимъ въ „В. Евр.“. „У васъ ересь“, продолжаетъ Пушкинъ въ томъ же письмѣ: „говорятъ, что въ стихахъ стихи не главное. Что же главное? Должно заранѣе истребить это гоненіемъ, кнутомъ, кольями, пѣснями на голосъ: „одинъ сижу во компаніи“ и т. п.

„Вотъ тебѣ“, писалъ онъ въ началѣ апрѣля брату, „требуемая эпиграмма на Каченовскаго; перешли ее Вяземскому. А между тѣмъ пришли мнѣ тотъ № „Вѣстника Европы“, гдѣ напечатанъ второй разговоръ Лже-Дмитріева (т.-е. Мих. Дмитріева, котораго Пушкинъ называлъ такъ въ отличіе отъ поэта Ив. Ив. Дмитріева); это мнѣ нужно для предисловія къ „Бахчисарайскому Фонтану“ [1]). Въ этомъ письмѣ и помѣщена эпиграмма на М. Т. Каченовскаго, но въ то время нигдѣ напечатана не была.

Впервые напеч. въ „Современникѣ“ 1857 г., № 7.

Какъ! живъ еще курилка-журналистъ?
Живёхонекъ! все такъ же сухъ и скученъ,
И грубъ, и глупъ, и завистью размученъ:
Все тискаетъ въ свой непотребный листъ
И старый вздоръ, и вздорную новинку.
Фу! надоѣлъ курилка-журналистъ!
Какъ загасить вонючую лучинку?
Какъ уморить курилку моего?
Дай мнѣ совѣтъ.—Да... плюнуть на него.

115. Ex ungue leonem [1]).

(1825).

Эпиграмма журнальнымъ „пріятелямъ“ (см. выше № 113), напечатанная въ „Моск. Телеграфѣ“, вызвала новую. „Вотъ еще“, писалъ въ іюнѣ Пушкинъ кн. Вяземскому, который въ это время купался въ мо-

[1]) См. объ этомъ во вступ. зам. къ „Бахчисарайскому Фонтану“.

[1]) Т.-е.: „По когтю льва“ (узнай).

рѣ, — „эпиграмма на Благонамѣреннаго, который, говорятъ, критиковалъ моихъ „Пріятелей“. Отослано къ Полевому, соиздателю кн. Вяземскаго по Телеграфу, гдѣ и была эта эпиграмма напечатана въ № 13 (См. подробно Ист. В. 1887, № 3 въ „Зап. К. Полеваго“).

Недавно я стихами какъ-то свистнулъ
И выдалъ ихъ безъ подписи моей;
Журнальный шутъ о нихъ статейку тиснулъ,
Безъ подписи жъ пустивъ ее, злодѣй.
Но что жъ? Ни мнѣ, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своихъ проказъ:
Онъ по когтямъ узналъ меня въ минуту,
Я по ушамъ узналъ его какъ разъ.

---

116. Прозаикъ и поэтъ.

(1825).

Въ этомъ стихотвореніи мы имѣемъ поэтическое полное опредѣленіе „эпиграммы“ въ новѣйшемъ смыслѣ этого термина, т.-е. какъ остроты, оправленной въ риему, или, по выраженію Бѣлинскаго, „шалости поэта или его хлопушки“. Поводомъ къ этой эпиграммѣ былъ разборъ „Цыганъ“, кн. Вяземскаго (см. т. II). „Этотъ разборъ“, пишетъ самъ кн. Вяземскій, „навлекъ или могъ бы навлечь облачко на свѣтлыя мои съ Пушкинымъ сношенія. О томъ я долго не догадывался и узналъ случайно, гораздо позднѣе. Александръ Алексѣевичъ Мухановъ, общій пріятель нашъ, сказалъ мнѣ однажды, что изъ словъ, слышанныхъ имъ отъ Пушкина, онъ убѣдился, что поэтъ несовсѣмъ доволенъ отзывомъ моимъ о поэмѣ его. Помнится мнѣ, что Пушкинъ былъ особенно недоволенъ замѣчаніемъ моимъ о стихахъ: „медленно скатился.... съ камня на траву свалился“... между тѣмъ онъ самъ ничего не говорилъ мнѣ о своемъ неудовольствіи: напротивъ, сколько могу припомнить, даже благодарилъ меня за статью. Какъ бы то ни было, взаимныя наши отношенія оставались самыми дружественными. Онъ молчалъ; молчалъ и я, опасаясь дать словамъ Муханова видъ сплетни, за которую Пушкинъ могъ бы разсердиться. Но и не признавалъ я надобности привесть въ ясность этотъ сомнительный вопросъ. Могъ я думать, что Пушкинъ и забылъ или измѣнилъ свое первоначальное впечатлѣніе; но Пушкинъ не былъ забывчивъ. Въ то самое время, когда между нами все обстояло благополучно, Пушкинъ однажды спрашиваетъ меня въ упоръ: можетъ ли онъ напечатать слѣдующую эпиграмму: „О чемъ прозаикъ, ты хлопочешь“? Полагая, что вопросъ его относится до цензуры, отвѣчаю, что не предвижу никакого съ стороны ея препятствія; между тѣмъ замѣчаю, что при этихъ словахъ моихъ лицо его вдругъ вспыхнуло и озарилось краскою, обычною въ немъ примѣтою какого-нибудь смущенія или внутренняго сознанія въ неловкости положенія своего. Впрочемъ и тутъ я, такъ сказать, пропустилъ или проглядѣлъ краску его: не далъ себѣ въ ней отчета. Тѣмъ дѣло кончилось. Уже послѣ

смерти Пушкина какъ-то припомнилась мнѣ эта сцена: загадка нечаянно сама разгадалась предо мною; я понялъ, что этотъ *прозаикъ* — я, что Пушкинъ, легко оскорблявшійся, оскорбился нѣкоторыми замѣтками въ моей статьѣ и наконецъ хотѣлъ узнать отъ меня, не оскорблюсь ли я самъ напечатаніемъ эпиграммы, которая сорвалась съ пера его противъ меня“ 1).

Напечатано впервые въ „Моск. Вѣстникѣ“ 1827 г., № 4.

О чемъ, прозаикъ, ты хлопочешь?
Давай мнѣ мысль, какую хочешь:
Ее съ конца я заострю,
Летучей риѳмой оперю,
Взложу на тетиву тугую,
Послушный лукъ согну въ дугу,
А тамъ пошлю на удалую—
И горе нашему врагу.

---

117. Совѣтъ.

(1825).

Декабря 5-го 1825 г. Пушкинъ писалъ кн. Вяземскому: „Ты просилъ, моя радость, прислать тебѣ стиховъ для какого-то альманаха... Вотъ тебѣ нѣсколько эпиграммъ. У меня ихъ пропасть; избираю невиннѣйшія“. При письмѣ приложены были: „Совѣтъ“, „Соловей и Кукушка“ (№ 118), „Движеніе“ (№ 119) и „Дружба“ (№ 120), написанныя въ разное время; такъ „Дружба“ написана еще осенью 1824 г. 2). Всѣ онѣ были переданы М. П. Погодину въ его альманахъ 1826 г. „Уранія“, гдѣ и напечатаны.

Эпиграмма „Совѣтъ“ служитъ какъ бы дополненіемъ предыдущей (№ 116).

Повѣрь: когда слѣпней и комаровъ
Вокругъ тебя летаетъ рой журнальный,
Не разсуждай, не трать учтивыхъ словъ,
Не возражай на пискъ и шумъ нахальный:
Ни логикой, ни вкусомъ, милый другъ,
Никакъ нельзя смирить ихъ родъ упрямый;
Сердиться грѣхъ—но замахнись и вдругъ
Прихлопни ихъ проворно эпиграммой.

---

118. Соловей и Кукушка.

(1825).

См. Замѣтку къ № 117.

---

1) Соч. кн. Вяз. I, 321.

2) См. Р. С. 1884. Іюль, 14.

Въ лѣсахъ, во мракѣ ночи праздной,
Весны пѣвецъ разнообразный
Урчитъ, и свищетъ, и гремитъ;
Но безтолковая кукушка,
Самолюбивая болтушка,
Одно куку свое твердитъ.
И эхо вслѣдъ за нею тоже:
Накуковали намъ тоску.
Хоть убѣжать! Избавь насъ, Боже,
Отъ элегическихъ куку!

---

119. Движеніе.

(1825).

См. замѣтку къ № 117.

Движенья нѣтъ, сказалъ мудрецъ брадатый.
Другой смолчалъ и сталъ предъ нимъ ходить.
Сильнѣе бы не могъ онъ возразить;
Хвалили всѣ отвѣтъ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой примѣръ на память мнѣ приводитъ:
Вѣдь каждый день предъ нами солнце ходитъ,
Однакожъ правъ упрямый Галилей [1]).

---

120. Дружба.

(1825).

Это стихотвореніе написано въ тонѣ тѣхъ замѣтокъ, которыя вошли въ „Альбомъ Онѣгина“ (см. Евг. Онѣг.).

См. замѣтку къ № 117.

Что дружба? Легкій пылъ похмелья,
Обиды вольный разговоръ,
Обмѣнъ тщеславія, бездѣлья,
Иль покровительства позоръ.

---

121. Н. Н.

ПРИ ПОСЫЛКѢ ЕЙ НЕВСКАГО АЛЬМАНАХА.

(1825).

Къ кому обращено это стихотвореніе—неизвѣстно, но это обращеніе послужило поводомъ дать эпиграммѣ форму мадригала.

---

1) Галилей (1564—1642)—итал. физикъ. Существовало недостовѣрное преданіе, что когда онъ долженъ былъ передъ трибуналомъ инквизиціи въ 1633 г. отречься отъ своего убѣжденія о вращеніи земли вокругъ солнца, то воскликнулъ затѣмъ: E pur si muove! (а все-таки она вращается!).

Напеч. впервые въ „Невскомъ Альманахѣ“ 1826 г., а потомъ въ изд. 1829 г. съ варіантами, указанными ниже.

Примите Невскій Альманахъ,
Онъ милъ и въ прозѣ и стихахъ:
Вы тутъ найдете Полевова [а],
Великопольскаго, Хвостова;
Княжевичъ [б], дальній вашъ родня,
Украсилъ также книжку эту;
Но не найдете вы меня:
Мои стихи скользнули въ Лету.
Что слава міра?.. Дымъ и прахъ.
Ахъ, сердце ваше мнѣ дороже!...
Но, кажется, мнѣ трудно тоже
Попасть и въ этотъ альманахъ.

---

122. Къ Баратынскому.

(1826).

Пушкинъ высоко ставилъ поэтическій талантъ Баратынскаго и съ нетерпѣніемъ дожидался появленія каждаго изъ его произведеній.

„Что же чухонка Баратынскаго?“ (такъ называлъ Пушкинъ поэму его „Эда“, героиня которой — финляндка), спрашивалъ Пушкинъ брата въ письмѣ своемъ въ концѣ октября 1824 г.: „я жду“. Въ половинѣ ноября онъ снова напоминаетъ о ней: „Присылай мнѣ чухонку Баратынскаго, не то прокляну тебя“; 4 декабря опять пишетъ: „Пришли же мнѣ „Эду“ Баратынскую. Ахъ, онъ чухонецъ! да если она милѣе моей черкешенки, такъ я повѣшусь у двухъ сосенъ и съ нимъ никогда знаться не буду“ — и снова повторяетъ просьбу въ концѣ декабря того же года. Изъ письма въ половинѣ февраля 1825 г. видно, что Пушкинъ получилъ наконецъ „Эду“ и прочиталъ ее. Онъ пишетъ здѣсь: „Плетневъ неосторожнымъ усердіемъ повредилъ Баратынскому [1]), но Эда“ все испра-

а Василія Пушкина, ...кова (т. е. Маркóва) (1826). — Вел..., Х — ова (1829).— б К (1829).

1) Въ своемъ разборѣ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ 1825 г. Плетневъ осыпалъ похвалами Баратынскаго. По поводу помѣщенной въ этомъ альманахѣ „Исторіи кокетства“ Баратынскаго онъ писалъ: „Игривость ума, слогъ легкій и блестящій, свѣтская философія и прелесть аллегоріи сообщаютъ особенную занимательность этому счастливому произведенію веселаго остроумія“. Тутъ же помѣщенъ отзывъ Плетнева о четырехъ стихотвореніяхъ Баратынскаго, о которыхъ сказано, что они „исполнены поэтической живости, силы чувствованій и прекраснаго гармоническаго слога“. „Мы невольно остановились на третьемъ“ („Черепъ“), пишетъ Плетневъ. Подобный предметъ есть въ стихотвореніяхъ знаменитаго Байрона. Мы изъ любопытства сравнивали сіи два произведенія. Русскій стихотворецъ въ этомъ случаѣ гораздо выше англійскаго. Байронъ сильный, глубокій и мрачный, почти шутя говорилъ о черепѣ умершаго человѣка. Нашъ поэтъ извлекъ изъ этого предмета поразительныя истины“. (Труды вольн. общ. любителей росс. слов., т. XXIX). Эта-то неумѣренная похвала, по мнѣнію Пушкина, и повредила Баратынскому. И въ письмѣ къ Плетневу (14 апр. 1826 г.) Пушкинъ замѣчаетъ: „Къ Баратынскому ты слишкомъ пристрастенъ. Онъ любитъ еще играть словами; въ слогѣ есть кокетство; во многомъ французъ, хоть и люблю его до смерти“.

витъ. Впослѣдствіи (1830) Пушкинъ писалъ: „Изъ нашихъ поэтовъ Баратынскій всѣхъ менѣе пользуется обычной благосклонностью журналовъ... Критика изъявляла по отношенію къ нему или недобросовѣстное равнодушіе или даже непріязненное расположеніе. Не упоминая уже объ извѣстныхъ шуткахъ покойнаго „Благонамѣреннаго“, извѣстнаго весельчака, замѣтимъ, что появленіе „Эды“, произведенія столь замѣчательнаго оригинальной своей простотой, прелестью разсказа, живостью красокъ и очеркомъ характеровъ, слегка, но мастерски означенныхъ,—появленіе „Эды“ подало только поводъ къ неприличной статейкѣ въ „Сѣв. Пчелѣ“ и слабому возраженію на нее въ „Моск. Телеграфѣ“... „Перечтите его „Эду“, которую критики наши нашли ничтожной (ибо, какъ дѣти, отъ поэмы требуютъ они происшествій), перечтите сію краткую восхитительную повѣсть: съ какою глубиною чувствъ развита въ ней женская любовь... Посмотрите на Эду послѣ перваго поцѣлуя предпріимчиваго любовника. Она любитъ какъ дитя, радуется его подаркамъ, рѣзвится съ нимъ; но время идетъ: Эда уже не ребенокъ... Какая роскошная черта, какъ весь отрывокъ исполненъ нѣги!“.

Такъ отзывалась объ „Эдѣ“ Баратынскаго критика черезъ 5 лѣтъ послѣ ея появленія, въ лицѣ Пушкина; позднѣе Бѣлинскій (1842), сравнивая „Эду“ съ „Бэлой“ Лермонтова, при всей невыгодѣ такого сопоставленія для первой, тѣмъ не менѣе призналъ ее „поэмою, написанною прекрасными стихами, исполненною души и чувства“. Гораздо болѣе высокую оцѣнку сдѣлалъ Плетневъ (1844). „Изображая повсюду только вполнѣ истинное и вполнѣ постигнутое самимъ Баратынскимъ... вѣрными красками описываетъ онъ явленія природы и общества. Въ необширныхъ, но яркихъ его картинахъ схвачены тѣ поэтическія рѣзкія черты, которыми предметъ бросается въ глаза и послѣ рисуется въ воображеніи. Мѣстныя красоты Финляндіи такъ слиты въ „Эдѣ“ съ главнымъ настроеніемъ души поэта, что невозможно ничего представить совершеннѣе, напр., окончанія поэмы“.

Таковы позднѣйшіе отзывы о поэмѣ Баратынскаго. Но не такъ встрѣтила ее критика, современная ея появленію. „Появленіе „Эды“, исполненной свѣжести красокъ, простоты событія и новости слишкомъ безыскусственной формы“, — писалъ въ 1840 г. Плетневъ [2]) — „произвело на журналистовъ, какъ часто водится, неблагопріятное впечатлѣніе. Одинъ изъ нихъ критикою своею вызвалъ Пушкина на эпиграмму“. 5-й стихъ эпиграммы и имѣетъ въ виду этого журналиста.

Напеч. впервые въ „Моск. Вѣстн.“ 1829, I, подъ заглавіемъ: Къ***

Стихъ каждый повѣсти твоей
Звучитъ и блещетъ какъ червонецъ,
Твоя чухоночка, ей-ей,
Гречанокъ Байрона милѣй,
А твой зоилъ—прямой чухонецъ.

---

2) Въ „Альманахѣ въ память 200-лѣтняго юбилея Александровскаго Университета“, изд. Я. Гротомъ. Гельс. 1842. Къ указаннымъ выше достоинствамъ поэмы Плетневъ здѣсь прибавляетъ „классическую точность каждаго стиха, сжатость фразъ и разнообразіе оборотовъ“.

123. Зимняя дорога.

(1826).

Стихотвореніе это рисуетъ снова зимнюю картину родного края (ср. № 110). На этотъ разъ поэтически воспроизведены впечатлѣнія поѣздки изъ Михайловскаго во Псковъ. Съ обычной пушкинскому стиху изобразительностію здѣсь представлена пустынная картина снѣжныхъ псковскихъ полянъ среди лѣса въ лунную зимнюю ночь (строфы 1 и 4) и тройка (стр. 2). Строфа 3-я характеризуетъ русскую ямщицкую пѣсню. Фантазія поэта дополняетъ чувство путника картиною ожидающаго его покоя въ уютномъ домашнемъ углу съ воображаемою подругою (стр. 5 и 6).

Въ звуковомъ отношеніи ср. стихи 3-й и 4-й строфы 3-й съ 2-мъ и 3-мъ стихами строфы 1-й „Зимняго вечера“ (№ 110).

Бѣлинскій (1844) относитъ и эту піесу къ числу самобытныхъ произведеній поэта.

Напеч. впервые въ „Моск. Вѣстникѣ“ 1828, № 4.

---

1 Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальныя поляны
Льетъ печально свѣтъ она.

2 По дорогѣ зимней скучной
Тройка борзая бѣжитъ:
Колокольчикъ однозвучный
Утомительно гремитъ.

3 Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

4 Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снѣгъ... Навстрѣчу мнѣ
Только версты полосаты
Попадаются однѣ.

5 Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра къ милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь [1]).

6 Звучно стрѣлка часовая
Мѣрный кругъ свой совершитъ,
И докучныхъ удаляя,
Полночь насъ не разлучитъ.

7 Грустно, Нина: путь мой скученъ,
Дремля смолкнулъ мой ямщикъ,
Колокольчикъ однозвученъ,
Отуманенъ лунный ликъ.

---

[1]) Еще въ половинѣ февраля 1825 г. Пушкинъ писалъ брату: „Элегія въ „Цвѣтахъ“ какова?. Здѣсь онъ упоминаетъ элегію Туманскаго: „На скалы, на холмы *глядѣть безъ наглядѣнья?*.

124. Элегія:
Подъ небомъ голубымъ страны своей родной...
(1826).

Поводомъ къ сочиненію этой элегіи, какъ показываетъ подпись подъ черновымъ текстомъ ея, послужило извѣстіе о смерти г-жи Ризничъ 29 іюня 1826 года. „Пушкинъ раза два или три былъ въ Одессѣ до 1823 г., т. е. до перехода своего въ этотъ городъ на службу, въ штатъ графа (нынѣ князя) М. С. Воронцова“, пишетъ г. Зеленецкій (Р. В. 1856, № 11). „Извѣстно, что во время этихъ пріѣздовъ поэтъ нашъ познакомился и сблизился съ негоціантомъ Ризничемъ, который былъ родомъ изъ адріатическихъ славянъ — далматъ или кроатъ. Знакомство и сближеніе это было совершенно понятнымъ: одесское общество, тогда немногочисленное, считало въ средѣ своей не много людей образованныхъ, а къ числу ихъ конечно должно отнести и Ризнича и Пушкина. Ризничъ весною 1822 г. уѣхалъ въ Вѣну и весной 1823 г. возвратился оттуда съ молодою женой. Пушкинъ переѣхалъ на постоянное жительство въ Одессу въ ту же пору, и былъ конечно одинъ изъ первыхъ знакомыхъ новопріѣзжей дамы. Молодые люди, служившіе въ то время при графѣ и посѣщавшіе домъ Ризнича, а въ числѣ ихъ и Пушкинъ, убѣждены были, что г-жа Ризничъ родомъ изъ Генуи. Оказывается однако, что она была дочь одного вѣнскаго банкира, по фамиліи Риппъ, полу-нѣмка и полу-итальянка. Она была молода, высока ростомъ, стройна и необыкновенно красива. Одѣвалась она въ нарядъ полуамазонки. Все это придавало ей оригинальность и увлекало многихъ... Въ высшемъ кругу тогдашняго одесскаго общества г-жа Ризничъ принята не была. Зато всѣ молодые люди, принадлежавшіе къ этому кругу, собирались въ домѣ Ризнича. Молодая хозяйка вела самую живую бесѣду, и играла въ вистъ, до котораго была страстная охотница“... Первымъ стихотвореніемъ, въ которомъ Пушкинъ выразилъ свои отношенія къ г-жѣ Ризничъ, была элегія 1823 г. („Простишь ли мнѣ“...) Въ ней, по замѣчанію г. Анненкова, выраженно сильно-возбужденное состояніе души поэта, которое могло имѣть свой источникъ только въ дѣйствительности“. Стихи:

Окружена поклонниковъ толпой,
Зачѣмъ для всѣхъ казаться хочешь милой?

характеризуютъ ее въ этой элегіи. Весною 1824 г. г-жа Ризничъ уѣхала за границу съ своимъ ребенкомъ. Стихотвореніе 1824 г. „Иностранкѣ“ („На языкѣ тебѣ невнятномъ“, см. № 85) есть второе произведеніе, вызванное ею. „Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по всей вѣроятности въ началѣ 1825 г.“, продолжаетъ г. Зеленецкій, „она умерла, кажется, въ бѣдности въ Генуѣ, призрѣнная матерью мужа... Элегія „Подъ небомъ голубымъ“... несомнѣнно относится къ ней же. Послѣ помѣтки подъ элегіей года и числа, находится приписка: „Усл.... о см. 25“, что должно означать, по мнѣнію г. Зеленецкаго: „Услышалъ о смерти 25 іюля“, или „1825 года“. По мнѣнію г. Анненкова, эта піеса съ двумя позднѣйшими стихотвореніями: 1828 „Заклинаніе“ и 1830 „Для береговъ отчизны дальней“, бу-

дучи взяты вмѣстѣ, составляютъ одну трехъ-членную лирическую пѣснь. ... „Если два первыя, какъ и третье изъ этихъ стихотвореній, относятся къ тѣни легкомысленной красавицы-иностранки, плѣнившей Пушкина въ Одессѣ", замѣчаетъ г. Зеленецкій, „то на долю ея все-таки выпалъ жребій возрастить въ русской поэзіи пять прекрасныхъ цвѣтковъ".

Бѣлинскій, причислившій элегію „Подъ небомъ голубымъ" къ числу „лучшихъ, задушевнѣйшихъ созданій лирической музы Пушкина (1841), возвращается къ ней въ своей статьѣ о Пушкинѣ (1844): „Къ особеннымъ чертамъ Пушкинской поэзіи", пишетъ онъ тамъ, „рѣзко отдѣляющимъ ее отъ прежней школы, принадлежитъ его художническая добросовѣстность. Пушкинъ ничего не преувеличиваетъ, ничѣмъ не эффектируетъ; никогда не взводитъ на себя великолѣпныхъ, но не испытанныхъ имъ чувствъ, и вездѣ является такимъ, каковъ былъ дѣйствительно. Такъ, напримѣръ, онъ узнаетъ о смерти той, любовь къ которой заставила его лиру издать столько гармоническихъ стоновъ: какой прекрасный случай изобразить свое отчаяніе, написать картину страшной скорби, невыносимой муки!.. Но сердце наше — вѣчная тайна для насъ самихъ; и вотъ какъ подѣйствовала на Пушкина роковая вѣсть"...

Г. Катковъ (1856) избираетъ его стихотвореніе, чтобы показать, что „стихъ Пушкина, разительно отличающійся отъ явленій предшествовавшаго времени по отношенію къ языку, еще болѣе отличается отъ нихъ по характеру мысли и изображеній". „Попробуемъ", продолжаетъ онъ, „путемъ тщательно анализа показать силу этого различія и тѣмъ пояснить себѣ въ живомъ примѣрѣ сущность художественнаго начала.—Случалось ли вамъ испытывать тягостное состояніе, когда сердце упорно безмолвствуетъ на призывъ когда-то милый, когда-то всевластный? то состояніе мучительной борьбы между дорогимъ воспоминаніемъ, между требованіемъ сердечной совѣсти, и безсиліемъ сердца отвѣчать живымъ біеніемъ на это требованіе, почувствовать въ настоящемъ то, что прошло для него невозвратно и утратило живую связь съ нимъ? Былое просится къ намъ въ душу, но пути его заросли и забыты, а призывный голосъ будитъ только воспоминаніе, и слезами нашими искренно плачетъ только жалость, что сердце не хочетъ плакать? Вотъ случай жизни. Является поэтъ и эту исповѣдь сердца возводитъ онъ до общаго сознанія; темное и глухое дѣло жизни становится свободнымъ представленіемъ. Онъ находитъ средство такъ выразить особый случай жизни, что въ душѣ каждаго произойдетъ подобіе такого состоянія. Можно было бы высказать это явленіе души какъ общій фактъ, можно было бы сказать, что то-то и такъ бываетъ. Но Пушкинъ беретъ одинъ случай изъ жизни и, изображая его, высказываетъ тѣмъ самымъ общій смыслъ этого явленія... Дѣйствіемъ этихъ стиховъ въ душѣ нашей изображается, во всей своей особенности, случай жизни, слагается подобіе того состоянія, на которомъ онъ основанъ; мы испытываемъ то же, что испытываетъ человѣкъ, дѣйствительно бывшій въ подобномъ состояній, но испытываемъ не въ самой жизни, а въ воображеніи. Наше отношеніе къ факту, воспроизведенному искусствомъ, есть отношеніе теоретическое, то самое, какое составляетъ сущность знанія. Творчествомъ поэта тяжкая тайна сердца возводится въ свободную сферу созерцанія. Мы можемъ со всею энергіею чувствовать изображенное

здѣсь состояніе, но мы чувствуемъ его не какъ нѣчто дѣйствительно съ нами происходящее; мы получаемъ не связь общихъ представленій, а явленіе жизни во всей его индивидуальности; мы испытываемъ жизнь, но не въ самой жизни, а въ изображеніи, — и ничѣмъ инымъ, какъ только дѣйствіемъ художественнаго изображенія случайное явленіе дѣйствительности пріобрѣтаетъ общее значеніе. Въ художественномъ изображеніи заключается эта тайна чарующаго соединенія безконечной особенности и случайности явленія съ общимъ, существеннымъ значеніемъ. Въ чемъ же состоитъ общій смыслъ изображенія? Въ его истинности. Всѣ черты изображенія дышатъ этою истиной; частный случай становится ея прозрачнымъ выраженіемъ. Художникъ уловилъ въ случаѣ — его сущность, и каждое слово, каждая подробность имѣетъ въ цѣломъ свою силу... Дѣйствительно ли былъ этотъ случай съ Пушкинымъ, какъ онъ изображенъ въ приведенномъ стихотвореніи, или онъ родился въ воображеніи поэта, этого рѣшить мы не можемъ, хотя по нѣкоторымъ указаніемъ г. Анненкова можно положительно заключить, что это точно быль сердца. Предположимъ однако, что именно этого случая не было съ нимъ, — истина стихотворенія, его очарованіе отъ того нисколько не уменьшится. Это очарованіе состоитъ только въ томъ, что въ душѣ нашей изображается совершенно индивидуальное состояніе, вызывается живое чувство со всею опредѣленностію своего настроенія, вся его музыка, какъ предметъ внутренняго вниманія. Очевидно, что произведеніе поэта будетъ тѣмъ выше въ художественномъ отношеніи, чѣмъ дѣйствительнѣе будетъ его слово, т. е. чѣмъ живѣе, опредѣленнѣе, индивидуальнѣе образъ. Надобно, чтобъ явленіе, изображаемое поэтомъ, казалось произведеніемъ не отвлеченной мысли, а дѣйствительности; надобно, чтобъ оно совершенно свободно выражало свою идею, чтобы каждая черта его, взятая порознь, была совершенно случайна, и чтобы только въ своемъ совокупномъ впечатлѣніи всѣ эти случайности становились существеннымъ выраженіемъ своей истины. Она могла бы умереть не подъ голубымъ небомъ своей родины, могъ бы умереть кто-либо другой, могло бы наконецъ вовсе не быть рѣчи о смерти: для общаго смысла, который можемъ мы извлечь изъ приведеннаго стихотворенія, это было бы дѣломъ совершенно случайнымъ, и именно въ этой-то внѣшней случайности состоитъ художественное очарованіе приведенной піески. Только жизнь можетъ вызвать наше участіе, только живое можемъ мы чувствовать, а чтобъ узнать живое, надобно его почувствовать. Чѣмъ, повидимому, случайнѣе предметъ поэтическаго изображенія, чѣмъ онъ индивидуальнѣе, тѣмъ глубже простирается его дѣйствіе, тѣмъ оно выше въ художественномъ отношеніи, тѣмъ плодотворнѣе и, если хотите, тѣмъ полезнѣе, потому что оно несетъ съ собою въ эти глубины свѣтъ сознанія и покоряетъ идеѣ случайныя явленія дѣйствительности... Пушкинъ внесъ въ наше образованіе начало художественное, начало чистой поэзіи... Пушкинъ, можемъ мы сказать, впервые въ исторіи нашего умственнаго образованія коснулся того, что составляетъ основу жизни, коснулся индивидуальнаго, личнаго существованія. Русское слово въ лицѣ Пушкина нашло путь къ жизни и пріобрѣло способность выражать дѣйствительность въ ея внутреннихъ источникахъ. До него поэзія была дѣломъ

школы; послѣ него она стала дѣломъ жизни, ея общественнымъ сознаніемъ. Потому-то Пушкина и назвали первымъ народнымъ поэтомъ нашимъ“.

Лирическое произведеніе такого высокаго художественнаго достоинства свидѣтельствуетъ, что Пушкинъ достигъ совершенства въ поэтическомъ творчествѣ въ эту эпоху своей жизни, эпоху III—IV пѣсенъ „Евгенія Онѣгина“ и „Бориса Годунова“.

Напеч. впервые въ „Сѣв. Цвѣтахъ“ 1828 г.

Подъ небомъ голубымъ страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увяла наконецъ, и вѣрно надо мной
Младая тѣнь уже летала;
Но недоступная черта межъ нами есть.
Напрасно чувство возбуждалъ я:
Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть,
И равнодушно ей внималъ я.
Такъ вотъ кого любилъ я пламенной душой
Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
Съ такою нѣжною, томительной тоской,
Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!
Гдѣ муки, гдѣ любовь? Увы! въ душѣ моей
Для бѣдной, легковѣрной тѣни,
Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней
Не нахожу ни слезъ, ни пени.

---

125. Пророкъ.

(1826).

Пребываніе Пушкина въ Михайловскомъ, между прочимъ, ознаменовано обращеніемъ его къ поэзіи религіозной. Къ 1824 и 1825 годамъ относятся его „Подражанія Корану“ (см. „Эпическія произведенія“) [1]. Одновременно съ этимъ возвращается онъ къ чтенію Библіи (сохранилось свидѣтельство, что онъ читалъ ее и на югѣ). 4 дек. 1824 г. пишетъ онъ брату: „Михайло привезъ мнѣ все благополучно, Библіи нѣтъ. Библія для христіанина — то же, что исторія для народа. Этой фразой (наоборотъ) начиналось предисловіе Исторіи Карамзина [2]). При мнѣ онъ ее и перемѣнилъ“. Судя по тому, что въ слѣдующихъ письмахъ Пушкинъ не упоминаетъ о присылкѣ Библіи, братъ ему выслалъ ее. 7 авг. 1825 г. Плетневъ выслалъ Пушкину, по его же требованію, „Славянскую Грамматику“ Ив. Пенинскаго (Спб. 1825). Въ 1825 г., а можетъ быть и

---

[1]) См. письмо къ брату въ началѣ ноября 1824: „Тружусь во славу Корана“.—[2]) „Исторія есть священная книга народовъ, главная, необходимая“ (Предисл. къ Ист. Госуд. Росс. Карамзина).

ранѣе, Пушкинъ переводилъ отрывки изъ „Пѣсни Пѣсней“ (см. № 108). Теперь, въ 1826 г., обращается онъ къ пророкамъ. При чтеніи пророка Исаіи въ его фантазіи возникаетъ величественный образъ библейскаго пророка, который и воплощается въ знаменитомъ стихотвореніи „Пророкъ“.

Критика неоднократно обращала вниманіе на это замѣчательное произведеніе Пушкина. Бѣлинскій (1844) указываетъ на него, какъ на одно изъ возсозданій красотъ восточной поэзіи высшаго рода, и отнесъ къ „величайшимъ произведеніямъ генія - Протея“; а А. Григорьевъ (1856)—на лицо изображеннаго въ этомъ стихотвореніи пророка какъ на поразительно художественное воплощеніе „самой глубокой, полной объективности“ (ст. 7—14), при чемъ самое стихотвореніе называетъ „однимъ изъ высочайшихъ созданій безсмертнаго нашего Пушкина“.

Въ стихотвореніи этомъ для образа пророка Пушкинъ воспользовался многими чертами VI-й гл. книги Пророка Исаіи. Вотъ это мѣсто:

„Видѣхъ Господа, сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ и исполнь домъ славы его. И Серафими стояху окрестъ его, шесть крилъ единому, и шесть крилъ другому... И рекохъ: о окаянный азъ, яко умилихся, яко человѣкъ сый, и нечисты устнѣ имый, посредѣ людей нечистыя устнѣ имущихъ азъ живу: и царя Господа Саваофа видѣхъ очима моима. И посланъ бысть ко мнѣ единъ отъ Серафимовъ, и въ руцѣ своей имяше угль горящъ, егоже клещами взятъ отъ алтаря: И прикоснуся устнамъ моимъ, и рече: се прикоснуся сіе устнамъ твоимъ, и отъиметъ беззаконія твоя, и грѣхи твоя очиститъ. И слышахъ гласъ Господа, глаголюща: кого послю, и кто пойдетъ къ людемъ симъ? И рекохъ: се азъ есмь: посли мя. И рече: иди, и рцы людемъ симъ...“

Въ своемъ „Пророкѣ“ Пушкинъ въ пластическихъ образахъ символическаго характера, частію заимствованныхъ изъ текста Библіи, частію созданныхъ имъ самимъ, но въ томъ же духѣ, выразилъ пересозданіе всего внутренняго существа человѣка, когда онъ проникся вѣщимъ духомъ пророчества. За освященіемъ внѣшнихъ чувствъ чрезъ воздѣйствіе на ихъ органы, слѣдуетъ освященіе и внутреннихъ чувствъ его: человѣкъ, „влачившійся“ въ пустынѣ съ душою, истомленною чувствомъ неудовлетворенности — чудеснымъ дѣйствіемъ религіознаго вдохновенія преображается въ существо, одаренное высшими дарами Духа, проникающаго во все твореніе, и перевоплощается въ пламеннаго глашатая Божественной истины.

Этотъ образъ высшаго вдохновенія и прозорливости нерѣдко избирали для изъясненія вѣщихъ свойствъ природы поэта. Такъ Ап. Григорьевъ указанными свойствами Пушкинскаго пророка объясняетъ „удивительную тонкость поэтической организаціи, чуткость натуры ко всякому дыханію жизни, отзывчивость на все живое“ въ поэтѣ.

Впервые напечатано въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1828 г., № 3.

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влачился,
И шестикрылый серафимъ
На перепутьи мнѣ явился;
Перстами легкими, какъ сонъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ;

Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И угль, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ.
Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
„Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей!“

V.

Стихотворенія, написанныя по возвращеніи изъ Михайловскаго, до поѣздки на Кавказъ, въ 1826—1829 годахъ.

Московское образованное общество съ восторгомъ привѣтствовало прибытіе Пушкина. Онъ сталъ дѣлиться съ литературнымъ кругомъ новыми произведеніями, привезенными изъ Михайловскаго. Сблизившись съ профессорскимъ кругомъ, Пушкинъ принялъ живое участіе въ замыслѣ его основать журналъ. Мысль эта совпадала съ давнишней мечтой поэта о періодическомъ изданіи съ дѣльнымъ критическимъ отдѣломъ, которое могло бы руководить вкусомъ публики. Редакторомъ ново-основаннаго журнала, „Московскаго Вѣстника", былъ профессоръ М. П. Погодинъ, а помощникомъ его сначала Рожалинъ, а потомъ С. П. Шевыревъ. Пушкинъ, которому было по душѣ художественное направленіе журнала, поддерживалъ его своимъ сотрудничествомъ.

Направленіе журнала укрѣпило и развило въ немъ тотъ взглядъ на художника и искусство, который онъ выразилъ въ стихотвореніяхъ: „Поэтъ" (1827), „Чернь" (1828), „Поэтъ, не дорожи любовію народной (1830), „Эхо" (1831). „Московскій Вѣстникъ", такъ же какъ и альманахъ кн. Одоевскаго и Кюхельбекера „Мнемозина" (4 кн. 1824, 1825), старался ознакомить русскую публику съ нѣмецкою теоріею изящнаго. Туманный языкъ „Мнемозины" былъ причиной малаго успѣха ея эстетическихъ попытокъ. „Московскій Вѣстникъ" предложилъ рядъ теоретическихъ отрывковъ изъ Жанъ-Поля-Рихтера, Тика и Шеллинга, впрочемъ безъ строгой системы. Статьи сотрудниковъ переработывали положенія нѣмецкой теоріи, облекая ихъ въ ту восторженную форму, которая придала особый цвѣтъ этому журналу и нравилась молодымъ читателямъ; журналъ пробуждалъ въ нихъ стремленіе къ изящному. Сущность теоріи, совпавшей съ собственными понятіями Пушкина, состояла въ весьма строгомъ взглядѣ какъ на призваніе художника, такъ и на задачу самаго искусства. Она опредѣлила искусство какъ проявленіе *безконечнаго* въ

конечныхъ формахъ, и ставила ему такимъ образомъ высокую цѣль, независимую отъ требованій современности. Это идеальное пониманіе искусства само собою приводило къ мысли объ исключительномъ и важномъ значеніи художника, посвящающаго жизнь свою искусству. Какъ служитель изящнаго, онъ возвышался надъ толпою, не раздѣлялъ ея стремленій и не раздѣлялъ ея низменныхъ нуждъ (см. стихотв. „Чернь"). Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи ученіе ставило художника самого единственнымъ вѣрнымъ цѣнителемъ своихъ произведеній (см. стихотв. „Поэтъ, не дорожи любовію народной" (1830) [1]).

Время отличалось особеннымъ оживленіемъ литературной дѣятельности какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ. „Всякій день", писалъ Погодинъ объ этой порѣ, „слышалось о чемъ-нибудь новомъ: Языковъ присылалъ изъ Дерпта свои вдохновенные стихи, славившіе любовь, поэзію, молодость, вино; Денисъ Давыдовъ — съ Кавказа; Баратынскій выдавалъ свои поэмы; „Горе отъ ума" Грибоѣдова только что начало распространяться. Пушкинъ прочелъ „Пророка", который послѣ „Бориса Годунова" произвелъ наибольшее дѣйствіе, и познакомилъ насъ съ слѣдующими главами Онѣгина, котораго до тѣхъ поръ напечатана была только первая глава. Между тѣмъ на сценѣ Щепкинъ работалъ надъ Мольеромъ, и С. Т. Аксаковъ переводилъ ему „Скупого" „Загоскинъ писалъ „Юрія Милославскаго". М. Дмитріевъ выступилъ съ своими переводами изъ Шиллера и Гете... А тамъ еще Дельвигъ съ Сѣверными Цвѣтами", Жуковскій съ новыми балладами, Крыловъ съ баснями, которыхъ выходило по одной, по двѣ въ годъ, Гнѣдичъ съ Иліадой, Раичъ съ Тассомъ и Павловъ съ лекціями о натуральной философіи, гремѣвшими въ университетѣ, Давыдовъ съ философскими статьями. Вечера живые и веселые слѣдовали одинъ за другимъ у Елагиныхъ, Кирѣевскихъ, у Веневитинова, у меня, у Соболевскаго, у княгини Волконской. Въ Мицкевичѣ (который жилъ тогда въ Москвѣ, состоя здѣсь на службѣ) открылся даръ импровизаціи. Пріѣхалъ М. И. Глинка — и присоединилась музыка". Зиму 1826 — 1827 г. (за исключеніемъ отлучки мѣсяца на $1^1/_2$ во Псковъ) Пушкинъ прожилъ въ Москвѣ, раздѣляя свое время между литературными сборищами и свѣтскими развлеченіями.

Весною 1827 г. Пушкинъ посѣтилъ Петербургъ, а оттуда вскорѣ проѣхалъ въ Михайловское, въ октябрѣ же снова возвратился въ Петербургъ, гдѣ и провелъ зиму 1827 — 1828 года. Суета столичной жизни стала утомлять его. „Это житье", писалъ онъ г-жѣ Осиповой, „довольно пошло, и я горю желаніемъ измѣнить его тѣмъ или другимъ образомъ. Признаюсь, что шумъ и суета Петербурга сдѣлались мнѣ совершенно чужды; я съ трудомъ ихъ переношу". Сверхъ того его тяготилъ контроль шефа жандармовъ гр. Бенкендрофа, которому онъ долженъ былъ давать отчетъ во всемъ имъ написанномъ. Все это отвлекало его отъ поэзіи, и онъ писалъ мало. Но въ октябрѣ 1828 года его посѣтило вдохновеніе, и онъ на-

---

[1]) См. Анненкова „Матеріалы", стр. 169, 170.

писалъ съ поразительною быстротою поэму „Полтаву“ (см. вступ. зам. къ „Полтавѣ“, т. II).

По окончаніи этого труда, въ концѣ октября, Пушкинъ уѣхалъ въ Малинники (имѣніе Вульфа въ Тверской губ.). Здѣсь онъ снова принялся за работу; здѣсь написано было посвященіе „Полтавы“, окончена VII глава „Евг. Онѣгина“, написанъ „Анчаръ“ и нѣсколько другихъ мелкихъ стихотвореній. Въ январѣ 1829 г. онъ былъ уже въ Москвѣ [1]).

По возвращеніи въ Петербургъ Пушкинъ не остается въ немъ долго. Онъ внезапно задумалъ путешествіе на Кавказъ, и 4 марта 1829 года выправилъ подорожную до Тифлиса. Дорогой онъ снова оставался нѣкоторое время въ Москвѣ. Этотъ пріѣздъ его въ Москву имѣлъ важныя послѣдствія въ будущемъ. Пушкинъ познакомился тамъ съ семействомъ Гончаровыхъ. Молодая и прекрасная собою Н. Н. Гончарова приковала къ себѣ вниманіе Пушкина. Онъ сдѣлалъ предложеніе. Получивъ отвѣтъ уклончивый, Пушкинъ покинулъ Москву. Онъ чувствовалъ теперь какъ нельзя болѣе потребность новыхъ впечатлѣній, которыя могли бы разсѣять его, и 15 мая уже былъ въ Георгіевскѣ, гдѣ впервые началъ свой журналъ, извѣстный подъ заглавіемъ: „Путешествіе въ Арзрумъ“.

---

126. Ив. Ив. Пущину.

(1826).

Стихотвореніе это обращено къ лицейскому товарищу Пушкина Ивану Ивановичу Пущину (см. стр. 203—205), когда онъ былъ въ ссылкѣ за участіе въ дѣлѣ 14 декабря 1825 г. Поэтъ вспоминаетъ посѣщеніе, которымъ такъ обрадовалъ его Пущинъ въ 1825 году въ михайловскомъ уединеніи, и утѣшаетъ его въ далекой ссылкѣ.

Впервые напечатано въ изд. 1838 г.

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!
И я судьбу благословилъ,
Когда мой дворъ уединенный,
Печальнымъ снѣгомъ занесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ.
Молю святое Провидѣнье,
Да голосъ мой душѣ твоей
Даруетъ то же утѣшенье!
Да озаритъ онъ заточенье
Лучемъ лицейскихъ ясныхъ дней.

Псковъ. 13 декабря 1826.

---

[1]) Барсуковъ. Жизнь и Труды Погодина, II, 345 и 346.

137. Стансы.

(1826).

Это стихотвореніе написано въ Москвѣ, по возвращеніи Пушкина изъ михайловской ссылки. Онъ воспрянулъ духомъ. Чувства, вызванныя милостями молодого государя, выразилъ онъ въ этомъ стихотвореніи, написанномъ 22 декабря въ домѣ одного изъ московскихъ знакомцевъ—Зубкова.

Оно имѣетъ форму обращенія къ государю Николаю Павловичу, котораго поэтъ сопоставляетъ съ Петромъ Великимъ. Строфа 4-я представляетъ сжатую и выразительную характеристику этого монарха.

„Изъ мелкихъ произведеній Пушкина", писалъ Бѣлинскій (1844), „отличаются присутствіемъ глубокой и яркой мысли и вмѣстѣ съ тѣмъ національнаго чувства, въ истинномъ значеніи этого слова, стихотворенія, посвященныя памяти Петра Великаго... Пушкинъ нигдѣ не является ни столько высокимъ, ни столько національнымъ поэтомъ, какъ въ тѣхъ вдохновенныхъ произведеніяхъ, которыми обязанъ онъ великому имени (Петра В.). Эги стихотворенія достойны своего высокаго предмета... Изъ мелкихъ стихотвореній Петру посвящены только двѣ піесы, но это – перлы поэзіи Пушкина. Кромѣ простоты и величія въ мысляхъ, въ чувствахъ и въ выраженіи, есть что-то руское, народное въ самомъ тонѣ и складѣ этихъ піесъ. Кто изъ образованныхъ русскихъ (если онъ только дѣйствительно русскій) не знаетъ превосходной піесы, носящей скромное и повидимому незначительное названіе „Стансовъ"? Эта піеса драгоцѣнна русскому сердцу въ двухъ отношеніяхъ: въ ней, словно изваянный, является колоссальный образъ Петра; въ связи съ нимъ находимъ въ ней поэтическое пророчество..." Выписавъ затѣмъ стансы, Бѣлинскій прибавляетъ: „Какое величіе и какая простота выраженія! Какъ глубоко знаменательны, какъ возвышенно благородны эти простыя житейскія слова: „плотникъ" и „работникъ"! — Подъ вторымъ мелкимъ стихотвореніемъ о Петрѣ Бѣлинскій разумѣетъ „Пиръ Петра Великаго" (1835 года, см. вступ. зам. къ нему).

Впервые напечатано въ „Моск. Вѣстника" 1828 г., № 1, безъ подписи автора.

---

1 Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни:
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

2 Но правдой онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ нимъ отличенъ Долгорукій.

3 Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.

4 То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

5 Семейнымъ сходствомъ будь же гордъ.
Во всемъ будь пращуру подобенъ:
Какъ онъ, неутомимъ и твердъ,
И памятью, какъ онъ, незлобенъ.

---

128. Кн. З. А. Волконской.

(ПРИ ПОСЫЛКѢ ЕЙ ПОЭМЫ: ЦЫГАНЫ).

(1828).

Княгиня Зинаида Александровна Волконская, урожденная княжна Бѣлосельская, родственница Раевскихъ (№ 63), отличалась красотою, талантомъ пѣвицы и любовью къ литературѣ. Она сама писала стихи и прозу, которые были недавно изданы заграницею (гдѣ она провела послѣдніе годы своей жизни).

Въ одномъ стихотвореніи Козлова мы имѣемъ поэтическій портретъ кн. З. А. Волконской:

...А я, я слезъ не проливалъ,
Волшебнымъ голосомъ плѣненный;
Я только помню, что видалъ
Пѣвицы образъ несравненный.

О, помню я, какимъ огнемъ
Сіяли очи голубыя,
Какъ на челѣ ея младомъ
Вилися кудри золотыя!

И помню звукъ ея рѣчей,
Какъ помнятъ чувство дорогое;
Онъ слышится въ душѣ моей;
Въ немъ было что-то неземное.

Она, она—передо мной,
Когда таинственная лира
Звучитъ о Пери молодой
Долины свѣтлой Кашемира.

Звѣзда любви надъ ней горитъ,
И—станъ обхваченъ пеленою—
Она эѳирная летитъ,
Чуть озаренная луною.

Изъ лилій съ розами вѣнокъ
Небрежно волосы вѣнчаетъ,
И локоны ея взвѣваетъ
Душистой ночи вѣтерокъ.

Пушкинъ посѣщалъ домъ кн. Волконской въ зиму 1826—1827 г. и написалъ ей свой мадригалъ.

Напечатано впервые въ „Моск. Вѣстн.“ 1827, № 9.

Среди разсѣянной Москвы,
При толкахъ виста и бостона,
При бальномъ лепетѣ молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица музъ и красоты,
Рукою нѣжной держишь ты
Волшебный скипетръ вдохновеній,
И надъ задумчивымъ челомъ,
Двойнымъ увѣнчаннымъ вѣнкомъ,
И вьется и пылаетъ геній.
Пѣвца плѣненнаго тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли съ улыбкой голосъ мой,
Какъ мимоѣздомъ Каталани [1])
Цыганкѣ внемлетъ кочевой.

---

1) Каталани Анжелика, знаменитая итальянская пѣвица (1783—1849). Будучи въ Москвѣ, она пожелала услышать своеобразное пѣніе московскихъ цыганъ.

129. Эпиграмма.

(на а. н. муравьева).

(1827).

Андрей Николаевичъ Муравьевъ въ своей брошюркѣ: „Знакомство съ русскими поэтами“, разсказываетъ, что въ эту же зиму, бывая на вечерахъ и маскарадахъ въ салонѣ кн. Волконской и Бѣлосельскихъ, однажды по неловкости онъ сломалъ руку колоссальной гипсовой статуи Аполлона, украшавшей театральную залу, и тотчасъ же на пьедесталѣ ея написалъ стихи въ свое оправданіе. Пушкину, не разобравшему ихъ, показалось, что Муравьевъ называетъ себя въ нихъ соперникомъ Аполлона, и написалъ на него эту эпиграмму.

Первые 4 стиха заключаютъ превосходное изображеніе извѣстной статуи Аполлона Бельведерскаго.

Напеч. впервые въ „Московск. Вѣстникѣ“ 1827, № 8.

Лукъ звенитъ, стрѣла трепещетъ,
И клубясь издохъ Пиѳонъ,
И твой ликъ побѣдой блещетъ
Бельведерскій Аполлонъ! [1])
Кто жъ вступился за Пиѳона,
Кто разбилъ твой истуканъ?
Ты, соперникъ Аполлона,
Бельведерскій Митрофанъ!

---

130. Подруга дней моихъ суровыхъ...

(къ нянѣ).

(1827).

Наряду съ письмами отъ различныхъ знаменитостей русскаго общества, Пушкинъ хранилъ и письма старой няни своей. Одно изъ нихъ (отъ 6 марта) свидѣтельствуетъ, что Пушкинъ съ своей стороны писалъ къ ней и посылалъ ей деньги; она же въ разлукѣ съ нимъ, ожидая нетерпѣливо новаго свиданія, молилась за него и посылала свои совѣты. Вотъ одно изъ этихъ писемъ: „Любезный мой другъ Александръ Сергѣевичъ, я получила письмо и деньги, которыя Вы мнѣ прислали. За всѣ Ваши милости я Вамъ всѣмъ сердцемъ благодарна. Вы у меня безпрестанно въ сердцѣ и на умѣ, и только когда засну, забуду Васъ. Пріѣзжай, мой ангелъ, къ намъ въ Михайловское—всѣхъ лошадей на дорогу выставлю. Я Васъ буду ожидать и молить Бога, чтобы Онъ далъ намъ свидѣться. Прощай, мой батюшка Александръ

---

1) Ср. у Державина:
Я вижу, вижу Аполлона
Въ тотъ мигъ какъ онъ сразилъ Тифона
Божественной своей стрѣлой;
Зубчата молнія сверкаетъ,
Звенитъ въ рукѣ священный лукъ,
Ужасная змія зіяетъ
И въ мигъ свой испускаетъ духъ.

Сергѣевичъ. За Ваше здоровье я просвиру вынула и молебенъ отслужила— поживи дружечекъ, хорошенько—самому слюбится. Я, слава Богу, здорова. Цѣлую ваши ручки и остаюсь васъ многолюбящая няня ваша Арина Родіоновна. Тригорское. Марта 6 [1])".

Неоконченный отрывокъ „Подруга дней моихъ суровыхъ" служитъ какъ бы отвѣтомъ на это письмо няни. Поэтъ изображаетъ ее именно въ минуту ожиданія своего питомца и заботливыхъ думъ о немъ. Ср. № 109.

Вскорѣ старушка скончалась въ домѣ сестры Пушкина, Ольги Сергѣевны Павлищевой, въ половинѣ 1827 года, лѣтъ 70-ти отъ роду.

Напеч. впервые въ „Матэріалахъ" г. Анненкова 1855 г.

Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя!
Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
Горюешь, будто на часахъ,
И медлятъ поминутно спицы
Въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ.
Глядишь въ забытыя ворота
На черный отдаленный путь:
Тоска, предчувствія, заботы
Тѣснятъ твою всечасно грудь...
То чудится тебѣ...

---

131. Есть роза дивная...

(1827).

Стихотвореніе это написано въ Москвѣ 1 апрѣля 1827 г. Оно было помѣщено въ автографическомъ снимкѣ Погодинымъ въ его „Историческомъ Альбомѣ" 1853 г., а затѣмъ напечатано въ „Библ. Зап." 1859, № 6.

Есть роза дивная: она
Предъ изумленною Киѳерой [1])
Цвѣтетъ румяна и пышна,
Благословенная Венерой.
Вотще Киѳеру и Паѳосъ [2])
Мертвитъ дыханіе мороза—
Блеститъ между минутныхъ розъ
Неувядаемая роза...

---

[1]) Анненковъ. Матеріалы. 4. По преданію, няня Арина Родіоновна была старушка почтенная, лицомъ полная, совсѣмъ сѣдая, любившая страстно своего питомца. Она была не прочь иногда и выпить (см. у Семевскаго. Спб. Вѣд. 1866, № 163).

[1]) Киѳера—городъ на о. Критѣ.— [2]) Паѳосъ—городъ на о. Критѣ.

132. Е. Н. Ушаковой.

(1827).

Стихотвореніе это было написано Пушкинымъ 3 апрѣля 1827 г. въ Москвѣ, въ альбомъ Екатеринѣ Николаевнѣ Ушаковой.

Оно относится къ первой порѣ знакомства съ Ушаковыми, съ которыми поэтъ сблизился въ особенности зимою 1829—1830 года (см. стих. 1829 г.: „Вы избалованы природой“ и „Въ отдаленіи отъ Васъ“, и 1830 г.: „Отвѣтъ“).

На Прѣснѣ, близъ Прѣсненскихъ прудовъ, стоялъ большой барскій домъ, принадлежавшій Ушаковымъ. Двѣ миловидныя дочки Ушаковыхъ, Елизавета и Екатерина Николаевны, привлекали въ домъ этотъ многихъ знакомцевъ. Въ числѣ ихъ былъ и Пушкинъ. Памятниками этого знакомства остались альбомы обѣихъ сестеръ, въ которыхъ онъ писалъ свои стихи и набрасывалъ перомъ рисунки [1]).

Напеч. впервые въ „Библ. Зап.“ 1859, № 6.

Когда, бывало, въ старину,
Являлся духъ, иль привидѣнье,
То отгоняло сатану
Пустое это изреченье:
„Аминь, аминь, разсыпься!“ Въ наши дни
Гораздо менѣе бѣсовъ и привидѣній
(Богъ вѣдаетъ, куда дѣвалися они...);
Но ты—мой злой иль добрый геній!
Когда я вижу предъ собой
Твой профиль, иль глаза, и кудри золотыя,
Когда я слышу голосъ твой
И рѣчи рѣзвыя, живыя—
Я очарованъ, я горю,
Я содрогаюсь предъ тобою
И сердца пылкаго мечтою
„Аминь, аминь, разсыпься“! говорю.

133. Три ключа.

(1827).

Стихотвореніе это, написанное уже въ Спб. 27 іюля, принадлежитъ къ числу произведеній, которыхъ Пушкинъ не напечаталъ при жизни. Бѣлинскій (1844) называетъ его однимъ изъ лучшихъ твореній Пушкина.

По выраженному въ этой элегіи чувству она имѣетъ сходство съ стихотвореніемъ „Гробъ юноши“ 1821 г. (№ 69).

Напеч. впервые въ „От. Зап.“ 1841, № 1.

[1]) См. объ одномъ изъ этихъ альбомовъ во вступит. замѣткѣ къ стих.: „Вы избалованы природой“ 1829 г.

Въ степи мірской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа:
Ключъ юности—ключъ быстрый и мятежный,
Кипитъ, бѣжитъ, сверкая и журча;
Кастальскій ключъ волною вдохновенья
Въ степи мірской изгнанниковъ поитъ;
Послѣдній ключъ—холодный ключъ забвенья:
Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолитъ.

---

134. Къ Языкову.

(1827).

Это стихотвореніе заключаетъ характеристику поэзіи Языкова, къ нему самому обращенную. Оно написано въ отвѣтъ на посланіе Языкова, стиль котораго Пушкинъ передразнилъ съ свойственнымъ ему искусствомъ въ этомъ посланіи. Языковъ воспѣлъ счастливые дни, проведенные въ 1826 г. въ Михайловскомъ и Тригорскомъ (см. № 89). Языковъ въ своемъ посланіи писалъ между прочимъ:

Огнемъ стиховъ ознаменую
Тѣ достохвальные края
И ту годину золотую,
Гдѣ и когда мы—ты да я—
Два сына Руси православной,
Постановили своенравно
Нашъ поэтическій союзъ.
Пророкъ изящнаго! забуду ль
Какъ волновалася во мнѣ,
На самой сердца глубинѣ,
Восторговъ пламенная удаль?
Когда могущественный ромъ
Съ плодами сладостной Мессины:
Съ немного сахара, съ виномъ,
Переработанный огнемъ,
Лился въ стаканы-исполины,—
Какъ мы, бывало, пьемъ да пьемъ,
Творимъ обѣты нашей Гебѣ [1]) и т. д.

Пушкинъ получилъ это посланіе еще 9 ноября 1826 г. въ Михайловскомъ, куда заѣхалъ изъ Москвы [2]). „Ты не повѣришь“, писалъ онъ по поводу его кн. Вяземскому, „какъ онъ (т. е. Языковъ) развернулся, и чтó изъ него будетъ. Если ужъ завидовать, такъ вотъ кому я долженъ бы завидовать“ (это намекъ на замѣчаніе кн. Вяземскаго, будто Пушкинъ завидовалъ стихамъ И. И. Дмитріева). „Онъ всѣхъ насъ стариковъ за поясъ заткнетъ“.

Пушкинъ привезъ въ Москву и другое стихотвореніе Языкова („Тригорское“), и сообщая ему объ участіи своемъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ Погодина, называетъ и Языкова его сотрудникомъ и проситъ позволенія напечатать „Тригорское“ въ этомъ журналѣ. „Пора задушить альманахи“, пишетъ Пушкинъ: „Дельвигъ нашъ; одинъ Вяземскій остался твердъ и вѣренъ „Телеграфу“—жаль, но что дѣлать“?

Напеч. впервые въ „Моск. Вѣстн.“ 1827, № 9.

---

1) т. е. Евпраксіи Николаевнѣ Вульфъ, которая искусно варила жженку дорогимъ гостямъ Тригорскаго (См. стр. 193). — 2) Въ проѣздъ свой чрезъ Псковъ 13 декабря Пушкинъ послалъ посланіе Пущину (№ 126). Посланіе же Языкову написано, по соображеніямъ г. Якушкина, уже 28 августа (Р. С. 1884. Май, 346).

Языковъ! кто тебѣ внушилъ
Твое посланье удалое?
Какъ ты шалишь, и какъ ты милъ,
Какой избытокъ чувствъ и силъ,
Какое буйство молодое!
Нѣтъ, не кастальскою водой
Ты воспоилъ свою Камену;
Пегасъ иную Ипокрену
Копытомъ вышибъ предъ тобой.
Она не хладной льется влагой,
Но пѣнится хмельною брагой;
Она разымчива, пьяна,
Какъ сей напитокъ благородный,
Сліянье рому и вина
Безъ примѣси воды негодной,
Въ Тригорскомъ жаждою свободной
Открытый въ наши времена.

28 августа.

---

135. Ангелъ
(1827).

Это стихотвореніе, отнесенное Н. Полевымъ (1833) къ числу „отличительныхъ“ созданій Пушкина, на ряду съ написанными ранѣе „Наполеономъ“ (№ 68), „Демономъ“ (№ 80) и элегіями „къ Морю“ (№ 87) и „Андрей Шенье“ (№ 97). Въ „Ангелѣ“, писалъ онъ, „глубоко запавшее въ душу самого отверженнаго духа зерно неба, и полное презрѣніе ко всему не небесному“.— Бѣлинскій (1844) также отнесъ это стихотвореніе къ числу лучшихъ произведеній Пушкина. По мнѣнію Анненкова (1855), „представленіе демона здѣсь смягчено подъ дѣйствіемъ жизни и, можетъ быть, личнаго опыта“.

Напеч. впервые въ „Сѣв. Цв.“ 1828 г.

---

1 Въ дверяхъ эдема ангелъ нѣжный
Главой поникшею сіялъ,
А демонъ мрачный и мятежный
Надъ адской бездною леталъ.
2 Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
На духа чистаго взиралъ,
И жаръ невольный умиленья
Впервые смутно познавалъ.
3 Прости, онъ рекъ, тебя я видѣлъ,
И ты недаромъ мнѣ сіялъ:
Не все я въ мірѣ ненавидѣлъ,
Не все я въ мірѣ презиралъ.

---

136. Талисманъ.

(1827).

По замѣчанію Анненкова, первая мысль этого стихотворенія принадлежитъ еще къ 1824 г., а въ 1827 году оно отдѣлано окончательно. Существуетъ преданіе, что это стихотвореніе имѣетъ отношеніе къ извѣстному перстню Пушкина, которому онъ приписывалъ силу талисмана. Онъ былъ подаренъ ему въ Одессѣ кн. Елизаветой Ксаверіевной Воронцовой. Пушкинъ носилъ его до самой смерти, послѣ которой Жуковскій снялъ его съ руку мертваго Пушкина; потомъ отъ сына Жуковскаго перстень перешелъ въ собственность покойнаго И. С. Тургенева, который доставлялъ его въ 1880 г. на московскую Пушкинскую выставку Общества Любителей Россійской Словесности. Въ изданномъ этимъ обществомъ „Альбомѣ Пушкинской выставки“ помѣщенъ снимокъ съ печати этого перстня. Таинственный характеръ перстню придавала его восточная надпись. (Она оказалась еврейскою: „Симха, сынъ почтеннаго рабби Іосифа. Да будетъ благословенна его память“ [1]).

Содержаніе стихотворенія имѣетъ несомнѣнную связь съ обстоятельствами южной жизни Пушкина.

Стиль этого произведенія носитъ характеръ подражанія восточной поэзіи (ср. № 51 и № 7 II т.). Здѣсь усвоены ея антитезы и параллелизмъ въ расположеніи мыслей. Однообразное окончаніе каждой строфы, сверхъ того, придаетъ мелодіи стихотворенія характеръ тѣхъ монотонныхъ мотивовъ, которыми отличается музыка востока. Сила же чувства, заключающагося въ каждомъ словѣ, и обиліе здѣсь высказанныхъ думъ, которыя какъ бы долго сберегались любящею душою для послѣдней минуты разставанія, — представляютъ оригинальный контрастъ съ этой мелодіей стиха, сообщающій словамъ заклинанія напряженный тонъ глубокаго чувства.

Напеч. впервые въ „Альб. Сѣв. Музъ“ 1828 г.

---

1 Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ
На пустынныя скалы,
Гдѣ луна теплѣе блещетъ
Въ сладкій часъ вечерней мглы,
Гдѣ, въ гаремахъ наслаждаясь,
Дни проводитъ мусульманъ:
Тамъ волшебница, ласкаясь,
Мнѣ вручила талисманъ.

2 И, ласкаясь, говорила:
„Сохрани мой талисманъ—
Въ немъ таинственная сила!
Онъ тебѣ любовью данъ.
Отъ недуга, отъ могилы,

---

[1]) См. стр. 168 „Альбома“. Этотъ сердоликовый перстень не должно смѣшивать съ другимъ, изумруднымъ перстнемъ безъ всякой надписи, также носимымъ Пушкинымъ, а по его смерти переданнымъ В. И. Далю, и перешедшимъ нынѣ въ собственность дочери его, О. В. Демидовой.

Въ бурю, въ грозный ураганъ,
Головы твоей, мой милый,
Не спасетъ мой талисманъ.
3 И богатствами Востока
Онъ тебя не одаритъ,
И поклонниковъ пророка
Онъ тебѣ не покоритъ;
И тебя на лоно друга,
Отъ печальныхъ чуждыхъ странъ,
Въ край родной на сѣверъ съ юга
Не умчитъ мой талисманъ...
4 Но когда коварны очи
Очаруютъ вдругъ тебя,
Иль уста во мракѣ ночи
Поцѣлуютъ не любя:
Милый другъ! отъ преступленья,
Отъ сердечныхъ новыхъ ранъ,
Отъ измѣны, отъ забвенья
Сохранитъ мой талисманъ“!

---

137. Черепъ.

(ПОСЛАНІЕ КЪ ДЕЛЬВИГУ).

(1827).

Мысль о черепѣ, который служилъ бы чашею, не есть собственное изобрѣтеніе Пушкина. Байронъ отполировалъ черепъ, отрытый его садовникомъ въ землѣ и принадлежавшій, по всей вѣроятности, какому-нибудь монаху стараго аббатства, сочинилъ „Надпись на кубкѣ изъ черепа“ (1808). Пушкину вздумалось предложить Дельвигу сдѣлать то же употребленіе изъ черепа его предка, будто бы попавшаго въ руки его пріятеля Вульфа. Таково содержаніе этого юмористическаго посланія.

Послѣ характеристики этого фантастическаго Дельвигова предка, слѣдуетъ изображеніе еще двухъ типическихъ фигуръ въ обстановкѣ нѣмецкаго города: первая—житель трактирной каморки, студентъ, полный самодовольства, имѣющій претензію быть мыслителемъ, въ сущности просто пьяница и праздный чудакъ, болѣе всего озабоченный тѣмъ, чтобы странною обстановкою придать себѣ видъ оригинала; затѣмъ—фигура церковнаго кистера, котораго „косматый баловень природы“ склонилъ, воспользовавшись склонностію его къ пиву, похитить одинъ изъ скелетовъ ввѣреннаго ему городского кладбища. Слѣдуетъ живая картина этого похищенія. Печальный исходъ всей затѣи переданъ въ прозѣ, за которою слѣдуетъ стихотворное окончаніе посланія, гдѣ поэтъ, шутя, предлагаетъ другу своему воспользоваться черепомъ высокороднаго предка для кубка.

„Стих. „Черепъ“, пишетъ г. Гаевскій (Дельвигъ, I, 58, Совр. 1853), „можетъ служить примѣромъ строгости поэта къ самому себѣ: великій худож-

никъ не допускалъ поспѣшности и неоконченности въ своихъ произведеніяхъ, и стихотвореніе это, начатое еще въ іюлѣ (а можетъ быть и раньше), было кончено только въ октябрѣ. Въ письмѣ отъ 31 іюля, посылая Дельвигу для „Сѣв. Цвѣтовъ“ элегію свою „Подъ небомъ голубымъ страны своей родной“, Пушкинъ пишетъ ему: „Если кончу посланіе къ тебѣ о черепѣ твоего дѣда, то мы и его тиснемъ“. Слѣдовательно стихотвореніе это было тогда уже начато, и поэтъ не былъ увѣренъ, что онъ скоро его окончитъ“.

Напечатано впервые въ „Сѣв. Цв.“ 1828 г. съ подписью: *Я* [1]).

Прими сей черепъ, Дельвигъ: онъ
Принадлежитъ тебѣ по праву.
Тебѣ повѣдаю, баронъ,
Его готическую славу.
Почтенный черепъ сей не разъ
Парами Вакха нагрѣвался;
Литовскій мечъ въ недобрый часъ
По немъ со звономъ ударялся;
Сквозь эту кость не проходилъ
Лучъ животворный Аполлона;
Ну, словомъ, черепъ сей хранилъ
Тяжеловѣсный мозгъ барона,
Барона Дельвига. Баронъ
Конечно былъ охотникъ славный,
Наѣздникъ, чаши другъ исправный,
Гроза вассаловъ и ихъ женъ,
Мой другъ, таковъ былъ вѣкъ суровый;
И предокъ твой крѣпкоголовый
Смутился бъ рыцарской душой,
Когда бъ тебя передъ собой
Увидѣлъ безъ одежды бранной,
Съ главою, миртами вѣнчанной,
Въ очкахъ [2]) и съ лирой золотой.

Покойникомъ въ церковной книгѣ
Ужъ былъ давно записанъ онъ,
И съ предками своими въ Ригѣ
Вкушалъ непробудимый сонъ.
Баронъ въ обители печальной
Доволенъ впрочемъ былъ судьбой,
Пастора лестью погребальной,
Гербомъ гробницы феодальной
И эпитафіей плохой.
Но въ наши безпокойны годы
Покойникамъ покою нѣтъ.
Косматый баловень природы,
И математикъ, и поэтъ,
Буянъ задумчивый и важный,
Хирургъ, юристъ, физіологъ,
Идеологъ и филологъ,
Короче вамъ — студентъ присяжный,
Съ витою трубкою въ зубахъ,
Въ плащѣ, съ дубиной и въ усахъ,
Явился въ Ригѣ. Тамъ спесиво
Въ трактирахъ сталъ онъ пѣнить пиво
Въ дыму табачныхъ облаковъ,
Бродить надъ берегами моря,
Мечтать о Лотхенъ, или съ горя
Стихи писать, да бить жидовъ.
Студентъ подъ лѣстницей трактира
Въ каморкѣ темной жилъ одинъ:

---

1) Такая подпись дала поводъ къ толкамъ, что стихотвореніе написано Языковымъ. Самъ же Пушкинъ говорилъ, что, въ этомъ *Я* „всякій узнаетъ, что это *Я*—я.— 2) Дельвигъ былъ очень близорукъ и носилъ очки съ юношескаго возраста. На портретѣ Дельвига, писанномъ еще въ Лицеѣ (акварель), онъ изображенъ въ очкахъ и въ лицейскомъ сюртукѣ. На другихъ портретахъ, изъ которыхъ самый похожій— приложенный къ альманаху „Царское Село“, Дельвигъ также изображенъ въ очкахъ.

Тамъ въ видѣ зеркалъ и картинъ,
Короткій плащъ, картузъ, рапира
Висѣли на стѣнѣ рядкомъ.
Полуизмаранный альбомъ,
Творенья Фихте и Платона,
Да два восточныхъ лексикона,
Подъ паутиною въ углу,
Лежали грудой на полу—
Предметъ занятій разнородныхъ
Ученаго, да крысъ голодныхъ.
Мы знаемъ: роскоши пустой
Почтенный мыслитель не ищетъ;
Смѣясь надъ глупой суетой,
Въ чуланѣ онъ безпечно свищетъ.
Умѣренность, вѣщалъ мудрецъ,
Сердецъ высокихъ отпечатокъ.
Студентъ, однакожъ, наконецъ
Замѣтилъ важный недостатокъ
Въ своемъ быту: ему предметъ
Необходимый былъ... скелетъ;
Предметъ философамъ любезный,
Предметъ пріятный и полезный
Для глазъ и сердца, слова нѣтъ:
Но гдѣ достанетъ онъ скелетъ?
Вотъ онъ однажды, въ воскресенье
Сошелся съ кистеромъ градскимъ,
И, тотчасъ взявъ въ соображенье
Его характеръ и служенье,
Рѣшился подружиться съ нимъ.
За кружкой пива мой мечтатель
Открылся кистеру душой
И говоритъ: нельзя ль, пріятель,
Тебѣ досужною порой
Свести меня въ подвалъ могильный,
Костями праздными обильный,
И между тѣмъ одинъ скелетъ
Помочь мнѣ вынести на свѣтъ?
Клянусь тебѣ айдесскимъ богомъ:
Онъ будетъ дружбы мнѣ залогомъ
И до моихъ послѣднихъ дней
Красой обители моей.
Смутился кистеръ изумленный.
„Что за желанье? что за страсть?
Итти въ подвалъ уединенный,
Встревожить мертвыхъ сномъ [a] почтенный,
И одного изъ нихъ украсть!
И кто же?... Онъ, гробовъ хранитель!
Что скажутъ мертвые потомъ?"
Но пиво, страха усыпитель,
И гнѣвной совѣсти смиритель,
Сомнѣнья разрѣшило въ немъ.
Ну, такъ и быть! Даетъ онъ слово,
Что къ ночи будетъ все готово,
И другу назначаетъ часъ.
Они разстались.
День угасъ.
Настала ночь. Плащомъ покрытый,
Стоитъ герой нашъ знаменитый
У галлереи гробовой,
И съ нимъ преступный кистеръ мой,
Держа въ рукѣ фонарь разбитый,
Готовъ на подвигъ роковой.
И вотъ визжитъ замокъ заржавый,
Визжитъ предательская дверь—
И сходятъ витязи теперь
Во мракъ подвала величавый;
Сіяньемъ тощимъ фонаря
Глухіе своды озаря,
Идутъ,—и эхо гробовое,
Смущенное въ своемъ покоѣ,
Протяжно вторитъ звукъ шаговъ.
Предъ ними длинный рядъ гробовъ;
Вездѣ щиты, гербы, короны;
Въ тщеславномъ тлѣніи кругомъ
Почіютъ непробуднымъ сномъ
Высокородные бароны...

Я бы никакъ не осмѣлился оставить риѳмы въ эту поэтическую минуты, если бы твой прадѣдъ, коего гробъ попался подъ руку студента, вздумалъ за себя вступиться, ухватя его за воротъ, или погрозивъ ему костянымъ кулакомъ, или какъ-нибудь иначе оказавъ свое неудовольствіе; къ несчастію, похищенье совершилось

[a] сонъ (изд. О. д. п. н. л. и у.).

благополучно. Студентъ по частямъ разобралъ всего барона, и набилъ карманы костями его. Возвратясь домой, онъ очень искусно связалъ ихъ проволокою, и такимъ образомъ составилъ себѣ скелетъ очень порядочный. Но вскорѣ молва о перенесеніи бароновыхъ костей изъ погреба въ трактирный чуланъ разнеслася по городу. Преступный кистеръ лишился мѣста, а студентъ принужденъ былъ бѣжать изъ Риги, и какъ обстоятельства не позволяли ему брать съ собою *будущаго*, то, разобравъ опять барона, раздарилъ онъ его своимъ друзьямъ. Большая часть высокородныхъ костей досталась аптекарю. Мой пріятель Вульфъ получилъ въ подарокъ черепъ, и держалъ въ немъ табакъ. Онъ разсказалъ мнѣ его исторію и, зная, сколько я тебя люблю, уступилъ мнѣ черепъ одного изъ тѣхъ, которымъ обязанъ я твоимъ существованіемъ.

Прими жъ сей черепъ, Дельвигъ: онъ
Принадлежитъ тебѣ по праву.
Обдѣлай ты его, баронъ,
Въ благопристойную оправу.
Издѣлье гроба преврати
Въ увеселительную чашу,
Виномъ кипящимъ освяти,
Да запивай уху да кашу.
Пѣвцу Корсара подражай,
И скандинавовъ рай воинскій
Въ пирахъ домашнихъ воскрешай;
Или, какъ Гамлетъ-Баратынскій,
Надъ нимъ задумчиво мечтай [3]):
О, жизни мертвый проповѣдникъ,
Виномъ ли полный иль пустой,
Для мудреца, какъ собесѣдникъ,
Онъ стóитъ головы живой“.

---

138. Соловей.

(1827).

Это стихотвореніе находится въ связи съ другими стихотвореніями второй половины того же года: „Поэтъ“ (№ 139) и переводомъ изъ Шенье (№ 140). Они были плодомъ мыслей о **поэтѣ**: свойствахъ его вдохновенія, объ отношеніи къ нему общества и его отношеніи къ обществу, среди котораго живетъ онъ. См. также № 158. Въ „Соловьѣ“ выражается частная мысль—о безотзывности, ожидающей поэта, какъ пѣвца любви.

Напеч. впервые въ „Литературномъ Музеумѣ“ на 1827 г.)

---

3) У Баратынскаго есть стихотвореніе „Черепъ“, напечатанное въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ 1825 года. Мысль этого стихотворенія выражена въ 6-й и 7-й строфахъ его:

Гробъ вопрошать дерзаетъ человѣкъ—
О, суетный, безумецъ изыскатель!
„Живи живой, тлѣй мертвый“!
—вотъ что рекъ
Всего яснѣй таинственный Создатель.
Его судьбамъ покорно гробъ молчитъ.
Зачѣмъ же насъ несбывшимся онъ мучитъ?
Пусть радости живущимъ жизнь даритъ,
А смерть сама ихъ умереть научитъ“!

Г. Галаховъ въ статьѣ о Баратынскомъ (въ Отечественныхъ Запискахъ) объясняетъ слѣдующимъ образомъ подмѣченное Пушкинымъ сходство Баратынскаго съ Гамлетомъ: „Въ обоихъ — энергія жизни, восторженность, страсти, желанія умерщвлены тѣмъ анализомъ, который послѣднимъ своимъ заключеніемъ приходитъ къ развалинамъ; въ обоихъ скорбь питается мыслію, и эта скорбь въ обоихъ одинаковаго свойства: тихая, сознающая свое начало, не видящая себѣ конца“.

Въ безмолвіи садовъ, весной, во мглѣ ночей
Поетъ надъ розою восточный соловей;
Но роза милая не чувствуетъ, не внемлетъ,
И подъ влюбленный гимнъ колеблется и дремлетъ.
Не такъ ли ты поешь для хладной красоты?
Опомнись, о поэтъ, къ чему стремишься ты?
Она не слушаетъ, не чувствуетъ поэта;
Глядишь—она цвѣтетъ; взываешь—нѣтъ отвѣта!

---

139. Поэтъ.
(1827).

Это знаменитое стихотвореніе (написанное 15 августа) есть художественная характеристика природы поэта, какъ понималъ ее Пушкинъ. Здѣсь изображенъ поэтъ въ моментъ вдохновенія, въ противоположности съ тѣмъ его состояніемъ, когда вдохновеніе не посѣщаетъ его, „когда онъ малодушно погружается“ въ мелочи жизни. Такое противоположеніе вытекало изъ личнаго опыта Пушкина (ср. „Возрожденіе“, № 43), но вмѣстѣ съ тѣмъ заключаетъ и общее опредѣленіе художническаго вдохновенія, которое есть высшее просвѣтлѣніе поэтической личности, и потому не можетъ быть постояннымъ свойствомъ человѣка.

Въ своей характеристикѣ поэта въ моментъ творчества Пушкинъ (опять согласно съ личнымъ опытомъ) ставитъ необходимымъ условіемъ этого состоянія—разрывъ съ низменными интересами „ничтожныхъ дѣтей міра“, независимость, удаленіе въ одиночество среди природы. Въ чертахъ вдохновительной для поэта природы нельзя на узнать вдохновлявшія его волны Чернаго моря (ст. 19) и михайловскія рощи (ст. 20) [1]. Внутреннее просвѣтлѣніе поэта нашло свое выраженіе въ образѣ пробудившагося орла (ст. 12). Образъ этотъ напоминаетъ „испуганную орлицу“ его „Пророка“ (№ 125, ст. 8). Черезъ это сравненіе какъ нельзя лучше выражена энергія и проницательность поэтической натуры.

Говоря объ отношеніи между поэтомъ и обществомъ, Бѣлинскій (1844) свидѣтельствуетъ, что „самый неумѣренный восторгъ возбудили самыя слабыя въ художественномъ отношеніи піесы Пушкина, но въ нихъ видна была сильная одушевленная субъективнымъ стремленіемъ личность. И чѣмъ совершеннѣе становится Пушкинъ, какъ художникъ, тѣмъ болѣе скрывалась и исчезала его личность за чуднымъ роскошнымъ міромъ его поэтическихъ созерцаній... Избранный Пушкинымъ путь оправдывается его натурою и призваніемъ: онъ не палъ, а только сдѣлался самимъ собою“. Эти слова Бѣлинскаго какъ нельзя болѣе подтверждаютъ, что вдохновеніе Пушкина было тѣмъ высшимъ душевнымъ просвѣтлѣніемъ, которое такъ пластично изображено въ стихотвореніи „Поэтъ“, и потому выступающую въ немъ двойственность поэтической натуры нельзя смѣшивать съ противорѣчіемъ между словомъ и дѣломъ поэта (Ср. „Поэту“ 1830 г.) [2].

---

1) „Я убѣжалъ въ деревню, почуя риемы“, писалъ Пушкинъ Погодину, прибывъ въ Михайловское осенью 1827 года.—
2) Въ эту ошибку однакоже впалъ

Черезъ листъ послѣ стихотворенія: „Поэтъ“ въ черновой тетради Пушкина находится неоконченный набросокъ:

Толпа холодная поэта окружаетъ
И равнодушныя хвалы ему жужжатъ,
Но равнодушно ей задумчивъ онъ внимаетъ
И звучной лирою разсѣянно бряцаетъ.

Отрывокъ этотъ свидѣтельствуетъ, что тогда же пришла ему первая мысль стихотворенія „Чернь“ (1828), съ первыми стихами котораго этотъ отрывокъ имѣетъ сходство (Ср. съ стих. „Чернь“ по содержанію).

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира;
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.

Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы;
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы;
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы...

---

140. Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая.

(1827).

Это—переводъ стихотворенія А. Шенье, не помѣщеннаго въ изданіи его сочиненій.

тотъ же Бѣлинскій, смѣшавъ „божественный глаголъ“ Аполлона съ „громкими фразами изъ-за денегъ“ многихъ современниковъ, „не вѣрившихъ въ то, въ чемъ увѣряли другихъ“, потому что, по словамъ Бѣлинскаго, „наша современность кишитъ поэтами, которые пошли, когда не пишутъ, становятся благородны и честны, когда *вдохновляются*“, — и онъ пришелъ къ неожиданному выводу, что „мысль стохотворенія „Поэтъ“ теперь совершенно ложна“. Здѣсь ошибка, причисляемая логикою къ разряду fallacia secundum dictionem, а именно къ такъ называемымъ homonymia, т. е. ошибкамъ вслѣдствіе смѣшенія различныхъ значеній одного и того же слова (какъ здѣсь *вдохновляются:* смѣшанъ ироническій смыслъ этого слова съ собственнымъ).

Здѣсь выражена мысль о независимости поэтическаго вдохновенія отъ какихъ-либо постороннихъ ему цѣлей. Оно само по себѣ доставляетъ поэту наслажденіе и вполнѣ вознаграждаетъ его за эту безотзывность, которую встрѣчаетъ онъ у людей. (Ср. № 138 и 139).

Написанное 17 сентября 1827 г. [1]), это стихотвореніе было впервые напечатано въ „Невскомъ Альманахѣ“ 1828 г. подъ заглавіемъ: „Переводъ неизданныхъ стиховъ Андрея Шенье“. Вслѣдъ за переводомъ Пушкина здѣсь же помѣщенъ переводъ этихъ стиховъ Шенье—Ив. Козлова.

Près des bords où Venise est reine de la mer.
A. Chenier.

Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая,
Одинъ, ночной гребецъ, гондолой управляя,
При свѣтѣ Веспера по взморію плыветъ,
Ринальда, Годфреда, Эрминію [2]) поетъ.
Онъ любитъ пѣснь свою; поетъ онъ для забавы,
Безъ дальнихъ умысловъ; не вѣдаетъ ни славы,
Ни страха, ни надеждъ, и тихой музы полнъ,
Умѣетъ услаждать свой путь надъ бездной волнъ.
На морѣ жизненномъ, гдѣ бури такъ жестоко
Преслѣдуютъ во мглѣ мой парусъ одинокій,
Какъ онъ, безъ отзыва, утѣшно я пою,
И тайные стихи обдумывать люблю.

---

141. 19 октября.

(1827).

Это — вторая изъ „лицейскихъ годовщинъ“ Пушкина (см. вступительную замѣтку къ № 107). Она короче всѣхъ другихъ, но замѣчательна по полнотѣ, съ которою въ двухъ четверостишіяхъ представляетъ всѣ положенія (въ 1-мъ—свѣтлыя, во 2-мъ—печальныя) его товарищей.

Напечатана впервые въ „Славянинѣ“ 1830 г., часть 15-я.

---

1 Богъ помочь вамъ, друзья мои,
Въ заботахъ жизни, царской службы
И на пирахъ разгульной дружбы,
И въ сладкихъ таинствахъ любви!

2 Богъ помочь вамъ, друзья мои,
И въ буряхъ, и въ житейскомъ горѣ,
Въ краю чужомъ, въ пустынномъ морѣ [3])
И въ мрачныхъ пропастяхъ земли [4])!

---

[1]) См. Р. Ст. 1884. Май, 346.
[2]) Дѣйствующія лица поэмы Торквато Тассо „Освобожденный Іерусалимъ“.
[3]) См. вын. 5 на стр. 202.—[4]) См. № 125.

142. Золото и булатъ.

(1827).

Въ этомъ четверостишіи Пушкинъ лаконически характеризуетъ современное общество, въ которомъ видитъ равносильнаго соперника воинской храбрости—корысть.

Напеч. впервые въ „Моск. Вѣстн." 1827 г., № 11.

Все мое, сказало злато;
Все мое, сказалъ булатъ.
Все куплю, сказало злато;
Все возьму, сказалъ булатъ,

---

143. Эпитафія младенцу кн. Волконскому.

(1827).

Эта вторая эпитафія на гробницу младенца (см. № 83) написана для племянника друзей его А. и Н. Раевскихъ, сына сестры ихъ Марьи Николаевны, бывшей замужемъ за кн. Сергіемъ Григорьевичемъ Волконскимъ, декабристомъ (чѣмъ и объясняются послѣднія слова 4-го стиха эпитафіи).

Въ сіяніи и въ радостномъ покоѣ,
У трона вѣчнаго Творца,
Съ улыбкой онъ глядитъ въ изгнаніе земное,
Благословляетъ мать и молитъ за отца.

---

144. П. А. Плетневу.

(ПОСВЯЩЕНІЕ IV И V ГЛ. ЕВГЕНІЯ ОНѢГИНА).

(1827).

Это посвященіе, заключающее въ себѣ краткую поэтическую характеристику „Е. Онѣгина", обращено къ Петру Александровичу Плетневу, впослѣдствіи ректору петербургскаго университета и академику. Плетневъ родился въ 1798 г., съ молодыхъ лѣтъ посвятилъ себя историко-филологическимъ наукамъ и имѣлъ нѣкоторый успѣхъ какъ стихотворецъ. Въ продолженіе семи лѣтъ онъ сотрудничалъ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" съ Дельвигомъ и Пушкинымъ. Каѳедру въ университетѣ получилъ онъ въ 1832 г., а ректорствовалъ съ 1840 по 1861 г. Девять лѣтъ издавалъ онъ „Современникъ" (1838—1846).

Пушкинъ былъ въ постоянной перепискѣ съ этимъ благороднымъ другомъ поэзіи и литературы. Многочисленныя критическія статьи Плетнева, какъ пишетъ Я. К. Гротъ, „замѣчательны не только по своему внутреннему достоинству, по глубинѣ его мыслей, по благородству его воззрѣній, но и потому, что онъ, будучи близокъ къ лучшимъ представителямъ блестящей эпохи русской литературы, зналъ, такъ сказать, всѣ закулисныя тайны ея и, довершивъ въ обществѣ этихъ талантливыхъ людей свое эсте-

тическое образованіе, находился въ самыхъ благопріятныхъ для роли критика обстоятельствахъ. Въ его статьяхъ, появлявшихся на протяженіи 40 слишкомъ лѣтъ, мы можемъ прослѣдить исторію всей лучшей половины современной ему литературы: какъ онъ въ 20-хъ годахъ радостно привѣтствовалъ „Кавказскаго плѣнника“ Пушкина и „Орлеанскую дѣву“ Жуковскаго, такъ въ 40-хъ годахъ онъ встрѣтилъ тонкимъ анализомъ знатока „Мертвыя души“ Гоголя, а въ 60-хъ годахъ оцѣнилъ сочувственнымъ отзывомъ драмы Островскаго и Писемскаго. Его художественные очерки жизни и дѣятельности Пушкина, Баратынскаго, Крылова, Уварова, Жуковскаго и др. по справедливости признаются мастерскими въ своемъ родѣ произведеніями. Какъ поэтъ, Плетневъ, не соперничая со звѣздами первой величины, занимаетъ однакожъ почетное мѣсто въ кругу ихъ наиболѣе счастливыхъ спутниковъ. Его переписка съ Жуковскимъ, Пушкинымъ и кн. Вяземскимъ представляетъ живой интересъ... Съ дѣтства никогда не покидавшій Россію и даже не удалявшійся изъ Петербурга и его окрестностей, Плетневъ болѣзнію былъ вынужденъ провести послѣдніе годы жизни за границею, большею частію въ Парижѣ, гдѣ и умеръ 73 л. къ 1865 году“.

Пушкинъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Плетневымъ, который въ годы изгнанія Пушкина являлся ревностнымъ исполнителемъ порученій его по литературнымъ дѣламъ и блюлъ интересы Пушкина при изданіи многихъ его произведеній, принимая на себя трудъ сношеній съ цензурою и съ книгопродавцами. Пушкинъ любилъ благодушнаго Плетнева, котораго журилъ слегка за это благодушіе, напр., обращаясь къ нему съ шутливой просьбой: „Плетневъ, не пиши добрыхъ критикъ“...

Напеч. впервые при IV и V главахъ „Евгенія Онѣгина“ 1828, а во 2-мъ изданіи Онѣгина (1833) отнесено въ примѣчаніе къ IV главѣ; въ 3-мъ изд. (1837) помѣщено въ началѣ книги, но уже безъ имени Плетнева.

Не мысля гордый свѣтъ забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотѣлъ бы я тебѣ представить
Залогъ достойнѣе тебя,
Достойнѣе души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты;
Но такъ и быть—рукой пристрастной
Прими собранье пестрыхъ главъ,
Полусмѣшныхъ, полупечальныхъ,
Простонародныхъ, идеальныхъ,
Небрежный плодъ моихъ забавъ,
Безсонницъ, легкихъ вдохновеній,
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,
Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

29 декабря 1827 г. [1]).

---

1) Такъ обозначено въ изд. IV и V гл. „Евг. Онѣгинъ“ (1828 г.).

145. Друзьямъ.

(1828).

Это стихотвореніе служитъ дополненіемъ къ „Стансамъ" 1826 г. (см. № 126), съ которымъ имѣетъ и одинаковую форму. Къ выраженнымъ тамъ надеждамъ, возбужденнымъ вступившимъ на престолъ государемъ, здѣсь прибавлены привлекательныя черты этого государя (строфы 2 и 3) и выражено искреннее чувство благодарности за то, что онъ, цѣня талантъ поэта, освободилъ его изъ михайловскаго заточенія (строфы 4 и 5).

Стихотвореніе это вызвано было недовѣріемъ нѣкоторыхъ лицъ къ искренности чувствъ поэта, выраженныхъ въ „Стансахъ", и потому стихотвореніе „Друзьямъ" получило форму посланія къ этимъ лицамъ (строфа 1) и оканчивается блестящей характеристикой льстеца (строфа 6 и 7), которому поэтъ противополагаетъ себя, и бѣдственнаго положенія страны, если льстецы пріобрѣтутъ въ ней не подобающую имъ силу (строфа 8).

Напечатано впервые въ VII т. изд. Анненкова 1857 г.

---

1 Нѣтъ, я не льстецъ, когда царю
Хвалу свободную слагаю;
Я смѣло чувства выражаю,
Языкомъ сердца говорю.

2 Его я просто полюбилъ;
Онъ бодро, честно правитъ нами;
Россію вдругъ онъ оживилъ
Войной, надеждами, трудами.

3 О нѣтъ, хоть юность въ немъ кипитъ,
Но не жестокъ въ немъ духъ державный:
Тому, кого караетъ явно,
Онъ втайнѣ милости творитъ.

4 Текла въ изгнаньи жизнь моя,
Влачилъ я съ милыми разлуку,
Но онъ мнѣ царственную руку
Подалъ—и съ вами снова я!

5 Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье,
Освободилъ онъ мысль мою,
И я ль, въ сердечномъ умиленьи,
Ему хвалы не воспою?

6 Я льстецъ? Нѣтъ, братья, льстецъ лукавъ:
Онъ горе на царя накличетъ,
Онъ изъ его державныхъ правъ
Одну лишь милость ограничитъ.

7 Онъ скажетъ: презирай народъ,
Гнети природы голосъ нѣжный!
Онъ скажетъ: просвѣщенья плодъ—
Развратъ и нѣкій духъ мятежный!

Бѣда странѣ, гдѣ рабъ и льстецъ.
Одни приближены къ престолу,
А небомъ избранный пѣвецъ
Молчитъ, потупя очи долу.

---

146. Городъ пышный, городъ бѣдный.

(1828).

Эта бездѣлка написана дочери извѣстнаго президента Академіи художествъ А. Н. Оленина Аннѣ Алексѣевнѣ. Домъ Олениныхъ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ былъ однимъ изъ литературно-художественныхъ центровъ Петербурга. Анна Алексѣевна Оленина привлекла вниманіе поэта; ей Пушкинъ посвятилъ нѣсколько стихотвореній. Стихотвореніе „Городъ пышный" получило наибольшую извѣстность первымъ четверостишіемъ, заключающимъ характеристику нашей столицы, какъ она должна была представляться поэту въ минуту хандры (Ср. съ вступленіемъ „Мѣднаго Всадника").

Напеч. впервые въ „Сѣв. Цвѣтахъ" 1829 г.

Городъ пышный, городъ бѣдный,
Духъ неволи, стройный видъ,
Сводъ небесъ зелено-блѣдный,
Скука, холодъ и гранитъ—
Все же мнѣ васъ жаль немножко,
Потому что здѣсь порой
Ходитъ маленькая ножка,
Вьется локонъ золотой.

---

147. Не пой, красавица, при мнѣ...

(1828).

Это стихотвореніе, отличающееся своею музыкальностію, вызвано грузинскимъ мотивомъ, который сыгралъ Пушкину записавшій его М. И. Глинка. Пушкину такъ понравился этотъ мотивъ, что онъ тотчасъ жа написалъ на него слова. Таково происхожденіе этого стихотворенія.

По предположенію г. Бартенева, содержаніе этой пѣсни связано съ какимъ-нибудь воспоминаніемъ изъ первой поѣздки Пушкина на Кавказъ, когда, по собственному выраженію поэта, муза его

Вокругъ ауловъ опустѣлыхъ
Одна бродила по скаламъ,
И къ пѣснямъ дѣвъ осиротѣлыхъ
Она прислушивалась тамъ.

Впервые напеч. въ „Сѣв. Цв." 1829 г.

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсенъ Грузіи печальной:
Напоминаютъ мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальный.

2 Увы, напоминаютъ мнѣ
Твои жестокіе напѣвы
И степь, и ночь, и при лунѣ
Черты далекой, бѣдной дѣвы!..

3 Я призракъ милый, роковой,
Тебя увидѣвъ, забываю;
Но ты поешь—и предо мной
Его я вновь воображаю.

4 Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсенъ Грузіи печальной:
Напоминаютъ мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальный.

---

148. Цвѣтокъ.

(1828).

Напеч. впервые въ „Галатеѣ“ 1829 г., ч. I.

---

1 Цвѣтокъ изсохшій, безуханный,
Забытый въ книгѣ вижу я;
И вотъ уже мечтою странной
Душа наполнилась моя.

2 Гдѣ цвѣлъ? когда? какой весною?
И долго ль цвѣлъ? и сорванъ кѣмъ,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положенъ сюда зачѣмъ?

3 На память нѣжнаго ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокаго гулянья
Въ тиши полей, въ тѣни лѣсной?

4 И живъ ли тотъ, и та жива ли?
И нынче гдѣ ихъ уголокъ?
Или уже они увяли,
Какъ сей невѣдомый цвѣтокъ?

---

149. Е. Н. Ушаковой.

(1828).

Это стихотвореніе было написано Пушкинымъ въ альбомъ Елизаветѣ Николаевнѣ Ушаковой (ср. № 131).

Характеръ дружеской шутки, отличающій это стихотвореніе, совпадаетъ и съ многими рисунками, набросанными Пушкинымъ въ одинъ изъ альбомовъ Елизаветы Николаевны. Тутъ изображенія ея самой, и каррикатурныя изображенія Пушкинымъ самого себя, и нѣкоторыхъ общихъ знакомыхъ (напр. кн. Вяземскаго въ то время, когда онъ въ качествѣ церковнаго старосты обходитъ молящихся съ тарелочкой). И по возвращеніи съ Кавказа Пушкинъ набросалъ въ этотъ альбомъ нѣсколько рисунковъ, имѣющихъ связь съ этимъ путешествіемъ [2]).

Напеч. впервые въ „Галатеѣ“ 1829 г. № 5.

---

[1]) См. Р. С. 1884, іюль, 39.—[2]) См. Пушк. Альб., 123.

Вы взбалованы природой;
Она пристрастна къ вамъ была,
И наша вѣчная[a] хвала
Вамъ кажется докучной одой.
Вы сами знаете давно,
Что васъ любить[б] немудрено,
Что нѣжнымъ взоромъ вы—Армида,
Что легкимъ станомъ вы—Сильфида,
Что ваши алыя уста,
Какъ гармоническая роза...
И наши риѳмы, наша проза,
Предъ вами шумъ и суета...
Но красоты воспоминанье
Намъ сердце трогаетъ тайкомъ—
И строкъ небрежныхъ начертанье
Вношу смиренно въ вашъ альбомъ.
Авось на память поневолѣ
Придетъ вамъ тотъ, кто васъ пѣвалъ
Въ тѣ дни, какъ Прѣсненское поле
Еще заборъ не заграждалъ.

---

150. To Dave esq[r].

(1828).

Это стихотвореніе обращено къ извѣстному живописцу Доу (отъ котораго впрочемъ не осталось портрета Пушкина), и вызвано личностію А. А. Олениной (см. № 146). Оно написано Пушкинымъ на пароходѣ во время проводовъ до Кронштадта одного изъ знакомыхъ, отправившагося заграницу.

Напечат. впервые въ „Сѣв. Цв." 1829 г.

---

1 Зачѣмъ твой дивный карандашъ
Рисуетъ мой арабскій профиль?
Хоть ты вѣкамъ его предашь,
Его освищетъ Мефистофель.

2 Рисуй Олениной черты:
Въ жару сердечныхъ вдохновеній,
Лишь юности и красоты
Поклонникомъ быть долженъ геній.

9 мая 1828 года. Море.

---

151. Предчувствіе.

(1828).

Вслѣдъ за предыдущимъ стихотвореніемъ въ черновой тетради Пушкина написано стихотвореніе „Предчувствіе". Это одно изъ трехъ тревожныхъ произведеній, написанныхъ въ маѣ этого года. (См. №№ 152 и 153). Къ кому обращено оно, неизвѣстно.

Впервые напечатано въ „Сѣв. Цв." 1829 г. Здѣсь печатается по тексту изданія соч. Пушк. 1829 г.

---

[a] странная.— [б] хвалить (Рук.).—Отъ стиха 7-го въ рукописи варіантъ, совершенно отличный отъ печатнаго (См. Р. С. 1884., іюль, 39).

1 Снова тучи надо мною
Собралися въ тишинѣ;
Рокъ завистливый бѣдою
Угрожаетъ снова мнѣ...
Сохраню ль къ судьбѣ презрѣнье?
Понесу ль навстрѣчу ей
Непреклонность и [а] терпѣнье
Гордой юности моей?

2 Бурной [б] жизнью утомленный
Равнодушно бури жду:
Можетъ быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду...
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбѣжный, грозный часъ,
Сжать твою, мой ангелъ, руку
Я спѣшу въ послѣдній разъ.

3 Ангелъ кроткій, безмятежный,
Тихо молви мнѣ: прости;
Опечалься; взоръ свой нѣжный
Подыми иль опусти;
И твое воспоминанье
Замѣнитъ душѣ моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юныхъ дней.

---

152. Воспоминаніе.

(1828).

„Эта уединенная исповѣдь“ пишетъ г. Анненковъ (1855), „открывающая читателю, повидимому, всѣ душевныя тайны поэта, останавливается тамъ, гдѣ вмѣсто общаго выраженія чувства человѣческаго, должно явиться выраженіе чувствъ отдѣльнаго лица. Пьеса принадлежитъ къ 1828 г. [1]). Сѣмена, брошенныя суетой свѣта и собственными погрѣшностями, вырастаютъ часами томительнаго бдѣнія въ ночи, муками и слезами раскаянія. Съ чуднымъ двустишіемъ:

И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю (ст. 15 и 16)

кончается исповѣдь для свѣта, но Пушкинъ еще продолжалъ ее, уже не изъ потребности творчества, а изъ потребности высказаться и полнѣе опредѣлить себя... Эти строфы, какъ представленіе частныхъ подробностей, уже выпускаются имъ изъ печати [2]). Такъ пьеса эта представляетъ намъ образецъ художническаго очищенія произведеній и вмѣстѣ ихъ родство съ душой поэта, чѣмъ и объясняется тайна ихъ теплоты и неотразимаго вліянія на читателя“.

[а] Непреклонное.—[б] Шаткой (С. Цв.).

---

[1]) 19 мая Р. С. 1884. Іюль 40). —

[2]) Продолженіе піесы напечатано ниже вслѣдъ за самою элегіей. „Говоря здѣсь о двухъ уже почившихъ ангелахъ, данныхъ ему судьбою въ лицѣ двухъ женщинъ“, прибавляетъ г. Анненковъ (1874), „поэтъ представляетъ ихъ въ видѣ грозныхъ тѣней, ст. 12—16). По всѣмъ соображеніямъ, обѣ эти личности принадлежатъ къ одесскому обществу... Весьма правдоподобно, что подъ одной изъ этихъ оскорбленныхъ тѣней Пушкинъ подразумѣвалъ довольно часто поминаемую въ новѣйшихъ біографическихъ разысканіяхъ о поэтѣ m-me Ризничъ (см. № 124), а подъ другой, умершей заграницей, особу, къ которой написана пьеса: „Иностранкѣ“ (№ 85).

Бѣлинскій (1844) указываетъ, наряду съ элегіей „Подъ небомъ голубымъ“ (№ 124) и на эту элегію, какъ на доказательство художнической добросовѣстности Пушкина. „Такова же“, пишетъ онъ, „его превосходная пьеса „Воспоминаніе“: въ ней онъ не рисуется.., какъ это дѣлаютъ часто мелкодушные талантики, но просто какъ человѣкъ оплакиваетъ свои заблужденія. И этимъ доказывается не то, чтобъ у него было больше другихъ заблужденій, но то, что какъ душа мощная и благородная, онъ глубоко страдалъ отъ нихъ и свободно сознавался въ нихъ передъ судомъ своей совѣсти“.

Въ несомнѣнной связи съ этой элегіей находятся стихотворенія 1830 г. „Разставаніе“ и „Заклинаніе“ (см. эти стихотворенія).

Напеч. впервые въ „Сѣв. Цв.“ 1829 г., а откинутая тогда часть въ „Матеріалахъ“ г. Анненкова (1855).

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
И на нѣмыя стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь,
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда,—
Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья:
Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья;
Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ:
И съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ
Мои утраченные годы.
Я слышу вновь друзей пріятельскій привѣтъ
На играхъ Вакха и Киприды,
И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
Неотразимыя обиды.
И нѣтъ отрады мнѣ—и тихо предо мной
Встаютъ два призрака младые,
Двѣ тѣни милыя—два данные судьбой
Мнѣ ангела во дни былые!
Но оба съ крыльями и съ пламеннымъ мечемъ,
И стерегутъ... и мстятъ мнѣ оба,
И оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ
О тайнахъ вѣчности и гроба!

---

152. 26 мая 1828 г.

(1828).

„Пьеса „Даръ напрасный, даръ случайный“, замѣчаетъ Бѣлинскій (1844) есть не что иное какъ порожденіе одной изъ тяжелыхъ минутъ нравственной апатіи и душевнаго отчаянія... Но она отнюдь не есть выраженіе паѳоса Пушкинской поэзіи (т. е. сущности его вдохновенія), а скорѣе — случайное противорѣчіе паѳосу его поэзіи“. Бѣлинскій находитъ призваніе Пушкина, характеръ и направленіе его поэзіи вѣрнѣе выраженными въ „Стансахъ“ митрополиту Филарету (1830).

Извѣстна передѣлка митрополитомъ Филаретомъ стихотворенія „Даръ напрасный“, напечатанная въ „Звѣздочкѣ“ Ишимовой, 1848 г., № 10:

Не напрасно не случайно
Жизнь отъ Бога мнѣ дана,
Не безъ воли Бога тайной
И на казнь осуждена.

Самъ я своенравной властью
Зло изъ темныхъ безднъ воззвалъ,
Самъ наполнилъ душу страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ.

Вспомнись мнѣ, забвенный мною!
Просіяй сквозь сумракъ думъ—
И созиждется Тобою
Сердце чисто, свѣтелъ умъ.

Отвѣтомъ Пушкина на него были упомянутые выше „Стансы“ 1830 г. (см. это стих.).

Другую передѣлку этого стихотворенія написалъ Ѳ. (Клюшниковъ). Вотъ она:

Даръ мгновенный, даръ прекрасный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?...
Умъ молчитъ, а сердцу ясно:
Жизнь для жизни мнѣ дана.

Все прекрасно въ Божьемъ мірѣ;
Сотворивый міръ въ немъ скрытъ,
Но Онъ въ чувствѣ, но Онъ въ лирѣ,
Но Онъ въ разумѣ открытъ.

Познавать Его въ твореньѣ,
Видѣть духомъ, сердцемъ чтить—
Вотъ въ чемъ жизни назначенье,
Вотъ что значитъ въ Богѣ жить.

Стих. „Даръ напрасный“ напеч. впервые въ Сѣв. Цв.“ 1830 г.

---

1 Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

2 Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?..

3 Цѣли нѣтъ передо мною;
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

---

153. Ты и вы.

(1828).

Это граціозное стихотвореніе относится къ А. А. Олениной (см. № 145). Оно написано тоже въ маѣ. Напеч. впервые въ „Сѣв. Цв.". 1829.

Пустое вы сердечнымъ ты
Она, обмолвясь, замѣнила,
И всѣ счастливыя мечты
Въ душѣ влюбленной возбудила.
Предъ ней задумчиво стою;
Свести очей съ нея нѣтъ силы;
И говорю ей: какъ вы милы!
И мыслю: какъ тебя люблю!

---

154. Подражаніе Анакреону.

(1828).

Это—передѣлка стихотворенія Анакреона: „Ѳракійской кобылицѣ" [1]). Написано 6 іюня. Напечатано впервые въ „Сѣв. Цв.". 1829 г.

---

1) Приводимъ для сличенія близкій къ подлиннику переводъ этой пѣсни Анакреона А. Баженова.

Ѳракійская кобылица.

Что, ѳракійская лошадка,
На меня такъ косо смотришь
И, съ презрѣньемъ отбѣгая,
За неловкаго сочла?
Знай же: я еще сумѣю
На тебя узду накинуть
И возжой тебя заставлю
По ристалищу бѣжать.
Ты теперь въ лугахъ пасешься,
Рѣзво прыгаешь и скачешь,
Потому что не нашелся
Ловкій всадникъ для тебя.

Приводимъ и переводъ Л. Мея:

Ѳракійской кобылицѣ.

Кобылица-ѳракіянка,
Что такъ косо ты глядишь?
Для чего, какъ отъ невѣжды,
Отъ меня ты прочь бѣжишь?
Знай: легко тебѣ накину
Я узду и удила,
Чтобъ меня по ипподрому
Ты послушно пронесла.
Ты теперь на паствѣ алчной
Скачешь—вольная, пока
Не нашлось тебѣ, дикарка,
Заклятого ѣздока.

Кобылица молодая,
Честь кавказскаго тавра,
Что ты мчишься, удалая?
И тебѣ пришла пора!
Не косись пугливымъ окомъ,
Ногъ на воздухъ не мечи,
Въ полѣ гладкомъ и широкомъ
Своенравно не скачи.
Погоди, тебя заставлю
Я смириться подо мной:
Въ мѣрный кругъ твой бѣгъ направлю
Укороченной уздой.

---

155. Анчаръ.

(ДРЕВО ЯДА).

(1828).

Это превосходное стихотвореніе отличается оригинальнымъ тономъ своимъ. Въ звучныхъ стансахъ повѣтствуетъ оно о покорной жертвѣ самовластія дикаря-владыки, добывшаго цѣною человѣческой жизни ядъ для своихъ стрѣлъ, назначенныхъ на гибель сосѣдей. Пушкинъ воспользовался повѣрьемъ о ядовитомъ деревѣ Antiaris[2]), которое и описано въ первыхъ 5-ти строфахъ, согласно повѣрью, чертами фантастическими. Повидимому холодный тонъ повѣствованія, въ изложеніи котораго преобладаетъ слогъ отрывистый, достигаетъ въ строфѣ 6-й наибольшаго напряженія въ сопоставленіи: „и *человѣка человѣкъ* послалъ къ Анчару“ и выразительно срывается въ 8-й строфѣ на противоположномъ ему тонѣ разсказа, проникнутаго явнымъ чувствомъ, въ періодѣ, котораго polysyndeton (т.-е. повтореніе союза) и яркая антитеза (раба и владыки), въ особенности же — эпитетъ (*бѣдный* рабъ) сообщаютъ произведенію характеръ лирическій, раскрывая и въ тонѣ остальныхъ строфъ не эпическое спокойствіе, а напряженность разсказа сдержаннаго и суроваго. Такова и послѣдняя строфа (9-я), внезапно возстановляющая этотъ характеръ повѣтствованія послѣ краткаго его нарушенія 8-ю строфою. Такой пріемъ поэта сообщаетъ всему стихотворенію особенную силу, и вся изображаемая въ немъ сцена производитъ на читателя глубокое впечатлѣніе событія мрачнаго и безпощаднаго. Гибель человѣка въ разсказѣ быстро смѣняется невозмутимымъ образомъ владыки, самоувѣренному властолюбію котораго нѣтъ предѣловъ. Но тѣмъ разительнѣе выступаетъ передъ читателемъ сила состраданія къ жертвѣ, гибель которой изображена притомъ съ неподражаемою пластичностію. Рабъ является во всемъ величіи самоотреченія, передъ которымъ тускнѣетъ весь блескъ непобѣдимаго владыки.

---

[2]) Antiaris изъ породы Urtica, растущей на Остъ-Индскихъ островахъ, и дѣйствительно служащей для отравленія наконечниковъ у стрѣлъ.

Бѣлинскій (1844) причисляетъ это стихотвореніе къ самобытнымъ произведеніямъ Пушкина.

Мериме удивлялся сжатости языка въ этомъ стихотвореніи, и, желая доказать, что только латинскій языкъ развѣ дастъ понятіе о сжатости русскаго, приводитъ слѣдующій переводъ 6-й строфы: At vir virum—misit ad antchar superbo vultu—et ille oboedienter viam ingressus est et—rediit mane cum veneno.

Напеч. впервые въ „Сѣв. Цв.“. 1832 г.

---

1 Въ пустынѣ чахлой и скупой,
На почвѣ, зноемъ раскаленной,
Анчаръ, какъ грозный часовой,
Стоитъ одинъ во всей вселенной.

2 Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила
И зелень мертвую вѣтвей,
И корни ядомъ напоила [а].

3 Ядъ каплетъ сквозь его кору,
Къ полудню растопясь отъ зною,
И застываетъ ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

4 Къ нему и птица не летитъ,
И тигръ нейдетъ; лишь вихорь черный
На древо смерти набѣжитъ—
И мчится прочь, уже тлетворный.

5 И если туча ороситъ,
Блуждая, листъ его дремучій,
Съ его вѣтвей ужъ ядовитъ
Стекаетъ дождь въ песокъ горючій.

6 Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ:
И тотъ послушно въ путь потекъ,
И къ утру возвратился съ ядомъ.

7 Принесъ онъ смертную смолу,
Да вѣтвь съ увядшими листами—
И потъ по блѣдному челу
Струился хладными ручьями;

8 Принесъ—и ослабѣлъ, и легъ
Подъ сводомъ шалаша, на лыки,
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.

9 А царь тѣмъ ядомъ напиталъ
Свои послушливыя стрѣлы,

[а] Природа Африки моей Его въ день гнѣва породила. И жилы мощныя корней Губящимъ ядомъ напоила (рукоп.).

И съ ними гибель разослалъ
Къ сосѣдямъ въ чуждые предѣлы.

9 ноября 1828. Малинники.

---

156. Посвященіе Полтавы.

(1828).

Къ кому обращено это посвященіе, неизвѣстно (ср. § 93, 98 и 99).

Напеч. впервые при поэмѣ „Полтава", вышедшей въ 1829 г. отдѣльной книгой. М. Н. Волконской? (Раевской?)

Тебѣ—но голосъ музы темной
Коснется ль уха [а] твоего?
Поймешь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?
Иль посвященіе поэта,
Какъ некогда его любовь,
Передъ тобою безъ отвѣта [б]
Пройдетъ, не признанное вновь?

Узнай, по крайней мѣрѣ, звуки [в],
Бывало, милые тебѣ [г]—
И думай [д], что во дни разлуки,
Въ моей измѣнчивой судьбѣ,
Твоя печальная [е] пустыня,
Послѣдній звукъ твоихъ рѣчей—
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.

27 окт. 1828. Малинники.

---

157. Осень

(отрывокъ).

(1828).

Этотъ отрывокъ написанъ былъ осенью 1828 г. [1]).

„Какъ истинный художникъ", замѣчаетъ Бѣлинскій (1844), „Пушкинъ не нуждался въ выборѣ поэтическихъ предметовъ для своихъ произведеній, но для него всѣ предметы были равно исполнены поэзіи... Пушкину не нужно было ѣздить въ Италію за картинами прекрасной природы; прекрасная природа была у него подъ рукою здѣсь, на Руси, на ея плоскихъ и однообразныхъ степяхъ, подъ ея вѣчно сѣрымъ небомъ, въ печальныхъ деревняхъ [2])

[а] слуха (чернов. рукоп.). —[б] привѣта ч. р.)—[в] О, если примешь тайны звуки (ч. р.)—[г] Мечты, преданныя тебѣ (ч. р.)—[д] Вѣрь, Ангелъ (ч. р.)—[е] далекая (ч. р. по зачеркнутому: печальная).

---

[1]) См. С. 1884 г. іюль, 50. — [2]) См. „Капризъ" (1830).—[3]) См. изображеніе Петербурга въ „Мѣдномъ Всадникѣ".

и ея богатыхъ и бѣдныхъ городахъ [3]). Что для прежнихъ поэтовъ было низко, то для Пушкина было благородно; что для нихъ была проза, то для него была поэзія. Осень для него лучше весны или лѣта и, читая стих. „Осень“, вы не можете не согласиться съ нимъ, по крайней мѣрѣ на то время, пока не увидите его же картины весны и лѣта“.

Пушкинъ предпочиталъ осень всѣмъ другимъ временамъ года. Въ эту пору постоянно пробуждалось въ немъ творчество. Онъ видѣлъ особенную красоту въ ея явленіяхъ, и „послѣдніе цвѣты ему милѣе весеннихъ первенцевъ“ (ср. № 105). Въ строфахъ VI и VII стихотворенія „Осень“ Пушкинъ самъ предлагаетъ поэтическое объясненіе основанія этой привязанности. Описательная часть отрывка поражаетъ живыми красками; изображеніе явленій природы въ немъ отличается правдою и полнотою.

Но особенное значеніе отрывку „Осень“ придаютъ строфы X и XII, представляющія тонкое изображеніе самаго процесса поэтическаго творчества. Пушкинъ неоднократно предлагалъ подобные опыты: въ стих. „Мечтатель“ (№ 8), въ посланіи „Къ Юдину (№ 12, ст. 90—99), особенно же въ стих. „Къ моей чернильницѣ“ (№ 67, ст. 33—44), въ „Разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ“ (№ 90, ст. 25—46) и въ заключительныхъ стихахъ стихотворенія „Поэтъ“ (№ 138); но нигдѣ Пушкину не удавалось такъ уловить этотъ моментъ поэтическаго вдохновенія, какъ въ стихотвореніи „Осень“. Къ сожалѣнію, оно прерывается на XIII строфѣ. Несмотря на то, всѣ написанные строфы отличаются совершенствомъ формы, получивъ окончательную отдѣлку.

Напеч. впервые въ изд. 1838 года.

Чего въ мой дремлющій тогда не входитъ умъ?
Державинъ („Жизнь Званская“).

I.

Октябрь ужъ наступилъ; ужъ роща отряхаетъ
Послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей;
Дохнулъ осенній хладъ, дорога промерзаетъ;
Журча еще бѣжитъ за мельницу ручей,
Но прудъ уже застылъ; сосѣдъ мой поспѣшаетъ
Въ отъѣзжія поля съ охотою своей—
И страждутъ озими отъ бѣшеной забавы,
И будитъ лай собакъ уснувшія дубравы.

II.

Теперь моя пора: я не люблю весны;
Скучна мнѣ оттепель: вонь, грязь; весной я боленъ:
Кровь бродитъ; чувства, умъ тоскою стѣснены;
Суровою зимой я болѣе доволенъ;
Люблю ея снѣга; въ присутствіи луны,
Какъ легкій бѣгъ саней съ подругой быстръ и воленъ,
Когда, подъ соболемъ согрѣта и свѣжа,
Она вамъ руку жметъ, пылая и дрожа!

III.

Какъ весело, обувъ желѣзомъ острымъ ноги,
Скользить по зеркалу стоячихъ, ровныхъ рѣкъ!
А зимнихъ праздниковъ блестящія тревоги?..
Но надо знать и честь; полгода снѣгъ да снѣгъ;
Вѣдь это наконецъ и жителю берлоги,
Медвѣдю, надоѣстъ. Нельзя же цѣлый вѣкъ
Кататься намъ въ саняхъ съ Армидами младыми,
Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV.

Охъ, лѣто красное, любилъ бы я тебя,
Когда бъ не зной, да пыль, да комары, да мухи.
Ты, всѣ душевныя способности губя,
Насъ мучишь; какъ поля, мы страждемъ отъ засухи;
Лишь какъ бы напоить, да освѣжить себя—
Иной въ насъ мысли нѣтъ; и жаль зимы старухи,
И проводивъ ее блинами и виномъ,
Поминки ей творимъ мороженымъ и льдомъ.

V.

Дни поздней осени бранятъ обыкновенно;
Но мнѣ она мила, читатель дорогой:
Красою тихою, блистающей смиренно,
Какъ нелюбимое дитя въ семьѣ родной,
Къ себѣ меня влечетъ. Сказать вамъ откровенно:
Изъ годовыхъ временъ я радъ лишь ей одной.
Въ ней много добраго, любовникъ не тщеславный,
Умѣлъ я отыскать мечтою своенравной.

VI.

Какъ это объяснить? Мнѣ нравится она,
Какъ, вѣроятно, вамъ чахоточная дѣва
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бѣдняжка клонится безъ ропота, безъ гнѣва;
Улыбка на устахъ увянувшихъ видна:
Могильной пропасти она не слышитъ зѣва;
Играетъ; на лицѣ еще багровый цвѣтъ;
Она жива еще сегодня—завтра нѣтъ.

VII.

Унылая пора, очей очарованье,
Пріятна мнѣ твоя прощальная краса!
Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецъ и въ золото одѣтые лѣса,
Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
И отдаленныя сѣдой зимы угрозы.

VIII.

И съ каждной осенью я расцвѣтаю вновь;
Здоровью моему полезенъ русскій холодъ;
Къ привычкамъ бытія вновь чувствую любовь:
Чредой слетаетъ сонъ, чредой находитъ голодъ;
Легко и радостно играетъ въ сердцѣ кровь,
Желанія кипятъ; я снова счастливъ, молодъ,
Я снова жизни полнъ: таковъ мой организмъ
(Извольте мнѣ простить ненужный прозаизмъ).

IX.

Ведутъ ко мнѣ коня; въ раздоліи открытомъ,
Махая гривою, онъ всадника несетъ—
И звонко подъ его блистающимъ копытомъ
Звенитъ промерзлый долъ и трескается ледъ.
Но гаснетъ краткій день, и въ камелькѣ забытомъ
Огонь опять горитъ; то яркій свѣтъ ліетъ,
То тлѣетъ медленно; а я надъ нимъ читаю,
Иль думы долгія въ душѣ моей питаю.

X.

И забываю міръ, и въ сладкой тишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
И пробуждается поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
Трепещетъ, и звучитъ, и ищетъ, какъ во снѣ,
Излиться наконецъ свободнымъ проявленьемъ—
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе плоды мечты моей.

XII [a].

И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И риѳмы легкія навстрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ,
Минута—и стихи свободно потекутъ.
Такъ дремлетъ недвижимъ корабль въ недвижной влагѣ;
Но, чу!... матросы вдругъ кидаются, ползутъ
Вверхъ, внизъ—и паруса надулись вѣтра полны:
Громада двинулась и разсѣкаетъ волны.

XIII.

Плыветъ... Куда жъ намъ плыть?... Какіе берега
Теперь мы посѣтимъ? Египетъ колоссальный,
Скалы Шотландіи, иль (вѣчные) снѣга...

Въ рукописи послѣ X строфы находилась еще XI строфа, служащая ея продолженіемъ. Она зачеркнута Пушкинымъ:

Стальные рыцари, угрюмые султаны,
Монахи, карлики, арапскіе цари,
Гречанки съ четками, корсары, богдыханы,
Испанцы въ епанчахъ, жиды, богатыри,
Царевны плѣнныя, графини, великаны,
И вы, любимицы златой моей зари—
Вы, барышни мои, съ открытыми плечами,
Съ висками гладкими и томными очами.

158. Чернь.

(1828).

Знаменитое стихотвореніе это принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеній 1828 года, въ которыхъ Пушкинъ опредѣляетъ значеніе поэта и его отношеніе къ обществу. Ср. № 138, 139 и 140. Но ни одно изъ этихъ стихотвореній не привлекало столько вниманія критиковъ, какъ „Чернь".

„Въ стих. „Чернь", писалъ Бѣлинскій (1844), „заключается profession de foi Пушкина. Онъ презираетъ чернь, и на ея приглашеніе исправить ее звуками лиры, отвѣчалъ словами, полными благородной гордости и энергическаго негодованія:

Подите прочь! какое дѣло
Поэту мирному до васъ?.. и т. д. (ст. 38—55).

„Дѣйствительно", продолжаетъ Бѣлинскій, „смѣшны и жалки тѣ глупцы, которые смотрятъ на поэзію, какъ на искусство втискивать въ размѣренныя строчки съ риѳмами разныя нравоучительныя мысли... и которые не способны увидѣть поэзію въ самомъ вдохновенномъ произведеніи, если въ немъ нѣтъ общихъ нравоучительныхъ мѣстъ". Но далѣе, замѣнивъ слово „чернь" словомъ „толпа", а слово „толпа" словомъ „народъ", Бѣлинскій отклоняется отъ разбора стихотворенія Пушкина и пишетъ о важности *народа*, какъ хранителя народнаго духа для самаго поэта: „И сами жрецы, съ которыми Пушкинъ сравниваетъ поэтовъ, не имѣли бы никакого значенія, еслибъ набожная толпа не соприсутствовала алтарямъ и жертвоприношеніямъ"... Кто поетъ про себя и для себя и презираетъ толпу, тотъ рискуетъ быть одинъ читателемъ своихъ произведеній". Спутанныя этимъ замѣчаніемъ понятія разъяснены были позднѣйшими критиками.

Ап. Григорьевъ (1856) понялъ стих. „Чернь" какъ затрогивающее одинъ изъ такихъ немногихъ вопросовъ, „которые бьютъ, что называется, въ самую жилу" и задѣваютъ другой вопросъ объ отношеніи искусства къ жизни и нравственности. „Всѣ попытки разрѣшенія этого вопроса", продолжаетъ Григорьевъ, „приводятся въ два разряда: 1) или мыслители, касавшіеся вопроса, порѣшали его совершеннымъ уничтоженіемъ художества въ пользу нравственности, откуда явилось понятіе объ искусствѣ слова какъ о проводникѣ *полезнаго* въ моральномъ и общественомъ смыслѣ: 2) или мыслители, справедливо возмущенные такимъ опредѣленіемъ, которое уничтожаетъ родство искусства слова съ искусствами образа и звука,—ибо полезныя живопись и ваяніе и полезная музыка существовать не могутъ, высказали положеніе, что искусство есть само себѣ цѣль и внѣ себя цѣли никакой не имѣетъ и имѣть не должно. На каждой сторонѣ—есть по великому философскому и, что еще важнѣе, по великому художественному авторитету. На одной сторонѣ Шиллеръ, драматическій поэтъ, которому его дѣло, театръ, представляется какъ „eine moralische Anstalt" (нравственное учрежденіе), котораго идеалъ художника есть явно дидактическій, въ высшемъ смыслѣ сего слова, и нашъ Гоголь, сгоравшій, по собственнымъ его признаніямъ, жаждою „служить землѣ"; на

другой сторонѣ—Гете и Пушкинъ. Послѣдній, возмущенный сухимъ требованіемъ полезности отъ созданій искусства, воскликнулъ въ лирическомъ негодованіи:

Подите прочь—какое дѣло и проч. (38—55).

„Первый же, равнодушно выслушивая упреки враговъ за малое свое сочувствіе къ различнымъ *полезнымъ* явленіемъ тогдашней Германіи, уподоблялъ себя птицѣ, безсознательной поющей на вѣткѣ:

> Ich singe, wie der Vogel singt,
> Der in den Zweigen wohnet;
> Das Lied, das aus der Kehle dringt,
> Ist Lohn, der reichlich lohnet [1]).

Но дѣло въ томъ, что въ самихъ авторитетахъ находятся явныя осязательныя противорѣчія высказываемымъ ими положеніямъ; ибо эти положенія высказаны въ пылу битвы съ видимыми врагами, съ конечными и случайными явленіями, которыя преимущественно и имѣлись въ виду. Дѣло въ томъ, что дидактикъ Шиллеръ и ревностный каратель неправды Гоголь—сами великіе художники и притомъ признающіе за художествомъ такія силы, какихъ не признаютъ они ни за одной изъ отраслей дѣятельности духа человѣческаго. Припомните Шиллеровы Die Künstler, die Ideale; припомните Гоголевскіе: „Портретъ“, „Разъѣздъ“ и въ особенности многозначительныя слова „Исповѣди“ о внесеніи новаго въ жизнь единственно только созданіями искусства, слова, глубокія по смыслу и немногими оцѣненныя еще по достоинству. Дѣло въ томъ, что Гете совершенно справедливо отворачивался отъ мелочныхъ, одностороннихъ духомъ партій, а не духомъ жизни порожденныхъ стремленій современной ему общественности, или отъ неистовыхъ и насильственныхъ напряженій ея; видя отсутствіе существеннаго и неперемѣннаго въ окружавшихъ его пошлыхъ явленіяхъ и лихорадочныхъ порывахъ, онъ-искатель существеннаго и неперемѣннаго—имѣлъ право уединяться въ міръ искусства и восклицать изъ него (des Vermächtniss).

> Das Wahre war schon längst gefunden,
> Hat edle Geisterschaft verbunden:
> Das alte Wahre fasz es an! [2])

а Пушкинъ, поставленный въ иную среду общественности, чѣмъ болѣе жилъ, тѣмъ крѣпче сростался съ почвою своей земли и самъ сталъ смотрѣть на литературу, какъ на общественное служеніе, вслѣдствіе чего и имѣлъ полное право сказать о себѣ:

> И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
> Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
> Что ~~прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ~~ в мой жестокий век вос-славил я своб.
> И милость къ падшимъ призывалъ.

[1]) т. е.: „Я пою, какъ птица на вѣткѣ; пѣсня, которая рвется изъ ея горлышка, сама служитъ ей щедрой наградой“.

[2]) т. е.: „Правда была отыскана уже давно; она соединила всѣ благородныя души. Держись этой старой правды!“—

„Стало быть—тутъ что-нибудь да не такъ, ибо оказывается, что ни великіе нравственными стремленіями поэты не подчиняли художества полезности, ни великіе поэты-художники не лишали художество его могущественнаго вліянія на человѣка, какъ на лицо отдѣльное, такъ и на общежитіе человѣческое. Всѣ сознавали за искусствомъ великія жизненныя, и значитъ нужныя, полезныя самой жизни силы—и многіе высказали это сознаніе силы или пѣсни, ея жизненнаго и въ жизнь переходящаго значенія, какъ Гоголь въ лирическихъ мѣстахъ своего „Разъѣзда“ и въ „Авторской исповѣди“,—какъ поэтически-глубокомысленный и до нѣкотораго провидѣнія возвышающійся Карлейль въ своихъ удивительныхъ пѣсняхъ о Дантѣ и Шекспирѣ, какъ Мицкевичъ въ извѣстномъ обращеніи къ пѣснѣ народной:

O miesci gminya! tu arko przymierza... [3])—

обращеніи, въ которомъ величаво и глубоко постигнуто все *хранительное* значеніе пѣсни и искусства въ отношеніи въ жизни человѣчества и народовъ. Однимъ словомъ, искусство всѣмъ истиннымъ художникамъ— во все ли ихъ поприще, въ срединѣ ли его, подъ конецъ ли—но открывалось въ видѣ великой ввѣренной имъ міровой силы, въ видѣ высшаго служенія на пользу души человѣческой, на пользу жизни общественной. Возстаніе же нѣкоторыхъ изъ нихъ противъ *полезности* происходило изъ источника законной вражды съ узкимъ понятіемъ о полезности. Той пользы матеріальной, которая выражается, напримѣръ, въ очищеніи улицъ, не даетъ вообще жизнь духа, къ выраженіямъ которой принадлежитъ и искусство, но безъ этихъ выраженій, безъ этихъ въ глазахъ поборниковъ полезности „побасенокъ“,—оледенѣла, омертвѣла бы жизнь и человѣчество впало бы въ такое состояніе, въ которомъ самое очищеніе улицъ было бы излишне.

„Замѣчательно, что въ эпохи болѣе непосредственнаго творчества, въ эпохи, напримѣръ, Данта, Шекспира, даже въ эпоху Мольера, никому изъ этихъ великихъ поэтовъ вопросъ о разъединеніи въ ихъ искусствѣ элемента чистаго творчества и элемента общественаго служенія не приходилъ даже въ голову: въ поэму Данта вросли, такъ сказать, корнями его католическія, гибеллинскія и философскія созерцанія, вся его нравственная жизнь съ соотвѣтствующимъ ей мѣриломъ надъ лицами поэмы; Шекспиръ зналъ, что онъ дѣлаетъ настоящее дѣло; въ творенія его вошли всѣ національныя представленія, всѣ его идеалы человѣческаго достоинства и величія; Мольеръ же самъ рѣшительно одинъ изъ порь-рояльскихъ моралистовъ, что не препятствуетъ ему однако нисколько быть величайшимъ художниковъ своей антихудожественной страны. Въ эпохи же совершенно непосредственныя, въ эпохи безличнаго, народнаго творчества пѣсня есть другая сторона дѣла, существенная часть самой жизни, съ которой идетъ она рука объ руку, идетъ не дѣлясь и не споря, не служа и не покоряя, увѣковѣчивая ея событія для молодыхъ поколѣній, возводя даже новое къ типическимъ завѣтнымъ образамъ, храня, однимъ словомъ, народную сущность въ вѣковыхъ ея формахъ. Вопросъ о раздѣленіи возникъ только въ Германіи и притомъ въ области мышленія“.

---

[3]) т. е.: О голосъ народа! ты ковчегъ завѣта!

М. Н. Катковъ (1856) посвятилъ значительную часть своихъ статей о Пушкинѣ [4]) рѣшенію затронутаго стихотвореніемъ „Чернь“ и его критиками вопроса. „Въ нашей критикѣ по поводу Пушкина“, пишетъ онъ, „часто слышалось возраженіе противъ будто бы ошибочной теоріи, которая учитъ, что искусство должно имѣть свою цѣль въ самомъ себѣ. Это положеніе, въ своей отвлеченности, можетъ быть всячески понимаемо.... Искусство должно имѣть свою внутреннюю цѣль, какъ имѣетъ ее все на свѣтѣ... Говорите, что́ хотите, но не отнимайте у искусства его права на существованіе, sa raison d'être. Пушкинъ подвергся укору за то, что оставался вѣренъ цѣлямъ искусства. Его восхваляютъ какъ художника, но укоряютъ за то, что онъ былъ исключительно художникомъ. Пушкинъ, говорятъ критики, былъ въ нашей литературѣ художникъ по преимуществу; онъ первый внесъ въ нее истинное начало поэзіи; но зато онъ и былъ только художникомъ, только поэтомъ. Повинуясь влеченію своей природы, онъ подчинилъ себя вполнѣ этой теоріи, предписывающей искусству не знать иной цѣли, кромѣ цѣли искусства. Ему бы только уловить красоту явленія, только начертать изящный образъ, только передать ощущеніе въ живой прелести стиха. Онъ былъ эхо, которое отзывается на все безразлично и безстрастно; такъ онъ и понималъ свое назначеніе какъ поэта. Онъ самъ высказалъ свою теорію искусства въ знаменитомъ стихотвореніи своемъ: *Чернь*. Съ презрѣніемъ и негодованіемъ отталкиваетъ поэтъ эту, какъ онъ выражается, „тупую чернь“, этотъ „непосвященный и безсмысленный народъ“, который собрался просить у него слова поученія. Въ стихотвореніи Пушкина послѣднее слово осталось конечно за поэтомъ. Но критики становятся на противную сторону, и, разумѣется, удерживаютъ за собою послѣднее слово, повторяя и разбирая то, что высказано въ стихотвореніи отъ лица черни.

Пушкинъ не былъ теоретикомъ. Но дѣйствительно съ теченіемъ времени его художественная дѣятельность достигла до самосознанія, которое выразилось въ нѣсколькихъ прекрасныхъ стихотвореніяхъ. Эти стихотворенія, при всей свободѣ своей формы, при всемъ отсутствіи догматическаго характера, заключаютъ въ себѣ намеки на теорію искусства, которую легко извлечь изъ нихъ.

Поэзія есть прежде всего одна изъ формъ нашего сознанія. Это особаго рода мышленіе; это умственная дѣятельность... Вдохновеніе творчества не только не чуждо сознанія, но есть, напротивъ, самое усиленное его состояніе. Человѣкъ въ этомъ состояніи весь становится созерцаніемъ, внутреннимъ зрѣніемъ и слухомъ. Но чѣмъ сильнѣе такое состояніе, тѣмъ менѣе бываетъ возможнымъ, современно съ нимъ, другое подобное состояніе. Мы не можемъ сосредоточить наши понятія для того, чтобы наблюдать за сильною внутреннею работою въ самый моментъ ея развитія, не можемъ не потому только, что намъ не достало бы матеріальныхъ силъ, но потому преимущественно, что не будетъ у насъ свободныхъ нравственныхъ силъ для новой работы, не будетъ въ нашемъ распоряженіи тѣхъ умственныхъ способовъ, тѣхъ понятій, которыя были бы для ней необходимы, но которыя заняты болѣе или менѣе близкимъ

---

[4]) Русск. Вѣстн. 1856 г.

отношеніемъ къ начавшемуся дѣлу. Они не могутъ вступить въ тѣ сочетанія, которыя требовались бы для новаго дѣла, не нарушая цѣлаго настроенія нашей души. Отдавать себѣ отчетъ въ общихъ законахъ своей дѣятельности требуетъ особой дѣятельности, новаго плана, новаго настроенія и своего времени.

„Итакъ, вотъ она, эта пресловутая безсознательность художника! Это не безсознательность, а цѣльность сознанія и нисколько не составляетъ исключительной принадлежности искусства въ тѣснѣйшемъ значеніи этого слова. Это общее условіе всякаго рода дѣятельности, которая творчески совершается въ человѣческомъ духѣ, и творчество въ этомъ смыслѣ нимало не есть принадлежность людей, слагающихъ стихи, сочиняющихъ повѣсти или драмы, или занимающихся живописью; оно равно относится и къ ученому, къ инженеру, и даже къ математику, котораго бывало ставили во враждебныя отношенія къ поэту.

Знаніе въ томъ, что́ мы зовемъ наукой, и знаніе въ томъ, что́ мы зовемъ поэзіей, различаются между собою такъ: первое имѣетъ въ виду отвлеченное, общія отношенія предметовъ; собирая во множествѣ частныя явленія, первое не обращаетъ вниманія на индивидуальныя ихъ отличія, сосредоточивается въ нихъ исключительно лишь на понятіяхъ родовыхъ и высказываетъ общія положенія, какъ законы природы; послѣднее, напротивъ, направлено къ тому, что́ брошено первымъ, какъ случайное, къ тому, на что́ первое не хочетъ и не можетъ обратить вниманія... Художникъ есть истинный естествоиспытатель въ этомъ мірѣ. Онъ производитъ въ немъ самыя разнообразныя наблюденія, которыя не уступаютъ въ богатствѣ наблюденіямъ науки. И здѣсь вновь встрѣчаемъ мы сближеніе поэзіи съ наукой. Тотъ же самый процессъ совершается въ умѣ мыслителя, извлекающаго изъ бездны частныхъ фактовъ такъ-называемый всеобщій фактъ, или законъ природы, какъ и въ художникѣ, когда въ немъ изъ тысячи схваченныхъ особенностей вырабатывается общій типъ, характеристическій образъ. Разница происходитъ отъ свойства предметовъ, на которые направлена дѣятельность того и другого. Естествоиспытатель имѣетъ дѣло съ письменами, которыхъ смыслъ неуясненъ ему непосредственно. Явленія природы предстоятъ ему какъ голые, внѣшніе факты, и получаютъ значеніе, говорятъ уму лишь въ той мѣрѣ, въ какой вырабатываются изъ нихъ отвлеченные признаки или логическія формулы законовъ природы. Поэзія относится большею частью къ такимъ явленіямъ, смыслъ которыхъ непосредственно сказывается въ нашемъ сердцѣ, нравственномъ чувствѣ, въ нашемъ самопознаніи; она относится преимущественно къ человѣческому міру, въ которомъ явленія сами чувствуютъ себя...

Наука, обобщая явленія, группируетъ ихъ по логическимъ отношеніямъ, извлекаетъ ихъ изъ тѣхъ безчисленно разнообразныхъ связей, какъ существуютъ они въ дѣйствительности; наука тщательно уединяетъ свой фактъ, возводя его въ понятіе; индивидуальности служатъ для ней только веществомъ анализа; она сыплетъ и льетъ ихъ въ свои реторты, добираясь только до элементовъ, чтобы потомъ разбирать и читать посредствомъ этой азбуки сложныя сочетанія явленій. Мысль художника держится на понятіяхъ видовыхъ, которымъ непосредственно подчиненно разнообразіе индивидуальности. Видъ, по терминологіи греческой фило-

софіи, есть то же, что идея; оба реченія въ греческомъ языкѣ одного происхожденія, и употреблялись мыслителями одно вмѣсто другого. Мысль художника остается такимъ образомъ на рубежѣ между отвлеченною общностью и живымъ явленіемъ. Фактъ, событіе не исчезаетъ для него въ общемъ законѣ. Онъ повѣствуетъ, изображаетъ, выводитъ живыя лица на сцену. Хотя художественная мысль также обобщаетъ явленія, также соединяется съ отвлеченіемъ, однако художественное обобщеніе не разрушаетъ индивидуальности явленія, оно только возводитъ его въ типъ. Плодъ художественнаго познанія есть фактъ, удержанный во всей своей индивидуальности, но высвобожденный изъ путаницы случайностей, съ которыми въ дѣйствительности является для простого глаза. Фактъ въ художественномъ понятіи сохраняетъ всю свою жизненность. Художественное обобщеніе есть не что иное, какъ уразумѣніе всего случайнаго въ предметѣ.

Самая первая и существенная цѣль искусства есть истина, что поэзія можетъ и должна быть понимаема какъ знаніе, что красота художественныхъ произведеній есть лишь особое свойство этого знанія и основана на истинѣ. Но, спросятъ насъ, должно ли искусство ограничиваться однимъ теоретическимъ значеніемъ, или оно должно имѣть также и практическое значеніе? Этотъ вопросъ внушилъ самому Пушкину извѣстное стихотвореніе „Чернь", о которомъ привелось намъ упомянуть выше.

Въ этомъ стихотвореніи ясно замѣтно развитіе темы, замѣтна нѣкоторая діалектика, возвышеніе тона и мысли. Чернь сначала говоритъ слѣдующее о поэтѣ:

„*Зачѣмъ* такъ звучно онъ поетъ?
Напрасно ухо поражая,
Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?
. . . .
Какъ вѣтеръ пѣснь его свободна,
Зато какъ вѣтеръ и безплодна:
Какая польза намъ отъ ней?"

„Вопросъ, въ этихъ словахъ, касается самаго существованія искусства, какъ и вообще всего, что не имѣетъ внѣшней цѣли, что посвящено безкорыстному удовлетворенію высшихъ потребностей человѣческой природы. Поэтъ выражаетъ это въ рѣзкихъ стихахъ:

Ты чернь земли, не сынъ небесъ,
Тебѣ бы пользы все—на вѣсъ
Кумиръ ты цѣнишь Бельведерскій.
Ты пользы, пользы въ немъ не зришь.
Но мраморъ сей вѣдь богъ!.. Такъ что же?
Печной горшокъ тебѣ дороже?
Ты пищу въ немъ себѣ варишь.

Слѣдующее за тѣмъ возраженіе черни принимаетъ болѣе серіозный характеръ. Она не отрицаетъ высшихъ даровъ и призваній, но требуетъ, чтобы „небесъ избранникъ" употреблялъ свой даръ во благо ближняго, чтобы онъ исправлялъ сердца собратьевъ.

Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки:
Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя.

„Требованія, повидимому, весьма честныя и законныя. Но поэтъ съ новою силою гремитъ противъ черни. Онъ отрекается отъ возлагаемой на него обязанности; онъ не думаетъ, чтобы „гласъ лиры“ могъ оживить „каменѣющихъ въ развратѣ безумныхъ рабовъ, которые противны ему какъ гробы“. Негодованіе поэта оправдывается тѣмъ оттѣнкомъ, который приданъ увѣщательной рѣчи, вызывающей его на подвигъ исправленія сердецъ. Чернь исчисляетъ свои пороки вовсе не съ тѣмъ чувствомъ, которое жаждетъ исправленія. Этотъ заключительный стихъ:

А мы послушаемъ тебя,

показываетъ ясно, что шумливые требователи морали въ поэзіи очень удобно могутъ оставаться при своихъ порокахъ, и желали бы только въ воображеніи поиграть добродѣтелью. Въ человѣкѣ самомъ испорченномъ долго еще сохраняется потребность какъ-нибудь возстановить въ себѣ равновѣсіе между слишкомъ сильнымъ зломъ и слишкомъ слабымъ добромъ. Не имѣя ни охоты, ни силы бороться со зломъ въ своемъ сердцѣ и побѣждать наклонности воли, онъ хочетъ по крайней мѣрѣ дать въ своемъ воображеніи полный просторъ добру. Отъявленный негодяй толкуетъ иногда съ большимъ чувствомъ о чести и добродѣтели, и не всегда это бываетъ лишь однимъ лицемѣріемъ. Поэтъ, конечно, долженъ отказаться отъ такого служенія, и заключаетъ свою рѣчь исповѣдью своего истиннаго призванія:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

„Исповѣдь краснорѣчивая и сильная! Мы не должны однако привязываться къ ней къ каждому слову, или, съ другой стороны, видѣть въ этомъ лирическомъ движеніи точное выраженіе эстетическаго закона. Мы согласны, что въ общей исповѣди поэта выразилась невольно личность самого Пушкина, особенность его природы и дарованія. Но основной смыслъ этихъ стиховъ, что бы кто ни говорилъ, очень вѣренъ! Да! мы не имѣемъ никакого права требовать чего-либо отъ искусства свыше того, что высказывается этими немногими словами, опредѣляющими призваніе художника. Если вдохновеніе не есть пустое слово, то что же иное можетъ означать оно здѣсь, какъ не творческое созерцаніе жизни и истины? Не есть ли это то благодатное состояніе, болѣе или менѣе испытанное каждымъ, въ которое какъ бы мгновенно озаряется свѣтомъ нашъ умъ, раскрывается кругъ нашихъ обычныхъ представленій и принимаетъ въ себя нѣчто новое, сильно и животворно дѣйствующее на наше сознаніе? Коснется ли наша мысль живой сущности явленій, очнется ли въ душѣ нашей какое-либо скрытно-дѣйствующее начало и внезапно озарится

сознаніемъ; обозначится ли вдругъ, въ живомъ образѣ или звукѣ, наше внутреннее настроеніе, или, можетъ быть, послѣ долгихъ исканій, мысль найдетъ свое слово, цѣль, свое средство; развернется ли передъ нами, въ существенныхъ очертаніяхъ, но во всей полнотѣ жизни, міръ разнообразныхъ явленій: все подобное есть даръ вдохновенія, которое хотя не есть исключительная принадлежность художника, но безъ котораго невозможна истинная поэзія. Творческое воспроизведеніе дѣйствительности въ сознаніи—вотъ вдохновеніе художника, вотъ цѣль и задача его.

„Вопросъ о пользѣ былъ нѣкогда неизбѣжнымъ предисловіемъ ко всякому дѣлу. Потомъ, когда заговорили о самостоятельности каждаго дѣла, проистекающаго изъ существенной потребности человѣческой природы, подобные предварительные трактаты о пользѣ подверглись осмѣянію. Но вопросъ о пользѣ можетъ имѣть болѣе глубокое значеніе, не заслуживающее осмѣянія. Все въ мірѣ связано между собою, все дѣйствуетъ одно на другое, и потому все можетъ быть взаимно полезно или вредно. Но, съ другой стороны, дѣйствовать успѣшно можетъ только то, что достаточно сильно и зрѣло въ самомъ себѣ. Каждая вещь имѣетъ свое назначеніе и становится способною дѣйствовать лишь въ той мѣрѣ, въ какой удовлетворяетъ внутреннему закону своего существованія. Въ человѣческомъ мірѣ должны мы признать то же самое. Каждая дѣятельность хочетъ имѣть свой корень, свою область и требуетъ самостоятельнаго развитія. Она должна прежде сама развиться, и лишь потомъ можетъ оказывать вліяніе на все прочее. Хотите ли вы утолить голодъ или жажду: вы возьмете зрѣлый плодъ, а гнилой или незрѣлый будетъ безполезенъ вамъ. Хотите ли пользы отъ науки: дайте ей полный просторъ: дайте возможность, чтобы умственныя силы могли быть преданы ей вполнѣ, такъ чтобы она образовала великій и живой организмъ, чтобы каждая существенная цѣль въ ней достигалась достиженіемъ многихъ другихъ посредствующихъ цѣлей, и чтобы каждая изъ такихъ посредствующихъ цѣлей могла стать предметомъ особыхъ стремленій и могла образовать свой міръ. Не спрашивайте, зачѣмъ то и зачѣмъ другое: не говорите о безполезности той или другой части: знайте, что за каждую часть отвѣчаетъ цѣлое, а цѣлое возможно лишь при полномъ и рѣшительномъ развитии каждой части.

„Вы хотите, чтобы художникъ былъ полезенъ? Дайте же ему быть художникомъ, и не смущайтесь тѣмъ, что онъ съ полнымъ усердіемъ занятъ изученіями и приготовленіями, которыя имѣютъ своею единственною цѣлью дѣло искусства. Когда дѣло исполнится, когда оно явится на свѣтъ, оно непремѣнно окажетъ вліяніе на всѣ стороны человѣческаго сознанія и жизни, и окажетъ тѣмъ сильнѣйшее вліяніе, чѣмъ болѣе будетъ соотвѣтствовать условіямъ своей внутренней природы. Не говорите: что толку въ этихъ прекрасныхъ линіяхъ, въ этихъ образахъ и звукахъ? Какая польза намъ отъ этого? Мы не будемъ отвѣчать на эти вопросы рѣзкими словами поэта, не будемъ также распространяться о важности внутренней цѣли искусства, о томъ, что минуты этого вдохновеннаго созерцанія идей и жизни сами по себѣ драгоцѣнны; прямѣе и примирительнѣе будемъ отвѣчать этимъ суровымъ искателямъ пользы. Правда, скажемъ мы имъ, люди призваны въ міръ не для одного

спокойнаго созерцанія; мы должны дѣйствовать и участвовать въ великихъ битвахъ жизни, каждый по силамъ и средствамъ своимъ; все въ человѣческомъ мірѣ стремится и дѣйствуетъ, все въ напряженіи и борьбѣ; такъ мы не будемъ терпѣть, чтобы силы, столь нужныя для дѣйствія и борьбы, замыкались въ неприступной оградѣ и пребывали тамъ въ блаженномъ созерцаніи, безплодно для всего окружающаго. Но точно ли остаются эти силы безплодными? Точно ли изъ этихъ возвышенныхъ сферъ не проистекаетъ обратное дѣйствіе на жизнь? Точно ли есть такія разобщенныя сферы, которыя бы не оказывали взаимнаго другъ на друга вліянія и не дѣйствовали на всю совокупность человѣческаго сознанія и жизни? Нѣтъ, взаимное дѣйствіе вещей можетъ быть измѣряемо не грубою оцѣнкою поверхностнаго взгляда. Дѣйствіе далеко отходитъ отъ своей причины, и принимаетъ безконечно разнообразные виды и оттѣнки, такъ что отдаленное дѣйствіе, сличенное съ своею первоначальною причиной, часто оказывается вовсе на нее непохожимъ. Самыя, если позволено будетъ такъ выразиться, спеціальныя произведенія искусства не остаются безъ дѣйствія на жизнь, и дѣйствіе ихъ можетъ оказаться тамъ, гдѣ мы вовсе не ожидали его. Не думаете ли вы, что впечатлѣніе прекраснаго такъ и заглохнетъ въ эстетическомъ чувствѣ? Что оно ни во что еще не переходитъ, ни въ чемъ еще не выражается? Мы же думаемъ, что истинное образованіе невозможно безъ этого элемента, и исторія своими примѣрами подтверждаетъ наше мнѣніе. Поэзія ознаменовываетъ первое пробужденіе народа къ исторической жизни, искусство и знаніе сопутствуютъ его развитію и служатъ самымъ лучшимъ выраженіемъ силы и свойства развитія. Народы самые практическіе отличались высокимъ и сильнымъ развитіемъ умственной и художественной дѣятельности, которая повидимому была совершенно чужда текущихъ вопросовъ и дневныхъ интересовъ, но которая въ самомъ-то дѣлѣ была совершенно необходима для успѣховъ жизни.

„Скажите, откуда взялось въ жизни образованныхъ народовъ это изящество формъ и благородство общественныхъ отношеній? Мы такъ гордимся этими успѣхами гражданственности и съ такимъ ужасомъ озираемся назадъ къ тѣмъ временамъ, когда въ обществѣ еще не чувствовалось присутствіе эстетическаго начала; мы съ такимъ пыломъ готовы на всякую экспедицію для новыхъ завоеваній подъ знаменемъ этой гражданственности, такъ нами цѣнимой! А между тѣмъ изящество жизни впервые выработалось въ тѣхъ умственныхъ сферахъ, которыя казались намъ безплодными; впервые развилось оно въ тѣхъ чистыхъ созерцаніяхъ мысли, которыя могли казаться совершенно безполезными для жизни. Линіи Рафаэля не рѣшали никакого практическаго вопроса изъ современнаго ему быта, но великое благо и великую пользу принесли онѣ съ теченіемъ времени для жизни; онѣ могущественно содѣйствовали къ ея очеловѣченію. Дѣйствіе великихъ произведеній искусства остается не въ одной лишь ближайшей ихъ сферѣ, но распространяется далеко и оказывается тамъ, гдѣ объ идеалахъ художника нѣтъ и помина.

„Представленія, образы, мысли—все это силы, и весьма дѣйствительныя силы въ человѣческомъ сознаніи. Ничто не прокрадется въ нашихъ мысляхъ безъ дѣйствія, хотя бы въ началѣ и незамѣтнаго. Прекрасные образы и зву-

ки вносятъ съ собою въ сознаніе это начало прекраснаго, ихъ отличающее. Оно не останется только при нихъ, а мало-по-малу пріобрѣтетъ свое отдѣльное значеніе, станетъ особою силою, которая войдетъ въ безчисленныя сочетанія и окажется въ самыхъ разнообразныхъ явленіяхъ нравственнаго міра. Но значеніе искусства простирается далѣе, чѣмъ признакъ прекраснаго, понимаемый въ обыкновенномъ своемъ смыслѣ. Художественная мысль познающая открываетъ намъ внутренній взоръ на явленія жизни и черезъ то расширяетъ наше сознаніе, сферу нашего умственнаго господства: словомъ, могущественно способствуетъ тому, изъ-за чего мы бьемся въ жизни. Требуйте отъ искусства прежде всего истины; требуйте, чтобы художественная мысль уловляла существенную связь явленій и проводила къ общему сознанію все то, что творится и дѣлается во мракѣ жизни; требуйте этого, и польза приложится сама собою, польза великая, ибо чего же лучше, если жизнь пріобрѣтаетъ свѣтъ, а сознаніе—силу и господство?

„Каждый въ мірѣ стоитъ за своимъ дѣломъ, и каждый притомъ служитъ орудіемъ одного великаго общаго дѣла. Честный труженикъ, приводящій въ движеніе тысячи колесъ и пружинъ въ видахъ вещественнаго благосостоянія, необходимаго для нравственнаго процвѣтанія общества, не имѣетъ, можетъ быть, въ кругу своихъ обычныхъ понятій никакого прямого отношенія къ искусству и поэзіи; скорѣе можетъ показаться онъ живымъ отрицаніемъ всякой поэзіи. Но что бы онъ ни думалъ про себя и какъ бы даже ни жаловался на безплодность отвлеченныхъ мыслей, все, что есть въ его дѣлѣ поистинѣ благороднаго, живого, способнаго къ развитію и ведущаго къ успѣхамъ, это—нравственное начало въ его дѣятельности, иногда самому ему неясное, но согрѣвающее его трудъ, — все это связано въ дѣйствительности со многими чисто-умственными движеніями, хотя бы и чуждыми его личному сознанію.

„Не заставляйте художника браться за „метлу“, какъ выразился Пушкинъ въ стихотвореніи „Чернь“. Повѣрьте, тутъ-то и мало будетъ нользы отъ него. Пусть, напротивъ, онъ дѣлаетъ свое дѣло; оставьте ему его „вдохновеніе“, его „сладкія“ звуки“, его „молитвы“. Если только вдохновеніе его будетъ истинно, онъ, не заботьтесь, будетъ полезенъ!

„Довѣримся вдохновенію истины и будемъ требовать отъ художника, какъ и отъ мыслителя, чтобы они только свято служили ей. Нечего заботиться о томъ, чтобы художникъ былъ крѣпокъ своей эпохѣ. Болѣе чѣмъ кто-нибудь, онъ созданъ духомъ своего народа и духомъ своего времени, и на немъ неизгладимо означенъ ихъ образъ. Вдохновенная мысль, воспитанная стремленіемъ къ истинѣ, первая усматриваетъ признаки времени. Въ ея произведеніяхъ сами собою отражаются господствующія начала и направленія эпохи. То, что происходитъ глухо въ умахъ, обрѣтаетъ себѣ выраженіе въ поэтическомъ сознаніи и возводится въ ясное для всѣхъ представленіе. Творческая мысль дѣйствительно владѣетъ могущественнымъ орудіемъ, и ея слово находитъ вѣрный путь къ сердцамъ; но оно только тогда бываетъ плодотворно, когда является ея свободнымъ и чистымъ выраженіемъ. Она оставляетъ по себѣ богатый запасъ запечатлѣнныхъ ею выраженій, которыя становятся общимъ

достояніемъ. Ими пользуется всякій, и славу Богу! Но творческая мысль пусть идетъ далѣе, и открываетъ новые пути, и дѣлаетъ новыя завоеванія. Остережемся, чтобы вмѣсто поэта не навязать себѣ на шею или фразера или доктринера. Фразеръ—это родъ, никуда негодный, и о немъ говорить не стоитъ; доктринеръ — дѣятель почтенный, но гораздо бы лучше ему дѣйствовать прямѣе, не прибѣгая къ формамъ художественнаго творчества! Поэма, повѣсть, драма, написанныя съ дидактическою или ораторскою цѣлью, часто только вредятъ вызвавшей ихъ мысли. Уму бываетъ въ нихъ душно, и вмѣсто живого дѣла часто производятъ они только томительную апатію. Лишь одинъ родъ поэзіи сближается съ искусствомъ оратора: это лирика, которую нельзя принимать за твердую форму собственно художественной дѣятельности. Лирика можетъ быть во всемъ, даже въ безмолвномъ поступкѣ, и наоборотъ, въ размѣренномъ складѣ летучаго стиха можетъ, болѣе или менѣе удачно, выразиться всякое душевное движеніе.

„Источникъ разногласія въ сужденіяхъ весьма часто заключаеття лишь въ сбивчивости словъ. Формула: „искусство для искусства", можетъ въ самомъ дѣлѣ заключать въ себѣ смыслъ весьма неблагопріятный, и отъ такого смысла должны мы освободить эстетическій законъ, дающій внутренную цѣль явленіямъ искусства. Все непріятно-поражающее умъ въ этомъ знаменитомъ выраженіи: „искусство для искусства", заключается въ представленіи, будто художникъ долженъ имѣть своею цѣлью только изящество исполненія, и тутъ мы съ полнымъ правомъ восклицаемъ: нѣтъ! искусство должно имѣть какую-либо болѣе существенную цѣль; пустъ оно лучше оставитъ тщеславное притязаніе находить въ самомъ себѣ цѣль для своихъ явленій, и будетъ лишь простымъ и честнымъ орудіемъ для другихъ назначеній, на которыя вызываетъ его жизнь съ своими битвами и стремленіями. Но дѣло въ томъ, что искусство именно тогда-то и будетъ лишено всякой внутренней цѣли, когда художественная дѣятельность будетъ заключаться только въ искусствѣ исполненія; тогда-то оно и превратится въ простое средство для достиженія постороннихъ и дѣйствительно суетныхъ цѣлей. Мы видимъ такое искусство во множествѣ литературныхъ явленій, которыхъ все назначеніе состоитъ лишь въ томъ, чтобы болѣе или менѣе пріятно занимать праздный досугъ читателя. Такое искусство видимъ мы тоже въ явленіяхъ временъ упадка, когда изсякаютъ источники всякой умственной производительности, и когда всѣ стремленія имѣютъ цѣлью только щекотать чувства, поражать эффектомъ и угождать прихотямъ вкуса. Подобныя явленія столь же мало соотвѣтствуютъ внутренней цѣли искусства, какъ и тѣ, въ которыхъ мысль прибѣгаетъ къ формамъ художественной дѣятельности для разныхъ практическихъ цѣлей. Хотя явленія этого послѣдняго рода гораздо предпочтительнѣе первыхъ въ нравственномъ отношеніи, но ни тамъ, ни тутъ нѣтъ истиннаго искусства, ни тамъ, ни тутъ не достигается та великая цѣль, въ которой состоитъ его сущность и заключается его необходимость для человѣческаго развитія. Эта цѣль есть сознаніе: художественное творчество есть дѣятельность мысли, приводящей къ сознанію то, что безъ ея посредства оставалось бы для него чуждымъ и нѣмымъ; дѣятельность мысли, которая вноситъ жизнь въ человѣческое сознаніе и сознаніе въ самые потаенные изгибы жизни.

„Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что отъ искусства въ чистомъ и существенномъ значеніи его проистекаетъ великая польза, и мы можемъ спокойно ограничиваться ею, не навязывая художнику никакихъ практическихъ побужденій для дѣятельности. Какое различіе между практическимъ направленіемъ мысли, и направленіемъ теоретическимъ, которое должно господствовать въ художественной дѣятельности? Практически направленная мысль имѣетъ своею цѣлью непосредственно склонять къ чему-нибудь волю, непосредственно побуждать людей къ поступку. Но чтобъ произвести такое дѣйствіе, мы по необходимости должны имѣть въ виду не одну только истину дѣла, но также и всѣ тѣ различныя обстоятельства, отъ которыхъ можетъ зависѣть рѣшеніе воли, и особенность ея настроенія въ данное время. Большею частію мы бываемъ принуждены обращать все вниманіе лишь на одну сторону предмета, часто должны бываемъ вовсе оставлять предметъ и всю силу слова устремлять на обстоятельства, совершенно ему постороннія; интересъ истины исчезаетъ; все разсчитывается только на практическое впечатлѣніе. Мы не отрицаемъ необходимости и такого рода дѣятельности, мы съ радостію привѣтствуемъ ее тамъ, гдѣ она встрѣчается въ достойномъ видѣ; пусть даже пользуется она для своихъ цѣлей художественными формами, но мы не хотимъ, чтобы она вытѣсняла искусство въ его собственномъ значеніи, и ставила себя на его мѣсто. Искусство, какъ наука, и дѣйствуетъ прежде всего раскрытіемъ предмета въ его истинѣ и потомъ уже предоставляетъ самой истинѣ дѣйствовать на убѣжденіе и волю. Впрочемъ ограждая самостоятельность искусства, мы съ другой стороны желали бы содѣйствовать къ уничтоженію той исключительности, въ какой иногда понимаютъ художественность и поэзію. Не только не должны онѣ быть связываемы съ какимъ-либо особымъ способомъ выраженія, напримѣръ съ формою стиха, но и вообще съ извѣстными родами произведеній. Художественность и поэзія могутъ сопровождать живую творческую мысль повсюду, какого бы предмета она ни касалась. Чтобы не ходить далеко за примѣромъ, приведемъ „Записки Оренбургскаго ружейнаго охотника“ С. Т. Аксакова, или, еще ближе, вышедшую на этихъ дняхъ его же книгу „Семейная Хроника“. Это не поэма и не драма: но сколько тутъ поэзіи и какая чистая художественность въ изображеніяхъ!

„Давая искусству независимое значеніе, мы не освобождаемъ художника отъ обязанности заботиться о содержаніи своихъ произведеній. Мы согласны, что печать высокой художественности отличаетъ и такія произведенія, которыя предметомъ своимъ имѣютъ самыя ничтожныя явленія жизни; но, какъ бы ни было ничтожно явленіе, мысль должна стоять высоко, чтобы понимать его сущность, и можетъ быть тѣмъ выше должна стоять она, чѣмъ ничтожнѣе постигаемое ею явленіе. Всякое ничтожество можетъ быть художественно воспроизводимо только такою мыслію, которая не останавливается на поверхности вещей и способна видѣть каждое явленіе въ его сущности, при свѣтѣ идеи, въ глубокой, обширной и сложной связи, дающей ему интересъ для разумѣнія“.

Г-жа Кохановская (1857) писала по поводу стихотворенія „Чернь“: „У Пушкина есть высокій циклъ особыхъ поэтическихъ произведеній, въ которыхъ онъ касается своего призванія. Во-первыхъ, объясняетъ

онъ намъ, какъ мы видѣли (см. № 138), двойственность жизни поэта. Слѣдуя порядку времени... мы становимся потомъ лицомъ къ лицу съ чуднымъ... созданіемъ Пушкина. Поэтъ въ лицо надменной осуждающей его черни гремитъ своимъ отвѣтомъ, который весь проникнутъ чувствомъ высшаго достоинства стремленій и цѣлей, не ставящихъ поэта въ уровень корыстной толпѣ".

Выписавъ стих. „Чернь", г-жа Кохановская продолжаетъ: „На высокихъ заключительныхъ стихахъ этого могучаго ямба ревнители пользы строятъ систему недостойныхъ обвиненій противъ Пушкина; будто бы онъ, въ своемъ исключительномъ значеніи художника, отрѣшалъ себя отъ общества; не признавалъ надъ собою правъ гражданства — почти переставалъ быть сыномъ родной земли; какъ служитель изящнаго не принадлежалъ толпѣ... Дадимъ трудъ представить: въ какихъ обстоятельствахъ вынеслись изъ души поэта его слова высокаго отчужденія отъ требованій толпы? Поэтъ пѣлъ безъ опредѣленной цѣли, разсѣянно; невольной вдохновенной пѣснью звучала его душа, и кто же былъ его слушателемъ? *Чернь* (а не вообще *народъ*, не вообще меньшая братія), не только не посвященная въ таинство восторженной души, изливающейся мелодической пѣснію, — но чернь холодная и надменная самою этой неспособностью понимать недоступное ей. „О чемъ бренчитъ? Чему насъ учитъ"? насмѣшливо толковала она, находя, что звучная пѣснь поэта напрасно поражаетъ ея ухо. „Какая отъ того польза?" Поэтъ отвѣчаетъ съ гнѣвомъ пылкаго поэта, чувствующаго себя и вдохновенную пѣснь свою выше сужденій тупоумной черни. „Тебѣ бы пользы все!" говоритъ онъ. „И Аполлона Бельведерскаго вы готовы свѣсить, чтобы узнать, сколько въ немъ пользы". Хотя поэтъ назвалъ чернь тупою, но она смышленная чернь и умѣетъ ловко извоpотиться. Она выставляетъ поэту на видъ общественную пользу (... „Сердца собратьевъ исправляй") и начинаетъ бросать въ освященное лицо поэта всей грязью и послѣдней осадочной тиною всего человѣчества—всѣхъ нечистотъ, которыя чернь находитъ у себя подъ рукою. „Подите прочь"! съ неодолимымъ отвращеніемъ отвѣчаетъ поэтъ,—и могъ ли онъ отвѣчать иначе? „Душѣ противны вы, какъ гробы". Мало того: вслушайтесь въ лукавый голосъ черни. Если бы она истинно искала исправленія и жаждала уроковъ, развѣ съ этой надменной холодностію стала бы она выставлять гной своихъ душевныхъ язвъ? Нѣтъ. Сгорая стыдомъ и раскаяніемъ, она упала бы къ ногамъ поэта и просила бы у него живого слова по крайней мѣрѣ съ тѣмъ же воплемъ, съ какимъ чернь умѣетъ просить о своихъ нуждахъ. Но она и не думаетъ просить. Съ холодной дерзостью она указываетъ на чувство всеобнимающей любви и говоритъ:

Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя.

И на этотъ кощунственный голосъ лукавой черни, что бы поэтъ отвѣчалъ святыми вдохновенными звуками души своей? Онъ не былъ бы тогда поэтомъ, глашатаемъ вѣковыхъ истинъ, а сталъ бы именно тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ глазахъ черни: заѣзжимъ фигляромъ, котораго чернь можетъ заставить

поломаться и показать его штуки. Во имя какихъ безстыдныхъ чувствъ и надменно выставленныхъ скверенъ души требуетъ себѣ уроковъ поэзіи чернь? Что же такое поэзія? Развѣ она кодексъ нравственныхъ сентенцій для черни?

Въ развратѣ каменѣйте смѣло:
Не оживитъ васъ лиры гласъ,

могъ смѣло сказать тотъ, кто серафимскимъ прикосновеніемъ къ глазамъ получилъ высшее прозрѣніе пророка (см. № 125) и лучше всякаго ревностнаго гражданина въ состояніи былъ видѣть: живъ ли, умеръ ли Богъ въ сердцахъ этихъ людей?.. Давать имъ смѣлые уроки? Но какой урокъ могъ быть смѣлѣй того, когда поэтъ эту корыстную, мятущуюся чернь, всю погрязшую въ алчныхъ прибыткахъ, огласилъ неслыханными для нея словами:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ—
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ,

но не для „ученья" черни... Тотъ, кто въ безмолвномъ величіи пустыни рукою Серафима посвятилъ поэта, не сказалъ ему: „учи людей", а иди—

Глаголомъ жги сердца людей.

„И это созданіе Пушкина не исполняетъ своего назначенія? Поэтъ въ справедливомъ гнѣвѣ отвергаетъ учить насъ; но пылъ его благороднаго негодованія болѣе, нежели учитъ—онъ жжетъ намъ сердце. Онъ тонкимъ ощутимымъ пламенемъ западаетъ въ душу, и, если есть тамъ малѣйшая искра божественнаго рожденія, она загорается.

„Душа горитъ, встрѣчая нареканія, что Пушкинъ, отдавшись воззрѣніямъ отвлеченной теоріи, искусству для искусства, уединился въ своемъ художническомъ призваніи и отрѣшилъ себя отъ нуждъ и стремленій толпы — отъ того, что мы зовемъ теперь искусствомъ для блага, для пользы. Слѣдовательно послѣдняя дѣятельность Пушкина не принесла намъ пользы? И его созданія, какъ „Борисъ Годуновъ", „Каменный гость" и „Мѣдный всадникъ", не суть наше высшее поэтическое *благо* высокой цѣны? Но какъ могла получиться эта цѣна, когда Пушкинъ отдалилъ себя отъ того, что даетъ основаніе человѣческому труду: отъ блага и пользы своихъ собратій? Онъ отдалилъ себя отъ *толпы*, а это еще вовсе не значитъ удалить себя отъ общественнаго блага, и отказываясь быть набатомъ черни, перестать быть тѣмъ, чѣмъ долженъ быть поэтъ: глашатаемъ вѣковыхъ истинъ... Поэтъ есть высшее индивидуальное проявленіе народности. На своемъ благородномъ лицѣ онъ выноситъ полнѣйшій отпечатокъ міровой личности своего народа въ ея высшихъ основныхъ проявленіяхъ, а не въ обыденныхъ нуждахъ и житейскомъ волненіи *толпы*. Итакъ: удаляясь отъ толпы и входя въ самого себя, поэтъ этимъ самымъ приближается къ исполненію своего назначенія, отстраняя все мелкое и случайное, чѣмъ безсознательно живетъ и движется *чернь*, и вступая подъ вдохновенное осѣненіе того широкаго національнаго чувства, съ ка-

кимъ родной *народъ* поэта принимаетъ въ себя вѣковыя истины и развиваетъ ихъ въ своей высшей сознательной жизни — въ мірѣ идей и идеаловъ родного поэта".

Напеч. впервые въ „Моск. Вѣстн." 1829 г., ч. I безъ эпиграфа.

Procul este, profani.

Поэтъ по лирѣ вдохновенной
Рукой разсѣянной бряцалъ,
Онъ пѣлъ—а хладный и надменный,
Кругомъ народъ непосвященный,
Ему безсмысленно внималъ.

И толковала чернь тупая:
„Зачѣмъ такъ звучно онъ поетъ?
Напрасно ухо поражая,
Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?
О чемъ бренчитъ? Чему насъ учитъ?
Зачѣмъ сердца волнуетъ, мучитъ,
Какъ своенравный чародѣй?
Какъ вѣтеръ, пѣснь его свободна,
Зато какъ вѣтеръ и безплодна:
Какая польза намъ отъ ней?"

ПОЭТЪ.

Молчи, безсмысленный народъ,
Поденщикъ, рабъ нужды, заботъ!
Несносенъ мнѣ твой ропотъ дерзкій.
Ты червь земли, не сынъ небесъ:
Тебѣ бы пользы все—на вѣсъ
Кумиръ ты цѣнишь Бельведерскій.
Ты пользы, пользы въ немъ не зришь.
Но мраморъ сей вѣдь богъ!.. Такъ что же?
Печной горшокъ тебѣ дороже:
Ты пищу въ немъ себѣ варишь.

ЧЕРНЬ.

Нѣтъ, если ты небесъ избранникъ,
Свой даръ, божественный посланникъ,
Во благо намъ употребляй:
Сердца собратьевъ исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Безстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцемъ хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки:
Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя.

ПОЭТЪ.

Подите прочь—какое дѣло
Поэту мирному до васъ!
Въ развратѣ каменѣйте смѣло;
Не оживитъ васъ лиры гласъ!
Душѣ противны вы какъ гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры;
Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!
Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Сметаютъ соръ—полезный трудъ!—
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у васъ метлу берутъ?
Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

---

159. Шотландская пѣсня.

(1828).

Пѣсня эта, которой Пушкинъ сообщилъ народный складъ, есть передѣлка шотландской пѣсни [1]).

Напеч. впервые въ „Сѣв. Цв.“ 1829 г. подъ заглавіемъ: „Два ворона“.

---

1 Воронъ къ ворону летитъ,
Воронъ ворону кричитъ:
Воронъ, гдѣ бъ намъ отобѣдать?
Какъ бы намъ о томъ провѣдать?

2 Воронъ ворону въ отвѣтъ:
Знаю, будетъ намъ обѣдъ:
Въ чистомъ полѣ подъ ракитой
Богатырь лежитъ убитый.

3 Кѣмъ убитъ и отчего,
Знаетъ соколъ лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

4 Соколъ въ рощу улетѣлъ,
На кобылку недругъ сѣлъ,
А хозяйка ждетъ милова,
Не убитаго, живова.

---

160. Отвѣтъ Катенину.

(1828).

П. А. Катенинъ—одинъ изъ современныхъ Пушкину поэтовъ—пользовался въ свое время заслуженною извѣстностью. Его поэтическая дѣя-

---

1) Г. Ефремовъ (Соч. II, 406) упоминаетъ о переводѣ этой пѣсни, помѣщенномъ въ Галатеѣ 1830 г., ч. 12—Бѣлинскій назвалъ ее передѣлкою баллады Вальтеръ Скотта. Но подобной баллады у В. Скотта не оказывается.

тельность относится къ 1809 — 1832 годамъ. Стихотворенія его отличались разнообразіемъ и оригинальностію. Одно стихотвореніе его („Пѣвецъ Усладъ“ 1817) было переведено на французскій языкъ кн. Голицынымъ и помѣщено въ парижскомъ журналѣ: Le Mercure du XIX siècle. Большая часть произведеній Катенина — переводы. Онъ переводилъ изъ Виргилія, Біона, Данта, Тасса, Аріоста, Оссіана, Геснера, Гёте, Бюргера, Шиллера, Гердера, Корнеля, Расина и др., и если бы менѣе допускалъ обветшалыхъ словъ и выраженій, то многія изъ его произведеній нашли бы большій кругъ читателей. Хорошо знакомый съ иностранной литературой, онъ оказывалъ услугу своими переводами и литературѣ, и театру. Въ сотрудничествѣ съ кн. Шаховскимъ, Жандромъ и Чепеговымъ онъ участвовалъ въ переводѣ Корнеліевой трагедіи „Горацій“, шедшей въ 1817 г. на петербургской сценѣ въ бенефисъ актера Брянскаго. Черезъ два года онъ принялъ подобное же участіе въ переводѣ „Медеи“, трагедіи Лонжъ-Пьера для бенефиса знаменитой петербургской трагической актрисы Семеновой, вмѣстѣ съ бар. Дельвигомъ, Гнѣдичемъ и Поморскимъ. Катенинъ оказывалъ услуги театру и непосредственнымъ руководствомъ актеровъ. Такъ ему многимъ былъ обязанъ трагикъ Каратыгинъ. Изъ переводовъ его съ италіанскаго особеннаго вниманія заслуживаетъ переводъ терцинами первыхъ трехъ пѣсенъ Дантова Ада и эпизода объ Уголино. Романсы о Сидѣ Гердера были имъ переведены ранѣе Жуковскаго, но появленіе ихъ въ свѣтъ замедлилось, и при своемъ выходѣ они уже утратили прелесть новизны и, конечно, много потеряли отъ сравненія съ переводомъ Жуковскаго.

Пушкинъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ Катенинымъ. „Наша связь“ — такъ опредѣляетъ ихъ самъ Пушкинъ въ письмѣ къ нему 14 сент. 1825 г.,—„основана не на одинаковомъ образѣ мыслей“ (Катенинъ во вкусахъ своихъ склонялся къ французскому классицизму), „но на любви къ одинаковымъ занятіямъ“. Высказывая мысли о необходимости серьезной критики, Пушкинъ въ февралѣ 1826 г. приглашаетъ Катенина взяться за нее. Отвѣчая въ томъ же письмѣ на сообщенный ему Катенинымъ замыселъ издать альманахъ, Пушкинъ пишетъ ему: „Вмѣсто альманаха не затѣять ли намъ журналъ въ родѣ Edinburgh Review? Голосъ истинной критики необходимъ у насъ; кому же, какъ не тебѣ, забрать въ руки общее мнѣніе и дать нашей словесности новое, истинное направленіе? Покамѣстъ, кромѣ тебя, нѣтъ у насъ критики. Многіе (въ томъ числѣ и я) много тебѣ обязаны; ты отучилъ меня отъ односторонности въ литературныхъ мнѣніяхъ, а односторонность есть пагуба мысли. Если бы согласился ты сложить разговоры твои на бумагу, то великую пользу принесъ бы ты русской словесности“.

Въ 1828 году Катенинъ прислалъ Пушкину свою балладу „Старая быль“ при посвященіи. Пушкинъ передалъ балладу въ „Сѣверные Цвѣты“ барона Дельвига, въ письмѣ къ которому выразилъ увѣренность, что издателю будетъ пріятно украсить ею альманахъ. Въ балладѣ этой изображенъ праздникъ кн. Владиміра, назначившаго состязаніе пѣвцовъ. Первою наградою онъ опредѣлилъ персидскаго бѣлаго черногриваго коня съ дорогою сбруею, кольчугу и оружіе; второю наградою—кубокъ, врученный Цимисхіемъ Святославу. На состязаніе выступили грекъ и русскій. Грекъ спѣлъ хвалебную пѣсню князю. Князь послѣ того избавилъ русскаго пѣвца отъ состязанія, признавая его способнымъ болѣе владѣть оружіемъ, нежели

гуслями, и самъ назначилъ ему кубокъ Святослава, которому онъ вѣрно служилъ въ задунайскихъ походахъ. Въ посланіи своемъ, приложенномъ въ этой балладѣ, Катенинъ осмѣиваетъ археологовъ, которые тщетно будутъ разыскивать дары князя Владиміра счастливому греку; кубокъ же, по словамъ баллады, сохранился: онъ завороженъ, и пить изъ него можетъ только истинный поэтъ. Въ заключеніи своего посланія Катенинъ предлагаетъ Пушкину выпить изъ этой поэтической чаши вина, чтобы почерпнуть вдохновеніе для новыхъ произведеній [1]).

Въ отвѣтѣ своемъ Пушкинъ отказывается отъ напитка, страшась погони за новою славою, и предоставляетъ искать ее переводчику Корнеля и Тасса.

Отвѣтъ Пушкина напечатанъ въ „Сѣв. Цв.“ 1829 г.

---

1 Напрасно, пламенный поэтъ,
Свой чудный кубокъ мнѣ подносишь
И выпить за здоровье просишь:

---

1) Вотъ это посланіе Катенина:

А. С. Пушкину.

Вотъ старая, мой милый, быль,
А можетъ быть и небылица;
Сквозь мракъ вѣковъ и хартій пыль
Какъ распознать? дѣла и лица—
Все такъ темно, пестро, что самъ,
Самъ нашъ Исторьографъ почтенный,
Прославленный, пренагражденный,
Едва ль не сбился тамъ и сямъ,
Но вѣрно, что съ большимъ стараньемъ,
Стариннымъ убѣжденъ преданьемъ,
Одинъ ученый нашъ искалъ
Подарковъ, что пѣвцамъ въ награду
Владиміръ щедрый раздавалъ,
И вообрази его досаду,
Вѣдь не нашелъ.—Конь вѣрно палъ,
О славныхъ латахъ слухъ пропалъ:
Французы ль какъ пришли къ Царьграду
(Они вѣдь шли въ Ерусалимъ
За гробъ Христовъ святымъ походомъ,
Да сбились, и случилось имъ
Царьградъ разграбить мимоходомъ),
Французы ли, скажу опять,
Изволили въ числѣ трофеевъ
Ихъ у наслѣдниковъ отнять,
Да по обычаю злодѣевъ
Въ Парижскій свой музеумъ взять:
Иль время, лѣтъ трудившись двѣсти,
Подъѣло ржавчиной булатъ,
Но только не дошло къ намъ вѣсти
Объ участи несчастныхъ латъ.
Лишь кубокъ, говорятъ, остался
Одинъ въ живыхъ изъ всѣхъ наградъ;
Изъ рукъ онъ въ руки попадался,
И даже часто невпопадъ:
Гулялъ, бродилъ по бѣлу свѣту,
Но къ настоящему поэту
Пришелъ однако на житье.
Ты съ нимъ, счастливецъ поживаешь;
Въ него ты черезъ край вливаешь
Свое волшебное питье,
Въ которомъ Вакха лозъ огнистыхъ
Румяный, сочный вкусный плодъ
Растворенъ свѣжестію чистыхъ
Живительныхъ Кастальскихъ водъ.
Когда за скуку въ утѣшенье
Неугомонною судьбой
Дано мнѣ будетъ позволенье,
Мой другъ увидѣться съ тобой,
Изъ кубка, сдѣлай одолженье,
Меня питьемъ своимъ напой;
Но не облей неосторожно:
Онъ, я слыхалъ, завороженъ,
И смѣло пить тому лишь можно,
Кто сыномъ Фебовымъ рожденъ,
Невиннымъ опытомъ сначала
Узнай, правдивъ ли этотъ слухъ:
Младыхъ романтиковъ хоть двухъ
Проси отвѣдать изъ бакала;
И если, капли не проливъ,
Напьются милые свободно,
Тогда и слухъ конечно лживъ,
И можно пить кому угодно;
Но если, Боже сохрани,
Замочатъ пазуху они,
Тогда и я желанье кину,

Не пью, любезный мой сосѣдъ! [2])
Товарищъ милый, но лукавый,
Твой кубокъ полонъ не виномъ,
Но упоительной отравой:
Онъ заманитъ меня потомъ
Тебѣ во слѣдъ опять за славой.
Не такъ ли опытный гусаръ,
Вербуя рекрута, подноситъ
Ему веселый Вакха даръ,
Пока воинственный угаръ
Его на мѣстѣ не подкоситъ?
Я самъ служивый: мнѣ домой
Пора убраться на покой.
Останься ты въ строяхъ Парнаса,
Предъ дѣломъ кубокъ наливай,
И лавръ Корнеля или Тасса
Одинъ съ похмелья пожинай.

10 ноября, 1828. Малинники.

---

161. Отвѣтъ А. И. Готовцевой.
(1828).

Къ литературному кругу двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ принадлежала Анна Ивановна Готовцева. Мы имѣемъ поэтическую характеристику этой писательницы въ „Стансахъ“ кн. Вяземскаго (1829), который руководилъ ее своими совѣтами въ ея литературной дѣятельности. Вотъ эти „Стансы“:

---

1 Благоуханіемъ души
И прелестью, подобно розѣ,
И безъ поэзіи, и въ прозѣ,
Вы достовѣрно хороши.

2 Но мало было вамъ тревожить
Въ насъ вдохновительные сны:
Вы захотѣли ихъ умножить
Дарами счастливой весны.

3 Вы захотѣли примирить
Существенность съ воображеньемъ,
За вдохновенье вдохновеньемъ,
За пѣсни пѣснями платить.

4 Дается рѣдкому поэту
Быть поэтическимъ лицомъ:
Въ гостиной смотритъ сентябремъ,
Кто чародѣй по кабинету.

5 Но въ васъ, любимицѣ наукъ,
Съ плодомъ цвѣтъ свѣжій неразлученъ:
Съ улыбкой вашею созвученъ
И стихъ вашъ, сердца чистый звукъ.

Въ урокъ поставлю ихъ бѣду
И въ слѣдъ Ринальду-паладину
Благоразуміемъ пойду:
Надеждой ослѣпленъ пустою,
Опаснымъ не прельщусь питьемъ,
И въ дѣло не входя съ судьбою,
Останусь лучше при своемъ;
Наливъ, тебѣ подамъ я чашу,
Ты выпьешь, духомъ закипишь,
И тихую бесѣду нашу
Байронскимъ пѣньемъ огласишь.

2) Стихъ Державина изъ его піесы: „Философы пьяный и трезвый“ (1789).

Эта-то Готовцева напечатала въ „Сѣв. Цв." за 1829 г. посланіе Пушкину подъ заглавіемъ: „А. С. П.". Вотъ оно:

О Пушкинъ! Слава нашихъ дней!
Поэтъ, любимый небесами!
Ты вѣкъ нашъ на зарѣ своей
Украсилъ дивными цвѣтами:
Кто выразитъ тебя сильнѣй
Природы блескъ и чувства сладость,
Восторгъ любви и сердца радость,
Тоску души и пылъ страстей?
Кто не дивится вдохновеньямъ,
Игривой юности мечтамъ...
Свободной мысли выраженьямъ,
Которыя ты предалъ намъ!
Въ неподражаемой картинѣ
Ты намъ Кавказъ изобразилъ,
И дѣву горъ, и плѣнъ въ чужбинѣ,
Черкесовъ жизнь въ родной долинѣ
Волшебной кистью оживилъ;
Дворецъ и садъ Бахчисарая,
Фонтанъ любви, грузинки месть,
Изъ края въ край не умолкая
Гласятъ поэту славы вѣсть.
Одно... Но гдѣ же совершенство?
Въ лунѣ и солнцѣ пятна есть!
. . . .
. . . .
Несправедливъ твой приговоръ;
Но порицать тебя не смѣемъ:
Мы генію простить умѣемъ—
Молчанье выразитъ укоръ.

Г. Гаевскій предполагаетъ, что поводомъ къ этимъ загадочнымъ упрекамъ послужилъ отрывокъ изъ „Евг. Онѣгина" подъ заглавіемъ „Женщины", напечатанный въ „Моск. Вѣстникѣ" 1827 г., или „Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія", явившіяся безъ подписи Пушкина въ „Сѣв. Цв." 1828 г., гдѣ между прочимъ Пушкинъ писалъ:

„Жалуются на равнодушіе русскихъ женщинъ къ нашей поэзіи, полагая тому причиною незнаніе отечественнаго языка; но какая же дама не пойметъ стиховъ Жуковскаго, Вяземскаго или Баратынскаго? Дѣло въ томъ, что женщины вездѣ тѣ же. Природа, одаривъ ихъ тонкимъ умомъ и чувствительностію самой раздражительной, едва ли не отказала имъ въ чувствѣ изящнаго. Поэзія скользитъ по слуху ихъ, не досягая души, онѣ безчувственны къ ея гармоніи; примѣчайте, какъ онѣ поютъ модные романсы, какъ искажаютъ стихи самые естественные, разстраиваютъ мѣру, уничтожаютъ риѳму. Вслушивайтесь въ ихъ литературныя сужденія, и вы удивитесь кривизнѣ и даже грубости ихъ понятія... Исключенія рѣдки". Или:

„Одна дама (впрочемъ очень милая) при мнѣ открывъ вторую часть (Исторіи Карамзина), прочла вслухъ: Владиміръ усыновилъ Святополка, однакожъ не любилъ его... „О д н а к о! зачѣмъ не н о? однако! чувствуете ли всю ничтожность вашего Карамзина?.."

Пушкинъ, только изъ учтивости отвѣчавшій на посланіе Готовцевой, очень затруднялся и медлилъ отвѣтомъ. „Вотъ тебѣ", писалъ онъ изъ Малинниковъ Дельвигу въ ноябрѣ 1828 г., „въ Цвѣты, отвѣтъ Катенину (см. № 160) вмѣсто отвѣта Готовцевой, который не готовъ. Я совершенно разучился любезничать". „Вотъ тебѣ отвѣтъ Готовцевой, чортъ ее побери!" писалъ онъ наконецъ 26 ноября. „Какъ ты находишь ces petits vers froids et coulants? Что-то написалъ ей мой Вяземскій (см. выше), а отъ меня ей мало барыша. Да въ чемъ она меня и впрямь упрекаетъ? Въ неучтивостяхъ ли противу прекраснаго полу..., или въ безпорядочномъ поведеніи? Господь ее знаетъ!"

Отвѣтъ Пушкина впервые былъ напечатанъ въ „Сѣв. Цв.“ 1829 г.

И недовѣрчиво и жадно
Смотрю я на твои цвѣты.
Кто, строгій стоикъ, приметъ хладно
Привѣтъ харитъ и красоты?
Горжуся имъ, но и робѣю:
Твой недосказанный упрекъ
Я разгадать вполнѣ не смѣю.
Твой гнѣвъ ужели я навлекъ?
О, сколько бъ мукъ себѣ готовилъ
Красавицъ вѣтреный Зоилъ,
Когда бъ предательски злословилъ
Сей полъ, которому служилъ!
Любви безумствомъ и волненьемъ
Наказанъ былъ бы онъ, а ты
Была всегда бъ опроверженьемъ
Его печальной клеветы.

---

162. И. В. Сленину.

(1828).

Посланіе это обращено къ книгопродавцу И. В. Слёнину, книжный магазинъ котораго былъ мѣстомъ сборищъ литераторовъ.

Напеч. впервые въ „Сѣв. Цв.“ 1829 г.

Я не люблю альбомовъ модныхъ:
Ихъ ослѣпительная смѣсь
Аспазій нашихъ благородныхъ
Провозглашаетъ только спесь.
Альбомъ красавицы уѣздной,
Альбомъ домашній и простой
Милѣй болтливостью любезной
И безыскусной пестротой.
Ни здѣсь, ни тамъ, скажу я смѣло,
Являться впрочемъ не хочу;
Но твой альбомъ—другое дѣло,
Охотно дань ему плачу.
Тобой питомцамъ Аполлона
Не изъ тщеславья онъ открытъ:
Царицъ ты любишь Геликона
И ими самъ не позабытъ;
Вхожу въ него прямымъ поэтомъ,
Какъ въ дружескій, пріятный домъ,
Почтивъ хозяина привѣтомъ
И ларъ молитвеннымъ стихомъ.

---

163. В. С. Филимонову.

(1828).

Владиміръ Сергѣевичъ Филимоновъ († 1858) принадлежалъ къ литературному кругу Жуковскаго, Пушкина и кн. Вяземскаго. Онъ и самъ писалъ кое-что, напр.: поэму „Дурацкій колпакъ“ (1828), „Непостижимая“...

Посланіе Пушкина написано по поводу полученной отъ автора поэмы „Дурацкій колпакъ“.

Напеч. впервые въ „Невскомъ Альбомѣ“ 1841 г.

Вамъ музы, милыя старушки,
Колпакъ связали въ добрый часъ,
И, прицѣпивъ къ нему гремушки,
Самъ Фебъ надѣлъ его на васъ.
Хотѣлось въ томъ же мнѣ уборѣ
Предъ вами нынче щегольнуть
И въ откровенномъ разговорѣ,
Какъ вы, на многое взглянуть;
Но старый мой колпакъ изношенъ,
Хоть и любилъ его поэтъ;
Онъ поневолѣ мной заброшенъ:
Не въ модѣ нынѣ красный цвѣтъ.
Итакъ, въ знакъ мирнаго привѣта,
Снимая шляпу, бью челомъ,
Узнавъ философа поэта
Подъ осторожнымъ колпакомъ.

---

164. Собраніе насѣкомыхъ.

(1828).

Написанное въ 1828 г. [1]) и напечатанное безъ именъ въ „Подснѣжникѣ“ 1830 г., стихотвореніе это было перепечатано въ № 43 „Литературной Газеты“ того же года, гдѣ было приложено шутливое объясненіе, что „скоро это стихотвореніе выйдетъ особой книгой, съ предисловіями, примѣчаніями и біографическими объясненіями, съ присовокупленіемъ всѣхъ критикъ, коимъ оно подало поводъ, и съ опроверженіемъ оныхъ. Изданіе сіе украшено будетъ искусно литохромированнымъ изображеніемъ насѣкомыхъ. Цѣна 25 р.“. Сравни съ эпиграммами 1824 г. (стр. 217).

Какія крохотны коровки:
Есть, право, менѣе булавочной головки.
Крыловъ.

Мое собранье насѣкомыхъ
Открыто для моихъ знакомыхъ:
Ну, что за пестрая семья!
За ними гдѣ не рылся я?
Зато какая сортировка!

---

1) По свидѣтельству рукописи (См. Ефремова Соч. II. II, 411).

Вотъ Глинка [2])—Божія коровка,
Вотъ Каченовскій [3])—злой паукъ,
Вотъ и Свиньинъ [4])—россійскій жукъ,
Вотъ Олинъ [5])—черная мурашка [а],
Вотъ Раичъ [6])—мелкая букашка [б].
Куда ихъ много набралось!
Опрятно за стекломъ и въ рамахъ
Они, пронзенные насквозь,
Рядкомъ торчатъ на эпиграммахъ.

---

165. Примѣты.

(1829).

Это стихотвореніе написано А. А. Олениной (см. № 145 и 153). Ап. Григорьевъ, (1859) указываетъ на него, какъ на образецъ выраженія первоначальныхъ признаковъ любви, замѣчательнаго своею простотою, наравнѣ съ 5—7 строфами № 123-го.

Напеч. впервые въ „Подснѣжникѣ“ 1829 г.

---

1 Я ѣхалъ къ вамъ; живые сны
За мной вились толпой игривой,
И мѣсяцъ съ правой стороны
Сопровождалъ мой бѣгъ ретивый [в].

2 Я ѣхалъ прочь: иные сны...
Душѣ влюбленной грустно было,
И мѣсяцъ съ лѣвой стороны
Сопровождалъ меня уныло.

3 Мечтанью вѣчному въ тиши
Такъ предаемся мы, поэты;
Такъ суевѣрныя примѣты
Согласны съ чувствами души.

[а] тощая піявка (Подсн.).—[б] мелкая козявка (Подсн.).
[в] Осеребрялъ мнѣ бѣгъ ретивый. *Послѣ:* Сопровождалъ мой путь... (Рукоп.).

[2]) См. № 78.—[3]) См. № 114.—[4]) Павелъ Петровичъ Свиньинъ (1787—1839) получилъ образованіе въ моск. университетѣ, въ 1808 г. былъ при посольствѣ въ Лиссабонѣ, потомъ въ Соединенныхъ штатахъ, гдѣ пробылъ до 1813 г. Во время путешествія написалъ: „Взглядъ на республику Соединенныхъ Американскихъ областей“, „Опытъ живописнаго путешествія по сѣв. Америкѣ“ и „Воспоминанія на флотѣ“. Въ 1816 г. издалъ „Достопамятности Петербурга“, а въ 1820 г. основалъ журналъ „Отечественныя Записки“, которыя и издавалъ до 1830 г. Удалившись въ этомъ году въ свою деревню Костромской губ., занялся исключительно составленіемъ исторіи Петра I, которую окончилъ въ 1838 г. Она напечатана не была. По возвращеніи въ Петербургъ снова взялся за изданіе „Отеч. Записокъ“ и вскорѣ умеръ.—[5]) Олинъ—журналистъ.—[6]) Семенъ Егоровичъ Раичъ — переводчикъ Аріостова „Неистоваго Орланда“ (1832—1837), Тассова „Освобожденнаго Іерусалима“ (1828), Виргиліевыхъ „Георгикъ“ (1821) и издатель альманаховъ.

166. Въ альбомъ.

(1816).

Предполагаютъ, что это стих. относится къ А. А. Олениной.
Напеч. впервые въ „Лит. Газетѣ“ 1830, № 20.

---

1 Что въ имени тебѣ моемъ?
Оно умретъ, какъ шумъ печальный
Волны, плеснувшей въ берегъ дальній,
Какъ звукъ ночной въ лѣсу глухомъ.

2 Оно на памятномъ листкѣ
Оставитъ мертвый слѣдъ, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятномъ языкѣ.

3 Что въ немъ? Забытое давно
Въ волненьяхъ новыхъ и мятежныхъ,
Твоей душѣ не дастъ оно
Воспоминаній чистыхъ, нѣжныхъ.

4 Но въ день печали, въ тишинѣ
Произнеся его тоскуя,
Скажи: есть память обо мнѣ,
Есть въ мірѣ сердце, гдѣ живу я.

---

167. Я васъ любилъ...

(1829).

И это стихотвореніе было написано также къ А. А. Олениной.

Оно причислено Бѣлинскимъ (1844) къ числу артистическихъ произведеній Пушкина, трогающихъ душу. Разсматривая рядъ стихотвореній, въ которыхъ Пушкинъ выражаетъ тонкія черты сердечныхъ чувствованій, Ап. Григорьевъ (1858) по поводу этого стихотворенія писалъ: „Одно стих. „Я васъ любилъ“—эта тема, на которую потомъ написано было столько варіацій и дурныхъ и нерѣдко хорошихъ, и болѣзненныхъ, и изрѣдка правильныхъ,—уже цѣлая поэма“. Выписавъ стихи—онъ прибавляетъ: „Послѣдній (8-й) стихъ несравнимъ ни съ чѣмъ; онъ—высокочеловѣческій. Нѣжная мысль, въ немъ являющаяся, еще опредѣленнѣе сказалась въ заключительныхъ стихахъ другого, позднѣйшаго стихотворенія (см.: „Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я...“ 1832). Это самоотверженіе чувства встрѣтите вы только у Пушкина, да развѣ еще у Мицкевича, и то, впрочемъ, не въ такой чистотѣ“.

Напеч. впервые въ „Сѣв. Ц.“. 1830 г.

Я васъ любилъ: любовь еще, быть можетъ,
Въ душѣ моей угасла не совсѣмъ;
Но пусть она васъ больше не тревожитъ;
Я не хочу печалить васъ ничѣмъ.
Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томимъ;
Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ.

VI.

Кавказскія стихотворенія 1829 года.

„Въ 1829 году“, писалъ Пушкинъ, „отправился я на Кавказъ... Мнѣ захотѣлось туда съѣздить для свиданія съ братомъ (служившимъ тогда въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку) и нѣкоторыми изъ моихъ пріятелей. Пріѣхавъ въ Тифлисъ, я уже никого изъ нихъ не нашелъ: армія выступила въ походъ (тогда начались военныя дѣйствія Паскевича въ Азіатской Турціи). Желаніе видѣть войну и сторону малоизвѣстную побудило меня просить у Его Сіятельства гр. Паскевича-Эриванскаго дозволенія пріѣхать въ армію. Такимъ образомъ видѣлъ я блистательный походъ, увѣнчанный взятіемъ Арзрума“ [1]).

Пушкинъ выѣхалъ изъ Москвы 1-го мая. Дорогою онъ пожелалъ посѣтить знаменитаго ген. Ермолова, жившаго на покоѣ въ Орлѣ, и сдѣлалъ для того нарочно верстъ двѣсти лишнихъ. Оттуда онъ отправился черезъ Елецъ и воронежскія степи. Проѣзжая чрезъ кочевья калмыковъ, Пушкинъ посѣтилъ одну изъ ихъ кибитокъ. Изъ Георгіевска заѣхалъ онъ на Горячія воды, въ устройствѣ которыхъ нашелъ большую перемѣну со времени перваго посѣщенія Кавказа. Отъ Екатеринограда Пушкинъ слѣдовалъ по Военно-грузинской дорогѣ подъ охраною казачьяго и пѣхотнаго конвоя съ пушкою. Чрезъ Дарьяльское ущелье вступилъ онъ въ Закавказье.

Грузія произвела отрадное впечатлѣніе на Пушкина. Въ Тифлисѣ прожилъ онъ около двухъ недѣль, поджидая извѣстій изъ арміи отъ Н. Н. Раевскаго изъ-подъ Карса. Получивъ извѣстіе, что войскамъ предстоитъ дальнѣйшее передвиженіе, Пушкинъ поспѣшилъ къ Карсу. Въ Арменіи встрѣтилъ онъ арбу, на которой везли изъ Персіи тѣло убитаго Грибоѣдова.

Наблюдая природу и жителей Арменіи, Пушкинъ достигъ Карса, а оттуда поспѣшилъ въ лагерь, расположенный по Карсъ-Чаю. Тамъ ожидала его палатка Раевскаго. Вскорѣ явился туда и его братъ Левъ и лицейскій товарищъ Вальховскій. Въ тотъ же день поэтъ былъ представленъ г. Паскевичу, который принялъ его очень радушно. Съ этого дня Пушкинъ уже не покидалъ

---

[1]) Р. С. 1884, ноябрь, 373.

арміи, раздѣляя съ братомъ и друзьями всѣ лишенія походной жизни. Въ лагерѣ онъ былъ одинъ въ статскомъ платьѣ и шутливо писалъ въ Москву, что солдаты принимаютъ его за пастора. При перестрѣлкахъ съ непріятелемъ, во время передвиженія войскъ, Пушкина видали впереди скачущихъ казаковъ или драгунъ подъ выстрѣлами [1]). Паскевичъ неоднократно предупреждалъ поэта, что ему опасно вырываться такъ далеко, и совѣтовалъ находиться во время дѣла неотлучно при немъ; но видя, что Пушкинъ совѣтовъ его не исполняетъ, приказалъ ему оставить армію. Онъ подарилъ Пушкину на память шашку, на клинкѣ которой поэтъ заказалъ сдѣлать надпись: 18 іюля 1829 года".

19 іюля онъ отправился въ обратный путь. Посѣтилъ въ Тифлисѣ могилу Грибоѣдова и останавливаясь дорогою во Владикавказѣ и Горячеводскѣ, уже поздней осенью прибылъ Пушкинъ въ Москву, а въ половинѣ ноября былъ уже въ Петербургѣ. Во время пребыванія на Кавказѣ Пушкинъ велъ журналъ (см. „Путешествіе въ Арзрумъ").

О кавказскихъ стихотвореніяхъ Пушкина замѣчаетъ г. Анненковъ: „Это—замѣчательно свѣжія и вмѣстѣ смѣлыя картины природы, составляющія драгоцѣнные перлы описательной поэзіи. Природа вообще отражалась удивительно полно и ясно въ душѣ художника и въ его произведеніяхъ. Онъ не ловилъ впечатлѣній ея съ усиліемъ, съ боязнью недосмотрѣть или недосказать чего-либо. Картины природы у Пушкина вмѣстѣ съ впечатлѣніемъ и даже въ стихахъ отражаютъ характеръ каждаго явленія, возбудившаго ихъ".

---

168. Зорю бьютъ...

(1829).

Набросокъ этотъ сохранилъ одно изъ впечатлѣній жизни поэта при арміи. Оно свидѣтельствуетъ, что на Кавказѣ Пушкинъ, не покидавшій чтенія во время своихъ поѣздокъ, читалъ Данта. Зоревой барабанъ напоминалъ ему

---

[1]) „Паскевичъ очень любезно принялъ Пушкина", пишетъ А. С. Гангебловъ въ своихъ воспоминаніяхъ, „предложилъ ему палатку въ своемъ штабѣ, но тотъ предпочелъ не разставаться со своимъ старымъ другомъ Раевскимъ: съ нимъ и занималъ онъ палатку въ лагерѣ его полка, отъ него не отставалъ и при битвахъ съ непріятелемъ. Такъ онъ былъ, между прочимъ, въ большомъ Саганлугскомъ дѣлѣ. Мы, піонеры, оставались въ прикрытіи штаба и занимали высоту, съ которой, не сходя съ коня, Паскевичъ наблюдалъ за ходомъ сраженія. Когда главная масса турокъ была опрокинута, и Раевскій съ кавалеріей сталъ ихъ преслѣдовать, мы завидѣли скачущаго къ намъ во весь опоръ всадника: это былъ Пушкинъ въ кургузомъ пиджакѣ и маленькомъ цилиндрѣ на головѣ; осадивъ лошадь въ двухъ, трехъ шагахъ отъ Паскевича, онъ снялъ свою шляпу, передалъ ему нѣсколько словъ Раевскаго и, получивъ отвѣтъ, опять понесся къ нему же, Раевскому. Во время пребыванія въ отрядѣ Пушкинъ держалъ себя серьезно, избѣгалъ новыхъ встрѣчъ и сходился только съ прежними своими знакомыми, при постороннихъ же всегда былъ молчаливъ и казался задумчивымъ".

дни лицейскіе, когда онъ ежедневно слыхалъ тотъ же бой въ Царскомъ Селѣ.

Непечатано впервые въ „Матеріалахъ“ г. Анненкова.

Зорю бьютъ... Изъ рукъ моихъ
Ветхій Данте выпадаетъ;
На устахъ начатый стихъ
Недочитанный затихъ...
Звукъ далече улетаетъ.
Звукъ привычный, звукъ живой!
Сколь ты часто раздавался
Тамъ, гдѣ тихо развивался
Я давнишнею порой!..

---

169. Притча.

(1829).

Въ черновой тетради Пушкина передъ стихотвореніемъ „Калмычкѣ“ (ст. № 170), помѣченномъ: „22 мая, Капъ-Кой“, написанъ дважды черновой текстъ эпиграммы на Н. И. Надеждина, который въ „Вѣстникѣ Европы“ писалъ статьи подъ псевдонимомъ: Надоумко [1]). Эпиграмма имѣетъ форму притчи.

Напеч. Впервые въ „Современникѣ“ 1836 г.

Но видно по всему, что онъ семинаристъ.
Дмитріевъ.

Картину разъ высматривалъ сапожникъ,
И въ обуви ошибку указалъ:
Взялъ тотчасъ кисть, исправился художникъ.
„Вотъ“, подбочась, сапожникъ продолжалъ:
„Мнѣ кажется, лицо немного криво...
А эта грудь не слишкомъ ли нага“.
Но Апеллесъ прервалъ нетерпѣливо:
Суди, дружокъ, не свыше сапога.

Есть у меня пріятель на примѣтѣ:
Не вѣдаю, въ какомъ бы онъ предметѣ
Былъ знатокомъ, хоть строгъ онъ на словахъ;
Но чортъ его несетъ судить о свѣтѣ!
Попробуй онъ судить о сапогахъ.

---

1) Другая эпиграмма на то же лицо, неизвѣстно когда написанная, была напечатана въ „Сѣв. Цвѣтахъ“ 1830 г. Вотъ она:

Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ:
„Охота есть, да мало мозгу.
А сколько лѣтъ ему, вопросъ“?
— Пятнадцать. — „Только-то? Эй, розгу“!
За симъ принесъ семинаристъ
Тетрадь лакейскихъ диссертацій,
И Фебу въ слухъ прочелъ Горацій,
Кусая губы, первый листъ.
Отяжелѣвъ, какъ отъ дурмана,
Сердито Фебъ его прервалъ,
И тотчасъ взрослаго болвана
Поставить въ палки приказалъ.

170. Калмычкѣ.

(1829).

Стихотвореніе это, написанное 22 мая въ Капъ-Коѣ (Владикавказѣ), есть поэтическое воспроизведеніе впечатлѣній въ калмыцкой кибиткѣ, которую посѣтилъ Пушкинъ въ степи. Вотъ какъ описываетъ онъ это посѣщеніе въ своемъ путевомъ журналѣ: „На-дняхъ посѣтилъ я калмыцкую кибитку (клѣтчатый плетень, обтянутый бѣлымъ войлокомъ). Все семейство собиралось завтракать; котелъ варился посрединѣ, и дымъ выходилъ въ отверстіе, сдѣланное вверху кибитки. Молодая калмычка, собою очень не дурная, шила, куря табакъ. Я сѣлъ подлѣ нея. „Какъ тебя зовутъ? — ***. — „Сколько тебѣ лѣтъ?“—Десять и восемь.—„Что ты шьешъ?“—Портка.—„Кому“—Себя.—Она подала мнѣ свою трубку и стала завтракать. Въ котлѣ варился чай съ бараньимъ жиромъ и солью. Она предложила мнѣ свой ковшикъ. Я не хотѣлъ отказываться и хлебнулъ, стараясь не перести духа. Не думаю, чтобы другая народная кухня могла произвести что-нибудь гаже. Я попросилъ чѣмъ-нибудь заѣсть. Мнѣ дали кусочекъ сушеной кобылятины; я былъ и тому радъ... Калмыцкое кокетство испугало меня: я поскорѣе выбрался изъ кибитки и поѣхалъ отъ степной Цирцеи“.

Напеч. впервые въ „Лит. Газетѣ“ 1830 г., № 38.

Прощай, любезная калмычка!
Чуть-чуть, на зло моихъ затѣй,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслѣдъ за кибиткою твоей.
Твои глаза, конечно, узки,
И плосокъ носъ, и ротъ широкъ,
Ты не лепечешь по-французски,
Ты шелкомъ не сжимаешь ногъ;
По-англійски предъ самоваромъ
Узоромъ хлѣба не крошишь,
Не восхищаешься Сенъ-Маромъ [1]),
Слегка Шекспира не цѣнишь,
Не погружаешься въ мечтанье;
Когда нѣтъ мысли въ головѣ,
Не распѣваешь: Ma dev'è,
Галопъ не прыгаешь въ собраньѣ...
Что нужды?—Ровно полчаса,
Пока коней мы запрягали,
Мнѣ умъ и сердце занимали
Твой взоръ и дикая краса.
Друзья! не все ль одно и то же:
Забыться праздною душой
Въ блестящей залѣ, въ модной ложѣ,
Или въ кибиткѣ кочевой?

---

[1]) Saint Mars, романъ Альфреда де-Виньи.

171. Отрывокъ: На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла.

(1829).

Это одно изъ лучшихъ лирическихъ стихотвореній Пушкина. Оно написано подъ вѣяніемъ любви къ Н. Н. Гончаровой, полно сильнаго и искренняго чувства, и тонко выражаетъ одно изъ тѣхъ душевныхъ настроеній, которыя поддаются выраженію только у первоклассныхъ художниковъ. Послѣднее двустишіе заключаетъ правдивую характеристику поэта, выраженную съ неподражаемою простотою.

Напеч. впервые въ „Сѣв. Цв.". 1831 г.

На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла,
Шумитъ Арагва предо мною.
Мнѣ грустно и легко; печаль моя свѣтла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой!.. Унынья моего
Ничто не мучитъ, не тревожитъ,
И сердце вновь горитъ и любитъ—отъ того,
Что не любить оно не можетъ.

---

172. Былъ и я среди донцовъ.

(1829).

Этотъ набросокъ въ народномъ духѣ навѣянъ казацкой средой во время похода. Написанъ онъ во второй половинѣ іюля [1]) на возвратномъ пути изъ Арзерума въ Тифлисъ. 30 линейныхъ казаковъ, сопровождавшихъ Пушкина и возвращавшихся на родину, встрѣтили казачій полкъ, шедшій имъ на смѣну. Привѣтственные выстрѣлы изъ пистолетовъ загремѣли съ обѣхъ сторонъ, а потомъ земляки наскоро обмѣнялись новостями, которыя внушили Пушкину этотъ набросокъ [2]).

Напеч. впервые въ „Матеріалахъ" Анненкова.

Былъ и я среди донцовъ,
Гналъ и я османовъ шайку;
Въ память боевъ и пировъ,
Я домой привезъ [а] нагайку.
На походѣ, на войнѣ [б]
Сохранилъ я балалайку—
Съ нею рядомъ, на стѣнѣ

[а] привезъ домой (Анн.). Такъ въ рук.—[б] Такъ въ рукоп. —Дома..., въ тишинѣ (Анн.). На дорогахъ, на войнѣ (вар. рукоп.).

---

1) Р. С. 1884, ноября 357.—2) См. „Матеріалы" Анненкова.

Я повѣшу и нагайку...
9 Что таится отъ друзей?
Я люблю свою хозяйку:
Часто думая объ ней,
И берегъ свою нагайку.

---

173. Донъ.

(1829).

Это стихотвореніе, исполненное, по выраженію г. Анненкова, „блеска и радости“, передаетъ чувства возвращающагося на родину поэта, который является здѣсь передовымъ вѣстникомъ донцовъ, двинутыхъ въ обратный походъ.

Напеч. впервые въ „Литер. прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду“.

---

1 Блеща средь полей широкихъ,
Вонъ онъ льется... Здравствуй Донъ!
Отъ сыновъ твоихъ далекихъ
Я привезъ тебѣ поклонъ...

2 Какъ прославленнаго брата,
Рѣки знаютъ тихій Донъ;
Отъ Аракса до Евфрата
Я привезъ тебѣ поклонъ.

3 Отдохнувъ отъ злой погони,
Чуя родину свою,
Пьютъ уже донскіе кони
Арпачайскую струю.

4 Приготовь же, Донъ завѣтный,
Для наѣздниковъ лихихъ
Сокъ кипучій, искрометный
Виноградниковъ твоихъ.

---

174. Делибашъ.

(1829).

Живая картина боя русскаго казака съ туркомъ. Выбранъ моментъ, когда передъ казачьей *лавою* (строемъ казацкой сотни въ одну шеренгу, выгнутымъ дугою) казакъ завидѣвъ одного изъ турецкихъ *делибашей* („делибаши“—особый отрядъ удальцовъ-головорѣзовъ въ 50 чел.; по-турецки „делибашъ“ значитъ: сумасшедшій) бросается съ нимъ въ рукопашную. Живость изображенія, при художественной простотѣ всей картины, мѣткость выраженій и дви-

---

1) Рѣка Арпачай было пограничною рѣкою русской Арменіи.

женіе стиха—дѣлаютъ это стихотвореніе однимъ изъ оригинальнѣйшихъ произведеній Пушкина.

Напеч. впервые въ „Сѣв. Цв.“ 1832 г.

---

1 Перестрѣлка за холмами;
Смотритъ лагерь ихъ и нашъ;
На холмѣ предъ казаками
Вьется красный делибашъ.

2 Делибашъ, не суйся къ лавѣ!
Пожалѣй свое житье;
Вмигъ аминь лихой забавѣ:
Попадешься на копье.

3 Эй, казакъ, не рвися къ бою!
Делибашъ на всемъ скаку
Срѣжетъ саблею кривою
Съ плечъ удалую башку.

4 Мчатся, сшиблись въ общемъ крикѣ...
Посмотрите! каковы?...
Делибашъ уже на пикѣ,
А казакъ безъ головы.

7 сентября.

---

175. Монастырь на Казбекѣ.

(1829).

Поэта поражаетъ видъ монастыря, вознесеннаго къ небу. Изъ ущелья онъ бросаетъ взоръ на него, полный поэтическаго стремленія къ свободѣ, которую долженъ ощутить человѣкъ, если душою удалится отъ низменныхъ предѣловъ земли „въ сосѣдство Бога“, въ келью монастыря, который, подобно ковчегу, сохранитъ его отъ низкихъ тревогъ и заботъ жизни.

Въ „Путешествіи въ Арзрумъ“ мы имѣемъ прозаическое описаніе картины. послужившей здѣсь для цѣли лирическаго стихотворенія. Возвращаясь изъ Закавказья, Пушкинъ записалъ: „Утромъ, проѣзжая мимо Казбека, увидѣлъ я чудное зрѣлище: бѣлыя оборванныя тучи перетягивались черезъ вершину горы, и уединенный монастырь, озаренный лучами солнца, казалось, плавалъ въ воздухѣ, несомый облаками“.

Написанное 20 сент., это стих. было впервые напечатано въ „Сѣв. Цв.“ 1831 г.

Высоко надъ семьею горъ,
Казбекъ, твой царственный шатеръ
Сіяетъ вѣчными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Какъ въ небѣ рѣющій ковчегъ,
Паритъ чуть видный надъ горами.
Далекій вожделѣнный брегъ!
Туда бъ, сказавъ прости ущелью,
Подняться къ вольной вышинѣ;
Туда бъ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ!

---

176. Кавказъ.

(1829).

Поэтъ представляетъ себя на той „вольной высотѣ", къ которой стремился мечтою. Картина, съ замѣчательнымъ искусствомъ собравшая всѣ черты кавказской природы, служитъ для поэтическаго выраженія того спокойнаго настроенія, которое овладѣло поэтомъ на этой высотѣ. Съ его положенія и начинается стихотвореніе (ст. 1 и 2). Онъ—въ одиночествѣ, высоко надъ природою и людьми. Отсюда бросаетъ онъ взоръ внизъ и, постепенно опуская его, видитъ 5 ступеней горной страны.

1-я ступень характеризуется предметами грозными (*потоки, обвалы, тучи, водопады*). Эти предметы теперь ближе всего къ поэту, но все же ниже его. Между ними нѣтъ человѣка. Единственное живое существо, имѣющее доступъ сюда — *величавый орелъ* (который *паритъ* наравнѣ съ нимъ). Поэту открыта здѣсь *тайна рожденія потоковъ и обваловъ* (а люди тамъ внизу привыкли считать ихъ столь грозными невѣдомыми силами). *Тучи* (не менѣе грозныя для нихъ) поэту здѣсь кажутся *смиренными*.

2-я и 3-я ступени. Голые утесы („утесовъ нагія громады") и полоса низшей растительности („мохъ тощій", „кустарникъ сухой").

Постепенно опуская взоры, поэтъ долго не находитъ той страны, гдѣ привыкъ себя видѣть окруженнымъ красотами. Онъ ищетъ ее и замѣчаетъ, какъ далеко оставилъ ее подъ собою; ихъ раздѣляетъ эта полоса запустѣнія.

4-я ступень. Картина, уже полная жизни. Природа здѣсь изображена привлекательными красками, доставляющею радость животнымъ („птицы щебечутъ", „скачутъ олени").

5-я ступень. Наконецъ поэтъ видитъ человѣка. Человѣкъ, представленный въ картинѣ, не менѣе привлекательной („веселыя долины", „злачныя стремнины", „Тѣнистыя берега Арагвы"), изображенъ здѣсь далеко не въ такомъ полномъ наслажденіи природою, какъ птицы и олени на предыдущей ступени. Въ его жизни наслажденіе смѣшано съ опасностію („нищій наѣздникъ таится въ ущельи").

Стихотвореніе заключается изображеніемъ Терека. Поэтъ олицетворяетъ его. И въ этомъ олицетвореніи сказалось болѣе всего личное настроеніе поэта. Онъ сопоставляетъ безсильную борьбу заключеннаго въ желѣзную клѣтку, хотя и сильнаго звѣря (строфа 4) съ собою, поставленнымъ внѣ всякой зависимости отъ какихъ-либо земныхъ силъ: такова связь начала съ концомъ стихотворенія.

Напеч. впервые въ „Литер. Газетѣ" 1831 г., № 1.

---

1 Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины:
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.

2 Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ, низвергаясь, шумятъ водопады;
Подъ ними—утесовъ нагія громады;
Тамъ, ниже, мохъ тощій, кустарникъ сухой,
А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.

3 А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ,
И нищій наѣздникъ таится въ ущельи,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи;

4 Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвши пищу изъ клѣтки желѣзной;
И бьется о берегъ въ враждѣ безполезной,
И лижетъ утесы голодной волной...
Вотще! Нѣтъ ни пищи ему, ни отрады:
Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады.

20 сент.

---

177. Дорожныя жалобы.
(1829).

Замѣчательное по простотѣ языка, стихотвореніе это какъ нельзя лучше выражаетъ господствовавшее въ ту пору жизни настроеніе Пушкина. Онъ утомленъ безпокойной, бездомной жизнью. По свидѣтельству пріятеля его П. В. Нащокина, у котораго Пушкинъ останавливался обыкновенно, пріѣзжая въ Москву, страсть его къ свѣтскимъ развлеченіямъ смѣнилась потребностью своего угла, жизни семейной. Цѣлые дни проводилъ онъ во время послѣдняго пребыванія въ Москвѣ въ семейномъ кругу своего друга, на диванѣ, съ трубкою во рту и прислушиваясь къ домашнимъ разговорамъ семьи [1]).

Этимъ-то желаніемъ своего угла, недовольствомъ скитальческой жизнью и вызвано стих. „Дорожныя жалобы“, написанное 4 октября.

Замѣчательно, что собственный уголъ представляется ему — въ деревнѣ (строфа 7, вар. а). Ср. № 101.

Напеч. впервые въ „Сѣв. Цв.“ 1832 г.

---

1 Долго ль мнѣ гулять на свѣтѣ
То въ коляскѣ, то верхомъ,
То въ кибиткѣ, то въ каретѣ,
То въ телѣгѣ, то пѣшкомъ?

2 Не въ наслѣдственной берлогѣ,
Не средь отческихъ могилъ,
На большой мнѣ, знать, дорогѣ,
Умереть Господь судилъ.

3 На каменьяхъ подъ копытомъ,
На горѣ подъ колесомъ,
Иль во рву, водой размытомъ,
Подъ разобраннымъ мостомъ.

4 Иль чума меня подцѣпитъ,
Иль морозъ окостенитъ,
Иль мнѣ въ лобъ шлагбаумъ влѣпитъ
Непроворный инвалидъ.

---

1) См. „Матеріалы“ Анненкова, 210.

5 Иль въ лѣсу подъ ножъ злодѣю
Попадуся въ сторонѣ,
Иль со скуки околѣю
Гдѣ-нибудь въ карантинѣ.

6 Долго ль мнѣ въ тоскѣ голодной
Постъ невольный соблюдать,
И телятиной холодной
Трюфли яра [2]) поминать?

7 То ли дѣло быть на мѣстѣ,
По Мясницкой [3]) разъѣзжать,
О деревнѣ, о невѣстѣ
На досугѣ помышлять [a]!

8 То ли дѣло — рюмка рома!..
Ночью сонъ, поутру чай;
То ли дѣло, братцы, дома!..
Ну, пошелъ же, погоняй!

---

178. Обвалъ.

(1829).

Стихотвореніе это можетъ служить, наравнѣ съ „Кавказомъ", примѣромъ того, какъ пользовался въ описательныхъ стихотвореніяхъ своихъ Пушкинъ изображеніями предметовъ природы для цѣлей лирическаго стихотворенія.

Въ „Путешествіи въ Арзрумъ" мы имѣемъ написанное самимъ Пушкинымъ прозаическое описаніе обвала, поэтически изображеннаго въ этомъ стихотвореніи:

„Дорога шла черезъ обвалъ, обрушившійся въ концѣ іюня 1827 года Таковые случаи бываютъ обыкновенно каждыя семь лѣтъ. Огромная глыба, свалясь, засыпала ущеліе на цѣлую версту и запрудила Терекъ. Часовые, стоявшіе ниже, слышали ужасный грохотъ и увидѣли, что рѣка быстро мелѣла и въ четверть часа совсѣмъ утихла и истощилась. Терекъ прорвался сквозь обвалъ не прежде, какъ черезъ два часа. То-то былъ онъ ужасенъ!

„Мы круто поднимались выше и выше. Лошади наши вязли въ рыхломъ снѣгу, подъ которымъ шумѣли ручьи. Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на дорогу и не понималъ возможности ѣзды на колесахъ.

„Въ это время услышалъ я глухой грохотъ. „Это обвалъ", сказали мнѣ. Я оглянулся и увидѣлъ въ сторонѣ груду снѣга, которая осыпалась и медленно съѣзжала съ крутизны. Малые обвалы здѣсь не рѣдки. Въ прошломъ году русскій извозчикъ ѣхалъ по Крестовой горѣ; обвалъ оборвался: страшная глыба свалилась на его повозку, поглотила телѣгу, лошадь и мужика, перевалилась черезъ дорогу и покатилась въ пропасть со своею добычею".

Стихотвореніе „Обвалъ", которое Бѣлинскій (1844) назвалъ „живописью въ поэзіи", въ то же время замѣчательно идеею своею, которая ясна изъ выбора представленій, ихъ сопоставленія и, конечно, выраженія.

Положеніе поэта на склонѣ къ Тереку. Онъ описываетъ обвалъ, бывшій близъ этого мѣста. Терекъ, главный предметъ описанія, изоб-

---

[a] Объ отставкѣ, о невѣстѣ, О деревнѣ помышлять (исправл. Пушкинымъ).

---

[2]) Яръ — московскій ресторанъ.—

[3]) Мясницкая—улица въ Москвѣ.

раженъ въ поэтическомъ олицетвореніи въ моментъ униженія (Вдругъ истощась... и далѣе). Черты униженія и борьбы описаны въ явленіяхъ рѣки подъ снѣгомъ обвала: звуковъ ея (ревъ), силы напора водъ (упорный гнѣвъ), разлива ихъ (освирѣпѣвъ), брызговъ ихъ подъ оледенѣвшимъ снѣгомъ. Въ послѣдней строфѣ — высшая степень униженія выражена въ описаніи пути черезъ обвалъ ѣдущихъ по немъ: въ этомъ ихъ описаніи также видимъ градацію: скачущій гордый *конь*, проложившій черезъ рѣку дорогу, не такъ оскорбляетъ свободный Терекъ, какъ влекущійся *волъ*, и этотъ не такъ, какъ *верблюдъ*, служащій для выгодъ *купца*, ведущаго его. Послѣдніе 2 стиха, какъ сильный контрастъ, изображаютъ освобожденный Терекъ: сопоставленіе *купца* (служителя низменнымъ, корыстнымъ цѣлямъ) съ *Эоломъ* (богомъ вѣтра), жильцомъ небесъ — служитъ для этого контраста. — Въ олицетвореніи Терека нельзя не видѣть чертъ характера тѣхъ непокорныхъ горцевъ, коимъ свойственъ такой взглядъ на торговлю и другія явленія жизни. Въ олицетвореніи сказались идеальныя черты дикаго народа, который, храня независимость, не выноситъ подчиненія власти, хотя бы и блестящей: „*Оттоль* (т. е. съ блестящихъ вершинъ) сорвался разъ обвалъ" (строфа 2-я). — Поэтъ былъ пораженъ красотой явленія: отсюда его сочувствіе Тереку (стилистическое выраженіе этого сочувствія — форма обращенія къ нему, отъ этой строфы, гдѣ начинается описаніе его униженія и борьбы: „о, Терекъ!" (vocativus ethicus). Разрушительная сила сопротивленія получила поэтическое выраженіе въ образѣ наводненія („затопилъ, освирѣпѣвъ, свои брега").

Это стихотвореніе, послѣднее изъ кавказскихъ, написано уже по возвращеніи изъ поѣздки.

Напеч. впервые въ „Сѣв. Цв." 1831 г.

---

1 Дробясь о мрачныя скалы,
Шумятъ и пѣнятся валы,
И надо мной кричатъ орлы,
И ропщетъ боръ,
И блещутъ средь волнистой мглы
Вершины горъ.

2 Оттоль сорвался разъ обвалъ
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ,
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ,
И Терека могучій валъ
Остановилъ.

3 Вдругъ истощась и присмирѣвъ,
О Терекъ, ты прервалъ свой ревъ;
Но заднихъ волнъ упорный гнѣвъ
Прошибъ снѣга...
Ты затопилъ, освирѣпѣвъ,
Свои брега.

4 И долго прорванный обвалъ
Неталой грудою лежалъ,
И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ
И пылью водъ,
И шумной пѣной орошалъ
Ледяный сводъ.

5 И путь по немъ широкій шелъ,
И конь скакалъ, и влекся волъ,
И своего верблюда велъ
Степной купецъ,
Гдѣ нынѣ мчится лишь Эолъ,
Небесъ жилецъ [1]).

---

[1]) Ср. въ „Спорѣ" Лермонтова: „И проходятъ караваны" и пр.

VII.

Стихотворенія 1829 и 1830 гг., написанныя по возвращеніи съ Кавказа до поѣздки въ Болдино.

Проѣхавъ черезъ Москву, Пушкинъ въ половинѣ ноября былъ въ Петербургѣ, гдѣ и провелъ зиму 1829 — 1830 г. Здѣсь набросанъ былъ первый очеркъ поэмы „Галубъ", начата VIII глава „Евг. Онѣгина" (24 дек. 1829). Какъ и всегда, петербургская жизнь не удовлетворяла поэта. По словамъ Анненкова, въ это время замѣчается въ Пушкинѣ прежнее исканіе выхода изъ той вседневности, которая его здѣсь окружала, и та же невозможность избѣжать волненій жизни, которыя и томили и привлекали его. Естественнымъ слѣдствіемъ этого колебанія мысли и воли были неожиданные замыслы. Такъ въ январѣ 1830 г. онъ просилъ дозволенія ѣхать за границу или, въ случаѣ невозможности этого, сопровождать нашу миссію въ Китай. Начальство отклонило эти просьбы — и въ мартѣ, даже обрадованный отказомъ, Пушкинъ быстро собрался и уѣхалъ въ Москву.

12 марта пріѣхалъ онъ туда и прямо изъ кибитки попалъ на концертъ, гдѣ находилась вся Москва. Первыя лица, попавшіяся ему навстрѣчу, были Наталья Николаевна Гончарова и княгиня Вяземская. Въ Москвѣ былъ государь. „Государь", писалъ Пушкинъ кн. Вяземскому на 4-й день своего пріѣзда, „уѣзжая оставилъ въ Москвѣ проектъ новой организаціи, контръреволюціи Петра. Вотъ тебѣ случай написать политическій памфлетъ и даже его напечатать, ибо правительство дѣйствуетъ или намѣренно дѣйствовать въ смыслѣ европейскаго просвѣщенія. Огражденіе дворянства, подавленіе чиновничества, новыя права мѣщанъ и крѣпостныхъ—вотъ великіе предметы". У Пушкина является мысль о политической газетѣ. „Какъ ты?" продолжалъ онъ: „Я думаю пуститься въ политическую прозу... Жду шуму за проектъ. Буду тебѣ передавать свои наблюденія о духѣ московскаго клуба".

Въ Москвѣ Пушкинъ посѣщалъ И. И. Дмитріева, Погодина и другихъ своихъ московскихъ знакомцевъ.

Между тѣмъ главная его цѣль пріѣзда въ Москву увѣнчалась успѣхомъ. Вторично посватавшись за Н. Н. Гончарову, онъ получилъ согласіе. Извѣщая гр. Бенкендорфа о своемъ намѣреніи жениться, Пушкинъ проситъ доложить о томъ Государю, жалуясь на свое поднадзорное положеніе. Гр. Бенкендорфъ отъ 28 апрѣля отвѣчалъ, что Государь съ удовольствіемъ услышалъ объ этомъ намѣреніи, вполнѣ одобряетъ его выборъ и поручилъ ему увѣрить Пушкина, что онъ находится не подъ гнѣвомъ, но подъ отеческимъ попеченіемъ Его Величества.

Свадьба была отложена на нѣсколько мѣсяцевъ для устройства денежныхъ дѣлъ. Пушкинъ просилъ разрѣшенія на изданіе въ свѣтъ „Бориса Годунова“. (Разрѣшеніе это воспослѣдовало уже въ октябрѣ 1830 г.).

Въ концѣ лѣта Пушкинъ поѣхалъ въ Петербургъ для дѣловыхъ переговоровъ съ отцомъ, который выдѣлилъ ему свое нижегородское имѣніе Болдино (Лукояновскаго уѣзда), и Пушкинъ поспѣшилъ туда.

Стихотворенія зимы 1829 г. и весны и лѣта 1830 г. вызваны по большей части различными впечатлѣніями сельской, петербургской и московской жизни. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ видно спокойствіе человѣка, нашедшаго пристань той бездомной жизни, которою онъ такъ тяготился.

---

179. Олеговъ щитъ.

(1829).

Стихотвореніе это вызвано Адріанопольскимъ миромъ, подписаннымъ 2 сентября. Главнокомандующій русскихъ войскъ, вступившій 8 августа въ Адріанополь, распространилъ ужасъ въ Константинополѣ. Опираясь лѣвымъ флангомъ на черноморскій флотъ, а правымъ — на архипелагскій, армія подъ командою Дибича уже обхватывала Константинополь. Оставалось до турецкой столицы лишь нѣсколько переходовъ, но султанъ отправилъ уполномоченныхъ въ русскую главную квартиру для переговоровъ, которые и окончились упомянутымъ миромъ.

Напеч. впервые въ „Сѣв. Цв.“ 1830 г.

---

1 Когда ко граду Константина
Съ тобой, воинственный варягъ,
Пришла славянская дружина
И развила побѣды стягъ,
Тогда во славу Руси ратной,
Строптиву греку въ стыдъ и страхъ,
Ты пригвоздилъ свой щитъ булатный
На цареградскихъ воротахъ.

² Настали дни вражды кровавой:
Твой путь мы снова обрѣли;
Но днесь, когда мы вновь со славой
Къ Стамбулу [1]) грозно притекли,
Твой холмъ потрясся съ браннымъ гуломъ,
Твой стонъ ревнивый насъ смутилъ,
И нашу рать передъ Стамбуломъ
Твой старый щитъ остановилъ.

---

180. Бѣсы.

(1826) [2]).

Живая картина зимней дороги въ степи, въ метель. Пушкинъ неоднократно воспроизводилъ картину метелей въ своихъ произведеніяхъ. Таково описаніе въ стихотвореніи „Зимній вечеръ" 1825 (№ 110), строфы 1 и 2, и въ повѣсти „Метель" 1830 г. (гдѣ приводитъ Пушкинъ какъ эпиграфъ описаніе метели изъ „Свѣтланы" Жуковскаго): „Въ одну минуту дорогу занесло; окрестность исчезла во мглѣ мутной и желтоватой, сквозь которую летѣли хлопья снѣгу; небо слилось съ землею... Лошадь ступала на удачу и поминутно то въѣзжала на сугробъ, то проваливалась въ яму. Лошадь начинала уставать". Третье описаніе находится въ „Капитанской дочкѣ" (1833) и заключаетъ также общія черты съ стих. „Бѣсы" и нѣкоторыя общія выраженія: „Пошелъ мелкій снѣгъ и вдругъ повалилъ хлопьями. Вѣтеръ завылъ; сдѣлалась метель. Въ одно мгновеніе темное небо смѣшалось съ снѣжнымъ моремъ. Все исчезло. „Ну, баринъ", закричалъ ямщикъ: „бѣда, буранъ!" Я выглянулъ изъ кибитки: все было мракъ и вихорь. Вѣтеръ вылъ съ такой свирѣпой выразительностью, что казался одушевленнымъ; снѣгъ засыпалъ меня и Савельича, лошади шли шагомъ и скоро стали. „Что же ты не ѣдешь?" спросилъ я ямщика съ нетерпѣніемъ. — Да что ѣхать? отвѣчалъ онъ, слѣзая съ облучка:—не вѣсть и такъ, куда заѣхали: дороги нѣтъ, и мгла кругомъ... Снѣгъ такъ и валилъ. Около кибитки подымался сугробъ. Лошади стояли, понуря голову и изрѣдка вздрагивая... Вдругъ увидѣлъ я что-то черное. „Эй, ямщикъ!" закричалъ я: „смотри: что тамъ такое чернѣется?" Ямщикъ сталъ всматриваться. — А Богъ знаетъ, баринъ, сказалъ онъ, садясь на свое мѣсто: — возъ не возъ, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волкъ, или человѣкъ". — Таковы черты русской степной природы, хорошо знакомыя Пушкину и на-

---

1) Стамбулъ—турецкое наименованіе Константинополя.

2) Это стихотвореніе, нѣсколько исчерканныхъ строкъ котораго находятся въ тетради черезъ три страницы послѣ черноваго текста „Осени", слѣдовательно относятся къ 1828 году, было написано вполнѣ вслѣдъ за кавказскими стихотвореніями, передъ строфами VIII гл. Евг. Онѣгина, помѣченными 2 октября. А потому время написанія „Бѣсовъ" съ большею вѣроятностію должно быть отнесено къ осени 1829 года, нежели 1830-го, тѣмъ болѣе, что указанія г. Анненкова на дату при этомъ стихотвореніи весьма двусмыслены (см. Ефремова: Соч. Пушк. II, 420) и не подтверждаются описаніемъ г. Якушкина (Р. С. 1884, 358).

шедшія вновь поэтическое взображеніе въ „Бѣсахъ“, какъ всегда, чертами мѣткими, типическими, безъ многосложныхъ пріемовъ описанія. Не менѣе живо воспроизведено и то состояніе, въ которомъ находится путникъ, застигнутый метелью. Оно имѣетъ также сходство съ „Капитанской дочкой“: „Я находился въ томъ состояніи чувства и души, когда существенность, уступая мечтаніямъ, сливается съ ними въ неясныхъ видѣніяхъ первосонья“.

Этими-то знакомыми представленіями и воспользовался Пушкинъ въ своихъ „Бѣсахъ“ для болѣе полнаго выраженія душевнаго настроенія путника. Послѣ картины метели, возбуждающей въ немъ страхъ, слѣдуетъ обращеніе его къ ямщику, единственному спутнику. И чувство ямщика то же, но имъ владѣетъ суевѣрный страхъ: онъ объясняетъ всѣ явленія природы дѣломъ бѣса: дунетъ ли вѣтеръ, ударитъ ли снѣгъ въ лицо, оступится ли конь у края скрытаго подъ снѣгомъ оврага, увидитъ ли верстовой столбъ въ томъ мѣстѣ, куда невзначай заѣхалъ, или же блеснувшіе глаза волка. Картина метели повторена въ строфѣ 4-й. Но подъ вліяніемъ фантастической рѣчи ямщика путникъ и самъ предается игрѣ фантазіи. Она обращаетъ хлопья снѣга въ хороводъ бѣсовъ; вой вѣтра, звонъ колокольчика — въ вой этихъ бѣсовъ. Снова повторяется картина метели (строфа 7-я); она все та же, но чувства путника уже иныя: прежній страхъ переродился въ тоску. Въ минуту, когда особенно сильно почувствовалъ путникъ свое одиночество среди чистаго поля, онъ обратился къ ямщику, и это дитя природы своей наивной рѣчью настроило самого путника фантастически. Но дѣйствіе фантастическихъ образовъ на него совсѣмъ иное.

Такимъ образомъ „шалость“, какъ озаглавилъ Пушкинъ это стихотвореніе въ рукописи, получила значеніе одной изъ лучшихъ и оригинальнѣйшихъ піесъ, воспроизводящихъ неуловимыя чувства съ полнотою и выразительностію художественнаго произведенія, заключая и вѣрное изображеніе природы, и характеристику двухъ лицъ чертами типическими.

Впервые напеч. въ „Сѣв. Цв.“ 1832 г.

---

1 Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій,
Мутно небо, ночь мутна.
Ѣду, ѣду въ чистомъ полѣ;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Страшно, страшно поневолѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!

2 —„Эй, пошелъ, ямщикъ!..“—
„Нѣтъ мочи:
Конямъ, баринъ, тяжело;
Вьюга мнѣ слипаетъ очи;
Всѣ дороги занесло;
Хоть убей, слѣда не видно;
Сбились мы. Что дѣлать намъ?
Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ, видно,
Да кружитъ по сторонамъ.

3 „Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
Дуетъ, плюетъ на меня;
Вонъ — теперь въ оврагъ толкаетъ
Одичалаго коня;
Тамъ верстою небывалой
Онъ торчалъ передо мной;
Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
И пропалъ во тьмѣ пустой“.

4 Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Силъ намъ нѣтъ кружиться долѣ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ;
Кони стали... — „Что тамъ въ полѣ?“
—„Кто ихъ знаетъ: пень иль волкъ?

5 Вьюга злится, вьюга плачетъ;
Кони чуткіе храпятъ;
Вонъ ужъ онъ далече скачетъ,
Лишь глаза во мглѣ горятъ!
Кони снова понеслися;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Вижу: духи собралися
Средь бѣлѣющихъ равнинъ.

6 Безконечны безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ...
Сколько ихъ! Куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?
Домового ли хоронятъ,
Вѣдьму ль замужъ выдаютъ?

7 Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ...

---

181. Зима.

(1829).

Это стихотвореніе написано 2 ноября. Гдѣ написано оно, можно только догадываться [1]). Въ стихотвореніи этомъ живо воспроизводятся впечатлѣнія великорусской деревни и помѣщичьяго быта. По замѣчанію Анненкова, это стихотвореніе „проникнуто поэзіей домашняго очага и сѣверной природы“ (ср. № 123). Стихи 18 — 23 служатъ дополненіемъ къ указаннымъ выше (во вступ. замѣткѣ къ № 157) мѣстамъ стихотвореній Пушкина, гдѣ онъ воспроизводитъ моменты своей жизни, въ которые предается твор-

[1]) „Весьма трудно“, пишетъ Анненковъ, опредѣлить теперь, гдѣ находился Пушкинъ съ 8 сентября, дня отъѣзда изъ Горячеводска, до 16 ноября, вѣроятнаго дня прибытія его въ Петербургъ: Нѣкоторый свѣтъ даетъ слѣдующая приписка Пушкина къ одной главѣ Онѣгина. „*Моск. Павл. Болдино.* 1829. Можно полагать, что Пушкинъ проѣхалъ съ Кавказа въ Болдино. На возвратномъ пути въ Петербургъ изъ деревни онъ пробылъ въ Москвѣ только нѣсколько дней“... Но Анненковъ, отказывается объяснить обозначеніе: *Павл* (Павлищевы жили до ноября въ Ораніенбаумѣ, откуда возвратились въ Спб.) Л. Павлищевъ пишетъ: А. С. прибылъ въ Спб. въ первой половинѣ ноября, не заѣзжая въ Михайловское“. (Р. С. 1888, апр. 46). Представленная въ стих. „Зима“ картина семейнаго дома, гдѣ поэтъ изображаетъ себя гостемъ, а не хозяиномъ, среди жизни, изо дня въ день идущей по наложенному пути, отъѣзжее поле, пріемъ гостей, журналы и т. п. не соотвѣтствуютъ той обстановкѣ, которая могла окружать Пушкина въ Болдинѣ (см. жизнь его тамъ), куда онъ пріѣзжалъ въ опустѣлый домъ и гдѣ жилъ въ одиночествѣ, лишенный сосѣдей и журналовъ. Черты жизни, изображенной въ этомъ стихотвореніи, если уже искать въ нихъ біографическихъ намековъ, мало соотвѣтствуютъ и жизни Тригорскаго, двѣ-три черты которой однакоже могли дать матеріалъ для этой картины (таковы: „старые журналы сосѣда“ и стихи 30—47). Стихотвореніе остается просто типическою картиною великорусской, помѣщичьей жизни.

честву. Здѣсь представлены неудачныя попытки поэта, нерасположеннаго писать.

Напеч. впервые въ „Сѣв. Цв.“ 1831 г.

Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ? Я встрѣчаю
Слугу, несущаго мнѣ утромъ чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
Пороша есть иль нѣтъ? и можно ли постель
Покинуть для сѣдла, иль лучше до обѣда
Возиться съ старыми журналами сосѣда?
Пороша. Мы встаемъ, и тотчасъ на коня,
И рысью по полю при первомъ свѣтѣ дня;
Арапники въ рукахъ, собаки вслѣдъ за нами;
Глядимъ на блѣдный снѣгъ прилежными глазами;
Кружимся, рыскаемъ, и поздней ужъ порой,
Двухъ зайцевъ протравивъ, являемся домой.
Куда какъ весело! Вотъ вечеръ: вьюга воетъ,
Свѣча темно горитъ; стѣсняясь, сердце ноетъ;
По каплѣ, медленно глотаю скуки ядъ.
Читать хочу—глаза надъ буквами скользятъ,
А мысли далеко... Я книгу закрываю,
Беру перо, сижу, насильно вырываю
У музы дремлющей несвязныя слова.
Ко звуку звукъ нейдетъ... Теряю всѣ права
Надъ риѳмой, надъ моей прислужницею странной:
Стихъ вяло тянется, холодный и туманный.
Усталый съ музою я прекращаю споръ,
Иду въ гостиную; тамъ слышу разговоръ
О близкихъ выборахъ, о сахарномъ заводѣ.
Хозяйка хмурится въ подобіе погодѣ,
Стальными спицами проворно шевеля,
Иль про червоннаго гадаетъ короля.
Тоска! Такъ день за днемъ идетъ въ уединеньѣ!
Но если подъ вечеръ въ печальное селенье,
Когда за шашками сижу я въ уголкѣ,
Пріѣдетъ издали въ кибиткѣ иль возкѣ
Нежданная семья: старушка, двѣ дѣвицы
(Двѣ бѣлокурыя, двѣ стройныя сестрицы).
Какъ оживляется глухая сторона!
Какъ жизнь, о Боже мой, становится полна!
Сначала косвенно-внимательные взоры,
Потомъ словъ нѣсколько, потомъ и разговоры,
А тамъ и дружный смѣхъ, и пѣсни вечеркомъ,
И вальсы рѣзвые, и шопотъ за столомъ,
И взоры томные, и вѣтреныя рѣчи,
На узкой лѣстницѣ замедленныя встрѣчи;
И дѣва въ сумерки выходитъ на крыльцо:
Открыта шея, грудь, и вьюга ей въ лицо!

Но бури сѣвера не вредны русской розѣ.
Какъ жарко поцѣлуй пылаетъ на морозѣ!
Какъ дѣва русская свѣжа въ пыли снѣговъ!

---

182. Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ.

(1829).

Это стихотвореніе написано уже 14 декабря въ Петербургѣ и вызвано посѣщеніемъ Царскаго Села. Пушкинъ воспроизводитъ тѣ чувства, которыя охватили его при воспоминаніи о лицейскихъ годахъ, здѣсь проведенныхъ (строфа 3). Вновь представшая ему обстановка его юности невольно навела его на мысль о прожитой съ той поры жизни во время 12-лѣтней разлуки съ дорогимъ ему Царскимъ Селомъ. Къ этимъ мыслямъ примѣшивается грустное чувство неудовлетворенной совѣсти: см. строфы 1 и 2 (ср. № 43, 66, 124). Элегія оканчивается воспоминаніями о славныхъ дняхъ Екатерининскаго вѣка и его героевъ. Ср. съ лицейскимъ стихотвореніемъ: „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“ (№ 5).

Напеч. впервые въ „Матеріалахъ“ Анненкова 1855 г.

---

1 Воспоминаньями смущенный,
Исполненъ сладкою тоской,
Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный
Вхожу съ поникшею главой!
Такъ отрокъ Библіи—безумный расточитель—
До капли истощивъ раскаянья фіалъ,
Увидѣвъ наконецъ родимую обитель,
Главой поникъ и зарыдалъ!

2 Въ пылу восторговъ скоротечныхъ,
Въ безплодномъ вихрѣ суеты,
О, много расточилъ сокровищъ я сердечныхъ,
И недоступные мечты!
И долго я блуждалъ, и часто утомленный,
Раскаяньемъ горя, предчувствуя бѣды,
Я думалъ о тебѣ, пріютъ благословенный,
Воображалъ сіи сады!

3 Воображалъ сей день счастливый,
Когда средь нихъ возникъ Лицей,
И слышалъ... снова шумъ игривый,
И видѣлъ вновь семью друзей!
Вновь нѣжнымъ отрокомъ, то пылкимъ, то лѣнивымъ,
Мечтанья смутныя въ груди моей тая,
Скитался по лугамъ, по рощамъ молчаливымъ...
Поэтомъ забывался я!

4 И славныхъ лѣтъ передо мною
Являлись вѣчные слѣды:
Еще исполнены великою Женою,
Ея любимые сады
Стоятъ населены чертогами, столпами,
Гробницами друзей, кумирами боговъ,
И славой мраморной, и мѣдными хвалами
Екатерининыхъ орловъ!...

5 Садятся призраки героевъ
У посвященныхъ имъ столповъ;
Глядите: вотъ герой, стѣснитель ратныхъ строевъ,
Перунъ кагульскихъ береговъ! [1])
Вотъ, вотъ могучій вождь полуночнаго флага,
Предъ кѣмъ морей пожаръ и плавалъ и леталъ!
Вотъ вѣрный братъ его герой Архипелага [2]),
Вотъ наваринскій Ганнибалъ [3]!...

---

183. Стансы.

(1829).

„Замѣчательно“, пишетъ Анненковъ (1855), повѣствуя о пребываніи Пушкина въ Петербургѣ зимою 1829 года, „что въ средѣ живой дѣятельности, въ цвѣтѣ силъ и таланта, мысль о смерти стала мелькать передъ глазами Пушкина съ неотвязчивостью, которая такъ превосходно выражена въ стих. „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“..., написанномъ 26 декабря. Оно имѣетъ помѣтку: „С.-Петербургъ, 3 часа, 5 минутъ“.

„Извѣстно, что эта пьеса кончается радостнымъ примиреніемъ съ законами, положенными природѣ и человѣку; но предчувствія обманули Пушкина. Еще цѣлыхъ 8 лѣтъ жизни съ ея наслажденіями и съ ея горемъ назначала ему судьба; но стихотвореніе само по себѣ остается, какъ памятникъ особеннаго душевнаго состоянія поэта. Часто и часто возвращался онъ къ самому себѣ въ эту эпоху, и всегда съ грустной мыслью. Усталое, неудовлетворенное чувство, жизнь, разбросанная на множество цѣлей, безпрестанно откидывали его къ прошлому и къ собственному сердцу. Голосъ, которымъ онъ говорилъ въ эти минуты тайнаго разсчета съ самимъ собою, поразителенъ скорбію, жаромъ и глубокою поэзіею души“,

---

[1]) Румянцовъ (см. стр. 22, вын. 8).— [2]) Гр. Алексѣй и Ѳедоръ Григорьевичи Орловы.—[3]) Иванъ Абрамовичъ Ганнибалъ распоряжался подъ Чесмою брандерами и былъ одинъ изъ тѣхъ, которые спаслись съ корабля, взлетѣвшаго на воздухъ. Въ 1770 г. онъ взялъ Наваринъ; въ 1779 г. выстроилъ Херсонъ. Онъ поссорился съ Потемкинымъ. Императрица Екатерина оправдала его и надѣла на него александровскую ленту; но онъ оставилъ службу, и съ тѣхъ поръ жилъ въ отставкѣ, сохранивъ уваженіе замѣчательныхъ людей славнаго вѣка, между прочими—Суворова. На памятникѣ И. А. Ганнибалу въ царскомъ Селѣ находится надпись: „Побѣдамъ Ганнибала“.

Элегія эта обладаетъ тѣмъ свойствомъ элегіи Пушкина, которое замѣчалось уже въ раннихъ произведеніяхъ этого рода (см. № 16): тяжелое чувство скорби находитъ разрѣшеніе въ свѣтломъ чувствѣ; поэтъ оканчиваетъ элегію примиреніемъ, озаренный возвышенной мыслію. Признавъ неизбѣжность смерти, онъ находитъ въ себѣ то высокое настроеніе, при которомъ безъ всякаго болѣзненнаго чувства готовъ уступить свое мѣсто иной, молодой жизни (ср. также элегію „Вновь я посѣтилъ"...).

Напеч. впервые въ „Лит. Газ." 1830, № 2.

---

1 Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу ль во многолюдный храмъ,
Сижу ль межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ.

2 Я говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды—
И чей-нибудь ужъ близокъ часъ.

3 Гляжу ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.

4 Младенца ль милаго ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебѣ я мѣсто уступаю:
Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти [a].

5 День каждый, каждую годину
Привыкъ я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.

6 И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина:
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?

---

[a] Въ рукописи была еще строфа:

Кружусь ли я въ толпѣ мятежной,
Вкушаю ль сладостный покой,
Но мысль о смерти неизбѣжной
Вездѣ близка, всегда со мной [1]).

---

[1]) Въ срединѣ элегіи въ рукописи была одна недодѣланная строфа, изъ которой разобраны Анненковымъ 2 стиха:

Но не вотще меня знакомитъ
Съ могилой ясная мечта...

7 И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все бъ хотѣлось почивать.

8 И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

---

184. Загадка.

(при посылкѣ бронзоваго сфинкса).

(1829).

Это небольшое посланіе къ другу, поэту Дельвигу, было данью того уваженія, которое питалъ Пушкинъ къ таланту его. Какого мнѣнія былъ Пушкинъ объ идилліяхъ Дельвига можно видѣть изъ того мѣста „Отрывковъ изъ писемъ, мыслей и замѣчаній“ Пушкина, которое при печатаніи ихъ въ „Сѣв. Цвѣтахъ“ 1828 г. было изъ скромности выпущено Дельвигомъ, издававшимъ этотъ альманахъ: „Идилліи Дельвига для меня удивительны. Какую силу воображенія должно имѣть, дабы такъ совершенно перенестись изъ XIX столѣтія въ золотой вѣкъ, и какое необыкновенное *чутье* изящнаго, дабы такъ угадать греческую поэзію сквозь латинскія подражанія или нѣмецкіе переводы, эту роскошь, эту нѣгу, эту прелесть болѣе отрицательную, которая не допускаетъ ничего напряженнаго въ чувствахъ; тонкаго, запутаннаго въ мысляхъ; лишняго, неестественаго въ описаніяхъ! (Соч. Плетн., II, 194).

Напеч. впервые въ „Царскомъ Селѣ“ Коншина и бр. Розена 1830 г. [1]).

---

[1]) Гаевскій сообщаетъ переданный бар. Розеномъ разговоръ по поводу этого стихотворенія, которое Пушкинъ отдалъ барону Розену для его альманаха „Царское Село“: „Оказалась просодическая неисправность во 2-мъ гексаметрѣ. Онъ былъ у Пушкина такъ:

Кто славянинъ молодой, духомъ грекъ, родомъ германецъ?

Я замѣтилъ это Дельвигу, указалъ, какъ легко поправить погрѣшность перестановкой двухъ словъ и прибавленіемъ союза *а*, и попросилъ Дельвига сдѣлать эту поправку, или принять ее на себя. Онъ не согласился.—„Или покажите самому Пушкину, или напечатайте такъ, какъ есть! Что за бѣда? Пушкину позволительно ошибаться въ древнихъ размѣрахъ: онъ ими не пишетъ“! Съ этимъ послѣднимъ доводомъ я уже не согласился, однако не посмѣлъ и показать Пушкину; я боялся, что онъ отниметъ у меня стихотвореніе подъ предлогомъ, что онъ самъ придумаетъ поправку. До послѣдней корректуры нѣсколько разъ заводилъ я съ нимъ рѣчь объ этой пьесѣ: не сказалъ ли ему Дельвигъ о погрѣшности? Нѣтъ“!—Дѣло окончилось тѣмъ, что бар. Розенъ самъ исправилъ эту незначительную неправильность, за что Пушкинъ, конечно, не разсердился. „Мнѣ уже нельзя было“, продолжаетъ бар. Розенъ, „не признаться въ передѣлкѣ, но я горько жаловался на Дельвига, который не хотѣлъ снять на себя такой неважной для него отвѣтственности передъ своимъ лицейскимъ товарищемъ“. „Вотъ“, заключаетъ Гаевскій, „до какой степени были тонки и осторожны литературныя отношенія Пушкина и Дельвига, несмотря на старинную и тѣсную дружбу обоихъ поэтовъ“.

Кто на снѣгахъ возрастилъ Ѳеокритовы нѣжныя розы?
Въ вѣкѣ желѣзномъ, скажи, кто золотой угадалъ?
Кто славянинъ молодой, грекъ духомъ, а родомъ германецъ?
Вотъ загадка моя: хитрый Эдипъ, разрѣши.

---

185. Элегическій отрывокъ.

(1829).

Это стихотвореніе написано 23 декабря и относится къ тому времени, когда поэтъ намѣревался отправиться въ заграничное путешествіе (см. стр. 301). Мысли о Н. Н. Гончаровой угнетали поэта.

Напеч. впервые въ „Моск. Вѣстникѣ“ 1830 г., № 11.

Поѣдемъ, я готовъ: куда бы, вы друзья,
Куда бъ ни вздумали, готовъ за вами я
Повсюду слѣдовать, надменной убѣгая:
Къ подножію ль стѣны далекаго [a] Китая,
Въ кипящій ли Парижъ, туда ли наконецъ,
Гдѣ Тасса не поетъ уже ночной гребецъ,
Гдѣ древнихъ городовъ подъ пепломъ дремлютъ мощи,
Гдѣ кипарисныя благоухаютъ рощи,
Повсюду я готовъ. Поѣдемъ... Но, друзья,
Скажите, въ странствіяхъ умретъ ли страсть моя?
Забуду ль гордую, мучительную дѣву,
Или къ ея ногамъ, ея младому гнѣву,
Какъ дань привычную, любовь я принесу?
. . . .

---

186. Отвѣтъ.

(Екатеринѣ Николаевнѣ Ушаковой).

(1830).

Написано передъ отъѣздомъ въ Москву. (Объ Ушаковой см. № 132 и 148).

Напеч. впервые въ „Лит. Газ.“. 1830 г., № 3, безъ имени Ушаковой.

Я васъ узналъ, о мой оракулъ,
Не по узорной пестротѣ
Сихъ недописанныхъ каракулъ,
Не по веселой остротѣ,
Но по привѣтствіямъ лукавымъ,
Но по насмѣшливости злой

---

[a] недвижнаго (М. В.).

И по упрекамъ... столь неправымъ,
И этой прелести живой.
Съ тоской невольной, съ восхищеньемъ
Я перечитываю васъ,
И восклицаю съ нетерпѣньемъ:
Пора! въ Москву! въ Москву сейчасъ!
Здѣсь городъ чопорный, унылый,
Здѣсь рѣчи—ледъ, сердца—гранитъ;
Здѣсь нѣтъ ни вѣтренности милой,
Ни музъ, ни Прѣсни, ни харитъ.

---

187. Стансы.

(МИТРОПОЛИТУ ФИЛАРЕТУ).

(1830).

Это превосходное стихотвореніе есть отвѣтъ на передѣлку митрополитомъ московскимъ Филаретомъ стихотворенія Пушкина: „Даръ напрасный, даръ случайный“ (см. это стихотвореніе и передѣлку Филарета въ № 152.)

Напеч. впервые въ „Литер. Газ.“ 1830 г., № 12.

---

1 Въ часы забавъ иль праздной скуки
Бывало лирѣ я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.

2 Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавый
Меня внезапно поражалъ.

3 Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.

4 И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.

5 Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священомъ ужасѣ поэтъ.

19 января, 1830. Спб.

---

188. На переводъ Иліады.

(1830).

Въ „Литер. Газетѣ“ 1830 г. появилась замѣтка Пушкина, показывающая, какъ цѣнилъ онъ знаменитый трудъ Гнѣдича. Вотъ она:

„Наконецъ вышелъ въ свѣтъ такъ давно и такъ нетерпѣливо ожиданный переводъ Иліады! Когда писатели, избалованные минутными успѣхами, бóльшею частію устремились на блестящія бездѣлки, когда талантъ чуждается труда, а мода пренебрегаетъ образцами величавой древности, когда поэзія не есть благоговѣйное служеніе, но также легкомысленное занятіе: съ чувствомъ глубокимъ уваженія и благодарности взираемъ на поэта, посвятившаго гордо лучшіе годы жизни исключительному труду, безкорыстнымъ вдохновеніямъ и совершенію единаго, высокаго подвига. Русская Иліада передъ нами. Приступаемъ къ ея изученію, дабы современемъ отдать отчетъ нашимъ читателямъ о книгѣ, долженствующей имѣть столь важное вліяніе на отечественную словесность“.

Одновременно съ этою замѣткою Пушкинъ писалъ Гнѣдичу: „Всѣ благомыслящіе люди чувствовали важность сего перевода и ожидали онаго съ нетерпѣніемъ. Вы требуете сочиненій моихъ, но я... Въ то время, какъ вашъ корабль входитъ въ пристань, нагруженный богатырями Гомера, нечего говорить о моихъ мелочахъ“.

Напеч. впервые въ „Альціонѣ“ на 1832 г. Исправленный текстъ въ изданіи 1832 г.

Слышу умолкнувшій [а] звукъ божественной [б] эллинской рѣчи;
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

---

189. Новоселье.

(П. В. НАЩОКИНУ).

(1830).

Въ числѣ пріятелей Пушкина, съ которыми онъ сошелся еще въ лицейскую пору, былъ Павелъ Воиновичъ Нащокинъ, принадлежавшій къ царскосельскому гусарскому кругу. Пушкинъ любилъ этого добраго, хотя и предававшагося многимъ излишествамъ человѣка. Проигравъ въ карты состояніе, доставшееся ему отъ богатой матери, Нащокинъ вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ. Онъ дѣлалъ много добра, помогая бѣднымъ, ссужая нуждающихся деньгами, когда онѣ у него бывали, и не требуя отдачи. У него собиралось самое разнообразное общество. Съ нимъ были на дружеской ногѣ и такія лица, какъ Пушкинъ, кн. Вяземскій, гр. Віельгорскій, а позднѣе Гоголь. Нащокинъ привлекалъ къ себѣ умомъ необыкновеннымъ, переполненнымъ не научной, но врожденной природной логикой и здравымъ смысломъ; къ нему всегда обращались за совѣтами при какихъ-либо житейскихъ затрудненіяхъ, и совѣты его всегда приносили пользу. Выше было указано, какъ любилъ Пушкинъ оставаться въ домѣ Нащокина, когда тамъ выдава-

---

[а] божественный.—[б] воскреснувшей (Альц.).

лись минуты тихой семейной жизни. Тѣмъ же чувствомъ, какое привлекало Пушкина къ дому Нащокина, исполнено и стих. „Новоселье“.

Напеч. впервые въ альманахѣ „Сирота“ на 1831 г.

---

1 Благословляю новоселье,
Куда домашній свой кумиръ
Ты перенесъ—а съ нимъ веселье,
Свободный трудъ и сладкій миръ.
2 Ты счастливъ: ты свой домикъ малый,
Обычай мудрости храня,
Отъ злыхъ заботъ и лѣни вялой
Застраховалъ, какъ отъ огня.

---

190. Къ вельможѣ.

(КН. Н. Б. ЮСУПОВУ, ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОЕ).

(1830).

Въ черновой тетради [1]), заключающей наброски различныхъ годовъ (1821, 1824, 1825, 1827), находится и черновое посланіе „Къ Вельможѣ“, время написанія котораго въ точности опредѣлить трудно: „потому помѣщаемъ его подъ 1830 г., когда оно было напечатано въ „Литературной Газетѣ“.

Между произведеніями Пушкина, помѣщенными въ этой газетѣ, по словамъ Анненкова (1855), „блеститъ Посланіе К. Н. Б. Ю.—образецъ мастерской живописи и историческихъ лицъ и эпохъ, гдѣ часто въ одномъ двустишіи полно и опредѣленно выражается вся сущность ихъ. При появленіи своемъ оно, какъ многія другія произведенія поэта, возбудило недоумѣніе. Въ свѣтѣ считали его недостойнымъ лица, къ которому написано; въ журналахъ—наоборотъ—недостойнымъ поэта, котораго обвиняли въ намѣреніи составить панегирикъ. Любопытно сужденіе одного повременнаго изданія объ этой пьесѣ, одинаково поражающей и совершенствомъ содержанія: „Мы увѣрены, что современемъ Пушкинъ выброситъ изъ собранія своихъ сочиненій многое, какъ-то: „Загадку“, „Собраніе насѣкомыхъ“, „Дорожныя жалобы“, „Посланіе къ вельможѣ“. Все это недостойно его“.— Не менѣе странна и похвала этому стихотворенію въ „Славянинѣ“ 1830 г., гдѣ объ этомъ посланіи сказано: „Въ семъ классическомъ посланіи Протей - Пушкинъ являетъ намъ Шолье [2]) и Вольтера. Оно напоминаетъ намъ посланіе нашего блестящаго Батюшкова къ И. М. Муравьеву-Апостолу“ [3]).

---

[1]) № 2367 Рум. Муз.

[2]) Шолье (1639—1720)—одинъ изъ лириковъ временъ Людовика XIV, извѣстныхъ летучими произведеніями, порожденными свѣтскимъ остроуміемъ празднаго общества.

[3]) „Ты правъ, любимецъ Музъ! отъ первыхъ впечатлѣній,
Отъ первыхъ, свѣжихъ чувствъ заемлетъ силу Геній
И имъ въ теченьи дней своихъ не измѣнитъ! и т. д.

Бѣлинскій (1844) писалъ о посланіи „Къ вельможѣ“: „Это—полная, дивными красками написанная картина... восьмнадцатаго вѣка. Нѣкоторые крикливые глупцы, не понявъ этого стихотворенія, осмѣливались въ своихъ полемическихъ выходкахъ бросить тѣнь на характеръ великаго поэта, думая видѣть лесть [4]) тамъ, гдѣ должно видѣть только въ высшей степени художественное постиженіе и изображеніе цѣлой эпохи въ лицѣ одного изъ замѣчательныхъ ея представителей. Стихи этой піесы—само совершенство, и вообще вся піеса—одно изъ лучшихъ созданій Пушкина. Поэтъ, съ дивною вѣрностію изобразивъ то время, еще болѣе оттѣняетъ его чрезъ контрастъ съ нашимъ“.

Посланіе относится къ князю Николаю Борисовичу Юсупову, сенатору и члену государственнаго совѣта, бывшему въ 1783—1789 годахъ посланникомъ въ Туринѣ. Онъ былъ живымъ представителемъ Екатерининскаго вѣка для Пушкина, видавшаго его въ подмосковномъ селѣ Архангельскомъ, гдѣ доживалъ свой вѣкъ князь Юсуповъ и умеръ въ 1831 году.

От сѣверныхъ оковъ освобождая міръ,
Лишь только на поля, струясь, дохнетъ зефиръ,
Лишь только первая позеленѣетъ липа,
Къ тебѣ, привѣтливый потомокъ Аристиппа,
Къ тебѣ явлюся я, увижу сей дворецъ,
Гдѣ циркуль зодчаго, палитра и рѣзецъ
Ученой прихоти твоей повиновались
И вдохновенные въ волшебствѣ состязались.
Ты понялъ жизни цѣль: счастливый человѣкъ,
Для жизни ты живешь. Свой долгій, ясный вѣкъ
Еще ты съ молоду умно разнообразилъ,
Искалъ возможнаго, умѣренно проказилъ.
Чредою шли къ тебѣ забавы и чины.
Посланникъ молодой увѣнчанной Жены,
Явился ты въ Ферней—и циникъ посѣдѣлый,
Умовъ и моды вождь пронырливый и смѣлый,
Свое владычество на Сѣверѣ любя,
Могильнымъ голосомъ привѣтствовалъ тебя [5]).
Съ тобой веселости онъ расточалъ избытокъ,
Ты лесть его вкусилъ, земныхъ боговъ напитокъ.
Съ Фернеемъ распростясь, увидѣлъ ты Версаль.
Пророческихъ очей не простирая въ даль,
Тамъ ликовало все [6]). Армида молодая [7]),
Къ веселью, роскоши знакъ первый подавая,

---

[4]) Въ особенности нападалъ на Пушкина Н. Полевой, помѣстившій въ своемъ „Новомъ“ Живописцѣ“ (при Моск. Телеграфѣ) обширное стихотвореніе, которое оканчивалось тѣмъ, что парящій геній опускается и садится въ прихожей вельможи (Ефремовъ).—[5]) Характеристика Вольтера (ср. „Избранн. Соч. Карамзина“ I, стр. 47).—[6]) Передъ французской революціей.—[7]) Марія Антуанетта, королева французская.

Не вѣдая, чему судьбой обречена,
Рѣзвилась, вѣтренымъ дворомъ окружена.
Ты помнишь Тріанонъ [8]) и шумныя забавы?
Но ты не изнемогъ отъ сладкой ихъ отравы:
Ученье дѣлалось на время твой кумиръ:
Уединялся ты. За твой суровый пиръ
То чтитель промысла, то скептикъ, то безбожникъ
Садился Дидеротъ [9]) на шаткій свой треножникъ.
Бросалъ парикъ, глаза въ восторгѣ закрывалъ
И проповѣдовалъ. И скромно ты внималъ
За чашей медленной аѳею [10]) иль деисту [11]),
Какъ любопытный скиѳъ аѳинскому софисту.

Но Лондонъ звалъ твое вниманіе. Твой взоръ
Прилежно разобралъ сей двойственный соборъ:
Здѣсь натискъ пламенный, а тамъ отпоръ суровый,
Пружины смѣлыя гражданственности новой.

Скучая, можетъ быть, надъ Темзою скупой,
Ты думалъ далѣ плыть. Услужливый, живой,
Подобный своему чудесному герою,
Веселый Бомарше [12]) блеснулъ передъ тобою.
Онъ угадалъ тебя: въ плѣнительныхъ словахъ
Онъ сталъ разсказывать о ножкахъ, о глазахъ,
О нѣгѣ той страны, гдѣ небо вѣчно ясно;
Гдѣ жизнь лѣнивая проходитъ сладострастно,
Какъ пылкій, отрока восторговъ полный сонъ;
Гдѣ жены вечеромъ выходятъ на балконъ,
Глядятъ и, не страшась лѣниваго испанца,
Съ улыбкой слушаютъ и манятъ иностранца.
И ты, встревоженный, въ Севиллу полетѣлъ.
Благословенный край, плѣнительный предѣлъ!
Тамъ лавры зыблются, тамъ апельсины зрѣютъ......
О, разскажи жъ ты мнѣ, какъ жены тамъ умѣютъ
Съ любовью набожность умильно сочетать,
Изъ-подъ мантильи знакъ условный подавать;
Скажи, какъ падаетъ письмо изъ-за рѣшетки,
Какъ златомъ усыпленъ надзоръ угрюмой тетки;
Скажи, какъ въ двадцать лѣтъ любовникъ подъ окномъ
Трепещетъ и кипитъ, окутанный плащомъ.

Все измѣнилося. Ты видѣлъ вихорь бури,
Паденіе всего, союзъ ума и фурій,
Свободой грозною воздвигнутый законъ,

---

[8]) Тріанонъ—увеселительный домъ въ версальскомъ паркѣ.—[9]) Дидро (1713—1784) — французскій писатель, издатель съ д'Аламберомъ и др. съ 1751 г. знаменитой „Энциклопедіи". — [10]) т.-е. атеисту—[11]) См. „Избр. соч. Карамзина, стр. 47, вып. 5.—[12]) Бомарше (1732—1799)— франц. драматургъ, авторъ комедій: Севильскій Цырюльникъ (1775) и „Женитьба Фигаро" (1784) и др.

Подъ гильотиною Версаль и Тріанонъ,
И мрачнымъ ужасомъ смѣненныя забавы,
Преобразился міръ при громахъ новой славы,
Давно Ферней умолкъ. Пріятель твой Вольтеръ,
Превратности судебъ разительный примѣръ,
Не успокоившись и въ гробовомъ жилищѣ,
Донынѣ странствуетъ съ кладбища на кладбище.
Баронъ д' Ольбахъ, Морле, Гальяни, Дидеротъ,
Энциклопедіи скептическій причетъ [13]),
И колкій Бомарше, и твой безносый Касти [14]),
Всѣ, всѣ уже прошли. Ихъ мнѣнья, толки, страсти
Забыты для другихъ. Смотри: вокругъ тебя
Все новое кипитъ, былое истребя.
Свидѣтелями бывъ вчерашняго паденья,
Едва опомнились младыя поколѣнья.
Жестокихъ опытовъ сбирая поздній плодъ,
Они торопятся съ расходомъ свесть приходъ,
Имъ некогда шутить, обѣдать у Темиры,
Иль спорить о стихахъ. Звукъ новой, чудной лиры,
Звукъ лиры Байрона развлечь едва ихъ могъ.

Одинъ все тотъ же ты. Ступивъ за твой порогъ,
Я вдругъ переношусь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры и картины,
И стройные сады свидѣтельствуютъ мнѣ,
Что благосклонствуешь ты музамъ въ тишинѣ,
Что ими въ праздности ты дышишь благородной.
Я слушаю тебя: твой разговоръ свободный
Исполненъ юности. Вліянье красоты
Ты живо чувствуешь. Съ восторгомъ цѣнишь ты
И блескъ Алябьевой, и прелесть Гончаровой [15]).
Безпечно окружась Корреджіемъ [16]), Кановой [17]),
Ты, не участвуя въ волненіяхъ мірскихъ,
Порой насмѣшливо въ окно глядишь на нихъ
И видишь оборотъ во всемъ кругообразный.
Такъ вихорь дѣлъ забывъ для музъ и нѣги праздной,
Въ тѣни порфирныхъ [a] бань и мраморныхъ палатъ,
Вельможи римскіе встрѣчали свой закатъ.
И къ нимъ издалека то воинъ, то ораторъ,

---

[a] Такъ уже въ изд. 1832; въ Лит. Газ.: сапфирныхъ.

---

[13]) Энциклопедія—см. выше вын. 9.— [14]) Касти (1721—1823)— италіанскій сатирикъ, авторъ комическихъ оперъ, повѣстей и животнаго эпоса: „Говорящія животныя“.— [15]) См. стр. 234. Въ „Лит. Газ.“ стояло: А и ***.— [16]) Корреджіо (1532—1588)—ломбардскій живописецъ.— [17]) Канова (1757—1822)—италіанскій скульпторъ.

То консулъ молодой, то сумрачный диктаторъ
Являлись день, другой роскошно отдохнуть,
Вздохнуть о пристани и вновь пуститься въ путь.

---

191. Поэту.

(1830).

Это стихотвореніе, имѣющее форму сонета (см. № 193), находится въ связи съ выше разобранными стихотвореніями, имѣющими предметомъ поэта и его отношеніе къ обществу (см. № 138, 139 и 157). Здѣсь нашло свое выраженіе твердо охраняемое самимъ Пушкинымъ чувство независимости отъ неразумныхъ притязаній лицъ, вкривь и вкось судящихъ о дѣятельности поэта. Пушкинъ рано пришелъ къ убѣжденію въ законности этого чувства. Еще въ 1821 г. онъ писалъ къ Гнѣдичу:

Для музъ и дружбы живъ поэтъ:
Его враги ему презрѣнны:
Онъ музу битвой площадной
Не унижаетъ предъ народомъ....

Все стихотвореніе „Поэту“ имѣетъ форму обращенія къ юному поэту, который предстоитъ автору, взволнованный полученными похвалами (строфа 1). Опытный поэтъ, обращая къ нему рѣчь свою, предостерегаетъ его отъ увлеченія этими похвалами. Онъ спѣшитъ начертать ему самостоятельный путь въ его дѣятельности.

Пушкинъ воспользовался здѣсь для сравненія поэтическимъ образомъ любимаго своего героя Петра Великаго, который, зная предназначеніе своей страны, „смѣло сѣялъ просвѣщенье самодержавною рукой“. Путь поэта— долженъ быть подобенъ пути царя, передъ которымъ все разступается („Дорогою свободной иди“...), которому нѣтъ равныхъ („живи одинъ“), котораго всѣ дѣйствія безкорыстны, и надъ которымъ нѣтъ судіи (строфа 3). Та доля негодованія, которымъ одушевлено начало этого монолога, разрѣшается подъ вліяніемъ величаваго образа такого царственнаго поэта, въ послѣдней строфѣ, въ спокойное, снисходительное отношеніе и къ самой толпѣ. Толпа, характеризуемая въ 1-й строфѣ эпитетомъ „холодная“, сопровождающая своимъ смѣхомъ судъ глупца о поэтѣ, получила въ послѣдней строфѣ мягкое олицетвореніе въ образѣ рѣзвыхъ дѣтей, случайно забѣжавшихъ въ храмъ во время совершенія жрецомъ жертвоприношенія. Олицетвореніе толпы въ образѣ дѣтей сообщаетъ рѣчи поэта характеръ болѣе спокойный. Ихъ поступки не могутъ раздражать жреца, всецѣло предавшагося своему священнодѣйствію. И въ рѣзвости дѣтей нѣтъ злобнаго умысла: это неразумная шалость; плюя на алтарь и колебля треножникъ, они желаютъ только позабавиться трескомъ огня и колебаніемъ пламени. Жрецъ не замѣчаетъ ихъ.

Мысль о независимости поэта и о малой цѣнѣ суда, произносимаго надъ нимъ толпою, неоднократно высказывалась Пушкинымъ и въ критическихъ замѣткахъ его. Таково слѣдующее мѣсто изъ статьи о Баратынскомъ (1830): „Наши поэты не могутъ жаловаться на излишнюю стро-

гость критиковъ и публики; напротивъ: едва замѣтимъ въ молодомъ писателѣ навыкъ къ стихосложенію, знаніе языка и средствъ онаго, уже тотчасъ спѣшимъ привѣтствовать его титуломъ генія за гладкіе стишки и нѣжно благодаримъ его въ журналахъ отъ имени человѣчества. *Истинный талантъ довѣряетъ болѣе собственному сужденію*, основанному на любви къ искусству... Изъ нашихъ поэтовъ Баратынскій всѣхъ менѣе пользуется обычной благосклонностью журналовъ — оттого ли, что вѣрность ума, чувства, точность выраженія, вкусъ, ясность и стройность менѣе дѣйствуютъ на толпу, нежели преувеличенность модной поэзіи... Какъ бы то ни было, критика изъявляла въ отношеніи къ нему или недобросовѣстное равнодушіе, или даже непріятное расположеніе... Первыя юношескія произведенія Баратынскаго были нѣкогда приняты съ восторгомъ; послѣднія, болѣе зрѣлыя, болѣе близкія къ совершенству, въ публикѣ имѣли малый успѣхъ. Постараемся объяснить тому причины. Первою должно почесть самое сіе совершенство, самую зрѣлость его произведеній. Понятія, чувства 18-лѣтняго поэта еще близки и сродны всякому; молодые читатели понимаютъ его, и съ восхищеніемъ въ его произведеніяхъ узнаютъ собственныя чувства и мысли... Но лѣта идутъ—юный поэтъ мужаетъ, талантъ его растетъ, понятія становятся выше, чувства измѣняются — пѣсни его уже не тѣ, а *читатели* все тѣ же, и развѣ только *сдѣлались холоднѣе сердцемъ* и равнодушнѣе къ поэзіи жизни. *Поэтъ отдѣляется отъ нихъ и мало-по-малу уединяется совершенно*. Онъ творецъ для самого себя, и если изрѣдка еще обнародываетъ свои произведенія, то встрѣчаетъ холодное невниманіе и находитъ отголосокъ своимъ звукамъ только въ сердцахъ нѣкоторыхъ поклонниковъ поэзіи, какъ онъ, уединенныхъ въ свѣтѣ. Вторая причина есть отсутствіе критики и общаго мнѣнія... Будучи предметомъ неблагосклонности, Баратынскій никогда за себя не вступался... Сія безпечность о судьбѣ своихъ произведеній, сіе неизмѣнное *равнодушіе* къ успѣху и похваламъ не только въ отношеніи къ журналистамъ, но и *въ отношеніи къ публикѣ*, очень замѣчательны. Никогда не старался онъ малодушно угождать господствующему вкусу и требовать мгновенной молвы, никогда не прибѣгалъ къ шарлатанству, преувеличенію для произведенія большаго эффекта... Никогда не тащился онъ по пятамъ свой вѣкъ увлекающаго генія, подбирая имъ оброненные колосья: *онъ шелъ своею дорогою одинъ* и независимъ".

Позднѣе (1833), оповѣщая въ „Литер. Прибавленіяхъ къ „Русскому Инвалиду" о выходѣ въ свѣтъ стихотвореній Катенина (см. № 160), Пушкинъ выразилъ тотъ же взглядъ на отзывы публики: „Что же касается до несправедливой холодности, оказываемой публикой сочиненіямъ г. Катенина, то во всѣхъ отношеніяхъ она дѣлаетъ ему честь: во-первыхъ, она доказываетъ отвращеніе поэта отъ мелочныхъ способовъ добывать успѣхи, а во-вторыхъ и его самостоятельность. Никогда не старался онъ угождать господствующему вкусу въ публикѣ; напротивъ: *шелъ всегда своимъ путемъ, творя для себя, что́ и какъ ему было угодно*. Онъ даже до того простеръ свою гордую независимость, что оставлялъ одну отрасль поэзіи, какъ скоро становилась она модною"...

Г-жа Кохановская (1857) указываетъ въ стих. „Поэтъ, не дорожи любовію народной", какъ на свидѣтельство того, какъ „достоинъ былъ самъ

Пушкинъ носитъ высокое титло поэта, какой самобытный идеалъ поэта выносилъ онъ въ своей груди, вопреки всѣхъ недоразумѣній, оскорбленій и ребяческаго непониманія общества". „Г. Анненковъ", продолжаетъ г-жа Кохановская, „указываетъ на это стихотвореніе, какъ на дальнѣйшее развитіе той отвлеченной теоріи, подъ дѣйствіемъ которой написана была Пушкинымъ „Чернь" (см. № 158). „Съ этимъ не совсѣмъ можно согласиться", замѣчаетъ г-жа Кохановская, „и сохраняя полное уваженіе къ труду г. Анненкова, можно вообще не соглашаться на счетъ указываемаго имъ вліянія отвлеченныхъ воззрѣній нѣмецкой науки на русско-художественную душу Пушкина. Поэзія Пушкина, въ высшей степени жизненная, ясная, опредѣлительная, сама должна говорить, и если настоящая полная жизнь Пушкина заключается въ его произведеніяхъ, порожденныхъ, такъ сказать, ходомъ ея, — то не ближе ли всего искать намъ объясненія этимъ произведеніямъ въ жизни поэта? — и только въ томъ случаѣ, если бы жизнь не уяснила намъ смысла Пушкинской поэзіи, имѣемъ мы право находить его въ отвлеченной теоріи.—Въ „Матеріалахъ" говорится, что тѣмъ быстрѣе усвоилъ себѣ Пушкинъ эту теорію творчества, что она только развила и дополнила собственное его пониманіе предмета, уже высказанное имъ въ извѣстномъ „Разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ", появившемся на 3 года до основанія „Московскаго Вѣстника" (см. № 90). И конечной высшей точкой развитія этой теоріи г. Анненковъ ставитъ то, что „къ концу своего поприща Пушкинъ пришелъ къ мысли и убѣжденію, что самый трудъ, какъ предметъ, назначенный для общаго достоянія всѣхъ — ничего не значитъ въ глазахъ истиннаго поэта, а важны для послѣдняго только высокія наслажденія, доставляемыя теченіемъ труда". Въ доказательство этого г. Анненковъ приводитъ неизданное стих. Пушкина (см.: „Родосл. моего героя"), въ которомъ говорится, что поэтъ не раздѣляетъ съ толпою ни гнѣва, ни удивленья, ничего. Глупецъ кричитъ ему: „Куда, куда? Дорога здѣсь". Очень понятно, что поэтъ не слушаетъ глупца:

.... но ты не слышишь,
Идешь, куда тебя влекутъ
Мечты невольныя. Твой трудъ
Тебѣ награда—имъ ты дышишь,
А плодъ его бросаешь ты
Толпѣ—рабынѣ суеты".

„Но если показать", продолжаетъ г-жа Кохановская, „что мысль, выраженная въ этомъ стихотвореніи, именно та мысль, которая принимается за высшее развитіе отвлеченной теоріи, какъ бы доведенной Пушкинымъ до nec plus ultra, — если показать, что эта мысль гораздо ранѣе теоріи находится у Пушкина, не значитъ ли это съ тѣмъ вмѣстѣ показать, что не отвлеченную теорію, извнѣ принятую, развивалъ Пушкинъ, а жило въ немъ его собственное художническое чувство? Именно эту мысль (что самый трудъ ничего не значитъ въ глазахъ истиннаго поэта, а важны для него только высокія наслажденія, доставляемыя теченіемъ труда) мы находимъ въ томъ же самомъ „Разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ", который за три года до ознакомленія Пушкина съ нѣмецкими теоріями изящнаго, уже служилъ выраженіемъ его собственнаго пониманія предмета. И мы

находимъ эту мысль даже выраженною гораздо сильнѣе, нежели въ неизданномъ стихотвореніи, приводимомъ г. Анненковымъ, и перешедшую въ убѣжденіе не только самого поэта, но даже человѣка, лишь знакомаго съ поэтами: „Но васъ я знаю, господа“, говоритъ книгопродавецъ,

Вамъ ваше дорого творенье,
Пока на пламени труда
Кипитъ, бурлитъ воображенье;
Оно застыло — и *тогда*
Постыло вамъ и сочиненье.

А извѣстно, что постылою вещью не дорожатъ и бросаютъ ее, куда ни попало. Поэтъ бросаетъ свой трудъ

Толпѣ—рабынѣ суеты.

Изъ этого довольно явственно слѣдуетъ, что ни начало, ни принимаемый конецъ будто бы сильнѣйшаго развитія отвлеченной теоріи Пушкина вовсе не принадлежали нѣмецкой теоріи, а составляли собственное убѣжденіе поэта, который былъ достаточно силенъ, чтобы возвести внутреннюю основу и высокое положеніе своему искусству изъ глубины собственной души и изъ самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ своей общественно-поэтической жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ стихотвореніи, принимаемомъ за дальнѣйшее развитіе отвлеченной теоріи, — какая здѣсь теорія? Не по теоріи, а по собственному жизненному опыту, Пушкинъ могъ сказать поэту:

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ!

Развѣ этого не было съ Пушкинымъ? Шумъ восторженный похвалъ, привѣтствовавшихъ его первыя произведенія, развѣ онъ не прошелъ и не замѣнился холодностію публики и ея невниманіемъ къ лучшимъ зрѣлымъ произведеніямъ поэта?

Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной...

Ихъ ли не слышалъ Пушкинъ, когда лучшія изъ его произведеній были непризнаны, отвергнуты и осмѣяны почти площадными шутками такъ называемой критики? Какими бурями сомнѣній и преній даже между друзьями Пушкина окружено было рожденіе „Онѣгина“, котораго содержаніе едва находили достойнымъ поэтическаго дарованія! „Полтава“ не имѣла успѣха, по собственному удостовѣренію Пушкина. По поводу ея даже вся поэзія Пушкина наименована была пародіей, выворачиваньемъ наизнанку поэтическаго въ природѣ. А „Борисъ Годуновъ“—это любимое произведеніе Пушкина — и полное равнодушіе къ нему публики, и самый-то критикъ г. Загоскинъ, предлагающій промѣнять сцену изъ Бориса Годунова — сцену лѣтописца Пимена—на картинку Дамскаго Журнала! И еще другой критикъ, отказывающій „Онѣгину“ въ народности и находящій ее въ „Русланѣ и Людмилѣ“! Что это было, если, не то, что́ поэтъ горько называетъ: „услышишь судъ глупца“ и крикъ его: „куда? куда?.. дорога здѣсь“! Истинный поэтъ не слышитъ этихъ криковъ, и сколько можно по человѣчеству, остается

твердымъ и спокойнымъ; хотя нельзя, чтобы это усиліе поэта надъ собою не сдѣлало его угрюмымъ.

И такъ, оставя шумный свѣтъ,
И музъ, и вѣтреную моду,
Что изберете вы?

спрашиваетъ книгопродавецъ.—Свободу! отвѣчаетъ поэтъ. И вотъ мы находимъ эту избранную поэтомъ свободу уже усвоенною его жизнію, его творческими созданіями, его поэтическими думами, и онъ передаетъ ее другому поэту, какъ залогъ художническаго совершенства и какъ прямой путь къ нему.

...Живи одинъ... и т. д. (см. строфы 2, 3 и 4).

Какая благородная свобода! Не въ отвлеченной теоріи, а только въ кровномъ чувствѣ великаго поэта можетъ найтись эта страсть къ усовершенствованію любимыхъ думъ, не поощряемая, не побуждаемая извнѣ и не требующая награды за свой благородный подвигъ. Награда поэта, какъ человѣка, живущаго высшей сознательной жизнью — въ немъ самомъ, если общество не доросло до поэта и не умѣетъ награждать его своимъ сочувствіемъ... „Ты самъ свой высшій судъ". Г. Анненковъ говоритъ, что „дѣйствительно Пушкинъ сдѣлался и творцомъ независимымъ отъ вкуса и расположенія публики, и единственнымъ вѣрнымъ судьей своихъ произведеній. Слѣдовательно, не гордое словомъ теоретическое правило излагалъ онъ въ этихъ стихахъ, а опытъ собственной художнической жизни высказывалъ Пушкинъ".

Это стихотвореніе, написанное 1 іюля 1830 г., было напечатано въ „Сѣв. Цв." 1831 г.

---

1 Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ;
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной;
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.

2 Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.

3 Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?

4 Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

---

192. Мадонна.

(сонетъ).

(1830).

Въ этомъ стихотвореніи, выражающемъ живительное дѣйствіе высокаго произведенія искусства на душу поэта, символически выражено то освященіе жилища присутствіемъ существа, полнаго красоты и нравственной чистоты, кротости и величавости, которое онъ поэтически разумѣлъ подъ бракомъ. Ожидая такого счастія, онъ выразилъ всю полноту женскаго идеала въ этомъ лирическомъ произведеніи, отожествляя его съ тою, которую считалъ достойною раздѣлить съ нимъ жизнь. Стихотвореніе писано 8 іюля. Въ письмѣ отъ 30 іюля поэтъ писалъ невѣстѣ своей: „Дамы спрашиваютъ у меня вашъ портретъ и не прощаютъ мнѣ того, что у меня его нѣтъ. Я утѣшаю себя, проводя цѣлые часы передъ бѣлокурой Мадонной, похожей на васъ какъ двѣ капли воды; я купилъ бы ее, если бы она не стоила 40.000 руб. [1]).

Напеч. впервые въ „Сироткѣ“ 1831 г.

---

1 Не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ
Украсить я всегда желалъ свою [a] обитель,
Чтобъ суевѣрно имъ дивился посѣтитель,
Внимая важному сужденью знатоковъ.

2 Въ простомъ углу моемъ, средь медленныхъ трудовъ,
Одной картины я желалъ быть вѣчно зритель,
Одной: чтобъ на меня съ холста, какъ съ облаковъ,
Пречистая и нашъ божественный Спаситель—

3 Одна съ величіемъ, Онъ съ разумомъ въ очахъ—
Взирали, кроткіе, во славѣ и лучахъ,
Одни, безъ ангеловъ, подъ пальмою Сіона.

4 Исполнились мои желанія. Творецъ
Тебя мнѣ ниспослалъ, тебя, моя Мадонна,
Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ!

---

193. Къ ***.

(1830).

Въ формѣ сонета [2]) восхваляется самая эта стихотворная форма (ср. № 191 и 192).

Напеч. впервые въ „Моск. Вѣстникѣ“ 1830, № 8.

---

[a] Такъ въ изд. 1838 г. Въ „Сироткѣ“ и „Лит. Газ.“ 1831 г., № 15: мою

[1]) Письмо писано по-французски.

[2]) Сонетъ (отъ итал. senetto, пѣсенка) есть стихотвореніе изъ 14 стиховъ (по большей части ямбическихъ),

Scorn not the sonnet, critic.
Wordsworth.

1 Суровый Дантъ не презиралъ сонета;
Въ немъ жаръ любви Петрарка [3]) изливалъ;
Игру его любилъ творецъ Макбета [4]);
Имъ скорбну мысль Камоэнсъ [5]) облекалъ.

2 И въ наши дни плѣняетъ онъ поэта:
Вордсвортъ [6]) его орудіемъ избралъ,
Когда, вдали отъ суетнаго свѣта,
Природы онъ рисуетъ идеалъ.

3 Подъ сѣнью горъ Тавриды отдаленной,
Пѣвецъ Литвы [7]) въ размѣръ его стѣсненный [8])
Свои мечты мгновенно замыкалъ.

4 У насъ еще его не знали дѣвы,
Какъ для него ужъ Дельвигъ [9]) забывалъ
Гекзаметра священные напѣвы.

---

194. Цыганы.

(1830).

И въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ выразилъ свое рѣшеніе покончить съ бездомной жизнью, мечтая о спокойной семейной деревенской жизни (ср. стр. 192 и № 177).

Напеч. впервые въ „Денницѣ“ 1831 г. съ помѣтой: „съ англійскаго“.

раздѣляющееся на 2 части, изъ коихъ 1-я состоитъ изъ 2 четверостишій (катринъ) съ двумя парами риѳмъ (по формулѣ абба или абаб); другая изъ 2-хъ трехстишій (терцинъ) съ 2-мя (по формулѣ аба, баб), 3-мя (по формулѣ ааб). вбв) или 4 (по ф. гбг) риѳмами.—[3]) Петрарка (1304—1374), итал. поэтъ, прославившійся сонетами, въ которыхъ воспѣвалъ Лауру.—[4])т. е. Шекспиръ (см. ниже вын. 7).—[5]) Камоэнсъ (1524—1579)—португальскій поэтъ.—[6]) Вилльямъ Вордсвортъ (1770—1850)—глава „озерной школы“ (Lake School) шотландскихъ поэтовъ, такъ названныхъ потому, что ихъ описательная поэзія изображала часто озёра, составляющія своеобразную красоту Шотландіи.—[7]) Мицкевичъ написалъ „Крымскіе сонеты“ — [8]) „Мы уже отошли отъ суевѣрнаго пристрастія Депрео къ сонету“, писалъ кн. Вяземскій по поводу сонетовъ Мицкевича въ 1827 г., „но все должны признаться, что правильное исполненіе его сопряжено съ нѣкоторымъ затрудненіемъ и налагаетъ иго. Участь сонета странная. Un sonnet sans défaut vaut seul un long poême (т. е.: Безукоризненный сонетъ одинъ стóитъ длинной поэмы)—сказалъ законодатель новѣйшей классической поэзіи: отечество его вѣруетъ еще и нынѣ въ его французскій Коранъ, а сонетъ давно забытъ. Напротивъ, у поэтовъ, исповѣдающихъ романтизмъ, онъ еще въ употребленіи. Впрочемъ и они имѣютъ за себя если не законодателя романтизма, то главу его, Шекспира, который оставилъ намъ болѣе 150 сонетовъ... Наклонность нынѣшнихъ поэтическихъ формъ къ однообразному размѣру сонета или вообще опредѣленнаго состава строфъ, очевидна даже и въ твореніяхъ большого объема“.

[9]) См. стр. 205.

Надъ лѣсистыми брегами,
Въ часъ вечерней тишины,
Шумъ и пѣсни подъ шатрами,
И огни разложены.

2 Здравствуй, счастливое племя!
Узнаю твои костры;
Я бы самъ въ иное время
Провождалъ сіи шатры.

3 Завтра съ первыми лучами
Вашъ исчезнетъ вольный слѣдъ,
Вы уйдете—но за вами
Не пойдетъ ужъ вашъ поэтъ.

4 Онъ бродящіе ночлеги
И проказы старины
Позабылъ для сельской нѣги
И домашней тишины.

---

195. Отвѣтъ анониму.

(1830).

Когда вѣсть о престоящей женитьбѣ Пушкина разнеслась по Москвѣ, то И. А. Гульяновъ [1]) написалъ 15 іюля 1830 г. стихи къ Пушкину и анонимно послалъ ихъ поэту. Вотъ это стихотвореніе:

Олимпа дѣвы встрепенулись!
Сердца ихъ въ горести сомкнулись,
И гулъ ихъ вопли повторилъ;
„Поэтъ высокій, знаменитый
Взглянулъ на свѣтлыя ланиты—
И дѣвѣ сердце покорилъ.

Съ вершинъ, гдѣ цвѣлъ пѣвецъ волшебный,
Раздался долу гулъ плачевный—
Рыдаютъ дѣвы- сироты:
Пѣвецъ, простясь съ волшебнымъ міромъ,
Склонилъ колѣно предъ кумиромъ—
Лелѣетъ новы суеты.

Лелѣетъ суеты сердечны;
Онѣ какъ счастье скоротечны—
Имъ дважды въ жизни не мелькнуть;
За ними вслѣдъ пусть онъ стремится,
И вспять съ подругой обратится
На лонѣ дружбы отдохнуть.

Не будетъ больше вдохновеній!
Не будетъ умственныхъ пареній!
Прошли свободные часы.
Какъ отблескъ утреннихъ сіяній,
Блеснула радость ожиданій
У ногъ возлюбленной красы!

Свершилось таинство природы;
Исчезли прелести свободы—
Погасъ измѣнный пылъ крови;
Подруга въ сердцѣ воцарится—
И новымъ свѣтомъ озарится
Пѣвецъ мечтаній и любви.

Пѣвецъ, вѣнцами облеченный!
Вѣнецъ, изъ миртовъ соплетенный,
Прими изъ рукъ любимыхъ музъ:
Вѣнецъ сей вѣчность образуетъ—
Преступныхъ небо наказуетъ;
Будь вѣрный стражъ священныхъ узъ.

---

[1]) И. А. Гульяновъ (1789—1841), сынъ бывшаго молдавскаго господаря Маврокордато (живш. и умерш. въ Москвѣ въ концѣ прошлаго вѣка) пользовался въ 1820-хъ годахъ заслуженною извѣстностію среди ученыхъ, занимавшихся египетскими надписями. Онъ издалъ „Археографическіе Опыты“ и состязался съ знаменитымъ Шампольономъ. Онъ былъ членомъ Россійской Академіи и числился секретаремъ русскаго посольства въ Брюсселѣ. Умеръ въ 1841 году за границею.

Уймите духъ вашъ сокрушенный,
О музы! Другъ вашъ вожделѣнный
Небеснымъ пламенемъ горитъ.
Источникъ новыхъ откровеній
Залогомъ будетъ вдохновеній—
И снова геній воспаритъ!

Это стихотвореніе вызвало отвѣтъ Пушкина, отличающійся обычной искренностію и силою выраженія. По словамъ г. Анненкова, этотъ отвѣтъ заключаетъ „жалобу на участь поэта, покупающаго вниманіе публики цѣною собственныхъ горькихъ думъ и страданій, и содержитъ намекъ на обстоятельство, перемѣнившее какъ жизнь Пушкина, такъ и теченіе его мыслей". Онъ былъ полонъ теперь ожидавшаго его счастія, которое выразилось въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ, исполненныхъ чувства свѣтлаго и спокойнаго.

Впервые напеч. въ „Сѣв. Цв." 1831 г.

О, кто бы ни былъ ты, чье ласковое пѣнье
Привѣтствуетъ мое къ блаженству возрожденье,
Чья скрытая рука мнѣ крѣпко руку жметъ,
Указываетъ путь и посохъ подаетъ!
О, кто бы ни былъ ты: старикъ ли вдохновенный,
Иль юности моей товарищъ отдаленный,
Иль отрокъ, музами таинственно хранимъ,
Иль пола кроткаго стыдливый херувимъ,
Благодарю тебя душою умиленной.
Вниманья слабаго предметъ уединенный,
Къ доброжелательству досель я не привыкъ—
И страненъ мнѣ его привѣтливый языкъ.
Смѣшонъ, участія кто требуетъ у свѣта!
Холодная толпа взираетъ на поэта,
Какъ на заѣзжаго фигляра: если онъ
Глубоко выразитъ сердечный, тяжкій стонъ,
И выстраданный стихъ, пронзительно-унылый,
Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой—
Она въ ладони бьетъ и хвалитъ, иль порой
Неблагосклонною киваетъ головой.
Постигнетъ ли пѣвца незапное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье—
„Тѣмъ лучше", говорятъ любители искусствъ:
„Тѣмъ лучше! наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ
И намъ ихъ передастъ". Но счастіе поэта
Межъ ними не найдетъ сердечнаго привѣта,
Когда боязненно безмолвствуетъ оно.

Москва.

VIII.

Болдинскія стихотворенія 1830 г.

Домашнія обстоятельства, какъ было сказано выше (стр. 302), потребовали присутствія Пушкина въ нижегородскомъ помѣстіи Лукояновскаго уѣзда, с. Болдинѣ „Передъ моимъ отъѣздомъ“ (изъ Москвы), писалъ Пушкинъ, „Вяземскій показалъ мнѣ письмо, только-что имъ полученное: ему писали о холерѣ, уже перелетѣвшей изъ Астрахани въ Саратовскую губернію. По всему видно было, что она не минуетъ и Нижегородской (о Москвѣ мы еще не безпокоились). Я поѣхалъ съ равнодушіемъ, коимъ былъ обязанъ пребыванію моему между азіатцами. Они не боятся чумы, полагаясь на судьбу и на извѣстныя предосторожности... На дорогѣ встрѣтилъ я Макарьевскую ярмарку, прогнанную холерой. Бѣдная ярмарка! Она бѣжала, разбросавъ вполнѣ свои товары... Воротиться въ Москву казалось мнѣ малодушіемъ; я поѣхалъ далѣе... Едва успѣлъ я пріѣхать, какъ узнаю, что около меня оцѣпляются деревни, учреждаются карантины. Я занялся моими дѣлами, перечитывая Кольриджа, сочиняя сказочки и не ѣздя по сосѣдямъ. Между тѣмъ начинаю думать о возвращеніи и безпокоиться о карантинѣ. Вдругъ (2 октября) получаю извѣстіе, что холера въ Москвѣ... Я тотчасъ собрался и поскакалъ въ дорогу. Проѣхавъ 20 верстъ, ямщикъ мой останавливается: застава! Нѣсколько мужиковъ съ дубинами охраняли переправу черезъ какую-то рѣчку. Я сталъ разспрашивать ихъ и доказывать имъ, что вѣроятно гдѣ-нибудь да учрежденъ карантинъ, что не сегодня, такъ завтра на него наѣду, и въ доказательство предложилъ имъ серебряный рубль. Мужики со мной согласились, перевезли меня и пожелали многія лѣта“. Но все-таки Пушкину не удалось проѣхать въ Москву. „Дважды порывался я къ вамъ“, писалъ онъ Погодину въ декабрѣ изъ Болдина, „но карантины опять отбрасывали меня на мой несносный островокъ, откуда простираю къ вамъ руки.. Никто мнѣ ничего не пишетъ... Не знаю,

гдѣ и что моя невѣста. Знаете ли вы, можете ли узнать? Бога ради, узнайте и отпишите мнѣ"...

Такимъ образомъ волею-неволею Пушкинъ долженъ былъ оставаться въ Болдинѣ съ начала сентября до декабря. (Онъ возвратился въ Москву 5-го числа). Эта пора была самою плодотворною для творчества Пушкина. „Ахъ мой милый"!—писалъ онъ 9 сентября къ Плетневу. „Что за прелесть здѣшняя деревня! вообрази: степь да степь; сосѣдей ни души; ѣзди верхомъ сколько душѣ угодно, пиши дома сколько вздумается, никто не помѣшаетъ". „Мѣсяцъ я здѣсь прожилъ", писалъ Пушкинъ ему же 29 сентября, „не видя ни души, не читая журналовъ... „Милый" — писалъ онъ ему только-что по возвращеніи въ Москву о своей Болдинской жизни,—скажу тебѣ за тайну, что я въ Болдинѣ писалъ, какъ давно уже не писалъ. Вотъ что я привезъ сюда: 2 послѣднія главы Онѣгина, 8-ю и 9-ю, совсѣмъ готовыя въ печать; повѣсть, писанную октавами (стиховъ 400) („Домикъ въ Коломнѣ"), которую выдадимъ Anonyme, нѣсколько драматическихъ сценъ, или маленькихъ трагедій, именно „Скупой Рыцарь", „Моцартъ и Сальери", „Пиръ во время чумы" и Д. Жуанъ (т. е. „Каменный Гость"); сверхъ того написалъ около 30 маленькихъ стихотвореній. Хорошо? Еще не все, весьма секретное, для тебя единаго написалъ я прозою 5 повѣстей, отъ которыхъ Баратынскій ржетъ и бьется; нѣкоторые напечатаемъ также Anonyme („Повѣсти Бѣлкина"). Подъ моимъ именемъ нельзя будетъ, ибо Булгаринъ [1]) заругаетъ". Въ этомъ перечисленіи Болдинскихъ произведеній Пушкинъ не упомянулъ еще „Лѣтопись села Горохина".

Не менѣе довольства собою находимъ въ письмѣ къ Дельвигу изъ Болдина отъ 4 ноября. Вотъ что написалъ онъ въ этомъ шуточномъ письмѣ, посылая ему при немъ стихи для „Литературной Газеты": „Доношу тебѣ, моему владѣльцу, что... коли твой смиренный вассалъ не околѣетъ отъ сарацинскаго падежа, холерой именуемаго и занесеннаго къ намъ крестовыми воинами, т.-е. бурлаками, въ замкѣ твоемъ, Литературной Газетѣ, пѣсни трубадуровъ не умолкнутъ круглый годъ [2]). Я, душа моя, написалъ пропасть полемическихъ статей, но, не получая журналовъ, отсталъ отъ вѣка и не знаю, въ чемъ дѣло — и кого надлежитъ душить, Полевого или Булгарина". Здѣсь рѣчь идетъ о рецензіяхъ Пушкина и его полемическихъ статьяхъ, приготовленныхъ имъ для „Литературной Газеты" (См. „Статьи и замѣтки" 1830).

О лирическихъ произведеніяхъ Пушкина этой эпохи г. Анненковъ (1855) пишетъ „Глядя на изобиліе мотивовъ въ стихотвореніяхъ, принадлежащихъ къ осенней Болдинской жизни, на безпрестанную перемѣну метровъ ихъ, на чудные переходы къ самымъ противоположнымъ мыслямъ и настроеніямъ поэтическаго духа, кажется, видишь художника, безгранично

1) Өаддей Викентьевичъ Булгаринъ—современный недобросовѣстный петербургскій журналистъ изъ поляковъ, издававшій газету „Сѣверная Пчела".—2) Къ сожалѣнію, газета Дельвига въ это время подверглась гоненіямъ гр. Бенкендорфа, вслѣдствіе интригъ Булгарина, и была запрещена.

предающагося въ уединеніи многосложной импровизаціи своей"... „Евг. Онѣгинъ", неразлучный спутникъ поэта въ продолженіе 7 лѣтъ, и здѣсь не покидаетъ его. Въ то же время набросано имъ нѣсколько прекрасныхъ антологическихъ піесъ. Трехмѣсячное пребываніе въ Болдинѣ остается памятникомъ безграничнаго наслажденія своимъ талантомъ, гибкости, многосторонности и неистощимости средствъ его.

---

196. Элегія: Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье.

(1830).

Эта элегія, написанная 8 сентября, представляетъ поэтическое воспроизведеніе тѣхъ думъ, которыя волновали поэта тяготившими его воспоминаніями прошлаго (ср. № 151) и ожиданіями неизвѣстнаго будущаго. Какъ въ элегіи: „Брожу ли я" (1829, № 183) онъ погружался въ мысли о смерти, такъ здѣсь его охватила мысль о приближеніи старости (ст. 5 и 6). И какъ тамъ тяжелая дума утоляется высокимъ чувствомъ самоотреченія, такъ здѣсь онъ находитъ исходъ въ мысли о цѣлительности поэтическаго вдохновенія и любви, слѣдовательно того, что и составляло жизнь Пушкина. Элегія эта представляетъ характерическій образецъ произведенія, источникомъ котораго служитъ сердце человѣка, владѣющаго неисчерпаемыми силами; его творчество, поправляя малодушныя уклоненія ежедневныхъ ощущеній, въ подобныхъ произведеніяхъ возстановляетъ гармоническими аккордами такое душевное состояніе, при которомъ человѣкъ неодолимъ во всѣхъ случайностяхъ жизни.

Г. Анненковъ (1855) указываетъ связь этой элегіи съ ямбами Ленскаго въ строфѣ 16-й главы II „Евг. Онѣгина". Два стиха этихъ ямбовъ:

И долго жить хочу, чтобъ образъ милой
Таился и пылалъ въ душѣ моей унылой

при внѣшнемъ сходствѣ со стихами элегіи (7-мъ и 14-мъ) въ дѣйствительности могутъ какъ нельзя лучше служить для показанія всей противоположности поэта, носителя въ душѣ неодолимой вѣры въ красоту жизни, исполненной мысли, поэзіи и страданія, съ малодушнымъ искателемъ счастія, сантиментальнымъ юношей, для слабой головы котораго было достаточно нѣсколькихъ сарказмовъ пріятеля, „философа въ 18 лѣтъ", чтобы потрясти въ немъ весь высокій смыслъ жизни и самую вѣру въ жизнь загробную.

Элегія „Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье" навсегда останется голосомъ здраваго состоянія души, одинаково неуязвимой какъ для порывовъ безумныхъ страстей въ погонѣ за наслажденіями жизни, оставляющими лишь горькій осадокъ (ст. 1 и 2), такъ и для малодушнаго чувства самосохраненія, ищущаго покоя въ мелочахъ ежедневности (ст. 8), и

для того чувства ложной гордости и болѣзненнаго чувства оскорбленія всѣми невзгодами жизни, за которое такъ любятъ укрываться самолюбивыя мелкія натуры, склонныя обвинять все окружающее, трусливо бѣгая отъ борьбы съ нимъ.

По замѣчанію Бѣлинскаго (1834), эта элегія „замѣчательна въ томъ отношеніи, что заключаетъ въ себѣ самую характеристику Пушкина, какъ художника:

Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь.

„Да“, продолжаетъ Бѣлинскій, „я свято вѣрю, что онъ вполнѣ раздѣлялъ безотрадную муку отверженной любви черноокой черкешенки, или своей плѣнительной Татьяны, этого лучшаго и любимѣйшаго идеала его фантазіи; что онъ, вмѣстѣ съ своимъ мрачнымъ Гиреемъ, томился этою тоскою души, пресыщенной наслажденіями и все еще не вѣдавшей наслажденій; что онъ горѣлъ неистовымъ огнемъ ревности, вмѣстѣ съ Заремою и Алеко, и упивался дикою любовью Земфиры; что онъ скорбѣлъ и радовался за свои идеалы, что журчаніе его стиховъ согласовалось съ его рыданіями и смѣхомъ“.

Напеч. впервые въ „Библ. для Чт.“ 1834, № 10.

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело, какъ смутное похмелье.
Но какъ вино—печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ [1]) и горе
Грядущаго волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать;
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и треволненья.
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И, можетъ быть, на мой закатъ печальный
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

---

[1]) Трудъ въ смыслѣ горя, болѣзни, отравы—согласно съ народнымъ и древнимъ употребленіемъ этого слова: „Онъ ужъ *трудится* (народн. о предсмертномъ страданіи). Беззаконіе и *трудъ* посредѣ ихъ и неправда (Псал.). Черпахуть ми синее вино съ *трудомъ* смѣшено (Слово о полку Игоревѣ).

197. Капризъ.

(1830).

Этому отрывку, озаглавленному Пушкинымъ въ рукописи: „Шалость“, заглавіе „Капризъ“ дано, по всей вѣроятности, Жуковскимъ, такъ какъ это явилось впервые въ посмертномъ изданіи сочиненій Пушкина 1838 г.

Бѣлинскій (1844) приводитъ это стихотвореніе какъ свидѣтельство художнической добросовѣстности Пушкина, которая не допускала его украшать дѣйствительность небывалыми красками (ср. № 157). Вступительные стихи, обращенные къ „румяному“ критику, показываютъ, что Пушкинъ при написаніи этого стихотворенія имѣлъ въ виду цѣль отчасти полемическую: показать во всей жизненной правдѣ непригляднуго дѣйствительность, которой чуждался ложный эстетическій вкусъ его времени, требованій украшенія ея. Картина, черты для которой дало личное наблюденіе Болдинской жизни [1]), вышла мастерскою жанровою картиною и русскимъ пейзажемъ одновременно. Этотъ сѣренькій пейзажъ, воспроизводящій представленія осени въ степномъ селеніи восточной Россіи, составляетъ одну изъ типическихъ картинъ русской дѣйствительности.

Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузый,
Готовый вѣкъ трунить надъ нашей томной музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
Попробуй, сладимъ ли съ проклятою хандрой.
Что жъ ты нахмурился? Нельзя ли блажь оставить
И пѣсенкою насъ веселой позабавить?
Смотри, какой здѣсь видъ: избушекъ рядъ убогій,
За ними черноземъ; равнины скатъ отлогій,
Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса.
Гдѣ жъ нивы свѣтлыя? Гдѣ темные лѣса?
Гдѣ рѣчка? На дворѣ у низкаго забора
Два бѣдныхъ деревца стоятъ въ отраду взора,
Два только деревца, и то изъ нихъ одно
Дождливой осенью совсѣмъ обнажено,
А листья на другомъ размокли и, желтѣя,
Чтобъ лужу засорить, ждутъ перваго Борея.
И только. На дворѣ живой собаки нѣтъ.
Вотъ, правда, мужичокъ; за нимъ двѣ бабы вслѣдъ.
Безъ шапки онъ; несетъ подъ мышкой гробъ ребенка
И кличетъ издали лѣниваго попенка,
Чтобъ тотъ отца позвалъ, да церковь отворилъ:
Скорѣй, ждать некогда, давно бъ ужъ схоронилъ!

1 октября, 1830. Болдино.

---

[1]) Мѣстами глинистая, мѣстами черноземная почва Болдина осенью представляетъ непроходимую грязь. Церковь въ этомъ селѣ стоитъ передъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стоялъ господскій домъ во время Пушкина, и картину, описанную въ этомъ стихотвореніи, онъ могъ дѣйствительно наблюдать изъ оконъ его.

198. Разставаніе.

(1830)

„Любопытно“, пишетъ г. Анненковъ (1874), „что передъ самой женитьбой своей Пушкинъ вспомнилъ о милыхъ тѣняхъ (одесской жизни, ср. № 124 и 151) и обратился къ нимъ съ невыразимою любовью и страстію, какъ бы прощаясь навсегда съ ними, чему памятникомъ остались два изумительныхъ по своему паѳосу и поэтической силѣ стихотворенія: „Разставаніе“ и „Заклинаніе“ (см. № 201), оба написанныя въ Болдинѣ.

Напеч. впервые въ „Альманахѣ“ въ 1838 г.

---

1 Въ послѣдній разъ твой образъ милый
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой
И съ нѣгой робкой и унылой
Твою любовь воспоминать.

2 Бѣгутъ, мѣняясь, наши лѣта,
Мѣняя все, мѣняя насъ;
Ужъ ты для страстнаго поэта [а]
Могильнымъ сумракомъ одѣта,
И для тебя твой другъ угасъ.

3 Прими же, дальняя подруга,
Прощанье сердца моего,
Какъ овдовѣвшая супруга,
Какъ другъ, обнявшій молча друга
Передъ изгнаніемъ его [б].

---

199. Моя родословная,
или
Русскій мѣщанинъ.

(ВОЛЬНОЕ ПОДРАЖАНІЕ ЛОРДУ БАЙРОНУ).

(1830).

Это стихотвореніе есть сатира на воззрѣнія тѣхъ, которые думали обезсмыслить чувство уваженія нашего дворянства къ своимъ родамъ. Отожествляя это чувство съ аристократическимъ чванствомъ, журналисты неоднократно упрекали Пушкина въ аристократизмѣ. „Упрекъ истинно забавный“, какъ замѣчаетъ И. С. Аксаковъ (1880), „и относительно аристократизма несправедливый уже потому, что наши аристократы, къ сожалѣнію, весьма мало интересуются своими историче-

---

[а] Такъ въ рук. Въ „Альм.“. И ты ужъ нынѣ для поэта. Ужъ ты для своего поэта (1838). [б] Предъ заточеніемъ его (Альм.).

скими преданіями. Пушкинъ дѣйствительно зналъ и любилъ своихъ предковъ. Что же изъ этого? Было бы желательно, чтобъ связь преданій и чувство исторической преемственности было доступно не одному дворянству, но и всѣмъ сословіямъ; чтобы память о предкахъ жила въ купечествѣ, и въ духовенствѣ, и у крестьянъ. Да и теперь между ними уважаются старинные честные роды. Но что въ сущности давала душѣ Пушкина эта любовь къ предкамъ? Давала и питала лишь живое, здоровое историческое чувство. Ему было пріятно имѣть черезъ нихъ, такъ сказать, реальную связь съ родною исторіею, состоять въ историческомъ свойствѣ съ Александромъ Невскимъ, съ Іоаннами и съ Годуновымъ. Русская лѣтопись уже не представляется ему чѣмъ-то отрѣшеннымъ, мертвою хартіею, но какъ бы и семейною хроникою... Онъ и въ современности чувствовалъ себя всегда, какъ и въ исторической рамкѣ, въ предѣлахъ живой продолжавшейся исторіи... Пушкинъ былъ живой русскій, исторически чувствовавшій человѣкъ, и не принадлежалъ къ числу доктринеровъ, которые не смѣютъ отдаться самымъ простымъ, естественнымъ движеніямъ русскаго чувства, безъ справокъ съ своей доктриной" [1]).

Пушкинъ много, всесторонне и, какъ всегда, безстрастно и независимо обдумывалъ вопросъ о значеніи дворянства въ Россіи и въ концѣ концовъ остановилъ свое сочувствіе на скромномъ, трудящемся среднемъ дворянствѣ нашемъ и горячо и съ глубокимъ убѣжденіемъ защищалъ его права на общественное вліяніе.

Въ различныя эпохи своей жизни онъ касался этого вопроса. „Гордиться славою своихъ предковъ", писалъ онъ („Отрывки изъ писемъ" и пр. 1827 г.) „не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушіе... Можетъ ли быть порокомъ въ честномъ человѣкѣ то, что почитается добродѣтелью въ цѣломъ народѣ? Предразсудокъ сей, утвержденный демократической завистью нѣкоторыхъ философовъ, служитъ только къ распространенію низкаго эгоизма. Безкорыстная мысль, что внуки будутъ уважены за имя, нами имъ переданное, не есть ли благороднѣйшая надежда человѣческаго сердца? Mes arrière-neveux me devront cet ombrage!".

Въ Болдинскихъ тетрадяхъ мы снова видимъ слѣды историческихъ занятій Пушкина, направленныхъ къ выясненію сравнительнаго значенія дворянства въ западной Европѣ и у насъ. Вопросы эти занимали его при чтеніи „Исторіи русскаго народа" Полевого. Онъ приходитъ къ такому выводу: „Россія никогда ничего не имѣла общаго съ остальной Европой; исторія ея требуетъ другой мысли, другой формулы, чѣмъ мысли и формулы, выведенныя Гизотомъ изъ исторіи христіанскаго Запада".

Въ „Статьяхъ и замѣткахъ", писанныхъ для „Литер. Газеты" 1830 г., мы снова встрѣчаемся съ замѣткою „О неблаговидности нападокъ на дворянство" (см. въ V т. эти статьи). Въ другой статьѣ: „О выходкахъ противъ литературной аристократіи" читаемъ: „Пренебрегать своими предками изъ опасенія шутокъ гг. Полевого, Греча и Булгарина непохвально и не дорожить своими правами и преимуществами глупо. Не-дворяне, позволяющіе себѣ насмѣшки насчетъ русскаго дворянства, болѣе извинительны". Въ „Разгово-

---

[1]) Рѣчь И. С. Аксакова на Пушкинскомъ праздникѣ 1880 г. (Р. А. 1880).

рѣ“ между А. и Б. разъясняются вопросы, затронутые предыдущею статьею: „Позволяется и нужно нападать на пороки и слабости каждаго сословія, но смѣяться надъ сословіемъ потому только, что оно такое сословіе, а не другое—не хорошо и не позволительно. И на кого журналисты наши нападаютъ? Вѣдь не на новое дворянство, получившее свое начало при Имп. Петрѣ I и императрицахъ и по большей части составляющее нашу знать... Pas si bête. Наши журналисты передъ этимъ дворянствомъ вѣжливы до крайности; они нападаютъ именно на старинное дворянство, которое нынѣ, по причинѣ раздробленія имѣній, составляетъ у насъ родъ средняго состоянія (въ этомъ смыслѣ и употреблено у Пушкина слово „мѣщанинъ“ въ стих.: „Моя родословная“), состоянія почтеннаго трудолюбиваго и просвѣщеннаго; состоянія, къ которому принадлежитъ и большая часть нашихъ литераторовъ. Издѣваться надъ ними нехорошо.

Въ „Программахъ статей для „Литер. Газеты“ встрѣчаемъ наброски, свидѣтельствующіе, какъ Пушкинъ старался себѣ уяснить и теорію аристократизма (см. въ этихъ „Программахъ)“. Замѣчательно, Пушкинъ пришелъ къ убѣжденію, что рабство народа губитъ дворянство...

Пушкинъ въ Болдинѣ возвратился къ мысли вести записки о своей жизни послѣ уничтоженія первыхъ, начатыхъ въ 1821 году. Теперь онъ началъ ихъ вновь съ „Родословной Пушкиныхъ и Ганнибаловъ“. Стихотвореніе „Моя родословная“ писано съ нею одновременно и во многомъ объясняется первою. Ниже въ выноскахъ приводится соотвѣтствующія мѣста изъ „Родословной Пушкиныхъ и Ганнибаловъ“. Приписка: „Подраженіе Байрону“ объясняется тѣмъ, что Байронъ, по словамъ самого Пушкина (см. въ V. его „Лордъ Байронъ“ (1835), „дорожилъ своею родословною болѣе, нежели твореніями“.

Post scriptum въ „Моей родословной“ прибавлено Пушкинымъ въ отвѣтъ на пасквиль, явившійся въ „Сѣверной Пчелѣ“ Булгарина 1830 г., № 94. Въ немъ повѣствовалось, что американскій писатель, происходящій отъ мулатки, гордился въ подражаніе лорду Байрону, происхожденіемъ отъ негритянскаго принца; оказалось, что негръ былъ купленъ въ Африкѣ шкиперомъ одного судна за бутылку рома. Подъ именемъ Фиглярина Пушкинъ разумѣлъ Булгарина, ему же далъ онъ имя „Видока“, парижскаго палача, полицейскаго сыщика, записки котораго явились не задолго передъ тѣмъ [1]).

Напеч. въ отрывкахъ въ „Отеч. Зап.“ 1846, № 4, „Матеріалахъ и VII т. изд. г. Анненкова, „Библ. Зап.“ 1858, № 11, въ „Русск. Арх. 1876, № 10, вполнѣ съ неисправнаго списка въ Русск. Старинѣ“ 1879, № 12; въ исправномъ же видѣ—по автографу Пушкина, принадлежащему Библіотекѣ Импера-

---

[1]) Въ февралѣ 1830 г. Пушкинъ написалъ слѣдующую эпиграмму на Булгарина (по тексту кн. П. А. Вяземскаго при посылкѣ эпиграммы А. И. Тургеневу):

Не то бѣда, что ты полякъ:
Костюшка—ляхъ, Мицкевичъ—ляхъ!
Пожалуй будь себѣ татаринъ—
И въ томъ не вижу я стыда;
Будь жидъ—и это не бѣда;
Но то бѣда, что ты—Ѳаддей Булгаринъ.

Эпиграмма эта была напечатана самимъ Булгаринымъ въ „Сынѣ От.“ 1830 № 17, съ замѣткою, что эта пришедшая изъ Москвы эпиграмма печатается въ угоду противникамъ и читателямъ. Въ концѣ приписано, „Правда — бѣда, но кому, не литературнымъ ли трутнямъ, Цвихалкинымъ, Задушатинымъ и т. п.?“

торскаго университета св. Владиміра брошюркою въ Кіевѣ (въ унив. тип., 1880).

---

1 Смѣясь жестоко надъ собратомъ,
Писаки русскіе толпой
Меня зовутъ аристократомъ:
Смотри пожалуй... вздоръ какой.
Я не лейбъ-кучеръ [1]) не ассессоръ,
Я по кресту не дворянинъ,
Не академикъ, не профессоръ,
Я просто—русскій мѣщанинъ.

2 Понятна мнѣ временъ превратность,
Не прекословлю, право, ей.
У насъ нова рожденьемъ знатность,
И чѣмъ новѣе, тѣмъ знатнѣй.
Родовъ униженныхъ обломокъ,
И слава Богу не одинъ,
Бояръ старинныхъ я потомокъ:
Я мѣщанинъ, я мѣщанинъ!

3 Не торговалъ мой дѣдъ блинами [2]),
Въ князья не прыгалъ изъ хохловъ [3]),
Не пѣлъ на крылосѣ съ дьячками [4]),
Не ваксилъ царскихъ сапоговъ [5]),
И не былъ бѣглымъ онъ солдатомъ
Нѣмецкихъ пудренныхъ дружинъ.
Куда жъ мнѣ быть аристократомъ!
Я славу Богу мѣщанинъ.

4 Мой предокъ Радша службой бранной
Святому Невскому служилъ [6]);
Его потомство Гнѣвъ вѣнчанный,
Иванъ Четвертый пощадилъ [7]).
Водились Пушкины съ царями,
Изъ нихъ былъ славенъ не одинъ,
Когда тягался съ поляками
Нижегородскій мѣщанинъ [8]).

5 Смиривъ крамолы и коварство
И ярость бранныхъ непогодъ,
Когда Романовыхъ на царство
Звалъ въ грамотѣ своей народъ,
Мы къ оной руку приложили [9]),

---

[a] Вмѣсто зачеркнутаго: „придворными“

---

[1]) Байковъ Илья Ив., лейбъ-кучеръ Имп. Александра I, болѣе л. возившій его какъ въ Россіи, такъ и за границей, получившій дворянство.—[2]) Кн. Меншиковъ. —[3]) Кн. Безбородко при Екатеринѣ II.—[4]) Гр. Разумовскій при Имп. Елисаветѣ Петровнѣ.—[5]) Гр. Кутайсовъ при Имп. Павлѣ. [6]) „Мы ведемъ свой родъ отъ прусскаго выходца Радши, или Рачи (мужа, честна, говоритъ лѣтописецъ, т. е. знатнаго, благороднаго), выѣхавшаго въ Россію во время княженія Св. Александра Невскаго. Отъ нихъ произошли Мусины, Бобрищевы, Мятлевы, Повидовы, Каменскіе, Бутурлины, Кологривовы, Шеферединовы и Товарковы“.—[7]) „Имя предковъ моихъ встрѣчается поминутно въ нашей исторіи. Въ маломъ числѣ знатныхъ родовъ, уцѣлѣвшихъ отъ кровавыхъ опалъ ц. Ивана Васильевича Грознаго, исторіографъ именуетъ и Пушкиныхъ“.—[8]) „Гаврило Гавриловичъ Пушкинъ принадлежалъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ лицъ въ эпоху самозванцевъ. Другой Пушкинъ во время междуцарствія, начальствуя отдѣльнымъ войскомъ, одинъ съ Измайловымъ, по словамъ Карамзина, сдѣлалъ честно свое дѣло“.—[9]) „Четверо Пушкиныхъ подписались подъ грамотою о избраніи на царство Романовыхъ“.

Насъ жаловалъ страдальца сынъ.
Бывало нами дорожили,
Но я. . . .я темный мѣщанинъ.

6 Упрямства духъ намъ всѣмъ подгадилъ:
Въ родню свою неукротимъ,
Съ Петромъ мой пращуръ не поладилъ,
И былъ за то повѣшенъ имъ[10]).
Его примѣръ будь намъ наукой!
Не любитъ споровъ властелинъ.
Не всякъ князь Яковъ Долгорукій,
Счастливъ покорный мѣщанинъ.

7 Мой дѣдъ, когда мятежъ поднялся
Средь Петергофскаго двора,
Какъ Минихъ вѣренъ оставался
Паденью Третьяго Петра.
Попали въ честь тогда Орловы,
А дѣдъ мой въ крѣпость, въ карантинъ,
И присмирѣлъ нашъ родъ суровый,
И я родился—мѣщанинъ.

8 Подъ гербовой моей печатью
Я свитокъ грамотъ сохранилъ,
И не якшаясь съ новой знатью,
Я крови спесь угомонилъ.
Я неизвѣстный стихотворецъ,
Я Пушкинъ просто, не Мусинъ,
Я самъ большой, не царедворецъ:
Я грамотей, я мѣщанинъ.

PS.
9 Видокъ Фиглярин сидя дома,
Рѣшилъ, что дѣдъ мой Ганнибалъ
Былъ купленъ за бутылку рома
И въ руки шкиперу попалъ [12]).
Сей шкиперъ былъ — Тотъ Шкиперъ Славный,
Кѣмъ наша двинулась земля,
Кто придалъ мощно бѣгъ державный
Кормѣ родного корабля;
Сей Шкиперъ дѣлу былъ доступенъ,
И сходно купленный арапъ
Возросъ усерденъ, неподкупенъ,
Царю наперсникъ, а не рабъ [13]).
И былъ отецъ онъ Ганнибала,
Предъ кѣмъ, средь гибельныхъ пучинъ,
Громада кораблей вспылала
И палъ впервые Наваринъ [14]).
Рѣшилъ Фиглярин вдохновенный:
Я во дворянствѣ—мѣщанинъ.
Что жъ онъ, въ семьѣ своей почтенной?
Онъ?... Онъ въ Мѣщанской дворянинъ.

16 октября 1830. Болдино.

---

10) „При Петрѣ I стольникъ Ѳедоръ Матвѣевичъ уличенъ былъ въ заговорѣ противъ государя и казненъ вмѣстѣ съ Циклеромъ и Соковнинымъ".—11) „Левъ Александровичъ служилъ въ артиллеріи и въ 1762 г., при вступленіи на престолъ Екатерины II, посаженъ въ крѣпость, гдѣ содержался 2 года. Съ тѣхъ поръ онъ уже въ службу не вступалъ и жилъ въ Москвѣ и въ своихъ деревняхъ."—

12) „Дѣдъ ея (моей матери) былъ негръ, сынъ владѣтельнаго князька. Русскій посланникъ въ Константинополѣ какъ-то досталъ его изъ сераля, гдѣ содержался онъ аманатомъ, и отослалъ его къ Петру I, вмѣстѣ съ двумя другими арапчатами". (См. „Родословная" Пушкина).—13) См. въ IV т. вступ. зам. къ „Арапу Петра Великаго".—14) См. вын. 3 на стр. 308.

200. Стамбулъ гяуры нынче славятъ.

(1830).

Это—первая редакція стихотворенія, въ которомъ 17 октября 1830 года Пушкинъ отдалъ новую дань кавказскимъ воспоминаніямъ и которое позже онъ внесъ въ свое „Путешествіе въ Арзрумъ“ (см. тамъ, т. V) и приписалъ вымышленному „Янычару Аманъ-Оглу“. По замѣчанію Анненкова (1855), эта первая редакція „по энергіи стиха и выраженія чуть ли не выше послѣдующей передѣлки“. „Мрачная картина, представляемая окончательной строфой“, замѣчаетъ г. Анненковъ, „никакъ не заслуживала исключенія, какому подвергъ ее Пушкинъ“.

Не только по внѣшнимъ краскамъ, которыми очерчены здѣсь Константинополь и разоренныя страны турецкія, но и по воспроизведенію самыхъ чувствъ, и по выраженію (метафорамъ, сравненіямъ) стихотвореніе это, вмѣстѣ съ другими подобными, представляетъ образецъ того искусства, съ какимъ Пушкинъ умѣлъ усвоивать своимъ произведеніямъ складъ произведеній иноземныхъ (ср. № 108). По замѣчанію Бѣлинскаго (1844), это стихотвореніе „какъ будто написано туркомъ нашего времени“.

Впервые напеч. въ изд. 1838 г. съ заглавіемъ: „Начало поэмы“.

---

1 Стамбулъ гяуры нынче славятъ,
А завтра кованой пятой,
Какъ змія спящаго, раздавятъ,
И прочь пойдутъ—и такъ оставятъ:
Стамбулъ заснулъ передъ бѣдой.

2 Стамбулъ отрекся отъ пророка;
Въ немъ правду древняго Востока
Лукавый Западъ омрачилъ;
Стамбулъ, для сладостей порока,
Мольбѣ и саблѣ измѣнилъ;
Стамбулъ отвыкъ отъ поту битвы,
И пьетъ вино въ часы молитвы.

3 Въ немъ вѣры чистой лучъ потухъ:
Въ немъ жены по базару ходятъ,
На перекрестки шлютъ старухъ,
А тѣ мужчинъ въ гаремы вводятъ,
И спитъ подкупленный евнухъ.

4 Но не таковъ Арзрумъ нагорный,
Многодорожный нашъ Арзрумъ:
Не спимъ мы въ роскоши позорной,
Не черплемъ чашей непокорной
Въ винѣ развратъ, огонь и шумъ.

5 Простимся мы; струею трезвой
Одни фонтаны насъ поятъ:
Толпой неистовой и рѣзвой
Джигиты наши въ бой летятъ;
Мы къ женамъ какъ орлы ревнивы,
Харемы наши молчаливы,
Непроницаемы стоятъ [а].

6 Аллахъ великъ!
Къ намъ отъ Стамбула
Пришелъ гонимый янычаръ [1]),
И буря долу насъ погнула [б],
И палъ неслыханный ударъ.
Отъ Рущука до старой Смирны,
Отъ Трапезунда до Тульчи,
Скликая псовъ на праздникъ жирный,
Толпой ходили палачи:
Треща въ объятіяхъ пожаровъ,
Валились домы янычаровъ;
Окровавленные зубцы
Вездѣ торчали; угли тлѣли:
На кольяхъ, скорчась, мертвецы
Окоченѣлые чернѣли.
Алла великъ! Тогда султанъ
Былъ духомъ гнѣва обуянъ.

17 октября, 1830 года.

---

201. Заклинаніе.

(1830).

Это стихотвореніе, обозначенное тѣмъ же числомъ (т.-е. 17 октября), находится въ связи съ стихотвореніями № 152 и 207, и объясняется тѣми чувствами, которыя указаны при объясненіи ихъ.

Напеч. впервые въ изд. 1838 г.

---

1 О, если правда, что въ ночи,
Когда покоятся живые
И съ неба лунные лучи
Скользятъ на камни гробовые;

а Евнухи наши въ нихъ не спятъ (1838).
За этой строфой въ рукописи слѣдовала зачеркнутая:
Въ насъ умъ владѣетъ плотью дикой,
А покоренъ Корану умъ—
И потому Пророкъ великій
Хранитъ какъ око свой Арзрумъ.
б Тогда насъ буря долу гнула.

---

1) Янычары—турецкое войско изъ отуреченныхъ христіанъ.

О, если правда, что тогда
Пустѣютъ тихія. могилы—
Я тѣнь зову, я жду Леилы:
Ко мнѣ, мой другъ, сюда, сюда!

2 Явись возлюбленная тѣнь,
Какъ ты была передъ разлукой,
Блѣдна, хладна какъ зимній день,
Искажена послѣдней мукой.
Приди, какъ дальняя звѣзда,
Какъ легкій звукъ, иль дуновенье,
Иль какъ ужасное видѣнье,
Мнѣ все равно: сюда, сюда[а]!

3 Зову тебя не для того,
Чтобъ укорять того, чья злоба[б]
Убила друга моего,
Иль чтобъ извѣдать тайны гроба;
Не для того, что иногда
Сомнѣньемъ мучусь... но тоскуя,
Хочу сказать, что все люблю я,
Что все я твой. Сюда, сюда!

---

202. Стихи, сочиненные ночью, во время безсонницы.

(1830).

Къ тому же времени, какъ и предыдущія стихотворенія, относятся и эти стихи. Въ нихъ воспроизведено едва уловимое тревожное чувство, овладѣвающее человѣкомъ среди ночной темноты, когда ему не спится.

Напеч. впервые въ изд. 1838 г. подъ заглавіемъ: „Ночью, во время безсонницы“.

Мнѣ не спится, нѣтъ огня:
Всюду мракъ и сонъ докучный;
Ходъ часовъ лишь однозвучный
Раздается близъ меня.
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья бѣготня—
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шопотъ?
Укоризна или ропотъ
Мной утраченнаго дня?
Отъ меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Темный твой языкъ учу...

[а] Вся 2-я стофа въ рукописи была зачеркнута.
[б] Чтобъ укорять людей, чья злоба (изд. 1838).

203. Въ началѣ жизни школу помню я...

(1830).

Это стихотвореніе написано терцинами, т.-е. тою строфою, которая получила всемірную извѣстность въ „Божественной комедіи“ Данте [1]).

По замѣчанію г. Страхова (1868), этотъ отрывокъ отличается спокойствіемъ, простотою и чистотою линій“ въ соединеніи съ „невыразимымъ величіемъ“.

„Передъ нами“, пишетъ г-жа Кохановская (1857), „широкая картина какой-то школы... Догадываешься, что это нашъ міръ, гдѣ насъ много, безпечныхъ дѣтей. Мы не учимся, какъ обыкновенно учатся въ школахъ; а въ наученье насъ съ нами бесѣдуетъ какая-то жена. Кто она? Сама ли олицетворенная жизнь, съ смущающей строгой красотою ея глубокаго смысла, открывающагося нашему разумѣнію? Или эта жена—святая жизненная мудрость, исходящая отъ Божественной Премудрости и простыми несомнѣнными запечатлѣніями налегающая на наши души? нельзя сказать. Только это *невыразимое,* чѣмъ таинственно вразумляетъ и научаетъ насъ жизнь, вся эта общность непередаваемыхъ вліяній, которая отовсюду дышитъ на насъ,—смыслъ нашей бѣдной жизненной доли,—поэтъ выражаетъ дивно созданнымъ образомъ этой смиренной, одѣтой убого, но величавой видомъ жены, которая носитъ на челѣ своемъ покрывало, бесѣдуетъ пріятно и сладко съ младенцами, но между тѣмъ строго хранитъ надзоръ надъ школою. Поэтъ не говоритъ, какъ внимали ей прочіе младенцы, и прямо ставитъ передъ нами одного, который одинъ долженъ говорить за всѣхъ—

Но я вникалъ въ ея бесѣды мало,

говоритъ онъ. Младенца манилъ къ себѣ чужой садъ, полный великолѣпнаго мрака, съ искусственными пріютами порфирныхъ скалъ, и онъ убѣгалъ туда украдкою. Дичась совѣтовъ и укоровъ наставницы-жены, смущаемый строгой спокойной красотою ея взглядовъ, ребенокъ превратно толковалъ смыслъ слышимыхъ отъ нея разговоровъ и предавалъ мечтамъ слабый дѣтскій умъ—

„И праздномыслить было мнѣ отрадно“.

„У другого это бы и осталось однимъ праздномысліемъ дѣтства, но къ этому ребенку явилась иная таинственная наставница—Муза“.

Кромѣ этой жены, выступающей передъ нами своимъ „спокойнымъ, простымъ и въ то же время невыразимо величавымъ образомъ“, въ этомъ стихотвореніи является самъ поэтъ, очерченный съ художественною полнотою: натура чуткая къ красотамъ природы и воспріимчивая къ произведеніямъ искусства. Они говорятъ его юной душѣ краснорѣчивѣе, нежели даже уроки величавой жены. Ея онъ дичился, превратно толковалъ ея наставленія; мраморные же кумиры трогали его до слезъ; они вдохновляли его. Но самая эта воспріимчивость къ голосу ихъ не безъ цѣли представлена

---

[1]) Риѳмы связываютъ трехстрочныя строфы (терцины) непрерывною цѣпью, по формулѣ: аба, бвб, вгв, гдг, и т. д.

послѣ уроковъ жены съ „очами свѣтлыми какъ небеса“. Пробужденная ея „словесами, полными святыни“, совѣсть юноши чутко усмотрѣла глубокій смыслъ въ двухъ изображеніяхъ, на которыхъ онъ остановилъ свое вниманіе. Въ совокупномъ дѣйствіи святого поученія и безмолвнаго впечатлѣнія мраморныхъ неподвижныхъ кумировъ на чуткую душу поэта и заключается идея стихотворенія.

„Эти бѣлые кумиры“, замѣчаетъ г-жа Кохановская,—мраморное выраженіе мысли высокаго созданія, всѣ залиты мощнымъ спокойнымъ блескомъ глубочайшей поэзіи. Правда, съ перваго раза неопредѣленно и темно является ихъ значеніе; но всмотритесь въ эти мраморные циркули и лиры, и связки... и порфиры.—Это великій міръ дѣяній человѣческихъ въ изсѣченныхъ мраморныхъ ликахъ его величайшихъ историческихъ представителей. Какъ міръ видимой природы, и этотъ міръ воли человѣка, его живущаго слова и дѣла, долженъ былъ необходимо войти въ сродство съ избранной душой поэта, сочетаться съ нимъ духомъ и, такъ сказать, плотью всего человѣчества,—и какъ становится понятнымъ, почему тотъ, чей высокій ликъ нѣкогда въ свою очередь приведетъ поэта въ восторгъ и въ умиленіе, стоитъ передъ этими доблестными кумирами и чувствуетъ какой-то обаятельный трепетъ, и слезы высокаго вдохновенія зарождаются у него въ глазахъ! Духъ безсмертно почившихъ отцовъ и собратій, въ мраморномъ величіи ихъ недвижныхъ думъ, взываетъ къ его родственному высокому духу — развертываетъ передъ нимъ свои свитки, вручаетъ ему циркули и строитъ свои вѣковыя, неумолкаемыя лиры. Но —

Другія два чудесныя творенья
Влекли меня волшебною красой...

Кто же они? Что за сила ихъ волшебной красоты, чтобы ей отвлечь юношу избраннаго отъ его міра возвышенныхъ созерцаній, отъ звуковъ почти божественныхъ лиръ?

То были двухъ бѣсовъ изображенья.

Потрудитесь вникнуть въ изображеніе этихъ бѣсовъ—что они изображаютъ? Уразумѣйте только одного, и вамъ безъ труда откроется значенье другого.— Что насъ, поставленныхъ на путь добра и жизненнаго долга, такъ иногда далеко уклоняетъ отъ него? Что болѣе всего страшитъ нашихъ наставниковъ и родителей? Что, наконецъ, оставляетъ намъ часто на всю жизнь столько жгучаго, неизгладимаго раскаянія? Наша молодость, наша бурная погубленная молодость, пылъ ея страшныхъ порывовъ, не знающихъ мѣры, огненный гнѣвъ, ея ужасающая гордость духа... Вотъ оно все въ изображеніи этого бѣса, влекущаго къ себѣ волшебною красотою.

...ликъ младой—
Былъ гнѣвенъ, полонъ гордости ужасной,
И весь дышалъ онъ силой неземной.
Другой...

Но теперь совершенно нѣтъ труда разгадать другого—этого тлителя молодости. Нужно ли называть его? И безъ имени, подъ цѣломудреннымъ по-

кровомъ высокой поэзіи, онъ все еще слишкомъ явно и гласно говоритъ за себя:

... женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеалъ,
Волшебный демонъ—лживый, но прекрасный.

Духъ человѣческій вступилъ въ широкую колею трагической борьбы. Все, чѣмъ онъ жилъ доселѣ, что благодатно возращая его, питало въ немъ богодарованную силу: благая мудрость жизненныхъ преподаваемыхъ уроковъ, святыня младенческихъ вѣрованій и чистоты души, инстиктивныя указанія собственной богоподобной природы и вся благотворная сила внѣшнихъ впечатлѣній, заимствованныхъ изъ природы міра, сонмъ высокихъ дѣятелей человѣчества, неумирающимъ примѣромъ готовыхъ поучать насъ,—всѣ эти царственныя богатства человѣческаго духа повергаются, разбиваются, никнутъ передъ возстающими кумирами двухъ бѣсовъ, которые влекутъ къ себѣ съ неодолимой силою и дышатъ на насъ огнемъ пагубной и лживой, обольстительной красоты. Силы духа и силы тѣла равно истощаются въ этой борьбѣ".

Стихотвореніе очевидно имѣетъ значеніе художественной исповѣди. Поэтъ въ ней нашелъ выраженіе думъ о всемъ пережитомъ въ жизни.

Напеч. впервые въ посмертномъ изд. 1838 г., по недоразумѣнію вмѣстѣ съ эпическимъ отрывкомъ: „И далѣ мы пошли" (1832), написаннымъ такими же терцинами, въ подражаніе „Божественной Комедіи",—подъ однимъ общимъ заглавіемъ: „Подражаніе Данту".

---

1 Въ началѣ жизни школу помню я;
Тамъ насъ, дѣтей безпечныхъ [а], было много—
Неравная и рѣзвая семья [б];

2 Смиренная, одѣтая убого,
Но видомъ величавая жена
Надъ школою надзоръ хранила строго.

3 Толпою нашею окружена,
Пріятнымъ, сладкимъ голосомъ, бывало,
Съ младенцами бесѣдуетъ она.

4 Ея чела я помню покрывало;
И очи свѣтлыя какъ небеса;
Но я вникалъ въ ея бесѣды мало.

5 Меня смущала строгая краса
Ея чела, спокойныхъ устъ и взоровъ,
И полныя святыни словеса...

[а] Тамъ маленькихъ дѣтей насъ. — [б] Какъ на градѣ одной — цвѣтовъ семья. Росли не ровно мы; за нами строго Смотрѣла нѣжная жена... (Черновой набросокъ).

6 Дичась ея совѣтовъ и укоровъ,
Я про себя превратно толковалъ
Понятный смыслъ правдивыхъ разговоровъ.

7 И часто я украдкой убѣгалъ
Въ великолѣпный мракъ чужого сада,
Подъ сводъ искусственный порфирныхъ скалъ.

8 Тамъ нѣжила меня деревъ прохлада;
Я предавалъ мечтамъ мой слабый умъ,
И праздномыслить было мнѣ отрада.

9 Любилъ я свѣтлыхъ водъ и листьевъ шумъ,
И бѣлые въ тѣни деревъ кумиры,
И въ ликахъ ихъ печать недвижныхъ думъ.

10 Все мраморные циркули и лиры,
И свитки въ мраморныхъ рукахъ [2]),
И длинныя на ихъ плечахъ порфиры [в]—

11 Все наводило сладкій нѣкій страхъ
Мнѣ на сердце; и слезы вдохновенья
При видѣ ихъ рождались на глазахъ.

12 Другія два чудесныя творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двухъ бѣсовъ изображенья.

13 Одинъ (Дельфійскій идолъ) ликъ младой—
Былъ гнѣвенъ, полонъ гордости ужасной,
И весь дышалъ онъ силой неземной.

14 Другой женообразный, сладострастный.
Сомнительный и лживый идеалъ,
Волшебный демонъ—лживый, но прекрасный.

---

204. Пью за здравіе Мери.

(1830).

Эта пѣсня, какъ замѣчаетъ Анненковъ, есть отдаленное подражение пѣсни англійскаго поэта Берри Корнуоля (Barry Cornwall) [1]), первый стихъ котораго Пушкинъ и взялъ для эпиграфа. Въ послѣднихъ стихахъ Пушкинъ значительно удаляется отъ образца своего: вотъ этотъ куплетъ въ подстрочномъ переводѣ: „Но будь ты только вѣрна мнѣ, Мери, а я ужъ

[в] И стройно изсѣчённыя порфиры (рукоп.). На челахъ лавры, на плечахъ порфиры (исправл. въ рукоп.).

---

[2]) Въ этомъ стихѣ недостаетъ одной стопы. — [1]) Подъ этимъ псевдонимомъ писалъ поэтъ Бріанъ Вальтеръ Прокторъ (Bryan Walter Proctor).

останусь вѣренъ тебѣ, и знай: какъ только сядетъ солнце и трудъ дня исполнится, я опять и всегда съ тобой, Мери". Сохранивъ общій тонъ подлинника, Пушкинъ измѣнилъ содержаніе пѣсни.

Впервые напеч. въ альм. „Денница" 1831 г.

Here's a health to thee, Mary [1]).

1 Пью за здравіе Мери,
Милой Мери моей.
Тихо заперъ я двери,
И одинъ безъ гостей,
Пью за здравіе Мери.

2 Можно краше быть Мери,
Краше Мери моей,
Этой маленькой пери;
Но нельзя быть милѣй
Рѣзвой, ласковой Мери.

3 Будь же счастлива, Мери,
Солнце жизни моей!
Ни тоски, ни потери,
Ни ненастливыхъ дней
Пусть не вѣдаетъ Мери.

---

205. Я здѣсь, Инезилья.

(1830).

Подражаніе тому же Бріану Вальтеру Проктору, а именно „Серенадѣ" его. Вотъ ея подстрочный переводъ Анненкова:

„Инезилья, я здѣсь! Внизу твоего рѣшетчатаго окна поетъ кавалеръ твой; что же ты медлишь?

„Много миль проскакалъ онъ, чтобъ видѣть твою улыбку. Юный свѣтъ дня уже блеститъ на цвѣтахъ, но кавалеръ твой ропщетъ.

„Что ему утренняя звѣзда, когда нѣтъ *любви* его? Что ему благоуханіе цвѣтовъ, когда горитъ его сердце?

„Милая дѣва; зачѣмъ скрываешься ты? Красота обязана показываться ранѣе очей утра и не заботиться о своемъ нарядѣ.

„Теперь, когда всѣ звѣздные блестящіе духи ждутъ появленія твоего, чтобъ отъ тебя занять блеска, зачѣмъ медлишь ты?"

Переводъ этотъ достаточно показываетъ нѣкоторую ухищренность манеры, что происходило вообще у Корнуоля отъ старанія какъ можно ближе держаться образцовъ Шекспировой школы, но у послѣднихъ она являлась какъ результатъ обилія страсти и обилія мыслей. Пушкинъ поступилъ иначе съ „Серенадой".

„Пушкинъ", продолжаетъ Анненковъ, „до послѣдняго времени сохранилъ расположеніе къ Barry Cornwall, вѣроятно, столько же за энергію его произведеній, сколько и за его подражанія стилю и пріемамъ старыхъ драматурговъ Англіи". Передъ смертію Пушкинъ предложилъ г-жѣ Ишимовой перевести нѣсколько его драматическихъ очерковъ, что она исполнила (пять такихъ очерковъ переведены ею и помѣщены въ „Современникѣ" 1837 г., т. VIII).

---

1) Твое здоровье, Мери!

Анненковъ замѣчаетъ, что въ пьесѣ Пушкина сохраненъ только начальный стихъ образца, а сама пѣсня кажется художнической поправкой „Серенады". Подобныя творческія созданія Пушкинъ обыкновенно называлъ своими „подражаніями".

Напеч. впервые въ „Матеріалахъ" Анненкова.

Inesilla! am here.

1 Я здѣсь, Инезилья,
Стою подъ окномъ!
Объята Севилья
И мракомъ и сномъ!

2 Исполненъ отвагой,
Окутанъ плащомъ,
Съ гитарой и шпагой
Я здѣсь подъ окномъ!

3 Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбужу!
Проснется ли старый—
Мечемъ уложу.

4 Шелковыя петли
Къ окошку привѣсь...
Что жъ медлишь?.. Ужъ нѣтъ ли
Соперника здѣсь?

5 Я здѣсь, Инезилья,
Стою подъ окномъ!
Объята Севилья
И мракомъ и сномъ.

206. Предъ испанкой благородной.

(1830).

Это стихотвореніе, равно какъ и предыдущее, очевидно были этюдами, сдѣланными въ то время, когда Пушкинъ писалъ своего „Каменнаго гостя". Испанія захватила вниманіе поэта.

Напеч. впервые въ изд. 1838 г. съ заглавіемъ: „Романсъ".

1 Предъ испанкой благородной
Двое рыцарей стоятъ;
Оба смѣло и свободно
Въ очи прямо ей глядятъ.
Блещутъ оба красотою,
Оба сердцемъ горячи,
Оба мощною рукою
Оперлися на мечи.

2 Жизни имъ она дороже
И, какъ слава, имъ мила.
Но одинъ ей милъ. Кого же
Дѣва сердцемъ избрала?
„Кто, рѣши, любимъ тобою?"
Оба дѣвѣ говорятъ,
И съ надеждой молодою
Въ очи прямо ей глядятъ.

207. Для береговъ отчизны дальной.

(1830).

Объ этомъ стихотвореніи Бѣлинскій (1844) писалъ: „Едва ли граціозно-гуманная муза Пушкина создавала что-нибудь благоуханнѣе, чище, святѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ изящнѣе этого стихотворенія, и по чувству и по формѣ". Въ другомъ мѣстѣ (въ посмертной статьѣ: „Идея

искусства") тотъ же критикъ называетъ это стихотвореніе, образцомъ „благоуханности, музыкальности, легкой прозрачной формы, граціи выраженія чувства нѣжнаго, но глубокаго и мужескаго, образцомъ сущности лиризма, раствореннаго и насквозь проникнутаго чистѣйшимъ, безпримѣснымъ эфиромъ благороднѣйшей субъективности".

Стихотвореніе это, посвященное одной изъ милыхъ тѣней, воспоминаніемъ о которыхъ вызвано и стихотвореніе „Заклинаніе" (№ 201), имѣетъ несомнѣнную связь съ элегіей: „Подъ небомъ голубымъ страны своей родной" (№ 124).

Катковъ (1856) избираетъ это стихотвореніе вмѣстѣ съ элегіей: „Подъ небомъ голубымъ..." (см. № 124) для выясненія сущности художественнаго произведенія и значенія идеи въ приложеніи къ такому произведенію и наконецъ для выясненія всей важности тѣхъ лирическихъ произведеній Пушкина, въ которыхъ находила художественное выраженіе жизнь сердца, и за которыми не признавали достаточной важности многіе судьи великаго поэта. „Въ чемъ заключается невыразимое очарованіе этого стихотворенія"? пишетъ онъ. „Въ индивидуальности минуты, въ немъ изображенной. Оно дышитъ чѣмъ-то своимъ, чѣмъ-то совершенно особеннымъ. Эта минута есть нѣчто единственное въ своемъ родѣ, нѣчто до безконечности оригинальное. Въ этихъ немногихъ строкахъ цѣлая повѣсть. Читая ихъ, вы чувствуете, какъ на душѣ вашей слагается это полное мгновеніе, которое вы потомъ отличаете отъ тысячи другихъ. Вы никогда не забудете этого настроенія. Поэзія овладѣла этою минутой и принесла ее въ даръ общему сознанію. — Для мысли нашей нѣтъ большей радости, какъ выйти изъ своего одиночества и найтись въ жизни, и чѣмъ особеннѣе предметъ сознанія, тѣмъ глубже наше наслажденіе. На этомъ то чувствѣ особенности и основано очарованіе искусства.—Намъ скажутъ: Что же за важность въ нашихъ личныхъ состояніяхъ? И зачѣмъ прибѣгать для этого къ поэзіи, когда мы въ жизни можемъ сколько угодно даромъ наслаждаться ихъ сознаніемъ? Все замѣчательное, что съ нами бываетъ и что происходитъ въ насъ, сопровождается болѣе или менѣе своимъ сознаніемъ. Но въ томъ-то и дѣло, что все въ жизни сопровождается *своимъ* сознаніемъ, и каждый человѣкъ имѣетъ *свое* сознаніе. Такое частное, личное сознаніе недостаточно: оно — невольная принадлежность жизни и ничѣмъ отъ ней не отличается. Оно не умѣетъ высказаться. Вотъ внезапное горе постигло человѣка: подхватите слово, которое вырвется у него невольно. Рядъ междометій или хотя бы и болѣе знаменательныхъ словъ, хотя бы наконецъ цѣлый потокъ краснорѣчія обыкновенно представляютъ самый неопредѣленный смыслъ, простое общее мѣсто. Они сами принадлежатъ къ тому состоянію, которое ихъ вызвало, и необходимо другого рода сознаніе, чтобы уразумѣть или изобразить это состояніе.

Такое сознаніе есть дѣло свободной мысли, которая раскрывается въ томъ, что мы называемъ просто знаніемъ, а также въ искусствѣ и поэзіи; такое сознаніе есть общая сила, властвующая надъ отдѣльными умами и служащая средою для ихъ сближенія. Говорятъ, что художникъ выражаетъ какую-либо общую мысль въ образахъ. Это выраженіе не совсѣмъ точно и можетъ быть невѣрно понято. Иногда дѣйствительно общій смыслъ дѣла ясно обнаруживается въ художественномъ произведеніи, какъ

наприм. въ первой приведенной нами піескѣ Пушкина (см.: „Подъ небомъ голубымъ...), но иногда бываетъ почти невозможно перевести поэтическую прелесть изображенія на языкъ отвлеченныхъ понятій. Такъ, напримѣръ, просимъ попробовать это на стих.: „Для береговъ отчизны дальной“. Безъ сомнѣнія тутъ есть идея, но извлечь ее изъ этихъ звуковъ и образовъ трудно, не разрушая ихъ очарованія. Есть идея въ прекрасномъ человѣческомъ лицѣ, есть идея въ прекрасномъ пейзажѣ, но какъ выразите вы эту идею отвлеченными понятіями, общими словами? Художникъ уловляетъ ее въ своемъ изображеніи. Художественное изображеніе явленій жизни, возводя ихъ въ общее сознаніе, тѣмъ самымъ даетъ имъ общее значеніе. Идея не состоитъ непремѣнно въ отвлеченныхъ формулахъ или сентенціяхъ. Жизнь и живое сознаніе — вотъ гдѣ находитъ идея свое глубочайшее выраженіе. Піеса Пушкина, которая такъ крѣпко замкнута въ себѣ, такъ упорно противится анализу, тѣмъ не менѣе проникнута идеальнымъ значеніемъ. Откуда же и самая глубина производимаго ею впечатлѣнія, которая сотрясаетъ столько струнъ въ душѣ, возбуждаетъ въ ней столько движеній? Откуда и это единство, эта гармонія, откуда сліяніе всѣхъ этихъ звуковъ, всѣхъ этихъ душевныхъ движеній въ одно цѣльное настроеніе, въ одну рѣчь, понятную всякой живой и разумѣющей душѣ? Каждое слово въ этомъ стихотвореніи дѣйствуетъ на душу и могущественно вызываетъ изъ сердечной глубины всѣ тѣ тонкія чувствованія, которыя въ своемъ сліяніи изображаютъ идею стихотворенія. Вдали, какъ основа картины, чувствуется благодатный край юга, край жизни и любви. Съ этимъ яркимъ аккордомъ сливается мысль о печальной странѣ изгнанія, и посреди этого общаго настроенія разыгрывается сцена... Поэтъ не ограничивался простымъ извѣщеніемъ о своемъ чувствѣ,—онъ передалъ всю особенность его проявленія и передалъ двумя, тремя чертами, которыя представили намъ живой образъ, проникнутый всею силою печальнаго мгновенія. Какъ сильно дѣйствуютъ эти простыя слова: „я долго плакалъ предъ тобою“! Какая истина въ этомъ движеніи хладѣющихъ рукъ, въ этомъ стонѣ, умоляющемъ продлить томительную минуту разставанія! Какъ слышится въ поэзіи этой сцены присутствіе нѣжнаго, милаго женскаго существа! Ни одною чертою не обозначенъ ея образъ, но онъ невольно чувствуется вами. Какъ хорошо и кстати, что именно *она* прерываетъ „это страшное томленіе разлуки!“ Женскому чувству особенно свойственно хранить мѣру въ самомъ увлеченіи; женскому чувству сроднѣе, чѣмъ мужскому, остановиться въ порывѣ и замкнуться въ самоотреченіи или надеждѣ. Какою тихою прелестью звучатъ въ ея устахъ слова утѣшенія и надежды! Надежды не сбылись: она умерла подъ голубымъ небомъ своей родины, и прощальныя слова поэта запечатлѣны чудною нѣжностію и вмѣстѣ важностію. При строгой мысли о смерти, чувство поэта помнитъ еще объ обѣщанномъ поцѣлуѣ свиданія; это нѣжное чувство устояло предъ скорбною торжественностію минуты. Бѣдное сердце человѣческое не потерялось, не отреклось отъ своихъ правъ и предъ зіяющею бездною смерти...

Однако мы не можемъ вовсе уклониться отъ вопроса: въ чемъ же состоитъ идея этого стихотворенія? что даетъ ему внутренній и существенный интересъ? Вопросъ этотъ тѣмъ настоятельнѣе, что выбранное нами стихотвореніе служитъ характеристическимъ образчикомъ поэзіи Пушкина.

Конечно, было бы нелѣпо переводить живую лирическую піесу на языкъ отвлеченныхъ сентенцій подъ видомъ раскрытія ея идеи и умерщвлять поэзію подъ предлогомъ объясненія ея смысла. Но очень можно и должно показать, подъ какимъ небомъ распустился благоухающій цвѣтокъ, изъ какой почвы произошла прелесть его красокъ".

Далѣе, исходя изъ положенія, что въ такой „отдѣльной піескѣ отражается всеобщее начало", критикъ указываетъ ея мѣсто въ точной системѣ сознанія, которая была внесена въ наше образованіе поэзіей Пушкина. Имѣя въ виду недодуманные отзывы тѣхъ, кто хотя и соглашается признать совершенство языка и формы за поэзіей Пушкина, но отрицаетъ важность содержанія большей части его произведеній для самосознанія русскаго общества, критикъ указываетъ, что дажа такое, повидимому не имѣющее никакого отношенія къ идеямъ общественности стихотвореніе, служитъ этимъ идеямъ, быть можетъ, болѣе другихъ сочиненій, прямо для того предназначаемыхъ. „Небольшая разсмотрѣнная нами піеска", продолжаетъ онъ, „вмѣстѣ съ другими родственными ей звуками лиры Пушкина, есть выраженіе великой идеи, идеи, для которой много работала исторія. Это — идея человѣческой личности, это—право человѣческаго сердца. Звуками Пушкина предъявлены были эти права въ нашемъ общественномъ сознаніи; его поэзіей преимущественно эта идея была усвоена русской жизни... Если самостоятельность существованія необходима для общества, то она, прежде чѣмъ проявить себя въ общественныхъ направленіяхъ, должна быть признана безсознательно и безкорыстно. Съ признаніемъ правъ человѣческой личности вообще нераздѣльно и признаніе женщины... Развитіе и образованіе не создаютъ сердца. Прошло болѣе столѣтія прежде чѣмъ общественное сознаніе могло раскрыться для принятія, того начала, которое грубо ознаменовалось требованіемъ появленія женщинъ въ учрежденныхъ Петромъ Великимъ ассамблеяхъ... Справедливо было замѣчено въ ходѣ нашего образованія историческая важность легкихъ произведеній Карамзина, его сантиментальныхъ стихотвореній и его „Бѣдной Лизы". Но все это носило болѣе или менѣе подражательный характеръ, все это было лишено художественной силы, все это были общія мѣста, все это было только выраженіемъ потребности, но не было ея удовлетвореніемъ. Стихотворенія, лишенныя художественнаго достоинства (какихъ впрочемъ есть много и у Пушкина), значитъ что-нибудь только въ совокупности, въ массѣ, какъ выраженіе какого-нибудь интереса... или какъ общая характеристика времени, или, наконецъ, по техникѣ, по языку... Такого рода произведенія блѣднѣютъ и исчезаютъ съ теченіемъ времени. Произведеніе же художественное не умираетъ, какъ бы ни казалось оно незначительнымъ по своему объему и даже по содержанію. Оно и не старѣетъ, и стихъ поэта, отдаленнаго отъ насъ тысячелѣтіями, звучитъ въ душѣ такъ же свѣжо, какъ въ свое время; а это потому, что въ немъ заключена сила, заставляющая насъ почувствовать нѣчто особое, сила, дѣйствующая на душу всякаго человѣка, въ комъ есть элементы, необходимые для образованія душевныхъ сочетаній, которыхъ требуетъ идея художника".

Напечатано впервые въ „Утренней Зарѣ" 1841 г. съ заглавіемъ: „Разлука".

---

1 Для береговъ отчизны дальной
Ты покидала край чужой [a];
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальный
Я долго плакалъ предъ тобой.
Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать;
Томленья страшнаго разлуки
Мой стонъ молилъ не прерывать.

2 Но ты отъ горькаго лобзанья
Свои уста оторвала;
Изъ края мрачнаго изгнанья
Ты въ край иной меня звала.
Ты говорила: въ день свиданья
Подъ небомъ вѣчно-голубымъ,
Въ тѣни оливъ любви лобзанья
Мы вновь, мой другъ, соединимъ.

3 Но тамъ,—увы,—гдѣ неба своды
Сіяютъ въ блескѣ голубомъ,
Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды,
Заснула ты послѣднимъ сномъ.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли въ урнѣ гробовой—
Исчезъ и поцѣлуй свиданья...
Но жду его: онъ за тобой!..

17 ноября 1830. Болдино.

---

208. Царскосельская статуя.

(1830).

Пушкинъ въ Болдинѣ возвратился къ стихотвореніямъ въ антологическомъ родѣ, предпочитая на этотъ разъ гексаметръ (см. № 60 и 61).

Въ первомъ изъ четырехъ такихъ стихотвореній болдинской поры, напечатанныхъ вмѣстѣ съ „Сѣв. Цв." подъ общимъ заглавіемъ: „Анѳологическія эпиграммы", Пушкинъ изобразилъ одну изъ фонтанныхъ статуй въ Царскомъ Селѣ.

Урну съ водой уронивъ, объ утесъ ее дѣва разбила.
Дѣва печальна сидитъ, праздный держа черепокъ.
Чудо! не сякнетъ вода, изливаясь изъ урны разбитой:
Дѣва, надъ вѣчной струей, вѣчно печальна сидитъ.

---

[a] Для береговъ чужбины дальной Ты покидала край родной (рук.).

209. Отрокъ.

(1830).

Второе изъ болдинскихъ антологическихъ стихотвореній посвящено характеристикѣ Ломоносова.

Неводъ рыбакъ разстилалъ по брегу студенаго моря;
Мальчикъ отцу помогалъ. Отрокъ, оставь рыбака!
Мрежи иныя тебя ожидаютъ, иныя заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощникъ царямъ.

210. Риѳма.

(1830).

Третья изъ болдинскихъ антологическихъ піесъ есть созданный Пушкинымъ въ духѣ древнихъ миѳъ о рожденіи Риѳмы. Въ этомъ гексаметрѣ Пушкинъ возвратился къ мыслямъ о риѳмѣ, занимавшимъ его еще въ 1828 г. [1]), и снова представилъ риѳму въ то время, когда „еще толпилась Олимпійская семья“.

Эхо, безсонная нимфа, скиталась по брегу Пенея.
Фебъ, увидѣвъ ее, страстію къ ней воспылалъ.
Нимфа плодъ понесла восторговъ влюбленнаго бога;
Межъ говорливыхъ наядъ, мучась, она родила

[1]) Среди черновой „Полтавы (1828) набросаны были стихи Пушкиан о риѳмѣ, гдѣ уже была дана эта ея „родославная“:

Рифма—звучная подруга
Вдохновеннаго досуга,
Вдохновеннаго труда,
Ахъ, зачѣмъ (ужель)ты улетѣла,
Измѣнила навсегда!
Твой привычный, звучный лепетъ
Усмирялъ сердечный трепетъ,
Усыплялъ мою печаль!
Ты ласкалась, ты манила,
И отъ мира уводила
Въ очарованную даль!
Ты бывало мнѣ внимала,
За мечтой моей бѣжала,
Какъ послушное дитя;
То свободна и ревнива,
Своенравна и лѣнива—
Съ нею спорила шутя.
Но съ тобой не разставался,
Сколько разъ повиновался
Рѣзв(ымъ) прихот(ямъ) тво(имъ),
Какъ любовникъ равнодушный,
Рѣзвымъ прихотямъ (Снисходительно) послушный,
Былъ я мучимъ (и) любимъ.
О, когда бы ты явилась
Въ дни, когда еще толпилась
Олимпійская семья!
Ты бы съ ними обитала,
(Какъ бы пышно заблистала)
Родословная твоя!
Взявъ божественную лиру,
Такъ повѣдали бы міру
Гезіодъ или Омиръ;
„Фебъ однажды у Адмета,
Близъ тѣнистаго Тайгета,
Стадо пасъ, угрюмъ и сиръ.
„Онъ бродилъ во маркѣ лѣса,
И никто, страшась Зевеса,
Изъ богинь или боговъ
Навѣщать его не смѣли—
Бога лиры и свирѣли,
Бога свѣта и стиховъ!
„Помня первыя свиданья,
Утолить его страданья
Мнемозина притекла,
И подруга Аполлона
Въ (тихой) рощѣ Геликона
(Мучась, риѳму(?) родила“.

См. Р. С. 1874. Іюль, 44.

Милую дочь. Ее пріяла сама Мнемозина [2]).
Рѣзвая дѣва росла въ хорѣ богинь Аонидъ,
Матери чуткой подобна, послушна памяти строгой,
Музамъ мила; на землѣ Риѳмой зовется она.

---

211. Трудъ.

(1830).

Четвертое изъ болдинскихъ антологическихъ стихотвореній — „Трудъ“— заключаетъ выраженіе того чувства, которое овладѣваетъ человѣкомъ по окончаніи какого-нибудь труда, къ которому онъ привязался всею душою, и невольно тоскуетъ, потерявъ въ немъ привычное наслажденіе. Кто не узнаетъ здѣсь тотъ „тихій трудъ“ поэта, который своенравный геній его позналъ еще въ Лицеѣ, потомъ въ Михайловскомъ и на югѣ Россіи, и которому онъ предался безраздѣльно въ Болдинѣ?

Мигъ вожделѣнный насталъ. Оконченъ мой трудъ многолѣтній.
Что жъ непонятная грусть тайно тревожитъ меня?
Или, свой подвигъ свершивъ, я стою, какъ поденщикъ ненужный,
Плату пріявшій свою, чуждый работѣ другой?
Или жаль мнѣ труда, молчаливаго спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга пенатовъ святыхъ?

---

212. Герой.

(1830).

Это стихотвореніе, какъ и №№ 127 и 145, вызвано личностію Императора Николая. Когда въ самомъ разгарѣ холеры онъ явился лично въ Москву и ободрилъ своимъ посѣщеніемъ унылую столицу, Пушкинъ выразилъ свои чувства въ этомъ анонимномъ стихотвореніи. Число, выставленное подъ нимъ—29 сентября 1830 г. — есть день прибытія государя въ Москву. Пушкинъ послалъ „Героя“ въ декабрѣ М. П. Погодину при письмѣ, въ которомъ писалъ: „Посылаю вамъ изъ Паѳмоса апокалипсическую пѣснь. Напечатайте, гдѣ хотите, хоть въ „Вѣдомостяхъ“ — но прошу васъ и требую именемъ нашей дружбы — не объявлять *никому* моего имени. Если московская цензура не пропуститъ ея, то перешлите Дельвигу, но только безъ моего имени и не моею рукою переписанную“.

„Герой“ явился въ „Телескопѣ“ 1831 г., № 1, безъ имени автора. По смерти Пушкина Погодинъ открылъ автора, помѣстивъ стихотвореніе въ „Современникѣ“ 1837 г., № 5.

---

2) Мнемозина—дочь Урана и Геи, мать музъ (Аонидъ), богиня памяти (потому въ стихѣ 7-мъ: „памяти строгой“).

Что есть истина?

ДРУГЪ.

Да, слава въ прихотяхъ вольна,
Какъ огненный языкъ, она
По избраннымъ главамъ летаетъ;
Съ одной сегодня исчезаетъ,
И на другой уже видна.
За новизной бѣжать смиренно
Народъ безсмысленный привыкъ,
Но намъ ужъ то чело священно,
Надъ коимъ вспыхнулъ сей языкъ.
На тронѣ, на кровавомъ полѣ,
Межъ гражданъ на чредѣ иной,
Изъ сихъ избранныхъ кто всѣхъ болѣ
Твоею властвуетъ душой?

ПОЭТЪ.

Все онъ, все онъ, пришлецъ сей бранный,
Предъ кѣмъ смирялися цари,
Сей ратникъ, вольностью вѣнчанный,
Исчезнувшій какъ тѣнь зари [1]).

ДРУГЪ.

Когда жъ твой умъ онъ поражаетъ
Своею чудною звѣздой?
Тогда ль, какъ съ Альповъ онъ взираетъ
На дно Италіи святой,
Тогда ли, какъ хватаетъ знамя
Иль жезлъ диктаторскій? Тогда ль,
Какъ водитъ и кругомъ и вдаль
Войны стремительное племя—
И пролетаетъ рядъ побѣдъ
Надъ нимъ, одна другой вослѣдъ?
Тогда ль, какъ рать героя плещетъ
Передъ громадой пирамидъ,
Иль какъ Москва пустынно блещетъ,
Его пріемля, и молчитъ?

ПОЭТЪ.

Нѣтъ, не у счастія на ловѣ
Его я вижу, не въ бою,
Не зятемъ Кесаря на тронѣ,
Не тамъ, гдѣ на скалу свою,
Сѣвъ, мучимъ казнію покоя,
Осмѣянъ прозвищемъ героя,
Онъ угасаетъ недвижимъ,
Плащемъ закрывшись боевымъ!
Не та картина предо мною:

---

[1]) т.-е. Наполеонъ.

Одровъ я вижу длинный строй;
Лежитъ на каждомъ трупъ живой,
Клейменый мощною чумою,
Царицею болѣзней. Онъ,
Не бранной смертью окруженъ,
Нахмурясь, ходитъ межъ одрами,
И хладно руку жметъ чумѣ,
И въ погибающемъ умѣ
Рождаетъ бодрость. Небесами
Клянусь: кто жизнію своей
Игралъ предъ сумрачнымъ недугомъ,
Чтобъ ободрить угасшій взоръ,
Клянусь, тотъ будетъ небу другомъ,
Каковъ бы ни былъ приговоръ
Земли слѣпой!

ДРУГЪ.

Мечты поэта,
Историкъ строгій гонитъ васъ!
Увы—его раздался гласъ [2]),
И гдѣ жъ очарованья свѣта?..

ПОЭТЪ.

Да будетъ проклятъ правды свѣтъ,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, къ соблазну жадной,
Онъ угождаетъ праздно! Нѣтъ,
Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ.
Оставь герою сердце! Что же
Онъ будетъ безъ него?—тиранъ!

ДРУГЪ.

Утѣшься...

Москва. 29 сентября 1830 года.

---

[2]) Mémoires de Bouriene. Бурьенъ въ „Запискахъ“ своихъ отрицаетъ сказаніе о томъ, что Бонапарте, посѣтивъ въ Яффѣ госпиталь зараженныхъ чумою, прикоснулся къ нѣкоторымъ для ободренія ихъ. J'affirme, говоритъ онъ, ne l'avoir pas vu toucher un pestiféré (Прим. „Совр. 1837 г.).

IX.

Послѣдній періодъ литературной дѣятельности Пушкина (1831—1837).

18 февраля 1831 года совершилось бракосочетаніе Пушкина съ Н. Н. Гончаровой въ Москвѣ.

Проживъ здѣсь два мѣсяца, новобрачные переѣхали въ концѣ апрѣля въ Петербургъ и оттуда вскорѣ въ Царское Село, гдѣ прожили до поздней осени. Жизнь въ Царскомъ Селѣ осуществила желаніе Пушкина, который писалъ въ мартѣ Плетневу „Мысль благословенная! Лѣто и осень я проведу въ уединеніи вдохновительномъ, вблизи столицы, въ кругу милыхъ воспоминаній... съ тобою буду видѣться всякую недѣлю, съ Жуковскимъ также. Петербургъ подъ бокомъ. Жизнь дешевая; экипажа не надобно. Чего лучше?“

Скоро въ Царское Село явился и Жуковскій. Холера между тѣмъ затруднила сношенія съ городомъ. Пушкинъ очутился въ небольшомъ кругу друзей и чувствовалъ себя довольнымъ въ этомъ мирномъ уголкѣ.

Это сближеніе съ Жуковскимъ ознаменовалось нѣсколькими значительными произведеніями Пушкина. Онъ возвысилъ свой патріотическій голосъ. Недоброжелательство европейскихъ державъ къ Россіи и польскій мятежъ вызвали написанную Пушкинымъ 5 августа оду: „Клеветникамъ Россіи“, за которою послѣдовала „Бородинская годовщина“. Оба эти стихотворенія вмѣстѣ съ піесой Жуковскаго: „Русская Слава“, напечатаны были отдѣльной книжкой подъ заглавіемъ: „На взятіе Варшавы“ Кромѣ того, оба поэта въ эти дни царскосельской жизни затѣяли дружеское состязаніе въ воспроизведеніи народныхъ сказокъ. Пушкинъ еще во время жизни въ Михайловскомъ записывалъ со словъ няни своей народныя сказки. Теперь пришло время облечь ихъ въ стихотворную форму. Изъ записанныхъ Пушкинымъ сказокъ Жуковскій выбралъ „Сказку о Царѣ Берендеѣ“; Пушкинъ написалъ „Сказку о Царѣ Салтанѣ“ и „Сказку о попѣ и работникѣ его Балдѣ“, которая такъ смѣшила Жуковскаго и его друзей.

22 октября Пушкинъ покинулъ Царское Село. „Вотъ я въ Петербургѣ“, писалъ онъ вскорѣ Нащокину; сообщая о затрудненія денежныхъ и новыхъ

заботахъ своей семейной жизни, онъ прибавляетъ: „все это очень измѣнитъ мой образъ жизни, и обо всемъ надо подумать“. Новое положеніе принесло съ собою заботы и обязанности, которыя были не по характеру Пушкина. Свѣтская жизнь, къ которой влекло его жену, и неизбѣжныя съ этою жизнью траты, пріемы и выѣзды должны были тяготить поэта. Самъ онъ уже охладѣлъ къ свѣтской суетѣ и жаждалъ уединенія и покоя, мечтая о деревенской жизни. Кромѣ того, петербурская знать, согласно своимъ взглядамъ, не признавала правъ Пушкина на мѣсто въ средѣ своей; онъ не былъ ни богатъ, ни чиновенъ. Все это ставило его въ тяжелое положеніе въ свѣтѣ.

Пушкинъ уже не видѣлъ въ Петербургѣ лучшаго изъ друзей своихъ—Дельвига. Онъ умеръ еще 14 января этого года. Его смерть произвела сильное и тяжелое впечатлѣніе на Пушкина. Теперь онъ занялся изданіемъ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ въ пользу семейства покойнаго своего друга. Наскоро съѣздивъ по дѣламъ въ Москву, къ новому 1832-му году онъ былъ уже снова въ Петербургѣ, гдѣ потекла его жизнь вопреки его вкусу. Жена его заняла въ свѣтѣ видное мѣсто; знать охотно принимала красавицу, для блестящей обстановки которой мужъ, гордый ея красотою, не жалѣлъ ничего. Приглашеніямъ не было конца, и Пушкинъ долженъ былъ повсюду сопровождать ее. Долги его росли. Литературные труды не могли покрыть расходовъ. Пушкинъ остановился на мысли о политическомъ изданіи, но получивъ разрѣшеніе, не спѣшилъ воспользоваться имъ, видимо сознавая свою неспособность къ срочнымъ занятіямъ.

Между тѣмъ, зачисленный 14 ноября 1831 г. на службу въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ съ жалованьемъ въ 5000 р. асс., Пушкинъ выхлопоталъ себѣ разрѣшеніе посѣщать государственные архивы для собиранія историческихъ матеріаловъ. „Не смѣю и не желаю“, писалъ онъ въ прошеніи своемъ, поданномъ въ іюнѣ 1831 года, „взять на себя званіе исторіографа послѣ незабвеннаго Карамзина, но могу современемъ исполнить давнишнее мое желаніе написать исторію Петра Великаго и его наслѣдниковъ до государя Петра III-го“. Зимою 1831—1832 года онъ началъ посѣщать архивы. Осенью дѣла снова вызвали его въ Москву. Письма его отсюда къ женѣ полны нѣжной заботливости о ней и о новорожденной дочери. Вернувшись около 10 октября въ Петербургъ, онъ снова предается архивнымъ занятіямъ. Собирая историческіе матеріалы, Пушкинъ остановилъ свое вниманіе на документахъ, касающихся Пугачевскаго бунта. Переѣхавъ весною 1832 г. на дачу на Черную Рѣчку, Пушкинъ продолжалъ свои занятія и отсюда ходилъ пѣшкомъ въ архивъ, но въ то же время пишетъ свою „Русалку“ и „Пѣсни Западныхъ Славянъ“. Плодомъ историческихъ работъ, уже къ осени слѣдующаго (1833) года, были готовые матеріалы для „Исторія Пугачевскаго бунта“. Кромѣ исторіи этой эпохи, поэтъ вынесъ изъ своего знакомства съ матеріалами живыя картины ея, позже воспроизведенныя въ „Капитанской дочкѣ“. Для окончанія обоихъ этихъ произведеній Пушкинъ счелъ нужнымъ посѣтить мѣста описанныхъ тамъ событій.

Къ зимѣ 1832—1833 относится сближеніе Пушкина съ Гоголемъ, первыя повѣсти котораго онъ одинъ изъ первыхъ оцѣнилъ по достоинству. Онъ внушалъ молодому поэту серьезныя идеи объ искусствѣ и убѣждалъ его приняться за что-либо капитальное. Извѣстно, что мысль „Ревизора" и „Мертвыхъ душъ" сообщена была Гоголю Пушкинымъ. Въ концѣ 1832 года и началѣ 1833-го Пушкинъ написалъ своего „Дубровскаго".

Въ срединѣ августа 1833 г. Пушкинъ отправился чрезъ Москву и Нижній-Новгородъ въ Казань, Симбирскъ Оренбургъ и Уральскъ. Въ Уральскѣ собиралъ онъ отъ казаковъ необходимыя ему извѣстія, а въ Бердѣ, гдѣ Пугачевъ стоялъ около полугода, Пушкинъ нашелъ 75-лѣтнюю казачку, которая помнила это время, и пополнилъ ея живыми разсказами запасъ своихъ свѣдѣній о пугачевщинѣ.

1-го октября Пушкинъ г. былъ въ Болдинѣ. Слѣдующія строки изъ писемъ къ женѣ даютъ понятіе о его образѣ жизни въ Болдинѣ въ это время: „Отпустилъ я себѣ бороду; усъ да борода—молодцу похвала; выйду на улицу, дядюшкой зовутъ. Просыпаюсь въ 7 час., пью кофей и лежу до 3 час. Недавно расписался, и уже написалъ пропасть. Въ 3 часа сажусь верхомъ, въ 5 въ ванну, а потомъ обѣдаю картофелемъ да гречневой кашей. До 9 часовъ читаю. Вотъ мой день, и всѣ на одно лицо". Осень, и притомъ въ уединеніи, ознаменовалась нѣсколькими крупными произведеніями. Здѣсь написана была „Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ", оконченъ „Мѣдный Всадникъ" и написано предисловіе къ „Исторіи Пугачевскаго бунта", приведенной въ окончательный порядокъ, и нѣсколько лирическихъ произведеній.

Но поэтическій отпускъ скоро окончился, и къ 28 ноября Пушкинъ былъ уже снова въ Петербургѣ. Снова охватила его суета свѣта. Онъ былъ пожалованъ къ новому 1834 году камеръ-юнкеромъ.

Въ мартѣ 1834 г. по Высочайшему указу было выдано Пушкину изъ государственнаго казначейства 20.000 руб. на два года безъ процентовъ на изданіе „Исторіи Пугачевскаго бунта". Всю весну этого года Пушкинъ, отправивъ на лѣто семью свою въ Калужскую губернію къ родителямъ жены, провелъ въ хлопотахъ по приготовленію этого изданія. Въ то же время отецъ его возложилъ на него заботы объ устройствѣ своихъ разстроенныхъ дѣлъ. Заѣхавъ за семьею въ Калужскую губернію и проводивъ ее до Москвы, Пушкинъ къ половинѣ сентября проѣхалъ опять въ Болдино, гдѣ пробылъ до начала октября.

Весь 1835 годъ Пушкинъ провелъ въ непрерывныхъ хлопотахъ по устройству матеріальнаго положенія семьи своей. Весною снова ѣздилъ онъ въ Москву, гдѣ пробылъ отъ 5 до 24 мая. Помощь Государя, пожаловавшаго ему 30.000 руб. въ видѣ займа съ уплатою изъ жалованья, дала возможность Пушкину расплатиться съ половиною своихъ долговъ. Съ наступленіемъ осени (7 сент.) онъ поспѣшилъ въ Михайловское, разсчитывая на вдохновеніе. Но ожиданія его не сбылись: заботы не покидали поэта, и тамъ была написана лишь элегія: „Вновь я посѣтилъ" (см. № 239).

Съ предстоявшаго (1836) года Пушкинъ задумалъ издавать журналъ. Въ то время онъ печаталъ свои произведенія въ „Библіотекѣ для чтенія“, основанной въ 1834 году. Литературный кругъ, группировавшійся въ Петербургѣ около Жуковскаго и Пушкина, обѣщалъ достаточно литературныхъ силъ для новаго изданія, задуманнаго Пушкинымъ. Причиной основанія новаго журнала, или „обозрѣнія“, какъ называлъ его Пушкинъ, разумѣя изданіе, подобное англійскому revew, было намѣреніе противодѣйствовать парадоксальнымъ сужденіямъ издателя „Библіотеки для чтенія“ Сенковскаго и другихъ журналистовъ, имѣвшимъ успѣхъ среди людей полуобразованныхъ. Пріемъ вышучивать всякое явленіе русской литературы не могъ быть одобряемъ Пушкинымъ — и вотъ онъ задумалъ свой „Современникъ“, журналъ серьезный, который долженъ былъ внушить читателямъ уваженіе къ отечественной наукѣ и литературѣ, чуждаясь всего фельетоннаго и площадного.

Февраля 26 Пушкинъ былъ командированъ въ Московскій Главный Архивъ для дополнительнаго сбора историческихъ матеріаловъ. Первый томъ „Современника“ (который выходилъ 4-мя томами въ годъ) вслѣдствіе отлучекъ Пушкина печатался при содѣйствіи Плетнева. Въ апрѣлѣ смерть матери вызвала Пушкина въ Михайловское. Онъ провожалъ тѣло ея до могилы въ Святогорскій Успенскій монастырь, близъ Михайловскаго. Въ маѣ Пушкинъ снова въ Москвѣ, за архивными занятіями, а 23 мая онъ уже въ Петербургѣ, на дачѣ на Каменномъ острову. Въ его отсутствіе были приведены друзьями его въ порядокъ матеріалы, заготовленные для 2-й книжки „Современника“, которая и вышла въ іюнѣ мѣсяцѣ. Съ жаромъ принялся Пушкинъ за приготовленіе 3-й книжки, вышедшей въ сентябрѣ. Въ ноябрѣ появилась и 4-я книжка, въ которой помѣщена была „Капитанская дочка“.

Съ переѣздомъ въ октябрѣ въ Петербургъ Пушкинъ мало-по-малу былъ охваченъ жизнью столицы. Послѣдняя зима его жизни уже не столько принадлежитъ исторіи литературы, сколько составляетъ предметъ свѣтской хроники.

29 января 1837 г., въ третьемъ часу пополудни, Пушкинъ скончался 37 лѣтъ 8 мѣсяцевъ и 30 дней, отъ раны, полученной на дуэли съ Дантесомъ, французскимъ эмигрантомъ [1]), пріѣхавшимъ искать счастія въ Петербургѣ, гдѣ и былъ принятъ въ тотъ кругъ, которому суждено было поглотить вдохновеннаго русскаго поэта.

На смертномъ одрѣ онъ былъ утѣшенъ обѣщаніемъ Государя позаботиться о его семействѣ.

Тѣло Пушкина похоронено въ Святогорскомъ монастырѣ, близъ могилы его матери.

---

[1]) усыновленнымъ голландскимъ посланникомъ бар. Геккерномъ.

213. Красавица.

(ВЪ АЛЬБОМЪ Н. Н. ГОНЧАРОВОЙ).

(1831).

Это стихотвореніе, причисляемое Бѣлинскимъ (1844) къ лучшимъ произведеніямъ Пушкина, было напечатано впервые въ „Библ. для чтенія“ 1834, № 5.

---

1 Все въ ней гармонія, все диво,
Все выше міра и страстей;
Она покоится стыдливо
Въ красѣ торжественной своей;
Она кругомъ себя взираетъ:
Ей нѣтъ соперницъ, нѣтъ подругъ;
Красавицъ нашихъ блѣдный кругъ
Въ ея сіяньѣ исчезаетъ.

2 Куда бы ты ни поспѣшалъ,
Хоть на любовное свиданье,
Какое бъ въ сердцѣ ни питалъ
Ты сокровенное мечтанье,
Но, встрѣтясь съ ней, смущенный, ты
Вдругъ остановишься невольно,
Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты.

---

214. Эхо.

(1831).

Анненковъ замѣтилъ по поводу стихотвореній „Пью за здравіе Мери“ и „Я здѣсь, Инезилья“ обычай Пушкина брать первый стихъ какого-либо иностраннаго стихотворенія и писать собственное стихотвореніе, сохраняя при этомъ лишь тонъ образца или вовсе отъ него отступая, хотя называлъ и такія піесы „подражаніями“. Подобный пріемъ замѣчаемъ и въ знаменитомъ стихотвореніи „Эхо“. При написаніи его Пушкинъ, повидимому, имѣлъ въ виду одну изъ „Ирландскихъ мелодій“ То-

маса Мура [1]). Но все сходство съ этимъ стихотвореніемъ въ піесѣ Пушкина ограничивается заглавіемъ и размѣромъ стиха, впрочемъ съ тою разницею, что среди четырехстопныхъ стиховъ стихи трехстопные, 2-й и 5-й каждой строфы Мура, являются у Пушкина 4-мъ и 6-мъ (самое число стиховъ каждой строфы увеличено на одинъ стихъ). Содержаніе у обѣихъ піесъ различно: у Мура эхо — символъ любви, у Пушкина — символъ отзывчивости поэта, не встрѣчающаго отзыва своимъ пѣснямъ. Ср. № 139.

Напеч. впервые въ „Сѣв. Цв.“ 1832 г.

---

1 Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ—
На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.

2 Ты внемлешь грохоту громовъ
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ—
И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ жъ нѣтъ отзыва... Таковъ
И ты, поэтъ!

---

[1]) Вотъ стих. Т. Мура:

Echo.

How sweet the answer, makes
To music at night,
When, roused by lute or horn, she wakes
And far away, o'er lawns and lakes
Goes answering light.

Yet Love hath echoes truer far,
And far more sweet,
Than e'er beneath the moonlight's star,
Of horn or lute, or soft guitar,
The songs repeat.

Tis when the sigh, in youth sincere,
And only then,—
The sigh that's breath'd for one to hear,
Is by that one, that only dear,
Breathed back again!

т.-е.:

„Какъ сладостенъ отголосокъ музыки въ ночи, когда онъ, возбужденный лютней или рогомъ, возстанетъ и несется далеко по долинамъ и озерамъ, повторяясь нѣжно!

„Но эхо любви и вѣрнѣе, и отраднѣе, нежели то эхо, которое повторяетъ пѣсни рога или лютни или нѣжной гитары подъ луннымъ свѣтомъ.

„Это эхо раздается во время искренней юности, и только тогда, когда вздохъ, предназначенный лишь слуху милой, повторенъ въ отвѣтъ этой единственно милой“...

215. Къ тѣни полководца.

(1831).

Стихотвореніе это посвящено воспоминанію о Михаилѣ Ларіоновичѣ Кутузовѣ, князѣ Смоленскомъ (1745—1813), погребенномъ въ с.-пб. Казанскомъ соборѣ.

Впервые напеч. безъ двухъ послѣднихъ строфъ въ „Объясненіи“ Пушкина по поводу нападокъ на стих. „Полководецъ“, посвященное памяти Барклая-де-Толли (см. № 236) въ „Совр.“ 1836, № 4.

---

1 Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой...
Все спитъ кругомъ: однѣ лампады
Въ мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.

2 Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.

3 Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
„Иди, спасай!“ Ты всталъ и спасъ...

4 Внемли жъ и днесь нашъ вѣрный гласъ:
Возстань, спасай царя и насъ,
О, старецъ грозный! На мгновенье
Явись у двери гробовой—
Явись: вдохни восторгъ и рвенье
Полкамъ, оставленнымъ тобой!

5 Явись—и дланію своей
Намъ укажи въ толпѣ вождей,
Кто твой наслѣдникъ, твой избранный!
Но храмъ въ моленье погруженъ...
И тихъ твоей могилы бранной
Невозмутимый, вѣчный сонъ.

---

216. Клеветникамъ Россіи.

(1831).

Польское возстаніе и мѣры, принятыя противъ него русскимъ правительствомъ, вызвали цѣлую бурю во французской политической журналистикѣ и на трибунѣ. Всевозможныя обвиненія и угрозы сыпались тамъ противъ русскаго народа и правительства. Эта ненависть сообщилась и ближайшимъ сосѣдямъ Россіи. Передавались слухи о возможности большой европейской войны, которая должна измѣнить всѣ трактаты, благопріятные для Россіи. Не одинъ Пушкинъ приходилъ въ негодованіе отъ этого непомѣрнаго озлобленія умовъ. Ему и Жуковскому стало ясно, что пришло время выразить нравственное право Россіи въ рѣшеніи „домашняго стараго спора" и указать всю неумѣстность притязанія враговъ Россіи подчинить ее ихъ волѣ. Плодомъ этого размышленія была ода Пушкина, которую скоро знала наизусть вся образованная Россія. Она какъ нельзя лучше выразила народное чувство собственнаго достоинства. Энергическое выраженіе такого чувства тѣмъ болѣе поразило всѣхъ, что раздалась среди общества, въ теченіе многихъ лѣтъ пріучавшагося къ преклоненію предъ иноземными политическими идеями. Поэтъ на этотъ разъ былъ дѣйствительно глашатаемъ народнаго чувства.

Ода начинается въ тонѣ того спокойствія, которое всегда служитъ признакомъ глубокаго убѣжденія. Во второй строфѣ поставленъ впервые съ полною ясностью и прямотою коренной вопросъ русской исторіи. Такимъ образомъ цѣлый хоръ изощренной въ діалектикѣ западной дипломатіи былъ покрытъ въ сознаніи русскаго общества голосомъ геніальнаго поэта. Съ рѣдкою прозорливостью русскій поэтъ указалъ въ той враждѣ Европы къ намъ такую сторону, которая озарила и для будущихъ поколѣній истинный смыслъ нашихъ правъ въ славянскомъ вопросѣ. Съ неменьшимъ достоинствомъ въ строфѣ 4-й подкрѣплено право самостоятельнаго пути русской политики напоминаніемъ о той безкорыстной услугѣ, которая на памяти всѣхъ такъ недавно была оказана Россіей этой озлобленной Европѣ. Болѣе сдержаннаго голоса оскорбленнаго патріотическаго чувства было бы несправедливо требовать.

Едва ли можно указать во всей европейской литературѣ болѣе возвышенное произведеніе въ области политической лирики. Для написанія его нуженъ былъ не только патріотъ: нуженъ былъ и великій художникъ, проникнутый тѣмъ чувствомъ мѣры, какимъ обладалъ только Пушкинъ.

Послѣ этого убѣдительнаго голоса разума получаетъ особый смыслъ и та величавая картина возставшей какъ одинъ человѣкъ русской земли, которая изображена въ строфѣ 5. Полки русскіе, сверкающіе оружіемъ, въ сознаніи поэта не были орудіемъ одной матеріальной силы. Они получаютъ глубокій смыслъ и въ глазахъ читателя, который научится понимать своего поэта.

Напеч. впервые въ 1831 г. вмѣстѣ съ „Бородинской годовщиной" Пушкина и „Русской славой" Жуковскаго въ одной брошюрѣ подъ заглавіемъ „На взятіе Варшавы" (см. № 217).

1 О чемъ шумите вы, народные витіи?
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? Волненія Литвы?
Оставьте: это споръ славянъ между собою;
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою;
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.

2 Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Не разъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый ляхъ иль вѣрный россъ?
Славянскіе ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ?
Оно ль изсякнетъ?—Вотъ вопросъ.

3 Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда;
Для васъ безмолвны Кремль и Прага [1]);
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага—
И ненавидите вы насъ....

4 За что жъ? Отвѣтствуйте: за то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, подъ кѣмъ дрожали вы?
За то ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?

5 Вы грозны на словахъ—попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой измаильскій штыкъ?
Иль русскаго царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ русская земля?—

[1]) Прага, предмѣстіе Варшавы, была взята Суворовымъ въ 1794 году.

Такъ высылайте жъ намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи
Среди не чуждыхъ имъ гробовъ.

2 августа 1831 г. Село Царское.

---

217. Бородинская годовщина.

(1831).

Польское возстаніе окончилось взятіемъ Варшавы 26 августа 1831 г. [1]. Совпаденіе этого дня со днемъ Бородинской битвы дало Пушкину мысль сблизить современныя событія славнымъ воспоминаніемъ объ этой битвѣ.

Въ этомъ стихотвореніи поэтъ обращаетъ свой укоръ не на усмиренныхъ мятежниковъ, сложившихъ оружіе:

Они народной Немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго лица
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца (строфа 4).

Укоръ его обращенъ снова (ср. № 126) къ западно-европейскимъ недоброжелателямъ Россіи, какъ главнымъ виновникамъ и польскихъ притязаній. Онъ указываетъ имъ всю силу своего отечества, твердо стоящаго за исконное наслѣдіе исторіи (строфа 6).

Къ сожалѣнію, этотъ укоръ русскаго поэта не дошелъ своевременно по адресу. Ода была переведена на французскій языкъ лишь въ 1836 г. княземъ Н. Б. Голицынымъ. „Тысячу разъ благодарю васъ, любезный князь“, писалъ Пушкинъ ему, „за вашъ несравненный переводъ моей піесы, направленной противъ враговъ нашей земли... Зачѣмъ не перевели вы ее во-время? Я переслалъ бы ее тогда во Францію, чтобы утереть носъ всѣмъ этимъ крикунамъ Палаты депутатовъ“.

[1] „Когда взяли Варшаву“, пишетъ А. О. Смирнова (см. № 219) въ своихъ воспоминаніяхъ, „пріѣхалъ Суворовъ (внукъ) съ извѣстіями: мы обѣдали всѣ вмѣстѣ за общимъ фрейлинскимъ столомъ. Изъ Александровскаго (дворца) прибѣжалъ лакей и объявилъ радостную и страшную вѣсть. У всѣхъ были родные и знакомые, у меня два брата на штурмѣ... Мы всѣ бросились въ Александровскій дворецъ, какъ были, безъ шляпъ и зонтиковъ, и проходя мимо Китаева дома (гдѣ квартировали въ Ц. С. Пушкины), я не подумала объявить объ этомъ Пушкину. Что было во дворцѣ, въ самомъ кабинетѣ Императрицы, я не берусь описывать. Государь самъ сидѣлъ у ея стола, разбиралъ письма, писанныя наскоро, иныя незапечатанныя; раздавалъ ихъ по рукамъ, и отсылалъ по назначенію. Графиня Ламбертъ, которая жила въ д. Олениной противъ Пушкина и всегда дичилась его, узнавши, что Варшава взята, увѣдомила его объ этомъ тогда такъ нетерпѣливо ожидаемомъ происшествіи. Когда Пушкинъ напечаталъ свои извѣстные стихи на Польшу, онъ мнѣ прислалъ экземпляръ и написалъ карандашемъ: „Графиня Ламбертъ первая извѣстила меня о взятіи Варшавы; справедливость требуетъ, чтобы она получила первый экземпляръ, второй — для васъ.

Отъ васъ узналъ я плѣнъ Варшавы
Вы были вѣстницею славы
И вдохновеньемъ для меня...
Когда придумаю два остальные стиха, то пришлю ихъ вамъ“.

Двѣ послѣднія строфы относятся къ графу Ив. Ѳед. Паскевичу-Эриванскому, свѣтлѣйшему князю Варшавскому, съ тѣхъ поръ управлявшему Варшавой до самой смерти своей (1856) въ качествѣ намѣстника, и воспоминанію о Суворовѣ, нѣкогда также овладѣвшемъ этимъ городомъ.

О напечатаніи этой оды см. № 216.

---

1 Великій день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: „шли же племена,
Бѣдой Россіи угрожая;
Не вся ль Европа тутъ была?
А чья звѣзда ее вела!..
Но стали жъ мы пятою твердой,
И грудью приняли напоръ
Племенъ, послушныхъ волѣ гордой,
И равенъ былъ неравный споръ.

2 „И что жъ? Свой бѣдственный побѣгъ,
Кичась, они забыли нынѣ;
Забыли русскій штыкъ и снѣгъ,
Погребшій славу ихъ въ пустынѣ.
Знакомый пиръ ихъ манитъ вновь—
Хмельна для нихъ славяновъ [1]) кровь;
Но тяжко будетъ имъ похмелье,
Но дологъ будетъ сонъ гостей
На тѣсномъ, хладномъ новосельѣ,
Подъ злакомъ сѣверныхъ полей!

3 „Ступайте жъ къ намъ; васъ Русь зоветъ!
Но знайте, прошенные гости,
Ужъ Польша васъ не поведетъ:
Черезъ ея шагнете кости!..."
Сбылось—и, въ день Бородина,
Вновь наши вторглись знамена
Въ проломы падшей вновь Варшавы;
И Польша, какъ бѣгущій полкъ,
Во прахъ бросаетъ стягъ кровавый—
И бунтъ раздавленный умолкъ.

4 Въ бореньи падшій невредимъ;
Враговъ мы въ прахѣ не топтали;
Мы не напомнимъ нынѣ имъ
Того, что старыя скрижали
Хранятъ въ преданіяхъ нѣмыхъ;
Мы не сожжемъ Варшавы ихъ;

---

[a] Кто уснулъ, тотъ...

---

[1]) Вм.: славянъ.

Они народной Немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго[б] лица,
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца.

5 Но вы, мутители палатъ,
Легкоязычные витіи;
Вы, черни бѣдственный набатъ,
Клеветники, враги Россіи!
Что взяли вы?... Еще ли россъ—
Больной разслабленный[в] колоссъ?
Еще ли сѣверная слава
Пустая притча, лживый сонъ?
Скажите: скоро ль намъ Варшава
Предпишетъ гордый свой законъ?

6 Куда отдвинемъ строй твердынь?
За Бугъ, до Ворсклы, до Лимана?
За кѣмъ останется Волынь?
За кѣмъ наслѣдіе Богдана?
Признавъ мятежныя права,
Отъ насъ отторгнется ль Литва?
Нашъ Кіевъ дряхлый, златоглавый,
Сей пращуръ русскихъ городовъ,
Сроднитъ ли съ буйною Варшавой
Святыню всѣхъ своихъ гробовъ[г]?

7 Вашъ бурный[д] шумъ и хриплый крикъ
Смутили ль русскаго владыку?
Скажите, кто главой поникъ?
Кому вѣнецъ: мечу иль крику?
Сильна ли Русь?—Война, и моръ,
И бунтъ, и внѣшнихъ бурь напоръ
Ее, бѣснуясь, потрясали—
Смотрите жъ: все стоитъ она!
А вкругъ нея волненья пали—
И Польши участь рѣшена...

8 Побѣда! сердцу сладкій часъ!
Россія, встань и возвышайся!
Греми восторговъ общій гласъ!...
Но тише, тише раздавайся
Вокругъ одра, гдѣ онъ лежитъ,
Могучій мститель злыхъ обидъ,
Кто покорилъ вершины Тавра,
Предъ кѣмъ смирилась Эривань,
Кому суворовскаго лавра
Вѣнокъ сплела тройная брань.

[б] хладнаго.—[в] измученный.—[г] Святыни всѣхъ своихъ градовъ.—[д] буйный.

9 Возставъ изъ гроба своего,
Суворовъ видитъ плѣнъ Варшавы:
Вострепетала [e] тѣнь его
Отъ блеска имъ начатой славы!
Благословляетъ онъ, герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоихъ сподвижниковъ отвагу,
И вѣсть тріумфа твоего,
И съ ней летящаго за Прагу
Младого внука своего.

5 сентября 1831 года.

---

218. 19 октября.

(1831).

Въ краткомъ протоколѣ товарищескаго праздника, бывшаго 20-лѣтнимъ юбилеемъ Лицея со дня его открытія, составленнымъ Яковлевымъ, у котораго собирались на этотъ разъ, замѣчено: „Пушкинъ не былъ только потому, что не нашелъ квартиры. При заздравномъ кубкѣ или заздравной чашѣ вспоминали пѣвца 19 октября: „И первую полнѣй друзья, полнѣй" и т. д. (см. № 107, строфа 16).

Лицейская годовщина этого года есть одна изъ лучшихъ элегій Пушкина. Поэтъ съ грустью замѣчаетъ, какъ рѣдѣетъ товарищескій кругъ (строфа 1). Послѣ воспоминаній о европейскихъ событіяхъ послѣднихъ 20 лѣтъ (строфа 2), онъ озираетъ и судьбу дорогого круга, изъ котораго не досчитывается уже шестерыхъ товарищей. Первымъ изъ нихъ былъ Корсаковъ (см. стр. 201), послѣднимъ—Дельвигъ.

Кончина Дельвига особенно поразила Пушкина. Въ послѣдній разъ онъ видѣлся съ нимъ во время краткаго пребыванія въ Петербургѣ въ августѣ 1830 г. передъ отъѣздомъ въ Болдино. Дельвигъ тогда проводилъ его за заставу. „Я ѣхалъ съ Вяземскимъ изъ Петербурга въ Москву", писалъ Пушкинъ объ этомъ послѣднемъ свиданіи съ другомъ: „Дельвигъ хотѣлъ проводить меня до Царскаго Села. 10 августа поутру мы вышли изъ города. Вяземскій долженъ былъ насъ догнать на дорогѣ. Дельвигъ обыкновенно просыпался очень поздно—и разбудить его преждевременно было почти невозможно. Но въ этотъ день всталъ онъ въ 8-мъ часу, и у него съ непривычки кружилась и болѣла голова. Мы принуждены были зайти въ низенькій трактиръ. Дельвигъ позавтракалъ. Мы пошли далѣе. Ему стало легче; головная боль прошла. Онъ сталъ веселъ и говорилъ. Завтракъ въ трактирѣ напомнилъ ему повѣсть, которую намѣревался онъ написать... Онъ любилъ въ разговорахъ развивать свои поэтическія мечты, и мы знали его прекрасныя созданія нѣсколько лѣтъ прежде, нежели они были написаны".—Съ небольшимъ черезъ 5 мѣсяцевъ Дельвига не стало. Онъ умеръ 14 января 1831 г. „Что скажу тебѣ, мой милый?" писалъ Пушкинъ Плетневу 21 января изъ Москвы:

---

[e] И встрепетала: (Первон. текстъ рукописи).

„ужасное извѣстіе получилъ я въ воскресенье. На другой день оно подтвердилось. Вчера ѣздилъ я къ [Салтыкову (тестю бар. Дельвига) объявить ему все—и не имѣлъ духу. Вечеромъ получилъ твое письмо. Грустно, тоска. Вотъ первая смерть, мною оплаканная. Карамзинъ подъ конецъ былъ мнѣ чуждъ: я глубоко сожалѣлъ о немъ, какъ русскій; но никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига. Изъ всѣхъ связей дѣтства онъ одинъ оставался на виду; около него собралась наша бѣдная кучка; безъ него мы теперь осиротѣли. Считай по пальцамъ: сколько насъ? ты, я, Баратынскій; вотъ и всѣ. Вчера провелъ я день съ Нащокинымъ, который сильно пораженъ его смертью. Говорили о немъ, называя его „покойникъ Дельвигъ" и этотъ эпитетъ былъ столь же страненъ, какъ и страшенъ. Нечего дѣлать! согласимся: покойникъ Дельвигъ—быть такъ. Баратынскій боленъ съ огорченія. Меня не такъ-то легко съ ногъ свалить. Будь здоровъ, и постараемся быть живы".—„Я зналъ его въ Лицеѣ" писалъ Пушкинъ 31 января: „былъ свидѣтелемъ перваго, незамѣченнаго развитія его поэтической души и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости. Съ нимъ читалъ я Державина и Жуковскаго, съ нимъ толковалъ обо всемъ, что „душу волнуетъ, что сердце томитъ" [1]). Жизнь его богата не романическими приключеніями, но прекрасными чувствами, свѣтлымъ, чистымъ разумомъ и надеждами:.." Послѣ женитьбы, въ счастливыя минуты Пушкинъ писалъ (24 февраля): „Я женатъ. Одно желаніе мое, чтобъ ничего въ жизни моей не измѣнилось... Память Дельвига есть единственная тѣнь моего свѣтлаго существованія" (ср. также стих. „Художники" 1836).

19 октября 1831 г. было первою годовщиною Лицея послѣ кончины Дельвига. Потому поэтъ посвящаетъ ему особую строфу (5-ю), въ которой поэтически воспроизводитъ чувства, волновавшія его съ самаго дня извѣстія о смерти дорогого друга. Этою строфою и окончилъ онъ элегію, исключивъ обращеніе къ покойному другу, въ которомъ сдѣлалъ сближеніе съ собою и гдѣ упоминалъ о первыхъ успѣхахъ своихъ на поэтическомъ поприщѣ; зачеркнулъ онъ и 6-ю строфу, которою завершалась элегія въ рукописи. Чрезъ это, вопреки обычаю, элегія заключена тихимъ грустнымъ аккордомъ (стр. 5-я).

Напеч. впервые въ изд. 1838 г.

---

1 Чѣмъ чаще празднуетъ Лицей
Свою святую годовщину,
Тѣмъ робче старый кругъ друзей
Въ семью стѣсняется едину;
Тѣмъ рѣже онъ; тѣмъ праздникъ нашъ
Въ своемъ веселіи мрачнѣе;
Тѣмъ глуше звонъ заздравныхъ чашъ,
И наши пѣсни тѣмъ грустнѣе.

2 Давно ль, друзья?.. Но двадцать лѣтъ
Тому прошло; и что же вижу?
Того царя въ живыхъ ужъ нѣтъ;

1) Стихъ изъ „Графа Габсбургскаго" Жуковскаго.

Мы жгли Москву, былъ плѣнъ Парижу,
Угасъ въ тюрьмѣ Наполеонъ,
Воскресла грековъ древнихъ слава,
Съ престола палъ другой Бурбонъ,
Отбунтовала вновь Варшава.

3 Такъ дуновенья бурь земныхъ
И насъ нечаянно касались:
И мы средь пиршествъ молодыхъ
Душою часто омрачились;
Мы возмужали; рокъ судилъ
И намъ житейски испытанья;
И смерти духъ средь насъ ходилъ,
И назначалъ свои закланья.

4 Шесть мѣстъ упраздненныхъ стоятъ:
Шести друзей не узримъ болѣ;
Они, разбросанные, спятъ
Кто здѣсь, кто тамъ, на ратномъ полѣ;
Кто дома, кто въ землѣ чужой.
Кого недугъ; кого печали
Свели во мракъ земли сырой—
И всѣхъ мы братски поминали [а].

5 И, мнится, очередь за мной...
Зоветъ меня мой Дельвигъ милый,
Товарищъ юности живой,
Товарищъ юности унылой,
Товарищъ пѣсенъ молодыхъ
Пировъ и чистыхъ [б] помышленій,
Туда, въ толпу тѣней родныхъ,
Навѣкъ отъ насъ ушедшій геній [в].

---

219. Въ альбомъ А. О. Россети.

(1832).

Это стихотвореніе, написанное 16 марта 1832 г. въ альбомъ Александрѣ Осиповнѣ Россети, въ замужествѣ Смирновой, есть живая ея характеристика. Она смолоду привлекала общее вниманіе и симпатію

[а] И надо всѣми мы рыдали.—[б] гордыхъ.—[в] Въ рук. находилась слѣдующая 6-я строфа:

Тѣснѣй, о милые друзья,
Тѣснѣй нашъ вѣрный кругъ составимъ!
Почившихъ пѣснь окончилъ я,
Живыхъ надеждою поздравимъ—
Надеждой нѣкогда опять
Въ пиру лицейскомъ очутиться,
Всѣхъ остальныхъ еще обнять—
И новыхъ жертвъ ужъ не страшиться.

Обращеніе къ Дельвигу, также исключенное:

Мы рождены, мой братъ названный,
Подъ одинаковой звѣздой,
Явилися мы рано оба,
На ипподромъ, а не на торгъ,
Вблизи Державинскаго гроба;
И шумный встрѣтилъ насъ восторгъ.

избраннаго круга столицы, какъ напр. кн. Вяземскаго, Жуковскаго, А. И. Тургенева. Вотъ какъ характеризуетъ ее кн. Вяземскій въ своей „Старой записной книжкѣ“: „Несмотря на свое общественное положеніе, на свѣтскость свою, она любила русскую поэзію и обладала тонкимъ и вѣрнымъ поэтическимъ чутьемъ. Она угадывала (болѣе того, она вѣрно понимала) и все высокое и смѣшное. Изящное стихотвореніе Пушкина приводило ее въ восторгъ. Переряженная и масленичная поэзія пѣвца Курдюковой (т.-е. Мятлева) находила въ ней сочувственный смѣхъ... Наша красавица умѣла постигать Рафаэля, но не отворачивалась отъ Теньера, ни отъ каррикатуры Гогарта и даже Кома. Вообще увлекала она всѣхъ живостью, чуткостью впечатлѣній, остроуміемъ, нерѣдко поэтическимъ настроеніемъ. Прибавьте къ этому какую-то южную лѣнивость, усталость. Въ ней было что-то севильской женственности. Вдругъ эта мнимая безстрастность расшевелится теплымъ сочувствіемъ всему прекрасному, доброму, возвышенному, или ощетинится скептическимъ и язвительнымъ отзывомъ на жизнь и на людей. Она была смѣсь противорѣчій, но эти противорѣчія были какъ музыкальныя разнозвучія, которыя подъ рукою художника сливаются въ какое-то странное, но увлекательное созвучіе. Въ ней были струны, которыя откликались на всѣ вопросы ума и на всѣ напѣвы сердца... Хотя не было въ чулкахъ ея ни малѣйшей синей петли, она могла прослыть у нѣкоторыхъ „академикомъ въ чепцѣ“. Свѣдѣнія ея были разнообразныя, чтенія поучительныя и серьезныя, впрочемъ не въ ущербъ романамъ и газетамъ. Даже богословскіе вопросы, богословскія пренія были для нея заманчивы. Профессоръ духовной академіи могъ быть не лишнимъ въ дамскомъ кабинетѣ ея, какъ дипломатъ, какъ Пушкинъ или Гоголь, какъ гвардейскій любезникъ, молодой левъ петербургскихъ салоновъ. Она выходила иногда въ пріемную комнату, гдѣ ожидали ее свѣтскіе посѣтители послѣ урока греческаго языка, на которомъ хотѣла изучить восточное богослуженіе и святыхъ отцовъ. Прямо отъ бесѣды съ Григоріемъ Назіанзиномъ или Іоанномъ Златоустомъ влетала она въ свой салонъ и говорила о дѣлахъ парижскихъ съ старымъ дипломатомъ, о петербугскихъ сплетняхъ, не безъ нѣкотораго оттѣнка дозволеннаго и всегда остроумнаго злословія съ пріятельницею“...

Получивъ образованіе въ Екатерининскомъ институтѣ, гдѣ окончила она курсъ въ 1826 г., А. О. Россети была фрейлиной императрицы. Съ 1829 года сблизилась она съ Жуковскимъ, съ которымъ у нея установились дружескія отношенія. Этому сближенію благопріятствовала служба Жуковскаго при дворѣ. Ея небольшія воспоминанія о Жуковскомъ и Пушкинѣ (Русск. Арх. 1871, кн. XI) принадлежатъ къ числу самыхъ живыхъ свидѣтельствъ о жизни обоихъ поэтовъ въ началѣ 30-хъ годовъ. Жизнь въ Царскомъ Селѣ осенью 1831 г. сблизила ее съ ними. Они приходили по вечерамъ (передъ собраніями у императрицы, обыкновенно начинавшимися не ранѣе 9 часовъ). Непринужденная бесѣда и музыка украшали эти дружескія посѣщенія Россети. Часто Пушкинъ зывалъ ее къ себѣ, и она была свидѣтельницей полной радостей первой поры семейной жизни поэта, который, зазвавъ ее съ молодой женой своей къ себѣ на верхъ, въ кабинетъ, читалъ имъ отрывки своихъ сказокъ, которыя писалъ въ то время (см. стр. 354), и говорилъ: „Ваша критика, мои милыя, лучше всѣхъ; вы просто говорите: этотъ стихъ не хорошъ, мнѣ не нравится“.

Напеч. впервые въ „От. Зап.“ 1840, № 10.

Въ тревогѣ пестрой и безплодной
Большого свѣта и двора
Я сохранила взоръ холодный,
Простое сердце, умъ свободный
И правды пламень благородный—
И какъ дитя была добра;
Смѣялась надъ толпою вздорной,
Судила здраво и свѣтло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо на бѣло

---

220. Княжнѣ А. Д. Абамеликъ.

(1832).

Стихотвореніе это написано къ княжнѣ Аннѣ Давыдовнѣ Абамеликъ, впослѣдствіи вышедшей за Баратынскаго, брата поэта [1]).

Напеч. впервые въ „От. Зап.“ 1840, № 1.

Когда-то, помню съ умиленьемъ,
Я смѣлъ васъ няньчить съ восхищеньемъ:
Вы были дивное дитя.
Вы расцвѣли: съ благоговѣньемъ
Вамъ нынѣ поклоняюсь я.
За вами сердцемъ и глазами
Съ невольнымъ трепетомъ ношусь,
И вашей славою и вами,
Какъ нянька старая, горжусь.

---

221. Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я...

(1832).

Въ этомъ стихотвореніи особенно ярко выражается указанное критиками (см. № 167) то высокое человѣческое чувство, которое неоднократно выражалось Пушкинымъ въ стихотвореніяхъ всѣхъ періодовъ его дѣятельности. Ср. №№ 16 и 20 (1816), 167 и 183 (1829) и позднѣйшее стих.:

„Вновь я посѣтилъ“ (1835, № 239).

Бѣлинскій (1844) писалъ, что стихотвореніе это „отзывается чѣмъ-то благоуханно-святымъ въ испытанномъ, но не побѣжденномъ жизнію поэтѣ“

Напеч. впервые въ „Альманахѣ“ на 1838 г. Владиславлева. 10-й стихъ опущенъ во всѣхъ изданіяхъ.

---

[1]) См. Ефремова, Соч. II. 1882, стр. 644.

Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу
Волненіямъ любви безумно предаваться!
Спокойствіе мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться.
Нѣтъ, полно мнѣ любить! Но почему жъ порой
Не погружуся я въ минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдетъ передо мной
Младое, чистое, небесное созданье?
Прейдетъ и скроется!.. Ужель не можно мнѣ
. . . .
Глазами слѣдовать за ней, и въ тишинѣ
Благословлять ее на радость и на счастье,
И сердцемъ ей желать всѣ блага жизни сей:
Веселья, миръ души, безпечные досуги,
Все... даже счастіе того, кто избранъ ей,
Кто милой дѣвѣ дастъ названіе супруги?

27 октября, 1832 г.

ПОДРАЖАНІЯ ДРЕВНИМЪ.

(1833).

Этими антологическими піесами началъ Пушкинъ новый 1833 годъ: первая написана въ самый новый годъ, вторая—12 января.

Всѣ онѣ написаны гексаметромъ.

Первыя 2 стихотворенія появились въ „Библ. для. Чт.“ 1834, т. V, 3-е у Анненкова.

---

223. Изъ Аѳенея.

Аѳеней—грамматикъ, собиравшій фрагменты различныхъ поэтовъ; имени поэта, которому принадлежитъ этотъ отрывокъ, Пушкинъ не приводитъ.

Аѳеней эту эпиграмму приписываетъ поэту Гедилу. Пушкинъ перевелъ ее съ французскаго перевода [1]), который и приводимъ здѣсь:

„Théon, le monaule, gît sous ce monument, lui qui faisoit même les charmes des Mimes aux orchestres. Skirpalus (son père) ayant déjà perdu la vue de vieillesse, l'eut pour fils. Il se fit présenter cet enfant, célébrant le jour de la naissance de *lui, qui eut la main si habile*, et lui donna ce nom (Théon), pour indiquer par-là quelle seroit la douceur de ses accens. Théon célébra sur sa flûte les jeux des Muses, animés de la liqueur bachique: que dis-je, au milieu des cratères de vin pur il célébra Battalus, cet agréable buveur, cet enjoué Bat-

---

[1]) Banquet des savans, par Athénée. Traduit tant sur les textes imprimés, que sur plusieurs manuscrits, par M. Lefebure de Villebrune. A. Paris. Chez Lamy. De l'imprimerie de Monsieur MDCCLXXXIX. См. t. II, стр. 178 и 179.

talus, ce beau Battalus. Dites donc, *en passant*, au Calamauléte Théon, bonjour, Théon!“ ²).

(„Подъ этимъ памятникомъ флейта, Ѳеонъ, который составлялъ очарованіе даже мимъ въ орхестрахъ. Скирпалъ (отецъ его), уже потерявъ отъ старости зрѣніе, родилъ его. Онъ велѣлъ представить себѣ это дитя, празднуя день рожденія его, который имѣлъ столь искусную руку, и далъ ему имя (Ѳеонъ), чтобы тѣмъ указать, какова будетъ сладость его звуковъ. Ѳеонъ прославлялъ на своей флейтѣ игры музъ, одушевленныя влагою Вакха. Что я говорю? среди кратеръ чистаго вина онъ прославлялъ Ваттала, этого пріятнаго бражника, этого великаго Ваттала, этого красавца Ваттала. Скажите же, проходя мимо, флейтисту Ѳеону: здравствуй, Ѳеонъ“!)

Славная флейта, Ѳеонъ, здѣсь лежитъ. Предводителя хоровъ
Старецъ, ослѣпшій отъ лѣтъ, нѣкогда Скирпалъ родилъ,
И, вдохновенный, нарекъ онъ младенца Ѳеономъ. За чашей
Сладостно Вакха и музъ славилъ пріятный Ѳеонъ.
Славилъ и Вáтала онъ, молодого красавца. Прохожій!
Мимо гробницы спѣша, вымолви: Здравствуй, Ѳеонъ!

---

223. Изъ Ксенофана Колофонскаго.

За неимѣніемъ свѣдѣній, какому переводу слѣдовалъ Пушкинъ при своемъ переводѣ этого стихотворенія (и слѣдующаго за нимъ), здѣсь предлагается сличеніе обоихъ съ подлинниками греческими.

Ксенофанъ, родомъ изъ Колофона, жилъ въ VI вѣка до Р. Х. На 25 году своей жизни онъ былъ изгнанъ по неизвѣстной причинѣ изъ отечества, и нѣкоторое время скитался рапсодомъ, а потомъ жилъ попеременно въ различныхъ городахъ Великой Греціи и Сициліи. Въ 536 г. онъ основалъ въ фокейской колоніи Элеѣ (въ Луканіи) знаменитую впослѣдствіи философскую школу ¹). Онъ писалъ дидактическія поэмы и элегіи.

---

²) Греч. текстъ, приложенный франц. переводчикомъ:

Τοῦτο Θέων ὁ μόναυλος ὑπ' ἠρίον ὁ γλυκὺς οἰκεῖ
αὐλητής, μίμων κὴν θυμέλῃσι χάρις·
τυφλὸς ὑπαὶ γήρως εἶχεν καὶ Σκίρπαλος υἱόν·
νήπιον ἠδ' ἐκάλει Σκίρπαλος, εὐπαλάμου
ἀείδων αὐτοῦ τα γενέθλια. τοῦτο τ' ἔθηκε
τοὔνομα, τῆς μολπῆς ἥδυμα σημανέων.
ηὔλει δὴ γλευκει μεμεθυσμένα παίγνια μουσῶν.
νὴ, τὸν ἐν ἀκρήτοις Βάτταλον ἡδυπότην,
καὶ κότιλον, καὶ πάγκαλον. ἀλλὰ Θέωνι
τῷ καλαμαυλήτῃ εἴπατε· χαῖρε Θέων.

¹) Философское ученіе свое Ксенофанъ изложилъ въ поэмѣ: „О природѣ“ (περὶ φύσεως). Считая божество единымъ и вѣчнымъ, онъ отвергалъ всякій антропоморфизмъ.

Содержаніемъ его элегій нерѣдко служитъ описаніе пировъ, но и въ нихъ есть дидактическій элементъ: такъ, описаніе приготовленія къ пиру въ элегіи, переведенной Пушкинымъ, Ксенофанъ заключаетъ требованіемъ, чтобы послѣ возліянія воспѣвалась добродѣтель, а не битвы Титановъ и Гигантовъ. Размѣръ элегіи пентаметръ. Вотъ подстрочный переводъ ея:

„Вотъ уже чисты и полъ, и руки всѣхъ, и чаши. Одинъ (отрокъ) вѣнчаетъ сплетенными вѣнками, а другой подаетъ въ чашахъ благовонную мазь. Стоитъ кратера, полная услады; въ кувшинахъ готово и вино, которое обѣщаетъ никогда не изсякнуть; сладкое, виннымъ устоемъ пахнетъ оно. А посрединѣ ладанъ издаетъ священное благоуханіе. Готова и студеная вода, вкусная и чистая. Лежатъ золотистые хлѣбы, и пышный столъ отягченъ сыромъ и обильнымъ медомъ. Посрединѣ—жертвенникъ убранъ со всѣхъ сторонъ цвѣтами. Пѣніе и клики радости оглашаютъ домъ. Но мужамъ, предавшимся веселью, надлежитъ сначала славить бога благоговѣйными повѣствованіями и рѣчами чистыми, а совершивъ возліяніе и помолившись о томъ, чтобъ имѣть силы на дѣла справедливыя (ибо, они, конечно, легче, чѣмъ высокомѣріе), потомъ пить столько, чтобъ дойти домой безъ помощи слуги, если кто не очень старъ; изъ мужей же должно прославлять того, кто услаждаетъ вино прекрасными рѣчами о томъ, сколь долговѣчна память о добродѣтели и ея слава,—того, кто не разсказываетъ ни о битвахъ Титановъ и Гигантовъ ни о дѣлахъ Кентавровъ—измышленія предковъ,—ни о страшныхъ распряхъ; нѣтъ въ нихъ никакой пользы: а полезно всегда поминать о богахъ“ 1).

---

1) Νῦν γὰρ δὴ ζάπεδον καθαρὸν καὶ χεῖρες ἁπάντων
καὶ κύλικες· πλεκτοὺς δ' ἀμφιτιθεῖ πτεφάνους,
ἄλλος δ' εὐῶδες μύρον ἐν φιάλησι προτείνει·
κρατὴρ δ' ἕστηκεν μεστὸς ἐϋφροσύνης·
ἄλλος δ' οἶνος ἑτοῖμος, ὅς οὔποτέ φησι προδώσειν,
μειλίχος ἐν κεράμοις, ἄνθεος ὀσδόμενος·
ἐν δὲ μέσοις ἁγνὴν ὀδμὴν λιβανωτὸς ἵησιν,
ψυχρὸν δ' ἔστιν ὕδωρ καὶ γλυκὺ καὶ καθαρόν.
πάρκειται δ' ἄρτοι ξανθεὶ γεραρή τε τράπεζα
τυροῦ καὶ μέλιτος ἀχθομένη.
βωμὸς θ' ἄνθεσιν ἀν τὸ μέσον πάντη πεπύκασται,
μολπὴ δ' ἀμφὶς ἔχει δώματα καὶ θαλίη
χρὴ δὲ πρῶτον μὲν θεὸν ὑμνεῖν εὔφρονας ἄνδρας
εὐφήμοις μύθοις καὶ καθαροῖσι λόγοις.
σπείσαντας δὲ καὶ εὐξαμένους τὰ δίκαια δύνασθαι
πρήσσειν—ταῦτα γὰρ ὦν ἐστι προχειρότερον,
οὐχ ὕβρις,—πίνειν ὁπέσον κεν ἔχων ἀφίκοιο
οἴκαδ' ἄνευ προπόλου, μὴ πάνυ γηραλέος.
ἀνδρῶν δ' αἰνεῖν τοῦτον ὃς ἐσθλὰ πιὼν ἀναφαίνει,
ὅσση μνημοσύνη καὶ λόγος ἀμφ' ἀρετῆς,
οὔτι μάχας διέπει Τιτήνων οὐδὲ Γιγάντων,
οὐδὲ τὰ Κενταύρων, πλάσματα τῶν προτέρων,
ἢ στάσιας· σφεδανάς, τοῖς οὐδὲν χρηστὸν ἔνεστιν,
θεῶν δὲ προμηθείην αἰεὶ ἔχειν ἀγαθόν.

Переводъ Пушкина, въ общемъ—близкій къ подлиннику, исключилъ все прозаическое греческаго образца. Онъ смягчалъ и дидактизмъ подлинника, значительно отступивъ въ концѣ піесы отъ наставленія Ксенофана. Сохранивъ требованіе молитвы о правдѣ, все остальное наставленіе у Пушкина заключено въ одномъ выразительномъ послѣднемъ стихѣ. Въ самой картинѣ приготовленной къ пиру залы переводъ пластичнѣе подлинника. Исключительно описательный пріемъ Ксенофана искусно оживленъ изображеніемъ гостей въ ожиданіи пира (ст. 2 и 3), отчего стихотвореніе выигрываетъ еще болѣе въ изобразительности.

Но эти незначительныя отступленія, сверхъ того, придали произведенію еще одно, болѣе важное достоинство. Двумя-тремя легкими чертами выразивъ нетерпѣніе собравшихся гостей, Пушкинъ осмыслилъ весь поучительный монологъ поэта. Послѣ изображенія гостей, ищущихъ зауряднаго чувственнаго наслажденія, рѣчь хозяина является кстати. Притомъ Пушкинъ вложилъ въ уста мудраго хозяина рѣчь дружескую, чуждую всякаго ригоризма. Это—мудрецъ добродушный; онъ близокъ гостямъ своимъ, но читатель чувствуетъ его „необщее выраженіе“ и вѣритъ въ силу его слова болѣе, нежели въ холодную проповѣдь Ксенофана. Такимъ образомъ въ небольшомъ отрывкѣ выступаютъ передъ нами живыя лица гостей и не менѣе живой мудрецъ-хозяинъ. Ни того, ни другого въ греческомъ подлинникѣ нѣтъ.

Бѣлинскій (1841) приводитъ это стихотвореніе вмѣстѣ въ „Нереидой“ и піесою: „Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила“ (1835), какъ образецъ произведеній въ антологическомъ родѣ, въ которыхъ „дивная гармонія стиха сочеталась съ самымъ роскошнымъ пластицизмомъ образовъ: это мраморныя изваянія, которыя дышатъ музыкой“. Выписавъ эти стихотворенія, Бѣлинскій прибавляетъ: „эти три піесы могутъ служить высочайшимъ идеаломъ антологической поэзіи“.

„Пушкинъ“, замѣчаетъ Бѣлинскій, „никогда не оставлялъ совершенно этого рода стихотвореній (т.-е. антологическаго рода); но въ первую пору своей поэтической дѣятельности особенно много писалъ ихъ. Это понятно: созерцаніе любви и наслажденій жизни въ духѣ древнихъ особенно соотвѣтствуетъ эпохѣ юности каждаго человѣка“. Затѣмъ слѣдуетъ перечисленіе всѣхъ произведеній Пушкина въ духѣ древнихъ: №№: 51, 53, 54, 60, 105, 154, 208, 209, 211, 222, 223, 229, 230, 232, 233, 234, 235, „Дорида“, „Нереида“, Доридѣ“ (1820), „Діонея“ (1821), „Красавица передъ зеркаломъ“ (1821), „Ночь“ (1823), „Сафо“ (1825). Сюда слѣдуетъ еще прибавить № 58 и 231.

Чистый лоснится полъ, стеклянныя чаши блистаютъ;
Всѣ ужъ увѣнчаны гости; иной обоняетъ, зажмурясь,
Ладана сладостный дымъ; другой открываетъ амфору,
Запахъ веселый вина разливая далече; сосуды
Свѣтлой студеной воды, золотистые хлѣбы, янтарный
Медъ и сыръ молодой—все готово; весь убранъ цвѣтами
Жертвенникъ. Хоры поютъ. Но въ началѣ трапезы, о други,
Должно творить возліянья, вѣщать благовѣщія рѣчи,

Должно безсмертныхъ молить, да сподобятъ насъ чистой душою
Правду блюсти: вѣдь оно жъ и легче. Теперь мы приступимъ:
Каждый въ мѣру свою напивайся. Бѣда не велика
Въ ночь, возвращаясь домой, на раба опираться, но слава
Гостю, который за чашей бесѣдуетъ мудро и тихо.

---

224. Вино.

(Іонъ хіосскій).

Вотъ подстрочный переводъ подлинника:

„О неукротимое волоокое дитя, юноша не юноша, пріятнѣйшій служитель шумной любви, вино, возбуждающее душу, владыко людей“ [1]).

Злое дитя, старикъ молодой, властелинъ добронравный,
Шумный защитникъ обидъ, милый заступникъ любви.

---

225. Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума.

(1833).

Это оригинальное стихотвореніе, по указанію Анненкова (1855), было написано одновременно съ „Мѣднымъ всадникомъ“, слѣдовательно во время пребыванія въ Болдинѣ, въ октябрѣ.

Напеч. впервые въ изданіи 1838 г.

---

1 Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума;
Нѣтъ, легче посохъ и сума,
Нѣтъ, легче трудъ [2]) и гладъ.

2 Не то, чтобъ разумомъ моимъ
Я дорожилъ, не то, чтобъ съ нимъ
Разстаться былъ не радъ.

3 Когда бъ оставили меня
На волѣ, какъ бы рѣзво я
Пустился въ темный лѣсъ!

4 Я пѣлъ бы въ пламенномъ бреду
Я забывался бы въ чаду
Нестройныхъ, чудныхъ грезъ.

5 Силенъ и [a] воленъ былъ бы я,
Какъ вихорь, роющій поля,
Ломающій лѣса.

6 И я бъ заслушивался волнъ,
И я глядѣлъ бы, счастья полнъ,
Въ пустыя небеса.

---

a И силенъ (Изд. в. н. л. и у. Кромѣ того тамъ обратный порядокъ строфъ 5 и 6).

---

1) Ἄδαμον
παῖδα ταυρωπόν, νέον οὐ νέον, ἥδιστον πρόπολον
βαρυγδούπων ἐρωτων, οἶνον ἀερσίνοον,
ἀνθρώπων πρύτανιν.

2) См. стр. 330, вын.

7 Да вотъ бѣда: сойди съ ума,
И страшенъ будешь какъ чума;
Какъ разъ тебя запрутъ:

8 Посадятъ на цѣпь дурака,
И сквозь рѣшетку, какъ звѣрка,
Дразнить тебя придутъ.

9 А ночью слышать буду я
Не голосъ яркій соловья,
Не шумъ глухой лѣсовъ,

10 А крикъ товарищей моихъ,
Да брань смотрителей ночныхъ,
Да визгъ, да звонъ оковъ.

---

226. Мицкевичъ.

(1834).

Адамъ Мицкевичъ (1798—1855), извѣстнѣйшій польскій поэтъ, происходилъ изъ шляхты Новогрудскаго уѣзда Минской губ. Получивъ первоначальное воспитаніе въ домѣ родителей, 10-ти лѣтъ онъ былъ отданъ въ Новогрудскую школу отцовъ доминиканцевъ. Когда ему исполнилось 13 лѣтъ, обученіе его здѣсь было прервано политическими событіями 1812 года. Школы закрылись, и Мицкевичъ былъ отправленъ домой. Здѣсь временно проживавшій у его родителей легіонеръ, старый полякъ, вступившій въ польскіе легіоны Наполеона, увлекъ юношу. Въ надеждѣ послужить возстановленію погибшаго отечества, этотъ полякъ проливалъ кровь подъ знаменами Наполеона за чужое дѣло въ Италіи и Испаніи. Юный Мицкевичъ поступилъ тоже въ польскій легіонъ, но прослужилъ въ немъ не долго, принявъ однакоже участіе въ нѣсколькихъ схваткахъ съ русскими передовыми постами.

Окончивъ затѣмъ ученіе въ школѣ, Мицкевичъ 17-ти лѣтъ поступилъ (въ 1815 г.) въ Виленскій университетъ по физико-математическому факультету, а потомъ перешелъ на словесный факультетъ. Кромѣ классическихъ литературъ, здѣсь изучалась и польская литература, и всеобщая. Исторію преподавалъ польскій патріотъ Лелевель. Удовлетвореніе любознательности соединялось здѣсь съ политическими мечтаніями, что впослѣдствіи и было причиною закрытія Виленскаго университета.

Первые поэтическіе опыты Мицкевича были во вкусѣ отживавшей ложноклассической школы. Но знакомства съ балладою Жуковскаго „Людмила“ обратило его къ новому роду—къ балладѣ и романтической поэзіи.

Окончивъ курсъ въ университетѣ, Мицкевичъ занялъ мѣсто учителя латинскаго языка въ Ковно, но связей съ виленскимъ кругомъ не прерывалъ. Въ 1823 году ему было предложено отправиться на службу за предѣлами западнаго края. Мицкевичъ сначала избралъ Одессу, надѣясь получить мѣсто въ Ришельевскомъ Лицеѣ. Посѣтивъ осенью 1825 года южный берегъ Крыма, онъ написалъ свои „Крымскіе сонеты“. Не получивъ мѣста въ Одессѣ, переѣхалъ онъ въ Москву. Здѣсь онъ былъ радушно принятъ литературнымъ кругомъ. Въ 1827 г. ему было разрѣшено пріѣхать въ Петербургъ, откуда черезъ два года онъ уѣхалъ за границу въ Италію. Польское возстаніе внушило ему мысль принять въ немъ участіе, но когда онъ поѣхалъ на родину, Варшава уже сдалась Паскевичу (см. стр. 361), и ему оставалось вести жизнь польскаго эмигранта. Мицкевичъ поселился въ Дрезденѣ, а потомъ, въ 1832 году,

преѣхалъ въ Парижъ. Въ то время онъ началъ свою поэму въ 12 пѣсняхъ „Панъ Тадеушъ“.

Въ декабрѣ 1834 г. Мицкевичъ въ Парижѣ принялъ участіе въ основаніи польскаго религіознаго общества „Соединенныхъ братьевъ“. Женившись, занялъ онъ каѳедру латинской литературы въ Лозаннѣ. Наконецъ въ 1840 г. ему была предложена каѳедра славянскихъ литературъ въ Collège de France. Поддавшись мистическому сектантству, Мицкевичъ не принесъ пользы наукѣ и лишился каѳедры. Принявъ участіе въ замыслахъ бонапартизма, онъ былъ нѣкоторое время редакторомъ политической газеты (Tribune de peuple), закрытой въ 1849 году, и занялъ мѣсто библіотекаря при арсенальной парижской библіотекѣ.

Воцареніе Наполеона III не отрезвило Мицкевича; онъ продолжалъ вѣрить въ возрожденіе Польши при помощи бонапартизма. Въ началѣ крымской компаніи онъ отправился въ Константинополь съ порученіемъ отъ французскаго правительства содѣйствовать образованію польскихъ легіоновъ въ Турціи, но лихорадка быстро свела его въ могилу. Онъ умеръ 28 ноября 1885 года въ Константинополѣ, откуда тѣло его было перевезено въ Парижъ.

Знакомство Пушкина съ знаменитымъ польскимъ поэтомъ относится къ той порѣ жизни Мицкевича, когда онъ, получивъ пособіе отъ щедротъ русскаго государя, переѣхалъ изъ Одессы въ Москву и былъ причисленъ къ канцеляріи московскаго генералъ-губернатора кн. Голицына. На мирной почвѣ художественнаго творчества было возможно искреннее сближеніе поэтовъ между собою. Слава, предшествовавшая пріѣзду талантливаго поэта, и лестные отзывы русской критики (напр. кн. Вяземскаго) объ его произведеніяхъ открыли ему входъ въ лучшіе дома московскіе. Въ то время польскій вопросъ еще не обострялся. Все располагало образованное общество къ Мицкевичу. Онъ былъ уменъ, благовоспитанъ, одушевленъ въ бесѣдахъ, утонченно вѣжливъ. Литературный кругъ, въ который вошелъ онъ въ Москвѣ, составляли Баратынскій, Кирѣевскій, Елагинъ, Хомяковъ, Полевой, Шевыревъ, Соболевскій, Погодинъ и др. Въ Петербургѣ также воспользовался онъ радушіемъ кн. Вяземскаго, Жуковскаго, Козлова и Пушкина.

О времени перваго знакомства Пушкина съ Мицкевичемъ нѣтъ положительныхъ свѣдѣній. По всей вѣроятности, оно состоялось въ Москвѣ въ 1826 г., когда оба поэта посѣщали салонъ княгини Зинаиды Александровны Волконской (см. № 128).

Обладая даромъ импровизаціи, Мицкевичъ приводилъ имъ въ восторгъ слышавшихъ его. Въ Москвѣ, на обѣдѣ, данномъ въ честь Пушкина, предложено было нѣсколько темъ, Мицкевичу по жребію досталась тема: „Смерть константинопольскаго патріарха, убитаго турецкою черныо, котораго тѣло было брошено въ море и всплыло около Одессы“. Простоявъ нѣсколько минутъ въ молчаніи и сосредоточившись, Мицкевичъ началъ свою импровизацію. Она была такъ удачна, что Пушкинъ, потрясенный ею глубоко, въ восторгѣ обнялъ Мицкевича и осыпалъ поцѣлуями.

Благодаря содѣйствію друзей и особенному участію кн. З. А. Волконской, Мицкевичъ получилъ дозволеніе ѣхать за границу. Друзья почтили поэта прощальнымъ обѣдомъ и поднесли ему серебряный бокалъ съ вырѣзанными на немъ именами нѣсколькихъ литераторовъ.

Въ отрывкѣ „Мицкевичъ“ чуткая душа Пушкина отозвалась на уклоненіе Мицкевича съ пути разума и чести. Но какимъ высокимъ чувствомъ всепрощенія завершаетъ онъ этотъ упрекъ поэту, ставшему врагомъ его отечества!

Напеч. впервые въ изд. 1838 г.

....Онъ между нами жилъ,
Средь племени ему чужого; злобы[а]
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ; мы[б]
Его любили. Мирный, благосклонный
Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами[в],
И пѣснями (онъ вдохновенъ былъ свыше
И съ высоты[г] взиралъ на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ[д],
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся[е].
Мы жадно слушали поэта. Онъ[ж]
Ушелъ на Западъ—и благословеньемъ
Его мы проводили[з]. Но теперь
Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ и нынѣ
Въ своихъ стихахъ, угодникъ черни буйной[и],
Поетъ онъ ненависть: издалека[і]
Знакомый голосъ злобнаго поэта[к]
Доходитъ къ намъ!.. О Боже! возврати[л]
Твой миръ въ его озлобленную душу[м]!

10 августа 1834, Спб.

---

227. Къ Николаю I.

(1834).

Это стихотвореніе вызвано личностію императора Николая (ср. №№ 127, 145, 212).

„Какъ мѣтко выражался Пушкинъ“, писалъ Гоголь Жуковскому (1845), „какъ понималъ онъ значеніе великихъ истинъ! „Это внутреннее существо, силу самодержавнаго монарха, онъ даже отчасти выразилъ въ одномъ своемъ стихотвореніи, которое между прочимъ ты самъ напечаталъ въ посмертномъ собраніи его сочиненій, выправилъ даже въ немъ стихъ, а смыслъ не угадалъ. Тайну его теперь открою. Я говорю объ одѣ Императору Николаю,

---

[а] враждебнаго; но злобы...— [б] Въ своей душѣ къ намъ не питалъ, и мы...— [в] и чашей и мечтами.— [г] (онъ былъ изъ вдохновенныхъ... И глубоко.—[д] времени грядущемъ.— [е] Онъ не любилъ крикливой клеветы. Чуждался онъ (пустого) вольнодумства... — [ж] Мы жадно слушали его. Но онъ отъ насъ. — [з] Мы проводили друга нашего. — [и] Проклятья шлетъ и ядомъ напояетъ.— [і] Свои стихи въ угоду черни буйной.— [к] Печально. Слышимъ издали его.— [л] И молимъ Бога, да прольетъ онъ кротость.—[м] Въ озлобленную душу. (Чернов. рукоп.).

появившейся въ печати подъ скромнымъ именемъ: „Къ Н**.“ Вотъ ея происхожденіе. Былъ вечеръ въ Аничковомъ дворцѣ, одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, къ которымъ, какъ извѣстно, приглашались одни избранные изъ нашего общества. Между ними былъ тогда и Пушкинъ. Все въ залахъ уже собралося, но государь долго не выходилъ. Отдалившись отъ всѣхъ въ другую половину дворца и воспользовавшись первой досужей отъ дѣлъ минутой, онъ развернулъ Иліаду и увлекся нечувствительно ея чтеніемъ во все то время, когда въ залахъ давно уже гремѣла музыка и кипѣли танцы. Сошелъ онъ на балъ уже нѣсколько поздно, принеся на лицѣ своемъ слѣды иныхъ впечатлѣній. Сближеніе этихъ двухъ противоположностей скользнуло незамѣченнымъ для всѣхъ, но въ душѣ Пушкина оно оставило сильное впечатлѣніе, и плодомъ ея была величественная ода“.

Напеч. впервые въ IX т. посмертнаго изданія подъ загл.: „Къ Н.***“ (1841).

Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ;
        Тебя мы долго ожидали;
И свѣтелъ ты сошелъ съ таинственныхъ вершинъ,
        И вынесъ намъ свои скрижали.
И что жъ? Ты насъ обрѣлъ въ пустынѣ подъ шатромъ,
        Въ безумствѣ суетнаго пира,
Поющихъ буйну пѣснь и скачущихъ кругомъ
        Отъ насъ созданнаго кумира.
Смутились мы, твоихъ чуждаяся лучей.
        Въ порывѣ гнѣва и печали
Ты проклялъ насъ, безсмысленныхъ дѣтей,
        Разбивъ листы своей скрижали...
Нѣтъ, ты не проклялъ насъ!.. Ты любишь съ высоты
        Скрываться въ [a] тѣнь долины малой,
Ты любишь громъ небесъ, и также внемлешь ты
        Журчанью пчелъ надъ розой алой [б].

---

228. Изъ Горація.

(1835).

„Пушкинъ“, пишетъ Анненковъ, „началъ (въ 1835 г.) повѣствованіе изъ быта древняго міра, съ намѣреніемъ выразить его ложное языческое

---

[a] Сходить подъ...—[б] Въ рукописи находятся еще слѣдующіе 8 стиховъ:
Таковъ прямой поэтъ. Онъ сѣтуетъ душой
        На пышныхъ играхъ Мельпомены—
И улыбается забавѣ площадной
        И вольности лубочной сцены.
То Римъ его зоветъ, то гордый Альбіонъ,
        То скалы старца Оссіана,
И съ дѣтской легкостью межъ тѣмъ летаетъ онъ
        Вослѣдъ Бовы иль Еруслана.
Это примѣненіе къ поэту служитъ прекраснымъ дополненіемъ характеристики поэта, заключающейся въ №№ 139, 140, 158 и 191.

понятіе о смерти. (См. отрывки этой повѣсти въ IV т. „Соч. Пушк.") Въ ней помѣщены отрывки изъ классическихъ лириковъ (№№ 228, 230, 231). Всѣ эти стихотворенія найдены послѣ смерти Пушкина въ одномъ пакетѣ.

Первое изъ этихъ стихотвореній („Изъ Горація") есть прекрасный переводъ VII-й оды книги II Горація, написанной при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Горацій находился въ Аѳинахъ, предаваясь занятіямъ по философіи, когда былъ привлеченъ въ походъ Брутомъ, бывшимъ тогда въ Ахаіи и Аѳинахъ. Горацій принималъ участіе въ битвѣ при Филиппахъ (42 г. до Р. Х.), въ которой Брутъ былъ разбитъ Августомъ и погибъ. Во время своей военной службы Горацій имѣлъ товарищемъ Помпея Вара, который послѣ пораженія при Филиппахъ, не разстался съ оружіемъ, какъ то сдѣлалъ Горацій, но примкнулъ къ остаткамъ Брутовой арміи и участвовалъ въ новой войнѣ. Послѣ окончательнаго пораженія, Помпей Варъ возвратился однако невредимымъ: по этой причинѣ въ своей одѣ Горацій и поздравляетъ его со спасеніемъ и приглашаетъ къ пиру. Вотъ близкій переводъ этой оды:

„Помпей, первый изъ моихъ друзей, подвергавшійся вмѣстѣ съ мной часто крайней опасности, когда Брутъ былъ начальникомъ войска, кто возвратилъ тебя римскимъ гражданиномъ отечественнымъ богамъ и небу Италіи? (ты), съ которымъ я часто виномъ короталъ медленный день, увѣнчавъ волосы, умащенные сирійскимъ малобатромъ. Съ тобою испыталъ я (на себѣ битву) при Филиппахъ и быстрое бѣгство, нечестно оставивши свой щитъ, когда была сокрушена (наша) храбрость и грозные (воины) постыдно коснулись подбородками земли. Но быстрый Меркурій унесъ меня испуганнаго черезъ (ряды) непріятелей въ густомъ туманѣ; тебя же опять поглощающая волна унесла на войну по бурному морю. Устрой же по обѣту пиръ Юпитеру и склонись, утомленный долгой войною, подъ моимъ лавромъ и не жалѣй кубковъ, предназначенныхъ тебѣ. Наполни гладкіе бокалы массійскимъ виномъ, подателемъ забвенія, и вылей благовонія изъ вмѣстительныхъ сосудовъ. Кто позаботится сдѣлать поскорѣй вѣнки изъ влажнаго сельдерея и мирта? Кого Венера назначитъ распорядителемъ пира? Я предамся безумному веселью не хуже ѳракійцевъ; мнѣ пріятно безумствовать, получивши назадъ своего друга" [1]).

Напеч. впервые во „Сынѣ Отеч." 1840, № 22.

---

[1]) O saepe mecum tempus in ultimum
Deducte Bruto militiae duce,
Quis te redonavit Quiritem.
Dis patriis Italoque caelo,
Pompei meorum prime sodalium,
Cum quo morantem saepe diem mero
Fregi, coronatus nitentes
Malobathro Syrio capillos.
Tecum Philippos et celerem fugam
Sensi relicta non bene parmula,
Quum fracta virtus et minaces
Turpe solum tetigere mento.
Sed me per hostes Mercurius celer
Denso paventem sustulit aëre;
Te rursus in bellum resorbens
Unda fretis tulit aestuosis.
Ergo obligatem redde Iovi dapem
Longaque fessum militia latus
Depone sub lauro mea, nec.
Parce cadis tibi destinatis.
Oblivioso levia Massico
Ciboria exple, funde capacibus
Ungenta de conchis. Quis udo
Deproperare apio coronas
Curatve myrto? quem Venus arbitrum
Dicet bibendi? Non ego sanius
Bacchabor Edonis: recepto
Dulce mihi furere est amico.

1 Кто изъ боговъ мнѣ возвратилъ
Того, съ кѣмъ первые походы
И браней ужасъ я дѣлилъ,
Когда за призракомъ свободы
Насъ Брутъ отчаянный водилъ;
Съ кѣмъ я тревоги боевыя
Въ шатрѣ за чашей забывалъ,
И кудри, плющемъ увитыя,
Сирійскимъ мѵрромъ умащалъ?

3 Ты помнишь часъ ужасной битвы,
Когда я, трепетный квиритъ,
Бѣжалъ, нечестно бросивъ щитъ,
Творя обѣты и молитвы?
Какъ я боялся, какъ бѣжалъ!
Но Эрмій самъ незапной тучей
Меня покрылъ и вдаль умчалъ,
И спасъ отъ смерти неминучей.

3 А ты, любимецъ первый мой,
Ты снова въ битвахъ очутился...
И нынѣ въ Римъ ты возвратился,
Въ мой домикъ темный и простой.
Садись подъ сѣнь моихъ пенатовъ;
Давайте чаши! Не жалѣй
Ни винъ моихъ, ни ароматовъ!
Готовы чаши, мальчикъ? лей!
Таперь не кстати воздержанье:
Какъ дикій скиѳъ хочу я пить,
И, съ другомъ празднуя свиданье,
Въ винѣ разсудокъ утопить.

---

229. LVII ода Анакреона.

(1835).

О назначеніи этого перевода см. вступительную замѣтку къ № 228. Это подражаніе [1]).

Напеч. впервые въ т. IX посмертнаго изд. (1841).

---

[1]) Вотъ переводы этой пѣсни Анакреона:

Переводъ Бажанова (1861):

Къ себѣ самому;

Ну, давай мнѣ, мальчикъ, чашу.
Пить мнѣ хочется ужасно.
Влей въ нее воды ты десять,
А вина лишь пять ціатовъ (ковшовъ);
Такъ чтобъ могъ я упиваясь
Пировать межъ тѣмъ спокойно.
Ну, давай же поскорѣе!
Мы не станемъ съ шумомъ, съ гамомъ
Напиваться такъ, какъ скиѳы
На пирахъ своихъ, а будемъ
Тихо пить подъ звуки пѣсенъ.

Что же сухо въ чашѣ дно?
Наливай мнѣ, мальчикъ рѣзвый;
Только пьяное вино
Раствори водою трезвой.
Мы не скиѳы; не люблю,
Други, пьянствовать безчинно.
Нѣтъ! за чашей я пою
Иль бесѣдую невинно

---

230. Изъ Анакреона.

(1835).

О назначеніи этого перевода см. вступ. зам. въ № 228. Это—довольно близкій переводъ LV оды [2]).

Напеч. впервые въ IX т. посмертнаго изданія (1841).

Узнаемъ коней ретивыхъ
Мы но выжженнымъ таврамъ;
Узнаёмъ пареянъ кичливыхъ
По высокимъ клобукамъ;
Я любовниковъ счастливыхъ
Узнаю по ихъ глазамъ [а].

6 января, 1835 г.

---

231. LVI ода Анакреона.

(1835).

О назначеніи и этого стихотворенія см. вступ. зам. къ № 228. Это—тоже переводъ [3]).

Напеч. впервые въ „Матеріалахъ“ Анненкова.

[а] Въ рукописи есть еще два стиха:

Въ нихъ сіяетъ пламень томный,
Наслажденій знакъ нескромный.

Переводъ Мея:

Умѣренность.

Отрокъ, дай большую чашу—
Вдоволь пить хочу изъ ней—
Но воды кіаѳовъ десять,
А вина лишь пять налей:
Чтобы принялъ благосклонно
Возліянье бассарей.
(*чрезъ нѣсколько времени*)
Что жъ ты? лей вино скорѣе!
Мы сумѣемъ избѣжать
Ссоръ и пьяныхъ криковъ скиѳовъ,
И за полной чашей станемъ
Гимнъ согласный напѣвать.

[2]) Вотъ переводъ этой пѣсни Мея:

Влюбленнымъ.

Конямъ тавро на бедрахъ
Желѣзомъ выжигаютъ;
Пареянъ при первомъ взглядѣ.
По ихъ тіарамъ знаютъ.
А я, взглянувъ, влюбленныхъ
Узнать умѣю разомъ:
У нихъ на сердцѣ мѣтка,
Чуть видная глазомъ.

[3]) Вотъ новые переводы этой пѣсни Анакреона:

Порѣдѣли, побѣлѣли
Кудри—честь главы моей,
Зубы въ деснахъ ослабѣли,
И потухъ огонь очей.
Сладкой жизни мнѣ немного
Провожать осталось дней;
Парка счетъ ведетъ ихъ строго,
Тартаръ тѣни ждетъ моей.
Страшенъ хладъ подземна свода:
Входъ въ него для всѣхъ открытъ;
Изъ него же нѣтъ исхода;
Всякъ навѣки тамъ забытъ.

6 января (1835).

---

232. Богъ веселый винограда.

(1835).

Въ одинъ день съ предыдущимъ переводомъ изъ Анакреона (6 января) написано это стихотвореніе въ анакреонтическомъ родѣ, очевидно назначенное для той же цѣли (см. вступ. зам. къ № 228.).

Напеч. впервые въ IX т. посмертнаго изд. 1841 г.

Богъ веселый винограда
Позволяетъ намъ три чаши
Выпивать въ пиру вечернемъ:
Чаша первая харитамъ
Обнаженнымъ и стыдливымъ
Посвящается; вторая—
Краснощекому здоровью;
Третья—дружбѣ многолѣтней.
Мудрый послѣ третьей чаши,
Всѣ вѣнки съ главы слагая,
Совершаетъ возліянье
Благодатному Морфею.

Переводъ Бажанова (1861):
Къ себѣ самому.

У меня виски сѣдые,
Голова вся побѣлѣла,
Зубы стары, и ужъ юность
Безвозвратно улетѣла.
Мнѣ теперь уже немного
Жить осталось, наслаждаясь;
Потому-то я такъ часто
Плачу, тартара пугаясь.
Глубина его ужасна,
Входъ его не огороженъ,
Но вошедшему оттуда
Уже выходъ невозможенъ.

Переводъ Мея:
Старость.

На вискахъ сѣдѣетъ волосъ;
Побѣлѣла голова;
Юность рѣзвая умчалась;
Зубы держатся едва.
Не надолго сладкой жизни
Я причастнымъ остаюсь!
И дрожу при этой мысли:
Такъ я тартара боюсь!
Страшенъ тайный склепъ Плутона,
Страшенъ путь подземный въ адъ:
Кто пойдетъ по немъ однажды,
Не вернется ужъ назадъ.

233. Юноша скромно пируй...

(1835).

См. вступ. зам. къ № 228.

Въ этомъ двустишіи Пушкинъ возвратился къ гексаметру, которымъ онъ владѣлъ съ такимъ искусствомъ (ср. №№ 222, 223, 224).

Напеч. впервые въ IX т. посмертнаго изд. (1841).

Юноша! скромно пируй, и шумную Вакхову влагу
Съ трезвой струею воды, съ мудрой бесѣдой мѣшай.

---

234. Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила.

(1835).

См. вступ. зам. 228 и 222.

Одно изъ граціознѣйшихъ стихотвореній въ антологическомъ родѣ.

Напеч. впервые въ IX т. посмертнаго изд. (1841).

Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила;
Къ ней на плечо преклоненъ, юноша вдругъ задремалъ.
Дѣва тотчасъ умолкла, сонъ его легкій лелѣя,
И улыбалась ему, тихія слезы лія.

---

235. Мальчику.

(ИЗЪ КАТУЛЛА).

(1835).

См. вступ. зам. къ № 228.

Это довольно близкая передача 27-го стихотворенія Катулла, котораго неполный 1-й стихъ выписанъ Пушкинымъ передъ переводомъ. Вотъ близкій переводъ стих. Катулла.

„Мальчикъ-слуга! Налей мнѣ чашу стараго фалернскаго погорче, какъ велитъ законъ предсѣдательницы (оргій) Постуміи, которая жаднѣе до вина, чѣмъ впитывающая сокъ ягода. А ты, вода, погибель вина, удались отсюда, куда хочешь; отправляйся къ постникамъ: чистъ здѣсь напитокъ сына Тіоны (Вакха) [1]).

Напеч. впервые въ IX т. посмертнаго изд. (1841).

---

[1]) Minister vetuli puer Falerni,
Inger mi calices amariores.
Ut lex Postumiae iubet magistrae,
Ebrioso acino ebriosioris.
At vos quo lubet hinc abite lymphae,
Vini pernicies, et ab severos
Migrate: hic merus est Thyonianus.

Minister vetuli puer.

Пьяной горечью Фалерна
Чашу мнѣ наполни, мальчикъ!
Такъ Постумія велѣла,
Предсѣдательница оргій.
Ты же прочь, рѣчная влага,
И струей, вину враждебной,
Строгихъ постниковъ довольствуй:
Чистый намъ любезенъ Бахусъ.

---

236. Полководецъ.

(1835).

„Барклай-де-Толли, съ самаго начала своего служенія, обращалъ на себя всеобщее вниманіе своимъ изумительнымъ мужествомъ, невозмутимымъ хладнокровіемъ и отличнымъ знаніемъ дѣла. Эти свойства внушили нашимъ солдатамъ пословицу: „поглядя на Барклая, и страхъ не беретъ...“ Эта высокая личность... имѣла однако слабыя стороны: незнаніе русскаго языка... и малую природную смѣтливость къ окружающимъ и подчиненнымъ. Въ сумрачномъ, постоянно угрюмомъ, хотя и скромномъ, безстрашномъ, неутомимомъ и холодномъ, какъ мраморная статуя, Барклаѣ, проявилась впослѣдствіи сильная раздражительность, недовѣрчивость и несправедливость въ оцѣнкѣ чужихъ заслугъ. Начало этихъ недостатковъ должно искать въ тѣхъ ужасныхъ гоненіяхъ и непріятностяхъ, коимъ онъ подвергался въ 1812 году. Рядъ оскорбленій, испытанныхъ Барклаемъ послѣ пріѣзда Кутузова въ армію, и всеобщія неосновательныя клеветы въ измѣнѣ, коими его преслѣдовали послѣ отъ ѣзда изъ арміи, имѣли огромное вліяніе на его характеръ. Глубоко огорченный всѣмъ тѣмъ, что онъ видѣлъ и слышалъ, Барклай искалъ смерти въ Бородинскомъ сраженіи; онъ въ этомъ со слезами на глазахъ признался Ермолову... Барклай, испившій до дна чашу самыхъ горькихъ, незаслуженныхъ испытаній, въ то самое время, какъ дѣятельность его была посвящена благу Россіи, для спасенія которой онъ не разъ жертвовалъ своею жизнью, есть въ полномъ смыслѣ слова та величественная личность, о которой нашъ незабвенный Пушкинъ сказалъ:

Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье...“

(Д. Давыдовъ. „Матеріалы для совр. военной исторіи“ 1807 г.).

Въ IV кн. „Современника“ 1836 г. явилась замѣтка Пушкина объ этомъ стихотвореніи. Вотъ она:

Объясненіе.

(о стихотвореніи „Полководецъ“).

„Одно стихотвореніе, напечатанное въ моемъ журналѣ, навлекло на меня обвиненіе, въ которомъ долгомъ полагаю оправдаться. Это стихотвореніе заключаетъ въ себѣ нѣсколько грустныхъ размышленій о заслуженномъ полководцѣ, который въ великій 1812 годъ прошелъ первую половину поприща

и взялъ на свою долю всѣ невзгоды отступленія, всю отвѣтственность за неизбѣжные уроны, предоставя своему безсмертному преемнику славу отпора, побѣдъ и полнаго торжества. Я не могъ подумать, чтобы тутъ можно было увидѣть намѣреніе оскорбить чувство народной гордости и стараніе унизить священную славу Кутузова; однакожъ меня въ томъ обвинили.

Слава Кутузова неразрывно соединена со славою Россіи, съ памятью о величайшемъ событіи новѣйшей исторіи. Его титло: спаситель Россіи; его памятникъ: скала святой Елены! Имя его не только священно для насъ, но не должны ли мы еще радоваться, мы, русскіе, что оно звучитъ русскимъ звукомъ?

И могъ ли Барклай-де-Толли совершить имъ начатое поприще? Могъ ли онъ остановиться и предложить сраженіе у кургановъ Бородина? Могъ ли онъ послѣ ужасной битвы, гдѣ равенъ былъ неравный споръ, отдать Москву Наполеону и стать въ бездѣйствіи на равнинахъ Тарутинскихъ? Нѣтъ! (Не говорю уже о превосходствѣ военнаго генія.) Одинъ Кутузовъ могъ отдать Москву непріятелю; одинъ Кутузовъ могъ оставаться въ этомъ мудромъ, дѣятельномъ бездѣйствіи, усыпляя Наполеона на пожарищѣ Москвы и выжидая роковой минуты, ибо Кутузовъ одинъ облеченъ былъ въ народную довѣренность, которую такъ чудно онъ оправдалъ!

Неужели должны мы быть неблагодарны къ заслугамъ Барклая-де-Толли, потому что Кутузовъ великъ? Ужели послѣ 25-лѣтняго безмолвія, поэзіи не позволено произнести его имя съ участіемъ и умиленіемъ? Вы упрекаете стихотворца въ несправедливости его жалобъ; вы говорите, что заслуги Барклая были признаны, оцѣнены, награждены. Такъ, но кѣмъ и когда?.. Конечно не народомъ, и не въ 1812 году. Минута, когда Барклай принужденъ былъ уступить начальство надъ войсками, была радостна для Россіи, но тѣмъ не менѣе тяжела для его стоическаго сердца. Его отступленіе, которое нынѣ является яснымъ и необходимымъ дѣйствіемъ, казалось вовсе не таковымъ: не только роптала народъ, ожесточенный и негодующій, но даже опытные воины горько упрекали его и почти въ глаза называли измѣнникомъ. Барклай, не внушающій довѣренности войску ему подвластному, окруженный враждою, язвимый злорѣчіемъ, но убѣжденный въ самого себя, молча идущій къ сокровенной цѣли и уступающій власть, не успѣвъ оправдать себя передъ глазами Россіи, останется навсегда въ исторіи высоко-поэтическимъ лицомъ.

Слава Кутузова не имѣетъ нужды въ похвалѣ чьей бы то ни было; а мнѣніе стихотворца не можетъ ни возвысить, ни унизить того, кто низложилъ Наполеона и вознесъ Россію на ту степень, на которой она явилась въ 1813 г. Но не могу не огорчиться, когда въ смиренной хвалѣ моей вождю, забытому Жуковскимъ, соотечественники мои могли подозрѣвать низкую и преступную сатиру на того, кто нѣкогда внушилъ мнѣ слѣдующіе стихи, конечно недостойные великой тѣни, но искренніе и изліянные изъ души". (Далѣе слѣдовало стихотвореніе 1831 г., см. № 215).

Г-жа Кохановская (1857) указываетъ на стихотвореніе „Полководецъ", какъ на примѣръ „того высокаго посредства поэта, въ какомъ онъ стоитъ въ отношеніи высшихъ убѣжденій и истинъ своего народа. Кто теперь не знаетъ, кто не сочувствуетъ судьбѣ суроваго жребія, выпавшаго не долю несчастливаго вождя?.. Двадцать пять лѣтъ эта святая истина никла передъ

поверхностными убѣжденіями близорукаго взгляда толпы, передъ однимъ звукомъ чуждаго имени! И даже черезъ двадцать пять лѣтъ, когда поэтъ возвысилъ свой благородный голосъ въ защиту этой непризнанной истины, что сдѣлала толпа — льстивая поклонница не величія дѣлъ и великой мысли, а поклонница одного успѣха? Она обвиняла Пушкина въ намѣреніи оскорбить чувство народной гордости и въ стараніи будто бы унизить священную славу Кутузова. Но это всегдашнее дѣло толпы.

„Лишь благородный умъ чтитъ образъ благородный. И какъ высоко и благородно является здѣсь дѣло нашего поэта! Оно — заслуга передъ обществомъ... Пушкинъ какъ бы снимаетъ пятно неблагодарности, лежавшее на самой блестящей страницѣ нашей исторіи, и примиряетъ насъ съ духомъ благороднаго чужеземца, оскорбленнаго нами въ годину тяжкихъ испытаній. Вотъ что значитъ не раздѣлять ни убѣжденій, ни стремленій *толпы*, и именно вслѣдствіе того быть великимъ *народнымъ* поэтомъ“... (ср. стр. 278).

По поводу „Полководца“ Пушкинъ получилъ отъ Греча письмо, въ которомъ тотъ писалъ ему между прочимъ: „Этимъ стихотвореніемъ, образцовымъ и по наружной отдѣлкѣ, вы доказали свѣту, что Россія имѣетъ въ васъ истиннаго поэта, ревнителя чести, жреца правды, благороднаго поборника добродѣтели, возвышающагося свѣтлымъ ликомъ и чистою душою надъ туманами предразсудковъ, повѣрій и страстей, въ которыхъ коснѣетъ пресмыкающаяся долу прозаическая чернь. Честь вамъ, слава и благодареніе! Вы нашли истинное, дѣйствительное, единственное назначеніе поэзіи“ (письмо Греча 12 окт. 1836).—„Искренно благодарю васъ за доброе слово о моемъ „Полководцѣ“, отвѣчалъ Пушкинъ Гречу 13 октября... „стоическое лицо Барклая есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ въ нашей исторіи. Не знаю, можно ли вполнѣ оправдать его въ отношеніи военнаго искусства, но его характеръ останется вѣчно достоинъ удивленія и поклоненія“.

Напеч. впервые въ „Современникѣ“ 1836 г. т. III.

У русскаго царя въ чертогахъ есть палата:
Она не золотомъ, не бархатомъ богата,
Не въ ней алмазъ вѣнца хранится за стекломъ;
Но сверху до низу, во всю длину, кругомъ,
Своею кистію свободной и широкой
Ее разрисовалъ художникъ быстроокій.
Тутъ нѣтъ ни сельскихъ нимфъ, ни дѣвственныхъ мадоннъ,
Ни фавновъ съ чашами, ни полногрудныхъ женъ,
Ни плясокъ, ни охотъ: а все плащи, да шпаги,
Да лица полныя воинственной отваги.
Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.
Нерѣдко медленно межъ ними я брожу,
И на знакомые ихъ образы гляжу,

И мнится, слышу ихъ воинственные клики.
Изъ нихъ ужъ многихъ нѣтъ; другіе, коихъ лики [а]
Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ,
Уже состарѣлись, и никнутъ въ тишинѣ
Главою лавровой.
Но въ сей толпѣ суровой
Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше. Съ думой новой
Всегда остановлюсь предъ нимъ, и не свожу
Съ него моихъ очей. Чѣмъ долѣе гляжу,
Тѣмъ болѣе томимъ я грустію тяжелой.
Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ черепъ голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Тамъ грусть великая. Кругомъ—густая мгла;
За нимъ—военный станъ. Спокойный и угрюмый,
Онъ, кажется, глядитъ съ презрительною думой.
Свою ли точно мысль художникъ обнажилъ,
Когда онъ таковымъ его изобразилъ,
Или невольное то было вдохновенье—
Но Доу [1]) далъ ему такое выраженье.
О вождь несчастливый! суровъ былъ жребій твой;
Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
Въ молчаньи шелъ одинъ ты съ мыслію великой;
И въ имени твоемъ звукъ чуждый не взлюбя,
Своими криками преслѣдуя тебя,
Народъ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался надъ твоей священной сѣдиною,
И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
Въ угоду имъ тебя лукаво порицалъ....
И долго укрѣпленъ могущимъ убѣжденьемъ,
Ты былъ неколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ;
И на полупути былъ долженъ наконецъ
Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
И власть, и замыселъ, обдуманный глубоко,
И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко.
Тамъ, устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
Свинца веселый свистъ заслышавшій впервой,
Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти,—
Вотще!—

. . . .
. . . . [б]

[а] Полунощныхъ орловъ могущая станица! Ужъ многихъ нѣтъ изъ нихъ. Другіе, коихъ лица.... (*Рукоп.*).—[б] Опущенные стихи въ рукописи остались не отдѣланными:

Преемникъ твой стяжалъ успѣхъ, сокрытый
Во тьмѣ судьбы. А ты—оставленный, забытый,
Почилъ...
И можетъ быть въ...
вспомнилъ ты....

---

1) Доу—см. 255 стр.

О люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха!
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!

7 апрѣля, 1835. Св. Воскр. Спб. Метель и морозъ.

---

237. Туча.
(1835).

Это—лирическое выраженіе той жажды радостнаго покоя, которая охватываетъ душу по миновании пережитой тревоги [1]). Отъ тревогъ осталось воспоминаніе, какъ о явленіи грозномъ, величавомъ, даже благодѣтельномъ: но душа проситъ полной свободы отъ нихъ. Сходство и различіе этого стихотворенія съ стих. „Аквилонъ" (1824) указано во вступ. замѣткѣ къ № 88.

Бѣлинскій (1841) въ своей статьѣ „Раздѣленіе поэзіи на роды и виды" избираетъ это стихотвореніе для разъясненія одного изъ свойствъ лирическихъ произведеній. „Въ лирическомъ произведеніи", пишетъ онъ, „какъ и во всякомъ произведеніи поэзіи, мысль выговаривается словомъ; но эта мысль скрывается за ощущеніемъ и возбуждаетъ въ насъ созерцаніе, которое трудно перевести на ясный и опредѣленный языкъ сознанія (ср. стр. 347). И это тѣмъ труднѣе, что чисто лирическое произведеніе представляетъ собою какъ бы картину, между тѣмъ какъ въ немъ главное дѣло не самая картина [2]), а чувство, которое она возбуждаетъ въ насъ (ср. №№ 176 и 178). „Сколько есть людей на бѣломъ свѣтѣ, которые, прочтя эту піесу („Тучу") и не найдя въ ней нравственныхъ апофеегмъ и философскихъ афоризмовъ, скажутъ: „Да что же тутъ такого?—препустенькая піеска! Но тѣ, въ душѣ которыхъ находятъ свой отзывъ бури природы, кому понятнымъ языкомъ говоритъ „таинственный громъ" и кому „послѣдняя туча разсѣянной бури", которая одна печалитъ ликующій день, тяжела, какъ грустная мысль при общей радости,—тѣ увидятъ въ этомъ маленькомъ стихотвореніи великое созданіе искусства".

Впервые напеч. въ „Моск. Наблюдателѣ" 1835, мая, кн. 2-я.

---

1 Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.

2 Ты небо недавно кругомъ облегала,
И молнія грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный громъ,
И алчную землю поила дождемъ.

---

[1]) См. „Въ память Лицея", 50: тревога была возбуждена распечатаннымъ на почтѣ письмомъ къ женѣ о семейныхъ дѣлахъ въ 1834 г., что по совпаденію именъ повело къ непріятностямъ.

[2]) Въ этомъ смыслѣ Бѣлинскій въ другомъ мѣстѣ называетъ это стихотвореніе „живописью въ поэзіи" (1844).

3 Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась, и буря промчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки древесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ.

13 апрѣля 1835 г.

---

238. Пиръ Петра Великаго.

(1835).

Выше см. № 127) было указано, что Бѣлинскій (1844) отнесъ это стихотвореніе къ числу тѣхъ произведеній, посвященныхъ памяти Петра Великаго, которыя отличаются присутствіемъ глубокой и яркой мысли, и вмѣстѣ съ тѣмъ національнаго чувства. Бѣлинскій назвалъ ихъ „перлами поэзіи Пушкина“. „Кому неизвѣстна“, писалъ онъ, „превосходная піеса Пушкина: „Пиръ Петра Великаго“? Это—высокое художественное произведеніе, и въ то же время—народная пѣсня“.

Въ 3-й строфѣ поэтъ воспользовался картиною „выводки Брантова бота“. Указомъ 2 сент. 1724 г. Петръ Великій повелѣлъ „ботикъ въ 30-мъ числѣ августа для торжествованія выводить повсегодно на воду и имѣть при Александро-Невскомъ монастырѣ“. (Бильбасовъ. Ист. Ек. II. 1, 172).

Этимъ стихотвореніемъ началъ Пушкинъ первый томъ своего „Современника“ 1836 г.

---

1 Надъ Невою рѣзво вьются
Флаги пестрые судовъ;
Звучно съ лодокъ раздаются
Пѣсни дружныя гребцовъ.
Въ царскомъ домѣ пиръ веселый;
Рѣчь гостей хмельна, шумна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

2 Что пируетъ царь Великій
Въ Питеръ-бургѣ городкѣ?
Отчего пальба и клики,
И эскадра на рѣкѣ?
Озаренъ ли честью новой
Русскій штыкъ иль русскій флагъ?
Побѣжденъ ли шведъ суровый?
Мира ль проситъ грозный врагъ?

3 Иль въ отъятый край у шведа
Прибылъ Брантовъ утлый ботъ,
И пошелъ навстрѣчу *дѣда*
Всей семьей нашъ юный флотъ,
И воинственные внуки
Стали въ строй предъ старикомъ,
И раздался въ честь Науки
Пѣсенъ хоръ и пушекъ громъ?

4 Годовщину ли Полтавы
Торжествуетъ государь,
День, какъ жизнь своей державы
Спасъ отъ Карла русскій царь?
Родила ль Екатерина?
Именинница ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?

5 Нѣтъ! Онъ съ подданнымъ мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;

Кружку пѣнитъ съ нимъ одну:
И въ чело его цѣлуетъ,
Свѣтелъ сердцемъ и лицомъ,
И прощенье торжествуетъ,
Какъ побѣду надъ врагомъ.

6 Оттого-то шумъ и клики
Въ Питеръ-бургѣ городкѣ,
И пальба, и громъ музыки,
И эскадра на рѣкѣ;
Оттого-то въ часъ веселый
Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

---

239. Вновь я посѣтилъ.
(1835).

Въ 1835 году Пушкинъ поѣхалъ въ Михайловское, взявъ увольненіе съ 27 августа по 23 декабря, для довершенія плановъ и трудовъ предыдущихъ мѣсяцевъ, но изъ этой поѣздки возвратился ранѣе предположеннаго срока по болѣзни своей матери [1]). Здѣсь написалъ онъ 26 октября послѣднее стихотвореніе, посвященное изображенію дорогого для него уголка и выражающее чувства, вызванныя сравненіемъ этого посѣщенія съ жизнью въ Михайловскомъ 10 лѣтъ тому назадъ (см. стр. 160).

Элегія эта, написанная стихами безъ риѳмъ, но тѣмъ не менѣе принадлежащая къ благозвучнѣйшимъ произведеніямъ поэта, носитъ характеръ лучшихъ элегій Пушкина (ср. №№ 16, 183). Грустное чувство и здѣсь разрѣшается бодрымъ чувствомъ при мысли о юномъ потомкѣ, который, подобно ему, проѣзжая мимо сосенъ (стоявшихъ на границѣ владѣній по дорогѣ въ Тригорское), услышитъ привѣтный шумъ ихъ и вспомнитъ о поэтѣ.

Картина Михайловскаго и окрестностей отличается вѣрностію дѣйствительности. Въ одномъ изъ писемъ Пушкина къ женѣ (21 сент. 1835) сохранилось прозаическое описаніе этого посѣщенія Михайловскаго: „Пишу тебѣ изъ Тригорскаго... Вообрази, что до сихъ поръ не написалъ я ни строчки, а все потому, что неспокоенъ. Въ Михайловскомъ нашелъ я все по старому кромѣ того, что нѣтъ ужъ въ немъ няни моей, и что около знакомыхъ старыхъ сосенъ поднялась, во время моего отсутствія, молодая сосновая семья, на которую досадно мнѣ смотрѣть, какъ иногда досадно мнѣ видѣть молодыхъ кавалергардовъ на балахъ, на которыхъ уже не пляшу. Но дѣлать нечего; все кругомъ меня говоритъ, что я старѣю,—иногда даже чистымъ русскимъ языкомъ. Наприм. вчера мнѣ встрѣтилась знакомая баба, которой не могъ я не сказать, что она перемѣнилась. А она мнѣ: „да и ты, мой кормилецъ, состарѣлся, да и подурнѣлъ...“ Гуляю пѣшкомъ и верхомъ, читаю романы В. Скотта...“

Напеч. впервые въ „Современникѣ“ 1837, т. V, подъ загл.: „Отрывокъ“, а добавленіе (стихи 48—75) возстановлено Анненковымъ.

---

[1]) „Матеріалы“ г. Анненкова, 385. Соображенія г. Якушкина о принадлежности этого стихотворенія 1833 г. не убѣдительны и противорѣчатъ біографическимъ свѣдѣніямъ, словамъ самой элегіи (ст. 4) и письму Пушкина къ женѣ отъ 21 сент. 1835 г. (см. т. V, стр. 587). Р. С. 1884 г. Окт., стр. 87 и дек., стр. 525.

Вновь я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
Ужъ десять лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
Перемѣнилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо—
И кажется, вчера еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ.
Вотъ смиренный[а] домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моей [2]).
Уже старушки нѣтъ, ужъ за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ.[б] Вотъ
И[в] холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
Я сиживалъ недвижимъ, и глядѣлъ
На озеро [3]), воспоминая съ грустью
Иные берега, иныя волны [4])...
Межъ нивъ златыхъ и пажитей зеленыхъ
Оно, синѣя, стелется широко:
Черезъ его невѣдомыя воды
Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой
Убогій неводъ. По брегамъ отлогимъ
Разсѣяны деревни; тамъ за ними
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при вѣтрѣ...
На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоятъ, одна поодаль, двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко [5]). Здѣсь, когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи [6]),
Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ [7])
Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ

[а] опальный (рук.)—[б] Въ рукоп. зачеркнуто: А вечеромъ при завыванья бури (см. № 108) Ея разсказовъ, мною затверженныхъ отъ малыхъ лѣтъ, но никогда не скучныхъ... отъ малыхъ лѣтъ, Но все пріятныхъ сердцу, Какъ шумъ привычный и однообразный Любимаго ручья... Вотъ уголокъ, гдѣ для меня безмолвно пролетали Часы трудовъ, свободно вдохновенныхъ; Здѣсь, погруженный въ думы, Я размышлялъ о грустныхъ заблужденьяхъ, Объ испытаньяхъ юности моей, О строгомъ, заслуженномъ осужденьи...—[в] Вотъ (а этого слова въ предыдущемъ стихѣ не было) (Рукоп.).—

[2]) См. стр. 215.—[3]) См. выноску на стр. 63.—[4]) Т. е. берега Чернаго моря. [5]) Изъ нихъ сохранилась лишь одна сосна, уже лишенная зелени. Огромнымъ темнымъ остовомъ, раскинувъ голые сучья, стоитъ она, по дорогѣ изъ Михайловскаго въ Тригорское (1883).—[6]) См. стр. 193.—[7]) Стихъ звукоподражатель-

Теперь поѣхалъ я, и предъ собою
Увидѣлъ ихъ опять; онѣ все тѣ же,
Все тотъ же ихъ знакомый слуху шорохъ,
Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разрослась.
Зеленою семьей кусты тѣснятся [г]
Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти. А вдали
Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
Какъ старый холостякъ, и вокругъ него
Попрежнему все пусто [8]).
Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда перерастешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
И обо мнѣ вспомянетъ....
Въ разны годы
Подъ вашу сѣнь, Михайловскія рощи,
Являлся я. Когда вы въ первый разъ
Увидѣли меня, тогда я былъ
Веселымъ юношей. Безпечно, жадно
Я приступалъ лишь только къ жизни; годы
Промчалися—и вы во мнѣ пріяли
Усталаго пришельца. Я еще
Былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неравной истомила;
Я былъ ожесточенъ. Въ уныньи часто
Я помышлялъ о юности моей,
Утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ,
О строгости заслуженныхъ упрековъ,
О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой
За жаръ души довѣрчивой и нѣжной—
И горькія кипѣли въ сердцѣ чувства. [д]

26 сент. 1835 г.

[г] Зеленая семья кругомъ тѣснится—[д] Я былъ одинъ. Врага я видѣлъ въ каждомъ, Измѣнника въ товарищѣ минутномъ, И бурныя кипѣли въ сердцѣ чувства,— И ненависть, и грезы мести блѣдной... Но здѣсь меня таинственнымъ щитомъ Прощеніе святое осѣнило; Поэзія, какъ ангелъ-утѣшитель, Спасла меня, и наконецъ душой Здѣсь....

ный.—[8]) Эта-то сосна и уцѣлѣла. Она стоитъ теперь на краю распаханнаго поля, близъ дороги. А по другую сторону дороги, въ нѣкоторомъ разстояніи—нынѣ лѣсъ.

240. Д. В. Давыдову.

(1836).

Въ концѣ 1835 года вышла въ свѣтъ „Исторія Пугачевскаго бунта“. Пушкинъ послалъ ее поэту Давыдову съ этимъ стихотвореніемъ, помѣченнымъ 18 января 1836 г. См. № 65.

Напеч. впервые въ „Совр.“ 1837 г., т. V.

Тебѣ пѣвцу, тебѣ герою!
Не удалось мнѣ за тобою
При громѣ пушечномъ, въ огнѣ
Скакать на бѣшеномъ конѣ.
Наѣздникъ смирнаго Пегаса,
Носилъ я стараго Парнаса
Изъ моды вышедшій мундиръ.
Но и по этой службѣ трудной,
И тутъ, о мой наѣздникъ чудный
Ты мой отецъ и командиръ,
Вотъ мой Пугачъ: при первомъ взглядѣ
Онъ виденъ: плутъ, казакъ прямой;
Въ передовомъ твоемъ отрядѣ
Урядникъ былъ бы онъ лихой.

---

241. Художнику.

(1836).

Это стихотвореніе, въ рукописи помѣченное 25 марта 1836 г., относится къ профессору скульптуры Имп. Ак. Художествъ С. И. Гальбергу (ученику И. П. Мартосъ), дѣлавшему бюстъ Пушкина. Стихотвореніе навѣяно воспоминаніемъ о Дельвигѣ (см. стр. 366).

Напеч. впервые въ IX т. посмертнаго изд. (1841).

Грустенъ и веселъ вхожу, ваятель, въ твою мастерскую:
Гипсу ты мысли даешь, мраморъ послушенъ тебѣ.
Сколько боговъ, и богинь, и героевъ!.. Вотъ Зевсъ громовержецъ;
Вотъ исподлобья глядитъ, дуя въ цѣвницу, сатиръ;
Здѣсь зачинатель Барклай [1]), а здѣсь совершитель Кутузовъ;
Тутъ Аполлонъ-Идеалъ, тамъ Ніобея-Печаль...
Весело мнѣ! Но межъ тѣмъ въ толпѣ молчаливыхъ кумировъ,
Грустенъ гуляю: со мной добраго Дельвига нѣтъ;
Въ темной могилѣ почилъ художниковъ другъ и совѣтникъ.
Какъ бы онъ обнялъ тебя, какъ бы гордился тобой

---

1) См. № 236.

242. Подражаніе итальянскому.

(1836).

Это переводъ сонета Франческо Джіани (1760—1822): Sopra Giuda. Переводъ помѣченъ: „22 іюня 1836 г. Кам. Остр.“.

По замѣчанію Анненкова, „въ эпоху мужества и крѣпости таланта, подражанія Пушкина значительно расширяютъ образы и мысли подлинника; таково его подражаніе сонету Франческо Джіани, извѣстное подъ названіемъ „Подражаніе итальянскому“. Картина Пушкина пріобрѣтаетъ энергію, которая затмѣваетъ превосходный образецъ... Заключительные стихи итальянскаго поэта исполнены силы и красокъ:

Poi fra le braccia si reco quel tristo,
E çon la bocco fumigante e nera
Gli rese il baccio, che avea dato a Cristo.

(„И принявъ несчастнаго въ свои объятія, дымящимися, черными устами, (Сатана) возвратилъ ему поцѣлуй, данный имъ Христу“).

Напеч. впервые въ IX т. посм. изд. (1841).

Какъ съ древа сорвался предатель ученикъ,
Лукавый прилетѣлъ, къ лицу его приникъ,
Дхнулъ жизнь въ него, взвился съ своей добычей смрадной,
И бросилъ трупъ живой въ гортань геенны гладной...
Тамъ бѣсы, радуясь и плеща, на рога
Пріяли съ хохотомъ всемірнаго врага,
И шумно понесли къ проклятому владыкѣ.
И сатана, приставъ, съ веселіемъ на ликѣ,
Лобзаніемъ своимъ насквозь прожегъ уста,
Въ предательскую ночь лобзавшія Христа.

---

243. Изъ VI Пиндемонте.

(1836).

„5-го іюля“, пишетъ Анненковъ (855), набрасываетъ Пушкинъ отрывокъ, гдѣ высказываетъ въ чудныхъ стихахъ всѣ потребности свои, какъ художника. Созерцаніе природы и наслажденіе искусствомъ признаетъ онъ единственной цѣлью своей жизни, принебрегая и откидывая всѣ другія многоразличныя цѣли, которыя волнуютъ его современниковъ. Онъ ставитъ цѣль положительно и твердо“. Выписавъ стихи 17—21, Анненковъ продолжаетъ: „Тоже самое говорилъ онъ и прежде, но теперь мы уже знаемъ, что не прежнее вольное, артистическое наслажденіе всѣми явленіями жизни скрывается въ его словахъ, но сближеніе съ тѣми величавыми образами, которые предчувствовала и по которыхъ томилась душа его“...

Это несомнѣнно оригинальное произведеніе свое Пушкинъ озаглавилъ въ рукописи сначала: „Изъ Alfred de Musset“, а потомъ: Изъ VI Пинде-

монте“ (Ипполито Пиндемонте, 1753 — 1828, мечтательный итальянскій лирикъ).

Напеч. впервые въ „Матеріалахъ“ и VII т. изд. Анненкова съ пропусками (1857).

Не дорого цѣню я громкія права,
Отъ коихъ не одна кружится голова.
Я не ропщу о томъ, что отказали боги
Мнѣ въ сладкой участи оспаривать налоги;
Или мѣшать царямъ другъ съ другомъ воевать;
И мало горя мнѣ—свободно ли печать
Морочитъ олуховъ, иль чуткая цензура
Въ журнальныхъ замыслахъ стѣсняетъ балагура.
Все это, видите ль, слова, слова, слова *)!
Иныя, лучшія мнѣ дороги права;
Иная, лучшая потребна мнѣ свобода...
Зависѣть отъ властей, зависѣть отъ народа—
Не все ли намъ равно? Богъ съ ними!... Никому
Отчета не давать; себѣ лишь самому
Служить и угождать [1]); для власти, для ливреи
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ [2]),
Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья [3])—
Вотъ счастье! Вотъ права!....

---

244. Молитва.

(1836).

И это стихотвореніе написано Пушкинымъ въ то время, какъ онъ жилъ на дачѣ на Каменномъ Острову, среди журнальныхъ занятій. „Молитва написана 22 іюля. Вмѣстѣ съ „Подражаніемъ итальянскому“ (№ 242) это стихотвореніе, по замѣчанію Анненкова (1855), „Ознаменовано тѣмъ особымъ состояніемъ духа, которое въ высокихъ образахъ, граничащихъ съ религіознымъ эпосомъ, ищетъ пищи и удовлетворенія себѣ. Замѣтно, что воображеніе поэта обставленно, такъ сказать, картинами историческаго и духовнаго содержанія и безпокойно живетъ между ними, еще выбирая предметъ для полнаго поэтическаго усвоенія... Можно видѣть, какъ явленія жизни начинаютъ представляться мысли его той стороной, которая чѣмъ-либо соприка-

---

*) Hamlet. A. II.—[1]) См. стр. 319.— [2]) О поѣздкахъ Пушкина въ послѣдніе годы см. стр. 356.—[3]) Ср. № 196, ст. 11 и 12.

сается съ исторической или религiозной идеей". Таково начало стихотворенiя помѣченнаго 1 iюня:

Когда великое свершалось торжество
И въ мукамъ на крестѣ кончалось Божество,
Тогда по сторонамъ животворяща древа—
Марiя-грѣшница и пресвятая Дѣва—
Стояли двѣ жены,
Въ неизмѣримую печаль погружены"...

Въ „Молитвѣ" Пушкинъ переложилъ извѣстную молитву Ефрема Сирина (съ перестановкой двухъ послѣднихъ прошенiй): „Господи и Владыко живота моего! Духъ праздности, унынiя, любоначалiя, празднословiя не даждь ми; духъ же цѣломудрiя, смиренномудрiя, терпѣнiя и любве даруй ми рабу Твоему. Ей Господи Царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенiя и не осуждати брата моего"...

Напеч. впервые въ „Современникѣ" 1837 г., т. V, съ автографическимъ снимкомъ.

Отцы-пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ,
Сложили множество божественныхъ молитвъ;
Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальные великаго поста;
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста
И падшаго свѣжитъ невѣдомою силой:
„Владыко дней моихъ! духъ праздности унылой,
Любоначалiя, змѣи сокрытой сей,
И празднословiя не дай душѣ моей,
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
И духъ смиренiя, терпѣнiя, любви
И цѣломудрiя мнѣ въ сердцѣ оживи",

---

245. Когда за городомъ задумчивъ я брожу.

(1836.)

Подобная указанной выше Анненковымъ (см. вступ. зам. къ № 244), картина эта написана, по словамъ его, въ послѣднемъ мѣсяцѣ того же лѣта. „Въ одну изъ прогулокъ своихъ Пушкинъ завернулъ на кладбище, и 14 августа выразилъ впечатлѣнiя свои въ стихотворенiи... Весь предметъ, возбудившiй сначала тяжелое и смутное волненiе въ душѣ его, тотчасъ же освѣщается кроткимъ цвѣтомъ религiозной мысли и выходитъ уже преобразованный совершенно идеальнымъ пониманiемъ и представленiемъ его. Исполненный тихой задумчивости, онъ въ новомъ своемъ видѣ приноситъ съ собой умиротворенiе всѣхъ требованiй и порывовъ (ст. 18—29).

Напеч. впервые все въ „Современникѣ" 1857 г., № 12.

Когда за городомъ задумчивъ я брожу
И на публичное кладбище захожу—
Рѣшетки, столбики, нарядныя гробницы,
Подъ коими гніютъ всѣ мертвецы столицы,
Въ болотѣ кое-какъ стѣсненные кругомъ,
Какъ гости жадные за нищенскимъ столомъ;
Купцовъ, чиновниковъ усопшихъ мавзолеи
(Дешеваго рѣзца нелѣпыя затѣи!),
Надъ ними надписи и въ прозѣ и въ стихахъ
О добродѣтеляхъ, о службѣ о чинахъ;
По старомъ рогачѣ вдовицы плачъ амурный,
Ворами со столбовъ отвинченныя урны,
Могилы склизкія, зѣвающія тутъ,
Которыя жильцовъ къ себѣ на утро ждутъ—
Такія смутныя мнѣ мысли все наводитъ,
Что злое на меня уныніе находитъ,
Хоть плюнуть да бѣжать.
Но какъ же любо мнѣ
Осеннею порой, въ вечерней тишинѣ,
Въ деревнѣ посѣщать кладбище родовое,
Гдѣ дремлютъ мертвые въ торжественномъ покоѣ:
Тамъ неукрашеннымъ могиламъ есть просторъ!
Къ нимъ ночью темною не лѣзетъ блѣдный воръ;
Близъ камней вѣковыхъ, покрытыхъ желтымъ мохомъ,
Проходитъ селянинъ съ молитвой и со вздохомъ;
На мѣсто праздныхъ урнъ и мелкихъ пирамидъ,
Безносыхъ геніевъ, растрепанныхъ харитъ
Стоитъ широкій дубъ надъ важными гробами,
Колеблясь и шумя...

---

246. Памятникъ.

(1836).

„Подобно Державину [1]", писалъ Бѣлинскій (1841), „Пушкинъ передѣлалъ „Памятникъ" Горація въ примѣненіи къ себѣ. Его „Памятникъ" есть поэтическая апоѳеоза гордаго, благороднаго самосознанія генія". „Въ примѣненіи къ себѣ Пушкинъ вноситъ новую мысль сравнительно съ другими подражателями Горація. Онъ основываетъ свою славу на томъ, что къ его памятнику „не заростетъ народная тропа", а опредѣляя значеніе своей поэзіи (въ строфѣ 4), онъ указываетъ главнымъ ея достоинствомъ—нравственное вліяніе".

Напеч. впервые въ IX т. (1841) посмертнаго изданія съ поправками Жуковскаго. Въ этомъ видѣ ода эта стала извѣстна всѣмъ. Текстъ возобновленъ по черновой рукописи въ 1881 г. („Русск. Архивъ").

---

1) См. „Избр. Соч. Державина", стр. 241, гдѣ приведенъ и подлинникъ Горацiевой оды и близкій переводъ ея Ломоносова".

Exegi monumentum.

1 Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный;
Къ нему не заростетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго [а] столпа [1]).

2 Нѣтъ! Весь я не умру! Душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ—
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.

3 Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикій
Тунгузъ, и другъ степей калмыкъ.

4 И долго буду тѣмъ любезенъ я народу, [б]
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ [2]),
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу [в],
И милость къ падшимъ призывалъ [3]).

5 Велѣнью Божію, о муза, будь послушна,
Обиды не страшись, не требуя вѣнца;
Хвалу и клевету пріемли равнодушно,
И не оспаривай глупца [4]).

1836. Авг. 21. Кам. Остр.

---

247. На статуи.

I. МАЛЬЧИКА, ИГРАЮЩАГО ВЪ БАБКИ.

(1836).

Оба гекзаметра посвящены двумъ новымъ произведеніямъ скульптуры русскихъ ваятелей: Н. Пименова и Н. Логановскаго, обратившія всеобщее вниманіе на выставкѣ академіи художествъ въ октябрѣ 1836 г.

Ник. Степ. Пименовъ (род. 1816), профессоръ академіи художествъ, исполнилъ статую, изображающую мальчика, играющаго въ бабки, за которую получилъ золотую медаль. Статуя такъ понравилась Императору Николаю Павловичу, что онъ велѣлъ отлить ее изъ бронзы и поставить въ Царскосельскомъ саду.

Напеч. впервые въ „Художественной Газетѣ" Кукольника, 1836, № 9.

[а] Наполеонова (попр. Жуковскаго). — [б] народу я любезенъ (попр. Жук.).— Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ (попр. Жук.)

---

1) т. е. Александровской колонны въ Спб.—2) Напр. см. № 236.—3) „Вообще", замѣчаетъ г. Бартеневъ, „главною струною въ душѣ Пушкина всегда и до конца было чувство свободы, живая потребность независимости личной, народной и государственной (ср. № 68, строфу 15).—4) Ср. № 191.

Юноша трижды шагнулъ, наклонился, рукой о колѣно
Бодро оперся, другой поднялъ мѣткую кость.
Вотъ ужъ прицѣлился... Прочь! раздавайся, народъ любопытный;
Врозь разступись: не мѣшай русской удалой игрѣ.

II. МАЛЬЧИКА, ИГРАЮЩАГО ВЪ СВАЙКУ.

(1836).

См. вступ. зап. къ предыдущему стихотворенію.
Напеч. впервые въ „Художественной Газетѣ" Кукольника, 1836, № 10.

Юноша, полный красы, напряженья, усилія чуждый,
Строенъ, легокъ и могучъ, тѣшится быстрой игрой.
Вотъ товарищъ тебѣ, Дисковолъ [1])! онъ достоинъ, клянуся
Дружно обнявшись съ тобой, послѣ игры отдыхать!..

248. 19 октября.

(1836).

Послѣднее лицейское собраніе, въ которомъ участвовалъ Пушкинъ, какъ пишетъ Я. К. Гротъ, было 19 октября 1836 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до его трагической смерти. „По странной случайности это была 25-я годовщина со дня основанія Лицея. Во время приготовленій къ празднованію ея былъ поднятъ вопросъ, не устроить ли по этому случаю обычный праздникъ какимъ-нибудь особеннымъ образомъ, напр. соединившись съ ближайшими изъ послѣдующихъ курсовъ. Эту новость настойчиво предлагалъ бывшій директоръ Лицея Е. А. Энгельгардтъ; онъ предполагалъ соединить по крайней мѣрѣ три выпуска на это празднество. „У насъ было съ нѣкоторыми изъ нихъ совѣщаніе", писалъ Яковлевъ Пушкину, „и рѣшительно положено: праздновать по прежнимъ примѣрамъ одному первому выпуску". (Яковлевъ подписался подъ письмомъ — своимъ лицейскимъ „№ 39").—„Я согласенъ съ мнѣніемъ 39 №", отвѣчалъ Пушкинъ. „Нечего для 25-лѣтнаго юбилея измѣнять старинные обычаи Лицея, это было бы худое предзнаменованіе. Сказано, что и послѣдній лицеистъ одинъ будетъ праздновать 19 октября [2]). Объ этомъ не худо напомнить. № 14". Съ мнѣніемъ Пушкина согласились всѣ тѣ, которымъ послѣ сообщена была записка его".

„Такимъ образомъ 12 окт. 1836 состоялось обыкновенное, только нѣсколько болѣе многочисленное, собраніе, котораго протоколъ весь писанъ рукою поэта. Замѣчательна грусть, которая, какъ мрачное предчувствіе, овладѣла имъ при этомъ случаѣ: она выразилась и въ самомъ протоколѣ, гдѣ уже не видно

[1]) Дисковолъ (метатель диска)— бронзовая статуя аѳинскаго ваятеля Мирона (V в.). Съ нея наилучшая мраморная копія находится во дворцѣ Массими въ Римѣ.

[2]) См. 18 строфу № 107

прежней кипучей веселости [1]), и въ приложенныхъ къ нему прекрасныхъ стихахъ...".

„Это стихотвореніе, впрочемъ неоконченное, вскорѣ послѣ годовщины было отдѣльно напечатано, и оттискъ его пришитъ къ протоколу, который сообщаю здѣсь цѣликомъ:

„Праздновали двадцатилѣтіе (sic) Лицея". (Слѣдуютъ подписи: П. Юдинъ, П. Мясоѣдовъ, П. Гревеницъ, М. Яковлевъ, Мартыновъ, М. Корфъ, А. Пушкинъ, А. Илличевскій, С. Комовскій, Ф. Стевенъ, К. Данзасъ—всего 11 человѣкъ, не болѣе).

„Собрались", продолжаетъ Пушкинъ, „вышеупомянутые господа Лицейскіе въ домѣ у Яковлева и пировали слѣдующимъ образомъ:

1) Обѣдали вкусно и шумно.

2) Выпили три здравія (по заморскому toasts) a) за двадцатипятилѣтіе Лицея, b) за благоденствіе Лицея, c) за здоровье отсутствующихъ.

3) Читали письма, писанныя нѣкогда отсутствующимъ братомъ Кюхельбекеромъ къ одному изъ товарищей.

4) Читали старинные протоколы, пѣсни и проч. бумаги, хранящіяся въ архивѣ Лицейскомъ у старосты Яковлева.

5) Поминали Лицейскую старину".

„Рукою Яковлева приписано: 6) Пѣли національныя пѣсни. 7) Пушкинъ начиналъ читать стихи на 25-тилѣтіе Лицея, но всѣхъ стиховъ не припомнилъ и кромѣ того отозвался, что онъ ихъ не докончилъ, но обѣщалъ докончить, списать и пріобщить въ оригиналѣ къ сегодняшнему протоколу". „Примѣчаніе (Яковлева же:) Собрались всѣ къ половинѣ 5-го часа, разошлись въ половинѣ 10-го".

Пушкинъ, какъ разсказываютъ, извинившись передъ товарищами въ томъ, что прочтетъ стихотвореніе неконченное, едва произнесъ первые стихи, какъ вдругъ голосъ его оборвался, слезы градомъ покатились изъ глазъ и онъ бросился на диванъ.

Хотя элегія не окончена, но мысль, положенная въ ея основу, уже выяснена. Поэтъ взываетъ къ разуму, который обязанъ признать всеобщій законъ, движущій вселенную.

> Не сѣтуйте: таковъ судьбы законъ:
> Вращается весь міръ вкругъ человѣка,
> Ужель одинъ недвижимъ будетъ онъ? (строфа 3).

Затѣмъ идетъ воспоминаніе о началѣ Лицея и о государственныхъ событіяхъ истекшей четверти вѣка. Элегія остановилась на воцареніи Императора Николая, на словахъ о скопившихся на горизонтѣ Европы тучахъ (ср. № 216) [2]).

---

[1]) Какъ напр. въ писанномъ Пушкинымъ же протоколѣ 1828 г., гдѣ при каждомъ имени лицеистовъ поставлены ихъ прозвища: Дельвигъ — Тося, Иличевскій — Олосенька, Стевенъ — Шведъ, Пушкинъ—Французъ. Къ этому рукою же Пушкина приписано: „Смѣсь обезіаны съ тигромъ".

[2]) Эта элегія есть послѣднее стихотвореніе Пушкина, если не считать одного куплета въ шуточной пѣснѣ, сочиненной 13 декабря 1836 г. въ честь М. И. Глинки, послѣ появленія на сценѣ въ 1836 г. знаменитой оперы его „Жизнь за Царя". Эту пѣсню сложили общими силами Віельгорскій, кн. Вяземскій, Жуковскій и Пушкинъ:

Напеч. уже по смерти Пушкина, въ „Совр." 1837, т. V, съ нѣкоторыми измѣненіями, сдѣланными Жуковскимъ.

---

[1] Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался,
И съ пѣснями бокаловъ звонъ мѣшался,
И тѣсною сидѣли мы толпой.
Тогда, душой безпечные невѣжды,
Мы жили всѣ и легче и смѣлѣй;
Мы пили всѣ за здравіе надежды
И юности и всѣхъ ея затѣй.

[2] Теперь не то: разгульный праздникъ нашъ
Съ приходомъ лѣтъ, какъ мы, перебѣсился;
Онъ присмирѣлъ, утихъ, остепенился;
Сталъ глуше звонъ его заздравныхъ чашъ;
Межъ нами рѣчь не такъ игриво льется;
Просторнѣе, грустнѣе мы сидимъ;
И рѣже смѣхъ средь пѣсенъ раздается;
И чаще мы вздыхаемъ и молчимъ.

[3] Всему пора. Ужъ двадцать пятый разъ
Мы празднуемъ Лицея день завѣтный;
Прошли года чредою незамѣтной;
И какъ они перемѣнили насъ!
Не даромъ, нѣтъ, промчалась четверть вѣка!
Не сѣтуйте: таковъ судьбы законъ —
Вращается весь міръ вкругъ человѣка,
Ужель одинъ недвижимъ будетъ онъ?

[4] Припомните, о други, съ той поры,
Когда нашъ кругъ судьбы соединили,
Чему, чему свидѣтели мы были!...
Игралища таинственной игры,
Металися смущенные народы,
И высились и падали цари;
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.

---

1 Пой въ восторгѣ, русскій хоръ,
Вышла новая новинка!
Веселися, Русь: нашъ Глинка
Ужъ не глинка, а фарфоръ!
(*Віельгорскій*).

2 За прекрасную новинку
Славить будетъ гласъ молвы
Нашего Орфея Глинку
Отъ Неглинной до Невы!
(*кн. Вяземскій*).

3 Въ честь столь славныя новинки
Грянь труба и барабанъ!
Выпьемъ за здоровье Глинки
Мы глинтвеину стаканъ!
(*Жуковскій*).

4 Слушая сію новинку,
Зависть, злобой омрачась,
Пусть скрежещетъ, но ужъ Глинку
Затоптать не можетъ въ грязь
(*Пушкинъ*).

5 Вы помните: когда возникъ Лицей,
Какъ царь для насъ открылъ чертогъ царицынъ—
И мы пришли, и встрѣтилъ насъ Куницынъ
Привѣтствіемъ межъ царственныхъ гостей.
Тогда гроза двѣнадцатаго года
Еще спала: еще Наполеонъ
Не испыталъ великаго народа—
Еще грозилъ и колебался онъ.

6 Вы помните: текла за ратью рать;
Со старшими мы братьями прощались,
И въ сѣнь наукъ съ досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шелъ мимо насъ... И племена сразились,
Русь обняла кичливаго врага,
И заревомъ московскимъ отразились
Его полкамъ готовые снѣга.

7 Вы помните, какъ нашъ Агамемнонъ
Изъ плѣннаго Парижа къ намъ примчался.
Какой восторгъ тогда предъ нимъ раздался!
Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ онъ,
Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы!
Вы помните, какъ оживились вдругъ
Сіи сады, сіи живыя воды,
Гдѣ проводилъ онъ славный свой досугъ!

8 И нѣтъ его—и Русь оставилъ онъ,
Взнесенну имъ надъ міромъ изумленнымъ;
И на скалѣ, изгнанникомъ забвеннымъ,
Всему чужой, угасъ Наполеонъ.
И новый царь суровый и могучій [а]
На рубежѣ Европы бодро сталъ,
И надъ землей сошлися новы [б] тучи,
И ураганъ ихъ...

[а] стражъ бодрый и могучій (въ рук. зачеркнуто).—[б] скопились снова (попр. Жуковскаго).

1837?г.

Последнее стихотворение А. С-ча:

Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит.
Летят за днями дни, и каждый час (~~день~~) уносит
а мы с тобой вдвоем
Частицу бытия., (Глядь — умрем,
предполагаем жить. И глядь — как раз умрем!
А мы располагаем жить ~~вдвоем~~.)
но
На свете счастья нет, (а) есть покой и воля.
Давно мечтается завидная мне доля,
Давно, усталый раб, замыслил я побег
дальнюю
В обитель тихую трудов и чистых нег.....

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—

III. Стихотворенія, написанныя на югѣ Россіи (1820—1824).

V. Стихотворенія, написанныя по возвращеніи изъ Михайловскаго до поѣздки на Кавказъ въ 1826—1829 годахъ.

—

VI. Кавказскія стихотворенія 1829 года.

—

VII. Стихотворенія 1829 и 1830 г., написанныя по возвращенія съ Кавказа до поѣздки въ Болдино.

—

VIII. Болдинскія стихотворенія 1830 г.

—

IX. Послѣдній періодъ литературной дѣятельности Пушкина (1831—1837).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИРИЧЕСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ПУШКИНА.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ч.

Ш.

Щ.

Э.

Ю.

Я.

Ѳ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. *рекомендовано* какъ пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній и для библіотекъ фундаментальныхъ и ученическихъ.— Учебнымъ комитетомъ при Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи *рекомендовано* „въ качествѣ учебнаго пособія для старшихъ классовъ институтовъ и женскихъ гимназій, въ особенности же для спеціальныхъ педагогическихъ классовъ, для наградъ воспитанницамъ и для библіотекъ учебныхъ заведеній вѣдомства“.

Каждый томъ продается отдѣльно.

СОЧИНЕНІЯ
А. С. ПУШКИНА

СЪ ОБЪЯСНЕНІЯМИ ИХЪ
и
СВОДОМЪ ОТЗЫВОВЪ КРИТИКИ.

ИЗДАНІЕ
Льва Поливанова
ДЛЯ СЕМЬИ и ШКОЛЫ.

ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіей Наукъ удостоено первой золотой медали имени Гр. Д. А. Толстаго.

Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. удостоено первой преміи Петра Великаго.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ПОЭМЫ, СКАЗКИ, БАЛЛАДЫ, ЭПИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

Изданіе третье.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская улица, соб. д.
Москва—1904.

СОЧИНЕНІЯ
А. С. ПУШКИНА

СЪ ОБЪЯСНЕНІЯМИ ИХЪ
и
СВОДОМЪ ОТЗЫВОВЪ КРИТИКИ.

ИЗДАНІЕ
Льва Поливанова
ДЛЯ СЕМЬИ и ШКОЛЫ.

ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіей Наукъ удостоено первой золотой медали имени Гр. Д. А. Толстаго.

Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. удостоено первой преміи Петра Великаго.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ПОЭМЫ, СКАЗКИ, БАЛЛАДЫ, ЭПИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

Изданіе третье.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская улица, соб. д.
Москва — 1904.

II.

ІОЭМЫ, СКАЗКИ, БАЛЛАДЫ, ЭПИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

I.

Русланъ и Людмила.

(1817—1820)

„Русланъ и Людмила“ была первою оконченною поэмою Пушкина.

Въ Лицеѣ онъ испытывалъ силы надъ произведеніями этого рода, пробуя различные тоны, но видимо недовольный своими опытами покидалъ ихъ неоконченными. Сначала это были подражанія Оссіану [1]): „Кольна“ (1814), и Парни [2]): „Эвлега“ (его поэмѣ Isnel et Aslέga) и „Осгаръ“ (обѣ 1814).

Затѣмъ Пушкинъ попытался написать сказку „Бова“ (1815) стихомъ Карамзинскаго „Ильи Муромца“ [3]).

Въ этой сказкѣ Пушкинъ распространилъ часть фабулы извѣстной сказки: „Бова-королевичъ“. Какъ тамъ, такъ и у Пушкина, царица Милитриса вышла замужъ за Додона, убійцу своего мужа (у Пушкина—Бендокира, въ сказкѣ—Гвидона), и сынъ ея отъ перваго мужа Бова-королевичъ томится въ тюрьмѣ, и ему угрожаетъ смерть. Но злыя намѣренія самой матери Пушкинъ перенесъ на вотчима и его совѣтниковъ. Сострадательная дѣвушка-Чернавушка народной сказки, способствовавшая бѣгству Бовы изъ тюрьмы, замѣнена „служанкою Зоей“. Пушкинъ очевидно хотѣлъ этому лицу дать значительную роль въ повѣствованіи. Его отрывокъ обрывается послѣ сцены появленія привидѣнія убитаго Бендокира, который заклинаетъ Зою пожертвовать собою, смѣнивъ въ темницѣ Бову-королевича. Это видѣніе Зои и юмористическая сцена въ совѣтѣ царя Додона—самостоятельныя части отрывка Пушкина. Отрывокъ носитъ на себѣ несомнѣнную печать французской игривости. Здѣсь впервые мы встрѣчаемъ соединеніе этого тона съ мотивами русской старинной сказки, нашедшаго впослѣдствіи мѣсто въ „Русланѣ и Людмилѣ“.

Къ эпическимъ опытамъ того же года принадлежатъ: небольшая баллада „Казакъ“ и отрывокъ „Сраженный рыцарь“—первая, написанная бойкимъ хореемъ, второй—амфибрахіемъ. Казакъ, измѣнившій своей возлюбленной, напоминаетъ гусара Батюшкова въ его „Разлукѣ“ [4]), а „Сраженный рыцарь“, гдѣ изображенъ путникъ на холмѣ, усѣянномъ останками убитыхъ воиновъ,

---

[1]) См. „Избр. соч. Держ.“ стр. 169, вып. 11.—[2]) см. „Сочиненія Пушкина“, I. Стр. 11.—[3]) См. „Избр. соч. Карамзина“, I, 479.—[4]) начинающейся стихами:
„Гусаръ, на саблю опираясь,
Въ глубокой горести стоялъ...“

и вѣрный конь, бродящій вокругъ этого холма, напоминая сцены оссіановскія, обѣщаетъ картину поля, усѣяннаго костями, въ „Русланѣ и Людмилѣ".

Всѣ эти эпическіе опыты носятъ характеръ подражанія. Замѣтно, что Пушкинъ здѣсь пѣлъ не своимъ голосомъ. Несравненно лучше отрывокъ, посвященный бар. Дельвигу: „Старица-пророчица" (1816), въ которомъ Пушкинъ впервые старался усвоить народный эпическій складъ, но не выдержалъ его.

Значительно выше этихъ опытовъ баллада „Русалка", написанная уже по выходѣ изъ лицея, слѣдовательно одновременно съ работою надъ „Русланомъ и Людмилою" (1819). Въ этомъ повѣствованіи о монахѣ, увлеченномъ русалкою въ воду, есть и живопись, и выразительность стиха: стихъ простъ, но звученъ [5]). При всей наивности замысла баллада производитъ нѣкоторое впечатлѣніе оригинальною простотою; Пушкинъ видимо освободился съ одной стороны отъ искусственно поднятаго тона, а съ другой отъ тривіальности нѣкоторыхъ своихъ лицейскихъ набросковъ: онъ какъ бы нашелъ въ этой балладѣ впервые надлежащій тонъ повѣствованіямъ этого рода, отличающій его баллады зрѣлой поры.

Поэма „Русланъ и Людмила" была задумана Пушкинымъ еще въ лицеѣ; онъ продолжалъ писать ее въ Михайловскомъ, во время поѣздки туда лѣтомъ 1817 г., и по возвращеніи оттуда, въ Петербургѣ. По мѣрѣ того, какъ она создавалась, ее обсуживали извѣстные литераторы на вечерахъ Жуковскаго, и она была предметомъ долгихъ бесѣдъ Пушкина съ Дельвигомъ и друзьями [6]). Среди разсѣянной столичной жизни, которую велъ Пушкинъ въ 1818 и 1819 годахъ, онъ временами уединялся для работы надъ этимъ первымъ капитальнымъ произведеніемъ своимъ.

„Русланъ и Людмила" навѣяна Пушкину многими произведеніями какъ иностранной, такъ и русской поэзіи. Въ основу ея положено похищеніе красавицы и добываніе ея изъ замка чародѣя—мотивъ столь обычный въ сказкахъ. Избравъ имя своему герою изъ старинной русской сказки о Еруслaнѣ Лазаревичѣ или Урусланѣ Залазаревичѣ, и думая придать ей колоритъ національный и видъ „преданья старины глубокой", Пушкинъ избралъ мѣстомъ дѣйствія Кіевъ во времена князя Владиміра-солнышка; въ поэмѣ являются толпою и кіевляне; на свадебномъ пиру въ княжеской гридницѣ поетъ Боянъ: главное участіе въ дѣйствіи принимаютъ варяжскіе витязи—Рогдай и Фарлафъ и хозарскій ханъ, Ратмиръ. Сѣверная Русь имѣетъ своего представителя въ финскомъ волхвѣ, а востокъ—въ чародѣѣ Черноморѣ. Дѣйствіе переносится и въ южно-русскую степь съ ея курганами. Та же степь высылаетъ подъ Кіевъ враждебныя полчища печенѣговъ.

Тѣмъ не менѣе критика справедливо считаетъ эту поэму-сказку не выдержавшею ни народнаго сюжета, ни народнаго тона повѣствованія. Да и могло ли быть иначе?

Въ литературномъ кругу этого времени не былъ пробужденъ вкусъ къ народной поэзіи, и если писатели уже знакомились съ нею, то безъ всякаго побужденія проникнуться духомъ ея. Такъ, напр., Жуковскій, въ то время, какъ

---

[5]) Вотъ для образца конецъ этой піесы:

Заря прогнала тьму ночную;
Монаха не нашли нигдѣ,
И только бороду сѣдую
Мальчишки видѣли въ водѣ.

[6]) См. Анненкова: „Матеріалы", 58.

въ письмахъ къ роднымъ поручалъ собирать народныя сказки и преданія,—самъ пишетъ своего „Вадима, въ которомъ, кромѣ имени новгородскаго юноши и именъ мѣстностей новгородской и кіевской, да „меча кладенца“ и „корнистаго (вм. „кряковистаго“) дуба, мы не находимъ ничего русскаго. Самое вниманіе къ народной поэзіи очевидно было въ Жуковскомъ вызвано лишь той стороной ея, которая могла дать содержаніе „чудесному“ эпоса. Сказки, суевѣрія, преданія—вотъ что̀ желалъ бы онъ видѣть записаннымъ. Новымъ было ужъ и то, что онъ признаетъ важность такого источника для знакомства съ древностію, какъ то признавалъ и Карамзинъ: но поэтическому пользованію этими образами не пришло еще время. Предпринимая собираніе народныхъ сказокъ и преданій, Жуковскій, подобно Карамзину, считавшему ихъ „любопытными для ума внимательнаго“, потому что „они изображаютъ обычаи и духъ времени“,—признаетъ, что они „даютъ понятіе о нравахъ, степени просвѣщенія и старинѣ“ (см. письма Ж. въ Бѣлевъ изъ Дерпта, 1816, зимою). Но какъ Карамзинъ преданія считаетъ несогласными съ важностію исторіи“, такъ очевидно и Жуковскій и арзамасцы, несмотря на всю смѣлость своихъ нововведеній въ поэзіи, не рѣшались полнымъ ковшомъ черпнуть изъ этого источника [7]).

Оканчивавшій въ это время свое ученіе Пушкинъ также не воспиталъ своей фантазіи народными представленіями; его вкусъ былъ воспитанъ преимущественно литературою французскою; во французскомъ же переводѣ, конечно, знакомился Пушкинъ и съ Аріостомъ, слѣды котораго несомнѣнны въ его первой поэмѣ; самыя произведенія русской литературы, предшествовавшія этой поэмѣ, носили печать подражанія этимъ же романскимъ образцамъ; такова „Душенька“ Богдановича, „Наталья, боярская дочь“ Карамзина и сказки И. И. Дмитріева. Не болѣе національнаго представлялъ и ближайшій Пушкину по времени и по личности автора образецъ поэмы—„Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“, заимствованной изъ нѣмецкаго фантастическаго романа. Классическій источникъ всякихъ сказочныхъ вымысловъ „Тысяча и одна ночь“ былъ заслоненъ для Пушкина французской обработкой ихъ и болѣе всего въ сказкахъ „рѣзваго“ Антуана Гамильтона, какъ называлъ его онъ самъ въ своемъ посланіи „Къ сестрѣ“ 1814 года [8]). Замѣчательно, что даже русское названіе поэмы прежде всего представилось Пушкину на французскомъ языкѣ. Оно написано на черновой программѣ первой сказки Пушкина („Бовы“) такъ: Rouslane et Ludmilla [9]).

Нѣтъ сомнѣнія, что Пушкинъ былъ поверхностно знакомъ съ русскими сказками и въ пору созданія „Руслана и Людмилы“, но не находя въ томъ запасѣ ихъ, которымъ владѣлъ, необходимой для „поэмы“ полноты обстановки, живописныхъ подробностей и эффектовъ, почерпнулъ значительно эти детали изъ иностранныхъ писателей, въ особенности изъ Гамильтона. Но нельзя не замѣтить того чувства мѣры, съ которымъ онъ дѣлалъ эти заимствованія: онъ не впалъ въ ту, подчасъ утомительную, пестроту деталей и не загромоздилъ главное содержаніе отступленіями и вводными эпизодами, какіе встрѣчаемъ у этого французскаго писателя. Такое обращеніе съ матеріаломъ дало Пушкину возможность въ трехъ эпизодахъ, которые онъ допускаетъ (разсказъ Финна, разсказъ головы и судьба Ратмира), остановить надлежащимъ образомъ вниманіе

---

[7]) См. П. Загарина, „Жуковскій и его произведенія“, изд. 2, стр. 215.— [8]) См. „Сочиненія Пушкина“ I, 6.— [9]) См. Анненков. Пушк. въ Ал. эп. В. Е. 1873. XII, 482.

читателя на трехъ лицахъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ главному дѣйствію. Такой пріемъ далъ право назвать „Руслана и Людмилу“ поэмой, а не сказкой. Пушкинъ весь сказочный матеріалъ подчинилъ сложившемуся у него понятію о поэмѣ, въ которой повѣствуется о немногомъ, но обстоятельно, въ отличіе отъ пріемовъ сказки, гдѣ напротивъ повѣствуется вскользь о многомъ. Такимъ образомъ первая поэма Пушкина сохранила единство дѣйствія въ бóльшей степени, нежели, напримѣръ, мы то видимъ въ поэмѣ Аріосто, не говоря уже о сказкахъ Гамильтона, которыя однако болѣе всего, какъ это уже замѣтилъ Мериме [10]), повліяли на поэму Пушкина [11]).

Французамъ, не исключая Вольтера и Ла-Гарпа, очень нравились произведенія Гамильтона, изъ которыхъ лучшимъ считались „Воспоминанія шевалье де-Граммона“, гдѣ дана остроумная картина двухъ дворовъ: французскаго и англійскаго. Шутливымъ и легкимъ тономъ Гамильтонъ повѣствуетъ здѣсь о порокахъ этихъ дворовъ. Второе мѣсто французская критика отводитъ его сказкамъ. Изъ нихъ Fleur d'Epine („Цвѣтокъ терновника“) и Les quatre Facardins („Четыре Факардена“) написаны въ подражаніе арабскимъ сказкамъ, которыя тогда только что были переведены на французскій языкъ и стали любимымъ чтеніемъ французскаго общества. Гамильтонъ задумалъ превзойти эту пеструю смѣсь восточныхъ вымысловъ собственными и, какъ онъ самъ выражается, „насовалъ въ свое сочиненіе что только было самаго нелѣпаго“, и не умѣя остановиться, прибавилъ къ обломкамъ арабскихъ сказокъ „второй ярусъ“ [12]).

Такое презрительное отношеніе самого сказочника къ фантастическому элементу не коснулось произведенія Пушкина. Напрасно замѣтилъ Мериме, что будто, благодаря усвоенной Пушкинымъ ложной иронической манерѣ, „чудесное“ поэмы не производитъ иллюзіи, потому что „читатель ни на минуту не можетъ повѣрить тому, къ чему самъ авторъ относится съ насмѣшкою“. Чудесное Пушкинъ изображаетъ серьезнымъ и порою увлекательнымъ тономъ сказочника, вѣрящаго въ чудеса своей сказки. Пушкинъ растворяетъ разсказъ свой шуткой надъ тѣми, кѣмъ играютъ эти чудесные силы. Этому не противорѣчатъ и комическія черты представителей міра волшебнаго: они комичны, когда дѣйствуютъ, какъ простые люди, слагая съ себя чародѣйство или лишаясь его. Таковъ Черноморъ. Прелесть разсказа Пушкина, увлекавшаго читателей, и состояла именно въ томъ, что онъ о чудесномъ заговорилъ такъ, какъ о дѣйствительномъ; тѣ, въ комъ возбуждали улыбку ужасы балладъ Жуковскаго

---

10) Portraits historiques et litteraires 1874. О Мериме см. вводную замѣтку къ „Пѣснямъ западныхъ славянъ“.— 11) Антуанъ Гамильтонъ принадлежалъ къ семейству шотландскаго происхожденія, поселившемуся въ Ирландіи. Это семейство, приверженное дому Стюартовъ, послѣдовало за несчастнымъ сыномъ Карла I во Францію. Родившійся въ 1646 году, Антуанъ Гамильтонъ получилъ во время этой эмиграціи чисто французское воспитаніе и вернулся съ Стюартами въ Англію, когда уже ему было 14 лѣтъ. Связи Антуана съ Франціей не прервались. Изгнанный Людовикомъ XIV шевалье де Граммонъ женился на сестрѣ Антуана; тѣсная дружба связала его съ зятемъ, и когда Граммонъ былъ возвращенъ во Францію, Гамильтонъ не разъѣздилъ туда для свиданія съ нимъ и сестрою. Наконецъ, онъ и совсѣмъ переселился во Францію. Вѣрный королю Іакову II, въ царствованіе котораго онъ занималъ постъ губернатора Лимрика, Гамильтонъ по низложеніи своего короля послѣдовалъ за нимъ и поселился въ С. Жерменѣ.—12) См. Oeuvres complètes du comte Hamilton, 1818, I.

недостаткомъ простоты тона, были удовлетворены сказкою Пушкина, чудеса которой свободны отъ всякаго мелодраматизма.

Что касается самаго матеріала, то онъ мѣстами создавался подъ вліяніемъ сказокъ Гамильтона.

У Гамильтона, какъ водится, волшебники дѣлятся на добрыхъ и злыхъ. Первые достигли чародѣйства, благодаря природной любознательности, которая влекла ихъ къ изученію тайнъ природы; своей наукѣ они отдаютъ жизнь, жертвуя въ своемъ созерцательномъ уединеніи всѣми радостями молодости, красоты, богатства. Таковъ друидъ (въ сказкѣ Le Bélier), Серенъ (въ сказкѣ Fleur d'Epine) и la Mère aux Gaînes (въ Le Bélier). Достигнувъ чародѣйской силы, они вступаютъ въ борьбу съ злыми волшебниками, чрезъ посредство избранныхъ рыцарей, всегда съ цѣлью спасти безвинно страдающее плѣнное существо.

То же видимъ и въ „Русланѣ и Людмилѣ". Постигшій тайны природы, Финнъ направляетъ свое могущество на освобожденіе похищенной Людмилы и притомъ помогаетъ пострадавшему съ нею вмѣстѣ Руслану, а не соперникамъ его, намѣревающимся завладѣть чужою женой. Правда, не одна безкорыстная любознательность привела Финна къ волшебству; несчастная любовь направила его къ тайной наукѣ: но тѣмъ не менѣе онъ купилъ свое знаніе сорока годами труда, въ которомъ похоронилъ пору любви и свою молодость. Подобно добрымъ волшебницамъ Гамильтона, всегда удаляющимся для изученія въ дремучіе лѣса, на неприступныя горы, зáмки и морскіе острова, и Финнъ

Спѣшилъ въ объятія свободы,
Въ уединенный мракъ лѣсовъ.

И Русланъ при первомъ знакомствѣ съ Финномъ засталъ его въ уединенной пещерѣ, своды которой—„ровесники природы". Финнъ сидѣлъ за древней книгой. Книга эта, конечно, даръ тѣхъ волшебниковъ, у которыхъ поучался онъ въ молодости. У Гамильтона почти всѣ волшебницы владѣютъ такими книгами, читать которыя могутъ лишь посвященные въ тайны волшебства — принадлежность волшебниковъ и въ „Тысячѣ и одной ночи", и у Аріоста [13]), и въ русскихъ народныхъ сказкахъ.

Добрые волшебники и волшебницы у Гамильтона всегда сохраняютъ свою человѣческую внѣшность; притомъ внѣшность ихъ внушительна, привлекательна, а порою обставлена величественно (таково появленіе Serène въ развязкѣ „Цвѣтка терновника", появленіе la Mère aux Gaînes дважды въ Le Bélier, и Карамуссаль въ „Четырехъ Факарденахъ"). Они неподкупны, участливы и привѣтливы. Таковъ и Финнъ Пушкина, имѣющій особенно много сходства съ Карамуссалемъ Гамильтона. Вотъ какъ изображенъ этотъ чародѣй Гамильтона въ тотъ моментъ, когда посланники царя астраханскаго, съ трудомъ достигнувъ горныхъ высотъ, на которыхъ онъ живетъ, обращаются къ нему съ просьбою указать средства спасти царскую дочь, которая чахнетъ отъ чаръ чудовища.

„Онъ приблизился къ нимъ и спросилъ вѣжливо, чего желаютъ отъ Кара-

---

13) Такъ и волшебникъ Атлантъ у Аріосто:

Несчастный книгу позабылъ
На этотъ разъ далече,
А ею-то онъ и творилъ
Всѣ чудеса на сѣчѣ (IV, 25).

муссаля посланники царя астраханскаго. При этихъ словахъ они пали ницъ передъ нимъ. Они ожидали увидѣть страшный ликъ волшебника... и изумились, увидѣвъ высокаго человѣка, который, будучи на склонѣ лѣтъ, имѣлъ величественный видъ, важную осанку и самое благородное одѣяніе въ свѣтѣ. Онъ прежде всего поднялъ ихъ... Выслушавъ ихъ спокойно, онъ заговорилъ"...

Подобно тому, какъ Карамуссаль далъ посламъ всѣ нужныя указанія, такъ и Финнъ далъ ихъ Руслану; оба узнали вѣщимъ духомъ своимъ, съ кѣмъ они говорятъ, и предсказываютъ исходъ ихъ предпріятій.

Въ противоположность добрымъ чародѣямъ, злые волшебники и волшебницы у Гамильтона обладаютъ чарами съ помощію предметовъ, похищенныхъ у первыхъ. Всѣ они оборотни. Они покровительствуютъ вреднымъ и низменнымъ существамъ, съ которыми дѣлятся своими чарами. Такъ въ сказкѣ „Le Bélier" Мерлинъ, похититель чудеснаго меча, принадлежащаго La Mère aux Gaînes, помогаетъ великану Мулино. Въ сказкѣ „Цвѣтокъ терновника" злая волшебница, Дантю, превращается въ старуху-мавританку.

У Пушкина въ противоположность Финну выведена Наина. У нея вражда къ Финну; она дружитъ злому волшебнику Черномору и помогаетъ ничтожному Фарлафу. Она—оборотень и влетаетъ змѣей къ Черномору. О волшебныхъ средствахъ ея Пушкинъ оставляетъ читателя въ невѣдѣніи, такъ какъ она умолчала о нихъ, объявляя Финну, что стала колдуньей. Какъ и у Гамильтона, добрый волшебникъ Финнъ торжествуетъ надъ кознями злой Наины.

Хотя Черноморъ, сила котораго лишь въ бородѣ, напоминаетъ великана въ сказкѣ „Четыре Факардена", у котораго волшебная сила заключается въ длинномъ когтѣ на ногѣ, но очевидно образъ этого карлика заимствованъ Пушкинымъ не у Гамильтона. Нѣкоторыя черты его напоминаютъ Аріостова Брюнеля:

Тебѣ узнать не мудрено
Отъявленнаго плута:
Лицо въ морщинахъ и темно,
Весь ростъ — четыре фута;
Глаза на выкатѣ, онъ косъ,
Носъ сплюснутъ, бровь густая;
Плечистъ, курчавъ, черноволосъ
И борода большая...

(Неистов. Орл. перев. Раича. III, 72).

Но если Брюнель далъ мысль для созданія Черномора, то онъ значительно переработанъ Пушкинымъ. Борода Черномора—сѣдая; костюмъ его—восточный халатъ или парчевая одежда. Еще болѣе сходства въ Черноморѣ съ похитителемъ красавицъ волшебникомъ Атлантомъ Аріоста. Битва его съ царемъ Градассомъ и Рожеромъ несомнѣнно послужила образцомъ битвы Черномора съ Русланомъ (см. пѣснь V, стрф. 48—53).

Градассъ взялъ рогъ и затрубилъ,
И въ высотѣ воздушной
Раздался страшный гулъ, и вотъ
Волшебникъ на крылатомъ
Конѣ явился изъ воротъ
Съ сверкающимъ булатомъ.
...чародѣй легко
Полетъ свой начинаетъ
И залетѣлъ, какъ высоко
Орелъ не залетаетъ.

Вотъ онъ, сдержавъ коня въ лету,
Бухъ внизъ свинцомъ тяжелымъ.
. . . .
Занесши страшное копье,
Волшебникъ легкокрылый
Градасса поражаетъ въ тылъ
Такъ быстро, такъ нежданно,
Что прежде боль онъ ощутилъ,
Чѣмъ бой примѣтилъ странный.
Градассъ въ отпоръ, Градассъ руки
Своей щадить не хочетъ;
Копье волшебника — въ куски,
И раздробясь, грохочетъ,
Несяся, эхо черезъ долъ,
Чрезъ боръ, чрезъ крутояры.
Что пользы? волхвъ въ эѳиръ ушелъ,
Ему ничто удары.
. . . .
Летучій воинъ до звѣзды
Взвился, поворотился,
Напрягъ ослабшія бразды
И на землю спустился.
И брякъ въ Рожера, и Рожеръ,
Къ царю склонившій око,
Не принялъ для отпора мѣръ
И пораженъ жестоко;
И прежде чѣмъ къ врагу лицомъ
Герой оборотился,
Лукавый врагъ съ своимъ конемъ
Въ бездонномъ небѣ скрылся;
И снова внизъ, и вновь крыломъ
Разсѣкъ онъ атмосферу,
И вновь то схватится съ царемъ,
То бросится къ Рожеру,
То въ грудь, то въ тылъ ударитъ ихъ;
Они къ нему съ отпоромъ,—
Онъ прочь отъ нихъ и въ небѣ въ мигъ
Исчезнетъ метеоромъ...

Исключивъ коня и заставивъ своего чародѣя биться съ однимъ Русланомъ, Пушкинъ и успѣхъ этого страннаго боя склоняетъ на сторону своего витязя, ухватившаго Черномора за бороду. Но дальнѣйшій полетъ его вмѣстѣ съ Черноморомъ напоминаетъ полетъ Рожера на конѣ Атланта.

Такъ воспользовался Пушкинъ Аріостомъ. Что же до превращенія Наины, сначала неприступной красавицы, въ злобную и уродливую и притомъ влюбленную старуху, то здѣсь мы встрѣчаемся снова съ вымыслами Гамильтона. Въ „Зенаидѣ" является у него красавица Альбофледъ, которой также тщетно выражаютъ любовь юноши и умираютъ отъ любви къ ней: ее не трогаетъ ничто, кромѣ красоты и блеска ея собственныхъ глазъ. Но оборотень (богъ любви) побѣждаетъ ее, и она теряетъ свою красоту и превращается въ уродливую старуху и впослѣдствіи дѣлается волшебницей. Въ „Цвѣткѣ терновника" старая колдунья, Дантю, преслѣдуетъ своей страстью юнаго принца Феникса, требуя, чтобы онъ женился на ней, подобно Наинѣ, которая воспылала поздней страстью къ Финну.

У Гамильтона добрые волшебники помогаютъ героямъ-рыцарямъ, требуя отъ нихъ въ то же время нравственныхъ доблестей. Волшебница Серенъ помогаетъ Тарару потому, что, разсказавъ ему напередъ всѣ опасности, которымъ долженъ былъ онъ подвергнуться, убѣдилась въ его мужествѣ, отвагѣ и постоянствѣ [14]). Финнъ встрѣчаетъ Руслана привѣтственной рѣчью, въ которой выражаетъ свое высокое мнѣніе о Русланѣ и поддерживаетъ его въ добрѣ.

Твой твердый духъ теряетъ силы
Но зло промчится...

---

14) См. Oeuvres complétes du comte | Hamilton, I, 344.

...На время рокъ тебя постигъ.
Съ надеждой, вѣрою веселой
Иди на все, не унывай... (I п.)
Любви и чести вѣренъ будь,
Небесный громъ на злобу грянетъ (V п.).

Самая мораль сказокъ Гамильтона совпадаетъ съ моралью поэмы Пушкина. Добродѣтельные и невинные торжествуютъ, пройдя лишь временный рядъ испытаній отъ злыхъ волшебниковъ.

Но рядомъ съ этой нравственной подкладкой сказокъ Гамильтона, которая не проникаетъ ткани повѣствованія и служитъ часто лишь внѣшней опорой для „рѣзваго“ разсказа, вездѣ выдаетъ себя легкое французское воззрѣніе на красоту, любовь и чистоту жизни женщинъ. Красота имѣетъ первенствующее значеніе, любовь—чувственная, а чистота героинь—внѣшняя. Въ этомъ тонѣ Гамильтона согласенъ съ Лафонтеновымъ въ его „Amour et Psychée, усвоеннымъ Богдановичемъ въ его „Душенькѣ“. Значительная доля того же легкаго тона замѣчается и у Пушкина, напр. по отношенію къ героинѣ [15]). Она не упускаетъ случая въ роковую минуту своей жизни полюбоваться собою въ зеркалѣ, примѣрить шапку и т. п.

Герои Гамильтона отличаются силой физической, большей или меньшей предпріимчивостью и отвагой или отмѣчены общими чертами умнаго, но некрасиваго (Тараръ), или глупаго, но красиваго (Фениксъ): характеровъ же ни герои, ни героини Гамильтона не имѣютъ; всѣ они очерчены внѣшними достоинствами и недостатками — черта, общая съ поэмой Пушкина.

Что касается внѣшней обстановки героевъ поэмы Пушкина, то и она во многомъ напоминаетъ сказки Гамильтона. Прекрасный садъ Черномора и замокъ встрѣчаемъ въ сказкѣ Le Bélier и другихъ. О купальняхъ въ рѣкахъ и гротахъ, роскошно обставленныхъ, упоминается не разъ въ этихъ сказкахъ. У Пушкина этому соотвѣтствуетъ восточная баня.

Похищеніе красавицъ злыми волшебниками у Гамильтона обставляется вихремъ, туманомъ и стремительнымъ полетомъ вверхъ. Такъ была похищена Кристалина съ берега моря:

„Густой туманъ, сначала поднявшійся къ небу, сгустился еще болѣе опускаясь внизъ, и образовавъ темное облако, былъ двинутъ внезапнымъ вѣтромъ къ тому мѣсту, откуда мы смотрѣли на него. Онъ облекъ меня, какъ плащъ, который, охватывая все болѣе и болѣе, оторвалъ меня отъ земли и отъ кликовъ моего возлюбленнаго, покинутаго на томъ мѣстѣ. Я почувствовала, что меня несло очень быстро... Туманъ разсѣялся, море разверзлось, и я была имъ поглощена, не испытывая никакого другого страданія, кромѣ того, что увидѣла себя среди обширнаго грота“ (Oeuvres compl. II, Les quatre Facardins)

Въ сказкѣ „Histoire de Pertharite et de Féradine“, входящей въ составъ Le Bélier, молодые принцъ и принцесса, братъ и сестра, такъ похищены въ глазахъ народа и двора:

„Землетрясеніе, которое всколебало весь городъ, и за которымъ послѣдо-

---

[15]) Такой взглядъ на женщину вызвалъ у Пушкина даже шутливое отступленіе во введеніи въ V пѣсню.

валъ вихрь съ градомъ и молніей... разсѣяло все собраніе. Но напрасно искали принца и принцессу; они исчезли (I, 235). Этотъ ураганъ, разогнавшій всѣхъ, раздвоившись на два вихря, увлекъ брата и сестру съ цѣлію перенести ихъ очень далеко другъ отъ друга и очень далеко отъ родины, ибо этого рода экипажи очень быстры" (id., 236).

Подобный же вихрь увлекаетъ Людмилу у Пушкина (см. I, 89, 90, II, 184), но, какъ сказано выше, иллюзія не нарушена, какъ у Гамильтона, выходкой по поводу чудеснаго вихря.

Въ сценѣ похищенія Людмилы отъ Руслана Пушкинъ воспользовался и у Аріосто разсказомъ Пинабеля о похищеніи у него его милой (Неист. Орл. II, 38). Самое сравненіе похитителя съ ястребомъ, „цыплятъ селенья похитителемъ", заимствовано у Аріосто, гдѣ похититель сравнивается съ лунемъ, уносящимъ цыплятъ у насѣдки (id., 39). Въ сценѣ поисковъ Русланомъ Людмилы въ замкѣ и саду Черномора Пушкинъ очевидно воспользовался знаменитою сценою Аріостова Орланда, отыскивающаго свою Анжелику-невидимку въ очарованномъ замкѣ Атланта (XII, 14, 15, 16).

Ратмиръ въ замкѣ двѣнадцати дѣвъ (п. IV) снова отсылаетъ насъ къ Аріосто. Хазарскій ханъ, у котораго „одежда нѣги замѣнила желѣзные доспѣхи брани", несомнѣнно отзвукъ Аріостова Рожера, предавшагося нѣгѣ на островѣ обворожительницы Альцины, въ вышитой ею одеждѣ, съ серьгами въ ушахъ и въ дорогихъ монистахъ. Доблестный рыцарь совершенно преобразился, подобно Ратмиру.

„Все у Рожера—поступь, взглядъ—
Дышало нѣгой сонной,
Какъ будто цѣлый вѣкъ онъ жилъ
У одалискъ въ неволѣ.
Изнѣженный онъ сохранилъ
Лишь имя—и не болѣ"... (Неист. Орл. VII, 34, 35).

Вотъ тѣ черты вымысловъ Аріоста и Гамильтона, которыя въ болѣе или менѣе отдаленномъ воспроизведеніи повторилось и въ поэмѣ Пушкина.

Слѣды знакомства автора „Руслана и Людмилы" съ русскими сказками видимъ и въ похитителѣ красавицы, Черноморѣ, напоминающемъ такого же похитителя русскихъ сказокъ Кощея, и въ живой и мертвой водѣ (VI п.) и въ шапкѣ-невидимкѣ (III п.), замѣнившей Аріостовское кольцо, дѣлающее невидимкою Анжелику (Неист. Орл. XII), и въ роли ласковаго князя Владиміра, посылающаго витязей на подвигъ. Три витязя, отправившіеся вмѣстѣ разъѣзжаются на перекресткѣ. Наконецъ, цѣлый эпизодъ съ Головою есть распространенная передѣлка подобной же сцены въ сказкѣ о Еруслан Лазаревичѣ. Вотъ соотвѣтствующее мѣсто этой сказки [16]).

„Уруслан пошелъ къ царству Зеленаго царя и наѣхалъ побоище добре велико, а давно бито: а среди побоища лежитъ голова человѣческая добре велика, а добре давно бита. Пріѣхалъ Урусланъ, сталъ надъ головою, и говоритъ: Голова де была добраго человѣка. И голова промолвитъ: Брате де

---

[16]) См. лѣтописи русск. лит. и древн. Н. С. Тихонравова. II, 144, 115.

Уруслан Залазоревичъ! твоей головѣ тако жъ лежать. И Урусланъ молвитъ: „На то, господине, язъ пріѣхалъ: любо голова сложить, любо Зеленаго Царя сложить, горячей крови и свѣжей печени добыть".—„До того де, господине, не долго, что тебѣ голова своя положить, только язъ тебя не научу". И учалъ Урусланъ передъ головою бити челомъ, чтобъ его научилъ. И голова молвитъ: „Есть де подо мною мечъ таковъ, что опричь того меча никакого желѣза не иметъ и огонь того Зеленаго Царя не иметъ же; а тотъ мечъ одинъ его иметъ. И язъ съ тѣмъ мечемъ поѣхалъ противъ Зеленаго Царя, а чаялъ есми убити тѣмъ мечемъ Зеленаго Царя; и тотъ Зеленый Царь выѣхалъ противъ меня на осмероногомъ конѣ съ огненнымъ щитомъ и съ пламеннымъ копьемъ, да не допускаючи меня къ себѣ, сжегъ, и язъ, летячи съ коня, тотъ мечъ подкинулъ подъ себя на землю, и тотъ мечъ лежитъ и нынѣ подо мною".

Сличеніе этого мѣста сказки съ сценою предъ Головою у Пушкина (п. III) показываетъ, до какой степени и здѣсь заимствованный матеріалъ переработанъ имъ.

Несравненно ближе къ источнику Прологъ, который былъ присоединенъ Пушкинымъ къ поэмѣ въ 1828 году. Вотъ то мѣсто сказки о семи Семіонахъ, которымъ воспользовался Пушкинъ въ началѣ Пролога: „Какъ на томъ ли Окіанѣ-морѣ глубокомъ стоитъ островъ зеленъ; какъ на томъ ли на зеленомъ острову стоитъ дубъ зеленый, отъ того дуба зеленаго виситъ цѣпь золотая, по той по цѣпи золотой ходитъ черный котъ. Какъ и тотъ ли черный котъ во правую сторону идетъ — веселыя пѣсни заводитъ, какъ во лѣвую сторону идетъ—старыя сказки сказываетъ" (Русск. нар. сказки Сахарова. Спб. 1841, стр. 305).

Своею поэмою „Русланъ и Людмила" Пушкинъ, принявъ манеру французскихъ писателей, направлявшихъ свою литературную дѣятельность противъ произведеній ложно-классической школы, нанесъ новый ударъ этой школѣ и въ русской литературѣ, только что оживленной балладами и поэмами Жуковскаго. Критика русскихъ журналовъ двадцатыхъ годовъ явно раздѣлилась на два лагеря: одинъ сосредоточился въ „Вѣстникѣ Европы" и „Невскомъ Зрителѣ", другой—въ „Московскомъ Вѣстникѣ" и „Телеграфѣ".

Критикъ „Невскаго Зрителя" (1820, ч. III), возмущается тѣмъ, что авторъ „Руслана и Людмилы" обратился къ „Еруслану Лазаревичу". Онъ замѣчаетъ, что „Руслана нельзя назвать поэмой, потому что поэма есть произведеніе, въ которомъ описываются геройскіе подвиги касательно религіи, нравственности или такихъ происшествій, которыми рѣшилась судьба царствъ"; онъ находитъ, что въ поэмѣ Пушкина „болѣе грубое, простонародное волшебство, а не чудесное что составляетъ сущность поэмы". Безусловно отвергая подобный родъ поэзіи, критикъ прибавляетъ: „Языкъ боговъ долженъ возвѣщать намъ о подвигахъ добродѣтели, возбуждать любовь къ отечеству, геройство въ несчастіяхъ, плѣнять описаніемъ невинныхъ забавъ". „Черноморъ и всѣ его братья и сестры свиты Вельзевула", по мнѣнію критика, „могутъ нравиться болѣе грубому, необразованному народу", а помѣщеніе кн. Владиміра въ поэмѣ онъ даже счелъ оскорбленіемъ религіознаго чувства.

Еще враждебнѣе отнесся „Вѣстникъ Европы". Авторъ статьи, подписанной: „Житель Бутырской слободы", увидѣлъ въ мысли Пушкина воспользоваться русскимъ сказочнымъ элементомъ просто неприличіе, бѣдствіе и явленіе отвратительное. „Теперь прошу", писалъ онъ, „обратить ваше вниманіе на новый ужасный предметъ, который, какъ у Камоэнса Мысъ бурь, выходитъ изъ нѣдръ морскихъ и показывается посреди океана Россійской словесности. Пожалуйста, напечатайте же мое письмо: быть можетъ, люди, которые грозятъ нашему терпѣнію новымъ бѣдствіемъ, опомнятся, разсмѣются—и остановятъ намѣреніе сдѣлаться изобрѣтателями новаго рода русскихъ сочиненій. Дѣло вотъ въ чемъ: Вамъ извѣстно, что мы отъ предковъ получили небольшое бѣдное наслѣдство литературы, т.-е. сказки и пѣсни народныя. Что о нихъ сказать? Если мы бережемъ старинныя монеты, даже самыя безобразныя, то не должны ли тщательно хранить и остатки словесности нашихъ предковъ? Безъ всякаго сомнѣнія! Мы любимъ вспоминать все относящееся къ нашему младенчеству, къ тому счастливому времени дѣтства, когда какая-нибудь пѣсня или сказка служила намъ невинною забавою и составляла все богатство познаній. Видите сами, что я не прочь отъ собиранія и изысканія Русскихъ сказокъ и пѣсенъ; но когда узналъ я, что наши словесники приняли старинныя пѣсни съ другой стороны, громко закричали о величіи, плавности, силѣ, красотахъ, богатствѣ нашихъ старинныхъ пѣсенъ, начали переводить ихъ на нѣмецкій языкъ и, наконецъ, такъ влюбились въ сказки и пѣсни, что въ стихотвореніяхъ XIX вѣка заблистали *Ерусланы* и *Бовы* на новый манеръ, то я вамъ слуга покорный! Чего добраго ждать отъ повторенія болѣе жалкихъ, нежели смѣшныхъ лепетаній?.. чего ждать, когда наши поэты начинаютъ пародировать Киршу Данилова [17])? Возможно ли просвѣщенному или хоть немного свѣдущему человѣку терпѣть, когда ему предлагаютъ новую поэму, писанную въ подражаніе Еруслану Лазаревичу? Извольте же заглянуть въ 15 и 16 №№ Сына Отечества [18]). Тамъ извѣстный піитъ *на образчикъ* выставляетъ намъ отрывокъ изъ поэмы своей „Людмила и Русланъ" (не Еруслан ли?). Не знаю, что будетъ содержать цѣлая поэма; но образчикъ хоть кого выведетъ изъ терпѣнія.

„Піитъ оживляетъ *мужичка самъ съ ноготь, а борода съ локоть*, придаетъ еще ему безконечные усы (С. О., стр. 121), показываетъ намъ вѣдьму, шапочку невидимку и пр. Но вотъ что всего драгоцѣннѣе: Русланъ наѣзжаетъ въ полѣ на побитую рать, видитъ богатырскую голову, подъ которою лежитъ мечъ-кладенецъ; голова съ нимъ разглагольствуетъ, сражается... Живо помню, какъ все это, бывало, я слушалъ отъ няньки моей; теперь въ старости сподобился вновь то же услышать отъ поэтовъ нынѣшняго времени... Для большей точности или чтобы лучше выразить всю прелесть *стариннаго* нашего пѣснопѣнія, поэтъ и въ выраженіяхъ уподобился Ерусланову разсказчику, напримѣръ:

...Шутите вы со мною:
Всѣхъ *удавлю* васъ бородою?..

---

[17]) Первый сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ: „Древнія Россійскія стихотворенія", во 2-омъ изданіи (1818 г.), обозначенныя, какъ „собранныя Киршею Даниловымъ".—[18]) Тамъ былъ первоначально напечатанъ отрывокъ изъ „Руслана и Людмилы".

„Каково?

...Объѣхалъ голову кругомъ
И сталъ *предъ носомъ* молчаливо.
Щекотитъ ноздри копіемъ...

„Картина достойная кисти Кирши Данилова? Далѣе чихнула голова, за нею и эхо *чихаетъ*... Вотъ что говоритъ рыцарь:

Я ѣду, ѣду, не свищу,
А какъ наѣду, не спущу...

„Потомъ рыцарь ударяетъ голову въ *щеку* тяжелой *рукавицей*... Но увольте меня отъ подробнаго описанія и позвольте спросить: если бы въ Московское Благородное Собраніе какъ-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможнымъ) гость съ бородою, въ армякѣ, въ лаптяхъ и закричалъ бы зычнымъ голосомъ: *здорово, ребята!* неужли бы стали такимъ проказникомъ любоваться? Бога ради, позвольте мнѣ, старику, сказать публикѣ, посредствомъ вашего журнала, чтобы она каждый разъ жмурила глаза при появленіи подобныхъ странностей. Зачѣмъ допускать, чтобы плоскія шутки старины снова появлялись между нами? Шутка грубая, не одобряемая вкусомъ просвѣщеннымъ, отвратительна и нимало не смѣшна и не забавна. Dixi“.

Не такъ отнеслись къ первой поэмѣ люди, одаренные вкусомъ; самыя указанія на недостатки ея исходили изъ чувства уваженія къ сильному таланту молодого поэта. „Конечно, онъ не безъ ошибокъ“, писалъ Плетневъ (1822 г.). „Въ первой его поэмѣ „Русланъ и Людмила“ есть погрѣшности въ планѣ; главныя лица могли бы явиться занимательнѣе, полнѣе и болѣе обнаружить силы въ характерахъ, но сіи ошибки неразлучны съ первыми опытами въ родѣ эпическомъ, требующемъ величайшихъ соображеній и зрѣлости“ (Труды вольн. общ. люб. росс. слов. XX, 24).

Не болѣе, какъ черезъ 8 лѣтъ послѣ появленія поэмы Пушкина, „Московскій Вѣстникъ“ 1828 г. привѣтствовалъ ея 2-е изданіе неумѣренными похвалами. Критикъ этого журнала называетъ ее „самымъ совершеннымъ изъ всѣхъ произведеній Пушкина по соразмѣрности частей, по гармоніи и полнотѣ изобрѣтенія, по богатству содержанія, по стройности переходовъ, по безпрерывности господствующаго тона и, наконецъ, по вѣрности и разнообразію характеровъ“. По мнѣнію критика „Московскаго Вѣстника“, „рыцарство, любовь, чародѣйство, пиры, война, русалки, всѣ стихіи волшебнаго міра совокупились здѣсь въ одно созданіе и, несмотря на пестроту частей, въ немъ все стройно, согласно, цѣло“. „Сладость Парни, непринужденное и легкое остроуміе, нѣжность и чистота отдѣлки, свойственныя характеру французской поэзіи, соединились здѣсь съ роскошью, съ изобиліемъ жизни и свободою Аріоста“. „Если въ своихъ послѣдующихъ твореніяхъ почти во всѣ созданія своей фантазіи вплетаетъ Пушкинъ индивидуальность своего характера и образа мыслей, то здѣсь является онъ чисто *творцомъ-поэтомъ*. Онъ не ищетъ передать намъ свое особенное воззрѣніе на міръ, судьбу, жизнь и человѣка, но просто созидаетъ намъ новую судьбу, новую жизнь, свой новый міръ, населяя его суще-

ствами новыми, отличными, предназначающими его творческому воображенію. Оттого ни одна изъ его поэмъ не имѣетъ той полноты и оконченности, которую замѣчаемъ въ „Русланѣ". Оттого каждая пѣснь, каждая сцена, каждое отступленіе живетъ самобытно и полно; оттого каждая часть такъ необходимо вплетается въ составъ цѣлаго созданія, что нельзя ничего прибавить или выбросить, не разрушивъ совершенно его гармоніи. Оттого Черноморъ, Наина, Голова, Финнъ, Рогдай, Фарлафъ, Ратмиръ, Людмила, словомъ, каждое изъ лицъ, дѣйствующихъ въ поэмѣ (выключая, можетъ быть, одного: самого героя поэмы), получило характеръ особенный, рѣзко образованный и вмѣстѣ глубокій" (М. Вѣстн. 1828, VIII).

„Оцѣните же", писалъ въ „Телеграфѣ" 1833 г. Полевой, „дарованія этого поэта, читая „Руслана и Людмилу". Мысль объ Аріостовской эпопеѣ въ русскомъ духѣ, мысль создать поэму изъ русскихъ преданій, самое исполненіе сей мысли стихами плѣнительными, когда поэту не было еще и двадцати лѣтъ—какое начало блестящее, прекрасное, исполненное упованій! Безспорно: въ „Русланѣ и Людмилѣ" нѣтъ ни тѣни народности, и когда потомъ Пушкинъ издалъ сію поэму съ новымъ введеніемъ („У лукоморья дубъ зеленый" и пр.), то введеніе это рѣшительно убило все, что́ находили русскаго въ самой поэмѣ. Руссизмъ поэмы Пушкина была та несчастная, щеголеватая народность, Флоріановскій манеръ, по которому Карамзинъ написалъ „Илью Муромца", „Наталью Боярскую дочь" и „Мароу Посадницу", Нарѣжный „Славянскіе вечера", а Жуковскій обрусилъ „Ленору", „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ" и сочинилъ свою „Марьину рощу". Но хотите ли понять превосходство прелестной поэмы Пушкина? Забудьте, что она изображаетъ Русь; прочитайте, что́ тогда писали другіе, и что́ писали критики тогдашніе именно о „Русланѣ и Людмилѣ".

„Мы такъ уже удалились отъ 1820 года, когда вышла въ свѣтъ первая поэма Пушкина, такъ разрознились духомъ, направленіемъ, сущностью съ поэзіею, эстетикою и критикою тогдашними: что намъ даже трудно теперь стать на тогдашнюю точку зрѣнія, которая можетъ показать блескъ дарованій Пушкина, относительно ко времени изданія „Руслана и Людмилы".—Какъ много надобно было силы душевной и самобытности дарованія, чтобы не увлечься тогдашнимъ классическимъ громословіемъ и не замечтаться въ блѣдныхъ подражаніяхъ Жуковскому! Пушкинъ едва носитъ слѣды того и другого въ самыхъ первоначальныхъ своихъ созданіяхъ".

„Нельзя ни съ чѣмъ сравнить восторга и негодованія", писалъ „Бѣлинскій (1884), „возбужденныхъ первою поэмою Пушкина... Слишкомъ немногимъ геніальнымъ твореніямъ удавалось производить столько шуму, сколько произвела эта дѣтская и нисколько не геніальная поэма. Поборники новаго увидѣли въ ней колоссальное произведеніе, и долго послѣ того величали они Пушкина забавнымъ титломъ: „пѣвца Руслана и Людмилы". Представители другой крайности, слѣпые поклонники старины были оскорблены появленіемъ „Русланы и Людмилы [19])". Они увидѣли въ ней все, чего въ ней нѣтъ—чуть

---

[16]) Аполлонъ Григорьевъ | (1856) находитъ въ авторѣ „Руслана и

не безбожіе, и не увидѣли въ ней ничего изъ того, чтó именно есть въ ней, т.-е. хорошихъ, звучныхъ стиховъ, ума, эстетическаго вкуса и, мѣстами, проблесковъ поэзіи. Перелистуйте, отъ скуки, журналы 1820 года — и вы съ трудомъ повѣрите, что все это писалось и читалось не болѣе какъ какихъ-нибудь 24 года назадъ... И это относится не къ однимъ порицательнымъ, но и хвалительнымъ статьямъ".

„Причиною энтузіазма, возбужденнаго „Русланомъ и Людмилой", было, конечно, и предчувствіе новаго міра творчества, который открывалъ Пушкинъ всѣми своими первыми произведеніями, но еще болѣе это было просто обольщеніе невиданною дотолѣ новинкою... Въ этой поэмѣ все было ново: и стихи, и поэзія, и шутка, и сказочный характеръ съ серьезными картинами... „Негодованія, возбужденнаго сказкою Пушкина, нельзя было бы совсѣмъ понять, если бъ мы не знали о существованіи старовѣровъ, дѣтей привычки... Забавнѣе всего, что „Душенька" Богдановича была признаваема старовѣрами за произведеніе классическое, т.-е. такое, которе уже выдержало пробу времени... Несмотря на всю незначительность „Руслана и Людмилы", какъ художественнаго произведенія, смѣшно было бы доказывать неизмѣримое превосходство этой поэмы передъ „Душенькой". Сверхъ того, она навѣяна была на Пушкина Аріостомъ, и русскаго въ ней, кромѣ именъ, нѣтъ ничего; романтизма, столь ненавистнаго тогдашнимъ словесникамъ, въ ней тоже нѣтъ ни искорки; романтизмъ даже осмѣянъ въ ней, и очень мило и остроумно въ забавной выходкѣ противъ „Двѣнадцати спящихъ дѣвъ" (п. IV, ст. 27 и далѣе)... Ясно, что „Бутырскаго" критика (см. стр. 13) оскорбилъ прежде всего сказочный характеръ поэмы „неизвѣстнаго піиты", т.-е. Пушкина. Но какой же, если не сказочный характеръ Аріостова Orlando furioso?... Что касается до сказочныхъ нелѣпостей, столь оскорбившихъ Бутырскаго критика,—ихъ довольно въ поэмѣ Аріоста,—и онѣ право стоятъ „мужичка самъ съ ноготь, а борода съ локоть", или головы богатыря. Но, видите ли, Аріостъ—писатель классическій, котораго слава уже утверждена была слишкомъ двумя столѣтіями, стало быть, къ нему и къ его славѣ уже привыкли... Притомъ же Аріоста самъ Вольтеръ объявилъ „величайшимъ изъ новѣйшихъ поэтовъ"...

„Что „Бутырскій критикъ" нашелъ пошлыми не только выраженія: „удавить бородою", стать „передъ носомъ", „щекотать ноздри копьемъ" и „ѣду не свищу, а наѣду, не спущу", но и „умирающій лучъ солнца"—это опять происходило отъ привычки къ облизаннымъ прозаическимъ общимъ мѣстамъ предшествовавшей Пушкину поэзіи, и отъ непривычки къ благородной простотѣ и близости къ натурѣ".

Людмилы" подтвержденіе той мысли, что „у геніальныхъ натуръ созерцаніе не разорванное, а цѣльное; что нося въ себѣ будущее, онѣ однако видятъ осязательно живую связь этого будущаго съ настоящимъ и прошедшимъ; знаютъ, что послѣдній шагъ прошедшаго ведетъ къ настоящему...; мѣрно, тихо, осторожно, чуждая слѣпого бунта противъ формъ идетъ впередъ творческая сила. Такъ Пушкинъ отъ „Руслана и Людмилы", обработки единственно живого, чтó онъ засталъ въ старомъ, единственно такого, въ чемъ не оскорблялъ старыхъ формъ, освященныхъ Аріостовымъ именемъ, восходитъ постепенно до „Капитанской дочки"...

„Бутырскіе критики, какъ мы видимъ, особенно оскорбились въ „Р. и Л.“ тѣмъ, что показалось имъ въ этой поэмѣ колоритомъ мѣстности и современности въ отношеніи къ ея содержанію. Но именно этого-то совсѣмъ и нѣтъ въ сказкѣ Пушкина... Кирша Даниловъ не виноватъ въ ней ни душою, ни тѣломъ, ибо въ самой худшей изъ собранныхъ имъ русскихъ пѣсенъ больше русскаго духа, чѣмъ во всей поэмѣ Пушкина, хотя онъ, въ своемъ поэтическомъ прологѣ къ ней, и сказалъ: „Тамъ русскій духъ, тамъ Русью пахнетъ“. Вѣроятно, Пушкинъ не зналъ сборника Кирши Данилова въ то время, когда писалъ „Р. и Л.“: иначе онъ не могъ бы не увлечься духомъ народнорусской поэзіи, и тогда его поэма имѣла бы, по крайней мѣрѣ, достоинство сказки въ русско-народномъ духѣ и притомъ написанной прекрасными стихами. Но въ ней русскаго—одни только имена, да и то не всѣ... Очевидно, что она—плодъ чужого вліянія и скорѣе пародія на Аріосто, чѣмъ подражаніе ему, потому что надѣлать нѣмецкихъ рыцарей изъ русскихъ богатырей и витязей—значитъ исказить равно и нѣмецкую и русскую дѣйствительность... Пушкинъ отъ преданія только и воспользовался, что словомъ „солнце“, приложеннымъ къ имени Владиміра... Таковы же и Русланъ, и Рогдай, и Фарлафъ: дѣйствительность ихъ, историческая и поэтическая, такой же точно пробы, какъ и дѣйствительность Финна, Наины, богатырской головы и Черномора. Пушкинъ съ особенною радостью ухватился было за такъ называемаго „вѣщаго Бояна“, понявъ слово „боянъ“ какъ нарицательное и равнозначительное словамъ: „скальдъ, бардъ, менестрель, трубадуръ, миннезингеръ“. Въ этомъ онъ раздѣлялъ заблужденіе всѣхъ нашихъ словесниковъ, которые, нашедъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ в ѣ щ а г о б а я н а, с о л о в ь я с т а р а г о в р е м е н и, который „аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашеся мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, сизымъ орломъ подъ облакы“,—заключили изъ того, что Гомеры древней Руси назывались б а я н а м и. Что въ древней Руси были свои пѣсенники, сказочники, балагуры и прибауточники, такъ же, какъ и теперь въ простомъ народѣ бываютъ подобные,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія: но, по смыслу текста „Слова“, ясно видно, что имя Баяна есть собственное, а отнюдь не нарицательное. Да и Баянъ „Слова“ такъ неопредѣленъ и загадоченъ, что на немъ нельзя построить даже и остроумныхъ догадокъ, на которыя такъ щедры досужіе антикваріи, а тѣмъ менѣе можно заключить изъ него что-нибудь достовѣрное. И потому весь баянъ Пушкина—ни болѣе, ни менѣе, какъ риторическая фраза“.

„О прологѣ къ „Р. и Л.“ дѣйствительно можно сказать: „Тутъ русскій духъ, тутъ Русью пахнетъ“: но этотъ прологъ явился только при второмъ изданіи поэмы, т.-е. черезъ восемь лѣтъ послѣ перваго ея изданія, стало быть, тогда, какъ Пушкинъ уже настоящимъ образомъ вникъ въ духъ народной русской поэзіи. Первые семнадцать стиховъ, которыми начинается „Русланъ и Людмила“, отъ стиха: „Дѣла давно минувшихъ дней“ до стиха: „Низко кланяясь гостямъ“, дѣйствительно пахнутъ Русью; но ими начинается и ими же оканчивается „русскій духъ“ всей этой поэмы... Какъ бы то ни было, только поэма эта—шалость сильнаго, еще незрѣлаго таланта, который, кипя жаждою дѣятельности, схватился безъ разбора за первый предметъ, мысль о которомъ какъ-то промелькнула передъ нимъ въ веселый часъ. Весь тонъ поэмы—шуточный. Поэтъ не принимаетъ никакого участія въ созданныхъ его фантазіею лицахъ. Онъ просто чертилъ арабески и потѣшался ихъ забавною странностію. Оттого, какъ самъ Пушкинъ справедливо замѣчалъ впослѣдствіи,

она холодна. Въ самомъ дѣлѣ, въ ней много граціи, игривости, остроумія; есть живость, движеніе и еще больше блеска, но очень мало жара [21]). Въ эпизодѣ о Финнѣ проглядываетъ чувство; оно вспыхиваетъ на минуту въ воззваніи Руслана къ усѣянному костьми полю, но это воззваніе оканчивается нѣсколько риторически. Все остальное холодно".

„Вообще „Русланъ и Людмила" для двадцатыхъ годовъ имѣло то же самое значеніе, какое „Душенька" Богдановича для семидесятыхъ годовъ. Разумѣется, великъ перевѣсъ на сторонѣ Пушкина, и въ отношеніи къ превосходству времени и къ превосходству таланта".

„По своему содержанію и отдѣлкѣ „Р. и Л." принадлежитъ къ числу переходныхъ пьесъ Пушкина, которыхъ характеръ составляетъ подновленный классицизмъ: въ нихъ Пушкинъ является улучшеннымъ, усовершенствованнымъ Батюшковымъ"... „Даже со стороны формы, какъ ни много она выше обветшавшихъ формъ прежней поэзіи,—есть звенья, соединяющія „Р. и Л." съ прежнею школою поэзіи: мы разумѣемъ здѣсь употребленіе словъ „брада", „глава" и произвольное употребленіе усѣченныхъ прилагательныхъ, которыхъ въ поэмѣ Пушкина найдется больше десятка".

„Не говоря о томъ, что всякая удачная новость ослѣпляетъ глаза, въ „Р. и Л." русская поэзія дѣйствительно сдѣлала огромный шагъ впередъ, особенно со стороны технической. Всѣ восхищались ея прекраснымъ языкомъ, стихами, всегда легкими и звучными, а иногда и истинно-поэтическими, граціозною шуткою, разсказомъ плавнымъ, увлекательнымъ, живымъ и быстрымъ, всею этою игривою затѣйливостью арабесковъ въ характерахъ и событіяхъ, и никому не приходило въ голову требовать отъ этой поэмы народности, къ которой обязывало ея заглавіе и самое содержаніе, естественности, поэтической мысли, вполнѣ художественной отдѣлки. Образца для нея не было на русскомъ языкѣ, а если и были прежде попытки въ этомъ родѣ, то такія ничтожныя, что сравненіе съ ними не могло бы сбавить цѣны съ „Р. и Л.".

„Конечно, теперь смѣшно заблужденіе людей, которые въ „Р. и Л." думали видѣть поэтическое возсозданіе народно-русскаго сказочнаго міра; но въ 20-хъ годахъ, право, не мудрено было, въ первый разъ читая такіе стихи, до того увлечься ими, чтобъ въ описаніи какой-то небывалой, фантастической бани увидѣть „великолѣпную русскую баню".

„Въ „Русланѣ и Людмилѣ", замѣчаетъ г. Анненковъ (1855) заключалось и другое (кромѣ попытки внести народный сказочный элементъ) зерно вражды, именно тайная насмѣшка поэмы надъ чопорностью прежнихъ, такъ называемыхъ, русскихъ пѣсенъ и разсказовъ изъ народной жизни. Холодная эпическая торжественность не была и въ то время рѣдкостью, но она имѣла соперницу въ элегической и нѣсколько жеманной поддѣлкѣ сказочныхъ лицъ и простонародныхъ пѣсенъ. Ничего подобнаго не было въ поэмѣ „Русланъ и Людмила". Она отличалась безпрестанными отступленіями, неожиданными обращеніями къ разнымъ постороннимъ предметамъ, свободнымъ теченіемъ раз-

---

21) Въ 1841 г. Бѣлинскій писалъ совсѣмъ другое: „Пушкинъ началъ свое поэтическое поприще „Русланомъ и Людмилой"—содержаніемъ, котораго идея отзывается слишкомъ ранней молодостью, но которое кипитъ чувствомъ, блещетъ всѣми красками, благоухаетъ всѣми цвѣтами природы, созданіемъ неистощимо веселымъ, игривымъ.—Это была шалость генія послѣ первой опорожненной чаши на свѣтломъ пиру жизни"...

сказа и насмѣшливостью. Самъ авторъ какъ-будто шутитъ надъ сказочными мотивами, которые употребляетъ въ дѣло, надъ собственными пріемами и образами. При нѣкоторомъ вниманіи легко можно замѣтить сатирическое направленіе поэмы, которое вышло разъ наружу само собой и весьма ярко— именно въ IV главѣ, гдѣ помѣщена пародія на „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ" Жуковскаго [22]). Все это, вмѣстѣ взятое, казалось многимъ не только дерзкимъ нововведеніемъ, но почти разрывомъ со всѣми преданіями искусства.— Поклонники Пушкина особенно были затронуты послѣднимъ обвиненіемъ. Имъ нельзя было оставить первое произведеніе любимаго поэта бобылемъ въ русской словесности. Они постарались пріискать ему знаменитыхъ предковъ у себя на сторонѣ: „Душеньку" Богдановича, „Оберона" Виланда [23]), „Неистоваго Орланда" Аріоста. Мнѣніе о сходствѣ „Р. и Л." съ „Неистовымъ Орландомъ" особенно долго держалось, хотя и оно столь же мало можетъ устоять при провѣркѣ [24]), какъ и предполагаемое сходство поэмы съ русскими сказками. Внѣшней своей формой, оставленіемъ героевъ своихъ посреди дѣйствія и возвращеніемъ къ нимъ послѣ долгаго обхода, Русланъ приближается къ манерѣ феррарскаго поэта, но въ немъ нѣтъ и признака той долгой постоянной страсти, перемѣшанной съ ироніей, какими отличается Орландъ. Въ русской поэмѣ все молодо, свѣжо, исполнено порывовъ чувства, а не страсти, игривой насмѣшливости, а не ироніи. Это былъ, по нашему мнѣнію, послѣдній блестящій метеоръ того же французскаго вліянія, подъ которымъ Пушкинъ находился такъ долго.

„Пушкинъ удивлялся впослѣдствіи, что не замѣтили *холодности* его поэмы [25]), но этому была весьма основательная причина: прелесть картинъ, свѣжесть всѣхъ молодыхъ ощущеній отводили глаза и мѣшали видѣть, что за всѣмъ этимъ нѣтъ истиннаго чувства. Необычайно тщательная отдѣлка лишила ее, можетъ быть, и послѣднихъ его проблесковъ. Отдѣлка эта выказалась еще строже во второмъ изданіи 1828 г., съ котораго печатались всѣ послѣдующія; тамъ было пропущено и передѣлано болѣе 12 мѣстъ, но зато присоединено было вступленіе, которое, по сказочному духу и народнымъ краскамъ, превосходитъ всю поэму. Благодаря такому упорному труду, стихъ поэмы сохраняетъ постоянно хрустальную прозрачность и плавность изумительную, но лишенъ точности, поэтическаго лаконизма и долго извивается вокругъ предмета граціозными кругами, прежде чѣмъ успѣетъ охватить его со всѣхъ сторонъ. Все это могли мы замѣтить, благодаря самому Пушкину, научившему насъ понимать своими послѣдующими произведеніями настоящее достоинство—и стиха и созданія".

---

[22]) „Обвиняли ее („Руслана и Людмилу")... за пародію на „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ". За послѣднее можно было бы пожурить меня порядкомъ, какъ за недостатокъ эстетическаго чувства. Непростительно было (особенно въ мои лѣта) пародировать въ угожденіе черни, дѣвственное поэтическое созданіе" („Критическія замѣтки" Пушкина 1830 г.).— [23]) См. „Избр. соч. Карамзина". I. Стр. 164.—[24]) О заимствованіяхъ изъ „Неистоваго Орланда" см. выше, стр. 8 и 9. [25]) „Руслана и Людмилу" вообще приняли благосклонно", писалъ Пушкинъ въ критическихъ замѣткахъ 1830 г.: „кромѣ одной статьи въ „Вѣстникѣ Европы", въ которой побранили весьма неосновательно, и весьма дѣльныхъ вопросовъ, изобличающихъ слабость созданія поэмы (см. ниже стр. 20), кажется не было объ ней сказано худого слова. Никто не замѣтилъ даже, что она холодна".

„Позднѣе Пушкинъ замѣтилъ еще, что кромѣ „Вѣстника Европы“ и *весьма дѣльныхъ вопросовъ, изобличающихъ слабость созданія поэмы*, поэма „Русланъ и Людмила“ принята была благосклонно. Эти вопросы, напечатанные въ „Сынѣ Отечества“ (1820, ч. LXIV), принадлежали перу одного молодого человѣка, дилетанта въ нашей литературѣ, рано похищеннаго смертію (гвардейскому офицеру Дм. Петр. Зыкову, умершему 30 л.). Они составляютъ родъ лаконическаго допроса, гдѣ истинно-дѣльное перемѣшивается иногда съ весьма капризными и произвольными требованіями, какъ это можно видѣть изъ начала ихъ, здѣсь приводимаго:

1) „Зачѣмъ Финнъ дожидался Руслана?“

2) „Зачѣмъ разсказываетъ онъ свою исторію, и 3) какъ можетъ Русланъ въ такомъ несчастномъ положеніи съ жадностію *внимать разсказы* (или по русски: разсказамъ) старца?“

4) „Зачѣмъ Русланъ присвистываетъ, отправляясь въ путь: показываетъ ли это огорченнаго человѣка?“

5) „Зачѣмъ Фарлафъ съ своею трусостью поѣхалъ искать Людмилы?“ Намъ скажутъ: затѣмъ, чтобы упасть въ грязный ровъ: et puis on en rit et cela fait toujours plaisir“ и проч. [26]).

---

[26]) Остальные вопросы слѣдующіе: 6) „Справедливо ли сравненіе, на стр 46, которое вы такъ хвалите? Случалось ли вамъ это видѣть? (сравненіе похитителя съ коршуномъ).

7) Зачѣмъ маленькій карла съ большою бородою (что между прочимъ совсѣмъ не забавно) приходилъ къ Людмилѣ? 8) Какъ Людмилѣ пришла въ голову странная мысль схватить съ колдуна шапку (впрочемъ въ испугѣ чего не подѣлаешь?), и 9) какъ колдунъ позволилъ ей это сдѣлать?

10) Какимъ образомъ Русланъ бросилъ Рогдая, какъ ребенка въ воду, когда

Они схватились на коняхъ,
. . . .
Ихъ члены злобой сведены;
Объяты, молча, костенѣютъ, и пр.?

Зачѣмъ Русланъ говоритъ, увидѣвши поле битвы (которое совершенный hors d' oeuvre), зачѣмъ говоритъ онъ:

О поле, поле, кто тебя
Усѣялъ мертвыми костями?
. . . .
Зачѣмъ же, поле, смолкло ты
И поросло травой забвенья?
Временъ отъ вѣчной темноты,
Быть можетъ нѣтъ и мнѣ спасенья!
и проч.

Такъ ли говорили русскіе богатыри? и похожъ ли Русланъ, говорящій о *травѣ забвенія* и *вѣчной темнотѣ временъ*, на Руслана, который чрезъ минуту послѣ восклицаетъ *съ важностью сердитой*:

Молчи, пустая голова!
. . . .
Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало.
Я ѣду, ѣду не свищу,
А какъ наѣду, не спущу!
. . . . . Знай нашихъ! и пр.?

11) Зачѣмъ Черноморъ, доставши чудесный мечъ, положилъ его на полѣ, подъ головою брата? Не лучше ли бы было взять его домой?

12) Зачѣмъ будить 12 спящихъ дѣвъ и поселять ихъ въ какую-то степь, куда не знаю какъ заѣхалъ Ратмиръ? Долго ли онъ пробылъ тамъ? Куда поѣхалъ? Зачѣмъ сдѣлался рыбакомъ? Кто такая его новая подруга? Вѣроятно ли, что Русланъ, побѣдивъ Черномора и пришедъ въ отчаяніе, не находя Людмилы, махалъ до тѣхъ поръ мечемъ, что сшибъ шапку съ лежащей на землѣ супруги?

13) Зачѣмъ карла не вылѣзъ изъ котомки убитаго Руслана? Что предвѣщаетъ сонъ Руслана? Зачѣмъ это множество точекъ послѣ стиховъ:

Шатры бѣлѣютъ на холмахъ?

14) Зачѣмъ, разбирая „Руслана и Людмилу“, говорить объ Иліадѣ и Энеидѣ? Что есть общаго между ними? Какъ писать (и кажется, серьезно), что рѣчи Владиміра, Руслана, Финна и проч. пойдутъ въ сравненіе съ Омеровыми? Вотъ вещи, которыхъ я не понимаю, которыхъ многіе другіе также не понимаютъ. Если вы намъ объясните ихъ, то мы скажемъ: cujusvis hominis est errare; nullius, nisi insipientis, in errore perseverare (Philipp. XII. 2)“.

„Конечно, многія обвиненія сего допроса основательны, особенно послѣдній“, замѣтилъ Пушкинъ въ предисловіи ко 2-му изданію „Р. и Л.“.

Приводимъ отвѣты на вопросы Зыкова, составленные Перовскимъ:

1) Онъ предвидѣлъ, что Русланъ къ нему пріѣдетъ.—2) Затѣмъ, что онъ зналъ, кто Финнъ; притомъ старики словоохот-

„Младенческое состояніе тогдашней критики особенно проявилось въ разборѣ поэмы при выходѣ ея вполнѣ (С. О., ч. LXIV, 1820 г.), подписаннымъ буквою В.[1]). Уже съ этой ранней эпохи всѣ рецензіи на Пушкина было ниже его, и онъ имѣлъ полное право говорить впослѣдствіи, что ничему отъ нихъ не выучился. Вѣрное эстетическое чувство въ оцѣнкѣ его произведеній явилось не задолго до его смерти и было имъ же воспитано и приготовлено. Рецензентъ Сына Отечества разсказываетъ содержаніе поэмы собственною своею прозой, опредѣляетъ характеры героевъ общими чертами въ родѣ слѣдующихъ: „Русланъ великодушенъ, храбръ, чувствителенъ, ретивъ, но вспыльчивъ и нетерпѣливъ. Онъ напоминаетъ Ахиллеса... Людмила веселонравна, рѣзва, вѣрна любви своей, нѣжна и сильна душа ея, непорочно сердце". Не забытъ, разумѣется, и упрекъ въ излишней вольности фантазіи, который сдѣлался потомъ избитымъ орудіемъ литературнаго спора. Критикъ заключаетъ свою статью, по обыкновенію, разборомъ выраженій, находитъ непонятнымъ между прочимъ могильный голосъ („не голосъ ли это какого-нибудь неизвѣстнаго намъ музыкальнаго орудія?" говоритъ онъ) и останавливается съ изумленіемъ передъ выраженіемъ: „нѣмой мракъ". „Смѣло до недоступности", замѣчаетъ онъ, „и если допустить сіе выраженіе, то можно будетъ напечатать: говорящій мракъ, болтающій мракъ, болтунъ мракъ и проч.".

„И. А. Крыловъ, часто умалчивавшій о странностяхъ въ людяхъ и въ обществѣ, но всегда понимавшій ихъ, написалъ эпиграмму, ходившую тогда по рукамъ:

Напрасно говорятъ, что критика легка.
Я критику читалъ „Руслана и Людмилы":
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно какъ тяжка.

„Восторгъ публики, и особенно той части ея, которая увлеклась нѣжными и роскошными описаніями, заключающимися въ поэмѣ, долженъ былъ съ избыткомъ вознаградить автора за нѣсколько придирчивыхъ замѣчаній. Публика готова была всюду слѣдовать за пѣвцомъ своимъ по этой легкой и цвѣтистой дорогѣ; но поэтъ, которому суждено было сдѣлаться воспитателемъ эстетическаго вкуса въ нашемъ отечествѣ, вскорѣ избралъ другой путь..."

Изданій „Руслана и Людмилы" отдѣльными книгами два: 1-е 1820 г. съ гравированной картинкой по рисунку А. Н. Оленина; 2-е—1828 г. съ предисловіемъ, прибавленіемъ „пролога" и съ приложеніемъ портрета Пушкина, гравированного Уткинымъ съ портрета, писаннаго Кипренскимъ. При жизни Пушкина поэма была напечатана еще одинъ разъ въ собраніи его „Поэмъ и повѣстей" 1835 г.

ны.—3) Его положеніе не было несчастно: Финнъ его сначала ободрилъ.—4) Дурная привычка, или свистали вмѣсто того, чтобы погонять лошадь англійскимъ хлыстикомъ.—5) Трусы ѣздятъ туда же, куда и храбрые.—6) Точно.—7) Какъ хозяинъ съ визитомъ.—8) Съ испуга, какъ справедливо замѣтилъ и вопрошатель.—9) Она безъ позволенія сдѣлала это.—19) Прочитайте въ поэмѣ.—13) Русланъ прежде смерти крѣпко затянулъ котомку ремнемъ, оставивъ небольшое отверстіе, черезъ которое карла могъ просовывать только голову. (Соч. П. А. Плетнева. III, 331).

[1]) Воейковъ.

Предисловіе [1]).

Автору было двадцать лѣтъ отъ роду, когда кончилъ онъ „Руслана и Людмилу“. Онъ началъ свою поэму, будучи еще воспитанникомъ Царскосельскаго лицея, и продолжалъ ее среди самой разсѣянной жизни. Этимъ до нѣкоторой степени можно извинить ея недостатки.

При ея появленіи въ 1820 году тогдашніе журналы наполнились критиками болѣе или менѣе снисходительными*). Самая пространная писана г. В. и помѣщена въ „Сынѣ Отечества“. Вслѣдъ за нею появились вопросы неизвѣстнаго. Приведемъ изъ нихъ нѣкоторые...[2])

Конечно, многія обвиненія сего допроса основательны, особенно послѣдній. Нѣкто взялъ на себя трудъ отвѣчать на оные. Его антикритика остроумна и забавна [3]).

Впрочемъ нашлись рецензенты совсѣмъ иного разбора. Наприм. въ „Вѣстникѣ Европы“, № 11, 1820 г., мы находимъ слѣдующую благонамѣренную статью...[4])

Долгъ искренности требуетъ также упомянуть и о мнѣніи одного изъ *увѣнчанныхъ*, *первоклассныхъ отечественныхъ писателей*, который, прочитавъ Руслана и Людмилу, сказалъ: я тутъ не вижу ни мыслей ни чувства; вижу только чувственность [5]). Другой (а можетъ быть тотъ же) [6]), увѣнчанный, первоклассный отечественный писатель привѣтствовалъ сей первый опытъ молодого поэта слѣдующимъ стихомъ:

„Мать дочери велитъ на эту сказку плюнуть“.

12 февраля 1828.

*) Одна изъ нихъ подала поводъ къ эпиграммѣ, приписываемой К*** *(Пр. Пушк.)* (здѣсь Пушкинъ приводитъ вышеупомянутую эпиграмму Крылова).

[1]) Написано Пушкинымъ ко 2 изданію поэмы (1828).—[2]) Здѣсь Пушкинъ выписываетъ вопросы Зыкова, приведенные выше, на стр. 20. [3]) См. выше въ концѣ вын. 26-й. [4]) Здѣсь Пушкинъ выписываетъ приведенную нами на стр. 12 и 13 статью „Жители Бутырской слободы“.—[5]) Н. М. Карамазинъ писалъ 7 іюня 1820 г. И. И. Дмитріеву: „...Я забылъ сказать тебѣ, что ты, по моему мнѣнію, не отдаешь справедливости таланту или *поэмкѣ* молодого Пушкина, сравнивая ее съ Энеидою Осипова: въ ней есть живость, легкость, остроуміе, вкусъ; только нѣтъ искуснаго расположенія частей, нѣтъ или мало интереса; все сметано на живую нитку“ („Письма Кар. къ Дм.“, письмо 254-е.) Поэма Осипова, здѣсь упомянутая, есть „Виргиліева Енеида, вывороченная наизнанку“, соч. Ник. Осипова и Ал. Котельницкаго, 1791—1808.—[6]) И. И. Дмитріевъ. Но онъ послѣ призналъ достоинства „Р. и Л.“

Посвященіе.

Для васъ, души моей царицы,
Красавицы, для васъ однихъ
Временъ минувшихъ небылицы,
Въ часы досуговъ золотыхъ,
Подъ шопотъ старины болтливой
Рукою вѣрной я писалъ;
Примите жъ вы мой трудъ игривый.
Ничьихъ не требуя похвалъ,
Счастливъ ужъ я надеждой сладкой,
Что дѣва съ трепетомъ любви
Посмотритъ, можетъ быть, украдкой
На пѣсни грѣшныя мои.

1820

Прологъ.

У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ:
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ;
Идетъ направо—пѣснь заводитъ,
Налѣво—сказку говоритъ.

Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынутъ волны
На брегъ песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ,
И съ ними дядька ихъ морской;
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;
Тамъ въ облакахъ передъ народомъ
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богатыря;
Въ темницѣ тамъ царевна тужитъ,
А бурый волкъ ей вѣрно служитъ;
Тамъ ступа съ Бабою Ягой
Идетъ-бредетъ сама собой:
Тамъ царь Кощей надъ златомъ чахнетъ:
Тамъ русскій духъ... тамъ Русью пахнетъ!
И тамъ я былъ, и медъ я пилъ,
У моря видѣлъ дубъ зеленый,
Подъ нимъ сидѣлъ, и котъ ученый
Свои мнѣ сказки говорилъ.
Одну я помню—сказку эту
Повѣдаю теперь я свѣту...

1828.

Пѣснь первая.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

Въ толпѣ могучихъ сыновей,
Съ друзьями, въ гридницѣ высокой
Владиміръ-солнце пировалъ:
Меньшую дочь онъ выдавалъ
За князя храбраго Руслана,
И медъ изъ тяжкаго стакана
За ихъ здоровье выпивалъ.
Не скоро ѣли предки наши,
Не скоро двигались кругомъ
Ковши, серебряныя чаши

Съ кипящимъ пивомъ и виномъ.
Они веселье въ сердце лили,
Шипѣла пѣна по краямъ,
Ихъ важно чашники носили
И низко кланялись гостямъ.

Слилися рѣчи въ шумъ невнятный;
Жужжитъ гостей веселый кругъ;
Но вдругъ раздался гласъ пріятный
И звонкихъ гуслей бѣглый звукъ.
Всѣ смолкли, слушаютъ Баяна:
И славитъ сладостный пѣвецъ
Людмилу-прелесть и Руслана
И Лелемъ свитый имъ вѣнецъ.

Но, страстью пылкой утомленный,
Не ѣстъ, не пьетъ Русланъ влюбленный,
На друга милаго глядитъ,
Вздыхаетъ, сердится, горитъ
И, щипля усъ отъ нетерпѣнья,
Считаетъ каждыя мгновенья.
Въ уныньи, съ пасмурнымъ челомъ
За шумнымъ свадебномъ столомъ
Сидятъ три витязя младые;
Безмолвны, за ковшомъ пустымъ,
Забыли кубки круговые,
И брашна непріятны имъ;
Не слышатъ вѣщаго Баяна,
Потупили смущенный взглядъ:
То—три соперника Руслана;
Въ душѣ несчастные таятъ
Любви и ненависти ядъ.
Одинъ—Рогдай, воитель смѣлый,
Мечемъ раздвинувшій предѣлы
Богатыхъ кіевскихъ полей;
Другой—Фарлафъ, крикунъ надменный,
Въ пирахъ никѣмъ не побѣжденный,
Но воинъ скромный средь мечей;
Послѣдній, полный страстной думы,
Младой казарскій ханъ, Ратмиръ.
Всѣ трое блѣдны и угрюмы,
И пиръ веселый имъ не въ пиръ.

Вотъ конченъ онъ; встаютъ рядами,
Смѣшались шумными толпами
И всѣ глядятъ на молодыхъ:
Невѣста очи опустила,
Какъ будто сердцемъ пріуныла,
И свѣтелъ радостный женихъ.
Но тѣнь объемлетъ всю природу,
Ужъ близко къ полночи глухой;
Бояре, задремавъ отъ меду,
Съ поклономъ убрались домой.
Женихъ въ восторгѣ, въ упоеньи:
Ласкаетъ онъ въ воображеньи
Стыдливой дѣвы красоту;
Но съ тайнымъ, грустнымъ умиленьемъ
Великій князь благословеньемъ
Даруетъ юную чету.

И вотъ невѣсту молодую
Ведутъ на брачную постель;
Огни погасли... и ночную
Лампаду зажигаетъ Лель.
...Вдругъ
Громъ грянулъ, свѣтъ блеснулъ въ туманѣ,
Лампада гаснетъ, дымъ бѣжитъ,
Кругомъ все смерклось, все дрожитъ,
И замерла душа въ Русланѣ...
Все смолкло. Въ грозной тишинѣ
Раздался дважды голосъ странный,
И кто-то въ дымной глубинѣ
Взвился чернѣе мглы туманной...
И снова теремъ пустъ и тихъ.
Встаетъ испуганный женихъ;
Съ лица катится потъ остылый;
Трепеща, хладною рукою
Онъ вопрошаетъ мракъ нѣмой...
О горе, нѣтъ подруги милой!
Хватаетъ воздухъ онъ пустой—
Людмилы нѣтъ, во тмѣ густой
Похищена безвѣстной силой!

Ахъ, если мученикъ любви

Страдаетъ страстью безнадежно,
Хоть грустно жить, друзья мои,
Однако жить еще возможно.
Но послѣ долгихъ, долгихъ лѣтъ
Обнять влюбленную подругу,
Желаній, слезъ, тоски предметъ,—
И вдругъ минутную супругу
Навѣкъ утратить... О, друзья,
Конечно лучше бъ умеръ я!

Однако живъ Русланъ несчастный.
Но что сказалъ великій князь?
Сраженный вдругъ молвой ужасной,
На зятя гнѣвомъ распалясь,
Его и дворъ онъ созываетъ:
„Гдѣ, гдѣ Людмила?“ вопрошаетъ
Съ ужаснымъ, пламеннымъ челомъ.
Русланъ не слышитъ. — „Дѣти, други!
Я помню прежнія заслуги:
О, сжальтесь вы надъ старикомъ!
Скажите, кто изъ васъ согласенъ
Скакать за дочерью моей?
Чей подвигъ будетъ не напрасенъ,
Тому—терзайся, плачь, злодѣй!
Не могъ сберечь жены своей!—
Тому я дамъ ее въ супруги
Съ полцарствомъ прадѣдовъ моихъ.
Кто жъ вызовется, дѣти, други?..
—Я! молвилъ горестный женихъ.
„Я! я!“ воскликнули съ Рогдаемъ
Фарлафъ и радостный Ратмиръ:
„Сейчасъ коней своихъ сѣдлаемъ,
Мы рады весь изъѣздить міръ.
Отецъ нашъ, не продлимъ разлуки;
Не бойся, ѣдемъ за княжной!“
И съ благодарностью нѣмой
Въ слезахъ къ нимъ простираетъ руки
Старикъ, измученный тоской.

Всѣ четверо выходятъ вмѣстѣ.
Русланъ уныньемъ какъ убитъ:
Мысль о потерянной невѣстѣ
Его терзаетъ и мертвитъ.
Садятся на коней ретивыхъ;
Вдоль береговъ Днѣпра счастливыхъ
Летятъ въ клубящейся пыли;
Уже скрываются вдали;
Ужъ всадниковъ не видно болѣ...
Но долго все еще глядитъ
Великій князь въ пустое поле,
И думой имъ вослѣдъ летитъ...

Русланъ томился молчаливо,
И мысль и память потерявъ;
Черезъ плечо глядя спесиво
И важно подбочась, Фарлафъ
Надувшись ѣхалъ за Русланомъ.
Онъ говоритъ: „Насилу я
На волю вырвался, друзья!
Ну, скоро ль встрѣчусь съ великаномъ?
Ужъ то-то крови будетъ течь,
Ужъ то-то жертвъ любви ревнивой!..
Повеселись, мой вѣрный мечъ,
Повеселись, мой конь ретивый!“

Хазарскій ханъ, въ умѣ своемъ
Уже Людмилу обнимая,
Едва не пляшетъ надъ сѣдломъ;
Въ немъ кровь играетъ молодая,
Огня надежды полонъ взоръ;
То скачетъ онъ во весь опоръ,
То дразнитъ бѣгуна лихаго,
Кружитъ, подъемлетъ на дыбы,
Иль дерзко мчитъ на холмы снова.

Рогдай угрюмъ, молчитъ — ни слова...
Страшась невѣдомой судьбы
И мучась ревностью напрасной,
Всѣхъ больше безпокоенъ онъ,
И часто взоръ его ужасный
На князя мрачно устремленъ.

Соперники одной дорогой
Всѣ вмѣстѣ ѣдутъ цѣлый день.
Днѣпра сталъ теменъ брегъ отлогій;
Съ востока льется ночи тѣнь;

Туманы надъ Днѣпромъ глубокимъ;
Пора конямъ ихъ отдохнуть.
Вотъ подъ горой путемъ широкимъ
Широкій пересѣкся путь.
„Разъѣдемся, пора!“ сказали:
„Безвѣстной ввѣримся судьбѣ.“
И каждый конь, не чуя стали,
По волѣ путь избралъ себѣ.

Что дѣлаешь, Русланъ несчастный,
Одинъ въ пустынной тишинѣ?
Людмилу, свадьбы день ужасный,
Все, мнится, видѣлъ ты во снѣ!
На брови мѣдный шлемъ надвинувъ,
Изъ мощныхъ рукъ узду покинувъ,
Ты шагомъ ѣдешь межъ полей,
И медленно въ душѣ твоей
Надежда гибнетъ, гаснетъ вѣра...

Но вдругъ предъ витяземъ пещера;
Въ пещерѣ свѣтъ. Онъ прямо къ ней.
Идетъ подъ дремлющіе своды,
Ровесники самой природы.
Вошелъ съ уныньемъ; что же зритъ?
Въ пещерѣ старецъ: ясный видъ,
Спокойный взоръ, брада сѣдая;
Лампада передъ нимъ горитъ;
За древней книгой онъ сидитъ,
Ее внимательно читая.
„Добро пожаловать, мой сынъ!“
Сказалъ съ улыбкой онъ Руслану:
„Ужъ двадцать лѣтъ я здѣсь одинъ
Во мракѣ старой жизни вяну;
Но, наконецъ, дождался дня,
Давно предвидѣннаго мною.
Мы вмѣстѣ сведены судьбою;
Садись и выслушай меня.
Русланъ, лишился ты Людмилы;
Твой твердый духъ теряетъ силы;
Но зла промчится быстрый мигъ:
На время рокъ тебя постигъ.
Съ надеждой, вѣрою веселой
Иди на все, не унывай.
Впередъ! мечомъ и грудью смѣлой
Свой путь на полночь пробивай.

„Узнай, Русланъ: твой оскорбитель—
Волшебникъ, страшный Черноморъ,
Красавицъ давній похититель,
Полночныхъ обладатель горъ.
Еще ничей въ его обитель
Не проникалъ донынѣ взоръ;
Но ты, злыхъ козней истребитель,
Въ нее ты вступишь, и злодѣй
Погибнетъ отъ руки твоей!
Тебѣ сказать не долженъ болѣ.
Судьба твоихъ грядущихъ дней,
Мой сынъ, въ твоей отнынѣ волѣ“.

Нашъ витязь старцу палъ къ ногамъ,
И въ радости лобзаетъ руку.
Свѣтлѣетъ міръ его очамъ,
И сердце позабыло муку.
Вновь ожилъ онъ, и вдругъ опять
На вспыхнувшемъ лицѣ кручина...
„Ясна тоски твоей причина,
Но грусть не трудно разогнать“,
Сказалъ старикъ: „тебѣ ужасна
Любовь сѣдого колдуна;
Спокойся, знай—она напрасна.
И юной дѣвѣ не страшна.
Вокругъ нея онъ молча бродитъ,
Клянетъ жестокій жребій свой...
Но, добрый витязь, день проходитъ,
А нуженъ для тебя покой.“

Русланъ на мягкій мохъ ложится
Предъ умирающимъ огнемъ;
Онъ ищетъ позабыться сномъ,
Вздыхаетъ, медленно вертится...
Напрасно! Витязь наконецъ:
„Не спится что-то, мой отецъ!
Что дѣлать! боленъ я душою,

И сонъ не въ сонъ, какъ тошно жить!
Позволь мнѣ сердце освѣжить
Твоей бесѣдою святою.
Прости мнѣ дерзостный вопросъ,
Откройся: кто ты, благодатный,
Судьбы наперсникъ непонятный?
Въ пустыню кто тебя занесъ?“

Вздохнувъ съ улыбкою печальной,
Старикъ въ отвѣтъ: „Любезный сынъ,
Ужъ я забылъ отчизны дальной
Угрюмый край. Природный финнъ,
Въ долинахъ, намъ однимъ извѣстныхъ,
Гоняя стадо селъ окрестныхъ,
Въ безпечной юности я зналъ
Однѣ дремучія дубравы,
Ручьи, пещеры нашихъ скалъ,
Да дикой бѣдности забавы.
Но жить въ отрадной тишинѣ
Дано не долго было мнѣ.

Тогда близъ нашего селенья,
Какъ милый цвѣтъ уединенья,
Жила Наина. Межъ подругъ
Она гремѣла красотою.
Однажды утренней порою
Свои стада на темный лугъ
Я гналъ, волынку надувая;
Передо мной шумѣлъ потокъ.
Одна, красавица младая
На берегу плела вѣнокъ.
Меня влекла моя судьбина...
Ахъ, витязь, то была Наина!
Я къ ней—и пламень роковой
За дерзкій взоръ мнѣ былъ наградой.
И я любовь узналъ душой
Съ ея небесною отрадой,
Съ ея мучительной тоской!

Умчалась года половина;
Я съ трепетомъ открылся ей,
Сказалъ: люблю тебя Наина!
Но робкой горести моей
Наина съ гордостью внимала,
Лишь прелести свои любя,
И равнодушно отвѣчала:
Пастухъ, я не люблю тебя!

И все мнѣ дико, мрачно стало:
Родная куща, тѣнь дубровъ,
Веселы игры пастуховъ—
Ничто тоски не утѣшало.
Въ уныньи сердце сохло, вяло;
И наконецъ задумалъ я
Оставить финскія поля,
Морей невѣрныя пучины
Съ дружиной братской переплыть,
И бранной славой заслужить
Вниманье гордое Наины.
Я вызвалъ смѣлыхъ рыбаковъ
Искать опасностей и злата.
Впервые тихій край отцовъ
Услышалъ бранный звукъ булата
И шумъ немирныхъ челноковъ.
Я вдаль уплылъ, надежды полный,
Съ толпой безстрашныхъ земляковъ;
Мы десять лѣтъ снѣга и волны
Багрили кровію враговъ.
Молва неслась; цари чужбины
Страшились дерзости моей,
Ихъ горделивыя дружины
Бѣжали сѣверныхъ мечей.
Мы весело, мы грозно бились,
Дѣлили дани и дары,
И съ побѣжденными садились
За дружелюбные пиры.
Но сердце, полное Наиной,
Подъ шумомъ битвы и пировъ
Томилось тайною кручиной,
Искало финскихъ береговъ.
Пора домой, сказалъ я, други!
Повѣсимъ праздныя кольчуги
Подъ сѣнью хижины родной.
Сказалъ—и весла зашумѣли:
И, страхъ оставя за собой,
Въ заливъ отчизны дорогой
Мы съ гордой радостью влетѣли.

Сбылись давнишнія мечты,
Сбылися пылкія желанья!
Минута сладкаго свиданья,

И для меня блеснула ты!
Къ ногамъ красавицы надменной
Принесъ я мечъ окровавленный,
Кораллы, злато и жемчугъ:
Предъ нею страстью упоенный,
Безмолвнымъ роемъ окруженный
Ея завистливыхъ подругъ,
Стоялъ я плѣнникомъ послушнымъ;
Но дѣва скрылась отъ меня,
Промолвя съ видомъ равнодушнымъ:
Герой, я не люблю тебя [а]!

Къ чему разсказывать, мой сынъ,
Чего пересказать нѣтъ силы?
Ахъ, и теперь одинъ, одинъ,
Душой уснувъ, въ дверяхъ могилы,
Я помню горесть, и порой,
Какъ о минувшемъ мысль родится,
По бородѣ моей сѣдой
Слеза тяжелая катится

Но слушай: въ родинѣ моей,
Между пустынныхъ рыбарей
Наука дивная таится.
Подъ кровомъ вѣчной тишины,
Среди лѣсовъ въ глуши далекой
Живутъ сѣдые колдуны;
Къ предметамъ мудрости высокой
Всѣ мысли ихъ устремлены;
Все слышитъ голосъ ихъ ужасный,
Что было и что будетъ вновь,
И грозной волѣ ихъ подвластны
И гробъ, и самая любовь.

И я, любви искатель жадный,
Рѣшился въ грусти безотрадной
Наину чарами привлечь,
И въ гордомъ сердцѣ дѣвы хладной
Любовь волшебствами зажечь.
Спѣшилъ въ объятія свободы,
Въ уединенный мракъ лѣсовъ;
И тамъ, въ ученьи колдуновъ,
Провелъ невидимые годы.
Насталъ давно желанный мигъ,
И тайну страшную природы
Я свѣтлой мыслію постигъ:
Узналъ я силу заклинаньямъ;
Вѣнецъ любви, вѣнецъ желаньямъ!
Теперь, Наина, ты моя!
Побѣда наша, думалъ я.
Но въ самомъ дѣлѣ, побѣдитель
Былъ рокъ, упорный мой гонитель.
Въ мечтахъ надежды молодой,
Въ восторгѣ пылкаго желанья,
Творю поспѣшно заклинанья,
Зову духовъ и въ тьмѣ лѣсной [б]
Стрѣла промчалась громовая,
Волшебный вихорь поднялъ вой,
Земля вздрогнула подъ ногой...
И вдругъ сидитъ передо мной
Старушка дряхлая, сѣдая,
Глазами впалыми сверкая,
Съ горбомъ, съ трясучей головой—
Печальной ветхости картина.
Ахъ, витязь, то была Наина!
Я ужаснулся и молчалъ,
Глазами страшный призракъ мѣрилъ,
Въ сомнѣньи все еще не вѣрилъ,
И вдругъ заплакалъ, закричалъ:
„Возможно ль! ахъ, Наина, ты ли!
Наина, гдѣ твоя краса?
Скажи, ужели небеса

а Въ 1 изд. слѣдовали стихи: Русланъ, не знаешь ты мученья Любви, отверженной навѣкъ. Увы! ты не сносилъ презрѣнья... И что же, странный человѣкъ! И ты жъ тоскою сердце губишь. Счастливецъ! ты любимъ, какъ любишь!

б Въ надеждѣ сладостныхъ отрадъ, Въ восторгѣ пылкаго желанья, Творю поспѣшно заклинанья, Зову духовъ—и, виноватъ! Безумный, дерзостный губитель, Достойный Черномора братъ, Я сталъ Наины похититель: Лишь загадалъ во тьмѣ лѣсной... (Въ 1 изд. вм. стиховъ 403—406).

Тебя такъ страшно измѣнили?
Скажи, давно ль, оставя свѣтъ,
Разстался я съ душой и съ милой?
Давно ли?"—„Ровно сорокъ лѣтъ!"
Былъ дѣвы роковой отвѣтъ:
„Сегодня семьдесятъ мнѣ било
Что дѣлать!" мнѣ пищитъ она,
„Толпою годы пролетѣли,
Прошла моя, твоя весна—
Мы оба постарѣть успѣли.
Но, другъ, послушай: не бѣда
Невѣрной младости утрата.
Конечно, я теперь сѣда,
Немножко, можетъ быть, горбата,
Не то, что въ старину была,
Не такъ жива, не такъ мила;
Зато (прибавила болтунья)
Открою тайну: я—колдунья!"

И было въ самомъ дѣлѣ такъ.
Нѣмой, недвижный передъ нею,
Я совершенный былъ дуракъ
Со всей премудростью моею.

Но вотъ ужасно: колдовство
Вполнѣ совершилось по несчастью.
Мое сѣдое божество
Ко мнѣ пылало новой страстью.
Скрививъ улыбкой страшный ротъ,
Могильнымъ голосомъ уродъ
Бормочетъ мнѣ любви признанье.
Вообрази мое страданье!
Я трепеталъ, потупя взоръ;
Она сквозь кашель продолжала
Тяжелый, страстный разговоръ:
„Такъ, сердце я теперь узнала;
Я вижу, вѣрный другъ, оно
Для нѣжной страсти рождено;
Проснулись чувства, я сгораю,
Томлюсь желаньями любви...
Прійди въ объятія мои...
О милый, милый, умираю!..

И между тѣмъ она, Русланъ,
Мигала томными глазами,
И между тѣмъ за мой кафтанъ
Держалась тощими руками;
И между тѣмъ я обмиралъ,
Отъ ужаса зажмуря очи;
И вдругъ терпѣть не стало мочи,
Я съ крикомъ вырвался, бѣжалъ;
Она вслѣдъ: „О недостойный!
Ты возмутилъ мой вѣкъ спокойный,
Невинной дѣвы ясны дни!
Добился ты любви Наины,
И презираешь—вотъ мужчины!
Измѣной дышутъ всѣ они!
Увы, сама себя вини:
Онъ обольстилъ меня, несчастный!
Я отдалась любови страстной...
Измѣнникъ! извергъ! о позоръ!
Но трепещи, дѣвичій воръ!"

Такъ мы разстались. Съ этихъ поръ
Живу въ своемъ уединеньѣ
Съ разочарованной душой;
И въ мірѣ старцу утѣшенье
Природа, мудрость и покой.
Уже зоветъ меня могила,
Но чувства прежнія свои
Еще старушка не забыла,
И пламя позднее любви
Съ досады въ злобу превратила.
Душою черной зло любя,
Колдунья старая, конечно,
Возненавидитъ и тебя,
Но горе на землѣ не вѣчно!"

Нашъ витязь съ жадностью внималъ
Разсказы старца; ясны очи
Дремотой легкой не смыкалъ,
И тихаго полета ночи
Въ глубокой думѣ не слыхалъ.
Но день блистаетъ лучезарный...
Со вздохомъ витязь благодарный
Объемлетъ старца-колдуна;
Душа надеждою полна;
Выходитъ вонъ. Ногами стиснулъ
Русланъ заржавшаго коня;
Въ сѣдлѣ оправился, присвистнулъ.
„Отецъ мой, не оставь меня!"
И скачетъ по пустому лугу.

Сѣдой мудрецъ младому другу
Кричитъ вослѣдъ: „Счастливый путь!
Прости, люби свою супругу,
Совѣтовъ старца не забудь!“

Пѣснь вторая.

Соперники въ искусствѣ брани,
Не знайте мира межъ собой;
Несите мрачной славѣ дани,
И упивайтеся враждой!
Пусть міръ предъ вами цѣпенѣетъ,
Дивяся грознымъ торжествамъ.
Никто о васъ не пожалѣетъ,
Никто не помѣшаетъ вамъ.
Соперники другого рода,
Вы, рыцари Парнасскихъ горъ,
Старайтесь не смѣшить народа
Нескромнымъ шумомъ вашихъ ссоръ;
Бранитесь, только осторожно.
Но вы, соперники въ любви,
Живите дружно, если можно.
Повѣрьте мнѣ, друзья мои:
Кому судьбою непремѣнной
Дѣвичье сердце суждено,
Тотъ будетъ милъ на зло вселенной;
Сердиться глупо и грѣшно [в].

Когда Рогдай неукротимый,
Глухимъ предчувствіемъ томимый,
Оставя спутниковъ своихъ,
Пустился въ край уединенный,
И ѣхалъ межъ пустынь лѣсныхъ,
Въ глубоку думу погруженный,—
Злой духъ тревожилъ и смущалъ
Его тоскующую душу,
И витязь пасмурный шепталъ:
„Убью!.. преграды всѣ разрушу...
Русланъ!.. узнаешь ты меня...
Теперь-то дѣвица поплачетъ“
И вдругъ, поворотивъ коня,
Во весь опоръ назадъ онъ скачетъ.
Въ то время доблестный Фарлафъ,
Все утро сладко продремавъ,
Укрывшись отъ лучей полдневныхъ,
У ручейка, наединѣ,
Для подкрѣпленья силъ душевныхъ,
Обѣдалъ въ мирной тишинѣ,—
Какъ вдругъ онъ видитъ, кто-то въ полѣ,
Какъ буря, мчится на конѣ;
И, времени не тратя болѣ,
Фарлафъ, покинувъ свой обѣдъ,
Копье, кольчугу, шлемъ, перчатки,
Вскочилъ въ сѣдло и безъ оглядки
Летитъ—а тотъ за нимъ вослѣдъ.
„Остановись, бѣглецъ безчестный!“
Кричитъ Фарлафу неизвѣстный,
„Презрѣнный, дай себя догнать,
Дай голову съ тебя сорвать!“
Фарлафъ, узнавши гласъ Рогдая,
Со страха скорчась, обмиралъ
И, вѣрной смерти ожидая,
Коня еще быстрѣе гналъ.
Такъ точно заяцъ торопливый
Прижавши уши, боязливо,
По кочкамъ, полемъ, сквозь лѣса
Скачками мчится ото пса.
На мѣстѣ славнаго побѣга,
Весной растопленнаго снѣга
Потоки мутные текли
И рыли влажну грудь земли.
Ко рву примчался конь ретивый,
Взмахнулъ хвостомъ и бѣлой гривой,

в Ужели Богъ намъ далъ одно Въ подлунномъ мірѣ наслажденье? Намъ остаются въ утѣшенье Война, и музы, и вино (1 изд.).

Бразды стальныя закусилъ
И черезъ ровъ перескочилъ;
Но робкій всадникъ вверхъ ногами,
Свалился тяжко въ грязный ровъ,
Земли не взвидѣлъ съ небесами,
И смерть принять ужъ былъ готовъ.
Рогдай къ оврагу подлетаетъ,
Жестокій мечъ ужъ занесенъ.
„Погибни, трусъ! умри!“ вѣщаетъ...
Вдругъ узнаетъ Фарлафа онъ;
Глядитъ, и руки опустились;
Досада, изумленье, гнѣвъ
Въ его чертахъ изобразились;
Скрипя зубами, онѣмѣвъ,
Герой, съ поникшею главою
Скорѣй отъѣхавъ ото рва,
Бѣсился... но едва-едва
Самъ не смѣялся надъ собою.

Тогда онъ встрѣтилъ подъ горой
Старушечку чуть-чуть живую,
Горбатую, совсѣмъ сѣдую.
Она дорожною клюкой
Ему на сѣверъ указала:
„Ты тамъ найдешь его“, сказала.
Рогдай весельемъ закипѣлъ
И къ вѣрной смерти полетѣлъ.

А нашъ Фарлафъ? Во рву остался,
Дохнуть не смѣя; про себя
Онъ, лежа, думалъ: живъ ли я?
Куда соперникъ злой дѣвался?
Вдругъ слышитъ прямо надъ собой
Старухи голосъ гробовой:
„Встань, молодецъ, все тихо въ полѣ;
Ты никого не встрѣтишь болѣ;
Я привела тебѣ коня:
Вставай, послушайся меня“.

Смущенный витязь поневолѣ
Ползкомъ оставилъ грязный ровъ;
Окрестность робко озирая,
Вздохнулъ и молвилъ, оживая:
„Ну, слава Богу, я здоровъ!“

„Повѣрь!“ старуха продолжала:
„Людмилу мудрено сыскать;
Она далеко забѣжала,
Не намъ съ тобой ее достать.
Опасно разъѣзжать по свѣту;
Ты, право, будешь самъ не радъ.
Послѣдуй моему совѣту,
Ступай тихохонько назадъ.
Подъ Кіевомъ, въ уединеньѣ,
Въ своемъ наслѣдственномъ селеньѣ
Останься лучше безъ заботъ:
Отъ насъ Людмила не уйдетъ!“

Сказавъ, исчезла. Въ нетерпѣньѣ
Благоразумный нашъ герой
Тотчасъ отправился домой,
Сердечно позабывъ о славѣ,
И даже о княжнѣ младой:
И шумъ малѣйшій по дубравѣ,
Полетъ синицы, ропотъ водъ
Его бросали въ жаръ и въ потъ.

Межъ тѣмъ Русланъ далеко мчится
Въ глуши лѣсовъ, въ глуши полей,
Привычной думою стремится
Къ Людмилѣ, радости своей,
И говоритъ: „Найду ли друга?
Гдѣ ты, души моей супруга?
Увижу ль я твой свѣтлый взоръ,
Услышу ль нѣжный разговоръ?
Иль суждено, чтобъ чародѣя
Ты вѣчной плѣнницей была
И, скорбной дѣвою старѣя,
Въ темницѣ мрачной отцвѣла?
Или соперникъ дерзновенный
Прійдетъ?.. Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ безцѣнный,
Еще при мнѣ мой вѣрный мечъ,
Еще глава не пала съ плечъ“.

Однажды, темною порою,
По камнямъ, берегомъ крутымъ

Нашъ витязь ѣхалъ надъ рѣкою.
Все утихало. Вдругъ за нимъ
Стрѣлы мгновенное жужжанье,
Кольчуги звонъ, и крикъ, и ржанье,
И топотъ по полю глухой.
„Стой!“ грянулъ голосъ громовой.
Онъ оглянулся: въ полѣ чистомъ,
Поднявъ копье, летитъ со свистомъ
Свирѣпый всадникъ—и грозой
Помчался князь ему навстрѣчу.
„Ага! догналъ тебя! постой!“
Кричитъ наѣздникъ удалой:
„Готовься, другъ, на смертну сѣчу;
Теперь ложись средь здѣшнихъ мѣстъ,
А тамъ ищи своихъ невѣстъ“.
Русланъ вспылалъ, вздрогнулъ отъ гнѣва:
Онъ узнаетъ сей буйный гласъ...

Друзья мои, а наша дѣва?
Оставимъ витязей на часъ;
О нихъ опять я вспомню вскорѣ.
А то давно пора бы мнѣ
Подумать о младой княжнѣ
И объ ужасномъ Черноморѣ.
Несчастная! Когда злодѣй,
Рукою мощною своей
Тебя сорвавъ съ постели брачной,
Взвился какъ вихорь къ облакамъ
Сквозь тяжкій дымъ и воздухъ мрачный,
И вдругъ умчалъ къ своимъ горамъ—
Ты чувствъ и памяти лишилась,
И въ страшномъ замкѣ колдуна,
Безмолвна, трепетна, блѣдна,
Въ одно мгновенье очутилась.

... До утра юная княжна
Лежала, тягостнымъ забвеньемъ,
Какъ будто страшнымъ сновидѣньемъ,
Объята: наконецъ, она
Очнулась, пламеннымъ волненьемъ
И смутнымъ ужасомъ полна;
Душой летитъ за наслажденьемъ,
Кого-то ищетъ съ упоеньемъ:
Гдѣ жъ милый, шепчетъ, гдѣ супругъ?
Зоветъ и помертвѣла вдругъ.
Глядитъ съ боязнію вокругъ...
Людмила, гдѣ твоя свѣтлица?
Лежитъ несчастная дѣвица
Среди подушекъ пуховыхъ,
Подъ гордой сѣнью балдахина;
Завѣсы, пышная перина
Въ кистяхъ, въ узорахъ дорогихъ;
Повсюду ткани парчевыя;
Играютъ яхонты, какъ жаръ;
Кругомъ курильницы златыя
Подъемлютъ ароматный паръ;
Довольно... [г]благо мнѣ не надо
Описывать волшебный домъ;
Уже давно Шехеразада
Меня предупредила въ томъ.
Но свѣтлый теремъ не отрада,
Когда не видимъ друга въ немъ.

Три дѣвы красоты чудесной,
Въ одеждѣ легкой и прелестной
Княжнѣ явились, подошли,
И поклонились до земли.
Тогда неслышными шагами
Она поближе подошла,
Княжнѣ воздушными перстами
Златую косу заплела
Съ искусствомъ, въ наши дни не новымъ,
И обвила вѣнцомъ перловымъ
Окружность блѣднаго чела.
За нею, скромно взоръ склоняя,
Потомъ приблизилась другая—
Лазурный, пышный сарафанъ
Одѣлъ Людмилы стройный станъ:
Покрылись кудри золотыя,
И грудь, и плечи молодыя
Фатой прозрачной, какъ туманъ.
Покровъ завистливый лобзаетъ
Красы, достойныя небесъ,

г Въ первомъ изданіи: Вездѣ... но благо мнѣ не надо.

И обувь легкая сжимаетъ
Двѣ ножки, чудо изъ чудесъ.
Княжнѣ послѣдняя дѣвица
Жемчужный поясъ подаетъ.
Межъ тѣмъ незримая пѣвица
Веселы пѣсни ей поетъ.
Увы, ни камни ожерелья,
Ни сарафанъ, ни перловъ рядъ,
Ни пѣсни лести и веселья
Ея души не веселятъ;
Напрасно зеркало рисуетъ
Ея красы, ея нарядъ;
Потупя неподвижный взглядъ,
Она молчитъ, она тоскуетъ.

Тѣ, кои, правду возлюбя,
На темномъ сердца днѣ читали,
Конечно, знаютъ про себя,
Что если женщина въ печали,
Сквозь слезъ, украдкой какъ-нибудь,
На зло привычкѣ и разсудку,
Забудетъ въ зеркало взглянуть—
То грустно ей ужъ не на шутку.

Но вотъ Людмила вновь одна.
Не зная, что начать, она
Къ окну рѣшетчату подходитъ,
И взоръ ея печально бродитъ
Въ пространствѣ пасмурной дали.
Все мертво. Снѣжныя равнины
Коврами яркими легли;
Стоятъ угрюмыхъ горъ вершины
Въ однообразной бѣлизнѣ
И дремлютъ въ вѣчной тишинѣ;
Кругомъ не видно дымной кровли,
Не видно путника въ снѣгахъ,
И звонкій рогъ веселой ловли
Въ пустынныхъ не трубитъ горахъ.
Лишь изрѣдка съ унылымъ свистомъ
Бунтуетъ вихорь въ полѣ чистомъ,
И на краю сѣдыхъ небесъ
Качаетъ обнаженный лѣсъ.

Въ слезахъ отчаянья, Людмила
Отъ ужаса лицо закрыла.
Увы, что ждетъ ее теперь?
Бѣжитъ въ серебряную дверь;
Она съ музыкой отворилась,
И наша дѣва очутилась
Въ саду. Плѣнительный предѣлъ!
Прекраснѣе садовъ Армиды
И тѣхъ, которыми владѣлъ
Царь Соломонъ иль князь Тавриды.
Предъ нею зыблются, шумятъ
Великолѣпныя дубровы;
Аллеи пальмъ и лѣсъ лавровый,
И благовонныхъ миртовъ рядъ,
И кедровъ гордыя вершины,
И золотые апельсины
Зерцаломъ водъ отражены;
Пригорки, рощи и долины
Весны огнемъ оживлены;
Съ прохладой вьется вѣтеръ майскій
Средь очарованныхъ полей,
И свищетъ соловей китайскій
Во мракѣ трепетныхъ вѣтвей;
Летятъ алмазные фонтаны
Съ веселымъ шумомъ къ облакамъ;
Подъ ними блещутъ истуканы,
И, мнится, живы; Фидій самъ,
Питомецъ Феба и Паллады,
Любуясь ими, наконецъ
Свой очарованный рѣзецъ
Изъ рукъ бы выронилъ съ досады.
Дробясь о мраморны преграды,
Жемчужной, огненной дугой
Валятся, плещутъ водопады;
И ручейки въ тѣни лѣсной
Чуть вьются сонною волной.
Пріютъ покоя и прохлады,
Сквозь вѣчну зелень здѣсь и тамъ
Мелькаютъ свѣтлыя бесѣдки;
Повсюду розъ живыя вѣтки
Цвѣтутъ и дышатъ по тропамъ [a].
Но безутѣшная Людмила
Идетъ, идетъ и не глядитъ;
Волшебства роскошь ей [c] постыла,
Ей грустенъ нѣги свѣтлый [b] видъ;

[a] Послѣ 331 стиха въ 1 изд.; Усѣяннымъ пескомъ алмазнымъ. Игривымъ и разнообразнымъ Волшебствомъ дивный садъ блеститъ.—[c] Ей роскошь свѣтлая постыла — [b] пышный.

Куда, сама не зная, бродитъ,
Волшебный садъ кругомъ обходитъ,
Свободу горькимъ давъ слезамъ,
И взоры мрачные возводитъ
Къ неумолимымъ небесамъ.
Вдругъ освѣтился взоръ прекрасной;
Къ устамъ она прижала перстъ:
Казалось, умыселъ ужасный
Рождался... Страшный путь отверстъ.
Высокій мостикъ надъ потокомъ
Предъ ней виситъ на двухъ скалахъ;
Въ уныньи тяжкомъ и глубокомъ
Она подходитъ, и въ слезахъ
На воды шумныя взглянула,
Ударила, рыдая, въ грудь,
Въ волнахъ рѣшилась утонуть,—
Однако въ воды не прыгнула
И далѣ продолжала путь [3].

Моя прекрасная Людмила,
По солнцу бѣгая съ утра,
Устала, слезы осушила,
Въ душѣ подумала: пора!
На травку сѣла, оглянулась—
И вдругъ надъ нею сѣнь шатра,
Шумя, съ прохладой развернулась;
Обѣдъ роскошный передъ ней;
Приборъ изъ яркаго кристалла;
И въ тишинѣ изъ-за вѣтвей
Незрима арфа заиграла.
Дивится плѣнная княжна;
Но втайнѣ думаетъ она:
„Вдали отъ милаго, въ неволѣ,
Зачѣмъ мнѣ жить на свѣтѣ болѣ?
О ты, чья гибельная страсть
Меня терзаетъ и лелѣетъ,
Мнѣ не страшна злодѣя власть:
Людмила умереть умѣетъ!
Не нужно мнѣ твоихъ шатровъ,
Ни скучныхъ пѣсенъ, ни пировъ—
Не стану ѣсть, не буду слушать,
Умру среди твоихъ садовъ!“
Подумала — и стала кушать.

Княжна встаетъ и вмигъ шатеръ,
И пышной роскоши приборъ,
И звуки арфы—все пропало;
Попрежнему все тихо стало;
Людмила вновь одна въ садахъ
Скитается изъ рощи въ рощи;
Межъ тѣмъ въ лазурныхъ небесахъ
Плыветъ луна, царица нощи;
Находитъ мгла со всѣхъ сторонъ
И тихо на холмахъ почила;
Княжну невольно клонитъ сонъ;
И вдругъ невѣдомая сила
Нѣжнѣй, чѣмъ вешній вѣтерокъ,
Ее на воздухъ поднимаетъ,
Несетъ по воздуху въ чертогъ,
И осторожно опускаетъ
Сквозь ѳиміамъ вечернихъ розъ
На ложе грусти, ложе слезъ.
Три дѣвы вмигъ опять явились
И вкругъ нея засуетились,
Чтобъ на ночь пышный снять уборъ.
Но ихъ унылый, смутный взоръ
И принужденное молчанье
Являли втайнѣ состраданье
И немощный судьбамъ укоръ.
Но поспѣшимъ: рукой ихъ нѣжной
Раздѣта сонная княжна;
Прелестна прелестью небрежной,
Въ одной сорочкѣ бѣлоснѣжной
Ложится почивать она.
Со вздохомъ дѣвы поклонились,
Скорѣй какъ можно удалились
И тихо притворили дверь.

---

[3]) О люди, странныя созданья! Межъ тѣмъ какъ тяжкія страданья Тревожатъ, убиваютъ васъ, Обѣда лишь наступитъ часъ—И вмигъ вамъ жалобно доноситъ Пустой желудокъ о себѣ. И имъ заняться тайно проситъ. Что скажемъ о такой судьбѣ?— И ты прекрасная Людьмила По солнцу... (1 изд.).

Что жъ наша плѣнница теперь?
Дрожитъ какъ листъ, дохнуть не смѣетъ;
Хладѣютъ перси, взоръ темнѣетъ;
Мгновенный сонъ отъ глазъ бѣжитъ;
Не спитъ, удвоила вниманье,
Недвижно въ темноту глядитъ...
Все мрачно, мертвое молчанье!
Лишь сердца слышитъ трепетанье...
И мнится... шепчетъ тишина.
Идутъ—идутъ къ ея постелѣ;
Въ подушки прячется княжна,
И вдругъ... о страхъ!.. и въ самомъ дѣлѣ
Раздался шумъ; озарена
Мгновеннымъ блескомъ тьма ночная,
Мгновенно дверь отворена...
Безмолвно, гордо выступая,
Нагими саблями сверкая,
Араповъ длинный рядъ идетъ
Попарно, чинно, сколь возможно,
И на подушкахъ осторожно
Сѣдую бороду несетъ;
И входитъ съ важностью за нею,
Подъявъ величественно шею,
Горбатый карликъ изъ дверей.
Его-то головѣ обритой,
Высокимъ колпакомъ покрытой,
Принадлежала борода.
Ужъ онъ приблизился; тогда
Княжна съ постели соскочила,
Сѣдого карлу за колпакъ
Рукою быстрой ухватила,
Дрожащій занесла кулакъ,
И въ страхѣ завизжала такъ,
Что всѣхъ араповъ оглушила.
Трепеща, скорчился бѣднякъ,
Княжны испуганной блѣднѣе;
Зажавши уши, поскорѣе
Хотѣлъ бѣжать, но въ бородѣ
Запутался, упалъ и бьется;
Встаетъ, упалъ; въ такой бѣдѣ
Араповъ черный рой мятется;
Шумятъ, толкаются, бѣгутъ,
Хватаютъ колдуна въ охапку,
И вонъ распутывать несутъ,
Оставя у Людмилы шапку.

Но что-то добрый витязь нашъ?
Вы помните ль нежданну встрѣчу?
Бери свой быстрый карандашъ,
Рисуй, Орловскій, ночь и сѣчу!
При свѣтѣ трепетномъ луны
Сразились витязи жестоко;
Сердца ихъ гнѣвомъ стѣснены;
Ужъ копья брошены далеко,
Уже мечи раздроблены,
Кольчуги кровію покрыты,
Щиты трещатъ, въ куски разбиты...
Они схватились на коняхъ;
Взрывая къ небу черный прахъ,
Подъ ними борзы кони бьются;
Борцы, недвижно сплетены,
Другъ друга стиснувъ, остаются,
Какъ бы къ сѣдлу пригвождены:
Ихъ члены, злобой сведены,
Переплелись и костенѣютъ;
По жиламъ быстрый огнь бѣжитъ;
На вражьей груди грудь дрожитъ—
И вотъ колеблются, слабѣютъ —
Кому-то пасть?.. Вдругъ витязь мой,
Вскипѣвъ, желѣзною рукой
Съ сѣдла наѣздника срываетъ,
Подъемлетъ, держитъ надъ собой—
И въ волны съ берега бросаетъ.
„Погибни“! грозно восклицаетъ:
„Умри, завистникъ злобный мой!“

Ты догадался, мой читатель,
Съ кѣмъ бился доблестный Русланъ:
То былъ кровавыхъ битвъ искатель,
Рогдай, надежда кіевлянъ,
Людмилы мрачный обожатель.
Онъ вдоль днѣпровскихъ береговъ
Искалъ соперника слѣдовъ;
Нашелъ, настигъ — но прежня сила
Питомцу битвы измѣнила,

И Руси древній удалецъ
Въ пустынѣ свой нашелъ конецъ.
И слышно было, что Рогдая
Тѣхъ водъ русалка молодая
На хладны перси приняла
И, жадно витязя лобзая,
На дно со смѣхомъ увлекла.
И долго послѣ, ночью темной,
Бродя близъ тихихъ береговъ,
Богатыря призракъ огромный
Пугалъ пустынныхъ рыбаковъ.

Пѣснь третья.

Ужъ утро хладное сіяло
На темени полнощныхъ горъ;
Но въ дивномъ зàмкѣ все молчало.
Въ досадѣ скрытой, Черноморъ,
Безъ шапки, въ утреннемъ халатѣ,
Зѣвалъ сердито на кровати;
Вокругъ брады его сѣдой
Рабы толпились молчаливы,
И нѣжно гребень костяной
Расчесывалъ ея извивы.
Межъ тѣмъ для пользы и красы,
На безконечные усы
Лились восточны ароматы,
И кудри хитрыя вились;
Какъ вдругъ, откуда ни возьмись,
Въ окно влетаетъ змій крылатый:
Гремя желѣзной чешуей,
Онъ въ кольца быстрыя согнулся,
И вдругъ Наиной обернулся
Предъ изумленною толпой.
„Привѣтствую тебя“, сказала,
„Собратъ, издавна чтимый мной!
„Досель я Черномора знала
Одною громкою молвой;
Но тайный рокъ соединяетъ
Теперь насъ общею враждой;
Тебѣ опасность угрожаетъ,
Нависла туча надъ тобой;
И голосъ оскорбленной чести
Меня къ отмщенію зоветъ“.

Со взоромъ, полнымъ хитрой лести,
Ей карла руку подаетъ,
Вѣщая: „Дивная Наина!
Мнѣ драгоцѣненъ твой союзъ.
Мы посрамимъ коварство Финна;
Но мрачныхъ козней не боюсь:
Противникъ слабый мнѣ не страшенъ;
Узнай чудесный жребій мой:
Сей благодатной бородой
Не даромъ Черноморъ украшенъ.
Доколь власовъ ея сѣдыхъ
Враждебный мечъ не перерубитъ,
Никто изъ витязей лихихъ,
Никто изъ смертныхъ не погубитъ
Малѣйшихъ замысловъ моихъ;
Моею будетъ вѣкъ Людмила,
Русланъ же гробу обреченъ!“
И мрачно вѣдьма повторила:
„Погибнетъ онъ! погибнетъ онъ!“
Потомъ три раза прошипѣла,
Три раза топнула ногой,
И чернымъ зміемъ улетѣла.

Блистая въ ризѣ парчевой,
Колдунъ, колдуньей ободренный,
Развеселясь, рѣшился вновь
Нести къ ногамъ дѣвицы плѣнной
Усы, покорность и любовь.
Разряженъ карликъ бородатый,
Опять идетъ въ ея палаты,
Проходитъ длинный комнатъ рядъ:
Княжны въ нихъ нѣтъ. Онъ далѣ, въ садъ,
Въ лавровый лѣсъ, къ рѣшеткѣ сада,
Вдоль озера, вкругъ водопада,
Подъ мостики, въ бесѣдки... нѣтъ!
Княжна ушла, пропалъ и слѣдъ!
Кто выразитъ его смущенье,
И ревъ и трепетъ изступленья?
Съ досады дня не взвидѣлъ онъ.
Раздался карлы дикій стонъ:
„Сюда, невольники, бѣгите!

Сюда! надѣюсь я на васъ!
Сейчасъ Людмилу мнѣ сыщите!
Скорѣе, слышите ль? сейчасъ!
Не то—шутите вы со мною—
Всѣхъ удавлю васъ бородою!—

Читатель, разскажу ль тебѣ,
Куда красавица дѣвалась?
Всю ночь она своей судьбѣ
Въ слезахъ дивилась и — смѣялась.
Ее пугала борода,
Но Черноморъ ужъ былъ извѣстенъ,
И былъ смѣшонъ, а никогда
Со смѣхомъ ужасъ несовмѣстенъ.
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ
Постель оставила Людмила,
И взоръ невольный обратила
Къ высокимъ, чистымъ зеркаламъ;
Невольно кудри золотыя
Съ лилейныхъ плечъ приподняла;
Невольно волосы густые
Рукой небрежной заплела;
Свои вчерашніе наряды
Нечаянно въ углу нашла;
Вздохнувъ, одѣлась и съ досады
Тихонько плакать начала.
Однако съ вѣрнаго стекла,
Вздыхая, не сводила взора,
И дѣвицѣ пришло на умъ,
Въ волненьи своенравныхъ думъ,
Примѣрить шапку Черномора.
Все тихо, никого здѣсь нѣтъ,
Никто на дѣвушку не взглянетъ...
А дѣвушкѣ въ семнадцать лѣтъ
Какая шапка не пристанетъ?
Рядиться никогда не лѣнь.
Людмила шапкой завертѣла:
На брови, прямо, на бекрень,
И задомъ напередъ надѣла.
И что жъ? О, чудо старыхъ дней!
Людмила въ зеркалѣ пропала;
Перевернула—передъ ней
Людмила прежняя предстала;
Назадъ надѣла—снова нѣтъ;
Сняла—и въ зеркалѣ. „Прекрасно!
Добро, колдунъ! добро, мой свѣтъ!
Теперь мнѣ здѣсь ужъ безопасно,
Теперь избавлюсь отъ хлопотъ!“
И шапку стараго злодѣя
Княжна отъ радости краснѣя,
Надѣла задомъ напередъ.

Но возвратимся же къ герою.
Не стыдно ль заниматься намъ
Такъ долго шапкой, бородою,
Руслана поруча судьбамъ?
Свершивъ съ Рогдаемъ бой жестокій,
Проѣхалъ онъ дремучій лѣсъ;
Предъ нимъ открылся долъ широкій
При блескѣ утреннихъ небесъ.
Трепещетъ витязь поневолѣ:
Онъ видитъ старой битвы поле.
Вдали все пусто; здѣсь и тамъ
Желтѣютъ кости; по холмамъ
Разбросаны колчаны, латы;
Гдѣ сбруя, гдѣ заржавый щитъ;
Въ костяхъ руки здѣсь мечъ лежитъ;
Травой обросъ тамъ шлемъ косматый,
И старый черепъ тлѣетъ въ немъ;
Богатыря тамъ остовъ цѣлый
Съ его поверженнымъ конемъ
Лежитъ недвижный; копья, стрѣлы
Въ сырую землю вонзены,
И мирный плющъ ихъ обвиваетъ...
Ничто безмолвной тишины
Пустыни сей не возмущаетъ,
И солнце съ ясной вышины
Долину смерти озаряетъ.

Со вздохомъ витязь вкругъ себя
Взираетъ грустными очами.
„О поле, поле, кто тебя
Усѣялъ мертвыми костями?
Чей борзый конь тебя топталъ
Въ послѣдній часъ кровавой битвы?
Кто на тебѣ со славой палъ?
Чьи небо слышало молитвы?

Зачѣмъ же, поле, смолкло ты
И поросло травой забвенья?
Временъ отъ вѣчной темноты,
Быть можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья!
Быть можетъ, на холмѣ нѣмомъ
Поставятъ тихій гробъ Руслановъ,
И струны громкія Баяновъ
Не будутъ говорить о немъ!“

Но вскорѣ вспомнилъ витязь мой,
Что добрый мечъ герою нуженъ
И даже панцырь, а герой
Съ послѣдней битвы безоруженъ.
Обходитъ поле онъ вокругъ;
Въ кустахъ, среди костей забвенныхъ,
Въ громадѣ тлѣющихъ кольчугъ,
Мечей и шлемовъ раздробленныхъ
Себѣ доспѣховъ ищетъ онъ.
Проснулись гулъ и степь нѣмая,
Поднялся въ полѣ трескъ и звонъ;
Онъ поднялъ щитъ, не выбирая,
Нашелъ и шлемъ, и звонкій рогъ;
Но лишь меча сыскать не могъ.
Долину брани объѣзжая,
Онъ видитъ множество мечей,
Но всѣ легки, да слишкомъ малы,
А князь красавецъ былъ не вялый,
Не то, что витязь нашихъ дней.
Чтобъ чѣмъ-нибудь играть отъ скуки,
Копье стальное взялъ онъ въ руки,
Кольчугу онъ надѣлъ на грудь
И далѣе пустился въ путь.

Ужъ поблѣднѣлъ закатъ румяный
Надъ усыпленною землей;
Дымятся синіе туманы,
И всходитъ мѣсяцъ золотой;
Померкла степь. Тропою темной
Задумчивъ ѣдетъ нашъ Русланъ,
И видитъ: сквозь ночной туманъ
Вдали чернѣетъ холмъ огромный,
И что-то страшное храпитъ.
Онъ ближе къ холму, ближе—слышитъ:
Чудесный холмъ какъ будто дышитъ.
Русланъ внимаетъ и глядитъ
Безтрепетно, съ покойнымъ духомъ;
Но, шевеля пугливымъ ухомъ,
Конь упирается, дрожитъ,
Трясетъ упрямой головою,
И грива дыбомъ поднялась.
Вдругъ холмъ безоблачной луною
Въ туманѣ блѣдно озарясь,
Яснѣетъ. Смотритъ храбрый князь—
И чудо видитъ предъ собою.
Найду ли краски и слова?
Предъ нимъ живая голова.
Огромны очи сномъ объяты;
Храпитъ, качая шлемъ пернатый,—
И перья въ темной высотѣ
Какъ тѣни ходятъ, развѣваясь.
Въ своей ужасной красотѣ
Надъ мрачной степью возвышаясь,
Безмолвіемъ окружена,
Пустыни сторожъ безымянный,
Руслану предстоитъ она
Громадой грозной и туманной.
Въ недоумѣньи хочетъ онъ
Таинственный разрушить сонъ.
Вблизи осматривая диво,
Объѣхалъ голову кругомъ,
И сталъ предъ носомъ молчаливо;
Щекотитъ ноздри копіемъ.
И, сморщась, голова зѣвнула,
Глаза открыла и чихнула...
Поднялся вихорь, степь дрогнула,
Взвилася пыль; съ рѣсницъ, съ усовъ,
Съ бровей слетѣла стая совъ,
Проснулись рощи молчаливы,
Чихнуло эхо—конь ретивый
Заржалъ, запрыгалъ, отлетѣлъ,
Едва самъ витязь усидѣлъ,
И вслѣдъ раздался голосъ шумный:
„Куда ты, витязь неразумный?

Ступай назадъ; я не шучу,
Какъ разъ нахала проглочу!“
Русланъ съ презрѣньемъ оглянулся,
Браздами удержалъ коня,
И съ гордымъ видомъ усмѣхнулся.
„Чего ты хочешь отъ меня?“
Нахмурясь, голова вскричала:
„Вотъ гостя мнѣ судьба послала!
Послушай, убирайся прочь!
Я спать хочу, теперь ужъ ночь,
Прощай!“—Но витязь знаменитый,
Услыша грубыя слова,
Воскликнулъ съ важностью сердитой:
„Молчи, пустая голова!
Слыхалъ я истину бывало:
Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало!
Я ѣду, ѣду, не свищу,
А какъ наѣду, не спущу!“

Тогда отъ ярости нѣмѣя,
Стѣсненной злобой пламенѣя,
Надулась голова; какъ жаръ,
Кровавы очи засверкали;
Напѣнясь, губы задрожали;
Изъ устъ, ушей поднялся паръ—
И вдругъ она, что было мочи,
Навстрѣчу князю стала дуть;
Напрасно конь, зажмуря очи,
Склонивъ главу, натужа грудь,
Сквозь вихорь, дождь и сумракъ ночи
Невѣрный продолжаетъ путь;
Объятый страхомъ, ослѣпленный,
Онъ мчится вновь, изнеможенный,
Далече въ полѣ отдохнуть.
Вновь обратиться витязь хочетъ—
Вновь отраженъ, надежды нѣтъ!
А голова ему вослѣдъ,
Какъ сумасшедшая, хохочетъ,
Гремитъ: „Ай, витязь! ай, герой!
Куда ты? Тише, тише, стой!
Эй, витязь, шею сломишь даромъ;
Не трусь, наѣздникъ, и меня
Порадуй хоть однимъ ударомъ,
Пока не заморилъ коня“.
И между тѣмъ она героя
Дразнила страшнымъ языкомъ.
Русланъ, досаду въ сердцѣ кроя,
Грозитъ ей молча копіемъ,
Трясетъ его рукой свободной,
И, задрожавъ, булатъ холодный
Вонзился въ дерзостный языкъ.
И кровь изъ бѣшенаго зѣва
Рѣкою побѣжала вмигъ.
Отъ удивленья, боли, гнѣва,
Въ минуту дерзости лишась,
На князя голова глядѣла,
Желѣзо грызла и блѣднѣла.
Въ спокойномъ духѣ горячась,
Такъ иногда средь нашей сцены
Плохой питомецъ Мельпомены,
Внезапнымъ свистомъ оглушенъ,
Ужъ ничего не видитъ онъ,
Блѣднѣетъ, ролю забываетъ,
Дрожитъ, поникнувъ головой,
И заикаясь умолкаетъ
Передъ насмѣшливой толпой.
Счастливымъ пользуясь мгновеньемъ,
Къ объятой головѣ смущеньемъ,
Какъ ястребъ, богатырь летитъ
Съ подъятой, грозною десницей,
И въ щеку тяжкой рукавицей
Съ размаха голову разитъ.
И степь ударомъ огласилась;
Кругомъ росистая трава
Кровавой пѣной обагрилась,
И, зашатавшись, голова
Перевернулась, покатилась,
И шлемъ чугунный застучалъ.
Тогда на мѣстѣ опустѣломъ
Мечъ богатырскій засверкалъ.
Нашъ витязь въ трепетѣ веселомъ
Его схватилъ, и къ головѣ
По окровавленной травѣ
Бѣжитъ съ намѣреньемъ жестокимъ
Ей носъ и уши обрубить;
Уже Русланъ готовъ разить,
Уже взмахнулъ мечомъ широкимъ—
Вдругъ, изумленный, внемлетъ онъ

Главы молящей жалкій стонъ...
И тихо мечъ онъ опускаетъ;
Въ немъ гнѣвъ свирѣпый умираетъ,
И мщенье бурное падетъ
Въ душѣ, моленьемъ усмиренной:
Такъ на долинѣ таетъ ледъ,
Лучомъ полудня пораженный.

„Ты вразумилъ меня, герой“,
Со вздохомъ голова сказала:
„Твоя десница доказала,
Что я виновенъ предъ тобой.
Отнынѣ я тебѣ послушенъ;
Но, витязь, будь великодушенъ!
Достоинъ плача жребій мой.
И я былъ витязь удалой!
Въ кровавыхъ битвахъ супостата
Себѣ я равнаго не зрѣлъ;
Счастливъ, когда бы не имѣлъ
Соперникомъ меньшого брата!
Коварный, злобный Черноморъ,
Ты, ты всѣхъ бѣдъ моихъ виною!
Семейства нашего позоръ,
Рожденный карлой, съ бородою,
Мой дивный ростъ отъ юныхъ дней
Не могъ онъ безъ досады видѣть,
И сталъ за то въ душѣ своей
Меня, жестокій, ненавидѣть.
Я былъ всегда немного простъ,
Хотя высокъ; а сей несчастный,
Имѣя самый глупый ростъ,
Уменъ, какъ бѣсъ, и золъ ужасно.
Притомъ же, знай, къ моей бѣдѣ,
Въ его чудесной бородѣ
Таится сила роковая,
И, все на свѣтѣ презирая,
Доколѣ борода цѣла,
Измѣнникъ не страшится зла.
Вотъ онъ однажды съ видомъ дружбы,
„Послушай“, хитро мнѣ сказалъ,
„Не откажись отъ важной службы:
Я въ черныхъ книгахъ отыскалъ,
Что за восточными горами
На тихихъ моря берегахъ,
Въ глухомъ подвалѣ, подъ замками
Хранится мечъ—и что же? страхъ!
Я разобралъ во тмѣ волшебной,
Что волею судьбы враждебной,
Сей мечъ извѣстенъ будетъ намъ,
Что насъ обоихъ онъ погубитъ:
Мнѣ бороду мою отрубитъ,
Тебѣ главу; суди же самъ,
Сколь важно намъ пріобрѣтенье
Сего созданья злыхъ духовъ!“
—„Ну, что же? гдѣ тутъ затрудненье?“
Сказалъ я карлѣ, „я готовъ;
Иду, хоть за предѣлы свѣта“.
И сосну на плечо взвалилъ,
А на другое для совѣта
Злодѣя-брата посадилъ;
Пустился въ дальнюю дорогу;
Шагалъ, шагалъ и, слава Богу,
Какъ бы пророчеству на зло,
Все счастливо сначала шло.
За отдаленными горами
Нашли мы роковой подвалъ;
Я разметалъ его руками,
И потаенный мечъ досталъ.
Но нѣтъ! судьба того хотѣла:
Межъ нами ссора закипѣла—
И было, признаюсь, о чемъ!
Вопросъ: кому владѣть мечемъ?
Я спорилъ, карла горячился;
Бранились долго; наконецъ
Уловку выдумалъ хитрецъ,
Притихъ и будто бы смягчился.
—„Оставимъ безполезный споръ“,
Сказалъ мнѣ важно Черноморъ:
„Мы тѣмъ союзъ нашъ обезславимъ;
Разсудокъ въ мірѣ жить велитъ;
Судьбѣ рѣшить мы предоставимъ,
Кому сей мечъ принадлежитъ.
Къ землѣ приникнемъ ухомъ оба
(Чего не выдумаетъ злоба!),
И кто услышитъ первый звонъ,
Тотъ и владѣй мечемъ до гроба“.—
Сказалъ и легъ на землю онъ.
Я сдуру также растянулся;
Лежу, не слышу ничего,
Смекая: обману его!
Но самъ жестоко обманулся.
Злодѣй въ глубокой тишинѣ,

Привставъ, на цыпочкахъ ко мнѣ
Подкрался сзади, размахнулся;
Какъ вихорь свистнулъ острый мечъ,
И прежде, чѣмъ я оглянулся,
Ужъ голова слетѣла съ плечъ—
И сверхъестественная сила
Въ ней жизни духъ остановила.
Мой остовъ терніемъ обросъ;
Вдали, въ странѣ, людьми забвенной
Истлѣлъ мой прахъ непогребенный;
Но злобный карла перенесъ
Меня въ сей край уединенный,
Гдѣ вѣчно долженъ былъ стеречь
Тобой сегодня взятый мечъ.
О витязь, ты хранимъ судьбою!
Возьми его, и Богъ съ тобою!
Быть можетъ, на своемъ пути
Ты карлу-чародѣя встрѣтишь—
Ахъ, если ты его замѣтишь,
Коварству, злобѣ отомсти!
И, наконецъ, я счастливъ буду,
Спокойно міръ оставлю сей,
И въ благодарности моей
Твою пощечину забуду“.

Пѣснь четвертая.

1 Я каждый день, возставъ отъ сна,
Благодарю сердечно Бога
За то, что въ наши времена
Волшебниковъ не такъ ужъ много.
Къ тому же—честь и слава имъ!—
Женитьбы наши безопасны...
Ихъ замыслы не такъ ужасны
Мужьямъ, дѣвицамъ молодымъ [и].
Но есть волшебники другіе,
Которыхъ ненавижу я:
Улыбка, очи голубыя
И голосъ милый—о, друзья!
Не вѣрьте имъ: они лукавы!
Страшитесь, подражая мнѣ,
Ихъ упоительной отравы,
И почивайте въ тишинѣ.

Поэзіи чудесный геній,
Пѣвецъ таинственныхъ видѣній,
Любви, мечтаній и чертей,
Могилъ и рая вѣрный житель,
И Музы вѣтреной моей
Наперсникъ, пѣстунъ и хранитель!
Прости мнѣ, сѣверный Орфей [1],
Что въ повѣсти моей забавной
Теперь вослѣдъ тебѣ лечу,
И лиру Музы своенравной
Во лжи прелестной обличу.

Друзья мои, вы всѣ слыхали,
Какъ бѣсу въ древни дни злодѣй [2])
Предалъ сперва себя съ печали,
А тамъ и души дочерей;
Какъ послѣ щедрымъ подаяньемъ,
Молитвой, вѣрой и постомъ,
И непритворнымъ покаяньемъ
Снискалъ заступника въ Святомъ,
Какъ умеръ онъ, и какъ заснули
Его двѣнадцать дочерей—
И насъ плѣнили, ужаснули
Картины тайныхъ сихъ ночей,
Сіи чудесныя видѣнья,
Сей мрачный бѣсъ, сей Божій гнѣвъ,
Живыя грѣшника мученья,
И прелесть непорочныхъ дѣвъ.
Мы съ ними плакали, бродили
Вокругъ зубчатыхъ замка стѣнъ.

[и] Не правъ Фернейскій злой крикунъ! Все къ лучшему: теперь колдунъ Иль магнетизмомъ лѣчитъ бѣдныхъ И дѣвушекъ худыхъ и блѣдныхъ, Пророчитъ, издаетъ журналъ—Дѣла, достойныя похвалъ (1 изд.).

[1]) Жуковскій.—[2]) Громобой.

И сердцемъ тронутымъ любили
Ихъ тихій сонъ, ихъ тихій плѣнъ;
Душой Вадима призывали,
И пробужденье зрѣли ихъ,
И часто инокинь святыхъ
На гробъ отцовскій провожали...
И что жъ, возможно ль?.. намъ солгали [1]!
Но правду возвѣщу ли я?..

Младой Ратмиръ, направя къ югу
Нетерпѣливый бѣгъ коня,
Ужъ думалъ предъ закатомъ дня
Нагнать Русланову супругу.
Но день багряный вечерѣлъ;
Напрасно витязь предъ собою
Въ туманы дальніе смотрѣлъ:
Все было пусто надъ рѣкою.
Зари послѣдній лучъ горѣлъ
Надъ ярко-позлащеннымъ боромъ.
Нашъ витязь мимо черныхъ скалъ
Тихонько проѣзжалъ, и взоромъ
Ночлега межъ деревъ искалъ.
Онъ на долину выѣзжаетъ
И видитъ: замокъ на скалахъ
Зубчаты стѣны возвышаетъ;
Чернѣютъ башни на углахъ,
И дѣва по стѣнѣ высокой,
Какъ въ морѣ лебедь одинокій,
Идетъ, зарей освѣщена;
И дѣвы пѣснь едва слышна
Долины въ тишинѣ глубокой [3]);

„Ложится въ полѣ мракъ ночной;
Отъ волнъ поднялся вѣтеръ хладный.
Ужъ поздно, путникъ молодой!
Укройся въ теремъ нашъ отрадный!

„Здѣсь ночью нѣга и покой,
А днемъ и шумъ и пированье.
Приди на дружное призванье,
Приди, о путникъ молодой!

У насъ найдешь красавицъ рой;
Ихъ нѣжны рѣчи и лобзанье.
Приди на тайное призванье,
Приди, о путникъ молодой?

„Тебѣ мы съ утренней зарей
Наполнимъ кубокъ на прощанье.
Приди на мирное призванье,
Приди, о путникъ молодой!

„Ложится въ полѣ мракъ ночной;
Отъ волнъ поднялся вѣтеръ хладный;
Ужъ поздно, путникъ молодой!
Укройся въ теремъ нашъ отрадный!“

Она манитъ, она поетъ:
И юный ханъ ужъ подъ стѣною;
Его встрѣчаютъ у воротъ
Дѣвицы красныя толпою;
При шумѣ ласковыхъ рѣчей
Онъ окруженъ: съ него не сводятъ
Онѣ плѣнительныхъ очей;
Двѣ дѣвицы коня уводятъ;
Въ чертоги входитъ ханъ младой,
За нимъ отшельницъ милыхъ рой;
Одна снимаетъ шлемъ крылатый,
Другая—кованыя латы,
Та мечъ беретъ, та пыльный щитъ;
Одежда нѣги замѣнитъ
Желѣзные доспѣхи брани.
Но прежде юношу ведутъ
Къ великолѣпной русской банѣ.
Ужъ волны дымныя текутъ
Въ ея серебряные чаны,
И брызжутъ хладные фонтаны;
Разостланъ роскошью коверъ;
На немъ усталый ханъ ложится;
Прозрачный паръ надъ нимъ клубится.
...Тѣснятся рѣзвою толпой.
Надъ рыцаремъ иная машетъ

---

[1] Дерзну ли истину вѣщать? Дерзну ли ясно описать Не монастырь уединенный, Не робкихъ инокинь соборъ, Но... трепещу! въ душѣ смущенной Дивлюсь и потупляю взоръ.—[3]) Перед. изъ стиха Ломоносова (Ода на взятіе Хотина, ст. 4).

Вѣтвями молодыхъ березъ,
И жаръ отъ нихъ душистый пышетъ:
Другая сокомъ вешнихъ розъ
Усталы члены прохлаждаетъ,
И въ ароматахъ потопляетъ
Темнокудрявые власы.
Восторгомъ витязь упоенный
Уже забылъ Людмилы плѣнной
Недавно милыя красы.

...Но вотъ выходитъ онъ изъ бани.
Одѣтый въ бархатныя ткани,
Въ кругу прелестныхъ дѣвъ Ратмиръ
Садится за богатый пиръ.
Я не Омеръ: въ стихахъ высокихъ
Онъ можетъ воспѣвать одинъ
Обѣды греческихъ дружинъ,
И звонъ, и пѣну чашъ глубокихъ.

...Оставимъ юнаго Ратмира;
Не смѣю пѣсней продолжать;
Русланъ насъ долженъ занимать,
Русланъ, сей витязь безпримѣрный.
Въ душѣ герой, любовникъ вѣрный-
Упорнымъ боемъ утомленъ,
Подъ богатырской головою
Онъ сладостный вкушаетъ сонъ.
Но вотъ ужъ раннею зарею
Сіяетъ тихій небосклонъ;
Все ясно; утра лучъ игривый
Главы косматой лобъ златитъ.
Русланъ встаетъ, и конь ретивый
Ужъ витязя стрѣлою мчитъ.

И дни бѣгутъ; желтѣютъ нивы;
Съ деревъ спадаетъ дряхлый листъ;
Въ лѣсахъ осенній вѣтра свистъ
Пѣвицъ пернатыхъ заглушаетъ;
Тяжелый пасмурный туманъ
Нагіе холмы обвиваетъ:
Зима приближилась—Русланъ
Свой путь отважно продолжаетъ
На дальній сѣверъ; съ каждымъ днемъ
Преграды новыя встрѣчаетъ:
То бьется онъ съ богатыремъ,
То съ вѣдьмою, то съ великаномъ,
То лунной ночью видитъ онъ,
Какъ будто сквозь волшебный сонъ,
Окружены сѣдымъ туманомъ,
Русалки, тихо на вѣтвяхъ
Качаясь, витязя младого
Съ улыбкой хитрой на устахъ
Манятъ не говоря ни слова...
Но тайнымъ промысломъ хранимъ,
Безстрашный витязь невредимъ;
Въ его душѣ желанье дремлетъ;
Онъ ихъ не видитъ, имъ не внемлетъ—
Одна Людмила всюду съ нимъ.

Но между тѣмъ, никѣмъ не зрима,
Отъ нападеній колдуна
Волшебной шапкою хранима,
Что дѣлаетъ моя княжна,
Моя прекрасная Людмила?
Она, безмолвна и уныла,
Одна гуляетъ по садамъ,
О другѣ мыслитъ и вздыхаетъ,
Иль, волю давъ своимъ мечтамъ,
Къ родимымъ кіевскимъ полямъ
Въ забвеньи сердца улетаетъ;
Отца и братьевъ обнимаетъ,
Подружекъ видитъ молодыхъ
И старыхъ мамушекъ своихъ—
Забыты плѣнъ и разлученье!
Но вскорѣ бѣдная княжна
Свое теряетъ заблужденье,
И вновь уныла и одна.
Рабы влюбленнаго злодѣя,
И день и ночь, сидѣть не смѣя,
Межъ тѣмъ по замку, по садамъ
Прелестной плѣнницы искали,
Метались, громко призывали,
Однако все по пустякамъ.
Людмила ими забавлялась:
Въ волшебныхъ рощахъ иногда

Безъ шапки вдругъ она являлась,
И кликала: сюда, сюда!
И всѣ бросались къ ней толпою,
Но въ сторону—незрима вдругъ—
Она неслышною стопою
Отъ хищныхъ убѣгала рукъ.
Вездѣ всечасно замѣчали
Ея минутные слѣды:
То позлащенные плоды
На шумныхъ вѣтвяхъ исчезали,
То капли ключевой воды
На лугъ измятый упадали:
Тогда навѣрно въ замкѣ знали,
Что пьетъ и кушаетъ княжна.
На вѣтвяхъ кедра иль березы
Скрываясь по ночамъ, она
Минутнаго искала сна—
Но только проливала слезы,
Звала супруга и покой,
Томилась грустью и зѣвотой,
И рѣдко-рѣдко предъ зарей,
Склонясь ко древу головой,
Дремала тонкою дремотой.
Едва рѣдѣла ночи мгла,
Людмила къ водопаду шла
Умыться хладною струею:
Самъ карла утренней порою
Однажды видѣлъ изъ палатъ,
Какъ подъ невидимой рукою
Плескалъ и брызгалъ водопадъ.
Съ своей обычною тоскою
До новой ночи, здѣсь и тамъ,
Она бродила по садамъ;
Нерѣдко подъ вечеръ слыхали
Ея пріятный голосокъ;
Нерѣдко въ рощахъ поднимали
Иль ею брошенный вѣнокъ,
Или клочки персидской шали,
Или заплаканный платокъ.
Жестокой страстью уязвленный,
Досадой, злобой омраченный,
Колдунъ рѣшился, наконецъ,
Поймать Людмилу непремѣнно.

...Скучая, бѣдная княжна
Въ прохладѣ мраморной бесѣдки
Сидѣла тихо близъ окна,
И сквозь колеблемыя вѣтки
Смотрѣла на цвѣтущій лугъ.
Вдругъ слышитъ — кличутъ:—„милый другъ!“
И видитъ вѣрнаго Руслана.
Его черты, походка, станъ;
Но блѣденъ онъ, въ очахъ туманъ,
И на бедрѣ живая рана.
Въ ней сердце дрогнуло. „Русланъ!
Русланъ... онъ точно!“ И стрѣлою
Къ супругу плѣнница летитъ;
Въ слезахъ, трепеща, говоритъ:
„Ты здѣсь... ты раненъ... что съ тобою?“
Уже достигла, обняла...
О ужасъ... призракъ исчезаетъ!
Княжна въ сѣтяхъ: съ ея чела
На землю шапка упадаетъ.
Хладѣя, слышитъ грозный крикъ:
„Она моя“! и въ тотъ же мигъ
Зритъ колдуна передъ очами.
Раздался дѣвы жалкій стонъ,
Падетъ безъ чувствъ — и дивный сонъ
Объялъ несчастную крылами.
...Чу...вдругъ раздался рога звонъ,
И кто-то карлу вызываетъ.
Въ смятеньи, блѣдный чародѣй
На дѣву шапку надѣваетъ;
Трубятъ опять; звучнѣй, звучнѣй!
И онъ летитъ къ безвѣстной встрѣчѣ,
Закинувъ бороду за плечи.

Пѣснь пятая.

Ахъ, какъ мила моя княжна!
Мнѣ нравъ ея всего дороже:
Она чувствительна, скромна,
Любви супружеской вѣрна,
Немножко вѣтрена... такъ что же?
Еще милѣе тѣмъ она.

Всечасно прелестію новой
Умѣетъ насъ она плѣнить;
Скажите, можно ли сравнить
Ее съ Дельфирою [1]) суровой?
Одной—судьба послала даръ
Обворожать сердца и взоры;
Ея улыбка, розговоры
Во мнѣ любви рождаютъ жаръ.
А та—подъ юбкою гусаръ,
Лишь дайте ей усы да шпоры!
Блаженъ, кого подъ вечерокъ
Въ уединенный уголокъ
Моя Людмила поджидаетъ
И другомъ сердца назоветъ!
Но, вѣрьте мнѣ, блаженъ и тотъ,
Кто отъ Дельфиры убѣгаетъ
И даже съ нею незнакомъ.
Да впрочемъ дѣло не о томъ!
Но кто трубилъ? Кто чародѣя
На сѣчу грозну вызывалъ?
Кто колдуна перепугалъ?
Русланъ. Онъ, местью пламенѣя,
Достигъ обители злодѣя.
Ужъ витязь подъ горой стоитъ,
Призывный рогъ, какъ буря, воетъ,
Нетерпѣливый конь кипитъ
И снѣгъ копытомъ мощнымъ роетъ.
Князь карлу ждетъ. Внезапно онъ
По шлему крѣпкому, стальному
Рукой незримой пораженъ;
Ударъ упалъ подобно грому;
Русланъ подъемлетъ смутный взоръ
И видитъ—прямо надъ главою,
Съ подъятой страшной булавою
Летаетъ карла Черноморъ.
Щитомъ покрывшись, онъ нагнулся,
Мечомъ потрясъ и замахнулся;
Но тотъ взвился подъ облака;
На мигъ исчезъ—и свысока
Шумя летитъ на князя снова.
Проворный витязь отлетѣлъ,
И въ снѣгъ съ размаха рокового
Колдунъ упалъ да тамъ и сѣлъ;
Русланъ, не говоря ни слова,
Съ коня долой, къ нему спѣшитъ,
Поймалъ, за бороду хватаетъ;
Волшебникъ силится, кряхтитъ,
И вдругъ съ Русланомъ улетаетъ...
Ретивый конь во слѣдъ глядитъ:
Уже колдунъ подъ облаками,
На бородѣ герой виситъ.
Летятъ надъ мрачными лѣсами,
Летятъ надъ дикими горами,
Летятъ надъ бездною морской;
Отъ напряженья костенѣя,
Русланъ за бороду злодѣя
Упорной держится рукой.
Межъ тѣмъ, на воздухѣ слабѣя
И силѣ русской изумясь,
Волшебникъ гордому Руслану
Коварно молвитъ: „Слушай, князь!
Тебѣ вредить я перестану;
Младое мужество любя,
Забуду все, прощу тебя,
Спущусь — но только съ уговоромъ...“
—„Молчи, коварный чародѣй!“
Прервалъ нашъ витязь: „съ Черноморомъ,
Съ мучителемъ жены своей,
Русланъ не знаетъ договора!
Сей грозный мечъ накажетъ вора.
Лети хоть до ночной звѣзды,
А быть тебѣ безъ бороды!“
Боязнь объемлетъ Черномора;
Въ досадѣ, въ горести нѣмой,
Напрасно длинной бородой
Усталый карла потрясаетъ:
Русланъ ея не выпускаетъ
И щиплетъ волосы порой.
Два дня колдунъ героя носитъ,
На третій онъ пощады проситъ:
„О рыцарь, сжалься надо мной;
Едва дышу; нѣтъ мочи болѣ;
Оставь мнѣ жизнь, въ твоей я волѣ;
Скажи—спущусь, куда велишь...“
—„Теперь ты нашъ; ага, дрожишь!
Смирись, покорствуй русской силѣ!
Неси меня къ моей Людмилѣ“.

Смиренно внемлетъ Черноморъ;
Домой онъ съ витяземъ пустился;

---

[1]) Гр. Ек. Арт. Воронцова, дальняя родственница Пушкина, передававшая его матери дурные городскіе о немъ слухи (Р. А. 1866, стр. 1094).

Летитъ—и мигомъ очутился
Среди своихъ ужасныхъ горъ.
Тогда Русланъ одной рукою
Взялъ мечъ сраженной головы
И, бороду схвативъ рукою,
Отсѣкъ ее какъ горсть травы.
„Знай нашихъ“! молвилъ онъ жестоко.
Что, хищникъ, гдѣ твоя краса?
Гдѣ сила?“ и на шлемъ высокій
Сѣдые вяжетъ волоса;
Свистя, зоветъ коня лихого;
Веселый конь летитъ и ржетъ;
Нашъ витязь карлу чуть живого
Въ котомку за сѣдло кладетъ,
А самъ, боясь мгновенья траты,
Спѣшитъ на верхъ горы крутой.
Достигъ и радостной душой
Летитъ въ волшебныя палаты.
Вдали завидя шлемъ брадатый
Залогъ побѣды роковой,
Предъ нимъ араповъ чудный рой,
Толпы невольницъ боязливыхъ,
Какъ призраки, со всѣхъ сторонъ
Бѣгутъ — и скрылись. Ходитъ онъ
Одинъ средь храминъ горделивыхъ,
Супругу милую зоветъ—
Лишь эхо сводовъ молчаливыхъ
Руслану голосъ подаетъ;
Въ волненьи чувствъ нетерпѣливыхъ
Онъ отворяетъ двери въ садъ—
Идетъ, идетъ—и не находитъ;
Кругомъ смущенный взоръ обводитъ—
Все мертво: рощицы молчатъ,
Бесѣдки пусты; на стремнинахъ,
Вдоль береговъ ручья, въ долинахъ,
Нигдѣ Людмилы слѣду нѣтъ,
И ухо ничего не внемлетъ.
Внезапный князя хладъ объемлетъ,
Въ очахъ его темнѣетъ свѣтъ,
Въ умѣ возникли мрачны думы...
„Быть можетъ, горесть... плѣнъ угрюмый...
Минута... волны...“ въ сихъ мечтахъ
Онъ погруженъ. Съ нѣмой тоскою
Поникнулъ витязь головою;
Его томитъ невольный страхъ;
Недвижимъ онъ, какъ мертвый камень;
Мрачится разумъ; дикій пламень
И ядъ отчаянной любви
Уже текутъ въ его крови.
Казалось, тѣнь княжны прекрасной
Коснулась трепетнымъ устамъ...
И вдругъ неистовый, ужасный,
Стремится витязь по садамъ;
Людмилу съ воплемъ призываетъ,
Съ холмовъ утесы отрываетъ,
Все рушитъ, все крушитъ мечемъ—
Бесѣдки, рощи упадаютъ,
Древа, мосты въ волнахъ ныряютъ,
Степь обнажается кругомъ!
Далеко гулы повторяютъ
И ревъ, и трескъ, и шумъ, и громъ;
Повсюду мечъ звенитъ и свищетъ.
Прелестный край опустошенъ—
Безумный витязь жертвы ищетъ,
Съ размаха вправо, влѣво онъ
Пустынный воздухъ разсѣкаетъ...
И вдругъ—нечаянный ударъ
Съ княжны невидимой сбиваетъ
Прощальный Черномора даръ...
Волшебства въ мигъ исчезла сила:
Въ сѣтяхъ открылася Людмила!
Не вѣря самъ своимъ очамъ,
Нежданнымъ счастьемъ упоенный,
Нашъ витязь падаетъ къ ногамъ
Подруги вѣрной, незабвенной,
Цѣлуетъ руки, сѣти рветъ,
Любви восторга слезы льетъ.
Зоветъ ее,—но дѣва дремлетъ.
Сомкнуты очи и уста,
И сладострастная мечта
Младую грудь ея подъемлетъ.
Русланъ съ нея не сводитъ глазъ,
Его терзаетъ вновь кручина...
Но вдругъ знакомый слышитъ гласъ,

Гласъ добродѣтельнаго Финна:

„Мужайся, князь! Въ обратный путь
Ступай со спящею Людмилой;
Наполни сердце новой силой,
Любви и чести вѣренъ будь;
Небесный громъ на злобу грянетъ,
И воцарится тишина—
И въ свѣтломъ Кіевѣ княжна
Передъ Владиміромъ возстанетъ
Отъ очарованнаго сна.“
Русланъ, симъ гласомъ оживленный,
Беретъ въ объятія жену,
И тихо съ ношей драгоцѣнной
Онъ оставляетъ вышину,
И сходитъ въ долъ уединенный.
Въ молчаньи, съ карлой за сѣдломъ,
Поѣхалъ онъ своимъ путемъ;
Въ его рукахъ лежитъ Людмила,
Свѣжа, какъ вешняя заря,
И на плечо богатыря
Лицо спокойное склонила.
Власами, свитыми въ кольцо,
Пустынный вѣтерокъ играетъ;
Какъ часто грудь ея вздыхаетъ!
Какъ часто тихое лицо
Мгновенной розою пылаетъ!
Любовь и тайная мечта
Руслановъ образъ ей приноситъ,
И съ томнымъ шопотомъ уста
Супруга имя произносятъ...
Въ забвеньи сладкомъ ловитъ онъ
Ея волшебное дыханье,
Улыбку, слезы, нѣжный стонъ
И сонныхъ[к] персей волнованье...
Межъ тѣмъ по доламъ, по горамъ,
И въ бѣлый день, и по ночамъ,
Нашъ витязь ѣдетъ непрестанно.
Еще далекъ предѣлъ желанный...
...Теперь влекутъ мое вниманье
Княжна, Русланъ и Черноморъ.

Предъ ними стелется равнина,
Гдѣ ели изрѣдка взошли;
И грознаго холма вдали
Чернѣетъ круглая вершина
Небесъ на яркой синевѣ.
Русланъ глядитъ—и догадался,
Что подъѣзжаетъ къ головѣ.
Быстрѣе борзый конь помчался;
Ужъ видно чудо изъ чудесъ;
Она глядитъ недвижнымъ окомъ;
Власы ея, какъ черный лѣсъ,
Поросшій на челѣ высокомъ;
Ланиты жизни лишены;
Свинцовой блѣдностью покрыты,
Уста огромныя[л] открыты,
Огромны зубы стѣснены...
Надъ полумертвой головою
Послѣдній день ужъ тяготѣлъ.
Къ ней храбрый витязь прилетѣлъ
Съ Людмилой, съ карлой за спиною.
Онъ крикнулъ: „Здравствуй, голова!
Я здѣсь. Наказанъ твой измѣнникъ!
Гляди: вотъ онъ, злодѣй нашъ—плѣнникъ!“
И князя гордыя слова
Ее внезапно оживили,
На мигъ въ ней чувство разбудили;
Очнулась, будто ото сна,
Взглянула, страшно застонала...
Узнала витязя она,
И брата съ ужасомъ узнала.
Надулись ноздри; на щекахъ
Багровый огнь еще родился,
И въ умирающихъ глазахъ
Послѣдній гнѣвъ изобразился.
Въ смятеньи, въ бѣшенствѣ нѣмомъ
Она зубами скрежетала,
И брату хладнымъ языкомъ
Укоръ невнятный лепетала...[м]

[к] юныхъ.—[л] дрожащія.—[м] Въ рукахъ Руслана чародѣй Томился въ мукахъ ожиданья: И князь не могъ отвесть очей Отъ непонятнаго созданья... Но головы въ тотъ самый часъ Кончалось долгое страданье. (1 изд.).

Уже ея въ тотъ самый часъ
Кончалось долгое страданье:
Чела мгновеный пламень гасъ,
Слабѣло тяжкое дыханье,
Огромный[п] закатился взоръ,
И вскорѣ князь и Черноморъ
Узрѣли смерти содраганье...
Она почила вѣчнымъ сномъ.
Въ молчаньи витязь удалился;
Дрожащій карликъ за сѣдломъ
Не смѣлъ дышать, не шевелился,
И чернокнижнымъ языкомъ
Усердно демонамъ молился.

На склонѣ темныхъ береговъ
Какой-то рѣчки безымянной,
Въ прохладномъ сумракѣ лѣсовъ,
Стоялъ поникшей хаты кровъ,
Густыми соснами вѣнчанный.
Въ теченьи медленномъ рѣка
Вблизи плетень изъ тростника
Волною сонной омывала,
И вкругъ него едва журчала
При легкомъ шумѣ вѣтерка.
Долина въ сихъ мѣстахъ таилась,
Уединенна и темна;
И тамъ, казалось, тишина
Съ начала міра воцарилась.
Русланъ остановилъ коня.
Все было тихо, безмятежно;
Отъ разсвѣтающаго дня
Долина съ рощею прибрежной
Сквозь утренній сіяла дымъ.
Русланъ на лугъ жену слагаетъ,
Садится близъ нея, вздыхаетъ
Съ уныньемъ сладкимъ и нѣмымъ;
И вдругъ онъ видитъ предъ собою
Смиренный парусъ челнока,
И слышитъ пѣсню рыбака
Надъ тихоструйною рѣкою.
Раскинувъ неводъ по волнамъ,
Рыбакъ, на весла наклоненный,
Плыветъ къ лѣсистымъ берегамъ,
Къ порогу хижины смиренной.
И видитъ добрый князь Русланъ:
Челнокъ ко брегу приплываетъ:
Изъ темной хаты выбѣгаетъ
Младая дѣва; стройный станъ,
Власы небрежно распущенны,
Улыбка, тихій взоръ очей,
И грудь, и плечи обнаженны,
Все мило, все плѣняетъ въ ней,
И вотъ они, обнявъ другъ друга,
Садятся у прохладныхъ водъ,
И часъ безпечнаго досуга
Для нихъ съ любовью настаетъ.
Но въ изумленьи молчаливомъ
Кого же въ рыбакѣ счастливомъ
Нашъ юный витязь узнаетъ?
Хазарскій ханъ, избранный славой,
Ратмиръ, въ любви, въ войнѣ кровавой
Его соперникъ молодой,
Ратмиръ, въ пустынѣ безмятежной
Людмилу, славу позабылъ,
И имъ навѣки измѣнилъ
Въ объятіяхъ подруги нѣжной.

Герой приближился, и вмигъ
Отшельникъ узнаетъ Руслана,
Встаетъ, летитъ. Раздался крикъ...
И обнялъ князь младого хана.
„Что вижу я!“ спросилъ герой,
„Зачѣмъ ты здѣсь? зачѣмъ оставилъ
Тревоги жизни боевой,
И мечъ, который ты прославилъ?“
— „Мой другъ“, отвѣтствовалъ рыбакъ,
„Душѣ наскучилъ бранной славы
Пустой и гибельный призракъ.
Повѣрь, невинныя забавы,
Любовь и мирныя дубравы
Милѣе сердцу во сто кратъ.
Теперь, утративъ жажду брани,
Престалъ платить безумству дани,
И вѣрнымъ счастіемъ богатъ,
Я все забылъ, товарищъ милый,
Все, даже прелести Людмилы“.
—„Любезный ханъ, я очень радъ“!

п Туманный.

Сказалъ Русланъ: „она со мною“.
—„Возможно ли, какой судьбою?
Что слышу? Русская княжна...
Она съ тобою, гдѣ жъ она?
Позволь... но нѣтъ, боюсь измѣны;
Моя подруга мнѣ мила;
Моей счастливой перемѣны
Она виновницей была;
Она мнѣ жизнь, она мнѣ радость!
Она мнѣ возвратила вновь
Мою утраченную младость,
И миръ, и чистую любовь.
Напрасно счастье мнѣ сулили
Уста волшебницъ молодыхъ;
Двѣнадцать дѣвъ меня любили:
Я для нея покинулъ ихъ;
Оставилъ теремъ ихъ веселый,
Въ тѣни хранительныхъ дубровъ;
Сложилъ и мечъ, и шлемъ тяжелый,
Забылъ и славу и враговъ.
Отшельникъ мирный и безвѣстный,
Остался въ счастливой глуши,
Съ тобой, другъ милый, другъ прелестный,
Съ тобою, свѣтъ моей души?“

Пастушка милая внимала
Друзей открытый разговоръ
И, устремивъ на хана взоръ,
И улыбалась, и вздыхала.

Рыбакъ и витязь на брегахъ
До темной ночи просидѣли
Съ душой и сердцемъ на устахъ.
Часы невидимо летѣли.
Чернѣетъ лѣсъ, темна гора;
Встаетъ луна—все тихо стало;
Герою въ путь давно пора.
Накинувъ тихо покрывало
На дѣву спящую, Русланъ
Идетъ и на коня садится;
Задумчиво безмолвный ханъ
Душой вослѣдъ ему стремится,
Руслану счастія, побѣдъ,
И славы, и любви желаетъ.....
И думы гордыхъ, юныхъ лѣтъ
Невольной грустью оживляетъ.

Зачѣмъ судьбой не суждено
Моей непостоянной лирѣ
Геройство воспѣвать одно,
И съ нимъ (незнаемыя въ мірѣ)
Любовь и дружбу старыхъ лѣтъ?
Печальной истины поэтъ,
Зачѣмъ я долженъ для потомства
Порокъ и злобу обнажать
И тайны козни вѣроломства
Въ правдивыхъ пѣсняхъ обличать?

Княжны искатель недостойный,
Охоту къ славѣ потерявъ,
Никѣмъ незнаемый, Фарлафъ
Въ пустынѣ дальней и спокойной
Скрывался и Наины ждалъ.
И часъ торжественный насталъ.
Къ нему волшебница явилась,
Вѣщая: „Знаешь ли меня?
Ступай за мной, сѣдлай коня!“
И вѣдьма кошкой обратилась.
Осѣдланъ конь; она пустилась;
Тропами мрачными дубравъ
За нею слѣдуетъ Фарлафъ.

Долина тихая дремала,
Въ ночной одѣтая туманъ;
Луна во мглѣ перебѣгала
Изъ тучи въ тучу, и курганъ
Мгновеннымъ блескомъ озаряла.
Подъ нимъ въ безмолвіи Русланъ
Сидѣлъ съ обычною тоскою
Предъ усыпленною княжною;
Глубоко думу думалъ онъ,
Мечты летѣли за мечтами,
И непримѣтно вѣялъ сонъ
Надъ нимъ холодными крылами,
На дѣву смутными очами
Въ дремотѣ томной онъ взглянулъ,
И, утомленною главою
Склонясь къ ногамъ ея, заснулъ.

И снится вѣщій сонъ герою:
Онъ видитъ, будто бы княжна
Надъ страшной бездны глубиною

Стоитъ недвижна и блѣдна...
И вдругъ Людмила исчезаетъ,
Стоитъ одинъ надъ бездной онъ...
Знакомый гласъ, призывный стонъ
Изъ тихой бездны вылетаетъ...
Русланъ стремится за женой;
Стремглавъ летитъ во тьмѣ глубокой...
И видитъ вдругъ передъ собой:
Владиміръ, въ гридницѣ высокой,
Въ кругу сѣдыхъ богатырей,
Между двѣнадцатью сынами,
Съ толпою названныхъ гостей,
Сидитъ за браными столами.
И такъ же гнѣвенъ старый князь,
Какъ въ день ужасный разставанья;
И всѣ сидятъ не шевелясь,
Не смѣя перервать молчанья.
Утихъ веселый шумъ гостей,
Не ходитъ чаша круговая...
И видитъ онъ среди гостей
Въ бою сраженнаго Рогдая:
Убитый, какъ живой сидитъ:
Изъ опѣненнаго стакана
Онъ, веселъ, пьетъ и не глядитъ
На изумленнаго Руслана.
Князь видитъ и младого хана,
Друзей и недруговъ... и вдругъ
Раздался гуслей бѣглый звукъ
И голосъ вѣщаго Баяна,
Пѣвца героевъ и забавъ.
Вступаетъ въ гридницу Фарлафъ,
Ведетъ онъ за руку Людмилу;
Но старецъ, съ мѣста не приставъ,
Молчитъ, склонивъ главу унылу;
Князья, бояре—всѣ молчатъ,
Душевныя движенья кроя.
И все исчезло—смертный хладъ
Объемлетъ спящаго героя.
Въ дремоту тяжко погруженъ,
Онъ льетъ мучительныя слезы,
Въ волненьи мыслитъ: это сонъ!
Томится, но зловѣщей грезы,
Увы, прервать не въ силахъ онъ!

Луна чуть свѣтитъ надъ горою;
Объяты рощи темнотою;
Долина въ мертвой тишинѣ...
Измѣнникъ ѣдетъ на конѣ.

Предъ нимъ открылася поляна,
Онъ видитъ сумрачный курганъ;
У ногъ Людмилы спитъ Русланъ,
И ходитъ конь кругомъ кургана.
Фарлафъ съ боязнію глядитъ;
Въ туманѣ вѣдьма исчезаетъ;
Въ немъ сердце замерло, дрожитъ;
Изъ хладныхъ рукъ узду роняетъ,
Тихонько обнажаетъ мечъ,
Готовясь витязя безъ боя
Съ размаха на двое разсѣчь...
Къ нему подъѣхалъ. Конь героя,
Врага почуя, закипѣлъ,
Заржалъ и топнулъ. Знакъ напрасный!
Русланъ не внемлетъ—сонъ ужасный,
Какъ грузъ, надъ нимъ отяготѣлъ!..
Измѣнникъ, вѣдьмой ободренный,
Герою въ грудь рукой презрѣнной,
Вонзаетъ трижды хладну сталь...
И мчится боязливо въ даль
Съ своей добычей драгоцѣнной.

Всю ночь безчувственный Русланъ
Лежалъ во мракѣ подъ горою.
Часы летѣли. Кровь рѣкою
Текла изъ воспаленныхъ ранъ.
Поутру, взоръ открывъ туманный,
Пуская тяжкій, слабый стонъ,
Съ усильемъ приподнялся онъ,
Взглянулъ, поникъ главою бранной—
И палъ недвижный, бездыханный.

Пѣснь шестая.

Ты мнѣ велишь, о другъ мой нѣжный,
На лирѣ легкой и небрежной
Старинны были напѣвать,
И Музѣ вѣрной посвящать
Часы безцѣннаго досуга...
Ты знаешь, милая подруга:
Поссорясь съ вѣтренной молвой,
Твой другъ, блаженствомъ упоенный,
Забылъ и трудъ уединенный,
И звуки лиры дорогой.
Отъ гармонической забавы
Я, нѣгой упоенъ, отвыкъ....
Дышу тобой—и гордой славы
Невнятенъ мнѣ призывный кликъ!
Меня покинулъ тайный геній
И вымысловъ и сладкихъ думъ;
Любовь и жажда наслажденій
Однѣ преслѣдуютъ мой умъ.
Но ты велишь, но ты любила
Разсказы прежніе мои,
Преданья славы и любви;
Мой богатырь, моя Людмила,
Владиміръ, вѣдьма, Черноморъ,
И Финна вѣрныя печали
Твое мечтанье занимали;
Ты, слушая мой легкій вздоръ,
Съ улыбкой иногда дремала,
Но иногда свой нѣжный взоръ
Нѣжнѣе на пѣвца бросала...
Рѣшусь; влюбленный говорунъ,
Касаюсь вновь лѣнивыхъ струнъ;
Сажусь у ногъ твоихъ, и снова
Бренчу про витязя младова.

Но что сказалъ я? Гдѣ Русланъ?
Лежитъ онъ мертвый въ чистомъ полѣ;
Ужъ кровь его не льется болѣ,
Надъ нимъ летаетъ жадный вранъ;
Безгласенъ рогъ, недвижны латы,
Не шевелится шлемъ косматый.

Вокругъ Руслана ходитъ конь,
Поникнувъ гордой головою,
Въ его глазахъ исчезъ огонь;
Не машетъ гривой золотою,
Не тѣшится, не скачетъ онъ,
И ждетъ, когда Русланъ воспрянетъ....
Но князя крѣпокъ хладный сонъ,
И долго щитъ его не грянетъ!

А Черноморъ? онъ за сѣдломъ,
Въ котомкѣ, вѣдьмою забытый,
Еще не знаетъ ни о чемъ;
Усталый, сонный и сердитый,
Княжну, героя моего
Бранилъ отъ скуки молчаливо.
Не слыша долго ничего,
Волшебникъ выглянулъ—о диво!
Онъ видитъ: богатырь убитъ,
Въ крови потопленный лежитъ;
Людмилы нѣтъ, все пусто въ полѣ;
Злодѣй отъ радости дрожитъ
И мнитъ: свершилось, я на волѣ!
Но старый карла былъ неправъ.

Межъ тѣмъ, Наиной осѣненный,
Съ Людмилой, тихо усыпленной,
Стремится къ Кіеву Фарлафъ;
Летитъ, надежды, страха полный;
Предъ нимъ уже днѣпровски волны
Въ знакомыхъ пажитяхъ шумятъ;
Ужъ видитъ златоверхій градъ;
Уже Фарлафъ по граду мчится,
И шумъ на стогнахъ возстаетъ;
Въ волненьи радостномъ народъ
Валитъ за всадникомъ, тѣснится;
Бѣгутъ обрадовать отца—
И вотъ измѣнникъ у крыльца.

Влача въ душѣ печали бремя,
Владиміръ-солнышко въ то время
Въ высокомъ теремѣ своемъ
Сидѣлъ, томясь привычной думой.
Бояре, витязи кругомъ

Сидѣли съ важностью угрюмой.
Вдругъ внемлетъ онъ передъ крыльцомъ
Волненье, крики, шумъ чудесный;
Дверь отворилась—передъ нимъ
Явился воинъ неизвѣстный;
Всѣ встали съ шопотомъ глухимъ,
И вдругъ смутились, зашумѣли:
„Людмила здѣсь! Фарлафъ!.... ужели?“
Въ лицѣ печальномъ измѣнясь,
Встаетъ со стула старый князь,
Спѣшитъ тяжелыми шагами
Къ несчастной дочери своей,
Подходитъ, отчими руками
Онъ хочетъ прикоснуться къ ней,
Но дѣва милая не внемлетъ
И очарованная дремлетъ
Въ рукахъ убійцы. Всѣ глядятъ
На князя въ смутномъ ожиданьи;
И старецъ безпокойный взглядъ
Вперилъ на витязя въ молчаньи.
Но хитро перстъ къ устамъ прижавъ,
„Людмила спитъ“, сказалъ Фарлафъ,
„Я такъ нашелъ ее недавно
Въ пустынныхъ Муромскихъ лѣсахъ
У злого лѣшаго въ рукахъ;
Тамъ совершилось дѣло славно:
Три дня мы билися; луна
Надъ боемъ трижды подымалась;
Онъ палъ, а юная княжна
Мнѣ въ руки сонною досталась;
И кто прерветъ сей дивный сонъ?
Когда настанетъ пробужденье?
Не знаю—скрытъ судьбы законъ!
А намъ надежда и терпѣнье
Однѣ остались въ утѣшенье.“

И вскорѣ съ вѣстью роковой
Молва по граду полетѣла;
Народа пестрою толпой
Градская площадь закипѣла;
Печальный теремъ всѣмъ открытъ;
Толпа волнуется, валитъ
Туда, гдѣ на одрѣ высокомъ,
На одѣялѣ парчевомъ
Княжна лежитъ во снѣ глубокомъ;
Князья и витязи кругомъ
Стоятъ унылы; гласы трубны,
Рога, тимпаны, гусли, бубны
Гремятъ надъ нею. Старый князь,
Тоской тяжелой изнурясь,
Къ ногамъ Людмилы сѣдинами
Приникъ съ безмолвными слезами;
И блѣдный близъ него Фарлафъ
Въ нѣмомъ раскаяньи, въ досадѣ,
Трепещетъ, дерзость потерявъ.

Настала ночь. Никто во градѣ
Очей безсонныхъ не смыкалъ;
Шумя, тѣснились всѣ другъ къ другу;
О чудѣ всякій толковалъ;
Младой супругъ свою супругу
Въ свѣтлицѣ скромной забывалъ.
Но только свѣтъ луны двурогой
Исчезъ предъ утренней зарей,
Весь Кіевъ новою тревогой
Смутился. Клики, шумъ и вой
Возникли всюду. Кіевляне
Толпятся на стѣнѣ градской....
И видятъ: въ утреннемъ туманѣ
Шатры бѣлѣютъ за рѣкой [a];
Щиты какъ зарево блистаютъ,
Въ поляхъ наѣздники мелькаютъ,
Вдали подъемля черный прахъ;
Идутъ походныя телѣги,
Костры пылаютъ на холмахъ.
Бѣда: возстали печенѣги!

Но въ это время вѣщій Финнъ,
Духовъ могучій властелинъ,
Въ своей пустынѣ безмятежной,
Съ спокойнымъ сердцемъ ожидалъ,
Чтобъ день судьбины неизбѣжной,

[a] Шатры бѣлѣютъ на холмахъ (1 изд.) . .
. . . .

Давно предвидѣнный возсталъ.

Въ нѣмой глуши степей горючихъ,
За дальней цѣпью дикихъ горъ,
Жилища вѣтровъ, бурь гремучихъ,
Куда и вѣдьмы смѣлый взоръ
Проникнуть въ поздній часъ боится,
Долина чудная таится,
И въ той долинѣ два ключа:
Одинъ течетъ волной живою,
По камнямъ весело журча;
Тотъ льется мертвою водою.
Кругомъ все тихо, вѣтры спятъ.
Прохлада вешняя не вѣетъ,
Столѣтни сосны не шумятъ,
Не вьются птицы; лань не смѣетъ
Въ жаръ лѣтній пить изъ тайныхъ водъ;
Чета духовъ съ начала міра,
Безмолвная на лонѣ мира,
Дремучій берегъ стережетъ...
Съ двумя кувшинами пустыми
Предсталъ отшельникъ передъ ними.
Прервали духи дивный сонъ
И удалились страха полны.
Склонившись, погружаетъ онъ
Сосуды въ дѣвственныя волны;
Наполнилъ, въ воздухѣ пропалъ,
И очутился въ два мгновенья
Въ долинѣ, гдѣ Русланъ лежалъ
Въ крови, безгласный, безъ движенья:
И сталъ надъ рыцаремъ старикъ,
И вспрыснулъ мертвою водою—
И раны засіяли въ мигъ,
И трупъ чудесной красотою
Процвѣлъ; тогда водой живою
Героя старецъ окропилъ,
И бодрый, полный новыхъ силъ,
Трепеща жизнью молодою,
Встаетъ Русланъ, на ясный день
Очами жадными взираетъ;
Какъ безобразный сонъ, какъ тѣнь,
Предъ нимъ минувшее мелькаетъ.
Но гдѣ Людмила? Онъ одинъ!
Въ немъ сердце, вспыхнувъ, замираетъ.
Вдругъ витязь вспрянулъ. Вѣщій Финнъ
Его зоветъ и обнимаетъ:
„Судьба свершилась, о мой сынъ!
Тебя блаженство ожидаетъ;
Тебя зоветъ кровавый пиръ,
Твой грозный мечъ бѣдою грянетъ;
На Кіевъ снидетъ кроткій миръ,
И тамъ она тебѣ предстанетъ.
Возьми завѣтное кольцо,
Коснися имъ чела Людмилы,
И тайныхъ чаръ исчезнутъ силы;
Враговъ смутитъ твое лицо;
Настанетъ миръ, погибнетъ злоба.
Достойны счастья будьте оба.
Прости на долго, витязь мой!
Дай руку... тамъ, за дверью гроба—
Не прежде—свидимся съ тобой!“
Сказалъ, исчезнулъ. Упоенный
Восторгомъ пылкимъ и нѣмымъ,
Русланъ, для жизни пробужденный,
Подъемлетъ руки вслѣдъ за нимъ...
Но ничего не слышно болѣ!
Русланъ одинъ въ пустынномъ полѣ!
Запрыгавъ, съ карлой за сѣдломъ,
Руслановъ конь нетерпѣливый
Бѣжитъ и ржетъ, махая гривой;
Ужъ князь готовъ, ужъ онъ верхомъ,
Ужъ онъ летитъ живой и здравый,
Черезъ поля, черезъ дубравы.

Но между тѣмъ какой позоръ
Являетъ Кіевъ осажденный!
Тамъ, устремивъ на нивы взоръ,
Народъ, уныньемъ пораженный,
Стоитъ на башняхъ и стѣнахъ
И въ страхѣ ждетъ небесной казни;

Стенанья робкія въ домахъ,
На стогнахъ тишина боязни.
Одинъ, близъ дочери своей,
Владиміръ въ горестной молитвѣ;
И храбрый сонмъ богатырей
Съ дружиной вѣрною князей
Готовятся къ кровавой битвѣ.

И день насталъ. Толпы враговъ
Съ зарею двинулись съ холмовъ.
Неукротимыя дружины,
Волнуясь, хлынули съ равнины
И потекли къ стѣнѣ градской;
Во градѣ трубы загремѣли,
Бойцы сомкнулись, полетѣли
Навстрѣчу рати удалой,
Сошлись—и заварился бой.
Почуя смерть, взыграли кони,
Пошли стучать мечи о брони,
Со свистомъ туча стрѣлъ взвилась;
Равнина кровью залилась;
Стремглавъ наѣздники помчались;
Дружины конныя смѣшались;
Сомкнутой, дружною стѣной
Тамъ рубится со строемъ строй;
Со всадникомъ тамъ пѣшій бьется;
Тамъ конь испуганный несется;
Тамъ русскій палъ, тамъ печенѣгъ.
Тамъ клики битвы, тамъ побѣгъ;
Тотъ опрокинутъ булавою,
Тотъ легкой пораженъ стрѣлою,
Другой, придавленный щитомъ,
Растоптанъ бѣшенымъ конемъ...
И длился бой до темной ночи;
Ни врагъ, ни нашъ не одолѣлъ.
За грудами кровавыхъ тѣлъ
Бойцы сомкнули томны очи,
И крѣпокъ былъ ихъ бранный сонъ;
Лишь изрѣдка на полѣ битвы
Былъ слышенъ падшихъ скорбный стонъ,
И русскихъ витязей молитвы.

Блѣднѣла утренняя тѣнь.
Волна сребрилася въ потокѣ,
Сомнительный рождался день
На отуманенномъ востокѣ.
Яснѣли холмы и лѣса,
И просыпались небеса.
Еще въ бездѣйственномъ покоѣ
Дремало поле боевое:
Вдругъ сонъ прервался: вражій станъ
Съ тревогой шумною воспрянулъ;
Внезапный крикъ сраженій грянулъ;
Смутилось сердце кіевлянъ;
Бѣгутъ нестройными толпами
И видятъ: въ полѣ, межъ врагами,
Блистая въ латахъ, какъ въ огнѣ,
Чудесный воинъ на конѣ
Грозой несется, колетъ, рубитъ,
Въ ревущій рогъ, летая, трубитъ...
То былъ Русланъ. Какъ Божій громъ
Нашъ витязь палъ на басурмана:
Онъ рыщетъ съ карломъ за сѣдломъ
Среди испуганнаго стана.
Гдѣ ни просвищетъ грозный мечъ,
Гдѣ конь сердитый ни промчится,
Вездѣ главы слетаютъ съ плечъ
И съ воплемъ строй на строй валится;
Въ одно мгновенье бранный лугъ
Покрытъ холмами тѣлъ кровавыхъ,
Живыхъ, раздавленныхъ, безглавыхъ,
Громадой копій, стрѣлъ, кольчугъ.
На трубный звукъ, на голосъ боя
Дружины конныя славянъ
Помчались по слѣдамъ героя,
Сразились... гибни, басурманъ!
Объемлетъ ужасъ печенѣговъ.
Питомцы бурные набѣговъ
Зовутъ разсѣянныхъ коней;
Противиться не смѣютъ болѣ,
И съ дикимъ воплемъ въ пыльномъ полѣ
Бѣгутъ отъ кіевскихъ мечей,
Обречены на жертву аду;
Ихъ сонмы русскій мечъ казнитъ.

Ликуетъ Кіевъ... Но по граду
Могучій богатырь летитъ,
Въ десницѣ держитъ мечъ побѣдный;
Копье сіяетъ, какъ звѣзда;
Струится кровь съ кольчуги мѣдной;
На шлемѣ вьется борода.
Летитъ, надеждой окрыленный,
По стогнамъ шумнымъ въ княжій домъ.
Народъ, восторгомъ упоенный,
Толпится съ криками кругомъ,
И князя радость оживила.
Въ безмолвный теремъ входитъ онъ,
Гдѣ дремлетъ чуднымъ сномъ Людмила;
Владиміръ, въ думу погруженъ,
У ногъ ея стоялъ унылый.
Онъ былъ одинъ. Его друзей
Война влекла въ поля кровавы.
Но съ нимъ Фарлафъ, чуждаясь славы,
Вдали отъ вражескихъ мечей,
Въ душѣ презрѣвъ тревоги стана,
Стоялъ на стражѣ у дверей.
Едва злодѣй узналъ Руслана,
Въ немъ кровь остыла, взоръ погасъ,
Въ устахъ открытыхъ замеръ гласъ,
И палъ безъ чувствъ онъ на колѣна...
Достойной казни ждетъ измѣна!
Но, помня тайный даръ кольца,
Русланъ летитъ къ Людмилѣ спящей...
Ея спокойнаго лица
Касается рукой дрожащей...
И чудо—юная княжна,
Вздохнувъ, открыла свѣтлы очи!
Казалось будто бы она
Дивилася столь долгой ночи:
Казалось, что какой-то сонъ
Ее томилъ мечтой неясной,
И вдругъ узнала—это онъ!
И князь въ объятіяхъ прекрасной!
Воскреснувъ пламенной душой,
Русланъ не видитъ, не внимаетъ,
И старецъ въ радости нѣмой,
Рыдая, милыхъ обнимаетъ.

Чѣмъ кончу длинный мой разсказъ?
Ты угадаешь, другъ мой милый!
Неправый старца гнѣвъ погасъ;
Фарлафъ предъ нимъ и предъ Людмилой
У ногъ Руслана объявилъ
Свой стыдъ и мрачное злодѣйство;
Счастливый князь ему простилъ;
Лишенный силы чародѣйства,
Былъ принятъ карла во дворецъ:
И, бѣдствій празднуя конецъ,
Владиміръ въ гридницѣ высокой
Запировалъ въ семьѣ своей.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

---

2. Кавказскій плѣнникъ.

(1821).

Въ рукописяхъ Пушкина, хранящихся въ Имп. Публ. Библ., находится отрывокъ, представляющій первый набросокъ „Кавказскаго плѣнника“ [1]. Въ немъ изображенъ черкесъ въ засадѣ и поимка плѣнника. Обрывается онъ

---

[1]) Вотъ этотъ отрывокъ:
Одинъ въ глуши Кавказскихъ горъ,
Покрытый буркой боевою,
Черкесъ надъ шумною рѣкою
Въ кустахъ таился. Жадный взоръ
Онъ устремлялъ на путь далекій,
Булатной шашкою сверкалъ,
И грозно въ тишинѣ глубокой

на изображеніи ночи въ аулѣ. Подобная сцена есть и въ окончательной редакціи „Кавказскаго плѣнника", но изъ этого наброска въ нее вошли лишь 5 стиховъ (29, 30, 31, 33 и 34).

Тутъ же находятся черновыя *программы задуманной* поэмы, которую, судя по второй программѣ, при которой и написанъ вышеуказанный отрывокъ, Пушкинъ намѣревался сначала назвать по имени героя—„Владиміромъ". Поверхъ отрывка находится надпись карандашемъ: „Владиміръ. 1820. Августа 21".

Первая программа такова: „Буря. Плѣнъ. Игры. Чернецъ. Дѣвы. Воспоминанья. Нападеніе. Прощаніе".

Вторая программа: „Черкесъ. Бой. Бѣгъ. Аулъ. Плѣнникъ. Дѣва".

Третья программа, послужившая уже основаніемъ поэмы „Кавказскій плѣнникъ", такова: „Аулъ. Плѣнникъ. Дѣва. Любовь. Черкесы. Пиры. Пѣсни. Воспоминанья. Тайна. Набѣгъ. Ночь. Побѣгъ".

Начатая тотчасъ по возвращеніи съ Кавказа, послѣ пребыванія тамъ съ Раевскими [2]), слѣдовательно подъ живымъ впечатлѣніемъ его природы и разсказомъ о жизни горцевъ, очевидно, поэма эта задумана, какъ *картина мѣстной природы и жизни*. Это подтверждается и первоначальными программами ея, и письмомъ къ Н. И. Гнѣдичу отъ 24 марта 1821 года, писаннымъ вслѣдъ за окончаніемъ поэмы (20 февр.). „Та (поэма), которую недавно кончилъ, окрещена „Кавказскимъ плѣнникомъ". Вы ожидали многое, какъ видно изъ письма вашего—найдете малое, очень малое. Съ вершинъ заоблачныхъ безснѣжнаго Бешту видѣлъ я только въ отдаленьи ледяныя главы Казбека и Эльборуса... Сцена моей поэмы должна бы находиться на берегахъ шумнаго Терека, на границахъ Грузіи, въ глухихъ ущеліяхъ Кавказа—я поставилъ моего героя въ единообразныхъ равнинахъ, гдѣ самъ прожилъ два мѣсяца, гдѣ возвышаются въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга четыре горы, отрасль послѣдняя Кавказа".

Но Пушкинъ всю эту часть поэмы подчинилъ *романтической фабулѣ*. Въ центрѣ поэмы онъ поставилъ плѣнника, и событіе изъ жизни его сердца. Самъ Пушкинъ сознавалъ, что романтическій замыселъ его не удался. „Черкесы, ихъ обычаи и нравы", писалъ онъ въ письмѣ къ В. П. Горчакову, „занимаютъ бо́льшую и лучшую часть моей повѣсти, но все это ни съ чѣмъ не свя-

---

Своей добычи ожидалъ.
Товарищъ вѣрный, терпѣливый,
Питомецъ горныхъ табуновъ,
Стоялъ недвижно конь ретивый,
Въ тѣни древесъ у береговъ.
  Прохлада вѣетъ надъ водами:
Одѣлся тѣнью небосклонъ...
И вдругъ пустыни мертвый сонъ
Прервался... Пыль взвилась клубами,
Гремятъ колеса. Конь кипитъ—
Черкесъ верхомъ, черкесъ летитъ.
  Зачѣмъ, о юноша несчастный,
Зачѣмъ на гибель ты спѣшишь?
Порывомъ смѣлости напрасной
Своей главы не защитишь?
Его настигнулъ врагъ могучій;
Несчастный палъ на чуждый брегъ—
И слабаго питомца нѣгъ
Къ горамъ повлекъ арканъ могучій.
Помчался конь межъ дикихъ горъ
На крыльяхъ огненной отваги;
Все путь ему: болота, боръ,
Кусты, утесы и овраги.
Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжитъ,
И гулъ пустынный раздается;
Сѣдой потокъ предъ нимъ шумитъ—
Онъ въ глубь кипящую несется.
  На темной синевѣ небесъ
Луна вечерняя блеснула:
Вотъ кущи дальняго аула
(Уже) бѣлѣютъ межъ древесъ.

2) См. I, стр. 79.

зано и есть истинный hors d'oeuvre... „Характеръ плѣнника неудаченъ. Это доказываетъ, что я не гожусь въ герои романтическаго стихотворенія"... „Вообще я своей поэмой очень недоволенъ и почитаю ее гораздо ниже „Руслана"— хоть стихи въ ней зрѣлые". Таковъ приговоръ самого автора второй поэмы своей. Недовольство Пушкина ею было настолько велико, что онъ долго не могъ рѣшиться напечатать ее [3]).

Одновременно съ письмомъ къ В. П. Горчакову, Пушкинъ писалъ о новой поэмѣ своей Дельвигу: „Ты ею совсѣмъ не будешь доволенъ, и будешь правъ". Изъ того же письма мы узнаемъ, почему Пушкинъ такъ охладѣлъ къ ней. У него, по его собственному сознанію, бродили въ головѣ уже новыя поэмы. Побуждая друга своего къ творчеству, онъ выдаетъ намъ то, какая поэзія увлекала теперь его собственное чувство. Слѣдуетъ припомнить, что созданіе „Кавказскаго плѣнника" совпало съ чтеніемъ Байрона (см. I т., 110). Въ увлеченіи этимъ поэтомъ Пушкину кажется, что и удѣлъ Дельвига—„поэзія мрачная, богатырская, сильная, Байроническая". И самъ онъ въ поэмѣ своей невольно впалъ въ тонъ увлекшаго его поэта. Соблазнъ противопоставить жизни дикихъ горцевъ европейца былъ слишкомъ великъ для молодого поэта. А отсюда было недалеко до увлеченія этимъ европейцемъ—Чайльдъ-Гарольдомъ (въ поэмѣ Байрона того же имени)—и вотъ герой поэмы Пушкина является отраженіемъ Чайльдъ-Гарольда. Во вводной замѣткѣ къ „Стихотвореніямъ, написаннымъ на югѣ Россіи" (см. т. I, стр. 83), была указана та степень байронизма, которой не избѣжалъ Пушкинъ въ эпоху „стачки геніевъ", какъ назвалъ кн. Вяземскій невольное сочувствіе британскому поэту всякой поэтической личности начала нынѣшняго вѣка. Здѣсь остается разсмотрѣть, насколько Байронъ повліялъ на созданіе „Кавказскаго плѣнника". Это вліяніе мы видимъ какъ въ изображеніи горцевъ, такъ и въ личности плѣнника: въ первомъ—менѣе, во второмъ—болѣе.

Чайльдъ-Гарольдъ представилъ Пушкину образецъ европейца, противопоставленнаго дикимъ племенамъ.

Онъ видѣлъ ихъ, дѣтей страны,
Когда въ неволю къ нимъ попался (Ч. Гар. II. LXVI).

Привлекательная сторона независимаго горца была выставлена Байрономъ рѣшительно и ярко.

„Свирѣпы сыны Албаніи, но немало въ нихъ доблестей... Гдѣ тотъ врагъ, который видѣлъ бы тылъ ихъ? Кто другой можетъ такъ переносить труды войны? Природная живость ихъ какъ нельзя болѣе хранитъ ихъ въ опасностяхъ. Ихъ гнѣвъ смертоносенъ, но дружба—вѣрна (id. LXV).

Была готова идеализація первобытнаго гостепріимства дикарей:

Передъ огнемъ они сушили
Одежду странниковъ; потомъ
Трапезой скромной угостили—
Душистымъ мясомъ и виномъ...
Дикарь готовитъ гостю ужинъ.
Даетъ усталому покой... (id. LXVIII).

Но живой источникъ поэмы Пушкина, давшій первый толчокъ къ созданію ея, т.-е. личное посѣщеніе Кавказа и разсказы военнаго кавказскаго общества,

3) См. письмо къ Гнѣдичу 29 апр. 1822.

а также непосредственное наблюденіе природы Кавказа—получили перевѣсъ надъ источникомъ книжнымъ. Вотъ почему эта сторона поэмы—сторона географическая и этнографическая — такъ полна жизни и не заслуживаетъ упрека въ подражательности. И самъ Пушкинъ былъ доволенъ ею.

Не таковъ герой поэмы. Плѣнникъ не явился плодомъ свободнаго поэтическаго творчества, и Пушкинъ, по его собственному выраженію, „насилу сладилъ съ нимъ". Онъ не явился живымъ лицомъ и носитъ на себѣ всю тяжесть насильственнаго соединенія того, что пережито было самимъ поэтомъ, съ тѣмъ, что отложилось на его героѣ изъ книжнаго образца.

Въ личной жизни Пушкина были обстоятельства, дававшія ему право на соглашеніе чувствованій, имъ самимъ пережитыхъ и перенесенныхъ на героя поэмы, съ чувствованіями Чайльдъ-Гарольда,—и на первый разъ именно съ той чертой его, которая не исчерпываетъ его сущности: это равнодушіе къ наслажденіямъ жизни. Пробѣгая начало собственной жизни, Пушкинъ не разъ вспоминалъ неудовлетворенность и тѣми утѣхами, „гдѣ праздный умъ блеститъ, тогда какъ сердце дремлетъ"[4]), и обществомъ тѣхъ „питомцевъ наслажденій, минутной младости минутныхъ друзей" и „наперсницъ порочныхъ заблужденій"[5]), которые, какъ „художникъ-варваръ своею беззаконною кистью" зачерняли его геніальную душу[6]). Сильно чувствуя мертвящее дѣйствіе такой жизни, онъ горячо долженъ былъ отозваться на первую пѣсню „Чайльдъ-Гарольда", герой котораго тѣмъ же чувствомъ отвращенія былъ выброшенъ изъ своего отечества[7]). Ближе отношеніе обоихъ героевъ къ людямъ. Гарольдъ

...хоть на банкеты
И звалъ гостей со всѣхъ концовъ,
Но видѣлъ въ нихъ однѣ примѣты
Лишь паразитовъ и льстецовъ...
...И былъ любимъ—какъ щедрый мотъ,

Не менѣе плѣнникъ научился презирать людей:

Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ
И зналъ невѣрной жизни цѣну,
Въ сердцахъ друзей нашелъ измѣну,
Въ мечтахъ любви—безумный сонъ.

Не могло не отозваться и чувство оскорбленнаго самолюбія, уязвившее сердце юнаго поэта, выброшеннаго изъ той среды, которой онъ принадлежалъ

---

4) „Чаадаеву", 1821 (см. I, № 66).— 5) Элегія: „Погасло дневное свѣтило", 1820 (№ 49).—6) „Возрожденіе", 1819 (№ 43).

7) „Чайльдъ-Гарольдъ" I, IV.

...праздность вольную любя,
Безпечно жилъ тогда—судьба же
Ждать не заставила себя:
Еще далекъ отъ разрушенья,
Еще въ цвѣтущіе года
Онъ заразился навсегда
Ужасной скукой пресыщенья.
Съ тѣхъ поръ душѣ его больной
Противенъ сталъ и край родной
. . . .
И думалъ скукою томимый,
Свое желанье не тая,
Покинуть берегъ свой родимый,
Уѣхать въ теплые края (id. IX).

Подобно этому и плѣнникъ „гордо началъ безъ заботъ свою пламенную молодость" но

Наскучивъ жертвой быть привычной
Давно презрѣнной суеты...
. . . .
Покинулъ онъ родной предѣлъ
И въ край далекій полетѣлъ.

и по рожденію, и по воспитанію, и которое рѣзко выразилось въ посвященіи поэмы (см. т. I, № 63). Несомнѣнны въ плѣнникѣ и слѣды „любви безъ упованья“, пережитой юнымъ авторомъ поэмы.

Но этими созвучными тонами, обличающими легкіе признаки разочарованія, шевельнувшагося въ душѣ Пушкина, живая сторона въ очеркѣ плѣнника и оканчивается. „Пламенный холодъ души“ плѣнника, который „вянетъ безъ упованья, безъ желанья, жертвою страстей“, „окаменѣлый для нѣжныхъ чувствъ“, и встрѣчаетъ очи, полныя слезъ, „хладною улыбкою“—есть затѣя юнаго поэта изобразить болѣзнь вѣка, или, какъ онъ самъ писалъ В. П. Горчакову, „это равнодушіе къ жизни, къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которыя сдѣлались отличительными чертами молодости XIX вѣка“. Это намѣреніе заимствовано у Байрона, который почти то же писалъ въ 1813 г. въ прибавленіи къ введенію своего „Чайльдъ-Гарольда: „Я хотѣлъ показать, что ранняя испорченность характера и нравственности ведетъ къ пресыщенію прошедшими наслажденіями и къ разочарованію въ новыхъ“. Личность, отжившая сердцемъ, принадлежитъ британскому поэту, который характеризуетъ своего героя такими словами:

„Для Гарольда восторги стали сновидѣніемъ... Теперь ничто не шевелило его причудливаго сердца“ (Ч. Гар. I, LXXXII).

Подобно Чайльдъ-Гарольду, и плѣнникъ Пушкина считаетъ свое сердце уже неспособнымъ къ любви:

Забудь меня; твоей любви,
Твоихъ восторговъ я не стою;
Другаго юношу зови:
Его любовь тебѣ замѣнитъ
Моей души печальный хладъ
. . . .
...поздно: умеръ я для счастья,
Надежды призракъ улетѣлъ.

И еще одною чертою Байроновскихъ героевъ надѣляетъ Пушкинъ плѣнника: свое бѣдствіе и униженіе онъ переноситъ съ достоинствомъ, чѣмъ производитъ обаяніе на самихъ поработителей:

Таилъ въ молчаньи онъ глубокомъ
Движенья сердца своего,
И на челѣ его высокомъ
Не измѣнялось ничего.
Безпечной смѣлости его
Черкесы грозные дивились...

Таковъ Конрадъ Байрона (въ поэмѣ „Корсаръ“), который былъ окруженъ полчищами Сеидъ-паши и взятъ въ плѣнъ,

...въ крови, но гордый и прямой,
Жалѣя лишь о томъ, что былъ въ плѣну живой.
...И несмотря на то, что жегъ его недугъ,
Онъ былъ спокойнѣй всѣхъ стоявшихъ здѣсь вокругъ.

...А стража, что въ тюрьму его сопровождала,
Съ боязнію его украдкой озирала („Корс." II, VIII).

Могло ли изъ такого смѣшенія личныхъ чувствъ съ чувствами, вычитанными въ произведеніяхъ чужого поэта, выйти живое лицо для поэмы Пушкина? Оно и должно было остаться со всѣми слѣдами своего происхожденія: лучшими при его изображеніи оказались тѣ элегическіе стихи, которые то произноситъ о немъ самъ поэтъ, то влагаетъ въ его уста—тѣ стихи, которые Пушкинъ назвалъ „стихами своего сердца".

Талантъ Пушкина видимо еще не созрѣлъ для эпическаго творчества.

Исключительно книжному источнику обязанъ Пушкинъ и героиней своей поэмы. Легкій очеркъ черкешенки есть граціозная мечта, навѣянная поэмами того же Байрона. Черкешенка является олицетвореніемъ чувства любви. Двѣ женскія личности Байрона отразились въ черкешенкѣ Пушкина: Гаиде (въ „Д. Жуанѣ") и Гюльнара (въ „Корсарѣ"). Какъ Гаиде въ состраданіи къ Донъ-Жуану, заброшенному бурею на дикій островъ отца ея (торговца невольниками), возвращаетъ его своими заботами къ жизни, успокоиваетъ въ пещерѣ, тайно раздѣляетъ съ нимъ пищу, подкрѣпляетъ виномъ, поетъ ему пѣсни и учитъ своему языку (Д. Ж. II, CXIII—CXV), такъ и черкешенка заботится о плѣнникѣ и утѣшаетъ его (см. п. I, ст. 141—167). У обѣихъ героинь состраданіе переходитъ въ любовь. Гюльнара, полюбившая Корсара, является избавительницей его изъ темницы (Корс. II, XII), и выслушавъ его признаніе, что онъ не можетъ отвѣчать на ея любовь, любя другую (id. XIV), тѣмъ не менѣе самоотверженно совершаетъ подвигъ для его освобожденія (id. III, VIII). Въ томъ же выражается и любовь черкешенки къ кавказскому плѣннику.

Обѣ героини Байрона сходятся съ черкешенкой и въ томъ, что любятъ впервые; для всѣхъ нихъ любовь эта—единственная и роковая. Онѣ отдаются ей всецѣло со всей непосредственностью своей первобытной природы. Такой идеализаціей цѣльныхъ натуръ Байронъ, согласно основной тенденціи своихъ поэмъ, пользуется для противоположенія первобытныхъ нравовъ съ нравами общества, испорченнаго ложной цивилизаціей, изображенію котораго такъ любитъ посвящать желчныя отступленія въ своихъ поэмахъ.

„Кавказскій плѣнникъ" Пушкина свободенъ отъ такой тенденціи. Гаиде, наиболѣе отразившаяся въ его черкешенкѣ, привлекла его своей нравственной красотою и нашла мѣсто въ поэмѣ безъ всякихъ иныхъ соображеній. Она задѣла и собственное творчество Пушкина: онъ довелъ роковое значеніе ея любви до конца: когда плѣнникъ, въ порывѣ благодарности за избавленіе, предлагаетъ ей любовь свою,—она не можетъ допустить и мысли о вторичной любви въ одномъ сердцѣ, она считаетъ свою участь уже рѣшенною съ той минуты, когда плѣнникъ сказалъ ей о своей любви къ другой. Освободивъ дорогого ей человѣка, она считаетъ свою жизнь оконченной и погибаетъ въ волнахъ рѣки.

Сличая эту вторую поэму Пушкина съ поэмами, послужившими образцомъ для нея, нельзя не замѣтить характерной особенности созданій Пушкина: это—сжатость и мѣткость ихъ языка. Она проявляется уже въ этихъ первыхъ его эпическихъ опытахъ. Обиліе словъ и рѣчи самого Байрона и его героевъ и героинь, порою блестящее ихъ краснорѣчіе не произвели въ Пушкинѣ никакого желанія подражать имъ. Онъ понималъ силу рѣчи—въ ея сжатости; и въ

дальнѣйшихъ произведеніяхъ, съ успѣхомъ своего поэтическаго развитія, усовершенствовалъ свой языкъ въ этомъ направленіи еще болѣе.

„Кавказскій плѣнникъ" при появленіи своемъ былъ встрѣченъ еще съ большимъ восторгомъ, нежели „Русланъ и Людмила". Даже „Вѣстникъ Европы" похвалилъ поэму. Самая обстоятельная критическая статья появилась въ „Трудахъ Вольнаго Общ. люб. росс. слов." (1822, XX, 24) и принадлежала Плетневу.

„Повѣсть „К. пл.", писалъ Плетневъ, „написана въ родѣ новѣйшихъ англійскихъ поэмъ, каковыя особенно встрѣчаются у Байрона... Въ нихъ поэтъ не предается вымысламъ чудеснаго, не составляетъ обширнаго повѣствованія, но избравъ одинъ случай въ жизни своего героя, ограничивается отдѣлкою картинъ, представляющихся воображенію, смотря по всѣмъ обстоятельствамъ, сопровождающимъ главное дѣйствіе. Въ подобныхъ сочиненіяхъ выборъ происшествія, мѣстныя описанія и опредѣленность характера дѣйствующихъ лицъ составляетъ главное".

Пересказавъ сюжетъ поэмы, Плетневъ замѣчаетъ: „Происшествіе въ „К. пл." можно бы сдѣлать и разнообразнѣе и даже полнѣе. По обыкновенному понятію о подобныхъ происшествіяхъ, надобно сказать, что ходъ страсти, которая бываетъ изобрѣтательна и неутомима, слишкомъ здѣсь коротокъ. Еще болѣе остается неполнымъ разсказъ о плѣнникѣ. Его участь нѣсколько загадочна. Нельзя не пожелать, чтобы онъ хотя въ другой поэмѣ явился намъ и познакомилъ насъ съ своею судьбою... Впрочемъ это не было бы новостью: подобныя явленія встрѣчаются въ поэмахъ Байрона".

„Мѣстныя описанія въ „К. пл." рѣшительно можно назвать совершенствомъ поэзіи. Повѣствованіе можетъ лучше обдумать стихотворецъ и съ меньшими дарованіями противъ Пушкина; но его описанія Кавказскаго края навсегда останутся первыми, единственными. На нихъ остался удивительный отпечатокъ видимой истины, понятной, такъ сказать, осязаемости мѣстъ, людей, ихъ жизни и ихъ занятій, чѣмъ мы не слишкомъ богаты въ нашей поэзіи. Мы часто видимъ усиліе людей, которые описываютъ, не въ состояніи будучи сами дать себѣ отчета въ мѣстности, потому что они знакомы съ нею по одному воображенію. Описанія въ „К. пл." превосходны не только по совершенству стиховъ, но по тому особенно, что подобныхъ имъ нельзя составить, не видавъ собственными глазами картины природы. Сверхъ того, сколько смѣлости въ начертаніи оныхъ, сколько искусства въ отдѣлкѣ! Краски и тѣни, т.-е. слова и разстановка ихъ, перемѣняются, смотря по различію предметовъ. Стихотворецъ то отваженъ, то гибокъ, подобно разнообразной природѣ этого дикаго азіатскаго края. Чтобы читателемъ понятнѣе сдѣлать наши наблюденія, мы приводимъ здѣсь нѣкоторыя мѣстныя описанія".

Выписавъ картину съ вершины горы и описаніе бури въ горахъ, Плетневъ прибавляетъ: „Пусть любопытные сравнятъ эту грозную и вмѣстѣ плѣнительную картину, въ которой каждый стихъ блеститъ новою, приличною ему краскою, съ описаніемъ окрестностей Бонниваровой темницы, которое сдѣлалъ Байронъ въ своемъ „Шильонскомъ узникѣ"; тогда легче можно будетъ судить, какъ счастливо, въ одинакихъ обстоятельствахъ, побѣждаетъ нашъ поэтъ

англійскаго. Байронова картина, поставленная подлѣ этой, покажется легкимъ, слабымъ очертаніемъ, кинутымъ съ самаго общаго взгляда" [1]).

„Мы пропускаемъ въ „К. пл." другое описаніе, гдѣ изображено вѣрною и быстрою кистію искусство черкесовъ, съ какимъ они производятъ опыты отважныхъ своихъ набѣговъ. Даръ поэзіи и сила воображенія могли бы еще навести стихотворца къ составленію хотя подобной картины, если бы онъ и не былъ самъ въ тѣхъ мѣстахъ. Но не можемъ не привести описанія любимой между черкесами воинской хитрости, которой никакъ не поймать воображеніемъ, если бы стихотворецъ самъ не былъ въ краю, имъ описываемомъ".

Выписавъ сцену засады черкеса и поимки плѣнника, Плетневъ продолжаетъ: „Загадочное начало описанія, подобно тайному предпріятію черкеса, манитъ читателя къ развязкѣ и поддерживаетъ до конца всю занимательность, которая соединена съ любопытствомъ. Но развязка, какъ внезапная смерть казака, мгновенна. Всѣ сіи мѣстныя частности, схваченныя съ природы, придаютъ поэзіи неизъяснимую и прочную красоту. Величайшіе стихотворцы, особенно древніе, преимущественно держались этого правила, и потому ихъ картины ничего не имѣютъ однообразнаго и утомительнаго. Мы могли бы привести еще множество примѣровъ..."

„Въ „К. пл."—два только характера: черкешенки и русскаго плѣнника. Намъ пріятнѣе сначала говорить о характерѣ первой, потому что она обдуманнѣе и совершеннѣе, нежели характеръ второго. Все, что могутъ только представить воображенію поэта нѣжная сострадательность, трогательное простодушіе и первая невинная любовь—все изображено въ характерѣ черкешенки. Она, повидимому, такъ открыто и живо явилась поэту, что ему стоило только, глядя на нее, рисовать ея портретъ".

Выписавъ сцену перваго появленія черкешенки, а затѣмъ описаніе нѣжныхъ заботъ ея о плѣнникѣ, Плетневъ заключаетъ, что характеръ черкешенки „навсегда останется у насъ мастерскимъ произведеніемъ" и изъ всей поэмы выбираетъ тѣ мѣста, „гдѣ поэтъ умѣлъ раскрыть всю душу своей героини". „Послушаемъ", продолжаетъ онъ, „какъ она силится въ уныломъ плѣнникѣ пробудить чувство любви, которая побѣдила ея сердце".

„Можетъ ли страсть говорить убѣдительнѣе"? спрашиваетъ Плетневъ о стихахъ 8—30 пѣсни II-й. „Это мѣсто приводитъ намъ на память нѣжную Моину, съ такимъ же простосердечіемъ изображающую любовь свою къ Фингалу [1]).

---

[1]) Плетневъ разумѣетъ здѣсь слѣдующее описаніе Байрона:

Шильонъ Лиманомъ окруженъ,
И водъ его со всѣхъ сторонъ
Неизмѣрима глубина;
Въ двойную волны и стѣна
Тюрьму совокупились тамъ;
Печальный сводъ, который намъ
Могилой заживо служилъ,
Изрытъ въ скалѣ подводной былъ,
И день и ночь была слышна
Въ него біющая волна
И шумъ надъ нашей головой
Струй, отшибаемыхъ стѣной.
Случалось—бурей до окна
Бывала взброшена волна,
И брызговъ дождь насъ окроплялъ;
Случалось, вихорь бушевалъ,
И содрагалася скала;
И съ жадностью душа ждала,
Что рухнетъ и задавитъ насъ;
Свободой былъ бы смертный часъ.
(Жуковскій 1821).

[1]) Въ трагедіи Озерова. Вотъ это мѣсто:

Я узнаю теперь, и поздно и стеня,
Что ты обманывалъ и не любилъ меня,
Что издѣвался здѣсь ты надъ моею страстью.
Оставь меня, бѣги, предай меня несчастью,
Межъ нами положи обширности морей.

Но въ частной отдѣлкѣ нѣтъ ничего общаго между Озеровымъ и Пушкинымъ, потому что лица, ими описываемыя, взяты изъ различныхъ климатовъ и находились въ различныхъ положеніяхъ. Надобно замѣтить, съ какимъ искусствомъ воспользовался Пушкинъ пламеннымъ и частію неистовымъ характеромъ дикихъ горцевъ, который долженъ виденъ быть и въ самой невинной черкешенкѣ! Она, при одной мысли о невольномъ замужествѣ, рѣшительно произноситъ: „найду кинжалъ иль ядъ". Послѣ столь нѣжнаго изъявленія любви своей она слышитъ отъ него ужасный себѣ приговоръ: плѣнникъ уже не властенъ надъ своимъ сердцемъ. Какой быстрый и сильный долженъ послѣдовать переходъ въ ея душѣ отъ надежды къ отчаянію"! (здѣсь приводятся стихи 100—126 II п.).

„Стихотворецъ ничего не опустилъ, чтобы довершить изображеніе этого простодушнаго и нѣжнаго характера. Приведенное нами мѣсто можно назвать образцомъ искусства, какъ привлекать участіе читателей къ дѣйствующимъ въ поэмѣ лицамъ".

Обращаясь затѣмъ къ характеристикѣ плѣнника, Плетневъ не находитъ тѣхъ же достоинствъ въ его изображеніи. „Мы не находимъ такой опредѣленности", говоритъ онъ, „въ характерѣ плѣнника. Кажется, что это недоконченное лицо. Есть мѣста, которыя возбуждаютъ и къ нему участіе (ст. 74—89 пѣсни II-й) или, гдѣ еще яснѣе сказано:

Не плачь! И я гонимъ судьбою,
И муки сердца испыталъ,
Нѣтъ, я не зналъ любви взаимной:
Любилъ одинъ, страдалъ одинъ,
И гасну я, какъ пламень дымный,
Забытый средь пустыхъ долинъ.
Умру вдали бреговъ желанныхъ;
Мнѣ будетъ гробомъ эта степь;
Здѣсь на костяхъ моихъ изгнанныхъ
Заржавитъ тягостная цѣпь...

„Прочитавъ сіи стихи, каждый составилъ бы ясное понятіе о характерѣ человѣка, преданнаго нѣжной любви къ милому предмету, отвергшему его роковую страсть. Въ этомъ одномъ видѣ плѣнникъ составлялъ бы самое занимательное лицо въ поэмѣ. Но въ другихъ мѣстахъ къ изображенію плѣнника примѣшаны посторонція и затемняющія характеръ черты. Напримѣръ, сочинитель говоритъ, что плѣнникъ его лишился отечества,

. . . гдѣ пламенную младость
Онъ гордо началъ безъ заботъ,
Гдѣ первую позналъ онъ радость,
Гдѣ много милаго любилъ,
Гдѣ обнялъ грозное страданье,

Ты возмутить пришелъ моихъ спокойство дней,
Ты погубилъ меня. Я не снесу разлуки,
И вскорѣ, вскорѣ смерть моя окончить муки;
Она съ спокойствіемъ Моину примиритъ
И съ сердца видъ сотретъ, меня прельстившій видъ!
(Дѣйств. III, явл. 3).

Гдѣ бурной жизнью погубилъ
Надежду, радость и желанье
И лучшихъ дней воспоминанье
Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ.
. . . .
Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ,
И зналъ невѣрной жизни цѣну:
Въ сердцахъ друзей нашелъ измѣну,
Въ мечтахъ любви—безумный сонъ.
Наскуча жертвой быть привычной
Давно презрѣнной суеты,
И неприязни двуязычной,
И простодушной клеветы,
Отступникъ свѣта, другъ природы,
Покинулъ онъ родной предѣлъ
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы,

„По этому описанію воображеніе то представляетъ человѣка, утомленнаго удовольствіями любви, то возненавидѣвшаго порочный свѣтъ и радостно оставляющаго родину, чтобъ сыскать лучшій край. На первую мысль сочинитель попадаетъ и въ другомъ мѣстѣ:

Забудь меня; *твоей любви,*
Твоихъ восторговъ я не стою.
. . . .
Безъ упоенья, безъ желаній
Я вяну жертвою страстей.

„Столь неясныя слова въ устахъ человѣка, пламенно любимаго, рождаютъ о немъ странныя мысли. Ему бы легче и благороднѣе было отказаться отъ новой любви постоянною своею привязанностію, хотя первая могла быть ею и отвергнута: тѣмъ вѣрнѣе онъ заслужилъ бы состраданіе и уваженіе черкешенки. Между тѣмъ, его слова: „твоихъ восторговъ я не стою" или: „безъ желаній я вяну жертвою страстей"—охлаждаютъ всякое къ нему участіе. Несчастный любовникъ могъ бы сказать ей: „Мое сердце чуждо новой любви", но кто имѣетъ причину признаваться, что онъ „не стоитъ восторговъ" невинности, тотъ разрушаетъ всякое очарованіе на счетъ своей нравственности. Вотъ что̀ заставило сказать насъ, что характеръ русскаго въ „К. Пл." не совсѣмъ обдуманъ и слѣдственно не совсѣмъ удаченъ".

Въ заключеніе Плетневъ дѣлаетъ нѣсколько стилистическихъ замѣчаній: „Къ числу небольшихъ ошибокъ въ стихахъ мы относимъ въ сей поэмѣ слѣдующее мѣсто:

Въ часъ ранней, утренней прохлады
Останавливалъ онъ долго взоръ
На отдаленныя громады
Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ.

„Въ другомъ мѣстѣ:

Но европейца все вниманье
Народъ сей чудный привлекалъ.

„Первый стихъ вышелъ очень прозаическій.

„Сіи почти единственныя и маловажныя ошибки замѣнены безпрерывными, неподражаемыми красотами истинной поэзіи. Критика не можетъ и не должна говорить хладнокровно о подобныхъ произведеніяхъ, потому что они питаютъ образованный вкусъ; они однимъ своимъ появленіемъ уничтожаютъ ложно-прекрасное, очищаютъ поле словесности и разрѣшаютъ шумные толчки невѣжества и пристрастія".

„Пушкинъ, одаренъ будучи истиннымъ и оригинальнымъ талантомъ, идетъ наравнѣ съ другими превосходными поэтами нашего времени... Конечно, онъ не безъ ошибокъ".

Указавъ на словахъ, приведенныхъ выше (стр. 14), недостатокъ въ планѣ и характеристикахъ „Руслана и Людмилы", Плетневъ заканчиваетъ свою рецензію такъ: „Можно ручаться, что постоянное вниманіе и любовь къ своему искусству доведутъ его до того совершенства въ планахъ, которое теперь такъ видно въ частныхъ отдѣлкахъ его произведеній".

Одновременно съ статьею Плетнева явился отзывъ кн. Вяземскаго (1822). Онъ представляетъ интересъ тѣмъ, что выясняетъ, какъ современники взглянули на новый въ русской литературѣ типъ, „равнодушнаго, охлажденнаго" героя.

„Авторъ повѣсти „Кавказскій плѣнникъ" (по примѣру Байрона въ Child-Harold)", писалъ кн. Вяземскій, „хотѣлъ передать читателю впечатлѣнія, дѣйствовавшія на него въ путешествіи. Описательная поэма, описательное посланіе придаютъ невольно утомительное однообразіе разсказу. Авторъ на сценѣ представляетъ всегда какое-то принужденное и холодное лицо: между имъ и читателемъ выгоднѣе для взаимной пользы имѣть посредника. Пушкинъ, созерцая высоты поэтическаго Кавказа, пораженъ былъ поэзіею природы дикой, величественной, поэзіею нравовъ и обыкновеній народа грубаго, но смѣлаго воинственнаго, красиваго, и, какъ поэтъ, не могъ пробыть въ молчаніи, когда все говорило воображенію его, душѣ и чувствованіямъ языкомъ новымъ и сильнымъ. Содержаніе настоящей повѣсти просто и, можетъ быть, слишкомъ естественно: для читателя ея много занимательнаго въ описаніи, но мало въ дѣйствіи. Жаль, что авторъ не приложилъ болѣе изобрѣтенія въ драматической части своей поэмы: она была бы полнѣе и оживленнѣе. Характеръ плѣнника новъ въ поэзіи нашей, но сознаться должно, что онъ не всегда выдержанъ и, такъ сказать, не твердою рукою дорисованъ; впрочемъ достоинство его не умаляется отъ нѣкотораго сходства съ героемъ Байрона. Британскій поэтъ не одному воображенію обязанъ характеромъ, приданнымъ его герою. Не входя въ изслѣдованіе мнѣнія почти общаго, что Байронъ себя списывалъ въ изображеніи Child-Harold, утвердить можно, что подобныя лица часто встрѣчаются взору наблюдателя въ нынѣшнемъ положеніи общества. Преизбытокъ силы жизни внутренней, которая въ честолюбивыхъ потребностяхъ своихъ не можетъ удовольствоваться уступками внѣшней жизни, щедрой для однихъ умѣренныхъ желаній, такъ называемаго, благоразумія; необходимы послѣдствія подобной распри: волненіе безъ цѣли, дѣятельность пожирающая, неприкладываемая къ существенному, упованія, никогда не совершаемыя и вѣчно возникающія съ новымъ стремленіемъ—должны неминуемо посѣять въ душѣ тотъ истреби-

тельный зародышъ скуки, приторности, пресыщенія, которыя знаменуютъ характеръ Child-Harold, Кавказскаго плѣнника и имъ подобныхъ. Впрочемъ, повторяемъ: сей характеръ изображенъ во всей полнотѣ въ одномъ произведеніи Байрона; у нашего поэта онъ только означенъ слегка; мы почти должны угадывать намѣреніе автора и мысленно пополнить недоконченное въ его твореніи... Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе: авторъ представляетъ героя своего равнодушнымъ, охлажденнымъ, но не безчеловѣчнымъ, и мы съ неудовольствіемъ видимъ, что онъ, избавленный отъ плѣна рукой страстной черкешенки, которая послѣ этого подвига приноситъ въ жертву жизнь, которая уже для нея безъ цѣли и съ коею разорвала она послѣднюю связь, не посвящаетъ памяти ея ни одной признательной мысли, ни одного сострадальнаго чувствованія"... Выписавъ стихи 285—292 пѣсни II-й, кн. Вяземскій замѣчаетъ: „Стихи хорошіе, но не соотвѣтствующіе естественному ожиданію читателя, коего живое участіе въ несчастномъ жребіи черкешенки служитъ осужденіемъ плѣнника и автора".

„Лицо черкешенки", продолжаетъ кн. Вяземскій, „совершенно поэтическое. Въ ней есть какая-то неопредѣленность и очаровательность. Явленіе ея, конецъ ея—все представляется тайною. Мы знаемъ о ней только одно, что она любила—и довольны. И подлинно: жребій добродѣтели, страданія, радости женщины, обязанности ея не могутъ ли заключаться всѣ въ этомъ чувствѣ? По моему, женщина, которая любила, совершила на землѣ свое предназначеніе и жила въ полномъ значеніи этого слова. Спѣшу пояснить строгимъ толкованіемъ, что слово „любовь" пріемлется здѣсь въ чистомъ, нравственномъ и строгомъ значеніи своемъ".

„Все, что принадлежитъ до живописи, въ настоящей повѣсти превосходно. Авторъ наблюдалъ, какъ поэтъ, и передаетъ читателю свои наблюденія въ самыхъ поэтическихъ краскахъ. Поэзія въ этомъ отношеніи не исключаетъ вѣрности, а, напротивъ, придаетъ ее описанію: ничего нѣтъ лживѣе мертваго и, такъ сказать, буквальнаго изображенія того, что исполнено жизни и души"...

„Стихосложеніе въ „К. пл." отличное. Можно, кажется, сказать утвердительно, что въ цѣлой повѣсти нѣтъ ни одного вялаго, нестройнаго стиха. Все дышитъ свѣжестью, все кишитъ живостью необыкновенною".

Самъ Пушкинъ (въ черновомъ письмѣ къ Гнѣдичу 29 апр. 1822 г.), такъ раскрываетъ недостатки своей поэмы: „Недостатки этой повѣсти, поэмы или чего вамъ угодно—такъ ясны, что я долго не могъ рѣшиться ее напечатать. Простота плана близко подходитъ къ бѣдности изобрѣтенія, описаніе нравовъ черкесскихъ не связано съ происшествіемъ и есть не иное что, какъ географическая статья, или отчетъ путешественника. Характеръ главнаго лица (а всего-то ихъ двое) приличенъ болѣе роману, нежели поэмѣ, да и что за характеръ? Кого займетъ изображеніе молодого человѣка, потерявшаго чувствительность сердца въ какихъ-то несчастіяхъ, неизвѣстныхъ читателю? Его бездѣйствіе, его равнодушіе къ дикой жестокости горцевъ и къ прелестямъ кавказской дѣвы могутъ быть очень естественны, но что тутъ трогательнаго? Легко было бы оживить разсказъ происшествіями, которыя сами собой истекали бы изъ предметовъ. Черкесъ, плѣнившій моего русскаго, могъ быть любовникомъ его избавительницы; мать, отецъ и братья ея могли бы имѣть каждый свою

роль, свой характеръ—всѣмъ этимъ я пренебрегъ: во-первыхъ, отъ лѣни, во-вторыхъ, что разумныя эти размышленія пришли мнѣ на умъ тогда, когда обѣ части поэмы были уже кончены, а сызнова начинать не имѣлъ я духа".

„Поэтъ", писалъ Бѣлинскій (1844), разбирая „Кавказскаго плѣнника", „былъ увлеченъ двумя предметами — поэтическою жизнію дикихъ и вольныхъ горцевъ, и потомъ — элегическимъ идеаломъ души, разочарованной жизнію. Изображеніе того и другого слилось у него въ одну роскошно-поэтическую картину. Грандіозный образъ Кавказа съ его воинственными жителями въ первый разъ былъ воспроизведенъ русскою поэзіею,—и только въ поэзіи Пушкина въ первый разъ русское общество познакомилось съ Кавказомъ, давно уже знакомымъ Россіи по оружію. Мы говоримъ: „въ первый разъ", ибо какихъ-нибудь двухъ строфъ, довольно прозаическихъ, посвященныхъ Державинымъ изображенію Кавказа, и отрывка изъ посланія Жуковскаго къ Воейкову, посвященнаго тоже довольно прозаическому описанію (въ стихахъ) Кавказа, слишкомъ недостаточно для того, чтобъ получить какое-нибудь, хотя сколько-нибудь приблизительное понятіе объ этой поэтической сторонѣ. Мы вѣримъ, что Пушкинъ съ добрымъ намѣреніемъ выписалъ въ примѣчаніяхъ къ своей поэмѣ стихи Державина [1]) и Жуковскаго [2]), и съ полною искренностію, отъ чис-

---

[1]) „*Державинъ* въ превосходной своей одѣ графу Зубову первый изобразилъ въ слѣдующихъ строфахъ дикія картины Кавказа:

О юный вождь! Сверша походы,
Прошелъ ты съ воинствомъ Кавказъ,
Зрѣлъ ужасы, красы природы:
Какъ съ ребръ тамъ стражныхъ горъ ліясь,
Ревутъ въ мракъ безднъ сердиты рѣки;
Какъ съ челъ ихъ съ грохотомъ снѣга
Падутъ, лежавши цѣлы вѣки;
Какъ серны, внизъ склонивъ рога,
Зрятъ въ мглѣ спокойно подъ собою
Рожденье молній и громовъ;
Ты зрѣлъ, какъ ясною порою
Тамъ солнечны лучи средь льдовъ,
Средь водъ, играя, отражаясь,
Великолѣпный кажутъ видъ;
Какъ, въ разноцвѣтныхъ разсѣваясь
Тамъ брызгахъ, тонкій дождь горитъ;
Какъ глыба тамъ сизоянтарна,
Навѣсясь, смотритъ въ темный боръ;
А тамъ заря златобагряна
Сквозь лѣсъ увеселяетъ взоръ".
(Пр. Пушк.).

[2]) „*Жуковскій*, въ своемъ посланіи къ г-ну Воейкову, также посвящаетъ нѣсколько прелестныхъ стиховъ описанію Кавказа.

Ты зрѣлъ, какъ Терекъ въ быстромъ бѣгѣ
Межъ виноградниковъ шумѣлъ,
Гдѣ часто, притаясь на брегѣ,
Чеченецъ иль черкесъ сидѣлъ
Подъ буркой съ гибельнымъ арканомъ;
И вдалекѣ передъ тобой,
Одѣты голубымъ туманомъ,
Гора вздымалась надъ горой,
И въ сонмѣ ихъ гигантъ сѣдой,
Какъ туча, Эльборусъ двуглавый.
Ужасною и величавой
Тамъ все блистаетъ красотой:
Утесовъ мшистыя громады,
Бѣгущи съ ревомъ водопады
Во мракъ пучинъ съ гранитныхъ скалъ;
Лѣса, которыхъ сна отъ вѣка
Ни стукъ сѣкиръ, ни человѣка
Веселый гласъ не возмущалъ,
Въ которыхъ сумрачныя сѣни
Еще лучъ дневный не проникъ,
Гдѣ изрѣдка одни елени,
Орла послышавъ грозный крикъ,
Тѣснясь въ толпу, шумятъ вѣтвями,
И козы легкими ногами
Перебѣгаютъ по скаламъ.
Тамъ все является очамъ
Великолѣпіе творенья!
Но тамъ, среди уединенья
Долинъ, таящихся въ горахъ,
Гнѣздится и Балкаръ и Бахъ,
И Абазехъ и Камуцинецъ,
И Корбулакъ и Албазинецъ,
И Чечереецъ, и Шапсукъ.
Пищаль, кольчуга, сабля, лукъ,
И конь соратникъ быстроногій—
Ихъ и сокровища и боги;

таго сердца, хвалитъ ихъ, но тѣмъ не менѣе онъ сказалъ имъ черезъ это слишкомъ плохую услугу; ибо послѣ его исполненныхъ творческой жизни картинъ Кавказа, никто не повѣритъ, чтобъ въ тѣхъ выпискахъ шло дѣло о томъ же предметѣ... Несмотря на всю незрѣлость таланта, которая такъ часто проглядываетъ въ „Кавк. пл.", несмотря на слишкомъ юношеское одушевленіе зрѣлищемъ горъ и жизнію ихъ обителей, — многія картины Кавказа въ этой поэмѣ и теперь еще не потеряли своей поэтической цѣнности... Съ легкой руки Пушкина Кавказъ сдѣлался для русскихъ завѣтною страною не только широкой, раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзіи, страною кипучей жизни и смѣлыхъ мечтаній! Муза Пушкина какъ бы освятила давно уже на дѣлѣ существовавшее родство Россіи съ этимъ краемъ, купленнымъ драгоцѣнною кровію сыновъ ея и подвигами ея героевъ. И Кавказъ - эта колыбель поэзіи Пушкина—сдѣлался потомъ и колыбелью поэзіи Лермонтова".

„Пушкинъ тѣсно связалъ свои живыя картины Кавказа съ дѣйствіемъ поэмы. Онъ рисуетъ ихъ не отъ себя, но передаетъ ихъ, какъ впечатлѣнія и наблюденія плѣнника—героя поэмы, и оттого онѣ дышатъ особенною жизнію... Описанія дикой воли, разбойническаго героизма и домашней жизни горцевъ дышатъ чертами ярко вѣрными. Но черкешенка, связывающая собою обѣ половины поэмы, есть лицо совершенно идеальное и только внѣшнимъ образомъ вѣрное дѣйствительности. Въ изображеніи черкешенки особенно высказывалась вся незрѣлость, вся юность таланта Пушкина въ то время. Самое положеніе, въ которое поставилъ поэтъ два главныя лица своей поэмы—черкешенку и плѣнника—это положеніе, наиболѣе плѣнившее публику, отзывается мелодрамою и, можетъ быть, по тому самому такъ сильно увлекло самого молодого поэта. Но—такова сила истиннаго таланта!—при всей театральности положенія, на которомъ завязанъ узелъ поэмы, при всей его безцвѣтности, въ отношеніи къ дѣйствительности,— въ рѣчахъ черкешенки и плѣнника столько элегической истины чувства, столько сердечности страсти и страданія, что ничѣмъ нельзя оградиться отъ ихъ обаятельнаго увлеченія, при самомъ ясномъ сознаніи въ то же время, что на всемъ этомъ лежитъ печать чего-то дѣтскаго. Съ особенною силою дѣйствуетъ на душу читателя сцена освобожденія плѣнника черкешенкою, и эти стихи—

Пилу дрожащей взявъ рукой,
Къ его ногамъ она склонилась:
Визжитъ желѣзо подъ пилой,
Слеза невольная скатилась,
И цѣпь распалась и гремитъ...

„Чувство свободы борется въ этой сценѣ съ грустью по судьбѣ черкешенки: вы понимаете, что, исполненный этого чувства свободы, плѣнникъ не могъ не

Какъ серны скачутъ по горамъ,
Бросаютъ смерть изъ-за утеса,
Или по топкимъ берегамъ,
Въ травѣ высокой, въ чащѣ лѣса
Разсыпавшись, добычи ждутъ;
Скалы—свободѣ ихъ вріютъ.
Но дни въ аулахъ ихъ бредутъ
На костыляхъ угрюмой лѣни:
Тамъ жизнь ихъ—сонъ; стѣснясь въ кружокъ,
И въ братскій съ табакомъ горшокъ
Вонзивши чубуки, какъ тѣни
Въ дыму глубящемся сидятъ,
И объ убійствахъ говорятъ;
Иль хвалятъ мѣткія пищали,
Изъ коихъ дѣды ихъ стрѣляли;
Иль сабли на кремняхъ острятъ,
Готовясь на убійства новы".
(Пр. Пушк.).

предложить своей освободительницѣ того, въ чемъ прежде такъ основательно и благородно отказывалъ ей; но вы понимаете также, что это только порывъ, и что черкешенка, наученная страданіемъ, не могла увлечься этимъ порывомъ. И, несмотря на всю грусть вашу о погибшей красавицѣ, мученическая смерть которой нарисована такъ поэтически, вы чувствуете, что грудь ваша дышитъ свободнѣе по мѣрѣ того, какъ плѣннику въ туманѣ начинаютъ сверкать русскіе штыки, а до его слуха доходятъ оклики сторожевыхъ казаковъ".

Лучшая критика, какая когда-либо была написана на „Кавказскаго плѣнника", принадлежитъ самому же Пушкину. Въ статьѣ его „Путешествіе въ Арзерумъ" находятся слѣдующія слова, написанныя имъ черезъ семь лѣтъ послѣ изданія „Кавказскаго плѣнника". „Здѣсь (въ Ларсѣ) нашелъ я измаранный списокъ „Кавказскаго плѣнника" и, признаюсь, перечелъ его съ большимъ удовольствіемъ. Все это слабо, молодо, неполно, но многое угадано и выражено вѣрно". Не знаемъ, къ какому времени относится слѣдующее сужденіе Пушкина о „Кавказскомъ плѣнникѣ", но оно очень интересно, какъ фактъ, доказывающій, какъ смѣло умѣлъ Пушкинъ смотрѣть на свои произведенія: „Кавказскій плѣнникъ", первый неудачный опытъ характера, съ которымъ я насилу сладилъ; онъ былъ принятъ лучше всего, что́ я ни писалъ, благодаря нѣкоторымъ элегическимъ и описательнымъ стихамъ. Но зато Н. и А. Раевскіе, и я, мы вдоволь надъ нимъ посмѣялись".

„Въ художественномъ отношеніи „Кавказскій плѣнникъ" принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеній Пушкина, въ которыхъ онъ является еще ученикомъ, а не мастеромъ поэзіи. Стихи прекрасны исполнены жизни, движенія, много поэзіи; но еще нѣтъ художества. Содержаніе всегда бываетъ соотвѣтственно формѣ, и наоборотъ; недостатки одного тѣсно связаны съ недостатками другой, и наоборотъ. Въ отдѣлкѣ стиховъ „Кавказскаго плѣнника" замѣтно еще хотя и меньше, чѣмъ въ „Русланѣ и Людмилѣ", вліяніе старой школы. Встрѣчаются неточныя выраженія, какъ, напримѣръ, въ стихѣ: „Удары шашекъ ихъ жестокихъ", или „Гдѣ обнялъ грозное страданье"; попадаются слова: глава, младой, власы. Вступленіе нѣсколько тяжеловато, какъ и въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ", но слабыхъ стиховъ вообще мало, а оборотовъ прозаическихъ почти совсѣмъ нѣтъ; поэзія выраженія почти вездѣ необыкновенно богата. Какъ фактъ для сравненія поэзіи Пушкина вообще съ предшествовавшею ему поэзіею, укажемъ на то, какъ поэтически выражено въ „Кавказскомъ плѣнникѣ" самое прозаическое понятіе, что черкешенка учила плѣнника языку ея родины:

Съ неясной рѣчію сливаетъ
Очей и знаковъ разговоръ;
Поетъ ему и пѣсни горъ,
И пѣсни Грузіи счастливой,
И памяти нетерпѣливой
Передаетъ языкъ чужой.

„Нѣкоторыя выраженія исполнены мысли; и многія мѣста отличаются поразительною вѣрностью дѣйствительности времени, котораго пѣвцомъ и выразителемъ былъ поэтъ. Примѣръ того и другого представляютъ эти прекрасные стихи:

Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ,
Узналъ невѣрной жизни цѣну,

Въ сердцахъ людей нашедъ измѣну,
Въ мечтахъ любви—безумный сонъ;
Наскуча жертвой быть привычной
Давно презрѣнной суеты,
И непріязни двуязычной
И простодушной клеветы,
Отступникъ свѣта, другъ природы,
Покинулъ онъ родной предѣлъ
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы.

„Въ этихъ немногихъ стихахъ слишкомъ много сказано. Сколько мысли въ выраженіи: „быть жертвою простодушной клеветы!“ Вѣдь клевета не всегда бываетъ дѣйствіемъ злобы: чаще всего она бываетъ плодомъ невиннаго желанія разсѣяться занимательнымъ разговоромъ, а иногда и плодомъ доброжелательства и участія столь же искренняго, сколько и неловкаго. И все это поэтъ умѣлъ выразить однимъ смѣлымъ эпитетомъ! Такихъ эпитетовъ у Пушкина много, и только у него одного впервые начали являться такіе эпитеты!“

———

„Кавказскій плѣнникъ“, пишетъ г. Бартеневъ (1861), „по нашему мнѣнію, весьма важенъ по отношенію къ внутренней жизни сочинителя. Поэма собственно состоитъ изъ двухъ довольно рѣзкихъ, отдѣляющихся частей: съ одной стороны описанія Кавказа, которыя суть не что иное, какъ отчетъ недавно совершеннаго путешествія... съ другой — характеръ героя. Пушкинъ тогда еще былъ слишкомъ молодъ, чтобы совершенно отвлекаться отъ своей личности и въ изображенія своихъ героевъ не вносить собственныхъ чувствъ. Конечно тутъ участвовало вліяніе Байрона..., но по свойству молодого творчества, увлекаясь своимъ созданіемъ, поэтъ невольно поддавался тому настроенію, которое хотѣлъ описать въ главномъ лицѣ поэмы. Тутъ особенно любопытны откинутые въ печати эпиграфы „Кавказскаго плѣнника“ [1]), явно указывающіе на собственное элегическое состояніе, которымъ проникнуты и другія его произведенія 1821 года. Уныніе осталось на душѣ отъ неудовлетворенной любви; ожививъ въ своемъ воображеніи жизнь на Кавказѣ и въ Крыму, онъ жалѣетъ о ней, и стремится туда душою. Наконецъ, посылая „Плѣнника“ В. П. Горчакову, онъ прямо говоритъ: „Характеръ плѣнника неудаченъ; это доказываетъ, что я не гожусь въ герои романтическаго стихотворенія“. Пушкинъ недоволенъ былъ этой новой поэмой, самъ лучше всѣхъ указывалъ на ея недостатки, и все-таки писалъ о „Плѣнникѣ“: „Признаюсь, люблю его, самъ не зная за что; въ немъ есть стихи моего сердца“.

[1]) „Одинъ — изъ Гёте, Gieb meine Jugend mir zurück (отдай мнѣ назадъ мою молодость); другой — изъ итальянскаго поэта Пиндемонте (см. I, № 244): „О счастливъ, кто никогда не переступалъ за границу сладкой земли своего народа: сердце его не привязано къ предметамъ, которыхъ ему нѣтъ надежды увидѣть снова“. Именно это чувство замѣчаемъ въ Пушкинѣ и когда онъ писалъ Плѣнника, и еще года два послѣ (Прим. г. Бартенева). Въ рукописи стоялъ еще русскій эпиграфъ изъ посланія Пушкина къ Ѳ. И. Толстому (ст. I, 119):

Подъ бурей рока твердый камень,
Въ волненьяхъ страсти—легкій листъ.

„Внѣшнимъ содержаніемъ къ „Плѣннику“ послужилъ разсказъ одного изъ московскихъ его знакомыхъ и дальняго родственника Нѣмцова, человѣка страстно любившаго выдумывать про себя необыкновенные анекдоты и умѣвшаго передавать ихъ съ правдоподобіемъ и увлекательностью. Онъ однажды разсказывалъ при Пушкинѣ, будто, живя на Кавказѣ, попался въ плѣнъ къ горцамъ и былъ освобожденъ черкешенкой, которая въ него влюбилась. О такомъ происхожденіи „К. пл.“ самъ Пушкинъ передавалъ Жуковскому“ [2]).

Аппoлонъ Григорьевъ (1859), касаясь „Кавк. плѣнника“ въ общемъ ходѣ развитія Пушкина, и наблюдая „исторію душевной борьбы Пушкина съ различными идеалами,—борьбы, изъ которой онъ выходитъ всегда самимъ собою, особеннымъ типомъ, совершенно новымъ“, прибавляетъ: „Эта поучительная борьба — и въ геніально-юношескомъ лепетѣ „Кавк. плѣнника“, и въ Алеко, и въ Гиреѣ, и въ Онѣгинѣ, и въ ироническомъ тонѣ „Пиковой дамы“, и въ отношеніяхъ И. П. Бѣлкина къ мрачному Сильвіо, въ повѣсти „Выстрѣлъ“.

„К. пл.“ появился въ Петербургѣ изъ тип. Греча, въ послѣднихъ числахъ августа 1822 г., тетрадкою въ 16 долю листа, 53 стр. (цензурное дозволеніе А. Бирюкова 12 іюня). Къ нему приложенъ былъ портретъ автора, гравированный Е. Гейтманомъ. Пушкинъ изображенъ лѣтъ 15, лицеистомъ, въ рубашкѣ, какъ рисовали тогда Байрона, подперши голову рукою, и въ задумчивости. „Думаемъ“, сказано въ предисловіи, „что пріятно сохранить юныя черты поэта, котораго первыя произведенія ознаменованы даромъ необыкновеннымъ“. „Въ „Художественной Газетѣ“ 1837 г., № 9 и 10 сказано, что „портретъ этотъ нарисованъ былъ съ памяти безъ натуры художникомъ *К. Б.*, въ нѣжной молодости обратившимъ на себя вниманіе“. „Не означаютъ ли буквы *К. Б.* Карла Брюлова?“ замѣчаетъ по поводу этихъ словъ г. Бартеневъ („Пушк. на югѣ“, 107).—Черезъ 2 года Ольдекопъ самовольно перепечаталъ всего „Кавк. пл.“ при нѣмецкомъ переводѣ Вульферта.—2-е изданіе „Кавк. пл.“ вышло въ 1828 г.—Третій разъ при жизни Пушкина онъ былъ напечатанъ въ „Поэмахъ и повѣстяхъ“ Пушкина 1825 г.

Часть первая.

Въ аулѣ, на своихъ порогахъ,
Черкесы праздные сидятъ.
Сыны Кавказа говорятъ
О бранныхъ, гибельныхъ тревогахъ,
О красотѣ своихъ коней,
О наслажденьяхъ дикой нѣги;
Воспоминаютъ прежнихъ дней
Неотразимые набѣги,
Обманы хитрыхъ узденей *),

---

[2]) Мать Нѣмцова (урожд. Воейкова, была очень дружна съ Жуковскимъ) который и передавалъ ей это (Пр. г. Бартенева).

*) *Уздень*, начальникъ, или князь.

Удары шашекъ ** ихъ жестокихъ,
И мѣткость неизбѣжныхъ стрѣлъ,
И пепелъ разоренныхъ селъ,
И ласки плѣнницъ черноокихъ.

Текутъ бесѣды въ тишинѣ;
Луна плыветъ въ ночномъ туманѣ,
И вдругъ предъ ними на конѣ
Черкесъ. Онъ быстро на арканѣ
Младого плѣнника влачилъ.
„Вотъ русскій"! хищникъ возопилъ.
Аулъ на крикъ его сбѣжался
Ожесточенною толпой;
Но плѣнникъ, хладный и нѣмой,
Съ обезображенной главой,
Какъ трупъ, недвижимъ оставался.
Лица враговъ не видитъ онъ,
Угрозъ и криковъ онъ не слышитъ;
Надъ нимъ летаетъ смертный сонъ
И холодомъ тлетворнымъ дышитъ.
И долго плѣнникъ молодой
Лежалъ въ забвеніи тяжеломъ.
Ужъ полдень надъ его главой
Пылалъ въ сіяніи веселомъ;
И жизни духъ проснулся въ немъ,
Невнятный стонъ въ устахъ раздался;
Согрѣтый солнечнымъ лучемъ,
Несчастный тихо приподнялся;
Кругомъ обводитъ слабый взоръ...
И видитъ неприступныхъ горъ
Надъ нимъ воздвигнулась громада,
Гнѣздо разбойничьихъ племенъ,
Черкесской вольности ограда.
Воспомнилъ юноша свой плѣнъ,
Какъ сна ужаснаго тревоги,
И слышитъ, загремѣли вдругъ
Его закованныя ноги...
Все, все сказалъ ужасный звукъ!
Затмилась передъ нимъ природа.
Прости, священная свобода!
Онъ рабъ.
За сакліями *** лежитъ
Онъ у колючаго забора.
Черкесы въ полѣ, нѣтъ надзора,
Въ пустомъ аулѣ все молчитъ.
Предъ нимъ пустынныя равнины
Лежатъ зеленой пеленой;
Тамъ холмовъ тянутся грядой
Однообразныя вершины;
Межъ нихъ уединенный путь
Въ дали теряется угрюмой...
И плѣнника младого грудь
Тяжелой взволновалась думой...

Въ Россію дальній путь ведетъ,
Въ страну, гдѣ пламенную младость
Онъ гордо началъ, безъ заботъ,
Гдѣ первую позналъ онъ радость,
Гдѣ много милаго любилъ,
Гдѣ обнялъ грозное страданье,
Гдѣ бурной жизнью погубилъ
Надежду, радость и желанье,
И лучшихъ дней воспоминанье
Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ.
Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ,
И зналъ невѣрной жизни цѣну,
Въ сердцахъ друзей нашедъ измѣну,
Въ мечтахъ любви — безумный сонъ!
Наскучивъ жертвой быть привычной

) *Шашка*—черкесская сабля (Прим. Пушк.) *) *Сакля*—хижина (Прим. Пушк.).

Давно презрѣнной суеты,
И непріязни двуязычной,
И простодушной клеветы,—
Отступникъ свѣта, другъ природы,
Покинулъ онъ родной предѣлъ,
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы.
Свобода! онъ одной тебя
Еще искалъ въ подлунномъ мірѣ.
Страстями сердце погубя,
Охолодѣвъ къ мечтамъ и лирѣ,
Съ волненьемъ пѣсни онъ внималъ,
Одушевленныя тобою;
И съ вѣрой, пламенной мольбою
Твой гордый идолъ обнималъ.

Свершилось!.. Цѣлью упованья
Не зритъ онъ въ мірѣ ничего.
И вы, послѣднія мечтанья,
И вы сокрылись отъ него!..
Онъ рабъ. Склонясь главой на камень,
Онъ ждетъ, чтобъ съ сумрачной зарей
Погасъ печальной жизни пламень,
И жаждетъ сѣни гробовой.

Ужъ меркнетъ солнце за горами;
Вдали раздался шумный гулъ,
Съ полей народъ идетъ въ аулъ,
Сверкая свѣтлыми косами.
Пришли; въ домахъ зажглись огни,
И постепенно шумъ нестройный
Умолкнулъ. Все въ ночной тѣни
Объято нѣгою спокойной.
Вдали сверкаетъ горный ключъ,
Сбѣгая съ каменной стремнины:
Одѣлись пеленою тучъ
Кавказа спящія вершины...
Но кто, въ сіяніи луны,
Среди глубокой тишины
Идетъ, украдкою ступая?
Очнулся русскій. Передъ нимъ,
Съ привѣтомъ нѣжнымъ и нѣмымъ,
Стоитъ черкешенка младая.
На дѣву молча смотритъ онъ,
И мыслитъ: это лживый сонъ,
Усталыхъ чувствъ игра пустая...
Луною чуть озарена,
Съ улыбкой жалости отрадной
Колѣна преклонивъ, она
Къ его устамъ кумысъ *) прохладный
Подноситъ тихою рукой.
Но онъ забылъ сосудъ цѣлебный,
Онъ ловитъ жадною душой
Пріятной рѣчи звукъ волшебный
И взоры дѣвы молодой.
Онъ чуждыхъ словъ не понимаетъ...
Но взоръ умильный, жаръ ланитъ,
Но голосъ нѣжный говоритъ:
Живи—и плѣнникъ оживаетъ!
И онъ, собравъ остатокъ силъ,
Велѣнью милому покорный,
Привсталъ и чашей благотворной
Томленье жажды утолилъ.
Потомъ на камень вновь склонился
Отягощенною главой,
Но все къ черкешенкѣ младой
Угасшій взоръ его стремился.

---

*) *Кумысъ* дѣлается изъ кобыльяго молока; напитокъ сей въ большомъ употребленіи между всѣми горскими и кочующими народами Азіи. Онъ довольно пріятенъ и почитается весьма здоровымъ (Прим. Пушкина).

И долго, долго передъ нимъ
Она задумчива сидѣла.
Какъ бы участіемъ нѣмымъ
Утѣшить плѣнника хотѣла;
Уста невольно каждый часъ
Съ начатой рѣчью открывались;
Она вздыхала, и не разъ
Слезами очи наполнялись.

За днями дни прошли, какъ тѣнь.
Въ горахъ, окованный, у стада
Проводитъ плѣнникъ каждый день.
Пещеры влажная прохлада
Его скрываетъ въ лѣтній зной.
Когда же рогъ луны сребристой
Блеснетъ за мрачною горой,
Черкешенка, тропой тѣнистой,
Приноситъ плѣннику вино,
Кумысъ, и ульевъ сотъ душистый,
И бѣлоснѣжное пшено;
Съ нимъ тайный ужинъ раздѣляетъ,
На немъ покоитъ нѣжный взоръ,
Съ неясной рѣчію сливаетъ
Очей и знаковъ разговоръ;
Поетъ ему и пѣсни горъ,
И пѣсни Грузіи счастливой,
И памяти нетерпѣливой
Передаетъ языкъ чужой **).
Впервые дѣвственной душой
Она любила, знала счастье;
Но русскій жизни молодой
Давно утратилъ сладострастье:
Не могъ онъ сердцемъ отвѣчать
Любви младенческой, открытой—
Быть можетъ, сонъ любви забытой
Боялся онъ воспоминать.

Не вдругъ увянетъ наша младость,
Не вдругъ восторги бросятъ насъ,
И неожиданную радость
Еще обнимемъ мы не разъ:
Но вы, живыя впечатлѣнья,
Первоначальная любовь,
О, первый пламень упоенья,
Не прилетаете вы вновь!
Казалось, плѣнникъ безнадежный
Къ унылой жизни привыкалъ:
Тоску неволи, жаръ мятежный
Въ душѣ глубоко онъ скрывалъ.
Влачася межъ угрюмыхъ скалъ,
Въ часъ ранней утренней прохлады,
Вперялъ онъ неподвижный взоръ [a]
На отдаленныя громады
Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ.
Великолѣпныя картины!
Престолы вѣчные снѣговъ!
Очамъ казались ихъ вершины
Недвижной цѣпью облаковъ.
И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
Эльбрусъ огромный, величавый
Бѣлѣлъ на небѣ голубомъ.
Когда, съ глухимъ сливаясь гуломъ,
Предтеча бури, громъ гремѣлъ,
Какъ часто плѣнникъ предъ ауломъ

**) Счастливый климатъ Грузіи не вознаграждаетъ сей прекрасной страны за всѣ бѣдствія, вѣчно ею претерпѣваемыя. Пѣсни грузинскія пріятны и по большей части заунывны. Онѣ славятъ минутные успѣхи кавказскаго оружія, смерть нашихъ героевъ Бакунина и Циціанова, измѣны, убійства, иногда любовь и наслажденіе (Прим. Пушкина).

[a] Остановлялъ онъ долго взоръ (I изд.).

Недвижимъ на горѣ сидѣлъ.
У ногъ его дымились тучи,
Въ степи взвивался прахъ летучій;
Уже пріюта между скалъ
Елень испуганный искалъ;
Орлы съ утесовъ подымались
И въ небесахъ перекликались;
Шумъ табуновъ, мычанье стадъ
Ужъ гласомъ бури заглушались...
И вдругъ на долы дождь и градъ
Изъ тучъ сквозь молній извергались;
Волнами роя крутизны,
Сдвигая камни вѣковые,
Текли потоки дождевые—
А плѣнникъ, съ горной вышины,
Одинъ, за тучей громовою,
Возврата солнечнаго ждалъ,
Недосягаемый грозою,
И бури немощному вою
Съ какой-то радостью внималъ.

Но европейца все вниманье
Народъ сей чудный привлекалъ.
Межъ горцевъ плѣнникъ наблюдалъ
Ихъ вѣру, нравы, воспитанье;
Любилъ ихъ жизни простоту,
Гостепріимство, жажду брани,
Движеній вольныхъ быстроту,
И легкость ногъ, и силу длани;
Смотрѣлъ по цѣлымъ онъ часамъ,
Какъ иногда черкесъ проворный,
Широкой степью, по горамъ,
Въ косматой шапкѣ, въ буркѣ черной,
Къ лукѣ склонясь, на стремена
Ногою стройной опираясь,
Леталъ по волѣ скакуна,
Къ войнѣ заранѣ пріучаясь.
Онъ любовался красотой
Одежды бранной и простой:
Черкесъ оружіемъ обвѣшенъ,
Онъ имъ гордится, имъ утѣшенъ.
На немъ броня, пищаль, колчанъ,
Кубанскій лукъ, кинжалъ, арканъ,
И шашка, вѣчная подруга
Его трудовъ, его досуга.
Ничто его не тяготитъ,
Ничто не брякнетъ: пѣшій, конный—
Все тотъ же онъ, все тотъ же видъ
Непобѣдимый, непреклонный.
Гроза безпечныхъ казаковъ,
Его богатство—конь ретивый,
Питомецъ горскихъ табуновъ,
Товарищъ вѣрный, терпѣливый.
Въ пещерѣ иль травѣ глухой
Коварный хищникъ съ нимъ таится,
И вдругъ, внезапною стрѣлой,
Завидя путника, стремится;
Въ одно мгновенье вѣрный бой
Рѣшитъ ударъ его могучій,
И странника въ ущелья горъ
Уже влечетъ арканъ летучій.
Стремится конь во весь опоръ,
Исполненъ огненной отваги;
Все путь ему—болото, боръ,
Кусты, утесы и овраги;
Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжитъ,
Въ пустынѣ топотъ раздается;
Сѣдой потокъ предъ нимъ шумитъ—
Онъ въ глубь кипящую несется,
И путникъ, брошенный ко дну,
Глотаетъ мутную волну,
Изнемогая смерти проситъ
И зритъ ее передъ собой...
Но мощный конь — его стрѣлой
На берегъ пѣнистый выноситъ.

Иль ухвативъ рогатый пень,
Въ рѣку низверженный грозою,
Когда на холмахъ пеленою
Лежитъ безлунной ночи тѣнь,
Черкесъ на корни вѣковые,
На вѣтви вѣшаетъ кругомъ
Свои доспѣхи боевые:
Щитъ, бурку, панцырь и шеломъ,
Колчанъ и лукъ—и въ быстры волны
За нимъ бросается потомъ,
Неутомимый и безмолвный.
Глухая ночь. Рѣка реветъ,
Могучій токъ его несетъ
Вдоль береговъ уединенныхъ,
Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,
Склонясь на копья, казаки
Глядятъ на темный бѣгъ рѣки—
И мимо ихъ, во мглѣ чернѣя,
Плыветъ оружіе злодѣя...
О чемъ ты думаешь, казакъ?
Воспоминаешь прежни битвы,
На смертномъ полѣ [6] свой бивакъ,
Полковъ хвалебныя молитвы,
И родину?.. Коварный сонъ!
Простите, вольныя станицы,
И домъ отцовъ, и тихій Донъ,
Война и красныя дѣвицы!
Къ брегамъ причалилъ тайный врагъ,
Стрѣла выходитъ изъ колчана.
Взвилась—и падаетъ казакъ
Съ окровавленнаго кургана.

Когда же съ мирною семьей
Черкесъ въ отеческомъ жилищѣ
Сидитъ ненастною порой,
И тлѣютъ угли въ пепелищѣ;
И спрянувъ съ вѣрнаго коня,
Въ горахъ пустынныхъ запоздалый,
Къ нему войдетъ пришлецъ усталый
И робко сядетъ у огня—
Тогда хозяинъ благосклонный
Съ привѣтомъ, ласково встаетъ
И гостю въ чашѣ благовонной
Чихирь *) отрадный подаетъ.
Подъ влажной буркой, въ саклѣ дымной,
Вкушаетъ путникъ мирный сонъ,
И утромъ оставляетъ онъ
Ночлега кровъ гостепріимный**).

Бывало, въ свѣтлый Байранъ ***)
Сберутся юноши толпою;
Игра смѣняется игрою:
То полный разобравъ колчанъ,
Они крылатыми стрѣлами
Пронзаютъ въ облакахъ орловъ;
То съ высоты крутыхъ холмовъ,
Нетерпѣливыми рядами,
При данномъ знакѣ вдругъ падутъ,
Какъ лани землю поражаютъ,
Равнину пылью покрываютъ
И съ дружнымъ топотомъ бѣгутъ.

---

*) *Чихирь*—красное грузинское вино. (Прим. Пушкина.)

**) Черкесы, какъ и всѣ дикіе народы, отличаются предъ нами гостепріимствомъ. Гость становится для нихъ священною особою. Предать его или не защищать почитается межъ ними за величайшее безчестіе. *Кунакъ* (т.-е. пріятель, знакомецъ), отвѣчаетъ жизнію за нашу безопасность, и съ нимъ вы можете углубиться въ самую середину Кабардинскихъ горъ. (Прим. Пушкина.)

***) *Байранъ* или *Байрамъ*—праздникъ разговѣнья. *Рамазанъ*—мусульманскій постъ. (Прим. Пушкина.)

[6] У стѣнъ Парижа... (I изд.)

Но скученъ миръ однообразный
Сердцамъ, рожденнымъ для войны,
И часто игры воли праздной
Игрой жестокой смущены.
Нерѣдко шашки грозно блещутъ
Въ безумной рѣзвости пировъ,
И въ прахъ летятъ главы рабовъ,
И въ радости младенцы плещутъ [в].
Но русскій равнодушно зрѣлъ
Сіи кровавыя забавы.
Любилъ онъ прежде игры славы
И жаждой гибели горѣлъ.
Невольникъ чести безпощадной,
Вблизи видалъ онъ свой конецъ,
На поединкахъ твердый, хладный,
Встрѣчая гибельный свинецъ.
Быть можетъ, въ думу погруженный,
Онъ время то воспоминалъ,
Когда друзьями окруженный,
Онъ съ ними шумно пировалъ...
Жалѣлъ ли онъ о дняхъ минувшихъ,
О дняхъ надежды обманувшихъ,
Иль, любопытный, созерцалъ
Суровой простоты забавы,
И дикаго народа нравы
Въ семъ вѣрномъ зеркалѣ читалъ—
Таилъ въ молчаньи онъ глубокомъ
Движенья сердца своего,
И на челѣ его высокомъ
Не измѣнялось ничего.
Безпечной смѣлости его
Черкесы грозные дивились,
Щадили вѣкъ его младой,
И шопотомъ между собой
Своей добычею гордились.

Часть вторая.

Ты ихъ узнала, дѣва горъ,
Восторги сердца, жизни сладость;
Твой огненный невинный взоръ
Высказывалъ любовь и радость,
Когда твой другъ во тьмѣ ночной
Тебя лобзалъ нѣмымъ лобзаньемъ;
Сгорая нѣгой и желаньемъ,
Ты забывала міръ земной,
Ты говорила: „Плѣнникъ милый,
Развесели свой взоръ унылый,
Склонись главой ко мнѣ на грудь,
Свободу, родину забудь.
Скрываться рада я въ пустынѣ
Съ тобою, царь души моей!
Люби меня; никто донынѣ
Не цѣловалъ моихъ очей;
Къ моей постелѣ одинокой
Черкесъ младой и черноокій
Не крался въ тишинѣ ночной;
Слыву я дѣвою жестокой,
Неумолимой красотой.
Я знаю жребій мнѣ готовый:
Меня отецъ и братъ суровый
Немилому продать хотятъ
Въ чужой аулъ цѣною злата:
Но умолю отца и брата,
Не то — найду кинжалъ иль ядъ!..
Непостижимой, чудной силой
Къ тебѣ я вся привлечена,
Люблю тебя, невольникъ милый,
Душа тобой упоена..."

[в] И жены робкія трепещутъ (1 изд.).

Но онъ съ безмолвнымъ сожалѣньемъ
На дѣву страстную взиралъ,
И полный тяжкимъ размышленьемъ
Словамъ любви ея внималъ.
Онъ забывался, въ немъ тѣснились
Воспоминанья прошлыхъ дней,
И даже слезы изъ очей
Однажды градомъ покатились.
Лежала въ сердцѣ какъ свинецъ
Тоска любви безъ упованья.
Предъ юной дѣвой наконецъ
Онъ изліялъ свои страданья:
„Забудь меня: твоей любви,
Твоихъ восторговъ я не стою;
Безцѣнныхъ дней не трать со мною,
Другого юношу зови.
Его любовь тебѣ замѣнитъ
Моей души печальный хладъ;
Онъ будетъ вѣренъ, онъ оцѣнитъ
Твою красу, твой милый взглядъ,
И жаръ младенческихъ лобзаній,
И нѣжность пламенныхъ рѣчей;
Безъ упоенья, безъ желаній
Я вяну жертвою страстей.
Ты видишь слѣдъ любви несчастной,
Душевной бури слѣдъ ужасный;
Оставь меня, но пожалѣй
О скорбной участи моей!
Несчастный другъ, зачѣмъ не прежде
Явилась ты моимъ очамъ,
Въ тѣ дни, какъ вѣрилъ я надеждѣ
И упоительнымъ мечтамъ!
Но поздно, умеръ я для счастья,
Надежды призракъ улетѣлъ:
Твой другъ отвыкъ отъ сладострастья,
Для нѣжныхъ чувствъ окаменѣлъ...

„Какъ тяжко мертвыми устами
Живымъ лобзаньямъ отвѣчать,
И очи, полныя слезами,
Улыбкой хладною встрѣчать!
Измучась ревностью напрасной,
Уснувъ безчувственной душой,
Въ объятіяхъ подруги страстной,
Какъ тяжко мыслить о другой!..

„Когда такъ медленно, такъ нѣжно,
Ты пьешь лобзанія мои,
И для тебя часы любви
Проходятъ быстро, безмятежно:
Снѣдая слезы въ тишинѣ,
Тогда, разсѣянный, унылый,
Передъ собою, какъ во снѣ,
Я вижу образъ вѣчно милый;
Его зову, къ нему стремлюсь,
Молчу, не вижу, не внимаю,
Тебѣ въ забвеньи предаюсь
И тайный призракъ обнимаю,
О немъ въ пустынѣ слезы лью;
Повсюду онъ со мною бродитъ,
И мрачную тоску наводитъ
На душу сирую мою.

„Оставь же мнѣ мои желѣзы,
Уединенныя мечты,
Воспоминанья, грусть и слезы—
Ихъ раздѣлить не можешь ты.
Ты сердца слышала признанье;
Прости!.. дай руку на прощанье.
Недолго женскую любовь
Печалитъ хладная разлука—
Пройдетъ любовь, настанетъ скука,
Красавица полюбитъ вновь“.

Раскрывъ уста, безъ слезъ рыдая,
Сидѣла дѣва молодая.

Туманный, неподвижный взоръ
Безмолвный выражалъ укоръ.
Блѣдна какъ тѣнь, она дрожала;
Въ рукахъ любовника лежала
Ея холодная рука,
И наконецъ любви тоска
Въ печальной рѣчи излилася:

„Ахъ, русскій, русскій, для чего,
Не зная сердца твоего,
Тебѣ навѣкъ я предалася!
Не долго на груди твоей
Въ забвеньи дѣва отдыхала,
Немного радостныхъ ночей
Судьба на долю ей послала!
Придутъ ли вновь когда-нибудь?
Ужель навѣкъ погибла радость?
Ты могъ бы, плѣнникъ, обмануть
Мою неопытную младость,
Хотя бъ изъ жалости одной,
Молчаньемъ, ласкою притворной;
Я услаждала бъ жребій твой
Заботой нѣжной и покорной;
Я стерегла бъ минуты сна,
Покой тоскующаго друга;
Ты не хотѣлъ... Но кто жъ она,
Твоя прекрасная подруга?
Ты любишь, русскій? ты любимъ?..
Понятны мнѣ твои страданья...
Прости жъ и ты мои рыданья,
Не смѣйся горестямъ моимъ!“
Умолкла. Слезы и стенанья
Стѣснили бѣдной дѣвы грудь.
Уста безъ словъ роптали пени.
Безъ чувствъ, обнявъ его колѣни,
Она едва могла дохнуть.
И плѣнникъ, тихою рукою
Поднявъ несчастную, сказалъ:
„Не плачь, и я гонимъ судьбою,
И муки сердца испыталъ.
Нѣтъ, я не зналъ любви взаимной,
Любилъ одинъ, страдалъ одинъ,
И гасну я, какъ пламень дымный,
Забытый средь пустыхъ долинъ.
Умру вдали бреговъ желанныхъ,
Мнѣ будетъ гробомъ эта степь;
Здѣсь, на костяхъ моихъ изгнанныхъ
Заржавитъ тягостная цѣпь“...

Свѣтила ночи затмѣвались;
Въ дали прозрачной означались
Громады свѣтлоснѣжныхъ горъ;
Главу склонивъ, потупя взоръ,
Они въ безмолвіи разстались.

Унылый плѣнникъ съ этихъ поръ
Одинъ окрестъ аула бродитъ,
Заря на знойный небосклонъ
За днями новы дни возводитъ;
За ночью ночь во слѣдъ уходитъ;
Вотще свободы жаждетъ онъ.
Мелькнетъ ли серна межъ кустами,
Проскачетъ ли во мглѣ сайгакъ,
Оиъ, вспыхнувъ, загремитъ цѣпями,
Онъ ждетъ, не крадется ль казакъ,
Ночной ауловъ разоритель,
Рабовъ отважный избавитель;
Зоветъ... но все кругомъ молчитъ;
Лишь волны плещутся, бушуя,
И человѣка звѣрь почуя,
Въ пустыню темную бѣжитъ.

Однажды слышитъ русскій плѣнный,
Въ горахъ раздался кликъ военный:
„Въ табунъ, въ табунъ!“ Бѣгутъ, шумятъ;
Уздечки мѣдныя гремятъ,
Чернѣютъ бурки, блещутъ брони,

Кипятъ осѣдланные кони;
Къ набѣгу весь аулъ готовъ.
И дикіе питомцы брани
Рѣкою хлынули съ холмовъ,
И скачутъ по брегамъ Кубани
Сбирать насильственныя дани.

Утихъ аулъ; на солнцѣ спятъ
У саклей псы сторожевые.
Младенцы смуглые, нагіе
Въ свободной рѣзвости шумятъ;
Ихъ прадѣды въ кругу сидятъ;
Изъ трубокъ дымъ, віясь, синѣетъ.
Они безмолвно юныхъ дѣвъ
Знакомый слушаютъ припѣвъ —
И старцевъ сердце молодѣетъ.

Черкесская пѣсня.

1.

Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ;
Въ горахъ безмолвіе ночное;
Казакъ усталый задремалъ,
Склонясь на копіе стальное.
Не спи, казакъ: во тьмѣ ночной
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

2.

Казакъ плыветъ на челнокѣ,
Влача по дну рѣчному сѣти;
Казакъ, утонешь ты въ рѣкѣ,
Какъ тонутъ маленькія дѣти,
Купаясь жаркою порой:
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

3.

На берегу завѣтныхъ водъ
Цвѣтутъ богатыя станицы;
Веселый пляшетъ хороводъ.
Бѣгите, русскія пѣвицы,
Спѣшите, красныя, домой:
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

—

Такъ пѣли дѣвы. Сѣвъ на брегѣ,
Мечтаетъ русскій о побѣгѣ;
Но цѣпь невольника тяжка,
Быстра глубокая рѣка...
Межъ тѣмъ, померкнувъ, степь уснула,
Вершины скалъ омрачены.
По бѣлымъ хижинамъ аула
Мелькаетъ блѣдный свѣтъ луны;
Елени дремлютъ надъ водами,
Умолкнулъ поздній крикъ орловъ,
И глухо вторится горами
Далекій топотъ табуновъ.
Тогда кого-то слышно стало...
Мелькнуло дѣвы покрывало,
И вотъ—печальна и блѣдна,
Къ нему приблизилась она.
Уста прекрасной ищутъ рѣчи,
Глаза исполнены тоской,
И черной падаютъ волной
Ея власы на грудь и плечи.
Въ одной рукѣ блеститъ пила,
Въ другой кинжалъ ея булатный:
Казалось, будто дѣва шла
На тайный бой, на подвигъ ратный.
На плѣнника возведши взоръ,
„Бѣги“! сказала дѣва горъ:
„Нигдѣ черкесъ тебя не встрѣтитъ.
Спѣши, не трать ночныхъ часовъ.
Возьми кинжалъ — твоихъ слѣдовъ
Никто во мракѣ не замѣтитъ“.

Пилу дрожащей взявъ рукой,
Къ его ногамъ она склонилась—
Визжитъ желѣзо подъ пилой.
Слеза невольная скатилась...
И цѣпь распалась и гремитъ.
„Ты воленъ“, дѣва говоритъ,
„Бѣги!“ Но взглядъ ея безумный

Любви порывъ изобразилъ.
Она страдала. Вѣтеръ шумный,
Свистя, покровъ ея клубилъ.
„О, другъ мой!“ русскій возопилъ:
„Я твой навѣкъ, я твой до гроба.
Ужасный край оставимъ оба,
Бѣги со мной...“—Нѣтъ, русскій, нѣтъ!
Она исчезла, жизни сладость—
Я знала все, я знала радость,
И все прошло, пропалъ и слѣдъ.
Возможно ль, ты любилъ другую!..
Найди ее, люби ее!
О чемъ же я еще тоскую,
О чемъ унынiе мое?..
Прости! Любви благословенья
Съ тобою будутъ каждый часъ.
Прости—забудь мои мученья,
Дай руку мнѣ... въ послѣдній разъ.—
Къ черкешенкѣ простеръ онъ руки,
Воскресшимъ сердцемъ къ ней летѣлъ,
И долгій поцѣлуй разлуки
Союзъ любви запечатлѣлъ.
Рука съ рукой, унынья полны,
Сошли ко брегу въ тишинѣ—
И русскій въ шумной глубинѣ
Уже плыветъ и пѣнитъ волны,
Уже противныхъ скалъ достигъ,
Уже хватается за нихъ...
Вдругъ волны глухо зашумѣли,
И слышенъ отдаленный стонъ...
На дикій брегъ выходитъ онъ,
Глядитъ назадъ... брега яснѣли
И опьяненные бѣлѣли,
Но нѣтъ черкешенки младой
Ни у бреговъ, ни подъ горой...
Все мертво... на брегахъ уснувшихъ
Лишь вѣтра слышенъ легкій звукъ,
И при лунѣ въ водахъ плеснувшихъ
Струистый исчезаетъ кругъ.
Все понялъ онъ. Прощальнымъ взоромъ
Объемлетъ онъ въ послѣдній разъ
Пустой аулъ съ его заборомъ,
Поля, гдѣ плѣнный стадо пасъ,
Стремнины, гдѣ влачилъ оковы,
Ручей, гдѣ въ полдень отдыхалъ,
Когда въ горахъ черкесъ суровый
Свободы пѣсню запѣвалъ.

Рѣдѣлъ на небѣ мракъ глубокій,
Ложился день на темный долъ;
Взошла заря. Тропой далекой
Освобожденный плѣнникъ шелъ,
И передъ нимъ уже въ туманахъ
Сверкали русскіе штыки,
И окликались на курганахъ
Сторожевые казаки.

20 февр. 1821.
Каменка.

Эпилогъ.

Такъ Муза, легкій другъ мечты,
Къ предѣламъ Азіи летала,
И для вѣнка себѣ срывала
Кавказа дикіе цвѣты.
Ее плѣнилъ нарядъ суровый
Племенъ, возросшихъ на войнѣ,
И часто въ сей одеждѣ новой
Волшебница являлась мнѣ;
Вокругъ ауловъ опустѣлыхъ
Одна бродила по скаламъ,

И къ пѣснямъ дѣвъ осиротѣлыхъ
Она прислушивалась тамъ;
Любила бранныя станицы,
Тревоги смѣлыхъ казаковъ,
Курганы, тихія гробницы,
И шумъ, и ржанье табуновъ.
Богиня пѣсенъ и разсказа,
Воспоминанія полна,
Быть можетъ, повторить она
Преданья грознаго Кавказа;
Разскажетъ повѣсть дальнихъ странъ,
М с т и с л а в а*) древній поединокъ,
Измѣны, гибель россіянъ
На лонѣ мстительныхъ грузинокъ.
И воспою тотъ славный часъ,
Когда, почуя бой кровавый,
На негодующій Кавказъ
Подъялся нашъ орелъ двуглавый;
Когда на Терекѣ сѣдомъ
Впервые грянулъ битвы громъ
И грохотъ русскихъ барабановъ,
И въ сѣчѣ, съ дерзостнымъ челомъ,
Явился пылкій Циціановъ.
Тебя я воспою, герой,
О, Котляревскій, бичъ Кавказа!
Куда ни мчался ты грозой —
Твой ходъ, какъ черная зараза,
Губилъ, ничтожилъ племена...
Ты днесь покинулъ саблю мести,
Тебя не радуетъ война;
Скучая миромъ, въ язвахъ чести,
Вкушаешь праздный ты покой
И тишину домашнихъ доловъ...
Но се — Востокъ подъемлетъ вой...
Поникни снѣжною главой,
Смирись, Кавказъ — идетъ Ермоловъ!
И смолкнулъ ярый крикъ войны:
Все русскому мечу подвластно.
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла васъ ваша кровь,
Ни очарованныя брони,
Ни горы, ни лихіе кони,
Ни дикой вольности любовь!
Подобно племени Батыя,
Измѣнитъ прадѣдамъ Кавказъ,
Забудетъ алчной брани гласъ,
Оставитъ стрѣлы боевыя.
Къ ущельямъ, гдѣ гнѣздились вы,
Подъѣдетъ путникъ безъ боязни.
И возвѣстятъ о вашей казни
Преданья темныя молвы.

Одесса, 1821,
15 мая.

---

3. Братья разбойники.

(1821).

Въ черновой тетради 1821 г., среди набросковъ „Бахчисарайскаго Фонтана", находится п е р в о н а ч а л ь н ы й о п ы т ъ разсказа разбойника о молодости своей и его братьевъ близкій по содержанію съ разсказомъ, начинающимъ и поэму „Братья Разбойники". Этотъ первый опытъ былъ написанъ афимбрахіемъ.

Насъ было два брата — мы вмѣстѣ росли,
И жалкую младость въ нуждѣ мы вели.

---

*) Мстиславъ, сынъ Св. Владиміра, прозванный *Удалымъ*, удѣльный князь Тмутаракани (островъ Тамань). Онъ воевалъ съ косогами (по всей вѣроятности, нынѣшними черкесами) и въ единоборствѣ одолѣлъ князя ихъ Редедю. *Ист. Гос. Росс. Томъ II.* (Прим. Пушк.).

И алчная (жажда владѣла) душой
И вмѣстѣ мы (вышли?) на первый разбой [1]),

Въ другой тетради, среди набросковъ 1822 г. „Бахчисарайскаго Фонтана", находимъ уже начало поэмы „Братья Разбойники" въ томъ видѣ, какъ она явилась въ печати. Пушкинъ остановился на размѣрѣ „Руслана и Людмилы", „Кавказскаго плѣнника" и „Бахчисарайскаго Фонтана", т.-е. на 4-стопномъ ямбѣ.

„Истинное происшествіе подало мнѣ поводъ написать этотъ отрывокъ", писалъ Пушкинъ кн. Вяземскому [2]): „въ 1820 году, въ бытность мою въ Екатеринославѣ, два разбойника, закованные вмѣстѣ, переплыли черезъ Днѣпръ и спаслись. Ихъ отдыхъ на островѣ, потопленіе одного изъ стражей—мною не выдуманы". В. П. Горчаковъ сообщалъ, что въ Кишиневѣ кто-то усумнился, чтобы скованные разбойники могли переплыть рѣку. Пушкинъ кликнулъ своего слугу Никиту и велѣлъ разсказать, какъ они съ нимъ, дѣйствительно, видѣли это въ Екатеринославѣ [3]).

Самъ Пушкинъ замѣтилъ о сюжетѣ своихъ „Братьевъ Разбойниковъ" въ письмѣ къ кн. Вяземскому (14 окт. 1823): „Какъ сюжетъ, c'est un tour de force. Это не похвала, напротивъ".

„Братья Разбойники" разсматривались самимъ Пушкинымъ, какъ „отрывокъ". „Они составляютъ", замѣчаетъ г. Анненковъ, „отрывокъ изъ поэмы, которую Пушкинъ началъ и сжегъ тотчасъ же, какъ написалъ, но планъ которой сохранился въ бумагахъ его, въ слѣдующей короткой замѣткѣ: „Разбойники, исторія двухъ братьэвъ. Атаманъ на Волгѣ, купеческое судно, дочь купца". „Можно полагать съ достовѣрностію", продолжаетъ г. Анненковъ, „что изъ матеріаловъ, заготовленныхъ для „Разбойникевъ", вышла впослѣдствіи, въ 1825 году, пьеса: „Женихъ", первый образецъ простонародной сказки, написанной уже въ Михайловскомъ".

Теперь же еще не наступило время созданій изъ русской народной жизни. Пушкинъ не могъ еще отрѣшиться отъ байроновскаго тона въ повѣствованіи. Самые образы невольно отливались у него въ готовыя формы Байрона. Такъ отношеніе двухъ братьевъ и смерть одного изъ нихъ въ эпизодѣ, съ котораго началъ онъ свою поэму, невольно предстали его фантазіи въ разсказѣ, подобномъ „Шильонскому узнику" Байрона. Пушкинъ началъ поэму въ иномъ тонѣ. Вступленіе ея, предшествующее разсказу разбойника очевидно носитъ характеръ народнаго склада. Это вступленіе, черновой набросокъ котораго въ тетради поэта находится среди отрывковъ „Бахчисарайскаго Фонтана", даже и начинается отрицательнымъ сравненіемъ народныхъ пѣсенъ:

Не стая вороновъ слеталась
На груды тлѣющихъ костей:
За Волгой, ночью, вкругъ огней
Удалыхъ шайка собиралась и т. д.

Но народный складъ не выдержанъ. Далѣе мало-по-малу встрѣчаются книжныя выраженія. „Они стеклися для стяжаній". „Межъ ними зрится"..., и разсказъ переходитъ въ байроническое повѣствованіе. Мѣстами въ разсказѣ разбойника о прошлой удалой жизни опять мелькаютъ черты живого народнаго

---

[1]) См. Р. С. 1884. Апр., 102. — [2]) Письмо изъ Одессы отъ 11 ноября 1823. — [3]) „Пушк. на югѣ" Бартенева, стр. 17.

языка: „въ ночь глухую заложимъ тройку удалую, поемъ и свищемъ...“, „И что жъ? попались молодцы; не долго братья пировали“...: но потомъ снова, переходя къ изображенію чувствъ умирающаго брата, стиль принимаетъ характеръ романтическаго повѣствованія „Шильонскаго узника“, гдѣ герой, подобно разбойнику Пушкина, разсказываетъ о смерти братьевъ. Пушкинъ однакоже былъ доволенъ слогомъ своей поэмы. „Какъ слогъ—я ничего лучше не написалъ“, замѣчаетъ онъ въ письмѣ къ кн. Вяземскому отъ 14 окт. 1823 г.

Прочитавъ затѣмъ только что вышедшій переводъ „Шильонскаго Узника“ Жуковскаго, Пушкинъ писалъ 11 ноября 1823 г. о своей поэмѣ тому же лицу: „Нѣкоторые стихи напоминаютъ „Шильонскаго Узника“. Это несчастіе для меня. Я съ Жуковскимъ сошелся нечаянно: отрывокъ мой написанъ въ концѣ 1821 года“.

Плетневъ (1838) писалъ[4]) о вступленіи въ поэму, что оно „столь замѣчательно по новости суроваго характера въ картинѣ и вѣрности колорита, что можетъ быть причислено къ отрывкамъ самаго высокаго достоинства“. „Подобнаго тону прибавленіе къ поэмѣ“, продолжаетъ Плетневъ, „помѣщено въ новомъ ея полномъ изданіи на концѣ поэмы, которая вся поразительна силою воли, глубиной ощущеній и воплями сердца“.

Иначе взглянулъ на поэму Бѣлинскій (1844). Онъ называлъ „Братьевъ Разбойниковъ“ ученическимъ опытомъ. „Въ нихъ“, писалъ онъ, „все ложно, все натянуто, все—мелодрама; и ни въ чемъ нѣтъ истины... Ея разбойники очень похожи на Шиллеровскихъ удальцовъ третьяго разряда изъ шайки Карла-Моора, хотя по внѣшности событія и видно, что оно могло случиться только въ Россіи. Языкъ разсказывающаго повѣсть своей жизни разбойника слишкомъ высокъ для мужика, а понятія слишкомъ низки для человѣка изъ образованнаго сословія; отсюда и выходитъ декламація, проговоренная звучными и сильными стихами. Грезы больного разбойника и монологи, обращаемые имъ, въ бреду, къ брату—рѣшительная мелодрама“... „Стихи бойки, рѣзки и размашисты, разсказъ живой и стремительный“.

Напеч. впервые въ „Полярной Звѣздѣ“ 1825 г. съ картинкою, а послѣ отдѣльно въ Москвѣ въ 1826 г. вышло два изданія ея. Окончаніе поэмы (стихи 236—251) найдено было въ бумагахъ Пушкина по его смерти и напечатано впервые въ посмертномъ изданіи 1838 г.

Не стая вороновъ слеталась
На груды тлѣющихъ костей:
За Волгой ночью вкругъ огней
Удалыхъ шайка собиралась.
Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племенъ, нарѣчій, состояній!
Изъ хатъ, изъ келій, изъ темницъ
Они стеклися для стяжаній!
Здѣсь цѣль одна для всѣхъ сердецъ—
Живутъ безъ власти, безъ закона.
Межъ ними зрится и бѣглецъ
Съ бреговъ воинственнаго Дона,
И въ черныхъ локонахъ еврей,

---

[4]) Въ „Современникѣ“, X, въ статьѣ: „А. С. Пушкинъ“.

И дикіе сыны степей,
Калмыкъ, башкирецъ безобразный,
И рыжій финнъ, и съ лѣнью праздной
Вездѣ кочующій цыганъ.
Опасность, кровь, развратъ, обманъ
Суть узы страшнаго семейства;
Тотъ ихъ, кто съ каменной душой
Прошелъ всѣ степени злодѣйства;
Кто рѣжетъ хладною рукой
Вдовицу съ бѣдной сиротой,
Кому смѣшно дѣтей стенанье,
Кто не прощаетъ, не щадитъ,
Кого убійство веселитъ,
Какъ юношу любви свиданье.

Затихло все; теперь луна
Свой блѣдный свѣтъ на нихъ наводитъ,
И чарка пѣннаго вина
Изъ рукъ въ другія переходитъ.
Простерты на землѣ сырой
Иные чутко засыпаютъ:
И сны зловѣщіе летаютъ
Надъ ихъ преступной головой.
Другимъ разсказы сокращаютъ
Угрюмой ночи праздный часъ;
Умолкли всѣ—ихъ занимаетъ
Пришельца новаго разсказъ,
И все вокругъ его внимаетъ.

„Насъ было двое: братъ и я.
Росли мы вмѣстѣ; нашу младость
Вскормила чуждая семья.
Намъ, дѣтямъ, жизнь была не въ радость:
Уже мы знали нужды гласъ,
Сносили горькое презрѣнье,
И рано волновало насъ
Жестокой зависти мученье.
Не оставалось у сиротъ
Ни бѣдной хижинки, ни поля;
Мы жили въ горѣ, средь заботъ.
Наскучила намъ эта доля,
И согласились межъ собой
Мы жребій испытать иной:
Въ товарищи себѣ мы взяли
Булатный ножъ, да темну ночь;
Забыли робость и печали,
А совѣсть отогнали прочь.

„Ахъ, юность, юность удалая!
Житье въ то время было намъ,
Когда, погибель презирая,
Мы все дѣлили пополамъ.
Бывало, только мѣсяцъ ясный
Взойдетъ и станетъ средь небесъ,
Изъ подъземелія мы въ лѣсъ
Идемъ на промыселъ опасный.
За деревомъ сидимъ и ждемъ:
Идетъ ли позднею дорогой
Богатый жидъ иль попъ убогій—
Все наше, все себѣ беремъ!
Зимой, бывало, въ ночь глухую
Заложимъ тройку удалую,
Поемъ и свищемъ—и стрѣлой
Летимъ надъ снѣжной глубиной.
Кто не боялся нашей встрѣчи?
Завидѣли въ харчевнѣ свѣчи —
Туда! къ воротамъ, и стучимъ,
Хозяйку громко вызываемъ,
Вошли — все даромъ: пьемъ, ѣдимъ
И красныхъ дѣвушекъ ласкаемъ!

„И что жъ? попались молодцы,
Недолго братья пировали:
Поймали насъ—и кузнецы
Насъ другъ ко другу приковали,
И стража отвела въ острогъ.
Я старше былъ пятью годами
И вынесть больше брата могъ.
Въ цѣпяхъ, за душными стѣнами
Я уцѣлѣлъ—онъ изнемогъ.

Съ трудомъ дыша, томимъ тоскою,
Въ забвеньи, жаркой головою
Склоняясь къ моему плечу,
Онъ умиралъ, твердя всечасно;
„Мнѣ душно здѣсь... я въ лѣсъ хочу...
Воды, воды!..“ Но я напрасно
Страдальцу воду подавалъ:
Онъ снова жаждою томился,
И градомъ потъ по немъ катился.
Въ немъ кровь и мысли волновалъ
Жаръ ядовитаго недуга;
Ужъ онъ меня не узнавалъ,
И поминутно призывалъ
Къ себѣ товарища и друга.
Онъ говорилъ: „Гдѣ скрылся ты?
Куда свой тайный путь направилъ!
Зачѣмъ мой братъ меня оставилъ
Средь этой смрадной темноты?
Не онъ ли самъ отъ мирныхъ пашенъ,
Меня въ дремучій лѣсъ сманилъ.
И ночью тамъ, могущъ и страшенъ,
Убійству первый научилъ?
Теперь онъ безъ меня на волѣ
Одинъ гуляетъ въ чистомъ полѣ,
Тяжелымъ машетъ кистенемъ,
И позабылъ въ завидной долѣ
Онъ о товарищѣ своемъ!..“
То снова разгорались въ немъ
Докучной совѣсти мученья:
Предъ нимъ толпились привидѣнья,
Грозя перстомъ издалека
Всѣхъ чаще образъ старика,
Давно зарѣзаннаго нами,
Ему на мысли приходилъ;
Больной, зажавъ глаза руками,
За старца такъ меня молилъ:
„Братъ! Сжалься надъ его слезами!
Не рѣжь его на старость лѣтъ...
Мнѣ дряхлый крикъ его ужасенъ...
Пусти его: онъ не опасенъ;
Въ немъ крови капли теплой нѣтъ...
Не смѣйся, братъ, надъ сѣдинами,
Не мучь его... авось мольбами
Смягчитъ за насъ онъ Божій гнѣвъ!..“
Я слушалъ, ужасъ одолѣвъ,
Хотѣлъ унять больного слезы
И удалить пустыя грезы.
Онъ видѣлъ пляски мертвецовъ,
Въ тюрьму пришедшихъ изъ лѣсовъ;
То слышалъ ихъ ужасный шопотъ,
То вдругъ погони близкій топотъ,
И дико взглядъ его сверкалъ,
Стояли волосы горою,
И весь какъ листъ онъ трепеталъ.
То мнилъ ужъ видѣть предъ собою
На площадяхъ толпы людей,
И страшный ходъ до мѣста казни,
И кнутъ, и грозныхъ палачей...
Безъ чувствъ, исполненный боязни,
Братъ упадалъ ко мнѣ на грудь.
Такъ проводилъ я дни и ночи,
Не могъ минуты отдохнуть,
И сна не знали наши очи.

„Но молодость свое взяла:
Вновь силы брата возвратились;
Болѣзнь ужасная прошла,
И съ нею грезы удалились.
Воскресли мы. Тогда сильнѣй
Взяла тоска по прежней долѣ;
Душа рвалась къ лѣсамъ и къ волѣ,
Алкала воздуха полей.
Намъ тошенъ былъ и мракъ темницы,

И сквозь рѣшетки свѣтъ денницы,
И стражи кликъ, и звонъ цѣпей,
И легкій шумъ залетной птицы.

„По улицамъ однажды мы,
Въ цѣпяхъ для городской тюрьмы
Сбирали вмѣстѣ подаянье,
И согласились въ тишинѣ
Исполнить давнее желанье.
Рѣка шумѣла въ сторонѣ,
Мы къ ней — и съ береговъ высокихъ
Бухъ! — поплыли въ водахъ глубокихъ.
Цѣпями общими гремимъ,
Бьемъ волны дружными ногами,
Песчаный видимъ островокъ
И, разсѣкая быстрый токъ,
Туда стремимся. Вслѣдъ за нами
Кричатъ: „Лови! лови! уйдутъ!“
Два стража издали плывутъ,
Но ужъ на островъ мы ступаемъ,
Оковы камнемъ разбиваемъ,
Другъ съ друга рвемъ клочки одеждъ,
Отягощенные водою...
Погоню видимъ за собою,
Но смѣло, полные надеждъ,
Сидимъ и ждемъ. Одинъ ужъ тонетъ,
То захлебнется, то застонетъ—
И, какъ свинецъ, пошелъ ко дну.
Другой проплылъ ужъ глубину,
Съ ружьемъ въ рукахъ, онъ въ бродъ упрямо,
Не внемля крику моему,
Идетъ, но въ голову ему
Два камня полетѣли прямо—
И хлынула на волны кровь;
Онъ утонулъ — мы въ воду вновь.
За нами гнаться не посмѣли;
Мы береговъ достичь успѣли
И въ лѣсъ ушли. Но бѣдный братъ...
И трудъ, и волнъ осенній хладъ
Недавнихъ силъ его лишили:
Опять недугъ его сломилъ,
И злыя грезы посѣтили.
Три дня больной не говорилъ
И не смыкалъ очей дремотой;
Въ четвертый грустною заботой,
Казалось, онъ исполненъ былъ;
Позвалъ меня, пожалъ мнѣ руку,
Потухшій взоръ изобразилъ
Одолѣвающую муку;
Рука задрогла, онъ вздохнулъ,
И на груди моей уснулъ.

„Надъ хладнымъ тѣломъ я остался,
Три ночи съ нимъ не разставался,
Все ждалъ, очнется ли мертвецъ,
И горько плакалъ. Наконецъ,
Взялъ заступъ; грѣшную молитву
Надъ братней ямой совершилъ,
И тѣло въ землю схоронилъ...
Потомъ на прежнюю ловитву
Пошелъ одинъ... Но прежнихъ лѣтъ
Ужъ не дождусь — ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ!
Пиры, веселые ночлеги,
И наши буйные набѣги —
Могила брата все взяла!
Влачусь угрюмый, одинокій;
Окаменѣлъ мой духъ жестокій,
И въ сердцѣ жалость умерла.
Но иногда щажу морщины:
Мнѣ страшно рѣзать старика,
На беззащитныя сѣдины
Не подымается рука.
Я помню, какъ въ тюрьмѣ жестокой,
Больной, въ цѣпяхъ, лишенный силъ,

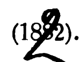
Безъ памяти, въ тоскѣ глубокой
За старца братъ меня молилъ.“

Умолкъ, и буйной головою
Разбойникъ въ горести поникъ,
И слезъ горючею рѣкою
Свирѣпый оросился ликъ.
Смѣясь, товарищи сказали:
„Ты плачешь! полно, брось печали!
Зачѣмъ о мертвыхъ вспоминать?
Мы живы: станемъ пировать.
Ну, потчевай сосѣдъ сосѣда!“
И кружка вновь пошла кругомъ;
На мигъ утихшая бесѣда
Вновь оживляется виномъ;
У всякаго своя есть повѣсть;
Всякъ хвалитъ мѣткій свой кистень.
Шумъ, крикъ. Въ ихъ сердцѣ дремлетъ совѣсть:
Она проснется въ черный день.

---

4. Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ.

(1822).



Одновременно съ поэмами, въ которыхъ Пушкинъ платилъ дань англійскому поэту, оказавшему на него свое обаятельное дѣйствіе (см. №№ 2, 3 и 5), онъ искалъ и путей самостоятельнаго творчества. Въ этомъ исканіи, между прочимъ, мысль Пушкина останавливалась на сюжетахъ изъ русской старины. Въ эпилогѣ „Кавказскаго плѣнника“ (ст. 21) онъ прямо обѣщаетъ произведеніе съ такимъ сюжетомъ (Мстислава древній поединокъ). Онъ не исполнилъ этого обѣщанія, но планъ въ черновой тетради свидѣтельствуетъ, что готовилъ его исполнить. Судя по этому плану, Пушкинъ предполагалъ едва замѣтныя нити историческаго сюжета заткать пестрыми узорами во вкусѣ романтическихъ поэмъ, съ большою долею чудеснаго [1]).

Но Пушкинъ не возвратился къ творчеству въ стилѣ „Руслана и Людмилы“, почувствовавъ, что въ подобной исторической поэмѣ народными останутся одни

---

[1]) Вотъ этотъ планъ:
„Владиміръ, раздѣливъ на удѣлы Россію, остается въ Кіевѣ; молодые богатыри со скуки разъѣзжаются; съ нимъ Илья Муромецъ и Добрыня; печенѣги нападаютъ на Кіевъ. Владиміръ посылаетъ гонцовъ къ сыновьямъ. Дѣти его собираются, кромѣ Мстислава. Илья ѣдетъ за нимъ; встрѣчаетъ своего сына (отъ татарской царевны), сражается съ нимъ. Мстиславъ — при немъ молодые богатыри — идутъ на косоговъ. Мстиславъ въ горахъ влюбляется въ ихъ царевну амазонку Армиду. Оставленные богатыри разъѣзжаются. Илья ѣдетъ далѣе; узнавъ о любви Мстислава, находитъ его и везетъ къ отцу; царевна за нимъ ѣдетъ; она пристаетъ къ печенѣгамъ. Сраженія, de grands combats et des combats encor: a) на Кіевъ нападаютъ соединенные народы; b) боги языческіе, изгнанные крещеніемъ, ихъ одушевляютъ; c) хозарскій князь-колдунъ; мечъ Еруслана объ двухъ ударахъ; колдунъ убитъ Мстиславомъ“. (Р. С. 1884, май, 328). „Царевна косоговъ влюбляется въ Мстислава. Ея мать, волшебница, старается заманить Мстислава. Мстиславъ упорствуетъ ея прелестямъ; она въ сраженіи его увлекаетъ подъ видомъ косога, убившаго его друга. Возвращается вновь. Мстиславъ на островѣ наслажденія. Гонецъ пріѣзжаетъ къ его дружинѣ, не застаетъ его. Владиміръ въ отчаяніи.—Царевна жалуется своей матери; та обѣщаетъ соединить ее съ Мстиславомъ“ (id., 329).

только имена, какъ то было въ его первой сказкѣ. Плодомъ историческаго чтенія, которымъ онъ подготовлялся къ воспроизведенію русской старины, явилась баллада „Вѣщій Олегъ", написанная 1 марта 1822 г. Задуманная поэма „Владиміръ", въ которой Мстиславовъ поединокъ, какъ оказывается, былъ бы лишь эпизодомъ, осталась въ черновой тетради въ видѣ упомянутаго плана.

Въ балладѣ своей Пушкинъ держится строго вымысла, внесеннаго въ русскую лѣтопись.

Вотъ лѣтописный разсказъ о вѣщемъ Олегѣ, воспроизведенный Пушкинымъ:

„И живяше Олегъ миръ имѣя ко всѣмъ странамъ, княжа въ Кіевѣ. И приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свой, иже бѣ поставилъ кормити и не всѣдати нань: бѣ бо вопрошалъ волхвовъ и кудесниковъ: отъ чего ми есть смерть? И рече ему кудесникъ одинъ: „Княже! конь, егоже любиши и ѣздиши на немъ, отъ того ти умрети". Олегъ же, пріимъ въ умѣ, сіе рече: „Николиже всяду нань, ни вижу его болѣ того; и повелѣ кормити, и не водити его къ нему. И пребы нѣсколько лѣтъ, не видя его, дондеже на Греки иде. И пришедшу ему къ Кіеву, и пребывшу ему четыре лѣта, на пятое лѣто помяну конь, отъ негоже бяху рекли волсви умрети. И призва старѣйшину конюхомъ, рече: „Кое есть конь мой, егоже бѣ поставилъ кормити и блюсти его?" Онъ же рече: „умерлъ есть". Олегъ же посмѣяся, и укори кудесника, река: „То тіи неправо глаголютъ волсви, но вся ложь есть; а конь умерлъ есть, а я живъ". И повелѣ осѣдлати конь, да вижу кости его. И пріиде на мѣсто, идѣже бѣша лежаще кости его голы, и лобъ голъ; и ссѣде съ коня и посмѣявся рече: „Отъ сего ли лба смерть было взяти мнѣ"? И вступи ногою на лобъ, и выникнувши змія изо лба, уклюну въ ногу, и съ того разболѣсь, и умре. И плакашась людіе вси плачемъ великимъ, и несоша и погребоша на горѣ, яже глаголется Щековица. Есть же могила его и до сего дни; словетъ та могила Ольгова: и бысть всѣхъ лѣтъ княженія его тридцать три". (Росс. лѣтописецъ по Кенигсбергскому списку, Академ. изд. 1767 г.).

Къ этому сказанію Карамзинъ присоединяетъ примѣчаніе: „Въ одной исландской сагѣ, сообщенной намъ Торфеемъ, есть такая же басня о рыцарѣ Орварѣ Оддѣ. Вѣщунья предсказала ему смерть отъ любимаго коня его, именемъ Факса. Конь умеръ, а рыцарь, стоя на его могилѣ, думалъ, что вся опасность миновалась; но ящерица (lacerta) выползла изъ гніющаго черепа Факсова, и въ пяту укусила Орвара. Кіевскіе ли варяги передали сію сказку сѣвернымъ землякамъ своимъ, или сѣверные кіевскимъ?"

Сюжетъ для баллады былъ самый благодарный. Скандинавское преданіе какъ нельзя лучше укладывалось въ форму этого рода произведеній. Таинственная судьба одного изъ „великановъ сумрака", какъ называлъ Карамзинъ первыхъ варяжскихъ князей, не нуждалась ни въ русскомъ народномъ стихѣ, ни въ яркой національной характеристикѣ. Звучная шиллеровская строфа амфибрахіевъ изъ 10 или 6 стиховъ (осьми или четырехъ поочередно риѳмующихъ и замыкающихся риѳмующимъ двустишіемъ), уже была испытана Жуковскимъ („Графъ Габсбургскій, „Горная дорога", 1818). Пушкинъ выбралъ строфу изъ 6 стиховъ. Тонъ повѣствованія, спокойный и ровный, безстрастный, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствуетъ повѣствованію о неотвратимой судьбѣ, покорившей вѣщаго Олега. На всемъ событіи лежитъ эта гнетущая сила судьбы, а оба дѣйствующія лица—волхвъ и Олегъ—какъ и слѣдуетъ по смыслу сказанія, представляются орудіями этого рока: одинъ какъ ея глашатай, другой—

какъ ея жертва. Согласно съ тѣмъ Олегъ не представленъ во всей полнотѣ жизни, но словно тѣнь, для того явившаяся передъ нами, чтобы исполнить свой путь къ могилѣ, оставивъ потомству одни воспоминанія о минувшей славѣ. Пушкинъ превосходно передалъ духъ мрачнаго сѣвернаго сказанія. Самая обстановка, поскольку она рисуется въ краткихъ чертахъ баллады,—мрачная, какъ и само событіе: предсказаніе происходитъ предъ темнымъ лѣсомъ, а исполненіе его среди не менѣе печальной степи. Личность Олега однако согрѣта чертою добродушія: такова его заботливость о конѣ. „Товарищеская любовь стараго князя къ своему коню", писалъ Пушкинъ Бестужеву, „и заботливость о его судьбѣ, есть черта трогательнаго простодушія".

Когда баллада явилась въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" 1825 г., то была привѣтствована Плетневымъ (въ XXIX т. „Трудовъ В. О. Люб. Росс. Слов.). Онъ указываетъ на нее, какъ на образецъ, какъ надо пользоваться отечественными историческими источниками для поэзіи. „Истинный геній", замѣчаетъ Плетневъ, „тѣмъ и отличается отъ простого дарованія, что онъ съ перваго раза чувствуетъ поэзію своего новаго предмета, поэзію его изложенія, не отнимая у него красокъ времени и мѣста... Имена лицъ, вѣрность происшествій, мѣсто дѣйствія, упоминаемыя въ стихотвореніи, только прозаически дѣлаютъ его національнымъ... Кто въ состояніи оживить все это и оживить цѣлую картину необходимыми для поэзіи подробностями избраннаго имъ времени и мѣста, тотъ не напрасно будетъ воскрешать давно минувшія событія: они сдѣлаются священными для современниковъ и потомковъ. Таково стихотвореніе Пушкина".

„Піеса эта", замѣчаетъ Бѣлинскій (1844) „исполнена поэтической прелести, которую особенно возвышаетъ разлитый въ ней элегическій тонъ... Вся піеса эта удивительно выдержана въ тонѣ и въ содержаніи: послѣдній куплетъ удачно замыкаетъ собою поэтическій смыслъ цѣлаго и оставляетъ на душѣ читателя полное впечатлѣніе".

„Лѣтописная простота", замѣчаетъ г. Анненковъ (1855), „безыскусственный разсказъ, такъ свойственный легендѣ, были новостію и слишкомъ рѣзко отличались отъ кудрявыхъ и замысловатыхъ историческихъ стихотвореній эпохи, которыя не всегда отличались и историческою вѣрностію". Такъ напр. Пушкинъ писалъ по поводу думы Рылѣева: „Древній гербъ, св. Георгій, не могъ находиться на щитѣ язычника Олега. Новѣйшій двуглавый орелъ есть гербъ византійскій и принятъ у насъ во времена Іоанна III, не прежде. Лѣтопись просто говоритъ: „Тоже повѣси щитъ свой на вратѣхъ на показаніе побѣды". Пушкинъ отзывался объ историческихъ стихотвореніяхъ той эпохи довольно строго: „Вообще всѣ слабы изобрѣтеніемъ и изложеніемъ. Всѣ на одинъ покрой, loci topici: описаніе мѣста дѣйствія, рѣчь героя и нравоученіе. Національнаго русскаго ничего нѣтъ въ нихъ, кромѣ именъ".

---

1 Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ хозарамъ:
Ихъ села и нивы за буйный набѣгъ

Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей, въ цареградской бронѣ
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

2 Изъ темнаго лѣсу навстрѣчу ему
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.

3 „Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
„Что сбудется въ жизни со мною?
„И скоро ль на радость сосѣдей враговъ
„Могильной засыплюсь землею?
„Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
„Въ награду любого возьмешь ты коня“.

4 —„Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
„А княжескій даръ имъ не нуженъ:
„Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ
„И съ волей небесною друженъ.
„Грядущіе годы таятся во мглѣ;
„Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

5 „Запомни же нынѣ ты слово мое:
„Воителю слава—отрада;
„Побѣдой прославлено имя твое:
„Твой щитъ на вратахъ Цареграда.
„И волны, и суша покорны тебѣ;
„Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.

6 „И синяго моря обманчивый валъ
„Въ часы роковой непогоды,
„И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
„Щадятъ побѣдителя годы...
„Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ:
„Незримый хранитель могущему данъ.

7 „Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
„Онъ, чуя господскую волю,
„То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
„То мчится по бранному полю;
„И холодъ, и сѣча ему ничего:
„Но примешь ты смерть отъ коня своего“.

8 Олегъ усмѣхнулся, однако чело
И взоръ омрачилися думой.
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,

Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмый,
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладитъ, и треплетъ по шеѣ крутой.

9 „Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга!
„Разстаться настало намъ время:
„Теперь отдыхай, ужъ не ступитъ нога
„Въ твое позлащенное стремя.
„Прощай, утѣшайся, да помни меня.
„Вы, отроки други, возьмите коня,

10 „Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ,
„Въ мой лугъ подъ уздцы отведите,
„Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
„Водой ключевою поите“.
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другого коня подвели.

11 Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
При звонѣ веселомъ стакана.
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана...
Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

12 „А гдѣ мой товарищъ?“ промолвилъ Олегъ,
„Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
„Здоровъ ли? Все такъ же ль легокъ его бѣгъ?
Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?“
И внемлетъ отвѣту: на холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ.

13 Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: „Что же гаданье?
„Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!
„Презрѣть бы твое предсказанье,
„Мой конь и донынѣ носилъ бы меня“.
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.

14 Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видятъ: на холмѣ, у брега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль.
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

15 Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: „Спи, другъ одинокій!
„Твой старый хозяинъ тебя пережилъ;

„На тризнѣ, уже недалекой,
„Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
„И жаркою кровью мой прахъ напоишь!

16 „Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
„Мнѣ смертію кость угрожала!“
Изъ мертвой главы гробовая змія,
Шипя, между тѣмъ выползала;
Какъ черная лента, вкругъ ногъ обвилась—
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

17 Ковши круговые, запѣнясь, шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ;
Дружина пируетъ у брега;
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

---

5. Бахчисарайскій фонтанъ.

(1822—1823).

Въ черновой тетради Пушкина, вслѣдъ за стихотвореніемъ [1]), помѣченнымъ 23 авг. 1821 г., встрѣчаемъ набросокъ первыхъ стиховъ „Бахч. фонтана“. И въ этомъ наброскѣ [2]) видна попытка измѣнить обычный размѣръ поэмъ: онъ начатъ пятистопнымъ ямбомъ:

Девлетъ Гирей задумчиво сидитъ,
Драгой янтарь въ устахъ его дымится...
. . . дворъ кругомъ его молчитъ.

Но уже на слѣдующей страницѣ Пушкинъ возвращается къ прежнему размѣру своихъ поэмъ—ямбу четырехстопному:

Онъ долго въ думы погруженъ...
Опомнясь, онъ махнулъ рукою,
И всѣ, склонившись головою...

Стихи эти измѣнены въ окончательной редакціи, но размѣръ удержанъ тотъ же. Образъ хана, задумчиво сидящаго среди своего раболѣпнаго двора, сохраненъ также.

Поэма писалась одновременно съ „Братьями розбойниками“: первый замыселъ въ наброскѣ „Таврида“ въ 1822 году. Лирическое заключеніе же поэмы написано въ 1823 году [3]).

---

[1]) Элегіей: „Умолкну скоро я“... (см. т. I, № 71).—[2]) См. выше первый набросокъ „Кавк. пл.“, стр. 55.—[3]) На слѣдующей страницѣ помѣтка: 9 іюня—28 мая ночью“ при строфахъ изъ „Евг. Он.“—(Р. С. 1884, іюнь, 552). О датахъ этой тетради см. статью „Демонъ Пушкина“ въ Р. В. 1886 г., VIII).

Происхожденіе поэмы объяснено самимъ Пушкинымъ въ письмѣ къ Бестужеву (8 февр. 1824): „Недостатокъ плана не моя вина. Я суевѣрно перекладывалъ въ стихи разсказъ молодой женщины.

Aux douces loix des vers, je pliais mes accents
De sa bouche aimable et naïve.

Разсказчицей, какъ извѣстно, была старшая дочь генерала Н. Н. Раевскаго—Екатерина Николаевна. Поводомъ къ разсказу послужило посѣщеніе вмѣстѣ съ Раевскими въ 1820 г. развалинъ Бахчисарайскаго дворца, который Пушкинъ посѣтилъ больной. „Я прежде слыхалъ о страшномъ памятникѣ влюбленнаго хана. Катерина Николаевна Раевская поэтически описывала мнѣ его, называя la fontaine des larmes (фонтанъ слезъ). Вошедъ во дворецъ, увидѣлъ я испорченный фонтанъ; изъ-за ржавой желѣзной трубки по каплямъ падала вода. Я обошелъ дворецъ съ большой досадой на небреженіе, въ которомъ онъ истлѣваетъ, и на полуевропейскія придѣлки нѣкоторыхъ комнатъ. Раевскій почти насильно повелъ меня по ветхой лѣстницѣ въ развалины гарема и на ханское кладбище.

Но не тѣмъ
Въ то время сердце полно было:
„Лихорадка меня мучила“. (Письмо къ Дельвигу въ дек. 1824).

Итакъ для Пушкина нуженъ былъ разсказъ живого лица, и притомъ „женщины необыкновенной“ (какъ онъ называлъ Ек. Ник. Раевскую въ письмѣ къ брату), чтобы написать эту поэму. Было уже замѣчено при разборѣ лирическаго стих.: „Фонтану Бахчисарайскаго дворца (см. 1 т., № 52), что самъ поэтъ называетъ героинь этой поэмы лишь „счастливыми мечтами“, „души неяснымъ идеаломъ“.

Такими онѣ дѣйствительно въ поэмѣ и являются, и поэма носитъ всецѣло характеръ лиро-эпическаго разсказа, т. е. такого, въ которомъ изображеніе характеровъ замѣнено выраженіемъ настроеній дѣйствующихъ лицъ; всѣ картины разсчитаны на передачу этихъ настроеній, а весь смыслъ переданнаго въ поэмѣ случая сводится къ выраженію личныхъ чувствъ автора.

Отсюда и всѣ достоинства этой поэмы: единство элегическаго тона, выразительность и задушевность стиха; отсюда же и ея недостатки: неопредѣленность характеровъ, мелодраматичность въ изображеніи дѣйствій. Тѣмъ же лиризмомъ объясняется и то, почему Пушкинъ не воспользовался глубокою идеею, лежащею въ основѣ крымскаго преданія, взятаго имъ для своей поэмы. Разсказываютъ, что ханъ Керимъ-Гирей похитилъ красавицу Потоцкую и содержалъ ее въ Бахчисарайскомъ гаремѣ. Полагаютъ даже, что онъ былъ обвѣнчанъ съ нею[1]). Очевидно, преданіе выразило просвѣтлѣніе дикаря чрезъ высокое чувство любви къ христіанкѣ. Пушкинъ не сдѣлалъ это душевное перерожденіе главнымъ предметомъ своей поэмы. Драматизмъ онъ увидѣлъ лишь въ столкновеніи чувствъ двухъ соперницъ и на немъ основалъ свою поэму.

Лирическій характеръ поэмы отвлекъ вниманіе автора отъ изображенныхъ лицъ, не затронувшихъ творческую фантазію поэта. Эти лица, насколько они являются намъ въ своихъ блѣдныхъ очеркахъ, стали невольнымъ отзвукомъ

---

[1]) Такъ объясняетъ кн. Вяземскій источникъ Пушкина въ „Разговорѣ издателя съ классикомъ“, предпосланномъ поэмѣ въ первомъ ея изданіи.

чужого творчества, тѣхъ образовъ, которые волновали сердце поэта при чтеніи Байрона.

Ханъ-Гирей, „скучающій бранной славой", „задумчивый властитель", таящій въ сердце любовь, предъ которою поблекли всѣ прежнія радости его жизни, и которая обращена къ существу невинному и чистому, оставляющему эту любовь безотвѣтною, гораздо болѣе напоминаетъ Чайльдъ-Гарольда или самого Байрона, нежели крымскаго татарина. Гирей, „гордый душою" мстительный и грозный, въ то же время обаятеленъ, и его горячо любитъ Зарема, подобно Медорѣ и Гюльнарѣ въ „Корсарѣ" Байрона.

Въ неопредѣленномъ лицѣ Гирея несомнѣнно отразились всѣ любимыя черты героевъ Байрона: разочарованность, неудовлетворенность всѣмъ окружающимъ, сила страсти, непреклонность передъ внѣшними врагами, мстительность людямъ за личное несчастіе (Конрадъ), способность ненавидѣть съ тою же силою, съ какою они любятъ, (Гяуръ и Конрадъ) и страдать безмолвно.

Первая сцена поэмы, гдѣ Пушкинъ впервые знакомитъ читателя съ своимъ героемъ (ст. 1—11 и 102, 3), напоминаетъ даже по внѣшней обстановкѣ изображеніе Яфара-паши въ „Абидосской невѣстѣ".

Собравъ диванъ, Яфаръ сѣдой
Сидѣлъ угрюмъ. Вокругъ стояли
Рабы готовою толпой—
И стражей быть, и мчаться въ бой.
Но думы мрачныя летали
Надъ престарѣлой головой.
И по обычаямъ Востока
Хотя поклонники пророка
Скрываютъ хитро отъ очей
Порывы бурные страстей—
Все, кромѣ спеси ихъ надменной,
Но взоры пасмурны, смущенны
Являли всѣмъ, что втайнѣ онъ
Какимъ-то горемъ угнетенъ.
. . . .
Онъ трижды хлопаетъ руками,
Чубукъ въ алмазахъ съ янтаремъ
Рабамъ вошедшимъ отдаетъ...
(„Абид. Нев." I, 2). Козловъ.

Чужія краски замѣчаемъ и въ изображеніи Гирея, послѣ горькой утраты отдавшаго себя мщенію, когда среди битвы онъ, поднявъ саблю, внезапно блѣднѣетъ и какъ бы полный страха остается недвижимъ и что-то шепчетъ. Таковъ Гяуръ, когда, устремившійся къ мщенію за погибшую Лейлу, полный горя и отчаянія, движется безсознательно въ какомъ-то забытьѣ:

Онъ сталъ на мигъ—какъ будто страхъ
Явился у него въ чертахъ...
Потупя взоръ свой огневой,
Кому-то злобно угрожалъ,
Какъ будто самъ еще не зналъ,
Что дѣлать, что ему начать:
Итти назадъ или бѣжать.
. . . .
Звонъ стали вѣрной, боевой
Его задумчивость прервалъ.

Женскія фигуры поэмы Пушкина также навѣяны героинями Байрона. Героини Байрона обыкновенно повторяютъ два типа: однѣ—сильныя, страстныя, предпріимчивыя, порою мстительныя, ревнивыя: такова, напримѣръ Гюльнара (въ „Корсарѣ"); другія—кроткія, любящія, гармоническія натуры, которыя не могутъ пережить несчастія, ихъ постигшаго; такова напр. Зюлейка (въ „Абидосской невѣстѣ"). Изъ обѣихъ женскихъ фигуръ Пушкина, Зарема своей страстностью, ревнивостью и рѣшительностію напоминаетъ Гюльнару, хотя поставлена Пушкинымъ въ иное положеніе; Марія принадлежитъ къ противопо-

ложному типу. Такъ какъ Пушкинъ не раскрылъ въ дѣйствіи характеръ Маріи, то читателю остается угадывать ее изъ внѣшней судьбы, обстановки и изъ образа жизни, а во всемъ этомъ она напоминаетъ Зюлейку: и Марія и Зюлейка—обѣ единственныя дочери отцовъ своихъ, обѣ нѣжно любимы ими и живутъ до рокового дня, не зная горя и страданій (т. е. до того времени, когда Марія теряетъ отца и свободу, а Зюлейка узнаетъ злодѣйства своего отца и отказывается отъ него для Селима); обѣ мгновенно умираютъ въ постигшемъ ихъ несчастіи, безсильныя бороться съ нимъ; смерть уноситъ обѣихъ ранѣе, нежели жизнь посягнула на высокую чистоту ихъ. Какъ ни различны положенія Маріи и Зюлейки—первой въ гаремѣ похитителя, а второй въ домѣ отца,—обѣ онѣ проводятъ дни въ тихомъ уединеніи, въ религіозномъ настроеніи, каждая согласно своей вѣрѣ. Самый пріемъ Пушкина ознакомить читателя съ личностью Маріи чрезъ описаніе ея комнаты (въ ночь свиданія съ Заремой) (ст. 230—240 и 309—314) совпадаетъ съ пріемомъ Байрона, который также знакомитъ съ внутренней жизнью Зюлейки чрезъ описанія ея жилища въ ночь ея побѣга отъ отца:

Лишь только въ башнѣ одинокой
Младой Зюлейки свѣтъ блеститъ,
Лишь у нея въ ночи глубокой
Лампада поздняя горитъ,
И тускло свѣтитъ пламень томной
Въ диванной тихой и укромной,
Блестя на тканяхъ золотыхъ
Ея подушекъ парчевыхъ.
На нихъ изъ янтарей душистыхъ
Вотъ четки дѣвы молодой,
Которыя въ молитвахъ чистыхъ
Она лилейною рукой
Такъ набожно перебираетъ,
И въ изумрудахъ вотъ сіяетъ
Съ словами Курзы (II-й главы Корана) талисманъ.
. . . .
И съ комболоей (четками) вотъ Коранъ
Раскрашенъ яркими цвѣтами...
(„Нев. Абид.“ II 5).

Но если и въ этой поэмѣ творчества Пушкина еще не ознаменовалось созданіемъ живыхъ лицъ, то лирическій элементъ поэмы и описанія, проникнутыя этимъ лиризмомъ, достигаютъ здѣсь новаго блеска. Сцены въ гаремѣ какъ у фонтана въ ожиданіи хана, такъ и ночью въ спальнѣ; описаніе окрестностей гарема при сіяніи звѣдъ и мѣсяца; описаніе фонтана слезъ и развалинъ дворца и кладбища въ концѣ поэмы принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ той поры творчества Пушкина, на которую поэма писалась. Татарская же пѣсня съ новою силою показала талантъ Пушкина въ произведеніи характерныхъ иноземныхъ пѣсенъ, талантъ, уже засвидѣтельствованный въ эту эпоху антологическими пьесами (см. т. I, № 60 и 61), молдаванской пѣсней (№ 56), а впослѣдствіи породившій цѣлый рядъ произведеній, въ которыхъ характеръ самыхъ разнообразныхъ національностей усвоенъ съ неподражаемымъ искусствомъ (ср. вступит. зам. къ № 108 тома I-го).

———

Кн. Вяземскій, взявшій на себя изданіе „Бахчисарайскаго фонтана“ предпослалъ ему вмѣсто предисловія свой „Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской стороны или съ Васильевскаго острова“. Въ этомъ разговорѣ онъ устами „издателя“ не только признаетъ вѣрность въ изображеніи восточнаго преданія въ картинахъ, чувствахъ и слогѣ, но хвалитъ и изоб-

раженіе „дѣйствія, полнаго не отъ множества лицъ и сцѣпленія приключеній, но отъ искусства, съ какимъ поэтъ умѣлъ выставить и оттѣнить главныя лица своего повѣствованія“. На возраженіе „классика“, что „романическій зодчій“ пользуется слишкомъ много „легкими намеками“, „туманными загадками“ и оставляетъ слишкомъ много на долю самого читателя, которому приходится „досказывать“ автора, издатель замѣчаетъ: „Въ изящныхъ твореніяхъ довольно одного дѣйствія общаго“... „Твореніе искусства—обманъ. Чѣмъ менѣе высказывается прозаическая связь въ частяхъ, тѣмъ болѣе выгоды въ отношеніи къ цѣлому“... „Зачѣмъ же все высказывать и на все напирать, когда имѣемъ дѣло съ людьми понятія дѣятельнаго и остраго? а о людяхъ понятія лѣниваго, тупого и думать нечего“... „Оставимъ прозу для прозы“.

Итакъ то, что разумѣла критика двадцатыхъ годовъ подъ именемъ „романтизма“, наиболѣе выразилось въ поэмѣ „Бахчисарайскій фонтанъ“. Лирическая поэма болѣе всего удовлетворила указаннымъ здѣсь свойствамъ „романтизма“. Основныя достоинства поэзіи—законченность формы, пластичность и правдивость изображенія, полнота характеристикъ—забывались этой теоріей.

Вслѣдствіе же того, что такъ называемому „романтизму“ противополагали „классицизмъ“, разумѣя подъ ними условныя правила классицизма французскаго,—„классикъ“ кн. Вяземскаго явился сторонникомъ не столько этихъ основныхъ достоинствъ художественныхъ произведеніи, сколько шаблонности плана, условности языка, и возсталъ противъ свободы въ выборѣ вымысла. Противъ его ложныхъ требованій и направлены возраженія „издателя“. Онъ оправдываетъ выборъ преданія, извѣстнаго въ Крыму и понынѣ: „сіе преданіе“, говоритъ онъ, „есть достояніе поэзіи... и нашъ поэтъ хорошо сдѣлалъ, присвоивъ поэзіи Бахчисарайское преданіе и обогативъ его правдоподобными вымыслами“. Защищаетъ онъ и свободу плана, и выбора выраженій.

Таковы были взгляды литературныхъ судей того времени. Ихъ судъ сводился на форму произведеній, не затрогивая сущности поэзіи. Въ поэмѣ искали хорошаго слога, силы выраженій и т. п. Впрочемъ К а р а м з и н ъ, прочитавъ новую поэму Пушкина, писалъ И. И. Дмитріеву: „Полюбился ли тебѣ „Фонтанъ“ Пушкина? Слогъ живъ, черты прекрасныя, но въ цѣломъ не довольно силы и связи... Рѣчь Заремы слаба, кромѣ пяти или шести стиховъ; окончаніе холодно“.

Стилистическія достоинства „Бахчисарайскаго фонтана“ были признаны всѣми. „Всѣ оттѣнки мнѣній, раздѣлявшихъ литературу нашу, слились при появленіи его въ одну похвалу гармоніи языка, роскоши стиховъ и описаній, какими отличалась поэма. Въ ней видѣли торжество русскаго языка... Критика ограничилась робкой замѣткой о „недостаткѣ движенія, хода въ новомъ созданіи“ (Сынъ От. 1824, ч. XCII) [5]).

П о л е в о й (1833) призналъ въ „Бахч. фонтанѣ“ шагъ впередъ послѣ „Кавказскаго плѣнника“. „Въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“ геній Пушкина—еще простая элегія; въ „Бахч. фонтанѣ“ онъ становится уже поэтической картиною“

---

5) „Матеріалы“ Анненкова, 97.

Но самъ Пушкинъ признавалъ новую поэму свою ниже „Кавк. плѣнника“. Вотъ что писалъ въ „Критическихъ замѣткахъ“ Пушкинъ въ 1830 г. „Бахч. фонт.“ слабѣе плѣнника и, какъ онъ, отзывается чтеніемъ Байрона, отъ котораго я съ ума сходилъ. Сцена Заремы съ Маріей имѣетъ драматическое достоинство. Его кажется не критиковали. Ал. Раевскій хохоталъ надъ слѣдующими стихами:

Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
Подъемлетъ саблю—и съ размаха
Недвижно остается вдругъ.
Блѣднѣетъ etc.

„Молодые писатели вообще не умѣютъ изображать физическія движенія страстей. Ихъ герои всегда содрагаются, хохочутъ дико, скрежещутъ зубами и проч. Все это смѣшно, какъ мелодрама“.

Что касается слога поэмы, то Пушкинъ былъ доволенъ имъ. „Кланяйся Давыдову“, писалъ Пушкинъ кн. Вяземскому: „онъ критиковалъ въ „Бахч. фонтанѣ“ Заремы очи (см. ст. 146, 147). Я бы съ нимъ согласился, если бы дѣло шло не о Востокѣ. Слогъ восточный былъ у меня образцомъ, сколько возможно намъ, благоразумнымъ, холоднымъ европейцамъ. Кстати еще: знаешь, почему я не люблю Мура [6])? Потому что онъ черезчуръ уже восточенъ. Онъ подражаетъ ребячески и уродливо ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. Европеецъ и въ упоеніи восточной роскоши долженъ сохранить вкусъ и взоръ европейца. Вотъ почему Байронъ такъ прелестенъ въ „Гяурѣ“ въ „Абидосской невѣстѣ“ и проч.

Бѣлинскій (1844) не соглашается съ мнѣніемъ самого Пушкина, что „Бахчисарайскій фонтанъ“ слабѣе „Плѣнника“, но находитъ и въ этой поэмѣ недостатки въ томъ, что Пушкинъ не усвоилъ ей глубокой мысли того преданія, которое послужило къ ея сочиненію. Впрочемъ стихъ поэмы онъ находитъ лучше. Что же касается драматизма въ сценѣ Заремы и Маріи, то Бѣлинскій замѣчаетъ: „Въ этомъ драматизмѣ проглядываетъ мелодраматизмъ. Въ монологѣ Заремы есть эта аффектація, это театральное изступленіе страсти, въ которыя всегда впадаютъ молодые поэты и которыя всегда восхищаютъ молодыхъ людей. Если хотите, эта сцена обнаружила тогда сильные драматическіе элементы въ талантѣ молодого поэта, но не болѣе, какъ элементы, развитія которыхъ слѣдовало ожидать въ будущемъ. Такъ въ эффектной картинѣ молодого художника опытный взглядъ знатока видитъ несомнѣнный залогъ будущаго великаго живописца, несмотря на то, что картина сама по себѣ немногаго стоитъ; такъ молодой даровитый трагическій актеръ не можетъ скрыть крикомъ и рѣзкостію своихъ жестовъ избытка огня и страсти, которыя кипятъ въ его душѣ, но для выраженія которыхъ онъ не выработалъ еще простой и естественной манеры. И потому мы гораздо больше согласны съ Пушкинымъ касательно его мнѣнія на счетъ стиховъ: „Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ“ и пр. (см. выше).

---

[6]) *Томасъ Муръ* (1779—1852)—англійскій поэтъ, авторъ поэмы „Лалла Рукъ“, (1817), изъ которой отрывокъ „Ангелъ и Пери“ переведенъ Жуковскимъ.

„Несмотря на то", продолжаетъ Бѣлинскій, „въ поэмѣ много частностей, обаятельно прекрасныхъ. Портреты Заремы и Маріи (особенно Маріи) прелестны, хотя въ нихъ и проглядываетъ наивность нѣсколько юношескаго одушевленія. Но лучшая сторона поэмы, это—описанія, или, лучше сказать, живыя картины магометанскаго Крыма: онѣ и теперь чрезвычайно увлекательны. Въ нихъ нѣтъ этого элемента высокости, который такъ проглядываетъ въ „Кавказскомъ плѣнникѣ" въ картинахъ дикаго и грандіознаго Кавказа. Но онѣ непобѣдимо очаровываютъ этою краткою и роскошною поэзіею, которою запечатлѣна обаятельно-прекрасная природа Тавриды: краски нашего поэта всегда вѣрны мѣстности. Картина гарема, дѣтскія шаловливыя забавы лѣнивой и уныло однообразной жизни одалискъ, татарская пѣсня—все это и теперь еще такъ живо, такъ свѣжо, такъ обаятельно! Что за роскошь поэзіи, напримѣръ, въ этихъ стихахъ:

Настала ночь; покрылись тѣнью
Тавриды сладостной поля и т. д. (ст. 251—264).

„Описаніе евнуха, прислушивающагося подозрительнымъ слухомъ къ малѣйшему шороху, какъ-то чудно сливается съ картинкою этой фантастически-прекрасной природы, и музыкальность стиховъ нѣжитъ и лелѣетъ очарованное ухо читателя.

Но все вокругъ него молчитъ;
Одни фонтаны сладкозвучны
Изъ мрамора темницы бьютъ,
И съ милой розой неразлучны
Во мракѣ соловьи поютъ,

„Здѣсь даже усѣченія (прилагательныхъ) не портятъ стиховъ. Й какою истинно-лирическою выходкою, исполненною паѳоса, замыкаются эти картины волшебной природы Востока:

Какъ милы темныя красы
Ночей роскошнаго востока! и т. д. (ст. 286—295).

„При этой роскоши и невыразимой сладости поэзіи, которыми такъ полонъ „Бахчисарайскій фонтанъ", въ немъ плѣняетъ еще эта легкая, свѣтлая грусть, эта поэтическая задумчивость, навѣянная на поэта чудно-прозрачными и благоуханными ночами Востока и поэтическою мечтою, которую возбудило въ немъ преданіе о таинственномъ фонтанѣ во дворцѣ Гиреевъ. Описаніе этого фонтана дышитъ глубокимъ чувствомъ:

Есть надпись: ѣдкими годами
Еще не сгладилась она.
За чуждыми ея чертами
Журчитъ во мраморѣ вода
И каплетъ хладными слезами,
Не умолкая никогда.

Такъ плачетъ мать во дни печали
О сынѣ, падшемъ на войнѣ.
Младыя дѣвы въ той странѣ
Преданье старины узнали,
И мрачный памятникъ онѣ
Фонтаномъ слезъ именовали.

„Слѣдующіе стихи (до конца) составляютъ превосходнѣйшій музыкальный финалъ поэмы; словно resumé, они сосредоточиваютъ въ себѣ всю силу впечатлѣнія, которое должно оставить въ душѣ читателя чтеніе цѣлой поэмы; въ нихъ и роскошь поэтическихъ красокъ, и легкая, свѣтлая, отрадно сладостная

грусть, какъ бы навѣянная немолчнымъ журчаніемъ „Фонтана слезъ“ и представлявшая разгоряченной фантазіи поэта таинственный образъ мелькавшей летучею тѣнью женщины... Гармонія послѣднихъ двадцати стиховъ упоительна.

„Вообще „Бахчисарайскій фонтанъ“—роскошно поэтическая мечта юности, и отпечатокъ юности лежитъ равно и на недостаткахъ его и на достоинствахъ. Во всякомъ случаѣ—это прекрасный, благоухающій цвѣтокъ, которымъ можно любоваться безотчетно и безтребовательно, какъ всѣми юношескими произведеніями, въ которыхъ полнота силъ замѣняетъ строгую обдуманность концепціи, и роскошь щедрою рукою разбросанныхъ красокъ—строгую отчетливость выполненія“.

Первое изданіе поэмы вышло въ Москвѣ въ 1824 г. съ эпиграфомъ, который, по сознанію Пушкина, побудилъ его измѣнить задуманное ранѣе заглавіе поэмы „Гаремъ“ на „Бахчисарайскій фонтанъ“.

„Меланхолическій эпиграфъ соблазнилъ меня“, объясняетъ Пушкинъ въ своихъ „Запискахъ“. Кн. Вяземскій предпослалъ поэмѣ вышеупомянутый „Разговоръ“. А послѣ поэмы была приложена выписка изъ „Путешествія по Тавридѣ“ И. М. Муравьева-Апостола.

Второе изданіе вышло въ Спб. въ 1827 г. съ 4 гравюрками (Гирей, игры женъ, приходъ Заремы къ Маріи и сцена между ними). „Разговоръ“ и эпиграфъ не перепечатаны. Къ выпискѣ изъ статьи Муравьева присоединенъ отрывокъ изъ письма Пушкина къ Дельвигу о посѣщеніи имъ Бахчисарайскаго дворца (см. I* т., стр. 91).

Третій разъ, и послѣдній при жизни Пушкина, поэма была перепечатана въ „Поэмахъ и повѣстяхъ“ его 1835 г.

Многіе, также какъ и я, посѣщали сей фонтанъ, но иныхъ уже нѣтъ, другіе странствуютъ далече.
Саади.

Гирей сидѣлъ, потупя взоръ,
Янтарь въ устахъ его дымился;
Безмолвно раболѣпный дворъ
Вкругъ хана грознаго тѣснился.
Всѣ было тихо во дворцѣ;
Благоговѣя, всѣ читали
Примѣты гнѣва и печали
На сумрачномъ его лицѣ.
Но повелитель горделивый
Махнулъ рукой нетерпѣливой—
И всѣ, склонившись, идутъ вонъ.

Одинъ въ своихъ чертогахъ онъ.
Свободнѣй грудь его вздыхаетъ;
Живѣе строгое чело
Волненья сердца выражаетъ:
Такъ бурны тучи отражаетъ
Залива зыбкое стекло.

Что движетъ гордою душою?
Какою мыслью занятъ онъ?
На Русь ли вновь идетъ войною,
Несетъ ли Польшѣ свой законъ,
Горитъ ли местію кровавой,
Открылъ ли въ войскѣ заговоръ,
Страшится ли народовъ горъ,
Иль козней Генуи лукавой?

Нѣтъ, онъ скучаетъ бранной славой.

Устала грозная рука;
Война отъ мыслей далека.

Ужель въ его гаремъ измѣна
Стезей преступною вошла,
И дочь неволи, нѣгъ и плѣна
Гяуру сердце отдала?

Нѣтъ, жены робкія Гирея,
Ни думать, ни желать не смѣя,
Цвѣтутъ въ унылой тишинѣ;
Подъ стражей бдительной и хладной,
На лонѣ скуки безотрадной,
Измѣнъ не вѣдаютъ онѣ;
Въ тѣни хранительной темницы
Утаены ихъ красоты:
Такъ аравійскіе цвѣты
Живутъ за стеклами теплицы;
Для нихъ унылой чередой
Дни, мѣсяцы, лѣта проходятъ.
И непримѣтно за собой
И младость, и любовь уводятъ.
Однообразенъ каждый день,
И медленно часовъ теченье.
Въ гаремѣ жизнью правитъ лѣнь,
Мелькаетъ рѣдко наслажденье.
Младыя жены, какъ-нибудь
Желая сердце обмануть,
Мѣняютъ пышные уборы,
Заводятъ игры, разговоры,
Или, при шумѣ водъ живыхъ,
Надъ ихъ прозрачными струями,
Въ прохладѣ яворовъ густыхъ,
Гуляютъ легкими роями.
Межъ ними ходитъ злой евнухъ,
И убѣгать его напрасно:
Его ревнивый взоръ и слухъ
За всѣми слѣдуетъ всечасно.
Его стараньемъ заведенъ
Порядокъ вѣчный. Воля хана
Ему единственный законъ;
Святую заповѣдь Корана [a]
Не строже наблюдаетъ онъ.
Его душа любви не проситъ;
Какъ истуканъ, онъ переноситъ
Насмѣшки, ненависть, укоръ,
Обиды шалости нескромной,
Презрѣнье, просьбы, робкій взоръ,
И тихій вздохъ, и ропотъ томный.
Ему извѣстенъ женскій нравъ;
Онъ испыталъ, сколь онъ лукавъ
И на свободѣ и въ неволѣ:
Взоръ нѣжный, слезъ упрекъ нѣмой
Невластны надъ его душой,
Онъ имъ уже не вѣритъ болѣ.

...Что жъ полонъ грусти умъ Гирея?
Чубукъ въ рукахъ его потухъ;
Недвижимъ и дохнуть не смѣя,
У двери знака ждетъ евнухъ.
Встаетъ задумчивый властитель;
Предъ нимъ дверь настежъ. Молча онъ
Идетъ въ завѣтную обитель
Еще недавно милыхъ женъ.

Безпечно ожидая хана,
Вокругъ игриваго фонтана,
На шелковыхъ коврахъ, онѣ
Толпою рѣзвою сидѣли
И съ дѣтской радостью глядѣли,
Какъ рыбка въ ясной глубинѣ
На мраморномъ ходила днѣ.
Нарочно къ ней на дно иныя
Роняли серьги золотыя.
Кругомъ невольницы межъ тѣмъ
Шербетъ носили ароматный,
И пѣснью звонкой и пріятной
Вдругъ огласили весь гаремъ.

---

[a] И самыя главы Корана (1 изд.).

Татарская пѣсня.

1.

„Даруетъ небо человѣку
Замѣну слезъ и частыхъ [б] бѣдъ.
Блаженъ факиръ, узрѣвшій Мекку
На старости печальныхъ [в] лѣтъ.

2.

„Блаженъ кто славный брегъ [г] Дуная
Своею смерть освятитъ [д].
Къ нему навстрѣчу дѣва [е] рая
Съ улыбкой страстной полетитъ [ж].

3.

„Но тотъ [з] блаженнѣй, о Зарема,
Кто, миръ и нѣгу возлюбя,
Какъ розу, въ тишинѣ [и] гарема
Лелѣетъ, милая [і] тебя!“

Онѣ поютъ. Но гдѣ Зарема,
Звѣзда любви, краса гарема?
Увы, печальна и блѣдна,
Похвалъ не слушаетъ она;
Какъ пальма, смятая грозою,
Поникла юной головою;
Ничто, ничто не мило ей:
Зарему разлюбилъ Гирей.
Онъ измѣнилъ!.. Но кто съ тобою,
Грузинка, равенъ красотою?
Вокругъ лилейнаго чела
Ты косу дважды обвила:
Твои плѣнительныя очи
Яснѣе дня, чернѣе ночи.
Чей голосъ выразитъ сильнѣй
Порывы пламенныхъ желаній?
Чей страстный поцѣлуй живѣй
Твоихъ язвительныхъ [к] лобзаній?
Какъ сердце, полное тобой,
Забьется для красы чужой?
Но равнодушный и жестокій,
Гирей презрѣлъ твои красы,
И ночи хладные часы
Проводитъ мрачный, одинокій,
Съ тѣхъ поръ, какъ польская княжна
Въ его гаремъ заключена.

Недавно юная Марія
Узрѣла небеса чужія;
Недавно милою красой
Она цвѣла въ странѣ родной.
Сѣдой отецъ гордился ею
И звалъ отрадою своею.
Для старика была законъ
Ея младенческая воля.
Одну заботу вѣдалъ онъ,
Чтобъ дочери любимой доля
Была, какъ вешній день, ясна,
Чтобъ и минутныя печали
Ея души не помрачали;
Чтобъ даже замужемъ она
Воспоминала съ удивленьемъ
Дѣвичье время, дни забавъ,
Мелькнувшихъ легкимъ сновидѣньемъ.
Все въ ней плѣняло: тихій нравъ,
Движенья стройныя, живыя,
И очи томно-голубыя.
Природы милые дары
Она искусствомъ украшала;
Она домашніе пиры
Волшебной арфой оживляла;
Толпы вельможъ и богачей
Руки Маріиной искали,
И много юношей по ней
Въ страданьѣ тайномъ изнывали.
Но въ тишинѣ души своей
Она любви еще не знала,
И независимый досугъ
Въ отцовскомъ замкѣ межъ подругъ
Однѣмъ забавамъ посвящала.

[б] Часы отрадъ въ замѣну... — [в] суровыхъ. — [г] на брегу... — [д] Собой умножитъ падшихъ рядъ.— [е] дѣвы.— [ж] Толпою страстной полетятъ.— [з] всѣхъ.— [и] Въ прохладѣ тайнаго...— [і] Обниметъ радостно... (Черновой отрывокъ подъ заглавіемъ, „съ турецкаго“).

[к] пронзительныхъ (1 изд.).

Давно ль? И что же! Тьмы татаръ
На Польшу хлынули рѣкою:
Не съ столь ужасной быстротою
По жатвѣ стелется пожаръ.
Обезображенный войною,
Цвѣтущій край осиротѣлъ;
Исчезли мирныя забавы;
Уныли села и дубравы,
И пышный замокъ опустѣлъ.
Тиха Маріина свѣтлица...
Въ домовой церкви, гдѣ кругомъ
Почіютъ мощи хладнымъ сномъ,
Съ короной, съ княжескимъ гербомъ,
Воздвиглась новая гробница...
Отецъ въ могилѣ, дочь въ плѣну.
Скупой наслѣдникъ въ замкѣ правитъ,
И тягостнымъ ярмомъ безславитъ
Опустошенную страну.

Увы! дворецъ Бахчисарая
Скрываетъ юную княжну:
Въ неволѣ тихой увядая,
Марія плачетъ и груститъ.
Гирей несчастную щадитъ:
Ея унынье, слезы, стоны
Тревожатъ хана краткій сонъ,
И для нея смягчаетъ онъ
Гарема строгіе законы.
Угрюмый сторожъ ханскихъ женъ
Ни днемъ, ни ночью къ ней не входитъ,
Рукой заботливой не онъ
На ложе сна ее возводитъ;
Не смѣетъ устремиться къ ней
Обидный взоръ его очей:
Она въ купальнѣ потаенной
Одна съ невольницей своей;
Самъ ханъ боится дѣвы плѣнной
Печальный возмущать покой;
Гарема въ дальнемъ отдѣленьѣ
Позволено ей жить одной.
И, мнится, въ томъ уединеньѣ
Сокрылся нѣкто неземной...
Тамъ день и ночь горитъ лампада
Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой;
Души тоскующей отрада,
Тамъ упованье въ тишинѣ
Съ смиренной вѣрой обитаетъ,
И сердцу все напоминаетъ
О близкой, лучшей сторонѣ...
Тамъ дѣва слезы проливаетъ
Вдали завистливыхъ подругъ;
И между тѣмъ, какъ все вокругъ
Въ безумной нѣгѣ утопаетъ,
Святыню строгую скрываетъ
Спасенный чудомъ уголокъ.
Такъ сердце, жертва заблужденій,
Среди порочныхъ упоеній,
Хранитъ одинъ святой залогъ,
Одно божественное чувство...

Настала ночь; покрылись тѣнью
Тавриды сладостной поля;
Вдали, подъ тихой лавровъ сѣнью
Я слышу пѣнье соловья.
За хоромъ звѣздъ луна восходитъ;
Она съ безоблачныхъ небесъ
На долы, на холмы, на лѣсъ
Сіянье томное наводитъ.
Покрыты бѣлой пеленой,
Какъ тѣни легкія мелькая,
По улицамъ Бахчисарая,
Изъ дома въ домъ, одна къ другой,
Простыхъ татаръ спѣшатъ супруги
Дѣлить вечерніе досуги.
Дворецъ утихъ; уснулъ гаремъ,
Объятый нѣгой безмятежной;
Не прерывается ничѣмъ
Спокойство ночи. Стражъ надежный,

Дозоромъ обошелъ евнухъ.
Теперь онъ спитъ, но страхъ прилежный
Тревожитъ въ немъ и спящій духъ.
Измѣнъ всечасныхъ ожиданье
Покоя не даетъ ему.
То чей-то шорохъ, то шептанье,
То крики чудятся ему;
Обманутый невѣрнымъ слухомъ,
Онъ пробуждается, дрожитъ,
Напуганнымъ приникнувъ ухомъ...
Но все кругомъ его молчитъ;
Одни фонтаны сладкозвучны
Изъ мраморной темницы бьютъ,
И съ милой розой неразлучны
Во мракѣ соловьи поютъ;
Евнухъ еще имъ долго внемлетъ
И снова сонъ его объемлетъ.

Какъ милы темныя красы
Ночей роскошнаго востока,
Какъ сладко льются ихъ часы
Для обожателей пророка!
Какая нѣга въ ихъ домахъ,
Въ очаровательныхъ садахъ,
Въ тиши гаремовъ безопасныхъ,
Гдѣ подъ вліяніемъ луны
Все полно тайнъ и тишины
И вдохновеній сладострастныхъ...
Всѣ жены спятъ. Не спитъ одна.
Едва дыша, встаетъ она;
Идетъ; рукою торопливой
Открыла дверь; во тьмѣ ночной
Ступаетъ легкою ногой...
Въ дремотѣ чуткой и пугливой
Предъ ней лежитъ евнухъ сѣдой.
Ахъ, сердце въ немъ неумолимо;
Обманчивъ сна его покой!..
Какъ духъ, она проходитъ мимо...
Предъ нею дверь; съ недоумѣньемъ
Ея дрожащая рука
Коснулась вѣрнаго замка...
Вошла, взираетъ съ изумленьемъ...
И тайный страхъ въ нее проникъ.
Лампады свѣтъ уединенный,
Кивотъ, печально озаренный,
Пречистой Дѣвы кроткій ликъ,
И крестъ, любви символъ священный...
Грузинка, все въ душѣ твоей
Родное что-то пробудило,
Все звуками забытыхъ дней
Невнятно вдругъ заговорило.
Предъ ней покоилась княжна,
И жаромъ дѣвственнаго сна
Ея ланиты оживлялись
И, слезъ являя свѣжій слѣдъ,
Улыбкой томной озарились.
Такъ озаряетъ лунный свѣтъ
Дождемъ отягощенный цвѣтъ;
Спорхнувшій съ неба, сынъ Эдема,
Казалось, ангелъ почивалъ,
И сонный слезы проливалъ
О бѣдной плѣнницѣ гарема...
Увы, Зарема, что съ тобой?
Стѣснилась грудь ея тоской,
Невольно клонятся колѣни,
И молвитъ: „сжалься надо мной,
Не отвергай моихъ моленій!..“
Ея слова, движенье, стонъ
Прервали дѣвы тихій сонъ.
Княжна со страхомъ предъ собою
Младую незнакомку зритъ;
Въ смятеньѣ, трепетной рукою
Ее подъемля, говоритъ:
„Кто ты?.. одна порой ночною
Зачѣмъ ты здѣсь?“—Я шла къ тебѣ:
Спаси меня, въ моей судьбѣ
Одна надежда мнѣ осталась...
Я долго счастьемъ наслаждалась,

Была безпечнѣй день отъ дня...
И тѣнь блаженства миновалась!
Я гибну. Выслушай меня.

„Родилась я не здѣсь, далеко,
Далеко... но минувшихъ дней
Предметы въ памяти моей
Донынѣ врѣзаны глубоко.
Я помню горы въ небесахъ,
Потоки жаркіе въ горахъ,
Непроходимыя дубравы,
Другой законъ, другіе нравы;
Но почему, какой судьбой
Я край оставила родной,
Не знаю; помню только море,
И человѣка въ вышинѣ
Надъ парусами...
Страхъ и горе
Донынѣ чужды были мнѣ;
Я въ безмятежной тишинѣ,
Въ тѣни гарема расцвѣтала,
И первыхъ опытовъ любви
Послушнымъ сердцемъ ожидала.
Желанья тайныя мои
Сбылись. Гирей для мирной нѣги
Войну кровавую презрѣлъ,
Пресѣкъ ужасные набѣги,
И свой гаремъ опять узрѣлъ.
Предъ хана, въ смутномъ ожиданьѣ
Предстали мы. Онъ свѣтлый взоръ
Остановилъ на мнѣ въ молчаньѣ,
Позвалъ меня... и съ этихъ поръ
Мы въ безпрерывномъ упоеньѣ
Дышали счастьемъ; и ни разъ
Ни клевета, ни подозрѣнье,
Ни злобной ревности мученье,
Ни скука не смущали насъ.
Марія, ты предъ нимъ явилась...
Увы, съ тѣхъ поръ его душа
Преступной думой омрачилась!
Гирей, измѣною дыша,
Моихъ не слушаетъ укоровъ;
Ему докученъ сердца стонъ;
Ни прежнихъ чувствъ, ни разговоровъ
Со мною не находитъ онъ.
Ты преступленью не причастна,
Я знаю, не твоя вина...
Итакъ, послушай — я прекрасна,
Во всемъ гаремѣ ты одна
Могла бъ еще мнѣ быть опасна;
Но я для страсти рождена,
Но ты любить, какъ я, не можешь;
Зачѣмъ же хладной красотой
Ты сердце слабое тревожишь?
Оставь Гирея мнѣ: онъ мой;
На мнѣ горятъ его лобзанья;
Онъ клятвы страшныя мнѣ далъ;
Давно всѣ думы, всѣ желанья
Гирей съ моими сочеталъ;
Меня убьетъ его измѣна...
Я плачу!.. Видишь, я колѣна
Теперь склоняю предъ тобой,
Молю, винить тебя не смѣя,
Отдай мнѣ радость и покой,
Отдай мнѣ прежняго Гирея...
Не возражай мнѣ ничего;
Онъ мой; онъ ослѣпленъ тобою.
Презрѣньемъ, просьбою, тоскою,
Чѣмъ хочешь, отврати его;
Клянись... (хоть я для Алкорана,
Между невольницами хана,
Забыла вѣру прежнихъ дней,
Но вѣра матери моей
Была твоя), клянись мнѣ ею
Зарему возвратить Гирею...
Но слушай: если я должна
Тебѣ... кинжаломъ я владѣю,
Я близъ Кавказа рождена!“

Сказавъ, исчезла вдругъ. За нею
Не смѣетъ слѣдовать княжна.
Невинной дѣвѣ непонятенъ

Языкъ мучительныхъ страстей;
Но голосъ ихъ ей смутно внятенъ,
Онъ страненъ, онъ ужасенъ ей!
Какія слезы и моленья
Ее спасутъ отъ посрамленья?
Что ждетъ ее? Ужели ей
Остатокъ горькихъ, юныхъ дней
Провесть наложницей презрѣнной?
О Боже! если бы Гирей,
Въ ея темницѣ отдаленной
Забылъ несчастную навѣкъ,
Или кончиной ускоренной
Унылы дни ея пресѣкъ,
Съ какою бъ радостью Марія
Оставила печальный свѣтъ!
Мгновенья жизни дорогія
Давно прошли, давно ихъ нѣтъ!
Что дѣлать ей въ пустынѣ міра?
Ужъ ей пора, Марію ждутъ,
И въ небеса на лоно мира
Родной улыбкою зовутъ...

Промчались дни. Маріи нѣтъ.
Мгновенно сирота почила;
Она давно-желанный свѣтъ
Какъ новый ангелъ озарила.
Но что же въ гробъ ее свело?
Тоска ль неволи безнадежной,
Болѣзнь, или другое зло?
Кто знаетъ? Нѣтъ Маріи нѣжной!..
Дворецъ угрюмый опустѣлъ;
Его Гирей опять оставилъ;
Съ толпой татаръ въ чужой предѣлъ
Онъ злой набѣгъ опять направилъ;
Онъ снова въ буряхъ боевыхъ
Несется мрачный, кровожадный;
Но въ сердцѣ хана чувствъ иныхъ
Таится пламень безотрадный.
Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
Подъемлетъ саблю, и съ размаха
Недвижимъ остается вдругъ,
Глядитъ съ безуміемъ вокругъ,
Блѣднѣетъ, будто полный страха,
И что-то шепчетъ, и порой
Горючи слезы льетъ рѣкой.

Забытый, преданный презрѣнью,
Гаремъ не зритъ его лица;
Тамъ обреченныя мученью,
Подъ стражей хладнаго скопца
Старѣютъ жены. Между ними
Давно грузинки нѣтъ: она
Гарема стражами нѣмыми
Въ пучину водъ опущена [1]).
Въ ту ночь, какъ умерла княжна,
Свершилось и ея страданье.
Какая бъ ни была вина,
Ужасно было наказанье!..

Опустошивъ огнемъ войны
Кавказу близкія страны
И села мирныя Россіи,
Въ Тавриду возвратился ханъ,
И въ память горестной Маріи
Воздвигнулъ мраморный фонтанъ,
Въ углу дворца уединенный.
Надъ нимъ крестомъ осѣнена
Магометанская луна
(Символъ, конечно, дерзновенный,

[1]) Первоначально было написано, что грузинка погибла отъ рукъ „нѣмыхъ козляровъ“. Д. В. Дашковъ предупредилъ ошибку, написавъ И. И. Дмитріеву, чтобы онъ предостерегъ кн. Вяземскаго, печатавшаго въ Москвѣ поэму: „Сдѣлайте милость, замѣтьте ему одно мѣсто, требующее исправленія... козляръ по-турецки „значитъ просто дѣвушка“.

Незнанья жалкая вина).
Есть надпись! Ѣдкими годами
Еще не сгладилась она.
За чуждыми ея чертами
Журчитъ во мраморѣ вода
И каплетъ хладными слезами,
Не умолкая никогда.
Такъ плачетъ мать во дни печали
О сынѣ, падшемъ на войнѣ.
Младыя дѣвы въ той странѣ
Преданье старины узнали,
И мрачный памятникъ онѣ
Фонтаномъ слезъ именовали.

Покинувъ сѣверъ наконецъ,
Пиры надолго забывая,
Я посѣтилъ Бахчисарая
Въ забвеньѣ дремлющій дворецъ;
Среди безмолвныхъ переходовъ
Бродилъ я тамъ, гдѣ бичъ народовъ,
Татаринъ буйный пировалъ,
И послѣ ужасовъ набѣга
Въ роскошной лѣни утопалъ.
Еще понынѣ дышитъ нѣга
Въ пустыхъ покояхъ и садахъ;
Играютъ воды, рдѣютъ розы,
И вьются виноградны лозы,
И злато блещетъ на стѣнахъ.
Я видѣлъ ветхія рѣшетки,
За коими, въ своей веснѣ,
Янтарны разбирая четки,
Вздыхали жены въ тишинѣ.
Я видѣлъ ханское кладбище,
Владыкъ послѣднее жилище.
Сіи надгробные столбы,
Вѣнчанны мраморной чалмою,
Казалось мнѣ, завѣтъ судьбы
Гласили внятною молвою.
Гдѣ скрылись ханы? Гдѣ гаремъ?
Кругомъ все тихо, все уныло,
Все измѣнилось!... Но не тѣмъ
Въ то время сердце полно было:
Дыханье розъ, фонтаномъ шумъ
Влекли къ невольному забвенью,
Невольно предавался умъ
Неизъяснимому волненью,
И по дворцу летучей тѣнью
Мелькала дѣва предо мной!...

Чью тѣнь, о други, видѣлъ я?
Скажите мнѣ, чей образъ нѣжный
Тогда преслѣдовалъ меня
Неотразимый, неизбѣжный?
Маріи ль чистая душа
Являлась мнѣ, или Зарема
Носилась, ревностью дыша,
Средь опустѣлаго гарема?

Я помню столь же милый взглядъ
И красоту еще земную...
Всѣ думы сердца къ ней летятъ;
Объ ней въ изгнаніи тоскую...
Безумецъ! Полно, перестань,
Не растравляй тоски напрасной!
Мятежнымъ снамъ любви несчастной
Заплачена тобою дань—
Опомнись! Долго ль, узникъ томный,
Тебѣ оковы лобызать,
И въ свѣтѣ лирою нескромной
Свое безумство разглашать?

Поклоникъ музъ, поклонникъ мира,
Забывъ и славу, и любовь,
О скоро васъ увижу вновь,
Брега веселые Салгира!

---

2) „Вина, culpa, faute“, писалъ Пушкинъ объ этихъ двухъ стихахъ кн. Вяземскому: „Symbole téméraire, faute deplorable de l'ignorance. У насъ слово вина имѣетъ два значенія: одно изъ нихъ здѣсь не имѣло бы смысла. Оставь эти стихи; пусть они aux Saumaises futures préparent des tortures“.

Приду на склонъ высокихъ горъ,
Воспоминаній тайныхъ полный,
И вновь таврическія волны
Обрадуютъ мой жадный взоръ.
Волшебный край, очей отрада!
Все живо тамъ: холмы, лѣса,
Янтарь и яхонтъ винограда,
Долинъ пріютная краса,
И струй, и тополей прохлада
Все чувство путника манитъ,
Когда, въ часъ утра безмятежный,
Въ горахъ, дорогою прибрежной,
Привычный конь его бѣжитъ,
И зеленѣющая влага
Предъ нимъ и блещетъ и шумитъ
Вокругъ утесовъ Аю-дага....

---

6. Цыганы.

(1824).

Программа поэмы набросана еще въ январѣ 1824 года: „Алеко и Маріанна. Признаніе, убійство, изгнаніе". Тогда же и начата поэма, оконченная 10 октября 1824 г. среди строфъ третьей главы „Евгенія Онѣгина". Тогда же приготовлены эпиграфы Пушкина для „Цыганъ". Эти эпиграфы уже охватываютъ существенное въ поэмѣ. Первый—сначала предназначенный для „К. плѣнника" („Подъ бурей рока—твердый камень. Въ волненьяхъ страсти—легкій листъ"), болѣе подходящій къ „Цыганамъ", нежели къ „К. плѣннику"; второй—слова изъ молдаванской пѣсни: „Мы люди смирные, дѣвы наши любятъ волю—что тебѣ дѣлать у насъ?"

Хотя главное лицо этой поэмы и носитъ черты героевъ Байроновскихъ, но освѣщены онѣ здѣсь уже самостоятельно. Позаимствовавъ внѣшнюю обстановку изображаемаго событія изъ личныхъ путевыхъ впечатлѣній, а именно воспользовавшись воспоминаніями о собственной поѣздкѣ изъ Кишинева въ Измаилъ по Буджацкой степи, гдѣ онъ нѣкоторое время сопровождалъ цыганскій таборъ, и именемъ героя Алеко намекнувъ на свое имя,—Пушкинъ тѣмъ не менѣе на сей разъ далекъ отъ того, чтобы, подобно Байрону, слиться съ своимъ героемъ. Напротивъ: Алеко надо признать первымъ удачнымъ характеромъ, который предсталъ предъ фантазіей поэта, какъ лицо живое, дѣйствующее согласно вложенному въ него характеру независимо отъ личнаго настроенія автора. Созданіе Алеко тѣмъ болѣе важно въ послѣдовательномъ ходѣ поэтическаго творчества Пушкина, что онъ есть лицо, первоначально проявляющее тѣ чувства, которыя волновали и собственное сердце Пушкина въ отвѣтъ Байрону и были вложены въ героя „Кавказкаго плѣнника". Будучи введено въ дѣйствіе, изображенное правдиво и поставлено лицомъ къ лицу съ личностію цыганки, воспроизведенной даже чертами реальными, новый герой Пушкина долженъ былъ неминуемо раскрыть съ большею полнотою свой характеръ, выйти изъ той дымки, которою пріучилъ его Байронъ облекать лиро-эпическія фигуры. Онъ увидѣлъ, что на сей разъ его герой долженъ дѣйствовать согласно условіямъ дѣйствительности, а не причудливаго личнаго настроенія поэта. Поэтъ свободно пустилъ его въ дѣйствіе. А дѣйствіе выбрано изъ тѣхъ, которыя такъ любилъ изображать его книжный образецъ: удаленіе разочарованнаго гражданственностію европейца въ среду народа свѣжаго, первобытнаго. Чув-

ство художественной правды побудило Пушкина освободить эту первобытную среду отъ ложныхъ красокъ. Среди такой дѣйствительности не могъ уже и герой не облечься въ плоть живого человѣка, насколько то возможно въ краткихъ чертахъ поэмы.

Процессъ самостоятельнаго творчества въ Пушкинѣ совершился. Сказалось освобожденіе отъ тяготѣвшаго надъ нимъ поэта, который такъ любилъ устраивать своимъ героямъ такую обстановку гдѣ они рисовались только съ одной стороны, отражая волненія его собственнаго сердца; который такъ краснорѣчиво говорилъ самъ устами своихъ героевъ, не давая имъ свободы дѣйствовать. Герой Пушкина, столь схожій съ этими героями въ общемъ настроеніи свободно введенъ въ дѣйствіе, и оно съ безпощадною послѣдовательностію раскрыло всю душу героя и произнесло надъ нимъ свой судъ. Путемъ самобытнаго творчества обнаружилось внутреннее противорѣчіе въ основной идеѣ байронизма: глухое недовольство людьми, презрѣніе къ нимъ и вызовъ имъ при неимѣніи никакой иной опоры, кромѣ безграничной энергіи и неяснаго чувства правды.

Замѣчательнѣе всего то, что у Пушкина это вышло само собою, безъ всякаго предвзятаго намѣренія. Доказательстомъ тому служитъ заключеніе эпилога поэмы (ст. 23—30), гдѣ во всей наивности самъ поэтъ приписываетъ изображенную въ поэмѣ катастрофу „роковымъ страстямъ“, отъ которыхъ, какъ отъ судьбы, не охранены и „бѣдные сыны природы“. Поэтъ словно не придаетъ никакого значенія тому, что въ раздранные шатры этихъ сыновъ природы бѣду принесъ Алеко, сынъ иной среды. Такъ далекъ поэтъ отъ всякой тенденціи. Судъ надъ Алеко сказался устами стараго цыгана, третьяго живого лица этой поэмы, и въ художественномъ сопоставленіи съ Овидіемъ, который оставилъ по себѣ такую добрую память среди дикарей, полюбившихъ его младенчески-кроткую и идеально настроенную душу. Не слѣдуетъ упускать изъ виду этого сопоставленія.

Ни одно произведеніе Пушкина ни прежде, ни послѣ не производило такого впечатлѣнія на публику, какъ „Цыганы“. Еще ранѣе появленія своего въ печати (1827) они въ безчисленныхъ копіяхъ разошлись по всему читающему міру нашему [1]).

„Нынѣ разсматриваемая поэма или повѣсть, какъ хотите назвать ее“, писалъ кн. Вяземскій (1827) о „Цыганахъ“, „есть пока, безъ сомнѣнія, лучшее созданіе Пушкина, по крайней мѣрѣ изъ напечатаннаго... Она составлена изъ отдѣльныхъ явленій, то описательныхъ, то повѣствовательныхъ, то драматическихъ, не хранящихъ математической послѣдовательности, но представляющихъ нравственное развитіе, въ которомъ части соглашены правильно и гармонически... Въ грунтѣ картины изображается таборъ южныхъ цыганъ со всею причудливостью ихъ отличительныхъ красокъ, поэтическою дикостью ихъ обычаевъ и промысловъ и независимостью нравовъ... Два лица выдаются впередъ изъ сей толпы странной и живописной: Земфира, молодая цыганка, и старый отецъ ея. Среди сихъ дѣтей природы независимой и дикой, является третье лицо: гражданинъ общества и добровольный изгнанникъ его, недовольный питомецъ образованности, или худо понявшій ее, или неудовлетворенный

---

1) „Матеріалы“ Анненкова, 124.

въ упованіяхъ на ея могущество, однимъ словомъ—прототипъ поколѣнія нашего; лицо не условное... перенесенное изъ общества въ новѣйшую поэзію, а не изъ поэзіи выведенное въ общество, какъ многіе полагаютъ. Любовь къ Земфирѣ, своевольная прелесть, которую находитъ онъ въ независимомъ житьѣ-бытьѣ ихъ общества, тягость отъ повинностей образованнаго общежитія, пресыщенія отъ опостылѣвшихъ ему удовольствій свѣтскихъ, удерживаютъ его при таборѣ и водворяютъ въ новую жизнь. Но укрывшійся отъ общества не укрылся онъ отъ самого себя; съ измѣненіемъ рода жизни не измѣнился онъ нравственно и перенесъ въ новую стихію страсти свои и страданія, за ними слѣдующія... Недовѣрчивость и самолюбіе возмутили спокойствіе души, на минуту прояснившейся и освобожденной отъ прежнихъ впечатлѣній: ревность и обманутое самолюбіе ввергли его въ преступленіе... Общество, усыновившее пришельца, и отецъ Земфиры удаляются отъ него и, не удовлетворивъ мести, предаютъ его собственнымъ мученіямъ и волѣ Промысла. Вотъ сущность поэмы... Каждое изъ трехъ лицъ очерчено вѣрною кистью мѣткою и широкою. Легкомысленная, своевольная Земфира; отецъ ея, безстрастный равнодушный зритель игры страстей..; Алеко непокорный данникъ гражданскихъ обязанностей, но не безкорыстный въ любви и независимости, которой предался онъ въ порывѣ и раздраженіи...—всѣ они выведены поэтомъ въ подобающемъ имъ очертаніи и свѣтѣ, съ свойственными каждому мнѣніями, рѣчами, движеніями... Двѣ картины цыганской природы, подъ которыми Орловскій [2]) смѣло подписалъ бы имя свое. Живопись не можетъ быть ни удовлетворительнѣе, ни, такъ сказать, осязательнѣе. Послѣ сихъ двухъ сценъ положительныхъ, въ которыхъ краски почерпнуты изъ природы видимой, слѣдуетъ и очень кстати, сцена болѣе идеальная, но не менѣе истинная, хотя истина въ ней и отвлеченная. Читая ее, нечувствительно готовишься къ бѣдствіямъ, которыя постигнутъ Алеко и отразятся на общество, его пріявшее. Вводные стихи о птичкѣ, которые поэтъ съ искусствомъ составилъ по другому размѣру и бросилъ какъ иносказаніе, свойственное поэзіи нашихъ народныхъ пѣсенъ, придаютъ этому отрывку какую-то неопредѣленность, совершенно соотвѣтственную мысли, господствующей въ немъ... По мнѣнію нѣкоторыхъ, эпизодъ Овидія, вставленный въ четвертой сценѣ, не у мѣста и не приличенъ устамъ цыгана. Мы съ этимъ несогласны. Почему преданію объ Овидіи не храниться всенародно въ краю, куда онъ, по всей вѣроятности, былъ сосланъ? Къ тому же бриллiантъ высокой цѣны, кажется, вездѣ у мѣста... Сцена извѣстной пѣсни: „Старый мужъ, грозный мужъ“, возникающая ревность Алеко и спокойное воспоминаніе о сей пѣснѣ, давно сложенной, старика, который безъ участія, безъ вниманія смотритъ на жестокое, но уже для него непонятное волненіе разыгрывающихся страстей; безчувственность старика, въ которомъ одна только память еще способна принимать впечатлѣнія; ужасная ночная сцена сновидѣній Алеко; тоска и страхъ Земфиры, разговоръ ея съ отцомъ, разговоръ съ Алеко, и кипящія выходки послѣдняго... все это исполнено жизни, силы, вѣрности необычайныхъ. Слѣдуя своему поэтическому crescendo поэтъ въ послѣдней главѣ превзошелъ себя. Обрядъ погребенія, слова старика, прощающагося съ нимъ все это дышитъ величественною, простотою, истиною, т. е. возвышенною поэзіею“

---

[2]) Орловскій—извѣстный живописецъ.

Къ періоду страннической жизни поэта", писалъ Плетневъ (1838), „относится небольшое сочиненіе, названное имъ: „Цыганы". Оно изумило всѣхъ отчетливостію созданія, простотою дѣйствія и языкомъ, до такой степени обрѣзаннымъ[2]) и точнымъ, что едва ли найдется во всемъ произведеніи эпитетъ или слово, которое бы показало усиліе художника. Форма изложенія этой поэмы, счастливо выдержанная, заставила автора сознать въ душѣ его присутствіе драматическаго таланта — и это обратило мысли его на „Бориса Годунова".

„Поэма заключаетъ въ себѣ глубокую идею", писалъ Бѣлинскій (1844), „которая большинствомъ была совсѣмъ не понята... Алеко погубила одна страсть, и эта страсть—эгоизмъ. Прослѣдите за Алеко въ развитіи цѣлой поэмы, и вы увидите, что мы правы. Приведя встрѣченнаго за холмомъ, подлѣ цыганскаго табора Алеко, Земфира говоритъ своему отцу между прочимъ:

Онъ хочетъ быть, какъ мы, цыганомъ;
Его преслѣдуетъ законъ.

„Въ этихъ словахъ Алеко является еще только таинственнымъ загадочнымъ лицомъ, не болѣе; для безпристрастной наблюдательности онъ еще не можетъ показаться ни преступникомъ вслѣдствіе эгоизма, ни жертвою несправедливаго гоненія. Но вотъ таборъ снялся; Алеко уныло смотритъ на опустѣлое поле и не смѣетъ растолковать себѣ тайной причины своей грусти. Онъ, наконецъ, воленъ, какъ Божія птичка, солнце весело блещетъ надъ его головою: о чемъ же его тоска? Поэтъ пророчитъ ему, что страсти, нѣкогда такъ свирѣпо игравшія имъ, только на время присмирѣли въ его измученной груди, и что скоро онѣ снова проснутся... Опять страсти! но какія же? А вотъ увидимъ...

Можетъ быть, Алеко только внѣшнимъ образомъ, по чувству досады, разорвалъ связи съ образованнымъ обществомъ, и ему тяжка исполненная лишеній, дикая воля бѣднаго бродящаго племени, ибо, какъ мудро замѣтилъ ему старый цыганъ:

...Не всегда мила свобода
Тому, кто къ нѣгѣ пріученъ.

Нѣтъ! черноокая Земфира заставила его полюбить эту жизнь, въ которой

Все скудно, дико, все нестройно;
Но все такъ живо, неспокойно,
Такъ чуждо мертвыхъ нашихъ нѣгъ,
Такъ чуждо этой жизни праздной,
Какъ пѣснь рабовъ, однообразной.

И когда Земфира спросила его, не жалѣетъ ли онъ о томъ, что навсегда бросилъ,—Алеко отвѣчаетъ:

О чемъ жалѣть? Когда бъ ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душныхъ городовъ!
Тамъ люди въ кучахъ, за оградой
Не дышатъ утренней прохладой,
Ни вешнимъ запахомъ луговъ,
Любви стыдятся, мысли гонятъ,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ да цѣпей.
Что бросилъ я? Измѣнъ волненье,
Предразсужденій приговоръ,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позоръ.

---

[2]) т.-е. сжатымъ.

„Какой энергическій, полный мощнаго негодованія голосъ! Какая пламенная, вся проникнутая благороднымъ паѳосомъ рѣчь! Съ какою неотразимою силою увлекаетъ душу это обвинительное слово! Вы видите въ немъ мученика высшихъ, недоступныхъ толпѣ откровеній... Какъ высоко стоитъ онъ надъ этою презрѣнною толпою, которую такъ нещадно поражаетъ громомъ своего благороднаго негодованія!... Но здѣсь-то и скрывается великій урокъ для оцѣнки истиннаго достоинства; здѣсь-то можно видѣть, какъ легко быть героемъ на счетъ чужихъ пороковъ, заблужденій и слабостей, и какъ мудрено быть героемъ на свой собственный счетъ,—какъ всякаго должно судить не по однимъ словамъ его, но если по словамъ, то не иначе, какъ подтвержденнымъ дѣлами. Изречь энергическое, полное благороднаго негодованія проклятіе, не только на какое-нибудь общество или какой-нибудь народъ, но и на цѣлое человѣчество гораздо легче, нежели самому поступить справедливо въ собственномъ своемъ дѣлѣ. И потому изрекать анаѳему такъ же не всякій имѣетъ право, какъ и изрекать благословеніе: это могутъ только пріявшіе свыше власть и посвященіе. Какъ поучать другихъ имѣетъ право только знающій самъ то, чему берется поучать,—такъ предписывать другимъ пути практической мудрости и справедливости можетъ только тотъ, кто самъ уже твердою стопою привыкъ ходить по этимъ путямъ.

Вотъ почему необходимо должно обращать вниманіе не только на то, дѣйствительно ли истинно сказанное, но и на то, кѣмъ оно сказано. По этой же причинѣ, въ устахъ призванныхъ и посвященныхъ, иногда и старыя истины получаютъ новую форму и новую силу убѣжденія, какъ будто бы онѣ были сказаны въ первый разъ; а въ устахъ людей, самовольно принимающихъ на себя обязанность учителей, иногда и новыя, оригинально выраженныя мысли пропадаютъ безъ дѣйствія, какъ будто истертыя общія мѣста...

„Обратимся къ Алеко. Наконецъ доходитъ дѣло и до страстей, появленіе которыхъ поэтъ такъ значительно, такимъ угрожающимъ образомъ предсказывалъ. Сердцемъ Алеко одолѣваетъ ревность...

„Отвращеніе возбуждаютъ слова Алеко въ отвѣтъ на простодушный, трогательный и поэтическій разсказъ стараго цыгана о Маріулѣ:

Да какъ же ты не поспѣшилъ
Тотчасъ вослѣдъ неблагодарной,
И хищнику и ей коварной
Кинжала въ сердцѣ не вонзилъ?

Итакъ, вотъ онъ—страдалецъ за униженное человѣческое достоинство, человѣкъ, который презрѣлъ предразсудки образованной общественности и нашелъ счастіе въ цыганскомъ таборѣ!... Турокъ въ душѣ, онъ считалъ себя впереди цѣлой Европы на пути къ цивилизованному уваженію правъ личности!.. И какъ великъ, какъ истинно (т.-е. внутренно, духовно) свободенъ предъ нимъ старый цыганъ, этотъ сынъ природы, бѣдности, не знающій въ простотѣ сердца никакихъ теорій нравственности! Сколько поэзіи и истины въ его короткомъ, благодушномъ отвѣтѣ Алеко:

Къ чему? вольнѣе птицы младость.
Кто въ силахъ удержать любовь?
Чредою всѣмъ дается радость:
Что было, то не будетъ вновь!

Отвѣтъ Алеко на эти полныя любви и правдивости слова стараго цыгана окончательно и вполнѣ раскрываетъ тайну его характера:

Я не таковъ. Нѣтъ, я не споря,
Отъ правъ моихъ не откажусь
Или хоть мщеньемъ наслажусь,
О, нѣтъ! когда бъ надъ бездной моря
Нашелъ я спящаго врага,
Клянусь, и тутъ моя нога
Не пощадила бы злодѣя;
Я въ волны моря, не блѣднѣя,
И беззащитнаго бъ толкнулъ;
Внезапный ужасъ пробужденья
Свирѣпымъ смѣхомъ упрекнулъ,
И долго мнѣ его паденья
Смѣшонъ и сладокъ былъ бы гулъ.

„Изъ этихъ словъ видно, что никакая могучая идея не владѣла душою Алеко, но что всѣ его мысли и чувства и дѣйствія вытекли, во-первыхъ, изъ сознанія своего превосходства надъ толпою, состоящаго въ умѣ болѣе блестящемъ и созерцательномъ, чѣмъ глубокомъ и дѣятельномъ; во-вторыхъ, изъ чудовищнаго эгоизма, который гордъ самимъ собою, какъ добродѣтелью.

„Скажутъ, что созданіе такого лица не дѣлаетъ чести поэту, тѣмъ болѣе, что онъ явно хотѣлъ сдѣлать изъ него не столько преступнаго, сколько несчастнаго, увлеченнаго судьбою человѣка. Дѣйствительно, это было бы такъ, еслибъ поэтъ не противопоставилъ стараго цыгана лицу Алеко, можетъ быть, безсознательно повинуясь тайной внутренней логикѣ непосредственнаго творчества. И потому идею поэмы „Цыганы" должно искать не въ одномъ лицѣ, а тѣмъ менѣе только въ лицѣ Алеко, но въ общности поэмы. Алеко является въ поэмѣ Пушкина какъ бы для того только, чтобъ представить намъ страшный, поразительный урокъ нравственности. Его противорѣчіе съ самимъ собою было причиною его гибели,—и онъ такъ жестоко наказанъ оскорбленнымъ имъ закономъ нравственности, что чувство наше, несмотря на великость преступленія, примиряется съ преступникомъ. Алеко не убиваетъ себя; онъ остается живъ,—и это рѣшеніе дѣйствуетъ на душу читателя сильнѣе всякой кровавой катастрофы. Поэтическое сравненіе Алеко съ подстрѣленнымъ журавлемъ, печально остающимся на полѣ, въ то время, когда станица весело поднимается на воздухъ, чтобы летѣть къ благословеннымъ краямъ юга, выше всякой трагической сцены. Сидя на камнѣ, окровавленный, съ ножомъ въ рукахъ, „блѣдный лицомъ", Алеко молчитъ, но его молчаніе краснорѣчиво: въ немъ слышится нѣмое признаніе справедливости постигшей его кары, и можетъ быть, съ этой самой минуты въ Алеко звѣрь уже умеръ, а человѣкъ воскресъ...

„Вы скажете: слишкомъ поздно. Что жъ дѣлать! такова, видно, натура этого человѣка, что она могла возвыситься до очеловѣченія только цѣною страшнаго преступленія и страшной за то кары... Не будемъ строги въ судѣ надъ павшимъ и наказаннымъ, а лучше тѣмъ строже будемъ къ самимъ себѣ, пока мы еще не пали, а заранѣе воспользуемся великимъ урокомъ. Если бъ Алеко устоялъ въ гордости своего мщенія, мы не помирились бы съ нимъ: ибо видѣли бы въ немъ все того же звѣря, какимъ онъ былъ прежде. Но онъ призналъ заслуженность своей кары,—и мы должны видѣть въ немъ человѣка.

„Убитая чета уже въ землѣ.

. . . . . Когда же ихъ закрыли
Послѣдней горстію земной,
Онъ молча, медленно склонился
И съ камня на траву свалился.

„Какое простое и сильное въ благородной простотѣ своей изображеніе самой лютой, самой безотрадной муки! Какъ хороши въ немъ два послѣдніе стиха, на которые такъ нападали критики того времени, какъ на стихи вялые и прозаическіе (кн. Вяземскій)! Гдѣ-то было даже напечатано, что разъ Пушкинъ имѣлъ горячій споръ съ кѣмъ-то изъ своихъ друзей за эти два стиха и наконецъ вскричалъ: „Я долженъ былъ такъ выразиться, я не могъ иначе выразиться!" Черта, обличающая великаго художника!

„Но довольно объ Алеко; обратимся къ старому цыгану. Это одно изъ такихъ лицъ, созданіемъ которыхъ можетъ гордиться всякая литература. Есть въ этомъ цыганѣ что-то патріархальное. У него нѣтъ мыслей: онъ мыслитъ чувствомъ,—и какъ истинны, глубоки, человѣчны его чувства! Языкъ его исполненъ поэзіи. Въ тонѣ его рѣчи столько простоты, наивности, достоинства, самоотрицанія (résignation), кротости, теплости и елейности. И какъ вѣренъ онъ себѣ во всемъ,—тогда ли, какъ разсказываетъ своимъ простодушнымъ и поэтическимъ языкомъ преданіе объ Овидіи, или когда, въ исполненной дикаго огня, дикой страсти и дикой поэзіи пѣснѣ Земфиры припоминаетъ стараго друга: или когда, утѣшая Алеко въ охлажденіи Земфиры, по своему, но такъ вѣрно и истинно объясняетъ ему натуру и права женскаго сердца и разсказываетъ трогательную повѣсть о самомъ себѣ, о своей любви къ Маріулѣ и ея измѣнѣ, которую онъ, въ своей цыганской простотѣ... нашелъ совершенно законною... Но въ сценѣ похоронъ и прощанія съ Алеко онъ является, самъ того не подзрѣвая въ своей цыганской дикости, въ истинно-трагическомъ величіи и кратко изрекаетъ несчастному ужасный приговоръ и великія истины:

„Оставь насъ, гордый человѣкъ!
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
Мы не терзаемъ, не казнимъ,
Не нужно крови намъ и стоновъ;
Но жить съ убійцей не хотимъ.
Ты не рожденъ для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасенъ намъ твой будетъ гласъ.
Мы робки и добры душою,
Ты золъ и смѣлъ; оставь же насъ,
Прости! да будетъ миръ съ тобою".

Замѣтьте этотъ стихъ: „Ты для себя лишь хочешь воли":—въ немъ весь смыслъ поэмы, ключъ къ ея основной идеѣ. Послѣ этого можно ли сомнѣваться въ глубоконравственномъ характерѣ поэмы?

„Сколько „Цыганы" выше предшествовавшихъ поэмъ Пушкина по ихъ мысли, столько выше они ихъ и по концепировкѣ характеровъ, по развитію дѣйствія и по художественной отдѣлкѣ. Нельзя сказать, чтобъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ поэма не отзывалась еще чѣмъ-то... не то, чтобъ незрѣлымъ, но чѣмъто не совсѣмъ дозрѣлымъ. Такъ, напримѣръ, характеръ Алеко и сцена убійства Земфиры и молодого цыгана, несмотря на все ихъ достоинство, отзываются нѣсколько мелодраматическимъ колоритомъ, и вообще въ отдѣлкѣ всей поэмы не достаетъ твердости и увѣренности кисти, какъ въ тѣхъ картинахъ, въ которыхъ краски еще не дошли до той степени совершенства, чтобъ совсѣмъ походить на краски, что составляетъ величайшее торжество живописи, какъ художества.

„По всему сказанному мы относимъ „Цыганъ" къ числу поэмъ, въ которыхъ видна только близость, но еще не достиженіе высокой степени художественнаго совершенства.

„Намъ не разъ случалось слышать нападки на эпизодъ объ Овидіи, какъ неумѣстный въ поэмѣ и неестественный въ устахъ цыгана. Признаемся: по

нашему мнѣнію, трудно выдумать что-нибудь нелѣпѣе подобнаго упрека. Старый цыганъ разсказываетъ, въ поэмѣ Пушкина, не исторію, а преданіе, и не о поэтѣ римскомъ (цыганъ ничего не смыслитъ ни о поэтахъ, ни о римлянахъ), но о какомъ-то святомъ старикѣ, который былъ „младъ и живъ незлобною душою, имѣлъ дивный даръ пѣсенъ и подобный шуму водъ голосъ". Сверхъ того, „Цыганы" Пушкина—не романъ и не повѣсть, но поэма; а есть большая разница между романомъ и повѣстью и поэмою. Поэма рисуетъ идеальную дѣйствительность и схватываетъ жизнь въ ея высшихъ моментахъ. Таковы поэмы Байрона и порожденныя ими поэмы Пушкина. Романъ и повѣсть, напротивъ, изображаютъ жизнь во всей ея прозаической дѣйствительности, независимо отъ того, стихами ими прозою они пишутся. И потому „Евгеній Онѣгинъ" есть романъ въ стихахъ, но не поэма: „Графъ Нулинъ"—повѣсть въ стихахъ, но не поэма, Въ „Онѣгинѣ" и „Нулинѣ" мы видимъ лица дѣйствительныя и севременныя намъ; въ „Цыганахъ" всѣ лица идеальныя, какъ эти греческія изваянія, которыхъ открытые глаза не блещутъ цвѣтомъ очей, ибо они одного цвѣта съ лицомъ: такъ же мраморны или мѣдяны, какъ и лицо. Такимъ образомъ, эпизодъ въ родѣ разсказа стараго цыгана объ Овидіи, въ „Цыганахъ", какъ поэмѣ, столь же возможенъ, естественъ и умѣстенъ, сколько былъ бы онъ страненъ и смѣшонъ въ „Онѣгинѣ", или „Нулинѣ", хотя бы онъ былъ вложенъ въ уста тому или другому герою той или другой повѣсти. И что бы ни говорили о неумѣстности этого эпизода непризванные критики, — ихъ толки будутъ свидѣтельствовать только о безвкусіи и мелочности ихъ взгляда на искусство. Эпизодъ объ Овидіи заключаетъ въ себѣ гораздо больше поэзіи, нежели сколько можно найти ея во всей русской литературѣ до Пушкина.

„Какъ забавную черту о критическомъ духѣ того времени, когда вышли „Цыганы", извлекаемъ изъ записокъ Пушкина слѣдующее мѣсто: „О Цыганахъ одна дама замѣтила, что во всей поэмѣ одинъ только честный человѣкъ, и то медвѣдь. Покойный Рылѣевъ негодовалъ, зачѣмъ Алеко водитъ медвѣдя и еще собираетъ деньги съ глазѣющей публики. Вяземскій повторилъ то же замѣчаніе (Рылѣевъ просилъ меня сдѣлать изъ Алеко хотя кузнеца, что было не въ примѣръ благороднѣе). Всего бы лучше сдѣлать изъ него чиновника, или помѣщика, а не цыгана. Въ такомъ случаѣ, правда, не было бы и всей поэмы: ma tanto meglio". Вотъ при какой публикѣ явился и дѣйствовалъ Пушкинъ! На это обстоятельство нельзя не обращать вниманія при оцѣнкѣ заслугъ Пушкина. — „Цыганы" были первымъ усиліемъ, первою попыткою Пушкина создать что-нибудь важное и зрѣлое какъ по идеѣ, такъ и по исполненію. Мы показали, до какой степени удалось ему это. „Цыганы" оставили далеко за собою все написанное имъ прежде, обнаруживъ въ поэтѣ великія силы; но въ то же время въ этой поэмѣ виденъ только могучій порывъ къ истинно художественному творчеству, но еще не полное достиженіе желанной цѣли стремленія".

Г. Анненковъ (1873) замѣчаетъ, что „Цыганы" и „Евгеній Онѣгинъ" имѣютъ право на названіе поэмъ-близнецовъ, потому что писались въ одно время, чередуясь на столѣ автора по настроенію его духа. Какъ ни различны онѣ по основнымъ своимъ мотивамъ и по характеру своихъ представителей. Пушкинъ велъ это двойное и разнородное дѣло совершенно вровень и ритомъ съ неостывающимъ воодушевленіемъ"...

„Цыганы“, продолжаетъ г. Анненковъ, „въ противоположность съ реальнымъ „Онѣгинымъ“, съ жизненнымъ, бытовымъ оттѣнкомъ его картинъ и характеровъ, представляетъ высшее и самое пышное цвѣтеніе русскаго романтизма, успѣвшаго овладѣть теперь и поэтически-философской темой... Публикѣ нашей, благодаря знакомству ея съ Руссо [4]), да и съ самимъ Байрономъ, не было новостію противопоставленіе образованнаго человѣка человѣку полудикаго патріархальнаго быта. Совершенной новостію было для нея только то, что сдѣлалъ изъ этого противопоставленія Пушкинъ. Алеко... представлялъ намекъ на очень любопытный типъ. Свободный мыслитель и потомъ ненавистникъ формъ цивилизаціи, разорвавшей всѣ связи съ обществомъ и его историческимъ положеніемъ, но не уничтожившій въ себѣ самомъ того количества злобы, эгоизма и испорченности, которое они отложили въ его душѣ: таковъ былъ намекъ. Алеко ищетъ успокоеніе въ средѣ бѣднаго цыганскаго табора, куда спасается отъ городовъ и столицъ, но вмѣсто того предательски вноситъ къ нему всѣ страсти ихъ, присоединяя еще и кровавое преступленіе. Алеко есть олицетворенная политическая несостоятельность и нравственная пустота при громадныхъ претензіяхъ и сильномъ умственномъ развитіи—вотъ что было оригинально и ново въ поэмѣ, и что было почувствовано публикой. У Пушкина существовали попытки къ большему опредѣленію, подробнѣйшей обрисовкѣ Алеко, но исчезали, совершенно позабытыя авторомъ въ своихъ бумагахъ. Такъ монологъ Алеко при рожденіи ему сына Земфирой пролежалъ въ его бумагахъ до 1857 г., когда мы впервые сообщили его публикѣ [5]), а между тѣмъ онъ именно составляетъ часть несостоявшейся обдѣлки, какую авторъ хотѣлъ сообщить характеру героя“.

Мериме [6]) также ставитъ „Цыганъ“ очень высоко. „Это — рядъ эпическихъ отрывковъ и драматическихъ діалоговъ, слѣдующихъ другъ за другомъ, повидимому безъ строгой связи и по временамъ пересыпанныхъ лирическими отступленіями, а между тѣмъ стихи такъ крѣпко держатся другъ за друга, что ни одного изъ нихъ нельзя выбросить, не нарушивъ общей гармоніи. Все здѣсь чрезвычайно просто и естественно... Развязку поэмы Мериме считаетъ грандіозной: ужасъ цыганъ, бѣгущихъ отъ убійцы и оставляющихъ его одного въ степи, ужаснѣе самаго утонченнаго мщенія. „Вообще“, замѣчаетъ Мериме, „Цыганы“, по моему мнѣнію, представляютъ самый точный образецъ поэтической манеры Пушкина. Простота фабулы, искусный выборъ деталей, поражающая трезвость и правда исполненія—вотъ основныя черты этой поэмы. Невозможно выразить по-французски всю сжатость пушкинскаго стиха. Образы у него только намѣчены, а не развиты, и съ чисто греческимъ искусствомъ онъ направляетъ на ту или другую подробность вниманіе читателя“.

„Въ типѣ Алеко“, писалъ Ѳ. М. Достоевскій (1880), „сказывается уже сильная и глубокая, совершенно русская мысль, выраженная потомъ въ такой гармонической полнотѣ въ „Онѣгинѣ“, гдѣ почти тотъ же Алеко является уже не въ фантастическомъ свѣтѣ, а въ осязательно-реальномъ и понятномъ видѣ. Въ Алеко Пушкинъ уже отыскалъ и геніально отмѣтилъ того несчастнаго ски-

---

[4]) См. „Избр. соч. Карамзина“, стр. 435.—[5]) См. ниже, вслѣдъ за поэмою, стр. 128.—[6]) См. стр. 6, вып. 10.

тальца въ родной землѣ, того историческаго русскаго страдальца, столь исторически необходимо явившагося въ оторванномъ отъ народа обществѣ нашемъ. Отыскалъ же онъ его, конечно, не у Байрона только. Типъ этотъ вѣрный и схваченъ безошибочно, типъ постоянный и надолго у насъ, въ нашей русской землѣ поселившійся. Эти русскіе бездомные скитальцы продолжаютъ и до сихъ поръ свое скитальчество, и еще долго, кажется, не исчезнутъ... Всѣхъ въ свое время то же ожидаетъ, если не выйдутъ на спасительную дорогу общенія съ народомъ. Да пусть и не всѣхъ ожидаетъ это: довольно лишь „избранныхъ“, довольно лишь десятой доли забезпокоившихся, чтобъ и остальному огромному большинству не видать чрезъ нихъ покоя. Алеко, конечно, еще не умѣетъ правильно высказать тоски своей: у него все это какъ-то еще отвлеченно; у него лишь тоска по природѣ, жалоба на свѣтское общество, міровыя стремленія, плачъ о потерянной гдѣ-то и кѣмъ-то правдѣ, которую онъ никакъ отыскать не можетъ. Тутъ есть немножко Жанъ-Жака Руссо. Въ чемъ эта правда, гдѣ и въ чемъ она могла бы явиться и когда именно потеряна, конечно онъ и самъ не скажетъ, но страдаетъ онъ искренно. Фантастическій и нетерпѣливый человѣкъ этотъ жаждетъ спасенія пока лишь преимущественно отъ явленій внѣшнихъ; да такъ и быть должно: „правда, дескать, гдѣ-то внѣ его, можетъ быть гдѣ-то въ другихъ земляхъ, европейскихъ, напримѣръ, съ ихъ твердымъ историческимъ строемъ, съ ихъ установившеюся общественною и гражданскою жизнью“. И никогда-то онъ не пойметъ, что правда прежде всего внутри его самого; да и какъ ему понять это? онъ вѣдь въ своей землѣ самъ не свой; онъ уже цѣлымъ вѣкомъ отученъ отъ труда, не имѣетъ культуры, росъ, какъ институтка, въ закрытыхъ стѣнахъ, обязанности исполнялъ странныя и безотчетныя по мѣрѣ принадлежности къ тому или другому изъ четырнадцати классовъ, на которые раздѣлено образованное русское общество. Онъ пока всего только—оторванная и носящаяся по воздуху былинка. И онъ это чувствуетъ и этимъ страдаетъ, и часто такъ мучительно! И что же оказывается? При первомъ столкновеніи своемъ съ условіями дикой природы онъ не выдерживаетъ и обагряетъ свои руки кровью. Не только для міровой гармоніи, но даже и для цыганъ не пригодился несчастный мечтатель, и они выгоняютъ его—безъ отмщенія, безъ злобы, величаво и простодушно:

Оставь насъ, гордый человѣкъ;
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ;
Мы не терзаемъ, не казнимъ.

Все это, конечно, фантастично, но гордый-то человѣкъ реаленъ и мѣтко схваченъ. Въ первый разъ схваченъ онъ у насъ Пушкинымъ, и это надо запомнить... Тутъ уже подсказывается русское рѣшеніе вопроса по народной вѣрѣ и правдѣ. „Смирись, гордый человѣкъ, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человѣкъ, и прежде всего потрудись на родной нивѣ“—вотъ это рѣшеніе по народной правдѣ и народному разуму“. Не внѣ тебя правда, а въ тебѣ самомъ... Не въ вещахъ эта правда, не внѣ тебя и не за моремъ гдѣ-нибудь, а прежде всего въ твоемъ собственномъ трудѣ надъ собою. Побѣдишь себя, усмиришь себя—и станешь свободенъ, какъ никогда и не воображалъ себѣ, и начнешь великое дѣло, другихъ свободными сдѣлаешь, узришь счастіе: ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь, наконецъ, народъ свой и святую правду его. Не у цыганъ и нигдѣ міровая гармонія, если ты первый самъ ея недостоинъ, злобенъ и гордъ, и требуешь жизни даромъ, да-

же и не предполагая, что за нее надобно заплатить". Это рѣшеніе вопроса въ поэмѣ Пушкина уже сильно подсказано.

Такъ разъясненъ Достоевскимъ нравственный смыслъ поэмы, смыслъ произнесеннаго Пушкинымъ суда надъ своимъ героемъ, начавшимъ жизнь подъ обаяніемъ байроновскаго довѣрія къ превосходству только своего личнаго стремленія къ правдѣ, созданной порывами личной неудержимой фантазіи, предъявившей колоссальные запросы отъ всего человѣчества безъ истиннаго чувства любви къ нему, даже безъ вниманія къ нему, къ его трудамъ и страданіями съ высоты своего гордаго одиночества ему казалось, что страдаетъ только онъ одинъ, и онъ одинъ достоинъ состраданія. Пушкинъ уловилъ эту Ахиллесову пяту байронизма [7]). Въ „Евгеніи Онѣгинѣ" онъ прослѣдилъ его отраженіе въ русскомъ обществѣ: для того потребовалась уже форма романа.

---

[7]) **О поэзіи Байрона** въ нашей критикѣ полнѣе другихъ высказался Аполлонъ Григорьевъ. Вся поэзія Байрона, по его мнѣнію, есть мрачный, сильный и пламенный протестующій лиризмъ.

Байронъ возсталъ противъ условности окружавшей его дѣйствительности, противъ той благопристойной маски нравственности, подъ которой скрывались пороки людей, ни во что святое въ сущности не вѣровавшихъ и тайно боготворившихъ эгоизмъ.

Байронъ какъ бы призналъ человѣческую натуру подчиненною мрачнымъ сторонамъ души, темнымъ силамъ, и въ его произведеніяхъ безбожіе, эгоизмъ, сухая гордость въ отношеніи къ людямъ—все это являлось безъ маски, говоря міру: поклоняйся мнѣ откровенному, какъ ты доселѣ поклонялся мнѣ прикрытому. Но такъ какъ поэтическая натура Байрона не могла принять спокойно обоготвореніе эгоизма, то съ этой неправдой его поэзіи неразлучны тоска и иронія.

Въ этой тоскѣ и ироніи — великая сила Байрона, ибо онѣ — горестный плачъ объ утраченныхъ и не обрѣтаемыхъ идеалахъ; но эта тоска и иронія въ то же время и великая слабость Байрона, ибо онѣ обличаютъ отсутствіе нравственнаго, цѣлостнаго взгляда на жизнь.

И дѣйствительно, вся поэзія Байрона была лишь слѣпымъ протестомъ, лишеннымъ идеала, протестомъ противъ неправды, безъ сознанія правды.

Байронъ поэтъ отчаянія и сатанинскаго смѣха, но не поэтъ честнаго смѣха. Въ Байронѣ нѣтъ комизма, ибо комизмъ есть праведный судъ надъ уклонившеюся отъ идеала жизнью, казнь, совершаемая надъ нею *зрячимъ* художникомъ. Въ душѣ же Байрона, который не былъ въ силахъ помириться съ неправдою жизни, не было однако нравственнаго мѣрила. У него было одно орудіе—безпощадная ироническая казнь, обращенная и на самого себя, потому что и въ его душу въѣлась неправда, и онъ, какъ поэтъ, сознаетъ это искреннѣе и глубже другихъ. Байронъ казнитъ неправду, прикрытую ненавистной ему мишурной хламидой лицемѣрія, лишь посредствомъ другой вопіющей безнравственности. А тоска и иронія байронизма окружаютъ поэтическимъ ореоломъ тотъ же эгоизмъ.

На Байрона можно указать, какъ на печальный примѣръ разъединенія поэтическаго и нравственнаго созерцанія. Это разъединеніе лишило натуру поэта полноты и цѣлости, вслѣдствіе чего онъ остался только лирикомъ со всѣми своими стремленіями къ эпосу и драмѣ и не создалъ ни одного живого лица. Вслѣдствіе этого же раздвоенія поэзія Байрона однообразно и утомительно дѣйствуетъ на душу своей односторонней виртуозностію, своей напряженностію, переходящею часто въ неправду (эффекты въ изображенія, а въ приговорахъ—клевета на себя и человѣческую душу вообще).

Но Байронъ увлекалъ читателей не ложью и безнравственностію, а правдою своей поэзіи. Правда же его поэзіи— въ искренней чувствительности ко всякой лжи, въ искренности его ироніи и тоски, въ полномъ обладаніи нѣкоторыми струнами души человѣческой.

Отрывки изъ „Цыганъ“ появились впервые въ „Полярной Звѣздѣ“ и въ „Моск. Телеграфѣ“ 1825 г. (№ 11) и въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ 1826 г. Первое полное изданіе явилось въ Москвѣ 1827 г.

Цыганы шумною толпой
По Бессарабіи кочуютъ.
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ.
Какъ вольность веселъ ихъ ночлегъ
И мирный сонъ подъ небесами.
Между колесами телѣгъ,
Полузавѣшанныхъ коврами,
Горитъ огонь; семья кругомъ
Готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степей:
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ съ утромъ въ путь недальній,
И пѣсни женъ, и крикъ дѣтей,
И звонъ походной наковальни.
Но вотъ на таборъ кочевой
Нисходитъ сонное молчанье,
И слышно въ тишинѣ степной
Лишь лай собакъ, да коней ржанье.
Огни вездѣ погашены,
Спокойно все, луна сіяетъ
Одна съ небесной вышины
И тихій таборъ озаряетъ.
Въ шатрѣ одномъ старикъ не спитъ;
Онъ передъ углями сидитъ,
Согрѣтый ихъ послѣднимъ жаромъ,
И въ поле дальнее глядитъ,
Ночнымъ подернутое паромъ.
Его молоденькая дочь
Пошла гулять въ пустынномъ полѣ.
Она привыкла къ рѣзвой волѣ,
Она придетъ; но вотъ ужъ ночь,
И скоро мѣсяцъ ужъ покинетъ
Небесъ далекихъ облака;
Земфиры нѣтъ какъ нѣтъ, и стынетъ
Убогій ужинъ старика.

Но вотъ она. За нею слѣдомъ
По степи юноша спѣшитъ;
Цыгану вовсе онъ невѣдомъ.
„Отецъ мой“, дѣва говоритъ,
„Веду я гостя: за курганомъ
Его въ пустынѣ я нашла
И въ таборъ на ночь зазвала.
Онъ хочетъ быть, какъ мы, цыганомъ;
Его преслѣдуетъ законъ,
Но я ему подругой буду.
Его зовутъ Алеко; онъ
Готовъ идти за мною всюду“.

Старикъ.

Я радъ. Останься до утра
Подъ сѣнью нашего шатра,
Или пробудь у насъ и долѣ,
Какъ ты захочешь. Я готовъ
Съ тобой дѣлить и хлѣбъ, и кровъ.
Будь нашъ, привыкни къ нашей долѣ,
Бродящей бѣдности и волѣ;
А завтра съ утренней зарей
Въ одной телѣгѣ мы поѣдемъ;

Таково воззрѣніе А. Григорьева на поэзію Байрона. „Если Байронъ“, замѣчаетъ Бѣлинскій, „взвѣсилъ ужасъ и страданіе, если онъ постигъ и выразилъ только одну форму бытія вселенной, то онъ показалъ намъ только одну страницу онаго“... Это былъ поэтъ гордаго самимъ собою отчаянія“. „Онъ не достигъ до обѣтованной земли благодати, гдѣ открывается вѣчная истина, разрѣшаются въ гармонію всѣ диссонансы бытія“, замѣчаетъ Бѣлинскій въ другомъ мѣстѣ.

Примись за промыселъ любой:
Желѣзо куй иль пѣсни пой
И села обходи съ медвѣдемъ.

Алеко.

Я остаюсь.

Земфира.

Онъ будетъ мой!
Кто жъ отъ меня его отгонитъ?
Но поздно... мѣсяцъ молодой
Зашелъ, поля покрыты мглой,
И сонъ меня невольно клонитъ...

—

Свѣтло. Старикъ тихонько бродитъ
Вокругъ безмолвнаго шатра.
„Вставай, Земфира, солнце всходитъ;
Проснись, мой гость, пора, пора!
Оставьте, дѣти, ложе нѣги.“
И съ шумомъ высыпалъ народъ;
Шатры разобраны, телѣги
Готовы двинуться въ походъ;
Все вмѣстѣ тронулось—и вотъ
Толпа валитъ въ пустыхъ равнинахъ.
Ослы въ перекидныхъ корзинахъ
Дѣтей играющихъ несутъ;
Мужья и братья, жены, дѣвы,
И старъ и младъ во слѣдъ идутъ;
Крикъ, шумъ, цыганскіе припѣвы,
Медвѣдя ревъ, его цѣпей
Нетерпѣливое бряцанье,
Лохмотьевъ яркихъ пестрота,
Дѣтей и старцевъ нагота,
Собакъ и лай и завыванье,
Волынки говоръ, скрипъ телѣгъ—
Все скудно, дико, все нестройно,
Но все такъ живо, непокойно,
Такъ чуждо мертвыхъ нашихъ нѣгъ,
Такъ чуждо этой жизни праздной,
Какъ пѣснь рабовъ однообразной.

—

Уныло юноша глядѣлъ
На опустѣлую равнину
И грусти тайную причину
Истолковать себѣ не смѣлъ.
Съ нимъ черноокая Земфира.
Теперь онъ вольный житель міра,
И солнце весело надъ нимъ
Полуденной красою блещетъ;
Что жъ сердце юноши трепещетъ?
Какой заботой онъ томимъ?

Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда,
Хлопотливо не свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда;
Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ;
Солнце красное взойдетъ—
Птичка гласу Бога внемлетъ,
Встрепенется и поетъ.
За весной, красой природы,
Лѣто знойное пройдетъ—
И туманъ, и непогоды
Осень поздняя несетъ:
Людямъ скучно, людямъ горе;
Птичка въ дальнія страны,
Въ теплый край, за сине море
Улетаетъ до весны.

Подобно птичкѣ беззаботной
И онъ, изгнанникъ перелетный,
Гнѣзда надежнаго не зналъ
И ни къ чему не привыкалъ.
Ему вездѣ была дорога,
Вездѣ была ночлега сѣнь;
Проснувшись по утру, свой день
Онъ отдавалъ на волю Бога,
И жизни не могла тревога
Смутить его сердечну лѣнь.
Его, порой, волшебной славы
Манила дальняя звѣзда,
Нежданно роскошь и забавы
Къ нему являлись иногда;
Надъ одинокой головою

И громъ нерѣдко грохоталъ;
Но онъ безпечно подъ грозою
И въ ведро ясное дремалъ,
И жилъ, не признавая власти
Судьбы коварной и слѣпой;
Но Боже, какъ играли страсти
Его послушною душой!
Съ какимъ волненіемъ кипѣли
Въ его измученной груди!
Давно ль, на долго ль усмирѣли?
Онѣ проснутся: погоди.

—

Земфира.

Скажи, мой другъ, ты не жалѣешь
О томъ, что бросилъ навсегда?

Алеко.

Что жъ бросилъ я?

Земфира.

Ты разумѣешь:
Людей отчизны, города.

Алеко.

О чемъ жалѣть? Когда бъ ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душныхъ городовъ!
Тамъ люди въ кучкахъ за оградой
Не дышатъ утренней прохладой,
Ни вешнимъ запахомъ луговъ;
Любви стыдятся, мысли гонятъ,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ да цѣпей.
Что бросилъ я? Измѣнъ волненье,
Предразсужденій приговоръ,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позоръ.

Земфира.

Но тамъ огромныя палаты,
Тамъ разноцвѣтные ковры,
Тамъ игры, шумные пиры,
Уборы дѣвъ тамъ такъ богаты!

Алеко.

Что шумъ веселій городскихъ?
Гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ веселій;
А дѣвы... Какъ ты лучше ихъ
И безъ нарядовъ дорогихъ,
Безъ жемчуговъ, безъ ожерелій!
Не измѣнись, мой нѣжный другъ!
А я... одно мое желанье —
Съ тобой дѣлить любовь, досугъ
И добровольное изгнанье.

Старикъ.

Ты любишь насъ, хоть и рожденъ
Среди богатаго народа;
Но не всегда мила свобода
Тому, кто къ нѣгѣ пріученъ.
Межъ нами есть одно преданье:
Царемъ когда-то сосланъ былъ
Полудня житель къ намъ въ изгнанье
(Я прежде зналъ, но позабылъ
Его мудреное прозванье).
Онъ былъ уже лѣтами старъ,
Но младъ и живъ душой незлобной;
Имѣлъ онъ пѣсенъ дивный даръ
И голосъ, шуму водъ подобный [1]).
И полюбили всѣ его,
И жилъ онъ на брегахъ Дуная,
Не обижая [a] никого,
Людей разсказами плѣняя.

---

[a] Не оскорбляя (Сѣв. Цв. 1826).

---

[1]) Оригинальное сравненіе это свидѣтельствуетъ, что Пушкинъ обогащалъ свой поэтическій языкъ, читая Библію. Ср. Апокалипсисъ. Гл. XIV. 2: „И слышахъ гласъ съ небесе, яко гласъ водъ многихъ“.

Не разумѣлъ онъ ничего,
И слабъ, и робокъ былъ, какъ дѣти;
Чужіе люди за него
Звѣрей и рыбъ ловили въ сѣти.
Какъ мерзла быстрая рѣка,
И зимни вихри бушевали —
Пушистой кожей покрывали
Они святого старика;
Но онъ къ заботамъ [б] жизни бѣдной
Привыкнуть никогда не могъ;
Скитался онъ изсохшій, блѣдный.
Онъ говорилъ, что гнѣвный Богъ
Его каралъ за преступленье,
Онъ ждалъ: придетъ ли избавленье,
И все несчастный тосковалъ,
Бродя по берегамъ Дуная,
Да горьки слезы проливалъ,
Свой дальній градъ воспоминая.
И завѣщалъ онъ, умирая,
Чтобы на югъ перенесли
Его тоскующія кости,
И смертью—чуждой сей земли
Не успокоенные гости [2]).

Алеко.

Такъ вотъ судьба твоихъ сыновъ,
О Римъ, о громкая [в] держава!
Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ,
Скажи мнѣ, что такое слава?
Могильный [г] гулъ, хвалебный гласъ,
Изъ рода въ роды звукъ бѣгущій,
Или подъ сѣнью дымной кущи
Цыгана дикаго разсказъ?

—

Прошло два лѣта. Такъ же бродятъ
Цыганы мирною толпой;
Вездѣ, попрежнему, находятъ
Гостепріимство и покой.
Презрѣвъ оковы просвѣщенья,
Алеко воленъ, какъ они;
Онъ безъ заботъ и сожалѣнья
Ведетъ кочующіе дни.
Все тотъ же онъ, семья все та же;
Онъ, прежнихъ лѣтъ не помня даже,
Къ бытью цыганскому привыкъ;
Онъ любитъ ихъ ночлеговъ сѣни,
И упоенье вѣчной лѣни,
И бѣдный, звучный ихъ языкъ.
Медвѣдь, бѣглецъ родной берлоги,
Косматый гость его шатра,
Въ селеньяхъ, вдоль степной дороги,
Близъ молдаванскаго двора
Передъ толпою осторожной
И тяжко пляшетъ и реветъ,
И цѣпь докучную грызетъ.
На посохъ опершись дорожный,
Старикъ лѣниво въ бубны бьетъ;
Алеко съ пѣньемъ звѣря водитъ,
Земфира поселянъ обходитъ
И дань ихъ вольную беретъ;
Настанетъ ночь, они всѣ трое
Варятъ нежатое пшено;
Старикъ уснулъ — и все въ покоѣ...
Въ шатрѣ и тихо и темно.

—

[б] къ печалямъ (id.). — [в] о дивная (id.). — [г] Минутный (id.).

[2]) Приложеніе *гости* къ опредѣляемому вин. п. *кости* получило у Пушкина форму сходную съ формою именительнаго падежа—особенность языка народнаго („Пиръ идетъ про князя, про бояръ, про *вельможи* и *гости* богатые“).

Старикъ на вешнемъ солнцѣ грѣетъ
Ужъ остывающую кровь;
У люльки дочь поетъ любовь.
Алеко внемлетъ и блѣднѣетъ.

Земфира.

Старый мужъ, грозный мужъ,
Рѣжь меня, жги меня:
Я тверда, не боюсь
Ни ножа, ни огня.

Ненавижу тебя,
Презираю тебя.
Я другого люблю,
Умираю любя!

Алеко.

Молчи. Мнѣ пѣнье надоѣло,
Я дикихъ пѣсенъ не люблю.

Земфира.

Не любишь? мнѣ какое дѣло!
Я пѣсню про себя пою.

Рѣжь меня, жги меня;
Не скажу ничего;
Старый мужъ, грозный мужъ,
Не узнаешь его.

Онъ свѣжѣе весны,
Жарче лѣтняго дня;
Какъ онъ молодъ и смѣлъ!
Какъ онъ любитъ меня!

Какъ ласкала его
Я въ ночной тишинѣ!
Какъ смѣялись тогда
Мы твоей сѣдинѣ!

Алеко.

Молчи, Земфира, я доволенъ...

Земфира.

Такъ понялъ пѣсню ты мою?

Алеко.

Земфира!..

Земфира.

Ты сердиться воленъ,
Я пѣсню про тебя пою.

(Уходитъ и поетъ „Старый мужъ“ и проч.).

Старикъ.

Такъ, помню, помню: пѣсня эта
Во время наше сложена;
Уже давно въ забаву свѣта
Поется межъ людей она.
Кочуя на степяхъ Кагула,
Ее бывало въ зимню ночь
Моя пѣвала Маріула,
Передъ огнемъ качая дочь.
Въ умѣ моемъ минувши лѣта
Часъ отъ часу темнѣй-темнѣй;
Но заронилась пѣсня эта
Глубоко въ памяти моей.

—

Все тихо. Ночь. Луной украшенъ
Лазурный юга небосклонъ.
Стрикъ Земфирой пробужденъ:
„О, мой отецъ, Алеко страшенъ:
Послушай—сквозь тяжелый сонъ
И стонетъ и рыдаетъ онъ.“

Старикъ.

Не тронь его, храни молчанье.
Слыхалъ я русское преданье:
Теперь полуночной порой
У спящаго тѣснитъ дыханье
Домашній духъ; передъ зарей
Уходитъ онъ. Сиди со мной.

Земфира.

Отецъ мой, шепчетъ онъ: Земфира.

Старикъ.

Тебя онъ ищетъ и во снѣ:
Ты для него дороже міра.

Земфира.

Его любовь постыла мнѣ.
Мнѣ скучно, сердце воли проситъ,
Ужъ я... но тише! слышишь? онъ
Другое имя произноситъ?

Старикъ.

Чье имя?

Земфира.

Слышишь—хриплый стонъ,
И скрежетъ ярый!.. Какъ ужасно!
Я разбужу его.

Старикъ.

Напрасно,
Ночного духа не гони;
Уйдетъ и самъ.

Земфира.

Онъ повернулся,
Привсталъ, зоветъ меня: проснулся.
Иду къ нему.—Прощай, усни.

Алеко.

Гдѣ ты была?

Земфира.

Съ отцомъ сидѣла.
Какой-то духъ тебя томилъ,
Во снѣ душа твоя терпѣла
Мученья. Ты меня страшилъ:
Ты сонный скрежеталъ зубами
И звалъ меня.

Алеко.

Мнѣ снилась ты.
Я видѣлъ, будто между нами...
Я видѣлъ страшныя мечты.

Земфира.

Не вѣрь лукавымъ сновидѣньямъ.

Алеко.

Ахъ, я не вѣрю ничему:
Ни снамъ, ни сладкимъ увѣреньямъ,
Ни даже сердцу твоему!

—

Старикъ.

О чемъ, безумецъ молодой,
О чемъ вздыхаешь ты всечасно?
Здѣсь люди вольны, небо ясно,
И жены славятся красой.
Не плачь, тоска тебя погубитъ.

Алеко.

Отецъ! она меня не любитъ.

Старикъ.

Утѣшься, другъ; она дитя.
Твое унынье безразсудно:
Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское шутя.
Взгляни: подъ отдаленнымъ сводомъ
Гуляетъ вольная луна;
На всю природу мимоходомъ
Равно сіянье льетъ она;
Заглянетъ въ облако любое,
Его такъ пышно озаритъ,
И вотъ ужъ перешла въ другое,
И то недолго посѣтитъ.
Кто мѣсто въ небѣ ей укажетъ:
Промолвя: тамъ остановись!
Кто сердцу юной дѣвы скажетъ:
Люби одно, не измѣнись?
Утѣшься!...

Алеко.

Какъ она любила!
Какъ нѣжно приклонясь ко мнѣ,
Она въ пустынной тишинѣ
Часы ночные проводила!
Веселья дѣтскаго полна,
Какъ часто милымъ лепетаньемъ
Иль упоительнымъ лобзаньемъ
Мою задумчивость она
Въ минуту разогнать умѣла!
И что жъ? Земфира не вѣрна,
Моя Земфира охладѣла!

Старикъ.

Послушай, разскажу тебѣ
Я повѣсть о самомъ себѣ.
Давно, давно, когда Дунаю
Не угрожалъ еще москаль
(Вотъ видишь: я припоминаю,
Алеко, старую печаль),
Тогда боялись мы Султана,
А правилъ буджакомъ Паша
Съ высокихъ башенъ Акермана.
Я молодъ былъ; моя душа
Въ то время радостно кипѣла,
И ни одна въ кудряхъ моихъ
Еще сѣдинка не бѣлѣла.
Между красавицъ молодыхъ
Одна была... и долго ею
Какъ солнцемъ любовался я,
И, наконецъ, назвалъ моею.

Ахъ, быстро молодость моя
Звѣздой падучею мелькнула!
Но ты, пора любви, минула
Еще быстрѣе: только годъ

Меня любила Маріула.

Однажды, близъ Кагульскихъ водъ
Мы чуждый таборъ повстрѣчали.
Цыганы тѣ, свои шатры
Разбивъ близъ нашихъ, у горы,
Двѣ ночи вмѣстѣ ночевали.
Они ушли на третью ночь,
И, брося маленькую дочь,
Ушла за ними Маріула.
Я мирно спалъ; заря блеснула;
Проснулся я—подруги нѣтъ!
Ищу, зову: пропалъ и слѣдъ.
Тоскуя, плакала Земфира,
И я заплакалъ!.. Съ этихъ поръ
Постылы мнѣ всѣ дѣвы міра;
Межъ ними никогда мой взоръ
Не выбиралъ себѣ подруги,
И одинокіе досуги
Уже ни съ кѣмъ я не дѣлилъ.

Алеко.

Да какъ же ты не поспѣшилъ
Тотчасъ во слѣдъ неблагодарной,
И хищнику [1], и ей коварной
Кинжала въ сердце не вонзилъ?

Старикъ.

Къ чему? вольнѣе птицы младость.
Кто въ силахъ удержать любовь?
Чредою всѣмъ дается радость:
Что было, то не будетъ вновь!

Алеко.

Я не таковъ. Нѣтъ, я не споря
Отъ правъ моихъ не откажусь;
Или хоть мщеньемъ насладжусь.
О, нѣтъ! когда бъ надъ бездной моря
Нашелъ я спящаго врага,
Клянусь, и тутъ моя нога
Не пощадила бы злодѣя:
Я въ волны моря не блѣднѣя,
И беззащитнаго бъ толкнулъ;
Внезапный ужасъ пробужденья
Свирѣпымъ смѣхомъ упрекнулъ,
И долго мнѣ его паденья
Смѣшонъ и сладокъ былъ бы гулъ.

—

Молодой цыганъ.

Еще одно, одно лобзанье!

Земфира.

Пора: мой мужъ ревнивъ и золъ.

Цыганъ.

Одно... но долѣ — на прощанье!

Земфира.

Прощай, покамѣстъ не пришелъ.

Цыганъ.

Скажи — когда жъ опять свиданье?

Земфира.

Сегодня; какъ зайдетъ луна,
Тамъ, за курганомъ, надъ могилой...

Цыганъ.

Обманетъ! не придетъ она.

Земфира.

Бѣги — вотъ онъ! Приду, мой милый.

—

Алеко спитъ. Въ его умѣ
Видѣнье смутное играетъ;
Онъ, съ крикомъ пробудясь во тьмѣ,
Ревниво руку простираетъ:
Но оробѣлая рука
Покровы хладные хватаетъ—
Его подруга далека...
Онъ съ трепетомъ привсталъ и внемлетъ—
Все тихо; страхъ его объемлетъ,
По немъ текутъ и жаръ и хладъ;
Встаетъ онъ, изъ шатра выходитъ,

[1] хищникамъ (изд. 1827).

Вокругъ телѣгъ ужасенъ бродитъ.
Спокойно все; поля молчатъ;
Темно; луна зашла въ туманы;
Чуть брежжетъ звѣздъ невѣрный свѣтъ,
Чуть по росѣ примѣтный слѣдъ
Ведетъ за дальніе курганы:
Нетерпѣливо онъ идетъ,
Куда зловѣщій слѣдъ ведетъ.

Могила на краю дороги
Вдали бѣлѣетъ передъ нимъ;
Туда слабѣющія ноги
Влачитъ, предчувствіемъ томимъ;
Дрожатъ уста, дрожатъ колѣни...
Идетъ... и вдругъ... иль это сонъ?
Вдругъ видитъ близкія двѣ тѣни,
И близкій шопотъ слышитъ онъ
Надъ обезславленной могилой.

Первый голосъ.

Пора!..

Второй голосъ.

Постой!

Первый голосъ.

Пора, мой милый.

Второй голосъ.

Нѣтъ, нѣтъ! постой, дождемся дня.

Первый голосъ.

Ужъ поздно.

Второй голосъ.

Какъ ты робко любишь.
Минуту!

Первый голосъ.

Ты меня погубишь.

Второй голосъ.

Минуту!

Первый голосъ.

Если безъ меня
Проснется мужъ...

Алеко.

Проснулся я.
Куда вы? Не спѣшите оба;
Вамъ хорошо и здѣсь, у гроба.

Земфира.

Мой другъ, бѣги, бѣги!

Алеко.

Постой!
Куда, красавецъ молодой?
Лежи!

(Вонзаетъ въ него ножъ.)

Земфира.

Алеко!

Цыганъ.

Умираю!

Земфира.

Алеко, ты убьешь его!
Взгляни: ты весь обрызганъ кровью.
О, что ты сдѣлалъ?

Алеко.

Ничего.
Теперь дыши его любовью.

Земфира.

Нѣтъ, полно, не боюсь тебя,
Твои угрозы презираю,
Твое убійство проклинаю.

Алеко.

Умри жъ и ты! (Поражаетъ ее.)

Земфира.

Умру любя!

—

Востокъ денницей озаренный,
Сіялъ. Алеко за холмомъ,
Съ ножомъ въ рукахъ, окровавленный
Сидѣлъ на камнѣ гробовомъ.
Два трупа передъ нимъ лежали;
Убійца страшенъ былъ лицомъ;
Цыганы робко окружали
Его встревоженной толпой;
Могилу въ сторонѣ копали;
Шли жены скорбной чередой
И въ очи мертвыхъ цѣловали.
Старикъ отецъ одинъ сидѣлъ
И на погибшую глядѣлъ
Въ нѣмомъ бездѣйствіи печали;
Подняли трупы, понесли,
И въ лоно хладное земли
Чету младую положили.
Алеко издали смотрѣлъ

На все. Когда же ихъ зарыли
Послѣдней горстью земной,
Онъ молча, медленно склонился,
И съ камя на траву свалился.

Тогда старикъ, приближась, рекъ:
„Оставь насъ, гордый человѣкъ!
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ;
Мы не терзаемъ, не казнимъ,
Не нужно крови намъ и стоновъ;
Но жить съ убійцей не хотимъ.
Ты не рожденъ для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасенъ намъ твой будетъ гласъ:
Мы робки и добры душою,
Ты золъ и смѣлъ — оставь же насъ,
Прости! да будетъ миръ съ тобою!“

Сказалъ, и шумною толпою
Поднялся таборъ кочевой
Съ долины страшнаго ночлега,
И скоро все въ дали степной
Сокрылось. Лишь одна телѣга,
Убогимъ крытая ковромъ,
Стояла въ полѣ роковомъ.
Такъ иногда передъ зимою,
Туманной утренней порою,
Когда подъемлется съ полей
Станица позднихъ журавлей
И съ крикомъ вдаль на югъ несется,
Пронзенный гибельнымъ свинцомъ,
Одинъ печально остается,
Повиснувъ раненымъ крыломъ.
Настала ночь; въ телѣгѣ темной
Огня никто не разложилъ,
Никто подъ крышею подъемной
До утра сномъ не опочилъ.

---

10 окт. 1834.

Эпилогъ.

Волшебной силой пѣснопѣнья
Въ туманной памяти моей
Такъ оживляются видѣнья
То свѣтлыхъ, то печальныхъ дней.
Въ странѣ, гдѣ долго, долго брани
Ужасный гулъ не умолкалъ,
Гдѣ повелительныя грани
Стамбулу русскій указалъ,
Гдѣ старый нашъ орелъ двуглавый
Еще шумитъ минувшей славой,
Встрѣчалъ я посреди степей,
Надъ рубежами древнихъ становъ,
Телѣги мирныя цыгановъ,
Смиренной вольности дѣтей.
За ихъ лѣнивыми толпами
Въ пустыняхъ, праздный, я бродилъ,
Простую пищу ихъ дѣлилъ
И засыпалъ предъ ихъ огнями;
Въ походахъ медленныхъ любилъ
Ихъ пѣсней радостные гулы,
И долго милой Маріулы
Я имя нѣжное твердилъ.
Но счастья нѣтъ и между вами,
Природы бѣдные сыны!
И подъ издранными шатрами
Живутъ мучительные сны!
И ваши сѣни кочевыя
Въ пустыняхъ не спаслись отъ бѣдъ,
И всюду страсти роковыя,
И отъ судебъ защиты нѣтъ!

Пропущенное мѣсто въ поэмѣ.

Блѣдна, слаба — Земфира дремлетъ;
Алеко съ радостью въ очахъ
Младенца держитъ на рукахъ
И крику жизни жадно внемлетъ.

„Прими привѣтъ сердечный мой,
Дитя любви, дитя природы,
И съ даромъ жизни дорогой
Неоцѣненный даръ свободы.

„Останься посреди степей:
Безмолвны здѣсь предразсужденья—
И нѣтъ ихъ ранняго гоненья
Надъ дикой люлькой твоей,

„Расти на волѣ безъ уроковъ,
Не знай стѣснительныхъ палатъ
И не мѣняй простыхъ пороковъ
На образованный развратъ.

„Подъ сѣнью мирнаго забвенья
Пускай цыгана бѣдный внукъ
Не знаетъ нѣгъ и пресыщенья
И пышной суеты наукъ...

„Нѣтъ, не преклонишь ты колѣнъ
Предъ идоломъ безумной чести,
Не будешь жертвой злыхъ измѣнъ,
Трепеща тайно жадной мести...

„И я бъ желалъ, чтобъ мать моя
Меня родила въ чащѣ лѣса,
Или подъ юртой остяка
Въ глухой разсѣлинѣ утеса....“

---

7. Подражанія Корану.

(посвящено прасковьѣ александровнѣ осиповой.)

(1824).

Девять отрывковъ, написанныхъ Пушкинымъ въ подражаніе Корану, относятся ко второй половинѣ 1824 года (между 24 августа и 29 ноября). Онъ писалъ ихъ въ Михайловскомъ и посвятилъ П. А. Осиповой [1]).

Въ Коранѣ, или Алкоранѣ (что значитъ: „чтеніе по преимуществу“), какъ извѣстно, уже по смерти Магомета собрано зятемъ его Абу-Бекромъ то, что онъ въ различное время жизни своей объявлялъ, какъ божественное откровеніе. Коранъ, почитаемый у могометанъ за священный источникъ теологіи и права, содержитъ на арабскомъ языкѣ рѣчи Магомета къ своимъ послѣдователямъ, православіе Бога, законы, догматы, наставленія, полемику противъ идолопоклонниковъ, іудеевъ и христіанъ и легенды. „Если вчитаться во всѣ его 114 главъ называемыхъ с у р а м и“, замѣчаетъ Холмогоровъ [2]), „то нельзя не за-

---

[1]) См. I, стр. 188, №101.—[2]) „Очеркъ исторіи арабской литературы“ въ „Всеобщей литературѣ“ В. Корша. II., ч. I., стр. 291.

мѣтить частыхъ повтореній одного и того же, однихъ и тѣхъ же словъ. какой-то нестройности, разбросанности мыслей—какъ бы отрывочныхъ импровизацій, особенно въ послѣднихъ главахъ, большею частію напоминающихъ риѳмованную прозу, которую такъ любятъ арабскіе разсказчики и романисты, и которыя такъ легко удерживаются въ памяти, за рѣдкостью письменъ. Темами для большей части суръ служили различныя случайныя обстоятельства: споры, выигранное сраженіе, дѣлежъ добычи, семейныя происшествія и т. п.; но изъ каждаго частнаго событія Магометъ выводитъ соотвѣтственное нравоученіе, становившееся закономъ, или примѣнялъ къ настоящему уже слышанные имъ разсказы, припоминалъ такіе же случаи, бывшіе въ старину; откуда впослѣдствіи возникла темнота, запутанность въ нѣкоторыхъ главахъ Алкорана... Часто Алкоранъ блистаетъ высокими мыслями ветхаго и новаго завѣтовъ... Каждый стихъ Алкорана мусульмане называютъ чудомъ (аетъ), и языкъ этой книги считается образцовымъ относительно арабизма, а между тѣмъ Магометъ выставляетъ себя неграмотнымъ, выучившимся читать уже впослѣдствіи у архангела Гавріила... Магометъ является поэтомъ именно тамъ, гдѣ онъ гремитъ угрозами противъ невѣрныхъ; здѣсь его поэтическія картины быстро смѣняются одна другою: наблюдателю представляются то разверстое небо и солнце, свивающееся на подобіе пелены въ день страшнаго суда, то горы, убѣгающія вдаль, словно полуденное марево, то мученія грѣшныхъ, напитанныхъ плодами адскаго дерева, напоенныхъ кипящею водою и вновь жаждущихъ жаждою истомленнаго верблюда. И Магометъ клянется въ непреложности своихъ словъ смоковницей и оливой, Меккой и Синаемъ, небомъ и звѣздою, утренней зарей и священными ночами, землею и всѣмъ, что на ней живетъ, конями, которые мчатся въ битву, выбивая копытами искры, предвѣчною страстью (для письма) и всѣмъ, что ею написано".

Пушкинъ не переводилъ какія-либо отдѣльныя мѣста Корана. Онъ самъ назвалъ свои девять „Подражаній Корану" вольными подражаніями. Сколько въ этихъ отрывкахъ самостоятельнаго, можно убѣдиться изъ сличенія ихъ съ самимъ Кораномъ, что ниже и сдѣлано передъ текстами ихъ.

Какое впечатлѣніе они производили на читателей, можно видѣть изъ нѣкоторыхъ строкъ современной переписки. „Въ субботу былъ я у Плетнева съ Кюхельбекеромъ и съ братомъ твоимъ", писалъ Рылѣевъ Пушкину: „Левъ прочиталъ намъ нѣсколько новыхъ твоихъ стихотвореній; они прелестны, особенно отрывки изъ Алкорана. Страшный судъ—ужасенъ! Стихи

И братъ отъ брата побѣжитъ,
И сынъ отъ матери отпрянетъ—

превосходны". Бѣлинскій (1844) назвалъ „Подражаніе Корану" „блестящимъ алмазомъ въ поэтическомъ вѣнкѣ Пушкина" и новымъ свидѣтельствомъ объ его удивительной способности легко и свободно переноситься въ самыя противоположныя сферы жизни. „Въ этомъ отношеніи", прибавляетъ Бѣлинскій, „Пушкинъ напоминаетъ Шекспира".

Обстоятельнѣе указалъ красоты этихъ стихотвореній г. Страховъ (1867):

„Есть у Пушкина рядъ подражаній, въ которыхъ во всей силѣ обнаруживается эта способность вполнѣ видѣть красоту и безобразіе, цвѣтъ и тѣнь

взятаго предмета, цѣнить и измѣрять ихъ до малѣйшихъ черты. Сюда относятся, напримѣръ, его „Подражанія Корану", девять стихотвореній первостепеннаго достоинства.

„Коранъ есть книга очень загадочная, очень трудная для оцѣнки. Ея содержаніе, повидимому, незначительное; такъ можно судить отчасти уже потому, что она вообще мало занимаетъ европейскихъ читателей. Между тѣмъ она очевидно способна производить на людей сильное дѣйствіе, и въ настоящую минуту духъ этой книги совершаетъ большія завоеванія въ Индіи и Китаѣ, побѣждаетъ тамъ древнѣйшія религіи человѣчества, среди которыхъ христіанство дѣлало лишь слабые успѣхи.

„Шопенгауэръ, философъ, умѣющій такъ глубоко понимать всѣ религіозныя явленія, съ недоумѣніемъ смотритъ на силу Корана и отзывается о немъ очень рѣзко. „Эта плохая книга", говорилъ онъ, „была достаточна, чтобы основать міровую религію, удовлетворять вотъ уже 1200 лѣтъ метафизической потребности безчисленныхъ милліоновъ людей, сдѣлаться основою ихъ морали и значительнаго презрѣнія къ смерти, а также одушевить ихъ на кровавыя войны и обширнѣйшія завоеванія. Мы находимъ въ ней плачевнѣйшій и скуднѣйшій видъ теизма. Многое въ ней, можетъ быть, теряется отъ перевода; но я не могъ въ ней открыть ни единой цѣнной мысли".

„Сами арабы, какъ упоминаетъ Ренанъ, утверждаютъ, что главная сила Корана заключается въ его поэтическомъ достоинствѣ, и притомъ не столько въ содержаніи, сколько въ формѣ, въ такомъ удивительномъ теченіи рѣчи, что даже они, привыкшіе ко всѣмъ стихотворнымъ тонкостямъ, не могли устоять противъ очарованія этой прозы.

„Не любопытно ли послѣ этого взглянуть, что же сдѣлалъ Пушкинъ въ своихъ подражаніяхъ? Извѣстно, какъ обыкновенно дѣлаются подражанія *восточному*; европеецъ беретъ кой-какія чужія краски и даже мысли, но располагаетъ и развиваетъ ихъ по-своему, по-европейски. Пушкинъ же съ своею невѣроятною гибкостію старался уловить весь складъ Корана, весь безпорядокъ, всю быстроту и силу переходовъ, и даже то, что онъ въ другомъ мѣстѣ называетъ *какою-то восточною безсмыслицею, имѣющею свое поэтическое достоинство* (Путешествіе въ Арзрумъ). Шутливыя примѣчанія, которыми снабжены „Подражанія Корану", кажется могутъ быть приведены въ подтвержденіе того, что Пушкинъ превосходно видѣлъ свой оригиналъ и съ этой стороны, что онъ, искренно чувствуя всю его поэзію, въ то же время почти готовъ былъ пародировать его.

„Рѣчь Аллаха начинается такъ:

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечомъ и правой битвой,
Клянуся утренней звѣздой,
Клянусь вечернею молитвой,
Нѣтъ, не покинулъ я тебя
и т. д.

„Въ этой клятвѣ есть какая-то загадочность и разнородность предметовъ, игра словъ (*утренней—вечернею*) и въ то же время странная сила и гармонія. Лермонтовъ плѣнился этими стихами, и въ его „Демонѣ" тоже есть клятва, даже гораздо длиннѣе. Но какая разница!

Клянусь я первымъ днемъ творенья,
Клянусь его послѣднимъ днемъ,
Клянусь позоромъ преступленья,
И вѣчной правды торжествомъ,
Клянусь паденья горькой мукой,
Побѣды кроткою мечтой, и пр. и пр.

„Все это очень краснорѣчиво, но вмѣстѣ совершенно бѣдно и холодно; демонъ дѣлаетъ правильныя антитезы, логически переходитъ отъ одной мысли къ другой, почти пускается въ разсказъ; порыва, загадочности, страсти нѣтъ нисколько. Взятъ восточный оборотъ рѣчи, но лишенъ всего характернаго.

„Конецъ стихотворенія у Пушкина представляетъ также удивительную черту: быстрое, яркое противорѣчіе, которое вполнѣ выражаетъ быстроту душевныхъ движеній.

Мужайся жъ, презирай обманъ,
Стезею правды бодро слѣдуй,
Люби сиротъ, и мой Коранъ
Дрожащей твари проповѣдуй.

„Не успѣлъ Аллахъ дать заповѣдь милосердія: *люби сиротъ*, какъ въ слѣдующемъ стихѣ уже вспыхнулъ въ душѣ араба гнѣвъ, и онъ требуетъ, чтобы *тварь дрожала* предъ его Кораномъ.

„Второе „Подражаніе" объяснено самимъ Пушкинымъ.

„Третье представляетъ поразительное теченіе рѣчи. Вначалѣ раздаются величественные звуки:

Съ небесной книги списокъ данъ
Тебѣ, пророкъ, не для строптивыхъ.

Потомъ тонъ смягчается, дѣлается кроткимъ, тихимъ.

Почто жъ кичится человѣкъ? и т. д. (III, строфы 3—5).

И вдругъ раздается громъ негодованія:

Но дважды ангелъ вострубитъ!

„Угрозы сыплются градомъ и величественно замолкаютъ:

Но дважды ангелъ вострубитъ,
На землю громъ небесный грянетъ:
И братъ отъ брата побѣжитъ
И сынъ отъ матери отпрянетъ,
И всѣ предъ Бога притекутъ,
Обезображенные страхомъ,
И нечестивые падутъ,
Покрыты пламенемъ и прахомъ.

Музыка удивительная! Поставить союзъ *но* такъ, какъ онъ тутъ поставленъ, едва ли бы рѣшился какой европейскій поэтъ. Полный разрывъ теченія мыслей и вмѣстѣ строгая связь душевныхъ движеній, явный безпорядокъ и чудесная гармонія.

„Остановимся еще на шестомъ подражаніи. По звуку оно похоже на воинственный маршъ, дышащій жаромъ битвы:

Не даромъ вы приснились мнѣ
Въ бою съ обритыми главами (и т. д. см. VI).

„И вдругъ все оканчивается сладкими, свѣтлыми звуками:

Блаженны падшіе въ сраженьи,
Они теперь вошли въ эдемъ
И потонули въ наслажденьи,
Неотравляемомъ ничѣмъ.

„Мы не станемъ разбирать другихъ подражаній, такъ какъ для ясности разбора пришлось бы приводить стихотворенія цѣликомъ. Скажемъ вообще,

что всѣ они имѣютъ ту же яркую своеобразность. Смѣшеніе чувственности съ религіозными движеніями души, быстрые порывы и переходы чувствъ, немногосложная, но сверкающая фантазія, и при всемъ этомъ полнѣйшая музыкальность, волшебное теченіе рѣчи — таковъ характеръ Корана, какъ онъ уловленъ Пушкинымъ. Мы сомнѣваемся, чтобы у какого-нибудь другого европейскаго поэта были стихотворенія въ такой степени *восточныя*. А прекрасныя они въ первой степени".

„Подражанія Корану" явились: IV-е—въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" 1826, прочія въ изданіи сочиненіи Пушкина 1826 г.

Пушкинъ могъ читать Коранъ въ переводахъ: кромѣ двухъ русскихъ (съ фр. М. Веревкина 1790, и съ англ. А. Колмакова 1792), и въ англійскомъ, и въ двухъ французскихъ: Alcoran, traduit par Ryer. 2 части (Изд. 1770 и 1775) и Le Coran, traduit de l'arabe, accompagné de notes, par M. Savary. 2 части. (Изданія 1783, 1786, 1798, 1821 и 1826). При сличеніи „Подражаній Корану" здѣсь приводится текстъ Корана по послѣднему переводу (въ изд. 1821) съ пополненіями по болѣе близкому къ подлиннику позднѣйшему переводу. Пушкинъ пользовался и комментаторами Корана. Примѣромъ можетъ служить указанное въ IX отрывкѣ дополненіе изъ приложеннаго у Савари комментарія.

Нѣкоторые отрывки Пушкина суть самостоятельное выраженіе мыслей, почерпнутыхъ изъ различныхъ мѣстъ Корана и совершенно свободно соединенныхъ вмѣстѣ. Лишь IX отрывокъ представляетъ цѣльное повѣствованіе, переложенное Пушкинымъ, съ сохраненіемъ всей послѣдовательности оригинала.

Выраженный въ письмѣ къ кн. Вяземскому взглядъ Пушкина на то, какъ слѣдуетъ писать подражанія восточному, вполнѣ осуществленъ въ „Подражаніяхъ Корану" (стм, стр. 99). Онъ избѣгалъ замѣченнаго имъ недостатка въ подобныхъ произведеніяхъ Томаса Мура: не подражалъ „ребячески и уродливо ребячеству и уродливости" Магомета. Его подражанія Корану нигдѣ не впадаютъ въ тонъ пародіи (ср. „Подражаніе Данту" *).

I.

Клятвы, которыми начинается первый отрывокъ, заимствованы изъ Корана лишь отчасти, и притомъ изъ различныхъ книгъ его, и свободно измѣнены. Такъ клятва „утренней звѣздой" соотвѣтствуетъ клятвѣ звѣздою вечернею въ LIII, 1 Корана (j'en jure par le coucher de l'étoile, какъ переводитъ Савари, II, 288) и звѣздою ночною въ LXXXVI, 1 (par le ciel et l'étoile nocturne, II, 380); клятва зарею въ варіантѣ изданія 1826 г. заимствована изъ LXXXIX, 1 Корана (par l'aurore, II, 383). Изъ слѣдующаго стиха той же главы взята клятва „четой и нечетой" (par la réunion et la séparation, ib.). Антитеза утренней звѣзды

---

*) Въ началѣ „Подражаній Корану" Пушкинъ замѣчаетъ „Нечестивые, пишетъ Магометъ (глава Награды), думаютъ, что Коранъ есть собраніе новой лжи и старыхъ басенъ. Мнѣніе сихъ нечестивыхъ, конечно, справедливо; но, несмотря не сіе, многія нравственныя истины изложены въ Коранѣ сильнымъ и поэтическимъ образомъ. Здѣсь предлагается нѣсколько вольныхъ выраженій. Въ подлинникѣ Алла вездѣ говоритъ отъ своего имени, а о Магометѣ упоминается только во второмъ или третьемъ лицѣ".

съ вечернею молитвою у Пушкина самостоятельная, но въ духѣ Корана: въ немъ встрѣчается сопоставленіе дня и ночи (XCII, 1 и 2), утра и ночи (XCIII, 1 и 2); неожиданность сопоставленія звѣзды съ молитвою также въ характерѣ Корана, гдѣ встрѣчаемъ въ клятвахъ же сопоставленіе смоковницы и маслины съ Синаемъ и Меккой (XCV, 1—3). Соединеніе нѣсколькихъ клятвъ сряду, какъ то сдѣлано Пушкинымъ, также встрѣчается въ Коранѣ и не превышаетъ 8 сопоставленій (напр. въ XCI, 1—9). О другихъ клятвахъ Корана см. выноску Пушкина и вышеприведенную характеристику Корана г. Холмогорова.

И слѣдующія за клятвою 3 строфы не воспроизводятъ какое-либо одно мѣсто Корана. Въ нихъ Пушкинъ самостоятельно передалъ общее впечатлѣніе, полученное имъ отъ его чтенія.

Укажемъ два мѣста, очевидно взятыя изъ Корана.

Напоминаніе Бога о томъ, какъ Онъ скрылъ своего пророка отъ гоненія, взято изъ IX кн., ст. 40, гдѣ повѣствуется, какъ Магометъ съ Абу-Бекромъ, будучи изгнаны невѣрными, скрылись въ пещерѣ.

Характерное сопоставленіе милосердія и страха (указанное г. Страховымъ, стр. 132) усвоено изъ XXII кн., ст. 36 Корана [1]).

Даръ слова, данный Богомъ пророку, и власть его надъ умами людей есть собственное обобщеніе Пушкина, напоминающее другой библейскій образъ пророка (см. т. I, № 123). Оно согласно съ изреченіемъ Корана: „Знайте, что пророкъ обязанъ лишь проповѣдывать“ (V, 93 и 99).

---

1 Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечемъ и правой битвой,
Клянуся утренней звѣздой [a],
Клянусь вечернею молитвой *):

2 Нѣтъ не покинулъ я тебя.
Кого же въ сѣнь успокоенья
Я ввелъ, главу его любя,
И скрылъ отъ зоркаго гоненья?

3 Не я ль въ день жажды напоилъ
Тебя пустынными водами?
Не я ль языкъ твой одарилъ
Могучей властью надъ умами?

4 Мужайся жъ, презирай обманъ,
Стезею правды бодро слѣдуй,
Люби сиротъ и мой Коранъ
Дрожащей твари проповѣдуй.

---

[a] зарей (изд. 1826).

*) Въ другихъ мѣстахъ Корана Алла клянется копытами кобылицъ, плодами смоковницы, свободою Мекки, добродѣтелью и порокомъ, ангелами и человѣкомъ и проч. Странный сей реторическій оборотъ встрѣчается въ Коранѣ поминутно. (Пр. П).

---

1) „А ты, Магометъ, возвѣсти новыя *милости* покорнымъ, *сердца которыхъ охватываются ужасомъ*, когда они услышатъ произношеніе имени Божія, которые соблюдаютъ молитву и творятъ милостыню“... (по Казимирскому). У Савари: Annoncez la félicité aux humbles, a ceux, qui ne se rapellent le souvenir de Dieu qu' avec crainte, qui supportent avec constance les maux qui leur arrivent, qui font la prière et qui versent dans le sein des pauvres une portion des biens que nous leur avons départis.

II.

Въ этомъ отрывкѣ Пушкинъ сначала изображаетъ качества женщинъ, достойныхъ пророка. О нихъ упоминается въ гл. XXXIII Корана, гдѣ идетъ рѣчь о женщинахъ, на которыхъ можетъ жениться пророкъ. Форма обращенія къ самимъ женамъ у Пушкина самостоятельная, да и самое описаніе ихъ свойствъ есть самостоятельное развитіе стиха 59 этой книги:

O prophète! prescris à tes épouses, à tes filles et aux femmes des croyans, d'abaisser un voile sur leur visage. Il sera la marque de leur vertu, et un frein contre les discours de public [1]).

Дальнѣйше обращеніе къ гостямъ пророка извлечено изъ 53 стиха той же главы:

O croyans! n'entrez point sans permission dans la maison du prophète, excepté lorsqu'il vous invite à sa table... Sortez séparément après le repas, et ne prolongez point vos entretiens; vous l'offenseriez. Il rougirait de vous le dire... Si vous avez quelque demande à faire à ses femmes, faites-la à travers un voile; c'est ainsi que vos coeurs et les leurs se conserveront dans la pureté [2]).

Образъ скромно склоняющихъ головы невольницъ [3]), когда онѣ выслушиваютъ обращенныя къ нимъ слова гостя, у Пушкина самостоятельный.

О, жены чистыя пророка,
Отъ всѣхъ вы женъ отличены:
Страшна для всѣхъ и тѣнь порока.
Подъ сладкой сѣнью тишины.
Живите скромно; вамъ пристало
Безбрачной дѣвы покрывало.
Храните вѣрныя сердца
Для нѣгъ законныхъ и стыдливыхъ,
Да взоръ лукавый нечестивыхъ
Не узритъ вашего лица.

А вы, о гости Магомета!
Стекаясь къ вечерѣ [6] его,
Брегитесь суетами свѣта
Смутить пророка моего.
Въ пареньи думъ благочестивыхъ
Не любитъ онъ велерѣчивыхъ,
И словъ нескромныхъ и пустыхъ;
Почтите пиръ его смиреньемъ
И цѣломудреннымъ склоненьемъ
Его невольницъ молодыхъ *).

---

6 къ трапезѣ (изд. 1826).

*) „Мой пророкъ, прибавляетъ Алла, вамъ этого не скажетъ, ибо онъ весьма учтивъ и скроменъ; но я не имѣю нужды съ вами чиниться", и проч. Ревность араба такъ и дышитъ въ сихъ заповѣдяхъ. (Пр. П.).

---

1) „О пророкъ! предпиши своимъ женамъ, дочерямъ и женамъ вѣрующихъ, опускать покрывала на ихъ лица. Это будетъ знакомъ ихъ добродѣтели и предохранитъ ихъ отъ публичныхъ пересудовъ". — 2) „О вѣрующіе! Не входите безъ дозволенія въ домъ пророка, а только когда онъ пригласитъ васъ къ своей трапезѣ... Выходите поодиночкѣ послѣ трапезы и не распространяйте вашу бесѣду; вы его оскорбили бы: онъ посовѣстился бы (покраснѣлъ бы) сказать вамъ это... Если вы имѣете что-нибудь попросить у его женщинъ, то сдѣлайте это сквозь покрывало; такъ сохранятъ чистоту и ваши сердца и ихъ".—3) Въ числѣ женъ пророка могли быть и невольницы (XXXIII, 49).

III.

Этотъ отрывокъ начинается близкимъ переводомъ двухъ первыхъ стиховъ книги LXXX Корана, носящей имя „Суровое чело" (а не „Слѣпецъ", какъ то обозначено самимъ Пушкинымъ въ выноскѣ) [1]). Вотъ эти два стиха по переводу Савари:

Le prophète a montré un front sévère et a détourné les yeux, parce qu'un aveugle s'est présenté devant lui (II, 369), т.-е.: „Пророкъ явилъ суровое чело и отвратилъ глаза, потому что слѣпецъ предсталъ предъ нимъ".

Комментарій Гелаледдина, приведенный у Савари, объясняетъ этотъ случай такъ: „Одинъ слѣпецъ предсталъ передъ Магометомъ въ то время, какъ онъ старался объ обращеніи одного богатаго и могущественнаго корейшита; онъ былъ дурно принятъ. Потомъ слѣпецъ возвратился и былъ встрѣченъ благосклонно".

За первыми двумя стихами слѣдуетъ передѣлка всей LXXX книги. Въ оригиналѣ ходъ мыслей таковъ: Магометъ, занятый обращеніемъ богатаго отстранилъ бѣднаго слѣпца. Берегись поступать такъ. Далѣе слѣдуетъ:

Perisse le méchant! Qui a pu le rendre infidèle? De quoi Dieu l'a-t-il créé? De boue. Il lui a donné une forme agréable. Il lui a facilité le chemin qui conduit à la vie. Il lui envoie la mort, et le fait descendre au tombeau. Il le fera ressusciter quand il voudra. Ces vérités sont indubitables. L'homme n'a pas encore accompli les ordres de l'Eternel. Qu'il considère sa nourriture: Nous faisons couler la pluie des nuages; Nous ouvrons le sein de la terre; Nous faisons germer le grain, pousser la vigne, verdir l'herbe, croitre l'olivier, le palmier, et les arbres qui ornent vos jardins. La terre se couvre de fruits et de pâturages, pour votre usage et celui de vos troupeaux. Lorsque la trompette retentira, le frère abandonnera son frère; le fils—sa mère et son père; l'époux quittera sa femme et ses enfants. Chacun ne sera occupé que de la grande affaire. Des visages seront radieux; on y verra briller le contentement et la joie. D'autres seront couverts de poussière; un voile ténébreux les obscurcira. Tels paraîtront les infidèles et les scélérats (II, 370, 371) [2]).

Важнѣйшее измѣненіе, сдѣланное Пушкинымъ, состоитъ въ томъ, что онъ исключилъ укоръ Магомету за пренебреженіе слѣпцомъ. Онъ принялъ имя „слѣпца" въ нравственномъ смыслѣ: въ значеніи нечестивца, строптиваго [3]), и тотчасъ переходитъ къ укору неблагодарнымъ (кичливымъ) людямъ, забы-

---

[1]) Такъ же именована она и въ позднѣйшемъ переводѣ съ арабскаго Казимирскаго (1840): Le front sévère. — [2]) „Да погибнетъ злой! Кто могъ сдѣлать его невѣрнымъ? Изъ чего создалъ его Богъ? Изъ грязи. Онъ далъ ему привлекательный видъ. Онъ облегчилъ ему путь, который ведетъ къ жизни. Онъ посылаетъ ему смерть и низводитъ его въ могилу. Онъ воскреситъ его, когда захочетъ. Эти истины несомнѣнны. Человѣкъ еще не исполнилъ повелѣній Вѣчнаго. Пусть взглянетъ онъ на свою пищу. Мы изливаемъ дождь изъ тучъ; Мы открываемъ лоно земли; Мы повелѣваемъ произрастать сѣмени, завязываться виноградной лозѣ, зеленѣть травѣ, произрастать маслинѣ, пальмѣ и деревьямъ, украшающимъ сады ваши. Земля покрывается плодами и пастбищемъ, которые служатъ вамъ и стадамъ вашимъ. Когда прогремитъ труба, братъ оставитъ брата, сынъ — своего отца и мать, мужъ покинетъ жену и своихъ дѣтей. Всякій будетъ занятъ только великимъ дѣломъ. Лица будутъ сіяющія; на нихъ будетъ блистать довольство и радость. Другія лица будутъ покрыты прахомъ; мрачный покровъ помрачитъ ихъ: такими явятся невѣрные и злодѣи". [3]) Согласно постоянному именованію ихъ *слѣпцами* (IV, 119; VII, 178,

вающимъ Бога, и къ угрозѣ имъ напоминаніемъ о послѣднемъ днѣ. Въ описаніи послѣдняго дня двукратный звукъ трубы, упоминаемый Пушкинымъ вмѣсто простого: „прогремитъ труба“, согласно съ другимъ мѣстомъ Корана (а именно XXXIX, 68) [4]). Символическое изображеніе праведниковъ съ лицами сіяющими и злыхъ съ лицами помраченными и покрытыми прахомъ Пушкинъ исключилъ. Въ другомъ мѣстѣ Корана ужасъ при наступленіи страшнаго суда изображенъ между прочимъ такъ: „Пораженные ужасною десницею Бога, люди будутъ какъ опьянѣвшіе“ [5]). У Пушкина этотъ ужасъ переданъ эпитетомъ: „*обезображенные* страхомъ“. Въ главѣ LXXX Корана нѣтъ также ни слова объ огнѣ, ожидающемъ нечестивыхъ, но внесенная Пушкинымъ угроза пламенемъ согласна со многими мѣстами Корана, упоминающими объ огнѣ, напр., XXIII, 103—106, гдѣ сказано: „Когда прозвучитъ труба, сокрушатся всѣ кровныя узы. ... Тѣ, которыхъ жребій на вѣсахъ склонится, насладятся блаженствомъ; чей жребій окажется легокъ... вѣчно прибудутъ въ аду; огонь сожжетъ ихъ лица...“ [6]).

Слова второй строфы: Спокойно возвѣщай Коранъ,
Не понуждая нечестивыхъ,

объясняются 126 ст. XVI кн. Корана: „Призывай людей на путь Божій мудростію и кроткими увѣщаніями; если ты входишь съ ними въ споръ, то веди его благороднѣйшимъ образомъ“ (по Казимирскому) [7]). Въ Коранѣ неоднократно повторяетя, что Коранъ не долженъ быть проповѣдуемъ тѣмъ строптивымъ, которымъ предопредѣлено оставаться невѣрными и погибнуть въ гееннѣ.

---

1 Смутясь, нахмурился пророкъ,
Слѣпца послышавъ приближенье *):
Бѣжитъ, да не дерзнетъ порокъ
Ему являть недоумѣнье.

2 Съ небесной книги списокъ данъ
Тебѣ, пророкъ, не для строптивыхъ:
Спокойно возвѣщай Коранъ,
Не понуждая нечестивыхъ!

3 Почто жъ кичится человѣкъ?
За то ль, что нагъ на свѣтъ явился,
Что дышитъ онъ недолгій вѣкъ,
Что слабъ умретъ, какъ слабъ родился?

4 За то ль, что Богъ и умертвитъ,
И воскреситъ его по волѣ?

*) Изъ книги Слѣпецъ (Пр. П.).

197; XVII, 4).— [4]) Гдѣ сказано, что при первомъ звукѣ трубы умрутъ всѣ твари, исключая избранныхъ; когда же прозвучитъ труба вторично, всѣ воскреснутъ, откроютъ изумленныя очи (Савари, II, 222). — [5]) Les hommes frappés par le bras terrible de Dieu seront comme dans l'ivresse (S. II, 81). — [6]) Lorsque la trompete sonnera, tous les liens du sang seront brisés... Ceux dont la balance penchera, jouiront de la felicité. Ceux pour qui elle sera légère... demeureront éternellement dans l'enfer. Le feu devorera leur visage (II, 97).—[7]) У Савари: Emploie la voix de la sagesse et la force de la persuasion pour appeler les hommes à Dieu. Combats les avec le charme de l'éloquence.

Что съ неба дни его хранитъ
И въ радостяхъ, и въ горькой долѣ?
5 За то ль, что далъ ему плоды,
И хлѣбъ, и финикъ, и оливу,
Благословивъ его труды
И вертоградъ, и холмъ, и ниву?
6 Но дважды ангелъ вострубитъ;
На землю громъ небесный грянетъ:
И братъ отъ брата побѣжитъ,
И сынъ отъ матери отпрянетъ.

7 И всѣ предъ Бога притекутъ,
Обезображенные страхомъ:
И нечестивые падутъ,
Покрыты пламенемъ и прахомъ.

IV.

Этотъ отрывокъ и слѣдующій—самостоятельное извлеченіе—неоднократно въ Коранѣ выраженныхъ мыслей о всемогуществѣ Божіемъ, проявленномъ въ созданіи и управленіи вселенной. Пушкинъ сдѣлалъ въ IV отрывкѣ это всемогущество предметовъ спора Бога съ Сатаною. Бесѣда Сатаны (или Эблиса) съ Богомъ повторена нѣсколько разъ въ Коранѣ (напр. XV, 32): но тамъ предметъ бесѣды—человѣкъ и предстоящее искушеніе его Сатаною.

Съ тобою древле, о всесильный,
Могучій состязаться мнилъ,
Безумный гордостью обильный;
Но ты, Господь, его смирилъ.
Ты рекъ: я міру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую:
На все подъята длань моя.
Я также, рекъ онъ, жизнь дарую,
И также смертью наказую:
Съ тобою, Боже, равенъ я.
Но смолкла похвальба пророка
Отъ слова гнѣва твоего:
Подъемлю солнце Я съ востока;
Съ заката подыми его.

V.

1 Земля недвижна; неба своды,
Творецъ, поддержаны Тобой,
Да не падутъ на сушь и воды
И не подавятъ насъ собой *).
2 Зажегъ Ты солнце во вселенной,
Да свѣтитъ небу и землѣ,
Какъ ленъ, елеемъ напоенный,
Въ лампадномъ свѣтитъ хрусталѣ.
3 Творцу молитесь; Онъ могучій:
Онъ правитъ вѣтромъ; въ знойный день
На небо насылаетъ тучи;
Даетъ землѣ древесну сѣнь.
4 Онъ милосердъ: Онъ Магомету
Открылъ сіяющій Коранъ,
Да притечемъ и мы ко свѣту,
И да падетъ съ очей туманъ.

---

*) Плохая физика, но зато какая смѣлая поэзія! (Пр. П).

VI.

Въ этомъ отрывкѣ—самостоятельное сопоставленіе правовѣрныхъ, идущихъ смѣло въ битву на пути Божіемъ, съ людьми, измѣняющими пророку... (Пушкинъ ихъ называетъ „малодушными").

Характеристика малодушныхъ объясняется словами кн. IX, ст. 38 Корана, гдѣ говорится о людяхъ, которымъ сказали: Идите сражаться на пути Божіемъ,—и которые оказались неповоротливыми и какъ бы привязанными къ землѣ, которые пренебрегли наслажденіями будущей жизни („не вѣрятъ дивнымъ снамъ") [1]).

Та же книга Корана дала матеріалъ для 4-й строфы Пушкина, гдѣ малодушные, прельщенные добычей, просятся на сраженіе, отъ котораго прежде уклонились. Въ 84 стихѣ этой книги также отвергается пророкомъ предложеніе взять съ собою въ битву тѣхъ, которые отказались отъ нея ранѣе [2]).

Награда павшимъ въ битвѣ (у Пушкина строфа 5-я)—рай—согласна съ 156 и 163—165 ст. III кн. Корана [3]).

———

1 Недаромъ вы приснились мнѣ
Въ бою съ обритыми главами,
Съ окровавленными мечами,
Во рвахъ, на башнѣ, на стѣнѣ.

2 Внемлите радостному кличу,
О дѣти пламенныхъ пустынь!
Ведите въ плѣнъ младыхъ рабынь.
Дѣлите бранную добычу!

3 Вы побѣдили: слава вамъ,
А малодушнымъ посмѣянье.
Они на бранное призванье
Не шли, не вѣря дивнымъ снамъ.

4 Прельстясь добычей боевою,
Теперь въ раскаяньи своемъ
Рекутъ: возьмите насъ съ собою;
Но вы скажите: не возьмемъ.

5 Блаженны падшіе въ сраженьи:
Теперь они вошли въ эдемъ,
И потонули въ наслажденьи
Неотравляемомъ ничѣмъ.

VII.

Это—обращеніе къ пророку, (на котораго также посягаетъ Сатана), съ повелѣніемъ „искать убѣжища отъ лукаваго близъ Бога" при чтеніи Корана

---

[1]) По Казимирскому. У Савари: Ils ont ecarté les croyans du chemin du salut.—[2]) У Савари: Je ne vous recevrai point au nombre de mes soldats; vous ne combattrez point sous mes étendards, Dès la première rencontre vous avez préféré l'asile de vos maisons au combat. — [2]) Ses récompenses sont magnifiques... Ceux qui craignent le Seigneur habiteront les jardins de délices. Ils y demeureront éternellement (Савари, I, 73). Si vous mourez ou si vous êtes tués en défendant la foi, songez que la miséricorde divine vaut mieux que les richesses.. (id. 68). (Если вы умрете или будете убиты, защищая вѣру, подумайте, что милосердіе Божіе превыше богатствъ, которыя собираете), По Казимирскому: Ne croyez pas que ceux qui ont succombé en combattant dans le sentier de Dieu soient morts: ils vivent auprès de Dieu et reçoivent de lui leur nourriture. (Не вѣрьте, что павшіе, сражаясь на пути Божіемъ, мертвы; они живутъ близъ Бога и отъ Него получаютъ свою пищу).

(см. Коранъ, кн. XVI, ст. 100). Ночная и утренняя молитвы неоднократно предписываются въ Коранѣ (напр. VII, 204 и XI, 116; XVII, 81, 90). Представить же въ картинѣ это удаленіе пророка для чтенія Корана и для молитвы въ пещерѣ, при свѣтѣ лампады—уже собственный замыселъ Пушкина.

Возстань, боязливый:
Въ пещерѣ твоей
Святая лампада
До утра горитъ.
Сердечной молитвой,
Пророкъ, удали
Печальныя мысли,
Лукавые сны!
До утра молитву
Смиренно твори;
Небесную книгу
До утра читай.

VIII.

Въ этомъ отрывкѣ, который Пушкинъ въ рукописи озаглавилъ „Милостыня“, самостоятельно воспроизведены предписанія Корана о щедрости при милостынѣ. Важность милостыни неоднократно выражается въ Коранѣ. Такъ кн. CVII вся посвящена этому предмету и носитъ названіе „Милостыня“ (у Савари La main secourable). Щедрость при милостынѣ предписывается 269 стихомъ II книги, гдѣ сказано: „Вѣрующіе! творите милостыню изъ благъ, которыя вы пріобрѣли... не выбирайте для подачи того, что имѣете самаго худшаго“ [1]). Въ той же книгѣ (ст. 275) упоминается о наградѣ отъ Бога за милостыню: „Вы получите возмездіе изъ рукъ Вѣчнаго; вы найдете убѣжище отъ страха и мученій“ [2]). Самый образъ возмездія въ видѣ плодовъ посѣяннаго зерна находимъ въ ст. 263 той же книги: „Тѣ, которые употребляютъ свои богатства на защиту святого дѣла, подобны зерну, производящему семь колосьевъ, изъ коихъ каждый приноситъ сто зеренъ“ [3]). Скупость „сжимающаго завистливую длань“ при милостынѣ также образъ Корана. Въ стихѣ 68-мъ кн. IX-й читаемъ: „Руки ихъ (нечестивыхъ) сжаты для милостыни“ [4]). Изъ Корана же заимствовано сравненіе дающаго милостыню скупо съ пылью, смываемою съ камня. Въ кн. II, ст. 266 Корана подобное же сравненіе употреблено о творящемъ милостыню изъ тщеславія: „Такой подобенъ скалѣ, покрытой пылью. Пройдетъ обильный дождь и оставитъ только жесткій камень“ [5]).

Торгуя совѣстью предъ блѣдной нищетою,
Не сыпь своихъ даровъ разсчетливой рукою:
Щедрота полная угодна небесамъ.

---

[1]) O croyans! faites l'aumône des biens que vous avez acquis... ne choisissez pas ce que vous avez de plus mauvais pour le donner (I, 45). — [2]) Faites l'aumône... Vous en recevrez le prix des mains de l'Eternel, et vous serez à l'abri des frayeurs et des tourmens (II, 46). — [3]) Ceux qui emploient leurs richesses pour défendre la cause sainte sont semblables à un grain qui produit sept épis, dont chacun donne cent grains.

[4]) Leurs mains sont fermées pour l'aumône. — [5]) Celui. . est semblable à un rocher couvert de poussière. Une pluie abondante survient, et ne lui laisse que sa dureté (I, 44).

Въ день грознаго суда, подобно нивѣ тучной,
О сѣятель благополучный,
Сторицею воздастъ она твоимъ трудамъ.

[a] Но если, пожалѣвъ трудовъ земныхъ стяжанья,
Вручая нищему скупое подаянье,
Сжимаешь ты свою завистливую длань,
Знай: всѣ твои дары, подобно горсти пыльной,
Что съ камня моетъ дождь обильный,
Исчезнутъ—Господомъ отверженная дань.

IX.

Этотъ отрывокъ есть воспроизведеніе 261 ст. II-й книги Корана. Вотъ текстъ его по переводу Савари:

„Vous souvient-il du voyageur, qui, passant près d'une ville ensevelie sous ses ruines, dit: Comment Dieu ressuscitera-t-il les habitans de cette ville détruite? Dieu le fit mourir, et il resta cent ans dans cet état, ensuite il le ressuscita, et lui demanda: combien de temps as-tu demeuré ici? Un jour ou quelques heures, répondit le voyageur. Vois ta nourriture et ta boisson, ajouta le Seigneur, elles sont encore en leur entier. Regarde ton âne. Nous avons opéré cette merveille, afin que ton exemple instruise les humains. Vois comment nous allons rassembler et couvrir de chair les os de ton âne. A la vue du miracle, le voyageur s'ecria: Je sais maintenant que la puissance de Dieu est infinie“ (I, 42, 43). [5]).

„Бѣлыя кости“ и ревъ воскрешеннаго осла заимствованы изъ комментарія приведеннаго у Савари, гдѣ объяснено, что путникъ этотъ—Озаиръ. Верхомъ на ослѣ, съ корзиною фигъ и сосудомъ вина въ рукахъ, проѣзжалъ онъ близъ развалинъ Іерусалима, разрушеннаго халдеями. Нечестиво усомнившись во всемогуществѣ Бога, онъ былъ за то наказанъ смертію. Черезъ сто лѣтъ Богъ воскресилъ его и указалъ ему его пищу и питье, сохранившіяся отъ дѣйствія времени. Затѣмъ онъ указалъ ему на кости его осла, бѣлѣвшія на землѣ. По голосу Всемогущаго онѣ покрылись тѣломъ и соединились, и животное, возвращенное къ жизни, начало ревѣть [6]).

---

[5]) „Не воспоминается ли вамъ тотъ путешественникъ, который, проходя подлѣ города, погребеннаго подъ развалинами, сказалъ: Какъ Богъ оживитъ жителей этого разрушеннаго города? Богъ повелѣлъ ему умереть, и онъ оставался въ этомъ положеніи сто лѣтъ; потомъ Онъ воскресилъ его и спросилъ: Сколько времени пребывалъ ты здѣсь?—День или нѣсколько часовъ, отвѣчалъ путешественникъ. — Посмотри на пищу и питье свое, прибавилъ Богъ, онѣ еще въ цѣлости. Взгляни на осла твоего. Мы произвели это чудо, дабы примѣръ твой наставилъ людей.—Посмотри, какъ Мы соберемъ и покроемъ тѣломъ кости осла твоего. При видѣ чуда путешественникъ воскликнулъ: Теперь я знаю—могущество Бога безконечно“.

[6]) ... Ensuite il lui fit remarquer les os de son âne qui blanchissaient la terre. A la voix du Tout-Puissant ils se couvrirent de chair, se réunirent, et l'animal, rendu à la vie, se mit à braire (Savary, I, 43).

1 И путникъ усталый на Бога роптал;
Онъ жаждой томился и тѣни алкалъ.
Въ пустынѣ блуждая три дня и три ночи,
И зноемъ и пылью тягчимыя очи
Съ тоской безнадежной водилъ онъ вокругъ,
И кладязь подъ пальмою видитъ онъ вдругъ.

2 И къ пальмѣ пустынной онъ бѣгъ устремилъ,
И жадно холодной струей освѣжилъ
Горѣвшіе тяжко языкъ и зѣницы,
И легъ, и заснулъ онъ близъ вѣрной ослицы:
И многіе годы надъ нимъ протекли,
По волѣ владыки небесъ и земли.

3 Насталъ пробужденья для путника часъ;
Встаетъ онъ и слышитъ невѣдомый гласъ:
„Давно ли въ пустынѣ заснулъ ты глубоко?"
И онъ отвѣчаетъ: „Ужъ солнце высоко
На утреннемъ небѣ сіяло вчера;
Съ утра я глубоко проспалъ до утра".

4 Но голосъ: „О путникъ, ты долѣе спалъ;
Взгляни: легъ ты молодъ, а старцемъ возсталъ;
Ужъ пальма истлѣла, а кладязь холодный
Изсякъ и засохнулъ въ пустынѣ безводной,
Давно занесенный песками степей;
И кости бѣлѣютъ ослицы твоей".

5 И горемъ объятый мгновенный старикъ,
Рыдая, дрожащей главою поникъ...
И чудо въ пустынѣ тогда совершилось [в]:
Минувшее въ новой красѣ оживилось;
Вновь зыблется пальма тѣнистой главой;
Вновь кладязь наполненъ прохладой и мглой.

6 И ветхія кости ослицы встаютъ,
И тѣломъ одѣлись, и ревъ издаютъ;
И чувствуетъ путникъ и силу, и радость;
Въ крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь;
И съ Богомъ онъ далѣ пускается въ путь.

[в] И странное чудо въ пустынѣ свершилось (изд. 1826).

8. Женихъ.

(1825).

Среди черновыхъ набросковъ IV главы „Онѣгина" и „Цыганъ" находятся и наброски „Жениха"; потому онъ долженъ быть отнесенъ къ концу 1824 и началу 1825 года.

Во вводной замѣткѣ къ № 3 („Братьямъ разбойникамъ") было приведено мнѣніе г. Анненкова, что изъ матеріаловъ, заготовленныхъ для „Братьевъ разбойниковъ" вышла пьеса „Женихъ", первый образецъ простонародной сказки, написанной въ Михайловскомъ, когда Пушкинъ собиралъ народныя пѣсни и записывалъ сказки со словъ своей няни Арины Родіоновны (см. I тома № 110).

Но „Женихъ" не былъ произведеніемъ, въ которомъ Пушкинъ примѣнилъ бы и самую форму народнаго стиха, какъ то видимъ въ послѣдующихъ его опытахъ этой же поры. Стихъ „Жениха", его 8-мистрочная строфа съ риѳмами (по формулѣ абабввгг, при чемъ а и в—риѳмы мужскія, а прочія женскія) есть строфа „Леноры" Бюргера; впослѣдствіи она была воспроизведена Жуковскимъ въ его переводѣ „Леноры" (1829).

Эта художественная форма какъ нельзя лучше примѣнена къ исполненному драматизма разсказу, мѣстами переходящему въ діалогъ. Получилось произведеніе въ высшей степени оригинальное, въ которомъ характеръ русской народной сказки выдержанъ превосходно и въ языкѣ, и въ картинахъ жизни и природы.

По замѣчанію Бѣлинскаго (1844), никто изъ русскихъ поэтовъ не имѣлъ съ такимъ непостижимымъ искусствомъ спрыскивать живою водою своей творческой фантазіи... матеріалы народныхъ нашихъ пѣсенъ. Прочтите „Жениха", „Утопленика" (см. ниже № 14), „Бѣсовъ" (см. № 181 I тома) и „Зимній вечеръ" (тамъ же № 110)—и вы удивитесь, видя, какой очаровательный міръ поэзіи умѣлъ вызвать поэтъ своимъ волшебнымъ жезломъ..."

Впервые напеч. въ „Моск. Вѣстн." 1827, № 13.

---

1 Три дня купеческая дочь
Наташа пропадала;
Она на дворъ на третью ночь
Безъ памяти вбѣжала.
Съ вопросами отецъ и мать
Къ Наташѣ стали приступать.
Наташа ихъ не слышитъ,
Дрожитъ и еле дышитъ.

2 Тужила мать, тужилъ отецъ,
И долго приступали,
И отступились, наконецъ,
А тайны не узнали,
Наташа стала, какъ была,
Опять румяна, весела,
Опять пошла съ сестрами
Сидѣть за воротами.

3 Разъ у тесовыхъ у воротъ
Съ подружками своими
Сидѣла дѣвица—и вотъ
Промчалась передъ ними
Лихая тройка съ молодцомъ;
Конями, крытыми ковромъ,
Въ саняхъ онъ стоя правитъ
И гонитъ всѣхъ, и давитъ.

4 Онъ, поровнявшись, поглядѣлъ,

Наташа поглядѣла;
Онъ вихремъ мимо пролетѣлъ,
Наташа помертвѣла.
Стремглавъ домой она бѣжитъ:
„Онъ, онъ! узнала!“ говоритъ,
„Онъ, точно онъ! держите,
Друзья мои, спасите!“

5 Печально слушаетъ семья,
Качая головою;
Отецъ ей: „Милая моя,
Откройся предо мною.
Обидѣлъ кто тебя, скажи,
Хоть только слѣдъ намъ укажи“.
Наташа плачетъ снова
И болѣе ни слова.

6 Наутро сваха къ нимъ на дворъ
Нежданная приходитъ,
Наташу хвалитъ, разговоръ
Съ отцомъ ея заводитъ:
„У васъ товаръ, у насъ купецъ;
Собою парень молодецъ,
И статный, и проворный,
Не вздорный, не зазорный.

7 „Богатъ, уменъ, ни передъ кѣмъ
Не кланяется въ поясъ,
А какъ бояринъ, между тѣмъ
Живетъ, не безпокоясь;
А подаритъ невѣстѣ вдругъ
И лисью шубу, и жемчугъ,
И перстни золотые,
И платья парчевыя.
Катаясь, видѣлъ онъ вчера
Ее за воротами;
8 Не по рукамъ ли, да съ двора,
Да въ церковь съ образами?“
Она сидитъ за пирогомъ,
Да рѣчь ведетъ обинякомъ.
А бѣдная невѣста
Себѣ не видитъ мѣста.

9 „Согласенъ“, говоритъ отецъ:
„Ступай благополучно,
Моя Наташа, подъ вѣнецъ:
Одной въ свѣтелкѣ скучно.
Не вѣкъ дѣвицей вѣковать,
Не все касаткѣ распѣвать;
Пора гнѣздо устроить,
Чтобъ дѣтушекъ покоить“.

10 Наташа къ стѣнкѣ уперлась
И слово молвить хочетъ—
Вдругъ зарыдала, затряслась,
И плачетъ, и хохочетъ.
Въ смятеньи сваха къ ней бѣжитъ,
Водой студеною поитъ
И льетъ остатокъ чаши
На голову Наташи.

11 Крушится, охаетъ семья.
Опомнилась Наташа
И говоритъ: „Послушна я,
Святая воля ваша.
Зовите жениха на пиръ,
Пеките хлѣбы на весь міръ,
На славу медъ варите,
Да судъ на пиръ зовите“.

12 „Изволь, Наташа, ангелъ мой!
Готовъ тебѣ въ забаву
И жизнь отдать!“ — И пиръ горой;
Пекутъ, варятъ на славу.
Вотъ гости честные нашли;
За столъ невѣсту повели;
Поютъ подружки, плачутъ;
А вотъ и сани скачутъ.

13 Вотъ и женихъ, и всѣ за столъ.
Звенятъ, гремятъ стаканы.
Заздравный ковшъ кругомъ пошелъ;
Все шумно, гости пьяны.

Женихъ.

„А что же, милые друзья,
Невѣста красная моя
Не пьетъ, не ѣстъ, не служитъ:
О чемъ невѣста тужитъ?“
14 Невѣста жениху въ отвѣтъ:
„Откроюсь на удачу.

Душѣ моей покоя нѣтъ,
И день и ночь я плачу:
Недобрый сонъ меня крушитъ“.
Отецъ ей: „Что жъ твой сонъ гласитъ?
Скажи намъ, что такое,
Дитя мое родное?“

15 „Мнѣ снилось“, говоритъ она,
„Зашла я въ лѣсъ дремучій,
И было поздно; чуть луна
Свѣтила изъ-за тучи;
Съ тропинки сбилась я: въ глуши
Не слышно было ни души,
И сосны лишь да ели
Вершинами шумѣли.

16 „И вдругъ, какъ будто наяву,
Изба передо мною,
Я къ ней: стучу — молчатъ; зову—
Отвѣта нѣтъ; съ мольбою
Дверь отворила я. Вхожу—
Въ избѣ свѣча горитъ; гляжу—
Вездѣ сребро да злато,
Все свѣтло и богато“.

Женихъ.

17 „А чѣмъ же худъ, скажи, твой сонъ:
Знать жить тебѣ богато“.

Невѣста.

„Постой, сударь, не конченъ онъ.
На серебро, на злато,
На сукна, коврики, парчу,
На новгородскую камку
Я молча любовалась,
И диву дивовалась.

18 „Вдругъ слышу крикъ и конскій топъ...
Подъѣхали къ крылечку.
Я поскорѣе дверью хлопъ
И спряталась за печку.
Вотъ слышу много голосовъ...
Вошли двѣнадцать молодцовъ,
И съ ними голубица
Красавица-дѣвица.

19 „Вошли толпой, не поклонясь,
Иконъ не замѣчая;
За столъ садятся, не молясь,
И шапокъ не снимая.
На первомъ мѣстѣ братъ большой
По праву руку братъ меньшой,
По лѣву голубица,
Красавица дѣвица.

20 „Крикъ, хохотъ, пѣсни, шумъ и звонъ,
Разгульное похмелье...“

Женихъ.

„А чѣмъ же худъ, скажи, твой сонъ?
Вѣщаетъ онъ веселье“.

Невѣста.

„Постой, сударь, не конченъ онъ.
Идетъ похмелье, громъ и звонъ.
Пиръ весело бушуетъ,
Лишь дѣвица горюетъ.

21 „Сидитъ, молчитъ, не ѣстъ, не пьетъ,
И токомъ слезы точитъ,
А старшій братъ свой ножъ беретъ,
Присвистывая точитъ;
Глядитъ на дѣвицу-красу
И вдругъ хватаетъ за косу,
Злодѣй дѣвицу губитъ,
Ей праву руку рубитъ“.

22 — „Ну, это“, говоритъ женихъ,
Прямая небылица!
Но не тужи, твой сонъ не лихъ,
Повѣрь, душа дѣвица“.
Она глядитъ ему въ лицо.
„А это съ чьей руки кольцо?“
Вдругъ молвила невѣста,
И всѣ привстали съ мѣста.

23 Кольцо катится и звенитъ,
Женихъ дрожитъ, блѣднѣя;
Смутились гости — судъ гласитъ:
„Держи, вязать злодѣя“!
Злодѣй окованъ, обличенъ,
И скоро смертію казненъ.
Прославилась Наташа!
И вся тутъ пѣсня наша.

---

9. Только что на проталинахъ...

(1825).

Къ набросвамъ Пушкина, имѣющимъ форму стиха народнаго, относится и этотъ отрывокъ. Анненковъ, впервые сообщившій его въ своихъ „Матеріалахъ“ (1855), замѣчаетъ о набросвахъ подобнаго рода, что „авторъ ихъ писалъ для самого себя и одинъ зналъ настоящій смыслъ и форму ихъ“. Онъ называетъ отрывокъ „Только что на проталинахъ...“ „одинъ изъ этихъ гіероглифовъ“, остающихся между рукописями поэта. Судя по выбору словъ, въ особенности нѣкоторыхъ эпитетовъ, это—сочиненіе самого Пушкина.

Только что на проталинахъ весеннихъ
Показались ранніе цвѣточки,
Какъ изъ царства воскова,
Изъ душистой келейки медовой
Вылетаетъ первая пчелка,
Полетѣла по раннимъ цвѣточкамъ
О красной веснѣ развѣдать:
Скоро ли будетъ гостья дорогая,
Скоро ль луга зазеленѣютъ...
Распустятся клейкіе листочки...
Зацвѣтетъ черемуха душиста?..

---

10. Полтава.

(1828).

„Прочитавъ въ первый разъ стихи:

...Жену страдальца Кочубея
И обольщенную имъ дочь [1])“ (см. ниже стр. 147).

писалъ Пушкинъ [2]), „я изумился, какъ могъ поэтъ пройти мимо столь страшнаго обстоятельства. Обременять вымышленными ужасами историческіе характеры—и не мудрено, и не великодушно; клевета и въ поэмахъ казалась мнѣ непохвальною: но въ описаніи Мазепы пропустить столь разительную черту было непростительно. Однакожъ какой отвратительный предметъ! Ни одного добраго благосклоннаго чувства, ни одной утѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣпость... Сильные характеры и глубокая трагическая тѣнь, набросанная на всѣ эти ужасы—вотъ что увлекло

---

[1]) Въ поэмѣ „Войнаровскій“ (изд. 1825). — [2]) „Критическія замѣтки“ Пушкина 1830 г.

меня. „Полтаву“ написалъ я въ нѣсколько дней, долѣе не могъ бы ею заниматься и бросилъ бы все“.

Этимъ признаніемъ самого автора объясняется важнѣйшее въ созданіи „Полтавы“; тѣ обстоятельства, при которыхъ возникла первая мысль написать поэму, рѣшаютъ форму этого произведенія и, какъ увидимъ ниже, наложили неизгладимую печать на самое содержаніе.

Форма опредѣлялась тѣмъ произведеніемъ, которое вызвало Пушкина на творчество. „Полтава“ не возникла постепенно въ глубинѣ души его, вслѣдствіе долгихъ и многостороннихъ подготовительныхъ занятій, какъ то, напримѣръ, было при созданіи „Бориса Годунова“. Содержаніе поэмы не было заранѣе обдумано въ цѣломъ: Пушкинъ принялся сразу за портретъ героини и за изображеніе страсти Мазепы. Только раздѣлавшись съ „увлекшими его“ обстоятельствами, онъ наскоро набрасываетъ программу: „Портретъ Мазепы; его ненависть; его замыслы; его сношенія съ Петромъ и Карломъ; его хитрость... ночи“. Только мало-по-малу трагическая судьба обоихъ лицъ втянула его въ историческое повѣствованіе. Черезъ 4 страницы послѣ первой программы является потребность въ продолженіи ея. И здѣсь все еще на первомъ планѣ—героиня. Вотъ это продолженіе программы: „Марія Чуйкевичъ“ (см. ниже), доносъ; ночь передъ казнію; мать и Марія; казнь; сумасшествіе; измѣна; Полтава“...

Измѣна героя, согласно исторической роли его, привела фантазію поэта къ другому предмету, который всплылъ передъ нимъ во всемъ величіи своемъ послѣ того, какъ поэтъ удовлетворилъ первому увлеченію своего замысла. Источники, которыми пользовался Пушкинъ при написаніи поэмы, дѣлали также свое дѣло. Вчитываясь въ нихъ сначала съ цѣлію уловить черты лицъ, возбудившихъ его замыселъ, поэтъ невольно былъ охватываемъ судьбою новаго лица, — великаго Царя, неоднократно его увлекавшаго и прежде, а съ нимъ —и судьбою государства. Повѣсть о личныхъ страстяхъ превратилась въ картину государственнаго событія; романическая поэма — въ поэму героическую; поэма о Маріи —въ „Полтаву“.

Отсюда двойственность этой поэмы, замѣченная критиками.

Быстро, заразъ написанная поэма, первая пѣснь которой окончена 3 октября, вторая—9-го, а послѣдняя—16-го, начатая какъ восполненіе непростительнаго пропуска „разительной черты“ Мазепы со стороны автора „Войнаровскаго“, зародилась въ фантазіи поэта поправкою и явилась въ началѣ какъ бы попыткою только распространить эпизодъ поэмы „Войнаровскаго“.

Поэма эта представляетъ сына родной сестры Мазепы—Войнаровскаго—въ концѣ его жизни, въ ссылкѣ, на берегу Лены. Академикъ Миллеръ во время своего ученаго путешествія по Сибири случайно посѣщаетъ его, и Войнаровскій разсказываетъ ему, кто онъ и какъ судьба забросила его въ ссылку. Счастливый мужъ и отецъ, ласкаемый могущественнымъ дядей, наслаждался Войнаровскій въ мирной тишинѣ родной Украйны. Но Мазепа замыслилъ измѣну.

Однажды позднею порою
Онъ въ свой дворецъ меня призвалъ.
Вхожу — и слышу: „Я желалъ
Давно бесѣдовать съ тобою...

...Но къ тайнѣ приступить пора:
Я чту великаго Петра.
Но — покоряяся судьбинѣ—
Узнай: я врагъ ему отнынѣ!“

Войнаровскій разсказываетъ Миллеру свое участіе въ роковой войнѣ:

„Летая за гремящей славой,
Я жизни юной не щадилъ;
Я степи кровью обагрилъ,
И свой булатъ въ войнѣ кровавой
О кости русскихъ притупилъ...

Мазепа съ сѣвернымъ героемъ
Давалъ въ Украйнѣ бой за боемъ.
Дымились кровію поля.
Тѣла разбросанныя гнили,
Ихъ псы и волки теребили;
Казалась трупомъ вся земля!
Но всѣ усилья тщетны были:
Ихъ умъ Петровъ преодолѣлъ;
Часъ битвы роковой приспѣлъ —
И мы отчизну погубили!
Полтавскій громъ загрохоталъ...
Но въ грозной битвѣ Карлъ свирѣпый
Противъ Петра не устоялъ.
Разбитъ, впервые онъ бѣжалъ;
Вослѣдъ ему—и мы съ Мазепой.

Почти безъ отдыха пять дней
Бѣжали мы среди степей,
Боясь вражеской погони;
Уже измученные кони
Служить отказывались намъ.
Дрожа отъ стужи по ночамъ,
Изнемогая въ день отъ зноя,
Едва сидѣли мы верхомъ...

Они остановились въ лѣсу на отдыхъ. Въ это время Мазепа впадаетъ въ недугъ. Въ бреду, бросая кругомъ взгляды, старый гетманъ звалъ Войнаровскаго, Орлика... ему грезились Кочубей и Искра на плахѣ, ихъ покатившіяся головы... то чудился ему грозный Петръ и храмъ, въ которомъ раздается проклятіе.

То трепеща и цѣпенѣя,
Онъ часто зрѣлъ въ глухую ночь
Жену страдальца Кочубея
И обольщенную имъ дочь.

Черезъ нѣсколько дней Мазепа умеръ. Войнаровскій свой разсказъ академику оканчиваетъ повѣстью о дальнѣйшей судьбѣ своей: какъ опостылѣли ему Бендеры, и онъ покинулъ ихъ; былъ схваченъ и сосланъ въ ту глухую сторону, гдѣ долго тосковалъ о родинѣ и дорогой женѣ. Однажды, бродя по берегу Лены, онъ встрѣтилъ ее, пришедшую искать мужа. Но счастіе ихъ было недолго: давно закравшійся недугъ свелъ ее въ могилу. Поэма оканчивается послѣднимъ пріѣздомъ къ ссыльному Миллера, который спѣшилъ сообщить ему радостную вѣсть о его помилованіи, но засталъ его уже умершимъ.

Къ поэмѣ были приложены краткія жизнеописанія Мазепы и Войнаровскаго и историческія примѣчанія. Безличная фигура Мазепы, искаженная въ этой сентиментальной и мелодраматической поэмѣ, настолько не удовлетворила Пушкина, что онъ рѣшился самъ воспроизвести Мазепу, задѣтый за живое.

Кромѣ „Исторіи Карла XII“ и „Исторіи Петра Великаго“ Вольтера, III-я и IV-я части „Дѣяній Петра В.“ Голикова, III-я часть „Исторіи Малой Россіи“ Д. Бантыша-Каменскаго (М. 4 части, въ тип. Селивановскаго 1822 г.) [3])

---

[2]) Въ объясненіяхъ къ „Полтавѣ“ Пушкина, предложенныхъ въ „Классной Библіотекѣ“ В. Я. Стоюнинымъ (1880); представленъ опытъ комментарія къ этой поэмѣ. Авторъ счелъ изданіе „Исторіи Малой Россіи“ Бантышъ-Каменскаго 1830 г. за первое, и потому отказалъ себѣ въ возможности видѣть въ ней источникъ Пушкина. Въ предисловіи онъ пишетъ: „Въ то время, какъ Пушкинъ создавалъ свою поэму, другой писатель составлялъ исторію Малороссіи и біографіи русскихъ дѣятелей... Этотъ писатель былъ Бантышъ-Каменскій“. Г. Стоюнинъ указываетъ какъ на источникъ „Полтавы“ на историческій трудъ, приписываемый Ге-

и „Журналъ, или поденная записка блаж. памяти Госуд. Имп. Петра В.“ собранный кн. М. Щербатовымъ (1770–1772)—были болѣе, нежели достаточны для цѣлей Пушкина. Ниже предлагаются въ выноскахъ примѣчанія, показывающія историческія основанія поэмы Пушкина, которыми онъ самъ дорожилъ (см. ниже стр. 156), что лучше всего помогаетъ уясненію степени творчества поэта, а слѣдовательно содѣйствуетъ основательной оцѣнкѣ его произведенія.

Начиная свою поэму исключительно съ интересомъ къ драматическому положенію дочери Кочубея и Мазепы, Пушкинъ очевидно не придавалъ значенія ни хронологической вѣрности, ни дѣйствительнымъ біографическимъ фактамъ предшествующей жизни Мазепы; не смотрѣлъ и на героиню, какъ на лицо вѣрное свидѣтельствамъ исторіи, замѣнивъ имя дочери Кочубея Матрены болѣе романическимъ именемъ Маріи. Когда же установленное поэтомъ драматическое положеніе обоихъ лицъ потребовало опоры на историческомъ фактѣ—доносѣ Кочубея и его послѣдствіяхъ—и Пушкинъ рѣшился принять на себя обязательства поэмы исторической: тогда неизбѣжно онъ долженъ былъ связать все написанное въ началѣ съ данными послѣдующихъ историческихъ событій. Это отразилось во 1-хъ, на объясненіи побужденія Мазепы къ измѣнѣ, и во 2-хъ, на продолженіи отношеній его къ дочери Кочубея до конца поприща.

Исторія въ лицѣ Ѳеофана Прокоповича (въ пересказѣ Бантыша-Каменскаго) и Голикова указывала побудительной причиною измѣны Мазепы—любовь его къ княгинѣ Дульской (родственницѣ короля польскаго Станислава Лещинскаго), и для полученія ея руки—согласіе привесть Малороссію въ подданство польское при условіи быть гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра и владѣтельнымъ княземъ Сѣверскимъ (или Полоцкимъ и Витебскимъ) [4]); исторія же въ лицѣ иностранныхъ, особенно польскихъ писателей (у Бантыша-Каменскаго и Голикова) побужденіемъ къ измѣнѣ указывала намѣреніе Мазепы доставить свободу утѣсненной Украйнѣ. Первое мнѣніе историковъ Пушкинъ не могъ принять уже потому, что распространилъ отношенія Мазепы къ дочери Кочубея на все время его участія въ войнѣ Петра В. съ Карломъ XII, до бѣгства въ Бендеры, во время котораго является ему сумасшедшая Марія [5]). Княгиня Дульская у Пушкина является лишь въ числѣ агентовъ въ сношеніяхъ Мазепы съ королемъ польскимъ. Второе мнѣніе историковъ Пушкинъ принялъ во вниманіе, обставивъ Мазепу волненіемъ Украйны противъ русскаго Царя и рисуя это волненіе красками даже болѣе яркими, нежели то предлагали русскіе историки-патріоты, которымъ Пушкинъ слѣдовалъ. Но въ основу измѣны Мазепы Пушкинъ положилъ личное мщеніе его Петру, оскорбившему его однажды въ ставкѣ подъ Азовомъ. Такое побужденіе не противорѣчило тому характеру

оргію Конисскому, епископу Бѣлорусскому, но нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы Пушкинъ былъ знакомъ съ этимъ рукописнымъ трудомъ во время созданія поэмы. Объ этомъ трудѣ Пушкинъ упоминаетъ въ своей рецензіи на сочиненіе Конисскаго уже въ 1836 г. Одна ссылка на лѣтопись Конисскаго въ „Критическихъ Замѣткахъ“ Пушкина является лишь въ 1830 г., и притомъ могла быть внесена въ текстъ ихъ уже позднѣе, потому что мы имѣемъ ее лишь въ изд. его сочиненій 1838 г. Изученіе матеріала поэмы также не подтверждаетъ пользованія со стороны Пушкина „Исторіей Руссовъ“, приписываемой Георгію Конисскому.

[4]) См. ниже вын. 18 къ самой поэмѣ. —[5]) По исторіи, похищеніе Матрены Кочубей произошло въ 1704 году; замужество ея съ Чуйкевичемъ въ 1707 г.; Полтавская битва—въ 1709 г.; знакомство же съ кн. Дульской относится къ 1706 г.

Мазепы, какой сложился и въ фантазіи Пушкина согласно его историческимъ источникамъ, но честолюбіе и властолюбіе Мазепы у Пушкина низведено до размѣровъ едва замѣтныхъ; корыстолюбіе же, на которое указывали историческіе источники Пушкина, исключено имъ совсѣмъ.

Послѣднею данью романтическому замыслу въ исторической части поэмы у Пушкина является юный казакъ, влюбленный безнадежно въ Марію. Судя по черновой программѣ, Пушкинъ замѣнилъ этимъ лицомъ историческое лицо—сына генеральнаго судьи Чуйкевича, который, по свидѣтельству историковъ, женился на Матренѣ. Влюбленный казакъ, какъ посланецъ съ доносомъ, соотвѣтствуетъ у Пушкина также двумъ посланцамъ съ доносомъ Кочубея, указаннымъ у Бантышъ-Каменскаго.

Что касается конечной судьбы дочери Кочубея, то Пушкинъ могъ считать себя въ полномъ правѣ создать вымыселъ, помимо историческихъ данныхъ, какъ скоро устранилъ и замужество, и другіе факты жизни Матрены. Эта судьба указана у Бантышъ-Каменскаго слѣдующимъ краткимъ извѣстіемъ: „*Чайкевичъ,* Максимовичъ, Зеленскій, Покатило, Гамалѣя и писарь Григорьевъ находились при Мазепѣ во время Полтавскаго сраженія. Изъ нихъ первый постригся въ монахи въ Сибири, *а жена его удалилась въ монастырь въ Малороссіи*" (И. М. Р., прим. 166, стр. 50). Сумасшествіе Маріи является какъ нельзя болѣе согласнымъ съ тѣмъ трагическимъ положеніемъ, въ которое поставилъ ее поэтъ, съ тѣмъ характеромъ, какимъ надѣлилъ онъ ее.

Поэтическія цѣли Пушкина во многомъ упростили и тѣ факты, которые согласны съ исторіей: пыткѣ послѣ доноса, по поэмѣ, подвергнуты только Кочубей и Искра, и лишь одинъ разъ, тогда какъ по исторіи этой пыткѣ подвергнуты многія лица и не одинъ разъ; самыхъ доносовъ Кочубея Петру Бантышъ-Каменскій указываетъ два; не вводя новыхъ лицъ въ дѣйствія поэмы, Пушкинъ распорядителемъ допроса Кочубею и его пытки выводитъ Орлика вмѣсто министровъ Шафирова и Головкина (И. М. Р. III, гл. XXV и ниже вын. 28).

За исключеніемъ этихъ частностей весь ходъ измѣны и важнѣйшій моментъ борьбы Карла XII съ Петромъ Великимъ описывались Пушкинымъ несомнѣнно съ указанными историческими источниками въ рукахъ, что и давало ему право въ „Критическихъ замѣткахъ" своихъ сказать: „Мазепа дѣйствуетъ въ моей поэмѣ точь-въ-точь какъ и въ исторіи, а рѣчи его объясняютъ его историческій характеръ". Отдаленное историческое событіе, описанное въ поэмѣ наиболѣе обстоятельно—Полтавскій бой—создано на основаніи „Дѣяній Петра" В. Голикова и отчасти „Журнала П. В." Это эпизодъ представляетъ, замѣчательный образецъ соединенія вѣрности историческому источнику съ сильнымъ дѣйствіемъ поэтическаго творчества, результатомъ котораго явился живой и величавый образъ полтавскаго побѣдителя.

Поэма вышла въ 1829 году особою книгою съ предисловіемъ, подписаннымъ 31 января.

„Мы скажемъ правду", пишетъ Анненковъ (1855), „если скажемъ, что за ней послѣдовало всеобщее недоумѣніе: почти никто не узналъ въ ней Пушкина! Блестящій, огненный стихъ его, который такъ справедливо сравнивался съ красавицей, уступилъ мѣсто сжатому и многовѣстному стиху, поражавшему своей опредѣленностью. Трудно было осмотрѣться и проникнуться

величіемъ этихъ стиховъ послѣ сладкихъ и задушевныхъ строфъ „Бахчисарайскаго фонтана“ и „Цыганъ“ [6]).

„Какъ барельефъ великолѣпнаго памятника, создана была вся историческая часть поэмы. Складъ поэтической рѣчи, употребленной для описанія и связи историческихъ событій, былъ... непонятнымъ явленіемъ. Сильно окрашенный эпическимъ тономъ народнаго разсказа, онъ былъ новъ не только для массы читателей, но и для критиковъ. Такъ самые яростные противники Пушкина находили въ отвѣтѣ Кочубея передъ пыткой:

Такъ, не ошиблись вы: три клада
Въ сей жизни были мнѣ отрада... и пр.

проблескъ самостоятельнаго вдохновенія (см. Вѣстникъ Европы 1829, № 9), между тѣмъ какъ одинъ изъ приверженцевъ его осуждалъ это мѣсто подъ предлогомъ, что Кочубей и въ страшную минуту жизни не могъ говоритъ каламбурами и загадками (см. Сѣверные Цвѣты на 1830 г.). Но отвѣтъ Кочубея, какъ и другія мѣста, идутъ параллельно съ фигуральными выраженіями народныхъ эпопей и порождены и духомъ и пріемами. Правда, одинъ журналъ (Московскій Телеграфъ, т. XXVII) утверждалъ за поэмой качество русской поэмы по преимуществу, но до такой степени неопредѣленно, что изъ словъ его замѣтно скорѣе предчувствіе дѣла, чѣмъ настоящее пониманіе его. „Въ Полтавѣ“, говоритъ онъ, „господствуетъ спокойствіе совершенно шекспировское и сквозь мѣрное теченіе всей поэмы чувствуется только невидимая сила духа русскаго, которою поэтъ оживилъ каждое положеніе, каждую рѣчь дѣйствующихъ лицъ“...

„Но какъ полный образецъ той чудной и весьма обыкновенной, къ сожалѣнію, критической слѣпотѣ, какая часто отличаетъ современниковъ, можно представить статью о „Полтавѣ“, напечатанную въ Вѣстникѣ Европы (1829, №№ 8 и 9), и тѣмъ болѣе заслуживающую упоминовенія, что она имѣла силу волновать Пушкина, возражавшаго на многія изъ ея обвиненій (см. ниже стр. 157). „Вѣстникъ Европы“, умершій въ 1830 г., какъ будто собралъ къ концу своего поприща все негодованіе, накопленное въ немъ долгими годами насмѣшекъ и оскорбленій, нанесенныхъ ему тогдашнимъ молодымъ поколѣніемъ писателей, отвѣчалъ имъ въ послѣдній разъ съ удвоеннымъ жаромъ и энергіей. Прежде всего слѣдуетъ здѣсь отстранить лицо редактора (Каченовскаго) [7]), о которомъ мы можемъ судить теперь безпристрастнѣе и находить преимущественно въ ученыхъ его трудахъ многія права на уваженіе и почетное мѣсто въ исторіи литературы. Съ 1828 г. является другой дѣятельный сотрудникъ на помощь журналу [8]) и даетъ старымъ жалобамъ его на легкость современной литературы, на самодѣятельность ея, неуваженіе къ старымъ образцамъ, на безначаліе и отсутствіе торжественности въ ея произведеніяхъ, новую силу, ѣдкость и перемѣняетъ оборонительное положеніе журнала на смѣлое, наступательное движеніе. Онъ пишетъ не замѣтки, а большія статьи въ странной драматической формѣ, гдѣ одно лицо обязано говорить вздоръ, а другое быть постоянно умникомъ. Мѣсто дѣйствія этихъ критическихъ посло-

---

[6]) „Пушкинъ ... прочелъ „Мазепу“ (занесъ Погодинъ въ дневникъ свой подъ 22 дек. 1828 г.) „который не произвелъ большого дѣйствія, хотя много хорошаго“) (Н. Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, II, 257).

[7]) См. т. I, стр. 219.

[8]) Надеждинъ.

вицъ происходитъ въ каморкахъ, косморамахъ, на буйныхъ вечерахъ, на прогулкахъ... Недостатокъ эстетическаго чувства... приводитъ къ неимовѣрнымъ странностямъ"...

„Разборъ „Полтавы", явившійся въ 1829 г., лишенъ уже и послѣдняго качества—веселости: онъ сухо-страненъ, чтобъ не сказать болѣе. Дѣйствіе его происходитъ въ косморамѣ, гдѣ мужичекъ показываетъ народу самые лучшіе фонтаны бахчисарайскіе, а фигуру мудрости представляетъ отставной корректоръ университетской типографіи, Пахомъ Силычъ Правдинъ. На вопросъ: „Что Полтава?" Пахомъ отвѣчаетъ: „И ничего!" Затѣмъ сравниваетъ онъ Мазепу Байрона—„олицетворенный идеалъ буйной независимости, посмѣвающейся всѣмъ ударамъ и кознямъ враждебной жизни"—съ Мазепой Пушкина, который есть „не что иное, какъ лицемѣръ, бездушный старичишка", нисколько не схожій съ извѣстнымъ историческимъ лицомъ. Матрена Кочубей также искажена въ характерѣ, какъ и въ имени, по мнѣнію критика. Любовь ея къ Мазепѣ, старику,—невозможность, любовь старика Мазепы—фарсъ. Происхожденіе Полтавской битвы объясненно въ поэмѣ, по словамъ Правдина, только пострадавшими усами Мазепы. „Ай да усы! Это былъ бы кладъ для покойнаго выворачивателя Энеиды на изнанку", прибавляетъ Пахомъ Силычъ. Казнь Кочубея написана съ хладнокровнымъ самоуслажденіемъ, по толкованію Правдина; Карлъ неприлично названъ бойкимъ мальчишкой, и притомъ онъ еще по-бурлацки кричитъ надъ ухомъ гетмана:

...ого! Пора.
Вставай Мазепа!

Сумасшествіе Маріи и визгъ ея непристойны: „этакъ говорятъ только объ обваренныхъ собакахъ", и въ заключеніе Пахомъ Силычъ опредѣляетъ музу Пушкина: „Это есть, по моему мнѣнію, рѣзвая шалунья, для которой весь міръ ни въ копейку; ея стихія—пересмѣхать все худое и хорошее... не изъ злости или презрѣнія, а просто изъ охоты позубоскалить. Это то сообщаетъ особую физіономію поэтическому направленію Пушкина, отличающему оное рѣшительно отъ Байроновой мизантропіи и отъ Жанъ Полева юморизма Поэзія Пушкина есть просто пародія..." и проч. и проч.

„Настоящій недостатокъ поэмы", замѣчаетъ г. Анненковъ, „состоялъ въ двойственности ея плана, и это было замѣчено тогда же критикомъ, написавшимъ Обозрѣніе Литературы въ альманахѣ Денница на 1831 г. Всю исторію любви Маріи считалъ онъ отдѣльной поэмой. Къ этому можно прибавить, что въ подобныхъ случаяхъ недостатокъ чувствуется тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ярче и превосходнѣе краски эпизода, поднятаго на высоту, ему несвойственную. Пушкинъ самъ показалъ въ „Мѣдномъ всадникѣ" примѣръ, какъ должно вводить въ историческую раму частное лицо и событіе" [9]).

„Habent sua fata libelli", писалъ Пушкинъ въ своихъ „Критическихъ замѣткахъ" 1830 г.: „Полтава" не имѣла успѣха. Вѣроятно, она и не стоила его, но я былъ избалованъ пріемомъ, оказаннымъ моимъ прежнимъ гораздо слабѣйшимъ произведеніямъ; къ тому же это сочиненіе совсѣмъ оригинальное а мы изъ того и бьемся.

[9]) „Матеріалы", 199—204.

„Наши критики взялись объяснить мнѣ причину моей неудачи, и вотъ какимъ образомъ. Они, во-первыхъ, объявили мнѣ, что отроду никто не видывалъ, чтобъ женщина влюбилась въ старика, и что, слѣдственно, любовь Маріи къ старомъ гетману, NB, исторически доказанная, не могла существовать [10]).

Ну, что жъ, что ты Честонъ? хоть знаю, да не вѣрю.

„Я не могу довольствоваться этимъ объясненіемъ: любовь есть самая своенравная страсть. Не говорю уже о безобразіи и глупости, ежедневно предпочитаемыхъ молодости, уму и красотѣ. Вспомните преданія миѳологическія, превращенія Овидіевы, Леду, Филлиру, Пазифаю, Олимпію, Пигмаліона—и признайтесь, что всѣ сіи вымыслы не чужды поэзіи *). А Отелло, старый негръ, плѣнившій Дездемону разсказами о своихъ странствіяхъ и битвахъ?... А Мирра внушившая италіанскому поэту одну изъ лучшихъ его трагедій?.. Марія**) увлечена была, говорили мнѣ, тщеславіемъ, а не любовью—велика честь для дочери генеральнаго судіи быть наложницей гетмана!—Далѣе говорили мнѣ, что мой Мазепа „злой и глупый старичишка“ ***). Что изобразилъ я Мазепу злымъ—въ томъ я каюсь. Добрымъ я его не нахожу, особливо въ ту минуту, когда онъ хлопочетъ о казни отца дѣвушки, имъ обольщенной. Глупость же человѣка оказывется или изъ его дѣйствій, или изъ его словъ. Мазепа дѣйствуетъ въ моей поэмѣ точь-въ-точь какъ и въ исторіи, а рѣчи его объясняютъ его историческій характеръ ****). Замѣтили мнѣ, что Мазепа слишкомъ у меня злопамятенъ, что малороссійскій гетманъ не студентъ и за пощечину или за дерганіе усовъ мстить не захочетъ. Опять исторія, опровергенная литературною критикой, опять: хоть знаю, да не вѣрю.

„Мазепа, воспитанный въ Европѣ въ то время, какъ понятія о дворянской чести были на высшей степени силы, Мазепа могъ помнить долго обиду московскаго царя и отомстить ему при случаѣ. Въ этой чертѣ весь его характеръ, скрытый, жестокій, постоянный. Дернуть ляха или казака за усы—все равно было, что схватить россіянина за бороду. Хмѣльницкій за всѣ обиды, претерпѣнныя имъ, помнится, отъ Чаплицкаго †), получилъ въ возмездіе, по приговору Рѣчи Посполитой, остриженный усъ своего непріятеля ††).

„Старый гетманъ, предвидя неудачу, наединѣ съ наперсникомъ, бранитъ въ моей поэмѣ молодого Карла и называетъ его, помнится, мальчишкой и сумасбродомъ. Критики важно укоряли *меня* въ неосновательномъ мнѣніи о шведскомъ королѣ. У меня сказано гдѣ-то, что Мазепа ни къ кому не былъ при-

*) или, справедливѣе, ей принадлежали (приб. посмертнаго изданія „Критическихъ замѣтокъ“ 1838).
**) или Матрена (ibid).
***) старичишка вмѣсто старикъ—ради затѣйливости (ibid.).
****) Не довольно, если критикъ и рѣшитъ, что такое-то лицо въ поэмѣ глупо: не худо, если онъ чѣмъ-нибудь это докажетъ (ibid.).
†) Чернецкаго (ibid.).
††) См. Лѣтопись Конисскаго (ibid.).

[10]) См. „Обозрѣніе русск. слов. за 1829 г. И. В. Кирѣевскаго (Соч. И. В. Кирѣевскаго I, 29). „Мы еще находимъ въ Полтавѣ иногда думу, противорѣчащую дѣйствительности... Въ доказательство укажемъ на два мѣста Полтавы: на софизмъ о любви стариковъ и на романическую чувствительность Мазепы, когда онъ узнаетъ хуторъ Кочубея. И то и другое противорѣчитъ истинѣ, и то и другое дѣлаетъ минутный эффектъ. Это сцена изъ Корнеля, вплетенная въ трагедію Шекспира“.

вязанъ; критики ссылались на *собственныя* слова гетмана, увѣряющаго Марію, что онъ любитъ ее „больше силы, больше власти". Какъ отвѣчать на таковыя критики? *)

Слова: усы, визжать, вставай, разсвѣтаетъ, ого, пора показались критикамъ „низкими" „бурлацкими" выраженіями. Какъ быть! **)

„Въ Вѣстникѣ Европы замѣтили, что заглавіе поэмы ошибочно, и что, вѣроятно, не назвалъ я ее Мазепой, чтобы не напомнить о Байронѣ. Справедливо—но была тутъ и другая причина: эпиграфъ. Такъ и „Бахчисарайскій фантанъ" въ рукописи названъ былъ „Харемомъ": но меланхолическій эпиграфъ, который, конечно, лучше всей поэмы, соблазнилъ меня.

„Кстати о Полтавѣ, критики упомянули однакожъ о Байроновомъ „Мазепѣ". Но какъ они понимали его! ***) Байронъ зналъ Мазепу только по Вольтеровой исторіи Карла XII. Онъ пораженъ былъ только картиной человѣка, привязаннаго къ дикой лошади и несущагося по степямъ. Картина, конечно, поэтическая, и зато посмотрите, что онъ изъ нея сдѣлалъ! Но не ищите тутъ ни Мазепы, ни Карла, ни сего мрачнаго, ненавистнаго, мучительнаго лица, которое появляется во всѣхъ почти произведеніяхъ Байрона, но котораго на бѣду одного изъ моихъ критиковъ, какъ нарочно въ Мазепѣ и нѣтъ. Байронъ и не думалъ о немъ: онъ выставилъ рядъ картинъ, одна другой разительнѣе—вотъ и все, но какое пламенное созданіе, какая широкая, быстрая кисть! Если жъ бы ему подъ перо его попалась исторія обольщенной дочери и казненнаго отца, то вѣроятно никто бы не осмѣлился послѣ него коснуться сего ужаснаго предмета [11])"...

Далѣе слѣдуютъ тѣ слова Пушкина, гдѣ онъ объясняетъ впечатлѣніе, произведенное на него поэмою „Войнаровскій" (см. стр. 145).

Бѣлинскій (1844) писалъ о „Полтавѣ" слѣдующее: „Въ Полтавѣ ему (Пушкину) хотѣлось сдѣлать опытъ эпической поэмы въ новомъ духѣ. Что такое эпическая поэма?—Идеализированное представленіе такого историческаго событія, въ которомъ принималъ участіе весь народъ, которое слито съ религіознымъ, нравственнымъ и политическимъ существованіемъ народа и которое имѣло сильное вліяніе на судьбы народа. Разумѣется, если это событіе касалось не одного народа, но и цѣлаго человѣчества,—тѣмъ ближе поэма должна подходить къ идеалу эпоса. Такъ смотрѣли на эпическую поэму всѣ образованные люди со временъ упадка древнегреческой національности и возникновенія александрійской школы почти до начала XIX столѣтія, слѣдовательно, болѣе двухъ тысячъ лѣтъ... Таково всегда вліяніе народа, имѣющаго всемірно-историческое значеніе, на всѣ другіе народы: они подражаютъ ему

*) Такъ понимали они драматическое искусство!—Потомъ слѣдовала критика мелочная, критика буквъ, отъ которой пора бы намъ отвыкнуть (ibid.).

**) Никогда не пожертвую краткостію выраженія провинціальной чопорности, изъ боязни казаться простонароднымъ, славянофиломъ и т. п. (ibid.).

***) Или, справедливѣе, какъ не понимали! (ibid.).

11) Эта замѣтка Пушкина о Полтавѣ была напечатана впервые въ „Денницѣ" 1831 г. съ помѣтою: „Отрывки изъ рукописи Пушкина". Та же статья явилась въ посмертномъ изданіи сочиненій Пушкина 1838 г. въ сокращеніи, но съ вышеприведенными въ выноскахъ добавленіями.

рабски во всемъ, начиная отъ искусства до покроя платья. У грековъ была „Иліада“, которая нѣкоторымъ образомъ служила имъ книгою откровенія, изъ которой вытекала вся ихъ позднѣйшая поэзія и которую читали не одни ученые, но зналъ наизусть каждый эллинъ, понимавшій сколько-нибудь достоинство и счастіе быть эллиномъ. Стало-быть, почему же не имѣть такой поэмы, напримѣръ, и римлянамъ?.. Если же могла быть у римлянъ эпопея, легкимъ образомъ сочиненная, то почему же бы не могла она быть и у всѣхъ новѣйшихъ народовъ? И вотъ, у итальянцевъ явился „Освобожденный Іерусалимъ“, у англичанъ—„Потерянный рай“, у испанцевъ—„Араукана“, у португальцевъ—Lusiades, у французовъ—„Генріада“, у нѣмцевъ—„Мессіада“, у насъ, русскихъ—недоконченная „Петріада“, да еще... пресловутыя „Россіада“ и „Владиміръ“. Происхожденіе всѣхъ этихъ поэмъ такъ же незаконно, какъ и образца ихъ „Энеиды“. Она явилась вслѣдствіе „Иліады“; но вѣдь „Иліада“ была столько же непосредственнымъ созданіемъ цѣлаго народа, сколько и преднамѣреннымъ, сознательнымъ произведеніемъ Гомера... „Энеида“ написана во времена перезрѣлости и паденія народа; она есть произведеніе одного человѣка, безъ всякаго участія народа, и почти безъ помощи поэтическихъ преданій. Какая же это эпопея въ родѣ „Иліады“ и что у ней общаго съ „Иліадою?“... То же самое можно сказать и обо всѣхъ другихъ попыткахъ въ этомъ родѣ... Только „Божественная комедія“ Данте подходитъ подъ идеалъ эпической поэмы, къ которому такъ тщетно стремились всѣ исчисленныя нами. И это потому, что Данте не думалъ подражать ни Гомеру, ни Виргилію. Его поэма была полнымъ выраженіемъ жизни среднихъ вѣковъ, съ ихъ схоластическою теологіею и варварскими формами ихъ жизни, гдѣ боролось столько разнородныхъ элементовъ. Если въ поэмѣ Данте играетъ такую роль Виргилій,—это произошло вслѣдствіе самыхъ естественныхъ и неизбѣжныхъ причинъ: Виргилій пользовался даже въ средніе вѣка какимъ-то суевѣрнымъ уваженіемъ въ Италіи, такъ что сами монахи чуть не причислили его къ лику католическихъ святыхъ. Форма поэмы Данте такъ же самобытна и оригинальна, какъ и вѣющій въ ней духъ. Между тѣмъ, въ поэмѣ Данте не воспѣвается никакого знаменитаго историческаго событія, имѣвшаго великое вліяніе на судьбу народа; въ ней даже нѣтъ ничего героическаго, и ея характеръ по преимуществу—схоластически-теологическій, какимъ наиболѣе отличались средніе вѣка. Слѣдственно, то, что хотѣли видѣть только въ эпическихъ поэмахъ на манеръ „Энеиды“, можетъ быть и въ сочиненіяхъ совсѣмъ другого рода: не знаменитое событіе, а духъ народа или эпохи долженъ выражаться въ твореніи, которое можетъ войти въ одну категорію съ поэмами Гомера. Изъ всего этого мы выводимъ слѣдствіе, что мысль — воспѣвать знаменитое историческое событіе, и изъ этого дѣлать эпическую поэму, принадлежитъ къ эстетическимъ заблужденіямъ... и что на этомъ зыбкомъ основаніи ничего нельзя создать, особенно въ наше время... Въ новомъ мірѣ, даже романъ— этотъ истинный его эпосъ, эта истинная его эпическая поэма, тѣмъ больше имѣетъ успѣха, чѣмъ больше проникнутъ элементомъ драматическимъ, столь противоположнымъ эпическому. И хотя, вслѣдствіе разъ принятаго и навсегда утвердившагося ложнаго мнѣнія, эпическая поэзія, по преданію отъ древности, ошибочно приложенному къ требованіямъ новаго міра, и считалась высшимъ родомъ поэзіи и высочайшимъ произведеніемъ человѣческаго генія,— однако этимъ высшимъ родомъ поэзіи въ немъ всегда была, такъ какъ и теперь есть, драма, если уже въ поэзіи непремѣнно одинъ который-нибудь родъ долженъ быть высшимъ.

„Конечно, Пушкинъ былъ столько поэтъ и столько умный человѣкъ, что не могъ понимать эпосъ по мѣркѣ не только какой-нибудь дюжинной „Россіады“, но даже и умной и щегольской „Генріады“, которыхъ несчастная форма уже слишкомъ устарѣла и опошлилась для времени, когда онъ явился. Но въ то же время отъ возможности эпической поэмы въ новой формѣ онъ не могъ совершенно отречься... Онъ остановился на величайшей эпохѣ русской исторіи—на царствованіи великаго преобразователя Россіи, и воспользовался величайшимъ его событіемъ—Полтавскою битвою, въ торжествѣ которой заключалось торжество всѣхъ трудовъ, всѣхъ подвиговъ, словомъ всей реформы Петра Великаго. Но въ поэмѣ Пушкина, состоящей изъ трехъ пѣсенъ, Полтавская битва, равно какъ и герой ея—Петръ Великій, являются только въ послѣдней (третьей) пѣсни, тогда какъ двѣ заняты любовью Мазепы къ Маріи и его отношеніями къ ея родственникамъ. Поэтому Полтавская битва составляетъ какъ бы эпизодъ изъ любовной исторіи Мазепы и ея развязку; этимъ явно унижается высокость такого предмета, и эпическая поэма уничтожается сама собою! А между тѣмъ эта поэма носитъ названіе „Полтавы“, слѣдственно ея героемъ, ея мыслію должна бы быть Полтавская битва, ибо названіе поэтическаго произведенія всегда важно, потому что оно всегда указываетъ или на главное изъ его дѣйствующихъ лицъ, въ которыхъ воплощается мысль сочиненія, или прямо на эту мысль. Вотъ первая ошибка Пушкина, и ошибка великая! Но, можетъ быть, намъ возразятъ, что Пушкинъ совсѣмъ не думалъ писать эпической поэмы и что герой его поэмы—Мазепа, а не Полтавская битва. Подобное возраженіе тѣмъ естественнѣе, что Пушкинъ, какъ говорили и даже писали въ то время, сперва хотѣлъ назвать свою поэму—„Мазепою“, но почему-то послѣ, когда приступилъ къ ея печатанію, переименовалъ ее въ „Полтаву“. Положимъ, что это такъ, но и съ этой точки зрѣнія „Полтава“ будетъ произведеніемъ ошибочнымъ въ ея общности или цѣломъ... Конечно, любовь Мазепы къ дочери Кочубея имѣетъ историческое значеніе по отношенію къ доносу озлобленнаго Кочубея на Мазепу; но въ отношеніи къ Полтавской битвѣ, она, эта любовь, не болѣе какъ эпизодъ какъ историческая подробность,—и Полтавская битва имѣетъ огромное значеніе сама по себѣ, не только безъ любви Мазепы, но и безъ самого Мазепы. Если бы поэтъ главною мыслію имѣлъ любовь Мазепы, онъ долженъ бы Полтавскую битву ввести въ свою поэму, какъ эпизодъ, важный только по его отношенію къ лицу одного Мазепы, оставивъ въ тѣни колоссальный образъ Петра и упомянувъ развѣ только о мелодраматической смерти казака, влюбленнаго въ Марію, который ѣздилъ съ доносомъ Кочубея къ Петру, а въ Полтавской битвѣ безумно бросился на Мазепу и, на смерть пораженный Войнаровскимъ, умеръ съ именемъ Маріи на устахъ. Иначе весь эпизодъ Полтавской битвы необходимо долженъ былъ выйти какою-то особою поэмою въ поэмѣ, безъ всякаго соотношенія къ любовной исторіи Мазепы, какъ оно дѣйствительно и вышло, ко вреду цѣлой поэмы. А это ясно доказываетъ, что Пушкинъ хотѣлъ во что бы ни стало воспользоваться случаемъ къ созданію чего-то въ родѣ эпической поэмы; Полтавская же битва, такъ кстати пришедшаяся къ любовной исторіи Мазепы, была такимъ соблазнительнымъ случаемъ, что поэтъ не могъ пропустить его для осуществленія своей мечты. Но въ этой мечтѣ о возможности эпической поэмы и заключается причина зыбкаго основанія „Полтавы“, ибо даже изъ самой Полтавской битвы нельзя сдѣлать поэмы. „Эта битва была мыслію и подвигомъ одного человѣка: народъ принималъ въ ней участіе, какъ

орудіе въ рукахъ Великаго, котораго понять и оцѣнить могло только потомство и для котораго судъ потомства едва начался только со временъ Екатерины Второй. Вообще изъ жизни Петра Великаго геніальный поэтъ могъ бы сдѣлать не одну, а множество драмъ, но рѣшительно ни одной эпической поэмы. Петръ Великій слишкомъ личенъ и характеренъ, слѣдовательно слишкомъ драматиченъ для какой бы то ни было поэмы. Сверхъ того, для поэмъ годятся только лица полуисторическія и полумиѳическія: отдаленность эпохи, въ которую они жили, способствуетъ совокупить все извѣстное о ихъ жизни въ нѣсколькихъ поэтическихъ мгновеніяхъ. Въ жизни же историческаго лица, не отдаленнаго отъ насъ пространствомъ вѣковъ и чуждыми намъ условіями быта, всегда бываетъ слишкомъ много тѣхъ прозаическихъ подробностей, которыхъ нельзя выбрасывать, не впадая въ напыщенность и высокопарность.

„Итакъ, изъ „Полтавы“ Пушкина эпическая поэма не могла выйти по причинѣ невозможности эпической поэмы въ наше время, а романтическая поэта, въ родѣ Байроновской, тоже не могла выйти по причинѣ желанія поэма слить ее съ невозможною эпическою поэмою. И потому „Полтава“ явилась поэмою безъ героя. Мы уже доказали, что смѣшно было бы считать Петра Великаго героемъ поэмы, въ которой главная и большая часть дѣйствія посвящена любовной исторіи Мазепы. Но и самъ Мазепа также не можетъ считаться героемъ „Полтавы“. Байронъ, въ своей исполненной энергіи и величія поэмы, названной именемъ Мазепы, изобразилъ это лицо исторически невѣрно; но какъ онъ въ этомъ изображеніи былъ вѣренъ поэтической истинѣ, то изъ его Мазепы вышло лицо колоссально поэтическое: тамъ мы видимъ одно изъ тѣхъ титаническихъ лицъ, которыя въ такомъ изобиліи порождалъ глубокій духъ англійскаго поэта... Но Пушкинъ, лучше Байрона знавшій Мазепу, какъ историческое лицо, хотѣлъ быть вѣренъ исторіи, — и въ этомъ сдѣлалъ большую ошибку; ибо скажите, Бога ради, что за герой поэмы, о которомъ самъ поэтъ говоритъ:

Что радъ и честно и безчестно
Вредить онъ недругамъ своимъ;
Что ни единой онъ обиды
Съ тѣхъ поръ, какъ живъ, не забывалъ,
Что далеко преступны виды
Старикъ надменный простиралъ;
Что онъ не вѣдаетъ святыни,
Что онъ не помнитъ благостыни,
Что онъ не любитъ ничего,
Что кровь готовъ онъ лить, какъ воду,
Что презираетъ онъ свободу,
Что нѣтъ отчизны для него...

Герой какого бы ни было поэтическаго произведенія, если оно только не въ комическомъ духѣ, долженъ возбуждать къ себѣ сильное участіе со стороны читателя. Если бы этотъ герой былъ даже злодѣй,—и тогда онъ долженъ дѣйствовать на читателя силой своей воли, грандіозностью своего мрачнаго духа. Но въ Мазепѣ мы видимъ одну низость интригана, состарѣвшагося въ козняхъ. Чувствуя это, Пушкинъ хотѣлъ дать прочное основаніе своей поэмѣ и дѣйствіямъ Мазепы въ чувствѣ мщенія, которымъ поклялся Мазепа Петру за личную обиду со стороны послѣдняго. Мы узнаемъ это изъ разговора Мазепы съ Орликомъ, наканунѣ Полтавской битвы:

Нѣтъ, поздно; русскому царю
Со мной мириться невозможно (III, 123—151).

„Нѣтъ нужды говорить о художественномъ достоинствѣ этого разсказа: въ немъ виденъ великій мастеръ. Все въ немъ дышитъ нравами тѣхъ временъ,

все вѣрно исторіи. Но хотя этотъ разсказъ и основанъ на историческомъ преданіи, онъ тѣмъ не менѣе нисколько ни поясняетъ характера Мазепы, ни даетъ единства дѣйствію поэмы. Можно основать поэму на паѳосѣ дикаго, безщаднаго мщенія; но это мщеніе въ такомъ случаѣ должно быть рычагомъ всѣхъ дѣйствій лица, должно быть цѣлію самому себѣ. Такое мщеніе не разбираетъ средствъ, не боится препятствія и не колеблется отъ страха неудачи. Но Мазепа былъ очень разсчетливъ для такого мщенія; если бъ онъ зналъ, что его измѣна не удастся,—мало того; если бъ онъ, наканунѣ Полтавской битвы, предвидя ея развязку, могъ еще разъ обмануть Петра и разыграть роль невиннаго,—онъ перешелъ бы на сторону Петра. Нѣтъ, на измѣну подвигла его надежда успѣха, надежда получить изъ рукъ шведскаго короля хотя вассальскую, хотя только съ призракомъ самобытности, однако все же корону. Это ли мщеніе? Нѣтъ, мщеніе видитъ одно — своего врага, и готово вмѣстѣ съ нимъ броситься въ бездну, погубить врага хотя бы цѣною собственной погибели. Слова Мазепы, что „русскому царю поздно съ нимъ мириться“ могутъ быть приняты не за что иное, какъ за хвастовство отчаянія. Петръ былъ совсѣмъ не такой человѣкъ, который удостоилъ бы Мазепу чести видѣть въ немъ своего врага и рѣшился бы, даже ради спасенія своего царства, мириться съ нимъ: онъ видѣлъ въ Мазепѣ не болѣе, какъ возмутившагося своего подданнаго, измѣнника. Мазепа этого не могъ не знать къ своему несчастію: онъ былъ человѣкъ ума тонкаго и хитраго. Но если бъ даже и на мщеніи Мазепы основанъ былъ весь планъ поэмы Пушкина, то къ чему же въ ней любовная исторія Мазепы, если не къ тому, чтобы разъединить интересъ поэмы? Но, можетъ быть, мысль поэта заключается во взаимной любви Мазепы и Маріи? Старикъ, страстно влюбленный въ молодую дѣвушку, тоже страстно въ него влюбленную,—эта мысль глубоко поэтическая, и надо сказать, что Пушкинъ умѣлъ нарисовать ее кистью великаго живописца. Нѣкоторые изъ критиковъ того времени сильно возставали противъ возможности и естественности такой любви; но ихъ нападки не стоятъ не только возраженій, но даже какого бы то ни было вниманія. Эти господа забыли объ „Отелло“ Шекспира—поэта, который въ званіи человѣческаго сердца и страстей имѣетъ, конечно, большій, чѣмъ они, авторитетъ. Но Шекспиръ представилъ такую любовь, какъ фактъ, не изслѣдуя его законовъ, потому что другой нравственный вопросъ долженъ былъ составить паѳосъ его драмы. Нашъ поэтъ, напротивъ, анализируетъ самую возможность и естественность такого явленія. И надо сказать, что въ этомъ отношеніи онъ истинно шекспировски внесъ свѣточъ поэзіи во мракъ вопроса и далъ на него такой удовлетворительный отвѣтъ, какого можно ожидать только отъ великаго поэта:

Мгновенно сердце молодое
Горитъ и гаснетъ. Въ немъ любовь
Проходитъ и приходитъ вновь;
Въ немъ чувство каждый день иное:
Не столь послушно, не слегка,
Не столь мгновенными страстями
Пылаетъ сердце старика,
Окаменѣлое годами:
Упорно, медленно оно
Въ огнѣ страстей раскалено;
Но поздній жаръ ужъ не остынетъ
И съ жизнью лишь его покинетъ.

Далѣе мы увидимъ, что любовь Маріи къ Мазепѣ развита и объяснена еще подробнѣе, глубже, съ мастерствомъ, передъ которымъ невольно останавливается, пораженный удивленіемъ, читатель. Но на любовь Мазепы къ Маріи

все-таки нельзя смотрѣть, какъ на паѳосъ поэмы, ибо эта любовь не заставила его ни на минуту поколебаться въ его мрачныхъ замыслахъ. Бѣгство Маріи страшно смутило Мазепу, но оно не имѣло никакого вліянія на ходъ и развитіе поэмы. Смущеніе Мазепы при видѣ Кочубеева хутора и потомъ при видѣ сумасшедшей Маріи кажется намъ мелодраматическою подставкою со стороны поэта. Можетъ быть, это происходитъ еще и оттого, что послѣ такого событія, какъ Полтавская битва съ ея слѣдствіями, интересъ любви уже не можетъ не ослабѣть. Здѣсь опять видна главная ошибка поэта, хотѣвшаго связать романическое дѣйствіе съ эпопеею. И вотъ почему „Полтава" не производитъ на читателя того единаго, полнаго, совершенно удовлетворяющаго впечатлѣнія, которое должно производить всякое глубоко-концепированное и строго обдуманное поэтическое твореніе.

„Но отдѣльныя красоты въ „Полтавѣ" изумительны. Если „Цыганы" далеко превзошли всѣ предшествовавшія имъ произведенія Пушкина, и по идеѣ и по исполненію, — то „Полтава", уступая „Цыганамъ" въ единствѣ плана, далеко превосходитъ ихъ въ совершенствѣ выраженія. Изъ всѣхъ поэмъ Пушкина въ „Полтавѣ" въ первый разъ стихъ его достигъ своего полнаго развитія, вполнѣ сталъ Пушкинскимъ. Критики того времени не безъ основанія придирались къ двумъ или тремъ неправильно усѣченнымъ прилагательнымъ, которыя такъ нерждианно напомнили собою „піитическія вольности" прежней школы, напримѣръ: с о н н у вмѣсто сонную, тризну т а й н у вмѣсто тризну тайную; на нѣсколько смѣлыхъ нововведеній, какъ, напримѣръ, въ стихѣ: „Онъ, должный быть отцомъ и другомъ". Но мы укажемъ и еще на нѣсколько незамѣченныхъ ими погрѣшностей, какъ, напримѣръ, на неумѣстные славянизмы—„младой, благостыни, главы", и въ особенности на два поражающія своею неточностію выраженія: первое въ монологѣ Мазепы противъ Кочубея, котораго, Богъ знаетъ почему, называетъ онъ „вольнодумцемъ", и въ разговорѣ свирѣпаго (и вообще весьма прозаически выражающагося во всей поэмѣ) Орлика, который совѣтуетъ Кочубею, на допросѣ, „питаться мыслію суровой". Но вотъ и все. За исключеніемъ этого, стихи въ „Полтавѣ" — верхъ совершенства.

„Обращаясь къ отдѣльнымъ красотамъ „Полтавы", не знаешь, на чемъ остановиться — такъ много ихъ. Почти каждое мѣсто, отдѣльно взятое наудачу изъ этой поэмы, есть образецъ высокаго художественнаго мастерства. Не будемъ вычислять всѣхъ этихъ мѣстъ, и укажемъ только на нѣкоторыя. Хотя казакъ, влюбленный въ Марію, и есть лицо лишнее, введенное въ поэму для эффекта, тѣмъ не менѣе его изображеніе (отъ стиха: „Между полтавскихъ казаковъ" до стиха: „И взоры въ землю опускалъ") представляетъ собою необыкновенно мастерскую картину. Слѣдующій за тѣмъ отрывокъ отъ стиха: „Кто при звѣздахъ и при лунѣ", до стиха: „Царю Петру отъ Кочубея", выше всякой похвалы: это вмѣстѣ и народная пѣсня, художественное созданіе. Кочубей, ожидающій въ темницѣ своей казни, его разговоръ съ Орликомъ (за исключеніемъ того, что говоритъ самъ Орликъ), — все это начертано кистію столь широкою, могучею и въ то же время спокойною и увѣренною, что читатель не знаетъ, чему дивиться: мрачности ли ужасной картины, или ея эстетической прелести. Можно ли читать безъ упоенія, столько же полнаго грусти, сколько и наслажденія, эти стихи:

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ и т. д. (п. 11, ст. 119—160).

„Отвѣтъ Кочубея Орлику на допросъ послѣдняго о зарытыхъ кладахъ былъ расхваленъ даже присяжными хулителями „Полтавы", и потому мы не говоримъ о немъ. Кочубея пытаютъ, а Мазепа въ это время сидитъ у ногъ спящей дочери мученика и думаетъ:

Ахъ вижу я: кому судьбою
Волненья жизни суждены,
Тотъ стой одинъ передъ грозою,
Не призывай къ себѣ жены:
Въ одну телѣгу впрячь не можно
Коня и трепетную лань.
Забылся я неосторожно:
Теперь плачу безумства дань.

Въ тоскѣ страшныхъ угрызеній совѣсти, злодѣй сходитъ въ садъ, чтобъ освѣжить пылающую кровь свою,—и обаятельная роскошь лѣтней малороссійской ночи въ контрастѣ съ мрачными душевными муками Мазепы блещетъ и сверкаетъ какою-то странно-фантастическою красотою.

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо, звѣзды блещутъ и пр. (II, 286—313).

Скажите: какъ, какимъ языкомъ хвалить такіе черты и отрывки высокаго художества? Правду говорятъ, что хвалить мудренѣе, чѣмъ бранить! Чтобъ быть достойнымъ критикомъ такихъ стиховъ, надо самому быть поэтомъ—и еще какимъ! И потому мы, въ сознаніи нашего безсилія, скажемъ убогою прозою, что если эта картина мученій совѣсти Мазепы можетъ подозрительному уму показаться нѣсколько мелодраматическою выходкою (по той причинѣ, что Мазепѣ, какъ закоренѣлому злодѣю, такъ же было не къ лицу содрогаться отъ воплей терзаемой имъ жертвы, какъ и краснѣть, подобно юношѣ, отъ привѣта красоты),—то мастерство, съ которымъ выражены эти мученія, выше всякихъ похвалъ и утомляетъ собою всякое удивленіе. Сцена между женою Кочубея и ея дочерью замѣчательно хороша по роли, какую играетъ въ ней Марія. Вопросъ изумленной, еще не очнувшейся отъ сна женщины, которая почти понимаетъ и въ то же время страшится понять ужасный смыслъ внезапнаго явленія матери, этотъ вопросъ: „Какой отецъ? какая казнь?" равно какъ и всѣ вопросительные и восклицательные отвѣты,—исполненъ драматизма. Картина казни Кочубея и Искры отличается простотою и спокойствіемъ, которыя, въ соединеніи съ ея страшною вѣрностью дѣйствительности, производили бы на душу читателя невыносимое, подавляющее впечатлѣніе, если бъ творческое вдохновеніе поэта не ознаменовало ее печатію изящества. Этотъ палачъ, который, гуляя и веселяся на роковомъ помостѣ, алчно ждетъ жертвы, и то, играючи беретъ въ бѣлыя руки тяжелый топоръ, то шутитъ съ веселою чернью,—и этотъ безпечный народъ, который, по совершеніи казни, идетъ домой, толкуя межъ собою про свои вѣчныя работы,—какая глубоко истинная, хотя въ то же время и безотрадно тяжелая мысль во всемъ этомъ!

„Но что всѣ эти разсѣянныя богатою рукою поэта красоты передъ красотами третьей пѣсни! И не удивительно: паѳосъ этой третьей пѣсни устремленъ на предметъ колоссально-великій... Тутъ мы видимъ Петра и Полтавскую битву... Мастерскою кистью изобразилъ поэтъ преступные, мрачные помыслы, кипѣвшіе въ душѣ Мазепы; его притворную болѣзнь и внезапный переходъ съ одра смерти на поприще властительства; гнѣвъ Петра, его сильныя и быстрыя мѣры къ удержанію Малороссіи... Какъ прекрасно это поэтическое обращеніе поэта къ Карлу XII:

И ты, любовникъ бранной славы,
Для шлема кинувшій вѣнецъ,
Твой близокъ день: ты валъ Полтавы
Вдали завидѣлъ наконецъ.

Картина Полтавской битвы начертана кистью широкою и смѣлою; она исполнена жизни и движенія: живописецъ могъ бы писать съ нея, какъ съ натуры. Но явленіе Петра въ этой картинѣ, изображенное огненными красками, поражаетъ читателя, говоря собственными словами Пушкина, быстрымъ холодомъ вдохновенія, подымающимъ волосы на головѣ,—производитъ на него впечатлѣніе, какъ будто бы онъ видитъ передъ глазами совершеніе какого-нибудь таинства, какъ будто бы нѣкій богъ, въ лучахъ нестерпимой для взоровъ смертнаго славы, проходитъ передъ нимъ, окруженный громами и молніями...

Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра и т. д. (III, 181—216).

„Представьте себѣ великаго творческаго генія, который столько лѣтъ носилъ и лелѣялъ въ душѣ своей замыслы преобразованія цѣлаго народа, который столько трудился, въ потѣ царственнаго чела своего,—представьте его въ ту рѣшительную минуту, когда онъ начинаетъ видѣть, что его тяжба съ вѣками, его гигантская борьба съ самою природою, съ самою возможностью готова увѣнчаться полнымъ успѣхомъ,—представьте себѣ его преображенное, сіяющее побѣднымъ торжествомъ лицо, если только ваша фантазія довольно сильна для такого представленія,—и вы будете видѣть передъ собою живую картину, начертанную Пушкинымъ въ стихахъ, которые сейчасъ прочли. Полтавская битва была не простое сраженіе, замѣчательное по огромности военныхъ силъ, по упорству сражающихся и количеству пролитой крови: это была битва за существованіе цѣлаго народа, за будущность цѣлаго государства, это была повѣрка дѣйствительности замысловъ столь великихъ, что, вѣроятно, они самому Петру, въ горькія минуты неудачъ и разочарованія, казались несбыточными, какъ и почти всѣмъ его подданнымъ. И потому на лицѣ послѣдняго солдата должна выражаться безсознательная мысль, что совершается что-то великое, и что онъ самъ одно изъ орудій совершенія...

„Но этимъ еще не оканчивается великая картина: это только главная часть ея; въ отдаленіи поэтъ показываетъ другую часть, меньшую, но безъ которой картина его не имѣла бы полноты.

И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился и т. д. (III, 217—229).

„Въ подробностяхъ битвы особенно замѣчателенъ эпизодъ о волненіи дряхлаго и уже безсильнаго Палія, завидѣвшаго врага своего, Мазепу. Но эпизодъ смерти казака, влюбленнаго въ Марію, несмотря на превосходные стихи, до притворности исполненъ мелодраматизма и вовсе не умѣстенъ. Мы уже говорили, что самая мысль ввести въ поэму этого казака, чтобъ было съ кѣмъ Кочубею отправить доносъ Петру на Мазепу, мелодраматически эффектна;

ради ея поэтъ искалъ историческое событіе; доносъ былъ отосланъ не съ казакомъ, а со старымъ монахомъ Никаноромъ.

Картина битвы заключается еще картиною, съ которою тоже за честь бы могъ поставить себѣ побороться великій живописецъ:

Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И полонъ славы взоръ его,
И царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

„Теперь намъ остается говорить о дивно-прекрасныхъ подробностяхъ еще цѣлой части поэмы, паѳосъ которой составляетъ любовь Маріи къ Мазепѣ. Вся эта часть поэмы есть какъ бы поэма въ поэмѣ, и ея, конечно, стало бы на особую отдѣльную поэму.

„Въ историческомъ фактѣ любви Мазепы и Маріи Пушкинъ и воспользовался только идеею любви старика къ молодой дѣвушкѣ и молодой дѣвушки къ старику. Въ подробностяхъ, и даже въ изображеніи дочери Кочубея, онъ отступалъ отъ исторіи. Поэтому, весь этотъ фактъ онъ передѣлалъ по своему идеалу,—и дочь Кочубея является у него совершенно идеализированною. Онъ перемѣнилъ даже ея имя — Матроны на Марію. Когда Матрона убѣжала къ старому гетману, онъ, боясь соблазна и толковъ, переслалъ ее въ родительскій домъ, гдѣ мать Матроны к а т о в а л а (палачила, истязала, сѣкла) ее. Но это, какъ и естественно, только больше раздражало энергію страсти бѣдной дѣвушки. Мазепа любилъ ее, писалъ къ ней страстныя письма, но и въ отношеніи къ ней не принялъ никакого твердаго рѣшенія—то умолялъ о свиданіяхъ, то совѣтовалъ итти въ монастырь.

„Какъ бы то ни было, но основаніе, сущность отношеній Мазепы и Маріи въ поэмѣ Пушкина историческія, и еще болѣе истинныя — поэтически, — и Пушкинъ умѣлъ ими воспользоваться какъ истинно великій поэтъ, хотя онъ ихъ и идеализировалъ по-своему.

Не только первый пухъ ланитъ,
Да русы кудри молодые,—
Порой и старца строгій видъ,
Рубцы чела, власы сѣдые
Въ воображенье красоты
Влагаютъ страстныя мечты.

„Подобное явленіе рѣдко, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно. Возможность его заключается въ законахъ человѣческаго духа, и потому, по рѣдкости, его можно находить удивительнымъ, но нельзя находить неестественнымъ... Очень естественно, если бываютъ женскія натуры, которыя, будучи исполнены страстей и энтузіазма, до безумія увлекаются нравственнымъ могуществомъ мужчины, украшеннымъ властію и славою, — увлекаются имъ безъ соображенія неравенства лѣтъ. Марія, при всей непосредственности, одарена характеромъ гордымъ, твердымъ, рѣшительнымъ. Она была бы достойна слить свою судьбу не съ такимъ злодѣемъ, какъ Мазепа, но съ героемъ въ истинномъ значеніи этого слова. И какъ бы ни велика была разница ихъ лѣтъ, ихъ союзъ былъ бы самый естественный, самый разумный. Ошибка Маріи состояла въ томъ, что она... думала увидѣть душу великую, дерзость безнравственности приняла за могущество героизма. Эта ошибка была ея несчастіемъ, но не виною: Марія, какъ женщина, велика въ этой ошибкѣ. На этомъ основаніи намъ понятна ея любовь, понятно—

Зачѣмъ бѣжала своенравно
Она семейственныхъ оковъ,
Томилась, тайно воздыхала
И на привѣты жениховъ
Молчаньемъ гордымъ отвѣчала;
Зачѣмъ такъ тихо за столомъ
Она лишь гетману внимала,
Когда бесѣда ликовала
И чаша пѣнилась виномъ:
Зачѣмъ она всегда пѣвала
Тѣ пѣсни, кои онъ слагалъ,
Когда онъ бѣденъ былъ и малъ,
Когда молва его не знала;
Зачѣмъ съ неженскою душой
Она любила конный строй
И бранный звонъ литавръ и клики
Предъ бунчукомъ и булавой
Малороссійскаго владыки...

„Нельзя довольно надивиться богатству и роскоши красокъ, которыми изобразилъ поэтъ страстную и грандіозную любовь этой женщины. Здѣсь Пушкинъ, какъ поэтъ, вознесся на высоту, доступную только художникамъ первой величины. Глубоко вонзилъ онъ свой художническій взоръ въ тайну великаго женскаго сердца, и ввелъ насъ въ его святилище, чтобъ внѣшнее сдѣлать для насъ выраженіемъ внутренняго, въ фактѣ дѣйствительности открыть общій законъ, въ явленіи—мысль...

Марія, бѣдная Марія,
Краса черкасскихъ дочерей!
Не знаешь ты, какого змія
Ласкаешь на груди своей и т. д.
(I, 462—497).

„Но въ такой великой натурѣ любовь можетъ быть только преобладающею страстью, которая въ выборѣ не допускаетъ никакого совмѣстничества, даже никакого калебанія, но которая не заглушаетъ въ душѣ другихъ нравственныхъ привязанностей. И потому блаженство любви не отнимаетъ въ сердцѣ Маріи мѣста для грустнаго и тревожнаго воспоминанія объ отцѣ и матери.

И дней невинныхъ ей не жаль и т. д. (I, 498—509).

„Намъ скажутъ, что въ дѣйствительности это было не такъ, ибо Матрона ненавидѣла своихъ родителей и клялась вѣчно „любыты и сердечно кохаты Мазепу на злость ея ворогамъ“. Но вѣдь въ дѣйствительности-то родители Матроны катовали ее... Понятно, почему Пушкинъ рѣшился поэтически отступить отъ „такой“ дѣйствительности...

„Но никогда личность Маріи не возвышается въ поэмѣ Пушкина до такой апоѳеозы, какъ въ сценѣ ея объясненія съ Мазепою, — сценѣ, написанной истинно шекспировскою кистью. Когда Мазепа, чтобъ разсѣять ревнивыя подозрѣнія Маріи, принужденъ былъ открыть ей свои дерзкіе замыслы, она все забываетъ: нѣтъ больше сомнѣній, нѣтъ безпокойства; мало того, что она вѣритъ ему, вѣритъ, что онъ не обманываетъ ее: она вѣритъ, что онъ не обманывается и въ своихъ надеждахъ... Ея ли женскому уму, воспитанному въ затворничествѣ, обреченному на отчужденіе отъ дѣйствительной жизни ей ли знать, какъ опасны такія стремленія и чѣмъ оканчиваются они! Она знаетъ одно, вѣритъ одному,—что онъ, ея возлюбленный, такъ могущъ, что не можетъ не достичь всего, чего бы только захотѣлъ. Блескъ короны на сѣдыхъ кудряхъ любовника уже ослѣпилъ ея очи,—и она восклицаетъ съ увѣренностію дитяти, сильнаго и разумнаго одною любовію, но не знаніемъ жизни:

О, милый мой,
Ты будешь царь земли родной!
Твоимъ сѣдинамъ какъ пристанетъ
Корона царская!

Вникнете во всю эту сцену, разберите въ ней всякую подробность, взвѣсьте каждое слово: какая глубина, какая истина и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какая простота! Этотъ отвѣтъ Маріи: „Я! люблю ли?“ это желаніе уклониться отъ отвѣта на вопросъ, уже рѣшенный ея сердцемъ, но все еще страшный для нея—кто ей дороже: любовникъ или отецъ, и кого изъ нихъ принесла бы она въ жертву для спасенія другого,—и потомъ рѣшительный отвѣтъ, при видѣ гнѣва любовника... какъ все это драматически, и сколько тутъ знанія женскаго сердца!

„Явленіе сумасшедшей Маріи, неумѣстное въ ходѣ поэмы и даже мелодраматическое, какъ средство испугать совѣсть Мазепы [1]), превосходно, какъ дополненіе портрета этой женщины. Послѣднія слова ея безумной рѣчи исполнены столько же трагическаго ужаса, сколько и глубокаго психологическаго смысла:

Пойдемъ домой. Скорѣй... ужъ поздно...
Ахъ вижу, голова моя
Полна волненія пустого.
Я принимала за другого
Тебя, старикъ. Оставь меня.
Твой взоръ насмѣшливъ и ужасенъ.
Ты безобразенъ—онъ прекрасенъ:
Въ его глазахъ блеститъ любовь,
Въ его рѣчахъ такая нѣга!
Его усы бѣлѣе снѣга,
А на твоихъ засохла кровь.

„Но „Полтава“ принадлежитъ къ числу превосходнѣйшихъ твореній Пушкина не по одному лицу Маріи. Лишенная единства и мысли плана, а потому недостаточная и слабая въ цѣломъ, поэма эта есть великое произведеніе по ея частностямъ. Она заключаетъ въ себѣ нѣсколько поэмъ и по тому самому не составляетъ одной поэмы. Богатство ея содержаніе не могло высказаться въ одномъ сочиненіи, и она распалась отъ тяжести этого богатства. Третья пѣснь ея сама по себѣ есть нѣчто особенное, отдѣльная поэма въ эпическомъ родѣ. Но изъ нея нельзя было сдѣлать эпической поэмы: если бъ поэтъ и далъ ей обширнѣйшій объемъ, она и тогда осталась бы рядомъ превосходнѣйшихъ картинъ, но не поэмою. Чувствая это, поэтъ хотѣлъ связать ее съ исторіею любви, имѣющею драматическій интересъ; но эта связь не могла не выйти чисто внѣшнею. И вся эта разрозненность выразилась въ эпилогѣ, въ которомъ поэтъ говоритъ сперва о гордыхъ и сильныхъ людяхъ того вѣка, потомъ о Петрѣ Великомъ, далѣе — о Карлѣ XII, о Мазепѣ, о Кочубеѣ съ Искрою, и оканчивается все это Маріею [2])... Несмотря на то, „Полтава“ была

[1]) Нельзя не замѣтить несправедливости въ оцѣнкѣ Бѣлинскимъ Мазепы Пушкина: осудивъ это лицо, какъ недостойное быть героемъ поэмы, по характеристикѣ его стихами Пушкина: „Что радъ и честно и безчестно вредить онъ недругамъ своимъ“ и т. д., Бѣлинскій затѣмъ въ каждомъ дѣйствіи Мазепы въ поэмѣ склоненъ искать мелодрамы. Между тѣмъ во многихъ сценахъ поэмы Пушкинъ именно надѣляетъ своего героя чертами лица живого; при всей порочности Мазепы художественная правда поэта вложила въ него черты человѣческія. И это-то художественное дѣло поэта Бѣлинскій осуждаетъ, упорно ссылаясь на вышеприведенные стихи Пушкина о порочности Мазепы. Къ такимъ несправедливымъ сужденіямъ Бѣлинскаго должно отнести и это осужденіе встрѣчи съ Маріей. Всѣ тѣ мѣста, гдѣ является Мазепа не мелодраматическимъ *злодѣемъ*, къ удивленію читателя, вызываютъ со стороны Бѣлинскаго голословное обвиненіе въ мелодраматизмѣ.— [2]) Здѣсь Бѣлинскій неосмотрительно проходитъ молчаніемъ *связь* мыслей Пушкина „о гордыхъ и сильныхъ“, о Петрѣ Великомъ, о Карлѣ, Мазепѣ, Кочубеѣ и проч. Эта связь мы-

великимъ шагомъ впередъ со стороны Пушкина. Какъ архитектурное зданіе, она не поражаетъ общимъ впечатлѣніемъ, нѣтъ въ ней никакого преобладающаго элемента, къ которому бы всѣ другіе относились гармонически; но каждая часть въ отдѣльности есть превосходное художественное произведеніе. И никогда еще до того времени нашъ поэтъ не употреблялъ такихъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ на свои зданія, никогда не отдѣлывалъ ихъ съ большимъ художественнымъ совершенствомъ. Сколько простоты и энергіи въ его стихѣ! Какая живая соотвѣтственность между содержаніемъ и колоритомъ языка, которымъ оно передано! Есть что-то оригинальное, самобытное, чисто русское въ тонѣ разсказа, въ духѣ и оборотѣ выраженій!"

The power and glory of the war,
Faithless as their vain votaries, men,
Had pass'd to the triumphant Czar [1]).
Byron.

Предисловіе.

Полтавская битва есть одно изъ самыхъ важныхъ и самыхъ счастливыхъ происшествій царствованія Петра Великаго. Она избавила его отъ опаснѣйшаго врага; утвердила русское владычество на югѣ; обезпечила новыя заведенія на сѣверѣ и доказала государству успѣхъ и необходимость преобразованія, совершаемаго Царемъ.

Ошибка шведскаго короля вошла въ пословицу. Его упрекаютъ въ неосторожности, находятъ его походъ въ Украйну безразсуднымъ. На критиковъ не угодишь, особенно послѣ неудачи. Карлъ однакожъ симъ исходомъ избѣгнулъ славной ошибки Наполеона; онъ не пошелъ на Москву. И могъ ли онъ ожидать, что Малороссія, всегда безпокойная, не будетъ увлечена примѣромъ своего гетмана и не возмутится противу недавняго владычества Петра, что Левенгауптъ три дня сряду будетъ разбитъ, что наконецъ 25 т. шведовъ, предводительствуемыхъ своимъ королемъ, побѣгутъ передъ нарвскими бѣглецами? Самъ Петръ долго колебался, избѣгая главнаго сраженія, „яко зѣло опаснаго дѣла". Въ семъ походѣ Карлъ XII менѣе, нежели когда-нибудь, ввѣрялся своему счастію: оно уступило генію Петра.

слей о лицахъ поэмы есть замѣчательная попытка со стороны Пушкина объединить всю поэму въ ея эпилогѣ. Такая попытка должна была бы по крайней мѣрѣ быть указана критикомъ. Выясненіе этой идеи поэмы предложено г. Стоюнинымъ такъ: „Онъ (Пушкинъ) хочетъ связать свое время съ прошедшимъ нравственною связью, спрашивая: что же черезъ сто лѣтъ осталось

От сильныхъ гордыхъ, сихъ мужей
Столь полныхъ волею страстей?

И оказывается, что завидные слѣды оставляютъ тѣ дѣятели, которые умѣли направлять свои страсти къ общему благу; отъ тѣхъ же, которые отдавались только своимъ личнымъ интересамъ, какъ бы ни шумна была ихъ дѣятельность, остаются самые жалкіе слѣды" (Ист. Вѣстн. 1880, ст. VII).

[1]) т.-е. „Власть и слава войны, ненадежныя, какъ и ихъ поклонники-люди, перешли къ торжествующему Царю".

Мазепа есть одно изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ той эпохи. Нѣкоторые писатели хотѣли сдѣлать изъ него героя свободы, новаго Богдана Хмѣльницкаго. Исторія представляетъ его честолюбцемъ [2]), закоренѣлымъ въ коварствахъ и злодѣяніяхъ, клеветникомъ Самойловича, своего благодѣтеля, губителемъ отца несчастной своей любовницы, измѣнникомъ Петра передъ его побѣдою, предателемъ Карла послѣ его пораженія: память его, преданная церковію анаѳемѣ, не можетъ избѣгнуть и проклятія человѣчества.

Нѣкто въ романической повѣсти [3]) изобразилъ Мазепу старымъ трусомъ, блѣднѣющимъ предъ вооруженной женщиной, изобрѣтающимъ утонченные ужасы, годные во французской мелодрамѣ, и пр. Лучше было бы развить и объяснить настоящій характеръ мятежнаго гетмана, не искажая своевольно историческаго лица [4]).

31 января, 1829.

Пѣснь первая.

Богатъ и славенъ Кочубей*) [1]).
Его луга необозримы;
Тамъ табуны его коней
Пасутся вольны, не хранимы.
Кругомъ Полтавы хутора **)
Окружены его садами.
И много у него добра,
Мѣховъ, атласа, серебра
И на виду, и подъ замками.
Но Кочубей богатъ и гордъ
Не долгогривыми конями,
Не златомъ, данью крымскихъ ордъ,
Не родовыми хуторами—
Прекрасной дочерью своей
Гордится старый Кочубей ***).

И то сказать: въ Полтавѣ нѣтъ
Красавицы, Маріи равной.
Она свѣжа, какъ вешній цвѣтъ,
Взлелѣянный въ тѣни дубравной.
Какъ тополь кіевскихъ высотъ
Она стройна. Ея движенья
То лебедя пустынныхъ водъ

*) Василій Леонтьевичъ Кочубей, генеральный судія, одинъ изъ предковъ графовъ Кочубеевъ, нынѣшнихъ князей (Прим. П.).

**) *Хуторъ*—загородный домъ (Пр. П.).

***) У Кочубея было нѣсколько дочерей: одна изъ нихъ была замужемъ за Обидовскимъ, племянникомъ Мазепы. Та, о которой здѣсь упоминается, называлась Матреной (Пр. П.).

---

[2]) См. выше стр. 147. — [3]) Пушкинъ здѣсь имѣетъ въ виду повѣсть Е. Аладьина „Кочубей“ въ „Невск. Альманахѣ“ 1828 г. „Здѣсь Мазепа велитъ іезуиту утопить няньку, которая способствовала бѣгству Маріи (такъ и здѣсь названа Матрена Кочубей); самъ Мазепа подъ видомъ казака проникаетъ въ темницу отца, уговариваетъ его бѣжать; тотъ отказывается; Марія вооруженная идетъ къ Мазепѣ; тотъ пугается и обманываетъ ее, обѣщая помиловать отца“. (К. Бестужевъ-Рюминъ. Библіографъ. 1888, № 12). —[4]) Посвященіе поэмы см. т. I, № 156.

[1]) „Предки Кочубея были крымскіе князья, изъ коихъ выѣхавшій въ Украйну въ XVI столѣтіи принялъ греко-россійскую вѣру и нареченъ Андреемъ“... „Василій Леонтьевичъ Кочубей (внукъ Андрея) служилъ сначала при гетманѣ Дорошенкѣ... произведенъ въ генеральные писари 1687 г. и за службу подъ Азовомъ и въ другихъ походахъ, также за труды при слѣдствіи о гетманѣ Самойловичѣ, награжденъ многими деревнями, а въ 1694 г. пожалованъ генеральнымъ судьей“ (Ист. Мал. Росс. Бантышъ-Каменскаго. Часть III, прим.

Напоминаетъ плавный ходъ,
То лани быстрыя стремленья.
Какъ пѣна, грудь ея бѣла;
Вокругъ высокаго чела,
Какъ тучи, локоны чернѣютъ.
Звѣздой блестятъ ея глаза;
Ея уста, какъ роза, рдѣютъ.
Но не единая краса
(Мгновенный цвѣтъ!) молвою шумной
Въ младой Маріи почтена:
Вездѣ прославилась она
Дѣвицей скромной и разумной.
За то завидныхъ жениховъ
Ей шлетъ Украйна и Россія;
Но отъ вѣнца, какъ отъ оковъ,
Бѣжитъ пугливая Марія.
Всѣмъ женихамъ отказъ — и вотъ
За ней самъ гетманъ сватовъ шлетъ *) [2])...
Онъ старъ. Онъ удрученъ годами,
Войной, заботами, трудами;
Но чувства въ немъ кипятъ, и вновь
Мазепа вѣдаетъ любовь [3]).
Мгновенно сердце молодое
Горитъ и гаснетъ. Въ немъ любовь
Приходитъ и приходитъ вновь,
Въ немъ чувство каждый день иное:
Не столь послушно не слегка,
Не столь мгновенными страстями
Пылаетъ сердце старика,
Окаменѣлое годами.
Упорно, медленно оно
Въ огнѣ страстей раскалено;
Но поздній жаръ ужъ не остынетъ
И съ жизнью лишь его покинетъ.

Не серна подъ утесъ уходитъ.
Орла послыша тяжкій летъ;
Одна въ сѣняхъ невѣста бродитъ,
Трепещетъ и рѣшенья ждетъ.
И вся полна негодованьемъ
Къ ней мать идетъ и, съ содроганьемъ
Схвативъ ей руку, говоритъ:
„Безстыдный! старецъ нечестивый!
Возможно ль?.. Нѣтъ, пока мы живы,
Нѣтъ! онъ грѣха не совершитъ.
Онъ, должный быть отцомъ и другомъ
Невинной крестницы своей [4])...
Безумецъ на закатѣ дней,
Онъ вздумалъ быть ея супругомъ!“
Марія вздрогнула. Лицо
Покрыла блѣдность гробовая.
И охладѣвъ, какъ неживая,
Упала дѣва на крыльцо.

Она опомнилась, но снова
Закрыла очи — и ни слова
Не говоритъ. Отецъ и мать
Ей сердце ищутъ успокоить,
Боязнь и горесть разогнать,
Тревогу смутныхъ думъ устроить...

*) Мазепа, въ самомъ дѣлѣ, сваталъ свою крестницу, но былъ отказанъ (Пр. П).

98-е).—[2]) „Въ началѣ 1704 г. онъ (Мазепа) старался получить руку сей дѣвицы (Матрены Кочубей), но благочестивые родители съ ужасомъ отклонили предложеніе его“ (id., примѣч. 100).—[3]) „Шестидесятилѣтній старикъ превратился въ пылкаго юношу; изъ властелина сдѣлался рабомъ, умоляя жестокую прислать ему частицу волосъ, похищалъ за дорогія деньги красный кораллъ, который она носила на шеѣ, платья ея, держалъ ихъ при себѣ и орошалъ слезами“ (id.).—„Письма его дышали страстію огненною, исполненной силы, чувства, не свойственнаго его преклоннымъ лѣтамъ (id.).

[4]) „Мазепа былъ воспріемникомъ Матрены Кочубеевой отъ св. купели“ (id.).

Напрасно. Цѣлые два дня,
То молча плача, то стеня,
Марія не пила не ѣла,
Шатаясь, блѣдная какъ тѣнь,
Не зная сна. На третій день
Ея свѣтлица опустѣла [5])!

Никто не зналъ, когда и какъ
Она сокрылась. Лишь рыбакъ
Той ночью слышалъ конскій топотъ,
Казачью рѣчь и женскій шопотъ,
И утромъ слѣдъ осьми подковъ
Былъ виденъ на росѣ луговъ.

Не только первый пухъ ланитъ
Да русы кудри молодыя,
Порой и старца строгій видъ,
Рубцы чела, власы сѣдые
Въ воображенье красоты
Влагаютъ страстныя мечты.

И вскорѣ слуха Кочубея
Коснулась роковая вѣсть:
Она забыла стыдъ и честь,
Она въ объятіяхъ злодѣя!
Какой позоръ! Отецъ и мать
Молву не смѣютъ понимать.
Тогда лишь истина явилась
Съ своей ужасной наготой,
Тогда лишь только объяснилась
Душа преступницы младой;
Тогда лишь только стало явно,
Зачѣмъ бѣжала своенравно
Она семейственныхъ оковъ,
Томилась тайно, воздыхала
И на привѣты жениховъ
Молчаньемъ гордымъ отвѣчала;
Зачѣмъ такъ тихо за столомъ
Она лишь гетману внимала,
Когда бесѣда ликовала,
И чаша пѣнилась виномъ;
Зачѣмъ она всегда пѣвала
Тѣ пѣсни, кои онъ слагалъ *),
Когда онъ бѣденъ былъ и малъ,
Когда молва его не знала [6]);
Зачѣмъ съ неженскою душой
Она любила конный строй,

*) *Преданіе* приписываетъ Мазепѣ нѣсколько пѣсенъ, донынѣ сохранившихся въ памяти народной. Кочубей въ своемъ доносѣ также упоминаетъ о патріотической думѣ, будто бы сочиненное Мазепою. Она замѣчательна не въ одномъ историческомъ отношеніи (Пр. П.).

[5]) „Самолюбіе, свойственное слабому полу, довершило торжество злодѣя. Мазепа увезъ возлюбленную. Раздался вопль въ домѣ родителей оскорбленныхъ“ (id.).

[6]) Различно говорятъ о происхожденіи Мазепы: иные считаютъ его природнымъ полякомъ, другіе малороссіяниномъ. Вольтеръ, Леклеркъ, Голиковъ, Симоновскій, Лессюръ утверждаютъ, будто „Мазепа былъ шляхтичъ польскій, родившійся въ Подоліи; находился сначала пажемъ при дворѣ Іоанна Казимира; успѣлъ не только въ тѣлесныхъ упражненіяхъ, но и въ наукахъ; имѣлъ наружность пріятную; умъ бѣглый, сердце влюбчивое; нравился польскимъ дамамъ; вступилъ въ короткое знакомство съ супругою одного вельможи, жестоко наказанъ за увѣнчанную любовь: ревнивый мужъ привязалъ его къ дикой лошади и пустилъ на произволъ судьбы. Лошадь была казацкая, устремилась въ Украйну съ несчастнымъ любовникомъ. Малороссіяне отвязали его, излѣчили отъ ранъ“ и проч.—Знаменитый Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіепископъ Новгородскій, передалъ намъ въ исторіи Петра Великаго, что „Мазепа служилъ въ юномъ возрастѣ въ польскихъ дворахъ и оттуда безчестно вышелъ; былъ уроженецъ малороссійскій“.—Гордонъ и Шафонскій полагаютъ мѣстомъ рожденія его село Мазепинцы, въ Кіевской губерніи, близъ Бѣлой Церкви. Показаніе двухъ современниковъ, Ѳеофана и Гордона, не можетъ быть подвержено никакому сомнѣнію.—Несчастная любовь удалила Мазепу на родину, гдѣ еще болѣе научился онъ искусству лицемѣрить отъ лукаваго Дорошенки; сталъ извѣстенъ въ Малороссіи только въ 1674 году, когда власть гетмана Чигиринскаго начала

И бранный звонъ литавръ и клики
Предъ бунчукомъ и булавой
Малороссійскаго владыки *)...

Богатъ и знатенъ Кочубей.
Довольно у него друзей.
Свою омыть онъ можетъ славу.
Онъ можетъ возмутить Полтаву.
Внезапно средь его дворца
Онъ можетъ мщеніемъ отца
Постигнуть гордаго злодѣя;
Онъ можетъ вѣрною рукой
Вонзить... Но замыселъ иной
Волнуетъ сердце Кочубея.

Была та смутная пора,
Когда Россія молодая,
Въ бореньяхъ силы напрягая,
Мужала съ геніемъ Петра.
Суровый былъ въ наукѣ славы
Ей данъ учитель: не одинъ
Урокъ нежданный и кровавый
Задалъ ей шведскій паладинъ.
Но въ искушеньяхъ долгой кары,
Перетерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь... Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.
Вѣнчанный славой безполезной,
Отважный Карлъ скользилъ надъ бездной.
Онъ шелъ на древнюю Москву,
Взметая русскія дружины,
Какъ вихорь гонитъ прахъ долины
И клонитъ пыльную траву.
Онъ шелъ путемъ, гдѣ слѣдъ оставилъ
Въ дни наши новый, сильный врагъ,
Когда паденіемъ ославилъ
Мужъ рока свой попятный шагъ *).

---

*) Бунчукъ и булава—знаки гетманскаго достоинства (Пр. П.).

*) Смотри *Мазепу* Байрона (Пр. П.). Пушкинъ имѣетъ въ виду слѣдующее мѣсто этой поэмы:

Утихъ полтавскій страшный бой.
Фортуна Карла не спасла:
Въ концѣ измучена борьбой,
На мѣстѣ рать его легла.
Покрылъ вѣнецъ воинской славы—
Людей измѣнчивыхъ кумиръ—
Защитниковъ другой державы
И далъ стѣнамъ московскимъ миръ
До той всѣмъ памятной годины,
До тѣхъ ужасныхъ мрачныхъ дней,
Когда сильнѣйшія дружины
И имя громче и славнѣй,
Обрекши бурному крушенью,
Судьба позору предала,
И міръ въ глубокомъ ихъ паденьи,
Однимъ ударомъ потрясла (I стофа).

ослабѣвать, и Самойловичъ повелѣвалъ на обѣихъ сторонахъ Днѣпра.... Не долго Мазепа пользовался довѣренностію Дорошенка... сдѣлался онъ военноплѣннымъ храбраго Сѣрка, представленъ Самойловичу, отосланъ въ Москву. Добродѣтельный гетманъ (Самойловичъ) ходатайствовалъ за него, убѣдительнѣйше просилъ Государя: не ссылать посланца Дорошенкова ни въ какую ссылку, отпустить обратно въ Украйну. Мазепѣ позволено жить на сей сторонѣ Днѣпра съ женою и дѣтьми... Сему человѣку ввѣрилъ гетманъ Самойловичъ воспитаніе дѣтей своихъ.—Тягостно было званіе учителя для Мазепы, рожденнаго съ пылкимъ чувствомъ, желавшаго управлять народомъ, а не умами нѣсколькихъ юношей; но жертва сія, испытаніе рока, вели его къ предположенной цѣли. Онъ, угождая гетману, приготовлялъ будущее возвышеніе свое. Надежда не обманула его... Въ 1681 году Самойловичъ произвелъ наставника дѣтей своихъ въ Знатные Войсковые Товарищи, отправилъ въ Москву съ разными представленіями о Бахчисарайскомъ договорѣ; во второй разъ 1682 года съ поздравленіемъ по случаю бракосочетанія Государя и тогда же пожаловалъ своего любимца Генеральнымъ Есауломъ .. Онъ (Мазепа) завидовалъ своему благодѣтелю, помыш-

Украйна глухо волновалась [7]).
Давно въ ней искра разгоралась.
Друзья кровавой старины
Народной чаяли войны,
Роптали, требуя кичливо,
Чтобъ гетманъ узы ихъ расторгъ,
И Карла ждалъ нетерпѣливо
Ихъ легкомысленный восторгъ [8]).
Вокругъ Мазепы раздавался
Мятежный крикъ: пора, пора!
Но старый гетманъ оставался
Послушнымъ подданнымъ Петра.
Храня суровость обычайну,
Спокойно вѣдалъ онъ Украйну,
Молвѣ, казалось, не внималъ
И равнодушно пировалъ.

„Что жъ гетманъ?“ юноши твердили:
„Онъ изнемогъ, онъ слишкомъ старъ;
Труды и годы угасили
Въ немъ прежній, дѣятельный жаръ.
Зачѣмъ дрожащею рукою
Еще онъ носитъ булаву?
Теперь бы грянуть намъ войною
На ненавистную Москву!
Когда бы старый Дорошенко *)
Иль Самойловичъ молодой **),

*) Дорошенко, одинъ изъ героевъ древней Малороссіи, непримиримый врагъ Русскаго владычества (Пр. П.).
**) Григорій Самойловичъ, сынъ гетмана, сосланнаго въ Сибирь въ началѣ царствованія Петра I (Пр. П.).

лялъ, какъ бы исхитить изъ рукъ его булаву... ѣздилъ въ Москву, по порученію гетмана, въ началѣ 1686 и 1687 годовъ, съ злобою въ сердцѣ, съ лестью на устахъ, чтобы снискать благоволеніе двора; совершилъ, наконецъ, давно предначертанный планъ: написалъ на своего благодѣтеля ложный доносъ... Мазепа былъ сорока трехъ лѣтъ, когда получилъ достоинство гетмана (И. М. Р. III ч. 8—10).

[7]) „Малороссіяне не любили Мазепу. Хотя измѣнникъ и былъ окруженъ многими преданными людьми, но не могъ полагаться на войско и народъ, старался привлечь къ себѣ Запорожцевъ. Къ счастію его, своевольные сіи казаки (1708 г.) ограбили купцовъ греческихъ, которымъ выдано было за то изъ казны, по домогательству Порты Оттоманской, сто тысячъ ефимковъ. Мазепа воспользовался симъ случаемъ, чтобы раздражить царя противъ Запорожцевъ, послѣднихъ противъ него; умолялъ Петра объ истребленіи Сѣчи, источника всѣхъ смятеній и бунтовъ; и въ то время, какъ великодушный государь ограничилъ справедливый гнѣвъ однимъ только выговоромъ, коварный гетманъ увѣрялъ Запорожцевъ, что они спасеніемъ своимъ обязаны единственно его ходатайству; что царь ненавидитъ ихъ, намѣренъ истребить по окончаніи войны со шведами. Такіе же ложные слухи распространилъ онъ и въ народѣ посредствомъ приближенныхъ: будто въ скоромъ времени великороссійскіе воеводы не только уничтожатъ всѣ дарованныя Малороссіянамъ преимущества, но, обративъ казаковъ въ войско регулярное, возвратятъ отчизну Польшѣ. Народъ взволновался“. (И. М. Р. III ч. 85).

[8]) Мазепа въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Карлу XII пишетъ: „Многими обидами Малороссійскій народъ отъ Великороссійскаго отягощенъ, ничего инаго желати можетъ, только удобнаго къ отмщенію времени и сильнаго нѣкоего избавителя, яковаго лучшаго не видятъ, какъ твое Величество Государя“..... (Дѣян. Петра Вел. Голикова IV. 23.) L'Ukraine a toujours aspiré á être libre (Hist. de Ch. XII, кн. IX).

Иль нашъ Палѣй *) [9]) иль Гордѣнко **)
Владѣли силой войсковой,—
Тогда бъ въ снѣгахъ чужбины дальной
Не погибали казаки [10]),
И Малороссіи печальной
Освобождались ужъ полки †)".

Такъ, своеволіемъ пылая,
Роптала юность удалая,
Опасныхъ алча перемѣнъ,
Забывъ отчизны давній плѣнъ,
Богдана счастливые споры,
Святыя брани, договоры
И славу дѣдовскихъ временъ.
Но старость ходитъ осторожно
И подозрительно глядитъ:
Чего нельзя и что возможно,
Еще не вдругъ она рѣшитъ.
Кто снидетъ въ глубину морскую,
Покрытую недвижно льдомъ?
Кто испытующимъ умомъ
Проникнетъ бездну роковую
Души коварной? Думы въ ней—
Плоды подавленныхъ страстей,
Лежатъ погружены глубоко,
И замыселъ давнишнихъ дней
Быть можетъ, зрѣетъ одиноко.
Какъ знать? Но чѣмъ Мазепа злѣй,
Чѣмъ сердце въ немъ хитрѣй и ложнѣй
Тѣмъ съ виду онъ неосторожнѣй
И въ обхожденіи простѣй.
Какъ онъ умѣетъ самовластно
Сердца привлечь и разгадать,
Умами править безопасно,
Чужія тайны разрѣшать!
Съ какой довѣрчивостью лживой,
Какъ добродушно на пирахъ
Со старцами старикъ болтливый
Жалѣетъ онъ о прошлыхъ дняхъ,
Свободу славитъ съ своевольнымъ,
Поноситъ власти съ недовольнымъ.
Съ ожесточеннымъ слезы льетъ.
Съ глупцомъ разумну рѣчь ведетъ!

---

*) Симеонъ Палѣй, Хвастовскій полковникъ, славный наѣздникъ. За своевольные набѣги сосланъ былъ въ Енисейскъ, по жалобамъ Мазепы. Когда сей послѣдній оказался измѣнникомъ, то и Палѣй, какъ закоренѣлый врагъ его, былъ возвращенъ изъ ссылки и находился въ Полтавскомъ сраженіи (Пр. П.).

**) Костя Гордѣенко, Кошевой Атаманъ Запорожскихъ Казаковъ. Въ послѣдствіи передался Карлу XII. Взятъ въ плѣнъ и казненъ въ 1708 г. (Пр. П.).

†) 20,000 казаковъ было послано въ Лифляндію (Пр. П.).

---

[9]) (Палѣй), „именуясь только полковникомъ Хвастовскимъ, какъ князь удѣльный, управлялъ (1692) землями до самаго Днѣпра и Случи, собиралъ дань съ жителей, не допущалъ Татаръ нападать на Польшу и Россію; тревожилъ Буджатскія и Бѣлгородскія орды; взялъ однажды въ плѣнъ главнаго ихъ предводителя...; разорялъ Очаковъ; освободился отъ Магдебургскаго заточенія; разбилъ Поляковъ у Хвастова и подъ Бердичевымъ, и за неправду двора варшавскаго, покорился россійскому, доставивъ мужествомъ своимъ тишину всей Заднѣпровской Украйнѣ" (И. М. Р. III. 17).

[10]) „Малороссійскіе казаки не находились въ сраженіи Нарвскомъ, получили повелѣніе выступить только въ августѣ (1700). Сначала Искра, полковникъ полтавскій, отправленъ былъ на Смоленскъ къ Ригѣ съ трехъ-тысячнымъ отрядомъ, потомъ Обидовскій къ Новгороду съ пятнадцатитысячнымъ войскомъ. Они зимовали въ Псковѣ, Гдовѣ и псковскомъ Печерскомъ монастырѣ, тревожили безпрестанно непріятеля своими набѣгами въ Ливонію, возвращались съ многими плѣнными" (И. М. Р. III ч., 32). „Полковникъ Бурховецъ посланъ въ Лифляндію (1701) съ полкомъ Годяческимъ и двумя тысячами Запорожцевъ" (Id., 36).

Не многимъ, можетъ быть, извѣстно,
Что духъ его неукротимъ,
Что радъ и честно и безчестно
Вредить онъ недругамъ своимъ;
Что ни единой онъ обиды
Съ тѣхъ поръ, какъ живъ, не забывалъ,
Что далеко преступны виды
Старикъ надменный простиралъ;
Что онъ не вѣдаетъ святыни,
Что онъ не помнитъ благостыни,
Что онъ не любитъ ничего [11]),
Что кровь готовъ онъ лить какъ воду [12]),
Что презираетъ онъ свободу,
Что нѣтъ отчизны для него.

Издавна умыселъ ужасный
Взлелѣялъ тайно злой старикъ
Въ душѣ своей. Но взоръ опасный,
Враждебный взоръ его проникъ [13]).
„Нѣтъ, дерзкій хищникъ, нѣтъ, губитель!“
Скрежеща мыслитъ Кочубей!
„Я пощажу твою обитель,
Темницу дочери моей;
Ты не истлѣешь средь пожара,
Ты не издохнешь отъ удара
Казачей сабли. Нѣтъ, злодѣй,
Въ рукахъ московскихъ палачей,
Въ крови, при тщетныхъ отрицаньяхъ,
На дыбѣ, корчась въ истязаньяхъ,
Ты проклянешь и день и часъ,
Когда ты дочь крестилъ у насъ,
И пиръ, на коемъ чести чашу

---

[11]) Θеофанъ Прокоповичъ, знавшій лично измѣнника, описываетъ его слѣдующимъ образомъ:
„Мазепа сколько былъ преданъ въ глубинѣ души своей полякамъ, столько ненавидѣлъ россіянъ; но никто не могъ замѣтить сего, ибо онъ всегда оказывалъ имъ великое почтеніе, любовь и доброжелательство. Проницательный умъ его наблюдалъ за поступками людей, взвѣшивалъ всѣ ихъ слова и даже старался угадывать сокровенныя намѣренія. Онъ былъ до такой степени скрытенъ и остороженъ, что часто казался не понимавшимъ говоренныя при немъ двусмысленныя рѣчи; когда же намѣревался вывѣдать какую тайну, выдавалъ себя за человѣка откровеннаго и въ подобныхъ случаяхъ прибѣгалъ обыкновенно къ пособію вина; притворялся пьянымъ; нападалъ на хитрыхъ людей, выхвалялъ чистосердечныхъ, и непримѣтнымъ образомъ доводилъ разгоряченныхъ напиткомъ собесѣдниковъ до желаемой цѣли“. (И. М. Р. III, 84).—„Одаренный отъ природы умомъ необыкновеннымъ, получивъ у іезуитовъ отличное образованіе, Мазепа, кромѣ малороссійскаго языка, зналъ латинскій, нѣмецкій и польскій; имѣлъ даръ слова и искусство убѣждать; но съ хитростію, осторожностію Виговскаго соединялъ въ себѣ злобу, мстительность, любостяжаніе Брюховецкаго; превосходилъ Дорошенка въ славолюбіи, всѣхъ въ неблагодарности“.—„Въ силѣ мужества, соединяя съ умомъ образованнымъ даръ обворожительный вкрадываться въ изгибы сердца человѣческаго, сей властитель народа могъ быть душою подчиненныхъ, но онъ не заботился о томъ“ (И. М. Р. III, 9, 10).—[12]) „Ему нужны были жертвы, и кровь невиннаго юноши (Григорія Самойловича, его ученика) покрыла безславіемъ первые дни его владычества“ (id. 10).

[13]) „Старался Мазепа скрывать отъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи коварныя свои предпріятія, но генеральный судья Василій Леонтьевичъ Кочубей проникъ оныя и поклялся обнаружить. Кочубей съ давнихъ временъ питалъ ненависть къ Мазепѣ“.—Въ примѣчаніи 99-мъ объяснено: „Изъ записокъ Кочубея видно, что вражда между имъ и Мазепою возымѣла начало еще въ 1691 году“. Далѣе Б.-Каменскій объясняетъ рѣшеніе Кочубея отомстить Мазепѣ такъ: „Обративъ прилежное вниманіе на поступки Мазепы и удостовѣряясь въ тайныхъ сношеніяхъ его съ врагами отечества, Кочубей, увлекаемый вѣрностію къ престолу, рѣшился донести на него государю“. (И. М. Р. ч. III, стр. 58).

Тебѣ я полну наливалъ,
И ночь, когда голубку нашу
Ты, старый коршунъ, заклевалъ!..“

Такъ! было время, съ Кочубеемъ
Былъ другъ Мазепа; въ оны дни,
Какъ солью, хлѣбомъ и елеемъ,
Дѣлились чувствами они.
Ихъ кони по полямъ побѣды
Скакали рядомъ сквозь огни;
Нерѣдко долгія бесѣды
Наединѣ вели они [14]).
Предъ Кочубеемъ гетманъ скрытный
Души мятежной, ненасытной
Отчасти бездну открывалъ,
И о грядущихъ измѣненьяхъ,
Переговорахъ, возмущеньяхъ
Въ рѣчахъ неясныхъ намекалъ.
Такъ было сердце Кочубея
Въ то время предано ему.
Но въ горькой злобѣ свирѣпѣя,
Теперь позыву одному
Оно послушно, онъ голубитъ
Едину мысль и день и ночь:
Иль самъ погибнетъ, иль погубитъ—
Отмститъ поруганную дочь.

Но предпріимчивую злобу
Онъ крѣпко въ сердцѣ затаилъ.
Въ безсильной горести, ко гробу
Теперь онъ мысли устремилъ.
Онъ зла Мазепѣ не желаетъ;
Всему виновна дочь одна.
Но онъ и дочери прощаетъ:
Пусть Богу дастъ отвѣтъ она,
Покрывъ семью свою позоромъ,
Забывъ и небо, и законъ...

А между тѣмъ орлинымъ взоромъ
Въ кругу домашнемъ ищетъ онъ
Себѣ товарищей отважныхъ,
Неколебимыхъ, непродажныхъ.
Во всемъ открылся онъ женѣ: *)
Давно въ глубокой тишинѣ
Уже доносъ онъ грозный копитъ.
И гнѣва женскаго полна,
Нетерпѣливая жена
Супруга злобнаго торопитъ.
Въ тиши ночной, на ложѣ сна
Какъ нѣкій духъ, ему она
О мщеньи шепчетъ, укоряетъ,
И слезы льетъ, и ободряетъ [15]),
И клятвы требуетъ—и ей

---

*) Мазепа въ одномъ письмѣ упрекаетъ Кочубея въ томъ, что имъ управляетъ жена его, *гордая и высокоумная* (Пр. П.).

---

14) Пушкинъ здѣсь имѣетъ въ виду то время, когда Мазепа наградилъ Кочубея за то, что тотъ скрѣпилъ въ званіи генеральнаго писаря сочиненный Мазепою ложный доносъ на Самойловича, послѣ котораго Мазепа и сталъ гетманомъ, а Кочубея осыпалъ наградами (1694—1700 г.). Объ одной изъ такихъ (ст. 269) бесѣдъ упоминается въ доносѣ, представленномъ Кочубеемъ судьямъ (Шафирову и Головкину): „10 іюня 1706 г. Мазепа, выпивъ у Кочубея лишнюю рюмку, сказалъ со вздохомъ, когда пили за его здоровье: „Что мнѣ за утѣха, коли я живу никогда не маючи совершенной надѣи своей цѣлости и всегда ожидая якъ волъ обуха! ...Я... промышляю о своей цѣлости и войсковой вольности, но не вижу въ своихъ единомыслія..“ (И. М. Р., т. III, стр. 69).

15) О сочувствіи жены Кочубея доносу Бантышъ-Каменскій повѣствуетъ такъ „Въ сіе время (во время бесѣды съ Никаноромъ (см. вын. 17) жена Кочубея, Любовь, принесла... крестъ, писанный на деревѣ и, отдавая оный Никанору, произнесла со слезами достопамятныя слова: „Какъ Спаситель пострадалъ за насъ, такъ и намъ должно умереть за великаго Государя“. Такъ описываетъ Б.-Каменскій обстоятельства перваго доноса 1707 г. (id., стр. 59). Онъ упоминаетъ ниже о второмъ доносѣ 1808 г. чрезъ полтавскаго жителя перекреста Петра Янценка, или Яковлева (id., стр. 60).

Клянется мрачный Кочубей.

Ударъ обдуманъ. Съ Кочубеемъ
Безстрашный Искра *) заодно.
И оба мыслятъ: „Одолѣемъ—
Врага паденье рѣшено.
Но кто жъ, усердьемъ пламенѣя,
Ревнуя къ общему добру,
Доносъ на мощнаго злодѣя
Предубѣжденному Петру
Къ ногамъ положитъ не робѣя?“

Между полтавскихъ казаковъ,
Презрѣнныхъ дѣвою несчастной,
Одинъ съ младенческихъ годовъ
Ее любилъ любовью страстной [17]).
Вечерней, утренней порой,
На берегу рѣки родной,
Въ тѣни украинскихъ черешенъ,
Бывало онъ Марію ждалъ,
И ожиданіемъ страдалъ,
И кроткой встрѣчей былъ утѣшенъ.
Онъ безъ надеждъ ее любилъ,
Не докучалъ онъ ей мольбою:
Отказа бъ онъ не пережилъ.
Когда наѣхали толпою
Къ ней женихи, изъ ихъ рядовъ
Уныль и сиръ онъ удалился.
Когда же вдругъ межъ казаковъ
Позоръ Маріинъ огласился,
И безпощадная молва
Ее со смѣхомъ поразила—
И тутъ Марія сохранила
Надъ нимъ привычныя права.
Но если кто хотя случайно
Предъ нимъ Мазепу называлъ,
То онъ блѣднѣлъ, терзаясь тайно,
И взоры въ землю опускалъ.

Кто при звѣздахъ и при лунѣ
Такъ поздно ѣдетъ на конѣ?
Чей это конь неутомимый
Бѣжитъ въ степи необозримой?

Казакъ на сѣверъ держитъ путь,
Казакъ не хочетъ отдохнуть
Ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ,
Ни при опасной переправѣ.

Какъ стекло булатъ его блеститъ,

*) Искра, полтавскій полковникъ, товарищъ Кочубея, раздѣлившій съ нимъ его умыселъ и участь (Пр. П). [16]).

16) „Искра былъ своякъ Кочубея“ (И. М. Р., т. III, прим. 101). „Кочубей... открылся въ своемъ предпріятіи Ивану Искрѣ, бывшему полтавскому полковнику“ (И. М. Р., т. III, стр. 60).

17) Поэтъ отступаетъ здѣсь отъ исторіи, вводя вымышленное лицо. „Ист. Малороссіи“ повѣствуетъ объ этомъ такъ: „Долго колебался онъ (Кочубей) въ выборѣ; наконецъ рѣшился открыть свою тайну іеромонаху Никанору, прибывшему въ Батуринъ“ (1707). (И. М. Р., стр. 59).

Черновая программа поэмы (см. выше), гдѣ при упоминаніи о доносѣ поставлено имя Чуйкевича, свидѣтельствуетъ, что на мысль сдѣлать казака, влюбленнаго въ Марію, посланцемъ съ доносомъ, Пушкинъ былъ наведенъ „Исторіей Малой Россіи“ Бантыша-Каменскаго, гдѣ помѣщенъ самый доносъ (изветъ) Кочубея. Кочубей, обличая въ немъ Мазепу, упоминаетъ о препятствіи, которое Мазепа ставилъ браку Матрены съ Чуйкевичемъ (ч. III, стр. 67). Бракъ этотъ, по тому же историческому свидѣтельству, состоялся, и Чуйкевичъ помогалъ Кочубею слѣдить за Мазепой, когда онъ былъ тайнымъ измѣнникомъ.

Изъ этого можно видѣть, что и вся дальнѣйшая судьба Маріи есть свободная фантазія Пушкина.

Мѣшокъ за пазухой звенитъ;
Не спотыкаясь, конь ретивый
Бѣжитъ, размахивая гривой.

Червонцы нужны для гонца,
Булатъ—потѣха молодца,
Ретивый конь—потѣха тоже;
Но шапка для него дороже.

За шапку онъ оставить радъ
Коня, червонцы и булатъ;
Но выдастъ шапку только съ бою
И то лишь съ буйной головою.

Зачѣмъ онъ шапкой дорожитъ?
Затѣмъ, что въ ней доносъ зашитъ,
Доносъ на гетмана злодѣя
Царю Петру отъ Кочубея.

Грозы не чуя между тѣмъ,
Неужасаемый ничѣмъ,
Мазепа козни продолжаетъ [18]),
Съ нимъ полномощный езуитъ *) [19])
Мятежъ народный утверждаетъ
И шаткій тронъ ему сулитъ.
Во тьмѣ ночной они какъ воры
Ведутъ свои переговоры,
Измѣну цѣнятъ межъ собой,
Слагаютъ цифръ универсаловъ **),
Торгуютъ царской головой,
Торгуютъ клятвами вассаловъ.
Какой-то нищій [20]) во дворецъ
Невѣдомо отколѣ ходитъ,
И Орликъ***), гетмановъ дѣлецъ,

---

*) Іезуитъ Зеленской, княгиня Дульская и какой-то болгарскій архіепископъ, изгнанный изъ своего отечества, были главными агентами Мазепиной измѣны. Послѣдній въ видѣ нищаго ходилъ изъ Польши въ Украйну и обратно (Пр. П.).

**) Такъ назывались манифесты гетмановъ (Пр. П.).

***) Филиппъ Орликъ, генеральный писарь, наперсникъ Мазепы, послѣ смерти (въ 1710) сего послѣдняго, получилъ отъ Карла XII пустой титулъ малороссійскаго гетмана. Впослѣдствіи принялъ магометанскую вѣру, и умеръ въ Бендерахъ около 1736 года (Пр. П.).

---

[18]) Историки старались объяснить причину измѣны Мазепы слѣдующимъ образомъ: „Въ началѣ 1706 года Мазепа двинулся съ своими войсками къ Минску: здѣсь помрачилъ онъ свою славу новыми злодѣяніями, и если вѣрить Прокоповичу, въ то же время поселилась гнусная измѣна въ сердцѣ сего неблагодарнаго, облагодѣтельствованнаго Петромъ вельможи“. (И. М. Р., III), 50). „Ѳеофанъ Прокоповичъ и Голиковъ приписываютъ дѣйствію любви возвышеніе и паденіе сего удивительнаго человѣка, утверждая, что въ бытность его въ Польшѣ, 1706 года, познакомился онъ съ княгиней Дульской, родственницею короля Лещинскаго, и для полученія ея руки согласился снова привесть Малороссію въ подданство польское на слѣдующихъ, будто, условіяхъ: 1) чтобъ ему оставаться гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра и 2) быть владѣтельнымъ княземъ Сѣверскимъ. Договоръ сей, по ихъ показанію, подтвержденъ Станиславомъ и Карломъ XII“. (Адельфредъ въ Исторіи Карла XII говоритъ, что Мазепа желалъ быть не Сѣверскимъ, а Полоцкимъ или Витебскимъ владѣтельнымъ княземъ, на правахъ герцога Курляндскаго. Histoire militaire de Charles XII, t. IV, page 8 et suiv.) (И. М. Р. III, 50 и прим. 87 и 114).

[19]) „Въ двухъ доносахъ Кочубея упоминается іезуитъ Зеленскій, ѣздившій съ Орликомъ по ночамъ къ гетману и служащій для переговоровъ съ польскимъ королемъ“ (И. М. Р. III. 61 и 69).

[20]) „Никто не зналъ о... договорахъ (Между Мазепою и королемъ шведскимъ), кромѣ обоихъ королей, Мазепы, графа Пипера (министра Карла XII), одного польскаго сенатора и изгнаннаго изъ отчества болгарскаго архіепископа. Послѣдній, въ видѣ нищаго, скитался отъ Мазепы къ Карлу и обратно“. (Прим. 114 къ И. М. Р., т. III).

Его приводитъ и выводитъ.
Повсюду тайно сѣютъ ядъ
Его подосланные слуги:
Тамъ, на Дону, казачьи круги
Они съ Булавинымъ *) [21]) мутятъ,
Тамъ будятъ дикихъ ордъ отвагу;
Тамъ, за порогами Днѣпра,
Стращаютъ буйную ватагу
Самодержавіемъ Петра.
Мазепа всюду взоръ кидаетъ,
И письма шлетъ изъ края въ край,
Угрозой хитрой подымаетъ
Онъ на Москву Бахчисарай.
Король ему въ Варшавѣ внемлетъ,
Въ стѣнахъ Очакова паша [22]),
Во станѣ Карлъ и Царь. Не дремлетъ
Его коварная душа;
Онъ думой думу развивая,
Вѣрнѣй готовитъ свой ударъ;
Въ немъ не слабѣетъ воля злая,
Неутомимъ преступный жаръ.

Но какъ онъ вздрогнулъ, какъ воспрянулъ,
Когда предъ нимъ незапно грянулъ
Упадшій громъ! когда ему,
Врагу Россіи, самому
Вельможи русскіе **) послали
Въ Полтавѣ писанный доносъ,
И вмѣсто праведныхъ угрозъ,
Какъ жертвѣ, ласки расточали!
И озабоченный войной,
Гнушаясь мнимой клеветой,
Доносъ оставя безъ вниманья,
Самъ Царь Іуду утѣшалъ,
И злобу шумомъ наказанья
Смирить надолго обѣщалъ [23])!

Мазепа въ горести притворной,

---

*) *Булавинъ,* донской казакъ, бунтовавшій около того времени (Пр. П.).

**) Тайный секретарь Шафировъ и гр. Головкинъ, друзья и покровители Мазепы; на нихъ по справедливости долженъ лежать ужасъ суда и казни доносителей (Пр. П.).

---

21) „Вѣроятно, Мазепа участвовалъ также въ бунтѣ донскихъ казаковъ. Извѣстно, что Булавинъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ запорожцами, которые вспомоществовали ему подъ Азовомъ; онъ былъ нѣкоторое время въ Сѣчи. Мазепа посылалъ противъ него два полка, которые ни съ чѣмъ возвратились, въ то время, какъ преданный ему кошевой Костя Гордѣенко безпрекословно выдалъ бы сего мятежника... Преждевременная смерть Булавина сокрыла тайну, долженствовавшую изобличить Мазепу“. (И. М. Р. III ч., 86).

22) „Тайные переговоры (1708) съ Портою Оттоманскою и крымцами также ласкали его въ честолюбивыхъ видахъ. Мазепа... обѣщалъ платить дань повелителю турокъ и хану, если съ помощью оружія ихъ освободится отъ ига и тиранства русскаго. (И. М. III, 92).

23) „Петръ I извѣстилъ неблагодарнаго Мазепу о покушеніи Кочубея и Искры и, относя ихъ навѣтъ непріятельской факціи, сообщалъ о принятыхъ имъ мѣрахъ для поимки доносителей, просилъ измѣнника: не имѣть о томъ ни малѣйшей печали и сомнѣнія...

„Марта 11 Петръ выѣхалъ изъ Бѣшенковичъ въ Спб., приказавъ гр. Головкину отпустить Скоропадскаго къ Мазепѣ съ грамотою, которая оканчивалась: „Мы, Великій Государь, вѣдая вѣрную и непоколебимую вашу издревле долголѣтнюю усердную службу, какъ блаженныя памяти отцу и брату Нашему, такъ и Намъ, Великому Государю, васъ, вѣрнаго Нашего подданнаго, милостиво обнадеживаемъ, что такимъ клеветникамъ, на васъ ложно навѣтующимъ, никакая вѣра отъ Насъ не дастся, но наипаче оные, купно съ наустителями, воспріимутъ по дѣламъ своимъ достойную казнь и проч.“ (И. М. Р. III. 63 и 64). „Гр. Головкинъ и Шафировъ также успокоивали встревоженнаго Мазепу. Первый писалъ къ нему: „Изъ собственнаго Вашего Сіятельства ко мнѣ отзыва

Къ Царю возноситъ гласъ покорной [24]):
„И знаетъ Богъ и видитъ свѣтъ:
Онъ, бѣдный гетманъ, двадцать лѣтъ
Царю служилъ душою вѣрной;
Его щедротою безмѣрной
Осыпанъ, дивно вознесенъ...
О, какъ слѣпа, безумна злоба!
Ему ль теперь у двери гроба
Начать ученіе измѣнъ
И потемнять благую славу?
Не онъ ли помощь Станиславу *)
Съ негодованьемъ отказалъ,
Стыдясь, отвергъ вѣнецъ Украйны,
И договоръ, и письма тайны
Къ Царю по долгу отослалъ?
Не онъ ли наущеньямъ хана **)
И цареградскаго султана
Былъ глухъ [25])? Усердіемъ горя,
Съ врагами бѣлаго Царя
Умомъ и саблей радъ былъ спорить,

*) Въ 1705 году. Смотри примѣчанія къ Исторіи Малороссіи Б.-Каменскаго. (Пр. П.).

**) Во время неудачнаго похода въ Крымъ Казы-Гирей предлагалъ ему соединиться съ нимъ и вмѣстѣ напасть на русское войско. (Пр. П.).

смотрѣлъ я, что Вы зѣло сокрушаетесь о послѣдовавшемъ на Васъ ложномъ доносѣ; но я Вашему Сіятельству чистымъ пріятельскимъ сердцемъ объявляю, что ни мало не надлежитъ Вашей милости о томъ оскорбляться; ибо Царское Величество ни малаго сомнѣнія въ Вашей вѣрности не имѣетъ, такъ что и слышать о семъ не хочетъ“. (И. М. Р. III, 65).

[24]) Пушкинъ читалъ письмо Мазепы къ нему въ примѣчаніяхъ къ III ч. И. М. Р. Б.-Каменскаго: „Пресвѣтлѣйшій, Самодержавнѣйшій Царь... Уже то на гетманскомъ моемъ урядѣ четвертое на меня искушеніе... Отъ покойнаго короля польскаго Яна... Собескаго... отъ хана крымскаго... отъ донцовъ раскольщиковъ... А нынѣ ужъ четвертое отъ короля шведскаго и отъ короля польскаго, беззаконно нынѣ въ Варшавѣ коронованнаго, Лещинскаго, устремилося на мою душу и непреборимую подданскую вѣрность искушеніе, которые, искушая меня своими факціями и злоковарными прелестями къ себѣ приклонити, прислали изъ Варшавы въ сихъ числѣхъ въ обозъ ко мнѣ нѣкаго шляхтича, котораго я, приказавъ распросити съ пыткою, посылаю его распросныя рѣчи ко Двору Вашего Величества... И я гетманъ и вѣрный В. В. подданный, по должности и обѣщанію моему, на Божественномъ Евангеліи утвержденномъ, какъ Отцу Вашему... Алексѣю Михайловичу и брату Вашему... Ѳеодору Алексѣевичу чрезъ весь вѣкъ прежняго моего житія вѣрно и ни въ чемъ не преткновенно служилъ: такожде и нынѣ Вамъ, Великому Государю...“ (И. М. Р. III, Пр. 84). Въ письмѣ гр. Головкину: „Ваша Вельможность явилъ себе мнѣ истиннымъ покровителемъ и заступникомъ и яко пророкъ Даніилъ Сусанну, неповиннѣ оклеветанную беззаконными старцами, свободилъ отъ смерти праведнымъ судомъ, тако и Ваша Вельможность, уподобляя себе правосудіемъ Мужу желаній, защитилъ мене отъ клеветавшихъ на мя неправду. Симъ токмо Ваша Вельможность разнствуетъ и превосходитъ Даніила: что онъ безстудныхъ старцевъ, солгавшихъ неправду себѣ, въ единой вымышленнаго прелюбодѣянія лжи обличилъ и оклеветанную Сусанну оправдалъ, а Ваша Вельможность своимъ высокимъ разумомъ, праведнымъ судомъ, и благосовѣстною христіанскою ревностію, столь многими лжами, клеветами, напастями и враждебными навѣтами окаляиную непорочную мою вѣрность очистилъ и обратилъ болѣзнь и неправду клеветниковъ моихъ на главы ихъ; за что донели же въ живыхъ обрѣтатися буду, не престану Вашей Вельможности благодарствовать и всячески труды и попеченія его награждать и проч.“ (id. пр. 110).

[25]) „Тщетно... ханъ крымскій, бунтовавшіе донскіе казаки и Станиславъ Лещинскій старались въ разное время преклонить его на свою сторону. Онъ пребылъ непоколебимъ. Такъ протекло 18 лѣтъ его гетманства“ (И. М. Р., III, 50).

Трудовъ и жизни не жалѣлъ,—
И нынѣ злобный недугъ смѣлъ
Его сѣдины опозорить!
И кто же? Искра, Кочубей!
Такъ долго бывъ его друзьями!..“
И съ кровожадными слезами,
Въ холодной дерзости своей,
Ихъ казни требуетъ злодѣй *) [26])...
Чьей казни?... Старецъ непреклонный!
Чья дочь въ объятіяхъ его?
Но хладно сердце своего
Онъ заглушаетъ ропотъ сонный.
Онъ говоритъ: „Въ неравный споръ
Зачѣмъ вступаетъ сей безумецъ?
Онъ самъ, надменный вольнодумецъ,
Самъ точитъ на себя топоръ.
Куда бѣжитъ, зажавши вѣжды?
На чемъ онъ основалъ надежды?
Или... но дочери любовь
Главы отцовской не искупитъ.
Любовникъ гетману уступитъ,
Не то—моя прольется кровь“.

Марія, бѣдная Марія,
Краса черкасскихъ дочерей,
Не знаешь ты, какого змія
Ласкаешь на груди своей!
Какой же властью непонятной
Къ душѣ свирѣпой и развратной
Такъ сильно ты привлечена?
Кому ты въ жертву отдана?
Его кудрявыя сѣдины,
Его глубокія морщины,
Его блестящій, впалый взоръ,
Его лукавый разговоръ
Тебѣ всего, всего дороже [27])—
Ты мать забыть для нихъ могла,
Соблазномъ постланное ложе
Ты отчей сѣни предпочла!
Своими чудными очами
Тебя старикъ заворожилъ,
Своими тихими рѣчами
Въ тебѣ онъ совѣсть усыпилъ;
Ты на него съ благоговѣньемъ
Возводишь ослѣпленный взоръ,
Его лелѣешь съ умиленьемъ—
Тебѣ пріятенъ твой позоръ,
Ты имъ, въ безумномъ упоеньи,
Какъ цѣломудріемъ горда—
Ты прелесть нѣжную стыда
Въ своемъ утратила паденьи...

Что стыдъ Маріи? что молва?
Что для нея мірскія пени,
Когда склоняется въ колѣни
Къ ней старца гордая глава,
Когда съ ней гетманъ забываетъ
Судьбы своей и трудъ и шумъ,

---

*) Въ своихъ письмахъ онъ жаловался, что доносителей пытали слишкомъ легко, и неотступно требовалъ ихъ казни, сравнивая себя съ Сусанною, неповинно оклеветанною беззаконными старцами, а графа Головкина съ пророкомъ Даніиломъ (Пр. П.).

---

26) „Нестерпимая печаль снѣдаетъ меня“, писалъ онъ гр. Головкину, „что явные враги мои, всенародные возмутители, и древніе Его Царскаго Величества недоброхоты, легко были допрашиваны, яко въ писаніи Вашей Вельможности познается; а надобно бъ было жестоко истязать ихъ; въ которомъ истязаніи показалося бъ того ихъ воровства самое основаніе“ (И. М. Р. III, 80).

27) Мазепа имѣлъ ростъ нѣсколько больше посредственнаго, лицомъ сухощавъ, станомъ тонокъ и проворенъ, взоръ гордый и суровый, видъ задумчивый“ (Дѣянія Петра Вел. Голикова, т. XVI, стр. 64). „Мазепа шестидесятичетырехъ лѣтъ, средняго роста, худощавъ собою, имѣетъ строгій видъ и усы, по польскому обычаю: со всѣмъ тѣмъ нрава веселаго, склоненъ къ смѣху и къ тому, чтобы смѣшить другихъ забавными выходками“ (И. М. Р., стр. 96, т. III).

Иль тайны смѣлыхъ, грозныхъ думъ
Ей, дѣвѣ робкой, открываетъ?
И дней невинныхъ ей не жаль,
И душу ей одна печаль
Порой, какъ туча, затмѣваетъ:
Она унылыхъ предъ собой
Отца и мать воображаетъ;
Она, сквозь слезы, видитъ ихъ
Въ бездѣтной старости, однихъ,
И мнится, пенямъ ихъ внимаетъ...
О, если бъ вѣдала она,
Что ужъ узнала вся Украйна!
Но отъ нея сохранена
Еще убійственная тайна.

Пѣснь вторая.

Мазепа мраченъ. Умъ его
Смущенъ жестокими мечтами.
Марія нѣжными очами
Глядитъ на старца своего.
Она, обнявъ его колѣни,
Слова любви ему твердитъ —
Напрасно: черныхъ помышленій
Ея любовь не удалитъ.
Предъ бѣдной дѣвой съ невниманьемъ
Онъ хладно потупляетъ взоръ,
И ей на ласковый укоръ
Однимъ отвѣтствуетъ молчаньемъ.
Удивлена, оскорблена,
Едва дыша, встаетъ она
И говоритъ съ негодованьемъ:
„Послушай, гетманъ, для тебя
Я позабыла все на свѣтѣ.
Навѣкъ однажды полюбя,
Одно имѣла я въ предметѣ —
Твою любовь. Я для нее
Сгубила счастіе мое.
Но ни о чемъ я не жалѣю —
Ты помнишь: въ страшной тишинѣ,
Въ ту ночь, какъ стала я твоею,
Меня любить ты клялся мнѣ,
Зачѣмъ же ты меня не любишь?

Мазепа.

Мой другъ, несправедлива ты!
Оставь безумныя мечты;
Ты подозрѣньемъ сердце губишь.
Нѣтъ, душу пылкую твою
Волнуютъ, ослѣпляютъ страсти.
Марія, вѣрь, тебя люблю
Я больше славы, больше власти.

Марія.

Неправда, ты со мной хитришь.
Давно ль мы были неразлучны?
Теперь ты ласкъ моихъ бѣжишь,
Теперь онѣ тебѣ докучны;
Ты цѣлый день въ кругу старшинъ,
Въ пирахъ, разъѣздахъ—я забыта;
Ты долгой ночью иль одинъ,
Иль съ нищимъ, иль у езуита.
Любовь смиренная моя
Встрѣчаетъ хладную суровость.
Ты пилъ недавно, знаю я,
Здоровье Дульской. Это новость.
Кто эта Дульская?

Мазепа.

И ты
Ревнива? Мнѣ ль, въ мои ли лѣта
Искать надменнаго привѣта
Самолюбивой красоты?

И стану ль я, старикъ суровый,
Какъ праздный юноша, вздыхать,
Влачить позорныя оковы
И женъ притворствомъ искушать?

Марія.

Нѣтъ, объяснись, безъ отговорокъ,
И просто, прямо отвѣчай.

Мазепа.

Покой души твоей мнѣ дорогъ,
Марія; такъ и быть, узнай.

Давно замыслили мы дѣло;
Теперь оно кипитъ у насъ.
Благое время намъ приспѣло,
Борьбы великой близокъ часъ.
Безъ милой вольности и славы
Склоняли долго мы главы
Подъ покровительствомъ Варшавы,
Подъ самовластіемъ Москвы.
Но независимой державой
Украйнѣ быть уже пора,
И знамя вольности кровавой
Я поднимаю на Петра.
Готово все: въ переговорахъ
Со мною оба короля;
И скоро въ смутахъ, въ бранныхъ спорахъ,
Быть можетъ, тронъ воздвигну я.
Друзей надежныхъ я имѣю:
Княгиня Дульская и съ ней
Мой іезуитъ, да нищій сей
Къ концу мой замыселъ приводятъ.
Чрезъ руки ихъ ко мнѣ доходятъ
Наказы, письма королей.
Вотъ важныя тебѣ признанья.
Довольна ль ты? Твои мечтанья
Разсѣяны ль?

Марія.

О милый мой,
Ты будешь царь земли родной!
Твоимъ сѣдинамъ какъ пристанетъ
Корона царская!

Мазепа.

Постой,
Не все свершилось. Буря грянетъ;
Кто можетъ знать, что ждетъ меня?

Марія.

Я близъ тебя не знаю страха—
Ты такъ могущъ! О, знаю я:
Тронъ ждетъ тебя.

Мазепа.

А если плаха!..

Марія.

Съ тобой на плаху, если такъ.
Ахъ, пережить тебя могу ли?
Но нѣтъ, ты носишь власти знакъ.

Мазепа.

Меня ты любишь?

Марія.

Я люблю ли?

Мазепа.

Скажи: отецъ или супругъ
Тебѣ дороже?

Марія.

Милый другъ,
Къ чему вопросъ такой? тревожитъ
Меня напрасно онъ. Семью
Стараюсь я забыть мою.
Я стала ей въ позоръ; быть можетъ,
(Какая страшная мечта!)
Моимъ отцомъ я проклята,
А за кого?

Мазепа.

Такъ я дороже
Тебѣ отца? Молчишь...

Марія.

О Боже!

Мазепа.

Что жъ, отвѣчай!

Марія.
Рѣши ты самъ.
Мазепа.
Послушай: если было бъ намъ,
Ему иль мнѣ, погибнуть надо,
А ты бы намъ судьей была:
Кого бъ ты въ жертву принесла,
Кому бы ты была ограда?
Марія.
Ахъ, полно! Сердце не смущай!
Ты искуситель.
Мазепа.
Отвѣчай!
Марія.
Ты блѣденъ; рѣчь твоя сурова...
О, не сердись! Всѣмъ, всѣмъ готова
Тебѣ я жертвовать, повѣрь;
Но страшны мнѣ слова такія.
Довольно.
Мазепа.
Помни же, Марія,
Что ты сказала мнѣ теперь...

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой Церковью сіяетъ,
И пышныхъ гетмановъ сады
И старый замокъ озаряетъ.
И тихо-тихо все кругомъ;
Но въ замкѣ шопотъ и смятенье:
Въ одной изъ башенъ подъ окномъ,
Въ глубокомъ, тяжкомъ размышленьѣ,
Окованъ, Кочубей сидитъ
И мрачно на небо глядитъ.
Заутра казнь. Но безъ боязни
Онъ мыслитъ объ ужасной казни;
О жизни не жалѣетъ онъ.
Что смерть ему? желанный сонъ.
Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый.
Дрема долитъ. Но, Боже правый!
Къ ногамъ злодѣя, молча, пасть
Какъ безсловесное созданье,
Царемъ быть отдану во власть
Врагу Царя на поруганье,
Утратить жизнь — и съ нею честь,
Друзей съ собой на плаху весть,
Надъ гробомъ слышать ихъ проклятья,
Ложась безвиннымъ подъ топоръ,
Врага веселый встрѣтить взоръ,
И смерти кинуться въ объятья,
Не завѣщая никому
Вражды къ злодѣю своему!..

И вспомнилъ онъ свою Полтаву,
Обычный кругъ семьи, друзей,
Минувшихъ дней богатство, славу,
И пѣсни дочери своей,
И старый домъ, гдѣ онъ родился,
Гдѣ зналъ и трудъ, и мирный сонъ,
И все, чѣмъ въ жизни насладился,
Что добровольно бросилъ онъ,
И для чего?—
Но ключъ въ заржавомъ
Замкѣ гремитъ — и пробужденъ
Несчастный, думаетъ: вотъ онъ!
Вотъ на пути моемъ кровавомъ
Мой вождь подъ знаменемъ Креста,

Грѣховъ могучій разрѣшитель,
Духовной скорби врачъ, служитель
За насъ распятаго Христа,
Его святую кровь и тѣло
Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь,
Да приступлю ко смерти смѣло
И жизни вѣчной пріобщусь!

И съ сокрушеніемъ сердечнымъ
Готовъ несчастный Кочубей
Передъ Всесильнымъ, Безконечнымъ
Излить тоску мольбы своей.
Но не отшельника святого,
Онъ гостя узнаетъ иного—
Свирѣпый Орликъ передъ нимъ [28]).
И отвращеніемъ томимъ,
Страдалецъ горько вопрошаетъ:
Ты здѣсь, жестокій человѣкъ?
Зачѣмъ послѣдній мой ночлегъ
Еще Мазепа возмущаетъ?

Орликъ.

Допросъ не конченъ, отвѣчай.

Кочубей.

Я отвѣчалъ уже, ступай,
Оставь меня.

Орликъ.

Еще признанья
Панъ гетманъ требуетъ:

Кочубей.

Но въ чемъ?
Давно сознался я во всемъ,
Что вы хотѣли. Показанья
Мои всѣ ложны. Я лукавъ,
Я строю козни, гетманъ правъ.
Чего вамъ болѣ [29])?

Орликъ.

Мы знаемъ,
Что ты несчетно былъ богатъ,
Мы знаемъ, не единый кладъ
Тобой въ Диканькѣ *) укрываемъ.
Свершиться казнь твоя должна;
Твое имѣніе сполна
Въ казну поступитъ войсковую—
Таковъ законъ. Я указую
Тебѣ послѣдній долгъ: открой,
Гдѣ клады, скрытые тобой?

Кочубей.

Такъ, не ошиблись вы, три клада
Въ сей жизни были мнѣ отрада,
И первый кладъ мой честь была—
Кладъ этотъ пытка отняла;
Другой мой кладъ невозвратимый
Честь дочери моей любимой:
Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ...
Мазепа этотъ кладъ укралъ!..
Но сохранилъ я кладъ послѣдній,
Мой третій кладъ — святую месть,
Ее готовлюсь Богу снесть.

*) Деревня Кочубея. (Пр. П.).

[28]) Въ поэмѣ своей Пушкинъ изображаетъ послѣднюю пытку Кочубея въ присутствіи Орлика. Здѣсь отступленіе отъ историческихъ источниковъ: „При сей пыткѣ были: стольникъ Иванъ Вельяминовъ-Зерновъ, привезшій сихъ страдальцевъ (Кочубея и Искру) къ Мазепѣ, и генеральные: обозный Иванъ Ломиковскій и есаулъ Антонъ Гамалѣя“ (см. III ч. И. М. Р., прим. 113).

[29]) „Мая 28. Кочубей, Искра...были снова привезены въ Витебскъ, по повелѣнію Государя. Въ тотъ же самый день министры допросили ихъ... Кочубей отвѣчалъ, что онъ все затѣялъ на гетмана ложно, по собственной своей злобѣ... Не довольствуясь симъ показаніемъ, министры снова пытали узниковъ“. (И. М. Р. III ч. 81 стр.).

Орликъ.

Старикъ, оставь пустыя бредни;
Сегодня покидая свѣтъ,
Питайся мыслію суровой.
Шутить не время. Дай отвѣтъ,
Когда не хочешь пытки новой:
Гдѣ спряталъ деньги?

Кочубей.

Злой холопъ!
Окончишь ли допросъ нелѣпый,
Повремени, дай лечь мнѣ въ гробъ,
Тогда ступай себѣ съ Мазепой
Мое наслѣдіе считать,
Окровавленными перстами
Мои подвалы разрывать,
Рубить и жечь сады съ домами;
Съ собой возьмите дочь мою,
Она сама вамъ все разскажетъ,
Сама всѣ клады вамъ укажетъ [30]);
Но ради Господа молю,
Теперь оставь меня въ покоѣ.

Орликъ.

Гдѣ спряталъ деньги? укажи.
Не хочешь? — Деньги гдѣ, скажи,
Иль выйдетъ слѣдствіе плохое.
Подумай, мѣсто намъ назначь.
Молчишь?—Ну, въ пытку. Гей, палачъ! *)

Палачъ вошелъ...
О, ночь мученій!
Но гдѣ же гетманъ? гдѣ злодѣй?
Куда бѣжалъ отъ угрызеній
Змѣиной совѣсти своей?
Въ свѣтлицѣ дѣвы усыпленной,
Еще незнаніемъ блаженной,
Близъ ложа крестницы младой
Сидитъ, съ поникшею главой,
Мазепа тихій и угрюмый.
Въ его душѣ проходятъ думы,
Одна другой мрачнѣй, мрачнѣй.
„Умретъ безумный Кочубей.
Спасти нельзя его. Чѣмъ ближе
Цѣль гетмана, тѣмъ тверже онъ
Быть долженъ властью облеченъ,
Тѣмъ передъ нимъ склоняться ниже
Должна вражда. Спасенья нѣтъ:
Доносчикъ и его клевретъ
Умрутъ". Но, бросяя взоръ на ложе,
Мазепа думаетъ: „о Боже!
Что будетъ съ ней, когда она
Услышитъ слово роковое?
Досель она еще въ покоѣ—
Но тайна быть сохранена
Не можетъ долѣе. Сѣкира,
Упавъ по утру, загремитъ
По всей Украйнѣ. Голосъ міра
Вокругъ нея заговоритъ!..
Ахъ, вижу я: кому судьбою
Волненья жизни суждены,
Тотъ стой одинъ передъ грозою,
Не призывай къ себѣ жены.
Въ одну телѣгу впрячь неможно
Коня и трепетную лань.
Забылся я неосторожно—
Теперь плачу безумства дань...
Все, что цѣны себѣ не знаетъ,
Все, все, чѣмъ жизнь мила бываетъ,
Бѣдняжка принесла мнѣ въ даръ,

---

*) Уже осужденный на смерть, Кочубей былъ пытанъ въ войскѣ гетмана. По отвѣтамъ несчастнаго видно, что его допрашивали о сокровищахъ, имъ утаенныхъ (Пр. П.).

---

30) „Послѣ пытки потребованы отъ доносителей письменныя объявленія объ имѣніи ихъ. Кочубей показалъ между прочимъ, что у него осталось въ Диканькѣ четыре тысячи червонныхъ и двѣ тысячи талеровъ, о которыхъ деньгахъ знаетъ жена его"... (см. III ч. И. М. Р., прим. 112).

Мнѣ, старцу мрачности и — что же?
Какой готовлю ей ударъ!..“
И онъ глядитъ: на тихомъ ложѣ
Какъ сладокъ юности покой!
Какъ сонъ се лелѣетъ нѣжно!
Уста раскрылись; безмятежно
Дыханье груди молодой;
А завтра, завтра... Содрогаясь,
Мазепа отвращаетъ взглядъ,
Встаетъ и тихо, пробираясь,
Въ уединенный сходитъ садъ.
Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Но мрачны странныя мечты
Въ душѣ Мазепы: звѣзды ночи,
Какъ обвинительныя очи,
За нимъ насмѣшливо глядятъ.
И тополи, стѣснившись въ рядъ,
Качая тихо головою,
Какъ судьи, шепчутъ межъ собою.
И лѣтней, теплой ночи тьма
Душна, какъ черная тюрьма.

Вдругъ... слабый крикъ... невнятный стонъ
Какъ бы изъ замка слышитъ онъ.
То былъ ли сонъ воображенья,
Иль плачъ совы, иль звѣря вой,
Иль пытки стонъ, иль звукъ иной —
Но только своего волненья
Преодолѣть не могъ старикъ,
И на протяжный, слабый крикъ
Другимъ отвѣтствовалъ — тѣмъ крикомъ,
Которымъ онъ въ весельи дикомъ
Поля сраженья оглашалъ,
Когда съ Забѣлой, съ Гамалѣемъ,
И — съ нимъ... и съ этимъ Кочубеемъ
Онъ въ бранномъ пламени скакалъ.
Заря багряной полоса
Объемлетъ ярко небеса.
Блеснули долы, холмы, нивы,
Вершины рощъ и волны рѣкъ;
Раздался утра шумъ игривый,
И пробудился человѣкъ.
Еще Марія сладко дышитъ,
Дремой объятая, и слышитъ
Сквозь легкій сонъ, что кто-то къ ней
Вошелъ и ногъ ея коснулся.
Она проснулась—но скорѣй
Съ улыбкой взоръ ея сомкнулся
Отъ блеска утреннихъ лучей.
Марія руки протянула
И съ нѣгой томною шепнула:
„Мазепа, ты?“... Но голосъ ей
Иной отвѣтствуетъ... О, Боже!
Вздрогнувъ, она глядитъ... и что же?
Предъ нею мать...

Мать.

Молчи, молчи,
Не погуби насъ: я въ ночи
Сюда прокралась осторожно
Съ единой, слезною мольбой.
Сегодня казнь. Тебѣ одной
Свирѣпство ихъ смягчить возможно.
Спаси отца!

Дочь (въ ужасѣ).

Какой отецъ?
Какая казнь?

Мать.

Иль ты донынѣ
Не знаешь?.. нѣтъ! ты не въ пустынѣ,
Ты во дворцѣ; ты знать должна,
Какъ сила гетмана грозна,
Какъ онъ враговъ своихъ караетъ,
Какъ Государь ему внимаетъ—
Но вижу, скорбную семью
Ты отвергаешь для Мазепы;
Тебя я сонну застаю,
Когда свершаютъ судъ свирѣпый,

Когда читаютъ приговоръ,
Когда готовъ отцу топоръ!..
Другъ другу, вижу, мы чужія…
Опомнись, дочь моя, Марія!
Бѣги, пади къ его ногамъ,
Спаси отца, будь ангелъ намъ:
Твой взглядъ злодѣямъ руки свяжетъ,
Ты можешь ихъ топоръ отвесть.
Рвись, требуй — гетманъ не откажетъ.
Ты для него забыла честь,
Родныхъ и Бога…

Дочь.

Что со мною?
Отецъ… Мазепа… Казнь — съ мольбою
Здѣсь, въ этомъ замкѣ мать моя—
Нѣтъ, иль ума лишилась я,
Иль это грезы…

Мать.

Богъ съ тобою,
Нѣтъ, нѣтъ — не грезы, не мечты,
Ужель еще не знаешь ты,
Что твой отецъ ожесточенный
Безчестья дочери не снесъ,
И, жаждой мести увлеченный,
Царю на гетмана донесъ—
Что въ истязаніяхъ кровавыхъ
Сознался въ умыслахъ лукавыхъ,
Въ стыдѣ безумной клеветы;
Что, жертва смѣлой правоты,
Врагу онъ выданъ головою,
Что предъ громадой войсковою,
Когда его не осѣнитъ
Десница вышняя Господня,
Онъ долженъ быть казненъ сегодня;
Что здѣсь покамѣстъ онъ сидитъ
Въ тюремной башнѣ.

Дочь.

Боже, Боже!
Сегодня! Бѣдный мой отецъ?
И дѣва падаетъ на ложе,
Какъ хладный падаетъ мертвецъ.

Пестрѣютъ шапки. Копья блещутъ.
Бьютъ въ бубны. Скачутъ сердюки *)
Въ строяхъ ровняются полки.
Толпы кипятъ; сердца трепещутъ.
Дорога, какъ змѣиный хвостъ,
Полна народу, шевелится.
Средь поля роковой помостъ,
На немъ гуляетъ, веселится
Палачъ и алчно жертвы ждетъ:
То въ руки бѣлыя беретъ,
Играючи, топоръ тяжелый,
То шутитъ съ чернію веселой.
Въ гремучій говоръ все слилось:
Крикъ женскій, брань, и смѣхъ, и ропотъ,
Вдругъ восклицанье раздалось —
И смолкло все. Лишь конскій топотъ
Былъ слышенъ въ грозной тишинѣ.
Тамъ, окруженный сердюками,
Вельможный гетманъ съ старшинами
Скакалъ на ворономъ конѣ.
А тамъ, по кіевской дорогѣ,
Телѣга ѣхала. Въ тревогѣ
Всѣ взоры обратили къ ней.
Въ ней, съ міромъ, съ небомъ примиренный,
Могущей вѣрой укрѣпленный,
Сидѣлъ безвинный Кочубей,
Съ нимъ Искра тихій, равнодушный,
Какъ агнецъ, жребію послушный.
Телѣга стала. Раздалось
Моленье ликовъ громогласныхъ;
Съ кадилъ куренье поднялось.

*) Войско, состоявшее на собственномъ иждивеніи гетмановъ (Пр. П.).

За упокой души несчастныхъ
Безмолвно молится народъ,
Страдальцы за враговъ. И вотъ
Идутъ они, взошли. На плаху,
Крестясь, ложится Кочубей.
Какъ будто въ гробѣ — тьмы людей
Молчатъ. Топоръ блеснулъ съ размаху,
И отскочила голова.
Все поле охнуло. Другая
Катится вслѣдъ за ней, мигая.
Зардѣлась кровію трава —
И, сердцемъ радуясь, во злобѣ
Палачъ за чубъ поймалъ ихъ обѣ,
И напряженною рукой
Потрясъ ихъ обѣ надъ толпой [31]).

Свершилась казнь. Народъ безпечный
Идетъ, разсыпавшись, домой,
И про свои работы вѣчны
Уже толкуетъ межъ собой.
Пустѣетъ поле понемногу.
Тогда чрезъ пеструю дорогу
Перебѣжали двѣ жены.
Утомлены, запылены,
Онѣ, казалось, къ мѣсту казни
Спѣшили полныя боязни.
Ужъ поздно, кто-то имъ сказалъ
И въ поле перстомъ указалъ.
Тамъ роковой помостъ ломали,
Молился въ черныхъ ризахъ попъ,
И на телѣгу поднимали
Два казака дубовый гробъ.

Одинъ предъ конною толпой
Мазепа, грозенъ, удалялся
Отъ мѣста казни. Онъ терзался
Какой-то страшной пустотой.
Никто къ нему не приближался;
Не говорилъ онъ ничего;
Весь въ пѣнѣ мчался конь его.
Домой пріѣхавъ, „что, Марія?“
Спросилъ Мазепа. Слышитъ онъ
Отвѣты робкіе, глухіе...
Невольнымъ страхомъ пораженъ,
Идетъ онъ къ ней, въ свѣтлицу входитъ—
Свѣтлица тихая пуста.
Онъ въ садъ, и тамъ смятенный бродитъ;
Но вкругъ широкаго пруда,
Въ кустахъ, вдоль сѣней безмятежныхъ
Все пусто, нѣтъ нигдѣ слѣдовъ—
Ушла! — Зоветъ онъ слугъ надежныхъ,
Своихъ проворныхъ сердюковъ.
Они бѣгутъ. Храпятъ ихъ кони —
Раздался дикій кликъ погони
Верхомъ—и скачутъ молодцы
Во весь опоръ, во всѣ концы.

Бѣгутъ мгновенья дорогія,
Не возвращается Марія.
Никто не вѣдалъ, не слыхалъ,
Зачѣмъ и какъ она бѣжала.
Мазепа молча скрежеталъ.
Затихнувъ, челядь трепетала.
Въ груди кипучій ядъ нося,
Въ свѣтлицѣ гетманъ заперся.
Близъ ложа, тамъ, во мракѣ ночи
Сидѣлъ онъ, не смыкая очи,
Нездѣшней мукою томимъ.
По утру посланные слуги
Одинъ явились за другимъ—
Чуть кони двигались; подпруги,

31) „Государь утвердилъ приговоръ... Кочубей и Искра (отправлены) къ Мазепѣ... Іюля 14 (1708 г.) прекратились страданія Кочубея и Искры. Послѣ новой пытки, которую выдержали они съ мученическимъ терпѣніемъ, отрублены имъ головы на одной плахѣ, въ мѣстечкѣ Борщаговкѣ, въ осьми верстахъ отъ Бѣлой Церкви, при многочисленномъ стеченіи народа и въ присутствіи всего войска и старшинъ“ (И. М. Р. III ч., 81.)

Подковы, узды, чапраки,
Все было пѣною покрыто,
Въ крови, растеряно, избито;
Но ни одинъ ему принесть
Не могъ о бѣдной дѣвѣ вѣсть.
И слѣдъ ея существованья
Пропалъ, какъ будто звукъ пустой,
И мать одна во мракъ изгнанья
Умчала горе съ нищетой.

Пѣснь третья.

Души глубокая печаль
Стремиться дерзновенно вдаль
Вождю Украйны не мѣшаетъ.
Твердѣя въ умыслѣ своемъ,
Онъ съ гордымъ шведскимъ королемъ
Свои сношенья продолжаетъ.
Межъ тѣмъ, чтобъ обмануть вѣрнѣй
Глаза враждебнаго сомнѣнья,
Онъ, окруженъ толпой врачей,
На ложѣ мнимаго мученья
Стоная молитъ исцѣленья [32]).
Плоды страстей, войны, трудовъ,
Болѣзни, дряхлость и печали,
Предтечи смерти, приковали
Его къ одру. Уже готовъ
Онъ скоро бренный міръ оставить;
Святой обрядъ онъ хочетъ править,
Онъ архипастыря зоветъ
Къ одру сомнительной кончины;
И на коварныя сѣдины
Елей таинственный течетъ.

Но время шло. Москва напрасно
Къ себѣ гостей ждала всечасно,
Средь старыхъ вражескихъ могилъ

---

32) „(Мазепа) притворился больнымъ... и умолялъ Карла XII о скорѣйшемъ прибытіи въ Малороссію... Государь, отъ 10 іюля (1708 г.), приказалъ выступить въ походъ къ Кіеву со всѣмъ войскомъ и быть въ готовности съ конницей для нападенія на обозы непріятельскіе“.—„Мы бы весьма желали“, писалъ собственноручно великодушный Монархъ къ измѣннику, „дабы вы сами съ тою конницею были; но принуждать васъ не можемъ для вашей болѣзни, и для того отдаемъ сіе на вашу волю“... Хотя Мазепа по полученіи сего повелѣнія и почувствовалъ сильную боль подагрическую и хирагрическую, однакожъ не могъ совершенно ослушаться Государя“... (И. М. Р. III, 87). Между тѣмъ Мазепа продолжалъ притворствовать и откладывалъ походъ свой за Десну, по причинѣ постигшей его, будто смертельной болѣзни. Все было устроено къ принятію Карла XII. Онъ укрѣпилъ Ромны и Гадичъ; поручилъ сердюкамъ защищать Батуринъ, гдѣ значительный арсеналъ, вся тяжелая артиллерія, аммуниція и нѣсколько хлѣбныхъ магазейновъ были приготовлены для шведовъ; скрылъ большую часть своего богатства въ Бѣлоцерковской крѣпости и въ монастырѣ Печерскомъ“ (И. М. Р. III, 90). „Отправивъ наказнаго миргородскаго полковника съ полкомъ къ Чернигову, Мазепа немедленно слегъ въ постель. Притворныя страданія его еже дневно увеличивались; онъ не могъ ворочаться безъ пособія слугъ; въ проѣздъ же чрезъ Борзну кіевскаго митрополита Іоасафа Кроковскаго уговорилъ его написать письмо съ изъявленіемъ ему желанія получить облегченіе послѣ соборованія масломъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ увѣряетъ, что Мазепа не соборовался отъ сего святителя; но Іоасафъ исполнилъ волю гетмана, который отправилъ письмо его къ Государю, чтобъ уничтожить дошедшіе до двора слухи о притворной болѣзни“ (И. М. Р. III, 93).

Готовя шведамъ тризну тайну.
Незапно Карлъ поворотилъ
И перенесъ войну въ Украйну [33]).
И день насталъ. Встаетъ съ одра
Мазепа, сей страдалецъ хилый,
Сей трупъ живой, еще вчера
Стонавшій слабо надъ могилой.
Теперь онъ мощный врагъ Петра.
Теперь онъ, бодрый, предъ полками
Сверкаетъ гордыми очами,
И саблей машетъ—и къ Деснѣ
Проворно мчится на конѣ,
Согбенный тяжко жизнью старой.
Такъ оный хитрый кардиналъ,
Вѣнчавшись римскою тіарой,
И прямъ, и здравъ, и молодъ сталъ [34]).
И вѣсть на крыльяхъ полетѣла.
Украйна смутно зашумѣла:
„Онъ перешелъ, онъ измѣнилъ,
Къ ногамъ онъ Карлу положилъ
Бунчукъ покорный!“ [35]) Пламя пышетъ,
Встаетъ кровавая заря
Войны народной.
Кто опишетъ
Негодованье, гнѣвъ Царя? *) [36])

*) Сильныя мѣры, принятыя Петромъ съ обыкновенной его быстротой и энергіей, удержали Украйну въ повиновеніи (Пр. II.)

„1708 г., ноября 7-го числа по указу государеву, казаки, по обычаю своему,

[33]) „Уже шведы въ началѣ іюня (1708 г.) приближались къ границамъ Россіи.... Ослѣпленный увѣреніями Мазепы и славою своею, король шведскій не дождался Левенгаупта, имѣвшаго 16 т. войска. Въ первыхъ числахъ августа непріятель переступилъ за Днѣпръ... Карлъ показалъ видъ, будто бы идетъ къ Смоленску, желая сей хитростію открыть себѣ путь въ Украйну. Сентября 9-го конница его быстро поворотила назадъ. и на другой день узнали, что шведы уже за р. Сожею“ (id., 86).—[34]) Папа Сикстъ V.

[35]) „Вотъ какъ описываетъ сіе происшествіе очевидецъ Адлерфельдъ: „Когда приближался къ Украйнѣ король шведскій, только двое или трое старшинъ вѣдали сокровенныя намѣренія Мазепы. Между тѣмъ онъ отправилъ племянника своего Войнаровскаго къ князю Меншикову съ извиненіемъ относительно оказываемой имъ медленности въ переправѣ чрезъ Десну и съ новыми доказательствами своей преданности. Войнаровскій замѣтилъ, что дядя его лишился довѣренности сего вельможи... По его возвращеніи Мазепа оказалъ притворное неудовольствіе и поручилъ находящемуся при немъ безотлучно, для наблюденія за его поступками, россійскому полковнику (Протасьеву) принять на себя посредничество въ семъ дѣлѣ и смягчить справедливое негодованіе Меншикова противъ Войнаровскаго. Мазепа воспользовался удаленіемъ сего тягостнаго наблюдателя и поспѣшилъ увѣдомить Карла о своихъ намѣреніяхъ чрезъ преданнаго ему лифляндца, шведскаго подданнаго.. Гарнизонъ Батуринскій былъ немедленно усиленъ. Октября 26 Мазепа перешелъ Десну (близъ Новгорода-Сѣверскаго) съ четырьмя или пятью тысячами казаковъ, устремился прямо къ шведскимъ квартирамъ. Казаки думали сначала, что ихъ ведутъ противъ непріятеля, особливо будучи поставлены въ боевой порядокъ, но, къ крайнему удивленію, Мазепа объявилъ имъ, что онъ не намѣренъ сражаться съ шведскимъ королемъ, а желаетъ служить подъ его знаменами противъ утѣснителей ихъ, Москвитянъ“. (И. М. Р. III ч., 95—96).

[36]) „Государь извѣстился объ измѣнѣ Мазепы отъ князя Меншикова вечеромъ октября 27 въ мѣстечкѣ Погребкахъ. Слѣдующее письмо къ Апраксину свидѣтельствуетъ, сколько неожиданное сіе происшествіе поразило его. Хотя и противно совѣсти моей—писалъ Петръ къ своему адмиралу и другу въ тотъ же самый день—противъ добрыхъ отъ васъ вѣстей писать къ вамъ худое, однакожъ нужда повелѣваетъ объявить, что учинилъ новый Іуда Мазепа, который, двадцать одинъ годъ бывъ въ вѣрности мнѣ, нынѣ при гробѣ сталъ измѣнникъ

Гремитъ анаѳема [37]) въ соборахъ;
Мазепы ликъ терзаетъ катъ *);
На шумной радѣ, въ вольныхъ спорахъ,
Другого гетмана творятъ [38]).
Съ берёговъ пустынныхъ Енисея
Семейства Искры, Кочубея
Поспѣшно призваны Петромъ [39]).
Онъ съ ними слезы проливаетъ;
Онъ ихъ, лаская, осыпаетъ
И новой честью, и добромъ.
Мазепы врагъ, наѣздникъ пылкій,
Старикъ Палѣй, изъ мрака ссылки
Въ Украйну ѣдетъ въ царскій станъ [40]).

вольными голосами выбрали въ гетманы полковника стародубскаго Ив. Скоропадскаго.

„8-го числа пріѣхали въ Глуховъ кіевскій, черниговскій и переяславскій архіепископы.

„А 9-го дня предали клятвѣ Мазепу оные архіереи публично; того же дня и персону (куклу) онаго измѣнника Мазепы вынесли, и снявъ кавалерію (которая на ту персону была надѣта съ бантомъ), оную персону бросили въ палачевскіе руки, которую палачъ, взявъ и прицѣпя за веревку, тащилъ по улицѣ и по площади даже до висѣлицы, и потомъ повѣсили.

„Въ Глуховѣ же 10-го дня, казнили Чечеля и прочихъ измѣнниковъ...“ (*Журналъ* Петра Великаго) (Пр. II.).

*) *Малороссійское слово*. По-русски: палачъ (Пр. II.).

и предатель своего народа; но правосуденъ Богъ, такимъ злымъ никогда не допускаетъ исполнить своего намѣренія и проч.“ (И. М. Р. III, 97).

[37]) „12 числа Государь со своею свитою слушалъ въ соборной Троицкой церкви Божественную литургію и молебенъ, по окончаніи котораго собравшееся въ Глуховѣ первѣйшее малороссійское духовенство предало вѣчному проклятію Мазепу и его приверженцовъ. Въ тотъ же день вынесли на площадь набитую чучелу Мазепы. Прочитанъ приговоръ о преступленіи и казни его; разорваны княземъ Меншиковымъ и графомъ Головкинымъ жалованныя ему грамоты на гетманскій урядъ, чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и орденъ Святого Апостола Андрея Первозваннаго, и снята съ чучелы лента. Потомъ бросили палачу сіе изображеніе измѣнника; всѣ попирали оное ногами, и палачъ тащилъ чучелу на веревкѣ по улицамъ и площадямъ городскимъ до мѣста казни, гдѣ и повѣсилъ“. (И. М. Р. III, 101). „Не въ одной Украйнѣ, а во всей Россіи гремѣло проклятіе надъ Мазепою“ (Ibid. 102).

[38])... „Ноября 6 (Государь) велѣлъ приступить къ гетманскому избранію. По совершеніи литургіи въ соборной церкви Живоначальной Троицы отпѣтъ молебенъ въ присутствіи полковниковъ, старшинъ и многихъ казаковъ. Князь Долгорукій вышелъ изъ собора, произнесъ войску и народу малороссійскому рѣчь, въ коей выразительными красками описалъ, сколь необходимо скорѣйшее избраніе новаго предводителя для отраженія враговъ отчизны и вѣры ихъ. Потомъ посольскаго приказа дьякъ Михайло Родостановъ, ставъ на столъ, прочелъ вслухъ Государеву грамоту, подтверждавшую сохраненіе вольностей и преимуществъ малороссійскихъ. Началось избраніе. Послѣ кратковременнаго совѣщанія, полковники и старшины обратились къ Скоропадскому съ просьбою, чтобъ онъ принялъ на себя гетманство, какъ человѣкъ Царскому Величеству вѣрный и въ войскѣ малороссійскомъ заслуженный“ (И. М. Р. III, 100).

[39]) „Вдовамъ Кочубея и Искры Скоропадскій не только возвратилъ принадлежавшія мужьямъ ихъ помѣстья, но еще даровалъ новыя въ полкахъ Полтавскомъ и Нѣжинскомъ. Деревни сіи были утверждены за ними Государемъ, почтившимъ слезою память невинныхъ страдальцевъ“! (И. М. Р. III, 107).

[40]) „Въ сіе время (1708 г.) Государь вспомнилъ о славномъ Палѣѣ, въ 1705 году по ложному доносу Мазепы сосланномъ въ Сибирь, и немедленно велѣлъ возвратить свободу, полковничій чинъ и имѣніе невинному страдальцу, нѣкогда оружіемъ своимъ поляковъ и татаръ устрашавшему„ (И. М. Р. III, 105).

Трепещетъ бунтъ осиротѣлый.
На плахѣ гибнетъ Чечель *) смѣлый
И запорожскій атаманъ [41]);
И ты, любовникъ бранной славы,
Для шлема кинувшій вѣнецъ,
Твой близокъ день, ты валъ Полтавы
Вдали завидѣлъ наконецъ [42]).

И Царь туда жъ помчалъ дружины.
Онѣ какъ буря протекли —
И оба стана средь равнины
Другъ друга хитро облегли:
Не разъ избитый въ схваткѣ смѣлой,
Заранѣ кровью опьянѣлый,
Съ бойцомъ желаннымъ наконецъ
Такъ грозный сходится боецъ. [43])
И злобясь видитъ Карлъ могучій
Ужъ не разстроенныя тучи
Несчастныхъ Нарвскихъ бѣглецовъ,
А нить полковъ блестящихъ, стройныхъ,
Послушныхъ, быстрыхъ и спокойныхъ,
И рядъ незыблемый штыковъ [44]).
Но онъ рѣшилъ: заутра бой [45]).
Глубокій сонъ во станѣ шведа,
Лишь подъ палаткою одной
Ведется шопотомъ бесѣда.

„Нѣтъ, вижу я, нѣтъ, Орликъ мой,
Поторопились мы не кстати:
Разсчетъ и дерзкій, и плохой,
И въ немъ не будетъ благодати.
Пропала, видно, цѣль моя.
Что дѣлать? далъ я промахъ важный:
Ошибся въ этомъ Карлѣ я.
Онъ мальчикъ бойкій и отважный;

*) Чечель отчаянно защищалъ Батуринъ противъ войскъ Кн. Меншикова (Пр. П.).

---

[41]) (12 ноября)... „Тогда казненъ былъ Чечель и многіе другіе". (И. М. Р. III. 101).

[42]) „Гордѣенко и запорожцы вызвались овладѣть Полтавою, и ослѣпленный прежнимъ счастіемъ своимъ король шведскій согласился на ихъ предложеніе. Осада города началась въ маѣ, продолжалась безъ всякаго успѣха полтора мѣсяца". (И. М. Р. III, 112).

[43]) „Карлъ XII боролся съ вѣрнымъ малороссійскимъ народомъ, стараясь распространить завоеванія въ Украйнѣ. Петръ, осторожный во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, приказалъ ввести въ городъ Полтаву гарнизонъ, состоявшій изъ пяти батальоновъ, подъ начальствомъ полковника Келина" (И. М. Р. III, 109). ......„Россіяне имѣли нѣсколько стычекъ съ шведами, и девятьсотъ солдатъ подъ начальствомъ бригадира Головина присоединились къ осажденнымъ въ виду непріятеля... 20 числа (іюня) вечеромъ россійская армія переправилась черезъ Ворсклу по мосту при деревнѣ Петровкѣ тремя бродами и расположилась отъ непріятеля на версту съ небольшимъ" (И. М. Р. III, 112). — „On faisait des sorties, et quelquefois avec succès; on fit jouer une mine; mais ce qui rendait la ville imprenable, c'était l'approche du czar, qui s'avançait avec soixante et dix mille combattants" (Histoire de Charles XII., изд. 1802 г., стр. 173).

[44]) Le roi s'apperçut, dès le commencement du siège, qu'il avait enseigné l'art de la guerre à ses ennemis (Hist. de Ch. XII. 172).

[45]) „26 числа монархъ осматривалъ паки положеніе мѣстъ своего и непріятельскаго лагеря, дабы по оному расположить планъ рѣшительной той баталіи: но король шведскій........въ томъ предупредилъ". (Дѣянія Петра Великаго, Голикова, т. IV, 73).

Два, три сраженья разыграть,
Конечно, можетъ онъ съ успѣхомъ,
Къ врагу на ужинъ прискакать *),
Отвѣтствовать на бомбу смѣхомъ **);
Не хуже русскаго стрѣлка
Прокрасться въ ночь ко вражью стану;
Свалить, какъ нынче, казака
И обмѣнять на рану рану ***)[46]);
Но не ему вести борьбу
Съ самодержавнымъ великаномъ.
Какъ полкъ, вертѣться онъ судьбу
Принудить хочетъ барабаномъ;
Онъ слѣпъ, упрямъ, нетерпѣливъ,
И легкомысленъ, и кичливъ,
Богъ вѣсть какому счастью вѣритъ [47])!
Онъ силы новыя врага

---

*) Въ Дрезденъ къ Королю Августу. Смотри Voltaire *Hist. de Charles XII.* (Пр. П.). Пушкинъ здѣсь имѣетъ въ виду слѣдующее мѣсто у Вольтера:

„L'envie lui avait pris en passant si près de Dresde d' aller rendre une visite au roi Auguste: il était entré à cheval dans la ville, suivi de trois ou quatre officiers généraux. On leur demanda leur nom à la barrière: Charles dit qu'il s'appelait Carl, et qu'il était draban; chacun prit un nom supposé. Le comte Fléming, les voyant passer dans la place, n'eut que le temps de courir avertir son maître. Tout ce qu'on pouvait faire dans une occasion pareille c'était déjá présenté á l'idée du ministre: il en parlait à Auguste; Charles entra tout botté dans la chambre, avant qu'Auguste eût eu même le temps de revenir de sa surprise. Il était malade alors, et en robe de chambre: il s'habilla en hâte. Charles déjeûna avec lui comme un voyageur qui vient prendre congé de son ami; ensuite il voulut voir les fortifications. Pendant le peu de temps qu' il employa à les parcourir, un Livonien proscrit en Suède, qui servait dans les troupes de Saxe, crut que jamais il ne s'offrirait une occasion plus favorable d'obtenir sa grâce: il conjura le roi Auguste de la demander à Charles, bien sûr que ce roi ne refuserait pas cette légère condescendance à un prince à qui il venait d'ôter une couronne et entre les mains duquel il était dans ce moment. Auguste se chargea aisément de cette affaire. Il était un peu éloigné du roi de Suède, et s'entretenant avec Hord, général suédois: „Je crois, lui dit-il en souriant, que votre maître ne me refusera pas". — Vous ne le connaissez pas, répartit le général Hord, il vous refusera plutôt ici que partout ailleurs. Auguste ne laissa pas de demander au roi, en termes pressants la grâce du Livonien: Charles la refusa d'une manière à ne se la pas faire demander une seconde fois. Après avoir passé quelques heures dans cette étrange visite, il embrassa le roi Auguste, et partit. (Hist. de Charles XII. III, 151—152).

**) Ахъ, В. В.! бомба!...—„Что есть общаго между бомбою и письмомъ, которое тебѣ диктую? пиши." Это случилось гораздо послѣ. (Пр. П.). См. Hist. d. Ch. XII, I. XVIII.

***) Ночью Карлъ, самъ осматривая нашъ лагерь, наѣхалъ на казаковъ, сидѣвшихъ у огня. Онъ поскакалъ прямо къ нимъ и одного изъ нихъ застрѣлилъ изъ собственныхъ рукъ. Казаки дали по немъ три выстрѣла и жестоко ранили его въ ногу (Пр. П.).

---

[46]) Король шведскій между тѣмъ, предвидя намѣреніе россіянъ, 25 числа подъѣзжалъ ночью самъ осматривать россійскій лагерь, и наѣхавъ на казацкую малую партію и увидя, что казаки безъ осторожности сидѣли у огня, напалъ на оную съ малыми людьми, и сошедъ съ лошади, застрѣлилъ изъ своихъ рукъ одного; но прочіе казаки, вскоча, выстрѣлили по немъ изъ трехъ ружей и прострѣлили ему ногу, сдѣлавъ весьма опасную рану" (Дѣян. П. В. Голикова т. IV, 73).

[47]) Sa (de Charles XII) fermeté devenue opiniâtreté fit ses malheurs dans l'Ukraîne... son courage poussé jusqu'á la témérité a causé sa mort (1718)... Sa passion pour la gloire, pour la guerre et pour la vengeance, l'empêcha d'être bon politique; qualité sans laquelle on n'a

Успѣхомъ прошлымъ только мѣритъ[48])—
Сломить ему свои рога!
Стыжусь, воинственнымъ бродягой
Увлекся я на старость лѣтъ:
Былъ ослѣпленъ его отвагой
И бѣглымъ счастіемъ побѣдъ,
Какъ дѣва робкая.“

Орликъ.

Сраженья
Дождемся. Время не ушло
Съ Петромъ опять войти въ сношенья.
Еще поправить можно зло.
Разбитый нами, нѣтъ сомнѣнья,
Царь не отвергнетъ примиренья.

Мазепа.

Нѣтъ, поздно. Русскому Царю.
Со мной мириться невозможно.
Довно рѣшилась непреложно
Моя судьба! Давно горю
Стѣсненной злобой. Подъ Азовомъ
Однажды я съ Царемъ суровымъ
Во ставкѣ ночью пировалъ:
Полны виномъ кипѣли чаши,
Кипѣли съ ними рѣчи наши,
Я слово смѣлое сказалъ,
Смутились гости молодые—
Царь, вспыхнувъ, чашу уронилъ,
И за усы мои сѣдые
Меня съ угрозой ухватилъ[49]).

---

jamais vu de conquérant...' Homme unique plutôt que grand homme... il aimait en tout l'extraordianire et le difficile... Ce prince ne conserva de ses prenriers principes (de religion) que celui d'une prédestination absolue, dogme qui favorisait son courage ct qui justifiait ses témérités. (Hist. de Charles XI[, livre VIII.) т. е.: „Твердость его (Карла XII), обратившаяся въ упрямство, была причиной его неудачъ въ Украйнѣ... его храбрость, доведенная де дерзости, была причиной его смерти (1718).... Его страсть къ славѣ, войнѣ и мщенію мѣшала ему быть хорошимъ политикомъ: качество, безъ котораго никогда не видали завоевателя... Человѣкъ единственный, вѣрнѣе, нежели человѣкъ великій... онъ любилъ во всемъ необычное и трудное... Этотъ государь изъ своихъ первоначальныхъ (религіозныхъ) принциповъ сохранилъ лишь неизбѣжность предопредѣленія, догматъ, который благопріятствовалъ его храбрости и оправдывалъ его безразсудства“.

[48]) Le souvenir de Narva fut la principale cause du maeheur de Charles à Poltava (Histoire de Charles XII, l. IV), т.-е.: „воспоминаніе о Нарвской побѣдѣ было главною причиною несчастія Карла въ Полтавѣ“.

[49]) „Если вѣритъ преданію словесному, не одна любовь а также неудовольствіе иа самодержца россійскаго побудила гетмана къ такому поступку. Государь объявилъ ему однажды за обѣденнымъ столомъ о желаніи своемъ преобразовать казаковъ въ войско строевое и ввести въ Украйну обычаи россійскіе. Мазепа сталъ оспаривать сіе намѣреніе, утверждать, что еще не время тревожить молороссіянъ. Петръ назвалъ его измѣнникомъ и схватя за усы, произнесъ: „Нѣтъ, пора уже мнѣ за васъ приняться“. Отъ сего возродилось негодованіе въ предводителѣ казаковъ; отъ негодованія послѣдовала измѣна“ (И. М. Р. III, 52). Въ другихъ источникахъ Пушкина нигдѣ не упоминается объ этомъ случаѣ. Вольтеръ, на котораго ошибочно ссылается авторъ, въ своей „Исторіи Руссовъ“, приписываемой Георгію Конисскому (изд. 1846, стр. 200), въ „Histoire de Charles XII“ а) не въ „Шведской исторіи“ какъ сказано у Конисскаго) пишетъ: „Un jour étant à table à Moscou avec le Czar, cet empereur lui proposa de discipliner les cosaques, et de rendre ces peuples plus dépendants.'Mazeppa répondit que la situation de l'Ukraine et le génie de cette nation étaient des obstacles insurmontables. Le Czar, qui commençait à être échauffé par le vin, et qui ne commandait pas toujours á sa colère, l'appela traître et le ménaça le faire empaler (и погрозилъ посадить его на колъ). Mazeppa de retour en Ukraine forma le projet d'une révolte“ (l. III).

Тогда, смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ,
Отмстить себѣ я клятву далъ,
Носилъ ее—какъ мать во чревѣ
Младенца носитъ. Срокъ насталъ.
Такъ, обо мнѣ воспоминанье
Хранить онъ будетъ до конца.
Петру я посланъ въ наказанье:
Я тернъ въ листахъ его вѣнца.
Онъ далъ бы грады родовые
И жизни лучшіе часы,
Чтобъ снова, какъ во дни былые,
Держать Мазепу за усы.
Но есть еще для насъ надежды....
Кому бѣжать, рѣшитъ заря.

Умолкъ, и закрываетъ вѣжды
Измѣнникъ русскаго Царя.

Въ „Дѣяніяхъ Петра Великаго“ Голикова, которому Пушкинъ слѣдовалъ въ описанія *Полтавской битвы*, она описана обстоятельнѣе, нежели во всѣхъ другихъ источникахъ поэта. Описаніе Пушкина совпадаетъ съ Голиковскимъ какъ въ самой послѣдовательности изображенія, такъ и въ мелкихъ подробностяхъ его. Вотъ описаній Голикова: „27 числа іюня, до восхожденія солнечнаго (стихъ 153), непріятель съ конницей и пѣхотой (ст. 165) тронулся Первое его намѣреніе было напасть на одну конницу (ст. 164) нашу, построившуюся назади редутовъ; а какъ оные редуты должно было ему проходить,— то чтобъ овладѣть и оными; но пушки редутовъ сихъ, премудро предусмотрительнымъ монархомъ устроенныя и расположенныя, были весьма бѣдственны непріятелю (ст. 172, 173); оными отъ праваго крыла главной его арміей оторвано 6 баталіоновъ пѣхоты и нѣсколько десятковъ эскадроновъ конницы, и понудили оныхъ уйти въ лѣсъ. Но не смотря на сіе, главная непріятельская армія, хотя и съ великимъ урономъ, пробивалась между оными редутами, претерпѣвшая въ то же время великое пораженіе (ст. 163) и отъ конницы нашей. которая многократно ихъ конницу сбивала и 14 знаменъ и штандартовъ отняла. Но какъ упорный непріятель непрестанно подкрѣплялъ свою кавалерію пѣхотой (ст. 166, 167) и въ жестокомъ огнѣ томъ храбрый предводитель нашей—генералъ Ренъ—прострѣленъ въ бокъ, а намъ свою конницу изъ ретраншамента пѣхотою подкрѣпить было невозможно; то великій государь, назирая на всѣ дѣйствія, послалъ повелѣніе генералъ-поручику Боуеру, заступившему мѣсто Реново, отступить вправо отъ нашего ретранщамента, но наблюдать однакожъ ему накрѣпко, чтобъ гора была ему во флангъ, дабы непріятель не могъ кавалерію нашу утѣснить подъ гору. Когда же Боуеръ по сему указу началъ уступать, то непріятель, наступая на онаго, получилъ нашъ ретраншаментъ во флангъ себѣ; но лишь только непріятель приближился на малое разстояніе къ оному, то въ такую приведенъ былъ пушками нашими разстройку (ст. 172), что принужденъ былъ съ великою потерею оставить свое предпріятіе на кавалерію нашу и, отступя на пушечный выстрѣлъ, сталъ строиться въ ордеръ баталіи.—Между тѣмъ монархъ послалъ кн. Меншикова и при немъ генералъ-поручиковъ Гейншина и Рейцеля съ 5-ю полками конницы и 5-ю же баталіонами пѣхоты, на предупомянутые пушками редутовъ оторванные и въ лѣсъ прогнанные баталіоны и эскадроны: и сей храбрый князь корпусъ сей, осмѣлившійся ему сопротивляться, порубилъ безъ остатку и командующаго онымъ ген.-маіора Шлиппенбаха въ полонъ взялъ (ст. 175), а

генералъ-маіоръ Розенъ ретировался къ своимъ апрошамъ подъ Полтаву" (ст. 174).

Опустивъ здѣсь дѣло кн. Меншикова съ 3000-нымъ шведскимъ резервнымъ корпусомъ позади праваго крыла непріятелей, сдачу Розена, Пушкинъ прямо переходитъ къ появленію самого Петра Великаго передъ войсками (ст.180—215), описанному у Голикова такъ:

„Во время толико успѣшныхъ началъ, предвѣщавшихъ совершенную надъ королемъ шведскимъ побѣду, великій Государь вывелъ изъ ретраншамента свою армію и поставилъ оную въ боевой порядокъ" (ст. 180—203) [30]).

Затѣмъ Голиковъ, описавъ расположеніе отдѣльныхъ частей русскаго войска, командуемыхъ на правомъ крылѣ Боуеромъ, а на лѣвомъ кн. Меншиковымъ, и артиллеріи подъ командою генералъ-поручика Брюса, продолжаетъ:

„Верховное же управленіе надъ всѣмъ предоставилъ монархъ своей особѣ, а при его величествѣ находились тогда: генералъ-фельдмаршалъ Шереметевъ, генералы кн. Рѣпнинъ (ст. 208—215), Имартъ или правильнѣе Алартъ, г.-п. Беллигъ и проч.—Такимъ образомъ великій монархъ устроя, объѣхалъ всю армію (ст. 204), поощряя солдатъ, офицеровъ и генераловъ краткими, но сильными словами довершить надъ кичливымъ, но уже полупобѣжденнымъ непріятелемъ побѣду (ст. 182), повелъ армію свою на непріятеля; но король, не допуская атаковать себя, выступилъ съ своею арміею (ст. 227, 228). Неустрашимость и презрѣніе смерти обоихъ предводительствующихъ монарховъ были безпримѣрны; въ доказательство чего на россійскомъ прострѣлена шляпа, а другая пуля попала въ арчакъ сѣдла его; а подъ шведскимъ неоднократно опрокидываема была, а потомъ пушечнымъ ядромъ и совсѣмъ разбита качалка его, въ коей онъ за раною въ ногѣ возимъ былъ" (ст. 219).

Относительно качалки Карла XII („телѣжки" по Исторіи Бантышъ-Каменскаго) у Вольтера читаемъ: Une des premières volées du canon moscovite emporta les deux chevaux du brancard de Charles: il en fit atteler deux autres; une seconde volée mit le brancard en pièces, et renversa: de 24 drabans qui se ralayaient pour le porter, 21 furent tués (Hist. d. Ch. XII., 178).

„Монархамъ своимъ", продолжаетъ Голиковъ „въ неустрашимости подражали и всѣ ихъ генералы.... Но храбрые шведы не выдержали огня россійскаго болѣе получаса" (Голиковъ находитъ возможнымъ помирить свидѣтельство журнала Петра Великаго, что битва продолжалась не долѣе 2 часовъ, съ реляціей къ воронежскому оберъ-коменданту, гдѣ сказано, что она продолжалась полъ-часа—тѣмъ, что въ послѣднемъ документѣ обозначенъ моментъ самаго пыла битвы) „и обратя хребетъ свой, съ такимъ же страхомъ побѣжали, съ какою неустрашимостію наступали, такъ что ни единожды оная уже остановилась; но разъяренные солдаты наши бѣгущихъ провожали тысячью смертей (ст. 297, 298)... Убійство было страшное, такъ что на 3 мили вокругъ устланы были поля трупами шведскими" (ст. 299).

---

[30]) Голиковъ не упоминаетъ о конѣ Петра Великаго. Объ этомъ конѣ читаемъ у Вольтера: . . „il (Pierre le Grand) allait comme un empereur, de rang en rang, monté sur un cheval turc, qui était un présent du grand-seigneur, exhortant les capitaines et les soldats et promettant à chacun des recompenses. Histoire de Charles XII, l. IV). (Петръ В., какъ императоръ, объѣзжалъ ряды верхомъ на турецкомъ конѣ, подаренномъ ему султаномъ, приготовляя къ бою офицеровъ и солдатъ и обѣщая каждому награды).

Участіе Палѣя въ Полтавской битвѣ Пушкинъ дополнилъ по „Исторіи“ Б.-Каменскаго: „Любопытно, что славный Палѣй, возвращенный изъ Сибири, находился также въ Полтавскомъ сраженіи. Въ послѣдній разъ въ жизни сей престарѣлый воинъ обнажилъ тогда мечъ свой нѣсколько малороссіянъ поддерживали его на лошади (ст. 255), и если побѣдоносная мышца, ослабѣвшая отъ трудовъ многолѣтнихъ, не могла уже разить противниковъ, одно присутсвіе его достаточно было для воспламененія соотчичей къ мужественнымъ подвигамъ“ (ст. 256—258).

Горитъ востокъ зарею новой.
Ужь на равнинѣ, по холмамъ,
Грохочутъ пушки. Дымъ багровый
Кругами всходитъ къ небесамъ
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули,
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки,
Катятся ядра, свищутъ пули,
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвутся шведы;
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ;
Но явно счастье боевое
Служитъ ужъ начинаетъ намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ,
Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины;
Сдается пылкій Шлиппенбахъ.
Тѣснимъ мы шведовъ рать за ратью.
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.
Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:
„За дѣло, съ Богомъ!“ Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ;
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ.
Онъ весь какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ,
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могущимъ сѣдокомъ.
Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки,
Ровняясь, строятся полки,
Молчитъ музыка боевая.
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ.
И се—равнину оглашая,
Далеча грянуло *ура*:
Полки увидѣли Петра.

И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ вослѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова—
Въ премѣнахъ жребія земнова,
Въ трудахъ державства и войны,
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпнинъ,

И, счастья баловень безродный
Полудержавный властелинъ.
И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился;
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился,
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На русскихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины—
И грянулъ бой, Полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, русскій — колетъ, рубитъ, рѣжетъ.
Бой барабанный, клики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ!

Среди тревоги и волненья,
На битву взоромъ вдохновенья
Вожди спокойные глядятъ,
Движенья ратныя слѣдятъ,
Предвидятъ гибель и побѣду,
И въ тишинѣ ведутъ бесѣду.
Но близъ московскаго Царя
Кто воинъ сей подъ сѣдинами?
Двумя поддержанъ казаками,
Сердечной ревностью горя,
Онъ окомъ опытнымъ героя
Взираетъ на волненье боя.
Ужъ на коня не вскочитъ онъ,
Одряхъ, въ изгнаньѣ сиротѣя,
И казаки на кличъ Палѣя
Не налетятъ со всѣхъ сторонъ!
Но что жъ его сверкнули очи,
И гнѣвомъ, будто мглою ночи,
Покрылось старое чело?
Что возмутить его могло?
Иль онъ сквозь бранный дымъ увидѣлъ
Врага Мазепу [51]), и въ сей мигъ
Свои лѣта возненавидѣлъ
Обезоруженный старикъ?
Мазепа, въ думу погруженный,
Взиралъ на битву, окруженный
Толпой мятежныхъ казаковъ,
Родныхъ, старшинъ и сердюковъ.
Вдругъ выстрѣлъ. Старецъ обратился:
У Войнаровскаго въ рукахъ
Мушкетный стволъ еще дымился.

---

[51]) О присутствіи Мазепы при Полтавской битвѣ Бантышъ-Каменскій въ примѣч. къ III т. „Ист. М. Россіи“ пишетъ: „Въ одной малороссійской лѣтописи упоминается, что „Мазепа, какъ христіанинъ весьма набожный, воздвигшій на свой коштъ многіе монастыри и церкви, не хотѣлъ проливать кровь своихъ соотечественниковъ и единовѣрцевъ, и потому содержалъ строгій нейтралитетъ“. Вѣрнѣе же, что сей хитрый человѣкъ остался при обозѣ для собственной своей безопасности. Извѣстно, что онъ былъ болѣе политикъ, нежели воинъ“. (Прим. 155).

Сраженный въ нѣсколькихъ шагахъ
Младой казакъ въ крови валялся,
А конь, весь въ пѣнѣ и пыли,
Почуя волю, дико мчался,
Скрываясь въ огненной дали.
Казакъ на гетмана стремился
Сквозь битву съ саблею въ рукахъ,
Съ безумной яростью въ очахъ.
Старикъ, подъѣхавъ, обратился
Къ нему съ вопросомъ. Но казакъ
Ужъ умиралъ. Потухшій зракъ
Еще грозилъ врагу Россіи,
Былъ мраченъ помертвѣлый ликъ,
И имя нѣжное Маріи
Чуть лепеталъ еще языкъ.
Но близокъ, близокъ мигъ побѣды...
Ура! мы ломимъ; гнутся шведы.
О славный часъ! о славный видъ!
Еще напоръ — и врагъ бѣжитъ *);
И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Какъ роемъ черной саранчи.

Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его.
И царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ [52]).
Но гдѣ же первый, званый гость?
Гдѣ первый, грозный нашъ учитель,
Чью долговременную злость
Смирилъ полтавскій побѣдитель?
И гдѣ жъ Мазепа? гдѣ злодѣй?
Куда бѣжалъ Іуда въ страхѣ?
Зачѣмъ король не межъ гостей?
Зачѣмъ измѣнникъ не на плахѣ **)?

*) Благодаря прекраснымъ распоряженіямъ и дѣйствіямъ кн. Меншикова, участь главнаго сраженія была рѣшена заранѣе. Дѣло не продолжалось и двухъ часовъ. *Ибо* (сказано въ Журн. Петра Вел.) *непобѣдимые господа Шведы скоро хребетъ свой показали, и отъ нашихъ войскъ вся непріятельская армія весьма опрокинута.* Петръ впослѣдствіи времени многое прощалъ Данилычу за услуги, оказанныя въ сей день генераломъ Кн. Меншиковымъ. (Пр. П.).

**) L'Empereur Moscovite, pénetré d'une joie qu'il ne se mettait pas en peine de dissimuler (было о чемъ и радоваться), reçevait sur le champ de bataille les prisonniers qu'on lui amenait en foule et demandait à tout moment: où est donc mon frère Charles?

...Alors prenant un verre de vin: A la santé, dit-il, de mes maîtres dans l'art de la guerre!—Renschild lui demanda: qui étaient ceux qu'il honorait d'un si beau titre?—Vous, Messieurs les généraux suédois, reprit le Czar. Votre Majesté est donc bien ingrate, reprit le Comte, d'avoir tant maltraité ses maîtres. (Пр. П.).

---

[52]) „Великій Государь, по принесеніи Всевышнему за толикія Его къ Россіи милости усерднѣйшаго молебнаго благодаренія, при троекратной изъ всей артиллеріи и изъ ружей всей арміи пальбѣ, столько былъ чувствителенъ ко взятымъ въ плѣнъ непріятельскимъ генераламъ и ко всѣмъ плѣнникамъ, что первыхъ обще съ своими генералами пригласилъ къ своему столу, принялъ ихъ весьма милостиво, возвратилъ имъ шпаги, разговаривалъ съ ними объ королѣ, о его непреклонности къ миру, сожалѣлъ о несчастіи, и напослѣдокъ, наливши рюмку вина,

Верхомъ въ глуши степей нагихъ,
Король и гетманъ мчатся оба—
Бѣгутъ [53]). Судьба связала ихъ!
Опасность близкая и злоба
Даруютъ силу королю.
Онъ рану тяжкую свою
Забылъ. Поникнувъ головою,
Онъ скачетъ, русскими гонимъ [54]),
И слуги вѣрные толпою
Чуть могутъ слѣдовать за нимъ.

Обозрѣвая зоркимъ взглядомъ
Степей широкій полукругъ,
Съ нимъ старый гетманъ скачетъ рядомъ;
Предъ ними хуторъ... Что же вдругъ
Мазепа будто испугался?
Что мимо хутора помчался
Онъ стороной во весь опоръ?
Иль этотъ запустѣлый дворъ,
И домъ, и садъ уединенный,
И въ поле отпертая дверь
Какой-нибудь разсказъ забвенный
Ему напомнили теперь?..
Святой невинности губитель!
Узналъ ли ты сію обитель,
Сей домъ, веселый прежде домъ,
Гдѣ ты, виномъ разгоряченный,
Семьей счастливой окруженный,
Шутилъ, бывало, за столомъ?
Узналъ ли ты пріютъ укромный,
Гдѣ мирный ангелъ обиталъ,
И садъ, откуда ночью темной
Ты вывелъ въ степь... Узналъ, узналъ!

Ночныя тѣни степь объемлютъ.
На брегѣ синяго Днѣпра,
Между скалами чутко дремлютъ
Враги Россіи и Петра [55]).
Щадятъ мечты покой героя:
Уронъ Полтавы онъ забылъ.
Но сонъ Мазепы смутенъ былъ:
Въ немъ мрачный духъ не зналъ покоя.
И вдругъ въ безмолвіи ночномъ
Его зовутъ. Онъ пробудился,
Глядитъ: надъ нимъ, грозя перстомъ,

сказалъ имъ: „Я пью за здоровіе ваше, яко моихъ учителей въ военномъ искусствѣ“ (Д. П. В. Голикова IV. 80).

То же читаемъ у Вольтера въ его Histoire de Charles XII (livre IV 185).

[53]) „Въ то время, какъ обладатель Россіи возсылалъ теплыя мольбы ко Всевышнему за дарованную побѣду, несчастный Карлъ XII удалялся въ турецкія владѣнія, вмѣстѣ съ Мазепою“ (И. М. Р. III ч., 116). По Голикову, Мазепа бѣжитъ ранѣе Карла, до прибытія его переправляется черезъ Днѣпръ и уходитъ къ туркамъ.—По Вольтеру, они бѣгутъ вмѣстѣ (I. IV. 182).

[54]) По сообщенію Вольтера: Le carrosse où il (Charles XII) était, rompit dans la marche; on le mit à cheval. (I. IV. 181). (На пути коляска Карла XII сломалась; его посадили на коня).

[55]) Pour comble de disgrâce il s'égara pendant la nuit dans un bois; là, son courage ne pouvant plus suppléer à ses forces épuisées, les douleurs de sa blessure devenues plus insupportables par la fatigue, son cheval étant tombé de lassitude, il se coucha quelques heures au pied d'un arbre, en danger d'être surpris à tout moment par les vainqueurs qui le cherchaient de tous côtés.—Enfin, la nuit du 9 au 10 juillet, il se trouva vis-à-vis le Borysthène (ibid.), т.-е. „Для довершенія несчастія, онъ (Карлъ XII) заблудился ночью въ лѣсу; тамъ мужество не могло болѣе замѣнить его упавшихъ силъ, когда боль отъ раны стала еще болѣе невыносимою вслѣдствіе утомленія, а конь его упалъ отъ изнеможенія; Карлъ лежалъ нѣсколько часовъ подъ деревомъ, подвергая себя опасности быть ежеминутно схваченымъ побѣдителями, которые искали его со всѣхъ сторонъ.—Наконецъ ночью съ 9 на 10 іюля былъ онъ у Днѣпра“.

Тихонько кто-то наклонился.
Онъ вздрогнулъ, какъ подъ топоромъ...
Предъ нимъ съ развитыми власами,
Сверкая впалыми глазами,
Вся въ рубищѣ, худа, блѣдна,
Стоитъ, луной освѣщена...
„Иль это сонъ? Марія... ты ли?“

Марія.

Ахъ, тише, тише, другъ!.. Сейчасъ
Отецъ и мать глаза закрыли...
Постой... услышать могутъ насъ.

Мазепа.

Марія, бѣдная Марія!
Опомнись! Боже!.. Что съ тобой?

Марія.

Послушай, хитрости какія!
Что за разсказъ у нихъ смѣшной?
Она за тайну мнѣ сказала,
Что умеръ бѣдный мой отецъ,
И мнѣ тихонько показала
Сѣдую голову—Творецъ!
Куда бѣжать намъ отъ злорѣчья?
Подумай: эта голова
Была совсѣмъ не человѣчья,
А волчья—видишь, какова!
Чѣмъ обмануть меня хотѣла!
Не стыдно ль ей меня терзать,
И для чего? чтобъ я не смѣла
Съ тобой сегодня убѣжать!
Возможно ль?
Съ горестью глубокой
Любовникъ ей внималъ жестокій.
Но вихрю мыслей предана,
„Однакожъ“, говоритъ она,
„Я помню поле... праздникъ шумный...
И чернь... и мертвыя тѣла...
На праздникъ мать меня вела...
Но гдѣ жъ ты былъ?.. Съ тобою розно
Зачѣмъ въ ночи скитаюсь я?
Пойдемъ домой. Скорѣй... ужъ поздно.
Ахъ, вижу, голова моя
Полна волненія пустого—
Я принимала за другого
Тебя, старикъ. Оставь меня,
Твой взоръ насмѣшливъ и ужасенъ.
Ты безобразенъ. Онъ прекрасенъ!
Въ его глазахъ блеститъ любовь,
Въ его рѣчахъ такая нѣга...
Его усы бѣлѣе снѣга,
А на твоихъ засохла кровь“.
И съ дикимъ смѣхомъ завизжала,
И легче серны молодой
Она вспрыгнула, побѣжала,
И скрылась въ темнотѣ ночной.
Рѣдѣла тѣнь. Востокъ алѣлъ.
Огонь казачій пламенѣлъ—
Пшеницу казаки варили;
Драбанты у брега Днѣпра
Коней разсѣдланныхъ поили.
Проснулся Карлъ. „Ого! пора!
Вставай, Мазепа. Разсвѣтаетъ“.
Но гетманъ ужъ не спитъ давно.
Тоска, тоска его снѣдаетъ;
Въ груди дыханье стѣснено.
И молча онъ коня сѣдлаетъ,
И скачетъ съ бѣглымъ королемъ,
И страшно взоръ его сверкаетъ,
Съ роднымъ прощаясь рубежомъ.

—

Прошло сто лѣтъ—и что жъ осталось
Отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
Столь полныхъ волею страстей?
Ихъ поколѣнье миновалось—
И съ нимъ исчезъ кровавый слѣдъ
Усилій, бѣдствій и побѣдъ.
Въ гражданствѣ сѣверной державы,

Въ ея воинственной судьбѣ,
Лишь ты воздвигъ, герой Полтавы,
Огромный памятникъ себѣ.
Въ странѣ, гдѣ мельницъ рядъ крылатый
Оградой мирной обступилъ
Бендеръ пустынные раскаты,
Гдѣ бродятъ буйволы рогаты
Вокругъ воинственныхъ могилъ—
Остатки разоренной сѣни,
Три углубленныя въ землѣ
И мхомъ поросшія ступени
Гласятъ о шведскомъ королѣ [56]).
Съ нихъ отражалъ герой безумный,
Одинъ, въ толпѣ домашнихъ слугъ,
Турецкой рати приступъ шумный,
И бросилъ шпагу подъ бунчукъ [57]);

---

[56]) Cp,: „Dans les premières années du siècle où nous sommes, le vulgaire ne connaissait dans le nord de héros que Charles XII. Sa valeur personnelle qui tenait beaucoup plus d'un soldat que d'un roi, l'éclat de ses victoires et même de ces malheurs, frappaient tous les yeux qui voient aisément ces grands évènemens et qui ne voyent pas les travaux longs et utiles. Les étrangers doutaient même alors que les entreprises du czar Pierre I puissent se soutenir; elles ont subsisté, et se sont perfectionnées sous les impératrices Anne et Elisabeth, mais surtont sous Catherine II... Cet empire est aujourd'hui compté parmi les plus florissants états, et Pierre est dans le rang des plus grands lugislateurs... L' un (Charles XII) n'a laissé que des ruines, l'antre est un fondateur en tout genre. J'osais porter à peu près ce jugement il y a trente années lorsque j'écrivais l'histoire de Charles (Voltaire, „Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand", Avant-propos) (... Личныя достоинства Карла XII, болѣе солдатскія, нежели королевскія, блескъ его побѣдъ и даже его несчастій поражали взоры всѣхъ, которые легко видятъ эти великія событія и которые не видятъ трудовъ продолжительныхъ и полезныхъ. Иностранцы даже сомнѣвались тогда, что предпріятія царя Петра I могли удержаться; они сохранились и усовершенствовались при Императрицахъ Аннѣ и Елисаветѣ, въ особенности же при Екатеринѣ II... Эта имперія нынѣ считается въ числѣ самыхъ цвѣтущихъ государствъ, а Петръ—въ ряду величайшихъ законодателей. Одинъ (Карлъ XII) оставилъ только развалины, другой—основатель во всѣхъ сферахъ. Я осмѣлился высказать почти то же сужденіе лѣтъ тридцать тому назадъ, когда писалъ исторію Карла).

[57]) Въ VI гл. „Histoire de Charees XII" Вольтеръ живыми красками рисуетъ положеніе Карла XII въ Турціи въ теченіе $3^1/_2$ лѣтъ. Близъ Бендеръ, у селенія Варницы, шведскій король построилъ большой каменный домъ, въ которомъ намѣревался оставаться, надѣясь на помощь турокъ противъ Россіи, и въ случаѣ нужды укрѣпиться въ немъ. Всѣ старанія Карла остались безуспѣшны. Онъ рѣшительно отказывался выѣхать изъ предѣловъ Турціи, несмотря на усиленныя старанія турецкаго правительства и даже крупную денежную помощь. Раздраженный его упрямствомъ, султанъ отдалъ приказъ, если окажет я нужнымъ, употребить насиліе для его удаленія. Лишенный охраннаго отряда и продовольствія, Карлъ съ 300 своихъ солдатъ и нѣсколькими приближенными, рѣшился защищаться въ своемъ домѣ. При первой же вылазкѣ солдаты его сдались. Онъ остался съ 60 человѣками, считая въ томъ числѣ и чиновниковъ его канцеляріи, поваровъ и слугъ. Съ этой горстью Карлъ задумалъ защищаться противъ 6.000 турокъ и 20.000 татаръ и исполнялъ это не безъ успѣха даже и тогда, когда домъ его былъ полонъ ворвавшимися непріятелями. Только пожаръ дома побудилъ шведовъ выйти изъ дому, чтобы проложить себѣ дорогу въ ближайшій домъ, гдѣ помѣщалась ихъ канцелярія. Но тутъ они были окружены. Зацѣпившись въ этой свалкѣ шпорами, Карлъ XII былъ взятъ на руки и отнесенъ къ пашѣ бендерскому. Чтобы не передавать шпаги побѣдителямъ, Карлъ XII бросилъ ее вверхъ. Какъ почетный плѣнникъ, онъ былъ переправленъ въ Адріанополь къ султану; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ выѣхалъ изъ Турціи въ свое королевство, и въ новой войнѣ съ датчанами нашелъ смерть при осадѣ Фридрихсгама (1718).

И тщетно тамъ пришлецъ унылый
Искалъ бы гетманской могилы:
Забытъ Мазепа съ давнихъ поръ;
Лишь въ торжествующей святынѣ
Разъ въ годъ анаѳемой донынѣ
Грозя, гремитъ о немъ Соборъ [58]).
Но сохранилася могила,
Гдѣ двухъ страдальцевъ прахъ почилъ:
Межъ древнихъ праведныхъ могилъ
Ихъ мирно Церковь пріютила [59]).
Цвѣтетъ въ Диканькѣ древній рядъ
Дубовъ, друзьями насажденныхъ;
Они ѳ праотцахъ казненныхъ
Донынѣ внукамъ говорятъ.
Но дочь-преступница... преданья
Объ ней молчатъ. Ея страданья,
Ея судьба, ея конецъ
Непроницаемою тьмою
Отъ насъ закрыты. Лишь порою
Слѣпой украинскій пѣвецъ,
Когда въ селѣ передъ народомъ
Онъ пѣсни гетмана бренчитъ,
О грѣшной дѣвѣ мимоходомъ
Казачкамъ юнымъ говоритъ.

---

*) Обезглавленныя тѣла Искры и Кочубея были отданы родственникамъ и похоронены въ Кіевской Лаврѣ; надъ ихъ гробомъ высѣчена слѣдующая надпись:

„Кто еси мимо грядый о насъ невѣдущій,
Елицы здѣ естесмо положены сущи,
Понеже намъ страсть и смерть повелѣ молчати,
Сей камень возопіетъ о насъ ти вѣщати.
И за правду и вѣрность къ Монарсѣ нашу,
Страданія и смерти испыймо чашу,
Злуданьемъ Мазепы, всевѣчно правы,
Посѣченны заставше топоромъ во главы;
Почиваемъ въ семъ мѣстѣ Матери Владычнѣ,
Подающія всѣмъ своимъ рабомъ животъ вѣчный.

Року 1708, мѣсяца Іюля 15 дня, посѣчены средь обозу войсковаго, за Бѣлою Церковію на Борщаговцѣ и Ковшевомъ, благородный Василій Кочубей, Судія Генеральный; Іоаннъ Искра, Полковникъ Полтавскій. Привезены же тѣла ихъ Іюля 17 въ Кіевъ и того жъ дня въ обители святой Печерской на семъ мѣстѣ погребены“. (Пр. П.).

---

[58]) О концѣ Мазепы пишетъ Бантышъ-Каменскій; „Недолго измѣнникъ влачилъ жизнь позорную: глубокая печаль превратилась въ отчаяніе и вскорѣ изгладила его навсегда съ лица земли. Онъ умеръ въ Бендерахъ 22 сентября (1709) по шведскимъ извѣстіямъ отъ старости, горести и претерпѣнныхъ во время пути тягостей, а по донесеніямъ изъ Турціи россійскихъ лазутчиковъ — отъ принятаго имъ яда“. Въ примѣчаніи къ этому мѣсту Бантышъ-Каменскій прибавляетъ: „Петръ Великій настоятельно требовалъ выдачи Мазепы... Слухи сіи могли дойти до измѣнника и заставить его рѣшиться до самоубійства“. „Сентября 24“, продолжаетъ Б.-Каменскій, „происходило погребеніе его... Тѣло Мазепы предано землѣ въ Варницѣ близъ Бендеръ; имя его сдѣлалось поношеніемъ у соотчичей“... „Какъ извѣстно, въ недѣлю православія церковь проклинаетъ Мазепу„.

11. Опричникъ.

(1827) [1]).

Подъ этимъ заглавіемъ явился въ „Современникѣ“ 1838 г., № 11, и съ нѣкоторыми дополненіями — въ посмертномъ изданіи подъ заглавіемъ „Кромѣшникъ“ (см. вын. 2-ю), отрывокъ, представляющій сцену изъ временъ опричнины. Какъ ни незначителенъ онъ по своему размѣру, но заключаетъ въ себѣ артистически набросанную картину уснувшей Москвы и площади съ свѣжими слѣдами той жизни, которая характеризуетъ мрачную эпоху. Впечатлѣніе дополняется изображеніемъ юноши, скачущаго на свиданіе. Извращенныя чувства этого питомца жестокаго времени нашли полное выраженіе въ словахъ его и мастерски оттѣнены ужасомъ коня передъ тѣмъ, что для опричника—дѣло привычное и даже доблестное. Объективный тонъ отрывка вводилъ въ заблужденіе нѣкоторыхъ читателей, которые осуждали его въ „поэтизированіи гнуснаго“. Такъ А. Григорьевъ (1856) ищетъ объясненія отрывку въ предположеніи, что „онъ по всей вѣроятности разъяснился бы въ цѣломъ созданіи, смыслъ котораго унесенъ поэтомъ въ могилу“. Но нѣтъ необходимости видѣть цѣлое созданіе, чтобы понять смыслъ этого отрывка: отъ него вѣетъ XVI вѣкомъ. Онъ внушенъ чтеніемъ Исторіи Карамзина. По словамъ Бѣлинскаго (1838), „отрывокъ этомъ служитъ новымъ доказательствомъ, какъ много чудныхъ надеждъ унесъ Пушкинъ въ свою безвременную могилу“.

Какая ночь! Морозъ трескучій;
На небѣ ни единой тучи;
Какъ шитый пологъ, синій сводъ
Пестрѣетъ частыми звѣздами.
Въ домахъ все темно. У воротъ
Затворы съ тяжкими замками.
Вездѣ покоится народъ;
Утихъ и шумъ и крикъ торговый:
Лишь только лаетъ стражъ дворовый,
Да цѣпью звонкою гремитъ.

И вся Москва спокойно спитъ,
Забывъ волненіе боязни.
А площадь въ сумракѣ ночномъ
Стоитъ полна вчерашней казни;
Мученій свѣжій слѣдъ кругомъ:
Гдѣ трупъ, разрубленный съ размаха,
Гдѣ столбъ, гдѣ вилы; тамъ котлы,
Остывшей полные смолы;

---

1) Въ тетради Пушкина черновой текстъ этого стихотворенія находится за два листа передъ наброскомъ, помѣченнымъ 31 іюня 1827 г. (Р. С. 1884. Іюнь, 536).

Здѣсь опрокинутая плаха;
Торчатъ желѣзные зубцы,
Съ костями груды пепла тлѣютъ;
На кольяхъ, скорчась, мертвецы
Оцѣпенѣлые чернѣютъ...

Кто тамъ? Чей конь во весь опоръ
По грозной площади несется?
Чей свистъ, чей громкій разговоръ
Во мракѣ ночи раздается?
Кто сей? Кромѣшникъ ²) удалой.
Спѣшитъ, летитъ онъ на свиданье:
Въ его груди кипитъ желанье.
Онъ говоритъ: „Мой конь лихой,
Мой вѣрный конь, лети стрѣлой!
Скорѣй, скорѣй!..“ Но конь ретивый
Вдругъ размахнулъ плетеной гривой
И сталъ. Во мглѣ между столповъ,
На перекладинѣ дубовой
Качался трупъ. Ѣздокъ суровый
Подъ нимъ промчаться былъ готовъ,
Но борзый конь подъ плетью бьется,
Храпитъ и фыркаетъ, и рвется
Назадъ. „Куда, мой конь лихой?
Чего боишься? Что съ тобой!
Не мы ли здѣсь вчера скакали,
Не мы ли яростно топтали,
Усердной местію горя,
Лихихъ измѣнниковъ царя?
Не ихъ ли кровію омыты
Твои булатныя копыты?
Теперь ужель ихъ не узналъ?
Мой борзый конь, мой конь удалый,
Несись, лети!..“ И конь усталый
Подъ трупомъ вихремъ проскакалъ.

---

12. Утопленникъ.

(1828).

Въ этомъ стихотвореніи мы имѣемъ образецъ баллады, для которой Пушкинъ нашелъ вполнѣ самобытную форму. Народный языкъ ея и чуждое всякаго внѣшняго украшенія повѣствованіе производятъ необыкновенно сильное впечатлѣніе на читателя. Что до содержанія этой небольшой баллады, то оно

2) Слово „кромѣшникъ“ Пушкинъ употребляетъ, согласно съ Карамзинымъ, въ значеніи „опричника“. Такое употребленіе не противорѣчитъ старинному употребленію этого слова и этимологическому его производству отъ „кромѣ“, какъ „опричникъ“ отъ „опричь“.

полно глубокаго смысла. Поэтъ проникъ въ самую душу русскаго крестьянина: проза жизни повидимому очерствила его; онъ готовъ порою подъ игомъ практическихъ соображеній оскорбить святыя чувства, вложенныя въ его душу; но они затѣмъ сказываются въ глубинѣ ея. Впечатлѣніе получается трагическое, когда поруганіе святыни — лишеннаго погребенія трупа — мститъ за себя его появленіемъ среди безсонной ночи передъ очами возмутившейся совѣсти. Баллада имѣетъ значеніе народнаго психологическаго этюда со всею реальною бытовою обстановкою русской деревни. Какой неизмѣримый шагъ отъ ложныхъ красокъ идилликовъ къ истинно поэтическому возсозданію народной жизни!

„Эта живая картина съ природы", замѣчаетъ Полевой (1833), „мертвецъ, снова плывущій внизъ за могилой и крестомъ, плывущій долго, какъ живой, качающійся между волнами рѣки, ночная буря, явленіе утопленника— все это наше русское, чисто народное, какъ народны картины русскихъ сказокъ, изображенныя во вступленіи къ „Руслану и Людмилѣ".

Эта баллада, вмѣстѣ съ „Женихомъ" (см. выше, № 8), „Бѣсами" (см. I т. № 180) и „Зимнимъ вечеромъ" (Id. № 110), вызываетъ такой отзывъ Бѣлинскаго (1844): „Вы удивитесь, увидя, какой очаровательный міръ поэзіи умѣлъ вызвать поэтъ своимъ волшебнымъ жезломъ".

„Ему было дано", замѣчаетъ А. Григорьевъ (1861) „непосредственное чутье народной жизни, и дана была непосредственная же любовь къ народной жизни—это неоспоримая истина, подтверждаемая и складомъ его рѣчи въ „Борисѣ", „Русланѣ", „Женихѣ", „Утопленникѣ", сказкахъ о рыбакѣ и рыбкѣ, о Кузьмѣ Остолопѣ, отрывкѣ о медвѣдицѣ и т. д.".

Напеч. впервые въ „Моск. Вѣстн." 1829, ч. 1, гдѣ подъ заглавіемъ было прибавлено: „Простонародная пѣсня", а въ оглавленіи „Простонародная сказка".

---

1 Прибѣжали въ избу дѣти,
Второпяхъ зовутъ отца:
„Тятя! тятя! наши сѣти
Притащили мертвеца".
—Врите, врите, бѣсенята,
Заворчалъ на нихъ отецъ:
Охъ, ужъ эти мнѣ ребята!
Будетъ вамъ ужо мертвецъ!

2 Судъ наѣдетъ, отвѣчай-ка;
Съ нимъ я вѣкъ не разберусь;
Дѣлать нечего! Хозяйка,
Дай кафтанъ: ужъ поплетусь...
Гдѣ жъ мертвецъ?—„Вонъ, тятя, э-вотъ!"
Въ самомъ дѣлѣ, при рѣкѣ,
Гдѣ разостланъ мокрый неводъ,
Мертвый виденъ на пескѣ.

3 Безобразно трупъ ужасный
Посинѣлъ и весь распухъ.
Горемыка ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ,
Рыболовъ ли взятъ волнами,
Али хмельный молодецъ,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купецъ—

4 Мужику какое дѣло!
Озираясь, онъ спѣшитъ...

Онъ потопленное тѣло
Въ воду за ноги тащитъ,
И отъ берега крутова
Оттолкнулъ его весломъ,
И мертвецъ внизъ поплылъ снова
За могилой и крестомъ.

5 Долго мертвый межъ волнами
Плылъ, качаясь, какъ живой:
Проводивъ его глазами,
Нашъ мужикъ пошелъ домой.
„Вы, щенки, за мной ступайте!
Будетъ вамъ по калачу,
Да смотрите жъ, не болтайте.
А не то поколочу!“

6 Въ ночь погода зашумѣла,
Взволновалася рѣка;
Ужъ лучина догорѣла
Въ дымной хатѣ мужика.
Дѣти спятъ, хозяйка дремлетъ,
На полатяхъ мужъ лежитъ;
Буря воетъ; вдругъ онъ внемлетъ:
Кто-то тамъ въ окно стучитъ.

7 „Кто тамъ“?—Эй, впусти, хозяинъ!
—„Ну, какая тамъ бѣда?
Что ты ночью бродишь, Каинъ?
Чортъ занесъ тебя сюда;
Гдѣ возиться мнѣ съ тобою?
Дома тѣсно и темно“.
И лѣнивою рукою
Подымаетъ онъ окно.

8 Изъ-за тучъ луна катится—
Что же? Голый передъ нимъ:
Съ бороды вода струится,
Взоръ открытъ и недвижимъ;
Все въ немъ страшно онѣмѣло,
Опустились руки внизъ,
И въ распухнувшее тѣло
Раки черные впились.

9 И мужикъ окно захлопнулъ;
Гостя голаго узнавъ,
Такъ и обмеръ. „Чтобъ ты лопнулъ!“
Прошепталъ онъ, задрожавъ.
Страшно мысли въ немъ мѣшались,
Трясся ночь онъ напролетъ,
И до утра все стучались
Подъ окномъ и у воротъ.

10 Есть въ народѣ слухъ ужасный:
Говорятъ, что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный гостя ждетъ;
Ужъ съ утра погода злится,
Ночью буря настаетъ,
И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воротъ.

---

13. Галубъ.

(1829 и слѣд.).

Къ этой поэмѣ Пушкинъ приступилъ по возвращеніи съ Кавказа. Анненковъ сообщаетъ двѣ программы ея.

Первая программа[1]) такова: „Обрядъ похоронъ.—Узденъ и меньшой сынъ.—I день.—Лань.—Почта.—Грузинскіе купцы.—II день.—Казакъ.—III день.—Отецъ его гонитъ.—Юноша и монахъ.—Любовь отвергнута.—Битва и монахъ“.

Вторая программа лишь началомъ сходна съ первою, но затѣмъ

---

1) „Матеріалы“, 219.

намѣчаетъ ходъ дѣйствія поэмы совершенно согласно съ самою поэмою, насколько она была написана. По мѣрѣ написанія каждой части Пушкинъ зачеркивалъ соотвѣтствующій ей нумеръ программы. Такимъ образомъ зачеркнуты первые 7 нумеровъ [1]): „1. Похороны.—2. Черкесъ-христіанинъ.—3. Купецъ.—4. Рабъ.—5. Убійца. — 6. Изгнаніе. — 7. Любовь. — 8. Сватовство.— 9. Отказъ. — 10. Миссіонеръ. — 11. Война. 12. Сраженіе. — 13. Смерть.— 14. Эпилогъ".

Въ той половинѣ поэмы, которую Пушкинъ успѣлъ написать, выразительными чертами охарактеризованъ типъ чеченца Галуба. Послѣ похоронъ сына неожиданно появляется старикъ (черкесъ-христіанинъ — по толкованію программы), которому Галубъ тринадцать лѣтъ назадъ, зашедши въ чужой аулъ, отдалъ на воспитаніе младенца. Воспитатель находитъ теперь своевременнымъ возвратить ему воспитаннаго имъ юношу, который долженъ замѣнить убитаго сына. Далѣе въ трехъ живыхъ и исполненныхъ драматизма сценахъ выясняется вся противоположность нравственнаго строя воспитаннаго христіаниномъ юноши съ тою средою, въ которую онъ возвращенъ. Съ объективностію драматическаго произведенія раскрываетъ Пушкинъ всю душевную скорбь стараго горца-магометанина, обманувшагося въ своихъ надеждахъ на юнаго Тазита. Три подвига милосердія, совершенные этимъ юношей, для стараго чеченца были тремя ударами въ самое сердце. Гнѣвъ и потомъ безмолвная скорбь этого дикаря, выраженіе которыхъ обличаетъ душу сильную, непоколебимую въ своихъ убѣжденіяхъ, заканчиваетъ 6-й нумеръ программы, а съ нею—первую часть поэмы, которая по справедливости можетъ носить заглавіе „Галубъ". Но это заглавіе дано было всему отрывку въ „Современникѣ" 1837, № 7, гдѣ онъ явился впервые уже по смерти Пушкина, несмотря на то, что героемъ поэмы, судя и по написанному 7-му нумеру („Любовь") и по послѣдующимъ, только намѣченнымъ нумерамъ программы, предполагался Тазитъ.

Не трудно видѣть, что Пушкинъ въ поэмѣ своей задумалъ противопоставить другъ другу туземную стихію племенной жизни горцевъ и ея первобытныхъ идеаловъ—съ христіанствомъ, и притомъ противоположеніе это представить чрезъ изображеніе не внѣшняго столкновенія ихъ, но введеніемъ его внутрь семейныхъ отношеній между членами той же туземной среды.

Итакъ, на этотъ разъ посѣщеніе Кавказа заронило въ Пушкинѣ думу о судьбѣ этой страны, которой предстояло рано ли, поздно ли стать частію христіанскаго міра. Разсуждая о мѣрахъ сближенія черкесовъ съ Россіей въ своемъ „Путешествіи въ Арзрумъ", Пушкинъ, упомянувъ о внѣшнихъ къ тому средствахъ, обращается и къ водворенію христіанства: „Есть средство болѣе сильное, болѣе нравственное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка,—проповѣданіе евангелія; но объ этомъ средствѣ Россія донынѣ и не подумала. Терпимость сама по себѣ вещь очень хорошая, но развѣ апостольство съ ней несовмѣстно? Развѣ истина дана намъ для того, чтобъ скрывать ее подъ спудомъ? Мы окружены народами, пресмыкающимися во мракѣ дѣтскихъ заблужденій, и никто еще изъ насъ не думалъ препоясаться и итти съ миромъ и крестомъ къ бѣднымъ братіямъ, лишеннымъ донынѣ свѣта истиннаго... Такъ ли исполняемъ мы долгъ христіанства? Кто изъ насъ мужъ вѣры и сми-

1) Id., 220.

ренія уподобится святымъ старцамъ, скитающимся по пустынямъ Африки, Азіи и Америки, въ рубищахъ, часто безъ обуви, крова и пищи, но оживленнымъ теплымъ усердіемъ? Какая награда ихъ ожидаетъ? Обращеніе престарѣлаго рыбака или странствующаго семейства дикихъ, или мальчика, а затѣмъ нужда, голодъ, мученическая смерть... Черкесы очень недавно приняли магометанскую вѣру. Они были увлечены дѣятельнымъ фанатизмомъ апостоловъ Корана... Кавказъ ожидаетъ христіанскихъ миссіонеровъ". Вотъ мысли, занимавшія Пушкина во время поѣздки по Кавказу въ 1829 г. Поэма о Тазитѣ должна была быть поэтическимъ отвѣтомъ на эти вопросы. И нельзя не видѣть, что поэтическое воспроизведеніе идеи углубило взглядъ Пушкина на дѣло. Въ путевыхъ замѣткахъ онъ очевидно считалъ обращеніе черкесовъ болѣе легкимъ, возлагая надежду на недавнее введеніе среди ихъ магометанства; правдивый поэтическій взглядъ указалъ ему, что въ жизни горцевъ встрѣча обоихъ теченій, и при мирномъ пути христіанской проповѣди, должна стать причиною трагическихъ столкновеній, потрясая до основанія весь нравственный строй дикаго племени. Безошибочность поэтическаго рѣшенія вопроса нынѣ оправдалась и исторіей. Большое число горцевъ предпочло выселеніе мирному сліянію съ побѣдителями.

Замыслъ этой поэмы такимъ образомъ вполнѣ самостоятельный. Типъ стараго Галуба воспроизведенъ мастерски и воплощенъ въ живое лицо: отъ него такъ и вѣетъ Кавказомъ; въ трехъ краткихъ сценахъ съ Тазитомъ и въ его проклятіи ему—выражено сжато, какъ то умѣлъ только Пушкинъ, все міровоззрѣніе истаго горца.

Мѣстомъ дѣйствія въ этой поэмѣ Пушкинъ избралъ мѣстность, которую онъ видѣлъ во время поѣздки своей по Предкавказью съ Военногрузинской дороги, между Екатеринодаромъ и Владикавказомъ, по которой слѣдовалъ, сопровождаемый военнымъ конвоемъ, приближаясь къ крѣпости Минарету по кладбищу въ долинѣ, въ виду снѣжнаго Кавказа. „Впереди возвышалась огромная лѣсистая гора", писалъ Пушкинъ въ своихъ путевыхъ замѣткахъ, „за нею находилась крѣпость: кругомъ ея видны были слѣды разореннаго аула, называвшагося Татартубомъ и бывшаго нѣкогда главнымъ въ Большой Кабардѣ. Легкій одинокій минаретъ свидѣтельствуетъ о бытіи исчезнувшаго селенія. Онъ стройно возвышается между грудами камней, на берегу изсохшаго потока. Внутренняя лѣстница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, съ которой уже не раздается голосъ муллы". Такъ описаны тѣ развалины, близъ которыхъ былъ убитъ сынъ Галуба. Проѣзжая далѣе, Пушкинъ видѣлъ два-три надгробныхъ памятника на краю дороги. Тамъ, по обычаю черкесовъ, похоронены ихъ наѣздники.

Самая сцена похоронъ, которою начинается „Галубъ" (ст. 1—33), воспроизведеніе непосредственныхъ впечатлѣній поэта. Онъ посѣтилъ одинъ изъ осетинскихъ ауловъ въ окрестностяхъ Владикавказа и попалъ на похороны. „Около сакли", пишетъ онъ въ Путешествіи въ Арзрумъ, „толпился народъ. На дворѣ стояла арба, запряженная двумя волами. Родственники и друзья умершаго съѣзжались со всѣхъ сторонъ и съ громкимъ плачемъ шли въ саклю, ударяя себя кулаками въ лобъ. Женщины стояли смирно. Мертвеца вынесли на буркѣ,

...like a warrior taking his rest
With his martial cloak around him [1]),

[1]) т.-е.: „...какъ воина, почившаго въ воинскомъ облаченіи".

положили его въ арбу. Одинъ изъ гостей взялъ ружье покойника, сдулъ съ полки порохъ и положилъ его подлѣ тѣла. Волы тронулись. Гости поѣхали слѣдомъ. Тѣло должно было быть похоронено въ горахъ, верстахъ въ тридцати отъ аула". „Къ сожалѣнію", прибавляетъ Пушкинъ, „никто не могъ объяснить мнѣ сихъ обрядовъ". Въ поэмѣ почти буквальное воспроизведеніе этихъ обрядовъ нашло и свое объясненіе въ стихахъ 30—33.

Не для бесѣдъ и ликованій,
Не для кровавыхъ совѣщаній,
Не для разспросовъ кунака [1]),
Не для разбойничьей потѣхи
Такъ рано съѣхались адехи
На дворъ Галуба старика.
Въ нежданной встрѣчѣ сынъ Галуба
Рукой завистника убитъ
Вблизи развалинъ Татартуба.
Въ родимой саклѣ онъ лежитъ;
Обрядъ творится погребальный;
Звучитъ уныло пѣснь муллы;
Въ арбу впряженные волы
Стоятъ предъ саклею печальной;
Дворъ полонъ тѣсною толпой;
Подъемлютъ гости скорбный вой,
И съ плачемъ бьютъ въ нагрудны брони;
И внемля шумъ не боевой,
Мятутся спутанные кони.
Всѣ ждутъ. Изъ сакли наконецъ
Выходитъ между женъ отецъ;
Два узденя за нимъ выносятъ
На буркѣ хладный трупъ. Толпу
По сторонамъ раздаться просятъ,
Слагаютъ тѣло на арбу,
И съ нимъ кладутъ снарядъ воинскій:
Неразряженную пищаль,
Колчанъ и лукъ, кинжалъ грузинскій,
И шашки крестовую сталь,
Чтобы крѣпка была могила,
Гдѣ храбрый ляжетъ почивать,
Чтобъ могъ на зовъ онъ Азраила [3])
Исправнымъ воиномъ возстать.

Въ дорогу шествіе готово,
И тронулась арба. За ней
Адехи слѣдуютъ сурово,
Смиряя молча пылъ коней.
Ужъ потухалъ закатъ огнистый,
Златя нагорныя скалы;
Когда долины каменистой
Достигли тихіе волы.
Въ долинѣ той враждою жадной
Сраженъ наѣздникъ молодой—
Тамъ нынѣ въ тѣнь могилы хладной
Онъ ляжетъ, блѣдный и нѣмой...
Ужъ трупъ землею взятъ. Могила
Завалена. Толпа вокругъ
Мольбы послѣднія творила.
Изъ-за горы явился вдругъ
Старикъ сѣдой, съ нимъ отрокъ стройный.
Даютъ дорогу пришлецу,
И скорбному старикъ отцу
Такъ молвилъ, важный и спокойный:
„Тому прошло тринадцать лѣтъ,
Какъ ты, въ аулъ чужой пришедъ,
Вручилъ мнѣ слабаго младенца,

---

1) *Кунакъ*—пріятель.—2) Окрестности этого разрушеннаго аула пользовались священными правами убѣжища; поэтому убійство тамъ сына Галубова составляло двойное преступленіе (Ефремовъ).

3) *Азраилъ*—ангелъ смерти у мусульманъ, который умретъ послѣднимъ послѣ трубнаго призыва всѣхъ на судъ Всевышняго.

Чтобъ воспитаньемъ изъ него
Я сдѣлалъ храбраго чеченца.
Сегодня сына одного
Ты преждевременно хоронишь.
Галубъ, покоренъ будь судьбѣ!
Другого я привелъ тебѣ—
Вотъ онъ. Ты голову приклонишь
Къ его могучему плечу,
Свою потерю имъ замѣнишь;
Труды мои ты самъ оцѣнишь—
Хвалиться ими не хочу".

Умолкнулъ. Смотритъ торопливо
Галубъ на отрока. Тазитъ,
Главу потупя, молчаливо
Ему недвижимъ предстоитъ,
И въ горѣ имъ Галубъ любуясь,
Влеченью сердца повинуясь,
Объемлетъ ласково его.
Потомъ наставника ласкаетъ,
Благодаритъ и приглашаетъ
Подъ кровлю дома своего.
Три дня, три ночи съ кунаками
Его онъ хочетъ угощать,
И послѣ съ честью провожать,
Съ благословеньемъ и дарами.
Ему, отецъ печальный мнитъ,
Обязанъ благомъ я безцѣннымъ:
Слугой и другомъ неизмѣннымъ,
Могучимъ мстителемъ обидъ.

Проходятъ дни. Печаль заснула
Въ душѣ Галуба. Но Тазитъ
Все дикость прежнюю хранитъ.
Среди родимаго аула
Онъ все чужой; онъ цѣлый день
Въ горахъ одинъ молчитъ и бродитъ.
Такъ въ саклѣ пойманный олень
Все въ лѣсъ глядитъ, все въ глушь уходитъ.
Онъ любитъ по крутымъ скаламъ
Скользить, ползти тропой кремнистой,
Внимая бурѣ голосистой
И въ безднѣ воющимъ волнамъ.
Онъ иногда до поздней ночи
Сидитъ, печаленъ надъ горой,
Недвижно вдаль уставя очи,
Опершись на руку главой.
Какія мысли въ немъ проходятъ?
Чего желаетъ онъ тогда?
Изъ міра дольнаго куда
Младые сны его уводятъ?
Какъ знать? Незрима глубь сердецъ!
Въ мечтаньяхъ отрокъ своеволенъ,
Какъ вѣтеръ въ небѣ...
Но отецъ
Уже Тазитомъ недоволенъ.
„Гдѣ жъ", мыслитъ онъ, „въ немъ плодъ наукъ,
Отважность, хитрость и проворство,
Лукавый умъ и сила рукъ?
Въ немъ только лѣнь и непокорство.
Иль сына взоръ мой не проникъ,
Иль обманулъ меня старикъ?"

Тазитъ изъ табуна выводитъ
Коня, любимца своего.
Два дня въ аулѣ нѣтъ его,
На третій день домой приходитъ.

ОТЕЦЪ.

Гдѣ былъ ты, сынъ?

СЫНЪ.

Въ ущельи скалъ.
Гдѣ прорванъ каменистый берегъ,
И путь открытъ на Даріалъ.

ОТЕЦЪ.

Что дѣлалъ тамъ?

СЫНЪ.

Я слушалъ Терекъ.

ОТЕЦЪ.

А не видалъ ли ты грузинъ
Иль русскихъ?

СЫНЪ.

Видѣлъ я, съ товаромъ
Тифлисскій ѣхалъ ярмянинъ.

ОТЕЦЪ.

Онъ былъ со стражей?

СЫНЪ.

Нѣтъ, одинъ.

ОТЕЦЪ.

Зачѣмъ нечаяннымъ ударомъ
Не вздумалъ ты свалить его,
И не прыгнулъ къ нему съ утеса?
Потупилъ очи сынъ черкеса,
Не отвѣчая ничего.

Тазитъ опять коня сѣдлаетъ,
Два дня, двѣ ночи пропадаетъ,
Потомъ является домой.

ОТЕЦЪ.

Гдѣ былъ?

СЫНЪ.

За Бѣлою горой.

ОТЕЦЪ.

Кого ты встрѣтилъ?

СЫНЪ.

На курганѣ
Отъ насъ бѣжавшаго раба.

ОТЕЦЪ.

О, милосердная судьба!
Гдѣ жъ онъ? Ужели на арканѣ
Ты бѣглеца не притащилъ?

Тазитъ опять главу склонилъ.
Галубъ нахмурился въ молчаньѣ,
Но скрылъ свое негодованье.
„Нѣтъ“, мыслитъ онъ, „не замѣнитъ
Онъ никогда другого брата!
Не научился мой Тазитъ,
Какъ шашкой добываютъ злата;
Ни стадъ моихъ, ни табуновъ
Не надѣлятъ его разъѣзды!
Онъ только знаетъ безъ трудовъ
Внимать волнамъ, глядѣть на звѣзды,
А не въ набѣгахъ отбивать
Коней съ ногайскими быками,
И съ боя взятыми рабами
Суда въ Анапѣ нагружать“.

Тазитъ опять коня сѣдлаетъ,
Два дня, двѣ ночи пропадаетъ,
На третій, блѣденъ, какъ мертвецъ,
Приходитъ онъ домой. Отецъ,
Его увидя, вопрошаетъ:
Гдѣ былъ ты?

СЫНЪ.

Около станицъ.
Кубани, близъ лѣсныхъ границъ.

. . . .

ОТЕЦЪ.

Кого ты видѣлъ?

СЫНЪ.

Супостата.

ОТЕЦЪ.

Кого, кого?

СЫНЪ.

Убійцу брата.

ОТЕЦЪ.

Убійцу сына моего?..
Тазитъ! гдѣ голова его?
Дай нагляжусь!

СЫНЪ.

Убійца былъ
Одинъ, изранен, безоруженъ...

ОТЕЦЪ.

Ты долга крови не забылъ...
Врага ты навзничь опрокинулъ...
Не правда ли? Ты шашку вынулъ,
Ты въ горло сталь ему воткнулъ,
И трижды тихо повернулъ?
Упился ты его стенаньемъ,
Его змѣинымъ издыханьемъ?..
Гдѣ жъ голова? Подай!... Нѣтъ силъ...
Но сынъ молчитъ, потупя очи.
И сталъ Галубъ чернѣе ночи,
И сыну грозно возопилъ:
„Поди ты прочь—ты мнѣ не сынъ,

Ты не чеченецъ, ты старуха,
Ты трусъ, ты рабъ, ты армянинъ:
Будь проклятъ мной!—Поди, чтобъ слуха
Никто о робкомъ не имѣлъ,
Чтобъ вѣчно ждалъ ты грозной встрѣчи,
Чтобъ мертвый братъ тебѣ на плечи
Окровавленной кошкой сѣлъ,
И къ безднѣ гналъ тебя нещадно;
Чтобъ ты, какъ раненый олень,
Бѣжалъ, тоскуя безотрадно;
Чтобъ дѣти русскихъ деревень
Тебя веревкою поймали,
И какъ волченка затерзали—
Чтобъ ты... Бѣги, бѣги скорѣй!
Не оскверняй моихъ очей“!
Сказалъ и на земь легъ—и очи
Закрылъ, и такъ лежалъ до ночи.
Когда же приподнялся онъ,
Былъ теменъ синій небосклонъ.

Ущелій горныхъ поселенцы
Въ долинѣ шумно собрались;
Привычны игры начались:
Верхами юные чеченцы,
Въ пыли несясь во весь опоръ,
Стрѣлою шапку пробиваютъ.
Иль трижды сложенный коверъ
Булатомъ сразу разсѣкаютъ,
То скользкой тѣшатся борьбой,
То пляской быстрой. Жены, дѣвы
Межъ тѣмъ поютъ — и гулъ лѣсной
Далече вторитъ ихъ напѣвы.
Но между юношей—одинъ
Забавъ наѣздничьихъ не дѣлитъ,
Верхомъ не мчится вдоль стремнинъ,
Изъ лука звонкаго не цѣлитъ.
Но между дѣвами—одна
Молчитъ, уныла и блѣдна.
Они въ толпѣ четою странной
Стоятъ, не видя ничего.
И горе имъ: онъ—сынъ изгнанный,
Она—любовница его...
О, было время, съ ней украдкой
Видался юноша въ горахъ;
Онъ пилъ огонь отравы сладкой,
Въ ея смятеньи, въ рѣчи краткой,
Въ ея потупленныхъ очахъ,
Когда съ домашняго порогу
Она смотрѣла на дорогу,
Съ подружкой рѣзвой говоря,
И вдругъ садилась и блѣднѣла,
И отвѣчая не глядѣла,
И разгоралась, какъ заря;
Или у водъ когда стояла,
Текущихъ съ каменныхъ вершинъ,
И долго кованный кувшинъ
Волною звонкой наполняла...
И онъ, невластный превозмочь
Волненій сердца, разъ приходитъ
Къ ея отцу, его отводитъ
И говоритъ: „Твоя мнѣ дочь
Давно мила; по ней тоскуя,
Одинъ и сиръ давно живу я;
Благослови любовь мою,
Я бѣденъ—но могучъ и молодъ,
Мнѣ трудъ легокъ. Я удалю
Отъ нашей сакли тощій голодъ.
Тебѣ я буду сынъ и другъ
Послушный, преданный и нѣжный,
Твоимъ сынамъ кунакъ надежный,
А ей приверженный супругъ...“
. . . .

14. Сказка о медвѣдицѣ.

(1830).

Сказка о медвѣдицѣ написана на бумагѣ 1830 года среди набросковъ: „Моей родословной“ и „Скупого Рыцаря“, во время пребыванія въ Михайловскомъ.

„Эти полународныя, полувыдуманныя произведенія“ замѣчаетъ о набросках подобнаго рода Анненковъ (1855), „сохраняются у Пушкина въ первомъ, еще необдѣланномъ видѣ... Онъ забылъ о нихъ... Надо сказать, сила Пушкина и близкое знакомство съ духомъ русской поэзіи выступаютъ тутъ особенно ясно. Складъ и теченіе рѣчи удивительно близко подходятъ къ обыкновеннымъ пріемамъ народной фантазіи... Они кажутся деревенской пѣсней, пропѣтой великимъ мастеромъ. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается и тайна особеннаго наслажденія, доставляемаго ими“.

Анненковъ прибавляетъ: „...Пѣсня, или лучше сказать, разсказъ о медвѣдицѣ созданъ по этому способу, который такъ рѣдко удается писателямъ менѣе геніальнымъ, менѣе проникнутымъ духомъ народныхъ созданій“.

Упомянувъ объ удивительномъ подражаніи Пушкина латинской прозѣ, г. Страховъ (1868) продолжаетъ: „Другое чудо, еще болѣе удивительное, представляютъ подражанія Пушкина народнымъ стихамъ. Духъ и складъ народной поэзіи уловлены такъ, что сомнѣваешься, дѣйствительно ли это сочинено Пушкинымъ, а не подслушано у народа“. Это только пробы пера“, продолжаетъ г. Страховъ, сославшись на отрывокъ. „Только что на проталинкахъ весеннихъ“ (см. № 9) и на сказку о медвѣдицѣ: — „это — наброски, сами собой явившіеся въ то время, какъ Пушкинъ предавался „своимъ невольнымъ мечтамъ“; между тѣмъ они несомнѣнно превосходятъ всѣ многочисленныя и упорныя попытки приблизиться къ народной поэзіи, которыя мы видѣли до сихъ поръ“ [1]).

Напеч. впервые въ „Матеріалахъ“ Анненкова, 1855. Поправки въ „Русск. Старинѣ“ 1884, октябрь.

Какъ весенней теплой порою,
Изъ-подъ утренней бѣлой зорюшки,
Что изъ лѣсу, изъ лѣсу, изъ дремучаго—
Выходила медвѣдица,
Съ малыми дѣтушками медвѣжатами,
Погулять, посмотрѣть, себя показать.
Сѣла медвѣдица подъ березкой;
Стали медвѣжата промежъ собою играти,
Обниматися, боротися,
Боротися, да кувыркатися.
Отколь ни возьмись мужикъ идетъ;
Онъ въ рукахъ несетъ рогатину.
А ножъ-то у него за поясомъ,

---

1) „Складчина“ 570.

А мѣшокъ-то у него за плечами.
Какъ завидѣла медвѣдиха
Мужика съ рогатиной,
Заревѣла медвѣдиха,
Стала кликать дѣтушекъ,
Глупыхъ медвѣжатъ своихъ:
„Ахъ, вы дѣтушки, медвѣжатушки!
Перестаньте валятися,
Обниматися, кувыркатися!
Становитесь, хоронитесь за меня.
Ужъ я васъ мужику не выдамъ,
Я сама мужику брюхо [1]) выѣмъ!“
Медвѣжатушки испугалися,
За медвѣдиху бросалися,
А медвѣдиха осержалася—
На дыбы поднималася.
А мужикъ-отъ, онъ догадливъ былъ,
Онъ пускался на медвѣдиху,
Онъ сажалъ въ нее рогатину,
Что повыше пупа, пониже печени.
Грянулась медвѣдиха о сыру землю;
А мужикъ то ей брюхо поролъ,
Брюхо поролъ, да шкуру снималъ;
Малыхъ медвѣжатъ въ мѣшки поклалъ,
А поклавши-то, домой пошелъ:
„Вотъ тебѣ, жена, подарочекъ—
Что медвѣжья шуба въ пятьдесятъ рублевъ,
А что вотъ тебѣ подарочекъ—
Трои медвѣжатъ по пяти рублевъ.“
Не звоны пошли по городу,
Пошли вѣсти по всему по лѣсу.
Дошли вѣсти до медвѣдя чернобурова,
Что убилъ мужикъ его медвѣдиху,
Распоролъ ей брюхо бѣлое,
Медвѣжатушекъ въ мѣшокъ поклалъ.
Въ ту пору медвѣдь запечалился,
Голову повѣсилъ, голосомъ завылъ
Про свою ли сударушку
Чернобурую медвѣдиху:
„Ахъ ты свѣтъ моя медвѣдиха!
На кого меня покинула
Вдовца несчастнаго,
Вдовца горемычнаго?
Ужъ какъ мнѣ съ тобой, моей боярыней,
Веселой игры не игрывати,
Милыхъ дѣтушекъ не родити,
Медвѣжатушекъ не качати,

---

[1]) По изд. Анненкова.

Не качати, не баюкати!“
Въ ту пору звѣри собиралися
Къ тому ли къ медвѣдю, ко боярину:
Прибѣгали звѣри большіе,
Прибѣгали тутъ звѣришки меньшіе,
Прибѣгалъ тутъ воевода-волкъ...
У него-то зубы закусливые,
У него-то глаза завистливые!
Приходилъ тутъ бобръ, торговый гость,
У него-то бобра жирный хвостъ!
Приходила ласочка-дворяночка,
Приходила бѣлочка-княгиничка,
Приходила лисица-подьячиха,
Подьячиха, казначеиха!
Приходилъ скоморохъ-горностаюшка,
Прибѣгалъ тутъ зайка-смердъ,
Зайка бѣдненькій, зайка сѣренькой!
(Приходилъ байбакъ тутъ глумянъ,
Живетъ онъ, байбакъ, позади гумянъ),
Приходилъ цѣловальникъ-ёжъ:
Все-то онъ ёжъ ёжится,
Все-то онъ щетинится!...

---

15. Сказка о царѣ Салтанѣ.

О СЫНѢ ЕГО СЛАВНОМЪ И МОГУЧЕМЪ БОГАТЫРѢ КНЯЗѢ ГВИДОНѢ САЛТАНОВИЧѢ И О ПРЕКРАСНОЙ ЦАРЕВНѢ ЛЕБЕДИ.

(1831).

Послѣ женитьбы своей Пушкинъ, поселившись въ Царскомъ Селѣ, засталъ тамъ Жуковскаго, который, въ качествѣ наставника наслѣдника престола Александра Николаевича, вмѣстѣ съ дворомъ жилъ тамъ до глубокой осени, по случаю холеры въ Петербургѣ. И Гоголь составлялъ ихъ тогдашнее общество. Вдохновитель юности Пушкина Жуковскій вступилъ здѣсь въ состязаніе съ нимъ. Оба взялись за народныя сказки. „Сказка о Спящей Царевнѣ“, „Сказка о царѣ Берендеѣ„ и „Война мышей и лягушекъ“ Жуковскаго и „Сказка о царѣ Салтанѣ“ и „Сказка о попѣ и работникѣ его Балдѣ“ Пушкина были плодомъ этого состязанія. Шутливый тонъ большей части этихъ сказокъ объясняется затѣею Жуковскаго, бывшаго руководителя арзамасскихъ проказъ.

Пушкинъ принялся за воспроизведеніе сказки о царѣ Салтанѣ. Она давно была наброеана имъ въ черновыхъ тетрадяхъ и притомъ три раза: въ первый разъ еще во время пребыванія на югѣ въ 1822 году; потомъ снова записана уже въ Михайловскомъ со словъ няни, и наконецъ въ 1828 г.—и всякій разъ была имъ оставляема.

Первый набросокъ очень краткій и имѣетъ видъ программы: „Царь не имѣетъ дѣтей. Слушаетъ трехъ сестеръ: когда бы я была царица, то я бы

(выстроила дворецъ)...; когда бы я была царица, завела бы... На другой день свадьба. Зависть первой жены; война, царь на войнѣ, царевна [1]) рождаетъ сына: гонецъ etc. Царь умираетъ бездѣтенъ. Оракулъ, буря, ладья. Избираютъ его царемъ—онъ правитъ въ славѣ—ѣдетъ корабль—у Салтана рѣчь о новомъ государствѣ. Салтанъ хочетъ слать пословъ, царевна [2]) посылаетъ своего повѣреннаго гонца, который клевещетъ. Царь объявляетъ войну—царица [3]) узнаетъ его съ башни"...

Тогда же въ 1822 году, какъ видно изъ замѣтокъ въ черновой тетради, Пушкинъ занимался и другими народными произведеніями. Такъ онъ читалъ: Histoire litteraire de l'Itaile par Giuguené (1811—1819) и сдѣлалъ изъ нея выписку о первоначальномъ источникѣ извѣстной сказки о Бовѣ-королевичѣ, о „древнѣйшей романтической поэмѣ" Buovo d' Antona (1489 г., Venezia). Та же тетрадь свидѣтельствуетъ, что Пушкинъ даже начиналъ сказку въ стихахъ о царѣ Занзевѣ четырехстопнымъ ямбомъ своихъ поэмъ, одновременно съ „Братьями разбойниками" и оставилъ эту попытку.

Въ Михайловскомъ, какъ мы видѣли (см. выше, стр. 143), Пушкинъ воспроизводилъ другія сказки и тогда же записалъ тѣ народныя сказки, которыя обыкновенно печатаются въ сочиненіяхъ Пушкина подъ заглавіемъ „Сказокъ Арины Родіоновны" [4]). Приводимъ здѣсь текстъ первой изъ нихъ:

СКАЗКА, ПОСЛУЖИВШАЯ ОСНОВОЙ ДЛЯ СКАЗКИ ПУШКИНА О ЦАРѢ САЛТАНѢ.

„Нѣкоторый царь задумалъ жениться, но не нашелъ по своему нраву никого; подслушалъ онъ однажды разговоръ трехъ сестеръ. Старшая хвалилась, что государство однимъ зерномъ накормитъ; вторая, что однимъ кускомъ сукна одѣнетъ; третья, что съ перваго года родитъ 33 сына. Царь женился на меньшой, и съ первой ночи она понесла. Царь уѣхалъ воевать. Мачиха его, завидуя своей невѣсткѣ рѣшилась ее погубить. Послѣ 9-ти мѣсяцевъ царица благополучно разрѣшилась 33 мальчиками, а 34-й уродился чудомъ: ножки по колѣни серебряныя, ручки по локотки золотыя, во лбу звѣзда, въ затылкѣ мѣсяцъ. Послали извѣстить о томъ царя; мачеха задержала гонца на дорогѣ, напоила его пьянымъ, подмѣнила письмо, въ коемъ написала, что царица разрѣшилась *не мышью, не лягушкой, невѣдомой звѣрушкой*. Царь опечалился, но съ тѣмъ же гонцомъ повелѣлъ дождаться пріѣзда его для разрѣшенія. Мачеха опять подмѣнила приказъ и написала повелѣніе, чтобъ заготовить двѣ бочки: одну для 33 царевичей, а другую для царицы съ чудеснымъ сыномъ, и бросить ихъ въ море. Такъ и сдѣлано. Долго плавали царица съ царевичемъ въ засмоленной бочкѣ; наконецъ море ихъ выкинуло на землю. Сынъ замѣтилъ это. „Матушка ты моя, благослови ты меня на то, чтобъ разсыпались обручи, и вышли бы мы на свѣтъ".—„Господь благослови тебя, дитятко". Обручи лопнули *),

*) Царевичъ понатужился, что называется, въ бочкѣ (Анненковъ).

[1]) т. е. молодая царица.—[2]) т. е. молодая царица, первая жена царя—[3]) т.-е. мать.—[4]) Онѣ написаны въ черновой тетради всѣ сплошь чисто, безъ помарокъ верхомъ внизъ, начиная съ обратной стороны той тетради, гдѣ съ другой стороны писались начерно „Цыганы" и другія стихотворенія 1824 года (Р. С. 1884, іюнь, 543) и потому съ вѣроятностью могутъ быть отнесены къ тому же времени.

они вышли на островъ, сынъ избралъ мѣсто, и съ благословенія матери выстроилъ городъ и сталъ въ ономъ жить да поживать. Ѣдетъ мимо корабль: царевичъ остановилъ корабельщиковъ, осмотрѣлъ ихъ пропускъ и узнавъ, что ѣдутъ они къ Султану Султановичу, турецкому государю, обратился въ муху и полетѣлъ вслѣдъ за ними*). Мачеха хочетъ его поймать, онъ никакъ не дается. Гости корабельщики расказываютъ царю о новомъ государствѣ и о чудномъ отрокѣ: ноги серебряныя и проч. „Ахъ"! говоритъ царь, „поѣду посмотрѣть это чудо".—Что за чудо, говоритъ мачеха, „вотъ что чудо: *у моря Лукоморья стоитъ дубъ, и на томъ буду золотыя цѣпи, и по тѣмъ цѣпямъ ходитъ котъ, вверхъ идетъ—сказки сказываетъ внизъ идетъ—пѣсни поетъ*". Царевичъ прилетѣлъ домой и съ благословенья матери перенесъ передъ дворецъ чудный дубъ.

„Новый корабль. Тоже опять. (Тотъ же разговоръ у Султана**)—царь опять хочетъ ѣхать. „Что за чудо"! говоритъ опять мачеха, „вотъ что чудо: за моремъ стоитъ гора, и на горѣ два борова, боровы грызутся, а межъ ними сыплется золото да серебро и проч." Третій корабль и проч. также. „Что за чудо! а вотъ чудо: изъ моря выходятъ 30 отроковъ, точь-въ-точь ровны и голосомъ, и волосомъ, и лицомъ, и ростомъ, и выходятъ они изъ моря только на единъ часъ" ***).

„Тужитъ царевна объ остальныхъ своихъ дѣтяхъ. Царевичъ, съ ея благословенія, берется ихъ отыскивать. „Нацѣди ты, матушка, своего молока, ты замѣси 30 лепешечекъ". Онъ идетъ къ морю, море сколыхалося и вышли 30 юношей и съ ними старикъ, а царевичъ спрятался и оставилъ одну лепешечку. Одинъ изъ нихъ съѣлъ ее. „Ахъ, братцы", говоритъ онъ, „до сихъ поръ не знали мы материнскаго молока, а теперь узнали".—Старикъ погналъ ихъ въ море. На другой день вышли они опять, и всѣ съѣли по лепешечкѣ и познали брата своего. На третій день вышли безъ старика—и царевичъ привелъ всѣхъ братьевъ своихъ къ матери. 4-й корабль—то же самое. Мачехѣ уже болѣе дѣлать нечего.—Царь Султанъ ѣдетъ на островъ, узнаетъ свою жену и дѣтей—и возвращается домой, а мачеха умираетъ".

На этотъ разъ, т.-е. въ 1831 г., Пушкинъ, обратившись къ этой сказкѣ, избралъ для ея передачи четырехстопный хорей съ парными риѳмами, попеременно мужскими и женскими—размѣръ, которыхъ до тѣхъ поръ Пушкинъ не писалъ ничего. Замѣчательно, что тотъ же хорей избираетъ и Жуковскій для своей „Спящей царевны", но съ одними мужскими риѳмами. Можно предположить, что этотъ бойкій размѣръ былъ избранъ обоими поэтами по обоюдному соглашенію. Получился стихъ живой, свободный, удобный для отрывистаго слога сказки, сообщающій ему характеръ параллелизма, такъ гармонирующаго съ наивнымъ сказочнымъ тономъ и производящій на слухъ впечатлѣніе самаго первобытнаго мотива, наигрываемаго на балалайкѣ. Въ тоническомъ риѳмованномъ стихѣ послѣ не былъ никѣмъ примѣняемъ ни одинъ размѣръ, болѣе подходящій для произведеній этого рода. Имъ воспользовался впослѣдствіи и Ершовъ для своего „Конька-горбунка", котораго затвердила, наравнѣ со сказ-

*) Царевичъ прилетаетъ въ видѣ мухи въ родительскій домъ (Анн.).

**) Новые гости видѣли чудный дубъ у волшебнаго царевича, но мачеха опять останавливаетъ царя отъ поѣздки (Анн.).

***) Царевичъ, невидимо присутствовавшій во все время разсказовъ у царя докладываетъ матушкѣ о чудныхъ отрокахъ (Анн.).

ками Пушкина, вся грамотная и полуграмотная Россія. Очевидно, размѣръ былъ угаданъ вѣрно и пришелся по русскому вкусу.

„Почти каждый вечеръ“, писалъ Гоголь [6]), „собирались мы, Жуковскій, Пушкинъ и я. О, если бы ты зналъ, сколько прелестей вышло изъ-подъ пера сихъ мужей! У Пушкина... сказки русскія народныя—не то, что „Русланъ и Людмила“, но совершенно русскія [7])...“ „И Пушкинъ окончилъ свою сказку“, писалъ Гоголь: „Боже мой, что-то будетъ далѣе? Мнѣ кажется, что теперь воздвигается огромное зданіе чисто-русской поэзіи. Страшные граниты положены въ фундаментъ, и тѣ же самые зодчіе поведутъ и стѣны и куполъ, на славу вѣкамъ“ [8])!

Не менѣе восторженно привѣтствовалъ и Гнѣдичъ „Сказку о царѣ Султанѣ“. Онъ писалъ Пушкину тогда свое стихотвореніе:

Пушкинъ, Протей
Гибкимъ твоимъ языкомъ и волшебствомъ твоихъ пѣснопѣній!
Уши закрой отъ похвалъ и сравненій
Добрыхъ друзей:
Пой, какъ поешь ты, родной соловей!
Байрона геній, иль Гёте, Шекспира—
Геній ихъ неба, ихъ нравовъ, ихъ странъ:
Ты же, постигнувшій таинство русскаго духа и міра,
Пой намъ по-своему, русскій Баянъ!
Небомъ роднымъ вдохновенный,
Вѣдь на Руси ты пѣвецъ *несравненный*.

Впервые напеч. брошюрою вмѣстѣ съ сказками Жуковскаго въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, назначенныхъ лишь для высочайшихъ особъ. Публика же познакомилась съ „Сказкою о Салтанѣ“ не ранѣе 1832 г., въ изданіи стихотвореній Пушкина этого года (ч. III).

Три дѣвицы подъ окномъ
Пряли поздно вечеркомъ.
Кабы я была царица,
Говоритъ одна дѣвица,
То сама на весь бы міръ
Приготовила я пиръ.
Кабы я была царица,
Говоритъ ея сестрица,
То на весь бы міръ одна
Наткала я полотна.
Кабы я была царица,
Третья молвила сестрица,
Я бъ для батюшки-царя
Родила богатыря.

Только вымолвить успѣла,
Дверь тихонько заскрипѣла,
И въ свѣтлицу входитъ царь,
Стороны той государь.
Во все время розговора
Онъ стоялъ позадь забора;
Рѣчь послѣдней по всему
Полюбилася ему.
„Здравствуй, красная дѣвица“,
Говоритъ онъ, „будь царица,
И роди богатыря

---

6) Къ Данилевскому.—7) См. соч. Гог. (Кулиша V, 139).—8) Р. А. 1871, 147).

Мнѣ къ исходу сентября.
Вы жъ, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь изъ свѣтлицы,
Поѣзжайте вслѣдъ за мной,
Вслѣдъ за мной и за сестрой:
Будь одна изъ васъ ткачиха,
А другая повариха".

Въ сѣни вышелъ царь-отецъ.
Всѣ пустились во дворецъ.
Царь недолго собирался:
Въ тотъ же вечеръ обвѣнчался.
Царь Салтанъ за пиръ честной
Сѣлъ съ царицей молодой;
А потомъ честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодыхъ
И оставили однихъ.
Въ кухнѣ злится повариха,
Плачетъ у станка ткачиха—
И завидуютъ онѣ
Государевой женѣ.
А царица молодая,
Обѣщанье выполняя,
Съ той же ночи понесла.

Въ тѣ поры война была:
Царь Салтанъ, съ женой простяся,
На добра-коня садяся,
Ей наказывалъ — себя
Поберечь, его любя.
Между тѣмъ, какъ онъ далеко
Бьется долго и жестоко,
Наступаетъ срокъ родинъ;
Сына Богъ имъ далъ въ аршинъ.
И царица надъ ребенкомъ,
Какъ орлица надъ орленкомъ.
Шлетъ съ письмомъ она гонца
Чтобъ обрадовать отца.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей, бабой Бабарихой,
Извести ее хотятъ,
Перенять гонца велятъ;
Сами шлютъ гонца другова
Вотъ съ чѣмъ отъ слова до слова:
„Родила царица въ ночь
„Не то сына, не то дочь:
„Не мышенка, не лягушку,
„А невѣдому звѣрюшку".

Какъ услышалъ царь-отецъ,
Что донесъ ему гонецъ,
Въ гнѣвѣ началъ онъ чудесить
И гонца хотѣлъ повѣсить:
Но, смягчившись на сей разъ,
Далъ гонцу такой приказъ:
„Ждать царева возвращенья
Для законнаго рѣшенья".

Ѣдетъ съ грамотой гонецъ,
И пріѣхалъ наконецъ.
А ткачиха съ паварихой,
Съ сватьей, бабой Бабарихой,
Обобрать его велятъ;
Допьяна гонца поятъ,
И въ суму его пустую
Суютъ грамоту другую —
И привезъ гонецъ хмельной
Въ тотъ же день приказъ такой:
„Царь велитъ своимъ боярамъ,
Времени не тратя даромъ,
И царицу, и приплодъ
Тайно бросить въ бездну водъ".
Дѣлать нечего: бояре,
Потуживъ о государѣ
И царицѣ молодой,
Въ спальню къ ней пришли толпой.
Объявили царску волю —
Ей и сыну злую долю;
Прочитали вслухъ указъ,
И царицу въ тотъ же часъ
Въ бочку съ сыномъ посадили,
Засмолили, покатили
И пустили въ окіянъ—
Такъ велѣлъ-де царь Салтанъ.

Въ синемъ морѣ звѣзды блещутъ,
Въ синемъ морѣ волны хлещутъ;
Туча по небу идетъ,
Бочка по морю плыветъ.

Словно горькая вдовица,
Плачетъ, бьется въ ней царица;
И растетъ ребенокъ тамъ
Не по днямъ, а по часамъ.
День прошелъ, царица вопитъ...
А дитя волну торопитъ:
„Ты, волна моя, волна!
Ты гульлива и вольна;
Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морскія камни точишь,
Топишь берегъ ты земли,
Подымаешь корабли —
Не губи ты нашу душу:
Выплесни ты насъ на сушу!“
И послушалась волна:
Тутъ же на берегъ она
Бочку вынесла легонько,
И отхлынула тихонько.
Мать съ младенцемъ спасена;
Землю чувствуетъ она.
Но изъ бочки кто ихъ вынетъ?
Богъ неужто ихъ покинетъ?
Сынъ на ножки поднялся,
Въ дно головкой уперся,
Понатужился немножко:
„Какъ бы здѣсь на дворъ окошко
Намъ продѣлать“? молвилъ онъ,
Вышибъ дно и вышелъ вонъ.

Мать и сынъ теперь на волѣ,
Видятъ холмъ въ широкомъ полѣ,
Море синее кругомъ,
Дубъ зеленый надъ холмомъ.
Сынъ подумалъ: добрый ужинъ
Былъ бы намъ однако нуженъ.
Ломитъ онъ у дуба сукъ
И въ тугой сгибаетъ лукъ;
Со креста снурокъ шелковый
Натянулъ на лукъ дубовый,
Тонку тросточку сломилъ,
Стрѣлкой легкой завострилъ,
И пошелъ на край долины
У моря искать дичины.

Къ морю лишь подходитъ онъ,
Вотъ и слышитъ будто стонъ...
Видно на морѣ не тихо!
Смотритъ—видитъ дѣло лихо:
Бьется лебедь средь зыбей,
Коршунъ носится надъ ней;
Та бѣдняжка такъ и плещетъ,
Воду вкругъ мутитъ и хлещетъ...
Тотъ ужъ когти распустилъ,
Клевъ кровавый навострилъ...
Но какъ разъ стрѣла запѣла,
Въ шею коршуна задѣла —
Коршунъ въ море кровь пролилъ,
Лукъ царевичъ опустилъ;
Смотритъ: коршунъ въ морѣ тонетъ
И не птичьимъ крикомъ стонетъ;
Лебедь около плыветъ,
Злого коршуна клюетъ,
Гибель близкую торопитъ,
Бьетъ крыломъ и въ морѣ топитъ —
И царевичу потомъ
Молвитъ русскимъ языкомъ:
„Ты, царевичъ, мой спаситель,
Мой могучій избавитель,
Не тужи, что за меня
Ѣсть не будешь ты три дня,
Что стрѣла пропала въ морѣ;
Это горе—все не горе.
Отплачу тебѣ добромъ,
Сослужу тебѣ потомъ:
Ты не лебедь вѣдь избавилъ,
Дѣвицу въ живыхъ оставилъ;
Ты не коршуна убилъ,
Чародѣя подстрѣлилъ.
Ввѣкъ тебя я не забуду:
Ты найдешь меня повсюду,
А теперь ты воротись,
Не горюй и спать ложись“.
Улетѣла лебедь-птица,
А царевичъ и царица,
Цѣлый день проведши такъ,
Лечь рѣшились натощакъ.

Вотъ открылъ царевичъ очи!
Отрясая грезы ночи
И дивясь, передъ собой

Видитъ городъ онъ большой;
Стѣны съ частыми зубцами,
И за бѣлыми стѣнами
Блещутъ маковки церквей
И святыхъ монастырей.
Онъ скорѣй царицу будитъ;
Та какъ ахнетъ!... „То ли будетъ“?
Говоритъ онъ, „вижу я:
Лебедь тѣшится моя“.
Мать и сынъ идутъ ко граду.
Лишь ступили за ограду,
Оглушительный трезвонъ
Поднялся со всѣхъ сторонъ:
Къ нимъ народъ навстрѣчу валитъ,
Хоръ церковный Бога хвалитъ;
Въ колымагахъ золотыхъ
Пышный дворъ встрѣчаетъ ихъ;
Всѣ ихъ громко величаютъ
И царевича вѣнчаютъ
Княжей шапкой, и главой
Возглашаютъ надъ собой;
И среди своей столицы,
Съ разрѣшенія царицы,
Въ тотъ же день сталъ княжить онъ
И нарекся: князь Гвидонъ.

Вѣтеръ на морѣ гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ:
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На раздутыхъ парусахъ.
Корабельщики дивятся,
На корабликѣ толпятся,
На знакомомъ острову
Чудо видятъ наяву:
Городъ новый златоглавый.
Пристань съ крѣпкою заставой—
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости:
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,
Ихъ онъ кормитъ и поитъ
И отвѣтъ держать велитъ;
Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
И куда теперь плывете?
Корабельщики въ отвѣтъ:
„Мы объѣхали весь свѣтъ,
Торговали соболями,
Чернобурыми лисами;
А теперь намъ вышелъ срокъ,
Ѣдемъ прямо на востокъ,
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана“.
Князь имъ вымолвилъ тогда:
„Добрый путь вамъ, господа,
По морю по окіяну,
Къ славному царю Салтану:
Отъ меня ему поклонъ“.
Гости въ путь, а князь Гвидонъ
Съ берега душой печальной
Провожаетъ бѣгъ ихъ дальный;
Глядь—поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
„Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ты тихъ, какъ день ненастный?
Опечалился чему?“
Говоритъ она ему.
Князь печально отвѣчаетъ:
„Грусть-тоска меня съѣдаетъ,
Одолѣла молодца:
Видѣть я бъ хотѣлъ отца“.
Лебедь князю: „Вотъ въ чемъ горе!
Ну, послушай, хочешь въ море
Полетѣть за кораблемъ?
Будь же, князь, ты комаромъ“.
И крылами замахала.
Воду съ шумомъ расплескала,
И обрызгала его
Съ головы до ногъ всего.
Тутъ онъ въ точку уменьшился,
Комаромъ оборотился;
Полетѣлъ и запищалъ
Судно на морѣ догналъ,
Потихоньку опустился
На корабль—и въ щель забился.

Вѣтеръ весело шумитъ,
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна,

Къ царству славнаго Салтана,
И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости —
И за ними во дворецъ
Полетѣлъ нашъ удалецъ.
Видитъ: весь сіяя въ златѣ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ,
На престолѣ и въ вѣнцѣ
Съ грустной думой на лицѣ;
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей, бабой Бабарихой,
Около царя сидятъ
И въ глаза ему глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
„Ой вы, гости-господа,
Долго ль ѣздили? куда?
Ладно ль за моремъ, иль худо?
И какое въ свѣтѣ чудо“?
Корабельщики въ отвѣтъ:
„Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье не худо,
Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
Въ морѣ островъ былъ крутой,
Непривольный, нежилой;
Онъ лежалъ пустой равниной,
Росъ на немъ дубокъ единый;
А теперь стоитъ на немъ
Новый городъ со дворцомъ,
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами и садами,
А сидитъ въ немъ князь Гвидонъ;
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ“.
Царь Салтанъ дивится чуду;
Молвитъ онъ: „Коль живъ я буду,
Чудный островъ навѣщу
У Гвидона погощу“.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей, бабой Бабарихой,
Не хотятъ его пустить
Чудный островъ навѣстить.
„Ужъ диковинка, ну право“,
Подмигнувъ другимъ лукаво,
Повариха говоритъ:
„Городъ у моря стоитъ!
Знайте, вотъ что не бездѣлка:
Ель въ лѣсу, подъ елью бѣлка,
Бѣлка пѣсенки поетъ
И орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые
Все скорлупки золотыя,
Ядра—чистый изумрудъ:
Вотъ что чудомъ-то зовутъ“.
Чуду царь Салтанъ дивится,
А комаръ-то злится, злится—
И впился комаръ какъ разъ
Теткѣ прямо въ правый глазъ.
Повариха поблѣднѣла,
Обмерла и окривѣла,
Слуги, сватья и сестра
Съ крикомъ ловятъ комара:
„Распроклятая ты мошка!
Мы тебя!..“ А онъ въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море полетѣлъ.

Снова князь у моря ходитъ,
Съ синя моря глазъ не сводитъ;
Глядь — поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
„Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что жъ ты тихъ, какъ день ненастный?
Опечалился чему?“
Говоритъ она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
„Грусть-тоска меня съѣдаетъ;
Чудо чудное завесть
Мнѣ бъ хотѣлость. Гдѣ-то есть
Ель въ лѣсу, подъ елью бѣлка,
Диво право, не бездѣлка—
Бѣлка пѣсенки поетъ,
Да орѣшки все грызетъ;
А орѣшки не простые,
Все скорлупки золотыя,
Ядра—чистый изумрудъ;
Но, быть можетъ, люди врутъ“.
Князю лебедь отвѣчаетъ:
„Свѣтъ о бѣлкѣ правду баетъ:
Это чудо знаю я;

Полно, князь, душа моя,
Не печалься; рада службу
Оказать тебѣ я въ дружбу“.
Съ ободренною душой
Князь пошелъ къ себѣ домой;
Лишь вступилъ на дворъ широкій —
Что жъ? подъ елкою высокой,
Видитъ, бѣлочка при всѣхъ
Золотой грызетъ орѣхъ,
Изумрудецъ вынимаетъ,
А скорлупку собираетъ,
Кучки ровныя кладетъ,
И съ присвисточкой поетъ
При честномъ, при всемъ народѣ:
Во саду ли въ огородѣ.
Изумился князь Гвидонъ.
„Ну спасибо“, молвилъ онъ,
„Ай-да лебедь—дай ей Боже,
Что и мнѣ, веселье то же“.
Князь для бѣлочки потомъ
Выстроилъ хрустальный домъ,
Караулъ къ нему приставилъ
И притомъ дьяка заставилъ
Строгій счетъ орѣхамъ весть:
Князю прибыль, бѣлкѣ честь.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ:
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На поднятыхъ парусахъ
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости:
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,
Ихъ и кормитъ и поитъ
И отвѣтъ держать велитъ:
„Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
И куда теперь плывете“?
Корабельщики въ отвѣтъ;
„Мы объѣхали весь свѣтъ,
Торговали мы конями
Все донскими жеребцами,
А теперь намъ вышелъ срокъ—
И лежитъ намъ путь далекъ:
Мимо острава Буяна,
Въ царство славнаго Салтана“.
Говоритъ имъ князь тогда:
„Добрый путь вамъ, господа,
По морю по окіяну,
Къ славному царю Салтану;
Да скажите: князь Гвидонъ
Шлетъ царю-де свой поклонъ“.

Гости князю поклонились,
Вышли вонъ и въ путь пустились.
Къ морю князь—а лебедь тамъ
Ужъ гуляетъ по волнамъ.
Молитъ князь: душа-де проситъ,
Такъ и тянетъ и уноситъ...
Вотъ опять она его
Вмигъ обрызгала всего,
Въ муху князь оборотился,
Полетѣлъ и опустился,
Между моря и небесъ
На корабль—и въ щель залѣзъ.

Вѣтеръ весело шумитъ,
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана—
И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна;
Вотъ на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости,
И за ними во дворецъ
Полетѣлъ нашъ удалецъ.
Видитъ: весь сіяя въ златѣ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ
Съ грустной думой на лицѣ.
А ткачиха съ Бабарихой,
Да съ кривою поварихой,
Около царя сидятъ,
Злыми жабами глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
„Ой вы гости-господа,
Долго ль ѣздили? куда?
Ладно ль за моремъ, иль худо,

И какое въ свѣтѣ чудо?“
Карабельщики въ отвѣтъ:
„Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье не худо;
Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами да садами;
Ель растетъ передъ дворцомъ,
А подъ ней хрустальный домъ;
Бѣлка тамъ живетъ ручная,
Да затѣйница какая!
Бѣлка пѣсенки поетъ,
Да орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые,
Все скорлупки золотыя,
Ядра—чистый изумрудъ;
Слуги бѣлку стерегутъ,
Служатъ ей прислугой разной—
И приставленъ дьякъ приказный
Строгій счетъ орѣхамъ весть;
Отдаетъ ей войско честь;
Изъ скорлупокъ льютъ монету,
Да спускаютъ въ ходъ по свѣту;
Дѣвки сыплютъ изумрудъ
Въ кладовыя, да подъ спудъ:
Всѣ въ томъ островѣ богаты;
Изобъ нѣтъ, вездѣ палаты;
А сидитъ въ немъ князь Гвидонъ—
Онъ тебѣ прислалъ поклонъ“.
Царь Салтанъ дивится чуду,
„Если только живъ я буду,
Чудный островъ навѣщу,
У Гвидона погощу“.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей, бабой Бабарихой,
Не хотятъ его пустить
Чудный островъ навѣстить.
Усмѣхнувшись исподтиха,
Говоритъ царю ткачиха:
„Что тутъ дивнаго? ну, вотъ!
Бѣлка камушки грызетъ,
Мечетъ золото, и въ груды
Загребаетъ изумруды;
Этимъ насъ не удивишь,
Правду ль, нѣтъ ли говоришь.
Въ свѣтѣ есть иное диво:
Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Разольется въ шумномъ бѣгѣ
И очутятся на брегѣ
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
Тридцать три богатыря.
Всѣ красавцы удалые,
Великаны молодые,
Всѣ равны, какъ на подборъ—
Съ ними дядька Черноморъ.
Это диво—такъ ужъ диво,
Можно молвить справедливо!“
Гости умные молчатъ,
Спорить съ нею не хотятъ
Диву царь Салтанъ дивится,
А Гвидонъ-то злится, злится....
Зажужжалъ онъ и какъ разъ
Теткѣ сѣлъ на лѣвый глазъ,
И ткачиха поблѣднѣла—
Ай! и тутъ же окривѣла;
Всѣ кричатъ: „лови, лови,
Да дави ее, дави....
Вотъ постой уже немножко,
Погоди....“ А князь въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море прилетѣлъ!

Князь у синя моря ходитъ
Съ синя моря глазъ не сводитъ:
Глядь: поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
„Здравствуй, князь ты мой прекрасный?
Что ты тихъ какъ день ненастный?
Опечалился чему?“
Говоритъ она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
„Грусть-тоска меня съѣдаетъ—
Диво бъ дивное хотѣлъ
Перенесть я въ мой удѣлъ“.
—„А какое жъ это диво?“
—„Гдѣ-то вздуется бурливо
Окіянъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,

Расплеснется въ шумномъ бѣгѣ,
И очутятся на брегѣ,
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
Тридцать три богатыря,
Всѣ красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны, какъ на подборъ,
Съ ними дядька Черноморъ“.
Князю лебедь отвѣчаетъ:
„Вотъ что, князь, тебя смущаетъ!
Не тужи, душа моя,
Это чудо знаю я.
Эти витязи морскіе
Мнѣ вѣдь братья всѣ родные.
Не печалься же, ступай,
Въ гости братцевъ поджидай.“

Князь пошелъ, забывши горе,
Сѣлъ на башню, и на море
Сталъ глядѣть онъ: море вдругъ
Всколыхалося вокругъ,
Расплескалось въ шумномъ бѣгѣ,
И оставило на брегѣ
Тридцать три богатыря;
Въ чешуѣ какъ жаръ горя,
Идутъ витязи четами,
И блистая сѣдинами,
Дядька впереди идетъ
И ко граду ихъ ведетъ.
Съ башни князь Гвидонъ сбѣгаетъ,
Дорогихъ гостей встрѣчаетъ;
Второпяхъ народъ бѣжитъ;
Дядька князю говоритъ:
„Лебедь насъ къ тебѣ послала
И наказомъ наказала:
Славный городъ твой хранить
И дозоромъ обходить.
Мы отнынѣ ежедневно
Вмѣстѣ будемъ непремѣнно
У высокихъ стѣнъ твоихъ
Выходить изъ водъ морскихъ.
Тамъ увидимся мы вскорѣ,
А теперь пора намъ въ море;
Тяжекъ воздухъ намъ земли.“
Всѣ потомъ домой ушли.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ;
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На поднятыхъ парусахъ
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости.
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,
Ихъ и кормитъ и поитъ
И отвѣтъ держать велитъ:
„Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете?
И куда теперь плывете“?
Корабельщики въ отвѣтъ:
„Мы объѣхали весь свѣтъ;
Торговали мы булатомъ,
Чистымъ серебромъ и златомъ,
И теперь намъ вышелъ срокъ;
А лежитъ намъ путь далекъ,
Мимо острова Буяна
Въ царство славнаго Салтана“.
Говоритъ имъ князь тогда:
„Добрый путь вамъ, господа,
По морю по окіяну,
Къ славному царю Салтану,
Да скажите жъ: князь Гвидонъ
Шлетъ-де свой царю поклонъ“.

Гости князю поклонились,
Вышли вонъ и въ путь пустились.
Къ морю князь, а лебедь тамъ
Ужъ гуляетъ по волнамъ.
Князь опять: душа-де проситъ;
Такъ и тянетъ и уноситъ —
И опять она его
Вмигъ обрызгала всего.
Тутъ онъ очень уменьшился,
Шмелемъ князь оборотился,
Полетѣлъ и зажужжалъ;
Судно на морѣ догналъ,
Потихоньку опустился
На корму—и въ щель забился.

Вѣтеръ весело шумитъ,

Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна
Въ царство славнаго Салтана,
И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости,
И за ними во дворецъ
Полетѣлъ нашъ удалецъ.
Видитъ: весь сіяя въ златѣ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ
Съ грустной думой на лицѣ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей, бабой Бабарихой,
Около царя сидятъ—
Четырьмя всѣ три глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
„Ой вы, гости-господа,
Долго ль ѣздили? куда?
Ладно ль за моремъ, иль худо?
И какое въ свѣтѣ чудо?“
Корабельщики въ отвѣтъ:
„Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье не худо;
Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ;
Каждый день идетъ тамъ диво:
Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Расплеснется въ скоромъ бѣгѣ—
И останутся на брегѣ
Тридцать три богатыря;
Въ чешуѣ златой горя,
Всѣ красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны, какъ на подборъ;
Старый дядька Черноморъ
Съ ними изъ моря выходитъ
И попарно ихъ выводитъ,
Чтобы островъ тотъ хранить
И дозоромъ обходить:
И той стражи нѣтъ надежнѣй,
Ни храбрѣе, ни прилежнѣй.
А сидитъ тамъ князь Гвидонъ.
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ“.
Царь Салтанъ дивится чуду.
„Коли живъ я только буду,
Чудный островъ навѣщу
И у князя погощу“.
Повариха и ткачиха
Ни гугу—но Бабариха,
Усмѣхнувшись, говоритъ:
„Кто насъ этимъ удивитъ?
Люди изъ моря выходятъ
И себѣ дозоромъ бродятъ!
Правду ль баютъ или лгутъ,
Дива я не вижу тутъ.
Въ свѣтѣ есть такія ль дива?
Вотъ идетъ молва правдива:
За моремъ царевна есть,
Что не можно глазъ отвесть:
Днемъ свѣтъ Божій затмѣваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ,
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
А сама-то величава,
Выплываетъ, будто пава:
А какъ рѣчь-то говоритъ,
Словно рѣченька журчитъ.
Молвить можно справедливо,
Это диво, такъ ужъ диво“.
Гости умные молчатъ:
Спорить съ бабой не хотятъ.
Чуду царь Салтанъ дивится—
А царевичъ хоть и злится,
Но жалѣетъ онъ очей
Старой бабушки своей.
Онъ надъ ней жужжитъ, кружится—
Прямо на носъ къ ней садится,
Носъ ужалилъ богатырь:
На носу вскочилъ волдырь.
И опять пошла тревога:
„Помогите, ради Бога!
Караулъ! лови, лови,
Да дави его, дави...
Вотъ ужо! пожди немножко,
Погоди“!.. А шмель въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море полетѣлъ.

Князь у синя моря ходитъ;
Съ синя моря глазъ не сводитъ:
Глядь—поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
„Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что жъ ты тихъ, какъ день ненастный?
Опечалился чему?“
Говоритъ она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
„Грусть-тоска меня съѣдаетъ—
Люди женятся; гляжу,
Не женатъ лишь я хожу“.
—„А кого же на примѣтѣ
Ты имѣешь?—„Да на свѣтѣ,
Говорятъ, царевна есть,
Что не можно глазъ отвесть.
Днемъ свѣтъ Божій затмѣваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ—
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава;
Сладку рѣчь-то говоритъ,
Будто рѣченька журчитъ.
Только, полно, правда ль это“?
Князь со страхомъ ждетъ отвѣта.
Лебедь бѣлая молчитъ
И, подумавъ, говоритъ:
„Да! такая есть дѣвица.
Но жена не рукавица:
Съ бѣлой ручки не стряхнешь,
Да за поясъ не заткнешь.
Услужу тебѣ совѣтомъ —
Слушай: обо всемъ объ этомъ
Пораздумай ты путемъ,
Не раскаяться бъ потомъ“.
Князь предъ нею сталъ божиться,
Что пора ему жениться,
Что объ этомъ обо всемъ
Передумалъ онъ путемъ;
Что готовъ душою страстной
За царевною прекрасной
Онъ пѣшкомъ итти отсель
Хоть за тридевять земель.
Лебедь тутъ, вздохнувъ глубоко,
Молвила: Зачѣмъ далеко?
Вѣдь близка судьба твоя,
Знай, царевна эта—я“.
Тутъ она, взмахнувъ крылами,
Полетѣла надъ волнами
И на берегъ съ высоты
Опустилася въ кусты,
Встрепенулась, отряхнулась
И царевной обернулась:
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ;
А во лбу звѣзда горитъ;
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава;
А какъ рѣчь-то говоритъ,
Словно рѣченька журчитъ.
Князь царевну обнимаетъ,
Къ бѣлой груди прижимаетъ
И ведетъ ее скорѣй
Къ милой матушкѣ своей.
Князь ей въ ноги, умоляя:
„Государыня родная!
Выбралъ я жену себѣ,
Дочь послушную тебѣ.
Просимъ оба разрѣшенья,
Твоего благословенья:
Ты дѣтей благослови
Жить въ совѣтѣ и любви“.
Надъ главою ихъ покорной
Мать съ иконой чудотворной
Слезы льетъ и говоритъ:
„Богъ васъ, дѣти, наградитъ“.
Князь не долго собирался,
На царевнѣ обвѣнчался;
Стали жить да поживать,
Да приплода поджидать.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ;
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На раздутыхъ парусахъ
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости.
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,
Онъ ихъ кормитъ и поитъ
И отвѣтъ держать велитъ:

„Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
И куда теперь плывете“?
Корабельщики въ отвѣтъ:
„Мы объѣхали весь свѣтъ;
Торговали мы не даромъ
Неуказаннымъ товаромъ;
А лежитъ намъ путь далекъ,
Во-свояси на востокъ,
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана“.
Князь имъ вымолвилъ тогда:
„Добрый путь вамъ, господа,
По морю по окіяну,
Къ славному царю Салтану;
Да напомните ему,
Государю своему:
Къ намъ онъ въ гости обѣщался,
А доселѣ не собрался.
Шлю ему я свой поклонъ“.
Гости въ путь, а князь Гвидонъ
Дома на сей разъ остался
И съ женою не разстался.

Вѣтеръ весело шумитъ,
Судно по морю бѣжитъ
Мимо острова Буяна
Къ царству славнаго Салтана,
И знакомая страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости.
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости.
Гости видятъ: во дворцѣ
Царь сидитъ въ своемъ вѣнцѣ,
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей, бабой Бабарихой,
Около царя сидятъ,
Четырьмя всѣ три глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ.
„Ой вы, гости-господа,
Долго ль ѣздили? куда?
Ладно ль за моремъ, иль худо?
И какое въ свѣтѣ чудо“?
Корабельщики въ отвѣтъ:
„Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье не худо.
Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ,
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами и садами;
Ель растетъ передъ дворцомъ,
А подъ ней хрустальный домъ;
Бѣлка въ ней живетъ ручная,
Да чудесница какая!
Бѣлка пѣсенки поетъ,
Да орѣшки все грызетъ;
А орѣшки не простые,
Скорлупы-то золотыя,
Ядра—чистый изумрудъ;
Бѣлку холятъ, берегутъ.
Тамъ еще другое диво:
Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Расплеснется въ скоромъ бѣгѣ,
И очутятся на брегѣ
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
Тридцать три богатыря,
Всѣ красавцы удалые,
Великаны молодые,
Всѣ равны, какъ на подборъ—
Съ ними дядька Черноморъ.
И той стражи нѣтъ надежнѣй,
Ни храбрѣе ни прилежнѣй.
А у князя женка есть,
Что не можно глазъ отвесть;
Днемъ свѣтъ Божій затмѣваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ;
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
Князь Гвидонъ тотъ городъ правитъ,
Всякъ его усердно славитъ;
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ,
Да тебѣ пеняетъ онъ:
Къ намъ-де въ гости обѣщался,
А доселѣ не собрался“.
Тутъ ужъ царь не утерпѣлъ,
Снарядить онъ флотъ велѣлъ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой
Не хотятъ царя пустить
Чудный островъ навѣстить.
Но Салтанъ имъ не внимаетъ
И какъ разъ ихъ унимаетъ:

„Что я? царь или дитя?“
Говоритъ онъ не шутя:
„Нынче жъ ѣду!“—Тутъ онъ топнулъ,
Вышелъ вонъ и дверью хлопнулъ.

Подъ окномъ Гвидонъ сидитъ,
Молча на море глядитъ:
Не шумитъ оно, не хлещетъ,
Лишь едва-едва трепещетъ,
И въ лазоревой дали
Показалися корабли:
По равнинамъ окіяна
Ѣдетъ флотъ царя Салтана.
Царь Гвидонъ тогда вскочилъ,
Громогласно возопилъ:
„Матушка моя родная!
Ты, княгиня молодая!
Посмотрите вы туда:
Ѣдетъ батюшка сюда“.
Флотъ ужъ къ острову подходитъ.
Князь Гвидонъ трубу наводитъ:
Царь на палубѣ стоитъ
И въ трубу на нихъ глядитъ,
Съ нимъ ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей, бабой Бабарихой;
Удивляются онѣ
Незнакомой сторонѣ.
Разомъ пушки запалили
Въ колокольняхъ зазвонили,
Къ морю самъ идетъ Гвидонъ;
Тамъ царя встрѣчаетъ онъ
Съ поварихой и ткачихой,
Съ сватьей, бабой Бабарихой;
Въ городъ онъ повелъ царя,
Ничего не говоря.
Всѣ теперь идутъ въ палаты,
У воротъ блистаютъ латы,
И стоятъ въ глазахъ царя
Тридцать-три богатыря,
Всѣ красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны какъ на подборъ,
Съ ними дядька Черноморъ.
Царь вступилъ на дворъ широкій:
Тамъ подъ елкою высокой
Бѣлка пѣсенку поетъ,
Золотой орѣхъ грызетъ,
Изумрудецъ вынимаетъ
И въ мѣшочекъ опускаетъ;
И засѣянъ дворъ большой
Золотою скорлупой,
Гости далѣ—торопливо
Смотрятъ—что жъ? Княгиня—диво:
Подъ косой луна блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ;
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава,
И свекровь свою ведетъ.
Царь глядитъ—и узнаетъ...
Въ немъ взыграло ретивое!
„Что я вижу что такое!
Какъ! и духъ въ немъ занялся...
Царь слезами залился,
Обнимаетъ онъ царицу
И сынка и молодицу,
И садятся всѣ за столъ;
И веселый пиръ пошелъ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей, бабой Бабарихой,
Разбѣжались по угламъ;
Ихъ нашли насилу тамъ.
Тутъ во всемъ они признались.
Повинились, разрыдались.
Царь для радости такой
Отпустилъ всѣхъ трехъ домой.
День прошелъ—царя Салтана
Уложили спать въ полпьяна.
Я тамъ былъ; медъ, пиво пилъ—
И усы лишь обмочилъ.

---

16. Сказка о попѣ и работникѣ его Балдѣ.

(1831).

Одновременно съ предыдущею сказкою написана была и эта сказка, помѣченная въ рукописи 13 сентября.

Сказка эта представляетъ мастерской образецъ того силлабическаго стиха, которыми писались сатирическіе эпизоды на подписяхъ подъ лубочными картинами. Этотъ лубочный стихъ—силлабическій, но какъ число слоговъ въ каждомъ стихѣ въ немъ произвольное, то по праву можетъ быть разсматриваемъ, какъ рубленная проза, и отличается отъ нея лишь риѳмами, большею частію парными. Приведемъ для примѣра нѣсколько такихъ лубочныхъ стиховъ изъ картинки:

Нѣмецъ нанялъ себѣ батрака
Деревенскаго мужика,
Чтобы годъ ему служилъ,
Не пьянствовалъ бы, а воду только пилъ,
„Немного тебѣ будетъ работы,
Иной даромъ бы пошелъ изъ охоты—
За домашними глядѣть
И дома бы сидѣть....“

Пушкинъ воспользовался лубочнымъ стихомъ для своей сказки, сохранивъ его свойства, но сумѣвъ найти и въ этомъ стихѣ своеобразную красоту: для этого онъ освободилъ слогъ сказки отъ всего книжнаго (дѣепричастій, славянизмовъ) и всего того, что напоминаетъ родство этого стиха съ польскими виршами. Получился тотъ чисто народный русскій лубочный стихъ, который не выдерживался вполнѣ въ произведеніяхъ лубочной печати, но элементы котораго Пушкинъ имѣлъ передъ глазами въ тѣхъ лубочныхъ виршахъ, которыя уже претворили польско-русскій пошибъ въ великорусскій. Риѳма въ лубочномъ стихѣ избирается свободно. Она то мужская, ямбическая (Балда—куда), то женская: хореическая (тятей—дитятей) или дактилическая (хвалится—печалится), то съ 3-мя низкими слогами на концѣ (покрякиваетъ—вскакиваетъ): число слоговъ въ стихѣ отъ 14 (ст. 51) до 3 (ст. 1 и 181).

Воспроизведеніе шуточной сказки этой служитъ фактическимъ подтвержденіемъ ироническаго смысла замѣтки въ устахъ недоросля по поводу лубочной картинки на стѣнѣ станціонной комнаты, съ изображеніемъ погребенія кота и спора краснаго носа съ морозомъ: „Картинки эти какъ въ нравственномъ, такъ и художественномъ отношеніи не стоятъ вниманія образованнаго человѣка“ („Отрывокъ“ Пушкина, 1825).

Содержаніе сказки этой было записано въ той же михайловской тетради, гдѣ находится „Сказка о царѣ Салтанѣ“ (см. № 15). Она занимаетъ тамъ 3-е мѣсто:

СКАЗКА, ПОСЛУЖИВШАЯ ОСНОВОЙ ДЛЯ СКАЗКИ О ПОПѢ И РАБОТНИКѢ ЕГО БАЛДѢ [1].

Попъ поѣхалъ искать работника. Навстрѣчу ему Балда .Соглашается Балда итти ему въ работники, платы требуетъ только три щелчка въ лобъ. Попъ радёхонекъ, попадья говоритъ: „Каковъ щелкъ будетъ?" Балда дюжъ и работящъ, но срокъ уже близокъ, и попъ начинаетъ безпокоиться. Жена совѣтуетъ отослать Балду въ лѣсъ къ медвѣдю, будто бы за коровой. Балда идетъ и приводитъ медвѣдя въ хлѣвъ. Попъ посылаетъ Балду съ чертей оброкъ собирать. Балда беретъ пеньку, смолу да дубину, садится у рѣки, ударилъ дубиною въ воду, и въ водѣ охнуло. „Кого я тамъ зашибъ? стараго или малаго?"—и вылѣзъ старый. „Что тебѣ надо"?—„Оброкъ собираю".—„А вотъ внука я къ тебѣ пришлю съ переговорами". Сидитъ Балда, да веревки плететъ, да смолитъ.—Бѣсенокъ выскочилъ. „Что ты, Балда"?—„Да вотъ собираюсь море морщить, да васъ чертей корчить." Бѣсенокъ перепугался. „Тотъ заплатитъ попу оброкъ, кто вотъ эту лошадь обнесетъ три раза вокругъ моря." Бѣсенокъ не могъ. Балда сѣлъ верхомъ и объѣхалъ. „Ахъ, дѣдушка! онъ не только что въ охапку, а то между ногъ обнесъ лошадь вокругъ." Новая выдумка. Кто прежде обѣжитъ около моря? „Куда тебѣ со мной, бѣсенокъ? Да мой меньшій братъ обгонитъ тебя, не только что я."—„А гдѣ твой меньшій братъ"? У Балды были въ мѣшкѣ два зайца; онъ одного пустилъ. Бѣсенокъ, запыхавшись, обѣжалъ а Балда гладитъ уже другого, приговаривая: „усталъ ты, бѣдненькій братецъ, три раза обѣжалъ около моря." Бѣсенокъ въ отчаяніи. Третій способъ. Дѣдъ даетъ ему трость, кто выше броситъ? Балда ждетъ облака, чтобы зашвырнуть ее туда и проч. Принимаетъ оброкъ въ бездонную шапку. Попъ, видя Балду, бѣжитъ и беретъ его въ мѣшкѣ вмѣсто сухарей, утопляетъ ночью попадью вмѣсто его и пр.—Балда у царя; дочь одержимая бѣсомъ; Балда подъ страхомъ висѣлицы берется вылѣчить царевну... беретъ съ собою орѣхи желѣзные и старые карты да молотокъ; знакомаго бѣсенка заставляетъ грызть желѣзные орѣхи, играетъ съ нимъ въ щелчки и бьетъ бѣсенка молоткомъ. На другую ночь то же; на третью дѣлаетъ куколку на пружинахъ, у которой ротъ открывается... Бѣсенокъ пойманъ и высѣченъ и пр."

Сказка Пушкина, какъ извѣстно, сильно смѣшила Жуковскаго. Г о г о л ь же писалъ въ упомянутомъ письмѣ (см. № 15) къ Данилевскому объ этой сказкѣ: „Одна писана даже безъ размѣра, только риѳмами, и—прелесть невообразимая".

Напеч. впервые въ „Сынѣ Отечества" 1840, № 5, подъ заглавіемъ и согласными съ нимъ перемѣнами Жуковскаго: „Сказка о купцѣ Кузьмѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ".

Жилъ-былъ попъ
Толоконный лобъ.
Пошелъ попъ по базару
Посмотрѣть кой-какого товару.
Навстрѣчу ему Балда

---

[1]) См. „Матеріалы Анненкова". Дополненія въ Р. С. 1884, іюнь, 544.

Идетъ, самъ не зная куда.
Говоритъ попу: „Что рано поднялся?
Чего ты взыскался?“
Попъ ему въ отвѣтъ: „Нуженъ мнѣ работникъ—
Поваръ, конюхъ и плотникъ.
А гдѣ найти мнѣ такого
Служителя, не слишкомъ дорогого?“
Балда говоритъ:
„Буду служить тебѣ славно,
Усердно и очень исправно
Въ годъ за три щелчка тебѣ по лбу;
Ѣсть же давай мнѣ вареную полбу“.
Призадумался попъ,
Сталъ почесывать лобъ.
Щелчокъ щелчку вѣдь розь—
Да понадѣялся онъ на русскій авось.
Попъ говоритъ Балдѣ: „Ладно:
Не будетъ намъ обоимъ накладно.
Поживи-ка на моемъ подворьѣ,
Окажи свое усердье и проворье“.
Живетъ Балда въ поповомъ домѣ,
Спитъ себѣ на соломѣ,
Ѣстъ за четверыхъ,
Работаетъ за семерыхъ:
До свѣтла все у него пляшетъ,
Лошадь запряжетъ, полосу вспашетъ,
Печь затопитъ, все заготовитъ, закупитъ,
Яичко испечетъ да самъ и облупитъ.
Попадья Балдой не нахвалится,
Поповна о Балдѣ лишь и печалится,
Попенокъ зоветъ его тятей;
Кашу заваритъ, нянчится съ дитятей;
Одинъ попъ лишь Балду не любитъ,
Никогда его не приголубитъ,
О расплатѣ думаетъ частенько.
Время идетъ и срокъ ужъ близенько.
Попъ не ѣстъ, не пьетъ, ночи не спитъ.
Лобъ у него заранѣ трещитъ.
Вотъ онъ попадьѣ признается:
Такъ и такъ, чтò дѣлать остается?
Умъ у бабы догадливъ,
На всякія хитрости повадливъ.
Попадья говоритъ: „Знаю средство,
Какъ удалить отъ насъ такое бѣдство;
Закажи Балдѣ службу, чтобъ ему стало не въ мочь,
А требуй, чтобъ онъ ее исполнилъ точь-въ-точь;
Тѣмъ ты и лобъ отъ расправы избавишь.
И Балду-то безъ расплаты отправишь“.
Стало на сердцѣ у попа веселѣе;

Началъ онъ глядѣть на Балду посмѣлѣе.
Вотъ онъ кричитъ: „Поди-ка сюда,
Вѣрный мой работникъ Балда.
Слушай: платить обязались черти
Мнѣ оброкъ до самой моей смерти;
Лучшаго не надобно дохода,
Да есть на нихъ недоимки за три года.
Какъ наѣшься ты своей полбы,
Собери-ка съ чертей оброкъ мнѣ полный".
Балда съ попомъ понапрасну не споря,
Пошелъ да и сѣлъ у берега моря;
Тамъ онъ сталъ веревку крутить,
Да конецъ ея въ морѣ мочить.
Вотъ изъ моря вылѣзъ старый бѣсъ.
„Зачѣмъ ты, Балда къ намъ залѣзъ?"
—„Да вотъ веревкой хочу море морщить,
Да васъ, проклятое племя, корчить".
Бѣса стараго взяла тутъ унылость.
—„Скажи, за что тутъ такая немилость?"
—„Какъ за что? Вы не платите оброка,
Не помните положеннаго срока,
Вотъ ужо будетъ намъ потѣха,
Вамъ собакамъ, великая помѣха!"
—„Балдушка, погоди ты морщить море,
Оброкъ сполна ты получишь вскорѣ.
Погоди, вышлю къ тебѣ внука".
Балда мыслитъ: „Этого провесть не шутка!"
Вынырнулъ подосланный бѣсенокъ,
Замяукалъ онъ, какъ голодный котенокъ:
„Здравствуй, Балда мужичокъ;
Какой тебѣ надобенъ оброкъ?
Объ оброкѣ вѣкъ мы не слыхали,
Не было чертямъ такой печали:
Ну, такъ и быть—возьми, да съ уговору,
Съ общаго нашего приговору—
Чтобы впередъ не было никому горя:
Кто скорѣе изъ насъ обѣжитъ около моря,
Тотъ и бери себѣ полный оброкъ,
Между тѣмъ приготовятъ тамъ и мѣшокъ".
Засмѣялся Балда лукаво:
—„Что ты это выдумалъ, право?
Гдѣ тебѣ тягаться со мною,
Со мною, съ самимъ Балдою?
Экаго послали супостата!
Подожди-ка моего меньшого брата".
Пошелъ Балда въ ближайшій лѣсокъ,
Поймалъ двухъ зайковъ да и въ мѣшокъ.
Къ морю опять онъ приходитъ;
У моря бѣсенка находитъ.

Держитъ Балда за уши одного зайку.
„Попляши-ка ты подъ нашу балалайку;
Ты, бѣсенокъ, еще молоденекъ,
Со мною тягаться слабенекъ,—
Это было бъ лишь времени трата,
Обгони-ка сперва моего брата.
Разъ, два, три! Догоняй-ка“.
Пустились бѣсенокъ и зайка,
Бѣсенокъ по берегу морскому,
А зайка въ лѣсокъ до дому.
Вотъ, море кругомъ обѣжавши,
Высунувъ языкъ, мордку поднявши,
Прибѣжалъ бѣсенокъ, задыхаясь,
Весь мокрешенекъ, лапкой утираясь,
Мысля: дѣло съ Балдою сладитъ.
Глядь—а Балда братца гладитъ,
Приговаривая: „Братецъ мой любимый,
Усталъ, бѣдняжка! Отдохни, родимый“.
Бѣсенокъ оторопѣлъ.
Хвостикъ поджалъ, совсѣмъ присмирѣлъ,
На братца поглядываетъ бокомъ.
„Погоди“, говоритъ, схожу за оброкомъ“.
Пошелъ къ дѣду; говоритъ: „Бѣда!
Обогналъ меня меньшой Балда?“
Старый бѣсъ сталъ тутъ думать думу;
А Балда надѣлалъ такого шуму,
Что все море смутилось
И волнами такъ и расходилось.
Вылѣзъ бѣсенокъ. „Полно, мужичокъ,
Вышлемъ тебѣ весь оброкъ—
Только слушай: видишь ты палку эту?
Выбери себѣ любую мѣту—
Кто далѣе палку броситъ,
Тотъ пускай и оброкъ уноситъ.
Что жъ? Боишься вывихнуть ручки?
Чего ты ждешь“;—„Да жду вонъ этой тучки;
Зашвырну туда твою палку,
Да и начну съ вами, чертями, свалку“.
Испугался бѣсенокъ, да къ дѣду
Разсказывать про Балдову побѣду.
А Балда надъ моремъ опять шумитъ,
Да чертямъ веревкой грозитъ.
Вылѣзъ опять бѣсенокъ: Что ты хлопочешь,
Будетъ тебѣ оброкъ, коли захочешь“...
—„Нѣтъ“, говоритъ Балда,
„Теперь моя череда—
Условіе самъ назначу,
Задамъ тебѣ, враженокъ, задачу.
Посмотримъ, какова у тебя сила!

Видишь, тамъ сивая кобыла!
Кобылу подыми-ка ты,
Да неси ее полверсты;
Снесешь кобылу—оброкъ ужъ твой:
Не снесешь кобылы—анъ будетъ мой".
Бѣдненькій бѣсъ
Подъ кобылу подлѣзъ,
Понатужился,
Понапружился,
Приподнявъ кобылу, два шага шагнулъ,
На третьемъ упалъ, ножки протянулъ.
А Балда ему: „Глупый ты бѣсъ,
Куда ты за нами полѣзъ?
И руками-то снести не смогъ,
А я, смотри, снесу промежъ ногъ".
Сѣлъ Балда на кобылу верхомъ,
Да версту проскакалъ, такъ что пыль столбомъ.
Испугался бѣсенокъ, и къ дѣду
Пошелъ разсказывать про такую побѣду.
Дѣлать нечего—черти собрали полный оброкъ,
Да на Балду взвалили мѣшокъ.
Идетъ Балда покрякиваетъ,
А попъ, завидя Балду, вскакиваетъ,
За попадью прячется,
Со страху корячится.
Балда его тутъ отыскалъ,
Отдалъ оброкъ, платы требовать сталъ.
Бѣдный попъ
Подставилъ лобъ.
Съ перваго щелка—
Прыгнулъ попъ до потолка,
Со второго щелка—
Лишился попъ языка,
А съ третьяго щелка—
Вышибло умъ у старика.
А Балда приговаривалъ съ укоризной:
„Не гнался бы ты, попъ, за дешевизной!..."
13 сентября.

---

17. Родригъ.

(1832).

Въ черновой тетради послѣ наброска этого отрывка, слѣдуетъ программа: „Родригъ спасается въ пещерѣ одинъ. Его сны, искушенія".

Отрывокъ „Родригъ" есть воспроизведеніе стараго испанскаго романса. Пушкинъ предполагалъ это стихотвореніе раздѣлить на нѣсколько отдѣловъ. Послѣдняя часть о Родригѣ-побѣдителѣ, по замѣчанію Анненкова, написана не была.

Это стихотвореніе принадлежитъ къ такъ называемымъ „романсамъ“. Теорія поэзіи, по словамъ Ваккернагеля [1]), произвольно различала „балладу“ отъ „романса“ въ томъ, что первая имѣетъ характеръ трагическій, а романсъ допускаетъ и радостный характеръ,—или въ томъ, что будто бы баллада имѣетъ болѣе эпическій, а романсъ лирическій характеръ,—или же въ томъ, что баллада пластична, а романсъ живописенъ. Между тѣмъ точное изслѣдованіе показываетъ, что оба имени обозначаютъ собственно одинъ родъ произведеній словами двухъ различныхъ языковъ: англійскаго и испанскаго: и баллада и романсъ—лироэпическія стихотворенія о событіи простомъ, подобно древне-эпическимъ пѣснямъ, но не изображаютъ, какъ эпосъ, объективно лишь внѣшнее теченіе событія, а раскрываютъ и внутреннее состояніе дѣйствующихъ лицъ, вызывающее ихъ внѣшнія дѣйствія. Не слѣдуетъ только называть балладами тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ форму созвучныхъ тетраметровъ, потому что эта форма исключительно испанская, межъ тѣмъ какъ баллада предполагаетъ строфы и рифмы“. Съ этой поэтической формой впервые ознакомилъ русскихъ читателей Карамзинъ (въ своемъ „Графѣ Гвариносѣ“ 1789, „древней гишпанской исторической пѣснѣ“ (см. Избр. соч. Кар., I, стр. 86).

Романсъ Пушкина „Родригъ“ принадлежитъ къ этого рода произведеніямъ и, какъ и въ „Графѣ Гвариносѣ“ Карамзина, въ немъ сохранена отличительная форма испанскаго романса — трохаическій тетраметръ и отсутствіе риѳмъ; только испанское „созвучіе“, конечно, не соблюдено.

Напеч. впервые въ посмертномъ изд. 1838 г.

---

1 На Испанію родную
Призвалъ мавра Юліанъ;
Графъ за личную обиду
Мстить рѣшился королю.

2 Дочь его Родригъ похитилъ;
Обезчестилъ древній родъ:
Вотъ за что отчизну предалъ
Раздраженный Юліанъ.

3 Мавры хлынули потокомъ
На испанскіе брега —
Царство готѳовъ миновалось,
И съ престола палъ Родригъ.

4 Готѳы пали не безславно:
Храбро билися они:
Долго мавры сомнѣвались,
Одолѣетъ кто кого.

5 Восемь дней сраженье длилось;
Споръ рѣшенъ былъ наконецъ.
Былъ на полѣ битвы пойманъ
Конь любимый короля.

6 Шлемъ и мечъ его тяжелый
Были найдены въ пыли.
Короля почли убитымъ —
И никто не пожалѣлъ.

7 Но Родригъ въ живыхъ остался:
Бился онъ всѣ восемь дней;
Онъ сперва хотѣлъ побѣды,
Тамъ ужъ смерти лишь алкалъ.

8 И кругомъ свистали стрѣлы,
Не касаяся его;
Мимо дротики летали;
Шлема мечъ не разсѣкалъ.

9 Напослѣдокъ, утомившись,
Соскочилъ съ коня Родригъ,

---

1) Poëtik, Rhetorik unp Stylistik., 99.
2) См. Загарина: „Жуковскій и его произведенія“. Изд. 2-е, стр. 35, 36

Мечъ съ запекшеюся кровью,
Отъ ладони отклеилъ,

10 Бросилъ на земь шлемъ пернатый
И блестящую броню—
И, спасенный мракомъ ночи,
Съ поля битвы онъ ушелъ.

11 Отъ полей кровавой битвы
Удаляется Родригъ;
Короля опередила
Вѣсть о гибели его.

12 Стариковъ и бѣдныхъ женщинъ
На распутьяхъ видитъ онъ;
Всѣ толпой бѣгутъ отъ мавровъ
Къ укрѣпленнымъ городамъ.

13 Всѣ, рыдая, молятъ Бога
О спасеньи христіанъ;
Всѣ Родрига проклинаютъ—
И проклятья слышитъ онъ.

14 И съ поникшею главою
Мимо ихъ пройти спѣшитъ,
И не смѣетъ даже молвить:
Помолитесь за него.

15 Наконецъ на берегъ моря
Въ третій день приходитъ онъ—
Видитъ темную пещеру
На пустынномъ берегу.

16 Въ той пещерѣ онъ находитъ
Крестъ и заступъ—а въ углу
Трупъ отшельника и яму,
Имъ изрытую давно.

17 Тлѣнье трупа не коснулось;
Онъ лежитъ окостенѣвъ,
Ожидая погребенья
И молитвы христіанъ.

18 Трупъ отшельника съ молитвой
Схоронилъ Родригъ король,
И въ пещерѣ поселился
Надъ могилою его.

19 Онъ питаться сталъ плодами
И водою ключевой,
И себѣ могилу вырылъ,
Какъ предшественникъ его.

20 Короля въ уединеньи
Сталъ лукавый искушать,
И видѣньями ночными
Кроткій сонъ его мутить.

21 Онъ проснется съ содроганьемъ,
Полонъ страха и стыда;
Упоеніе соблазна
Сокрушаетъ духъ его.

22 Хочетъ онъ молиться Богу
И не можетъ: бѣсъ ему
Шепчетъ въ уши звуки битвы,
Или страстныя слова.

23 Онъ въ уныніи проводитъ
Дни и ночи недвижимъ,
Устремивъ глаза на море,
Поминая старину.

24 Но отшельникъ, чьи остатки
Онъ усердно сохранилъ,
За него передъ Всевышнимъ
Заступился въ небесахъ.

25 Въ сновидѣньи благодатномъ
Онъ явился королю,
Бѣлой ризою одѣянъ
И сіяньемъ окруженъ.

26 И король, объятый страхомъ,
Ницъ повергся передъ нимъ,
И вѣщалъ ему угодникъ:
„Встань—и міру вновь явись.

27 Ты вѣнецъ утратилъ царскій;
Но Господь рукѣ твоей
Дастъ побѣду надъ врагами,
А душѣ твоей покой“.

28 Пробудясь, Господню волю
Сердцемъ онъ уразумѣлъ,
И, съ пустынею разставшись,
Въ путь отправился король...

---

18. Подражаніе Данту.

(1832).

Эта піеса, состоящая изъ двухъ частей, отнесена предположительно къ 1832 г. Отзывы критики объ этомъ произведеніи представляютъ наглядно, какъ пониманіе нѣкоторыхъ піесъ Пушкина не давалось сразу, и ждало анализа со стороны лицъ, своимъ настроеніемъ и сферою своихъ занятій склонныхъ проникнуть въ произведеніе того или другого характера. Такъ Бѣлинскому (1844) казалось, что „Подражанія Данту“ можно счесть за отрывочные переводы изъ Божественной Комедіи, и что „они даютъ о ней лучшее и вѣрнѣйшее понятіе, чѣмъ всѣ доселѣ сдѣланные по-русски переводы въ стихахъ и прозѣ“. О той же піесѣ Пушкина писалъ Анненковъ (1855): „Она останавливаетъ наше вниманіе тѣмъ, что можетъ служить разительнымъ свидѣтельствомъ какъ артистической способности Пушкина усвоять всѣ формулы, такъ и подвижности его таланта. Для простой шутки, какую предполагалъ онъ написать, Пушкинъ избралъ форму Дантовскаго разсказа и такъ овладѣлъ ею, что шутка совсѣмъ пропала въ изложеніи“ (здѣсь Анненковъ имѣетъ въ виду первую половину стихотворенія). „Немного яснѣе выражается она въ женѣ съ ея сестрой, выведенныхъ на страшную казнь (во второй половинѣ стихотворенія), даже безъ поясненія ихъ преступленій, но здѣсь опять удивительное описаніе казни ихъ отводитъ глаза и устраняетъ всякое подозрѣніе о первомъ поводѣ стихотворенія“ (т. е. желаніи написать шутку). „Со всѣмъ тѣмъ рукопись свидѣтельствуетъ несомнѣнно, что все стихотвореніе порождено скорѣе сатирической мыслію, чѣмъ какой-либо другою, но въ развитіи своемъ необычайная поэтическая мощь автора подавила первое намѣреніе и, вмѣсто насмѣшки, произвела картину превосходную, исполненную величія и ужаса. Такъ обыкновенно геніальный талантъ измѣняетъ самому себѣ“.

Рѣшительнѣе призналъ г. Страховъ (1867) въ этомъ стихотвореніи артистическую пародію:

„Способный по произволу принять тонъ и складъ какого угодно писателя, Пушкинъ тонко чувствовалъ малѣйшія уклоненія его отъ идеала поэтической красоты: этотъ идеалъ былъ такъ ясенъ для Пушкина, что уклоненія выступали какъ темныя пятна на яркомъ свѣтѣ, и нашъ поэтъ иногда забавлялся, подробно обозначая густоту и контуръ этихъ пятенъ.

„Такъ онъ написалъ пародію на Данта, на его „Божественную комедію“. Въ пародіи изображены двѣ казни, совершаемыя въ аду. Сперва Дантъ и Виргилій увидѣли, какъ бѣсенокъ

Крутилъ ростовщика у адскаго огня,
Горячій капалъ жиръ въ копченое корыто
И лопалъ на огнѣ печеный ростовщикъ.

Виргилій объясняетъ, за что казнится этотъ человѣкъ:

Жиръ должниковъ своихъ сосалъ сей злой старикъ
И ихъ безжалостно крутилъ на вашемъ свѣтѣ.

Наконецъ передается рѣчь самого ростовщика:

Тутъ грѣшникъ жареный протяжно возопилъ:
„Сто на сто я терплю! процентъ неимовѣрный!"

„Вторая казнь совершается надъ двумя сестрами. Бѣсы забавляются: пускаютъ раскаленное ядро по стеклянной горѣ, и когда гора растрескалась,

Схватили подъ руки жену съ ея сестрой
И обнажили ихъ, и внизъ пихнули съ крикомъ—
И обѣ сидючи пустились внизъ стрѣлой.
. . . .
Стекло ихъ рѣзало, впивалось въ тѣло имъ...

„За что совершалась такая казнь и какія признанія вырывались у жертвъ, остается неизвѣстнымъ, такъ какъ разсказъ не конченъ.

„Мастерскіе стихи, мастерская живопись, и въ то же время очевидная насмѣшка. Грубо-чувственные образы и краски Данта схвачены вполнѣ и пересмѣяны, также какъ пересмѣяна и наивная торжественность рѣчи.

„Тутъ все Дантовское": замѣчаетъ г. Страховъ въ другомъ мѣстѣ („Бѣдность нашей литературы", 1868): „краски, обороты, и въ содержаніи— соотвѣтствіе между казнью грѣшника и грѣхами, за которые эта казнь воздается. Для сравненія вотъ отрывокъ изъ XXI пѣсни „Ада". Дантъ видитъ чернаго бѣса, который бѣжитъ, „стуча копытами и хлопая крылами" (съ лихоимцемъ):

Взваливъ себѣ на острыя плеча
И возлѣ пятъ когтьми вцѣпившись въ кости,
Онъ за ноги мчалъ грѣшника, крича:

„Вотъ старшина святыя Зиты (г. Лукки)"!..

Швырнувъ его, умчался бѣсъ понурый,
И никогда съ такою быстротой
За воромъ песъ не гнался изъ конуры.

Тотъ въ глубь нырнулъ и всплылъ, облитъ смолой;
А демоны изъ-подъ скалы висячей
Вскричали: „Здѣсь иконы нѣтъ святой"...

И сто багровъ въ него всадили вмигъ,
Вскричавъ: „Пляши, гдѣ варъ сильнѣй вскипаетъ,
И если можешь, надувай другихъ!"

Такъ поваренковъ поваръ заставляетъ
Крючками мясо погружать въ котлѣ,
Когда оно поверхъ воды всплываетъ. *(Минъ).*

Очевидно, поэтическое чувство Пушкина было оскорблено грубою матеріальностію этихъ картинъ, избыткомъ въ нихъ яркихъ красокъ и рѣзкихъ движеній, заслоняющихъ внутреннее содержаніе. Въ этомъ ощущеніи дисгар-

моніи выразилась и разница между южной, итальянской натурой Данта и сѣверною природой нашего поэта, и можетъ быть, другая, еще болѣе глубокая разница,—между міросозерцаніемъ Запада вообще и среднихъ вѣковъ въ особенности, и міросозерцаніемъ нашего времени и нашего русскаго духовнаго строя“.

Можетъ быть, въ то же самое время, когда писалась эта пародія, Пушкинъ какъ будто задалъ себѣ вопросъ: а какъ же слѣдовало бы писать настоящія, безупречно-поэтическія терцины?—и написалъ удивительное стихотвореніе:

Въ началѣ жизни школу помню я“. (См. т. I, № 203).

I.

1 И далѣ мы пошли—и страхъ объялъ меня.
Бѣсенокъ, подъ себя поджавъ свое копыто,
Крутилъ растовщика у адскаго огня.

2 Горячій капалъ жиръ въ копченое корыто,
И лопалъ на огнѣ печеный ростовщикъ.
А я: „Повѣдай мнѣ, въ сей казни что сокрыто“?

3 Виргилій мнѣ: „Мой сынъ, сей казни смыслъ великъ;
Одно стяжаніе имѣвъ вездѣ въ предметѣ,
Жиръ должниковъ своихъ сосалъ сей злой старикъ,

4 И ихъ безжалостно крутилъ на вашемъ свѣтѣ“.
Тутъ грѣшникъ жареный протяжно возопилъ:
„О, если бъ я теперь тонулъ въ холодной Летѣ!

5 О, если бъ зимній дождь мнѣ кожу остудилъ!
Сто на сто я терплю: процентъ неимовѣрный!“
Тутъ звучно лопнулъ онъ—я взоры потупилъ.

6 Тогда услышалъ я (о, диво) запахъ скверный,
Какъ будто тухлое разбилося яйцо,
Иль карантинный стражъ курилъ жаровней сѣрной.

7 Я носъ себѣ зажавъ, отворотилъ лицо.
Но мудрый вождь тащилъ меня все далѣ, далѣ—
И, камень приподнявъ за мѣдное кольцо,

8 Сошли мы внизъ—и я узрѣлъ себя въ подвалѣ...

II.

1 Тогда я демоновъ увидѣлъ черный рой,
Подобный издали ватагѣ муравьиной;
И бѣсы тѣшились проклятою игрой:

2 До свода адскаго касалася вершиной
Гора стеклянная, гладка, крута, остра—
И разлегалася надъ темною равниной.

3 И бѣсы, раскаливъ какъ жаръ чугунъ ядра,
Пустили внизъ его смердящими когтями:
Ядро запрыгало—и гладкая гора,

4 Звеня растрескалась колючими звѣздами;
Тогда другихъ чертей нетерпѣливый рой
За жертвой кинулся съ ужасными словами.

5 Схватили подъ руку жену съ ея сестрой,
И обнажили ихъ, и внизъ пихнули съ крикомъ—
И обѣ, сидючи, пустились внизъ стрѣлой:

6 Порывъ отчаянья являлъ ихъ въ воплѣ дикомъ;
Стекло ихъ рѣзало, впивалось въ тѣло имъ—
А бѣсы прыгали въ веселіи великомъ.

7 Я издали глядѣлъ—смущеніемъ томимъ.

. . . .

---

19. ПѢСНИ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ [1]).

(1832—1833).

Названіе „западныхъ“ въ этомъ заглавіи, данномъ впервые, по всей вѣроятности журналомъ Сенковскаго и принятомъ Пушкинымъ, должно быть понимаемо условно. Нынѣ западною вѣтвію славянъ принято называть чеховъ словаковъ, поляковъ и лужичанъ; сербовъ же, хорватовъ, хорутанъ, черногорцевъ, босняковъ, герцеговинцевъ и другія народности при-адріатическія относятъ къ вѣтви южной или юго-восточной. Пушкинъ, очевидно, призналъ за славянами обѣихъ вѣтвей общее названіе „западныхъ“, совокупно противополагая ихъ русскому народу, который разумѣлъ какъ славянъ восточныхъ.

Интересъ къ славянской народной поэзіи среди самыхъ образованныхъ славянъ возникъ еще въ XVII вѣкѣ, когда у далматинцевъ начинаются опыты собиранія этихъ пѣсенъ; къ концу же XVIII вѣка интересъ этотъ проникаетъ и въ европейскую литературу. Подъ вліяніемъ взглядовъ Руссо [2]) интересъ къ первобытнымъ формамъ жизни занялъ многіе европейскіе умы. Съ этимъ инте-

---

[1]) Подъ этимъ заглавіемъ появилось впервые 15 стихотвореній Пушкина въ 3-ей кн. „Библіотеки для Чтенія“ 1835 г. Въ томъ же году въ IV томѣ „Стихотвореній“ Пушкина они перепечатаны подъ тѣмъ же заглавіемъ и съ присоединеніемъ 16-го стихотворенія „Конь“, явившагося сначала отдѣльно во 2-й кн. „Библіотеки для Чтенія“ того же года съ помѣтою: „Сербская пѣсня“. Къ этимъ 16-ти „Пѣснямъ западныхъ славянъ“ присоединены вновь предисловіе и примѣчанія. Въ рукописяхъ поэта Анненковымъ (1855) отыскано было еще начало 17-го стихотворенія — перевода сербской пѣсни о женѣ Гассана-Аги, и замѣчена помѣта Пушкина при рукописи „Сказки о рыбакѣ и рыбкѣ“: „18-я сербская“. Такимъ образомъ самъ Пушкинъ подъ общимъ заглавіемъ „Пѣсенъ западныхъ славянъ“ разумѣлъ 18-ть стихотвореній, которыхъ содержаніе, форма и происхожденіе весьма разнообразны.

[2]) См. „Избр. соч. Карамзина“, стр. 435.

ресомъ совпала и почувствованная всѣми потребность оживить поэзію, замѣнивъ господствовавшія формы французскаго классицизма новыми. Въ Гердерѣ[3]) новое направленіе нашло дѣятельнаго представителя. Уже съ 1767 г. онъ начинаетъ выражать мысли о преобразованіи поэзіи и науки, собственнымъ примѣромъ подкрѣпляя эти стремленія собираніемъ и переводомъ народныхъ пѣсенъ. Вопреки писателямъ „эпохи просвѣщенія" онъ взглянулъ на средніе вѣка безъ высокомѣрнаго приговора ихъ варварству. Изъ этого обращенія къ народной старинѣ почерпала содержаніе и поэзія, и наука: сравнительно-историческое изученіе языковъ и литературъ, этнографія и пр. Въ то же время въ Англіи появляются пѣсни Макферсона, выданныя имъ за произведеніе шотландскаго барда III в. (175).

Это обращеніе къ народной жизни и поэзіи въ германской и англійской литературахъ совпало съ такимъ же интересомъ къ нимъ въ Италіи. Италіи суждено было первой обратить вниманіе образованнаго міра на поэзію славянъ, именно славянъ сербскихъ. Аббатъ Фортисъ (1740—1803), хорошо освоившійся съ славянскимъ языкомъ, былъ человѣкъ образованія многосторонняго. Геологъ, минералогъ, знатокъ литературъ древнихъ, итальянской, французской, нѣмецкой, англійской, посѣтитель свѣтскаго общества, путешественникъ, Фортисъ въ первую книгу свою о путешествіи на далматинскіе острова [4]) (1771) вноситъ разсказы о населяющихъ ихъ славянахъ. Здѣсь касается онъ народныхъ вѣрованій и суевѣрій, между прочимъ ихъ вѣры въ вампировъ, въ „Мору", сосущую кровь у дѣтей, и въ волкодлаковъ. „Я былъ въ гнѣвѣ на это злоупотребленіе преданія", пишетъ аббатъ, „но этотъ гнѣвъ прошелъ, когда я увидалъ, что въ то же время этимъ преданіемъ сохраняются, въ особенности между сельскими жителями, многія любопытныя и интересныя произведенія національной поэзіи, въ родѣ произведеній шотландскихъ кельтовъ" (т.-е. Оссіана). Фортисъ приложилъ къ этой первой книгѣ своей для образца итальянскій переводъ одной изъ славянскихъ пѣсенъ съ примѣчаніемъ къ ней. (То была пѣсня о ссорѣ Милоша и Вука). Черезъ три года Фортисъ издалъ новую книгу: „Путешествіе по Далмаціи" [5]) съ приложеніемъ картъ, геологическихъ рисунковъ, картинъ мѣстностей, древностей, этнографическихъ типовъ. Цѣлая глава посвящена здѣсь описанію обычаевъ морлаковъ (т.-е. горныхъ сербовъ далматинскаго поморья въ округѣ Задра и Сплита, или Спалатро; но подъ этимъ именемъ Фортисъ разумѣетъ и босняковъ и герцеговинцевъ). Возставая противъ обычая другихъ путешественниковъ преувеличивать разбойническія наклонности этого населенія, Фортисъ изображаетъ морлаковъ сохранившими сильный отпечатокъ древности. Онъ говоритъ, что турецкое завоеваніе не подорвало сущности этихъ нравовъ. Между далматинскими сербами, по его свидѣтельству, были и католики и православные, но старая вѣра была православная, и ея послѣдователи съ презрѣніемъ относились къ соотечественникамъ-католикамъ. Въ нихъ была жива память о старой свободѣ, ненависть къ турецкому игу и мысль объ освобожденіи. Что касается до репутаціи морлаковъ, какъ разбойниковъ, то Фортисъ объясняетъ ее молвою объ „ускокахъ", бѣглецахъ изъ турецкой Сербіи, страшныхъ своими разбоями въ XVI и XVII вѣкахъ, и о „гайдукахъ".

---

[3]) О его дѣятельности см. „Избр. соч. Карамзина" I, стр. 151. — [4]) Saggio d'osservazioni sopra l'isola di Cherso ed Osero. Книга эта посвящена лорду Бьюту, содѣйствовавшему изданію въ свѣтъ Макферсонова Оссіана".— [5]) Viaggia in Dalmazia (1774, 2 т.).

соединявшихъ со своимъ разбойничествомъ національный патріотизмъ и ненависть къ туркамъ. Фортисъ изображаетъ гайдуковъ не только страшными, сколько голодающими бѣдняками. „Большая часть гайдуковъ“, пишетъ Фортисъ, „считаютъ себя людьми заслуженными, какъ скоро обагрили себя турецкой кровію“. Фортисъ описываетъ далѣе гостепріимство морлаковъ, простоту ихъ нравовъ, чистосердечность ихъ, поцѣлуи, которыми встрѣчаютъ своихъ земляковъ дѣвушки, что производитъ впечатлѣніе, какъ будто всѣ эти люди составляютъ одну семью. Далѣе слѣдуетъ подробное описаніе внѣшняго быта, жилищъ, одежды, пищи, вооруженія, домашней утвари, обрядовъ свадебныхъ, родинныхъ и похоронныхъ, хозяйственныхъ обычаевъ и т. п. Особый отдѣлъ посвященъ у Фортиса музыкѣ и поэзіи морлаковъ. Онъ описываетъ пѣвца, который, аккомпанируя себѣ на инструментѣ, называемомъ „гусле“ съ одной струной изъ конскихъ волосъ, поетъ старинныя пѣсни. Пѣніе героическихъ пѣсенъ у морлаковъ, по словамъ Фортиса, очень заунывно и монотонно: притомъ они поютъ немного въ носъ; стихи древнѣйшихъ пѣсенъ десятисложные безъ риѳмъ, выразительны и производятъ сильное впечатлѣніе на слушателей. Фортисъ перевелъ на итальянскій языкъ нѣсколько героическихъ пѣсенъ морлаковъ и находилъ ихъ „напоминающими простоту гомерическихъ временъ“. Фортисъ приложилъ къ книгѣ одну пѣсню съ подлиннымъ текстомъ „иллирійскимъ“ (т.-е. сербо-хорватскимъ) и замѣчаетъ: „Иллирійскій текстъ даетъ читателю возможность судить, какъ хорошо могъ бы служить музыкѣ и поэзіи этотъ чрезвычайно звучный и гармоническій языкъ, который однако совсѣмъ заброшенъ“. Онъ прибавляетъ: „Овидій, живя между славянами Чернаго моря, не усомнился упражнять свой поэтическій талантъ сочиненіемъ стиховъ на ихъ языкѣ, и получилъ похвалы и одобренія отъ этихъ дикарей, хотя послѣ, почувствовавши опять римскую гордость, стыдился, что профанировалъ латинскіе метры“. Фортисъ указываетъ и содержаніе морлацкихъ пѣсенъ: то—старинные подвиги славянскихъ бановъ и королей, различныя трагическія событія. О самомъ способѣ пѣнія онъ сообщаетъ, что когда случится, что по сосѣдней горѣ идетъ другой путникъ, пѣвецъ повторяетъ стихъ, пропѣтый первымъ, и это очередное пѣніе продолжается до тѣхъ поръ, пока пространство не раздѣлитъ обоихъ поющихъ. Стихъ начинается всегда длиннымъ восклицаніемъ: „О“! (Фортисъ называетъ его urlo), вскрикиваемымъ грубо; слова произносятся быстро, при чемъ модуляція приберегается лишь къ послѣднему слогу и оканчивается продолжительнымъ звукомъ въ родѣ рулады. Нерѣдко, пишетъ Фортисъ, окончивъ старинную пѣсню, пѣвецъ импровизируетъ новую въ честь какого-нибудь лица, для котораго пѣлъ, и есть не мало морлаковъ, которые импровизируютъ отъ начала до конца, аккомпанируя себѣ на гусляхъ.

Пѣсня, приложенная Фортисомъ въ видѣ образчика въ подлинномъ текстѣ и итальянскомъ переводѣ, имѣла большой успѣхъ въ европейской литературѣ. Это „Жалостная пѣсня о благородной женѣ Ассана-Аги“, начало которой перевелъ и Пушкинъ (см. ниже № 3).

„Путешествіе по Далмаціи“ Фортиса было первою книгою, обратившею вниманіе на народную поэзію южныхъ славянъ. Оно было переведено на французскій, нѣмецкій и англійскій языки, а пѣсня о женѣ Ассана-Аги получила большую славу. Гердеръ помѣстилъ ее въ своихъ „Голосахъ народовъ“ [6]).

[6]) Вмѣстѣ съ упомянутой выше пѣснію о Милошѣ и Вукѣ, „Радославомъ“ и „Прекрасной Переводчицей“.

Наконецъ появилось и первое собраніе сербскихъ народныхъ пѣсенъ знаменитаго Вука Стефановича Караджича „Народна сербска пѣснарица“ (І-й томъ въ Вѣнѣ 1814 г., ІІ-й—тамъ же 1815 г.). Въ 1823 г. при 2-мъ изданіи сербскихъ пѣсенъ явился въ Лейпцигѣ и ІІІ-й томъ 1823 г. [7]). Онѣ произвели большое впечатлѣніе, особенно въ учено-литературномъ мірѣ Германіи. Яковъ Гриммъ въ увлеченіи своемъ высказывалъ, что отнынѣ Европа станетъ учиться по-сербски, чтобы наслаждаться прекрасной поэзіей. Въ 1819 году Вукъ Караджичъ пріѣзжалъ въ Россію, былъ избранъ членомъ Общества любителей россійской словесности, получилъ отъ Императора Николая ежегодную пенсію; іенскій университетъ сдѣлалъ его въ 1823 г. почетнымъ докторомъ философіи. Копитаръ въ своей ревизіи сборника сравнивалъ эпосъ сербскій съ эпосомъ Гомера, перевелъ нѣсколько пѣсенъ на нѣмецкій языкъ и приложилъ ихъ къ своей рецензіи. Гумбольдтъ черезъ Копитара получилъ выдержки сербской грамматики, а для Гёте авторъ этой грамматики (Мушицкій) переводилъ „Пѣснарицу“ Вука на нѣмецкій языкъ. Я. Гримъ привѣтствовалъ каждый новый томъ ея статьями въ „Геттингенскомъ ученомъ указателѣ“, гдѣ также сравнивалъ сербскія пѣсни съ Гомеровымъ эпосомъ [8]).

Романтическіе поэты Франціи не остались чужды новому движенію. Неподвижность языка французскихъ поэтовъ, приводившая въ негодованіе Пушкина и отвратившая его отъ французской литературы къ англійской еще въ пору пребыванія его на югѣ и въ Михайловскомъ, получила важный толчокъ въ сочиненіяхъ Бейля, который пріучалъ французскихъ читателей къ смѣлости въ формѣ и содержаніи. Не будучи поэтомъ въ настоящемъ смыслѣ слова, Бейль писалъ стилемъ, намѣренно безпорядочнымъ, чтобы онъ не походилъ на стиль обычный, произведенія, исполненныя пародоксовъ. Бейль не произвелъ ничего крупнаго, но подготовилъ почву другимъ—и прежде всего ученику своему Просперу Мериме (1804—1870), который превосходилъ его и талантомъ и образованіемъ [3]). Меримо, занявшись археологіей, по добросовѣстности и объему занятій, принадлежалъ къ первому разряду французскихъ ученыхъ; его изысканіями руководило не одно любопытство, но и систематическій научный интересъ. Онъ усвоилъ какъ историко-филологическое, такъ и художническое образованіе. По отзыву Юліана Шмидта, хотя ученыя сочнненія Мериме всѣ не велики, но всѣ безъ исключенія превосходны; нигдѣ не высказывается въ нихъ беллетристъ, и онъ не приводитъ ни малѣйшей черты, которую бы не могъ доказать по источникамъ; вездѣ виденъ въ немъ основательный изслѣдователь. Въ историческихъ сочиненіяхъ своихъ Мериме выразилъ особенный интересъ ко всякому проявленію природныхъ силъ въ человѣкѣ. Какъ поэтъ, Мериме принадлежалъ къ романтической школѣ въ томъ смыслѣ, что онъ покинулъ условныя щегольскія формы своихъ предшественниковъ, интересуется народностями, не обезличенными цивилизаціей, потому что онѣ допускаютъ сильныя выраженія страсти. Вопреки романтикамъ, предпочитавшимъ туманность образовъ и выражаемыхъ ощущеній, Мериме любитъ краски рѣзкія, черты

---

[7]) Впослѣдствіи вышли еще томъ IV-й (1833); V-й, заключающій черногорскія, и VI-й — герцеговинскія пѣсни (1863). Все это собраніе носитъ заглавіе „Српске народне пјесме“.—[8]) Дѣятельность Фортиса и Вука здѣсь изложены по г. Пыпину („Первые слухи о сербской народной поэзіи“ В. Е. 1876, № 12) и по диссертаціи П. Кулаковскаго („Вукъ Караджичъ. М. 1882“).

[9]) См. о немъ „Ист. Франц. Литер.“ Юліана Шмидта.

простыя и выразительныя; не подражая другимъ романтикамъ, у которыхъ на первомъ планѣ ихъ личныя ощущенія и размышленія, Мериме объективнѣй и собственнымъ вымысламъ умѣлъ придавать видъ реальности. Онъ выработалъ собственные пріемы, чтобы примирить читателя съ странностью, а порою и дикостью своихъ вымысловъ. То во введеніи, то въ примѣчаніяхъ онъ напоминаетъ читателю контрастъ между собственнымъ чувствомъ и своимъ поэтическимъ вымысломъ. Онъ любитъ скрываться за маску лица педанта-антикварія или насмѣшливаго вольтеріанца. Эта маска смягчаетъ жестокость впечатлѣнія Отъ романтиковъ отличается онъ и своимъ серьезнымъ классическимъ школьнымъ образованіемъ, пріучившимъ его всегда находить точное выраженіе для мысли.

Первый его литературный опытъ былъ мистификаціей, которая далась ему легко при строгомъ изученіи иноземныхъ литературъ и жизни. Онъ издалъ „Театръ Клары Газюль“ (1825), выданный за переводъ испанскаго сочиненія одной молодой актрисы. Ему помогло при этомъ изученіе Кальдерона. Полной иллюзіи мѣшала только прозаическая форма. Черезъ два года появилась вторая его мистификація: La Guzla ou choix de poésiés recueillies illyriques dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzégovine, 1827. („Гусли, или выборъ пѣсенъ иллирійскихъ, собранныхъ въ Далмаціи, Босніи, Кроаціи и Герцеговинѣ“).

Къ первобытнымъ звукамъ народныхъ пѣсенъ французамъ внушилъ интересъ Форіель (1775—1844), переводившій новогреческія пѣсни. Мериме, ознакомившійся съ страною и бытомъ славянъ по „Путешествію въ Далмацію“ Фортиса, описанной выше, задумалъ обратить въ пѣсни то, что вычиталъ здѣсь объ обычаяхъ, преданіяхъ и поэзіи иллирійскихъ славянъ. Конечно, дѣло не обошлось безъ ошибокъ. Такъ у него явились, между прочимъ, пѣсни о такихъ предметахъ, которые у славянъ не входятъ въ пѣсенное содержаніе, напр. пѣсни о вукодлакахъ. Многія изъ этихъ стихотвореній были просто „баллады“ въ романтическомъ вкусѣ. Мериме долженъ былъ писать многое наудачу, набравши кое-какихъ подробностей и собственныхъ именъ и произвольно склеивая ихъ, при помощи собственной фантазіи, Гёте не былъ обманутъ этою aimable débauche d'imagination (игривой невоздержанностью фантазіи), какъ Лабулэ называлъ впослѣдствіи эту продѣлку Мериме.

Книга явилась слѣдующимъ предисловіемъ „неизвѣстнаго“:

„Когда я приготовлялъ собраніе, предлагаемое въ переводѣ, то представлялъ себя почти единственнымъ французомъ (потому что я тогда былъ таковымъ), находящимъ интересъ въ этихъ безыскусственныхъ поэмахъ, произведеніи народа дикаго; я былъ далекъ отъ мысли издавать ихъ. Потомъ, замѣчая распространяющійся нынѣ вкусъ къ иноземнымъ произведеніямъ, въ особенности же къ тѣмъ, которыя самою формою своею удаляются отъ наилучшихъ образцовъ, обыкновено съ нашей стороны вызывающихъ благоговѣніе, я вспомнилъ о моемъ собраніи иллирійскихъ пѣсенъ. Я сдѣлалъ изъ нихъ нѣсколько переводовъ для друзей моихъ,—и вотъ по ихъ совѣту я осмѣливаюсь выбрать нѣкоторыя пьесы изъ моего собранія и представить на судъ публики.— Я былъ въ состояніи сдѣлать этотъ переводъ болѣе, нежели кто-нибудь другой. Въ ранней юности я жилъ въ иллирійскихъ областяхъ. Мать моя была морлачка изъ Спалатро (морлаки—жители Далмаціи, говорящіе по-славянски или по-иллирійски) и въ продолженіе многихъ лѣтъ я говорилъ по-иллирійски чаще, нежели по-итальянски. Отъ природы большой любитель путешествій, я пользовался временемъ, которое оставалось у меня отъ занятій не особенно важ-

16

ныхъ,—для того, чтобы хорошенько узнать страну, въ которой я жилъ: и дѣйствительно, немного найдется селеній, горъ, долинъ отъ Тріеста до Рагузы, которыхъ я бы не посѣтилъ. Я дѣлалъ довольно продолжительныя поѣздки въ Боснію и Герцоговину, гдѣ иллирійскій языкъ сохранился во всей чистотѣ, и я открылъ тамъ нѣсколько отрывковъ древней поэзіи, довольно любопытныхъ.— Теперь я долженъ сказать о выборѣ мною французскаго языка для моего перевода. Я—итальянецъ; но послѣ извѣстныхъ событій въ моемъ отечествѣ, живу во Франціи, которую всегда любилъ и гражданиномъ которой былъ въ продолженіе нѣкотораго времени. Друзья мои—французы; я привыкъ видѣть во Франціи какъ бы свое отечество. Я не имѣю притязанія, которое было бы странно въ иностранцѣ, писать по-французски съ изяществомъ литератора; между тѣмъ воспитаніе, полученное мною, и долгое пребываніе въ этой странѣ дали мнѣ возможность писать, какъ мнѣ кажется, съ достаточной легкостью, въ особенности—переводы, главная заслуга которыхъ, по-моему, состоитъ въ точности. Думаю, что иллирійскія области, которыя давно были подъ правленіемъ французскимъ, достаточно извѣстны, и что безполезно предпосылать этому собранію географическое, политическое и т. п. описаніе.—Скажу только нѣсколько словъ о славянскихъ пѣвцахъ (bardes), или гуслярахъ (joueurs de guzla), какъ ихъ называютъ. Большая часть изъ нихъ—старики очень бѣдные, часто въ рубищахъ, обходящіе города и селенія, распѣвая пѣсни (des romances) и аккомпанируя себѣ на инструментѣ въ родѣ гитары, называемомъ гусли (guzla) съ одною только струной изъ лошадинаго волоса[9]). Праздные люди и морлаки, не охотники до работы, окружаютъ ихъ; и когда пѣсня кончена, пѣвецъ ожидаетъ платы отъ великодушія своихъ слушателей. Порою, изъ ловкой хитрости, онъ прерываетъ свое пѣніе въ минуту самую интересную, чтобы обратиться къ щедрости публики; часто онъ назначаетъ даже сумму, за которую согласится разсказать развязку. Но пѣсни поются не одними только этими пѣвцами; почти всѣ морлаки, молодые и старые, берутся за это, нѣкоторые, небольшое число, сочиняютъ стихи, часто импровизируютъ. Они поютъ гнусливо, и мотивы ихъ пѣсенъ мало разнообразны; аккомпаниментъ гуслей немного оживляетъ ихъ, и только привычка можетъ сдѣлать эту музыку сносною. Въ концѣ каждаго стиха пѣвецъ испускаетъ громкій крикъ, или скорѣе, вой—похожій на вой раненаго волка. Эти крики слышны очень издалека въ горахъ и надо къ этому привыкнуть, чтобы признать ихъ человѣческими" [10]).

За этимъ предисловіемъ слѣдовалъ біографическій очеркъ о Маглановичѣ, единственномъ сочинителѣ пѣсенъ изъ гусляровъ, котораго будто бы видѣлъ переводчикъ, „потому что", замѣчаетъ онъ, большинство только повторяетъ старинныя пѣсни или составляетъ только смѣсь, слагая 20 стиховъ изъ одной пѣсни, столько же изъ другой и связывая все это плохими стихами собственнаго издѣлія". Переводчикъ повѣствуетъ, что увидѣлъ Маглановича въ первый разъ въ 1816 г. въ Зарѣ, когда ему уже было около 60 лѣтъ. Онъ описываетъ до мельчайшихъ подробностей фигуру этого старика, его маленькіе глаза, нѣсколько приподнятые по-китайски, его орлиный носъ, „достаточно воспламененный отъ употребленія крѣпкихъ напитковъ" и т. п. Переводчикъ пишетъ,

[9]) См. выше то же у Фортиса (стр. 241).

[10]) См. тамъ же (стр. 241).

что подносилъ ему для ожиданія, и тогда онъ пѣлъ многія „баллады", которыя читатель и не найдетъ въ его собраніи.

За тѣмъ слѣдовало самое собраніе пѣсенъ въ прозѣ, числомъ 29; къ нимъ приложены 2 статьи: „О дурномъ глазѣ" и „О вампиризмѣ" съ выдержками изъ книги отца Кальме: „Traité sur les apparitions des esprits et sur les vampires". Въ числѣ піесъ одна—лирическая сцена „Прекрасная Софія"—имѣетъ драматическую форму, которую переводчикъ въ примѣчаніи называетъ очень рѣдкой въ иллирійской поэзіи.

Во время своего пребыванія на югѣ (см. I т. стр. 79) Пушкинъ имѣлъ случай видѣть славянъ. Его стихотвореніе къ дочери Георгія Чернаго, тогда же написанное (№ 57), свидѣтельствуетъ, что сербская жизнь привлекла его вниманіе, и съ тѣхъ поръ ему было знакомо настроеніе сербскаго народа. Поэтому не удивительно, что когда черезъ нѣсколько лѣтъ въ его руки попадаютъ народныя пѣсни сербовъ, собранныя Вукомъ Караджичемъ (см. выше, стр. 242), то онъ чувствуетъ потребность воспроизводить ихъ на русскомъ языкѣ. И дѣйствительно, въ 1832—1833 годахъ мы видимъ въ его черновой тетради и выписку сербскаго текста одной изъ пѣсенъ, и его собственный переводъ ея. Пушкинымъ были переведены: „Соловей", „Сестра и братья" и начало „Жалостной пѣсни о благородной женѣ Ассана-Аги" (см. выше, стр. 42). Онъ воспроизвелъ затѣмъ два событія изъ новѣйшей эпохи сербской исторіи въ пѣсняхъ „О Георгіи Черномъ" и „Воеводѣ Милошѣ".

И появленіе книги Мериме не могло не заинтересовать Пушкина, уже расположеннаго къ той области поэзіи, къ которой она себя причисляла. Имѣя дѣло съ переложеніемъ неизвѣстныхъ ему піесъ въ прозѣ, Пушкинъ ищетъ имъ выраженія на своемъ поэтическомъ языкѣ. При этомъ замѣчательно то, что однѣ изъ этихъ піесъ слагаются у него въ формѣ риѳмованнаго тоническаго стиха, какъ бы этимъ отдѣляясь отъ народнаго склада знакомыхъ ему сербскихъ пѣсенъ. Этимъ его поэтическое чувство признало въ 4 піесахъ, а именно: „Бонапартъ и Черногорцы", „Вурдалакъ", „Конь" и „Похоронная пѣсня Маглановича"—только поэтическій матеріалъ изъ рода балладъ, романсовъ и даже шуточной пѣсенки, а не безыскусственныя народныя пѣсни. Такъ подсказало ему его художественное чувство. Другія 7 отложились въ фантазіи и слухѣ Пушкина въ формахъ народной эпической пѣсни, онъ воспроизводитъ ихъ стихомъ, близкимъ къ тому стиху, который привыкъ онъ видѣть въ народныхъ славянскихъ пѣсняхъ. Таковы: Видѣнія короля", „Янко Марнавичъ", „Битва у Зеницы Великой", „Ѳеодоръ и Елена", „Влахъ въ Венеціи", „Гайдукъ Хризичъ" и „Марко Якубовичъ". Затѣмъ изъ остальныхъ 18-ти піесъ Мериме ни одна не остановила на себѣ вниманіе Пушкина, и нельзя не видѣть что для своего воспроизведенія какъ въ формахъ новой поэзіи, такъ и стихомъ эпическимъ, Пушкинъ выбралъ дѣйствительно наиболѣе удачныя піесы Мериме. Поэтому рѣшительно утверждать, что онъ вполнѣ ввѣрился заявленію предисловія „Гуслей", едва ли можно. Не такъ отнеслись къ этому сборнику другіе любители славянской поэзіи, даже болѣе опытные въ обращеніи съ литературнымъ этнографическимъ матеріаломъ. Таковы: англичанинъ Боурингъ, авторъ славянской антологіи, и нѣмецъ Гергартъ, до того времени переведшій уже два большихъ тома славянскихъ пѣсенъ и всѣ піесы „Гуслей". Этотъ нѣмецъ писалъ Мериме, что подъ его прозаической формой онъ открылъ размѣръ стиховъ славянскихъ и просилъ у него еще пѣсенъ для дальнѣйшихъ работъ своихъ! Сомнѣніе Пушкина въ подлинности пьесъ Мериме, которое въ

немъ, повидимому, было сначала смутнымъ, побудило его просить въ слѣдующемъ году своего пріятеля Соболевскаго, хорошо знакомаго съ Мериме, написать ему и спросить, „на чемъ основано *изобрѣтеніе странныхъ сихъ пѣсенъ*". Отвѣтъ Мериме, помѣченный 18 января 1835 г. и приложенный Пушкинымъ въ изданіи, объясняетъ исторію этого изобрѣтенія [11]). Этотъ отвѣтъ почти тожественъ съ тѣмъ предисловіемъ, въ которомъ Мериме во 2-мъ изданіи своей „Гузля" (1840) раскрываетъ свою мистификацію уже публично. Но уже это сходство съ предисловіемъ заставляетъ предполагать, что отвѣтъ Соболевскому не имѣетъ характера вполнѣ искренняго. Въ тонѣ какъ пре-

---

[11]) Вотъ этотъ отвѣтъ Мериме, въ переводѣ: „Я думалъ, м. г., что „Гузля" имѣла только 7 читателей, считая въ томъ числѣ и васъ, и меня, и фактора типографіи; съ удовольствіемъ вижу, что можно считать еще двоихъ, что составляетъ пріятную сумму девяти, и подтверждаетъ пословицу, что никто не бываетъ пророкомъ въ своемъ отечествѣ. Отвѣчу на ваши вопросы искренно: „Гузля" сочинилъ я по двумъ побужденіямъ, изъ которыхъ первымъ было желаніе подсмѣяться надъ мѣстнымъ колоритомъ (la couleur locale), въ который мы безъ удержу ударились около 1827 г. по Р. Х. Чтобы объяснить вамъ второе побужденіе, я долженъ разсказать цѣлую исторію. Въ томъ же 1827 году одинъ изъ моихъ друзей и я—мы задумали путешествіе въ Италію. Передъ картою чертили мы карандашомъ нашъ маршрутъ. Прибывъ въ Венецію, разумѣется на картѣ, и наскучивъ англичанами и нѣмцами, которыхъ встрѣчали, я предложилъ отправиться въ Тріестъ, а оттуда—въ Рагузу. Предложеніе было принято, но у насъ было черезъ-чуръ мало денегъ, и эта „маленькая непріятность" (douleur nompareille), какъ говоритъ Раблэ, останавливала насъ среди нашихъ плановъ. Тогда я предложилъ описать напередъ наше путешествіе, продать его книгопродавцу и употребить деньги на то, чтобы посмотрѣть, много ли мы ошиблись. Я взялъ на себя собираніе народныхъ пѣсенъ и переводъ ихъ. Мнѣ не повѣрили, и на слѣдующій день я принесъ своему товарищу по путешествію — пять или шесть изъ этихъ переводовъ. Осень проводилъ я въ деревнѣ. Завтракали въ полдень, а я вставалъ въ 10 часовъ. Выкуривъ одну или двѣ сигары, не зная, чѣмъ заняться до появленія дамъ въ гостиную, я писалъ балладу. Собрался томикъ, который я и издалъ подъ великой тайной и который мистифицировалъ двоихъ или троихъ.

„Вотъ источникъ, изъ котораго я почерпнулъ мѣстный колоритъ, столько прославленный: во 1-хъ, маленькая брошюрка французскаго консула въ Банялукѣ. Я позабылъ ея заглавіе; разборъ ея будетъ не труденъ. Авторъ старается доказать, что босняки — сущія свиньи, и даетъ тому достаточно хорошія доказательства. Тамъ и сямъ приводитъ онъ нѣсколько иллирійскихъ словъ, чтобы щегольнуть своимъ знаніемъ этого языка (а онъ зналъ его, быть можетъ, столько же сколько и я). Я собралъ старательно эти слова и помѣстилъ ихъ въ своихъ примѣчаніяхъ. Потомъ прочелъ я главу: Dei costumi dei Morlaehi (объ обычаяхъ морлаковъ) въ путешествіи по Далмаціи Фортиса. Онъ приводитъ текстъ и переводъ плача жены Ассана-Аги, подлинно иллирійскаго; но это былъ переводъ въ стихахъ. Съ неимовѣрнымъ трудомъ желая добиться буквальнаго перевода, я сравнивалъ слова текста, кото, ыя повторялись вı немъ, съ переводомъ аббата Фортиса. Съ помощію терпѣнія, я получилъ дословный переводъ, но все еще затруднялся кое въ чемъ. Я обратился къ одному изъ моихъ друзей, знающему по-русски. Я прочелъ ему текстъ, произнося по-итальянски, и онъ понялъ его почти совершенно. Изъ этого вышло, что Нодье, который откопалъ Фортиса и балладу объ Ассанъ-агѣ и перевелъ ее съ стихотворнаго перевода аббатова, еще украшая ее въ своей прозѣ,—Нодье кричалъ какъ орелъ, что я его ограбилъ. Первый иллирійскій стихъ таковъ: „Sto se bieli u *gorje* zelenoi". Фортисъ перевелъ: „Che mai biancheggia nel verde *Bosco*. Нодье Bosco перевелъ черезъ „plaine verdoyante" (зеленѣющую равнину); это было неудачно, потому что мнѣ говорятъ, что *gorje* значитъ „холмъ". Вотъ вся исторія. Передайте г. Пушкину мое извиненіе. Я и горжусь, и стыжусь, что поймалъ его", и проч.

дисловія, такъ и этого отвѣта нельзя не узнать той привычной Мериме шуточной маски, которую онъ надѣвалъ для публичныхъ объясненій по поводу произведеній своихъ, когда сомнѣвался въ достаточномъ вниманіи къ нимъ публики. Если маска педанта-антикварія и волтерьянца была ему нужна для посредства съ публикою при подобныхъ изданіяхъ, то здѣсь пришлась какъ нельзя болѣе кстати маска ignorantissimi, слѣдующаго внушеніямъ друга Ампера, и даже маска юнаго затѣйника, желающаго плутней пріобрѣсти денегъ для желаемаго путешествія. Ни эта характеристика самого себя, ни преувеличенная холодность публики къ его книгѣ, будто бы нашедшей только 9 читателей, ни приравниваніе себя по ничтожному знанію сербскаго языка французскому консулу, брошюрой котораго онъ пользовался, кромѣ книги Фортиса,—все это не даетъ права смотрѣть на объясненія Мериме, какъ на дѣйствительное указаніе происхожденія его „Гуслей". Источники Мериме и степень его знакомства съ народной поэзіей славянъ въ пору сочиненія „Гузли" остаются неизвѣстными—и выбранныя Пушкинымъ піесы, какова напр. „Битва при Зеницѣ Великой", предполагаютъ въ авторѣ его образца по меньшей мѣрѣ очень большую начитанность въ народной поэзіи. По предположенію Анненкова, у Мериме могли быть и другіе источники, напр. изустные разсказы славянскихъ путешественниковъ и эмигрантовъ. „Можетъ быть", замѣчаетъ Анненковъ, „въ книгѣ его таится и нѣсколько дѣйствительныхъ преданій или былей, не облеченныхъ въ пѣсню, но живущихъ среди племени, которому принадлежатъ".

Въ поступкѣ Мериме нельзя не видѣть пріема опытнаго литератора, очень хорошо знающаго свою публику. Когда романтизмъ двадцатыхъ годовъ привлекалъ ее оригинальностію иноземныхъ мѣстныхъ красокъ (couleur locale, какъ называетъ онъ), тогда Мериме скрылся за маску переводчика—любителя-антикварія, яко бы старательно собиравшаго пѣсни *для себя*; въ 40-хъ годахъ, когда эти мѣстныя краски сдѣлались уже дѣломъ избитымъ, онъ вызываетъ читателя вмѣстѣ съ нимъ посмѣяться и надъ романтизмомъ, и надъ мѣстными красками, безъ которыхъ прежде не было спасенія, и надѣется привлечь вниманіе публики къ этимъ произведеніямъ именно тѣмъ, что они—искусная поддѣлка.

Согласно указанному выше разнообразному происхожденію „Пѣсенъ Западныхъ Славянъ", онѣ располагаются здѣсь въ трехъ отдѣлахъ: а) Переводы изъ народныхъ пѣсенъ, б) Переводы піесъ Мериме, которымъ Пушкинъ далъ форму пѣсенъ народныхъ, и в) Переводъ піесъ, получившихъ форму риемованныхъ тоническихъ стиховъ.

А) ИЗЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ.

1. Соловей.

Это—одна изъ лирическихъ пѣсенъ, вошедшихъ въ сборникъ Вука Караджича. Въ черновой тетради Пушкина 1832 года находятся 4 первыя строки этой пѣсни на сербскомъ языкѣ, при первомъ наброскѣ ея перевода, что свидѣтельствуетъ о непосредственномъ знакомствѣ Пушкина съ сербскимъ оригиналомъ.

Вотъ дословный переводъ сербской пѣсни, имѣющей въ подлинникѣ обычный десятислоговой размѣръ стиха, съ цезурою послѣ 4-го слога:

ТРИ ВЕЛИЧАЙШИХЪ ПЕЧАЛИ.

Соловей, малая птица, всѣмъ дала покой,
А мнѣ юнаку задала три печали:
Первая мнѣ печаль на моемъ сердечкѣ,
Что не рано ль меня мать женила молодого;
Другая мнѣ печаль на моемъ сердечкѣ,
Что мой вороной конь подо мной не играетъ;
Третья мнѣ печаль, ахъ! на моемъ сердцѣ,
Что моя дорогая на меня разсердилась.
Копайте мнѣ могилу въ полѣ широкомъ,
Въ два копья шириною, въ четыре длиною;
Выше моей головы посадите розу,
Ниже ногъ моихъ выкопайте воду.
Кто молодой пройдетъ, пусть украсится розою,
Кто ли старый пройдетъ, пусть утолитъ жажду.

Пушкинъ измѣнилъ размѣръ пѣсни и отступилъ отъ оригинала, внесши свое объясненіе причины разлада съ милой, и уничтоживъ мѣстныя черты (измѣреніе могилы, розу), приблизилъ пѣсню къ русскому быту.

Соловей мой, соловейко!
Птица малая лѣсная!
У тебя ль у малой птицы
Неизмѣнныя три пѣсни;
У меня ли у молодца
Три великія заботы!
Какъ ужъ первая забота—
Рано молодца женили;
А вторая-то забота—
Воронъ конь мой притомился;
Какъ ужъ третья-то забота—
Красну дѣвицу со мною
Разлучили злые люди.
Вы копайте мнѣ могилу
Въ полѣ, полѣ широкомъ,
Въ головахъ мнѣ посадите
Алы цвѣтики-цвѣточки,
А въ ногахъ мнѣ проведите
Чисту воду ключевую.
Пройдутъ мимо красны дѣвки,
Такъ сплетутъ себѣ вѣночки,
Пойдутъ мимо стары люди,
Такъ воды себѣ зачерпнутъ.

---

2. Сестра и братья *).

Это—болѣе близкій переводъ, и притомъ 10-ти и 11-тислоговыми стихами (изрѣдка 9-тислоговыми), приближающимися къ десятислоговому стиху сербскихъ пѣсенъ, но безъ сохраненія цезуры послѣ 4-го слога, какъ и въ прочихъ „Пѣсняхъ западныхъ славянъ“.

*) Прекрасная эта поэма взята мною изъ собранія сербскихъ пѣсенъ Вука Стефановича (Пр. Пушк.).

Вотъ дословный переводъ сербскаго подлинника:

БОГЪ НИКОМУ НЕ ОСТАЕТСЯ ДОЛЖЕНЪ.

Двѣ сосны росли рядомъ,
Между ними тонковерхая елка.
То не были двѣ сосны зеленыхъ,
Ни межъ ними тонковерхая елка,
Но то были два родныхъ брата:
Одинъ Павелъ, а другой Радула,
Между ними сестрица Елица.
Сестру братья очень любили,
Всякіе подарки ей дарили,
Напослѣдокъ окованные ножи,
Окованные серебромъ, позолоченные.
Когда то увидала молодая Павловица,
Позавидовала своей золовкѣ
И зоветъ жену Радулову:
„Невѣстушка, по Богу сестрица,
Ты не знаешь ли злого зелья,
Чтобъ поссорить брата и сестрицу".
Но говоритъ жена Радулова:
„Ради Бога, моя невѣстушка,
Я не знаю злого зелья,
Да если бъ и знала, тебѣ бъ не сказала.
И меня братья любили
И всякіе подарки дарили".
Когда то услыхала Павловица,
Она пошла къ конямъ на лугъ
И заколола вороного на лугу
И говоритъ своему господину;
„На зло, Павелъ, сестрицу любилъ ты.
На горе ей приносилъ подарки:
Заколола она тебѣ вороного на лугу".
Павелъ спрашиваетъ сестрицу Елицу:
„За что, сестра? Пусть тебя Богъ накажетъ"!
Сестрица братцу клялася:
„Не я, братъ, клянусь моей жизнью,
Моей жизнью и твоею".
Въ этомъ братецъ сестрѣ повѣрилъ.
Когда увидала молодая Павловица,
Она пошла ночью въ садъ
И заколола сиваго сокола.
И говоритъ своему господину:
„На зло, Павелъ, сестру любилъ ты;
На горе приносилъ ей подарки.
Заколола она тебѣ сиваго сокола".
Павелъ спрашиваетъ сестрицу Елицу:
„За что, сестра? Пусть тебя Богъ накажетъ"!

Сестра брату клялась:
„Не я, братъ, клянусь моей жизнью,
Моей жизнью и твоею“.
И въ томъ братецъ сестрѣ повѣрилъ.
Когда то увидала молодая Павловица,
Пошла она вечеромъ послѣ ужина
И украла золовкины ножи;
Ими заколола дитя въ колыбели.
Когда по утру утро засвѣтило,
Она бѣжитъ къ своему господину,
Причитая и лицо терзая.
„На зло, Павелъ, сестру любилъ ты,
На горе приносилъ ей подарки,
Заколола она тебѣ дитя въ колыбели.
Если ты мнѣ въ этомъ не вѣришь,
Возьми ножи съ ея пояса“.
Вскочилъ Павелъ, какъ бѣшеный;
Потомъ онъ побѣжалъ въ верхнюю свѣтлицу,
А сестра спала еще на постели.
Подъ головою у нея золоченые ножи.
Павелъ взялъ золоченые ножи,
Потомъ вынулъ ихъ изъ ноженъ серебряныхъ—
А ножи выпачканы кровью.
Какъ увидѣлъ это господинъ Павелъ,
Ухватилъ сестру за бѣлую руку.
„Сестра моя, убей тебя Боже!
Пусть ты мнѣ заколола коня на лугу
И сокола въ зеленомъ саду:
За что ты мнѣ заколола дитя въ колыбели“?
Сестрица братцу поклялася:
„Не я, братъ, клянусь моей жизнью,
Моей жизнью и твоею.
А если ты не вѣришь моей клятвѣ,
То выведи меня въ широкое поле
И привяжи меня къ хвостамъ коней
И разорви на четыре части“.
Въ этомъ братъ сестрѣ не повѣрилъ,
А взялъ ее за бѣлую руку,
И вывелъ ее въ широкое поле,
Привязалъ ее къ хвостамъ коней
И ихъ погналъ въ широкое поле.
Гдѣ отъ нея упала капля крови,
Тамъ растутъ васильки и богородицына травка;
Гдѣ она сама пала,
Тамъ выстроилась церковь
Мало времени затѣмъ прошло,
Разболѣлась молодая Павловица,
Девять лѣтъ, девять дней она болѣла—
Сквозь кости у ней трава проросла;

Въ травѣ лютыя змѣи лежатъ,
Очи пьютъ, въ траву прячутся.
Люто страдаетъ молодая Павловица,
Потомъ говоритъ своему господину:
„Ой, слышишь ли, господинъ Павелъ,
Сведи меня къ золовкиной церкви,
Не избавитъ ли меня церковь“.
Когда услыхалъ то господинъ Павелъ,
Повелъ ее къ золовкиной церкви.
Когда они были близъ бѣлой церкви,
А изъ церкви что-то проговорило:
„Не ходи туда, молодая Павловица,
Церковь тебя избавить не хочетъ“.
Какъ то услыхала молодая Павлица,
Она проситъ своего господина:
„Ради Бога, господинъ Павелъ,
Не води меня къ бѣлому двору,
А привяжи меня къ хвостамъ коней
И погони по широкому полю;
Пусть меня живую разорвутъ кони“.
Въ этомъ Павелъ жену послушалъ,
Привязалъ ее къ хвостамъ коней
И погналъ по широкому полю.
Гдѣ отъ нея капля крови упала,
Тамъ растутъ тернъ и кропива;
Гдѣ она сама упала,
Тамъ провалилось озеро.
По озеру вороной конекъ плыветъ,
А за нимъ золоченая колыбелька,
На колыбелькѣ—соколъ сѣдая птица,
Въ колыбелькѣ мальчикъ,
Подъ горломъ у него рука матери,
А въ рукѣ теткины ножи.

Два дубочка выростали рядомъ,
Между ними тонковерхая елка;
Не два дуба рядомъ выростали.
Жили вмѣстѣ два братца родные:
Одинъ Павелъ, а другой Радула,
А межъ ними сестра ихъ Елица.
Сестру братья любили всѣмъ сердцемъ,
Всякую ей оказывали милость;
Напослѣдокъ ей ножъ подарили
Золоченый, въ серебряной оправѣ.
Огорчилась молодая Павлиха
На золовку, стало ей завидно:
Говоритъ она Радуловой любѣ:
„Невѣстушка, по Богу сестрица!

Не знаешь ли ты зелія такого,
Чтобъ сестра омерзѣла братьямъ"?
Отвѣчаетъ Радулова люба:
„По Богу сестра моя, невѣстка,
Я не знаю зелія такова;
Хоть бы знала, тебѣ не сказала;
И меня братья мои любили,
И мнѣ всякую оказывали милость".
Вотъ пошла Павлиха къ водопою,
Да зарѣзала коня воронаго,
И сказала своему господину:
„Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ей подарки;
Извела она коня вороного".
Сталъ Елицу допытывать Павелъ:
„За что это? скажи Бога ради".
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
„Не я, братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею"!
Въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ.
Вотъ Павлиха пошла въ садъ зеленый,
Сиваго сокола тамъ заколола,
И сказала своему господину:
„Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ты ей подарки:
Вѣдь она сокола заколола".
Сталъ Елицу допытывать Павелъ:
„За что это? скажи Бога ради."
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
„Не я, братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею"!
И въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ.
Вотъ Павлиха по вечеру поздно
Ножъ украла у своей золовки,
И ребенка своего заколола
Въ колыбелькѣ его золоченой;
Рано утромъ къ мужу прибѣжала,
Громко воя и лицо терзая.
„Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ты ей подарки:
Заколола у насъ она ребенка;
А когда еще ты мнѣ не вѣришь,
Осмотри ты ножъ ея злаченый".
Вскочилъ Павелъ, какъ услышалъ это,
Побѣжалъ къ Елицѣ во свѣтлицу:
На перинѣ Елица почивала,
Въ головахъ ножъ висѣлъ злаченый,
Изъ ноженъ вынулъ его Павелъ—
Ножъ злаченый весь былъ окровавленъ

Дернулъ онъ сестру за бѣлу руку:
„Ой, сестра, убей тебя Боже!
Извела ты коня вороного.
И въ саду сокола заколола;
Да за что ты зарѣзала ребенка?“
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
„Не я, братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!
Коли жъ ты не вѣришь моей клятвѣ,
Выведи меня въ чистое поле,
Привяжи къ хвостамъ коней борзыхъ,
Пусть они мое бѣлое тѣло
Разорвутъ на четыре части“.
Въ ту пору братъ сестрѣ не повѣрилъ;
Вывелъ онъ ее въ чисто поле,
Привязалъ къ хвостамъ коней борзыхъ,
И погналъ ихъ по чистому полю.
Гдѣ попала капля ея крови,
Выросли тамъ алые цвѣточки;
Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
Церковь тамъ надъ ней соорудилась.
Прошло малое послѣ того время,
Захворала молодая Павлиха;
Десять лѣтъ Павлиха все хвораетъ—
Выросла трава сквозь ея кости,
Въ той травѣ лютый змѣй гнѣздится,
Пьетъ ей очи, самъ уходитъ къ ночи.
Люто страждетъ молода Павлиха;
Говоритъ она своему господину:
„Слышишь ли, господинъ ты мой, Павелъ,
Сведи меня къ золовкиной церкви,
У той церкви авось исцѣлюся“.
Онъ повелъ ее къ сестриной церкви,
И какъ были они уже близко,
Вдругъ изъ церкви услышали голосъ:
„Не входи, молодая Павлиха,
Здѣсь не будетъ тебѣ исцѣленья“.
Какъ услышала то молодая Павлиха,
Она молвила своему господину:
„Господинъ ты мой! прошу тебя Богомъ,
Не веди меня къ бѣлому дому,
А вяжи меня къ хвостамъ твоихъ коней
И пусти по чистому полю“.
Своей любы послушался Павелъ,
Привязалъ ее къ хвостамъ своихъ коней
И погналъ ихъ по чистому полю.
Гдѣ попала капля ея крови,
Выросло тамъ терпье да кропива;
Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,

На томъ мѣстѣ озеро провалило.
Воронъ конь по озеру выплываетъ,
За конемъ золоченая люлька,
На той люлькѣ сидитъ соколъ-птица.
Лежитъ въ люлькѣ маленькій мальчикъ;
Рука матери у него подъ горломъ,
Въ той рукѣ теткинъ ножъ золоченый.

---

3. Начало „Жалостной пѣсни о женѣ Ассана-Аги“.

Пѣсня эта послужила для перваго знакомства съ сербскимъ эпосомъ западнаго литературнаго міра [1]). Въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ 1827 г. былъ помѣщенъ и русскій переводъ этой пѣсни, сдѣланный извѣстнымъ филологомъ Востоковымъ. Вотъ начало этого перевода, соотвѣтствующее тому, что перевелъ Пушкинъ.

Что бѣлѣется у рощи — у зеленыя [2])?
Снѣгъ ли то, или бѣлые лебеди?
Кабы снѣгъ, онъ скоро растаялъ бы;
Кабы лебеди были, улетѣли бы прочь,
Не снѣгъ то, не бѣлые лебеди,
А бѣлѣется шатеръ Ассанъ-Аги,
Гдѣ онъ лежитъ тяжко раненый.
Его мать и сестра посѣщали тамъ;
Молода жена прійти постыдилася.
Когда легче ему стало отъ тяжкихъ ранъ,
Онъ послалъ сказать молодой женѣ:
Не жди меня больше въ дому моемъ,
Ни въ дому, ни во всемъ роду-племени...

И Пушкинъ перевелъ эти 13 первыхъ стиховъ. Въ пѣсни дальше повѣствуется о томъ, какъ жена Ассана-Аги, удаленная мужемъ, была увезена братомъ въ домъ родителей. Тамъ ее сосватали за другого, несмотря на ея заявленіе, что сердце у нея разобьется, если пятеро дѣтей ея останутся сиротами. Когда свадебный поѣздъ проѣзжалъ мимо дома Ассана-Аги, обѣ дочери узнали мать свою, два сына выходятъ къ ней навстрѣчу и такъ зовутъ мать свою.: „Остановись, мать любезная! сядь за столъ съ нами“! Несчастная мать вскричала старшему свату: „Ради Бога, братъ мой, старшій сватъ, вели остановить коней у этого дома; я дамъ что-нибудь сиротамъ своимъ“. Остановились кони, и она раздала подарки своимъ дѣтямъ. Сыновьямъ дала она

---

1) См. выше стр. 242.

2) „Гёте“, пишетъ Анненковъ, „передалъ, согласно съ итальянскимъ переложеніемъ аббата Фортиса, первый стихъ пѣсни такъ: „Что тамъ бѣлѣется въ рощѣ зеленой“? (Was ist Weissee dort am grünen Walde?) Нодье, передавая первый стихъ, совсѣмъ исказилъ смыслъ. Онъ уже говоритъ: „Что бѣлѣется въ *зеленой равнинѣ*“? Мериме, замѣтивъ промахъ соотечественника, исправляетъ его, но не вполнѣ основательно. По его мнѣнію, стихъ сербской пѣсни: Sto se bjena gorie selenoi? — долженъ быть переведенъ: „Что это бѣлое на зеленой горѣ“. Толкованію Мериме послѣдовалъ и Пушкинъ въ своемъ опытѣ переложенія сербской эпопеи, но *гора* по-сербски означаетъ возвышенное мѣсто, *покрытое лѣсомъ*? Такимъ образомъ Гёте и абб. Фортисъ были правы, и вотъ почему Востоковъ, подобно имъ, передалъ первый стихъ пѣсни такъ: „Что бѣлѣется у *рощи у зеленыя*“?

башмаки, шитые золотомъ, дочерямъ пестрыя платья, а малюткѣ, что былъ еще въ зыбкѣ, шлетъ она рубашечку. Все видѣлъ украдкою Ассанъ-Ага; онъ зоветъ обоихъ сыновей своихъ. „Идите ко мнѣ, сироты мои"! говоритъ онъ имъ: „оставте мать бозсердечную, что покидаетъ васъ"! Поблѣднѣла бѣдная мать; ударилась она о земь головою и тутъ же перестала жить съ горя, что видитъ дѣтей своихъ сиротами.

Къ сожалѣнію, Пушкинъ не окончилъ эту пѣсню, замѣчательную по тонкому изображенію чувства.

Чтô бѣлѣется на горѣ зеленой?
Снѣгъ ли то, али лебеди бѣлы?
Былъ бы снѣгъ—онъ давно бы растаялъ,
Были бъ лебеди—они бъ улетѣли:
То не снѣгъ и не лебеди бѣлы,
А шатеръ Аги Ассанъ-Аги:
Онъ лежитъ въ немъ весь израненъ.
Посѣтили его сестра и матерь;
Его люба не пришла, застыдилась.
Какъ ему отъ боли стало легче,
Приказалъ онъ своей вѣрной любѣ:
Ты не жди меня въ моемъ бѣломъ домѣ,
Въ бѣломъ домѣ—ни во всемъ моемъ родѣ...

---

4. Пѣсня о Георгіи Черномъ*).

Эта и слѣдующая пѣсня о Милошѣ, имѣющія предметомъ событія новой исторіи сербовъ, по мнѣнію Анненкова (1855) „принадлежатъ самому Пушкину безраздѣльно".

Еще на югѣ Пушкинъ ознакомился съ судьбою Кара-Георгія (или Георгія Чернаго). Въ стихотвореніи къ его дочери Пушкинъ называетъ его „чудеснымъ ея отцомъ, преступникомъ и героемъ, достойнымъ и ужаса людей, и славы" (см. т. I, № 57).

Въ „Пѣснѣ о Георгіи Черномъ" изображается одно изъ преступленій „сумрачнаго, ужаснаго до конца" сербскаго воителя. Въ сжатыхъ словахъ пѣсни, доведенной Пушкинымъ до простоты неподражаемой, разсказъ производитъ потрясающее впечатлѣніе.

Не два волка въ оврагѣ грызутся—
Отецъ съ сыномъ въ пещерѣ бранятся.
Старый Петро сына укоряетъ:
„Бунтовщикъ ты, злодѣй проклятый!
Не боишься ты Господа Бога:

а на (Изд. Общ. л. п. л. и у. 1887, гдѣ исправленный текстъ напеч. впервые).

*) Георгій Черный, или Кара-Георгій былъ вождемъ сербовъ съ 1804 по 1813 г. Онъ родился между 1750—1760 г. и убитъ измѣннически въ 1817 г. (Пр. Пушк.). О немъ подробнѣе см. вступ. зам. къ № 57 въ I-мъ томѣ.

Гдѣ тебѣ съ султаномъ тягаться,
Воевать съ бѣлградскимъ пашою!
Аль о двухъ головахъ ты родился!
Пропадай ты себѣ окаянный,
Да зачѣмъ ты всю Сербію губишь?"
Отвѣчаетъ Георгій угрюмо:
„Изъ ума, старикъ, видно выжилъ,
Коли лаешь безумныя рѣчи".
Старый Петро пуще осердился,
Пуще онъ бранится, бушуетъ.
Хочетъ отправиться въ Бѣлградъ,
Туркамъ выдать ослушнаго сына,
Объявить убѣжище сербовъ.
Онъ изъ темной пещеры выходитъ;
Георгій старика догоняетъ;
„Воротися, отецъ, воротися!
Отпусти мнѣ невольное слово".
Старый Петро не слушатъ, грозится:
„Вотъ ужо, разбойникъ, тебѣ будетъ"!
Сынъ ему впередъ забѣгаетъ,
Старику кланяется въ ноги.
Не взглянулъ на сына старый Петро,
Догоняетъ вновь его Георгій
И хватаетъ за сивую косу.
„Воротись ради Господа Бога:
Не введи меня ты въ искушенье!"
Отпихнулъ старикъ его сердито,
И пошелъ по бѣлградской дорогѣ.
Горько, горько Георгій заплакалъ;
Пистолетъ изъ-за пояса вынулъ,
Взвелъ курокъ, да и выстрѣлилъ тутъ же.
Закричалъ Петро, зашатавшись:
„Помоги мнѣ, Георгій, я раненъ!"
И упалъ на дорогу бездыханенъ.
Сынъ бѣгомъ въ пещеру воротился;
Его мать вышла ему навстрѣчу.
„Что, Георгій, куда дѣлся Петро?"
Отвѣчаетъ Георгій сурово.
„За обѣдомъ старикъ пьянъ напился
И заснулъ на бѣлградской дорогѣ". *)
Догадалась она, завопила:
„Будь же Богомъ проклятъ ты, черный,
Коль убилъ ты отца родного!"
Съ той поры Георгій Петровичъ
У людей прозывается Черный.

---

*) По другому преданію Георгій сказалъ товарищамъ: старикъ мой умеръ; возьмите его съ дороги (Пр. Пушк.).

5. Воевода Милошъ.

Надъ Сербіей смилуйся Ты, Боже!
Заѣдаютъ насъ волки-янычары!
Безъ вины намъ головы рѣжутъ,
Нашихъ женъ обижаютъ, позорятъ,
Сыновей въ неволю забираютъ,
Красныхъ дѣвокъ заставляютъ въ насмѣшку
Распѣвать зазорныя пѣсни
И плясать басурманскія пляски.
Старики даже съ нами согласны:
Унимать насъ они перестали—
Ужъ и имъ нестерпимо насилье.
Гусляры насъ въ глаза укоряютъ:
„Долго ль вамъ мирволить янычарамъ?
Долго ль вамъ терпѣть оплеухи?
Или вы ужъ не сербы—цыганы?
Или вы не мужчины—старухи?
Вы бросайте ваши бѣлые домы,
Уходите въ Велійское ущелье—
Тамъ гроза готовится на турокъ,
Тамъ дружину свою собираетъ
Старый сербинъ, воевода Милошъ“.

6. Янышъ-королевичъ *).

Содержаніемъ этой пѣсни служитъ народное сказаніе, на этотъ разъ—чешское. Въ основу его положенъ сюжетъ, давшій Пушкину идею его неоконченной драмы „Русалка“.

Полюбилъ королевичъ Янышъ
Молодую красавицу Елицу;
Любитъ онъ ее два красныя лѣта,
Въ третье лѣто вздумалъ онъ жениться
На Любусѣ, чешской королевнѣ.
Съ прежней любой идетъ онъ проститься.
Ей приноситъ съ червонцами чересъ [1])
Да гремучія серьги золотыя,
Да жемчужное тройное ожерелье;
Самъ ей вдѣлъ онъ серьги золотыя,

*) Пѣсня о Янышѣ-Королевичѣ въ подлинникѣ очень длинна и раздѣляется на нѣсколько частей. Я перевелъ первую, и то не всю. (Пр. Пушк.).

1) Чересъ — длинный кошель, рукавъ, въ которомъ носятъ деньги, опоясываясь подъ одеждой.

Навязалъ на шею ожерелье;
Далъ ей въ руки съ червонцами черсъ,
Въ обѣ щеки поцѣловалъ молча
И поѣхалъ своею дорогой.
Такъ одна осталася Елица,
Деньги на земь она пометала,
Изъ ушей выдернула серьги,
Ожерелье на-двое разорвала,
А сама кинулась въ Мораву.
Тамъ на днѣ молодая Елица,
Водяною царицей очнулась,
И родила маленькую дочку,
И ее нарекла Водяницей.

Вотъ проходитъ три года и болѣ.
Королевичъ ѣздитъ на охотѣ,
Ѣздитъ онъ по берегу Моравы.
Захотѣлъ онъ коня воронова
Напоить студеною водою.
Но лишь только запѣненную морду
Сунулъ конь въ студеную воду,
Изъ воды вдругъ высунулась ручка:
Хвать коня за узду золотую!
Конь отдернулъ голову въ испугѣ,
На уздѣ виситъ Водяница,
Какъ на удѣ пойманная рыбка.
Конь кружится по чистому лугу,
Потрясая уздой золотою,
Но стряхнуть Водяницы не можетъ.
Чуть въ сѣдлѣ усидѣлъ королевичъ,
Чуть сдержалъ коня воронова,
Осадивъ могучею рукою.
На траву Водяница прыгнула.
Говоритъ ей Янышъ-королевичъ:
„Разскажи, какое ты творенье:
Женщина ль тебя породила,
Иль Богомъ проклятая Вила?“
Отвѣчаетъ ему Водяница:
„Родила меня молодая Елица,
Мой отецъ Янышъ-королевичъ,
А зовутъ меня Водяницей“.
Королевичъ при такомъ отвѣтѣ
Соскочилъ съ коня воронова,
Обнялъ дочь свою Водяницу
И, слезами заливаясь, молвилъ:
„Гдѣ, скажи, твоя мать—Елица?
Я слыхалъ, что она потонула“.
Отвѣчаетъ ему Водяница:
„Мать моя—царица водяная;

Она властвуетъ надъ всѣми рѣками,
Надъ рѣками и надъ озерами;
Лишь не властвуетъ она синимъ моремъ:
Синимъ моремъ властвуетъ Дивъ-Рыба".
Водяницѣ молвилъ королевичъ:
„Такъ иди же къ водяной царицѣ
И скажи ей: Янышъ-королевичъ
Ей поклонъ усердный посылаетъ,
И у ней свиданья проситъ
На зеленомъ берегу Моравы.
Завтра я заѣду за отвѣтомъ".
Они послѣ того разстались.

Рано утромъ, чуть заря зардѣлась,
Королевичъ надъ рѣкою ходитъ:
Вдругъ изъ рѣчки, по бѣлыя груди,
Поднялась царица водяная
И сказала: „Янышъ-королевичъ!
У меня свиданія просилъ ты:
Говори, чего еще ты хочешь?"
Какъ увидѣлъ онъ свою Елицу,
Разгорѣлись снова въ немъ желанья,
Сталъ манить ее къ себѣ на берегъ.
„Люба ты моя, млада Елица,
Выдь ко мнѣ на зеленый берегъ,
Поцѣлуй меня попрежнему сладко.
Попрежнему полюблю тебя крѣпко".
Королевичу Елица не внимаетъ,
Не внимаетъ, головою киваетъ:
„Нѣтъ не выйду, Янышъ-королевичъ,
Я къ тебѣ на зеленый берегъ;
Слаще прежняго намъ не цѣловаться,
Крѣпче прежняго меня не полюбишь.
Разскажи-ка мнѣ лучше хорошенько,
Каково, счастливо ль поживаешь
Съ новой любой, съ молодой женою?"
Отвѣчаетъ Янышъ-королевичъ:
„Противъ солнышка луна не пригрѣетъ,
Противъ милой жена не утѣшитъ".

б) ПЕРЕВОДЫ ИЗЪ МЕРИМЕ ВЪ ФОРМѢ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ.

1. Видѣніе короля [1]).

Историческое примѣчаніе, приложенное Пушкинымъ къ этой пѣснѣ, есть сокращеніе примѣчанія Мериме къ другой піесѣ „Смерть Ѳомы II"; прочія примѣчанія извлечены изъ примѣчаній Мериме къ „Видѣнію Ѳомы II", La vision de Thomas II, roi de Bosnie. Вотъ точный переводъ текста Мериме:

---

[1]) La vision de Thomas II, roi de Bosnie.

1.

Le roi Étienne-Thomas se promène dans sa chambre; il se promène à grands pas, tandis que les soldats dorment couchés sur leurs armes; mais lui, il ne peut dormir, car les infidèles assiègent sa ville, et Mahomet veut envoyer sa tête à la grande mosquée de Constantinople.

2.

Et souvent il se penche en dehors de la fenêtre pour écouter s'il n'entend point quelque bruit; mais la chouette seule pleure au-dessus de son palais, parce qu'elle prévoit que bientôt elle sera obligée de chercher une autre demeure pour ses petits.

3.

Ce n'est point la chouette qui cause ce bruit étrange, ce n'est point la lune qui éclaire ainsi les vitraux de l'église de Kloutch; mais dans l'église de Kloutch résonnent les tambours et les trompettes et les torches allumées ont changé la nuit en jour éclatant.

4.

Et autour du grand roi Étienne-Thomas dorment ses fidèles serviteurs, et nulle autre oreille que la sienne n'a entendu ce bruit effrayant; seul il sort de sa chambre, son sabre à la main, car il a vu que le ciel lui envoyait un avertissement de l'avenir.

5.

D'une main ferme il a ouvert la porte de l'église; mais, quand il vit ce qui était dans le choeur, son courage fut sur le point de l'abandonner; il a pris de sa main gauche une amullette d'une vertu éprouvée, et, plus tranquille alors, il entra dans la grande église de Kloutch.

6.

Et la vision qu'il y vit est bien étrange: le pavé de l'église était jonché de morts, et le sang coulait comme les torrents qui descendent, en automne, dans les vallées du Prologh; et, pour avancer dans l'église, il était obligé d'enjamber des cadavres et de s'enfoncer dans le sang jusqu'à la cheville.

7.

Et ces cadavres étaient ceux de ces fidèles serviteurs, et ce sang était le sang des chrétiens. Une sueur froide coulait le long de son dos, et ses dents s'entrechoquaient d'horreur. Au milieu du choeur, il vit des Turcs et Tartares armés avec les Bogoumili, ces renégats!

8.

Et près de l'autel profané, était Mahomet au mauvais oeil, et son sabre était rougi jusqu'à la garde, devant lui était Thomas I-er, qui fléchissait le genou et qui présentait sa couronne humblement à l'ennemi de la chrétienté.

9.

A genoux aussi était le traître Radivoï, un turban sur la tête; d'une main il tenait la corde dont il étrangla son père, et de l'autre il prenait la robe du vicaire de Satan, et il l'approchait de ses lèvres pour la baiser, ainsi que fait un esclave que vient d'être bâtonné.

10.

Et Mahomet daigna sourire, et il prit la couronne, puis il la brisa sous ses pieds, et il dit: „Radivoï, je te donne ma Bosnie à gouverner, et je veux que ces chiens te nomment leur beglier-bey". Et Radivoï se prosterna, et il baisa la terre inondée de sang.

11.

Et Mahomet appela son vizir: „Vizir, que l'on donne un caftan à Radivoï. Le caftan qu'il portera sera plus précieux que le brocart de Venise; car c'est de la peau d'Étienne-Thomas, écorché, que son frère va se revêtir". Et le vizir répondit: „Entendre c'est obéir".

12.

Et le bon roi Êtienne-Thomas sentit les mains des mécréants déchirer ses habits, et leurs yatagans fendaient sa peau, et de leurs doigts et de leurs dents ils tiraient cette peau, et ainsi ils la lui ôtèrent jusqu'aux ongles des pieds; et de cette peau Radivoï se revêtit avec joie.

ВИДѢНІЕ ѲОМЫ II, КОРОЛЯ БОСНІИ.

1.

Король Стефанъ-Ѳома ходитъ по своей комнатѣ; онъ ходитъ большими шагами, тогда какъ солдаты спятъ, лежа на своемъ оружіи; но онъ, онъ не можетъ спать, ибо невѣрные осаждаютъ его городъ, и Магометъ хочетъ послать его голову въ великую константинопольскую мечеть.

2.

И часто онъ вывѣшивается изъ окна, чтобы послушать, не услышитъ ли какого шума; но одна только сова плачетъ надъ его дворцомъ, потому что она предвидитъ, что скоро должна будетъ искать другого жилища для своихъ малютокъ.

3.

Не сова производитъ этотъ странный звукъ; не луна освѣщаетъ такъ стекла церкви Ключа (города); но въ церкви Ключа раздаются барабаны и трубы, и зажженныя свѣчи обратили ночь въ яркій день.

4.

А вокругъ великаго короля Стефана-Ѳомы спятъ его вѣрны слуги, и ничей слухъ, кромѣ его, не слышитъ этого ужаснаго шума; одинъ онъ выходитъ изъ своей комнаты, съ саблей въ рукахъ, ибо онъ увидѣлъ, что небо ниспосылало ему предвѣстіе будущаго.

5.

Твердою рукой онъ отворяетъ дверь храма; но когда онъ увидѣлъ, что было на клиросѣ, мужество готово было его покинуть; онъ взялъ лѣвой рукой амулетъ испытанной силы, и тогда болѣе покойный вошелъ въ великій храмъ Ключа.

6.

И видѣніе, которое онъ тамъ увидѣлъ, неимовѣрно: полъ храма былъ устланъ мертвыми, и кровь текла, какъ потоки, спускавшіеся осенью въ долины Пролога; и чтобы пройти по церкви, онъ долженъ былъ шагать черезъ трупы и ступать въ крови по щиколку.

13.

Alors Étienne-Thomas s'écria: „Tu es juste, mon Dieu! tu punis un fils parricide; de mon corps dispose à ton gré; mais daigne prendre pitié de mon âme, ô divin Jésus!“ A ce nom, l'église a tremblé; les fantômes s'évanouirent et les flambeaux s'éteignirent tout d'un coup.

14.

Avez-vous vu une étoile brillante parcourir le ciel d'un vol rapide, éclairant la terre au loin? Bientôt ce brillant météore disparaît dans la nuit, et les ténèbres reviennent plus sombres qu'auparavant: telle disparut la vision d'Etienne-Thomas.

15.

A tâtons il regagna la porte de l'église; l'air était pur et la lune dorait les toits d'alentour. Tout était calme, et le roi aurait pu croire que la paix régnait encore dans Kloutch, quand une bombe lancée par le mécréant vint tomber devant lui et donna le signal de l'assaut.

7.

И то были трупы его вѣрныхъ слугъ, и кровь эта была кровь христіанъ. Холодный потъ катился по спинѣ его, и зубы его стучали отъ ужаса. По срединѣ клироса онъ увидѣлъ турокъ и татаръ, вооруженныхъ съ отступниками богомилами.

8.

И возлѣ оскверненнаго алтаря стоялъ Магометъ съ дурнымъ глазомъ, и сабля его была красна до рукояти; передъ нимъ—Ѳома, склонявшій колѣна и униженно подававшій вѣнецъ свой врагу христіанства.

9.

На колѣнахъ же былъ и предатель Радивой съ чалмой на головѣ; одной рукой держалъ онъ веревку, которой удавилъ отца своего, а другой онъ хватался за одежду намѣстника Сатаны и подносилъ ее къ устамъ своимъ, чтобы облобызать ее, какъ то дѣлаетъ рабъ, только что наказанный палками.

10.

И Магометъ соизволилъ улыбнуться, и взялъ онъ вѣнецъ, потомъ растопталъ его ногами и сказалъ: „Радивой, даю тебѣ мою Боснію въ управленіе и хочу, чтобы эти собаки называли тебя своимъ Бегліербеемъ (владыкой владыкъ). И Радивой палъ ницъ и поцѣловалъ полъ, залитый кровью.

11.

И Магометъ позвалъ визиря своего: „Визирь, пусть дадутъ кафтанъ Радивою. Кафтанъ, который онъ будетъ носить, будетъ драгоцѣннѣе венеціанской парчи, ибо братъ его одѣнется въ кожу, содранную со Стефана-Ѳомы“. И визирь отвѣчалъ: „Услышать значитъ повиноваться“.

12.

И добрый царь Стефанъ-Ѳома почувствовалъ, какъ руки невѣрныхъ рвали его одежду и какъ ихъ ятаганы разсѣкли его кожу, и какъ пальцами и зубами они стаскивали эту кожу. И такъ они сняли ее до ногтей ножныхъ пальцевъ, и этой кожей одѣлся Радивой съ радостію.

13.

Тогда Стефанъ-Ѳома воскликнулъ: „Правосуденъ ты, Господи! ты наказуешь сына-отцеубійцу; тѣломъ моимъ располагай, какъ тебѣ угодно; но смилуйся надъ душой моей, о Божественный Іисусе!“ При этомъ имени храмъ дрогнулъ; призраки исчезли, и свѣчи вдругъ погасли.

14.

Видѣли ли вы, какъ блестящая звѣзда пробѣгаетъ по небу быстрымъ полетомъ, освѣщая далекую землю? Скоро блестящій метеоръ этотъ пропадаетъ въ ночи, и мракъ возвращается еще темнѣе прежняго: такъ пропало видѣніе Стефана-Ѳомы.

15.

Ощупью онъ дошелъ до выхода изъ храма; воздухъ былъ чистъ, и кругомъ луна золотила крыши. Все было тихо, и король могъ бы подумать, что еще царствовалъ миръ въ Ключѣ,—какъ бомба, пущенная невѣрнымъ упала передъ нимъ и подала сигналъ къ приступу.

Важнѣйшее отступленіе Пушкина отъ подлинника—исключеніе сравненія въ его строфѣ 14-й. Онъ почувствовалъ, что подобное сравненіе неумѣстно въ народной пѣснѣ.

Другое отступленіе состоитъ также въ упрощеніи подлинника. „Пушкинъ", замѣчаетъ Анненковъ (1855)", встрѣчаетъ при описаніи ужаса короля, отправляющагося ночью въ Божію церковь, фразу: „тогда онъ взялъ лѣвой рукою амулетъ испытаннаго свойства и уже спокойнѣе вошелъ въ большую церковь Ключа-города". Этотъ амулетъ есть черта нравовъ, вычитанная въ путешествіи Фортиса и довольно хитро введенная въ разсказъ, но Пушкинъ минуетъ ее, замѣщая другой, совершенно народной подробностью („но великую творитъ онъ молитву").

---

*). Король ходитъ большими шагами
Взадъ и впередъ по палатамъ;
Люди спятъ—королю лишь не спится:
Короля султанъ осаждаетъ,
Голову отсѣчь ему грозится
И въ Стамбулъ отослать ее хочетъ.

Часто онъ подходитъ къ окошку:
Не услышитъ ли какого шума?
Слышитъ, воетъ ночная птица:
Она чуетъ бѣду неминучу;
Скоро ей искать новой кровли
Для своихъ птенцовъ горемычныхъ.

Не сова воетъ въ Ключѣ-градѣ,
Не луна ключъ-городъ озаряетъ,
Въ церкви Божіей гремятъ барабаны,
Вся свѣчами озарена церковь.

Но никто барабановъ не слышитъ.
Никто свѣта въ церкви Божіей не видитъ,
Лишь король то слышалъ и видѣлъ;
Изъ палатъ своихъ онъ выходитъ
И идетъ одинъ въ Божію церковь.

Сталъ на паперти, дверь отворяетъ...
Ужасомъ въ немъ замерло сердце;
Но великую творитъ онъ молитву,
И спокойно въ церковь Божію входитъ.

---

*) Ѳома былъ тайно умерщвленъ своими двумя сыновьями, Стефаномъ и Радивоемъ въ 1460 году. Стефанъ ему наслѣдовалъ. Радивой, негодуя на брата за похищеніе власти, разгласилъ ужасную тайну и бѣжалъ въ Турцію къ Магомету II. Стефанъ, по внушенію папскаго легата, рѣшился воевать съ турками. Онъ былъ побѣжденъ и бѣжалъ въ Ключъ-городъ, гдѣ Магометъ осадилъ его. Захваченный въ плѣнъ, онъ не согласился принять магометанскую вѣру, и съ него содрали кожу. (Пр. Пушк.).

Тутъ онъ видитъ чудное видѣнье:
На помостѣ валяются трупы,
Между ними хлещетъ кровь ручьями,
Какъ потоки осени дождливой.
Онъ идетъ, шагая черезъ трупы;
Кровь по щиколку *) ему досягаетъ...

Горе! въ церкви турки и татары,
И предатели враги богумилы **)
На амвонѣ самъ султанъ безбожный;
Держитъ онъ наголо саблю;
Кровь по саблѣ свѣжая струится
Съ вострія до самой рукояти.

Короля внезапный обнялъ холодъ:
Тутъ же видитъ онъ отца и брата.
Предъ султаномъ старикъ бѣдный справа,
Униженно стоя на колѣнахъ,
Подаетъ ему свою корону;
Слѣва, также стоя на колѣнахъ,
Его сынъ, Радивой окаянный,
Басурманскою чалмою покрытый,
(Съ тою самою веревкою, которой
Удавилъ онъ несчастнаго старца),
Край полы у султана цѣлуетъ,
Какъ холопъ, наказанный фалангой ***).

И султанъ безбожный, усмѣхаясь,
Взялъ корону, растопталъ ногами,
И промолвилъ потомъ Радивою:
„Будь надъ Босніей моей ты властелиномъ,
Для гяуръ-христіанъ беглербеемъ“ *).
И отступникъ билъ челомъ султану,
Трижды полъ окровавленный цѣлуя.

И султанъ прислужниковъ кликнулъ
И сказалъ: „Дать кафтанъ Радивою! **)
Не бархатный кафтанъ, не парчевый,
А содрать на кафтанъ Радивоя
Кожу съ брата его родного“.
Басурмане на короля наскочили,
До нага всего раздѣли,

---

*) Щиколодка — по московскому нарѣчію, щиколка. (Пр. Пушк.).
**) Такъ называютъ себя нѣкоторые иллирійскіе раскольники. (Пр. Пушк.).
***) Фаланга — палочные удары по пятамъ. (Пр. Пушк.).
*) Радивой никогда не имѣлъ этого сана, и всѣ члены королевскаго семейства истреблены были султаномъ.
**) Кафтанъ — обыкновенный подарокъ султановъ. (Пр. Пушк.).

Ятаганомъ ему кожу вспороли,
Стали драть руками и зубами,
Обнажили и мясо и жилы,
И до самыхъ костей ободрали,
И одѣли кожею Радивоя.

Громко мученикъ Господу взмолился:
Правъ ты, Боже, меня наказуя!
Плоть мою предай на разстезанье,
Лишь помилуй мнѣ душу, Іисусе!"

При семъ имени церковь задрожала,
Все внезапно утихло, померкло,
Все исчезло—будто не бывало,

И король ощупью въ потемкахъ
Кое-какъ до двери добрался,
И съ молитвою на улицу вышелъ.

Было тихо. Съ высокаго неба
Городъ бѣлый луна озаряла.
Вдругъ взвилась изъ-за города бомба ***),
И пошли бусурманы на приступъ.

---

8. Янко Марнавичъ.

Это—переводъ пiесы Мериме: La flamme de Perrussich [1]). Вотъ точный переводъ ея:

***) Анахронизмъ. (Пр. Пушк.).

---

[1]) La flamme de Perrussich.

1.

Pourquoi le bey Janco Marnavich n'est-il jamais dans son pays? Pourquoi voyage-t-il dans les âpres montagnes du Vorgoraz, ne couchant jamais deux nuits sous le même toit? Ses ennemis le poursuivent-ils et ont-ils juré que le prix du sang ne serait jamais reçu?

2.

Non. Le bey Janco est riche et puissant. Personne n'oserait se dire son ennemi car à sa voix plus de deux cents sabres sortiraient du fourreau. Mais il cherche les lieux déserts et se plaît dans les cavernes qu'habitent les heiduques, car son cœur est livré à la tristesse depuis que son pobratime est mort.

3.

Cyrille Pervan est mort au milieu d'une fête. L'eau-de-vie à coulé à grands flots, et les hommes sont devenus fous. Une dispute s'est élevée entre deux beys de renom, et le bey Janco Marnavich a tiré son pistolet sur son ennemi; mais l'eau-de-vie a fait trembler sa main, et il a tué son pobratime Cyrille Pervan.

4.

Dans l'église de Perrussich ils s'étaient juré de vivre et de mourir ensemble; mais, deux mois après ce serment juré, l'un des pobratimes est mort par la main de son frère. Le bey Janco depuis ce jour ne boit plus de vin ni d'eau-de-vie; il ne mange que des racines, et il court ça et là comme un boeuf effrayé du taon.

5.

Enfin, il est revenu dans son pays et il est entré dans l'église de Perrussich: là, pendant tout un jour, il a prié, étendu, les bras en croix sur le pavé, et versant des larmes amères. Mais, quand la nuit est venue, il est retourné dans sa maison, et il semblait plus calme; et il a soupé, servi par sa femme et ses enfants.

ОГОНЬ ВЪ ПЕРРУССИЧѢ.

1.

Почему бей Янко Марнавичъ никогда не бываетъ на своей родинѣ? Почему странствуетъ онъ въ суровыхъ горахъ Воргораца, никогда не ночуя двухъ ночей подъ одною кровлей? Враги ли его преслѣдуютъ, или поклялись они, что цѣна крови никогда не вознаградится?

2.

Нѣтъ. Бей Янко богатъ и могучъ. Никто не посмѣлъ бы назваться его врагомъ, ибо на его голосъ болѣе двухсотъ саблей вынутся изъ ноженъ. Но онъ ищетъ пустынныхъ мѣстъ и любитъ пещеры, гдѣ живутъ гайдуки, потому что сердце его предалось тоскѣ съ тѣхъ поръ, какъ умеръ его братъ названый.

3.

Кириллъ Перванъ погибъ среди праздника. Водка лилась ручьями, и люди обезумѣли. Поднялась ссора между двумя славными беями, и бей Янко Марнавичъ выстрѣлилъ изъ пистолета въ врага своего; но отъ водки дрогнула рука его, и онъ убилъ своего названаго брата Кирилла Первана.

4.

Въ храмѣ Перруссича они поклялись жить и умереть вмѣстѣ; но чрезъ два мѣсяца послѣ этой клятвы одинъ изъ побратавшихся погибъ отъ руки брата своего. Бей Янко съ этого дня не пьетъ болѣе ни вина, ни водки; ѣстъ онъ одни коренья и мечется туда и сюда, какъ быкъ, испуганный слѣпнемъ.

5.

Наконецъ онъ вернулся на родину и вошелъ въ храмъ Перруссича: тамъ цѣлый день онъ молился, простертый на полу, скрестивъ руки и проливая горькія слезы. Но когда пришла ночь, онъ вернулся въ домъ свой, и казался покойнѣе; и онъ поужиналъ; жена и дѣти ему прислуживали.

6.

И когда легъ, то позвалъ жену и сказалъ ей: „Можешь ли ты съ горы Пристега видѣть храмъ Перруссича?“ И она посмотрѣла въ окно и сказала: „Морполацца покрыта туманомъ, и я ничего не вижу на той сторонѣ“. И бей

6.

Et quand il se fut couché, il appela sa femme et lui dit: „De la montagne de Pristeg, peux-tu voir l'église de Perrussich?“ Et elle regarda par la fenêtre et dit: „La Morpolazza est couverte de brouillard, et je ne puis rien voir de l'autre côté“. Et le bey Janco dit: „Bien, recouche-toi près de moi“. Et il pria dans son lit pour l'âme de Cyrille Pervan.

7.

Et quand il eut prié, il dit à sa femme: „Ouvre la fenêtre et regarde de côté de Perrussich“. Aussitôt sa femme c'est levée et elle dit: „De l'autre côté de la Morpolazza, au milieu du brouillard, je voie une lumière pâle et tremblotante“. Alors le bey a souri, et il dit: „Bien, recouche toi“. Et il prit son chapelet et il se remit à prier.

8.

Quand il eut dit son chapelet, il appela sa femme et lui dit: „Prascovie, ouvre encore la fenêtre et regarde“. Et elle se leva et dit: „Seigneur, je vois au milieu de la rivière une lumière brillante qui chemine rapidement de ce côté“. Alors elle entendit un grand soupir et quelque chose qui tombait sur le plancher. Le bey Janco était mort.

Янко сказалъ: „Хорошо, ложись подлѣ меня". И онъ помолился на ложѣ своемъ за душу Кирилла Первана.

7.

И когда онъ помолился, то сказалъ женѣ своей: „Открой окно и посмотри въ сторону Перруссича". Тотчасъ же поднялась жена его и сказала: „По ту сторону Морполаццо, въ туманѣ, я вижу блѣдный и дрожащій свѣтъ". Тогда бей улыбнулся и сказалъ: „Хорошо, ложись опять". И бей Янко сказалъ: „хорошо, ложись опять подлѣ меня". И онъ взялъ свои четки и принялся вновь молиться.

8.

Когда онъ перебралъ всѣ четки, онъ вновь позвалъ жену свою и сказалъ ей: „Прасковья, открой-ка еще разъ окно и посмотри". И она встала и сказала: „Господинъ, я вижу посреди рѣки яркій свѣтъ, который быстро приближается въ нашу сторону". Тогда она услыхала глубокій вздохъ и что-то падающее на полъ. Бей Янко былъ мертвъ".

Мериме къ этой пѣснѣ присоединяетъ объясненіе: „Повѣрье, что синеватое пламя носится вокругъ могилъ и свидѣтельствуетъ о присутствіи души покойника, существуетъ у многихъ народовъ, и въ особенности у иллирійцевъ".

При передачѣ и этой пѣсни Пушкинъ уничтожилъ всѣ черты, чуждыя обычаямъ православныхъ: срещиваніе рукъ при молитвѣ, употребленіе четокъ въ свѣтскомъ быту. Сравниваніе Кирилла съ воломъ измѣнено: тонъ его нѣсколько поднятъ (см. стихъ 24).

Что въ разъѣздахъ бей Янко Марнавичъ?
Что ему дома не сидится?
Отчего двухъ ночей онъ сряду
Подъ одною кровлей не ночуетъ?
Али недруги его могучи?
Аль боится онъ кровомщенья?

Не боится бей Янко Марнавичъ
Ни враговъ своихъ, ни кровомщенья,
Но онъ бродитъ, какъ гайдукъ бездомный,
Съ той поры, какъ Кирила умеръ.

Въ церкви Спаса они братовались [1]),
И были по Богу братья;
Но Кирила несчастливый умеръ
Отъ руки имъ избраннаго брата.

Веселое было пированье,
Много пили меду и горѣлки;
Охмелѣли, обезумѣли гости,
Два могучіе беи побранились.

---

*) Трогательный обычай братованія у сербовъ и другихъ западныхъ славянъ освящается духовными обрядами. (Пр. Пушк.).

Янко выстрѣлилъ изъ своего пистоля,
Но рука его пьяная дрожала.
Въ супротивника своего не попалъ онъ,
А попалъ онъ въ своего друга.
Съ того времени онъ, тоскуя, бродитъ,
Словно волъ, ужаленный зміею.

Наконецъ онъ на родину воротился,
И вошелъ въ церковь святаго Спаса.
Тамъ день цѣлый онъ молился Богу,
Горько плача и жалостно рыдая.
Ночью онъ пришелъ къ себѣ на домъ,
И отужиналъ со своей семьею,
Потомъ легъ и женѣ своей молвилъ:
„Посмотри, жена, ты въ окошко.
Видишь ли церковь Спаса отселѣ"?
Жена встала, въ окошко поглядѣла,
И сказала: „На дворѣ полночь,
За рѣкою густые туманы,
За туманомъ ничего не видно".
Повернулся Янко Марнавичъ
И тихонько сталъ читать молитву.

Помолившись, онъ опять ей молвилъ:
„Посмоти, что ты видишь въ окошко?"
И жена, поглядѣвъ, отвѣчала:
„Вижу, вонъ, малый огонечекъ
Чуть-чуть брежжетъ въ темнотѣ за рѣкою".
Улыбнулся Янко Марнавичъ,
И опять сталъ тихонько молиться.

Помолясь, онъ опять женѣ молвилъ:
„Отвори-ка, женка, ты окошко:
Посмотри, что тамъ еще видно"?
И жена, поглядѣвъ, отвѣчала:
Вижу я на рѣкѣ сіянье,
Близится оно къ нашему дому".
Бей вздохнулъ, и съ постели свалился,
Тутъ и смерть ему приключилась.

---

9. Битва у Зеницы Великой *).

Это—переводъ пѣсни Мериме того же названія. Примѣчанія къ ней также взяты Пушкинымъ изъ Мериме.

*) Неизвѣстно, къ какому происшествію относится эта пѣсня. (Пр. Пушк.).

БОЙ У ЗЕНИЦЫ ВЕЛИКОЙ [1]).

„Великій бей Радивой повелъ за собой храбрыхъ, чтобы дать битву невѣрнымъ. Когда далматы увидѣли наши знамена желтаго шелка, они закрутили свои усы, надѣли шапки набекрень и сказали: „Мы тоже хотимъ убивать басурмановъ, и мы принесемъ ихъ головы на свою родину". Бей Радивой отвѣчалъ: „Съ Богомъ!" Тотчасъ же мы перешли Цеттину и сожгли всѣ города и всѣ деревни этихъ обрѣзанныхъ собакъ; а когда мы встрѣчали жидовъ, то вѣшали ихъ на деревьяхъ. Беглербей отправился изъ Банялуки съ 2 тысячами босняковъ, чтобы вступить съ нами въ битву; но какъ только заблистали на солнцѣ ихъ кривыя сабли, какъ только заржали ихъ кони на холмѣ Зеницы-Великой, далматы, эти презрѣнные трусы, обратились въ бѣгство и насъ покинули. Тогда мы собрались въ кругъ и окружили великаго бея Радивоя. „Господинъ, мы васъ не покинемъ, какъ эти трусы; но съ помощію Бога и св. Дѣвы мы возвратимся на родину и разскажемъ объ этой великой битвѣ нашимъ дѣтямъ". Потомъ мы разбили наши ножны. Каждый человѣкъ въ нашемъ войскѣ стоилъ десятерыхъ, и наши сабли заалѣлись отъ острія до рукоятки. Но когда мы готовились перейти Цеттину, селиктаръ (меченосецъ) Мехметъ обрушился на насъ съ тысячью всадниковъ. „Молодцы", сказалъ бей Радиво: „собаки эти слишкомъ многочисленны, и мы не можемъ спастись отъ нихъ. Пусть тѣ, кто не ранены, постараются достигнуть лѣса; такъ спасутся они отъ всадниковъ селиктара". Когда онъ кончилъ эти слова, то остался лишь съ 20 людьми, но всѣ они были его родные; и пока они были живы, они защищали бея, своего начальника. Когда 19 были убиты, Ѳома, самый младшій сказалъ бею: „Садись на этого коня бѣлаго, какъ снѣгъ; онъ пере-

---

[1]) Le combat de Zenitza Velika.

Le grand bey Radivoï a mené les braves avec lui pour livrer bataille aux infidèles. Quand les Dalmates ont vu nos étendards de soie jaune, ils ont relevé leurs moustaches, ils ont mis leurs bonnets sur l'oreille, et ils on dit: „Nous aussi nous voulons tuer des mécréants, et nous rapporterons leurs têtes dans notre pays". Le bey Radivoï répondit: „Dieu y ait part:" Aussitôt nous avons passé la Cettina et nous avons brûlé toutes les villes et tous les villages de ces chiens circoncis; et, quand nous trouvions des juifs, nous les pendions aux arbres. Le beglier-bey est parti de Banialouka avec deux mille Bosniaques pour nous livrer bataille; mais aussitôt que leurs sabres courbés ont brillé au soleil, aussitôt que leurs chevaux ont henni sur la colline de Zenitza-Velika, les Dalmates, ces misérables poltrons, ont pris la fuite et nous ont abandonnés. Alors nous nous sommes serrés en rond et nous avons environné le grand bey Radivoï. „Seigneur, nous ne vous quitterons pas comme ces lâches; mais, Dieu aidant et la sainte Vierge, nous rentrerons dans notre pays, et nous raconterons cette grande bataille à nos enfants". Puis nous avons brisé nos fourreaux. Chaque homme de notre armée en valait dix, et nos sabres étaient rougis depuis la pointe jusqu'à la garde. Mais, comme nous espérions repasser la Cettina, le selichtar Mehemet est venu fondre sur nous avec mille cavalliers „Braves gens, a dit le bey Radivoï, ces chiens sont trop nombreux, nous ne pourtrons leur échapper. Que ceux qui ne sont pas blessés tâchent de gagner les bois; ainsi ils échapperont aux cavaliers du selichtar". Lorsqu'il eut fini de parler, il se trouva avec vingt hommes seulement, mais tous, ses cousins; et tant qu'ils ont vécu, ils ont défendu le bey, leur chef. Quand dix-neuf eurent été tués, Thomas, le plus jeune, dit au bey: „Monte sur ce cheval blanc comme neige; il passera la Cettina et te ramènera au pays". Mais le bey a refusé de fuir, et il s'est assis par terre, les jambes croisées. Alors est venu le selichtar Mehemet qui lui a tranché la tête.

плыветъ Цеттину и доставитъ тебя на родину". Но бей отказался бѣжать, и сѣлъ на земь, окрестивъ ноги. Тогда подошелъ селиктаръ Мехметъ, который и отсѣкъ ему голову".

При переводѣ этой пѣсни Пушкинъ, вообще держась близко подлинника, исключилъ имя рѣки, замѣнилъ имя младшаго удальца изъ войска Радивоя и эпитетъ коня. Молитвенное восклицаніе и здѣсь соглашено съ обычнымъ русскимъ. Опущены военные обычаи, непривычные для русскаго читателя („разбили ножны"), ослаблена преувеличенная похвальба бойцовъ („каждый изъ насъ стоилъ десятерыхъ" — всякъ изъ насъ троихъ воиновъ стоилъ") и опущена длиннота въ описаніи боя 20 удальцовъ.

Радивой поднялъ желтое знамя:
Онъ идетъ войной на басурмана.
А далматы, завидя наше войско,
Свои длинные усы закрутили,
На-бекрень надѣли свои шапки
И сказали: „Возьмите насъ съ собою: *)
Мы хотимъ воевать басурмановъ".
Радивой дружелюбно ихъ принялъ
И сказалъ имъ: „Милости просимъ!"
Перешли мы заповѣдную рѣчку,
Стали жечь турецкія деревни,
А жидовъ на деревьяхъ вѣшать **).
Беглербей со своими бошняками
Противъ насъ пришелъ изъ Банялуки ***);
Но лишь только заржали ихъ кони,
И на солнцѣ ихъ кривыя сабли
Засверкали у Зеницы-Великой,
Разбѣжались измѣнники далматы;
Окружили мы тогда Радивоя
И сказали: „Господь Богъ поможетъ,
Мы домой воротимся съ тобою,
И разскажемъ эту битву нашимъ дѣтямъ".
Стали биться мы тогда жестоко:
Всякъ изъ насъ троихъ воиновъ стоилъ:
Кровью были покрыты наши сабли
Съ острія до самой рукоятки.
Но когда черезъ рѣчку стали
Тѣсной кучей мы переправляться,
Селихтаръ *) съ крыла на насъ ударилъ

---

*) Потеря сраженія приписывается далматамъ, ненавистнымъ для валаховъ. (Пр. Пушк.).

**) Жиды въ турецкихъ областяхъ суть вѣчные предметы гоненія и ненависти. Во время войны имъ доставалось отъ мусульманъ и христіанъ. Участь ихъ, замѣчаетъ В. Скоттъ, походитъ на участь летучей рыбы. Мериме. (Пр. Пушк.).

***) Банялука, прежняя столица Боснійскаго пашалыка. (Пр. Пушк.).

*) Селихтаръ — меченосецъ. (Пр. Пушк.).

Съ новымъ войскомъ, съ конницею свѣжей.
Радивой сказалъ тогда намъ: „Дѣти,
Слишкомъ много собакъ-басурмановъ,
Намъ управиться съ ними невозможно.
Кто не раненъ, въ лѣсъ бѣги скорѣе,
И спасайся тамъ отъ селихтара“.
Всѣхъ-то насъ осталось двадцать,
Всѣ друзья, родные Радивою,
Но и тутъ насъ пало девятнадцать.
Закричалъ Георгій Радивою:
„Ты садись, Радивой, поскорѣе
На коня моего вороного;
Черезъ рѣчку вплавь переправляйся,
Конь тебя изъ погибели вымчитъ“.
Радивой Георгія не послушалъ,
На земь сѣлъ, поджавъ подъ себя ноги.
Тутъ враги на него наскочили,
Отрубили голову Радивою.

---

10. Влахъ въ Венеціи *).

Именемъ *влахъ* Пушкинъ передаетъ имя *марлаковъ* (см. выше, ст. 240). Къ своему переводу онъ дѣлаетъ примѣчаніе объ украшенномъ переводѣ Мицкевича [1]).

*) Мицкевичъ перевелъ и украсилъ эту пѣсню (Пр. Пушк.).

[1]) Приводимъ для сравненія близкій переводъ Бенедиктова Мицкевичевой передѣлки. — Мицкевичъ помѣтилъ эту піесу, какъ взятую съ сербскаго.

Морлахъ въ Венеціи.

Когда я истратилъ послѣдній цехинъ
И былъ я обманутъ красоткою горской,
„Димитрій!“—сказалъ мнѣ изъ влаховъ одинъ,—
„Что грустенъ? Пойдемъ-ка мы въ городъ приморскій!
Красавицъ увидимъ въ его мы стѣнахъ,
А денегъ тамъ больше, чѣмъ камней въ горахъ.
„Въ шелку тамъ да въ золотѣ каждый солдатъ;
Пьютъ воины славно, живутъ молодцами.
Накормятъ тебя, напоятъ, наградятъ
И пустятъ домой — не съ пустыми руками;
Кинжалъ золотымъ ты прицѣпишь снуркомъ,
И курткой блеснешь съ золотымъ галуномъ,
„Въ село ли ты выйдешь? Замѣтятъ дружка́
Красотки — и къ окнамъ прихлынутъ толпами;
Ты пѣсенку только затянешь слегка —
Тѣ всю тебѣ шапку засыплютъ цвѣтами.
Димитрій! пойдемъ на суда! Поплывемъ!
Да тамъ поселимся—и какъ заживемъ!“
Глупецъ! Я повѣрилъ; родимый пріютъ
Оставилъ, и — горецъ — я втянутъ былъ адомъ
Въ корабль бѣлокаменный тотъ, что зовутъ
Венеціей: хлѣбъ отозвался мнѣ ядомъ;
Мнѣ душно; тамъ—дома—покинута мной
Свобода; здѣсь мучусь, какъ пёсъ я цѣпной.
Я — къ дѣвушкамъ краснымъ, а тѣ на-смѣшки́
Мой выговоръ тутъ поднимаютъ суровый.
Здѣсь даже и горцы—мои земляки—

Вотъ точный переводъ піесы Мериме:

МОРЛАХЪ ВЪ ВЕНЕЦІИ [2]).

1.

Когда Прасковья меня оставила, когда я былъ печаленъ и безъ денегъ, одинъ хитрый далматъ пришелъ на мою гору и сказалъ мнѣ; „Иди въ тотъ большой морской городъ: секины тамъ менѣе рѣдки, чѣмъ каменья на твоей родинѣ.

2.

„Воины покрыты золотомъ и шелкомъ, и проводятъ время свое во всевозможныхъ удовольствіяхъ. Когда ты добудешь денегъ въ Венеціи, то вернешься на свою родину въ курткѣ съ золотыми галунами и съ серебряными цѣпями у ганзара (большого ножа).

3.

„И тогда, о Дмитрій! какая молодая дѣвушка не поспѣшитъ позвать тебя изъ своего окна и бросить тебѣ свой букетъ, когда ты настроишь свои гусли? Плыви моремъ, повѣрь мнѣ,—и прибудь въ большой городъ; тамъ ты станешь навѣрное богатъ“.

4.

Я ему повѣрилъ, несмышленый, и прибылъ въ этотъ большой каменный корабль; но воздухъ душитъ меня, и хлѣбъ ихъ—ядъ для меня. Я не воленъ итти, куда хочу; я не воленъ дѣлать, что хочу; я какъ пёсъ на привязи.

Языкъ и обычай усвоили новый.
Я—кустъ, пересаженный лѣтней порой:
Измялъ меня вихрь, изсушилъ меня зной.
Знакомцевъ встрѣчаешь, бывало, въ горахъ,
Пріятелей видишь: душѣ веселѣе!
Привѣтное слово у встрѣчныхъ въ устахъ:
„А! здравствуй! Здоровъ ли ты, сынъ Алексѣя?“
А здѣсь я — какъ мошка, что вѣтеръ схватилъ
Въ лѣсу, въ прудъ забросилъ, и плавать пустилъ!

[2]) Le Morlaque à Venise.

1.

Quand Prascovie m'eut abandonné, quand j'étais triste et sans argent, un rusé Dalmate vint dans ma montagne et me dit: „Viens à cette grande ville des eaux, les sequins y sont plus communs que les pierres dans ton pays.

2.

„Les soldats sont couverts d'or et de soie, et ils passent leur temps dans toute sorte de plaisirs. Quand tu auras gagné de l'argent à Venise, tu reviendras dans ton pays avec une veste galonnée d'or et des chaînes d'argent à ton hanzar.

3.

„Et alors, ô Dimitri! quelle jeune fille ne s'empressera de t'appeler de sa fenêtre et de te jeter son bouquet quand tu auras accordé ta guzla? Monte sur mer, crois moi, et viens à la grande ville, tu y deviendras riche assurément“.

4.

Je l'ai cru, insensé que j'étais, et je suis venu dans ce grand navire de pierres; mais l'air m'étouffe, et leur pain est un poison pour moi. Je ne puis aller oû je veux, je ne puis faire ce que je veux; je suis comme un chien à l'attache.

5.

Les femmes se rient de moi quand je parle la langue de mon pays, et ici les gens de nos montagnes ont oublié la leur aussi bien que nos vieilles coutumes: je suis un arbre transplanté en été, je sèche, je meurs.

6.

Dans ma montagnes, lorsque je rencontrais un homme, il me saluait en souriant, et me disait: „Dieu soit avec toi, fils d'Alexis!“ Mais ici je ne rencontre pas une figure amie, je suis comme une fourmi jetée par la brise au milieu d'un vaste étang.

5.

Женщины смѣются надо мною, когда я говорю языкомъ моей родины; здѣсь люди съ нашихъ горъ забыли свой языкъ и наши старые обычаи: я—дерево, посаженное лѣтомъ; я сохну, я умираю.

6.

На моей горѣ, когда я встрѣчалъ человѣка, онъ кланялся мнѣ съ улыбкой и говорилъ мнѣ: „Богъ съ тобою, Алексѣевичъ!“ Но здѣсь я не встрѣчаю лица дружелюбнаго; я какъ муравей, брошенный вѣтромъ среди широкаго пруда.

Какъ покинула меня Прасковья,
И какъ я съ печали промотался,
Вотъ далматъ пришелъ ко мнѣ лукавый:
„Ступай, Димитрій, въ морской ты городъ,
Тамъ цехины что у насъ каменья.

„Тамъ солдаты въ шелковыхъ кафтанахъ,
И только что пьютъ да гуляютъ:
Скоро ты тамъ разбогатѣешь
И воротишься въ шитомъ доломанѣ
Съ кинжаломъ на серебряной цѣпочкѣ.

„И тогда-то играй себѣ на гусляхъ;
Красавицы побѣгутъ къ окошкамъ
И подарками тебя закидаютъ.
Эй, послушайся! отправляйся моремъ;
Воротись, когда разбогатѣешь“.

Я послушался лукаваго далмата.
Вотъ живу въ этой мраморной лодкѣ,
Но мнѣ скучно, хлѣбъ ихъ мнѣ, какъ камень,
Я неволенъ, какъ на привязи собака.

Надо мною женщины смѣются,
Когда слово я по-нашему молвлю;
Наши здѣсь языкъ свой позабыли,
Позабыли и нашъ родной обычай:
Я завялъ, какъ пересаженный кустикъ.

Какъ у насъ бывало кого встрѣчу,
Слышу: „Здравствуй, Дмитрій Алексѣичъ!“
Здѣсь не слышу добраго привѣта,
Не дождуся ласковаго слова;
Здѣсь я точно бѣдная мурашка,
Занесенная въ озеро бурей.

11. Гайдукъ Хризичъ.

Переводъ этой пѣсни очень близокъ. Измѣненія ограничиваются, подобно указаннымъ выше, замѣною имени Пресвятой Дѣвы именемъ Господа Бога, уменьшеніемъ чиселъ (40 вм. 100 ружей, 7 вм. 10 пуль), прибавленіемъ нѣкоторыхъ эпитетовъ (*милый* братъ, *горячей* крови, *спящую* козу).

Вотъ точный переводъ текста Мериме:

ХРАБРЫЕ ГАЙДУКИ [1]).

Въ пещерѣ лежитъ на острыхъ камняхъ храбрый гайдукъ Христичъ Младинъ. Подлѣ него — жена его, прекрасная Катерина, у ногъ его — два храбрыхъ его сына. Три дня они въ этой пещерѣ безъ пищи, ибо ихъ враги стерегутъ всѣ горные проходы, и если они только поднимутъ головы,—сто ружей направятся на нихъ. Имъ такъ хочется пить, что языки ихъ почернѣли и опухли, ибо у нихъ для питья только немного воды, скопившейся во впадинѣ скалы. Однако ни одинъ изъ нихъ не посмѣлъ пожаловаться, ибо они боялись не угодить Христичу Младину. Когда протекло три дня, Катерина воскликнула: „Помилуй васъ Святая Дѣва и да воздастъ она за васъ врагамъ вашимъ!“ Тогда она вздохнула и умерла. Христичъ Младинъ посмотрѣлъ на трупъ сухими глазами; но его сыновья украдкой утирали слезы, когда отецъ не смотрѣлъ на нихъ. Насталъ 4-й день, и солнце высушило воду, скопившуюся во впадинѣ скалы. Тогда Христичъ, старшій изъ сыновей Младина, обезумѣлъ: онъ извлекъ ганзаръ и смотрѣлъ на трупъ матери глазами, подобными глазамъ волка, когда онъ видитъ овцу. Александръ, его младшій сынъ, ужаснулся. Онъ извлекъ свой ганзаръ и прокололъ себѣ руку. „Пей мою кровь, Христичъ, и не совершай преступленія. Когда мы всѣ умремъ

---

1) Les braves heiduques.

Dans une caverne, couché sur des cailloux aigus, est un brave heiduque, Christich Mladin. A côté de lui est sa femme, la belle Catherine, à ses pieds ses deux braves fils. Depuis trois jours ils sont dans cette caverne sans manger, car leurs ennemis gardent tous les passages de la montagne, et, s'ils lèvent la tête, cent fusils se dirigent contre eux. Ils ont tellement soif, que leur langue est noire et gonflée, car ils n'ont pour boire qu'un peu d'eau croupie dans le creux d'un rocher. Cependant pas un n'a osé faire entendre une plainte, car ils craignaient de déplaire à Christich Mladin. Quand trois jours furent écoulés, Catherine s'écria: „Que la sainte Vierge ait pitié de vous, et qu'elle vous venge de vos ennemis!“ Alors elle a poussé un soupir, et elle est morte. Christich Mladin a regardé le cadavre d'un œil sec; mais ses deux fils essuyaient leurs larmes, quand leur père ne les regardait pas. Le quatrième jour est venu, et le soleil a tari l'eau croupie dans le creux du rocher. Alors Cristich, l'aîné des fils de Mladin, est devenu fou: il à tiré son hanzar, et il regardait le cadavre de sa mère avec des yeux comme ceux d'un loup qui voit un agneau. Alexandre, son frère cadet, eut horreur de lui. Il a tiré son hanzar et s'est percé le bras. „Bois mon sang, Christich, et ne commets pas un crime. Quand nous serons tous morts de faim, nous reviendrons sucer le sang de nos ennemis“. Mladin s'est levé, il s'est écrié: „Enfants, debout! mieux vaut une belle balle que l'agonie de la faim“. Ils sont descendus tous les trois comme des loups enragés. Chacun a tué dix hommes, chacun a reçu dix balles dans la poitrine. Nos lâches ennemis leur ont coupé la tête, et, quand ils la portaient en triomphe, ils osaient à peine la regarder, tant ils craignaient Christich Mladin et ses fils.

отъ голода, тогда вернемся высасывать кровь враговъ нашихъ“. Младинъ всталъ и вскричалъ: „Дѣти, вставайте! лучше добрая пуля, чѣмъ голодная смерть“. Они спустились всѣ трое, какъ бѣшеные волки. Каждый убилъ десятерыхъ, каждый былъ раненъ десятью пулями въ грудь. Наши подлые враги отрубили имъ головы, и когда несли ихъ съ торжествомъ, то едва смѣли взглянуть на нихъ: такъ боялись они Христича Младина и его сыновей.

Въ пещерѣ, на острыхъ каменьяхъ,
Притаился храбрый гайдукъ Хризичъ *).
Съ нимъ жена его Катерина,
Съ нимъ его два милые сына.
Имъ нельзя изъ пещеры выйти:
Стерегутъ ихъ недруги злые.
Коли чуть они голову подымутъ,
Въ нихъ прицѣлятся тотчасъ сорокъ ружей.
Они три дня, три ночи не ѣли,
Пили только воду дождевую,
Накопленную во впадинѣ камня.
На четвертый взошло красно солнце,
И вода во впадинѣ изсякла.
Тогда молвила, вздохнувши, Катерина:
„Господь Богъ! помилуй наши души!“
И упала мертвая на землю.
Хризичъ, глядя на нее, не заплакалъ,
Сыновья плакать при немъ не смѣли;
Они только очи отирали,
Какъ отъ нихъ отворачивался Хризичъ.
Въ пятый день старшій сынъ обезумѣлъ,
Сталъ глядѣть онъ на мертвую матерь,
Будто волкъ на спящую козу.
Его братъ, видя то, испугался;
Закричалъ онъ старшему брату:
„Милый братъ! не губи свою душу;
Ты напейся горячей моей крови,
А умремъ мы голодною смертью,
Станемъ мы выходить изъ могилы,
Кровь сосать нашихъ недруговъ спящихъ **).
Хризичъ всталъ и промолвилъ: „Полно!
Лучше пуля, чѣмъ голодъ и жажда“.
И всѣ трое со скалы въ долину
Сбѣжали, какъ бѣшеные волки.
Семерыхъ убилъ изъ нихъ каждый,
Семью пулями каждый изъ нихъ прострѣленъ;

---

*) Гайдукъ — глава, начальникъ. Гайдуки не имѣютъ пристанища и живутъ разбоями. (Пр. П.).

**) Западные славяне вѣрятъ существованію упырей (vampire). См. пѣсню о Маркѣ Якубовичѣ. (Пр. П.).

Головы враги у нихъ отсѣкли
И на копья свои насадили—
А и тутъ глядѣть на нихъ не смѣли:
Такъ имъ страшенъ былъ Хризичъ съ сыновьями.

---

12. Марко Якубовичъ.

При переводѣ этой пѣсни. кромѣ замѣны именъ въ первой ея половинѣ, Пушкинъ счелъ нужнымъ сдѣлать сокращеніе въ описаніи наружности странника. Вѣрное чувство подсказало Пушкину всю неумѣстность подобныхъ описаній въ народной пѣснѣ. Сокращено и многословіе Якубовича въ словахъ страннику о кладбищѣ. Какъ и въ другихъ пѣсняхъ, Пушкинъ опускаетъ нѣкоторыя принадлежности чуждаго быта (саблю въ рукахъ ребенка, красный цвѣтъ пояса, угощеніе прохожаго водкой и молокомъ, котолическую тенденцію въ повѣрьѣ о враждебности латинской земли къ греку-покойнику). Реальное описаніе смерти странника устранено. Съ другой стороны, Пушкинъ сдѣлалъ нѣсколько дополненій: мертвеца схоронили *съ молитвою*; молитву же творитъ старецъ надъ больнымъ ребенкомъ; старца на кладбище сопровождаетъ вся деревня.

Вотъ точный переводъ текста Мериме:

КОНСТАНТИНЪ ЯКУБОВИЧЪ [1]).

I.

Константинъ Якубовичъ сидѣлъ на лавкѣ передъ дверью своего дома; передъ нимъ его ребенокъ игралъ саблей; у ногъ его жена Миляда сидѣла, поджавъ ноги, на землѣ. Вышелъ изъ лѣсу чужеземецъ и поздоровался, взявъ его за руку.

---

1) Constantin Yacoubovich.

1.

Constantin Yacoubovich était assis sur un banc devant sa porte; devant lui son enfant jouait avec un sabre; à ses pieds, sa femme Miliada était accroupie par terre. Un étranger est sorti de la forêt et l'a salué en lui prenant la main.

2.

Sa figure est celle d'un jeune homme; mais ses cheveux sont blancs, ses yeux sont mornes, ses joues creuses, sa démarche chancelante. „Frère, a-t-il dit, j'ai bien soif, et je voudrais boire". Aussitôt Miliada s'est levée, et lui a vite apporté de l'eau-de-vie et du lait.

3.

— „Frère, quelle est cette éminence là-bas avec ces arbres verts?"—N'es-tu donc jamais venu dans ce pays, dit Constantin Yacoubovich, que tu ne connaisses pas le cimetière de notre race?" — „Eh bien! c'est là que je veux reposer, car je me sens mourir peu à peu".

4.

Alors il a détaché sa large ceinture rouge, et il a montré une plaie sanglante. „Depuis hier la balle d'un chien de mécréant me déchire la poitrine: je ne puis ni vivre, ni mourir". Alors Miliada l'a soutenu, et Constantin Yacoubovich a sondé la blessure.

5.

„Triste, triste fut ma vie; triste sera ma mort. Mais sur le haut de ce tertre, dans cet endroit exposé au soleil, je veux que l'on m'enterre; car je fus un grand guerrier, quand ma main ne trouvait pas un sabre trop pésant pour elle".

6.

Et sa bouche a souri, et ses yeux sortaient de leur orbite: soudain il a penché la tête. Miliada s'écria: „o Constantin, aide moi! car cet étranger est trop lourd

2.

Лицомъ онъ юноша; но волосы его бѣлые, и глаза его мрачны; щеки у него впалыя, походка его не тверда. „Братъ", сказалъ онъ, „меня мучитъ жажда, и мнѣ хотѣлось бы напиться". Тотчасъ же Миляда поднялась и скоро принесла ему водки и молока.

3.

— „Братъ, что это тамъ за возвышенность съ зелеными деревьями?"— „Развѣ ты никогда не бывалъ въ этой странѣ"' сказалъ Константинъ Якубовичъ, „что не знаешь погоста нашего рода?"—„Ну хорошо! я отдохну тамъ: я чувствую, что смерть идетъ моя".

4.

Тогда онъ развязалъ свой широкій красный поясъ и показалъ кровавую рану. „Со вчерашняго дня пуля невѣрнаго пса раздираетъ мнѣ грудь: я не

---

pour que je puisse le soutenir toute seule". Et Coustantin a reconnu qu'il était mort.

7.

Puis il l'a chargé sur son cheval et l'a porté au cimetière, sans s'inquiéter si la terre latine souffrirait dans son sein le cadavre d'un Grec schismatique. Ils ont creusé sa fosse au soleil et ils l'ont enterré avec son sabre et hanzar, comme il convient à un guerrier.

8.

Après une semaine, l'enfant de Constantin avait les lèvres pâles et pouvait à peine marcher. Il se couchait tout triste sur une natte, lui qui aimait tant à courir ça et là. Mais la Providence a conduit dans la maison de Constautin un saint ermite, son voisin.

9.

„Ton enfant est malade d'une maladie étrange: vois sur son cou si blanc cette tache rouge: c'est la dent d'un vampire". Alors il a mis ses livres dans un sac, et il est allé au cimetière, et il a fait ouvrir la fosse où l'on avait enterré l'étranger.

10.

Or son corps était frais et vermeil; sa barbe avait cru, et ses ongles étaient longs comme des serres d'oiseau; sa bouche était sanglante, et sa fosse inondée de sang. Alors Constantin a levé un pieu pour l'en percer; mais le mort a poussé un cri et s'est enfui dans les bois.

11.

Et un cheval, quand les étriers lui coupent les flancs, ne pourrait courir aussi vite que ce monstre; et son impétuosité était telle que les jeunes arbres ce courbaient sous son corps, et que les grosses branches cassaient comme si elles eussent été gelées.

12.

L'ermite a pris du sang et de la terre de la fosse, et en a frotté le corps de l'enfant; et Constantin et Miliada en ont fait autant; et le soir ils disaient: „C'est à cette heure que ce méchant étranger est mort". Et, comme ils parlaient, le chien a hurlé et s'est caché entre les jambes de son maître.

13.

La porte s'est ouverte, et un grand géant est entré en se baissant; il s'est assis les jambes croisées, et sa tête touchait les poutres de la maison; et il regardait Constantin en souriant, et celuici ne pouvait détourner les yeux, car il était fasciné par le vampire.

14.

Mais l'ermite a ouvert son livre, et il a jeté une branche de romarin dans le feu; puis, avec son souffle, il a dirigé la fumée contre le spectre et l'a conjuré au nom de Jésus Bientôt le vampire a tremblé et s'est élancé par la porte, comme un loup poursuivi par des chasseurs.

15.

Le lendemain, à la même heure, le chien a hurlé et la porte s'est ouverte, et un homme est entré et s'est assis: sa taille était celle d'un soldat, et toujours ses yeux s'attachaient sur ceux de Constantin pour le fasciner; mais l'ermite l'a conjuré, et il s'est enfui.

16.

Et le lendemain un petit nain est entré dans sa maison, et un rat aurait bien pu lui servir de monture. Toutefois ses yeux brillaient comme deux flambeaux, et son regard était funeste; mais l'ermite l'a conjuré pour la troisième fois, et il s'est enfui pour toujours.

могу ни жить, ни умереть". Тогда Миляда поддержала его, а Константинъ Якубовичъ ощупалъ рану.

5.

„Печальна, печальна была моя жизнь: печальна будетъ и смерть моя. Но на вышинѣ этого холма, на этомъ мѣстѣ, открытомъ солнцу, хочу я, чтобы меня похоронили: я былъ великій воинъ, когда моя рука не находила для себя сабли, слишкомъ тяжелой".

6.

И уста его улыбнулись, и глаза его выкатились: вдругъ онъ склонилъ голову. Миляда воскликнула: „Константинъ, помоги мнѣ! Этотъ странникъ слишкомъ тяжелъ, чтобы я одна могла поддержать его". И Константинъ понялъ, что странникъ умеръ.

7.

Потомъ онъ навьючилъ его на своего коня и повезъ на кладбище, не позаботившись о томъ, потерпитъ ли латинская земля въ утробѣ своей трупъ грека-отступника. Вырыли они могилу на солнцѣ и похоронили его съ его саблей и ганзаромъ, какъ подобаетъ воину.

8.

Черезъ недѣлю поблѣднѣли губы у ребенка Константинова, и едва могъ ходить онъ. Печальный ложился онъ на рогожку,—онъ, который любилъ такъ бѣгать туда и сюда. Но Провидѣніе привело въ домъ Константина святого отшельника, его сосѣда.

9.

„Твой ребенокъ боленъ странною болѣзнью: посмотри на это красное пятно на его бѣлой шеѣ: это слѣды зубовъ вампира". Потомъ онъ положилъ свои книги въ мѣшокъ, пошелъ на кладбище и велѣлъ раскопать могилу, гдѣ похоронили чужеземца.

10.

Тѣло его было свѣжо и алѣло; борода его выросла, и ногти у него были длинны, какъ когти птицы; ротъ его былъ въ крови, и могила затоплена кровью. Тогда Константинъ поднялъ колъ, чтобы проткнуть его, но покойникъ закричалъ и убѣжалъ въ лѣсъ.

11.

Не могъ бы такъ бѣжать и конь, когда стремена (турецкія стремена съ острыми краями и замѣняютъ шпоры) рѣжутъ ему бока, какъ бѣжало это чудовище; и его стремленіе было таково, что молодыя деревья склонялись подъ его тѣломъ и толстые сучья ломались, словно мерзлые.

12.

Отшельникъ взялъ крови и земли изъ могилы и натеръ ими тѣло ребенка; Константинъ и Миляда сдѣлали то же; а вечеромъ они говорили: „Вотъ въ этотъ самый часъ умеръ странникъ". И когда они говорили, завыла собака и забилась подъ ноги своего хозяина.

13.

Распахнулась дверь, и вошелъ огромный великанъ, наклоняясь; онъ сѣлъ, скрестивъ ноги, а голова его касалась потолка; онъ смотрѣлъ на Константина улыбаясь, и тотъ не могъ отвести глазъ своихъ; вампиръ очаровалъ его

14.

Но отшельникъ раскрылъ свою книгу и бросилъ въ огонь розмариновую вѣтку; потомъ сталъ дуть, нагоняя дымъ на привидѣніе, и заклялъ его именемъ Христа. Скоро вампиръ задрожалъ и бросился въ дверь, какъ волкъ, преслѣдуемый охотниками.

15.

На другой день въ тотъ же часъ собака завыла, и распахнулась дверь, и вошелъ человѣкъ и сѣлъ; ростъ его былъ ростъ солдата, и глаза его уставились на глаза Константина, чтобы очаровать его; но отшельникъ произнесъ заклятіе—и онъ бѣжалъ.

16.

А на слѣдующій день маленькій карликъ вошелъ въ домъ. Крыса могла бы служить ему конемъ, но глаза его блистали, какъ два факела, и взглядъ его былъ гибеленъ, но отшельникъ заклялъ его въ третій разъ, и онъ убѣжалъ навсегда.

———

У воротъ сидѣлъ Марко Якубовичъ;
Передъ нимъ сидѣла его Зоя,
А мальчишка ихъ игралъ у порогу.
По дорогѣ къ нимъ идетъ незнакомецъ.
Блѣденъ онъ и чуть ноги волочитъ,
Проситъ онъ напиться ради Бога.
Зоя встала и пошла за водою
И прохожему вынесла ковшикъ,
И прохожій до дна его выпилъ.
Вотъ, напившись, говоритъ онъ Маркѣ:
„Это что подъ горою тамъ видно?“
Отвѣчаетъ Марко Якубовичъ:
„То кладбище наше родовое“.
Говоритъ незнакомый прохожій:
„Отдыхать мнѣ на вашемъ кладбищѣ,
Потому что мнѣ жить ужъ не долго“.
Тутъ широкій развилъ онъ поясъ,
Кажетъ Марку кровавую рану.
„Три дня, молвилъ, ношу я подъ сердцемъ
Басурмана свинцовую пулю.
Какъ умру, ты зарой мое тѣло
За горой, подъ зеленою ивой.
И со мной положи мою саблю,
Потому что я славный былъ воинъ“.

Поддержала Зоя незнакомца,
А Марко сталъ осматривать рану.
Вдругъ сказала молодая Зоя:
„Помоги мнѣ, Марко, я не въ силахъ
Поддержать гостя нашего долѣ“.
Тутъ увидѣлъ Марко Якубовичъ,
Что прохожій на рукахъ ея умеръ.

Марко сѣлъ на коня вороного,
Взялъ съ собою мертвое тѣло
И поѣхалъ съ нимъ на кладбище.
Тамъ глубокую вырыли могилу,
И съ молитвой мертвеца схоронили.
Вотъ проходитъ недѣля-другая,
Сталъ худѣть сыночекъ у Марка;
Пересталъ онъ бѣгать и рѣзвиться,
Все лежалъ на рогожѣ да охалъ.
Къ Якубовичу калуеръ приходитъ —
Посмотрѣлъ на ребенка и молвилъ:
„Сынъ твой боленъ опасною болѣзнью;
Посмотри на бѣлую его шею:
Видишь ты кровавую ранку?
Это зубъ вурдалака, повѣрь мнѣ“ *).

Вся деревня за старцемъ калуеромъ
Отправилась тотчасъ на кладбище.
Тамъ могилу прохожаго разрыли.
Видятъ—трупъ румяный и свѣжій,
Ногти выросли какъ вороньи когти,
А лицо обросло бородою,
Алой кровью вымазаны губы,
Полна крови глубокая могила.
Бѣдный Марко коломъ замахнулся,
Но мертвецъ завизжалъ и проворно
Изъ могилы въ лѣсъ бѣгомъ пустился.
Онъ бѣжалъ быстрѣе, чѣмъ лошадь,
Стременами острыми язвима;
И кусточки подъ нимъ такъ и гнулись,
А суки деревьевъ такъ и трещали,
Ломаясь какъ замерзлыя прутья.

Калуеръ могильною землею **)
Ребенка больного всего вытеръ,
И весь день творилъ надъ нимъ молитвы.
На закатѣ краснаго солнца
Зоя мужу своему сказала:
„Помнишь? ровно тому двѣ недѣли,
Въ эту пору умеръ злой прохожій“.

Вдругъ собака громко завыла,
Отворилась дверь сама собою,
И вошелъ великанъ наклонившись;

*) Вурдалаки—вудкодлаки, упыри, мертвецы, выходящіе изъ своихъ могилъ и сосущіе кровь живыхъ людей. (Пр. П.).

**) Лѣкарствомъ отъ укушенія Упыря служитъ земля, взятая изъ его могилы.

Сѣлъ онъ, ноги подъ себя поджавши,
Потолка головою касаясь,
Онъ на Марка глядѣлъ неподвижно.
Неподвижно глядѣлъ на него Марко,
Очарованъ ужаснымъ его взоромъ;
Но старикъ, молитвенникъ раскрывши,
Запалилъ кипарисную вѣтку,
И подулъ дымъ на великана.
И затрясся вурдалакъ проклятый,
Въ двери бросился и бѣжать пустился,
Будто волкъ, охотникомъ гонимый.

На другія сутки въ ту же пору
Песъ залаялъ, дверь отворилась,
И вошелъ человѣкъ незнакомый.
Былъ онъ ростомъ, какъ цесарскій рекрутъ.
Сѣлъ онъ молча и сталъ глядѣть на Марко,
Но старикъ молитвой его прогналъ.

Въ третій день вошелъ карликъ малый —
Могъ бы онъ верхомъ сидѣть на крысѣ,
Но сверкали у него злые глазки.
И старикъ въ третій разъ его прогналъ,
И съ тѣхъ поръ ужъ онъ не возвращался.

в) РИѲМОВАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ ИЗЪ МЕРИМЕ.

18. Похоронная пѣсня

Іакинѳа Маглановича *).

Эта пѣсня сокращена на 3 строфы (опущены строфы 3-я, 4-я и 9-я). Кромѣ измѣненія имени, переводъ отличается отъ подлинника сжатостью и энергіей выраженій.

Вотъ точный переводъ текста Мериме:

*) Мериме помѣстилъ въ началѣ своей Guzla извѣстіе о старомъ гуслярѣ Іакинѳѣ Маглановичѣ; неизвѣстно существовалъ ли онъ когда-нибудь, но статья его біографа имѣетъ необыкновенную прелесть оригинальности и правдоподобія. Книга Мериме рѣдка, и читатели, думаю, съ удовольствіемъ найдутъ здѣсь жизнеописаніе славянина-поэта. (Пр. П.). [1]

[1] Далѣе Пушкинъ перепечаталъ самую біографію вымышленнаго „славянина-пѣвца“ (см. о ней стр. 244).

ПОХОРОННАЯ ПѢСНЯ.

1.

Прощай, прощай, добрый путь! Нынче луна полная; свѣтло, видна дорога. Добрый путь!

2.

Пуля лучше лихорадки: свободенъ жилъ ты, свободенъ и умеръ. Сынъ твой Иванъ отомстилъ за тебя; онъ убилъ пятерыхъ.

3.

Мы гнали ихъ отъ Чаплицы до равнины; ни одинъ не оглянулся черезъ плечо свое, чтобъ увидѣть насъ еще разъ.

4.

Прощай, прощай, добрый путь! Нынче луна полная; свѣтло, видна дорога. Добрый путь!

5.

Скажи моему отцу, что я здоровъ, что я не чувствую болѣе своей раны и что жена моя, Елена, родила мальчика.

6.

Въ честь его я назвалъ сына Владиномъ. Когда онъ выростетъ, я научу его стрѣлять изъ ружья, вести себя, какъ должно храброму.

7.

Хрузичъ увезъ мою старшую дочь, и уже полгода, какъ она беременна. Надѣюсь, что она тоже родитъ мальчика красиваго и сильнаго.

8.

Тваркъ покинулъ родину, уплылъ въ море; нѣтъ у насъ вѣстей о немъ: быть можетъ, ты встрѣтишь его въ той странѣ, куда отправляешься.

9.

У тебя есть сабля, чубукъ и табакъ, и плащъ изъ овечьей шерсти: этого довольно для дальняго пути туда, гдѣ не холодно и не голодно.

---

[2]) Chant de mort.

1.

Adieu, adieu, bon voyage! Cette nuit la lune est dans son plein, on voit clair pour trouver son chemin. Bon voyage!

2.

Une balle vaut mieux, que la fièvre: libre tu as vécu, libre tu es mort. Ton fils Jean t'a vengé; il en a tué cinq.

3.

Nous les avons fait fuir depuis Tchaplissa jusqu'à la plaine: pas un n'a regardé derrière son épaule pour nous voir encore une fois.

4.

Adieu, adieu, bon voyage! Cette nuit la lune est dans son plein, on voit clair à trouver son chemin. Bon voyage!

5.

Dis à mon père que je me porte bien, que je ne me ressens plus de ma blessure, et que ma femme Hélène est accouchée d'un garçon.

6.

Je l'ai appelé Wladin comme lui. Quand il sera grand, je lui apprendrai à tirer le fusil, à se comporter comme doit le faire un brave.

7.

Chrusich a enlevé ma fille aînée, et elle est grosse de six mois. J'espère qu'elle accouchera aussi d'un garçon beau et fort.

8.

Twark a quitté le pays pour monter sur mer: nous ne savons pas de ses nouvelles: peut-être le rencontreras-tu dans le pays où tu vas.

9.

Tu as un sabre, une pipe et du tabac, avec un manteau de poil de chèvre: en voilà bien assez pour faire un long voyage, où l'on n'a ni froid ni faim.

10.

Adieu, adieu, bon voyage! Cette nuit la lune est dans son plein, on voit clair pour trouver son chemin. Bon voyage!

(Гайдуковъ хоронятъ съ ихъ оружіемъ, чубукомъ и одеждой, въ которой они умерли. Прим. Мериме).

10.

Прощай, прощай. Добрый путь! Нынче луна полная; свѣтло; видна дорога, Добрый путь!

---

1 Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, Славу Богу.
Свѣтитъ мѣсяцъ; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

2 Пуля легче лихорадки;
Воленъ умеръ, ты какъ жилъ.
Врагъ твой мчался безъ оглядки;
Но твой сынъ его убилъ.

3 Вспоминай насъ за могилой,
Коль сойдетесь какъ-нибудь;
Отъ меня отцу, братъ милый,
Полониться не забудь.

4 Ты скажи ему, что рана
У меня ужъ зажила;
Я здоровъ—и сына Яна
Мнѣ хозяйка родила.

5 Дѣду въ честь онъ названъ Яномъ;
Умный мальчикъ у меня;
Ужъ владѣетъ ятаганомъ,
И стрѣляетъ изъ ружья.

6 Дочь моя живетъ въ Лизгорѣ;
Съ мужемъ ей не скучно тамъ.
Тваркъ ушелъ давно ужъ въ море;
Живъ иль нѣтъ—узнаешь самъ.

7 Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, славу Богу.
Свѣтитъ мѣсяцъ; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

11. Бонапартъ и черногорцы.

Пушкинъ передалъ эту пѣсню въ передѣлкѣ, отличающейся народностью языка, живостію и выразительностію его. Особенно хорошо передана прямая рѣчь.

Вотъ точный переводъ текста Мериме:

ЧЕРНОГОРЦЫ [1]).

1.

Наполеонъ сказалъ: „Что это за люди, которые смѣютъ мнѣ противиться? Я хочу, чтобъ они пришли бросить къ ногамъ моимъ ружья и ятаганы свои, украшенные чернью“. Вдругъ онъ послалъ въ горы 20,000 войска.

---

[1]) Les Monténégrins.

1.

Napoléon a dit: „Quels sont ces hommes qui osent me résister? Je veux qu'ils viennent jeter à mes pieds leurs fusils et leurs yatagans ornés de nielles“. Soudain il a envoyé à la montagne vingt mille soldats.

2.

Il y a des dragons, des fantassins, des

2.

Были въ немъ драгуны, пѣхота, пушки и мортиры. „Ступайте въ горы; вы тамъ найдете 500 храбрыхъ черногорцевъ. Для пушекъ есть пропасти; для драгуновъ—скалы, а для пѣхоты—500 добрыхъ ружей“.

3.

. . . . *)

4.

Они отправились: оружіе ихъ блещетъ на солнцѣ; они взошли въ порядкѣ, чтобы жечь наши деревни; они взошли, чтобъ увести въ свою землю нашихъ женъ и дѣтей. Когда они добрались до сѣрой скалы, то подняли глаза и увидѣли наши красныя шапки.

5.

Тогда сказалъ ихъ капитанъ: „Каждый прицѣлься; пусть каждый убьетъ по одному черногорцу“. Тотчасъ же они выстрѣлили и сбили наши красныя шапки, вздѣтыя на кольяхъ. Но мы, притаясь, лежали за ними и живо дали по нимъ залпъ.

6.

„Слышите отголосокъ нашихъ ружей“? сказалъ капитанъ. Но прежде, нежели обернулся, онъ палъ мертвъ, съ нимъ 25 человѣкъ. Другіе обратились въ бѣгство и никогда въ жизни своей они не осмѣливались болѣе взглянуть на красную шапку.

(Тотъ, кто сложилъ эту пѣсню, былъ съ своими братьями на сѣрой скалѣ; онъ зовется Гунтзаръ Воссіерачъ. Прим. Мериме).

---

1 „Черногорцы? что такое?“
Бонапарте вопросилъ;
„Правда ль: это племя злое
Не боится нашихъ силъ?

2 „Такъ раскаются жъ нахалы;
Объявить ихъ старшинамъ,
Чтобы ружья и кинжалы
Всѣ несли къ моимъ ногамъ“.

*) Точки въ подлинникѣ.

canons et des mortiers: „Venez à la montagne, vous y verrez cinq cents braves Monténégrins. Pour leurs canons, il y a des précipices; pour leurs dragons, des rochers, et pour leurs fantassins, cinq cents bons fusils.

3.

. . . .

4.

Ils sont partis; leurs armes luisaient au soleil; ils sont montés en ordre pour brûler nos villages; ils sont montés pour emmener dans leur pays nos femmes et nos enfants. Quand ils sont arrivés au rocher gris, ils ont levé les yeux, et ils ont vu nos bonnets rouges.

5.

Alors a dit leur capitaine: „Que chaque homme ajuste son fusil, que chaque homme tue un Monténégrin“. Aussitôt ils ont tiré, et ils on abattu nos bonnets rouges qui étaient plantés sur des piquets. Mais nous, qui étions à plat-ventre derrière eux, nous leur envoyâmes une vive fusillade.

6.

„Écoutez l'écho de nos fusils“, a dit le capitaine. Mais, avant qu'il se fût retourné, il était tombé mort et vingt-cinq hommes avec lui. Les autres ont pris la fuite, et jamais de leur vie ils n'osèrent regarder un bonnet rouge“.

—

Celui qui a fait cette chanson était avec ses frères au rocher gris; il se nomme Guntzar Wossieratch.

3 Вотъ онъ шлетъ на насъ пѣхоту
Съ сотней пушекъ и мортиръ.
И своихъ мамлюковъ роту,
И косматыхъ кирасиръ.

4 Намъ сдаваться нѣтъ охоты—
Черногорцы таковы!
Для коней и для пѣхоты
Камни есть у насъ и рвы...

5 Мы засѣли въ наши норы
И гостей незваныхъ ждемъ;
Вотъ они вступили въ горы,
Истребляя все кругомъ,

6 . . . .

7 Идуть тѣсно подъ скалами.
Вдругъ смятеніе!... Глядятъ:
У себя надъ головами
Красныхъ шапокъ видятъ рядъ.

8 „Стой! пали! Пусть каждый сброситъ
Черногорца одного,
Здѣсь пощады врагъ не проситъ:
Не щадите жъ никого!“

9 Ружья грянули—упали
Шапки красныя съ шестовъ:
Мы подъ ними ницъ лежали,
Притаясь между кустовъ.

10 Дружнымъ залпомъ отвѣчали
Мы французамъ. „Это что?“
Удивясь, они сказали:
„Эхо что-ли?“ Нѣтъ, не то!

11 Ихъ полковникъ повалился,
Съ нимъ сто двадцать человѣкъ.
Весь отрядъ его смутился,
Кто какъ могъ пустился въ бѣгъ.

12 И французы ненавидятъ
Съ той поры нашъ вольный край.
И краснѣютъ, коль завидятъ
Шапку нашу невзначай.

---

15. Вурдалакъ.

Это шуточное стихотвореніе, въ общемъ близкое съ подлинникомъ, у Пушкина оканчивается комическимъ положеніемъ простака-Вани, увидавшаго собаку вмѣсто страшнаго Вурдалака. Пушкинъ довольствуется этимъ и опускаетъ укушеніе собаки.

Эта піеса у Мериме носитъ заглавіе: „Jeannot“. Вотъ точный ея переводъ:

ВАНЯ [1]).

1.

Ваня долженъ былъ возращаться въ городъ, и надо было проходить ночью

---

[1]) Jeannot.

1.

Jeannot devait revenir à la ville, et il fallait passer, la nuit, par un cimetière. Or c'était un poltron plus lâche qu'une femme; il tremblait comme s'il avait eu la fièvre.

2.

Quand il fut dans le cimetière, il regardait à droite et à gauche, et il entendit comme quelqu'un qui rongeait, et il pensa que c'etait un brucolaque qui mangeait dans son tombeau.

черезъ кладбище. Но онъ былъ трусъ, трусливѣе женщины; онъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ.

2.

Когда онъ былъ на кладбищѣ, то глядѣлъ направо и налѣво, и услышалъ будто кто-то грызетъ, и подумалъ, что это упырь, который ѣстъ въ своей могилѣ.

3.

„Увы, увы"! сказалъ онъ, „я пропалъ: если онъ взглянетъ на меня, то захочетъ меня съѣсть, потому что я такой жирный! Надо мнѣ поѣсть земли съ его могилы: иначе—мнѣ конецъ.

4.

Тогда онъ наклонился, чтобы взять земли; но собака, которая грызла баранью кость, подумала, что Ваня хочетъ ее отнять у нея; она бросилась къ ногѣ его и укусила до крови.

---

1 Трусоватъ былъ Ваня бѣдный:
Разъ онъ позднею порой
Весь въ поту, отъ страха блѣдный,
Черезъ кладбище шелъ домой.

2 Бѣдный Ваня еле дышитъ;
Спотыкаясь, чуть бредетъ
По могиламъ; вдругъ онъ слышитъ—
Кто-то кость, ворча, грызетъ.

3 Ваня сталъ—шагнуть не можетъ,
Боже! думаетъ бѣднякъ,
Это вѣрно кости гложетъ
Красногубый Вурдалакъ.

4 Горе! малый я не сильный;
Съѣстъ Упырь меня совсѣмъ,
Если самъ земли могильной
Я съ молитвою не съѣмъ.

5 Что же? вмѣсто Вурдалака
(Вы представьте Вани злость!)—
Въ темнотѣ предъ нимъ собака
На могилѣ гложетъ кость.

3.

— „Hélas! hélas! dit-il, je suis perdu; s'il me regarde, il voudra me manger, car je suis si gras! Il faut que je mange de la terre de son tombeau; autrement c'est fait de moi.

4.

Alors il s'est baissé pour prendre de la terre; mais un chien, qui rongeait un os de mouton, a cru que Jeannot voulait le lui prendre: il lui a sauté à la jambe et l'a mordu jusqu'au sang.

16. Конь.

Обращеніе хозяина къ коню въ этотъ стихотворенія, заимствованномъ изъ піесы Мериме: „Le cheval Thomas III“, Пушкинъ передалъ языкомъ народнаго просторѣчія, тонъ же зловѣщаго отвѣта коня поднялъ и обогатилъ поэтической картиной его прошлой привольной жизни. Уничтоженіе имени короля дало стихотворенію болѣе общее значеніе.

Вотъ точный переводъ піесы Мериме:

КОНЬ ѲОМЫ II [1]).

„—Что плачешь ты, мой прекрасный бѣлый конь? Отчего ржешь ты печально? Не одѣтъ ли ты сбруей довольно богатой по твоему вкусу? не серебряныя ли у тебя подковы съ золотыми гвоздями? не серебряные ли колокольчики на шеѣ твоей, и не царя ли плодоносной Босніи носишь ты на себѣ?“—„Я плачу, господинъ мой, потому, что невѣрный сниметъ мои серебряныя подковы и мои золотые гвозди, и мои серебряные колокольчики. И я ржу, господинъ мой, потому что изъ кожи короля Босніи невѣрный сдѣлаетъ мнѣ сѣдло“.

„Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустилъ?
Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своихъ удилъ?
Али я тебя не холю?
Али ѣшь овса не въ волю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не злачены стремена?“

Отвѣчаетъ конь печальный:
— Отъ того я присмирѣлъ,
Что я слышу топотъ дальный,
Трубный звукъ и пѣнье стрѣлъ;
Отъ того я ржу, что въ полѣ
Ужъ не долго мнѣ гулять,
Проживать въ красѣ и холѣ,
Свѣтлой сбруей щеголять;
Что ужъ скоро врагъ суровый
Сбрую всю мою возьметъ,
И серебряны подковы

---

1) Le cheval de Thomas II.

„Pourquoi pleures-tu, mon beau cheval blanc? pourquoi hennis-tu douloureusement? N'es-tu pas harnaché assez richement à ton gré?. n'as-tu pas de fers d'argent avec d s clous d'or? n'as-tu pas de sonnettes d'argent à ton cou, et ne portes-tu pas le roi de la fertile Bosnie?“—„Je pleure, mon maître, parce que l'infidèle m'ôtera mes fers d'argent, et mes clous d'or et mes sonnettes d'argent. Et je hennis, mon maître, parce que avec la peau du roi de Bosnie le mécréant doit me faire une selle“.

Съ легкихъ ногъ моихъ сдеретъ;
Отъ того мой духъ и ноетъ,
Что на мѣсто чапрака,
Кожей онъ твоей покроетъ
Мнѣ вспотѣвшіе бока.

---

20. Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ.

(1833).

Сказка эта, отнесенная Пушкинымъ въ черновой тетради къ числу сербскихъ пѣсенъ, тѣмъ не менѣе представляетъ передѣлку русской народной сказки, и притомъ очень близкую. Причислить ее къ сербскимъ Пушкинъ могъ потому, что, быть можетъ, ему была извѣстна и сербская сказка того же содержанія. Текстъ народной сказки, взятый на этотъ разъ Пушкинымъ, заключалъ много достоинствъ и по стройности состава, и по яркой характеристикѣ обоихъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ (старика и старухи). Пушкинъ, почувствовавъ эти достоинства своего источника, придержался близко къ нему; не придалъ этой сказкѣ и форму произведенія риѳмованнаго, написаннаго искусственнымъ стихомъ, какъ то дѣлалъ при передачѣ нѣкоторыхъ другихъ сказокъ: онъ пишетъ ее, сохраняя свободный ритмъ народнаго языка и его теченіе рѣчи.

Въ сборникѣ русскихъ сказокъ Аѳанасьева мы видимъ эту народную сказку [1]). Вотъ текстъ ея:

ЗОЛОТАЯ РЫБКА.

На морѣ на окіянѣ, на островѣ на Буянѣ, стояла небольшая ветхая избушка; въ той избушкѣ жили старикъ да старуха. Жили они въ великой бѣдности; старикъ сдѣлалъ сѣть и сталъ ходить на море да ловить рыбу: тѣмъ только и добывалъ себѣ дневное пропитаніе. Разъ какъ-то закинулъ старикъ свою сѣть, началъ тянуть, и показалось ему такъ тяжело, какъ доселѣ никогда не бывало: еле-еле вытянулъ. Смотритъ, а сѣть пуста: всего-навсего одна рыбка попалась, зато рыбка не простая—золотая. Взмолилась ему рыбка человѣчьимъ голосомъ: Не бери меня старичокъ! пусти лучше въ сине море; я тебѣ сама пригожусь: что пожелаешь, то и сдѣлаю". Старикъ подумалъ-подумалъ и говоритъ: „Мнѣ ничего отъ тебя не надобно: ступай, гуляй въ морѣ! Бросилъ золотую рыбку въ воду и воротился домой. Спрашиваетъ его старуха: „Много ли поймалъ, старикъ?"—Да всего-навсего одну золотую рыбку, и ту бросилъ въ море; крѣпко она взмолилась; отпусти, говорила, въ сине море; я тебѣ у (въ) пригоду стану: что пожелаешь, все сдѣлаю! Пожалѣлъ я рыбку, не взялъ

---

1) Къ ней такъ близка сказка Пушкина, что возможно предположеніе, не изъ портфеля ли Пушкина взятъ текстъ, напечатанный у Аѳанасьева. Извѣстно, что въ его сборникъ вошла значительная доля сказокъ, доставленныхъ В. И. Далемъ, а Даль въ послѣдніе годы жизни Пушкина былъ очень близокъ съ нимъ.

съ нея выкупу, даромъ на волю пустилъ. „Ахъ ты, старой чортъ! попалось тебѣ въ руки большое счастье, а ты и владáть не сумѣлъ“. Озлилась старуха, ругаетъ старика съ утра до вечера, не даетъ ему спокою: „Хоть бы хлѣба у ней выпросилъ! вѣдь скоро сухой корки не будетъ; что жрать-то станешь?“ Не выдержалъ старикъ, пошелъ къ золотой рыбкѣ за хлѣбомъ; пришелъ нá море и крикнулъ громкимъ голосомъ: „Рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой“. Рыбка приплыла къ берегу: „что тебѣ, старикъ, надо?— Старуха осерчала, за хлѣбомъ прислала.—„Ступай домой, будетъ у васъ хлѣба вдоволь“. Воротился старикъ. „Ну, что, старуха, есть хлѣбъ?“—Хлѣба-то вдоволь; да вотъ бѣда: корыто раскололось, не въ чемъ бѣлье мыть; ступай къ золотой рыбкѣ, попроси, чтобъ новое дала.—Пошелъ старикъ на море. „Рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой“. Приплыла золотая рыбка. „Что тебѣ надо, старикъ?“ — Старуха прислала новое корыто просить. — „Хорошо, будетъ у васъ и корыто“. Воротился старикъ; только въ дверь, а старуха опять на него накинулась. „Ступай, говоритъ, къ золотой рыбкѣ, попроси, чтобъ новую избу построила; въ нашей жить нельзя, того и смотри, что развалится!“ Пошелъ старикъ на море. „Рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой“. Рыбка приплыла, стала къ нему головой, въ море хвостомъ, и спрашиваетъ: „Что тебѣ, старикъ, надо?“ — Построй намъ новую избу; старуха ругается, не даетъ мнѣ спокою; не хочу, говоритъ, жить въ старой избушкѣ; она — того и смотри — вся развалится!“—„Не тужи, старикъ! ступай домой, да молись Богу, все будетъ сдѣлано“. Воротился старикъ— на его дворѣ стоитъ изба новая, дубовая, съ вырѣзными узорами. Выбѣгаетъ къ нему навстрѣчу старуха, пуще прежняго сердится, пуще прежняго ругается: „Ахъ ты, старый пёсъ! не умѣешь ты счастьемъ пользоваться. Выпросилъ избу, и чай думаешь—дѣло сдѣлалъ! Нѣтъ, ступай-ка опять къ золотой рыбкѣ, да скажи ей: не хочу я быть крестьянкой, хочу быть воеводихой, чтобъ меня добрые люди слушались, при встрѣчахъ въ поясъ кланялись“. Пошелъ старикъ на море, говоритъ громкимъ голосомъ: „Рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой“. Приплыла рыбка, стала въ море хвостомъ, къ нему головой. „Что тебѣ, старикъ, надо?“ Отвѣчаетъ старикъ: Не даетъ мнѣ старуха спокою, совсѣмъ вздурилась: не хочетъ быть крестьянкою, хочетъ быть воеводихой“.—„Хорошо! не тужи, ступай домой, да молись Богу, все будетъ сдѣлано“. Воротился старикъ, а вмѣсто избы каменный домъ стоитъ, въ три этажа выстроенъ; по двору прислуга бѣгаетъ, на кухнѣ повара стучатъ, а старуха въ дорогомъ парчевомъ платьѣ на высокихъ креслахъ сидитъ да приказы отдаетъ. „Здравствуй, жена!“ говоритъ старикъ.— Ахъ ты, невѣжа этакой? какъ смѣлъ обозвать меня, воеводиху, своею женою? Эй, люди, взять этого мужичонка на конюшню и отодрать плетьми, какъ можно больнѣе.— Тотчасъ прибѣжала прислуга, схватила старика за шиворотъ и потащила въ конюшню: начали конюхи угощать его плетьми, да такъ угостили, что еле на ноги поднялся. Послѣ того старуха поставила старика дворникомъ; велѣла дать ему метлу, чтобъ дворъ убиралъ, а кормить и поить его на кухнѣ. Плохое житье старику; цѣлый день дворъ убирай, а чуть гдѣ не чисто—сейчасъ на конюшню! „Экая вѣдьма“! думаетъ старикъ: „далось ей счастье, а она какъ свинья зарылась; ужъ и за мужа меня не считаетъ!“ Ни много, ни мало прошло времени; придокучило старухѣ быть воеводихой, потребовала къ себѣ старика и приказываетъ: „Ступай, старый чортъ, къ золотой рыбкѣ, скажи ей: не хочу я быть воеводихой, хочу быть царицею“. Пошелъ старикъ на море

„Рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ ко мнѣ головой“. Приплыла золотая рыбка. „Что тебѣ, старикъ, надо?“ — Да что! вздурилась моя старуха пуще прежняго: не хочетъ быть воеводихой, хочетъ быть царицею.. „Не тужи! ступай домой, да молись Богу, все будетъ сдѣлано“. Воротился старикъ, а вмѣсто прежняго дома высокій дворецъ стоитъ, подъ золотою крышею; кругомъ часовые ходятъ да ружьями выкидываютъ; позади большой садъ раскинулся, а передъ самымъ дворцомъ — зеленый лугъ; на лугу войска собраны. Старуха нарядилась царицею, выступила на балконъ съ генералами да съ боярами, и начала дѣлать тѣмъ войскамъ смотръ и разводъ: барабаны бьютъ, музыка гремитъ, солдаты „ура“ кричатъ! Ни много, ни мало прошло времени, придоскучило старухѣ быть царицею, велѣла разыскать старика и представить предъ свои очи свѣтлыя. Поднялась суматоха, генералы суетятся, бояре бѣгаютъ: „Какой-такой старикъ?“ Насилу нашли его на заднемъ дворѣ, повели къ царицѣ. „Слушай! старый чортъ, говоритъ ему старуха, — ступай къ золотой рыбкѣ, да скажи ей: не хочу я быть царицею, хочу быть морскою владычицей, чтобы всѣ моря и всѣ рыбы меня слушались“. Старикъ было отнѣкиваться; куда тебѣ! коли не пойдешь—голова долой! Скрѣпя сердце, пошелъ старикъ на море, пришелъ и говоритъ: „Рыбка, рыбка! стань въ море хвостомъ, ко мнѣ головой“. Золотой рыбки нѣтъ, какъ нѣтъ! Зоветъ старикъ въ другой разъ — опять нѣту! Зоветъ въ третій разъ — вдругъ море зашумѣло, взволновалось; то было свѣтлое, чистое, а тутъ совсѣмъ почернѣло. Приплываетъ рыбка къ берегу. „Что тебѣ, старикъ, надо?“ — „Старуха еще пуще вздурилася: ужъ не хочетъ быть царицею, хочетъ быть морскою владычицей, надъ всѣми водами властвовать, надъ всѣми рыбами повелѣвать“. Ничего не сказала старику золотая рыбка, повернулась и ушла въ глубину моря. Старикъ воротился назадъ, смотритъ и глазамъ не вѣритъ: дворца какъ не бывало, а на его мѣстѣ стоитъ небольшая ветхая избушка, а въ избушкѣ сидитъ старуха въ изодранномъ сарафанѣ. Начали они жить попрежнему: старикъ опять принялся за рыбную ловлю; только какъ часто ни закидывалъ сѣтей въ море, не удалось больше поймать золотой рыбки. (Народн. русск. сказки А. Н. Аѳанасьева. Кн. 1, 39).

Сказка Пушкина напеч. впервые въ „Библ. для Чт.“ 1835, № 5.

Жилъ старикъ со своею старухой
У самаго синяго моря;
Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Старикъ ловилъ неводомъ рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Разъ онъ въ море закинулъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ одною тиной;
Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ травой морскою;
Въ третій разъ закинулъ онъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ золотой рыбкой,
Съ непростою рыбкой, золотою.
Какъ взмолится золотая рыбка,

Голосомъ молвитъ человѣчьимъ:
„Отпусти ты, старче, меня въ море,
Дорогой за себя дамъ откупъ:
Откуплюсь чѣмъ только пожелаешь“.
Удивился старикъ, испугался:
Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года,
И не слыхивалъ, чтобъ рыба говорила.
Отпустилъ онъ рыбку золотую
И сказалъ ей ласковое слово:
„Богъ съ тобою, золотая рыбка!
Твоего мнѣ откупа не надо;
Ступай себѣ въ синее море,
Гуляй тамъ себѣ на просторѣ“.
Воротился старикъ ко старухѣ,
Разсказалъ ей великое чудо:
„Я сегодня поймалъ-было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;
По нашему говорила рыбка,
Домой въ море синее просилась,
Дорогою цѣною откупалась:
Откупалась чѣмъ только пожелаю.
Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ:
Такъ пустилъ ее въ синее море“.
Старика старуха забранила:
„Дурачина ты, простофиля!
Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки!
Хоть бы взялъ ты съ нея корыто:
Наше-то совсѣмъ раскололось“.
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю,
Видитъ: море слегка разыгралось.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка и спросила:
„Чего тебѣ надобно, старче?“
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
„Смилуйся, государыня-рыбка!
Разбранила меня моя старуха,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсѣмъ раскололось“.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
„Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Будетъ вамъ новое корыто“.
Воротился старикъ ко старухѣ;
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
„Дурачина ты, простофиля!
Выпросилъ, дурачина, корыто!
Въ корытѣ много ли корысти?
Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ;

Поклонись ей, выпроси ужъ избу“.
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю:
Помутилося синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
„Чего тебѣ надобно, старче?“
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
„Смилуйся, государыня-рыбка!
Еще пуще старуха брапится,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Избу проситъ сварливая баба“.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
„Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Такъ и быть: изба вамъ ужъ будетъ“.
Пошелъ онъ ко своей землянкѣ,
А землянки нѣтъ ужъ и слѣда;
Передъ нимъ изба со свѣтелкой,
Съ кирпичною, бѣленою трубою,
Съ дубовыми, тесовыми вороты.
Старуха сидитъ подъ окошкомъ,
На чемъ свѣтъ стоитъ мужа ругаетъ:
„Дурачина ты, прямой простофиля?
Выпросилъ, простофиля, избу!
Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть черной крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой“.

Пошелъ старикъ къ синему морю:
Не спокойно синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
„Чего тебѣ надобно, старче?“
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
„Смилуйся, государыня-рыбка!
Пуще прежняго старуха вздурилась,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Ужъ не хочетъ быть она крестьянкой,
Хочетъ быть столбовою дворянкой“.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
„Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!“
Воротился старикъ ко старухѣ;
Что жъ онъ видитъ? высокій теремъ.
На крыльцѣ стоитъ его старуха
Въ дорогой собольей душегрейкѣ,
Парчевая на маковкѣ кичка,
Жемчуги окружили шею,
На рукахъ золотые перстни,
На ногахъ красные сапожки.
Передъ нею усердные слуги;

Она бьетъ ихъ, за чупрунъ таскаетъ.
Говоритъ старикъ своей старухѣ:
„Здравствуй, барыня-сударыня дворянка!
Чай теперь твоя душенька довольна“.
На него прикрикнула старуха,
На конюшню служить его послала.

Вотъ недѣля-другая проходитъ;
Еще пуще старуха вздурилась;
Опять къ рыбкѣ старика посылаетъ.
„Воротись, поклонися рыбкѣ;
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною царицей“.
Испугался старикъ, взмолился:
„Что ты, баба, бѣлены объѣлась?
Ни ступить, ни молвить не умѣешь—
Насмѣшишь ты цѣлое царство“.
Осердилася пуще старуха.
По щекѣ ударила мужа.
„Какъ ты смѣешь, мужикъ, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою?
Ступай къ морю, говорятъ тебѣ честью,
Не пойдешь, поведутъ по неволѣ“.

Старичекъ отправился къ морю:
Почернѣло синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
„Чего тебѣ надобно, старче?“
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
„Смилуйся, государыня-рыбка!
Опять моя старуха бунтуетъ:
Ужъ не хочетъ быть она дворянкой,
Хочетъ быть вольною царицей“.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
„Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Добро! будетъ старуха царицей!“

Старичекъ къ старухѣ воротился.
Что жъ? Предъ нимъ царскія палаты,
Въ палатахъ видитъ свою старуху,
За столомъ сидитъ она царицей,
Служатъ ей бояре да дворяне,
Наливаютъ ей заморскія вины,
Заѣдаетъ она пряникомъ печатнымъ;
Вкругъ стоитъ ея грозная стража,
На плечахъ топорики держатъ.
Какъ увидѣлъ старикъ—испугался;
Въ ноги онъ старухѣ поклонился,

Молвилъ: „Здравствуй, грозная царица!
Ну, теперь твоя душенька довольна“.
На него старуха не взглянула,
Лишь съ очей прогнать его велѣла.
Подбѣжали бояре и дворяне,
Старика въ зашеи затолкали.
А въ дверяхъ-то стража подбѣжала,
Топорами чуть не изрубила;
А народъ-то надъ нимъ насмѣялся:
„По дѣломъ тебѣ, старый невѣжа!
Впредь тебѣ, невѣжа, наука:
Не садись не въ свои сани!“

Вотъ недѣля, другая проходитъ,
Еще пуще старуха вздурилась:
Царедворцевъ за мужемъ посылаетъ.
Отыскали старика, привели къ ней.
Говоритъ старику старуха:
„Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мнѣ въ окіянѣ-морѣ,
Чтобъ служила мнѣ рыбка золотая
И была бъ у меня на посылкахъ“.

Старикъ не осмѣлился перечить,
Не дерзнулъ поперекъ слова молвить.
Вотъ идетъ онъ къ синему морю:
Видитъ, на морѣ черная буря—
Такъ и вздулись сердитыя волны,
Такъ и ходятъ, такъ воемъ и воютъ.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку,
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
„Чего тебѣ надобно, старче?“
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
„Смилуйся, государыня-рыбка!
Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой?
Ужъ не хочетъ быть она царицей,
Хочетъ быть владычицей морскою,
Чтобы жить ей въ окіянѣ-морѣ,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у нея на посылкахъ“.
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостомъ по водѣ плеснула
И ушла въ глубокое море.
Долго у моря ждалъ онъ отвѣта,
Не дождался, къ старухѣ воротился—
Глядь: опять передъ нимъ землянка,
На порогѣ сидитъ его старуха,
А передъ нею разбитое корыто.

14-го октября 1833 года. Болдино. 18-я пѣсня сербская.

21. Сказка о мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ.

(1833).

Въ рукописяхъ Пушкина нѣтъ народной сказки, послужившей ему для этого произведенія. Но въ сборникѣ народныхъ сказокъ Аѳанасьева мы находимъ два варіанта подобной сказки. Начало перваго изъ нихъ (записаннаго въ Новогрудскомъ уѣздѣ) повѣствуетъ, что была у короля красавица-дочь, жена его умерла, и онъ женился на другой женѣ. У мачехи было волшебное зеркало, которое на вопросъ ея: „хороша ли я?“ отвѣчало: „Ты хороша, но падчерица твоя еще лучше“. Мачеха велитъ слугѣ завезти и погубить падчерицу. Слуга пожалѣлъ, отпустилъ красавицу и принесъ королевѣ собачье сердце. Между тѣмъ королевна зашла въ лѣсъ и увидѣла тамъ дворецъ, а въ немъ никого нѣтъ. Когда она ходила по дворцу, возвратились въ него 12 братьевъ-королевичей и, увидѣвъ ее, каждый захотѣлъ на ней жениться. Не поладивъ между собой, королевичи рѣшили считать ее сестрою. Между тѣмѣ королева на вопросъ, обращенный къ зеркалу, получила снова отвѣтъ, что она хороша, но лучше ея—падчерица, которая живетъ у 12 братьевъ-королевичей. Тогда королева посылаетъ бабу-чародѣйку извести въ три дня падчерицу. Подъ видомъ торговки, въ отсутствіе братьевъ, чародѣйка продаетъ красавицѣ перстень. Едва надѣла она его, какъ стала мертвою. Вернувшіеся братья стали прибирать покойницу и при этомъ сняли съ руки кольцо: красавица ожила. Извѣщенная волшебнымъ зеркаломъ, королева посылаетъ къ падчерицѣ снова чародѣйку подъ видомъ нищей, которая, подкупивъ слугу королевны, передала ему для нея шпильку. Какъ только королевна вложила ее въ свои волосы, тотчасъ обмерла. Возвратившіеся братья положили покойницу въ серебряный гробъ и повѣсили на дерево (въ другомъ варіантѣ братья подвѣсили ее въ хрустальномъ гробѣ на 12-ти столбахъ въ пустомъ дворцѣ своемъ). Волшебное зеркало успокоило королеву, сказавъ ей, что она теперь лучшая въ цѣломъ свѣтѣ. Между тѣмъ какой-то неизвѣстный королевичъ, заѣхавъ случайно на охотѣ въ лѣсъ, увидѣлъ гробъ, полюбилъ мертвую королевну, перевезъ гробъ въ свой домъ и оживилъ ее, вынувъ шпильку изъ ея волосъ (въ великорусскомъ варіантѣ—онъ убираетъ голову покойницы цвѣтами, приготовляясь по приказанію родителей похоронить королевну, и расчесывая русую косу красавицы, невзначай выронилъ волшебный волосокъ [1]) (волосокъ этотъ соотвѣтствуетъ шпилькѣ новогрудскаго варіанта; его вплела въ волосы красавицы чародѣйка, предложивъ ей поискать у ней въ головѣ). Царевичъ женится на воскресшей королевнѣ и везетъ молодую жену къ королю, ея отцу. Отецъ узнаетъ всѣ козни жены своей и хочетъ предать ее казни („разцягнуть на желѣзныя бороны“), но падчерица не допускаетъ его до этого. На утро былъ балъ, на который были приглашены и 12 королевичей. (См. Аѳанасьева: „Народныя русскія сказки“, т. II, № 121 (a, b).

Напеч. впервые въ „Библ. для Чтенія“ 1834, № 2.

---

[1]) Въ русскихъ варіантахъ чародѣйка усыпляетъ красавицу (не королевну, а купеческую дочь) волоскомъ, перстнемъ лентой (или шитой рубашкой).

Царь съ царицею простился,
Въ путь дорогу снарядился,
И царица у окна
Сѣла ждать его одна.
Ждетъ-пождетъ, съ утра до ночи
Смотритъ въ поле, инда очи
Разболѣлись глядючи
Съ бѣлой зори до ночи:
Не видать милова друга!
Только видитъ: вьется вьюга,
Снѣгъ валится на поля,
Вся бѣлешенька земля.
Девять мѣсяцевъ проходитъ,
Съ поля глазъ она не сводитъ.
Вотъ въ сочельникъ въ самый, въ ночь,
Богъ даетъ царицѣ дочь.

Рано утромъ гость желанный,
День и ночь такъ долго жданный,
Издалеча наконецъ
Воротился царь-отецъ.
На него она взглянула,
Тяжелешенько вздохнула,
Восхищенья не снесла
И къ обѣднѣ умерла.

Долго царь былъ неутѣшенъ;
Но какъ быть? и онъ былъ грѣшенъ:
Годъ прошелъ, какъ сонъ пустой,
Царь женился на другой.
Правду молвить, молодица
Ужъ и впрямь была царица:
Высока, стройна, бѣла,
И умомъ и всѣмъ взяла;
Но зато горда, ломлива,
Своенравна и ревнива.
Ей въ приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имѣло:
Говорить оно умѣло.
Съ нимъ однимъ она была
Добродушна, весела;
Съ нимъ привѣтливо шутила,
И, красуясь, говорила:
„Свѣтъ мой, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?“
И ей зеркальце въ отвѣтъ:
„Ты, конечно, спору нѣтъ,
Ты, царица, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе“.
И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,
И вертѣться подбочась,
Гордо въ зеркальце глядясь.

Но царевна молодая,
Тихомолкомъ расцвѣтая,
Между тѣмъ росла, росла,
Поднялась — и расцвѣла.
Бѣлолица, черноброва,
Нраву кроткаго такова.
И женихъ сыскался ей,
Королевичъ Елисѣй.
Сватъ пріѣхалъ; царь далъ слово,
И приданое готово:
Семь торговыхъ городовъ,
Да сто сорокъ теремовъ.

На дѣвичникъ собираясь,
Вотъ царица, наряжаясь
Передъ зеркальцемъ своимъ,
Перемолвилася съ нимъ:
„Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?“
Что же зеркальце въ отвѣтъ:
„Ты прекрасна, спору нѣтъ:
Но царевна всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе“.
Какъ царица отпрыгнетъ,
Да какъ ручку замахнетъ,
Да по зеркальцу какъ хлопнетъ,
Каблучкомъ-то какъ притопнетъ,
„Ахъ ты, мерзкое стекло!
Это врешь ты мнѣ на зло.

Какъ тягаться ей со мною?
Я въ ней дурь-то успокою,
Вишь какая подросла!
И не диво, что бѣла:
Мать беременна сидѣла,
Да на снѣгъ лишь и глядѣла!
Но скажи: какъ можно ей
Быть во всемъ меня милѣй?
Признавайся; всѣхъ я краше.
Обойди все царство наше,
Хоть весь міръ—мнѣ равной нѣтъ.
Такъ ли?“ Зеркальце въ отвѣтъ:
„А царевна все жъ милѣе,
Все румянѣй и бѣлѣе“.
Дѣлать нечего.. Она
Черной зависти полна,
Бросивъ зеркальце подъ лавку,
Позвала къ себѣ Чернавку,
И наказываетъ ей,
Сѣнной дѣвушкѣ своей,
Весть царевну въ глушь лѣсную
И, связавъ ее, живую
Подъ сосной оставить тамъ
На съѣденіе волкамъ.

Чортъ ли сладитъ съ бабой гнѣвной?
Спорить нечего. Съ царевной
Вотъ Чернавка въ лѣсъ пошла,
И въ такую даль свела,
Что царевна догадалась
И до смерти испугалась,
И взмолилась: „Жизнь моя!
Въ чемъ, скажи, виновна я?
Не губи меня, дѣвица!
А какъ буду я царица,
Я пожалую тебя“.
Та, въ душѣ ее любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
„Не кручинься, Богъ съ тобой“,
А сама пришла домой.
„Что?“ сказала ей царица,
„Гдѣ красавица-дѣвица?“
— „Тамъ, въ лѣсу, стоитъ одна“,
Отвѣчаетъ ей она:
„Крѣпко связаны ей локти;
Попадется звѣрю въ когти,
Меньше будетъ ей терпѣть,
Легче будетъ умереть“.

И молва трезвонить стала:
Дочка царская пропала!
Тужитъ бѣдный царь по ней.
Королевичъ Елисѣй,
Помолясь усердно Богу,
Отправляется въ дорогу
За красавицей-душой,
За невѣстой молодой.

Но невѣста молодая,
До зари въ лѣсу блуждая,
Между тѣмъ все шла да шла,
И на теремъ набрела.
Ей навстрѣчу пёсъ, залая,
Прибѣжалъ и смолкъ, играя;
Въ ворота вошла она.
На подворьѣ тишина.
Песъ бѣжитъ за ней, ласкаясь,
А царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо;
Дверь тихонько отворилась,
И царевна очутилась
Въ свѣтлой горницѣ; кругомъ
Лавки, крытыя ковромъ,
Подъ святыми столъ дубовый,
Печь съ лежанкой изразцовой.
Видитъ дѣвица, что тутъ
Люди добрые живутъ;
Знать, не будетъ ей обидно.
Никого межъ тѣмъ не видно.
Домъ царевна обошла,
Все порядкомъ убрала,
Засвѣтила Богу свѣчку,
Затопила жарко печку,
На полати взобралась
И тихонько улеглась.

Часъ обѣда приближался;
Топотъ по двору раздался.
Входятъ семь богатырей,
Семь румяныхъ усачей.
Старшій молвилъ: „Что за диво!

Все такъ чисто и красиво.
Кто-то теремъ прибиралъ,
Да хозяевъ поджидалъ.
Кто же? выдь и покажися,
Съ нами честно подружися:
Коль ты старый человѣкъ,
Дядей будешь намъ на вѣкъ;
Коли парень ты румяный,
Братецъ будешь намъ названый;
Коль старушка, будь намъ мать,
Такъ и станемъ величать;
Коли красная дѣвица,
Будь намъ милая сестрица“.

И царевна къ нимъ сошла,
Честь хозяямъ отдала,
Въ поясъ низко поклонилась;
Закраснѣвшись, извинилась,
Что-де въ гости къ нимъ зашла,
Хоть звана и не была.
Вмигъ по рѣчи тѣ спознали,
Что царевну принимали;
Усадили въ уголокъ,
Подносили пирожокъ.
Рюмку полну наливали
На подносѣ подавали.
Отъ зеленаго вина
Отрекалася она;
Пирожокъ лишь разломила,
Да кусочекъ прикусила,
И съ дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели они дѣвицу
Вверхъ, во свѣтлую свѣтлицу,
И оставили одну,
Отходящую ко сну.

День за днемъ идетъ мелькая,
А царевна молодая
Все въ лѣсу; не скучно ей
У семи богатырей.
Передъ утренней зарею
Братья дружною толпою
Выѣзжаютъ погулять,
Сѣрыхъ утокъ пострѣлять,
Руку правую потѣшить,
Сорочина въ полѣ спѣшить,
Иль башку съ широкихъ плечъ
У татарина отсѣчь,
Или вытравить изъ лѣса
Пятигорскаго черкеса.
А хозяюшкой она
Въ терему межъ тѣмъ одна,
Приберетъ и приготовитъ.
Имъ она не прекословитъ,
Не перечатъ ей они;
Такъ идутъ за днями дни.

Братья милую дѣвицу
Полюбили. Къ ней въ свѣтлицу
Разъ, лишь только разсвѣло,
Всѣхъ ихъ семеро вошло.
Старшій молвилъ ей: „Дѣвица,
Знаешь: всѣмъ ты намъ сестрица,
Всѣхъ насъ семеро, тебя
Всѣ мы любимъ; за себя
Взять тебя мы всѣ бы ради,
Да нельзя; такъ Бога ради,
Помири насъ какъ-нибудь:
Одному женою будь,
Прочимъ ласковой сестрою.
Что жъ качаешь головою?
Аль отказываешь намъ?
Аль товаръ не по купцамъ?“
— „Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные“,
Имъ царевна говоритъ:
„Коли лгу, пусть Богъ велитъ
Не сойти живой мнѣ съ мѣста.
Какъ мнѣ быть? вѣдь я невѣста.
Для меня вы всѣ равны,
Всѣ удалы, всѣ умны,
Всѣхъ я васъ люблю сердечно;
Но другому я на вѣчно
Отдана. Мнѣ всѣхъ милѣй
Королевичъ Елисѣй.

Братья молча постояли,
Да въ затылкѣ почесали.
„Спросъ не грѣхъ. Прости ты насъ“,
Старшій молвилъ поклонясь.

„Коли такъ, не заикнуся
Ужъ о томъ". — „Я не сержуся",
Тихо молвила она,
„И отказъ мой не вина".
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно всѣ опять
Стали жить да поживать.

Между тѣмъ царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить ее;
А на зеркальце свое
Долго дулась и сердилась;
Наконецъ объ немъ хватилась
И пошла за нимъ, и сѣвъ
Передъ нимъ, забыла гнѣвъ,
Красоваться снова стала,
И съ улыбкою сказала:
„Здравствуй, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?"
И ей зеркальце въ отвѣтъ:
„Ты прекрасна, спору нѣтъ;
Но живетъ безъ всякой славы,
Средь зеленыя дубравы,
У семи богатырей
Та, что все жъ тебя милѣй".
И царица налетѣла
На Чернавку: „Какъ ты смѣла
Обмануть меня? и въ чемъ!"...
Та призналася во всемъ:
Такъ и такъ. Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,
Положила иль не жить,
Иль царевну погубить.

Разъ царевна молодая,
Милыхъ братьевъ поджидая,
Пряла, сидя подъ окномъ.
Вдругъ сердито подъ крыльцомъ
Песъ залаялъ, и дѣвица
Видитъ: нищая черница
Ходитъ по двору, клюкой
Отгоняя пса. „Постой,
Бабушка, постой немножко",
Ей кричитъ она въ окошко,
„Пригрожу сама я псу,
И кой-что тебѣ снесу".
Отвѣчаетъ ей черница:
„Охъ ты, дитятко, дѣвица!
Песъ проклятый одолѣлъ,
Чуть до смерти не заѣлъ.
Посмотри, какъ онъ хлопочетъ!
Выдь ко мнѣ". Царевна хочетъ
Выйти къ ней и хлѣбъ взяла,
Но съ крылечка лишь сошла,
Песъ ей подъ ноги—и лаетъ,
И къ старухѣ не пускаетъ;
Лишь пойдетъ старуха къ ней,
Онъ, лѣсного звѣря злѣй,
На старуху. Что за чудо?
„Видно выспался онъ худо",
Ей царевна говоритъ.
„На жъ, лови!" и хлѣбъ летитъ.
Старушонка хлѣбъ поймала;
„Благодарствую", сказала,
„Богъ тебя благослови;
Вотъ за то тебѣ, лови!"
И къ царевнѣ наливное,
Молодое, золотое,
Прямо яблочко летитъ...
Песъ какъ прыгнетъ, завизжитъ...
Но царевна въ обѣ руки,
Хвать—поймала. „Ради скуки
Кушай яблочко, мой свѣтъ;
Благодарствуй за обѣдъ",
Старушоночка сказала,
Поклонилась и пропала.
И съ царевной на крыльцо
Песъ бѣжитъ и ей въ лицо
Жалко смотритъ, грозно воетъ,
Словно сердце песье ноетъ,
Словно хочетъ ей сказать:
Брось! Она его ласкать,
Треплетъ нѣжною рукою.
„Что, соколка, что съ тобою
Лягъ!" и въ комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,
Подъ окно за пряжу сѣла
Ждать хозяевъ, а глядѣла
Все на яблоко. Оно

Соку спѣлаго полно,
Такъ свѣжо и такъ душисто,
Такъ румяно, золотисто,
Будто медомъ налилось!
Видны сѣмечки насквозь.
Подождать она хотѣла
До обѣда, не стерпѣла,
Въ руки яблочко взяла,
Къ алымъ губкамъ поднесла,
Потихоньку прокусила,
И кусочекъ проглотила...
Вдругъ она, моя душа,
Пошатнулась не дыша,
Бѣлы руки опустила,
Плодъ румяный уронила,
Закатилися глаза,
И она подъ образа
Головой на лавку пала,
И тиха, недвижна стала...

Братья въ ту пору домой
Возвратилися толпой
Съ молодецкаго разбоя.
Имъ навстрѣчу, громко воя,
Песъ бѣжитъ, и ко двору
Путь имъ кажетъ. „Не къ добру!“
Братья молвили: „печали
Не минуемъ“. Прискакали,
Входятъ, ахнули. Вбѣжавъ,
Песъ на яблоко стремглавъ
Съ лаемъ кинулся, озлился,
Проглотилъ его, свалился
И издохъ. Напоено
Было ядомъ знать оно.
Передъ мертвою царевной
Братья въ горести душевной
Всѣ поникли головой,
И съ молитвою святой
Съ лавки подняли, одѣли,
Хоронить ее хотѣли
И раздумали. Она
Какъ подъ крылышкомъ у сна,
Такъ тиха, свѣжа лежала,
Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не возстала ото сна.
Сотворивъ обрядъ печальный,
Вотъ они во гробъ хрустальный
Трупъ царевны молодой
Положили, и толпой
Понесли въ пустую гору
И въ полуночную пору
Гробъ ея къ шести столбамъ
На цѣпяхъ чугунныхъ тамъ
Осторожно привинтили
И рѣшеткой оградили;
И предъ мертвою сестрой
Сотворивъ поклонъ земной,—
Старшій молвилъ: „Спи во гробѣ;
Вдругъ погасла, жертвой злобѣ,
На землѣ твоя краса,
Духъ твой примутъ небеса.
Нами ты была любима
И для милаго хранима—
Не досталась никому
Только гробу одному“.

Въ тотъ же день царица злая,
Доброй вѣсти ожидая,
Втайнѣ зеркальце взяла
И вопросъ свой задала:
„Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?“
И услышала въ отвѣтъ:
„Ты, царица, спору нѣтъ,
Ты на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе“.
За невѣстою своей
Королевичъ Елисѣй
Между тѣмъ по свѣту скачетъ.
Нѣтъ какъ нѣтъ! Онъ горько плачетъ,
И кого ни спроситъ онъ,
Всѣмъ вопросъ его мудренъ;
Кто въ глаза ему смѣется,
Кто скорѣе отвернется;
Къ красну солнцу наконецъ
Обратился молодецъ:
„Свѣтъ нашъ солнышко! ты ходишь
Круглый годъ по небу, сводишь
Зиму съ теплою весной,
Всѣхъ насъ видишь подъ собой.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтѣ?
Не видало ль гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой?

„Я — женихъ ей.“ — „Свѣтъ ты мой“,
Красно солнце отвѣчалало:
„Я царевны не видало.
Знать ее въ живыхъ ужъ нѣтъ.
Развѣ мѣсяцъ, мой сосѣдъ,
Гдѣ-нибудь ее да встрѣтилъ
Или слѣдъ ея замѣтилъ“.

Темной ночкой Елисѣй
Дождался въ тоскѣ своей.
Только мѣсяцъ показался,
Онъ за нимъ съ мольбой погнался.
„Мѣсяцъ, мѣсяцъ, мой дружокъ,
Позолоченый рожокъ!
Ты встаешь во тьмѣ глубокой,
Круглолицый, свѣтлоокій,
И обычай твой любя,
Звѣзды смотрятъ на тебя.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтѣ?
Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой?
Я — женихъ ей“. — „Братецъ мой“,
Отвѣчаетъ мѣсяцъ ясный:
„Не видалъ я дѣвы красной.
На сторожѣ я стою
Только въ очередь мою.
Безъ меня царевна видно
Пробѣжала“.—„Какъ обидно“!
Королевичъ отвѣчалъ.
Ясный мѣсяцъ продолжалъ:
„Погоди: объ ней, быть можетъ,
Вѣтеръ знаетъ; онъ поможетъ.
Ты къ нему теперь ступай;
Не печалься же, прощай“.

Елисѣй, не унывая,
Къ вѣтру кинулся, взывая:
„Вѣтеръ, вѣтеръ! Ты могучъ,
Ты гоняешь стаи тучъ,
Ты волнуешь сине море,
Всюду вѣешь на просторѣ,
Не боишься никого,
Кромѣ Бога одного.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтѣ?
Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой?
Я — женихъ ея“. — „Постой“,
Отвѣчаетъ вѣтеръ буйный:
„Тамъ, за рѣчкой тихоструйной,
Есть высокая гора;
Въ ней глубокая нора;
Въ той норѣ, во тьмѣ печальной,
Гробъ качается хрустальный
На цѣпяхъ между столбовъ.
Не видать ничьихъ слѣдовъ
Вкругъ того пустого мѣста:
Въ томъ гробу твоя невѣста“.

Вѣтеръ далѣ побѣжалъ.
Королевичъ зарыдалъ,
И пошелъ къ пустому мѣсту,
На прекрасную невѣсту
Посмотрѣть еще хоть разъ.
Вотъ идетъ: и поднялась
Передъ нимъ гора крутая;
Вкругъ нея страна пустая;
Подъ горою темный входъ.
Онъ туда скорѣй идетъ.
Передъ нимъ, во мглѣ печальной,
Гробъ качается хрустальный,
И въ хрустальномъ гробѣ томъ
Спитъ царевна мертвымъ сномъ.
И о гробъ невѣсты милой
Онъ ударился всей силой.
Гробъ разбился. Дѣва вдругъ
Ожила. Глядитъ вокругъ
Изумленными глазами,
И качаясь надъ цѣпями,
Привздохнувъ, произнесла:
„Какъ же долго я спала“!
И встаетъ она изъ гроба...
Ахъ!... и зарыдали оба.
Въ руки онъ ее беретъ
И на свѣтъ изъ тьмы несетъ,
И бесѣдуя пріятно,
Въ путь пускается обратно,
И трубитъ уже молва:
Дочка царская жива!

Дома въ ту пору безъ дѣла
Злая мачеха сидѣла.
Передъ зеркальцемъ своимъ

И бесѣдовала съ нимъ,
Говоря: „Я ль всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе“?
И услышала въ отвѣтъ:
„Ты прекрасна, слова нѣтъ,
Но царевна все жъ милѣе,
Все румянѣй и бѣлѣе“.
Злая мачеха, вскочивъ,
Объ полъ зеркальце разбивъ,
Въ двери прямо побѣжала—
И царевну повстрѣчала.
Тутъ ее тоска взяла—
И царица умерла.
Лишь ее похоронили,
Свадьбу тотчасъ учинили,
И съ невѣстою своей
Обвѣнчался Елисѣй—
И никто съ начала міра
Не видалъ такого пира.
Я тамъ былъ; медъ, пиво пилъ,
Да усы лишь обмочилъ.

---

72. Сказка о золотомъ пѣтушкѣ.

(1833).

Напеч. впервые въ „Библ. для Чтенія“, № 4; дополненія въ „Библ. Зап.“ 1861 г.

Нѣгдѣ въ тридевятомъ царствѣ,
Въ тридесятомъ государствѣ,
Жилъ-былъ славный царь Дадонъ.
Смолоду былъ грозенъ онъ,
И сосѣдямъ то и дѣло
Наносилъ обиды смѣло;
Но подъ старость захотѣлъ
Отдохнуть отъ ратныхъ дѣлъ
И покой себѣ устроить.
Тутъ сосѣди безпокоить
Стали стараго царя,
Страшный вредъ ему творя.
Чтобъ концы своихъ владѣній
Охранять отъ нападеній,
Долженъ былъ онъ содержать
Многочисленную рать.
Воеводы не дремали,
Но никакъ не успѣвали:
Ждутъ, бывало, съ юга, глядь—
Анъ съ востока лѣзетъ рать;
Справятъ здѣсь—лихіе гости
Идутъ отъ моря: со злости
Инда плакалъ царь Дадонъ,
Инда забывалъ и сонъ.
Что и жизнь въ такой тревогѣ!
Вотъ онъ съ просьбой о помогѣ
Обратился къ мудрецу,
Звѣздочету и скопцу.
Шлетъ за нимъ гонца съ поклономъ.
Вотъ мудрецъ передъ Дадономъ
Сталъ и вынулъ изъ мѣшка
Золотого пѣтушка.
„Посади ты эту птицу“,
Молвилъ онъ царю, „на спицу;
Пѣтушокъ мой золотой
Будетъ вѣрный сторожъ твой.
Коль кругомъ все будетъ мирно,
Такъ сидѣть онъ будетъ смирно,
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебѣ войны,
Иль набѣга силы бранной,
Иль другой бѣды незваной—
Вмигъ тогда мой пѣтушокъ
Приподыметъ гребешокъ,
Закричитъ и встрепенется,
И въ то мѣсто обернется“.
Царь скопца благодаритъ,
Горы золота сулитъ.
„За такое одолженье“,
Говоритъ онъ въ восхищеньи,
„Волю первую твою
Я исполню, какъ мою“.

Пѣтушокъ съ высокой спицы
Сталъ стеречь его границы;
Чуть опасность гдѣ видна,
Вѣрный сторожъ какъ со сна
Шевельнется, встрепенется,
Къ той сторонкѣ обернется
И кричитъ: кири-ку-ку...
Царствуй, лежа на боку!
И сосѣди присмирѣли,
Воевать уже не смѣли.
Таковой имъ царь Дадонъ
Далъ отпоръ со всѣхъ сторонъ.

Годъ-другой проходитъ мирно,
Пѣтушокъ сидитъ все смирно.
Вотъ однажды царь Дадонъ
Страшнымъ шумомъ пробужденъ:
„Царь ты нашъ! отецъ народа!“
Возглашаетъ воевода,
„Государь! проснись! бѣда!“
—„Что такое, господа“?
Говоритъ Дадонъ зѣвая,
„А? кто тамъ? бѣда какая“?
Воевода говоритъ:
„Пѣтушокъ опять кричитъ;
Страхъ и шумъ во всей столицѣ“,
Царь къ окошку—анъ на спицѣ,
Видитъ бьется пѣтушокъ,
Обратившись на востокъ.
Медлить нечего: скорѣе!
Люди, на конь! Эй, живѣе!
Царь къ востоку войско шлетъ,
Старшій сынъ его ведетъ.
Пѣтушокъ угомонился,
Шумъ утихъ, и царь забылся.

Вотъ проходитъ восемь дней,
А отъ войска нѣтъ вѣстей:
Было ль, не было ль сраженья —
Нѣтъ Дадону донесенья.
Пѣтушокъ кричитъ опять,
Кличетъ царь другую рать;
Сына онъ теперь меньшова
Шлетъ на выручку большова.
Пѣтушокъ опять утихъ.
Снова вѣсти нѣтъ отъ нихъ.
Снова восемь дней проходятъ;
Люди въ страхѣ дни проводятъ.
Пѣтушокъ кричитъ опять;
Царь скликаетъ третью рать
И ведетъ ее къ востоку
Самъ не зная, быть ли проку.

Войска идутъ день и ночь;
Имъ становится не въ мочь.
Ни побоища, ни стана,
Ни надгробнаго кургана
Не встрѣчаетъ царь Дадонъ.
Что за чудо? мыслитъ онъ,
Вотъ осьмой ужъ день проходитъ,
Войско въ горы царь приводитъ,
И промежъ высокихъ горъ
Видитъ шелковый шатеръ.
Все въ безмолвіи чудесномъ
Вкругъ шатра; въ ущельи тѣсномъ
Рать побитая лежитъ.
Царь Дадонъ къ шатру спѣшитъ...
Что за страшная картина!
Передъ нимъ его два сына
Безъ шеломовъ и безъ латъ
Оба мертвые лежатъ,
Мечъ вонзивши другъ во друга.
Бродятъ кони ихъ средь луга
По притоптанной травѣ,
По кровавой муравѣ...
Царь завылъ: „Охъ дѣти, дѣти!
Горе мнѣ! попались въ сѣти
Оба наши сокола!
Горе! смерть моя пришла“.
Всѣ завыли за Дадономъ;
Застонала тяжкимъ стономъ
Глубь долинъ, и сердце горъ
Потряслося. Вдругъ шатеръ
Распахнулся... и дѣвица,
Шамаханская царица,
Вся сія какъ заря,
Тихо встрѣтила царя.
Какъ предъ солнцемъ птица ночи,
Царь умолкъ, ей глядя въ очи,
И забылъ онъ передъ ней

Смерть обоихъ сыновей.
И она передъ Дадономъ
Улыбнулась—и съ поклономъ
Его за руку взяла
И въ шатеръ свой увела.
Тамъ за столъ его сажала,
Всякимъ яствомъ угощала,
Уложила отдыхать
На парчевую кровать,
И потомъ недѣлю ровно,
Покорясь ей безусловно,
Околдованъ, восхищенъ,
Пировалъ у ней Дадонъ.

Наконецъ и въ путь обратный
Со своею силой ратной
И съ дѣвицей молодой
Царь отправился домой.
Передъ нимъ молва бѣжала,
Быль и не быль разглашала.
Подъ столицей, близъ воротъ,
Съ шумомъ встрѣтилъ ихъ народъ;
Всѣ бѣгутъ за колесницей,
За Дадономъ и царицей.
Всѣхъ привѣтствуетъ Дадонъ...
Вдругъ въ толпѣ увидѣлъ онъ,
Въ сорочинской шапкѣ бѣлой,
Весь какъ лебедь посѣдѣлый,
Старый другъ его скопецъ.
„А! здорово, мой отецъ“,
Молвилъ царь ему, „что скажешь?
Подь поближе, что прикажешь?“
—„Царь“, отвѣтствуетъ мудрецъ,
„Разочтемся наконецъ.
Помнишь? за мою услугу
Обѣщался мнѣ, какъ другу,
Волю первую мою
Ты исполнить, какъ свою.
Подари жъ ты мнѣ дѣвицу,
Шамаханскую царицу“.
Крайне царь былъ изумленъ.
„Что ты“? старцу молвилъ онъ:
„Или бѣсъ въ тебя ввернулся,
Или ты съ ума рехнулся?
Что ты въ голову забралъ?
Я конечно обѣщалъ,
Но всему же есть граница.
И зачѣмъ тебѣ дѣвица?
Полно, знаешь ли, кто я?
Попроси ты отъ меня
Хоть казну, хоть чинъ боярскій,
Хоть коня съ конюшни царской,
Хоть полцарства моего“.
— „Не хочу я ничего.
Подари ты мнѣ дѣвицу,
Шамаханскую царицу“,
Говоритъ мудрецъ въ отвѣтъ.
Плюнулъ царь: „Такъ лихъ же нѣтъ!
Ничего ты не получишь.
Самъ себя ты, грѣшникъ, мучишь.
Убирайся, цѣлъ пока.
Оттащите старика“!
Старичокъ хотѣлъ заспорить,
Но съ инымъ накладно вздорить;
Царь хватилъ его жезломъ
По лбу; тотъ упалъ ничкомъ,
Да и духъ вонъ.— Вся столица
Содрогнулась — а дѣвица
Хи-хи-хи, да ха-ха-ха!
Не боится знать грѣха.
Царь, хоть былъ встревоженъ сильно,
Усмѣхнулся ей умильно.
Вотъ въѣзжаетъ въ городъ онъ...
Вдругъ раздался легкій звонъ,
И въ глазахъ у всей столицы
Пѣтушокъ спорхнулъ со спицы,
Къ колесницѣ полетѣлъ
И царю на темя сѣлъ,
Встрепенулся, клюнулъ въ темя
И взвился... и въ то же время
Съ колесницы палъ Дадонъ,
Охнулъ разъ — и умеръ онъ.
А царица вдругъ пропала,
Будто вовсе не бывала.
Сказка — ложь, да въ ней намекъ,
Добрымъ молодцамъ урокъ!

23. Гусаръ.

(1833).

Это одно изъ „превосходныхъ", по отзыву Бѣлинскаго (1844), произведеній Пушкина.

И дѣйствительно, трудно указать другой образецъ такого художественнаго воспроизведенія просторѣчія, исполненнаго неподдѣльной наивности, сквозь которую однако замѣтенъ юморъ автора. Народное повѣрье (о кіевскихъ вѣдьмахъ) здѣсь нашло такого повѣствователя, въ устахъ котораго, вопреки его волѣ, иллюзія фантастическаго разсказа раскрывается читателю довольно ясно: но хвастунъ-солдатъ вѣритъ всею душею тому, о чемъ повѣствуетъ и что́ ему привидѣлось съ горѣлки, и даже величается тѣмъ, что „видалъ такіе виды", поощряемый еще болѣе простодушнымъ слушателемъ, котораго нашелъ себѣ на крестьянскомъ дворѣ, гдѣ чистилъ коня своего.

Получивъ 1-ю книжку „Библіотеки для Чтенія" 1834 г., гдѣ былъ напечатанъ „Гусаръ", Д. Давыдовъ писалъ Языкову: „Нахожу стихотворную часть (этой книжки) весьма посредственною, кромѣ „Гусара", который не что иное, какъ вспышка изъ Царь-Пушки-Пушкина".

---

1 Скребницей чистилъ онъ коня,
А самъ ворчалъ, сердясь не въ мѣру:
„Занесъ же вражій духъ меня
На распроклятую квартеру!

2 „Здѣсь человѣка берегутъ,
Какъ на турецкой перестрѣлкѣ;
Насилу щей пустыхъ дадутъ,
А ужъ не думай о горѣлкѣ.

3 „Здѣсь на тебя, какъ лютый звѣрь,
Глядитъ хозяинъ, а съ хозяйкой...
Не бось, не выманишь за дверь
Ее ни честью, ни нагайкой.

4 „То ль дѣло Кіевъ! Что за край!
Валятся сами въ ротъ галушки,
Виномъ хоть пару поддавай,
А молодицы-молодушки!

5 „Ей-ей, не жаль отдать души
За взглядъ красотки чернобривой.
Однимъ, однимъ не хороши"...
—„А чѣмъ же? разскажи, служивый".

6 Онъ сталъ крутить свой длинный усъ
И началъ: „Молвить безъ обиды,

Ты хлопецъ, можетъ быть не трусъ,
Да глупъ, а мы видали виды.

7 „Ну, слушай: около Днѣпра
Стоялъ нашъ полкъ; моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А мужъ-то померъ, замѣчай-ка.

8 „Вотъ съ ней и подружился я;
Живемъ согласно, такъ что любо:
Прибью—Марусенька моя
Словечка не промолвитъ грубо;

9 „Напьюсь—уложитъ, и сама
Опохмелиться приготовитъ;
Мигну бывало: Эй, кума!—
Кума ни въ чемъ не прекословитъ.

10 „Кажись, о чемъ бы горевать?
Живи въ довольствѣ, безобидно!
Да нѣтъ: я вздумалъ ревновать.
Что дѣлать? Врагъ попуталъ, видно.

11 „Зачѣмъ бы ей, сталъ думать я,
Вставать до пѣтуховъ? Кто проситъ?
Шалитъ Марусенька моя;
Куда ее лукавый носитъ?

12 „Я сталъ присматривать за ней.
Разъ я лежу, глаза прищуря
(А ночь была тюрьмы чернѣй,
И на дворѣ шумѣла буря)

13 „И слышу: кумушка моя
Съ печи тихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присѣла къ печкѣ, уголь вздула

14 „И свѣчку тонкую зажгла,
Да въ уголокъ пошла со свѣчкой;
Тамъ съ полки скляночку взяла
И, сѣвъ на вѣникъ передъ печкой,

15 „Раздѣлась до нага; потомъ
Изъ склянки три раза́ хлебнула,
И вдругъ на вѣникѣ верхомъ
Взвилась въ трубу и улизнула.

16 „Эге! смекнулъ въ минуту я:

Кума-то, видно, басурманка!
Постой, голубушка моя!...
И съ печки слѣзъ—и вижу: стклянка.

17 „Понюхалъ: кисло! что за дрянь!
Плеснулъ я на полъ: что за чудо?
Прыгнулъ ухватъ, за нимъ лохань,
И оба въ печь. Я вижу: худо!

18 „Гляжу: подъ лавкой дремлетъ котъ,
И на него я брызнулъ стклянкой—
Какъ фырнетъ онъ! Я: брысь!... И вотъ
И онъ туда же за лоханкой.

19 „Я ну кропить во всѣ углы
Съ плеча, во что ужъ ни попало;
И все: горшки, скамьи, столы,
Маршъ-маршъ! все въ печку поскакало.

20 „Кой чортъ! подумалъ я: теперь
И мы попробуемъ! и духомъ
Всю стклянку выпилъ; вѣрь не вѣрь—
Но кверху вдругъ взвился я пухомъ.

21 „Стремглавъ лечу, лечу, лечу,
Куда—не помню и не знаю;
Лишь встрѣчнымъ звѣздочкамъ кричу:
Правѣй!... и на земь упадаю.

22 „Гляжу: гора. На той горѣ
Кипятъ котлы; поютъ, играютъ,
Свистятъ, и въ мерзостной игрѣ
Жида съ лягушкою вѣнчаютъ.

23 „Я плюнулъ и сказать хотѣлъ...
И вдругъ бѣжитъ моя Маруся:
„Домой! кто звалъ тебя, пострѣлъ?
Тебя съѣдятъ!“—Но я, не струся:

24 „Домой? Да! чорта съ два! почемъ
Мнѣ знать дорогу“—„Ахъ, онъ странный!
Вонъ кочерга—садись верхомъ
И убирайся, окаянный“.

25 —„Чтобъ я, я сѣлъ на кочергу,
Гусаръ присяжный! Ахъ ты, дура!
Или предался я врагу?
Иль у тебя двойная шкура?

26 „Коня!“—На, дурень, вотъ и конь“.
И точно: конь передо мною
Скребетъ копытомъ, весь огонь,
Дугою шея, хвостъ трубою.

27 „Садись“. Вотъ сѣлъ я на коня,
Ищу уздечки,—нѣтъ уздечки.
Какъ взвился, какъ понесъ меня—
И очутились мы у печки.

28 „Гляжу: все такъ же; самъ же я
Сижу верхомъ, и подо мною
Не конь, а старая скамья:
Вотъ что случается порою!“

29 И сталъ крутить свой длинный усъ,
Прибавя: „Молвить безъ обиды,
Ты, хлопецъ, можетъ быть не трусъ,
Да глупъ, а мы видали виды“.

---

14. Воевода.

(1833).

Это стихотвореніе явилось въ „Библіотекѣ для чтенія 1833 г., № 3, съ помѣтою: „Польская баллада“.

Это—переводъ другимъ размѣромъ изъ Мицкевича. Черновая тетрадь, гдѣ написанъ чернякъ „Воеводы“, заключаетъ нѣкоторыя выписки и на польскомъ языкѣ изъ этого поэта.

Стихотвореніе „Воевода“, сохраняя только общій ходъ дѣйствія и рѣчей дѣйствующихъ лицъ подлинника, и въ томъ и въ другомъ отступаетъ отъ него, главнымъ образомъ измѣнивъ характеристику соперника воеводы. Исключеніемъ 5-й (описательной) и 8-й строфы Мицкевича, а также измѣненіемъ 9-й строфы—рѣчамъ этого соперника сообщено болѣе сдержанности; рѣчь его у Пушкина—порывъ самоотреченія, тогда какъ у Мицкевича это болѣе голосъ страсти, и притомъ не свободный отъ сластолюбія. Измѣнена и послѣдняя строфа болѣе полнымъ изображеніемъ смерти воеводы, тогда какъ у Мицкевича о ней сообщается только однимъ послѣднимъ словомъ баллады, конечно въ разсчетѣ на эффектъ.

Указаннымъ выше измѣненіемъ 5--9 строфъ Пушкинъ придалъ сценѣ Мицкевича, имѣющей лишь значеніе бытовой картинки, болѣе драматическаго интереса.

Вотъ точный переводъ польскаго оригинала:

Czaty [1]).

1.

Изъ садовой бесѣдки воевода, запыхавшись, бѣжитъ въ замокъ въ бѣшенствѣ и тревогѣ. Откинувъ занавѣску, онъ взглянулъ на постель жены своей; взглянулъ, содрогнулся: не нашелъ никого.

2.

Опустилъ онъ взоръ къ землѣ, крутилъ дрожащими руками усы—и думаетъ. Отвратилъ онъ взоры отъ кровати, откинулъ назадъ рукава и позвалъ казака Наума:

3.

„Эй, казакъ, ты, хамъ! Почему ночью въ саду у воротъ нѣтъ ни собаки, ни сторожа?.. Возьми у меня барсучью торбу и гайдачью янычарку (янычарское ружье); сними съ гвоздя мою винтовку“.

4.

Взяли оружіе, выбѣжали они, тайкомъ пробрались въ садъ, гдѣ вокругъ бесѣдки растетъ шпалерникъ. На дерновой скамьѣ въ тѣни что-то бѣлѣется: то сидѣла женщина въ бѣломъ.

5.

Одной рукой скрывала она свои глаза въ кудряхъ косъ и прятала грудь подъ краемъ бѣлой одежды; другой рукой отталкивала она мужчину, припавшаго къ ея колѣнамъ.

6.

Онъ говоритъ ей, обнимая ея колѣна: „Дорогая! Такъ я все, все потерялъ уже! Даже за вздохи твои, даже за пожатіе руки твоей воевода заплатилъ уже напередъ.

7.

„Хоть я съ такимъ пыломъ, столько лѣтъ любилъ тебя: буду любить и стонать вдали. Онъ не любилъ, не стоналъ; только побряцалъ чересомъ (кошелемъ, см. вын. на стр. 257)—и ты все продала ему навѣки.

8.

„Каждый вечеръ будетъ онъ утопать въ лебяжьемъ пуху, будетъ лелѣять старый лобъ свой на груди твоей, а изъ розовыхъ устъ и ланитъ твоихъ румяныхъ будетъ высасывать сладости, мнѣ воспрещенныя.

9.

„На вѣрномъ конѣ, при лучѣ мѣсяца я бѣгу сюда по холоду и непогодѣ съ тѣмъ, чтобы привѣтствовать тебя вздохомъ, попрощаться съ тобою и пожелать тебѣ доброй ночи и продолжительной нѣги...“

10.

Она еще не слушаетъ; онъ шепчетъ ей на ухо новыя жалобы или новыя заклинанія: наконецъ, растроганная, обезсиленная, опустила она руки и склонилась въ его объятія.

---

[1]) Czaty — польское существительное при гл. czatenać — подстерегать, подкарауливать.

11.

Воевода съ казакомъ стали на колѣна за кустомъ, достали изъ-за пояса заряды, откусили зубами—и прибили горсть пороху и по двѣ пульки шомполами.

12.

„Панъ?!“ говоритъ казакъ: „какой-то бѣсъ находитъ на меня: я не могу застрѣлить этой дѣвки; когда я взводилъ курокъ, холодная дрожь проняла меня, и слеза скатилась на полку“.

13.

— „Тише, гайдучье племя! Научу я тебя плакать! Вотъ тебѣ кошель съ лещинскимъ порохомъ; подсыпь въ затравку и живо очисти ногтемъ огниво; потомъ пали или въ свой лобъ или въ ту дѣвку...

14.

„Выше... направо... потише... жди моего выстрѣла: пусть сперва достанется въ лобъ жениху...“ Казакъ взвелъ, прицѣлился, не дожидаясь, выстрѣлилъ и угодилъ въ самый лобъ—воеводѣ.

—

Бѣлинскій (1844) называетъ „Воеводу“, равно какъ и слѣдующую за нимъ балладу „Будрысъ и его сыновья“ (см. № 25)—„мастерскими переводами изъ Мицкевича“ [1]).

———

1 Поздно ночью изъ похода
Воротился воевода.
Онъ слугамъ велитъ молчать;
Въ спальню кинулся къ постелѣ,
Дернулъ пологъ... Въ самомъ дѣлѣ!
Никого: пуста кровать.

2 И, мрачнѣе черной ночи,
Онъ потупилъ грозны очи,
Сталъ крутить свой сивый [2]) усъ...
Рукава назадъ закинулъ,
Вышелъ вонъ, замокъ задвинулъ.
„Гей, ты“, кликнулъ, „чортовъ кусъ!“

3 „А зачѣмъ нѣтъ у забора
Ни собаки, ни затвора?
Я васъ, хамы!.. Дай ружье;
Приготовь мѣшокъ, веревку,
Да сними съ гвоздя винтовку.
Ну, за мною!.. я жъ ее!“

4 Панъ и хлопецъ подъ заборомъ
Тихимъ крадутся дозоромъ,
Входятъ въ садъ—и сквозь вѣтвей,

1) Бѣлинскій причисляетъ ошибочно и „Гусара“ къ переводамъ изъ Мицкевича. — 2) Ср. этотъ эпитетъ съ тѣмъ же эпитетомъ, усвоеннымъ съ сербскаго (стр. 249, строка снизу).

На скамейкѣ у фонтана,
Въ бѣломъ платьѣ, видятъ, панна—
И мужчина передъ ней.

5 Говоритъ онъ: „Все пропало,
Чѣмъ лишь только я, бывало,
Наслаждался, что любилъ:
Бѣлой груди воздыханье,
Нѣжной ручки пожиманье—
Воевода все купилъ.

6 „Сколько лѣтъ тобой страдалъ я,
Сколько лѣтъ тебя искалъ я!
Отъ меня ты отперлась.
Не искалъ онъ, не страдалъ онъ,
Серебромъ лишь побряцалъ онъ,
И ему ты отдалась.

7 „Я скакалъ во мракѣ ночи
Милой панны видѣть очи,
Руку нѣжную пожать;
Пожелать для новоселья
Много лѣтъ ей и веселья,
И потомъ навѣкъ бѣжать“.

8 Панна плачетъ и тоскуетъ,
Онъ колѣна ей цѣлуетъ,—
А сквозь вѣтви тѣ глядятъ.
Ружья на земь опустили,
По патрону откусили,
Вбили шомполомъ зарядъ.

9 Подступили осторожно.
„Панъ мой, цѣлить мнѣ не можно“,
Бѣдный хлопецъ прошепталъ:
„Вѣтеръ—что ли—плачутъ очи,
Дрожь беретъ, въ рукахъ нѣтъ мочи,
Порохъ въ полку не попалъ.

10 — „Тише ты, гайдучье племя!
Будешь плакать, дай мнѣ время!
Сыпь на полку... Наводи...
Цѣль ей въ лобъ. Лѣвѣе... выше.
Съ паномъ справлюсь самъ. Потише;
Прежде я, ты погоди“.

11 Выстрѣлъ по саду раздался,
Хлопецъ пана не дождался;
Воевода закричалъ,

Воевода пошатнулся...
Хлопецъ видно промахнулся:
Прямо въ лобъ ему попалъ.

28 октября 1833 г. Болдино.

---

25. Будрысъ и его сыновья.

(1833).

Гораздо ближе къ подлиннику переводъ другой баллады Мицкевича: „Три Будрыса“. Наиболѣе замѣтное отступленіе находимъ въ 4-й строфѣ—въ описаніи новгородскихъ богатствъ. Оригинальна стихотворная форма Пушкинскаго перевода: 1-й и 3-й стихи каждой строфы, риѳмующія женскою риѳмою, дѣлятся на два полустиха, риѳмующіе въ свою очередь женскими риѳмами (какъ и въ подлинникѣ); стихи 2-й и 4-й—трехстопные анапесты также съ риѳмою женскою. Этотъ бойкій размѣръ какъ нельзя лучше идетъ къ ясному и бодрому тону баллады.

Она явилась впервые также въ „Библ. для Чтенія“ 1833, № 3 съ помѣтою: „Литовская баллада“, а въ оглавленіи помѣщено: „изъ М—ча“.

Вотъ точный переводъ баллады Мицкевича:

ТРИ БУДРЫСА.

1.

Вызываетъ старый Будрысъ на передній дворъ троихъ сыновей, сильныхъ, какъ и онъ самъ, литвиновъ, и говоритъ: „Выводите ратныхъ коней, снарядите сѣдла и отточите гроты (дротики) и мечи.

2.

„Ибо мнѣ сказывали въ Вильнѣ, что непремѣнно протрубятъ три похода на три стороны свѣта: Ольгердъ нападетъ на русскіе посады, Скиргеллъ — на сосѣднихъ ляховъ, а князь Кейстутъ — на тевтоновъ.

3.

„Вы крѣпки и здоровы; поѣзжайте послужить странѣ; пусть сопутствуютъ вамъ литовскіе боги. Въ этомъ году я не ѣду, но уѣзжающимъ дамъ совѣтъ: Трое васъ и передъ вами три дороги.

4.

„Одинъ изъ васъ долженъ слѣдовать за Ольгердомъ на Русь, къ Ильменю, подъ стѣны Новгорода; тамъ—собольи хвосты и серебряныя покрывала, и у купцовъ тамъ денегъ, что льду.

5.

„Второй пусть поступитъ въ отряды князя Кейстута; пусть истребляетъ собачьихъ дѣтей крыжаковъ; тамъ янтаря, что песку, сукна чуднаго блеска и поповскія ризы въ бриліантахъ.

6.

„За Скиргелломъ пусть летитъ третій за Нѣманъ; тамъ найдетъ онъ убогій домашній скарбъ, но зато выберетъ добрыя сабли, щиты и привезетъ мнѣ оттуда сноху.

7.

„Ибо коханки-ляшки милѣе плѣнницъ всѣхъ земель, веселенькія, какъ молодыя кошечки; лицо у нихъ бѣлѣе молока, вѣки съ черными рѣсницами, очи сверкаютъ, какъ двѣ звѣздочки.

8.

„Полъ-вѣка назадъ, когда я былъ молодъ, то привезъ оттуда ляшку въ жены себѣ. И хотя она уже въ могилѣ, однако еще до сихъ поръ вспоминаю ее, когда взгляну въ ту сторону.

9.

Давъ такое предостереженіе, благословилъ Будрысъ ихъ на дорогу. Они сѣли на коней, взяли оружіе, помчались. Проходитъ осень и зима — сыновей нѣтъ-какъ-нѣтъ. Будрысъ думалъ, что они погибли въ бою.

10.

По снѣжнымъ сугробамъ мчится къ деревнѣ вооруженный мужчина, а подъ буркой прячетъ что-то большое. „Никакъ это кожаный мѣшокъ, а въ немъ— новгородскіе рубли!"—Нѣтъ, отецъ: это сноха-ляшка".

11.

По снѣжнымъ сугробамъ мчится къ деревнѣ вооруженный мужчина, а подъ буркой прячетъ что-то большое. „Вѣрно изъ Нѣметчины, сынъ мой, везешь ты мѣшокъ янтаря?"—Нѣтъ, отецъ, это сноха-ляшка".

12.

По снѣжнымъ сугробамъ ѣдетъ къ деревнѣ третій мужчина; бурка полна, добычи такъ много. Но прежде чѣмъ показалъ онъ добычу, старый Будрысъ велѣлъ ужъ звать гостей на третью свадьбу.

---

1 Три у Будрыса сына, какъ и онъ, три литвина.
Онъ пришелъ толковать съ молодцами.
„Дѣти! сѣдла чините, лошадей проводите,
Да точите мечи съ бердышами.

2 „Справедлива вѣсть эта: на три стороны свѣта
Три замышлены въ Вильнѣ похода.
Пазъ идетъ на поляковъ, а Ольгердъ на прусаковъ,
А на русскихъ Кестутъ-воевода.

3 „Люди вы молодые, силачи удалые,
(Да хранятъ васъ литовскіе боги!),
Нынче самъ я не ѣду, васъ я шлю на побѣду,
Трое васъ, вотъ и три вамъ дороги.

4 „Будетъ всѣмъ по наградѣ: пусть одинъ въ Новѣградѣ
Поживится отъ русскихъ добычей.
Жены ихъ, какъ въ окладахъ, въ драгоцѣнныхъ нарядахъ;
Домы полны; богатъ ихъ обычай.

5 „А другой отъ прусаковъ, отъ проклятыхъ крыжаковъ,
Можетъ много достать дорогого:

Денегъ съ цѣлаго свѣта, суконъ яркаго цвѣта,
Янтаря —что песку тамъ морского.

6 „Третій съ Пазомъ на ляха пусть ударитъ безъ страха.
Въ Польшѣ мало богатства и блеску;
Сабель взять тамъ не худо; но ужъ вѣрно оттуда
Привезетъ онъ мнѣ на домъ невѣстку.

7 „Нѣтъ на свѣтѣ царицы краше польской дѣвицы:
Весела — что котенокъ у печки —
И какъ роза румяна, а бѣла что сметана,
Очи свѣтятся, будто двѣ свѣчки!

8 „Былъ я, дѣти, моложе, въ Польшу съѣздилъ я тоже,
И оттуда привезъ себѣ жонку;
Вотъ и вѣкъ доживаю, а всегда вспоминаю
Про нее, какъ гляжу въ ту сторонку".

9 Сыновья съ нимъ простились и въ дорогу пустились...
Ждетъ, пождетъ ихъ старикъ домовитый,
Дни за днями проводитъ; ни одинъ не приходитъ.
Будрысъ думалъ: ужъ видно убиты!

10 Снѣгъ на землю валится, сынъ дорогою мчится,
И подъ буркою ноша большая.
„Чѣмъ тебя надѣлили? Что тамъ? Ге! не рубли ли?"
— Нѣтъ, отецъ мой, полячка младая.

11 Снѣгъ пушистый валится, всадникъ съ ношею мчится,
Черной буркой ее покрывая.
„Что подъ буркой такое? Не сукно ли цвѣтное?"
— Нѣтъ, отецъ мой, полячка младая.

12 Снѣгъ на землю валится, третій съ ношею мчится,
Черной буркой ее прикрываетъ.
Старый Будрысъ хлопочетъ, и спросить ужъ не хочетъ,
А гостей на три свадьбы сзываетъ.

28 октября 1833. Болдино.

---

26. Родословная моего героя.

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ САТИРИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ.)

(1833).

„Родословная моего героя" есть отрывокъ, написанный Пушкинымъ одновременно съ поэмою „Мѣдный Всадникъ" и имѣющій съ этою поэмою общаго героя. Оба эти произведенія составляли одно нестройное цѣлое и потомъ были

разбиты Пушкинымъ на-двое. Въ этомъ убѣждаютъ рукописи поэта, гдѣ родословная является отступленіемъ въ повѣствованіи, начатомъ съ описанія петербургскаго наводненія. Это описаніе, измѣненное и дополненное, перешло въ поэму „Мѣдный Всадникъ“ и исключено изъ „Родословной“.

Въ рукописи „Родословная“ начиналась такъ:

Надъ омраченнымъ Петроградомъ
Осенній вѣтеръ тучи гналъ;
Дышало небо влажнымъ хладомъ;
Нева шумѣла; бился валъ
О пристань набережной стройной,
Какъ челобитчикъ безпокойный
Объ дверь судейской. Дождь въ окно
Стучалъ печально. Ужъ темно
Все становилось. Въ это время
Иванъ Езерскій, мой сосѣдъ,
Вошелъ въ свой тѣсный кабинетъ.
Однакожъ родъ его и племя,
И чинъ, и службу, и года
Вамъ знать не худо, господа!
Начнемъ ab ovo: мой Езерскій и проч. [1]).

Иванъ Езерскій, герой задуманной поэмы, получившій въ „Мѣдномъ Всадникѣ“ имя Евгенія, здѣсь, въ „Родословной“, очерченъ полнѣе. Это одинъ изъ многочисленныхъ потомковъ тѣхъ захудалыхъ дворянскихъ родовъ, которые Пушкинъ любилъ брать подъ свою защиту отъ подавлявшей ихъ новой знати, случаемъ возвышающейся надъ старинными родами, хранящими преданія заслугъ государству. Пушкинъ придавалъ большое значеніе этимъ семейнымъ преданіямъ, если они были хранителями чести. Онъ не только отличалъ такое чувство, связующее новыя поколѣнія съ старыми, отъ чванства знати, но и противополагалъ его этому чванству. Неоднократно высказывалъ онъ сожалѣніе, что новые нравы вытѣсняютъ въ новомъ поколѣніи историческое чувство честныхъ, хотя и бѣдныхъ родовъ, тщеславіемъ людей, которые, благодаря богатствамъ и связямъ столичнымъ, безъ дѣйствительныхъ заслугъ, спѣшатъ пользоваться легкимъ успѣхомъ въ чиновничьей и придворной сферахъ (см. вступ. зам. къ № 199 тома 1-го). Пушкинъ видѣлъ въ такой смѣнѣ явленіе печальное, ко-

---

[1]) Этому въ рукописи предшествовалъ другой черновой набросокъ:

Надъ Петербургомъ омраченнымъ
Осенній вѣтеръ тучи гналъ;
Нева въ теченьи возмущенномъ,
Шумя неслась. Угрюмый валъ,
Какъ бы проситель безпокойный,
Плескалъ въ гранитъ ограды стройной
Ея широкихъ береговъ.
Среди бѣгущихъ облаковъ
Вечернихъ звѣздъ не видно было.
Огонь свѣтился въ фонаряхъ;
На улицахъ взвивался прахъ,
И буйный вихорь вылъ уныло...
. . . .
Порой той поздней и печальной
Въ томъ домѣ, гдѣ стоялъ и я,—
Неся огарокъ свѣчи сальной
Въ конурку пятаго жилья,
Вошелъ одинъ чиновникъ бѣдный,
Задумчивый, худой и блѣдный;
Вздохнувъ, свой осмотрѣлъ чуланъ,
Постелю, пыльный чемоданъ
И столъ, бумагами покрытый,
И шкапъ со всѣмъ его добромъ;
Нашелъ въ порядкѣ все-потомъ,
Дымкомъ своей сигарки сытый,
Раздѣлся самъ и легъ въ постель
Подъ заслуженную шинель.

(См. „Матер.“ Анненкова 374).

торое должно повести къ серьезному пониженію въ русскомъ обществѣ чувства гражданской и государственной доблести [2]).

Вотъ почему съ состраданіемъ изображаетъ Пушкинъ одного изъ жалкихъ потомковъ подобныхъ родовъ. Расточительность ближайшихъ его предковъ сдѣлали его мелкимъ чиновникомъ, ограничивающимъ всѣ свои помышленія заботами о личной жизни, о личномъ мѣщанскомъ счастіи. Въ „Мѣдномъ Всадникѣ" Пушкинъ сопоставляетъ его лицомъ къ лицу съ геніемъ государственности, олицетворенным въ этомъ „Мѣдномъ Всадникѣ" (см. № 27).

Напеч. впервые въ „Современникѣ" 1836, т. III, дополненія въ „Матеріалахъ" Анненкова.

---

1 Начнемъ ab ovo:
Мой Езерскій
Происходилъ отъ тѣхъ вождей,
Чей въ древни вѣки парусъ дерзкій
Поработилъ брега морей.
Одульфъ, его начальникъ рода,
Вельми бѣ грозенъ воевода
(Гласитъ Софійскій хронографъ).
При Ольгѣ, сынъ его Варлафъ
Пріялъ крещенье въ Царѣградѣ
Съ приданымъ греческой княжны.
Отъ нихъ два сына рождены,
Якубъ и Дороѳей. Въ засадѣ
Убитъ Якубъ, а Дороѳей
Родилъ двѣнадцать сыновей.

2 Ондрей, по прозвищу Езерскій,
Родилъ Ивана да Илью,
И въ лаврѣ схимился Печерской.
Отсель фамилію свою
Ведутъ Езерскіе. При Калкѣ
Одинъ изъ нихъ былъ схваченъ въ свалкѣ,
И тамъ раздавленъ какъ комаръ
Задами тяжкими татаръ.
Зато на Куликовомъ полѣ
Другой Езерскій, Елизаръ,
Упился кровію татаръ
Между Непрядвою и Дономъ,
Ударя съ тыла въ таборъ ихъ
Съ дружиной суздальцевъ своихъ.

3 Въ вѣка старинной нашей славы,
Какъ и въ худыя времена

---

2) Ниже подъ текстомъ „Родословной" приведены параллельныя мѣста изъ отрывковъ Пушкина 1829—1835 годовъ, свидѣтельствующія, что мысли эти занимали его задолго до „Родословной", и послѣ нея.

Крамолъ и смутъ во дни кровавы,
Блестятъ Езерскихъ имена.
Они и въ войскѣ, и въ совѣтѣ,
На воеводствѣ и въ отвѣтѣ *)
Служили доблестно царямъ.
Изъ нихъ Езерскій Варлаамъ
Гордыней славился боярской;
За споръ то съ тѣмъ онъ, то съ другимъ,
Съ большимъ безчестьемъ выводимъ
Бывалъ изъ-за трапезы царской,
Но снова шелъ подъ тяжкій гнѣвъ
И умеръ, Сицкихъ пересѣвъ *) [1]) [а].

4 Когда отъ Думы величавой
Пріялъ Романовъ свой вѣнецъ,
Какъ подъ отеческой державой
Русь отдохнула наконецъ,
А наши вороги смирились,—
Тогда Езерскіе явились
Въ великой силѣ [б] при Дворѣ,
При Императорѣ Петрѣ... [в] **)

---

*) Въ посольствѣ. (Пр. П.).
**) *Пересѣсть кого,* старинное выраженіе, значитъ занять мѣсто выше. (Пр. П.).

а) Въ рукописи послѣ 3-ей строфы:
Во время смуты безначальной,
Когда то ляхъ, то гордый шведъ
Одолѣвалъ нашъ край печальный,
И гибла Русь отъ разныхъ бѣдъ;
Когда въ Москвѣ сидѣли воры,
А съ крулемъ велъ переговоры
Предатель умный Салтыковъ,
И средь озлобленныхъ враговъ
Посольство русское гладало,
И за отчизну сталъ одинъ
Нижегородскій мѣщанинъ,
Въ тѣ дни Езерскіе не мало...
б Опять въ чинахъ.
Одинъ изъ нихъ былъ четвертованъ
За бунтъ стрѣлецкій (сбоку приписано: за связь съ Циклеромъ), а другой
(Его племянникъ...
Прощенъ и милостью окованъ)...
И умеръ знатенъ и богатъ.
Онъ на голландкѣ былъ женатъ (рук.).
в Петра не стало. Государство
Шатнулось будто подъ грозой,
И усмиренное боярство
(Его могучею) рукой
Мятежной предалось надеждѣ:
Пусть будетъ вновь, что̀ было прежде;
Долой кафтанъ кургузый; нѣтъ,
Примѣромъ намъ не будетъ шведъ!
Не тутъ-то было. Тѣнь Петрова
Стояла грозно средь вельможъ.
Что̀ было, не возстало снова,
Россія двинулась впередъ,—
Вѣтрила тѣ жъ средь тѣхъ же водъ.
И тутъ Езерскіе являлись
Въ связи то съ этимъ, то съ другимъ,
На счастье Меншикова злились,
Хитрили съ (злобнымъ) Трубецкимъ,
И Биронъ, деспотъ непристойный,
Смирилъ ихъ родъ неугомонный,
И Долгорукіе князья
Бывали имъ (враги) друзья...
Другой варіантъ:
Одинъ изъ нихъ былъ четвертованъ
За староввѣровъ и стрѣльцовъ,

---

1) Въ черновыхъ историческихъ и политическихъ замѣткахъ Пушкина, въ программѣ 3-й статьи объ исторіи Полевого (1830, Болдино), читаемъ: „Когда пало ваше барство? — При Іоаннахъ, которые къ одному мѣстничеству не дерзнули прикоснуться.— Было ли зло мѣстничество?... Вездѣ ли существовало оно? Зачѣмъ уничтожено было оно? И было ли въ самомъ дѣлѣ оно уничтожено“?

Но извините, статься можетъ,
Читатель, вамъ я досадилъ;
Вашъ умъ духъ вѣка просвѣтилъ,
Васъ спесь дворянская не гложетъ,
И нужды нѣтъ вамъ никакой
До вашей книги родовой.

5 Кто бъ ни былъ вашъ родоначальникъ,—
Мстиславъ, князь Курбскій, иль Ермакъ,
Или Митюшка цѣловальникъ,—
Вамъ все равно. Конечно, такъ:
Вы презираете отцами,
Ихъ славой, честію, правами —
Великодушно и умно
Вы отреклись отъ нихъ давно,
Прямого просвѣщенья ради,
Гордясь (какъ общей пользы другъ)
Красою *собственныхъ заслугъ*,
Звѣздой двоюроднаго дяди,
Иль приглашеніемъ на балъ
Туда, гдѣ дѣдъ вашъ не бывалъ [1]).

6 Я самъ, хоть въ книжкахъ и словесно
Собратья надо мной трунятъ [2]),

Другой въ Парижѣ обучался
И первый на Руси святой
Разстался съ русской бородой...
Степанъ Артемьевичъ Езерскій
Елизаветой сосланъ былъ
Въ свои помѣстья. Тамъ онъ жилъ...
Имѣлъ онъ сына одного,
Отца героя моего.

---

[1]) Въ „Разговорѣ вечеромъ на раутѣ“, написанномъ еще въ 1829 году, на вопросъ испанца: „На чемъ основывается ваша такъ называемая аристократія? развѣ только на одной древности родовъ русскихъ“? собесѣдникъ его, въ словахъ котораго не трудно узнать мысли самого Пушкина, отвѣчаетъ:

„Вы ошибаетесь. Древнее русское дворянство... у насъ въ неизвѣстности и составило родъ третьяго сословія. Благородная чернь, къ которой и я принадлежу, считаетъ между своими родоначальниками Рюрика и Мономаха, но настоящая наша аристократія съ трудомъ можетъ назвать и своего дѣда. Древніе роды ихъ восходятъ до Петра и Елизаветы. Денщики, пѣвчіе, хохлы—вотъ ихъ родоначальники, будь сказано не въ укоръ ихъ достоинствамъ. Достоинство—всегда достоинство, а государственная польза требуетъ его возвышенія. Смѣшно только видѣть въ ничтожныхъ внукахъ спесь... Я, напримѣръ, не могъ бы отыскать въ хроникахъ моего родоначальника. Знаю только, что предки мои сражались близъ Александра Невскаго, были у трона Ивана IV и возвели на престолъ Романовыхъ, но если бы я подумалъ назвать себя аристократомъ, то вѣроятно насмѣшилъ бы многихъ. Мы такъ положительны, что прошедшее для насъ не существуетъ; Карамзинъ недавно разсказалъ намъ нашу исторію, но едва ли мы выслушали его. Мы гордимся не славою предковъ, но чиномъ какого-нибудь дядидурака или баломъ двоюродной сестры. Мы на колѣнахъ предъ настоящимъ случаемъ, успѣхомъ, но очарованіе древности, благодарность къ прошедшему и уваженіе къ нравственнымъ качествамъ у насъ...—Замѣтьте, что неуваженіе къ предкамъ есть первый признакъ безнравственности“.

[2]) См. прибавленіе къ „Моей родословной“, вызванное выходкой Булгарина (т. I, № 199).

Я мѣщанинъ, какъ вамъ извѣстно,
И въ этомъ смыслѣ демократъ:
Но каюсь: новый Ходаковскій *),
Люблю отъ бабушки московской
Я толки слушать о роднѣ,
О толстобрюхой г старинѣ д.
Мнѣ жаль, что нашей славы звуки
Уже намъ чужды; что спроста
Изъ баръ мы лѣземъ въ tiers-état;
Что намъ не впрокъ пошли науки,
И что спасибо намъ за то
Не скажетъ, кажется, никто [5]).

---

*) Извѣстный любитель древности, умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ (Пр. Пушк.).

г Объ отдаленной (рукоп.).

д Въ рукописи слѣдовало:

Могучихъ предковъ правнукъ бѣдный,
Люблю встрѣчать ихъ имена

Въ отрывкѣ 1835 г., на который можно смотрѣть какъ на варіантъ 1-й главы „Егип. ночей“, Пушкинъ подъ именемъ своего пріятеля описываетъ поэта, въ которомъ нельзя не узнать многихъ чертъ самого Пушкина. Между прочимъ онъ пишетъ: „Пріятель мой происходилъ отъ одного изъ древнѣйшихъ нашихъ родовъ, чѣмъ и тщеславился со всевозможнымъ добродушіемъ. Онъ столько же дорожилъ тремя строчками лѣтописца, въ коихъ упомянуто было о предкѣ его, какъ модный камеръ-юнкеръ тремя звѣздами двоюроднаго своего дяди“. Прикрывая свою завѣтную мысль товкой шуткой, Пушкинъ продолжаетъ: „Будучи бѣденъ, какъ почти и все наше старинное дворянство, онъ, подымая носъ, увѣрялъ, что никогда не женится, или возьметъ за себя княжну, именно одну изъ княженъ Елецкихъ, коихъ отцы и братья, какъ извѣстно, нынѣ запашутъ сами, и встрѣчаясь другъ съ другомъ на своихъ бороздахъ, стряхиваютъ сохи и говорятъ: „Богъ помочь, князь Антипъ! сколько твое княжое здоровіе напахало?“ — „Спасибо, князь Ерема Авдеевичъ“!...

„Я человѣкъ свѣтскій и не хочу быть въ пренебреженіи у свѣтскихъ аристократовъ. Мнѣ дѣла нѣтъ ни до ихъ родословной, ни до ихъ нравственности“.— „Кого ты называешь аристократами?“— „Тѣхъ, которые протягиваютъ руку графинѣ Фуфлыгиной“. (Отрывокъ „На углу маленькой площади“ 1831 г.).

„Онъ аристократъ, а я — смиренная мѣщанка. Спѣшу объясниться и съ гордостью замѣтить, какъ истинная героиня романа, что родомъ принадлежу я къ старинному русскому дворянству... Какъ бы то ни было, Z* человѣкъ свѣтскій, я могла ему понравиться, но онъ для меня не пожертвуетъ ни богатой невѣстой, ни выгоднымъ родствомъ. Если когданибудь и выйду замужъ, то выберу здѣсь . . . . я буду счастлива, не танцуя на балѣ у К. К. и не имѣя у себя субботъ на Англійской набережной. (Изъ „Романа въ письмахъ“ 1829 г.).

5) „Небреженіе, въ которомъ мы оставляемъ наши имѣнія, непростительно. Мы даемъ ихъ на произволъ плута-приказчика, который ихъ разоряетъ и насъ обкрадываетъ; мы проживаемъ въ долгъ наши будущіе доходы: старость насъ застаетъ въ нуждѣ и хлопотахъ. Вотъ причина нашего упадка: дѣдъ былъ богатъ, сынъ нуждается, внукъ идетъ по міру. Древнія фамиліи приходятъ въ нищенство, новыя подымаются и въ третьемъ поколѣніи исчезаютъ опять. Къ чему ведетъ такой матеріализмъ? Не знаю... Я не корчу англійскаго лорда: мое происхожденіе, хоть я его не стыжусь, не даетъ на то никакого права, но я безъ прискорбія никогда не могъ видѣть униженія нашихъ историческихъ родовъ. Никто у насъ ими не дорожитъ, начиная съ тѣхъ, которые имъ принадлежатъ. (Изъ „Романа въ письмахъ“ 1829 г.).

7 Мнѣ жаль, что тѣхъ родовъ боярскихъ
Блѣднѣетъ блескъ и никнетъ духъ;
Мнѣ жаль, что нѣтъ князей Пожарскихъ,
Что о другихъ пропалъ и слухъ;
Что ихъ поноситъ и Фиглярипъ [5]);
Что русскій вѣтреный бояринъ
Считаетъ грамоты царей
За пыльный сборъ календарей;
Что въ нашемъ теремѣ забытомъ
Растетъ пустынная трава;
Что геральдическаго льва
Демократическимъ копытомъ.
Теперь лягаетъ и оселъ:
Духъ вѣка вотъ куда зашелъ! [е]

Въ двухъ-трехъ строкахъ Карамзина.
Отъ этой слабости безвредной,
Какъ ни старался, видитъ Богъ,
Отвыкнуть я никакъ не могъ [4]).

[е] Въ рукописи:

Мнѣ жаль, что домы наши новы,
Что прибиваемъ мы на нихъ
Не льва съ мечемъ, не щитъ гербовый,
А рядъ лишь вывѣсокъ цвѣтныхъ;
Что наши бабушки и дѣды
Съ жезлами, розами въ рукахъ,
Въ робронднхъ, латахъ, парикахъ
У насъ не блещутъ въ старыхъ рамахъ
Въ простѣнкахъ старыхъ галлерей
Для назидательной бесѣды.
Мнѣ жаль, что мы рукѣ наемной
Ввѣряя чистый [аа] свой доходъ,
Съ трудомъ въ столицѣ круглый годъ
Влачимъ ярмо неволи темной,
И что спасибо намъ за то
Не скажетъ, кажется, никто...
Что не живемъ семьею дружной,
Въ довольствѣ, въ тишинѣ досужной,
Въ своихъ владѣньяхъ родовыхъ;
Что наши села, нужды ихъ [бб]
Намъ вовсе чужды; что науки
Пошли не въ прокъ намъ, что спроста
Изъ баръ мы лѣземъ въ tiers-état,

---

[4]) Образованный французъ или англичанинъ дорожитъ строкою стараго лѣтописца, въ которомъ упоминается имя его предка, честнаго рыцаря, падшаго въ такой-то битвѣ, или въ такомъ-то году возвратившагося изъ Палестины, но калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторіи. Дикость и невѣжество не уважаютъ прошедшаго, пресмыкаясь предъ однимъ настоящимъ. И у насъ иной потомокъ болѣе дорожитъ звѣздою двоюроднаго дядюшки, чѣмъ исторіею своего дома, т.-е. исторіею отечества... Конечно, есть достоинства выше знатности, именно достоинства личныя. Имена Минина и Ломоносова вдвоемъ превысятъ всѣ наши старинныя родословныя: но неужто потомству ихъ смѣшно было бы гордиться сими именами?... (Изъ „Романа въ письмахъ" 1829 г.).

[5]) т.-е. Булгаринъ (см. т. I, стр. 334).

8 Вотъ почему, архивы роя,
Я разбиралъ въ досужій часъ
Всю родословную героя,
О комъ затѣялъ свой разсказъ,
И здѣсь потомству заповѣдалъ.
Езерскій самъ же твердо вѣдалъ,
Что дѣдъ его, великій мужъ,
Имѣлъ двѣнадцать тысячъ душъ;
Изъ нихъ отцу его досталась
Осьмая часть, и та сполна
Была давно заложена,
И ежегодно продавалась:
А самъ онъ жалованьемъ жилъ,
И регистраторомъ служилъ [6]).

9 ж Какой вы строгій литераторъ!

Что будутъ нищи вв наши внуки;
Что русскій вѣтреный бояринъ
Теряетъ грамоты царей,
Какъ старый сборъ календарей.

Варіанты рукописи:

аа Дозволя грабить свой доходъ,
Съ трудомъ яремъ заботы темной
Влачимъ въ столицѣ круглый годъ,
Что не живемъ семьею дружной,
Въ довольствѣ, въ тишинѣ досужной,
Старѣя близъ могилъ родныхъ,
Въ своихъ помѣстьяхъ родовыхъ,
Гдѣ въ нашемъ теремѣ забытомъ
Растетъ пустынная трава;
Что геральдическаго льва и т. д.

бб Что историческіе звуки. — вв нищи будутъ.

ж Въ „Русской Мысли" (1886, № V) А. Ѳ. Онѣгинъ напечаталъ еще варіанты съ автографовъ, ему принадлежащихъ, строфъ 9-й (два варіанта), 10, 11 и 12. Вотъ они:

9 Допросомъ Музу безпокоя,
Съ усмѣшкой скажетъ критикъ мой:
„Куда завиднаго героя
Избрали вы! Кто вашъ герой?"
— А что? Коллежскій регистраторъ.
Какой вы строгій литераторъ!
Его пою. Зачѣмъ же нѣтъ?
Онъ мой пріятель и сосѣдъ.
Державинъ двухъ своихъ сосѣдовъ
И смерть Мещерскаго воспѣлъ—
Пѣвецъ Фелицы быть умѣлъ
Пѣвцомъ ихъ свадебъ, иль обѣдовъ
И похоронъ, смѣнившихъ пиръ,
А зналъ ли ихъ, скажите, міръ?

10 Замѣтятъ мнѣ, что есть же разность
Между Державинымъ и мной,
Что красота и безобразность
Раздѣлены чертой одной;
Что князь Мещерскій былъ сенаторъ,
А не коллежскій регистраторъ —
Что лучше, ежели поэтъ
Возьметъ возвышенный предметъ;
Что нѣтъ, къ тому же, перевода
Прямымъ героямъ; что они
Совсѣмъ не чудо въ наши дни—
Куда! намъ нѣтъ отъ нихъ прохода—
И развѣ межъ моихъ друзей
Двухъ, трехъ великихъ нѣтъ людей?

11 Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагѣ
Волнуетъ степь и пыль несетъ.
Когда корабль въ недвижной влагѣ

---

6) Здѣсь оканчивается текстъ, напечатанный въ „Современникѣ".

Вы говорите, критикъ мой,
Что ужъ коллежскій регистраторъ
Никакъ не долженъ быть герой,
Что выборъ мой всегда ничтоженъ,
Что въ немъ и страхъ неостороженъ,
Что долженъ брать себѣ поэтъ
Всегда возвышенный предметъ,
Что въ спискахъ цѣлаго Парнаса
Героя нѣтъ такого класса...
Вы правы!.. Но, божиться радъ,
И я совсѣмъ не виноватъ.

10 Скажите: „экой вздоръ!“ иль bravo!
Иль не скажите ничего —
Я въ томъ стою: имѣлъ я право
Избрать сосѣда моего
Въ герои повѣсти смиренной,
Хоть малый онъ обыкновенный [3],
Но второклассный [и] Донъ-Жуанъ,
Не Демонъ, даже не цыганъ,
А просто гражданинъ столичный,
Какихъ встрѣчаемъ всюду тьму;
Ни по лицу, ни по уму
Отъ нашей братьи не отличный,
Благопристойный и простой,
А впрочемъ малый дѣловой.

Его дыханья жадно ждетъ?
Зачѣмъ отъ горъ и мимо башенъ
Летитъ орелъ, угрюмъ (вар.: тяжелъ) и страшенъ,
На пень гнилой? Спроси его!
Зачѣмъ арапа своего
Младая любитъ Дездемона,
Какъ мѣсяцъ любитъ ночи мглу?
Затѣмъ, что вѣтру и орлу
И сердцу дѣвы нѣтъ закона.
Гордись! таковъ и ты поэтъ,
И для тебя закона (вар.: условій) нѣтъ.

12 Исполненъ мыслями златыми,
Непонимаемый никѣмъ,
Передъ кумирами земными
Проходишь ты унылъ и нѣмъ,
Съ толпой не дѣлишь ты ни гнѣва,
Ни нуждъ, ни хохота, ни рева,
Ни удивленья, ни труда.
Глупецъ кричитъ: куда? куда?
Дорога здѣсь! но ты не слышишь,
Идешь, куда тебя влекутъ
Мечтанья тайныя. Твой трудъ
Тебѣ награда (см. т. I, № 191, строф. 3): имъ ты дышишь,
А плодъ его бросаешь ты
Толпѣ, рабынѣ суеты (ср. т. I, № 90).
Черновой варіантъ 9 строфы:
Стремиться къ небу (вар.: Быть чудакомъ не...) не долженъ геній;
Обязанъ истинный поэтъ
Для вдохновенныхъ пѣснопѣній
Избрать возвышенный предметъ.
Зачѣмъ же ты безъ цѣли бродишь?

[3] Что человѣкъ онъ не военный.—

[и] Едва достигнувъ высоты,
Ужъ взора ты съ земли не сводишь
И низойти стремишься ты.
Предметъ.........минутной
Тебя тревожитъ и манитъ,
Твоей души веселье смутно,
Безплодный жаръ въ тебѣ паритъ,
Не бунтовщикъ, не...

27. Мѣдный Всадникъ.

(ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОВѢСТЬ.)

(1833).

„Мѣдный Всадникъ“ писанъ Пушкинымъ между 9-мъ и 31-мъ октября 1833 г. Задумалъ онъ его одновременно съ „Родословной моего героя“ (см. № 26) и, повидимому, въ связи съ нею. Въ „Мѣдномъ Всадникѣ“ сохраненъ типъ Езерскаго, очерченной въ „Родословной“, и введенъ въ событіе иного порядка, которое дало повѣсти характеръ поэмы. Согласно съ этимъ Пушкинъ опустилъ многія черты, набросанныя первоначально [1]).

Думы Пушкина о судьбѣ потомковъ древнихъ русскихъ родовъ слились здѣсь съ идеями о дѣятельности Петра Великаго. Мѣщанскій идеалъ Езерскаго противопоставленъ идеалу государственному. Состраданіе автора къ личной бѣдной отрасли вліятельнаго государственнаго сословія сливается съ благоговѣніемъ къ великому монарху, къ его исторической задачѣ. Пушкинъ какъ бы искалъ сюжета, въ которомъ драматизмъ положенія героя истекалъ бы изъ неизбѣжнаго хода исторіи. Внѣшнее содержаніе дано ему было современнымъ событіемъ—наводненіемъ 1824 года, а на мысль поэмы навели толки, которые послѣдовали за этимъ наводненіемъ: въ обществѣ толковали о томъ, что Петръ Великій сдѣлалъ ошибку, основавъ новую столицу въ такой мѣстности, гдѣ ей грозятъ стихіи; основателю Петербурга ставилось въ вину въ этомъ случаѣ его самовластіе.

Олицетворить же идею Петра, которая подвигла его къ этому шагу, во образѣ памятника, воздвигнутаго ему Екатериной на Сенатской площади, т.е. мѣднаго всадника—подалъ Пушкину (по словамъ Соболевскаго г. Бартеневу) слѣдующій разсказъ гр. М. Ю. Віельгорскаго: „Въ 1812 году, когда опасность французскаго вторженія грозила и Петербургу, Государь Александръ Павловичъ предположилъ, вмѣстѣ съ другими драгоцѣнностями столицы, вывезти и статую Петра Великаго. Статсъ-секретарю Молчанову было на этотъ предметъ уже отпущено нѣсколько тысячъ рублей. Въ то время къ кн. А. Н. Голицыну, какъ извѣстно, отличавшемуся мистическимъ настроеніемъ, хаживалъ нѣкто маіоръ Батуринъ. Онъ разсказалъ князю, что видитъ одинъ и тотъ же сонъ: будто стоитъ онъ на Сенатской площади, смотритъ на памятникъ Петра Великаго и видитъ, что ликъ его поворачивается; потомъ онъ съѣзжаетъ съ своей скалы [2]) и направляется по улицѣ къ Каменному острову, гдѣ жилъ тогда Императоръ. Батуринъ, влекомый какою-то силою, спѣшитъ за нимъ и слышитъ топотъ мѣдныхъ копытъ по мостовой. Всадникъ въѣзжаетъ на дворъ Каменно-островскаго дворца, откуда навстрѣчу ему выходитъ Императоръ, задумчивый и озабоченный. „Молодой человѣкъ! До чего ты довелъ мою Россію!“ говоритъ Петръ Великій: „но пока я на мѣстѣ,—моему городу нечего

---

[1]) Таковы мечты Езерскаго наканунѣ наводненія, разрушившаго ихъ. См. вын. къ 40 стиху I-й ч. „М. В.“.

[2]) Въ черновыхъ тетрадяхъ Пушкина встрѣчается неоднократно набросанный его рукою рисунокъ: скала памятника Петра В. на Сенатской площади безъ самаго всадника. Очевидно, этотъ образъ поразилъ поэта своей необычайностію.

опасаться“. Затѣмъ всадникъ поворачиваетъ коня, и снова раздается тяжелозвѣсное скаканіе. Пораженный разсказомъ Батурина, кн. Голицынъ передалъ объ этомъ снѣ Государю, и когда многія государственныя сокровища и цѣлыя учрежденія были вывезены внутрь Россіи, статуя Петра Великаго была оставлена въ покоѣ. Таково происхожденіе первой мысли объ одушевленномъ мѣдномъ всадникѣ. Поэтическій образъ былъ готовъ.

Созданіе скульптора-поэта (Фальконета, 1782), мѣдный всадникъ, казалось, самъ просился въ поэму. Попирая змѣю недоброжелательства, несется онъ на верху высокой скалы, ликующій и величавый на могучемъ конѣ своемъ.

Такимъ же Петръ Великій предстоялъ и воображенію Пушкина: представлялъ ли онъ его на полѣ Полтавской битвы (см. № 10, стр. 194), или на пиру (т. I, № 238), онъ видѣлъ въ немъ личность, окрыленную высокимъ чувствомъ и мыслію. Въ немъ онъ видѣлъ монарха, преданнаго своей завѣтной государственной идеѣ. Даже въ „Арапѣ Петра Великаго“, изображая его въ простомъ житейскомъ обиходѣ, Пушкинъ обставляетъ его картиною общества, отъ которой вѣетъ силою могучей его воли, направленной все на тѣ же „любимыя думы“ преобразованія. Черновыя тетради Пушкина свидѣтельствуютъ, что онъ издавна размышлялъ объ этой колоссальной личности, приковавшей къ себѣ его вниманіе. Въ „Историческихъ замѣчаніяхъ“ еще 1821 года читаемъ его мысли о „сѣверномъ исполинѣ, сообщившемъ движеніе всему огромному составу государства“. Въ кишиневскихъ тетрадяхъ Пушкинъ прибавляетъ: „Геній его (Петра) вырывался за предѣлы его вѣка“. Молодого поэта плѣняла независимость монарха, и впадая въ тонъ Байрона, онъ вноситъ въ свои „Историческія замѣтки“ предположеніе, что Петръ Великій „презиралъ человѣчество, можетъ быть, болѣе, чѣмъ Наполеонъ“. Въ другой разъ, размышляя о паденіи дворянства и объ указѣ 1714 г., (о маіоратахъ), онъ записываетъ: „Pierre I est tout à la fois Robespierre et Napoléon“ (Петръ I—и Робеспьеръ, и Наполеонъ въ одно и то же время). Изъ всего этого видно, что Пушкинъ въ крутомъ переворотѣ, произведенномъ Петромъ I-мъ, видѣлъ съ одной стороны побѣду геніальнаго замысла, съ другой разрушеніе и жертвы переворота. Нигдѣ не выснилось это такъ полно, какъ въ „Мѣдномъ Всадникѣ“. Въ немъ рѣзко намѣчены данныя для рѣшенія историческаго вопроса. Бѣдствія униженной и оскорбленной жертвы всколебленнаго состава государства символически сопоставлены съ бѣдствіями жертвъ всколебавшейся стихіи, наводнившей городъ. Читатель получаетъ впечатлѣніе неизбѣжности рокового событія; оно является неотвратимымъ, какъ движеніе стихійное—и потому въ немъ нѣтъ виноватыхъ. Не такъ ли представлялся Пушкину и переворотъ, совершенный Петромъ? Повѣствователю оставалось лишь состраданіе къ жертвѣ неизбѣжной катастрофы—и поэтъ обильно проливаетъ его на эту жертву, согласно тому чувству, которое въ дѣйствительности было возбуждено въ немъ бѣдствіями наводненія 7 ноября 1824 г.

„Пушкинъ находился въ Михайловскомъ, когда произошло страшное наводненіе, грозившее гибелью уже не только мѣдному всаднику, но и всей столицѣ. „Судя по сохранившимся отмѣткамъ на петербургскихъ домахъ“, замѣчаетъ г. Бартеневъ, „надо полагать, что вода заливала самое подножіе кумира. Поэтъ имѣлъ извѣстія объ этомъ событіи не въ однѣхъ газетахъ. Друзья, навѣщавшіе его въ изгнаніи.—Пущинъ, Дельвигъ, конечно, передавали ему подробности бѣдствія, къ которому онъ относился съ тревожнымъ любопытствомъ и съ участливымъ сердоболіемъ: извѣстно, что онъ поручалъ брату Льву Сер-

гѣевичу помогать пострадавшимъ отъ наводненія изъ денегъ, выручаемыхъ за „Онѣгина"...

Бѣлинскій (1844) писалъ о „Мѣдномъ Всадникѣ": „Настоящій герой поэмы—Петербургъ. Оттого и начинается она грандіозною картиною Петра, задумывающаго основаніе новой сталицы, и яркимъ изображеніемъ Петербурга въ теперешнемъ видѣ (ст. 43—83 Вступленія)...

„Напомнимъ читателю заключеніе:

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!
Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія:
Вражду и плѣнъ старинный свой
Пусть волны финскія забудутъ
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра!
Была ужасная пора:
Объ ней свѣжо воспоминанье...
Объ ней, друзья мои, для васъ
Начну свое повѣствованье,
Печаленъ будетъ мой разсказъ.

„Содержаніе этого разсказа составляетъ описаніе страшнаго наводненія, постигшаго Петербургъ въ 1824 году. Это плачевное событіе имѣетъ прямое отношеніе къ построенію Петромъ Великимъ Петербурга, не по одной этой причинѣ столь дорого стоившаго Россіи. Съ исторіею наводненія, какъ историческаго событія, поэтъ искусно слилъ частную исторію любви, сдѣлавшейся жертвою этого происшествія. Герой повѣсти — Евгеній, имя, такъ сдружившееся съ перомъ нашего поэта, который съ грустію описываетъ его незначительность, не соотвѣтствующую его понятіямъ о родословіи (ст. 16—26 I части поэмы).

„Однажды легъ онъ съ грустными мечтами о своемъ житьѣ-бытьѣ; вечеръ былъ мраченъ и буренъ. На другой день сдѣлалось наводненіе—

И всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ,
По поясъ въ воду погруженъ.

Картина наводненія написана у Пушкина красками, которыя цѣною жизни готовъ бы былъ купить поэтъ прошлаго вѣка, помѣшавшійся на мысли написать эпическую поэму—„Потопъ"... Тутъ не знаешь, чему больше дивиться—громадной ли грандіозности описанія, или его почти прозаической простотѣ—что́, вмѣстѣ взятое, доходитъ до высочайшей поэзіи".

Выписавъ то мѣсто поэмы, гдѣ изображенъ Евгеній, сидящій на мраморномъ изваяніи крыльца, Бѣлинскій оканчиваетъ выписку словами:

И онъ, какъ будто околдованъ,
Какъ будто къ мрамору прикованъ,
Сойти не можетъ! Вкругъ него
Вода—и больше ничего!
И, обращенъ къ нему спиною,
Въ неколебимой вышинѣ,
Сидитъ съ простертою рукою
Гигантъ на бронзовомъ конѣ.

„Когда наводненіе утихло, Евгеній на мѣстѣ, гдѣ стоялъ домъ Параши, нашелъ одну иву — и ничего больше. Несчастный сошелъ съ ума. Бродя по улицамъ, преслѣдуемый мальчишками, получая удары отъ кучерскихъ плетей, разъ—

Онъ очутился подъ столбами
Большого дома. На крыльцѣ,
Съ подъятой лапой, какъ живые,
Стояли львы сторожевые,
И прямо въ темной вышинѣ,
Надъ огражденною скалою,
Гигантъ съ простертою рукою
Сидѣлъ на бронзовомъ конѣ.

Въ этомъ безпрестанномъ столкновенiи несчастнаго съ „гигантомъ на бронзовомъ конѣ“ и во впечатлѣнiи, какое производитъ на него видъ Мѣднаго Всадника, скрывается весь смыслъ поэмы; здѣсь ключъ къ ея идеѣ...

„Въ этой поэмѣ видимъ мы горестную участь личности, страдающей какъ бы вслѣдствiе избранiя мѣста для новой столицы, гдѣ подверглось гибели столько людей, — и наше сокрушенное сочувствiемъ сердце, вмѣстѣ съ несчастнымъ, готово смутиться; но вдругъ взоръ нашъ, упавъ на изваянiе виновника нашей славы, склоняется долу,—и въ священномъ трепетѣ, какъ бы въ сознанiи тяжкаго грѣха, бѣжимъ стремглавъ, думая слышать за собой,

Какъ будто грома грохотанье,
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой...

Мы понимаемъ смущенною душою, что не произволъ, а разумная воля олицетворены въ этомъ Мѣдномъ Всадникѣ, который, въ неколебимой вышинѣ, съ распростертою рукой, какъ бы любуется городомъ... И намъ чудится, что, среди хаоса и тьмы этого разрушенiя, изъ его мѣдныхъ устъ исходитъ творящее „да будетъ!“, а простертая рука гордо повелѣваетъ утихнуть разъяреннымъ стихiямъ... И смиреннымъ сердцемъ признаемъ мы торжество общаго надъ частнымъ, не отказываясь отъ нашего сочувствiя къ страданiю этого частнаго... При взглядѣ на Великана, гордо и неколебимо возносящагося среди всеобщей гибели и разрушенiя, какъ бы символически осуществляющаго собою несокрушимость его творенiя,—мы, хотя и не безъ содраганiя сердца, но сознаемся, что этотъ бронзовый гигантъ не могъ уберечь участи индивидуальностей, обезпечивая участь народа и государства; что за него историческая необходимость, и что его взглядъ на насъ есть уже его оправданiе... Да, эта поэма — апоѳеоза Петра Великаго, самая смѣлая, самая грандiозная, какая могла только прiйти въ голову поэту, вполнѣ достойному быть пѣвцомъ великаго преобразователя Россiи... Александръ Македонскiй завидовалъ Ахиллу, имѣвшему Гомера своимъ пѣвцомъ: въ глазахъ, насъ, русскихъ, Петру некому завидовать въ этомъ отношенiи... Пушкинъ не написалъ ни одной эпической поэмы, ни одной „Петрiады“, но его „Стансы“ (Въ надеждѣ славы и добра), многiя мѣста въ „Полтавѣ“, „Пиръ Петра Великаго“ и наконецъ этотъ „Мѣдный Всадникъ“ образуютъ собою самую дивную, самую великую „Петрiаду“, какую только въ состоянiи создать генiй великаго нацiональнаго поэта... И мѣрою трепета при чтенiи этой „Петрiады“ должно опредѣляться, до какой степени въ правѣ называться русскимъ всякое русское сердце...

„Намъ хотѣлось бы сказать что-нибудь о стихахъ „Мѣднаго Всадника“, о ихъ упругости, силѣ, энергiи, величавости; но это выше силъ нашихъ: только такими же стихами, а не нашею бѣдною прозою можно хвалить ихъ... Нѣкоторыя мѣста, какъ, напримѣръ, упоминовенiе о графѣ Хвостовѣ, показываютъ, что по этой поэмѣ еще не былъ проведенъ окончательно рѣзецъ художника, да и напечатана она, какъ извѣстно, послѣ его смерти: но и въ этомъ видѣ, она—колоссальное произведенiе“ ..

Изъ „Мѣднаго Всадника“ явилось въ печати сначала „Вступленiе“ (стихи 1—91) подъ загл.: „Петербургъ“ — въ „Библ. для Чтенiя“ 1834, т. VII.—Поэма явилась въ „Соврем.“ 1837, т. V, съ пропусками и исправленiями Жуковскаго. Текстъ возстановленъ затѣмъ Анненковымъ (VII т. „Сочиненiй Пушкина“). въ „Библ. Зап.“ 1861 и въ „Русск. Архивѣ“ 1881, кн. III.

———

Предисловіе.

Происшествіе, описанное въ сей повѣсти, основано на истинѣ. Подробности наводненія заимствованы изъ тогдашнихъ журналовъ. Любопытные могутъ справиться съ извѣстіемъ, составленнымъ В. Н. Берхомъ [1]).

---

[1]) Въ книгѣ Берха („Подробное историческое извѣстіе о всѣхъ наводненіяхъ, бывшихъ въ С.-Петербургѣ") наводненіе 7 ноября 1824 года описано по Булгарину. Вотъ его описаніе:

„День 6-го ноября, предшествовавшій наводненію, былъ самый непріятный. Дождь и пронзительный холодный вѣтеръ съ самаго утра наполняли воздухъ сыростью. Квечеру вѣтеръ усилился, и вода значительно возвысилась въ Невѣ. Въ 7 часовъ я уже видѣлъ на Адмиралтейской башнѣ сигнальные фонари для предостереженія жителей отъ наводненія. Въ ночь настала ужасная буря: сильные порывы юговосточнаго вѣтра потрясали кровли и окна; стекла звучали отъ плесковъ крупныхъ дождевыхъ капель. Безпечные жители столицы спокойно почивали по дневныхъ трудахъ, не обращая вниманія на буйство стихій. Съ разсвѣтомъ мы увидѣли, что вода чрезвычайно возвысилась въ каналахъ и сильно въ нихъ волновалась. Сначала появились на улицахъ только люди, вышедшіе изъ домовъ своихъ за дѣлами; но около 10 часовъ утра, при постепенной прибыли воды, толпы любопытныхъ устремились на берега Невы, которая высоко воздымалась пѣнистыми волнами и съ ужаснымъ шумомъ и брызгами разбивала ихъ о гранитные берега. Когда жители Адмиралтейской стороны еще не предвидѣли несчастія и съ любопытствомъ смотрѣли на сей грозный феноменъ природы, уже низменныя мѣста, лежащія по берегамъ Финскаго залива и при устьѣ Невы, были затоплены, и жители Галерной гавани, Канонерскаго острова, Гутуевскаго, деревень: Емельяновки, Тентелевой и казеннаго чугуннаго завода близъ Екатерингофа терпѣли бѣдствіе. Невозможно описать того ужаснаго явленія, которому были свидѣтелями люди, бывшіе въ сіе время на берегу Финскаго залива и чудесно спасшіеся отъ погибели. Необозримое пространство водъ казалось кипящею пучиною, надъ которою распростертъ былъ туманъ отъ брызговъ волнъ, гонимыхъ противу теченія и разбиваемыхъ ревущими вихрями. Бѣлая пѣна клубилась надъ водяными громадами, которыя, безпрестанно увеличиваясь, наконецъ яростно устремились на берегъ. Множество деревянныхъ строеній, подверженныхъ первымъ ударамъ и сильному напору огромной массы воды, не могли противостоять, колеблясь въ своемъ основаніи и съ трескомъ обрушались. Люди спасались, какъ могли, въ уцѣлѣвшіе домы, на берегахъ, плавающихъ кровляхъ, воротахъ; нѣкоторые лишились жизни при семъ случаѣ. Весь домашній скотъ и пожитки погибли. Вода безпрестанно прибывала, вѣтеръ усиливался и наконецъ возвышеніе воды въ Финскомъ заливѣ простерло бѣдствіе на цѣлый городъ. Нева, встрѣтивъ препятствіе въ своемъ теченіи и не могши излиться въ море, возрасла въ берегахъ своихъ, наполнила каналы и чрезъ подземныя трубы хлынула въ видѣ фонтановъ на улицы. Въ одно мгновеніе вода полилась чрезъ края набережныхъ изъ рѣки и всѣхъ каналовъ и наводнила улицы. Трудно представить себѣ смятеніе и ужасъ жителей при семъ внезапномъ явленіи. Погреба, подвалы и всѣ нижнія жилья тотчасъ наполнились водою. Каждый спасалъ, что могъ, и выносился на верхъ, оставляя въ добычу водѣ свое имущество. Нѣкоторые слишкомъ заботливые о спасеніи вещей и товаровъ, погибли въ погребахъ. Между тѣмъ толпы народа, бывшаго на улицахъ, бросились въ домы, другіе поспѣшили въ свои жилища; но прибывшая вода принудила ихъ спасаться, гдѣ кто могъ. Кареты и дрожки, которыя сперва разъѣзжали по водѣ, начали всплывать и спасаться на высокихъ мостахъ и по чужимъ дворамъ. Въ первомъ часу пополудни весь городъ (кромѣ Литейной, Каретной и Рождественской части) залитъ былъ водою, вездѣ почти въ ростъ человѣка, и въ нѣкоторыхъ низкихъ мѣстахъ (какъ напримѣръ, на перекресткѣ Большой Мѣщанской и Вознесенской

Вступленіе *).

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ [а],
И вдаль глядѣлъ. Предъ Нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ, топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.
И думалъ Онъ:
„Отсель грозить мы будемъ шведу;
Здѣсь будетъ городъ заложенъ
На зло надменному сосѣду [б];
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно **),
Ногою твердой стать при морѣ;

---

*) Нѣкоторыя черты въ началѣ вступленія заимствованы изъ статьи Батюшкова: „Прогулка въ Академію Художествъ“.

[а] На берегу варяжскихъ волнъ
Стоялъ задумавшись глубоко.... (Варіантъ рукоп.).

[б] Отсель стеречь мы будемъ шведа,
Здѣсь будетъ городъ заложенъ
На зависть грознаго сосѣда. (Вар. рукоп.).

**) Альгаротти гдѣ-то сказалъ: „Pétersbourg est la fenêtre, par laquelle la Russie regarde en Europe“ (Пр. Пушк.). — Альгаротти (1712—1764) — итал. ученый, возведенный въ графы Фридрихомъ Великимъ.

улицъ, у Каменнаго моста) болѣе, нежели на полторы сажени. Видъ съ бельведера дома Котомина былъ ужасный и величественный. Разъяренныя волны свирѣпствовали на дворцовой площади, которая съ Невою составляла одно огромное озеро, изливавшееся Невскимъ проспектомъ, какъ широкою рѣкою, до самаго Аничковскаго моста. Мойка скрылась отъ взоровъ и соединялась, подобно всѣмъ каналамъ, съ водами, покрывавшими улицы, по которымъ неслись лѣса, бревна, дрова и мебель. Вскорѣ мертвое молчаніе водворилось на улицахъ. Около двухъ часовъ появился на Невскомъ проспектѣ г. военный генералъ-губернаторъ, графъ М. А. Милорадовичъ, на двѣнадцати-весельномъ катерѣ для поданія помощи и ободренія жителей. Нѣсколько малыхъ лодокъ проѣхало по Морской, и большой катеръ съ нѣсколькими людьми различнаго званія, спасшимися отъ погибели на берегу Невы, сперва приставалъ къ нашему дому, а послѣ того остановился возлѣ дома Фосиковскаго. На другой день этотъ катеръ стоялъ на Морской улицѣ на мели.

„Но бѣдствія на Адмиралтейской сторонѣ (кромѣ Коломны) не были столь ужасны, какъ въ вышеупомянутыхъ селеніяхъ на берегу Финскаго залива, въ поперечныхъ линіяхъ Васильевскаго острова, близъ Смоленскаго поля, на Петербургской сторонѣ и вообще въ мѣстахъ низкихъ, заселенныхъ деревянными строеніями. Тамъ большая часть домовъ повреждена; иные смыты до основанія; всѣ заборы ниспровергнуты, и улицы загромождены были лѣсомъ, дровами и даже хижинами. На многихъ улицахъ, во всѣхъ низкихъ частяхъ города, лежали изломанныя барки, и одно паровое судно огромной величины съ завода г. Берда очутилось въ Коломнѣ, возлѣ сада митрополита римскихъ церквей, Сестренцевича-Богуша. На Невѣ всѣ пловучіе мосты сорваны, исключая Самсоньевскаго и прелестнаго моста, соединяющаго Каменный островъ съ Петербургскою стороною. Всѣ чугунные и каменные мосты уцѣлѣли; но гранитная набережная Невы поколебалась, и многіе камни, особенно на пристаняхъ, сдвинуты съ мѣста или опрокинуты.

„Въ третьемъ часу пополудни вода начала сбывать; въ 7 часовъ уже стали ѣздить въ экипажахъ по улицамъ, и тротуары во многихъ мѣстахъ сдѣлались проходимыми. Въ ночь улицы совершенно очистились отъ воды, которая снова подчинилась своимъ законамъ теченія, оставивъ плачевные слѣды своего кратковременнаго буйства“.

Сюда по новымъ имъ волнамъ
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ —
И запируемъ на просторѣ".

Прошло сто лѣтъ — и юный градъ,
Полнощныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво:
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ,
По оживленнымъ берегамъ,
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами;
Темно-зелеными садами
Ея покрылись острова —
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье *);
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранитъ,
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я въ комнатѣ моей
Пишу, читаю безъ лампады,
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотыя небеса,
Одна заря смѣнить другую
Спѣшитъ, давъ ночи полчаса;
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ,
Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Дѣвичьи лица ярче розъ,
И блескъ, и шумъ, и говоръ баловъ,
А въ часъ пирушки холостой
Шипѣнье пѣнистыхъ бакаловъ
И пунша пламень голубой;
Люблю воинственну живость
Потѣшныхъ Марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красивость,
Въ ихъ стройно - зыблемомъ строю,
Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
Насквозь простр ѣленныхъ въ бою [в];
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дымъ и громъ,
Когда полночная Царица
Даруетъ сына въ царскій домъ,
Или побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ,
Или, взломавъ свой синій ледъ [г],

[в] Далѣе слѣдовало:
Цвѣтные дротики улановъ,
Звукъ трубъ и грохотъ барабановъ;
Люблю на улицахъ твоихъ
Встрѣчать поутру взводы ихъ (Рукоп.).

[г] Или креститъ средь невскихъ водъ
Меньшого брата русскій флотъ,
Или Нева весну пируетъ
И въ море мчитъ разбитый ледъ...
(Вар. рукоп.).

*) См. стихи кн. Вяземскаго къ графинѣ З***. (Пр. Пушк.). Здѣсь Пушкинъ имѣетъ въ виду „Разговоръ 7 апр. 1832 г.", кн. Вяземскаго, посвященный граф. Е. М. Завадовской, а именно строфу 3-ю:

Я Петербургъ люблю, съ его красою стройной,
Съ блестящимъ поясомъ роскошныхъ острововъ,
Съ прозрачной ночью — дня соперницей беззнойной,
И съ свѣжей зеленью младыхъ его садовъ.

Нева къ морямъ его несетъ
И, чуя вешни дни, ликуетъ.

Красуйся градъ Петровъ и стой
Неколебимо, какъ Россія!
Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія:
Вражду и плѣнъ старинный свой
Пусть волны финскія забудутъ,
И тщетной злобою не будутъ [д]
Тревожить вѣчный сонъ Петра!

Была ужасная пора:
Объ ней свѣжо воспоминанье....
Объ ней, друзья мои, для васъ
Начну свое повѣствованье.
Печаленъ будетъ мой разсказъ [е]....

Часть первая.

Надъ омраченнымъ Петроградомъ
Дышалъ ноябрь осеннимъ хладомъ;
Плеская шумною волной
Въ края своей ограды стройной,
Нева металась, какъ больной
Въ своей постелѣ безпокойной;
Ужъ было поздно и темно;
Сердито бился дождь въ окно,
И вѣтеръ дулъ, печально воя.
Въ то время изъ гостей домой
Пришелъ Евгеній молодой...
Мы будемъ нашего героя
Звать этимъ именемъ. Оно
Звучитъ пріятно; съ нимъ давно
Мое перо ужъ какъ-то дружно [ж];
Прозванья намъ его не нужно —
Хотя въ минувши времена
Оно, быть можетъ и блистало
И подъ перомъ Карамзина
Въ родныхъ преданьяхъ прозвучало,
Но нынѣ свѣтомъ и молвой
Оно забыто. Нашъ герой
Живетъ въ Коломнѣ [з], гдѣ-то служитъ,
Дичится знатныхъ, и не тужитъ
Ни о покойницѣ [и] роднѣ,
Ни о забытой старинѣ.

Итакъ, домой пришедъ, Евгеній
Стряхнулъ шинель, раздѣлся, легъ —
Но долго онъ заснуть не могъ
Въ волненьи разныхъ размышленій.
О чемъ же думалъ онъ? О томъ,
Что былъ онъ бѣденъ, что трудомъ

[д] И колебать уже не будутъ
Гранитъ подножія Петра!

[е] Но пусть объ ней воспоминанье
Живетъ въ моемъ повѣствованьи,
И будетъ пусть оно для васъ,
Друзья, вечерній лишь разсказъ,
А не зловѣщее преданье (Вар. рук.).
Была ужасная година;
Объ ней начну простой разсказъ.
Давно, когда я въ первый разъ
Услышавъ мрачное преданье,
Я далъ тогда же обѣщанье
Стихомъ... передать... (Первон. набросокъ).

[ж] Мое перо къ тому же дружно (Вар. рук.).

[з] въ чуланѣ. — [и] почіющей (Вар. рук.).

Онъ долженъ былъ себѣ доставить
И независимость, и честь;
Что могъ бы Богъ ему прибавить
Ума и денегъ; что вѣдь есть
Такіе праздные счастливцы,
Ума недальнаго лѣнивцы,
Которымъ жизнь куда легка!
Что служитъ онъ всего два года [1];
Онъ также думалъ, что погода
Не унималась; что рѣка
Все прибывала: но едва ли
Съ Невы мостовъ уже не сняли,
И что съ Парашей будетъ онъ
Дня на два, на три разлученъ.

Такъ онъ мечталъ. И грустно было
Ему въ ту ночь, и онъ желалъ,
Чтобъ вѣтеръ вылъ не такъ уныло,
И чтобы дождь въ окно стучалъ
Не такъ сердито...
Сонны очи
Онъ наконецъ закрылъ. И вотъ
Рѣдѣетъ мгла ненастной ночи,
И блѣдный день ужъ настаетъ....
Ужасный день!
Нева всю ночь
Рвалася къ морю противъ бури,
Не одолѣвъ ихъ буйной дури...
И спорить стало ей не въ мочь *)...
Поутру надъ ея брегами [к]
Тѣснился кучами народъ,
Любуясь брызгами, горами
И пѣной разъяренныхъ водъ.
Но силой вѣтра отъ залива
Перегражденная Нева
Обратно шла гнѣвна, бурлива,

*) Мицкевичъ прекрасными стихами описалъ день, предшествовавшій Петербургскому наводненію (въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній Oleszkiewicz). Жаль только, что описаніе его не точно: снѣгу не было, Нева не была покрыта льдомъ. Наше описаніе вѣрнѣе, хотя въ немъ и нѣтъ яркихъ красокъ польскаго поэта. (Пр. Пушк.).

[1] Далѣе опущено:

Что врядъ еще черезъ два года
Онъ чинъ получитъ, что рѣка
Все прибывала, что погода
Не унималась, что едва ль
Мостовъ не сымутъ, что́ конечно
Парашѣ будетъ очень жаль....
Тутъ онъ разнѣжился сердечно
И размечтался какъ поэтъ.
„Жениться? Чтожъ? Зачѣмъ же нѣтъ?
И въ самомъ дѣлѣ? Я устрою
Себѣ смиренный уголокъ,
И въ немъ Парашу успокою.
Кровать, два стула, щей горшокъ
Да самъ большой... чего мнѣ болѣ?
Не будемъ прихотей мы знать;
По воскресеньямъ лѣтомъ въ полѣ
Съ Парашей буду я гулять;
Мѣстечко выпрошу; Парашѣ
Препоручу хозяйство наше
И воспитаніе ребятъ...
И станемъ жить, и такъ до гроба
Рука съ рукой дойдемъ мы оба,
И внуки насъ похоронятъ“.
Такъ онъ мечталъ...

Первоначальный набросокъ этого опущеннаго мѣста:

...Тутъ онъ разнѣжился сердечно
И размечтался какъ поэтъ:
„А почему жъ? зачѣмъ же нѣтъ?
Я не богатъ, зъ томъ нѣтъ сомнѣнья,
И у Параши нѣтъ имѣнья.
Ну, что жъ? Какое дѣло намъ!
Ужели только богачамъ
Жениться можно? Я устрою
Себѣ смиренный уголокъ и т. д.

[к] Поутру надъ ея брегами
Тѣснился кучами народъ,
Любуясь брызгами, горами
И мыломъ разъяренныхъ водъ...
(Но бурнымъ моремъ)
Но силой вѣтровъ отъ залива
Уже гонимая Нева
Обратно шла, гнѣвна, бурлива,
И затопляла острова.

И затопляла острова;
Погода пуще свирѣпѣла;
Нева вздувалась и ревѣла,
Котломъ клокоча и клубясь—
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
На городъ кинулась. Предъ нею
Все побѣжало, все вокругъ
Вдругъ опустѣло... Воды вдругъ
Втекли въ подземные подвалы;
Къ рѣшеткамъ хлынули каналы—
И всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ,
По поясъ въ воду погруженъ.

Осада! приступъ! Злыя волны
Какъ воры, лѣзутъ въ окна; челны
Съ разбѣга стекла бьютъ кормой;
Садки подъ мокрой пеленой,
Обломки хижинъ, бревна, кровли,
Товаръ запасливой торговли,
Пожитки блѣдной нищеты,
Грозой снесеные мосты,
Гробы [1]) съ размытаго кладбища

Она бродила и кипѣла [аа]
И пуще, пуще свирѣпѣла,
Котломъ клокоча и клубясь,
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
Со всею силою своею
Пошла на приступъ. Передъ нею
Все побѣжало: воды вдругъ [бб]
Завоевали все вокругъ.
Съ Невой слились ея каналы
И захлебнулися подвалы,
И всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ
По поясъ въ воду погруженъ.
И страхъ, и смѣхъ! Какъ воры, волны
Полѣзли въ окна. Съ ними челны
Съ разбѣга стекла бьютъ кормой.
Помчали бѣшеныя волны
Мосты, снесенныя грозой [вв],
Обломки хижинъ, бревна, кровли,
Запасы мелочной торговли,
Пожитки бѣдныхъ, рухлядь ихъ,
Колеса дрожекъ городскихъ;
Гроба съ размытаго кладбища
Плывутъ по городу (Перв. текстъ рук.) [1]).

Выпущенное мѣсто:

Со сна идетъ къ окну сенаторъ
И видитъ—въ лодкѣ по Морской
Плыветъ военный губернаторъ...
Сенаторъ обмеръ: „Боже мой!
Сюда, Ванюша! Встань немножко;
Гляди: что видишь ты въ окошко?
— Я вижу-съ, въ лодкѣ генералъ
Плыветъ въ ворота мимо будки.
„Ей-Богу“? — Точно-съ. — „Кромѣ шутки“?
— Да такъ-съ. Сенаторъ отдохнулъ
И чаю проситъ. — „Слава Богу:
Ну, графъ надѣлалъ мнѣ тревогу:
Я думалъ, я съ ума свихнулъ“.

[аа] И пуще свирѣпѣла,
Приподымалась и ревѣла,
Котломъ клокоча и клубясь,
И наконецъ остервенясь... (Испр. въ рукоп.).

[бб] Вдругъ опустѣло... Волны вдругъ
Вломились въ улицы, въ подвалы,
Съ Невой слились ея каналы (Испр. въ рукоп.).

[вв] Мосты, снесенные грозой,
Обломки хижинъ, бревна, кровли,
Товаръ запасливой торговли,
Пожитки бѣдныхъ, рухлядь ихъ,
Колеса дрожекъ городскихъ,
Гроба съ размытаго кладбища
Плывутъ по улицамъ! (Исправл. въ рукоп.).

---

[1]) Г. Бартеневъ сообщаетъ слышанное отъ современниковъ наводненія преданіе, будто одинъ изъ плывшихъ по Петербургу гробовъ, гонимый сильною волною, прошибъ оконную раму въ нижнемъ этажѣ Зимняго дворца и внесенъ былъ въ комнату самого Государя, который, какъ извѣстно, въ то время стра-

Плывутъ по улицамъ! народъ
Зритъ Божій гнѣвъ и казни ждетъ.
Увы! все гибнетъ: кровь и пища.
Гдѣ будетъ взять?
        Въ тотъ грозный годъ
Покойный Царь еще Россіей
Со славой правилъ. На балконъ
Печаленъ, смутенъ вышелъ онъ
И молвилъ: „Съ Божіей стихіей
Царямъ не совладѣть“. Онъ сѣлъ,
И въ думѣ скорбными очами
На злое бѣдствіе глядѣлъ.
Стояли стогны озерами,
И въ нихъ широкими рѣками
Вливались улицы. Дворецъ
Казался островомъ печальнымъ.
Царь молвилъ — изъ конца въ конецъ,
По ближнимъ улицамъ и дальнымъ,
Въ опасный путь средь бурныхъ водъ
Его пустились генералы *)
Спасать и страхомъ обуялый
И дома тонущій народъ.

Тогда на площади Петровой —
Гдѣ домъ въ углу вознесся новый,
Гдѣ надъ возвышеннымъ крыльцомъ
Съ подъятой лапой, какъ живые,
Стоятъ два льва сторожевые —
На звѣрѣ мраморномъ верхомъ,
Безъ шляпы, руки сжавъ крестомъ,
Сидѣлъ недвижный, страшно блѣдный
Евгеній. Онъ страшился, бѣдный,
Не за себя. Онъ не слыхалъ,
Какъ поднимался жадный валъ,
Ему подошвы подмывая,
Какъ дождь ему въ лицо хлесталъ;
Какъ вѣтеръ, буйно завывая,
Съ него и шляпу вдругъ сорвалъ.
Его отчаянные взоры
На край одинъ наведены
Недвижно были. Словно горы,
Изъ возмущенной глубины
Вставали волны тамъ и злились,
Тамъ буря выла, тамъ носились
Обломки... Боже, Боже! тамъ —
Увы! близехонько къ волнамъ,
Почти у самаго залива —
Заборъ некрашеный, да ива
И ветхій домикъ: тамъ онѣ,
Вдова и дочь, его Параша,
Его мечта... Или во снѣ
Онъ это видитъ? иль вся наша
И жизнь ничто, какъ сонъ пустой
Насмѣшка рока надъ землей?
И онъ, какъ будто околдованъ [1],

---

*) Графъ Милорадовичъ и генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ. (Пр. Пушк.).

[1] И онъ какъ будто околдованъ,
Какъ будто силой злой прикованъ
Недвижно къ мѣсту одному,
И нѣтъ возможности ему
Перелетѣть! Грозa пируетъ,
Мостовъ ужъ нѣтъ, исчезъ народъ;

далъ рожею на ногѣ и жилъ внизу. „Правда это или нѣтъ — не ручаемся; знаемъ только, что дворцовыя кухни были залиты, и населеніе дворца въ этотъ день оставалось безъ обѣда. Вѣрно также и то, что сначала ужасъ, а потомъ тяжкое уныніе овладѣли Александромъ Павловичемъ“. („Пушкинъ“, г. Бартенева, 1881, I, 195).

Какъ будто къ мрамору прикованъ,
Сойти не можетъ! Вкругъ него
Вода—и больше ничего.
И обращенъ къ нему спиною
Въ неколебимой вышинѣ,
Надъ возмущенною Невою,
Сидитъ съ простертою рукою
Гигантъ на бронзовомъ конѣ.

Часть вторая.

Но вотъ насытясь разрушеньемъ [м]
И наглымъ буйствомъ утомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своимъ любуясь возмущеньемъ [н]
И покидая съ небреженьемъ
Свою добычу. Такъ злодѣй,
Съ свирѣпой шайкою своей
Вь село ворвавшись, ловитъ [о], рѣжетъ,
Крушитъ и грабитъ; вопли, скрежетъ,
Насилье, брань, тревога, вой!...
И грабежомъ отягощенны,
Боясь погони, утомленны,
Спѣшатъ разбойники домой,
Добычу на пути роняя.

Вода сбыла, и мостовая
Открылась. И Евгеній мой
Спѣшитъ душою замирая,
Въ надеждѣ, страхѣ и тоскѣ
Къ едва смирившейся рѣкѣ.
Но торжествомъ побѣды полны,
Еще кипѣли злобно волны,
Какъ бы подъ ними тлѣлъ огонь;
Еще ихъ пѣна покрывала,
И тяжело Нева дышала,
Какъ съ битвы прибѣжавшій конь.
Евгеній смотритъ: видитъ лодку [р];
Онъ къ ней бѣжитъ какъ на находку;
Онъ перевозчика зоветъ—
И перевозчикъ беззаботный
Его за гривенникъ охотно
Черезъ волны страшныя везетъ.

И долго съ бурными волнами
Боролся опытный гребецъ,
И скрыться въ глубь межъ ихъ рядами
Всечасно съ дерзкими пловцами
Готовъ былъ челнъ—и наконецъ
Достигъ онъ берега.
Несчастный
Знакомой улицей бѣжитъ
Въ мѣста знакомыя. Глядитъ...
Узнать не можетъ: видъ ужасный!
Все передъ нимъ завалено,
Чтǒ сброшено, чтǒ снесено;
Скривились домики; другіе
Совсѣмъ обрушились; иные
Волнами сдвинуты; кругомъ,
Какъ будто въ полѣ боевомъ,
Тѣла валяются. Евгеній
Стремглавъ, не помня ничего,
Изнемогая отъ мученій,
Бѣжитъ туда, гдѣ ждетъ его
Судьба съ невѣдомымъ извѣстьемъ,

Нева на площади бунтуетъ!
Несчастный молча негодуетъ,
И прямо передъ нимъ изъ водъ
Возникнулъ мѣдною главою
Кумиръ на бронзовомъ конѣ,
Невѣ безумной въ тишинѣ
Грозя недвижною рукою (Вар. рукоп.).

[м] возмущеньемъ. — [н] разрушеньемъ. — [о] ломитъ. — [п] И жжетъ и грабитъ; вопли, скрежетъ (Младенцы плачутъ; вопли, скрежетъ) (Вар. рукоп.).

[р] Евгеній смотритъ, видитъ лодку,
Неоцѣненную находку!
Сюда! онъ машетъ, онъ зоветъ (Вар. рукоп.).

Какъ съ запечатаннымъ письмомъ.
И вотъ бѣжитъ ужъ онъ предмѣстьемъ,
И вотъ заливъ, и близокъ домъ...
Что жъ это?
Онъ остановился,
Пошелъ назадъ—и воротился.
Глядитъ... идетъ... еще глядитъ:
Вотъ мѣсто, гдѣ ихъ домъ стоитъ;
Вотъ ива. Были здѣсь ворота,
Снесло ихъ, видно. Гдѣ же домъ?
И полонъ сумрачной заботы,
Все ходитъ, ходитъ онъ кругомъ,
Толкуетъ громко самъ съ собою—
И вдругъ, ударя въ лобъ рукою,
Захохоталъ.
Ночная мгла
На городъ трепетный сошла;
Но долго жители не спали
И межъ собою толковали
О днѣ минувшемъ.
Утра лучъ
Изъ-за усталыхъ блѣдныхъ тучъ
Блеснулъ надъ тихою столицей—
И не нашелъ уже слѣдовъ
Бѣды вчерашней. Багряницей
Уже прикрыто было зло.
Въ порядокъ прежній все вошло.
Уже по улицамъ свободнымъ,
Съ своимъ безчувствіемъ холоднымъ,
Ходилъ народъ. Чиновный людъ,
Покинувъ свой ночной пріютъ,
На службу шелъ. Торгашъ отважный,
Не унывая, открывалъ
Невой ограбленный подвалъ,
Сбираясь свой убытокъ важный
На ближнемъ выместить. Съ дворовъ
Свозили лодки.
Графъ [с] Хвостовъ [1]),
Поэтъ [т], любимый небесами,
Ужъ пѣлъ [у] безсмертными стихами
Несчастье невскихъ береговъ.

Но бѣдный, бѣдный мой Евгеній...
Увы! его смятенный умъ
Противъ ужасныхъ потрясеній
Не устоялъ. Мятежный шумъ
Невы и вѣтровъ раздавался
Въ его ушахъ. Ужасныхъ [ф] думъ
Безмолвно полонъ, онъ скитался;
Его терзалъ какой-то сонъ.
Прошла недѣля, мѣсяцъ—онъ
Къ себѣ домой не возвращался.
Его пустынный уголокъ
Отдалъ въ наймы, какъ вышелъ срокъ,
Хозяинъ бѣдному поэту.
Евгеній за своимъ добромъ
Не приходилъ. Онъ скоро свѣту
Сталъ чуждъ. Весь день бродилъ пѣшкомъ,
А спалъ на пристани; питался
Въ окошко поданнымъ кускомъ;
Одежда ветхая на немъ
Рвалась и тлѣла. Злыя дѣти
Бросали камни вслѣдъ ему;
Нерѣдко кучерскія плети
Его стегали, потому
Что онъ не разбиралъ дороги [х]
Ужъ никогда; казалось, онъ
Не примѣчалъ. Онъ оглушенъ
Былъ шумомъ внутренней тревоги [ц].

[с] и Хвостовъ. — [т] Піитъ. — [у] Воспѣлъ. — [ф] Недвижныхъ. — [х] Что было все ему дорогой—И дворъ и улица, но онъ...
[ц] Былъ чудной, внутренней тревогой (Вар. рукоп.).

---

[1]) О гр. Хвостовѣ см. т. I, стр. 18, вын. 25.

И такъ онъ свой несчастный вѣкъ
Влачилъ — ни звѣрь, ни человѣкъ,
Ни то, ни сё — ни житель свѣта,
Ни призракъ мертвый... [1])
Разъ онъ спалъ
У невской пристани. Дни лѣта
Клонились къ осени. Дышалъ
Ненастный вѣтеръ. Мрачный валъ
Плескалъ на пристань, ропща пени
И бьясь о гладкія ступени,
Какъ челобитчикъ у дверей
Ему не внемлющихъ судей.
Бѣднякъ проснулся. Мрачно было;
Дождь капалъ; вѣтеръ вылъ уныло —
И съ нимъ вдали, во тьмѣ ночной,
Перекликался часовой..
Вскочилъ Евгеній, вспомнилъ живо
Онъ прошлый ужасъ; торопливо
Онъ всталъ, пошелъ бродить, и вдругъ
Остановился, и вокругъ
Тихонько сталъ водить очами
Съ боязнью дикой на лицѣ.
Онъ очутился подъ столбами
Большого дома. На крыльцѣ
Съ подъятой лапой, какъ живые,
Стояли львы сторожевые,
И прямо въ темной вышинѣ,
Надъ огражденною скалою,
Гигантъ съ простертою рукою
Сидѣлъ на бронзовомъ конѣ *).

Евгеній вздрогнулъ. Прояснились
Въ немъ страшно мысли. Онъ узналъ
И мѣсто, гдѣ потопъ игралъ,
Гдѣ волны хищныя толпились [ч],
Бунтуя злобно вкругъ него,
И львовъ, и площадь, и Того,
Кто неподвижно возвышался [2])
Во мракѣ мѣдною [ш] главой,
Того, чьей волей роковой
Надъ моремъ городъ основался...
Ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ! [щ]
Какая дума [ъ] на челѣ!
Какая сила [ы] въ немъ сокрыта!
А въ семъ конѣ [ь] какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь [ѣ],
И гдѣ опустишь ты копыта?
О, мощный властелинъ судьбы! [э]
Не такъ ли ты надъ самой бездной [ю],
На высотѣ, уздой желѣзной [я]
Россію вздернулъ на дыбы?..

---

*) См. описаніе памятника въ Мицкевичѣ. Оно заимствовано изъ Рубана — какъ замѣчаетъ самъ Мицкевичъ. (Пр. Пушк.).

[ч] ярыя носились. — [ш] гордою. — [щ] Какъ грозенъ онъ стоитъ во мглѣ! — [ъ] сила. — [ы] дума. — [ь] А въ звѣрѣ семъ. — [ѣ] Куда вскакалъ ты, мѣдный конь? — [э] О мощный царь, о мужъ судьбы! — [ю] уздой желѣзной. — [я] надъ самой бездной.

---

[1]) См. стих.: „Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума“ (I, № 225).

[2]) Въ передѣлкѣ Жуковскаго (въ текстѣ „Современника“):

Кто неподвижно возвышался
Во мракѣ мѣдной головой
И съ распростертою рукой
Какъ будто градомъ любовался.
Безумецъ бѣдный обошелъ
Кругомъ скалы съ тоскою дикой,
И надпись яркую прочелъ,
И сердце скорбію великой
Стѣснилось въ немъ. Его чело
Къ рѣшеткѣ хладной прилегло,
Глаза подернулись туманомъ...
По членамъ холодъ пробѣжалъ,
И вздрогнулъ онъ — и мраченъ сталъ
Предъ дивнымъ русскимъ Великаномъ.
И перстъ свой на него поднявъ,
Задумался... Но вдругъ стремглавъ...

Кругомъ подножія кумира
Безумецъ бѣдный обошелъ,
И взоры дикіе навелъ
На ликъ Державца полуміра.
Стѣснилась грудь его. Чело
Къ рѣшеткѣ хладной прилегло,
Глаза подернулись туманомъ,
По сердцу пламень пробѣжалъ,
Вскипѣла кровь: онъ мрачно сталъ
Предъ горделивымъ истуканомъ —
И зубы стиснувъ, пальцы сжавъ [д],
Какъ обуянный силой черной [е]:
„Добро, строитель чудотворный!“
Шепнулъ онъ, злобно задрожавъ:
„Ужо тебѣ!“ И вдругъ стремглавъ
Бѣжать пустился. Показалось
Ему, что грознаго Царя,
Мгновенно гнѣвомъ возгоря,
Лицо тихонько обращалось...
И онъ по площади пустой
Бѣжитъ, и слышитъ за собой,
Какъ будто грома грохотанье,
Тяжело-звонкое [а] скаканье
По потрясенной мостовой—
И, озаренъ луною блѣдной,
Простерши руку въ вышинѣ,
За нимъ [б] несется Всадникъ Мѣдный
На звонко [в] скачущемъ конѣ —
И во всю ночь, безумецъ бѣдный
Куда стопы ни обращалъ,
За нимъ повсюду Всадникъ Мѣдный
Съ тяжелымъ топотомъ скакалъ.

И съ той поры, когда случалось
Итти той площадью ему,
Въ его лицѣ изображалось
Смятенье; къ сердцу своему
Онъ прижималъ поспѣшно руку,
Какъ бы его смиряя муку;
Картузъ изношенный снималъ,
Смущенныхъ глазъ не подымалъ,
И шелъ сторонкой.

Островъ малый
На взморьѣ виденъ. Иногда
Причалитъ съ неводомъ туда
Рыбакъ, на ловлѣ запоздалый;
И бѣдный ужинъ свой варитъ,
Или чиновникъ посѣтитъ,
Гуляя въ лодкѣ, въ воскресенье,
Пустынный островъ. Не взросло
Тамъ ни былинки. Наводненье
Туда, играя, занесло
Домишко ветхій. Надъ водою
Остался онъ какъ черный кустъ —
Его прошедшею весною
Свезли на баркѣ. Былъ онъ пустъ
И весь разрушенъ. У порога
Нашли безумца моего...
И тутъ же хладный трупъ его
Похоронили, ради Бога.

31 ноября 1833. Болдино.

[д] И перстъ съ угрозою поднявъ. — [е] Шепнулъ, волнуемъ мыслью черной: Добро, строитель... [а] Тяжеломѣрное.
[б] Вдали.—[в] тяжко.

28. Странникъ.

(1834).

Это стихотворенiе есть передѣлка начала I главы изъ книги: „Путешествiе пилигрима въ небесную страну и Духовная война“ [1]), аллегорическаго разсказа Джона Буньяна (1628—1688). Вотъ близкiй переводъ соотвѣтствующаго „Страннику“ мѣста:

„Странствуя по дикой пустынѣ этого мiра, я набрелъ на одно мѣсто, гдѣ находилась пещера. Тамъ я легъ отдохнуть. Когда я заснулъ, приснился мнѣ сонъ:

„Вижу человѣка, одѣтаго въ грязныя рубища, который стоялъ неподвижно на дорогѣ, спиной къ своему жилищу. Въ рукахъ его была книга, а на спинѣ тяжелое бремя. Гляжу—онъ открываетъ книгу и читаетъ, но почему-то вдругъ залился слезами и задрожалъ. Потомъ, какъ бы не въ силахъ превозмочь тревожнаго чувства, онъ воскликнулъ отчаяннымъ голосомъ: „Что мнѣ дѣлать?“

„Въ этомъ грустномъ расположенiи духа онъ вернулся къ себѣ домой и, насколько могъ, превозмогалъ себя, чтобы жена его и дѣти не замѣтили его скорби. Не долго удалось ему скрывать передъ ними душевное страданiе, такъ какъ оно постоянно усиливалось. Наконецъ рѣшился онъ высказаться семейству и обратился къ нему со словами: „О, милая моя жена и возлюбленныя дѣти! я, другъ вашъ, внѣ себя отъ горя, отъ тяжелаго бремени, которое сильно меня гнететъ. Притомъ я узналъ достовѣрно, что нашъ городъ будетъ сожженъ небеснымъ огнемъ, и мы всѣ погибнемъ неминуемо, если не найдемъ пути (котораго я пока еще не знаю), по которому только и возможно спастись отъ ужасной смерти“.

„При этихъ словахъ всѣ его близкiе сильно опечалились и изумились, не потому, чтобы повѣрили его рѣчамъ, но потому, что сочли его обезумѣвшимъ, и какъ приближалась ночная пора, они рѣшили, что нѣсколько часовъ отдыха успокоютъ его мозговое волненiе, и убѣдили его лечь въ постель. Однако ночь прошла безъ сна, и безпокойство не уменьшалось. До самаго утра онъ плакалъ и вздыхалъ. На другой день жена его и дѣти пришли освѣдомиться о его здоровьи. Отвѣтъ былъ, что ему все хуже и хуже, и тутъ онъ снова заговорилъ съ ними о смущающей его мысли. Это привело ихъ въ раздраженiе. Сперва они пытались заглушить его разстроенное воображенiе жесткими и рѣзкими упреками, потомъ старались разсѣять пустой болтовней, тамъ опять принимались его бранить, и наконецъ стали избѣгать всякаго съ нимъ сообщенiя. Онъ сталъ также уединяться, молился за нихъ, жалѣлъ, что они ему не хотятъ вѣрить, и оплакивалъ свое собственное горькое положенiе. Иногда ходилъ онъ прогуливаться въ одиночествѣ по широкому полю, читая или молясь, и такимъ образомъ провелъ онъ нѣсколько дней.

„Вотъ вижу я его однажды скитающимся по полю и, по обыкновенiю, занятымъ чтенiемъ книги: мнѣ показалось, что онъ сталъ еще мрачнѣе. Вдругъ онъ снова громко воскликнулъ: „Что мнѣ дѣлать, чтобы спастись?“

---

[1]) The pilgrim's progress from this | world to that which is to come.

„Я видѣлъ, какъ онъ рѣшительно и боязливо озирался во всѣ стороны, какъ будто отыскивая путь, по которому слѣдуетъ ему бѣжать. Между тѣмъ онъ не трогался съ мѣста, не зная, который изъ многихъ ему избрать. Но вотъ, вижу, подходитъ къ нему человѣкъ, по имени Благовѣститель (Evangelist) и спрашиваетъ: „О чемъ ты плачешь?"

„Онъ отвѣчалъ: „А вотъ, эта книга, которую теперь читаю, убѣждаетъ меня, что я осужденъ на смерть, а послѣ долженъ предстать на судилище, а я сознаюсь, что ужасаюсь перваго и не въ силахъ выдержать другое.

„Тогда сказалъ ему Благовѣститель: „Но почему же ты ужасаешься смерти, когда жизнь исполнена столькихъ золъ?"—Онъ отвѣчалъ: „А потому, что боюсь, какъ бы это тяжелое бремя на спинѣ не потянуло меня ниже самой могилы, и я тогда упаду въ адъ. А если не гожусь для тюрьмы, то безъ сомнѣнія меня еще болѣе страшатъ судилище и казнь. И всѣ эти мысли вызвали у меня слезы отчаянія".

„На это возразилъ Благовѣститель: „Ежели твое положеніе таково, почему же ты не трогаешься съ мѣста?"

— Потому, отвѣчалъ онъ, что не знаю, куда мнѣ итти.

„Тутъ Благовѣститель вручилъ ему свертокъ изъ пергамента, на которомъ было написано: „Бѣги отъ наступающаго гнѣва!"

Прочитавъ эти слова, человѣкъ внимательно взглянулъ на Благовѣстителя и спросилъ: „Но куда же мнѣ бѣжать?"—Указавъ пальцемъ въ даль по широкому полю, тотъ сказалъ: „Видишь ли тамъ, вдали, Тѣсныя Врата?"— „Нѣтъ", отвѣчалъ человѣкъ.

— „Ну", продолжалъ Благовѣститель, „не видишь ли вдалекѣ блестящій свѣтъ?"—Кажется, что свѣтъ я вижу издали.—„Старайся же, чтобы этотъ свѣтъ всегда быдъ передъ твоимъ взоромъ", сказалъ Благовѣститель, „и ступай по направленію къ нему. Ты тогда дойдешь до Тѣсныхъ Вратъ, постучись, и тебѣ скажутъ, какъ поступать далѣе".

„Вижу я, будто человѣкъ опрометью пустился бѣжать въ указанную сторону. Не успѣлъ онъ еще очень удалиться отъ своего дома, какъ жена его и дѣти, увидѣвъ его бѣгущимъ отъ нихъ, подняли громкій вопль, умоляя его вернуться. Но онъ заткнулъ себѣ уши пальцами и побѣжалъ еще скорѣе, восклицая: „Жизнь, жизнь, вѣчная жизнь!" Онъ даже не обернулся, чтобы взглянуть на нихъ, но пустился бѣгомъ къ срединѣ поля.

„Всѣ его сосѣди по дому вышли также смотрѣть на него. Нѣкоторые насмѣхались надъ нимъ, другіе угрожали ему, а иные кричали ему, чтобы онъ возвратился назадъ. Двое рѣшились вернуть его во что бы то ни стало.

„Одного изъ нихъ называли Упрямымъ (Obstinate), а другого Сговорчивымъ (Pliable). Въ это время бѣжавшій былъ уже далеко, но они все-таки рѣшились догнать его и пустились за нимъ въ погоню. Въ самомъ дѣлѣ они вскорѣ настигли его.

„Тогда онъ ихъ спросилъ: „Сосѣди, зачѣмъ это вы сюда прибѣжали?"

— Затѣмъ, отвѣчали они, чтобы убѣдить тебя вернуться съ нами домой.

„Но онъ возразилъ: „Этого никакъ не можетъ быть. Вы живете въ городѣ Разрушеніе (мѣсто, гдѣ и я родился), но теперь я узналъ, что это за мѣсто. Когда вы умрете, рано или поздно, то низвергнитесь глубже самой могилы, туда, гдѣ вѣчно пылаютъ огонь и сѣра. Успокойтесь, добрые сосѣди, и пойдемте лучше вмѣстѣ со мной".

„Стихотвореніе это, составляющее поэму", замѣчаетъ Анненковъ

(1855), „само по себѣ открываетъ то глубокое духовное начало, которое уже проникло собой мысль поэта, возвысивъ ее до образовъ, принадлежащихъ по характеру своему образамъ чисто-эпическимъ. Что это не было въ Пушкинѣ отдѣльной поэтической вспышкой, свидѣтельствуютъ многія послѣдующія его стихотворенія, какъ: „Молитва“ (1836), „Подражаніе итальянскому“ (1836)... Лучшимъ доказательствомъ постояннаго, опредѣленнаго направленія служатъ опять рукописи поэта. Въ нихъ мы находимъ, что онъ прилежно изучалъ повѣствованія Четьихъ Миней и Пролога какъ въ формѣ, такъ и въ духѣ ихъ. Между прочимъ онъ выписалъ изъ послѣдняго благочестивое сказаніе, имѣющее сильное (?) сходство съ самой пьесой: „Странникъ“. „Вложи (діаволъ) убо ему мысль о родителяхъ, яко жалостію сокрушатися сердцу его, воспоминающи велію отца и матере любовь, юже къ нему имѣша. И глаголаше ему помыслъ: что нынѣ творятъ родители твои безъ тебя, колико многую имутъ скорбь и тугу и плачъ о тебѣ, яко невѣдающимъ имъ отшелъ еси. Отецъ плачетъ, мать рыдаетъ, братія сѣтуютъ, сродницы и ближнія жалѣютъ по тебѣ, и весь домъ отца твоего въ печали есть, тебѣ ради. Еже воспоминаше ему лукавый богатство и славу родителей, и честь братій его, и различная мірская суетствія во умъ его привождаше. День же и нощь непрестанно таковыми помыслами смущаше его яко уже изнемощи ему тѣломъ, и еле живу быти. Ово бо отъ великаго воздержанія и иноческихъ подвиговъ, ово же отъ смущенія помысловъ изсше яко скудель крѣпость его, и плоть его бѣ яко трость вѣтромъ колеблема“.

Въ другой разъ Пушкинъ переложилъ на простой языкъ, доступный всякому человѣку, даже весьма мало искушенному въ грамотѣ — повѣствованіе Пролога о житіи Преподобнаго Саввы Игумена. Записка эта сохраняется въ его бумагахъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Декабря 3, Преставленіе Преподобнаго отца нашего Саввы, Игумена Святыя обители Пресвятой Богородицы, что на Сторожехъ, новаго Чудотворца (Изъ Пролога)“. Въ 1835 году онъ участвовалъ и совѣтомъ и, если не ошибаемся, самимъ дѣломъ въ составленіи „Словаря историческаго о Святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви“, который предпринялъ тоже одинъ изъ бывшихъ Лицейскихъ воспитанниковъ. Когда вышла книга (въ 1836 году), онъ отдалъ отчетъ о ней въ своемъ журналѣ „Современникѣ“, гдѣ удивляется, между прочимъ, людямъ, часто не имѣющимъ понятія о жизни того Святаго, имя котораго носятъ отъ купели до могилы [1]). Всѣ эти свидѣтельства совершенно сходятся съ показаніями друзей поэта, утверждающихъ, что въ послѣднее время онъ находилъ неистощимое наслажденіе въ чтеніи Евангелія, а многія молитвы, казавшіяся ему наиболѣе исполненными высокой поэзіи, заучивалъ наизусть“.

По замѣчанію Достоевскаго (1880), „Странникъ“ есть „почти буквальное переложеніе первыхъ трехъ страницъ изъ странной мистической книги, написанной въ прозѣ, одного древняго англійскаго религіознаго сектатора. Но развѣ это только переложеніе? Въ грустной и восторженной музыкѣ этихъ стиховъ чувствуется самая душа сѣвернаго протестантизма англійскаго ересіарха, безбрежнаго мистика съ его тупымъ мрачнымъ и непреоборимымъ стремленіемъ и со всѣмъ безудержемъ мистическаго мечтанія. Читая эти странныя

[1]) Въ 1836 г. писалъ онъ Языкову: „Пришлите мнѣ ради Бога „Стихъ объ Алексѣѣ Бож. Человѣкѣ“ и еще какую-нибудь легенду — нужно“. (Матер. Анн. 407).

стихи, вамъ какъ бы слышится духъ вѣковъ реформаціи, вамъ понятенъ становится наконецъ этотъ воинственный огонь начинавшагося протестантизма, понятна становится наконецъ самая исторія, и не мыслью только, а какъ будто вы сами тамъ были, прошли мимо вооруженнаго стана сектантовъ, пѣли съ нимъ ихъ гимны, плакали вмѣстѣ съ ними въ ихъ мистическихъ восторгахъ и вѣровали вмѣстѣ съ ними въ то, во что они повѣрили".—Упомянувъ о „Подражаніи Корану" и „Египетскихъ ночахъ", Достоевскій продолжаетъ: „Не было поэта съ такою всемірною отзывчивостью, какъ Пушкинъ, и не въ одной только отзывчивости тутъ дѣло, а въ изумляющей глубинѣ ея, а въ перевоплощеніи своего духа въ духъ чужихъ народовъ, перевоплощеніи почти совершенномъ, а потому и чудеснымъ"...

Напеч. впервые въ дополн. томѣ посмертнаго изданія.

I.

Однажды, странствуя среди долины дикой,
Незапно былъ объятъ я скорбію великой
И тяжкимъ бременемъ подавленъ и согбенъ,
Какъ тотъ, кто на судѣ въ убійствѣ уличенъ.
Потупя голову, въ тоскѣ ломая руки,
Я въ вопляхъ изливалъ души пронзенной муки
И горько повторялъ, метаясь какъ больной:
Что дѣлать буду я? что станется со мной?

II.

И такъ я, сѣтуя, въ свой домъ пришелъ обратно.
Уныніе мое всѣмъ было непонятно.
При дѣтяхъ и женѣ сначала я былъ тихъ
И мысли мрачныя хотѣлъ таить отъ нихъ;
Но скорбь часъ отъ часу меня стѣсняла болѣ —
И сердце наконецъ открылъ я по неволѣ.
„О горе, горе намъ! Вы, дѣти, ты, жена",
Сказалъ я, „вѣдайте: моя душа полна
Тоской и ужасомъ; мучительное бремя
Тягчитъ меня. Идетъ!... Ужъ близко, близко время:
Нашъ городъ пламени и вѣтрамъ обреченъ:
Онъ въ угли и золу вдругъ будетъ обращенъ—
И мы погибнемъ всѣ, коль не успѣемъ вскорѣ
Обрѣсть убѣжище—а гдѣ?... О горе, горе!"

III.

Мои домашніе въ смущеніе пришли
И здравый умъ во мнѣ разстроеннымъ почли.
Но думали, что ночь и сна покой цѣлебный
Охолодятъ во мнѣ болѣзни жаръ враждебный.
Я легъ, но во всю ночь все плакалъ и вздыхалъ,
И ни на мигъ очей тяжелыхъ не смыкалъ.
Поутру я одинъ сидѣлъ, оставя ложе.

Они пришли ко мнѣ; на ихъ вопросъ я то же,
Что прежде, говорилъ. Тутъ ближніе мои,
Не довѣряя мнѣ, за должное почли
Прибѣгнуть къ строгости. Они съ ожесточеньемъ
Меня на правый путь и бранью и презрѣньемъ
Старались обратить. Но я, не внемля имъ,
Все плакалъ и вздыхалъ, уныніемъ тѣснимъ.
И наконецъ они отъ крика утомились
И отъ меня, махнувъ рукою, отступились,
Какъ отъ безумнаго, чья рѣчь и дикій плачъ
Докучны, и кому суровый нуженъ врачъ.

IV.

Пошелъ я вновь бродить, уныньемъ изнывая
И взоры вкругъ себя со страхомъ обращая,
Какъ рабъ, замыслившій отчаянный побѣгъ,
Иль путникъ, до дождя спѣшащій на ночлегъ.
Безсонный труженикъ, влача свою веригу,
Я встрѣтилъ юношу, читающаго книгу.
Онъ тихо поднялъ взоръ и вопросилъ меня:
О чемъ, бродя одинъ, такъ горько плачу я?
И я въ отвѣтъ ему: познай мой жребій злобный;
Я осужденъ на смерть и позванъ въ судъ загробный—
И вотъ о чемъ крушусь; къ суду я не готовъ,
И смерть меня страшитъ. „Коль жребій твой таковъ“,
Онъ возразилъ, „и ты такъ жалокъ въ самомъ дѣлѣ,
Чего жъ ты ждешь? зачѣмъ не убѣжишь отселѣ?“
И я: куда жъ бѣжать? какой мнѣ выбрать путь?
Тогда: „Не видитъ ли твой взоръ чего-нибудь?“
Сказалъ мнѣ юноша, вдаль указуя перстомъ.
Я окомъ сталъ глядѣть болѣзненно-отверстымъ.
Какъ отъ бѣльма врачемъ избавленный слѣпецъ:
Я вижу нѣкій свѣтъ—сказалъ я наконецъ.
„Иди жъ“, онъ продолжалъ, „держись сего ты свѣта;
Пусть будетъ онъ тебѣ единственная мѣта,
Пока спасенья тѣсныхъ вратъ ты не достигъ;
Ступай!“ И я бѣжать пустился въ тотъ же мигъ.
Побѣгъ мой произвелъ въ семьѣ моей тревогу:
И дѣти, и жена кричали мнѣ съ порогу,
Чтобъ воротился я скорѣе. Крики ихъ
На площадь привлекли пріятелей моихъ.
Одинъ бранилъ меня, другой моей супругѣ
Совѣты подавалъ, иной жалѣлъ о другѣ;
Кто поносилъ меня, кто на смѣхъ подымалъ,
Кто силой воротить сосѣдамъ предлагалъ:
Иные ужъ за мной гнались—но я тѣмъ болѣ
Спѣшилъ перебѣжать городовое поле,
Дабы скорѣй узрѣть, оставя тѣ мѣста,
Спасенья узкій путь и тѣсныя врата!...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЭПИЧЕСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ 2-го ТОМА.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.